

ИСТОРИЯ
РОССИИ
СОВРЕМЕННЫЙ
ВЗГЛЯД

ИСТОРИЯ
РОССИИ
СОВРЕМЕННЫЙ
ВЗГЛЯД

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

СОВЕТСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

От Великой Победы до наших дней

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

От Великой Победы до наших дней

ЭКСМО

СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА

**СОВЕТСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

Книга вторая

От Великой Победы
до наших дней

ЭКСМО-ПРЕСС

Москва, 2002

АЛГОРИТМ

ББК 63.3(2)
К 21

Оформление художника *А. Старикова*

Кара-Мурза С. Г.
К 21 Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 768 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).

ISBN 5-04-009983-5

Эта книга посвящена послевоенному периоду Советского государства и завершается уничтожением СССР в «перестроечное» время.

На основе богатейшего фактического материала автор анализирует четыре этапа рассматриваемого периода: восстановительный и завершение сталинизма (1945—1953 гг.); «реформы Хрущева» и «оттепель» (1953—1964 гг.); «период застоя» (1965—1985 гг.); «перестройка» (1985—1991 гг.).

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-04-009983-5

© Кара-Мурза С. Г., 2002
© ООО «Алгоритм-Книга», 2002
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2002

Часть I

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД *(до перестройки 1985—1991 гг.)*

После победы в Великой Отечественной войне и капитуляции Японии 3 сентября 1945 г. начался совершенно новый период в жизни советского государства. Он оказался самым трудным и завершился уничтожением как СССР и его государственной системы, так и созданного этим государством жизнеустройства (этот процесс еще не вполне завершен). Но на первых порах советское государство было исключительно крепким: оно второй раз прошло «легитимацию кровью».

Послевоенный период делится на четыре этапа, которые частично перекрываются во времени и имеют условные названия:

- восстановительный период и завершение сталинизма (1945—1953 гг.);
- «реформы Хрущева» и «оттепель» (1953—1964 гг.);
- «период застоя» (1965—1985 гг.);
- «перестройка» (1985—1991 гг.).

Все эти периоды отражают четыре крупные социально-философские доктрины, тесно связанные с мировыми процессами и с переменами в общественной мысли. Суть их выражается не в зигзагах, дефектах личностей или ошибочных решениях. Каждый этап имел свой вектор и был крупным, важным для мира и опасным для России экспериментом.

Глава 1

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Первый этап послевоенного периода был продолжением «мобилизационного социализма» 30-х годов, но на радостной ноте, с настроением победителей. Дискуссий о том, проводить ли восстановление форсированным темпом (а значит, сохраняя черты тоталитарного общества) или шадающим образом (с либерализацией), не было. По сути, не было и выбора, энергия войны была столь велика и имела такую инерцию, что ее можно было лишь «переключить» на мирное строительство. По напря-

женности оно было сходно с войной: в 1948 г. страна достигла и превзошла довоенный уровень промышленного производства, что по нормальным меркам немислимо. А в 1952 г. объем промышленного производства в 2,5 раза превысил уровень 1940 г.

Восполнить потери села было труднее: оно понесло главные потери в людях, было сожжено более 70 тыс. сел и деревень, угнано 17 млн. голов крупного рогатого скота (для сравнения: на 1 января 2001 г. в Российской Федерации имелось 27,5 млн. голов). При этом страшная засуха на значительной территории европейской части СССР в 1946 г. привела к голоду с гибелью людей и как бы «продолжила войну». Такой засухи не было в нашей стране более 50 лет. Реально в общественном сознании переход «на мирные рельсы» произошел в конце 1947 г., с отменой карточек и денежной реформой. При этой реформе малые и средние вклады в сберкассах не пострадали. Они были автоматически увеличены в 10 раз, а крупные вклады — в 3 раза.

Очень быстро после войны СССР восстановил благоприятную демографическую ситуацию, что является важным показателем состояния общества. Из приведенных ниже данных, кстати, видно, насколько несостоятельны часто упоминаемые в прессе прогнозы 1897 г., согласно которым в России к середине XX века население якобы должно было составить 540 млн. человек («если бы не советская власть»). Естественный прирост в дореволюционной России в самом благоприятном 1913 г., даже до начала массовой урбанизации, при которой резко снижается рождаемость, был ниже, чем в 1950—1960 гг.

Таблица 1. Демографическое состояние России и СССР: смертность и рождаемость (в расчете на 1 тыс. человек населения)

Годы	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1913	47,0	30,3	16,8
1940	31,3	18,1	13,2
1950	26,7	9,7	17,0
1960	24,9	7,1	17,8

Война усилила так называемое «морально-политическое единство» советского общества (*тоталитаризм*), символом которого продолжал быть культ личности И. В. Сталина. Поскольку речь идет именно о *культе*, то есть явлении иррациональном, объяснять его молодому поколению начала XXI века столь же бессмысленно, как объяснять истоки религиозной веры безбожнику. Однако это поколение обязано знать, что такое явление реально существовало полвека назад и оказывало

огромное влияние на деятельность государства и бытие народа. К тому же похоже, что «количество культа» есть в каждом поколении величина постоянная (например, в 40-е годы никто не верил астрологам и не было «культа доллара»).

В ответ на солидарность с государством, как бы в вознаграждение народу за перегрузки двух десятилетий, принципом государственной политики было сделано постоянное, хотя бы и скромное, улучшение благосостояния населения. Это выразилось, например, в крупных и регулярных снижениях цен (13 раз за 6 лет; с 1946 по 1950 г. хлеб подешевел втрое, а мясо в 2,5 раза). Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: *уверенность в завтрашнем дне* и убеждение, что жизнь может только *улучшаться*.

Условием для этого было усиление финансовой системы государства в тесной связи с планированием. Для сохранения этой системы СССР пошел на важный шаг: отказался вступить в МВФ и Международный банк реконструкции и развития, а 1 марта 1950 г. вообще вышел из долларовой зоны, переводя определение курса рубля на золотую основу. В СССР были созданы крупные золотые запасы, рубль был неконвертируемым, что позволяло поддерживать очень низкие внутренние цены и не допускать инфляции.

Восстановление промышленности и городов, как и индустриализация 30-х годов (хотя в меньшей степени), проводилось за счет деревни, из которой до середины 50-х годов изымали ресурсы. Закупочные цены на сельхозпродукцию оставались на уровне довоенных, а цены на товары для села выросли многократно. Колхозы сдавали половину продукции по государственным поставкам. Война на треть убавила число трудоспособных крестьян, особенно с образованием. Для укрепления руководства в 1949—1950 гг. было проведено укрупнение колхозов.

Вскоре после окончания войны, уже в 1946 г., возник внешний фактор, который предопределил главные критерии в работе государства, в правотворчестве и практике идеологических и репрессивных органов, — *«холодная война»*. В общественном сознании и в советское, и в нынешнее время было создано неверное представление об этом новом явлении в мировой политике (в СССР — из-за стремления разрядить обстановку, сегодня — в надежде на сближение с Западом). Сейчас, когда в США опубликованы документы первого периода *«холодной войны»*, очевидно, что это была именно война, ставящая целью *уничтожение СССР* и советского государства. Доктрина войны предписывала ведение двух параллельных программ: гонку вооружений с це-

лью истощения советской экономики и идеологическую обработку верхушки партийно-государственной номенклатуры.

У. Фостер, министр в администрации при Трумэне и при Кеннеди, обосновывал удвоение военных расходов США тем, что это «лишит русский народ трети и так очень скудных товаров народного потребления, которыми он располагает». Автор доктрины «холодной войны» Дж. Кеннан отмечал в 1965 г., что цели НАТО не могли быть достигнуты «без абсолютного военного поражения Советского Союза или без фантастического, необъяснимого и невероятного переворота в политических установках его руководителей». Первую программу СССР нейтрализовал, вторая оказалась удачной и привела Запад к победе. В советской государственности были найдены уязвимые точки.

Оборона против первой программы «холодной войны» (гонки вооружений) потребовала уже в течение восстановительного периода перестроить тип работы государственных органов для решения двух противоречивых задач: 1) конверсии огромного военно-промышленного комплекса, который сложился в ходе войны с целью быстрой модернизации хозяйства; 2) создания двух принципиально новых систем оружия, гарантирующих безопасность страны, — ядерного оружия и неуязвимых средств его доставки (баллистических ракет). Работа большого числа ведомств стала объединяться в межотраслевые целевые программы. Это был качественно новый тип государственного управления, хотя изменялась не столько структура органов, сколько функции. Эти изменения меньше заметны, нежели структурные, но государство есть система, и процесс в ней не менее важен, чем структура.

Конверсия военной промышленности была проведена быстро, повысив технический уровень гражданских отраслей (и тем самым позволив затем перейти к созданию новых военных производств). Наркомат боеприпасов был перестроен в Наркомат сельскохозяйственного машиностроения, Наркомат минометного вооружения — в Наркомат машиностроения и приборостроения, Наркомат танковой промышленности — в Наркомат транспортного машиностроения и т.д. (в 1946 г. наркоматы стали именоваться министерствами). Для управления восстановительными работами на несколько лет были созданы специализированные министерства (в том числе путем выделения из НКВД с его строительными организациями): Наркомат по строительству предприятий тяжелой индустрии, Наркомат по строительству топливных предприятий и др. В 1950 г. был учрежден Госстрой СССР.

В результате массовой эвакуации промышленности на восток и разрушения во время оккупации и боевых действий в европейской части 32 тыс. промышленных предприятий сильно

изменилась экономическая география страны. Сразу после войны началась соответствующая реорганизация системы управления — в него наряду с отраслевым стали вводить *территориальный* принцип. Смысл был в приближении органов управления к предприятиям, ради чего происходило разукрупнение министерств: во время войны их было 25, а в 1947 г. стало 34. Например, угледобычей стали теперь управлять Наркомат угольной промышленности западных районов и Наркомат угольной промышленности восточных районов. Аналогично был разделен Наркомат нефтяной промышленности.

В конце первого этапа произошел обратный процесс — укрупнение министерств (из 24 осталось 11). Становилась все более сложной проблема разделения народно-хозяйственного комплекса на управляемые «отрасли», поскольку и продукция, и технология промышленности усложнялись и становились все более «межотраслевыми». Реорганизация 1953 г. не дала эффекта, и к началу 1954 г. министерства были вновь разукрупнены (в 1954 г. их стало 25).

Некоторые изменения были связаны с новой международной обстановкой. Возникла мировая социалистическая система из 13 стран. В 1949 г. была создана межправительственная экономическая организация социалистических стран — Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Госаппарат СССР стал выполнять совершенно новую функцию — координировать работу международной системы как в гражданской, так и в военной области (в 1949 г. была создана НАТО, в 1955 г. — Организация Варшавского Договора).

Под большим влиянием изменения всей геополитической системы с образованием двух центров силы начался распад мировой колониальной системы. 1 октября 1949 г. образовалась КНР. Возникало все больше неприсоединившихся стран, многие из которых декларировали свою социалистическую ориентацию и шли на сотрудничество с СССР. Это резко расширило международную деятельность советского государства. Крупным органом стал Госкомитет по внешним экономическим связям, образованный в 1957 г.

Выдержать гонку вооружений казалось невыполнимым (на Западе СССР называли тогда «нацией вдов и инвалидов»), и важнейшей частью государственной идеологии стала в то время борьба за мир. Это нашло отражение и в праве. В 1951 г. был принят Закон «О защите мира», по которому пропаганда войны объявлялась тягчайшим преступлением, а виновные должны были предаваться суду и судиться как опасные уголовные преступники. В 1965 г. он был дополнен Указом «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и воен-

ных преступлениях, независимо от времени совершения преступления».

Опыт государственного строительства в 1945—1953 гг. показал сложность проблемы выхода из мобилизационной программы, из общества тоталитарного типа. В структуре органов власти и управления делались простые изменения — упразднялись созданные для войны звенья, убиралась классовая и революционная символика. Так, сразу после окончания войны был упразднен Госкомитет обороны и Ставка Верховного Главнокомандования. Из армии были демобилизованы 8,5 млн. человек, и ее численность составила 2,8 млн. человек. В 1946 г. Красная Армия была переименована в Советскую Армию.

Создавались и *специальные* органы, решавшие полученные от войны проблемы. Так, было создано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. За время войны на работу в Германию было насильственно вывезено 5,6 млн. советских граждан, 2,8 млн. из них там погибли, 2,6 млн. репатрированы. Одним из первых столкновений «холодной войны» было нарушение властями США, Англии и Франции договора о репатриации. Они задержали (не только пропагандой, но многих и силой) 451,5 тыс. человек «невозвращенцев», которые составили «вторую эмиграцию» из СССР.

Но тип структуры и тип процесса в государственной системе внешне не менялся. Его преобразование под воздействием изменения обстановки и общей культуры шло быстро, но постепенно, без шумных эффектов. Крупных репрессий уже не было и не могло быть, но были рецидивы («ленинградское дело», «дело врачей» и др.). Осторожно начали расширять диапазон «инакомыслия». Важным моментом было появление работы И. В. Сталина «Вопросы языкознания». Главный ее смысл заключался в том, что учение академика Н. Я. Марра, который был главой «марксистского языкознания», не может обладать монополией на истину. Этот процесс протекал с конфликтами, в которые было втянуто и государство (разгром молекулярной генетики группой Т. Д. Лысенко, более слабые попытки подавить конкурентов в других науках).

Судебные органы перестраивались на работу в мирных условиях, с обычным процессуальным порядком. В 1948—1949 гг. впервые прошли прямые выборы народных судей и заседателей. Но в уголовном праве в эти годы видны тенденции на ужесточение наказаний, связанные с ростом преступности в условиях послевоенной разрухи и трудностями адаптации к мирному труду. В 1947 г. в третий раз за советский период была отменена смертная казнь (заменена заключением в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет), однако уже в 1950 г. она была восстановлена по отношению к изменникам Родины, шпионам

и диверсантам. Вышли законы «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона» (1948 г.), об усилении уголовной ответственности за изнасилование (1948 г.) и за умышленное убийство (1954 г.).

Государство и экономика. В этот период закладывались главные трудности в саму стратегию органов государства, определяющих социальный и экономический строй, а значит, во многом и политику, — Совмин, Госплан и Госбанк. Была неясной политэкономическая основа их деятельности. Впервые после 1921 г. вновь встал вопрос: что такое *советская система хозяйства* (она называлась *социализмом*, но это — чисто условное понятие, не отвечающее на вопрос). До окончания войны жизнь ставила столь четкие и срочные задачи, что большой потребности в теории не было. Теперь надо было понять смысл плана, товара, денег и рынка в экономике СССР.

Чувствуя, что вопрос сложен и готового ответа в марксизме нет, Сталин, сколько мог, оттягивал издание учебника по политэкономии социализма. Макет учебника обсуждался на больших совещаниях с участием Сталина в 1941 и 1951 гг. Сам он работал над этим макетом несколько лет. Главный смысл его поправок заключался в том, чтобы вывести советское хозяйство из-под диктата «закона стоимости». В 1952 г. он опубликовал важную работу «Экономические проблемы социализма в СССР», где осторожно, не вступая в полемику с марксизмом, дал понимание советской экономики как нерыночного хозяйства отличной от Запада («капитализма») цивилизации. После смерти Сталина, в 1954 г., учебник был наконец издан. Хозяйство СССР стало трактоваться в категориях марксизма, теория все больше расходилась с практикой, и для идеократического государства это было началом тяжелой болезни. Из «политэкономии социализма» через 30 лет выросли идеологи «рыночной реформы».

Лирическое отступление: конец войны. В моих детских впечатлениях победный этап войны (с конца 1943 г.) и первые послевоенные годы — до конца 1947 г. — сливаются в один период. По настроению и по типу жизни. Уже возвращение домой из эвакуации было признаком перелома, а уж потом эти признаки нарастали. Отменили светомаскировку в Москве — не надо уже было вечером завешивать окна. Значит, не могли уже немецкие самолеты долететь до Москвы. Поначалу еще ходили под вечер по улицам девушки в гимнастерках, вели, держась за веревки, огромные аэростаты, которые на ночь поднимали в разных местах города, чтобы самолеты не могли летать. Мы за ними бегали гурьбой. Потом и это кончилось. Появилось много

пленных немцев, стали они разбирать руины от бомбежек. А потом и строить на этом месте новые здания.

Летом 1944 г. начались салюты в честь освобождения городов. Чуть ли не ежедневно, а порой и несколько салютов в день, так что приходилось их начинать засветло. Помню, однажды в четыре часа дня начали — и до ночи. Один кончится, другой начинается, в честь другого города. Какое счастье! С Белорусского вокзала проводили немецких пленных, иногда они шли часами, колонна во всю ширину улицы. Они ночевали на ипподроме. Однажды вели большую колонну одних офицеров, а впереди большой «отряд» из генералов. Красиво шагали, люди спокойно смотрели. Насколько я помню войну, никто не сомневался, что так и будет, — и теперь не удивлялись, глядя на пленных немцев.

Зимой жить было трудно, но не унывали. Отопления не было, спали в валенках. На кухне, как осенью разлилась на полу вода, так всю зиму был лед, как каток. Дядя Митя (полотер, слесарь и вообще мастер по всем делам в доме) сложил нам печку, трубу вывел в форточку. Ходил дядя Митя по двору всегда чуть пьяный, с трубкой в зубах, а за ним бежал маленький мальчик, очень чисто и красиво одетый, — он его усыновил, жили вдвоем. Дымила наша печка сильно — не было тяги. Взрослые уходили на работу рано, до ночи, а я сидел с маленькой двоюродной сестрой, она только стала ползать, и мы вместе ползали по полу, потому что в полуметре от пола уже был такой дым, что дышать было нельзя. Граница дыма была резкая.

Я вырос, нужна была обувь, и мы поехали куда-то далеко, в темноте, заказывать мне чоботы. Их делал один человек, на окраине, у него была целая мастерская. Мы привезли ему ткани от старых пальто, ваты, и он мне сделал хорошие стеганые чоботы, на них добыли галоши, и я был очень доволен. Портнихи ходили шить по домам. Все люди перешивали вещи детям из военной формы. Мне сделали хороший китель. Запасы обмундирования в семьях были такие большие, что из нее шили до середины 50-х годов. В университет я, например, пошел в прекрасных брюках из зеленого сукна — только голубые кантики выпороли. И куртку мне сшили составную, с молнией. Выделялись как раз те, кто ходил в костюме не из военной ткани.

Работы у портних было много, они со всеми дружили и очень боялись «фина», всегда об этом говорили. Я тогда уже начал читать, да и по радио хорошие вещи передавали, я знал про «фина» в «Руслане и Людмиле» и немного удивлялся, что его боялись. Слово «фининспектор» тогда не употреблялось. К нам ходила портниха — татарка из Крыма. Фамилия Кара-Мурза там известна, мой дед по отцу был из Крыма, и она к моей матери была расположена, с доверием. Когда Крым освободили, она

плакала, говорила очень взволнованно. Потом успокоилась, все повторяла: «Слава богу! Слава богу!» Я не очень-то понимал, о чем речь, потом только сопоставил и понял. Портниха боялась за родственников-татар. Думала, что их будут судить за сотрудничество с немцами, а это по законам военного времени была бы верная смерть. Когда стало известно, что лично судить никого не стали, а всех татар выселили из Крыма, она была счастлива. Когда пришло сообщение о гибели моего отца, эта портниха сильно плакала.

Такие сообщения почему-то сразу становились известны во дворе, всем сверстникам. Даже не знаю как. Сочувствие и поддержка двора оказывали очень сильное действие. Сверстников, которые составляли одну группу, было у нас человек двадцать, старших мы не касались, младших тоже мало, только если приходилось за ними присматривать. Трудно сказать, в чем заключалась поддержка то одному, то другому осиротевшему. Никаких видимых ее признаков или особых выражений я припомнить не могу, все эти признаки в отдельности были небольшими. Но точно помню, что это была большая сила. Жаль, научиться ей, видимо, нельзя, с возрастом пропадает.

Когда погиб в Маньчжурии отец (это было 22 августа 1945 г., война уже почти кончилась, и самолет, на котором он летел, видимо, сбита какая-то из разрозненных групп японцев), мы поехали к родителям отца. Бабушка сказала нам с сестрой: «Дети, ваш папа выпрыгнул с парашютом и сломал ногу. Сейчас он лежит в госпитале». Я слушал и думал: зачем она это говорит? Может быть, сама надеется? И пришлось весь вечер делать вид, что я в это верю.

В последний год войны в Москве было совсем мало мужчин, а здоровых почти не было. Если на улице попадался мужчина в штатском без костылей, с руками и ногами, на него оглядывались с удивлением и недоверием. Такой человек воспринимался как что-то странное, ненормальное, я помню это ощущение. Через Москву пролегали пути многих военных — и в отпуск, и по службе, и, после войны, с фронта. И у нас дома всегда кто-то ночевал из родственников или их друзей. Как ни проснешься утром — кто-то спит на полу, рядом сапоги, на стуле портупеи. Больше офицеры, но иногда и солдаты — в углу винтовка, русский штык острием вниз. Подойду, потрогаю пальцем кончик штыка. Острый. Бывали и девушки-медсестры. В шинели, пилотке они были красавицами. На одной женился мой дядя Ваня.

Другой дядя, Николай, летчик, много раз приезжал в Москву получать ордена, даже в Кремле — ордена Ленина. Родственники, кто мог, собирались, праздновали, орден подвешивали на нитку, окунали в водку. Однажды он позвал меня полететь с

ним в кабине его самолета в Ленинград, потом вернуться. Он летел с каким-то срочным заданием. Но мать была на работе, и я не решился без спросу. Потом часто жалел.

Летчиком дядя мой был классным, новатором, разработал особый способ выхода из штопора. Приехал он в Москву учиться на математика, поступил в вуз, но тут призыв добровольцев в авиацию, и он ушел, хотя математику очень любил. После войны окончил еще одну военную академию и был назначен командиром полка стратегических бомбардировщиков в Пярну, в Эстонии. Я после 9-го класса, в 1955 г., ездил к нему на мотоцикле, торчал у него на аэродроме, видел их жизнь. Дома он почти не бывал, все время в полку, да и сам летал. Вышел в запас в 42 года, с выслугой в 40 лет службы — за счет полетов. Мне казался в тот год глубоким стариком. Наконец смог пойти учиться на математический факультет и стал учителем математики. Умер он в начале перестройки. На похороны пришел взвод солдат давать салют тремя залпами. Солдаты переговаривались, удивлялись, сколько у покойника орденов. Тогда как раз начали кампанию против «военной номенклатуры». Я стоял около тех солдат и думал, соотносят ли они что-нибудь. Хоронили они типичного представителя советской военной номенклатуры. После смерти он не оставил никакого имущества. Даже старый летный шлем, что он мне дал в Москве зимой 1945 г., когда в комнатах была температура ниже нуля и я в нем спал, а потом ходил в нем в школу, он у меня забрал, когда выходил в запас, — пришлось вернуть.

Жили мы на Ленинградском проспекте, около бывшего ресторана «Яр». В нем, кстати, после войны заседали представители держав-победительниц — Бевин, Бидо, Маршалл и Молотов. Тогда шутили: «Отгадай загадку: два Бе, два Ме, а вместе ни бе ни ме». К «Яру» подкатывали большие машины с флажками, мальчишки собрались посмотреть. Не знаю, какой черт меня дернул, но я нашел какой-то железный цилиндр типа небольшого школьного пенала, крутил его в руках и вдруг взял и кинул его катиться по мостовой, как раз где шли машины. Какой-то человек кинулся и схватил цилиндрик, а другой подскочил ко мне со злым лицом. Я и не думал убежать. Первый принес эту штучку, они ее посмотрели, и один погрозил мне пальцем. Тогда я даже не сообразил, как могла быть понята моя глупая выходка.

Дом, где мы жили, был заложен в начале 30-х годов как первый в Москве кооперативный дом. Точнее, половина дома — «академическая». Другая половина называлась «генеральский дом». Дом был очень хороший, но строился медленно. Сдавали его в 1937 г. Отец и мать тогда не работали, отец был исключен из партии, мать тоже могла работать только месяца по два, пока

не приходили документы из парторганизации по старому месту работы. Тогда ее просили по-хорошему уйти, не поднимая шума, что она и делала. Но в кооперативе они оставались, деньги были уже внесены раньше, когда отец работал в Академии наук (и еще профессором МГУ). И вдруг, накануне вселения, кооператив закрыли, дом передали в Моссовет, а пайщикам велели забирать деньги. Это была трагедия, потому что родители с моей сестрой и младшей сестрой матери скитались, снимая комнату. Они бросились к дому. Какие-то посторонние люди, заранее знавшие об этом решении, вселялись в квартиры без всяких документов. Дворник сказал отцу: вселяйся куда угодно, пока можно. Так мои родители захватили жилплощадь, но уже не свою, отдельную, квартиру, а две смежные комнаты. Захватили и стали там сидеть, боясь даже ехать за вещами. Другие три комнаты заняла семья украинцев — старики, их взрослая дочь и внучка. Я их узнал, уже вернувшись из эвакуации в 1943 г., а остальное рассказываю со слов матери.

Фамилия наших соседей была Шевченко, и большой портрет Шевченко у них висел в комнате. Старики были из кулаков, но «самораскулачились» — вовремя раздали имущество родственникам и приехали в Москву, где училась в вузе их дочь. Она стала доктором медицинских наук, влиятельным человеком. Мать моя говорила, что она спасла мне жизнь, и была ей очень признательна. Зимой 1945 г. я заболел после кори менингитом, как-то сразу и тяжело. Голова просто раскалывалась. Наша соседка быстро, без формальностей и даже не вызывая врача, меня отправила в больницу на Соколиной горе. Помню, мы долго ехали на метро, потом мать везла меня на санках. Но быстрота помогла делу, я поправился. (тем более что брат отца передал для меня несколько таблеток трофейного сульфидина, который на не привыкших к нему микробов действовал безотказно).

Как только освободили Украину, к нашим соседям стали приезжать худые люди с мешками. Это их родственники привозили им продукты — пшено, сало, лук. Они добирались с невероятными трудностями, на них было страшно смотреть — в грязи, почерневшие, с воспаленными глазами. Привезут — и обратно, редко когда ночевали. Помню, один такой человек приехал вечером. А мне мать сделала ванну, и я сидел, играл с корабликами из мыльниц. Этот человек зашел ко мне и спросил: «Мальчик, можно я помою ноги?» Я сказал, что, конечно, можно. Он помыл ноги, и вода в ванной стала совершенно черной, вся. Заглянула одна дама, очень модная, работавшая на радио, она бывала в гостях у соседей. Закричала, схватила этого человека, стала вытягивать его ногу из ванны. Он оправдывался усталым, вялым голосом: «Мальчик мне разрешил». Мне каза-

лось, что я его подвел. Хорошо, что мать не стала вмешиваться, не пришла.

Понятно, что потребление у нас было скромное, но человеку не так много надо, если настроение хорошее. Мать работала до позднего вечера, приходила усталая, и я рано стал готовить сам, полюбил жарить картошку. Зато простота пиши во все дни позволяла накопить продуктов для праздника, и в войну часто собирались родные и множество знакомых, которые проходили через нашу жизнь, исчезали, но от каждого оставалось что-то особенное, какая-то искра. Собирались весело и разговаривали много, как-то поэтически, и все участвовали в одном разговоре. Все друг друга слышали.

Покупать вещи без крайней необходимости тогда еще не любили. У меня был богатый дядюшка, Павел. Он был доктор наук, известный специалист в редкой области — экономике кочевого хозяйства. Я в 1978 г. был в Монголии, в Академии наук, и там его все вспоминали — через 30 лет после того, как он там работал. А когда я сказал, что это мой дядя, то приобрел массу друзей, включая президента Академии. Так вот, этот дядя, когда я пошел в школу, завел такой порядок: я весной к нему приезжал, и он посылал со мной свою домработницу пойти по магазинам и купить мне костюм и башмаки. Мы шли и быстро приходили к общему мнению, что нечего мудрить, а надо в первом же магазине купить дешевый костюм из прочной ткани и брезентовые башмаки — я в этой одежде чувствовал себя очень хорошо. Когда возвращались, дядя ругался. Наконец решил сам пойти со мной. Ходили весь день, измучились — я не хотел покупать дорогой костюм. Потом купили шерстяной матросский костюм, зашли в ресторан и истратили такую сумму, что я впал в уныние. Матроску эту я надел всего раза два-три, потом кому-то отдал. Росли мы быстро.

Вообще, этот способ жизни — скудость в будние дни и безоглядные траты в праздники — был, по-моему, присущ тогда большинству людей. И он продлился надолго, и лишь потом, к концу 50-х, стали переходить на нынешний стиль. Хотя и тогда, заходя в дома товарищей по школе, с удивлением видел, что существует меньшинство, которое тратило деньги «равномерно» — на неужные в будни продукты и вообще вещи. А на праздники им вроде бы не хватало. Мать нас учила быть такими «неравномерными» во всех тратах, в широком смысле слова. Нам с сестрой шла пенсия за отца, по 30 рублей в месяц (в позднем, после 1961 г., исчислении). Но мать ее не трогала, жили на ее зарплату преподавателя техникума (120 руб.). Зато мне первому во дворе купили велосипед. А потом я себе купил велосипед с мотором, а потом — и мотоцикл. И каждый год, начиная с 1947-го, мы в отпуск матери ехали куда-нибудь далеко, в хо-

рошее место — на Оку, на Волгу, на море. Мать говорила: не транжирьте на ненужное, но не жалеите на то, чего очень хочется или очень нужно.

Свет ничего почти не стоил, но мать говорила, чтобы выключали каждую ненужную лампочку — а если надо, то хоть все зажги. Свет, мол, общее благо, не в деньгах дело. Тогда почти все так мыслили, и это вошло в привычку. Я в 1989 г. работал в Испании, в университете. Мне тяжело было смотреть, как студенты выходят из большой аудитории, в которой горят сотни две ламп, и ни один не поднимет руку, чтобы выключить. А дома у них все комнаты темны — экономят. Я не мог терпеть и, идя по факультету, заходил в аудитории и шелкал выключателем. Это сильно раздражало и коллег, и студентов — как будто я им колол этим глаза. Когда я им повторил слова моей матери, что, мол, каждая лампочка — это нефть, которую приходится выдавливать из земли, это им показалось так странно, будто я придумал что-то чрезвычайно оригинальное.

Помню, в шестом классе я решил устроить себе, только себе, маленький праздник, хладнокровно эгоистический. Не знаю, что на меня нашло. Я был дома один, учился во вторую смену. Пошел в магазин и купил 100 г. полукопченой колбасы, вернулся, вскипятил чайник, порезал колбасу и всю съел один. Размеренно, со вкусом. Никогда больше у меня такого желания не возникало, и я не раскаивался в том случае, но почему-то он со мной произошел. Я как будто опыт на себе поставил. А деньги у меня были — сберкнижка с пенсией за отца была на мое имя, и я тайком давал с нее займы школьным друзьям. Не все вернули долг, но было не жалко, потому что зря не просили.

Я и сам стал рано зарабатывать. Как-то, еще в младших классах, мать подарила мне пишущую машинку — трофейную, «Олимпию». Я печатал одним пальцем заметки для стенгазеты, но в седьмом классе она сказала, что это не дело. Я по объявлению пошел учиться. Одна женщина, в маленькой комнатухе, учила машинописи. Было три девушки и я, мы принесли свои машинки и приходили. Учила она хорошо, я наловчился — вслепую, десятью пальцами. В создании моего благосостояния эта машинка впоследствии сыграла огромную роль. А покауда я раздобыл работу — для Института истории СССР перепечатывать из всяких старых книг пословицы, каждую на отдельную карточку, и номер. За каждую пословицу давали 5 копеек — как раз цена пирожка с повидлом в нашем школьном буфете. Я перед школой быстро печатал десять карточек — на пирожки для нашей компании, по два на брата. Это было замечательно, да и другим кидали через весь класс. К тому же я перечитал огромную массу пословиц и особенно заковыристые приносил в школу.

Школа, кстати, была мужская, с девочками нас соединили только в 9-м классе. И то, и другое хорошо; всякое по-своему.

На этой машинке «Олимпия» я подрабатывал и студентом, делал рефераты химических журналов, и позже. В 1976 г. меня попросил сделать обзор испанских материалов Юлиан Семенов. Он руководил открытым в Испании советским корпунктом и привез целый сундук журналов. В Испании тогда шла реформа, читать было очень интересно. Потом он привез книгу мемуаров знаменитого боевика Гитлера Отто Скорцени — с дарственной надписью. Скорцени жил в Испании, и там Семенов с ним познакомился. Я выбрал из книги самые интересные места и перевел для Семенова. Отдавая мне деньги, он упрекнул меня: «Буква «ы» у вас в машинке подпрыгивает, в издательстве очень ругались». Я никак не думал, что мои куски он отдавал в издательство, даже не перепечатывая. А мне все время было лень пойти и припаять букву. На эти деньги я купил новую машинку.

Раз уж я вспомнил Юлиана Семенова, скажу о нем пару слов. Он, принадлежа к большому клану Михалковых, был, по моему, добрым и достойным человеком. В нем не было той пошлости и низости, что прорывается у молодых Михалковых — Никиты и Андрона. Но в одном важном вопросе я не согласился с Юлианом Семеновым и сейчас не согласен. Он был популярным писателем и писал о современном Западе. Тогда в США стали издаваться очень хорошие дайджесты важных статей на фундаментальные темы — для научной интеллигенции. В них отражался передний фронт общественной мысли Запада. Я предложил Юлиану Семенову брать оттуда материал для диалогов, разговоров и внутренних монологов западных персонажей. А то он брал такой материал из простейших учебников по социальной психологии. «Это, — говорю, — сильно повысит качество ваших книг, а нам будет большая польза, потому что мы плохо знаем Запад. Через ваши книги к нам будут поступать самые интересные их идеи». Он обдумал это предложение и сказал: «Да, качество повысится. Но мне, Сережа, как раз не надо качество поднимать. Я работаю точно на том уровне, что доступен массе». Я впервые видел писателя, который отказывался поднимать уровень массы, хотя сама масса тогда этого желала. Думаю, популярность Юлиана Семенова от этого несколько не упала бы. Но тут я забежал вперед.

В школу я в первый класс не ходил, нашу ближнюю разбомбили и еще не восстановили, а в дальнюю меня мать пускать не хотела — очень далеко и надо переходить большие улицы. Я учился дома, какое-то время ко мне приходил старик, устраивал что-то вроде уроков, но больше мы с ним разговаривали на самые разные темы, а читать я давно умел. Когда я болел,

мать уходила на работу, а мне давала том энциклопедии, и я ее читал, если большой температуры не было. Когда температура поднималась, я это узнавал по тому, что на потолке появлялся волчок, он крутился, жужжал и двигался по потолку, и меня охватывала тоска. Старик — учитель был хороший, говорил спокойно. Мать оставляла нам хлеб, сахар, и мы вместе пили чай.

А до этого я подолгу жил в деревне у моего дедушки Василия Архиповича. Он вместе с матерью стал для меня главным воспитателем. Он много знал и все умел делать, что надо для жизни, — не очень хорошо, но зато все. Со мной, пятилетним, он не заигрывал, а советовался, если надо. Вечерами зимой он пел мне песни, которые были в ходу у казаков в Семиречье. Может, и сам придумывал, по киргизскому обычаю. Помню, как-то спел мне долгую-долгую песню про Ивана Сусанина, всю историю. Видимо, как-то заучил стихи, а мотив был простой, заунывный. Как рассказывала мать, казаком он был бедным, не мог содержать для сыновей строевых лошадей и снаряжения и даже подрабатывал сторожем в школе. И очень любил слушать уроки. А когда учителя не было, сам ученикам объяснял предметы, и ученики это очень любили. Так он и мне все время что-то рассказывал о мире, о природе, истории, и над всем этим он прежде долго думал. Дома, в Семиречье, у него была одна страсть — пчелы. В горах места много, и он держал хорошую пасеку. Дохода от нее было мало, пчелы были почти у всех и продавать мед надо было в Китай, через перекупщиков. Но он просто любил это дело, выписывал журналы по пчеловодству и даже покупал за границей пчел-маток, через какое-то международное общество. Приходили они по почте в коробочке.

В конце 1944 г. дедушка стал болеть, в московской квартире сидел тоскливо, и младший его сын, Петр, позвал его жить к себе — он был секретарем горкома Небит-Дага, жил в маленьком доме с садом. Помню, дедушка уже оделся в передней, надел шапку. И я вышел проститься, говорю: «До свиданья, дедушка». А он мне отвечает: «Не до свиданья, Сережа, а прощай». Это меня потрясло, я как-то моментально осознал, что такое безвозвратность. Сейчас, пытаюсь вспомнить то чувство, я сказал бы так: будто кто-то с неба пальцем ткнул между дедушкой и мной. В голове не умещалось, но приходилось принять. Как будто какая-то черта в моей жизни прошла, и детство кончилось. И все это люди переносят, стараясь не показать виду.

И скажу еще об одном случае, который, теперь думаю, поразил меня. Сразу летом после войны моя мать и еще одна учительница поехали в глухую деревню, довольно далеко от Москвы, и меня взяли с собой. Как-то узнали, что в этой деревне остался мальчик-сирота со старой прабабкой и она хотела бы

его отдать в семью. Подруга моей матери стала вдовой и хотела усыновить мальчика. Полдня ехали на поезде, потом шли десять километров через лес.

Мы пришли, нас встретила старуха, мальчик где-то бегал, играл. Изба совсем вросла в землю — чистая, но совершенно пустая, без вещей. Старухе было 85 лет. Женщина ей понравилась, и она была рада ей отдать мальчика. «Мне, — говорит, — жаль расставаться, да кормить трудно, и боюсь, помру и его напугаю». Позвали мальчика, моего возраста, лет шести. Старуха ему говорит: «Ваня, поезжай с этой тетей в Москву. Она добрая, тебя любить будет. Будешь каждый день лапшу есть». И видно было, что и ему понравилась эта женщина. Но он нахмурился и сказал: «Нет, бабушка. Если я уеду, ты сразу без меня помрешь».

В том возрасте я мало что понимал, но осталось от той встречи ощущение счастья, будто прикоснулся к чему-то святому. На моих глазах два человека выразили такую любовь и такое достоинство, что не всегда в жизни удастся увидеть. А ведь та старуха родилась при крепостном праве, прожила всю жизнь в этой глухой маленькой деревне, без электричества, по своему подобию воспитала в голодные военные годы мальчика Ваню.

В конце войны и несколько лет после нее существенным подспорьем для горожан были участки, которые им давали через предприятия. Техникуму, где работала моя мать, отвели землю как раз там, где теперь стоит МГУ на Ленинских горах (тогда назывались Воробьевы горы). Летом мы ездили на троллейбусе с тяпками — окучивать. Осенью убирали, техникум давал грузовик, и мешки с картошкой развозили по домам.

В те времена экономика так была устроена, что «дефицита» не было. Правительство понимало, что людям бывает необходимо что-то срочно и свободно купить. Были и рынки, и, главное, коммерческие магазины. Все было, но по высоким ценам, как сейчас. Только сейчас по карточкам необходимого не дают. А тогда по карточкам получали необходимое, но практически все когда-то пользовались и свободной торговлей, особенно если кто-то вдруг приехал с фронта. Бывало, человек на один день домой заскакивал.

После войны понадобились людям вещи, продавали одно, покупали другое. Жулики были виртуозные. Муж тетки пришел с фронта, решил продать сапоги и купить себе часы. Такая блажь была. Пошел на Тишинский рынок, приносит карманные часы. Прикладывает к уху — тикают. Но стрелки не двигаются. Он своим ножичком стал открывать крышку, открыл, а внутри никакого механизма нет, а сидит черный жучок и издает такой звук, в точности как будто тикают часы. Пропали сапоги. Но в то же время все были в восхищении.

Через пару дней пошли мы с матерью продать костюм отца. Быстро нашелся покупатель, очень интеллигентный. Зашли в подъезд, он отсчитал две с половиной тысячи рублей сотнями (250 последними советскими). Большая пачка, деньги тогда большими были. Мать пересчитала, и я внимательно смотрел. Пачка рыхлая, он говорит: давайте резинку надену. Мы смотрим во все глаза, он надел резинку, взяли деньги, а дома открываем — сверху две сотни, а потом рубли. Кукла. Невероятно — все было перед глазами, да и мы были настороже. А вообще денег, видимо, не хватало. Помню, мать страшно хотела курить, и тут как раз я нашел на улице рубль. Она сразу купила себе одну папиросу, и ей стало легче. Как бывает кстати находка!

В школе почти все мы были одного поля ягоды. Выделялись лишь те, у кого были живы отцы, их жизнь была полегче. Точнее, у тех, у кого отцы были живы и здоровы. Израненные и контуженные жили очень трудно. Многие не выдерживали, начинали пить — еще горе семье. Многие из дальних родственников или знакомых, которые бывали у нас дома, страдали от ран и контузий. Смотреть было тяжело, а иногда и страшно. Детей у нас тоже дома было несколько — я, сестра, двоюродные. Мы сожмемся в кучку и трясемся, когда у кого-нибудь из взрослых начинает двигаться осколок или пуля и он кричит. Только что был веселый, качал кого-нибудь на колене — и вот...

Пошел я во второй класс в 1947 г. Классы были большие, учительница измученная, демобилизованная. Так и ходила в форме, с полевой сумкой, но без погон. Звали ее Александра Васильевна Суворова, и она своему имени соответствовала. Была суровой, иной раз и подзатыльник могла дать. За партой я сидел с Толей Солиным (он потом стал художником на «Союзмультфильме»). Сентябрь был жарким, и на другой день учительница послала нас с Толей купить ей две пачки мороженого — на обед. Дала денег, и мы пошли. Близко мороженого не встретили, потом нашли, купили, а потом не заметили, как загулялись, зазевались и в школу вернулись уже на последний урок. Мороженое Толя положил в свою кепку, оно давно растаяло, но мы так увлеклись, что даже не обращали на это внимания. Зашли мы в класс, Александра Васильевна мрачнее тучи. Толя протягивает ей кепку с мороженым, оно уже через кепку капает. Если бы он не увернулся, она бы надела эту кепку ему на голову.

Я частенько заходил к Толе домой, мама его делала оладьи. Толя хвастал, что в войну она работала на хлебозаводе и приносила тесто в валенке. Заворачивала в тряпку — и в валенок. А дома делала оладьи. Мама его была очень усталая женщина, а в Толе души не чаяла. Он был талантливый мальчик и нервный, его грыз червяк несогласия. Как-то, уже в третьем классе, он на

уроке шепотом стал мне говорить, что он против Октябрьской революции. Меня это поразило, казалось просто невысказанным. А он объясняет: «У моего дедушки был свечной завод. Если бы не революция, я был бы хозяин свечного завода». Я ему говорю: «Тебе не стыдно было бы рабочих эксплуатировать?» Его, видно было, этот вопрос тоже мучил, и он ответил: «Я бы рабочим свечки давал».

В школе прямо на уроке буфетчица в корзине разносила бублики, каждому раздавала — мы раз в месяц платили. В буфете брали пшеничную кашу с постным маслом. Как раз прошла денежная реформа, отменили карточки. Деньги надо было обменивать. Стоим в очереди за кашей, и один ученик свои деньги — 30 рублей (был такой билет) — на радостях разорвал на мелкие клочки и кинул вверх. Учительница рассердилась и говорит: «Как ты можешь деньги рвать! Они не твои, а государства, ты ими только пользоваться можешь». Все мы удивились, а она взяла свои деньги и что-то прочитала, не могу точно вспомнить. Но выходило очень понятно, что деньги — общие, они только на время у нас, и рвать их никак нельзя. Сегодня говорят, что деньги могут быть в частной собственности и их можно даже продавать. И нет той нашей учительницы, чтобы объяснить простую вещь.

В первых классах, пока мы еще жили бытом военного времени, у учеников было обостренное социальное чувство. Само собой, в нем не было никакой политики или идеологии, все было на уровне почти инстинктов. Совершенно не было и зависти к «богатым». Как-то делились по принципу «свой — чужой». Но положение ребят из «богатых» семей было, как теперь я думаю, сложным. Не каждый выдержал, кое у кого возникали комплексы, боязнь стать «чужим», они начинали заискивать — и от этого как раз нарастало отчуждение. Сейчас я вспоминаю такие случаи, и у меня тяжело на душе и жаль этих соучеников. Я даже рад, что у меня таких проблем не возникало, и это высвободило мне много сил на другие, радостные дела.

Особенно неприятно мне вспоминать одну линию, в которой я и сам был замешан и был не на высоте. У нас в классе был мальчик Миша, почти отличник, чуть-чуть не дотягивал, непонятно почему. Думаю, слишком старался. Он отличался от всех необычной нежной кожей, вообще был красивым. Большинство, пока в пионерлагерях не подкормились, казались чуточку замухрышками. Я тоже учился хорошо и был бы не против подружиться с отличником, и его мать старалась нас свести. Это была женщина красивая, приходила за сыном в каракулевым шубе. Она пригласила меня к ним домой, на какой-то детский праздник. Я пришел, это был совсем другой тип жизни — дети читали стихи, взрослые тоже как-то выступали. Отец его был

тоже молодой и красивый, в военной форме. Но на военных, которых я знал, не был похож, не пахло от него сапогами и ремнями. Но это все ерунда, это я, наверное, потом себе придумал. А дело было в том, что я зашел в одну комнату, а там на большом шкафу стояло много телефонов. Трудно сказать, сколько, но много. Я удивился и спросил, зачем столько. Приятель мой махнул рукой и говорит: «А, не знаю. Отец из Германии привез».

Это меня сильно смутило, даже трудно передать то чувство. Это был очень большой вопрос. Потом приходилось читать, что офицерам в Германии давали какое-то имущество, но этого видеть не приходилось. Во-первых, немногие вернулись. У тех, кого я видел, никакого имущества не было. Муж моей тети, которая жила у нас, привез себе ножичек, который был у него всю жизнь и источился до тоненькой полоски. Еще привез саблю, которой я, когда бывал один, любил размахивать и вонзать в диван. Ее мои сестры отдали в школьный музей. Еще он привез жене упаковку вязаных косынок, штук десять. Тетка моя пошла их продавать у метро «Дворец Советов» и меня взяла с собой. Тут же подскочил патруль и нас арестовал — солдаты и молоденький офицер. Она расплакалась, стала умолять отпустить ее, патруль сжалился и отпустил. Куда эти косынки потом девались, не знаю. Но эта куча телефонов — совсем другое. Мне кажется, я тогда ничего не сказал и вообще первый раз это вспоминаю. Я чувствовал, что никому нельзя говорить, это всех бы оскорбило.

Ничего я тогда не сказал, но что-то, наверное, выразил, а может, сам Миша рассказал родителям о нашем разговоре. И мать его меня невзлюбила, с чем я никогда в жизни не стал-квалился. Трое наших одноклассников Мишу как-то побили. Не знаю, почему, да никто вообще об этом не знал, мелочь какая. Вдруг вызывают из класса четырех учеников к директору, меня в том числе. Приходим, там мать Миши. Директор, страшно взволнованная, говорит, что эти трое побили Мишу и что это я их подговорил. Нелепость такой мысли мне показалась чудовишной. Даже не могло в голову прийти не только такое сделать, но и придумать такое. Все мы набычились и стоим молча, все в валенках. По-моему, никто вообще ничего не сказал. Легкие потасовки бывали часто, но тут дело представили как покушение, да еще хладнокровно спланированное. Наверное, директор и сама понимала, что все это чушь, но почему-то пошла на поводу у этой дамы.

После этого Миши стали сторониться, хотя никто ему ни слова упрека не сказал, и он, похоже, страдал. Так это тянулось года два, потом учительница попыталась как-то смягчить положение. Она поручила ему и мне вдвоем нарисовать к празднику

какую-нибудь картину на школьную выставку. Дело было не срочное, и я быстро о нем забыл. Вспомнил в тот самый день, когда надо было принести работу, екнуло что-то. Да не просто в тот самый день, а за полчаса до школы. Учились мы во вторую смену, я не стал обедать, схватил листок и, недолго думая, нарисовал маленькие фигурки на дороге. Кто сноп несет, кто молоток, фигурок пять-шесть одиноко бредут по дороге, а вдалеке горы, и из них исходит сияние — лучи. И над горами написано «Коммунизм». Картина называлась «Вперед, к коммунизму!». Чуть-чуть успел подкрасить цветными карандашами и побежал. Все-таки, думаю, как-то мы выполнили задание — как умеем.

Прибегаю, говорю: «Эх, Миша, забыли мы про картину. Ну ничего, я кое-что успел нарисовать, сейчас отдадим». А он мне говорит: «Ты сам отдавай. Я нарисовал, но от себя». И достает два больших портрета, на толстом ватмане, красками, небывалое дело. Один портрет Ботвинника, а другой Смылова. Даже, показалось, похоже. Учительница говорит: «Я же вам велела вдвоем делать». Мы молчим. Взяла портреты, восхитилась. Потом мой листик взяла, посмотрела, ничего не сказала. На перемене смотрю — он под столом валяется. Я был доволен, все обошлось. Но, думаю, все же и свинья этот Миша — ведь видно, что он не забыл про это задание. Такие портреты за полчаса не нарисуешь. Мог бы напомнить.

Когда постарше стали, он совсем стал неуверенным. Стал об учительницах выражаться нехорошими словами, чего у нас абсолютно не было. Это страшно всех коробило (хотя никто не решился его оборвать, застеснялись). Даже к нелюбимым, злым учителям у нас было почтение, особенно к женщинам. А дело было в том, что Миша стал подлизываться к хулиганам, к шпане. Их было в классе человека три-четыре. Не знаю, как сейчас, но тогда они образовывали свой особый мирок и не пытались навязать свои порядки всем остальным, не претендовали на власть. Возник какой-то негласный пакт — их не трогали, но они школу уважали. Им помогали, если надо, в учебе, но не из страха. Подлизываться к ним не было необходимости, но некоторые к ним липли. Возможно, были какие-то тайные отношения, тайный страх перед ними. В общем, Миша, будучи им совершенно чужим, в то же время оказался привязан. Его это, наверное, унижало, и в какое-то время он, в отместку, что ли, сам стал издеваться над слабыми. Дело было уже в седьмом классе, был у нас один безобидный мальчик, иногда его беззлбно называли «калека двадцатого века». Как-то Миша на задней парте начал его шпынять, шипать, дразнить. Я на него наорал, а потом говорю: «После школы драться будем». И при большом

стечении любопытных мы дрались, измолотили друг другу лица. Противно вспомнить. Так и вижу его глаза, полные боли.

Надеюсь, что с возрастом он окреп и все преодолел, парень он был способный. Но в школе все мы, включая меня, отнеслись к нему безжалостно. Не приняли за «своего», а наращивали счет. Никто ничего не поминал ему, но, видимо, подсознательно помнил. Вообще, похоже, что трудно живущие дети, какими мы были сразу после войны, легко сходятся для помощи друг другу, но безжалостны к чужакам. А может, и не только дети. Сейчас у нас этого пока не чувствуется, и не надо бы нашим новым «богатым» сплачивать «бедных» таким чувством.

Класса до четвертого я сам шел по скользкой дорожке, только в другом смысле. Как я уже говорил, учителя были измученными, работы у них было много, на свои дела времени не хватало. И нередко учительница отлучалась из класса, а меня оставляла вести урок. Я учился неплохо, со всеми был дружен и считался упорным. Я не отказывался, но принимал дело слишком всерьез. Если кто не слушался, не выполнял задания или мешал другим, я его наказывал — как настоящий учитель. Ребенок, возомнивший себя властью, — страшное зрелище.

Тогда в нашей школе учителя частично перекладывали обязанность наказывать на родителей, практически на мать. Чтобы подать родителям сигнал о том, что учеником недовольны, учителя иногда отбирали у него шапку (мы почему-то тогда ходили даже в теплое время в кепках или тюбетейках). А если уж дело совсем плохо, то отбирали портфель или сумку. Тут уж мать не могла не заметить — если пришел сын домой без портфеля. По примеру учителей стал наказывать моих товарищей и я. Иногда шел домой и ташил три-четыре портфеля. Товарищи шли за мной и ныли: «Мурза, отдай портфель».

После нескольких таких моих воспитательных действий ребята решили положить этому конец. Как-то я шел из школы, вдруг выбегает, как стадо, целая куча старшеклассников, а за ними один из моих одноклассников, Изотов. Старшие его спрашивают, показывая на меня: «Этот?» Надавали мне затрешин. Когда говорят «искры из глаз сыпались», это небольшое преувеличение. Я назавтра спрашиваю: «Что же ты, Изотик, на меня наябедничал?» А он резонно отвечает: «Но ведь ты, Мурза, нас совсем замучил». Я признал его правоту (про себя, конечно), и это послужило мне уроком на всю жизнь, за него я был благодарен моим товарищам. Причем почувствовал благодарность именно сразу — понял, что вовремя меня проучили и остановили. Моя жизнь в классе сразу резко упростилась, я вернулся в естество. Никакой размовки у нас не возникло. Если Изотов жив и это прочтет, пусть знает. Вообще, мне в жизни с этим везло. Всегда находился кто-то, кто или удерживал меня

от больших гадостей, или предупреждал их тяжелые последствия. Человек катится вниз, когда сделает что-то такое, чего поправить нельзя.

Все мы в школе были пионерами. Во время перестройки наговорили много ерунды об этой организации, раздули миф. Никакой идеологией нас не давили, а пользы было много. Прежде всего, это был способ соединить нас со старшеклассниками. Были у нас вожатые и что-то вроде шефов из старших классов. Это было большое дело. Зря только, думаю, разводили псевдодемократию — выборы всяких председателей отрядов и т.д. Не нужно это детям, лучше бы учительница назначала с общего согласия. Все равно она решала. Но и особого вреда в наше время от этого не было.

Самое полезное дело, что делалось через пионерскую организацию, на мой взгляд, была помощь «отстающим». Об этом тоже много всяких глупостей наговорено. А это было, я думаю, великое дело нашей школы. У нас в классе я бы затруднился назвать кого-нибудь глупым или неспособным. Но тип мышления был у всех очень разным. А школьная методика, как ни крути, была нацелена на некоторый средний тип. И многие ребята не ухватывали ее суть, не успевали освоить способ обучения. Отставали и начинали бояться, все сильнее и сильнее. Начинали считать себя глупыми. У учителя не только времени не было всем им помочь, его такие ученики начинали стесняться, и он им уже ничего не мог объяснить. Тогда пионерам поручали им помочь. Пионер — общественный человек, ему можно поручить.

Это считалось справедливым и никак «отстающего» не обижало и не угнетало. Ребята, которые благодаря этому преодолели свое отставание и «вскочили на поезд», составляли, думаю, очень большую часть учеников. Это нашу школу вывело вперед.

Помню, мне поручили помочь одному новенькому, татарину. Он, видно, только что приехал с матерью из глубинки, неважно знал русский язык и находился в состоянии паники. Он ничего не понимал и думал, что он дурак. К тому же был невероятно сильный, как-то ненормально. И это его угнетало, он, наверное, в этом видел признак своей глупости. А на самом деле был нормальный мальчик, как все. Когда мы вместе занимались, он просто успокаивался. После затраты больших усилий на самые первые темы, которых он не понял и «отключился», он начал догонять. Ухватил какую-то суть. Он жил в подвале с матерью, и она, видимо, мечтала, чтобы он учился, отчего его паника лишь усиливалась.

Вообще мне кажется, наша классическая школьная программа, по которой мы учились, была очень хорошей. Она так была

построена, что неявно давала как раз способ познания, нить для собственных рассуждений. Я думаю, она стала бы еще лучше, если бы эту ее часть сделать более явной. Если бы учителя объясняли ученикам, что думать — это тоже труд и навыки его надо специально осваивать и отрабатывать. Этой простой вещи почему-то не говорят, а сама она в голову мало кому приходит. Но к 80-м годам и саму основу программы, по-моему, сильно подпортили. Я смотрел, как мои дети учились, и расстраивался. Не все новое лучше старого.

Но если вернуться к помощи «отстающим», то главную пользу, конечно, получали как раз те, кто, как недавно говорили, «тратил свое время» на эту помощь. Какая глупость! Я уж не говорю о морали. Глупость потому, что нет лучшего способа самому хорошо понять какой-то вопрос, чем доступно объяснить его другому. Это была огромная роскошь — товарищи доверчиво выслушивали объяснения «помогающего», задавали ему вопросы, заставляли прилагать усилия. Я думаю, что практически все лучшие ученики советской школы, ставшие потом лучшими студентами и специалистами, достигли своего уровня именно потому, что «помогали отстающим». Сошлюсь на свой личный опыт и ощущения, начиная с восьми лет.

Я учился хорошо, хотя и не блистал. По типу был скорее тугодум, на лету не схватывал, но материал осваивал. И мне стали поручать позаниматься то с одним, то с другим «отстающим». Насколько я помню, я сам быстро оценил, какое это для меня благо, никто мне такой мысли не подавал. С первых же шагов выяснилось, что сам я не очень-то глубоко понимаю многие вопросы. Одно дело отбарабанить что-то близкое к тексту у доски, решить по данной схеме задачку. Другое дело — объяснить человеку, который не понимает. Причем учителю он стесняется сказать, что тот объясняет туманно, а тут скажет прямо: мол, давай, Мурза, объясни толково, не понимаю.

И приходилось думать, искать подходы, даже изобретать. Во многих случаях я со страхом убеждался, что сам ничего не понимал. Ненадежны были мои знания, в любой момент могли подвести. Никакой учитель никогда этого бы так наглядно мне не показал и устранить дефекты не заставил бы, как мои «непонятливые» товарищи. В этом смысле система оценок даже была вредна. Я, например, отвечаю у доски, говорю что-то, похожее на текст учебника, но учитель чувствует, что я «плаваю». И он ставит мне «четверку»: «Садись, сегодня ты недоучил». Как это недоучил? Зачем четверку? Ведь я же на самом деле ничего не понял из темы, а заучить-то как раз заучил. Мне двойку надо ставить, а не четверку. Мне лично повезло, что я такую четверку как раз и считал двойкой — сам видел, что не понял темы.

И еще одна сторона этого дела, которая мне помогла проч-

нее встать на ноги. Я повидал жизнь очень многих семей моих одноклассников. Обычно я ходил заниматься к ним домой, видел разные стили жизни, семейных отношений, разговаривал с их родителями, братьями и сестрами, ел с ними, ругался. Большинство жили трудно, относились друг к другу бережно, самая большая беда «отстающего» была в том, что огорчается мать.

Приходилось бывать и в домах наших хулиганов, которые, как я говорил, построили в школе свой особый мирок, центр которого был вне школы, в более или менее преступных шайках. Кто-то из них оттуда уходил в «общество», но, по-моему, таких было немного. Жили они по-особому, и возникало впечатление, что они враждебны общему типу жизни. Это были как бы диссиденты «снизу». Например, поражало, что многие из них долго спали — придешь в полдень, дома три брата — и все спят. Наши хулиганы по типу лица, осанке, стилю одежды были какими-то внациональными, горбоносими, как особый народ. Какие-то казаки в городе и враждебные городу. Тогда, в младших классах, они жили в бедных домах и бараках. Уже потом, когда появились «стиляги», между ними образовалась связь, какой-то социальный мостик. Часть стилиг, из «высших слоев общества», одновременно входила и в сообщество хулиганов. Но это позже.

Начиная с четвертого-пятого класса к нам стало поступать довольно много новеньких из «генеральского» дома. Может, они до этого были где-то по заграницам? Из них потом и образовались стилиаги. Это все были ребята способные, но пока что кое-кто из них плохо учился, так что я в качестве «помогающего» и в их квартирах побывал. Публика это была особенная, ранее не виданная. В общем, был я в младших классах бродячим полуучителем, чему очень рад.

Мы в те годы очень много времени проводили на улице. Сказать «его воспитала улица» — это не сказать ничего. Улица могла воспитать очень хорошо — каждый из нее брал, что хотел. Всегда нам не хватало времени, дела были срочные, мы часто бежали по улицам стаяй, иногда довольно далеко — ареалы были большими. О скуке не было и речи, все неизбежные работы типа подготовки уроков приходилось делать четко, не теряя ни минуты. Сейчас приходится удивляться, как много нам давала советская система. Была масса кружков, секций и т.д., и ими пользовались очень многие из нашего поколения. И тоже очень сжато. Пошел я, скажем, в Дом пионеров — через улицу. Побыл год в столярном кружке, освоил главные инструменты, порадовался доскам и стружкам — и все. Столяр наш расстраивался, сердился. Нет! До свидания, Василий Петрович, пойду в клуб юных автомобилистов.

Тогда довольно много ходили в кино, а уж по воскресеньям,

на детский сеанс за 10 копеек, — обязательно. Хорошие были советские фильмы. Во время перестройки их ругали. Ах, «Кубанские казаки» приукрашивали действительность. Какая тупость! Даже непонятно, всерьез ли эта ругань. Люди моего детства, по-моему, были намного умнее. Они различали идеальный и реальный миры и умели полноценно жить в обоих, их не смешивая. Даже говорить о глупости наших антисоветских гуманитариев стыдно.

Было много и иностранных хороших фильмов. Сначала шли титры: «Этот фильм получен в качестве трофея...». Каждый раз приятно было читать. Кинотеатров в нашей доступной округе было немного, три или четыре. Но было много домов культуры местных заводов. Тогда мы к ним привыкли, а теперь люди отвыкают и скоро знать не будут, что это такое. На Западе такого явления нет, а оно для нас было очень важным. Прекрасные здания, и чего там только нет. И пение слышится, и скрипка, и художники натюрморт пишут. Да, многие жили в старых деревянных домах и бараках, но после работы могли пойти и писать маслом картину, а сынок их играл на скрипке или мандолине. Неоценимая отдушина, и давало силы. Эти дома культуры были частью нашего быта, причем для всех без исключения. Туда и театры приезжали, и поэты. В бывшем ресторане «Яр» был прекрасный зал, роскошь изумительная. Там зимой была елка, на нее все мы из нашей округи ходили, редко-редко кто не был. В соседнем, театральном зале бывал в каникулы театр кукол, тоже все ходили. Живет мальчик в бараке, а сидит на бархатном кресле у мраморной стены, смотрит на сцену. Таков был его быт.

Когда человек привыкал быть в такой обстановке, это его сильно поднимало. Я бы сказал, что у нас тогда было очень развито правовое сознание — вернее, сознание наших прав. Не в законах было дело, а в том, что люди себя уважали — согласно своим представлениям о достоинстве. Многие мальчишки только не умели этого выразить, но если что, упрутся, смотрят исподлобья и твердят: «А чего? А чего?» Я был покладистее прочих, но и то упирался, если мои права нахально ущемляли. Помню, к «Яру» пристроили здание, точь-в-точь по стилю. Стала гостиница «Советская», для высших чинов. Аденауэр там жил, потом Неру с дочерью Индирой Ганди приехал. В окне там была маленькая вывеска — «Парикмахерская». Я говорю приятелям: пойдём, пострижемся. Мы стриглись наголо, в бане, за 10 копеек. Можно было и чуб отпускать, но лишние хлопоты.

Пошли мы в гостиницу. Там мрамор, позолота, фарфор. Парикмахерская — чудо тогдашней техники и дизайнера, накрахмаленные простыни. Парикмахер на нас: «Вы куда, шпана?» Стричься! «А ну вон отсюда, идите в баню!» Ребята меня тянут, мол, пошли отсюда, Мурза. Я уперся и говорю: «Пришел стричь-

ся. Отказать не имеете права, потому что вывеска на улице. Стригите». Он удивился, посадил и говорит, чтобы уязвить: «Ладно. Но учти, если хоть одну вошь найду, уйдешь наполовину остриженный». Я про себя усомнился, что он имеет право так строго наказывать. С другой стороны, может, завтра в этом кресле будет Джавахарлал Неру стричься, а тут вошь. В общем, для компромисса я принял условия парикмахера. Постриг он меня, а вывеску сняли.

Но все же центром нашей детской жизни у всех была семья. Жизнь без отцов — особый тип жизни. Сейчас этого не понимают и во многом поэтому судят о том времени превратно. От этого непонимания, чувствую, многие наши беды происходят. Но это — трудная тема, не буду ее касаться. А вот попроще — наши семьи тогда были расширены, раскрыты. Часто люди ходили друг к другу, могли и поесть, и запросто остаться ночевать. Всегда было что-то наготове, чтобы постелить на полу. Это было общее свойство, и это очень облегчало жизнь в тяжелую минуту.

У нас дома часто подолгу жили родные и друзья родных. Когда получил комнату муж моей тети, они уехали, уже с двумя дочерьми. Мать работала преподавательницей и приводила жить у нас то одну, то другую девочку. Она видела, что какая-нибудь студентка-первокурсница из глубинки ошарашена Москвой, пригорюнилась, деньги с непривычки растратила. Она такую ведет домой, та месяц-другой в домашней обстановке отдохнет, петь начинает. Тогда можно и обратно в общежитие. Придешь домой — сидит другая в валенках, съежилась. Мать была человек довольно суровый, не в отца своего пошла, а в мать. Все эти студентки, что дома у нас бывали, хорошо закончили учебу, стали специалистами, разбегались. Пока мать не умерла в 1984 году, получала от них письма, как от родственников. И меня они вспоминали.

В начале 50-х годов жизнь как-то резко успокоилась и стал нарастать достаток. Этого тоже ждали и не удивились — люди очень много работали и мало потребляли. Поэтому хозяйство быстро восстановилось. Цены регулярно снижали, и очень ощутимо. На уровне нашего детского сознания мы были уверены, что Сталин нас любит. Мы это видели по множеству признаков ежедневно. Мы были уверены и об этом совсем не думали. Но, не думая, и мы в массе своей Сталина любили. Что бы там ни говорили сегодня всякие краснобаи, а был у нас недолгий период взаимной скрытой любви между большинством народа и властью. Официальная любовь и преданность, знамена и барабаны к этому не касаются, я говорю о скрытой, редко выражаемой любви. Возможно, другого такого периода не было и не будет.

В 50-е годы начиналась какая-то новая жизнь, и Сталин умер.

Глава 2

РЕФОРМЫ Н. С. ХРУЩЕВА

После смерти Сталина партийное руководство перешло к выходу из «мобилизационного социализма» с помощью слома сначала его идеологической базы, а затем и организационной. Первым шагом, укрепившим позиции нового руководства, была очень популярная акция: были арестованы, осуждены и расстреляны министр внутренних дел Л. П. Берия и его подручные, творившие произвол и проводившие массовые репрессии. Раздельные МВД и МГБ (Министерство госбезопасности) были слиты в марте 1953 г. Затем были сокращены на 12% штаты и проведена большая чистка МВД. 1342 бывших сотрудника были преданы суду и приговорены к разным мерам наказания. 2370 были наказаны в административном порядке. В 1954 г. из МВД был выделен Комитет госбезопасности при СМ СССР (КГБ). Было упразднено Особое совещание при министре внутренних дел СССР, которое использовалось для незаконных репрессий. За время существования ОСО с 1934 по 1953 г. им были приговорены к смертной казни 10 101 человек. Мемуарная литература о репрессиях представляет ОСО как орган, который вынес чуть ли не основную массу приговоров. Такое впечатление возникает потому, что мемуары отражают судьбу узкого круга элитарной номенклатуры, которой и занималось ОСО.

В свете особого внимания к проблеме репрессий были внесены изменения в уголовное право. В 1958 г. Верховный Совет СССР принял Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В 1960 г. был принят разработанный на базе Основ новый Уголовный кодекс РСФСР, заменивший Кодекс 1926 г. Велась большая и кропотливая работа по пересмотру дел жертв сталинских репрессий и реабилитации невиновных. Началось восстановление прав и государственных образований депортированных народов. В 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, Черкесская АО преобразована в Карачаево-Черкесскую, Кабардинская АССР в Кабардино-Балкарскую АССР. В 1958 г. Калмыцкая АО преобразуется в Калмыцкую АССР. В 1956 г., после укрепления дружественных отношений с Финляндией, Карело-Финская ССР была преобразована в Карельскую АССР в составе РСФСР. Таким образом, в СССР с этого момента входило 15 союзных республик. Их права были существенно расширены. В 1965 г. совминам союзных республик были переданы вопросы хозяйственного и культурного строительства.

В сентябре 1953 г. было резко сокращено изъятие средств из

села: вдвое повышены закупочные цены на молоко, в 5 раз на скот и птицу. Это был шаг к выходу из хозяйства мобилизационного типа. В 1954 г. началась ударная программа по освоению целины. Она многими критиковалась, но на деле позволила быстро увеличить производство зерна и гарантировать продовольственную безопасность СССР. С 1947 по 1955 г. было произведено 727 млн. т зерновых. За такой же девятилетний период с 1956 (первый урожай целины) по 1964 г. произведено 1138 млн. т.

Укрепилась и социальная база села: в 1964 г. был принят Закон СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов, который завершил создание общей, единой системы государственного пенсионного обеспечения (в 30—50-е годы сами колхозы были обязаны создавать фонды помощи старикам, больным и инвалидам). В 1969 г. был принят новый Примерный устав колхозов, обобщивший опыт развития колхозов с 1935 г.

Сразу после войны были ликвидированы чрезвычайные нормы трудового права военного времени. Уже с 1 июля 1945 г. были восстановлены очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим, отмененные на период военного времени. Вновь установлен 8-часовой рабочий день, прекращены трудовые мобилизации граждан. С февраля 1947 г. восстановлена система коллективных договоров на предприятиях между администрацией предприятия и профсоюзами. С 1 июня 1956 г. для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет был установлен 6-часовой рабочий день и отпуск в один календарный месяц. В декабре 1956 г. был запрещен прием на работу лиц моложе 16 лет.

В 1956 г. был принят Закон «О государственных пенсиях», который значительно улучшал пенсионное обеспечение трудящихся. В 1960 г. был завершен перевод всех рабочих и служащих на 7- и 6-часовой рабочий день. В 1966—1967 гг. была введена пятидневная рабочая неделя с двумя выходными. В 1970 г. были приняты Основы законодательства о труде.

«Десталинизация». В 1956 г. эволюционная «десталинизация» сменилась радикальным разрывом с прошлым: на закрытом заседании XX съезда КПСС Н. С. Хрущев сделал доклад с разоблачением культа личности Сталина. То, как это было сделано, нанесло мощный удар по фундаменту советского государства. Это был первый принципиальный шаг к разрушению его легитимности. Был начат тот же процесс, что привел к краху Российской империи в феврале 1917 г. В результате возник кризис, который положил начало ликвидации коммунистического движения в европейских странах Запада.

Есть разные версии объяснения причин, по которым вер-

хушка партийного аппарата решила нанести такой удар по основам государственности. Иногда говорят о якобы российской традиции укреплять новую власть, очерняя умерших, но это мелочь. Некоторые историки, исходя из перечня лиц, которые были погублены при Сталине и подняты на пьедестал Хрущевым, делают вывод, что речь шла о реванше номенклатуры и мести за репрессии против нее в 1937—38 гг. Положение самого Хрущева в кампании разоблачения было двусмысленным, так как в годы репрессий он, как секретарь Московского горкома ВКП(б), был председателем «тройки», выносившей внесудебные приговоры московским кадрам. Он был также и членом комиссии ЦК ВКП(б), которая рассматривала дело Бухарина и Рыкова. Возможно, поэтому разоблачения велись с излишней страстью и напором — и в то же время уничтожались многие архивные материалы.

Мотивация политиков — предмет социального психоанализа. Важнее тот факт, что речь шла не об «исправлении ошибок и восстановлении истины», а о крупной акции политической борьбы. Так, например, Н. С. Хрущев заявил в докладе: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек». В действительности на 1 января 1953 г. в лагерях содержалось 1 727 970 заключенных, о чем Хрущеву было сообщено докладной запиской. В феврале 1954 г. ему была представлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР, министром внутренних дел СССР и министром юстиции СССР, содержащая точные данные о числе осужденных всеми видами судебных органов за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Таким образом, и в докладе XX съезду КПСС, и во множестве выступлений Н. С. Хрущев искажал истину сознательно.

С того времени тема репрессий стала главной в *психологической* войне (концепция которой была разработана как часть «холодной войны»). СССР лишился важной поддержки либеральной и левой интеллигенции Запада — начался ее поворот к переходу на сторону противника СССР в «холодной войне». Этот процесс «импортировался» в среду отечественной интеллигенции.

Но главное, что было достигнуто действиями Хрущева, — профанация (лишение святости) советского государства, разрушение его духовной связи с народом и одновременно создание *комплекса вины* в тех, кто это государство строил и защищал. В механистических воззрениях Н. С. Хрущева на государство отразился особый тип «мышления аппаратчика». Можно сказать, что он был лишен чувства России. При нем за несколько лет было разрушено больше храмов, чем за все предыдущие сорок лет советской власти, и после состоявшегося во время войны окончательного примирения государства с церковью это было совершенно лишено оснований.

Разрушение идеократической основы государства велось и через «приземление идеалов» — замену далекого образа справедливой и братской жизни в изобильной общине прагматическими критериями потребления, к тому же необоснованными («Догнать Америку по мясу и молоку»). Всякое идеократическое обоснование государства включает две связанные вещи — *утопию* (идеал) и *теорию* (рациональное объяснение жизни и проекта будущего). Государственная идеология периода «оттепели» испортила оба эти компонента и разъединила их. Утопия была уничтожена ее недопустимым приближением («*нынешнее* поколение советских людей будет жить при коммунизме») и опошлением (коммунизм означает «*бесплатный проезд в городском транспорте*»). Теория была испорчена непредсказуемостью проекта и отходом от здравого смысла при выполнении даже разумных программ (кампания по «внедрению кукурузы», «химизация народного хозяйства» и др.).

В области государственного устройства попытка радикальной «десталинизации» свелась к резкой децентрализации и разделению всей системы управления. Из союзного в республиканское ведение в 1954—1955 гг. было передано более 11 тыс. предприятий, затем был совершен радикальный шаг: Законом от 10 мая 1957 г. *отраслевая* система управления была заменена на *территориальную*. Верховные Советы республик создали 107 экономических районов (70 из них в РСФСР), в которых были учреждены коллегиальные органы управления — совнархозы. Было ликвидировано 141 союзное и республиканское министерство. Возникло 107 маленьких правительств с отраслевыми и функциональными отделами. Над ними пришлось надстроить республиканские совнархозы — параллельно сохранившимся совминам.

Разделение управления хозяйством влекло и разделение органов власти. В 1962 г. в большинстве краев и областей было создано по два Совета депутатов трудящихся — промышленный и сельский, что нарушало один из основных принципов Советов, единство их системы. Одновременно была разделена и «тень» Советов — партия (были созданы «городские» и «сельские» обкомы). Это было, видимо, не столько отрицанием самого типа партии и власти, сколько непониманием природы советского государства, представлением о государстве как о «машине», которую можно произвольно перестраивать.

В 1962 г. совнархозы были укрупнены (вместо 105 осталось 43) и был учрежден общесоюзный Совнархоз СССР, а в 1963-м — Высший совет народного хозяйства СССР, которому были подчинены Госплан, Госстрой, другие хозяйственные госкомитеты. Некоторое оживление производства, вызванное децентрализацией и всплеском местной инициативы, имело оборотную

сторону — снижение технического уровня производства. Ликвидация министерств лишила советскую систему важнейшего преимущества: способности государства концентрировать средства для развития науки и техники, проводить единую по всей стране технологическую политику и распространять по каналам министерства лучшие достижения на все производства.

Эту возможность обеспечивал *нетоварный* характер научно-технической информации в СССР, что позволяло тиражировать ее бесплатно и давало огромную экономию. В США удалось лишь один раз организовать программу «советского» типа, собрав нужных ученых и конструкторов из разных фирм (для разработки ракеты «Поларис»). Эта программа была очень эффективной, но больше фирмы своих ученых «не давали» из-за риска утечки информации, имевшей коммерческую ценность.

В октябре 1964 г. Н. С. Хрущев был освобожден от должности первого секретаря ЦК КПСС, и было проведено объединение промышленных и сельскохозяйственных областных парт-организаций, восстановление единства Советов и отраслевого принципа управления промышленностью. Республиканские совнархозы и совнархозы экономических районов были упразднены. Снятию Хрущева способствовали плохо проведенное повышение цен на мясо-молочные продукты с одновременным снижением расценок в ряде отраслей промышленности и импульсивная реакция властей на произошедшие в Новочеркасске волнения. Были применены неадекватные, неприемлемые в СССР меры — уличные репрессии, приведшие к жертвам (по рассказам очевидцев, войска дали залп поверх голов демонстрантов, и при этом погибли дети, смотревшие на события с деревьев сквера).

Надо, однако, отметить, что советское хозяйство и социальная система стали уже обладать такой устойчивостью, что необоснованные или странные решения верховной власти не приводили к катастрофам, их воздействия «гасились» внутри системы. Быстро развивались наука и образование, началось широкое жилищное строительство, модернизировалась армия. Начали давать свои плоды крупные программы, наглядным примером которых стал запуск в 1957 г. первого искусственного спутника Земли, а в 1961 г. — полет первого космонавта.

СССР стал супердержавой, позиция которой определяла равновесие сил в мире. Невозможность для США ликвидировать революционный режим на Кубе оказала воздействие на многие мировые процессы. Множество символических событий, влиявших на разные стороны массового сознания, утвердили тогда образ советского государства как великой державы: над Уралом в 1960 г. был сбит ракетой самолет-шпион У-2, который до того свободно пересекал территорию СССР. СССР представил миру

спорт высшего класса в широком спектре, советские школьники стали уверенно побеждать на международных олимпиадах, в Москве открылся большой и хороший бесплатный Университет Дружбы народов им. П. Лумумбы. Сегодня все это не кажется странным только потому, что молодежь России еще живет с инерцией мышления великой державы.

Лирическое отступление: 1953—1956 гг. Смерть Сталина переживалась тяжело. Всем было ясно, что начинается какая-то новая жизнь, и неизвестно, чем это кончится. К власти шли люди, не имеющие тех общепризнанных оснований для власти, какие были у Сталина. Так что независимо от отношения лично к Сталину все были потрясены — это было видно по взрослым и дома, и в школе. Учителя приходили на урок заплаканными.

Политические интриги в верхах до нас не доходили, но что-то там странное происходило. Летом вдруг показал свое лицо преступный мир. До этого он как-то прятался, «соблюдал приличия». Были во дворах хулиганы, кое о ком было известно, что они воры, но они знали свое место. Большую роль тогда играл в жизни участковый уполномоченный милиции. Они не менялись подолгу, хорошо всех знали. У нас долго жила без прописки семья моей тети. Регулярно, раз в год, приходил наш участковый, пил чай, проводил беседу, требовал обязательно оформиться.

Это был сильный мужчина. На шее у милиционеров тогда был красный шнур, скрепленный колечком. Пару раз я видел, как наш участковый почему-то вдруг накидывался на какого-нибудь из хулиганов, которые по вечерам группами стояли в подворотнях и арках, валил его на землю, срывал с себя этот шнур и ловко связывал ему руки. Потом вел в отделение. О сопротивлении милиционерам не слыхивали, хотя они оружия не носили. Кобуры были или пустые, или, как иногда дразнила шпана, там лежал бутерброд на завтрак. Дубинку резиновую в первый раз я увидел в Москве 1 мая 1989 г.

И вдруг в начале лета 1953 г. Москву заполнили уголовники всех возрастов. Это была амнистия, о которой потом много писали и даже снимали кино. Видно, что, кроме амнистии, был какой-то знак, потому что поведение этих людей резко изменилось. Они дали бой обществу — осторожный, но открытый. Слухи, конечно, все преувеличивали, но ужасных случаев рассказывали много. Я и сам столкнулся с новым явлением — меня ограбили (пока что это был единственный случай в моей жизни).

Мы с приятелем сдали экзамен в школе, настроение было хорошее, погода прекрасная, и мы поехали покататься на речном трамвае. От центра до Ленинских гор. Я уговорил приятеля истратить все наши деньги в буфете парохода — купили моро-

женого, лимонаду, оставили только на обратную дорогу — рубль с мелочью (значит, копеек 18). Сошли и видим — склоны Ленинских гор заполнены странными людьми. Они сидели кучками вокруг костров, что-то варили, играли в карты, при них была малолетняя шпана. Это были освобожденные по амнистии, нахлынувшие в Москву. Мы шли по берегу, и от одного костра отделились трое мальчишек и нагнали нас. Потребовали деньги. Мой приятель говорит: «Нет денег. Вот, смотри, одни ключи в кармане». Парень ловко выхватил у него ключи и говорит: «Давайте деньги, а то брошу ключи в реку». Я вынул деньги и отдал ему. Величиной суммы ребята были разочарованы, вернули ключи и побрели к своим покровителям, которые внимательно смотрели за нашими переговорами. Пошли мы пешком домой, путь неблизкий. И — надо же, совпадение — встретили мать моего приятеля, которую каким-то ветром занесло в те края. Странно, что таких совпадений в жизни бывает немало.

Осенью по Москве стали ходить военные патрули — по паре солдат со штыками на поясе. Осматривали закоулки тщательно, были настороже. Сразу обстановка пришла в норму, но осадок у людей остался. Раньше казалось, что таких сбоев в нашей государственной машине быть не может. Кстати, в 1990 г., когда в больших городах демократической прессой были разогнаны органы правопорядка и начался быстрый рост преступности, правительство попыталось ввести патрулирование улиц военными вместе с милицией. Поднялся страшный крик, говорили чуть ли не о военной диктатуре. И главное, этот крик находил широкий отклик у горожан. Это производило очень тяжелое впечатление — как будто люди вдруг утратили здравый смысл.

Мы были подростками, времени не хватало, каждый день в школе был наполнен чем-то новым. Тогда ввели в практику шефство. Нам оно дало очень много. Нас всех кинули как будто в поток технической мысли (даже, скорее, чувства). Заводов вокруг было много, чего только оттуда не доставали ребята. И изобретали, как приспособить. Недалеко от школы, в бывшем ресторане «Спорт» обосновался Институт управления и телемеханики АН СССР. Попросту — Институт кибернетики. Приходил оттуда шеф нашего класса, мрачный инженер. Приносил их изделия — кибернетические машины, сделанные ради интереса в виде игрушек. Вынимал он из кармана трактор, и этот трактор начинал ездить по классу, изучая препятствия, находя выход из лабиринта, выбирая кратчайший маршрут и т.д. Умная машина! Он кое-что объяснял нам, не очень-то понятно. Но интерес был большой, какие-то новые мысли возникали. А главное, все это делали наши люди — этот инженер в потрепанном пиджаке.

Потом нашими шефами были инженеры из ЦАГИ — Центрального аэрогидродинамического института. Мы ходили в их

лаборатории, смотрели на испытания моделей самолетов. Работали там нормальные, близкие нам во всех отношениях люди, но от них исходила уверенность, что все нам по плечу. Самые лучшие самолеты будем строить. И еще нас много водили на экскурсии на заводы. На АЗЛК еще делали первые модели «Москвича», но уже прекрасно было видно, как замечательно промышленное производство, насколько ловки и веселы рабочие, с какой точностью станок-автомат вытачивает распределительный вал. Насколько помню, никого из ребят это зрелище не оставляло равнодушным. Чуть позже, когда сплотились наши стилиаги и появился у них свой язык, стали они над всем этим посмеиваться. Это поначалу казалось очень странно. Может, даже и привлекало тем, что было непонятно.

Школу я окончил в 1956 г. Сейчас, посмотрев нашу уже перестроенную школу 80-х годов (мои дети учились), посмотрев школу на Западе, я скажу, что в 50-е годы советская школа «созрела» и выявила свои главные качества. Это было великолепное творение нашей культуры и всего народа. И явление это было чисто советское. Возможно, неповторимое, и, видимо, в нынешней России его не удержать. Это было явление во многом духовное и художественное, взлет его связан с Победой и многими *культами*, которые нельзя поддерживать искусственно. Не получается. Конечно, если бы мы поняли, что такое наша школа, то многое можно было бы закрепить и воспроизвести и в «хладнокровных» условиях. Но понимания, думаю, не было, его не видно и сейчас. Тогда мы об этом не думали. Казалось, что все черты советского жизнеустройства — вещь естественная, так что же о них думать.

В старшие классы к нам пришло уже много учителей нового поколения; они учились во время войны, это были уже в основном интеллигенты во втором поколении, хорошо образованные. Но, благодаря пережитой в юности войне, люди исключительно чуткие и, я бы сказал, истинные демократы. Они ценили каждого из нас, как это полагается в христианстве, но у них это было советское, «сталинское» свойство. Они спуска не давали и требовали от всех нас стать личностями, не опускаться.

Многие видели хороший лирический фильм по повести В. Распутина «Уроки французского». Я люблю этот фильм, но в одном смысле в нашей школе было совсем по-другому. Умная и тонкая учительница маленького Распутина говорит ему, что он должен хорошо питаться, чтобы хорошо учиться, — потому что *он* очень способный мальчик, не то что *другие*, балбесы. Наши учителя таких вещей не говорили и, по-моему, не думали. Сейчас я перебираю в памяти всех их, все наши разговоры — такого не могу себе представить. Если бы мне кто-нибудь

из учителей такое сказал, это была бы для меня вещь постыдная, мне было бы очень неудобно за учителя.

Понятно, что учительницы наши были разного достатка. Например, географию вела жена народного артиста СССР из МХАТа. А наша классная руководительница, математичка, дочь чеха, была замужем за солистом оркестра Большого театра. Другие, видно было, жили очень скромно. Но все молодые учительницы приходили в класс хорошо, элегантно одетыми. Все были чем-то красивы — движения, речь, все было так, будто каждый приход к нам в класс был важным событием. Мы об этом никогда не говорили, но очень ценили.

Муж нашей классной руководительницы был азербайджанец, и мы любили ходить к ней домой делать стенгазету. Ее свекровь по-русски не говорила, молча ставила перед нами блюдо с какими-то восточными сладостями, две маленькие дочки лезли к нам рисовать. Ольга Францевна была человеком исключительной доброты. Но дело не просто в доброте. Она была, выражаясь суконным языком, «продукт советского строя» — и «производитель» этого строя. Перебирая в памяти людей, которые были бы совершенно несовместимы с тем антисоветским, что мы сегодня видим в России, я бы сразу назвал ее. Она была абсолютно чужда пошлости и ни перед кем не заискивала, будучи при этом покладистой и разумной. И была она замечательным педагогом. Мы понимали математику так, будто в ней ничего сложного не было. Такая у нашей учительницы была культура мысли и слова. Вообще, это может показаться странным, но наши школьные учителя были по своему уровню выше университетских преподавателей, как я их узнал в МГУ. То есть, конечно, те в своей области были мастерами, но учителя в общем, как тип интеллигента, были людьми удивительно широкими. Они могли говорить о проблемах бытия. Даже наши с ними стычки и конфликты как-то оборачивались важной стороной, что-то из них западало в душу. Школа не была фабрикой, а мы не были винтиками.

Когда в старших классах сложилась «культура» стилиг, в среде учителей возник едва заметный, но, видимо, глубокий раскол. Думаю, гораздо более глубокий, чем в среде учеников. У нас сменилась классная руководительница, вести класс стала преподавательница литературы, женщина молодая и красивая. Педагог она была блестящий, замечательно читала стихи. Она приходила на наши вечеринки с вином, их устраивали ребята из «генеральского» дома, они жили в больших квартирах. Не все в классе на них ходили. Там витал дух корректного презрения к «плебеям» (кстати, тогда это слово вошло в жаргон). Мне на этих вечеринках было жалко смотреть на наших девочек из

«бедных» семей, которые этого не чувствовали и искренне радовались компании.

Со стилигами наша литераторша имела общий язык — без слов, взглядами. Но иногда казалось, что они общаются где-то вне школы, там, где проходит их главная жизнь, — так они понимали друг друга. Повторяю, что это была преподавательница высокого класса, что-то в ней даже было от змея-искусителя, она была как бы антиподом нашей Ольги Францевны, которая теперь наблюдала за классом с какой-то грустью, как будто потерпела поражение. У нас был литературный кружок, там наша учительница рассказывала о символистах, читала Гумилева, Ахматову. Она меня туда звала, и я бы не прочь был ходить и слушать. Но было там что-то чужое и даже враждебное, странно и неприятно. Это было что-то новое. Вернее, раньше оно, наверное, тоже было, но пряталось, а теперь стало осторожно выходить на свет.

Она говорила мне на этих собраниях кружка: «Сергей, почему вам нравится Маяковский? Ведь он — поэт невысокого полета. Посмотрите, насколько глубже него Блок». И она читала какую-нибудь строфу из Блока — для меня. Неприятно было, что в классе она говорила совсем иные слова, а здесь предлагала мне войти в кружок посвященных. Тогда я, конечно, не анализировал своих чувств — и не подумал бы тратить время на такие вещи. А сейчас вспоминаю и вижу, что это меня оскорбляло, мы считали себя выше таких уловок. Да, мне нравился Маяковский. Может быть, даже, что он мне поначалу понравился потому, что его нам рекомендовали любить, но потом-то он мне понравился, и я даже знал почему. А тут меня соблазнили возможностью тайно его не любить. Нам двуличность тогда была противна.

Раз уж заговорили о стилигах... Странно, но мне не попало ни одного исследования этого явления. А оно было, думаю, исключительно важным. Если бы в нем вовремя разобрались! Ведь это был крик важной части молодежи о том, что ей плохо, что-то не так в нашем советском обществе. Это были ребята из семей важных работников (номенклатуры). Они не знали нужды — и им стало плохо. Но ведь следующие поколения уже в массе своей подрастали, не зная нужды. Стилиги нам показывали что-то, к чему должно было готовиться все общество. Этого не поняли, и их затюкали. Хотя какое-то время они стойко держались, но постепенно превращались в секту и «вырождались». Трудно долго быть изгоями.

Это были ребята в основном способные, и поначалу они ничем почти не отличались. Один ходил даже в отцовской шинели. Но в старших классах как-то незаметно они сплотились в замкнутую группу, завели особые прически, выработали свой

язык, походку, стиль поведения и стали резко отличаться от «плебеев». Им якобы нравилась западная музыка, танцы и т.п., но это не главное. Те эксцессы вроде пьянок, оргий и хулиганства, о которых писала пресса, были редкими случаями и были характерны для «маргиналов среди стилияг». Да и преувеличено это было прессой. В нашей школе, кстати, никогда этот вопрос явно не поднимался, и в глаза стилиягами их никто не называл.

У нас было в потоке шесть классов, но стилияги как-то сконцентрировались в двух, в том числе в моем. Я с ними довольно тесно общался. Во-первых, через мотоцикл. Другой «мотоциклист» в нашем классе был из их числа. К тому же у меня водились деньги, а многим из них часто было позарез нужно — кое-кто у меня занимал. Траты у них были большие, порой и в класс приходили выпивши, да выпивши чего-то дорогого, судя по запаху. Я бывал у них дома, почти у всех почему-то были старшие сестры, на них было интересно посмотреть. Они были непохожи на других девушек, красиво одевались и так подкрашивались, что все были похожи на красавиц с картин Врубеля. Совершенно нерусского образа. Но «стилияг»-девушек практически не было, они маскировались. Те «чувихи», которых стилияги таскали с собой, были так, для развлечения, их как раз рекрутировали из «плебеек».

Так вот, главным в этих ребятах была какая-то тоска, как будто они устали жить. Большинство из них под давлением родителей старались хорошо учиться, но было видно, что это они делают нехотя. И потому не получалось, даже в десятом классе. Иной раз смотришь, даже губа у него вспотела, так хочет пятерку получить. Чуть-чуть, но недотягивали. Как будто не могли сильно сосредоточиться, вдуматься. Зачем, мол, все это? И все так. Просили у меня поездить на мотоцикле — и тоже все получалось как-то неумело, грубо. Мотоцикл ревет, дергается. А-а, махнут рукой, посмеются. Не было желания сделать усилие, освоить — как у других ребят, у «плебеев».

Родители у многих из них были самоотверженными советскими тружениками (но не все, это надо заметить). Эти труженики страдали и не понимали, что происходит с их сыновьями. Тогда на этой почве бывали инфаркты и даже самоубийства (обычно в случае «эксцессов»). Помню, почти на сцене умер мой любимый актер Мордвинов. Читал отрывок из «Тихого Дона», замолчал и только успел сказать: «Прошу меня извинить», — ушел за кулисы и умер. Говорили, что сын-стилияга попал в какую-то передрагу. Может, слухи, но таких слухов было много.

В нашем классе учился сын секретаря парткома издательства «Правда», хороший добрый парень. Был он стилиягой, хотя одеждой из класса не выделялся. Может, отца не хотел подводить. Отец как-то попросил меня прийти к нему в партком, в

его огромный кабинет. Спрашивал меня, в чем тут дело, как быть, — и заплакал. Я был в ужасе, что-то лепетал, успокаивал его, хвалил его сына. В голове не укладывалось — человек на таком посту, фронтовик, сильный и явно умный. Даже он не мог понять, что происходит с его родным сыном, которого он наверняка воспитывал как советского патриота и будущего коммуниста.

Я думаю, что те стилиаги, которых я знал, сошли со сцены непонятые, но не сделав большого вреда стране. Те, кто начал вынашивать идеи перестройки пять лет спустя, с начала 60-х годов, были другого поля ягоды. В них не было ни тоски, ни надлома, они рвались наверх и были очень энергичны и ловки. Это уже были люди типа Евтушенко, Гавриила Попова и Юрия Афанасьева.

Сегодня если кто и вспоминает про стилиаг 50-х годов, обсуждая историю крушения советского строя, то придает этому явлению «классовый» характер — мол, это была «золотая молодежь», первый отряд нарождающейся из номенклатуры будущей буржуазии, «новых русских». Недаром, мол, Сталин говорил об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Я думаю, эти понятия внешне соблазнительны, но не ухватывают суть. Я вижу это дело так. Само устройство нашего общества привело к появлению обширного правящего слоя с расщепленным сознанием и двойственным положением. Когда система стабилизировалась и слой номенклатуры расширился, вобрав в себя множество людей из трудовых слоев, он приобрел черты сословия и зачатки кастового (но не классового!) сознания. Но не успел приобрести того аристократизма, который не позволяет этой кастовости низкого пошиба проявиться.

С другой стороны, и личная история этих людей, и та идеология, которую они искренне исповедовали, были очень демократичными (очень часто, насколько я мог видеть, матери стилиаг были простыми добрыми домохозяйками, сохранившими свою старую бытовую культуру, но из-за безделья довольно-таки опустившимися). На отцах это сильно не сказалось — они, повторяю, много работали, а многие и воевали. А дети у некоторых из них такого расщепления не выдержали. Они уже ощущали свою кастовую исключительность, но идеология и отцы обязывали их учиться и работать, будто они такая же часть народа, как и все их сверстники. В ответ на это противоречие часть подростков сплотилась, выпятив свою кастовость и бросив вызов демократической советской идеологии. Это была очень небольшая часть! Большинство таких детей (и, думаю, большинство самих стилиаг) в зрелой юности поступили именно так, как им советовали отцы, — стали нормальными инженера-

ми, учеными, военными. Но то меньшинство, что «бросило вызов», выглядело так вопиюще странным, что все на него обрушились.

Настоящая «золотая молодежь» из высшего советскогословия была, по-моему, совсем другой — веселой, разгульной и совсем не космополитической. Никакой «идеологии» она не вырабатывала. Ее типичным выразителем был, думаю, Василий Сталин. Мне пришлось видеть людей, которые с ним общались во время войны и сразу после нее. Все о нем очень тепло отзывались — человек он был добрый, самоотверженный и простодушный. Разгульный — да, но не в пику другим. Его беда в том и была, что он других в разгул втягивал. Стиляги — не от таких произошли в следующем поколении.

Я в детстве такого «советского аристократа» близко наблюдал и мог сравнивать его с «золотой молодежью» из моих сверстников. Совсем другой тип. Дело было так. После войны у нас жил мой дядя, его назначили преподавать историю в Военно-дипломатической академии. Было такое элитарное заведение. С ним подружился один слушатель, его ровесник и тоже майор. Он был, кажется, племянник Шверника, в общем, из высшей номенклатуры. Более обаятельного человека мне трудно припомнить. Красивый, умный (точнее, остроумный), веселый и очень приветливый — вообще к людям. Вокруг него всегда была атмосфера праздника. Это был гуляка в полном смысле слова. То у нас дома выпивка, то с дядюшкой моим в ресторан закатятся, то на бильярде играют. Меня с собой иногда таскали. Зайдем к нему домой — квартира прямо около Кремля, и они с моим дядюшкой исчезают. Так мы и сидим с его грустной женой и огромной собакой. Я тогда удивлялся: такая жена красивая, такая собака хорошая — зачем куда-то уходить. Человек не мог без компании.

Когда у нас дома гуляли, приходила подруга соседей, Муха. Она работала на радио и была веселой, компанейской женщиной. Взрослые видели, что она, что называется, «стукач». Дядя всегда своего приятеля предупреждал: «Володя, держи язык за зубами». Но тот не мог утерпеть, если хороший анекдот узнавал, обязательно расскажет. Так их обоих и выгнали из Академии — дядюшку в Гатчину преподавать в военно-морском училище, а приятеля его — в железнодорожные войска. Он к нам долго еще потом заходил изредка — такой же веселый и приветливый. Легко отделался. Я к тому рассказал, что у этой «золотой молодежи» совсем не было ни пессимизма, ни отрицания России, которыми страдали стиляги.

Но вернемся к нормальным ребятам, без комплексов. В школе, класса до седьмого, почти все мы ездили на каникулы в пионерлагеря. Это был особый тип общения, в такой обстановке,

которую ничем другим не заменить. Вместе, разных возрастов, мальчики и девочки, юные вожатые из студентов, лес и озеро, танцы и кино. Пионерлагерь в те времена — великое дело. Потом этот институт советского строя, похоже, сник, но в годы моего детства и отрочества трудно было бы представить советскую жизнь без пионерлагеря. Там возникала особая дружба, детская и отроческая любовь, там была разлука с домом и вечерняя грусть.

Когда я был в пятом классе, нам на школу дали одну путевку в Артек. Считалось, что это верх мечтаний. Меня позвал директор и сказал, что решили дать путевку мне. Я был польщен и, конечно, рад, хотя уже собрался ехать в знакомый лагерь на Пахру. Через неделю снова вызывает меня директор и говорит, смущаясь: «Знаешь, Сережа, тут приехали дети французских коммунистов. Не уступишь ли ты свою путевку в Артек? Понимаешь...» Я говорю: «Не волнуйтесь, Семен Петрович. Уступлю, и даже с удовольствием». И это было правдой, я с радостью поехал к старым знакомым. А на море мы и так ездили после лагеря с матерью.

Я этот случай сразу забыл — до 1990 года. А вспомнил потому, что был в Испании, и там приятель дал мне почитать книгу сына Мориса Тореза — воспоминания о его жизни в СССР. Оказывается, он с группой детей других руководителей компартии Франции приехал в СССР как раз в тот год, когда мне давали путевку в Артек. И этих мальчиков-французов поселили в Артеке. Дальше сынок героя-коммуниста издевается, в стиле наших демократов, над советским строем, поминает, как водится, Павлика Морозова и т.д. А в конце хвастается своим подвигом в борьбе с советским тоталитаризмом. В 1988 г. он поехал напоследок погулять по СССР на собственном микроавтобусе. Выправил себе письмо от ЦК французской коммунистической партии — как же, сын славного Мориса Тореза, большого друга СССР. С этим письмом его везде привечали и угощали. Но главное было не в угощениях. Он, оказывается, заранее подрядился контрабандой перевезти в своем фургоне на Запад груз ценных картин из СССР. Наши добряки из ЦК КПСС тоже ему какое-то рекомендательное письмецо дали. И вот он на финской границе тычет эти письма пограничнику, чтобы пропустили без формальностей. Солдат не слишком приветливо читал, и у борца с тоталитаризмом, как он пишет, сильно вспотела спина. Потом подошел офицер, прочитал, отдал честь — маленькая победа над сталинизмом состоялась, картины уплыли в «наш общий европейский дом».

Я написал письмо в ЦК ФКП и потребовал, чтобы сын Мориса Тореза вернул деньги за мою путевку. Для сына Мориса Тореза мне было не жалко, но этот тип с отцом порвал, так с

какой стати. Пусть посчитает по рыночной стоимости и переведет хоть в детский дом, я адрес сообщу (недавно, кстати, видел цены — на 21 день 500 долларов). Показал письмо друзьям, чтобы перевели, если надо, с испанского на французский. Оказывается, сын Мориса Тореза недавно умер, такой молодой. Да... Не надо было ему над Павликом Морозовым смеяться.

В Артек я не съездил, но вообще в те времена люди ездили много, и я помимо пионерлагерей побывал в разных местах. Билет стоил недорого, и массы людей передвигались на большие расстояния. Проблема была — купить билеты. Приходилось записываться, стоять в очереди по ночам. На Западе я такой страсти не видел, а у нас поезд — особая часть жизни. Первый раз поехали на отдых в 1948 г., на Оку, в городок Елатью. С продуктами было еще плохо, так насытили сухарей большую мешок, взяли крупу, которая осталась от военных пайков (я ее потом продавал стаканами на рынке — на обратную дорогу). Вызвали по телефону такси, «Победу», приехали в Южный порт и — на пароход. Три дня на пароходе — какое счастье.

Но пароход — это был особый случай. Перед этим мы пошли на ипподром, на скачки. Интересно было посмотреть. Вдруг мать достает деньги и дает мне и сестре. Говорит: «Можете поставить свои деньги на лошадей, поиграть на скачках. Чтобы знать, как деньги пропадают. А можете мороженое купить». Такую воспитательную акцию решила провести. Сестра разумно купила мороженое, а я пошел и поставил — на 2 и 7. Так мне около кассы старик-пьянчуга посоветовал. И я выиграл! Да еще драматически — одна лошадь не пошла, один жокей, шедший вторым, перед финишем упал. Много денег, сумма тогда необычная. Получил я в кассе деньги, мать велела сколько-то дать тому старику, и мы поехали в Елатью на пароходе, в каюте. Обратное уже в трюме, третьим классом, но тоже хорошо.

Куда бы мы ни приезжали на отдых, везде мне поначалу казалось, что мы селимся у каких-то дальних родственников. Сразу взрослые по вечерам у керосиновой лампы обсуждают какие-то дела, решают проблемы. Кому-то ехать учиться — или не ехать. Что-то им надо из Москвы прислать — кому порох и дробь, кому учебники какие-то. Потом, постарше, я видел эту простую механику. Приезжаем в село, мать спрашивает у лодочника или у первого встречного, кто тут сдает комнату в избе, — и идем. Не родственники, но результат тот же самый.

Через год мы поехали уже на Волгу, дядя-художник посоветовал, очень красивые места, 60 км от Костромы. На поезде, потом на катере, оттуда на лодке километра три-четыре. В деревне было еще несколько семей таких отдыхающих. Леса огромные, молоко, грибы и рыба. Ходили за грибами вместе с деревенскими ребятами. Один из них, подросток, замечательно

пел. Только выйдем за деревню, начинает петь, голос прекрасный и слух абсолютный. Женщины-москвички собрались, пришли к его матери и говорят, что ему надо учиться. Они готовы были вместе деньги сложить, и жить ему можно было бы у одной из них — надо ехать. Думали мать с сыном, думали, но так и не решились — побоялись. Сам-то он не ценил свой голос по молодости лет.

Три года подряд мы ездили в село Фальшивый Геленджик, кто-то посоветовал. Какая красота! Это южнее Геленджика. Назвали место так, потому что в последнюю турецкую войну там устроили засаду турецкой эскадре, которая ночью должна была напасть на Геленджик — зажгли много огней, как будто город. Сейчас там курорт, а тогда никого не было, только в речке была база торпедных катеров, а на лето приезжало в лагерь Тбилиское нахимовское училище. Снимали мы всегда комнату в одном и том же доме на окраине, в большом саду. Сад этот раньше принадлежал отцу нашей хозяйки, а теперь был колхозный. Но когда собирали там черешню, сливы или груши, то несколько деревьев у самого дома не трогали — оставляли дочери хозяина. Жили там давние переселенцы с Украины, но было и много греков, попадались черкесы, турки. Так смешались, что возник общий «южный» тип лица и говор.

Меня там не только море привлекало. Искушаюсь — и бегу на колхозный двор. Там мальчишки уже запрягают лошадей, и я с ними пристроился ездовым — лошадей любил. Возили из долины помидоры, потом сливы и т.д. Вечером распрягали — и верхом в горы, в ночное. Иногда и купали в речке. Хозяин дома, где мы жили, был человек бывалый, зимой подрабатывал охотой на кабанов и коз. В войну дослужился от рядового до лейтенанта, но в Германии его снова разжаловали в рядовые — кур они у немцев отняли, зажарили на костре и целым взводом съели. Говорил, что некоторые не ели, про себя возмушались. На начальство за то, что его разжаловали, не сердился — правильно сделало, иначе нельзя. Говорил, что даже Героев Советского Союза за грабеж немцев расстреливали, хотя был обычай — Героев ни за какие проступки не расстреливать. Неизвестно, правда ли, но, видно, такие слухи по армии ходили.

Одно лето он пас телят в горах, и я с приятелями у него в хибарке жил. Со мной приехали два моих одноклассника, и один ровесник был сыном офицера из нахимовского училища. Вот это была жизнь. Для еды у нас была корова, дядя Володя ее доил, а мы пили сливки. Тут же было несколько ульев, и он доставал мед. А на закате пригоняли мы телят в загон и шли на засидку — стрелять зайцев. Жарили, разговаривали. Человек он был рассудительный, повидал много и все проблемы войны и мира толковал и так, и эдак. В каждом деле видел две стороны,

а то и больше. Он, например, ненавидел колхозное начальство — и в то же время высоко ставил сам колхозный строй. С колхозного собрания приходил мрачный, злой — опять, мол, устроили праздник урожая вместо собрания. Привезли из города буфет, мороженое, артистов. Все взбудоражены — так хитро правление людей от дела отвлекает, чтобы больших вопросов не поднимали. Всерьез уже ничего не скажешь. Много рассказывал про сталинские времена — как зажимали людей в колхозе. Зло говорил, серьезно — а потом у него выходило так, будто по-другому и нельзя было сделать. Поначалу было странно слушать эти непоследовательные рассказы — будто я что-то пропустил, прослушал. Потом привык, и эта стихийная диалектика стала казаться разумной.

Было у дяди Володи одно свойство, которое, думаю, дается только сочетанием опыта и ума. Он хорошо чувствовал признаки опасности, далеко вперед видел возможные последствия того или иного действия. Домашним он то одно запретит, то другое — дочь плачет, жена ругается. Он мне потом последовательно объясняет, чего они не поняли. На другой год он сторожил в горах сад, я тоже там отирался. Приехали из колхоза там сено косить, на косилке. Уезжают, косу закрепляют на дышло. Он подошел, говорит: «Бонифатович, переложи косу, опасно». Тот возмутился: «Ты что, Андреич. Всегда так вожу. Ты больше меня знаешь?» Дядя Володя ему объясняет — на таком-то косогоре может косилка так-то накрениться, и лошадь как раз сухожилием зацепит за косу: «Переложи, Бонифатович, сухожилие подрежет лошадь — в тюрьму сядешь».

Я тогда уехал с косилкой вниз, в село. А через пару дней дядя Володя приходит из сада, приносит хорошую серую рубаху, обычную в то время, с завязанными рукавами, набитую прекрасными яблоками. Подъехал по дорожке незнакомый парень на велосипеде, его не заметил. Снял рубаху, набил ее яблоками. Тут дядя Володя из кустов вышел и крикнул. Парень с перепугу бросил рубаху, на велосипед — и под гору. «Я, — говорит дядя Володя, — кричу, мол, забери рубаху. Какое там!». Посмеялись мы, яблок поели — куда их теперь девать. На завтра я опять пошел с дядей Володей в сад, пожить в шалаше. Сидим, варим ужин. Выходит по тропинке Бонифатович: «Андреич, ты не видел тут рубаху серую? Я косил, повесил ее на яблоню». «Нет, Бонифатович, не видел. Я вчера в село уходил». Огорчился мужик, ушел. Мы помолчали, ничего не сказали. Как, думаю, ловко он историко придумал — и рубашку принес, и яблок хороших. Сложный человек.

Так мы и жили летом. Приходилось, правда, в сельмаге в очереди стоять и за билетами на поезд. Но мы тогда не знали, что

это, оказывается, унижает наше человеческое достоинство. Это нам только в перестройку объяснили.

Проблемы досуга у нас не было. Потом, когда о ней стали говорить в 70-е годы, это, видимо, было уже очень тревожным симптомом. В наше время у нас постоянно возникали какие-то увлечения, которые захватывали нас целиком, поесть некогда было. Я не говорю уж об «организованных» увлечениях, которыми многие предавались. Тогда в старших классах не редкостью были уже и мастера спорта, а первый и второй разряд многие имели. Любили спорт. Но много придумывали и нелепых дел. Я как-то взял у дядюшки ракетницу: покупал коробки с пистонами для охотничьих патронов, вставлял в гильзу ракетницы и учился стрелять. В какой-то книжке прочитал, что так сибиряки учат зимой в избе детей стрелять — по свечке. При взрыве пистона идет тонкая струйка ударной волны и гасит свечку. Не знаю, каков тут физический механизм, но струйка эта не расплывается, а проходит через пространство, как луч лазера. А главное, чуть не со скоростью пули — моментально. Я потом вместо свечки ставил на бутылку шарик от пинг-понга — струя его сбивала, как пулей, срезала с бутылки. И я сидел в комнате, весь в пороховом дыму, и стрелял, пока не кончались боеприпасы — а в коробке была тысяча пистонов. Ракетница была очень тяжелая, и рука привыкла не дрожать, а это при стрельбе главное. Потом, когда приходилось стрелять на военных сборах, казалось, что пулю просто рукой втыкаешь в мишень. Чуть поднимется вдали силуэт — всадишь в него короткую очередь из автомата, и целиться не надо. Офицеры за спиной даже ахали.

Но главное, конечно, в те времена была техника. Чего только не делали! Валялся у меня старый довоенный фотоаппарат — приятели его взяли, чтобы сделать из него увеличитель. Рассчитали оптический путь, наладили лампу, трубу — все нормально. Потом бросили. Увлечлись музыкой. Тогда появились долгоиграющие пластинки. У меня был большой хороший приемник — дядюшка купил после войны, когда появились. Ребята его взяли, распилили, перепаляли, купили мотор и звукосниматель и сделали радиолу — подарили мне на день рождения. Пластинки играла, но радио наладить не смогли, хотя делали все по схемам.

Один из этих приятелей решил тогда наладить производство модных пластинок — переписывать их на рентгеновскую пленку. Ходил в библиотеки, делал чертежи, вычислял геометрию резца. Все обсуждали. Пленки набрал в поликлинике. Наладил — делал пластинку с песней «Бесаме, бесаме мучо». Ходил продавать у Большого театра, как его только милиция не поймала. Потом увлекся мотоциклом. Вообще были у него золотые

руки. Жаль, талант изобретателя был у него связан с коммерческой жилкой, на этом он погорел (надеюсь, на время). Начинали с мотоциклов, в десятом классе он стал подрабатывать ремонтом автомобилей. За забором завода, где работал его отец, сделал себе хибарку-мастерскую, подвел туда сжатый воздух, электричество. Из двух разбитых машин делал одну и продавал. Потом, уже после школы, недостающие детали стал снимать с неразбитых машин — и попал в тюрьму. Там стал писать стихи.

Талантливый был парень этот Эдик («Эдди»), изобретательный и упорный. На уроки, конечно, времени не было — со стилями связался, пластинки эти, то да се. Поступил в автодорожный институт. Экзамены за него сдавали мои приятели, он ловко приклеивал их фотографии на свой экзаменационный лист. Мне не говорили, боялись, что я буду ругаться. Я случайно увидел, уже к последнему экзамену.

У него откуда-то появился подержанный мотоцикл. Я тоже любил это дело, на машинах рано начал ездить, в клубе юных автомобилистов. Это было замечательное место. Материальную часть нам преподавал старик, из военных. Он был еще шофером, участником Брусиловского прорыва в 1916 г. Автомобиль знал прекрасно, много рассказал важного о том, как пришли к созданию нынешних вариантов главных механизмов и агрегатов. Много стало понятным. Вообще много важных вещей говорил. А инструкторы были тоже все из демобилизованных. Ездили мы по пять человек на полуторках, работали они как часы. Иной раз поедем куда-нибудь на дровяной склад, нагрузим дров и везем инструктору домой, за город. Разгрузим, попьем чаю — и опять в Москву, колесить по улицам. А летом — на целый день по Подмоскovie, с собой ведро, картошка. Потом — в Крым, но туда я уже не ездил, некогда было.

А в девятом классе пошел, купил мотоцикл К-125 («макака»). Удивляюсь, как мать согласилась, дело и вправду очень опасное. Странно, что кончилось благополучно. Привел я его домой, осмотрели и — вперед. Но это — не полуторка. Выехал я со двора на Ленинградский проспект, тащит меня на грузовик, я ногой прямо от его колеса оттолкнулся, меня — на троллейбус, я и от него ногой. Милиционер свистит, я свернул за угол на ул. Марины Расковой и стал гонять по маленьким улицам. Эдик за мной. Наездился я, подъехали к дому — куда девать мотоцикл? Об этом как-то не думали. Говорю, помощи поднять домой. А жил я на шестом этаже. Заташили в лифт, и я чудом вздернул мотоцикл вертикально, нажал кнопку лифта. И прижал Эдику ногу раскаленной выхлопной трубой. Он корчится, хрипит, а отодвинуть некуда. И тут, смотрю, из бака через пробку течет бензин и прямо на горячий цилиндр. Шипит, как вода на сковородке, и весь лифт заполнился парами. Ну, думаю, все.

Сейчас какая-нибудь искра в лифте проскочит, и мы взорвемся. Потом я стал наливать только по полбака и наловчился один втаскивать мотоцикл в лифт.

Ожог у Эдика был тяжелый, нога забинтована. Решили мы поехать к моему дяде на конный завод, около села Успенское. Седла заднего, подножек нет, с больной ногой ему сзади плохо. Он — за руль, я на багажнике. На Рублевском шоссе полно милиции, и нас остановили. Номера еще нет, прав тем более. Обругал нас милиционер («сотрудник ОРУДа»), говорит мне: «Ты владелец, ты и садись за руль. Все-таки меньше нарушений». Пересели, чуть отъехали, и вдруг сзади раздался страшный скрип, и нас чуть не сбросило в кювет. Я затормозил, и Эдик со стоном в кювет скатился. Оказывается, у него нога попала между задней вилкой и спицами колеса, и спицами этими срезало задник ботинка и пятку — чуть не до кости. Зрелище ужасное. Что делать? Недалеко изба, я кинулся туда, просить бинтов. Там какая-то девка готовится к экзамену — ходит взад-вперед по избе и заучивает наизусть кусок из «Войны и мира». Отстань, говорит, мне некогда, завтра экзамен. Обругал я ее: дура, наизусть учит. Побежал обратно, сел на мотоцикл — и назад к милиционеру. Так и так, говорю, где тут медпункт. Он мне объяснил, я взгромоздил Эдика, тихонько довез, там его опять перевязали. Дух перевел, снова сел за руль, а я уж сзади. Доехали, а там мой дядя-ветеринар его лечил.

На мотоцикле этом многие в классе ездили — кто не боялся. По очереди. На уроке сидим, слышим — трещит. Следующий руку поднимает: «Валентина Николаевна, разрешите выйти». Она удивляется: «Да что это вы сегодня? Ну, иди». Попадали, конечно, в милицию. Один милиционер на улице Правды за нами гонялся, заело его. Наконец сумел подставить ногу, приятель ее переехал, но с перепугу затормозил, его и поташили. После экзаменов мы с Эдиком поехали далеко — в Ленинград, Прибалтику. Дело оказалось нелегкое, потому что Ленинградское шоссе строилось, ехать было просто неважно. К вечеру только до Вышнего Волочка доехали, переночевали в Доме колхозника, с комфортом. Мотоциклы нам разрешили в коридор затащить. На другую ночь — в Новгороде. Что делать? Холодно, палаток еще мы не знали. Где-то у вокзала попросились у сторожа переночевать. «Ложитесь», — говорит, отвел в камеру хранения, и мы улеглись на полках, среди чемоданов и корзин.

С милицией у нас проблем не было, любила она таких. Вообще я в тот год проникся к милиции уважением. Откуда столько терпения? Только в Таллине задержали нас эстонцы — здоровые, в кожаных куртках. Давайте, говорят, справки из школы и разрешение от родителей. Что за чушь, где такой закон. Прдержали до часу ночи, потом выпустили. На рассвете, уже не-

подалеку от Пярну, нас снова два милиционера остановили, русские. Начали придирааться. У меня от вибрации заднее крыло треснуло, я его выбросил, а номер прицепил на рюкзак. Не положено. В общем, мучили нас, мучили, а потом прямо говорят: «Сколько у вас денег? Ну, давайте половину». А у нас было 25 рублей — только до Пярну доехать, там у меня дядя. Тьфу! Забрали и отпустили. А дядя мой был командир полка, стоящего под Пярну, чуть ли не первое лицо в городе, его там все знали. Как-то мы с ним идем по парку, а навстречу нам тот милиционер, что у нас деньги отобрал. Узнал он меня, и в глазах у него появилась тоска. Наверное, подумал, что я сейчас воспользуюсь случаем. Я потом говорю: «Дядя Коля, мы сегодня встретили того милиционера, что у нас деньги отобрал». — «Что ж ты мне не сказал, я бы ему объяснил...»

Вообще, за всю жизнь претензии ко мне были только у ГАИ. Только когда мы с Эдиком приехали в Ригу, и обычный милиционер ко мне прицепился. Дорога тогда доконала наши мотоциклы, мы из двух составили один работающий, и Эдик тащил меня на буксире. Это было нелегко, мы измучились, покрылись грязью, при падении у меня снизу доверху разорвались штаны. Я сам их сшил из прочной материи — и все-таки порвались. К тому же я в такую дорогу постригся наголо. Так что вид у меня был не для цивилизованной столицы советской Латвии. Прибыли мы туда под утро, Эдик прикорнул на скамейке. А я пошел, пошел по какой-то площади, на газон, лег и заснул. Меня растолкал милиционер. Осмотрел, не удивился. Взял мой новенький паспорт — я только недавно его получил — и теперь удивился. «Почему паспорт новый выдали?» Тут удивился я: «А разве дают старые, бывшие в употреблении?» Он опять: «Где отбывал?» Я еще спросонья не понимал, что он имеет в виду, говорю: «В Москве». Он опять удивился: «Зачем в Риге?» — «На каникулы». Он разозлился, а я наконец понял — он думает, что меня только что выпустили из заключения. Спрашиваю, почему он так решил. Он рукой провел: «Посмотри на себя, у тебя еще и волосы не отросли. Зачем в Ригу приехал?» Я ему растолковал, показал все документы. Он покачал головой, велел идти спать где-нибудь подальше. На газоне нельзя, тем более в центре. Кстати, это был единственный раз в моей жизни, когда у меня на улице потребовали паспорт. Никто в СССР паспорта с собой не таскал. А сейчас, смотрю, в метро то и дело людей вылавливают и требуют документы.

Я рад, что пришлось мне поездить на мотоцикле. Много людей повидал, много мест. Не страшно было в своей стране куда угодно попасть. Везде друг друга понимали. Ездили мы почти без денег, но все же деньги требовались. Много ломалось, надо было покупать запчасти, продукты. Мать давала, я и сам

прирабатывал. Странные работы попадались. То перепечатывал пословицы. А в десятом классе пришлось притвориться преподавателем. Тетя моя работала в заочном техникуме. Она должна была проверять письменные работы по истории, писать на каждую отзыв и выставлять оценку. Но у нее опять родилась дочка, уже третья, она не успевала. Отдала мне пачку работ — проверь и сделай отзывы, поподробнее, чтобы людям помочь. За каждую работу платили 1 рубль 80 копеек. Мне пришлось перечитать всю доступную литературу, но у меня почти все дома было, мать тоже преподавала историю, да и дядя Ваня, пока его в Гатчину не перевели. Он, видно, покупал все, что выходило. Так что я в каждой работе сразу угадывал, с какой книги списано. Люди писать любили, иногда по целой тетради исписывали, хотя можно было и короче. Интересно было читать — за каждой работой виден был человек. Многие взрослые, «практики», тоже учились заочно, для должности требовалось. Этих сразу было видно. Я тоже полюбил писать отзывы — как будто разговаривал с человеком.

Когда наловчился, стал эти работы читать на уроках, сквозь щель в крышке парты. Помню, как раз наш историк, Исаак Соломонович Фриш, над ухом бубнит, а я работаю. Мы его не очень-то любили. Он, видно, был одинокий и очень желчный. Донимал тех, кто не может огрызнуться. Был у нас в классе парень-сирота, хулиган не хулиган, но около того. Жил один, в комнате почти никакой мебели, ходил в шинели. Тоже еврей был. Сильный парень, по утрам бегал, и я с ним иногда бегал. Исаак Соломонович так его донимал, что тот на переменах плакал. Трудно поверить, но это так. Умел он ему такие обидные вещи сказать, талант имел. Да к тому же не любил он историю, еле слова цедил, и русский язык так себе знал. Слышу, над ухом моим объясняет тему: «Сражение под Нарвой и Псковой было кровопалительным». И вдруг — раз! Откинул мне крышку парты. Вытащил работы, бланки для отзывов. Посмотрел, все понял, отдал, ничего не сказал — учительская солидарность. Но я струхнул — ведь мои отзывы тетка подписывала, был тут кое-какой криминал.

Потом пришлось ударно поработать, в открытую. Приезжаю в техникум к тетке, ее как раз директор вызвал, я жду за дверью. Слышу в кабинете ее рыдания. Выходит директор, весь красный, несет большую кипу работ и говорит мне: «Берите и срочно сделайте». Оказывается, завал был огромный, и назревал скандал. Тут уж я и драгоценного домашнего времени прихватил.

Я в старших классах много в театр ходил. Не только я, но я особенно. С девятого класса мы с девочками уже учились, иногда и с ними ходил, но это другое дело. Я любил один, во МХАТ.

Раз в месяц там продавали билеты на весь месяц вперед. Придешь заранее, постоишь немного — и берешь. Я брал на 10—12 спектаклей, билеты по 40 копеек («место на ступеньках»). У меня от дяди остался морской бинокль — прекрасно видно. Почти всегда были места, чтобы сесть, но это неважно, со ступенек тоже нормально было видно. А играли тогда хорошо, под нос себе не говорили. Даже шепот был прекрасно слышен. Это было «золотое» время МХАТа. Грибов, Яншин, Топорков... Иной раз чуть не все роли — народные артисты СССР. Я все пересмотрел, и кое-что не по одному разу. Уж два раза в неделю обязательно ходил.

А в другие дни ходил в МГУ, на химический факультет, в кружок. Только-только роскошное здание на Ленинских горах открыли, такое удовольствие было ходить туда. Вообще все вузы тогда много работали со школьниками, и это, конечно, давало москвичам большие преимущества. У нас в школе много ребят при вузах обитали. Был у нас во дворе парень на два года старше меня. Спортсмен был замечательный — хоккеист. Во дворе поставили настоящую коробку для хоккея, со светом. Он виртуозно играл, был где-то в юношеской. Но главное, он строил авиамодели. Начал в Доме пионеров, а потом пошел в кружок в МАИ. Во дворе крутил их на корде или запускал с управлением по радио. Много народу приходило смотреть. Он ухаживал за моей сестрой и в знак расположения давал ей свои модели, они у нас по нескольку дней дома стояли, и я их рассматривал. Высокого класса изделия. Потом он стал строить реактивные двигатели. Сначала на станке их испытывал — ревели на весь район. Потом строил крылатую ракету и тоже на корде по кругу ее гонял. Зрелище сильное. Поступил в МАИ, но он уже к тому моменту был творческим специалистом.

А я пошел на химию. Сначала попал на лекцию для школьников — такое всегда в МГУ было и на других факультетах, очень интересные лекции. Тут читал преподаватель химфака, о горении и взрывах. Была почти полная Северная химическая аудитория. Он зажал в лапке штатива палочку бездымного пороха, поджег. Порох красиво горел — и вдруг взорвался. Лапку просто отстрелило от штатива, и она ударилась в дерево амфитеатра, рядом в четвертом. Он спокойно говорит: «Я вам объясню, почему порох взорвался. Я слишком сильно зажал его лапкой, возникла внутренняя трещина, и горение в замкнутом пространстве перешло в режим взрыва». Но смысл был не важен, всех восхитило его спокойствие — ведь лапка ударила как раз между двух голов, а ему хоть бы что.

Пошел я сдавать экзамен в кружок. Учебник я знал, а больше ничего не читал. А там были все ребята очень начитанные. Я их слушал и ничего не понимал. Экзамен письменный был. Один

вопрос такой: «Как определить, не нюхая, какой из газов хлор?» Я написал, как в учебнике, — сунуть туда влажную крашеную тряпку. Вышли в коридор, слышу, один другому говорит: «Я написал: пропустить через раствор фуксинсернистой кислоты». А тот ему: «Правильно, это самое лучшее». Ну, думаю, тут не поступить. Но приняли — на все вопросы, оказалось, ответил. Потом даже на олимпиаде первое место занял — ничего, кроме школьного учебника, не читал. Зачем, если там все есть? Это меня сильно успокоило и жизнь облегчило. А то было тогда сильное течение — искать какие-то особые книги, читать их, выискивать откровение. Ребята много на это тратили времени. Многие, по-моему, из-за этого не очень-то школьный учебник понимали.

Был я год в кружке аналитической химии, а потом два года в органической. Синтезы делали, я просто наслаждался. Как красива химическая посуда! Верх изящества. Соберешь хороший прибор, душа радуется. И почти все там так, глаза прямо блестя от удовольствия. Наловчились мы работать, кое-кого стали пускать в исследовательские лаборатории. И я ходил, старался урывать время. В лаборатории было, как в башне из слоновой кости — защищен от всякой мирской суеты. Создаешь новое вещество! Ни один человек в мире его не имеет — и вот они, прекрасные кристаллы.

Политика тогда нас, конечно, не занимала. Мы считали, что все у нас в порядке, и никакого интереса к политике не было. Думаю, правильно Маркс писал, что до 18 лет не должен человек в политику втягиваться. Наши представления об обществе были стихийными, шли от традиции, от воспитания. Случилось у меня в восьмом классе болезненное столкновение на социальной почве и, может быть, насторожило меня. Показало оно, что есть в нашей общей жизни очаги ненависти и может она когда-нибудь прорваться.

Соседи наши, как я писал, были из кулаков и не слишком скрывали свои антисоветские чувства. Но старшие были людьми осторожными и корректными. А внучка, Люся, окончила МАИ, стала инженером и превратилась в злобное, воинственное существо. Может, оттого, что старой девой осталась, а может, наоборот, отпугивала всех мужчин своей злобной страстью. Врач нашей поликлиники трепетала перед ее матерью, доктором медицинских наук, и без звука выписывала Люсе бюллетень на целый месяц. И та, здоровая, по месяцу валялась в постели — не хотела работать. Но это ее дело.

А была у них домработница, из Липецкой области, Мотя. Молодая, добрая женщина и работающая — на грани разумного. Все умела делать и радовалась любой работе. Стали они строить дачу, большую. Мотя там работала как строитель. И сильно

ударил ее бревном в живот. Начался рак желудка, сделали операцию. После операции она лежала, у соседней была маленькая комната, где было две кровати — старой бабки и Моти. Через несколько дней заходит к нам в комнату Мотя и плачет — Люся пришла и требует, чтобы она съезжала, потому что надо им новую домработницу селить. А она еще совсем слаба, домой уехать не может. Мать пошла поговорить — те ни в какую. Мать позвонила в профсоюз, чтобы те объяснили нанимателям права домработницы. И вот оттуда позвонили и объяснили. Вечером, когда Мотя уже спала, пришла Люся, узнала, как обстоит дело, зашла к Моте в комнату и стянула ее вместе с матрасом на пол. Уезжай, мол, немедленно. Мотя — к нам, вся трясется. Я выскочил в коридор, там все соседи были в сборе, и стал орать одно слово: «Сволочи! Сволочи!» Случилась со мной истерика, такое безобразие. Люся — в бой, мать и бабка ее тянут назад. Она мне грозит: «Завтра же приду к тебе в школу, в комсомольскую организацию». Мне стало смешно, и я сразу успокоился. «Приходи, — говорю, — мы тебя из окна выкинем».

Мотя перешла жить к нам, отлежалась. Приехал ее отец из деревни. Сидел в комнате, боялся выйти. Очень, говорит, злыми глазами на меня смотрят, страшно становится. Действительно боялся, без шуток — не по себе ему было от таких взглядов. Увез он Мотю домой, она мне прислала прекрасно связанные варежки, почти полвека служили. Потом отец написал, что она все-таки умерла. Отношения с соседями вновь стали дипломатически корректными, но мне этот случай запомнился.

Забегая вперед, скажу, что все же эти отношения прервались. Летом 1961 г. произошла у моей матери какая-то размолвка на кухне с соседкой, доктором наук, и та говорит: «Вы на меня молиться должны, я, может, всю вашу семью спасла». Мать удивилась: каким образом? Оказывается, именно эта соседка, до мозга костей пропитанная ненавистью к советскому строю, была соглядатаем за моими родителями от ОГПУ. Могла что угодно на них написать — а вот, не написала. Так было тяжело матери это узнать, что она меня попросила пойти на толкучку и обменять наши прекрасные комнаты на что угодно. Так попросила, что я побежал и обменял — переехали мы в две комнатухи в настоящей коммуналке, без лифта, без ванны и без горячей воды. Зато душевный покой. Только там я понял, как он важен, никаким комфортом его не заменить.

Вспоминая сейчас те сложные отношения с соседями, с непримиримым, хотя и скрываемым конфликтом идеалов, я не могу упрощать — при наличии этого конфликта в житейском плане мы были людьми одного народа, шли друг другу на помощь без всяких тормозов и внутренней борьбы. Как-то эти две стороны жизни разводились. Я благодарен тем соседям за то,

что они сделали для меня и моих близких. В свою очередь, и я рад был им помочь, и они ко мне легко обращались. А сейчас раскол идейный у многих привел уже и к отчуждению личному — как будто мы люди разных народов, а то и рас.

Кстати, если говорить о моих соседях, то основания ненавидеть советский строй имели как раз старики, которым пришлось бросить свое богатое хозяйство. Но они же были и более человечны. Другое дело — их внучка. Все этой Люсе дал советский строй — живи и радуйся. Нет, старая обида выплеснулась в третьем поколении. Но тогда я еще не предполагал, что у нас появится интеллигенция, которой душевные порывы этой Люси будут ближе и дороже, чем права и сама жизнь доброй Моти.

Но это пришло лишь через полвека. А тогда, в старших классах, и потом, в студенческие годы, было сильное ощущение, что ты — хозяин страны. Не у меня одного, многие потом это отмечали. Выйдешь на улицу утром — вокруг твоя страна. Едешь на метро, в кармане пропуск в МГУ. Зайдешь в столовую, пообедаешь за 35 копеек, потом в лабораторию. Вечером усталый домой. На завтра — билет во МХАТ. Американцев в Корею на место поставили. Бомбой теперь тоже пугать нас не могут. Можно жить и учиться. Все эти мысли, конечно, в голове не задерживались, но сливались в общее состояние надежности, в желание действовать и видеть людей. Это были, если можно так выразиться, объективные условия для счастья. Может быть, не всем поколениям такое время выпадает. Моему поколению оно выпало. Кто хотел, мог им воспользоваться.

Лирическое отступление: студенческие годы. Я писал, что уже в старших классах у меня возникло ощущение, будто я — хозяин страны. Очень возможно, что это было возрастное явление. Не то чтобы с возрастом жизнь разрушила эту иллюзию, просто это чувство успокоилось, осело. Но вовсе не перешло в свою противоположность. Разум стал холодно фиксировать: то-то для меня невозможно. А теперь еще вот это и т.д. Из этого «чувства хозяина», кстати, совершенно не вытекало желания быть близко к власти или тем более участвовать в ней. Власть казалась нужной машиной. Нужной, но опасной и не очень-то совершенной. По возможности было бы неплохо ее подправлять, но так, чтобы тебя какой-нибудь шестерней не зацепило.

В отличие от школы, в университете было уже довольно много ребят, которые думали иначе и ощущали себя не хозяевами, а жертвами и противниками советского строя. Потом, кстати, кое-кто из них стал тяготеть именно к административной карьере, но это не важно для моей мысли. Важно, что уже тогда, в 1956 г., изрыгать хулу на советский строй было не только безопасно, но у части студентов считалось чуть ли не признаком

хорошего тона. КГБ они называли «гестапо». Таких радикалов, впрочем, было очень мало, и у них был какой-то непонятный ореол. К последним курсам он пропал, они озаботились распределением, дипломом, поникли. Одно дело — шуметь в раздевалке спортзала, а другое — сделать хорошую вакуумную установку для своего же исследования.

Когда я был на первом курсе, шли бурные события — XX съезд, восстание в Венгрии. У нас на курсе было много иностранцев (пятая часть). В нашей группе, помимо китайцев, была поляка, Эмилия Бздак. Худая, как комар, но очень элегантная и сильно озабоченная на антисоветской почве. Приятно было с ней беседовать — скажешь что-нибудь в шутку, она вспыхивает, как порох. С венграми было посложнее — хладнокровные. Главное, признавали, что советские войска спасли их от гражданской войны. Причем такой, что перебили бы друг друга дочиста, много там было старых счетов. Кстати, и тогда было ясно, что дело было не во внутреннем конфликте — это была операция «холодной войны» с локальным переводом ее в горячую фазу. Потом, через десять лет, я познакомился с одним веселым химиком. Он в 1956 г. был военным летчиком, их послали патрулировать западную воздушную границу Венгрии. Встретили их английские самолеты (в них уже сидели венгры), сразу обстреляли. Ему ранило ступни ног, осколок пробил щеку, выбил зубы и застрял во рту. «Оборачиваюсь, — рассказывает, — а стрелок-радист сидит без головы, свои рукоятки крутит». Так ему и пришлось в химики пойти, летать больше не мог. В общем, с иностранцами из Европы нам на курсе разговаривать было непросто, тем более что сразу появились подлипалы из наших. Только немцы на все плевали, их ни венгры, ни Бздак растрогать не могли. Они тогда твердо стояли на позициях марксизма-ленинизма и усердно учили химию.

И вот в такой обстановке вдруг приезжает на факультет какая-то высокая политбригада во главе с зав. студенческим отделом ЦК ВЛКСМ. Большая аудитория битком, любопытно. Какой-то боевой идеолог (потом оказалось, главный редактор журнала «Новое время», некто Съедин) начал клеймить всяческую контрреволюцию. «На улицы Будапешта, — говорит, — вышли поклонники Пикассо и прочая фашистская сволочь». И далее в таком духе. Я ему написал записку, первую и одну из немногих в жизни. Короткую — что, мол, нам и так на курсе непросто, а тут еще приезжает такой дурак и несет всякий бред. Разгребай потом за ним. За это, пишу, надо дать вам по шапке. Он записку взял, бросил председателю — читать ему было некогда, он вошел в раж. Тот прочел, дал почитать соседям, а потом вернул оратору. Оратор вчитался, покраснел — и зачитал вслух, чуть-чуть только исказив. Видно, глупый был мужик.

При этом он начал орать, что и здесь, на славном химфаке, завелась контрреволюционная нечисть — и тряс запиской. Вот, думаю, не просто дурак, но еще и сволочь.

Через пару дней нашел меня секретарь факультетского комитета ВЛКСМ, озабоченный. Звонят в деканат из ЦК ВЛКСМ, меня разыскивают. Спрашивает, в чем дело. Я говорю: «Наверное, из-за записки. Ту, что тот тип зачитывал». «Так это ты написал?» — «Да». В общем, поехал я в ЦК, беседовал со мной зав. отделом (потом, как я случайно узнал, он был важной шишкой и в ЦК КПСС). Вопреки моим опасениям, он чуть ли не юлил передо мной. Видимо, после XX съезда была там какая-то неуверенность. «Мы, — говорит, — уже в машине сказали Съедину, что он погорячился. Ведь Пикассо — член французской компартии». Я этого, кстати, не знал и удивился. Знал, что он сторонник мира, нарисовал голубку, да и не в нем было дело. В общем, инцидент закрыли. Может, они боялись, что я куда-то выше стану писать? Так что прямые «выезды в народ» политических властей не помогали делу. И харизмы у них не было, и уровень средненький. Это не то что Хо Ши Мин — я ходил на его встречу со студентами-вьетнамцами, и один мне переводил. Это был разговор с очень умным человеком, его суждения были реально полезны, с ним можно было советоваться. Сегодня я бы сказал, что у него была сильная методологическая жилка. Он разбирал какой-нибудь конкретный вопрос, но при этом ты незаметно получал метод рассуждений для всего класса подобных вопросов.

* * *

Конечно, таких, кто открыто хулил советский строй (в основном, по следам разоблачений Сталина) да еще бравировал этим, у нас на факультете было немного. Немного было и инцидентов с теми кружками, где вырабатывали «концептуальную» критику — с ними тогда разбирались в комитете ВЛКСМ МГУ, где заправлял Юрий Афанасьев, самый продвинутый борец с нечистью. Но это были маргинальные явления, массы они не касались. Сейчас, правда, некоторые авторы стараются их представить чуть ли не главным содержанием жизни МГУ в то время, но это ерунда, круг вовлеченных в них студентов был предельно узким.

Больше было таких, кто с озабоченным видом и оперируя неизвестными простому студенту-химику сведениями рассуждал об ошибках всего советского проекта. Поминали Троцкого, Бухарина, Рыкова. Значит, где-то читали. Откуда у них время на это было? Я слушал, но добавить мало что мог. Что же мне было, ссылаться на Мотю и дядю Володю из деревни? Потом,

почти случайно, мне пришлось вникнуть. Надо было сдавать историю КПСС, а я ни в одном семестре ни на одной лекции не был. Я вообще регулярно ходил только на лекции по математике — профессор у нас был высшего класса, никакими книгами не заменишь. Потом на органическую химию ходил — прекрасно читал А. Н. Несмеянов. Итак, итоговый экзамен по истории КПСС, и стал я искать дома какую-нибудь книгу, чтобы быстро все ухватить. И наткнулся в антресолях на целое сокровище — стенограммы всех съездов и конференций, изданные в год события. Потом, после XX съезда, были изданы резолюции в двух томах, но это совсем другое. Тут — стенограммы, изданные при живой еще оппозиции, без всякого изъятия. Я начал читать — и зачитался, больше вообще ничего к экзамену не читал.

Главное, конечно, дискуссии о коллективизации и индустриализации. Это — великие документы истории. Сегодня и поверить трудно, что велись у нас дотошные, на высоком накале, сильным языком, споры о самых главных выборах пути. С обеих сторон — люди умные, знающие и сильные. За каждым выступлением просвечивают и видение истории, и представление о России и Западе, и идеалы человека. Прочел я все эти тома сразу, в целом. А это дает совсем другой эффект, не то что читать по кусочкам, каждый раздел к случаю. Тут виден был разговор, который, чувствовалось, шел в России, похоже, еще с Чаадаева. Из всего, что я прочел, у меня сложилось устойчивое мнение, что тот вариант развития, который был принят после всех споров в партии, был самым разумным. Другие варианты были соблазнительными — полегче. Но на них тогда отвечали, что не выйдет, не пролезем мы в ту узенькую дырку, что оставяла нам история. Захлопнут ее раньше. Война это подтвердила, но тогда, в начале 30-х годов, требовались интуиция и воля, чтобы не поддаться на соблазн.

Жаль, что в оппозиции люди тоже были сильные и упрямые. Стояли на своем, и нам в конце 50-х годов уже было не понять, почему так упорно. Может, и правда, существует таинственная «логика борьбы». Как разошлись дороги, так уж не могут сойтись. Я не говорю об идеологах — Троцком и др., у этих были расхождения идеалов, их не примирить. Но ведь и рядовые туда же.

Вообще после XX съезда все размышляли о репрессиях. Теперь и говорить об этом было можно, так что эта тема постоянно звучала, и, как вспоминаю, каждый день нет-нет, а вспомнишь ее, крутили в уме и так, и эдак. Хороших объяснений не было, у Хрущева тоже концы с концами не вязались, и каждый какую-то модель себе выработывал. Думаю, в этот момент некая разошлись пути моего поколения. У многих стала зреть идея полного отрицания, в голове складывался образ какого-то

иного мира, все виделось в ином свете. Но этого раскола тогда не заметили. Многое, наверное, зависело от самого человека. Я, например, видел прошлое через призму настоящего и будущего. Прошлое надо было понять, но не ломать же из-за него то, что построили и строим дальше. Сама эта мысль казалась мне дикой. Я тут смотрел на своего дядю, Алексея Сергеевича Кара-Мурзу. Да, пришел с Колымы без зубов — часть выбили, часть выпала. Но он как будто понимал, как крутится колесо истории. И из-за того, что его самого это колесо зацепило, он и не подумал бы его ломать, сыпать песок в подшипник. Он считал разумным только улучшать и укреплять то, что мы имеем.

Он меня приглашал к себе в апреле, в день рождения. К нему собирался странный народ — только мужчины. Даже домашние все в этот день входили, включая его сыновей. Каждый приносил бутылку водки. Я не мог понять, по какому принципу собрались эти люди — писатели, академики, какие-то важные работники. Что-то их связывало, говорили они равнодушно и откровенно. Потом он мне рассказал, что это за люди, — да и из них кое-кто рассказывал, когда мне приходилось кого-нибудь провожать до дому подвыпившего.

Осенью 1941 г. Алексей с редакцией фронтовой газеты помещался в с. Успенское, на берегу реки Москвы (там, где потом Ельцин упал с моста). Там отлогий берег, и туда сводили тех, кто вышел из окружения, с другого берега. Они сидели в ожидании вызова на допрос в особый отдел — особисты располагались в избах. После допроса всех сортировали — кого в строй, кого в трибунал, — в зависимости от того, как человек вышел из окружения. Идеалом было выйти в форме, с документами и оружием. А дальше — варианты. Некоторые выходили в женском платье. Критическим признаком было наличие оружия. Пусть бы хоть и под юбкой, пусть без документов. А без оружия и форма, и партбилет не очень-то высоко ставились, все равно в штрафбат. Дядя Леша добывал, сколько мог, трофейные пистолеты, клал их в сумку и бродил между сидящими на берегу, высматривая знакомые лица. Знакомых у него было много — и студенты ИФЛИ, и строители метро, где он работал, и комсомольские работники. Им он совал пистолет, если у них не было оружия. Вот эти люди после войны договорились раз в год собираться у него на Мясницкой.

Я на этих собраниях много чего наслушался. В целом картина нашей жизни становилась гораздо сложнее, чем казалась нам, «просто живущим». Люди эти говорили в основном о тех подводных камнях, которые возникали при любом повороте потока нашей жизни. Это было интересно, потому что для меня так вопрос никогда не ставился ни в учебнике, ни в газетах. Тут за столом разыгрывались альтернативные пути нашей истории.

Конечно, если бы я тогда занимался не химией, а тем, чем занимаюсь сегодня, я бы многое понял или хотя бы запомнил.

Сейчас говорю об этом потому, что тогда, после XX съезда, саму мысль о том, что в 30-е годы существовали заговоры в высших эшелонах власти, представили как абсурд, как продукт сталинской паранойи. Это уже в последние годы перестройки появились публикации о том, что да, заговоры были и заговорщики были героями антисталинского сопротивления. А тогда, в конце 50-х, абсурдность «теории заговора» была утверждена как официальная догма. И вот на одной такой вечеринке один довольно молодой еще человек с бородкой стал горячо доказывать, что заговор был. Этот человек в детстве воспитывался в семье Рыкова, председателя Совнаркома. В дом к ним приходили люди, в том числе военные, что-то обсуждали, и из того, что слышал мальчик, выходило, что обсуждали они планы смещения Сталина и перестановок в правительстве. Человек этот очень кипятился, потому что все слушали недоверчиво и не очень-то охотно. А он кричал, что никогда в жизни никому этого не говорил, а теперь хоть здесь должен сказать. Я ему тогда тоже не очень-то поверил. Меня вообще мать с детства учила выслушивать чужие мнения, принимать их к сведению, но полагаться лишь на то, что можно проверить. Так что к сведению я слова того человека принял, как и слова Хрущева, но полагаться ни на того, ни на другого не стал.

Но это — отступление, чтобы снова вернуться к моим факультетским впечатлениям. Как я сказал, тогда много появилось ребят, которые уверенно судили о советской истории. Это, мол, была глупость, а это — ошибка. Конечно, в таком возрасте все мы легко судим других, но в глубине души обычно понимаешь, что это перехлест. Прикинешь — а как бы ты сам сделал? И чувствуешь, что говорить легко, а как дойдет до дела, столько вылезает всяких «но», что гонор сразу сникает. Так вот, в университете большую силу имели ребята, которые этот контроль как будто отключали. Не для красного словца ругали наших глупых отцов, а вполне серьезно. Слушаешь такого и поначалу думаешь, что человек шутит, — нет, у него целая доктрина наготове. Спросишь: а ты что, умнее был бы на их месте? Не отвечает, как будто вопрос этот глупый, смысла не имеет. Но видно, что и впрямь уверен, что да, был бы умнее.

Мне это было странно видеть именно в университете. Ведь мы изучали там науки. Мы же обязаны были понимать, почему, например, Бойль не мог прийти к понятию химического элемента, пока Дальтон не разработал понятие атома. Глупо было бы сказать, что «Бойль недодумал». Как раз самое-то важное — это понять, чего не мог увидеть тот или иной ученый. Так и тут — ты пойми, почему поступили так-то и так-то. Но такая

постановка вопроса не принималась. Одни верили в мудрость Сталина (хотя и помалкивали), а другие верили в то, что он злодей и параноик. Вот и поговори с ними.

Тогда Хрущев затеял какие-то реформы в сельском хозяйстве, колхозы много критиковали в прессе. И у нас на двух-трех курсах возникло целое движение, какая-то «инициатива». Что-то изучали, собирались, спорили. Потом, в зимние каникулы на втором курсе, пошли на лыжах по колхозам — недостатки искать. Вообще в МГУ это было принято — каждый год ходили на лыжах в «агитпоходы». С факультета десятки групп выходили, на один день встречались в условленном месте, потом снова расходились. «Звездочка». На первом курсе и я в такой поход ходил, забываемое дело. Прошли по деревням Московской и Калининской областей, два раза переходили Волгу. Еще во многих деревнях электричества не было. Приходим, стучимся на ночлег, отказу никогда не было. Пока варят ужин, идем или в клуб, если есть, или в избу побольше. Народу полно, всем любопытно на студентов посмотреть. Что-нибудь рассказываем — про химию, про университет, про студенческую жизнь. Покажем занимательные химические опыты, у нас были знатоки этого дела, интересно получалось. Потом что-то вроде концерта, что можем. Один из нас гимнаст был — акробатику покажет, борьбу нанайских малышей. В избе разговоры за ужином. Все нормально.

Но эти наши активисты уже не в такой поход пошли, а что-то вроде инспекции устроили. Наверное, какую-нибудь бумагу вроде мандата раздобыли, иначе это вообще черт знает что. Вернулись гордые собой — целый ворох недостатков нашли. Там председатель колхоза пьет, надо его снять, а в другой деревне они к председателю пришли, а он с перепугу почему-то в окно вылез и ушел — его немедленно снять! Куда-то писать стали, какие-то семинары. Я говорю им: вы что, спятили? Что вы воду мутите, да еще у людей выпрашиваете разные порочащие сведения? Прошли на лыжах, всех взбаламутили — и обратно в мраморный химфак МГУ скрылись. Снять председателя предлагаешь? Поезжай в колхоз и работай там, брось свой МГУ. Разозлились, глаза выпучили. Ты, говорят, комсомолу враг, надо ставить вопрос о твоём исключении. На это можно было только расхохотаться — дети, хотя уже кое-кто с усами.

В чем-то похожий случай на Кубе был, когда я там через десять лет работал. Я там группе студентов-химиков в Сантьяго-де-Куба один метод показывал, очень толковые ребята. Потом уехал в Гавану работать, а за это время такая история произошла. Эти ребята стали требовать, чтобы Кастро и его соратники отошли от власти, передали ее более молодым и образованным — очень, мол, много ошибок допускает правительство.

Выступали на собраниях — все с цитатами Маркса и Ленина, говорили красиво, да и ребята были очень симпатичные, особенно одна девочка, их вождь. Вдруг приезжает Фидель Кастро, без охраны, без оружия, пешком подходит к химфаку. Спрашивает у секретаря, где тут такие-то. Секретарем на факультете симпатичный старик был — побежал; нашел. Пришли ребята, прямо около входа в коридоре стали разговаривать — за всех говорила та девочка. Народ собрался, стало тесно, пошли в спортзал. Девушка не стусевалась, все выложила, что они работали, стоит на своем — то неправильно, то неправильно, пора вам уйти от власти.

Как шел спор, мне потом рассказали несколько очевидцев. Они симпатизировали этой девушке, она была любимицей факультета, но все признавали, что Кастро бесспорно одержал верх. Он поставил вопрос примерно так: вы утверждаете, что мы должны уступить власть вам или таким, как вы. В чем же, по большому счету, источник вашего превосходства? И тут, как ни странно, стало видно, что иного, чем у Кастро, принципиального выбора эти ребята не предлагают, и в то же время они не имеют видимых преимуществ ни в работоспособности, ни в честности — потому что по этим критериям претензий к соратникам Кастро ни у кого не было. К тому же Фидель объяснил девушке, что все ее доводы по конкретным вопросам известны, их обсуждали, но по такой-то и такой-то причине пришлось поступить иначе. Стало видно, что конкретные решения вовсе не так просты и очевидны, как казалось ребятам.

На том собрании многие стали кричать, что надо бы всю эту группу из университета исключить — всех они баламутят. Кастро предложил: раз уж они так втянулись в проблемы хозяйства, давайте дадим им в управление хорошую государственную ферму в провинции Орьенте. Пусть сами из своей группы выдвнут директора, а остальные составят правление. Если будут дело заваливать, им помогут. Но главное, пусть разберутся, в чем разница между теорией и практикой. А через год здесь же, в университете, расскажут о своем опыте. Так и сделали, только, по-моему, года они там не просидели. Я как раз через год снова там был, налаживаю в лаборатории прибор, и заходит один парень из той группы. Что, спрашиваю, уже опять в университете? Засмеялся. Я, между прочим, когда приехал на Кубу, сам был похож на этих ребят. Казалось, что многое надо делать по-другому. Но как только пришлось самому там решать проблемы, а не советы давать, действительность этот мусор из головы быстро мне выбила, как палкой пыль из ковра. Я тогда, кстати, вспомнил, как наши студенты на химфаке ходили колхозы обустройства.

Можно, конечно, сказать: а почему было бы не дать тем ре-

бят на Кубе или нашим на химфаке возможность вести общенациональную дискуссию — так, чтобы все вопросы тот же Кастро смог бы снять не в спортзале университета Орьенте, а в газете «Гранма»? Это была бы та именно демократия, которой так хотели наши перестройщики, — и все были бы довольны. Тогда мы над этим думали, и я лично пришел к выводу, что в обществе советского типа это было бы невозможно. Слишком серьезно все относились к слову. Сейчас, при Ельцине, Путине и т.д., мы видим, что можно устроить такой политический режим, при котором слово «снизу» вообще ничего не значит. Власть и ее социальная база («собственники») имеют средства для того, чтобы создать такой информационный шум, что этого слова практически никто и не услышит — потому и бороться с ним не надо. В то же время власть устраняет из законов всякую обязанность отвечать на слово «снизу». Мели, Емеля!

Демократия советского типа была устроена по-другому, и слово имело такую силу, что всякая открытая полемика с враждебными власти нотками сразу вызывала раскол. Судя по рассказам матери, дискуссии в партии, которые в 20—30-е годы открывала оппозиция, сразу ставили всю страну в чрезвычайное состояние. Раскалывался каждый коллектив, даже совершенно далекий от политики. Работать было невозможно. Так что, думаю, до 60-х годов в СССР на такую роскошь не было средств. Дискуссии велись не открыто, а на совещаниях, как рабочее обсуждение. А на площадь Революции в Гаване, куда собирался миллион человек, Кастро выходил говорить свою речь часа на четыре, уже не дискутируя, а объясняя. Хотя, если читать и слушать его речи, всегда аргументы «оппонентов на совещании» в них приводились — но уже как обсужденный и отвергнутый вариант. Такого же типа были и выступления Сталина. Я бы сказал, что с Хрущева-то и началась волюнтаризм, его выступления были экстравагантными, в них нить рассуждений было трудно уловить и не чувствовалось внутреннего диалога. Хотя, по-моему, это отражало общий спад в состоянии умов нашей партийной верхушки — как будто сильно устали после войны. Через какое-то время они уже и не могли пойти на открытый спор — подросла скептическая молодежь, с которой они утратили общий язык и наверняка проиграли бы дискуссию. Даже в тех главных вопросах, в которых они были правы. Такой, мне казалось, возник порочный круг.

* * *

Я пришел в те годы к этому противоречию, из которого не видел выхода, в ходе домашних споров с моими родными, которых можно было считать «устроителями советского жизне-

устройства» — кого рядовыми, кого офицерами среднего звена. Мать была рядовой, но «сознательной», она видела весь замысел советского строя, как будто уже в детстве его продумала, когда вместе с братьями выполняла непосильную для ребенка работу в поле. В 70-е годы она написала несколько тетрадей своих воспоминаний и размышлений. Я их прочитал, и мне они показались очень важными для понимания всего хода нашей жизни. К сожалению, когда дело дошло до конца 30-х годов, на нее нахлынули такие тяжелые воспоминания, что она сожгла все эти записки. Она, как и мой дядя Алексей, считала невозможным и недопустимым вбрасывать реальность репрессий в нашу нынешнюю жизнь — был риск, что наше поколение с этими рассказами не справится и наделает ошибок. Да и рассказы эти, как их ни пиши, получались не правдой, а только криком боли. Хрущева, кстати, за его профанацию мало кто из этих людей одобрял. Спекулянт на страданиях — это лишь в 80-е годы стало цениться.

Мать вступала со мной в споры, хотя они ей нелегко давались. Один дальний родственник, человек гибкий и себе на уме, даже предупреждал ее: «Зачем вы с ним спорите? Он же вас использует как оселок, на котором оттачивает свои аргументы. Он же не истины ищет, а победы в споре». Но она его, слава богу, не слушала.

Другим, кто со мной брался спорить, был младший брат матери, Петр. Он подростком уехал из дому, прибил к Красной Армии в Средней Азии и воевал с басмачами, стал видным командиром. Потом много учился — окончил нефтяной институт, исторический факультет, какую-то высшую партийную школу. Был секретарем горкома комсомола в Небит-Даге, а во время войны и секретарем горкома партии, строили там нефтепромыслы. Потом работал в ЦК компартии Туркменистана.

Я вспоминаю его с нежностью, такой это был добрый и веселый человек. И светлая голова — не научного склада, а именно светлая. У него сильно болели ноги, с юности. Подскакал к раненому басмачу, замахнулся — и пожалел. Его вестовой кричит: «Руби, Петр!» Петр не смог, и басмач подкинул под него гранату, сильно изранило. А в 1948 г. он ночь пролежал под руинами дома в Ашхабаде, рядом с двумя своими сыновьями. Третьего, грудного, он успел сунуть под кровать, и тот выжил. Петру тогда раздавило ноги. Когда он приезжал к нам в Москву, тяжело было видеть его приступы боли. Но характер не испортился, чуть отойдет — опять улыбка.

И мать, и дядя Петя были людьми, которые, похоже, так давно и столь многое продумали, что обычные жизненные ситуации не требовали от них долгих размышлений — они сразу поступали как будто по приказу внутреннего голоса. Не всегда

лучшим образом, но всегда исходя из каких-то непререкаемых истин. Как-то мы с дядей Петей шли со станции электрички, он только что приехал на какое-то совещание — в белых туфлях, дорогом костюме. На тропинке стоит цыганенок, замерз и плачет. Дядя Петя снял свой пиджак, закутал мальчика, пошли искать цыган. Пока искали, цыганенок пиджак обмочил.

Когда я заводил споры, ставя под сомнение ту или иную установку советского проекта, и мать, и дядя Петя говорили очень скованно. Как будто были вещи, которые я и сам должен был понимать, но не понимал, — а они почему-то о них говорить не могли. У дяди Пети при этом был такой вид, будто у него болят ноги. А я с жаром ставил вопросы — и так, и эдак. Наслушавшись в университете, и хочется свои сомнения проверить на других. Сейчас, когда я сам в их положении нахожусь, понимаю, насколько это было жестоко с моей стороны. Мне-то легче, я их добротой не обладаю, да и на своей шкуре люди уже начинают понимать ту правду жизни, о которой тогда говорить было не принято. Тогда ни мать, ни дядя Петя за собой этих аргументов не имели. А как плачут крестьянские дети от усталости, я почувствовать не мог, а они об этом говорить не могли.

В этих спорах, а иногда в них на моей стороне участвовали и мои друзья из университета, у меня постепенно сложилось ощущение, что во всех главных вопросах именно моя мать и дядя Петя правы — но переспорить меня они не могут. Они говорят не на моем языке, а я — не на их. Но они знают правду, а я — нет. Разными весами мы взвешивали дела, о которых говорили. Как будто дядя Петя видел замерзшего цыганенка, а я — испорченный пиджак. А к концу 80-х годов этот разрыв стал таким широким, что и разговоров подобных возникнуть не могло. Носят нищие по метро полумертвых (а иногда уже и мертвых) детей — и ничего.

* * *

Я рассказал о «волнениях» в МГУ в 1956 г. так, как они виделись первокурснику химфака. Полезно, однако, привести и документальные свидетельства. Они собраны в статье Е. Таранова «Раскачаем Ленинские горы» («Свободная мысль», 1993, № 3). Само название красноречиво. И очень интересно сегодня читать, по каким причинам и под какими лозунгами часть студентов-гуманитариев сделала первые шаги на тропе войны с советским строем. Читать сегодня, когда мы хорошо знаем, куда эта тропа привела.

Автор описывает инцидент в общежитии гуманитарных факультетов на Стромынке в мае 1956 г.: «21 мая студенты обнаружили в буфете несколько килограммов некачественных сарделек. Работники комбината питания не признали обвинений...

Студенты объявили бойкот столовой... Секретарь парткома начал говорить, что такие методы борьбы за улучшение работы столовых неправильны, что это не советский метод и т.п. Представители МГК и РК КПСС, прибывшие к этому времени, тоже сделали упор на «политической ошибке» студентов. Их поддерживали работники торговли и общественного питания, уверяя, что продукты свежи и доброкачественны. Тогда студенты-филологи 25 мая выставили у столовой на Стромынке пикеты и никого не пустили в помещение. К ним присоединились студенты других факультетов. 26—27-го на Стромынку устремились руководители управления торговли, работники МГК партии, представители парткома, факультетов МГУ. Они уговаривали, обещали, пугали студентов, которые требовали одного: навести порядок в студенческих столовых, выгнать оттуда жуликов».

Партком же твердил свое: это — «политическая провокация». Да, говорили его представители, жулики окопались в комбинате питания, да, столовые работают безобразно, кормят плохо и дорого. Но бойкот — это политический вызов*.

Тогда студенты-филологи, биологи, историки, журналисты вывесили лозунг: «Если ты не хочешь питаться, как скот, — поддерживай бойкот!» — и обратились за поддержкой на другие факультеты. Бойкотировались буфеты и столовые во всех зданиях МГУ». Как сообщалось на заседании парткома, в те дни появились листовки, вывешивались призывы к забастовке.

Автор публикации Е. Таранов, конечно, целиком на стороне мятежных студентов — против консервативного парткома. Завершая рассказ, он пишет: «В этих требованиях студентов никакого особого идеологического криминала не было. Но у страха глаза велики, и партком продолжал усиливаться бдительность». И это пишется в журнале, который вышел в октябре 1993 года — при грохоте залпов по Верховному Совету РФ.

События на Стромынке разбирались на парткоме МГУ в октябре 1956 г. Я уже был студентом, а до этого три года болтался в МГУ и могу сказать, что никакого «всеобщего недовольства порядками в университете», о котором пишет автор, и в помине не было. Сегодня тогдашние призывы «раскачать Ленинские горы», бойкоты и забастовки мне представляются верхом идиотизма и свидетельством полного «незнания общества, в кото-

*В примечании автор сообщает, что через несколько лет жулики на комбинате общественного питания МГУ были арестованы и осуждены. Но это сделали не путем прямой демократической акции студентов, а чисто правовым способом — следствие, суд, никакого шума. Забастовщики же, судя по статье, хотели именно прямой демократии: бойкот — забастовка — суд на площади.

ром мы живем». Но я знаю, что и тогда, в 1956 г., моя точка зрения была бы точно такой же.

Автор пишет о той атмосфере на гуманитарных факультетах МГУ, что «именно в ней, обнадеживающей и тревожной, формировались молодые люди, которых теперь нередко называют «шестидесятниками»... Это поколение многое определило в жизни советского общества последующих лет». Что верно, то верно. Так давайте из этого и исходить.

На Стромынке была первая проба сил. «Мятежные» студенты были, на мой взгляд, элементарно глупы и невежественны, из своих учебников они усвоили самый дремучий механицизм. Видно, что они ни сном ни духом не ведали, какой смысл имеет забастовка в государстве традиционного общества. Из-за ерунды они выступили так, что объективно стали сразу именно смертельными врагами этого государства — сами будучи уверенны, что стараются его улучшить. По молодости лет никто не стал тогда называть вещи своими именами, а зря.

Они даже не поняли, почему из-за их пустячного бойкота какого-то жалкого буфета в общежитии сбежали руководители МГК КПСС! Даже, небось, возгордились от такого внимания. Их увещевали и ректор академик Петровский, и старые преподаватели, и даже поварихи («уговаривали, обещали, пугали») — все напрасно.

Кстати, примечательно поведение тех, кто в годы перестройки вдруг выступил как яростный, на грани патологии, враг советского строя. Кто бы мог подумать, что А. Бутенко был тогда заместителем секретаря партбюро философского факультета по пропаганде и агитации! Его критиковали: «Он знал, что происходило на Стромынке, но не приехал, чтобы разъяснить студентам, свалил все на секретаря». Поминается и «коммунист Ю. Карякин».

Можем считать, что тот путь, на который встали студенты, пожелавшие «раскачать Ленинские горы», привел именно туда, куда и должен был привести. Значит, надо подвести итог — хотя бы буквально по тем жгучим проблемам современности, которые и толкнули этих гуманитариев на мятеж. В буфете они обнаружили несколько килограммов плохих сарделек! Так пусть их дети-студенты сегодня что-нибудь попробуют обнаружить в буфете или столовой. Какую козью морду им сделают охранники! Но они и сегодня не понимают разницу между тем буфетом на Стромынке — их буфетом — и нынешними буфетами солнечевской братвы.

Но допустим даже, что не понравились нынешним студентам-демократам сардельки. Ах, «нас кормят плохо и дорого». Да, кое-где и сегодня, при власти антикоммуниста Ю. Карякина, кормят дороговато. Почему же не видно бойкотов? Может,

демократы любят питаться, как скот? Хотелось бы услышать на этот счет рассуждения «шестидесятников». Хотя какие-то проблески рефлексии должны у них быть. И почему, если студенты МГУ вдруг откажутся есть сардельки, к ним не мчатся уговаривать деятели из администрации Путина или из МГК СПС? Почему такое равнодушие к позиции нынешних гуманитариев?

Сегодня студент прекрасно знает, что если он откажется есть сардельки, то «работники торговли и общественного питания» спокойно ему скажут: «А ты сдохни — и никаких проблем». Никто не станет этого студента ни увещевать, ни оправдываться перед ним. И тут разница между тем, что студенты имели на Ленинских горах, и тем, что они получили на Воробьевых горах в результате долгой борьбы «шестидесятников», очень наглядна. И надо в уме ее зафиксировать — из нее вырастают и все остальные различия.

Да, партком тогда был не на высоте. Е. Таранов в журнале «Свободная мысль» (бывшем журнале «Коммунист») с иронией приводит реплики ректора Петровского, проректора Вовченко. Да, они в растерянности. В их семье взбунтовались избалованные дети, а они, оказывается, утратили с ними общий язык. Петровский говорит на заседании парткома: «У нас за последнее время был целый ряд больших неожиданностей. Все было хорошо. Вдруг забастовка. Говорили о том, что мало практической работы в лабораториях... и вдруг — забастовка. Я не знаю, что может быть завтра. Вообще это страшно! Мы не знаем обстановки, в которой мы находимся... Это меня пугает». По мне, так это пророческие слова умного человека. И над ними смеются в 1993 году! От чего же свободна эта «Свободная мысль»?

Тогда на Стромынке преподаватели из парткома сказали студентам простую и верную вещь: бойкот — это политический вызов. Это *не советский* метод. А студенты-гуманитарии этой простой вещи не поняли! Они не поняли, какие методы советские, а какие — не советские. Они не понимали, чем методы «общества-семьи» отличаются от методов «общества-рынка». И люди, которые таких вещей не понимали, стали гуманитарной элитой нашего общества. Они его убили, не понимая, что делают. Вот почему ректору было страшно.

Так получилось, что вопрос о забастовке осенью 1956 г. обсуждался и у меня дома. У меня был друг из смежного класса, Валя Кузьмичев. Очень добрый и искренний парень. Жил он около школы, в деревянной избушке, даже без водопровода и канализации. Я у него в сарае ставил мотоцикл. Он был деликатный человек, но непримиримый в своих мнениях, хотя их обычно не высказывал, пока не спросят. Например, он не одобрял, что я являюсь со стилигами, он их определенно презирал.

Так вот, он поступал в МВТУ и с первого раза не поступил.

Он пошел в строительный трест, который работал в МВТУ, — это на будущий год давало какие-то льготы. (Он окончил и МВТУ, и потом психологический факультет МГУ. Не так давно он умер.) Как-то осенью он зашел к нам и рассказал, что их бригада строителей угрожала начальству забастовкой — они требовали устроить им душ и сушилку. Валя с гордостью сообщил, что, как только в райкоме узнали об угрозе забастовки, сразу причалось начальство из треста и в два счета им соорудили все, что требовалось. Вот, мол, какой эффективный метод.

Моя мать вдруг страшно рассердилась и говорит Вале: «Какие вы дураки. Добились мелочи, а теряете в тысячу раз больше. Добивались бы по-хорошему, было бы медленнее, но без потерь». Я тогда молчал, у меня четкого мнения не было, хотя я чувствовал, что мать права, — так оно всегда бывало в таких вопросах. Удивительно, что и Валя тогда это понял и страшно расстроился. Хотя сказано было туманно. Только потом, уже с опытом семейной жизни, стало понятно, что это такое — добиться чего-то сразу угрозой войны или медленно, но по-хорошему.

* * *

На первом курсе я читал много стихов. Странно, что ни до этого, ни после я особой тяги к этому не имел, а тут прямо потребность была. Дома много стихов было. Часть — еще от деда С. Г. Кара-Мурзы как-то попала, с дарственными подписями начала века. Потом, видно, поэты 20—30-х годов, которые у него дома бывали и с дядюшкой моим дружили, оставляли — так и шло. Целые полки стояли, книжки маленькие, удобные. Я каждый день брал и в дороге читал. Говорю об этом потому, что из всего этого чтения я вывел пару мыслей самых простых и почти очевидных, но они почему-то редко кому кажутся здравыми. Первая мысль сводится к тому, что практически каждый поэт, даже самый заурядный, сказал какие-то глубокие и замечательно красивые строки. Иногда совсем короткие. Наткнешься на них — сокровище. Думаешь, думаешь об этих двух строчках. Выходит, что ими оправдана вся работа этого человека, не зря хлеб ел — не пахал, не стучал молотком, а строки эти вынашивал. И нельзя его судить по количеству других, сереньких строк. Видно было, что сами поэты это чувствовали и потому могли жить, прекрасно зная, что в целом они поэты посредственные. Жили, как муравьи, и не злобились на удачливых. А те, кто злобил, видно, этого не понимал.

Вторая моя мысль была еще проще: немногие выдающиеся поэты, которых мы называем талантами, могли вырасти только в этом муравейнике, только благодаря этому общему чувству поэтического призвания, независимо от степени вероятности

стать «талантом». Можно бы сказать «питательная среда», но это не совсем верно, тут все друг друга кормили «собой».

Эти две простые мысли, которые мне пришли в голову при чтении день за днем множества поэтов, неожиданно оказались для меня важны, когда я начал работать в лаборатории. Точнее говоря, я и не переставал работать после школы — прямо с сентября пристроился к исследовательской работе и проводил в лаборатории большую часть времени. Нас таких было довольно много на курсе. Много эта работа приносила радости, но и жаль теперь — много других удовольствий не урвали мы от студенческой жизни. Утром бежишь до занятий, поздно вечером еле ноги домой волочешь, падаешь на кровать в ботинках — мать с сонного снимает.

Так вот, глядя на людей в лаборатории, я сначала задумывался — что же так тянет людей там работать? Ведь шансы выбиться в нобелевские лауреаты, академики и т.д. у большинства ничтожны. Все мы были именно муравьями, и все были довольны — согласно темпераменту каждого. Меня надоумила поэзия, а потом уж я получил подтверждения в размышлениях великих ученых. Все мы в лаборатории ткали одну ткань, каждый вносил ценные крупички, которые не всегда можно было и заметить, но все знали, что это так. Большой успех немногих принадлежал всем, и это чувствовалось так глубоко, что внешние оценки и суждения были несущественны.

Я вспомнил это по двум причинам. Во-первых, это невыраженное чувство Общего Дела в те годы наблюдалось в очень многих проявлениях советской жизни. Это иногда называли коллективизмом, но, по-моему, прямой связи с этим понятием это «чувство муравья» не имело. И искусственно, путем разумной организации труда, создать его было бы трудно. Тогда это было частью культуры, просто в поэзии и в науке проявлялось сильнее, чем на заводе. А потом появились прогрессивные теории, «оценки вклада», системы стимулирования — и это чувство стало подавляться. Вовремя объяснить его как-то не сумели. А сегодня и самые разумные молодые люди уверены, что, например, бедой советской науки было наличие большой массы «посредственных работников» — *балласта*. Значит, совсем плохо стали понимать.

В советском строе балласта не было и быть не могло. Само это понятие было для него чужеродным. Можно сказать, что оно было понятием-вирусом. Мы были соборными личностями, хотя этого слова и не знали, и все вместе составляли *симфонию*. Поэтому вопрос о ценности каждого был просто некорректен, несоизмерим с реальностью. Обо многих можно было сказать: этот ценен тем-то и тем-то. Но ни о ком нельзя было сказать, что он «не имеет ценности». И в лаборатории с умным

руководителем это было очень хорошо видно. Как-то раз у нас собрался уходить один парень — сманили его в новосибирский Академгородок. Все думали, что шеф воспримет его уход с радостью, потому что от него было много неприятностей. То нижний этаж затопит, то со спиртом его поймают охрана. Все время был на грани увольнения. И вдруг шеф стал всеми силами препятствовать его уходу, даже предосудительными методами. Он знал, что этот «балласт» представляет для лаборатории огромную ценность. Знал — а доказать бы не смог.

Когда в 70-е годы в обиход вошло слово «балласт», это уже было симптомом весьма глубокого разрыва с самими основами советского строя. Но этого, конечно, ясно не понимали. Интуитивно — да. И потому вспыхнула короткая, но яростная схватка с будущими перестройщиками именно по этому вопросу.

* * *

В студенческой жизни еще более резко проявилось то сочетание неприязнательности с аристократической роскошью, которое чувствовалось уже в школе. Большинство студентов были из типичных трудовых семей, довольно много уже с производства. Были и дети крупных ученых, министров, но они в основном тяготели к нашим компаниям и погоды не делали. Одежда тогда еще не была предметом особой заботы, а на стипендию в крайнем случае можно было даже прожить.

На первом курсе мы получали 29 руб. (я буду писать в том масштабе, который возник после денежной реформы 1961 г.). Я лично, правда, попал под пресс какой-то странной драконовской системы. До 18 лет я мог получать пенсию за отца — 30 руб. И в том случае, если я был круглым отличником, то получал и повышенную стипендию, и пенсию. А если хоть одна четверка, то или пенсию, или стипендию. Это мне сильно портило настроение, приходилось сдавать на «отлично», зато отыгрался, когда исполнилось 18 лет.

За общежитие брали 5 руб. в месяц, москвичам проездной билет на все виды транспорта стоил 6 руб. Обед 35 коп. или 50 коп. За 35 коп. было достаточно, тем более что суп давали без меры, а на столах стояла квашеная капуста и соленые помидоры, не считая хлеба. Но, если родители не помогали, можно было и приработать. Редко-редко кто жил на одну стипендию. Таким помогали, в университете был профилакторий с бесплатным усиленным питанием, туда давали путевки.

Помню случай, о котором иногда рассказываю в лекциях о русской (советской) культуре — и на Западе верят с трудом. А я его не забуду. Одно время я прирабатывал по ночам в автобус-

ном парке — за студентами МГУ там было закреплено несколько рабочих мест, и мы по очереди работали «баллонщиками». Дремлешь на куче дырявых камер, а придет бригадир, рявкнет: «Номер такой-то, разуть левую заднюю», — и бредешь с домкратом на плече, просыпаясь на ходу. Там же, в теплой караулке, сидели штатные рабочие, они вулканизировали резину. Нас, студентов, они недолюбливали. Всю ночь они играли в домино, черные, как черти. Видно, днем отсыпались. Однажды, только я разоспался, зашел начальник смены и заорал на меня: «Встать! Спать в рабочее время запрещено!» Я скандалов не люблю, сел и сижу, моргаю. Мой напарник, студент-философ, который читал сидя, закрыл книгу и лег. Делать нечего, лег и я. Начальник вышел из себя: «Отправляйтесь домой и можете больше не приходить!» И вдруг те, за столом, которые ни разу с нами не обмолвились ни словом, оставили домино, поднялись, подошли к нам и улеглись рядом на кучу резины. Молча. Все лежим в ряд и молчим. Начальник поперхнулся и выскочил. Они так же молча встали и вернулись к домино. Им не надо было ни сговариваться, ни обдумывать — у них был инстинкт.

Но вернусь к студентам. Роскошь нашей жизни была прежде всего в том, что студентов стремились вовлечь в спорт, в том числе в дорогие виды. И этими видами спорта многие увлекались — яхтой, лошадьми, альпинизмом, горными лыжами. Спортсменов у нас было много, мастер на мастере. Кстати, учились они нормально, во всяком случае в университете было так. Очень много возможностей было у нас для путешествий. Много мы ходили в походы, даже на Саяны некоторые ездили — дорогу нам оплачивали. Я и сам ходил зимой на лыжах — и на Кольский полуостров, и на Северный Урал. Сильное впечатление — две недели в палатке при температуре ниже минус пятидесяти. Летом, кто хотел, устраивались в экспедиции. Можно было даже на научные суда попасть, в Атлантику. Студенческие руки были нарасхват.

Конечно, структура потребностей во многом задается обществом, господствующими нормами. Тогда бы никто из нас не стал тратить силы и время, чтобы заработать на дорогие брюки или кожаную куртку — потому что девушки наши и так нас любили. Но сейчас нельзя же требовать от юноши, чтобы он ходил в перешитом отцовском пальто. Только очень сильная личность, почти изгой, способен идти наперекор тем требованиям, что предъявляет женская половина. Шкала ценностей стала быстро сдвигаться в 60—70-е годы, а инерционное советское жизнеустройство от нее отставало. А что делать, было непонятно. Ни наверху, ни внизу.

* * *

Когда я учился, важной стороной студенческого уклада была организация «связи поколений» студентов. У нас «естественным» путем возникали тесные контакты со студентами трех других курсов. Во-первых, со студентами ближайшего старшего и ближайшего младшего. С ними мы общались на целине, в колхозе, на стройках — и появлялось много друзей. Во-вторых, у многих были тесные связи с теми, кто был старше на 4—5 лет. Это были дипломники и аспиранты, которые становились нашими непосредственными научными руководителями в первых исследовательских работах — к ним нас прикрепляли в помощь. Они много с нами возились, вводили в курс лабораторной жизни, учили экспериментальной технике — а наша помощь им была ответной услугой. Насколько я помню, никаких проблем с авторством никогда не возникало, хотя кое-какие бунтари постоянно пытались ее разжечь.

Но был у нас на химфаке и специально созданный механизм введения первокурсников в студенческую жизнь — шефство четверокурсников. Этим занимался комитет ВЛКСМ. На четвертом курсе студент был уже достаточно опытен, но еще не загружен по горло дипломом. Тех, кто был годен и согласен помочь младшим, назначали шефами в группу первокурсников — уже в первые дни сентября. И у нас сразу объявился в группе такой шеф, и помощь его трудно переоценить. Действительно был наставником, очень заботливым. Рассказывал, давал советы, развеивал страхи и предрассудки. Самые критические моменты учебы и быта нам растолковал, скрытые пружины жизни химфака приоткрыл — все продуманно, взвешенно, без нажима.

Приобщил он тех, кто интересовался, и к студенческой песне, и к самодеятельности (а она в МГУ была на высоте), несколько раз сводил в походы — с этого многие и пристрастились. Рассказал и о том, как проходила в химии кампания борьбы с «англо-американской, несмеяново-сыркин-дяткинской квантово-механической теорией резонанса» — карликовая имитация кампании Лысенко против генетиков.

Я и сам на четвертом курсе в роли такого шефа потрудился и много хороших друзей приобрел. Не знаю, сохранился ли теперь такой обычай, но раньше это была хорошая сторона жизни вуза.

* * *

На втором курсе, после целины, у нас имела место странная попытка рецидива какого-то советского романтизма — чего-то, идущего вразрез с XX съездом. Особых дров мы наломать не успели, все благополучно выдохлось — старшие товарищи помог-

ли. Я думаю, что те, кто по каким-то схожим импульсам беспокойства вдруг соединился в «инициативную группу», тогда даже не могли бы объяснить, что их беспокоит. Сейчас я бы сказал так: страх перед неосознаваемым сдвигом студентов прочь от главных советских устоев. На обыденном языке это звучало так: что за народ нам подобрали сверху в комсомольское бюро курса? Они завалили всю работу, и видно, что им плевать и на комсомол, и на курс, и вообще на все.

Побывав на целине, в агитпоходе и т.д., мы считали, что иметь на курсе дееспособную организацию было бы совсем неплохо. И как-то мы собрались компанией уже хорошо знакомых ребят и решили на первом же комсомольском собрании турнуть все бюро прочь и выбраться самим. Абсолютно ни с кем мы не советовались, но перед самым собранием, по-моему, наш будущий секретарь этот замысел согласовал с секретарем факультетского комитета — она уже хорошо нас знала по агитпоходу и по целине.

Все прошло без проблем, все были довольны — особенно те, кого освободили от постылого поручения. Секретарем у нас стал любимец курса, парень очень живой, бескорыстный и остроумный. Внешне и манерами как две капли воды похожий на Б. А. Березовского, но с обаянием не таким сатанинским, а именно добрым. Он был моим близким и любимым другом до 4 октября 1993 г. Я стал каким-то заместителем (не помню, по какой «работе»).

Скорее всего, эта наша инициатива в целом оказалась полезной для курса. Много незаметных, но важных для студентов проблем могло тогда решить или облегчить равнодушное бюро ВЛКСМ — или, наоборот, усугубить бюро из дураков или карьеристов. Но вспомнил я об этом ради одного случая.

Одного студента из моей группы, Артура Г., очень способного в математике, попросили, в порядке общественного поручения, помочь одному студенту-«производственнику». Он отстал, не ухватил суть и уже стал впадать в панику. Артур пообещал, но затянул, а потом на просьбы «отстающего» ответил, что ему некогда, а тот пришел жаловаться в бюро. Сессия на носу, а он рассчитывал на помощь. Вызвали Артура, а он, вместо того чтобы признать, как ожидали, оплошность и быстро исправить положение, вдруг полез в бутылку и стал поднимать вопрос на принципиальную высоту. Мол, на каком основании и т.д.? Был у нас в бюро один максималист, он проблему заострил, слово за слово — и Артура исключили из комсомола. Такого исхода никто не ожидал, и прежде всего он сам, но к этому подвел сам ход разговора. Секретарь даже в пылу полемики говорит: «Сдай комсомольский билет!» А билет, как назло, у Артура в кармане; он его вынул и отдал.

На другой день секретарь факультетского бюро, человек разумный и логичный, устроил нашему секретарю головомойку. Во-первых, понятное дело, по процедурным вопросам — исключать не имели права, надо было ставить сначала вопрос на группе, выносить взыскание и т.д., и тем более никакого права не было отнимать билет. Но главное — не процедура. Наш старший и умудренный товарищ доходчиво объяснил, что ставить на обсуждение принципиальные вопросы философского характера уже не полагается. Не тот уже режим, мы уже после XX съезда партии живем. Вопрос, обязан ли член ВЛКСМ помогать товарищу, уже неправомерен и даже неприличен. Комсомол — массовая организация, и все молодые люди до 28 лет имеют право в нем состоять. Кроме тех, конечно, что обманули студентку, оставив ее с ребенком, хотя обещали жениться (насколько я помню, у нас на факультете с тех пор исключали из ВЛКСМ только за это).

Через пару дней состоялось собрание нашей группы, и все поддержали Артура. Кроме меня, конечно, поскольку тут вообще не поднимались те вопросы, которые обсуждались на бюро. Да и Артур их разумно не затрагивал. Ему вернули билет и извинились.

Совсем недавно, 21 июля 2001 г. встречалась наша группа — сорок лет со дня окончания МГУ. Артур все время вспоминал тот случай, он его, похоже, потряс. Не потому, конечно, что его исторгали из любимого коммунистического союза молодежи, на это качество ему было, видимо, наплевать, а потому, что еще был страх понести от этого самый обычный личный ущерб. Это была уже лишь инерция страха. Как показал сам ход событий, никто бы не позволил «сталинистам» его исключить из ВЛКСМ и тем самым попортить карьеру.

Разговаривая сегодня с Артуром, я прихожу к выводу, что тот случай высветил принципиальный поворот. Развитие советской государственности зашло в тупик, поскольку идеи-символы перестали выполнять свою главную роль — легитимировать государственный строй, сами находясь исключительно в духовной сфере, вне шкурных интересов. Эти идеи были огосударствлены и оказались жестко сцеплены с карьерой людей. Поэтому их стало невозможно применять как пробный камень в принципиальных спорах.

Артур, придав мелкому делу принципиальный характер, бросил вызов одной из идей-символов. Но говорить этого и вести с ним спор на этом уровне уже было нельзя. Да, он отвергал один из коммунистических принципов, на которых сначала возник комсомол. Но, поскольку сказать это значило подвергнуть его какой-то опасности в совсем другом плане (например, опасности быть исключенным из МГУ, пусть и воображаемой),

этого не мог позволить ни коллектив, ни руководство самого ВЛКСМ. Ибо это автоматическое наказание (или даже его угроза) было бы, конечно, неадекватно. Не то чтобы сурово, а просто неадекватно. Ведь Артур был лояльным советским гражданином, честным тружеником и т.д.

Сгоряча пойдя на такой шаг, наше бюро совершило большую ошибку, оно выявило несоответствие своего сознания новому состоянию советской государственности. Начался период нарастающего релятивизма в идейной сфере — никаких устоев и никаких дебатов по главным вопросам. Это, думаю, общая беда любой идеологии, слишком тесно связанной с государством. Ведь так же пострадала церковь в начале века, когда отлучила Льва Толстого. Ясно, что он был еретик и его следовало отлучить от православной церкви. Но это сразу означало и тяжелое политическое наказание, конфликт с государством. Хотя этот конфликт власть сумела замять, церковь очень пострадала в общественном мнении.

Кстати, через десять лет, работая на Кубе, я видел, что коммунистическая идеология в принципе вполне может быть значительно отдалена от государства — если общество не было вынуждено пройти через страстное состояние мессианского тоталитаризма. На Кубе тогда формировалась народная милиция — почти поголовное вооружение. Это был важный критерий отношения к идеологии. И вот довольно многие люди отказывались вступить. После этого они, конечно, не могли претендовать, например, на то, чтобы стать членом партии. Но во всех остальных отношениях их положение нисколько не менялось. Декан факультета, моя близкая подруга, не записалась в милицию, но оставалась очень уважаемым человеком. А знакомый электрик из мастерских, считая меня, видимо, чем-то вроде представителя Коминтерна, с жаром мне доказывал: «Я — за Революцию! Готов работать, и все такое. Но, простите меня, Маркс, простите меня, Ленин, — винтовку брать не желаю!» Мы к такому состоянию не пришли, а заболели.

Поминая на нашей вечеринке в очередной раз историю своего испуга, Артур сказал, что сегодня, при всех издержках, положение гораздо лучше — к людям теперь относятся мягче. Под людьми он явно подразумевал именно таких, как он сам, солидный доктор наук. Ни сгоревших турок-мехетинцев, ни изгнанных бандитами из Чечни или сидевших под бомбами в подвалах Грозного людей, ни школьников Бендер, погребенных при ракетном обстреле во время выпускного бала, Артур просто не вспомнил. А может, вспомнил, положил против этого на весы свою личную обиду — и она перевесила.

В 1956 г., когда я поступал в МГУ, в СССР прислали большую группу вьетнамцев, более 500 человек. В МГУ для них организовали годичные учебные курсы, а потом разослали по разным вузам. Преподаватели этих курсов проявляли чудеса изобретательности и терпения — словарей не было, приходилось каждое слово и даже абстрактные понятия изображать жестами. Добрая воля и взаимное желание помогали, но сил не хватало. Для вьетнамцев, конечно, все было в диковинку. Им выдали, например, цветное нижнее белье — трикотажные кальсоны и рубашку, у кого голубые, у кого розовые. Они решили, что это модные костюмы, ни у кого таких не видно, и разгуливали в них по университету. Довольно долго им никак не могли объяснить.

Как-то в конце сентября мы с приятелями сели в гостиной передохнуть после обеда, и подходит к нам группа вьетнамцев. Один из них знал французский язык, мы тоже кое-какие слова знали. Просят им помочь, приходит в обшежитие и разговаривать по-русски. Так несколько человек с нашего курса стали ходить к ним по вечерам. Обучались они быстро, занимались старательно, мы друг друга быстро начали понимать. Они рассказывали много интересного, для нас необычного. Например, как обезьяны, делая набег на кукурузные поля, сплетают веревку, обвязывают ее наподобие пояса и затыкают початки за этот пояс. Нельзя ли это считать производством орудий труда?

Все эти ребята пережили войну, от нее там укрыться было некуда. Но у всех была какая-то общая философская установка — не представлять войну трагически. Хотя рассказывали они именно о трагедиях. В этих рассказах удивляли французы, мы никогда бы о них такое не подумали — немецкие фашисты у нас казались какими-то выродками, жертвами временного помешательства. Но французы! Трудно было понять их упорство. Самолеты гоняются за отдельными буйволами! Буйволы, чтобы выжить, быстро обучаются прятаться, лучше всего в воду — только ноздри наружу. А мальчик, сбросив с буйвола ярмо, — за камень. Самолет развернется над полем, летит назад на бреющем полете — мальчик перебегает и ложится за камень с другой стороны. Плохо, когда камня нет.

Удивляло, как идеологи вьетнамской компартии сумели организовать людей на такую тяжелую войну без того, чтобы разжечь ненависть против французов. Это — заслуга Хо Ши Мина, он был человеком редкостного ума. Национальной ненависти не было совершенно — любили культуру Франции, постоянно говорили о французах — борцах за мир. Кстати, то же самое двадцать лет спустя я наблюдал в отношении американцев. При

том, что вьетнамцы воевали против них яростно и тотально, они не культивировали антиамериканских настроений.

Я близко подружился с шестью вьетнамцами. Они ходили и ко мне домой, и к моим родственникам, ночевали запросто. Мать мою они звали мамой, и даже сейчас, если кто-то приезжает в Москву, идут на ее могилу и молятся там. Особенно привязался ко мне и к моим родным один из них, маленького роста. Звали его Фу (Во Минь Фу). У него из родных во Вьетнаме была только бабушка, но и то в голодный год она вынуждена была его продать — не могла прокормить. Учился он хорошо, и его прямо из деревни отправили в Москву. Видно, нуждался в родственном тепле — и привязался, нашел убежище. После подготовительных курсов его распределили в Ленинградский институт кинематографии, у него было развитое воображение и художественные наклонности.

А я летом уезжал на целину — весело, в теплушках, много провожающих. Приехал и Фу с моим дядей Колей и его детьми, они в это время были в Москве. Как они потом рассказывали, обратно, в троллейбусе, он повесил носовой платок на лицо и под ним плакал. В Ленинграде он стал болеть, ездила к нему моя мать, потом я заехал в зимние каникулы — мы ходили на лыжах в поход по Кольскому полуострову, так на обратном пути я на день остановился. В общем, стал Фу чахнуть, не выдержал мальчик из деревеньки в джунглях таких передрыг.

Потом, через полтора месяца, он появился к нам домой. Довольный, говорит, что перевели в Москву. Посидели, поболтали, он написал открытку дяде Коле — сам нарисовал. Я ему дал адрес. Красивая открытка. Переночевали, я пошел на факультет, в метро расстались, и он исчез. Начали его искать, как в воду канул. Через пару недель звонит мне из Пярну дядя Коля. В чем, мол, дело? Почему Фу не учится, а живет у них и говорит, что у него каникулы? Оказывается, дело было так. Его решили отослать обратно во Вьетнам и вызвали в Москву, в посольство, а он уехал на перекладных и пешком в Эстонию, искать дядю Колю. Слышал, что город Пярну. Но не дошел, в каком-то поселке провалился под лед, его достали, отогрели и он там остался, работал чертежником в СМУ и жил в общежитии. Странно, но только через месяц это дошло до органов и до посольства. Его привезли в Москву, но он сбежал — и ко мне, за точным адресом. Потом прямиком в Пярну. Думал отсидеться.

Теперь уже его из посольства не выпускали. Я там с ним посидел пару дней, ел сушеных осьминогов. На вокзал пришли старые приятели. Он шепотом: «Друзья мои, помогите мне убежать». Я говорю: «Что же ты бежал в Эстонию — там же тебя сразу видно. Надо было в Среднюю Азию, там таких много». Во

Вьетнаме он стал переводить с русского художественную литературу, женился, в 1982 г. на пару недель приезжал в Москву.

В той истории для меня открылась новая сторона: не настолько велики возможности наших органов безопасности, чтобы проникать во все поры общества. Как это — в поселок пешком приходит иностранец, проваливается под лед, а потом устраивается в общежитие и на работу? А его при этом ищет посольство. Не так уж быстро работает эта машина. Конечно, это не американец, но все же. В общем, я усомнился в том, что надзор тоталитарен — вопреки тому мнению, которое господствовало в университете. Этот надзор, подумал я, настроен избирательно. В дальнейшем жизнь подтверждала, а не опровергала эту мою гипотезу.

* * *

На втором курсе я чуть не влип в неприятную историю. То есть в неприятные-то влипал, как и все, на всех курсах, но эта могла стать очень неприятной. Расскажу по порядку.

Я тогда, как говорили, много «работал на кафедре» — урывками, в свободное время участвовал в исследовательской работе. Руководитель лаборатории, под началом которого я и прожил всю мою «жизнь химика», открыл очень плодотворную область органического синтеза. Основу составлял один класс весьма активных соединений, из которых можно было получать множество самых различных веществ. Работа шла быстро, почти лихорадочно — разрабатывали золотую жилу. Одно было плохо — синтез самого исходного вещества был капризным и не очень-то приятным. И растворитель токсичный, и реактивы агрессивные. А главное, мал выход — 15—20%. Раз искомое вещество очень активно, оно после возникновения быстро во что-то преобразуется. Уловить момент, когда надо было кончать реакцию, не удавалось. И раньше остановить плохо, и позже плохо.

Один из нас, Миша Г., мой друг еще по школьному кружку, проявил большую наблюдательность и обнаружил признаки того момента, когда содержание нужного вещества было максимальным. У него выход подскочил до 50%, а иногда и до 70%! Все ликовали, очень уж не любили этот нудный синтез.

Стал Миша писать статью, но изложить свои наблюдения на строгом научном языке так и не смог — никакой редактор бы не пропустил. В старый немецкий журнал бы взяли (да и наши журналы раньше тяготели к немецкому стилю), но после войны немцы притихли и повсюду возобладали англосаксонский стиль химических текстов. Немцы не стеснялись писать так дотошно, чтобы любой понял пропись. Мише же как раз надо было описать неуловимую вещь. Он обнаружил, что пик содержания нужного кетона достигается в тот момент, когда капельки реакци-

онной смеси, отбрасываемые мешалкой на стенки колбы, становятся вдруг как бы лиловыми. При свете лампы они в момент удара о стекло мерцают — и эдак ползут, ползут по стеклу. Тут уж не спутаешь — сразу выливай смесь на лед, удача обеспечена. Но никак эта лирика в статью не лезла, и свое уникальное умение Миша всему миру передать не мог.

Тогда он решил делать исходное вещество для всего коллектива сам и загорелся идеей построить реактор, чтобы сделать весь ход процесса хорошо контролируемым. А кроме того, получать сразу много продукта — чтобы хватало на всех и надолго. Принес он из дому хорошую эмалированную кастрюлю — отец привез из командировки в США. Сделали мы чертеж крышки, всяких приспособлений. Взялся нам помогать хороший слесарь из мастерских химфака. Тут со мной и случилась неприятность.

Мастерские у нас были в другом здании, на территории биофака. И пошел я к слесарю не через центральный вход, вокруг здания, а через задний двор. В чемоданчике (а тогда многие ходили с большими, почти дорожными, чемоданчиками) я нес лист вакуумной резины для прокладки под крышку, а также, как водится, пол-литра спирта для слесаря. А кроме того, была у меня примерно сотня коробочек с диафильмами.

Наши приятели-вьетнамцы были очарованы фильмоскопами и диафильмами для детей. Эта вещь была тогда у нас в большом ходу, дети их очень любили. Смысла в них было побольше, чем в телевизоре. Дело в том, что картинку можно было держать достаточно долго, чтобы ребенок ее смог рассмотреть, а главное, взрослый сам ее объяснял — в меру своего таланта и воображения. Это всегда был хороший разговор с детьми. И диафильмов этих произвели в СССР целое море, прекрасные художники работали. Иной диафильм — это два десятка картин высокого класса.

Так вот, кое-какие деньги в комитете ВЛКСМ были, мы купили пару фильмоскопов и собрали у ребят на курсе диафильмы, какие дома валялись без дела. Я как раз должен был какую-то порцию в общежитие вьетнамцам занести. Если бы я шел, как всегда, через центральный вход, не было бы никаких проблем, но черт меня дернул... Выхожу я через проходную, и вдруг вахтер мне говорит: «Открой чемоданчик!» У меня такого и в мыслях не было, я даже вскипел: с какой, мол, стати. Он разозлился, загнал меня в свою рубку, кого-то позвал и велел открывать.

Тут я понял, что-влип. Вынос спирта! Легендарное преступление химиков, которых страже почему-то никогда не удается схватить с поличным; — и вот! Распахнулся мой чемоданчик, вахтер схватил бутылку, открыл, понюхал — все понятно, спирт.

Но глаза его уставились на коробочки с диафильмами. Он раскрыл одну, вытащил пленку, растянул ее в руках и чуть не подпрыгнул: «Микрофильмы!» Он просто весь затрясся от возбуждения. Решил, что поймал шпиона, который для виду еще и спирт выносил, как простой советский человек.

Он меня даже ничего не спрашивал, сразу позвонил куда-то, в какую-то службу: «Задержал... С химфака. Микрофильмы... Около сотни или поболее того... Слушаюсь». Все упаковал обратно в чемоданчик, с важным видом стал ждать. Ладно, думаю, с микрофильмами разберутся, но как бы спирт выкинуть. Ничего не придумал. Пришел человек и отвел меня в какое-то помещение в главном здании, где спиртом совсем не интересовались. Взяли таинственные микрофильмы, посмотрели. Что за чушь? «Три поросенка». «Гуси-лебеди». Я объяснил, и меня отпустили. Переборщик старик-вахтер. Если бы просто отправил меня к коменданту химфака, то несдобровать мне, но не за микрофильмы. Мало того что кража спирта и подкуп персонала — бывали и трагические случаи. Нальешь по ошибке не из той бутылки — ослепнет человек или умрет.

* * *

Студентом я впервые участвовал в выборной кампании (впрочем, впоследствии всего еще только пару раз). Потом, когда в 80-е годы начались нудные, на мой взгляд, разговоры — о многопартийности, альтернативности, о том, что какие это, мол, выборы, это фарс, — у меня некоторое собственное мнение уже было. А тогда, на 4-м курсе, меня послали агитатором в Раменки, недалеко от Ленинских гор, в район, застроенный бараками. Там жили строители-лимитчики.

Я обошел все комнаты моего барака, сверил списки, приглашал на собрания. Ничего особенного. В день выборов меня послали пойти поторопить тех, кто задерживается. В одной комнате жила семья — молодая пара с ребенком. Сначала они говорили, что вот-вот дела сделают и придут — стеснялись решиться. А потом говорят: «Не пойдем на выборы». Я удивился: почему? И почему так внезапно? У нас, говорят, в бараке должна быть сушилка, а ее никак не сделают. Придешь с работы мокрый — негде посушить, а тут еще ребенок, тоже белья много. Я говорю: «Ну, добивайтесь, жалуйтесь. Выборы-то при чем?» Нет, мы недовольны, на выборы не пойдем. Я говорю: «Дело ваше. Выборы — вещь добровольная».

Поехал на химфак сообщить нашему старшему от партбюро. Это был профессор Савич, известная на факультете фигура, — маленький, экспансивный. Напустился на меня: «Как это дело добровольное? Ты что! Это политическое дело. А ну, поехали

вместе». Я поразился его таланту убеждать. Сел за стол и начал: «Вы чего, ребята, добиваетесь? Сушилки нет — это безобразие. Но вы это дело переводите в ненужную плоскость, только нервную обстановку создадите. Вы сигнал дали, идите голосуйте спокойно. Я профессор Савич из МГУ, член партбюро. Сам этим делом займусь, обещаю. Пробьем сушилку — гарантирую». Они собрали ребенка и пошли — вижу, довольные. Бунтовать страшно, а сушилка нужна.

Но у меня язык не поворачивался уговаривать. Решай сам! Это уже, конечно, вирус демократии. Кстати, как раз в тех, кто особенно по многопартийности страдал, я этого вируса не замечал. Савич пошел сам в барак и стал взывать к здравому смыслу. И что-то пообещал потому, что дело было ясное. А уже потом, в институте, на таком же посту была тоже член партбюро, но прогрессивная женщина. Она тоже меня гоняла поторопить. А мне резонно отвечают: «Ну что ты гонишь? Сказали, что придем. Ведь для чего-то участки держат открытыми до десяти вечера». Я согласился, что это резонно. Пришел, говорю ей, а она чуть не в слезы — хотела уйти пораньше. Идите, говорит, выпишите на них открепительные талоны. Я изумился: «Да вы что? Это же незаконно. К тому же они сказали, что придут. Вы идите, если вам надо, а я буду до конца сидеть». Она на меня обиделась: «Глупости все это. Уйти я не могу, пока все не проголосуют или талоны не будут лежать. А если они придут, их талончики порвут». Я уперся, и больше меня в эти дела не брали.

* * *

Пять студенческих лет пролетели быстро, само устройство этой жизни обдумывать и не успевали, еле успевали принять реальность как данное. Потом додумывали. Объем учебной работы, который наваливается на студента сразу в сентябре, ошарашивает — это такой разрыв непрерывности после школы, что не всякий выдерживает. Что-то тут в школе не продумано. Тем, кто в старших классах ходил в кружки МГУ, было, конечно, легче, а для многих учеба была сопряжена с тяжелыми перегрузками. Значительная часть скользила по зачетам и экзаменам, не успев как следует ухватить суть. Специалистами они выходили, навыки получали, но свой истинный потенциал раскрыть в работе не могли.

Для химика, по-моему, главное было понять термодинамику. Не аппарат ее математический освоить, а как-то переключиться с механистического видения процессов на термодинамическое. Тут происходило резкое разделение — на тех, кому это удалось, и тех, кто экзамен сдал, а видеть мир по-иному не стал. Да это и не только для химика было важно. Сегодня споришь с кем-

нибудь о том, что происходит в нашем обществе, и видишь, что он так и продолжает видеть все в понятиях ньютоновской механики. Трудно с ним говорить, как будто о разных вещах речь идет. Не чувствует собеседник «потенциальных барьеров», и странно ему, что путь к хорошему состоянию почти всегда сопряжен с временным ухудшением положения.

Думаю, на химфаке были сильно поставлены практикумы и семинары. Преподаватели работали с небольшими группами, много времени каждому уделяли. Когда я учился, шла смена поколений преподавателей среднего звена — тех, кто вел семинары. Приходила молодежь просто блестящая, особенно математики и физики-теоретики. Интеллект их просто восхищал, одно удовольствие было их слушать. Действительно, можно было гордиться своей страной — без всякой патетики так могу сказать.

Кроме того, очень большая часть студентов занималась, больше или меньше времени, исследовательской работой. Не всегда успевали глубоко вникнуть, но зато навыки экспериментатора осваивали хорошо. Позже, работая на Кубе, я видел своих сверстников — специалистов из Франции, Англии и США, не говоря уж о чехах и поляках. Я бы сказал, что у наших, из МГУ, была своя, особая хватка. Легко брались и осваивали новые для них проблемы. Западные этого не любили, приезжали со своими темами, а к другим проблемам относились как-то равнодушно. Может, для них это и лучше было — делать, что знаешь.

Что касается теоретического курса, то сегодня я прихожу к выводу, что можно было его поставить лучше. После того как я оставил химию, два раза я испытал чувство горечи оттого, что поздно познакомился с системами знания, которые в университете и аспирантуре меня могли бы поставить на гораздо более высокий уровень понимания химии — но этих систем нам не давали. Я не уверен, что их дают в полной мере и в западных университетах, но в большей мере, чем у нас, — это точно. Даже если судить по той литературе, что там издается и, видимо, читается. Если бы я раньше узнал то, что освоил, уже уйдя из лаборатории, то, конечно, сделал бы в химии гораздо больше и с меньшими усилиями.

Первое — мы почти не получили знаний по общей методологии науки. Как наука возникла, в чем особенности научного метода, как находить и ставить проблемы, как различить «точки роста», какие главные работы надо читать и как их распознать? Все эти вопросы нам приходилось решать интуитивно или методом проб и ошибок. Старшие товарищи решали эти вопросы теми же способами и советы молодым часто давали неверные. Ползучий эмпиризм в самом прямом смысле слова — в то время, как в методологии науки многое было пройдено, открыто,

проверено. Узнай и используй! Не знаю, как на других факультетах, но профессура химфака вкуса к этому не имела и, похоже, до сих пор не имеет. Много мы от этого теряли, гораздо больше, чем можно предположить. При тех же способностях и затратах труда наши ученые могли бы достичь намного большего.

Второе открытие я для себя сделал, когда в 1990 г. мне пришлось осваивать и читать в испанских университетах курс истории химии. Курс этот я осваивал сам, с чистого листа. Те книги по истории химии, что я раньше читал в СССР, практически мне не помогли и, я бы сказал, к реальной истории химии имели мало отношения. Я построил свой курс как рассмотрение главных этапов становления химии как науки, череды революционных прозрений. Когда я собирал и изучал доступную литературу (а в моем распоряжении была очень богатая библиотека), меня холодный пот прошибал. Ни студентом, ни после я не понимал главных вопросов! Прорывы к современной химии не объяснены в учебниках.

Никто нам не растолковал, почему смотреть опыт с магдебургскими полушариями собрался весь город. Ведь если вакуум существует, то рушится вся старая картина мироздания! Рушится даже обоснование власти королей. Ну, короли это побочный эффект, но атом! И как без того, чтобы понять те ограничения, в которые на каждом этапе загнана мысль ученого, можно оценить необычность того стиля мышления, которым отличался русский научный ум? Я помню, на химфаке многие студенты не верили, что русская химия обладала какой-то самобытностью. Считалось даже, что наши Ломоносов или Менделеев — чуть ли не плод советской пропаганды. Говорилось о *предшественниках* Менделеева! Надо просто ничего не понимать в скачкообразном ходе мысли от Бойля к Менделееву, чтобы называть предшественниками периодического закона Менделеева попытки классификации элементов, имеющие чисто внешнее сходство с его таблицей. Я, химик и любящий химию, по-настоящему не знал своего дома.

Но когда я учился, я об этом не думал. Слава богу, что хоть важность термодинамики понял — кто-то незаметно меня вразумил. А ведь мог бы отнестись как к любому другому предмету.

* * *

Особое место в моей студенческой жизни (и, думаю, многих) занимает *целина*. Первый раз студентов посылали туда в 1956 г. Я ездил два следующих года. Большое дело сделали те, кто это придумал. Нас бросили в особую точку советской жизни, где можно было увидеть и понять очень многое. Если, конечно, было желание. Есть ведь люди, которые на что-то странное в

упор смотрят — и не видят. Кажется, забыть такое невозможно, а назавтра его спрашиваешь — нет, не видел!

Каждый бы рад про свои молодые годы что-то рассказать, и мне трудно удержаться. Но постараюсь ограничиться тем, что оставило зарубку, «наставило на путь». Не по порядку важности, а так, как тянется нить воспоминаний. После первого курса поехали добровольцы, примерно четверть курса. Мне повезло — попали в Кустанайскую область. Я даже как-то отпросился на сутки и на попутных съездил в Михайловку, где был в эвакуации. Прошел те два километра до школы на холме, куда я бродил ребенком, когда скучал по матери. Вспомнил пруд, где меня чуть гуси не загрызли, аквариум в учительской, около которого меня укладывали на диване спать после такого путешествия.

На этот раз мы ехали из Кустаная на грузовиках, через казахские кишлаки. Был 1957 г., многие семьи жили еще в землянках. На остановке в одной такой землянке мы попросили напиться. Старуха вынесла ведро: «Пейте. Все-таки любим советскую власть». После европейской части землянку было видеть не по себе. Приехали, сгрузились на окраине деревни, разъехались по отделениям совхоза. Привезли нас на место — степь и перелески, надо ставить армейскую палатку. Подъехал молодой казах-пастух на лошади. Хоть и лето, а в шапке-ушанке и полушубке на голое тело. Мы еще ночи казахстанской не хлебнули, и в жару его наряд казался странным. Он явно залюбовался на наших девушек, но разговаривать стал с ребятами. Разговор был такой замечательный, что в память врезался до мелочей, — и в то же время не верится.

Парень тот кончил местную десятилетку и работал пастухом. Узнав, что мы из МГУ, он обрадовался — у них, мол, таких никогда не бывало. И спрашивает нас: «Над чем сейчас Виктор Шкловский работает, что нового пишет?» Я лично имя Шкловского отдаленно слышал, но ничего не читал, так что промолчал. Нашелся среди нас один знающий, что-то сказал пастуху о космологии. Пастух проявил полное знание предмета. Я, говорит, стараюсь все книги Шкловского покупать, да не уверен, что все к нам доходят. Потом спрашивает: «А что Бонифатий Михайлович Кедров написал? Мне его работы по философии науки нравятся. Вы с химфака, наверное, знаете». Б. М. Кедров был философ и историк химии, но тогда я и имени его не слышал, это потом я его слушал на первом собрании, где открыто громили Т. Д. Лысенко (кстати, я с Лысенко рядом сидел на том собрании). А позже с Кедровым мне пришлось работать в одном институте. Но тогда пастуху никто не смог ничего ответить. Девочки наши вообще отвернулись, их смущали косматая лошаденка и тулуп на голое тело. Захохотал пастух и уехал.

На целине моментами приходилось работать с полным напряжением сил. Почти для всех это было в диковинку, и узнать, что это такое, было полезно. Одну группу поставили работать на местный кирпичный заводик — месить глину, пропускать ее через машину, обжигать кирпичи. Машина была такая прожорливая, а сил, казалось, так мало, что один парень от безысходности стал тайком подкладывать в глину гвозди — и струна, которой отрезается от глины очередной кирпич, лопалась. Пока механик, чертыхаясь и удивляясь, менял струну, ребята переводили дух. Потом саботажник в припадке откровенности признался одному приятелю, а тот рассказал мне.

Работа с полным напряжением сил — это еще ничего, потом можно отдохнуть. Но иногда приходилось делать какое-то краткосрочное усилие, которое требовало сил больше имеющихся. Если постараться и друг друга понимать, то сверхусилие можно сделать очень большое, при этом его возможность можно оценить довольно точно. К моему удивлению, на целине ребята разделились на две части по такому простому признаку — одни могут и умеют собраться и сделать такое сверхусилие, а другие — нет. Надо, например, что-то сдвинуть или поднять, а они просто не верят, что это возможно, а если не верят, то и мускулы их не могут напрячься в нужный момент. Это было странно видеть — такие же сильные, хорошие, честные и т.д. А — не верят! Позже, в некоторых критических ситуациях, я убедился, что если на таких рывкнуть как следует, то и они на какой-то момент входят в норму и дергают, как надо. Но часто же рывкать не будешь, да и невозможно это. Тогда, на целине, ребята на эти два класса разделились, думаю, примерно поровну. А потом с годами стало, похоже, расти число тех, кто в возможность соединиться в одном усилии и сделать что-то очень трудное не верил. И, главное, они стали теории под это подводить, причем теории убедительные. Организация труда, эффективность... Стало хорошим тоном не понимать истории России, даже совсем недавней.

Работа на целине была интенсивной, много техники. Было видно, что такое разрыв между быстрым ростом технической оснащенности и привычками людей. Наверное, в 30-е годы этот разрыв был глубже, но и тут его значение можно было понять. Об этом сейчас не думают — все злятся, что у нас после войны стали «Победу» выпускать, а не «Мерседес-600». На целине этот разрыв проявлялся в высоком уровне травматизма. Была для него и объективная причина — очень уставали люди. Усталый тракторист заснул и вывалился из трактора. Получил травму, догнать трактор не смог, тот ушел в степь и наехал на палатку со спящими людьми. Усталый прицепщик заснул в борозде,

полусонный тракторист на него наехал. На деле люди не были готовы быстро привести в соответствие с реальностью организацию своего труда. И не прочувствовали значение техники безопасности. Знакомый тракторист полез в сырую погоду под трактор с дрелью — погиб от удара током. Знакомый механик полез в зернохранилище что-то наладить, кто-то в этот момент пустил зерно, оно хлынуло и в момент его погребло. В эти дни бригадиры со слезами хватили нас за руки, умоляли быть аккуратнее. На этих смертях мы учились.

Со всеми были опасные случаи, и мелкие травмы были. Меня как-то послали прицепщиком на пахоту. Километра четыре от палатки, ночью. Указали путь по звездам. Шел через степь, промок в каком-то болоте, потом стал слышен трактор, а потом и свет. Пришел, сел на плуг. Тракторист — девушка с курсов механизаторов, еле ворочает языком от усталости. Меня на холодном плуге, неподвижного и мокрого, всего трясет от холода. Под утро минут двадцать подремали в кабине, согревая друг друга под телогрейкой, — и снова пахать. К середине дня не вмоготу мне стало сидеть, все тело онемело. Я встал и еду стоя, пока прямая борозда. И надо же такому случиться — разорвалась сцепка. Плуг в буквальном смысле слова стал как вкопанный. То есть моментально. Это я сообразил уже позднее, а в тот момент просто получил откуда ни возьмись удар в лицо и потерял сознание. Я упал вперед на плуг и ударился лицом о балку. К этой балке были привинчены в ряд приплужники — маленькие лемехи, ненужные на пахоте. Привинчены вверх остриями. Моя голова вошла точно между двумя этими остриями, даже ни одно ухо мне не оторвало. Удача: Хорошо, что лицо было под таким слоем пыли, что девушка не удивилась его деформации. Пока она, как в замедленной съемке, вылезла из ушедшего вперед трактора, я уже пришел в себя и сполз на землю. Под вечер закончили, поехали на усадьбу, и мне моя начальница доверила вести трактор — ДТ-54. А сама ненадолго закрывала глаза — не спала, а как бы впадала в забытие.

В другой раз, уже на следующий год, я пережил страшные полчаса, так как сам мог стать причиной тяжелых травм. Я был бригадиром, у нас в бригаде было 11 китайцев. Одного я поставил помощником на кукурузоуборочный комбайн — он рубил зеленую массу на силос, и надо было с короткими вилами ее разгребать в кузове самосвала. Вдруг на другой день утром он говорит, что больше на эту работу не пойдет. Это меня удивило — парень очень хороший и работающий. Я решил, что чем-то его комбайнер или шоферы обидели. Пришлось мне пойти самому, все уже были расписаны. Работа оказалась тяжелой, самосвалы шли один за другим, зеленой массы невероятное количество (великое дело сделал Хрушев с кукурузой). И вот, ближе

к обеду, я спрыгнул с очередного самосвала, за ним, упершись в зад бампером, подъехал другой — все делалось на ходу. Я догнал самосвал, забросил в кузов вилы, подтянулся на заднем борту. Но тут у меня поскользнулся на мокром металле сапог, и я сорвался. Пока я снова догнал самосвал и вскарабкался, набралась треть кузова зеленой массы, и вилы мои оказались под этой кучей. Я стал ее раскидывать — тщетно. Кое-как я растолкал массу по кузову сапогами и руками, соскочил, бросился к кабине и стал кричать шоферу, чтобы он на силосной яме предупредил, что в кузове — вилы. Они представляли страшную опасность. В траншее, куда сваливали силос, девочки работали в купальниках, толклись по пояс в зеленой массе. Если бы незамеченные вилы встали торчком, кто-то мог бы запросто на них напороться, самым фатальным образом. Шофер явно меня не расслышал, махнул рукой и умчался — а я должен был лезть в следуюшую машину и, как мог, выполнять мою работу. Объясняться было бесполезно — ничего не слышно, и все в трансе этой захватывающей работы. В обед я помчался к траншее — мои вилы оказались благополучно погребены в силосе, ничего не произошло. А могло бы.

* * *

Тем из студентов, кто хотел видеть, целина давала прекрасный урок простой мудрости: даже те улучшения, которые тебе кажутся очевидно полезными, надо делать очень осторожно. Улучшая часть целого, которое тебе недостаточно известно, ты можешь ненароком сломать какую-то часть этого целого. Так, что вместо пользы нанесешь ущерб или людям, или хозяйству. С нами было два таких случая (я хоть и участвовал в этих работах, но недолго, а суть конфликта мне потом рассказал мой друг Тамерлан Айзатулин, который там был за старшего).

Поручили нам очистить от навоза овчарни, в которых зимовали овцы. Никогда их, видно, не чистили, и год за годом навоз заполнил строения почти до крыши. Работа оказалась тяжелой и муторной. Слежавшийся за многие годы и высохший за лето навоз, к тому же армированный соломой, представлял из себя упругий прочный материал, который не поддавался лопате. Ковыряешь, ковыряешь по кусочку. Вилы ломались. Понятно, почему годами никто за это не брался. Старый бригадир приехал, показал нам, что надо делать, и сказал: «Снимете сверху сколько сможете, а я через пять дней приеду посмотреть».

Думали, думали, как же этот навоз взрывать. В конце концов нашли способ. Было у нас несколько спортсменов, даже гимнасты хорошие были. Они научились прыгать на лопате, стоя на ней двумя ногами и держась за черенок. Если прыгал доста-

точно тяжелый человек и достаточно высоко, лопата легко пробивала слой на глубину штыка. Так навоз нарезался на ленты, а отслаивался он легко. Дело пошло быстро, и до приезда бригадира весь навоз до земли был изрезан на кубики и вывезен, а пол в овчарне был чисто подметен метлами, которые наломали в рощице.

Когда бригадир приехал, ребята уже играли в волейбол, что его возмутило, и он их обругал. Поэтому никто даже не пошел сопровождать его в овчарню. Он туда вошел один, через мгновение оттуда раздался его отчаянный крик. Тамерлан говорит, что он был похож на вой раненого зверя. Все кинулись туда. Оказывается, для зимовки овец обязательно надо, чтобы на земле оставался достаточно толстый слой слежавшегося навоза. Отара растет по мере создания этого слоя. Навоз не только прикрывает холодную землю. Окисляясь, он греет овец, и его не заменить, например, соломой. Убрав навоз до земли, мы создали людям большую проблему, которую бригадир просто не знал, как решить.

Второй случай был на том кирпичном заводе, о котором я уже писал. Из одиннадцати студентов, которых послали работать на кирпичный заводик на берегу Тобола, большинство были хорошими спортсменами или сильными ребятами. Они быстро нашли хорошую организацию трудового процесса, а главное, придумали много полезных нововведений. Тут особенно постарались как раз слабые, иначе бы им было невозможно держать общий ритм (тот «саботажник», например).

Так, сделали из досок что-то вроде рельса для тачки с небольшим уклоном — от машины до сушилки. Теперь тачка катилась сама, только равновесие подерживай, а это даже слабому спортсмену под силу. Если одна тачка из десяти опрокинется, не беда — обратно в глину. Зато производительность резко возросла. Но стали замечать, что машина снова стала часто ломаться — то и дело струна лопаается. Подкараулили ребята и теперь уже поймали саботажника — самого механика Славку, худосочного парня. Он подкидывал гвозди в глину. Хотели его поколотить, но он говорит:

— Вы тут все спортсмены, бегаєте как угорелые с тачкой. Через месяц вы уедете, а нормировщица нам после вас повысит норму выработки. И попробуй докажи. Она тебе скажет — вон, мол, сопляки студенты без всякого опыта сколько кирпичей давали. А у нас тачки бабы возят, кто из них по этой доске проедет?

Подумали ребята и сочли, что Славка рассуждает разумно. Он им на своем языке высказал общий принцип: если хочешь улучшить систему, посчитай сначала, имеются ли ресурсы для того, чтобы она работала по-новому. Если нет, то ты можешь

разрушить и ту систему, которая худо-бедно, но работает. Жалко, что не этот худосочный Славка был у нас в 1992 г. премьер-министром, а очень упитанный Гайдар.

* * *

На целине мы, студенты 1—3-го курсов, сами, на опыте, могли понять, что такое и как много значит хорошая организация и знание материала. Директором совхоза, куда мы приехали во второй год, в Северо-Казахстанской области был Герой Труда Лизунов. Приехал он туда из Воронежской области, на фронте потерял правую руку до плеча. Дело знал хорошо, уже с пяти утра его синяя «Победа» мелькала по полям. Совхоз засевал 35 тыс. га пшеницей, все работало как часы. Поля прекрасные, пшеница уже новых сортов, низкорослая, урожайная — а ведь 1957 г. Молодые агрономы, механизаторы, большинство с тонкими, интеллигентными лицами (особенно девушки). Ходили уже не в телогрейках, а красивых куртках, как у летчиков. Даже удивляешься, куда все это в 70-е годы исчезло.

Мы в июле убрали сено, с нами было четыре шофера. Один из них, Роман, красавец-грузин, был местным донжуаном. Гордый до невозможности. Гонял свой грузовик с сеном на полном газу, пыль столбом — катал в кабине девушек. Однажды директор на «Победе» погнался за ним, еле догнал, объехал и заставил остановиться. Роман вышел, директор к нему подошел и, ни слова не говоря, залепил левой рукой оплеуху. Мы думали, что Роман его убьет, он от малейшего неуважительного намека лез в драку. А он улыбнулся и говорит: «Простите, Василий Петрович, больше не буду». И потом об этом случае вспоминал чуть ли не с гордостью.

В нашей бригаде мы приняли довольно сложную систему маневрирования. С поля часть ребят уезжала с машинами на скирдование, что уменьшало задержку машин на скирде, да и отдыхали по пути. Казалось, что на скирде много народу. Там платили повременно, но немного. Так что в наряде я много работников записывал на скирдование и поменьше — на поле, на погрузку. А там платили сдельно с большой прогрессивкой. Когда пришло время выписывать зарплату, бухгалтер изумился — у нас выходило очень много. Но он не мог понять почему — все оформлено правильно. Попытались взвесить машины с сеном, но мы их так утрамбовали, что они еле до весов доползли, шоферы обхохотались. Пришел в бухгалтерию директор, взял наряды и с одного взгляда все понял. Разозлился на меня, стал свою культу массировать, это был плохой признак. Я ему говорю: «Что вы сердитесь, посмотрите на скирды. Когда у вас было столько сена? Вы его зимой будете продавать. То, что вы

нам платите, — мелочь». Это была правда, и он махнул рукой. У нас получилось, что мы выполнили шесть норм, и за это получили районный выпел. А заплатили нам все равно столько, сколько считали нужным. Платили ведь студентам не по труду, а по возможности, но мы по молодости лет этого не понимали.

Впрочем, особенно сильно обижаться на нас директор не мог, потому что недавно бухгалтерия с нами нехорошо поступила (сам он, правда, при этом оставался в тени, но наверняка все знал). Нас слезно попросили сделать тяжелую и очень неприятную работу и обещали заплатить за нее очень хорошие деньги. Это сразу чуть ли не на треть увеличило бы зарплату каждого члена бригады, а поработать надо было дней пять четверым.

Дело было в том, что совхозу надо было устанавливать автомобильные весы, они как раз прибыли с завода. Яма для них была давно готова, но ее заполнили ядохимикатами в рваных мешках. Тогда поля обрабатывали с самолетов — великое дело. Эффективность огромная, и в СССР была создана сильная сельскохозяйственная авиация. Такая, что она после завершения работ у себя в стране работала по контрактам за границей. Ядохимикаты завезли, но часть бумажных мешков была порвана, и их сложили в яму для весов — она была уже под хорошей крышей. Пришли весы, а тут уборка, очищать яму некогда, да и очень плохая работа, все надо делать вручную, копошиться в яме с этими ядами, ведрами подавать наверх. Совхозные рабочие отказались наотрез, и директор слезно молил нашего руководителя, да и денег обещал заплатить 2 тысячи рублей (на счет суммы я после стольких денежных реформ могу и ошибиться, но выглядело это как большие деньги). Посовещались мы — вредно, конечно, защиты никакой. В основном фосфорорганические соединения. Но раз мы химики, отказаться неудобно.

Я поговорил с близкими друзьями: кто хочет, пойдемте со мной. И мы вчетвером взялись. Обмотались тряпками, на лицо респиратор, двое в яме, двое оттаскивают. Сделали работу, а нам в бухгалтерии говорят: какие две тысячи? Вы что, ребята, посмотрите расценки. Самое близкое, что могли придумать нормировщики, это погрузка ядохимикатов в мешках с подъемом на полтора метра — на грузовик. Ни яма для весов, ни рваные мешки в советских нормах не фигурировали. В общем, выписали нам что-то вроде двухсот рублей, точно не помню. Собрались мы между собой, хотели сначала пойти и быстренько все эти тонны ядохимикатов обратно в яму побросать. Но сознательность заела. Ладно, думаем, лукавые бухгалтеры, пользуйтесь нашей добротой.

* * *

Маневр людьми на уборке сена нам очень помог, но еще больше — наблюдательность одного из нас, Алика Штейнмана. На соседней скирде работали старшекурсники и с ними два преподавателя, с гонором. Они втроем влезали на большой грузовик. Разгружали почти два часа. Алик смотрел, смотрел — и понял.

Мы убирали сеяные травы. Они были пусть не в рост человека, но очень высокие (какие сорта уже тогда были!). Когда на вилах поднимаешь копны такого сена и кладешь их на машину внахлест, весь воз кажется одним целым, границы между копнами исчезают. Если наверх влезает три человека, каждый обязательно наступает на краешек копны, и сосед должен с трудом выдирать ее вилами из-под ног. И своих, и соседа. Но если внимательно приглядеться, эти «скрытые копны» можно различить. Тогда можно отступить в сторону, взять вилами только эту копну, не зацепляя другую, и без всяких усилий ее поднять. К нам пришел с сеном «ГАЗ-51», Алик влез на него в одиночку и показал нам, как легко можно передать все сено на скирду. Дошло до того, что он в качестве рекорда разгрузил такой «ГАЗ» за 14 минут. Один! Правда, как вихрь метался по сену, со стороны казался сумасшедшим — то там ткнет, то здесь. Очень толковый был парень, со сложным характером, много думал.

Вообще в каждом деле были секреты мастерства, и кто что умел — показывал желающим. Один студент, бывший грузчик, показал нам, например, как надо поднимать и носить тяжелые мешки. Ведь почти никто не умеет, вот и мучаются люди. Кое-какие приемы были на погрузке сена, и мы научились подавать наверх очень большие порции сена, не надрываясь. Удивлял один китаец. Красивый, из аристократов, высокий и тонкий, как тростинка. Но так вдумчиво осваивал технику, так точно распределял вес на кости, соблюдал равновесие, что стал поднимать наверх просто невероятные копны. Здоровые мужики приходили смотреть, удивлялись.

* * *

Странно было видеть, как индивидуально сочетаются люди с работой — в одной мастер, а другая никак не идет. Один парень сам попросился на силосный комбайн. Тяжелая работа, а он справлялся отлично и был доволен. А до этого он работал на скирдовании сена и выглядел лодырем. Одну девочку такое зло взяло, что она возьми да и вонзи ему вилы в ягодицы. Тогда парень ничего не сказал, только отпросился у меня в город к врачу — мол, живот сильно болит. Однако шофер Роман этот инцидент видел и был в восхищении от поступка той девушки.

Но это я вспомнил потому, что человек с удовольствием и умело делал более трудную и изматывающую работу, но индивидуальную. Не нравился ему конвейер — он должен был на скирде подавать сено так, чтобы Наташа наверху подхватывала его на лету, иначе ей много усилий требовалось.

В 1958 г. из МГУ на целину ездили не добровольцы, а всем курсом. Кто не хотел, конечно, не поехал, повод всегда найдется. Но, раз не добровольцы, возникли новые проблемы. В прошлый раз, будучи добровольцами, мы без всяких собраний договорились заработанные деньги разделить поровну. Теперь пришлось устроить собрание. Как ни странно, возникли острые дебаты, доходило чуть ли не до рукоприкладства. Зазвучали слова «уравниловка», «материальное стимулирование». Студенты из деревни, которым как раз деньги были нужнее всех (и которые, кстати, работали продуктивнее других), помалкивали. Громче всех шумели прогрессивные москвичи из теоретиков. У меня в бригаде было 62 человека, и мнение у нас было едино. Я заранее сказал, чтобы не дурили и глупостей не говорили, — некому у нас за каждым ходить и измерять его работу, да и глупо это. Здравый смысл взял верх, и собрание решило делить поровну в каждой бригаде: А физики, как и в прошлом году, вели индивидуальный учет. Чушь полная, потому что этот учет — всего лишь ритуал, как и у нас уравниловка. Потому что все равно я назначил кому надо премии — соответственно работе и, в какой-то степени, нуждаемости ребят. Зато все лето у всех было спокойно на душе, и все старались в меру сил.

Деньги вышли немалые, зарплата с премией — полугодовая стипендия. В последнюю ночь мы, бригадиры, при свете керосиновой лампы (дизель на ночь отключали) делили в какой-то каморке деньги, что нам притащили в мешках из бухгалтерии. Тут же разлили остатки спирта, отметили конец приключений, рассовали пачки за пазухи телогреек и разбрелись по грязи по своим бригадам. Под утро меня растолкал бригадир с третьего курса, чуть не плачет. спрашивает, раздал ли я уже деньги. Какое там, все уже спали, когда я приплелся. Дело было в том, что он где-то свалился в овраг и потерял большую пачку денег. Шарил ночью, шарил, не нашел — был сильный дождь со снегом. В общем, посчитали мы с ним, пошли по другим бригадам и у всех отняли часть. Тем дело и кончилось. Прекрасный был парень тот бригадир. Надо это сказать, потому что он потом отравился в лаборатории и умер.

Тот год, если кто помнит, в Северном Казахстане выдался тяжелый. Урожай был очень хороший, любо-дорого смотреть. Но только началась уборка — мороз и снег. Надо валки обмолачивать, а они под снегом. Хорошо помню день 21 сентября, дети утром в школу идут на лыжах, такой снег глубокий. У нас

ни у кого нет теплой одежды, все обмотались полотенцами вместо кашне. Спим в недостроенных мазанках, без печек, без одеял, вода в цистерне замерзает. В такую погоду работы нет, а нельзя без работы, тем более в плохую погоду. Поговорил я с друзьями и стал гонять ребят за три километра на зернохранилище, это уже не совхоз. Там работы сверх головы. Сначала ворчали, хотелось отдохнуть на нарах, а потом втянулись. Зато хорошее настроение сохранили. А те, кто на нарах в карты играл, печальное зрелище стали представлять. Ругаться стали между собой — а такие же наши сокурсники, химики. Труд сделал человека и его держит.

Как назло, тогда начались какие-то осложнения в Китае с Америкой. Двухсотое серьезное предупреждение, трехсотое. Китайцев отозвали в Москву, для бригады это была большая потеря. А главное, не прислали солдат и армейских грузовиков. Собралось партсобрание, как бригадир и я пошел. Директор и агрономы орут, секретарь обкома оправдывается и даже угрожает. Студентов привезли до 1 октября — кому хлеб из-под снега вытаскивать? Мы — телеграмму в деканат, нам разрешили остаться, кто хочет добровольно. В Москву почти никто не уехал, но жизнь стала тяжелая. На наших девочек из министерских семей можно было только удивляться, им все это было непривычно, но выдержали на равных. Питались мы из походных кухонь, но теперь уже было не до борщей, рук сильно не хватало. Просто варили картошку. Смотрю, почти никто уже не чистит ее — польют маслом и едят прямо с кожурой. Значит, всерьез устали. Месяц еще пробыли, много поучительных вещей повидали.

* * *

Изредка, но устраивали мы и праздники. Как-то вдруг захотелось отпраздновать чей-нибудь день рождения. Посмотрели, у кого близко, — и устроили. Угощений особенно не было. Я зашел на ферму, и там с радостью налили мне два ведра густых сливок. Девочки в них изжарили картошку. Стали собирать в степи костер, шел мимо знакомый шофер — настрелял на озере уток. Узнал в чем дело — отдал нам этих уток, их изжарили на углях, дали именинникам. У начальника нашего отряда химиков был спирт, и он мне выделил нашу долю. Даже какие-то подарки нашлись. Хорошо все получилось. Один именинник был китаец, он так растрогался, что обходил всех со слезами на глазах, отщипывал каждому кусочек своей утки.

У нас в бригаде был один ребенок, Коля, лет двенадцати. Девочки с нашего курса и один лаборант ездили в детский дом в Хотьково — подружился там, и уже было трудно оторваться. Этот мальчик был старше других и очень хулиганил, так что

даже стоял вопрос о его передаче в колонию. Лаборант Володя упросил отпустить его с нами на целину и там его опекал. Коле нашли хорошую работу, которая ему нравилась. Ему дали лошадь и бочку на колесах — он развозил воду по бригадам. Иногда и верхом мог прокатиться. Трудно только было Коле вставать по утрам — сон в этом возрасте крепкий. Володя склонится к его уху и шепчет: «Вставай, Коля, пора. Вставай, Коля, пора». А то и сам встанет пораньше, поймает лошадь, запряжет ее. Коля работал и зарплату получил, как все, за лето успокоился — никто бы в бригаде и не подумал, что он хулиган. А кто знал, не говорил.

Я вспомнил Колю и наших девочек, которые ездили в Хотьково, когда уже в начале перестройки стали на телевидении громить детские дома. Конечно, у людей было идеологическое задание — надо было опорочить порождение тоталитарного советского государства. Не буду об этом спорить. Но сколько при этом они выплеснули тупой злобы и подлой безжалостности к детям. Эти передачи сразу отвратили меня от Горбачева, сильно подействовали. Добрые тети с телевидения тогда заставляли детей перед телекамерами говорить гадости о своих воспитателях и учителях. И как дети после этого могли с ними жить, когда эти тети убралась в свои студии в Останкино?

Насколько же мудрее были наши девочки, которые ездили в детдом, — а ведь всего-то студентки первого и второго курса. Я раза три ездил с ними: тогда меня удивило это их чутье и такт. Дети им радовались, липли к ним, и всегда хочется кому-то пожаловаться, снять груз с души. Им и жаловались: «Меня тетя Даша мокрой тряпкой стукнула... Тетя Настя на кухне залезла кружкой в сливки и всю кружку выпила — а нам дают только по полстакана сливок, такие вкусные...» И все в таком роде. Наши девочки все выслушают, поохают, по голове погладят — и успокоят. Мол, ничего страшного, бывает. Главное, тетя Даша и тетя Настя вас любят. И дети рады — они ведь понимают, что никого у них нет, кроме тети Даши и тети Насти.

* * *

После первой поездки на целину возникла у нас одна мысль. Дети там в летнюю пору остаются совсем без развлечений. Взрослые заняты сверх головы, людей не хватает, некому детей порадовать концертами или даже кино. Конечно, они к студентам тянутся. Решили мы сделать кукол, ширму и устроить кукольный театр. Кукол делали многоцелевого назначения, чтобы можно было разные сказки разыгрывать.

Пошел я в Театр кукол С. Образцова за консультацией. Должны, думаю, помочь советом — моя мать помогала шить первых

кукол С. Образцова, все это начиналось в компании поэтов и художников из ВХУТЕМАСа, на квартире моего деда. Пришел я в театр, приняла меня в дирекции какая-то дама. Я объяснил, что мы хотим, и попросил разрешения посмотреть мастерскую и поговорить с мастером. Она надулась: «Куклы — это высокое, сложное искусство... Надо много лет... Не так просто, как вам кажется... Зиновий Гердт... Вы лучше какой-нибудь скетч разучите».

Этот скетч меня сразу образумил. У меня с такими дамами сразу возникает непримиримый конфликт, хотя я ничем своего отношения не выказываю. Я еще и рта не раскрыл, а они начинают меня ненавидеть лютой ненавистью. Только в кабинет к ним войдешь — сразу тебя раскусят, и никаких шансов уже нет. Я так несколько ценных идей загубил.

Ушел я оттуда, но, думаю, ничего не потерял. Нам другие куклы были нужны, не такие усложненные. Сами стали думать, на основе общей физики и химии. Стал я делать головы из папье-маше, девочки шили костюмы. Какие-то куклы на палках с проволочными тягами к рукам, какие-то на руку. Кашею в глаза даже лампочки вставляли на батарееке — замечательно глаза сверкали. С десяток кукол сделали, как у Карабаса-Барабаса. Столяр в мастерской сделал нам удобный каркас для ширмы. Хорошее было бы дело, да не удалось.

Мне пришлось быть на целине бригадиром, тут уж не до кукол. Девочки тоже так уставали, что после работы ни о какой культмассовой работе думать не приходилось. Только один раз смотрю, в воротах зернохранилища, где мы до холодов жили, выставили они ширму, собрались там все дети поселка, и разыгралось небывалое представление. Все куклы участвуют — сражаются, убегают, спасают, женятся. Текст придумывается на ходу — поток сознания. Один персонаж не знает, что выкинет другой. Дети смотрят, раскрыв рот, сюжетная линия не важна. На один раз хватило духу, но и ради этого раза стоило потрудиться.

Потом в жизни и еще я улучшал моменты, особенно вынужденного безделья, как в больнице, и делал какую-нибудь куклу. Как будто приятель у тебя появлялся. А то и полезно оказывалось. В 1972 г. я работал на Кубе, дочке исполнялось три года в октябре. А подарки тогда на Кубе продавали только к Рождеству — одну большую игрушку (например, велосипед) и одну маленькую. Что же подарить в октябре? Вовремя сообразили, и я тайком сделал хорошую куклу, большую. Когда все гости собрались за столом, я ей сказал: «Даша, посмотри в коридоре, кто к тебе пришел». Дочь была очень рада, до сих пор вспоминает.

В 50-е годы в СССР создавалась современная система научно-технической информации. В химии до войны в мире было две большие системы, обрабатывающие главные журналы всей химической литературы, — американская и немецкая. Они выпускали реферативные журналы, полно представляя всю химию и смежные области. После войны немцы сошли с дистанции, и такую систему стал строить СССР. По масштабу это колоссальная работа, и скоро выяснилось, что только двум странам она и была под силу — США и СССР. Чтобы такую службу создать, надо было иметь целостный, сплошной фронт науки — так, чтобы во всех областях имелись компетентные специалисты, способные понять статью и сделать хороший реферат.

Сейчас многие из числа интеллигентов радуются тому, что СССР уничтожен и США монополизировали многие сферы культуры и техники. К чему, мол, было это ненужное дублирование! В этой радости я вижу непроходимую глупость, она в иных людях почему-то легко уживается с образованием и знаниями. Существование в мире двух целостных систем научной информации было большой и всеобщей ценностью, оно усиливало обе эти системы. Что же касается СССР и многих тяготеющих к нему стран, то для них ликвидация советской системы была тяжелым ударом. Невозможно заменить ее американской системой — это все равно что попытаться заменить русский язык английским.

«РЖХимия» был хорошим журналом, готовился нашими людьми для наших людей. Он проникал даже в самые маленькие коллективы химиков, даже в небольшие заводские лаборатории. Мы после четвертого курса, в 1960 г., были на практике — на заводе синтетического спирта в Орске. В лаборатории — один сотрудник и три лаборантки. Заняты контролем технологического процесса. Но все равно ведут исследование, пытаются наладить выпуск искусственной олифы из побочного продукта. В Сумгаите уже сделано, но на каждом заводе свои тонкости.

Мы из МГУ, так нам говорят: посмотрите производство, а потом помогите нам в лаборатории. Смотрим — есть полный комплект «РЖХимии». Засели, неделю читали, нашли целый ряд приемов, чтобы разрешить возникшие трудности. Обсудили с инженерами, отобрали варианты. Дальше — с теми же девочками-лаборантками можно было проверить варианты, выбрать лучший и доработать регламент. Можно было работать, и люди работали.

ВИНИТИ набирал силу, и на последних курсах кое-кто из студентов уже делал рефераты статей по своей специальности. Делать это не полagalось, надо было иметь диплом, но редакторы смотрели сквозь пальцы, лишь бы человек был знающим и

умел сжато упаковать материал. Наш шеф всех нас туда устроил, и это была для нас неоценимая вещь. Уже то было большое дело, что десятки тысяч человек получили регулярный и вполне приличный интеллектуальный заработок. А кроме того, сильно повысили свою квалификацию. Мало того что освоили языки и резко расширили химический кругозор. Главное, приходилось много думать и воображать весь ход эксперимента. Потому что требование к нам было такое: так изложить в реферате суть статьи, чтобы квалифицированный химик смог по реферату воспроизвести эксперимент.

Если учесть, что ВИНТИ выпускал реферативные журналы по всем главным отраслям науки и техники, то само создание такого предприятия вызывает восхищение. Сегодня, глядя на нынешний маразм, иной раз даже не верится, что в начале 60-х годов мы наладили такую систему мирового класса, которая работала как часы и год от года набирала силу.

Глава 3

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ

В 50—60-е годы сложился тип советского промышленного предприятия, который и просуществовал до той реформы, что была начата в годы перестройки. Характер предприятия очень много говорит о сущности как советского проекта (представления о желаемом образе жизни), так и реально сложившегося общественного строя.

Представление предприятия как исключительно производственной и экономической системы — абстракция, для нашей темы неадекватная. Любая компания, фирма, предприятие — это микрокосмос, действующий в соответствии с ценностями и нормами, господствующими в обществе. Даже промышленный анклав (например, филиал немецкой фирмы в перуанском городке) не может быть «закрит» от окружающей культурной среды. В целом традиционное общество строится в соответствии с метафорой семьи, а современное — с метафорой рынка. Из этого общего представления вытекают права и обязанности человека, общества, государства и того элемента системы, который нас интересует в данной теме, — предприятия.

Подавляющее большинство промышленных предприятий нынешней России создано в советский период. Те, что были унаследованы от России дореволюционной, были трансформированы в соответствии с той же матрицей. Эта матрица — пред-

ставления о функциях и обязательствах промышленного предприятия в советском обществе — сложилась в процессе индустриализации, перестройки промышленности в годы Второй мировой войны и послевоенного восстановления (30—50-е годы). Это — эпоха так называемого «мобилизационного социализма» (иначе его называют «сталинизмом»). За это время СССР сделал большой рывок в развитии промышленности, науки, образования.

Чтобы понять, какой тип предприятия сложился в ходе реализации советского проекта, надо выявить его социально-философские основания. На языке идеологии этот проект назван «*русским коммунизмом*». Взяв в качестве знамени постулаты марксизма, он представлял собой совершенно иную цивилизационную траекторию, нежели социал-демократический проект Запада. Причина известна: Россия была крестьянской страной с традиционным обществом, в культуре которой сохранились многие структуры аграрной цивилизации. Западная социал-демократия — продукт гражданского общества, в котором крестьяне как класс и как культура сохранились лишь в реликтовом состоянии (в сельском хозяйстве они заменены фермером).

Уже на первом этапе «шоковой терапии» после 1991 г. обнаружилась эта «аномалия» промышленных предприятий России, которая до сих пор не дает возможности создать *рынок рабочей силы*. Заместитель министра труда и занятости РФ В. Кастмарский писал в марте 1992 г.: «Пикантность нынешней экономической ситуации заключается в том, что после освобождения цен и начала работы спросовых ограничений в нормальной (подчеркнем: в нормальной) экономике все предприятия стремятся расширить производство, чтобы не только выжить, но и увеличить свою прибыль. У нас же происходят удивительные вещи: производство сокращается, но нет и безработицы, то есть предприятия продолжают платить деньги, даже работая меньше и хуже. Изыскиваются самые разные способы остаться на плаву — сдаются этажи производственных помещений в аренду инофирмам. Продаются запасы сырья и оборудования» («Российская газета», 24.03.92).

Итак, сделаем первый вывод. Те предприятия, которые имеются сегодня в России, возникли в результате приватизации (и часто разделения) советских государственных предприятий. Они создавались и действовали в культурной среде, проникнутой общинным мышлением, отрицающим индивидуализм. Та антропологическая модель, на которой строился социальный уклад предприятия, представляла человека не свободным атомом, а солидарной личностью, для которой получение от общины минимума жизненных благ есть естественное право.

Действия предприятия, нарушающие это право, до сих пор воспринимаются как неправильные, несправедливые.

Когда речь идет о промышленных предприятиях, этот фактор, как ни парадоксально, усиливается (хотя он должен был бы нейтрализоваться в процессе перехода промышленных рабочих к городской жизни). Это связано с историческими условиями индустриализации в советской России, которая в очень высоком темпе проходила с конца 20-х годов.

Как и в Японии, индустриализация в СССР проводилась не через возникновение свободного рынка рабочей силы, а в рамках государственной программы. В Англии крестьяне в ходе «огораживаний» были превращены в пролетариев, которые вышли на рынок рабочей силы как свободные индивидуумы. В СССР после революции 1917 г. в селе была возрождена община (мир), лишь частично подорванная в 1906—1914 гг. реформами Столыпина. Необходимые для индустриализации (и избыточные для села) трудовые ресурсы были получены посредством программы «коллективизации» — насильственного создания сельских кооперативов (колхоз) и государственных ферм (совхоз), которые государство снабжало машинами и другими средствами интенсивного сельскохозяйственного производства.

Вытесненные при этом из села крестьяне не «атомизировались» и не стали пролетариями. Они организованно были направлены на учебу и на стройки промышленности, после чего стали рабочими, техниками и инженерами. Жили они в общежитиях, бараках и коммунальных квартирах, а потом — в рабочих кварталах, построенных предприятиями. Это был процесс переноса общины из села на промышленное предприятие. Получилось так, что основные черты общинного уклада на предприятии проявились даже больше, чем в оставшемся в селе колхозе.

Поэтому промышленное предприятие СССР не только не стало фирмой, организованной на принципах *хрематистики*, — оно даже не стало чисто производственным образованием. Оно было, как и община в деревне, центром *жизнеустройства*. Поэтому создание на самом предприятии и вокруг него обширной системы социальных служб стало вполне естественным процессом, не противоречащим культурному генотипу предприятия, а вытекающим из него.

В последние годы опубликовано несколько исследовательских работ о роли предприятий в системе социальной защиты в России в переходный период. Выводы экспертов из ОЭСР и экспертов Правительства России, сделанные в понятиях рыночной экономики (экономического либерализма), поражают полным отказом от учета культурных особенностей изучаемой системы — промышленного предприятия в России в конце XX

века. В наиболее четкой форме выразил отношение большинства западных экспертов к наличию на советских предприятиях обширных социальных служб Р. Роуз (Richard Rose), один из руководителей обширного исследовательского проекта «Новый российский барометр»: «Это — следствие патологии нерыночной системы». Назвать что-то, не похожее на Запад, «патологией» — просто ругательство, объяснительной силой подобные формулировки не обладают.

Другой эксперт, из ОЭСР (J. Le Cacheux), подходит к проблеме с точки зрения баланса выгод и дефектов от содержания социальной инфраструктуры на предприятиях. Он пишет: «Строго говоря, с микроэкономической точки зрения, очевидно, что вовлечение предприятия, производящего товары и услуги для рынка, в производство и предоставление социальных благ для своих рабочих противоречит принципам специализации и разделения труда. Хотя такая практика может давать некоторую экономию на административных расходах и других транзакционных издержках, она, скорее всего, ведет к производственной неэффективности и повышению себестоимости, если сравнивать с производством этих социальных благ специализированными государственными или частными фирмами».

Этот эксперт делает свой вывод, исходя из «гипотетической ситуации» и веры в «разделение труда». На деле же эффективность любых предприятий, использующих «общинные» механизмы (неважно, идет ли речь о японской промышленной корпорации, хлопковой плантации с неграми-рабами в США или советской фабрике), определяется сильными *кооперативными (синергическими)* взаимодействиями, которые могут многократно перекрывать выгоды «разделения труда».

И нет никакой необходимости представлять «гипотетическую ситуацию» — в России проведено много натуральных экспериментов над людьми. Вот конкретные данные: текстильное предприятие АО «Фатекс» в Курской области имело жилой фонд 64 дома. В 1996 г. расходы на его содержание составили для предприятия 7 млрд. рублей. В сентябре 1996 г. городской комитет по управлению имуществом направил на предприятие письмо с требованием передать жилой фонд в муниципальную собственность (городу). При этом за обслуживание жилья работников предприятия город («муниципальная специализированная фирма») потребовала с АО «Фатекс» плату 26 млрд. долларов ежегодно — почти в четыре раза больше, чем была себестоимость для «неэффективной» собственной службы предприятия. Гипотетические представления экспертов ОЭСР и МВФ имеют мало общего с реальностью экономической реформы в России.

Какова была официальная позиция Правительства России и тех международных организаций, которые консультировали его

при разработке программы реформы? Эта позиция, с одной стороны, отражена в Государственной программе приватизации предприятий промышленности и в тех нормативных актах, которые касались судьбы социальной инфраструктуры предприятий (Декрет Президента РФ № 8 от 10 января 1993 г. и постановление Правительства РФ от 23 декабря 1993 г.). С другой стороны, эта позиция изложена в выступлениях экспертов правительства. Вполне представительным является издание центра по сотрудничеству со странами экономики переходного периода ОЭСР «Изменение системы социальных служб на предприятиях России» («The Changing Social Benefits in Russian Enterprises». OECD, Paris, 1996).

В общем, эта позиция состояла в отрицательном отношении к традиционной практике предприятий предоставлять социальные услуги своим работникам и местному населению. Эта практика совершенно справедливо рассматривалась как противоречащая принципам рыночной экономики и препятствующая превращению советского человека (*homo sovieticus*) в свободного индивидуума.

Речь здесь идет не только о максимальном подчинении всей деятельности предприятия критериям хрематистики (прибыли) при почти полном устранении критериев *социального эффекта*. Речь идет об изменении всего жизнеустройства предприятия и окружающей его местности (часто целого города). Для того, чтобы такое изменение было признано справедливым, требуется смена господствующей в обществе антропологической модели. До настоящего времени этой смены не произошло — ни в среде трудящихся, ни в среде управленческих работников, ни даже в среде искусственно созданной в ходе приватизации буржуазии («новых русских»).

Показательно, что в своей аргументации идеологи рыночной реформы опирались либо на чисто умозрительные («гипотетические») представления о *правильной* социальной системе, либо на утверждения, содержащие внутреннее противоречие.

Эксперт Министерства финансов РФ утверждал, например, что в советской системе расходование средств предприятиями на социальные нужды за счет основной производственной деятельности (он называет израсходованные на социальные нужды средства «*потерями*») оказывало мало влияния на их экономические показатели, ибо покрывалось субсидиями из государственного бюджета.

Очевидно, что покрывать «потери» предприятий за счет бюджета можно было бы лишь в том случае, если бы оплата предприятиями расходов на социальные нужды была изолированным явлением. Тогда путем перераспределения средств с помощью бюджета можно было бы поддерживать предприятия, несущие

«потери», за счет других, которые таких «потерь» не несут, и таким образом производить стабилизацию системы, гася отдельные неравновесия. Поскольку речь идет о тотальной, всеобщей практике, расходы предприятий на социальные нужды становятся нормой и не могут быть покрыты за счет перераспределения средств через бюджет. В действительности эти расходы не только не были «потерями» — они были условием успешной производственной работы советского предприятия.

Надо сказать, что этой социальной политике советского государства начиная с 60-х годов противоречила сильная технократическая тенденция аппарата, требующего от предприятий всемерной концентрации средств на производственной деятельности в ущерб социальным нуждам. Ниже мы будем прибегать к конкретным примерам из воспоминаний видного организатора промышленности, директора ряда крупных предприятий Н. Н. Румянцева (Н. Н. Румянцев. «Что было? Что будет?». Рыбинск, 1993).

Именно общая идеология советского строя, вся его суть обязывала бюрократию сохранять социальные службы предприятий, но конфликт по этому вопросу всегда подспудно существовал. Использование средств предприятия для решения социальных проблем вызывало самые опасные столкновения руководства предприятий с бюрократическим аппаратом. Например, именно вследствие этого конфликта Н. Н. Румянцев был репрессирован, а затем дважды исключался из партии. Вот как он видит этот вопрос:

«Мы, директора предприятий, были всегда своеобразным буфером между рабочими и верховной властью. Нам приходилось заниматься и делами высших сфер, и повседневными заботами на уровне доставания сырья, строительства квартир, нормального питания в столовых или поиска ящика гвоздей. Иногда давление сверху было настолько велико, что приходилось соглашаться даже с явно неразумными указаниями. Рабочие тут же в открытую: «Николай Николаевич, что за ерунду вы придумали?» Им ведь не скажешь, что эту самую ерунду придумали наверху. Вот и выкручиваешься».

Всегда существовало и давление со стороны правительства, побуждавшего к передаче «непрофильных» социальных служб предприятия в ведение местной власти — то, что в ходе рыночной реформы, в январе 1993 г., Б. Н. Ельцин постановил своим указом. Н. Н. Румянцев пишет уже в 1993 г.: «Мы не могли выступать лишь как производители, но и вынуждены были формировать социальную среду города. Поэтому нам по-прежнему приходится обеспечивать город водой, теплом, канализацией. Даже баня и прачечная, которым сам бог велел числиться за горкомхозом, до сего дня принадлежат комбинату, хотя обы-

вают и обстирывают весь город. Иногда проверяющие, видя эти непрофильные для нас организации, писали в актах проверок: это передать, это ликвидировать и так далее».

Эксперты-«рыночники» представляют дело так, будто посредством государственного бюджета «потери» предприятий покрывались за счет налогоплательщиков, как это может понять привыкший к западной практике читатель. Между тем налоги с населения в СССР составляли всего около 7% доходной части бюджета, а на 92% она формировалась за счет платежей самих предприятий. Таким образом, через бюджет проводилась с помощью субсидий лишь «тонкая настройка», сглаживание отдельных флуктуаций в общем равновесной системы.

Необходимо также подчеркнуть, что, оказывая на предприятия давление с целью ликвидации всех «общинных» механизмов социальной защиты, политический режим России 90-х годов признает устами своих экспертов, что в реальной экономической ситуации это будет означать резкое ухудшение жизни большинства населения. В этом у них сомнений нет, но это для них несущественно по сравнению с установлением «правильных» экономических норм.

Доклад ОЭСР останется красноречивым документом культуры конца XX века. В нем представлена такая методология анализа социальных проблем, при которой жизнь десятков миллионов людей рассматривается исключительно с точки зрения критериев «правильной рыночной экономики» — исторически данной, преходящей доктрины. Ни западные, ни российские эксперты не подошли, хотя бы в порядке методологического контроля, к проблеме с противоположной, «абсолютной» стороны: от критериев сокращения страданий живых людей, которым предстоит пережить переход к «правильной рыночной экономике».

В этом докладе общий вывод почти всех экспертов, как западных, так и от Правительства России, ясен: предоставление социальных благ работникам предприятий не в деньгах (через зарплату), а «натурой» — пережиток советского строя, «патология нерыночной системы». Обсуждаются лишь пути скорейшего устранения этой «патологии», которое развязало бы работников с предприятием и позволило перейти к «нормальному» свободному рынку рабочей силы. Признается, что лечение этой «патологии» болезненно, но и боль оценивается лишь в экономических категориях. Следует считать уникальной особенностью этого доклада тот факт, что ни один из экспертов не рассмотрел совершенно аналогичный процесс, который произошел совсем недавно, почти на наших глазах. Попытка насильственного и радикального слома «патологии нерыночной системы» и общинных социальных структур в России в ходе реформы Столы-

пина привела к революции 1917 года. Об этом в докладе нет ни единого упоминания. Неужели и западные специалисты верят, что революция большевиков была просто результатом еврейско-масонского заговора?

После 1993 г., как свидетельствуют все доступные источники информации, в России происходило резкое снижение расходов предприятий на социальные нужды. Это подчеркивают и эксперты ОЭСР. Однако гораздо более важным для понимания следует считать не сокращение указанных расходов, а тот факт, что, несмотря на тяжелейшее финансовое положение, предприятия даже после приватизации *продолжают* сохранять ядро социальной инфраструктуры. В неблагоприятных условиях предприятия «ушли в оборону», лишь сократив свою социальную инфраструктуру до минимума.

Перейдем к описанию реальности. Рассмотрим состояние некоторых частей социальной сферы промышленных предприятий в России — как с использованием статистических данных, так и ссылаясь на конкретные случаи и экспертные суждения и свидетельства. Основные показатели, однако, отражаются в официальном ежегоднике Госкомстата РФ «Социальная сфера России», а также ежегодных сборниках, обобщающих положение социальной сферы в регионах. В какой-то мере недостаток или неопределенность официальных данных восполняют специальные выборочные исследования. В 1990 г. Госкомстат СССР провел широкое исследование «Мнение населения о состоянии социальной сферы и приоритетах ее развития». Опросу подверглось 70 тыс. человек всех отраслей производства во всех республиках, краях и областях страны. Мы использовали данные, полученные в РСФСР (ныне РФ). Мнение трудящихся о деятельности социальных служб предприятий изучает ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения), который публикует данные в информационном бюллетене «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения».

Полезные сведения имеются в ряде книг — мемуаров организаторов промышленности, в которых они оценивают социальную деятельность своих предприятий уже с опытом нынешней экономической реформы. Этот опыт заставил совершенно по-новому взглянуть на многие стороны жизни, которые раньше казались привычными и не привлекали внимания. Здесь я привожу выдержки из книги упомянутого выше Н. Н. Румянцева. Автор — организатор текстильной промышленности, был последовательно директором трех крупных предприятий (комбинатов), в 1992 г., кроме того, был президентом промышленной ассоциации «Ивановолен».

Текстильная промышленность была приватизирована без

участия государства. Ее предприятия — в наибольшей степени «частные». Эта промышленность в наименьшей степени связана с ВПК, больше всего ориентирована на потребительский рынок и, как предполагалось, должна была дать наиболее выигрышные аргументы для пропаганды экономической реформы. На деле отрасль введена в состояние тяжелой депрессии. Выпуск тканей резко упал (почти в 6 раз), предприятия простаивают. В этой ситуации тем более показательны отношения предприятий к социальной сфере. Я использовал материалы, предоставленные на предприятиях текстильной промышленности в Ивановской области и в областном комитете профсоюза этой отрасли*.

Итак, что происходит сегодня? Тот вариант либеральной идеологии, который был положен в основание реформ в России, не оставляет у населения никаких надежд на социальную ответственность государства. В этих условиях большое и даже непропорциональное место в жизни людей заняло именно *предприятие* как островок социальной защиты и взаимопомощи. Этот островок тает и крошится, как льдина, на которой спасаются унесенные в море люди, но держится. Дальнейшая ликвидация социальных служб предприятия — вопрос не экономический. Он приобретает сегодня даже не только политическое, но и большое духовное значение. Это — вопрос надежды, а значит, мира. Или утраты надежды, а значит, войны.

Именно во взаимоотношениях рабочих с предприятием (независимо от того, государственное ли оно или частное) наблюдается самая главная аномалия экономической реформы. Производство упало вдвое, а рабочих не увольняют (практически после приватизации не было случаев массовых увольнений работников; 70% покинувших предприятия работников ушли по собственному желанию). Зарплату рабочим не платят по полгода — а люди приходят на предприятие и работают. Нет не только давно ожидаемого социального взрыва — нет даже социальных протестов. По оценкам экспертов Всемирного экономического форума в Давосе, в 1994 г. Россия была самой нестабильной страной, но забастовок на душу населения в ней произошло десять раз меньше, чем в стабильной Испании.

В конце 1995 г. Министерство экономики РФ финансировало комплексный проект «Мониторинг состояния и поведения предприятий». Результаты его отражены в докладе Института экономических проблем переходного периода «Институцио-

*Выражаю огромную благодарность представителям администрации и профсоюзным работникам, предоставившим мне информацию, а также многолетнему собственному корреспонденту газеты «Советская Россия» по Ивановской области Л. В. Гладышевой.

нальные и микроэкономические проблемы российской экономики в 1995 г.». Рассмотрим основные выводы «Мониторинга», в ходе которого было обследовано 433 предприятия.

«Институциональные изменения. На абсолютном большинстве предприятий институциональных изменений в социальной инфраструктуре не происходит. В отношении детских дошкольных и оздоровительных учреждений не принимали никаких действий 61% предприятий, объектов жилищно-коммунального хозяйства — 65%, культурного назначения — 81%, здравоохранения — 86%, образовательных учреждений — 91%...

Поведение предприятий по отношению к объектам социальной сферы зависит от численности занятых на них: на более мелких предприятиях реже наблюдаются какие-либо изменения в составе социальной сферы. Выяснилось также, что сохранять социальные объекты в своей структуре более склонны государственные предприятия, а некоторые из них даже принимают на свой баланс учреждения социального назначения...

Преобразование социальных объектов в юридические лица протекает довольно вяло. В 3% случаев из состава предприятий с приобретением статуса самостоятельного юридического лица вышли детские дошкольные учреждения, в 4,5% — объекты жилищно-коммунальной сферы, в 5% — объекты культурного назначения, в 3% — объекты здравоохранения.

Изменение затрат на содержание объектов социальной инфраструктуры в 1995 г. Затраты на содержание объектов социальной инфраструктуры, находящихся на балансе промышленных предприятий, в 1995 г. в большинстве случаев не снижались... Наибольшая доля предприятий (68%) увеличила эти затраты по объектам социальной инфраструктуры, имеющим жизненно важное значение для работников, а именно жилищно-коммунальному хозяйству и медицинским учреждениям. Почти на 2/3 предприятий увеличились затраты и на содержание детских дошкольных и оздоровительных учреждений... Что касается культурных и образовательных учреждений, потребность в услугах которых не носит витального, то есть жизненно важного характера для работников, то доля предприятий, где затраты на их содержание увеличились, меньше (соответственно 56,2 и 46,8%).

Финансовая политика предприятий в отношении объектов социальной инфраструктуры зависела от размеров самих предприятий. Как правило, больше возможностей увеличить затраты на содержание подведомственной социальной инфраструктуры имели крупные предприятия. Например, доля предприятий с численностью занятых до 200 человек, которые увеличили свои затраты на содержание объектов социальной инфраструктуры (в зависимости от вида последних), составила от 25 до 50%, а с численностью занятых свыше 5000 человек — от 67 до 80%.

Наибольшая доля предприятий, увеличивших затраты на содержание объектов социальной инфраструктуры, была отмечена в легкой промышленности, где и спад производства среди рассматриваемых отраслей был наибольшим (33%) в январе — августе 1995 г. по сравнению с тем же периодом 1994 г.

Связь между изменением затрат предприятий на содержание объектов социальной инфраструктуры и институциональными изменениями не носит однозначного характера. При передаче на баланс других предприятий детских дошкольных и оздоровительных учреждений затраты на содержание последних увеличились у 46,4% предприятий — первоначальных их собственников, снизились у 42,9% и не изменились — у 10,7% предприятий. Аналогичные показатели по объектам жилищно-коммунального хозяйства составили соответственно 57,4%, 38,9% и 3,7%, социально-культурного назначения — 31,3%, 37,5% и 32,3%, здравоохранения — 44,4% и 55,6%. Таким образом, передача объектов социальной инфраструктуры на балансы других предприятий не может (во всяком случае, на ограниченном промежутке времени) рассматриваться в качестве фактора уменьшения социальных затрат предприятий — их первоначальных собственников».

Из данного исследования видно, во-первых, что предприятия (в том числе приватизированные!) не считают возможным прекратить предоставление работникам (и даже бывшим работникам, пенсионерам) жизненно важных социальных услуг — даже несмотря на большой спад главного производства. Они продолжают оплачивать эти услуги даже в том случае, если объекты социальной сферы выводятся из состава предприятия — превращаются в самостоятельное коммерческое предприятие или передаются на баланс других организаций, например муниципальных властей.

Видимо, социальная инфраструктура предприятий в России полностью может быть ликвидирована лишь вместе с предприятием. Она составляет, таким образом, его поистине неотъемлемую часть. Такой неотъемлемой части не содержат западные капиталистические предприятия, из чего следует логический вывод, что советские предприятия представляли *иной социальный организм*. Приватизация нанесла этому организму тяжелейшую травму, и она, возможно, даже уничтожит его, но она не смогла изменить саму «анатомию и физиологию» этого организма.

Во-вторых, из исследования видно, что выделение объектов социальной сферы из состава промышленного предприятия в целом не приводит к повышению его экономической эффективности. Иными словами, соединение социальных служб с основным производством дает положительный кооперативный эффект. Пять лет радикальной экономической реформы не привели к созданию условий, которые бы способствовали самопро-

извольному, органичному изменению социально-культурного генотипа предприятий промышленности России.

Оба этих вывода (даже независимо от того, как пошли дела после 1996 г.) противоречат теоретическим предположениям экспертов ОЭСР и экспертам правительства Черномырдина, сделанным на основании опыта западных стран.

Тот факт, что многие эксперты (в том числе российские) смотрят на происходящие в России социальные процессы через очки евроцентризма, прискорбен. Многие важные явления просто выпадают при этом из рассмотрения. Сошлюсь на личные наблюдения, сделанные мною в 1995 г. в одной из уральских областей, куда я был приглашен в группе московских экономистов в связи с программой развития малых предприятий.

В кабинете главы администрации области, назначенного Ельциным, собрались директора всех крупных предприятий города. Сначала присланный из США эксперт прочитал лекцию о методах внутрифирменного планирования (сидевший рядом со мной директор завода, производящего миниатюрные низколетящие крылатые ракеты, шепнул мне: «Он излагает технику планирования, которая на наших военных заводах использовалась в конце 30-х годов»).

Эксперт закончил, выслушал благодарные аплодисменты и ушел очень растроганный (меня удивило, что директора, в том числе мой сосед, аплодировали ему вполне искренне — просто хороший, добрый старик, очень хотел помочь русским). Глава администрации, который ликвидировал в области советскую власть, попросил закрыть двери и сказал: «А теперь, товарищи, займемся делом. У нас два вопроса: надо обеспечить теплом Дворец пионеров и детские бассейны, а также собрать горячее для весеннего сева в колхозах». И директора уже частных предприятий стали выкраивать из своих скудных средств топливо. В этом северном городе для сохранения здоровья детей сеть бассейнов и соляриев должна работать всю зиму. И она работала в ту зиму, хотя улицы города уже почти не освещались. В декабре 1996 г. в этой области прошли выборы губернатора, и был избран кандидат от КПРФ. Но никто не называет прежнего главу администрации или директоров «частных» заводов буржуазией и классовыми врагами. Ситуация намного сложнее.

Поговорим об отдельных частях социальной сферы предприятий — о том, как они строились в советское время и что с ними происходит в процессе преобразования советского предприятия в «капиталистическое».

Общественное питание. Право на пищу — одно из ключевых естественных прав в традиционных обществах. Заводская столовая как особый социальный тип была важной частью со-

ветского предприятия. Замечу, что западные эксперты обычно вообще не учитывают столовые как элемент социальной инфраструктуры предприятия.

В 1990 г. услугами общественного питания пользовались в России ежедневно 84 млн. человек (более половины населения). На предприятиях промышленности, строительства, транспорта и в совхозах, а также в рабочих общежитиях было сосредоточено около 40% мест всей системы общественного питания. В 1990 г. в сфере производства обеспеченность услугами столовых достигла 91% от норматива (от числа работников, которым по условиям работы требовались такие услуги).

По мнению работников, ценность общественного питания, организованного непосредственно на производстве, была весьма высока. В 1990 г. в ходе опроса, проведенного в республиках СССР Бюро социологических обследований Госкомстата СССР, 52,5% опрошенных в РСФСР отметили, что обеспеченность этими услугами недостаточна (то есть, по их мнению, эти услуги следовало не свертывать, а расширять). 41,3% опрошенных считали, что эти услуги следует развивать самим предприятиям и ведомствам, а 37,4% считали, что это могут лучше сделать местные органы власти.

Практически все предприятия давали *дотации* столовым, работающим на их территории. Оценить размер дотаций сложно, поскольку часть их шла через профсоюз, часть скрывалась в самых разных статьях расходов, часть представляла собой прямые поставки продуктов из «подсобных хозяйств» или из кооперативов, минуя торговлю. Согласно опросам 1996 г., даже до того момента четверть предприятий сохранила у себя подсобные хозяйства, причем 86% из них продавали продукцию своим работникам (по льготным ценам), а 3% распределяли ее среди работников предприятия бесплатно.

Подсобные хозяйства — особый элемент социальной сферы предприятия, которого нет на Западе, и о них следует сказать особо. В них отразился пережиток связи промышленного предприятия России с землей. Другая сторона той же проблемы — наделение большинства работников предприятия земельными участками и всяческая помощь в обустройстве этих участков. Обеспечение работников участками — одна из важных сторон социальной деятельности предприятий, совершенно не понятных западным экспертам и не отраженных в западной литературе. Кстати, в самые тяжелые годы кризиса урожай, собираемый рабочими со своих огородов, составлял важную часть потребляемых продуктов питания.

Диапазон форм связи предприятия с его «подсобным хозяйством» очень широк — от слабо формализованного «шефства» предприятия над колхозом или совхозом до превращения сов-

хоза в структурное подразделение предприятия. Понятно, что отношения предприятия и его подсобного хозяйства совершенно не объясняются рыночными механизмами. Вот что рассказывает в своей книге Н. Н. Румянцев о взаимоотношениях крупного текстильного комбината с селом уже в 1992 году, в разгар «шоковой» реформы:

«Совхоз «Приволжский» когда-то был подсобным хозяйством комбината, ему мы помогали больше всех. Построили 73 коттеджа, дали горячую воду, подключили к нашей канализации. Считаю, что мы помогли совхозу иметь в достатке рабочих, и теперь они обходятся своими силами. Совхоз считается одним из лучших в области. Все мы сделали для них бесплатно, хотя 73 домика были бы для нас нелишними.

В 1992 году, а прошло всего десять месяцев, мы затратили более десяти миллионов рублей на строительство жилых домов, ферм, зерносушилки, дорог. Продукции за это время получили на 8,5 миллиона рублей. Думаю, что в ближайшие годы мы будем получать не менее пяти-шести тысяч литров молока от коровы в год. Будут у нас куры. Хотя бы детские сады, но мы должны обеспечить яйцами. Разведем гусей, благо в хозяйстве есть большое озеро.

Мы организовали торговлю на фабриках, и все убедились, что у нас можно купить втрое-вчетверо дешевле, чем в госторговле. Молоко у нас три рубля литр, в госторговле — десять. Это же касается одежды, обуви, продуктов. Мясо с нашего подсобного хозяйства продаем по тридцать рублей, впятеро дешевле. Все это в конечном счете зарплата, только обеспеченная вдобавок хорошим товаром».

Широкое использование общественного питания, а также наличие «невидимых» каналов распределения продуктов питания объясняет «загадку», которую как будто не замечают западные эксперты: почему при «дефиците» некоторых продуктов питания в розничной торговле реальный уровень потребления этих самых продуктов в СССР был по западным меркам очень высок.

Оценить в денежном выражении все способы поддержки предприятиями их столовых трудно. Известно, однако, что в среднем качество питания в заводских столовых было намного выше, чем в столовых открытого доступа, — при значительно более низких ценах. В «своих» столовых предприятия использовали также многие формы оказания работникам материальной помощи на уравнительной основе (бесплатный хлеб или овощи, особые блюда с символической ценой для легкомысленных людей, «не дотянувших до полочки», и др.). В 1990 г. 9,1% рабочих промышленности (и 8,5% работников совхозов и колхозов) получали *бесплатное* питание или питание с частичной до-

платой. На многих предприятиях бесплатным было питание работников ночных смен.

После приватизации, в условиях финансового кризиса, большинство предприятий были вынуждены резко сократить расходы на эту социальную службу. Множество столовых было просто закрыто. Ликвидация дотаций и одновременное снижение доходов работников сделало для многих из них услуги столовой недоступными. За 1991—1993 гг. услуги общественного питания непосредственно на производственных предприятиях сократились на 70—80%. Однако, согласно обследованиям, произошло в основном сокращение услуг в объеме, объекты как бы «законсервированы» до лучших времен и могут быть «оживлены» при изменении ситуации.

Сокращение объема предоставляемых столовыми услуг связано не только с экономическими причинами (недоступностью полноценного горячего питания из-за низких доходов работников). Видимо, важен и психологический эффект от изменения обстановки. Коллективное принятие пищи — акт эмоциональный (содержит «литургический» компонент). Значительное расслоение сотрапезников по доходам разрушает необходимую психологическую обстановку, заставляет людей изолироваться. Рабочая столовая в момент рыночной реформы стала местом не сглаживания, а акцентирования противоречий. Кому же это может быть приятно!

Самый существенный сдвиг произошел в 1993 г. В начале этого года предприятия, независимо от формы собственности, пытались поддержать работников, увеличив дотации на бесплатное или льготное питание: в апреле им пользовались в среднем уже 13% опрошенных работников промышленных предприятий (а на предприятиях с хорошим экономическим положением — даже 20% работников). Но уже в августе средняя величина снизилась до 8%, а на предприятиях с хорошим экономическим положением — до 12%. При этом возникла совершенно новая тенденция: относительно большую помощь стали получать высокооплачиваемые работники — вдвое чаще, чем низкооплачиваемые. У бедного да отнимется, у богатого да прибавится! Как говорится, реформа на марше.

Жилищно-коммунальные услуги предприятия. В СССР обеспечение жильем было конституционным правом, которое гарантировалось государством. Бездомности как социального явления в СССР не существовало. Государство в лице как местных властей (советов), так и предприятий, предоставляло жилье бесплатно в вечное пользование. Законом было запрещено выселение без предоставления равноценного жилья. Этот закон в такой степени воспринимался как естественное право, что даже

через семь лет после ликвидации советского законодательства власти не решаются на выселение жильцов за неуплату коммунальных платежей (в некоторых регионах неуплаты являются почти тотальными, в масштабах целого города).

Сначала скажем о состоянии жилищного фонда в СССР и места в нем предприятий. На начало 1991 г. в СССР имелось 87,2 млн. квартир и домов, из них 48 млн. квартир государственного и общественного жилищного фонда (остальные — собственность граждан). Из этих 48 млн. квартир 46,4 млн. (96,7%) — отдельные, 1,6 млн. (3,3%) — коммунальные, т.е. в них проживало более одной семьи. Основную массу расходов по содержанию жилья в СССР несло государство. В 1989 г. на 1 рубль взимаемой с жильцов платы было 6 рублей государственных дотаций. В семейном бюджете рабочих и служащих расходы по оплате квартиры составляли около 1%, а со всеми коммунальными услугами — 3%.

В РСФСР, как и в других республиках СССР, вплоть до 1988 г. велось интенсивное жилищное строительство. Положение резко изменилось с началом либеральной реформы, начатой Горбачевым в 1989 г. Изменение жилищной политики — одно из наиболее резких в социальной сфере.

Строительство жилья в России сократилось в 3 раза, и из числа построенных квартир примерно 1/3 продолжает распределяться бесплатно (той очереди, которая осталась от советского периода). То есть предоставление бесплатного жилья сократилось в 6 раз. Взамен создан *рынок жилья*. Для трудящихся он практически недоступен. В 1993 г. стандартная квартира из двух комнат в среднем стоила на рынке в России 8,8 средних годовых доходов, или 15,2 средних годовых зарплат. В 1994 г. — 12,1 доходов, или 26,1 годовых зарплат. В 70-е годы покупка такой квартиры (строительство за собственные деньги через жилищный кооператив) стоила 3,4 средних годовых зарплаты.

Весь жилой фонд СССР в начале 1991 г. составлял 4,6 млрд. квадратных метров площади. Из них государству принадлежало 2,5 млрд. В государственном фонде ведомственная площадь составляла 1,44 млрд. кв. м. Это и был жилой фонд предприятий и ведомств (т.е. центральных органов управления хозяйством). Из этого фонда 0,23 млрд. кв. м принадлежало предприятиям сельского хозяйства (совхозам), а 0,1 млрд. кв. м (7%) составляли рабочие общежития. Таким образом, промышленным предприятиям в СССР принадлежало около 20% жилой площади.

Примерно в 40% квартир, принадлежавших в советское время предприятиям, проживали люди, не работавшие на них. После предоставления работнику квартиры предприятие не имело юридического права ни задержать его, ни изъять квартиру, если он пожелал сменить место работы. Но это считалось неэтич-

ным, и обычно работник продолжал работать на предприятии в течение негласно установленного приличиями срока (1—2 года).

В целом население высоко оценивало деятельность предприятий по обеспечению жильем. В опросе 1990 г. в РСФСР 50,4% опрошенных считали, что услуги по предоставлению жилья следует развивать предприятиям, а 28,3% — что их следует развивать местным органам власти.

Рассмотрим теперь роль предприятий в предоставлении всего набора социальных услуг, связанных с жильем, — строительстве и содержании жилья и коммунальных служб (водоснабжение, отопление, канализация и пр.). Почитаем выдержки из воспоминаний Н. Н. Румянцева. На всех трех текстильных комбинатах, где ему пришлось быть директором, одним из первых вопросов было жилье и коммунальные службы. Все три предприятия были «градообразующими» — главными предприятиями, вокруг которых формировался и жил небольшой город. Вначале Н. Н. Румянцев был директором комбината в г. Пучеж. В связи с образованием водохранилища на Волге предприятие переносилось на другую территорию. Ликвидировались и коммунальные объекты, которые обслуживали весь город. Когда прибыли подрывники, Н. Н. Румянцев заперся в бане, которая находилась на фабрике, и не дал ее взорвать, сохранив ее на целый год до постройки новой бани. За это его исключили из партии (что для него, прошедшего ГУЛАГ, могло повлечь и более тяжелые последствия). Когда комбинат в Пучеже был реконструирован, Н. Н. Румянцева перевели на новое место, в г. Писцово. Вот что вспоминает он о работе на этом комбинате, который насчитывал 4300 работников:

«Выделить что-либо особенное за все шесть лет работы в Писцове трудно. Разве что жилье. Как и везде, положение с жильем было очень трудным. Специально созданная бригада ежегодно строила по семьдесят с лишним домов, и за шесть лет нужду в жилье мы свели к нулю.

Я давно сделал для себя правилом: если хочешь чего-то добиться на производстве, то начинай заниматься в первую очередь не производством, а условиями жизни людей. Морально спрашивать только с человека, которому ты помог устроить нормальную жизнь и работу, а не действовать по принципу: вы потерпите, вот наладим производство, появятся деньги и тогда возьмемся за жилье, детские сады, клубы, бани. Люди и в этом случае будут работать, но не так хорошо».

А вот как начал Н. Н. Румянцев свою работу директором самого крупного в СССР льнокомбината — Яковлевского в г. Поволжье: «Как и везде, самым большим вопросом для нас было жилье. Правда, под реконструкцию было выделено восемь миллионов рублей на соцкультбыт, в том числе и на жилье. Сум-

ма по тем временам огромная. Ведь на миллион рублей можно было построить триста пятьдесят квартир. Деньги, как видим, были, а жилье почти не строилось. Причина известна: не хватало строителей, материалов, техники, и жилье постепенно отодвигалось на потом.

Особо осложняло работу то, что на комбинате висел весь город, все его коммунальные службы, и, думая о развитии комбината, мы должны были фронтально двигать и всю инфраструктуру. Город получал от нас тепло, горячую и холодную воду, все стоки шли через наши очистные сооружения.

Жилья на мой приход было 34 тысячи квадратных метров, из них четверть ветхого и аварийного. Для сравнения скажу, что сейчас мы имеем двести тысяч квадратных метров жилья.

В самом начале в обеспечении жильем мы топтались на месте, так как срочно пришлось сбросить восемь двухэтажных фибролитовых домов, разрушили все бараки и ликвидировали подвалы. Всем жильцам предоставили благоустроенные квартиры. Одновременно благоустроили часть жилья — дали воду, газ, тепло, подключили к канализации. Люди очень быстро убедились, что все обещания по жилью выполняются, причем в первую очередь. Народ повеселел, и это, в свою очередь, хорошо повлияло на производство. Начали строить детские дошкольные учреждения, стали наводить порядок на территориях фабрик, асфальтировали даже городские улицы, хотя асфальт варили допотопными методами — в котлах».

Свои воспоминания Н. Н. Румянцев писал в конце 1992 г. Особо он освещает годы перестройки и первый год реформы Ельцина:

«Другая, не менее важная программа — «Жилье». Ни за одно дело так не болит моя душа. Помню, как я обрадовался программе М. С. Горбачева: обеспечить к двухтысячному году каждого квартирой или индивидуальным домом. Вся моя команда засела за расчеты: нельзя ли решить проблему жилья пораньше? И по нашим выкладкам получалось, что очередность на жилье можно ликвидировать к 1995 году. Где сейчас Горбачев и каков с него спрос? Я же остался здесь и ежедневно смотрю людям в глаза, и они смотрят... И нет им никакого дела до Горбачева.

С того времени мы уже не рассчитывали на государство и строили за свои кровные. В среднем у нас получался стоквартирный дом ежегодно. Агитировали мы всегда и за индивидуальное строительство, при этом хорошо помогали застройщикам.

В 1991 году мы застроили два дома на 475 квартир. 220 квартир сдадим в этом году, остальные в следующем. Это переходные. Мы финансируем и строительство 42 коттеджей по две квартиры в каждом. За Василевской фабрикой отвели площадку, составили проект, подвели электричество, газ, воду, тепло.

Все с жильем у нас вроде пошло на лад, но свалилась напасть — приватизация [жилья]. Подали и нам два заявления, мы отказали. Они в суд, и там все было решено в их пользу. На днях позвонил районному начальству, мол, уважьте старика, не сочтите за труд, зайдите посоветоваться. Пришли главы районной и городской администрации, судья, прокурор, начальник строительного отдела при райисполкоме.

— Я понимаю, что в связи с демократией ведомства по боку и три тысячи квартир уже не наши. А ведь мы строили не за счет казны, дотаций на содержание не получали и стоимость своего жилья можем определить сами. В этом году только на тепло, воду и канализацию мы выделили дотацию пятьдесят миллионов рублей. Так что двухкомнатная приватизированная квартира обойдется владельцу в три тысячи рублей ежемесячно.

Тут все в один голос:

— Так нельзя, Николай Николаевич!

— Почему же мы должны содержать жилье за свои деньги?

— Но ведь в квартирах пока живут работники комбината. С них тоже драть будете?

— С них не будем. А с остальных по полной цене. Или вообще забирайте все жилье в мэрию вместе с нашей очередью, стройте, содержите, распределяйте или так раздавайте».

Вчитайтесь в последний диалог — это диалог между советским строем и наступающим «рыночным» жизнеустройством. Поразительно то, что все участники этого разговора, включая отсутствующих «приватизаторов», которые поспешили воспользоваться выгодами рынка, желают при этом сохранить важные стороны советского бытия как нечто естественное. «Так нельзя, Николай Николаевич!» — в один голос восклицают демократические власти, когда директор предлагает им честно перейти на рыночные отношения. Брать с людей плату за услуги (даже не по-рыночному, а по себестоимости!) они называют «драть».

А описание реальности, данное этим директором крупного предприятия, не требует комментариев. Сопроводим его лишь некоторыми данными. Начиная с 1990 г. на граждан оказывалось значительное давление с целью побудить их к приватизации квартир. Но с 1993 г. этот процесс резко замедлился, а потом остановился. К началу 1996 г. было приватизировано лишь 36% квартир, подлежащих приватизации. Причина в том, что основная масса трудящихся была не в состоянии оплачивать содержание жилья. Как следует из данных Н. Н. Румянцева, в г. Приволжске уже в середине 1992 г. реальная оплата стандартной квартиры достигла 3 тыс. руб. в месяц, т.е. превысила месячную зарплату в легкой промышленности и значительно превысила размер пенсии. Дотации предприятия на содержание

жилья приобрели для людей витальное значение, то есть без них люди не смогли бы физически выжить.

Каково поведение предприятий в этих условиях? Согласно обследованию («Мониторинг»), 68% предприятий в 1995 г. *увеличили* свои затраты на жилищно-коммунальное хозяйство. При этом чем глубже спад производства (и, значит, снижение доходов работников), тем больше увеличивают предприятия эти расходы, несмотря на свое тяжелое экономическое положение.

Таким образом, оказались, по существу, невыполнимыми два законодательных акта, регулирующие использование ведомственного жилья после приватизации государственных предприятий. Это — Указ Президента РФ от 10 января 1993 года № 8 «Об использовании объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения приватизируемых предприятий» и постановление Правительства РФ «О финансировании объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, передаваемых в ведение местных органов исполнительной власти при приватизации предприятий» 1993 г. от 23 декабря.

Согласно Указу, ведомственное жилье не подлежало приватизации и должно было быть передано на баланс местных органов власти. Постановление правительства определило и источник средств, из которых эти органы власти должны были финансировать содержание переданного им жилья, — за счет дивидендов по акциям, переданным им при приватизации находящихся на их территории предприятий. Это оказалось утопией, и никаких дивидендов не распределялось, поскольку почти всякое производство в России в ходе реформы стало убыточным.

В результате местные органы власти очень неохотно принимали жилье на свой баланс или требовали, чтобы предприятия продолжали оплачивать его содержание и после муниципализации. Вот тебе и рынок! Это ставило убыточные предприятия в тяжелейшее положение — на грань банкротства. Вот данные из письма председателя областного комитета профсоюза работников текстильной и легкой промышленности А. И. Корзининой в ЦК профсоюза от 4.9.1996 г.:

«На фоне углубляющегося кризиса акционерные общества продолжают содержать государственный жилой фонд. Органы местного самоуправления практически не берут на свой баланс жилищную сферу. За 2,5 года было передано только 500 тыс. кв. метров полезной площади из 4 миллионов... По отдельным предприятиям затраты на жилищную сферу в 1995 г. превысили годовой фонд оплаты труда. К примеру, в АО «Шуйские ситцы» затраты на жилье составили 7,4 млрд. рублей при годовом фонде оплаты 6,7 млрд. рублей.

Сейчас уже имеется немало таких примеров, когда акционер-

ные общества из-за тяжелого финансового положения просто вынуждены бросать на произвол судьбы имеющийся жилой фонд. Так получилось в АО «Ивановский хлопчатобумажный комбинат им. Самойлова», где в мае 1996 г. был ликвидирован жилищно-коммунальный отдел предприятия и все жилье (61,0 тыс. кв. м) осталось вообще без обслуживания (город так и не берет на баланс жилье). В итоге страдают невинные люди.

Критическая ситуация у градообразующих предприятий, где, помимо жилого фонда и других объектов социально-культурного назначения, «висит» вся коммунальная сфера территорий. Примером служит крупнейшее акционерное общество отрасли «Родники-текстиль», где, помимо своей непроизводственной сферы (только жилой фонд составляет 177 тыс. кв. м полезной площади), придется содержать за свой счет весь город. Поэтому, неся огромные затраты на всю социальную инфраструктуру и одновременно имея еще большие долги по платежам в бюджет, для акционерного общества было бы хоть каким-то выходом из критической ситуации проведение взаимозачетов, чего не делается».

Здесь надо сделать пояснение. Долг большинства убыточных предприятий в 1996 г. был примерно равен стоимости продукции, которая была поставлена ими государству или другим предприятиям, но не оплачена. Причиной финансового кризиса являлся вытекающий из теории монетаризма (в интерпретации Правительства РФ) запрет на взаимное погашение долгов, как это всегда делалось при советской системе. За время реформы такой взаимозачет допускался дважды, когда финансовый кризис достигал катастрофического уровня.

Особенно тяжелое положение с содержанием жилья сложилось у тех предприятий, на средства которых Центральный банк наложил арест. Вот выдержка из письма директора одной фабрики главам областной и районной администрации от 18.12.1996: «В сложившейся экономической обстановке наше предприятие — закрытое акционерное общество «Юрьеvecкая льнофабрика» — практически не работает с сентября 1995 г. Финансовое состояние предприятия критическое. Не выплачена заработная плата работающим с декабря 1995 г. В этой чрезвычайной обстановке предприятие уже не имеет возможности нормально содержать и производить ремонт промышленных зданий и сооружений, технологического и другого оборудования, жилых домов и инженерных коммуникаций, детского оздоровительно-го лагеря.

В связи с этим еще раз просим вас рассмотреть самым внимательным образом вопрос о передаче жилых домов общей площадью 33 508 кв. метров и канализационных наружных сетей на баланс Юрьеvecкого отдела жилищно-коммунального хо-

зайства, а также групповых газовых емкостей и газовых сетей на баланс Юрьевоцмежрайгазу и детского оздоровительного лагеря на баланс району.

В настоящее время фабрика не в состоянии даже произвести небольшой ремонт в отопительных системах жилья, так как уволились слесаря-сантехники и электросварщики, и не может приобрести никаких материалов в связи с указанием Центрального банка № 360 от 12.12.1996 о запрещении расходования наличной денежной выручки предприятию как недоимщику по уплате налогов.

На основании Указа Президента РФ № 2284 от 24.12.93 и в связи с тем, что жилье не принадлежит акционерному предприятию, а является собственностью государства, фабрика снимает с себя всю ответственность за содержание и ремонт жилья с 1 января 1997 г. Детский оздоровительный лагерь будет разобран на дрова для рабочих».

Таким образом, даже неустойчивое социальное равновесие в России может поддерживаться только за счет сохранения важных черт *советского* жизнеустройства — за счет того, что предприятия продолжают оплачивать из своих средств значительную долю расходов на содержание жилья и коммунальной инфраструктуры. Следовательно, одна из главных задач рыночной реформы — разорвать «общинные» связи работников с предприятием и превратить человека в свободного индивида — пока что не может быть реализована. В разрешении проблемы жилья замысел реформы в России пришел в фундаментальное противоречие с жизненной реальностью.

Из всего этого видно, что советский строй породил необычный тип премышленного предприятия, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «земляков». Это переплетение, идущее от тысячелетней традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. На самом деле это — особенность России. Она несовместима с тем новым человеческим общежитием, какое задумали создать в России реформаторы по типу западного капитализма. Эту особенность и стали сразу же искоренять под присмотром западных экспертов. Но искоренить ее непросто.

Наблюдение за попытками разорвать это переплетение, отделить производство от создания условий жизни позволило увидеть исключительно важную вещь, о которой мы не думали при советском строе (и о которой не думают люди Запада при их капитализме). Соединение, кооперация производства с «жизнью» является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Стоит только передать коммунальные службы из со-

става предприятия специализированной организации, работающей на рыночных основаниях, как себестоимость жизненных благ возрастает почти в четыре раза.

Почему же мы этого не видели? Потому что из политэкономии, возникшей как наука о рыночном хозяйстве (и в версии Адама Смита, и в версии Маркса), мы заучили, что специализация и *разделение* — источник эффективности. Это разумное умозаключение приобрело, к огромному нашему несчастью, характер идеологической догмы, и мы почти забыли о диалектике этой проблемы. А именно: *соединение* и кооперация — также источник эффективности. Какая комбинация наиболее выгодна, зависит от всей совокупности конкретных условий. И важнейшим фактором здесь является культура людей.

На Западе буржуазные революции сломали общинность и создали «культуру индивидуализма», так что вместо сотрудничества на первое место вышла конкуренция*. В России, напротив, революция лишь *усилила* «культуру коллективизма». Это и позволило возникнуть в СССР, независимо от теорий (а часто и вопреки им), необычному «хозяйству семейного типа», с переплетением производства и быта. Разрушение этого хозяйства с потерей его «невидимого» и непонятого нами источника эффективности погрузило страну в тяжелейшую разруху, которую теории не могут объяснить.

Предприятия и охрана здоровья. В СССР система здравоохранения была бесплатной и воспринималась в общественном сознании как естественное право. Здравоохранение было даже не правом, а, скорее, обязанностью. Причина в том, что в СССР человек не был собственником тела (индивидом), его тело во многом было «общенародным достоянием», и государство обязано было его хранить.

В западной общественной мысли понятие *индивидуума* развивалось на протяжении четырех веков философами, а затем самыми разными школами политэкономии, социологии, антропологии, поведенческих наук и даже психоанализа. В России альтернативная антропологическая модель (человек как *соборная личность*) оформилась в четких терминах в конце XIX века. Тело никак не рассматривалось как частная собственность личности (говорилось: «земля — Божья, а люди — царицы»). Об

*Да и на самом Западе «свободная конкуренция» все в большей степени становится идеологическим мифом. Она все больше и больше вытесняется кооперацией, координацией и планированием больших производственных систем, а на бытовом уровне — возрождением разных механизмов общинности («коммунитаризм»).

этом говорит и вся концепция здравоохранения в социальном порядке СССР.

В докладах о состоянии здоровья населения РФ отмечается, что за последние годы, несмотря на рост заболеваемости, значительно снизилось число обращений к врачам. Это объясняют тем, что пресса создала у населения ложное представление о том, будто здравоохранение стало платным. На наш взгляд, дело в другом. Люди в результате либеральной реформы уже освободились от обязанности перед государством — быть здоровым, но еще не осознали себя собственниками своего тела.

В целом уже за годы перестройки (1985—1990 гг.), по мнению населения, наметилась тенденция к ухудшению системы здравоохранения. Из всех опрошенных в РСФСР 10,1% ответили, что положение «улучшилось или наметилось улучшение», 45,4% — «не изменилось» и 33,2% — «ухудшилось или наметилось ухудшение». В 1990 г. 47,2% опрошенных ответили, что на их предприятии оказываются медицинские услуги, не удовлетворены этими услугами были 11,7%. 55,6% опрошенных считали, что целесообразнее эти услуги развивать не предприятиям, а местным органам власти. Однако 25% отдавали предпочтение услугам на предприятии.

Участие предприятий в здравоохранении выражалось в советское время в следующих формах:

- содержание на предприятии и за счет его средств (или совместно с органами здравоохранения) поликлиник или врачебных пунктов;
- дотации из средств предприятия лечебным учреждениям в районах проживания работников предприятия;
- содержание лечебно-профилактических оздоровительных учреждений (домов отдыха, санаториев, профилакториев);
- организация на предприятии профилактических медицинских осмотров работников.

Приведем выдержки из книги Н. Н. Румянцева (написанной в 1992 г.) об услугах в области здравоохранения на Яковлевском льнокомбинате. В его воспоминаниях, кстати, подмечено то особое отношение советского человека к собственному здоровью, о котором мы говорили выше:

«Семь лет назад, по примеру других предприятий, мы создали на фабриках восстановительные центры, комнаты отдыха и центры психологической разгрузки. На центры внутрисменного восстановления мы возлагали большие надежды. Ведь в них за считанные минуты с помощью специальных тренажеров, массажа можно снять усталость от монотонных движений. И действительно, на первых порах от посетителей не было отбоя. Пришлось даже составлять графики, так как центр мог принять

только пятьдесят человек в смену. Но через два-три месяца популярность центров стала падать. Спрашиваю ткачиху:

— Спина болит?

— Болит, Николай Николаевич.

— Иди, сделай массаж.

— Да не поможет. Я уж так перемогусь.

Вот это великое российское терпение, привычка перемогаться даже в самых трудных случаях и объясняет во многом отношение к своему здоровью. Выходит, что о здоровье работника мы заботимся больше, чем он сам. А он при этом еще и кочевржится.

Ведь теперь мы начали платить работнику не только за труд, но и за хорошее здоровье. Не болел в течение года — получай премию. Эти премии быстро окрестили «За здорово живешь».

Совсем недавно мы построили три физкультурно-оздоровительных комплекса с бассейнами. Никто не ходит, и ничем заманить не можем. Ну что ж, начнём с детей, с детских садов и школ. Это самый верный и надежный способ приучить человека к физкультуре.

Двадцать лет назад открыли мы санаторий-профилакторий «Бодрость». В 1984 году построили для него новое трехэтажное здание, купили самое современное оборудование, построили грязелечебницу. За год в нем бывает по две тысячи работников комбината, сто пятьдесят путевок выделяем ветеранам труда, шестьдесят — горожанам. Она [врач санатория] убедила меня, что все дошкольники и особенно молодые матери должны пройти обязательный курс лечения. Меня-то она уговорила, а теперь ходит и уговаривает будущих матерей взять путевку. Цена-то символическая.

Мы сами придали санаторию-профилакторию статус реабилитирующего центра, в связи с чем пришлось поломать некоторые неразумные инструкции, которые, к примеру, запрещали лечить тех, у кого имеется больничный лист... Мы и детскую больницу недавно построили».

Таково отношение советского предприятия к охране здоровья его работников. Как изменилась ситуация после приватизации?

«Мониторинг предприятий» показал, что к 1996 г. на 86% предприятий институциональных изменений в службе здравоохранения не произошло, а 9% предприятий передали свои медицинские учреждения на баланс других организаций. В большинстве случаев руководство предприятий относит медицинские услуги к категории витальных и стремится их сохранить. Согласно обследованиям, поликлинику или медсанчасть имели в тот момент 55,6% предприятий, медицинский стационар — 11,3%

(а раньше они были на 19% предприятий), дом отдыха, санаторий или профилакторий имели 42,3% предприятий.

Однако существенно изменилась *структура* затрат. Около 20% предприятий в 1996 г. осуществляли дополнительное (помимо предусмотренного законом) медицинское страхование работников. Около 70% предприятий оплачивали своим работникам путевки в санатории, 45,8% предприятий оплачивали амбулаторное и стационарное обслуживание.

Резко ухудшилось положение с диспансеризацией — массовыми медицинскими обследованиями работников. Такие осмотры были важным направлением советской профилактической медицины. Осмотр каждого работника комиссией из 10—15 специалистов — дорогое дело. Согласно новому законодательству, профилактические медицинские осмотры должны финансироваться за счет средств ОМС (обязательного медицинского страхования). Однако это — на бумаге, а в Программе РФ по ОМС такие осмотры не предусмотрены, средств на них реально не выделяется. Это сразу сказалось на здоровье населения, что красноречиво показывает заболеваемость туберкулезом. В «Государственном докладе о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году» говорилось:

«Рост заболеваемости наблюдается при значительном и почти повсеместном сокращении охвата населения профилактическими обследованиями на туберкулез; последнее в значительной мере объясняется дороговизной и перебоями в снабжении рентгенофлюорографической пленкой, реактивами, бакпрепаратами, мединструментарием... В 1992 г. положение с выявлением туберкулеза усугубилось в связи с тем, что все виды профосмотров, в том числе и на туберкулез, стали осуществляться не из средств госбюджета, а за счет предприятий, учреждений и личных средств граждан. В условиях снижения уровня жизни населения возникает реальная угроза эпидемических вспышек туберкулеза на различных территориях страны. Вместе с тем, из-за недостаточного финансирования *четко отлаженная и эффективно проводимая ранее* система централизованного управления и контроля за деятельностью туберкулезных учреждений в части профилактики, выявления, диагностики и лечения туберкулеза практически перестает функционировать» (курсив мой. — С. К-М).

В целом по сравнению с содержанием жилья расходы предприятий на медицинское обслуживание обладают в условиях кризиса более низким приоритетом. Во многом это объясняется тем, что до настоящего времени система бесплатного государственного здравоохранения существует, хотя и находится в очень тяжелом состоянии.

Предприятия и оздоровительные детские лагеря. Содержание детских оздоровительных учреждений (или оплата путевок для детей работников в «чужие» учреждения, если не имеется или недостаточно собственных) — важная часть социальных услуг предприятия, примыкающая к медицинским услугам.

Система детских оздоровительных учреждений в СССР (для детей в возрасте 7—15 лет) была основана на сети так называемых «пионерских лагерей». Ее аналога в странах Запада не существует. Всесоюзная пионерская организация была создана в 1922 г. вначале как политизированная. Однако сразу же одной из ее задач стала оздоровительная работа среди детей, организация их досуга и творческой деятельности. В СССР издавалось 28 газет и 40 журналов для детей. На всех уровнях территорий были созданы дворцы пионеров или дома пионеров — общественные детские культурные и спортивные учреждения.

В 30-е годы в целом сложился особый социальный институт — «*пионерский лагерь*». Это — учреждение для отдыха детей во время каникул (в большинстве случаев оборудованное для летнего отдыха, но часть — и для зимнего). Расположены лагеря в живописных местах, как в глубине страны, так и на морских побережьях. На время отдыха с детьми выезжали врачи, и в лагерях проводились медицинские обследования. Велась также интенсивная культурная работа, в лагерь выезжали педагоги и художники.

В трудные годы, особенно после Великой Отечественной войны, главной задачей лагерей была интенсивная оздоровительная работа, усиленное полноценное питание городских детей (критерием успеха было увеличение веса детей — это называлось «*поправиться*»). Обычно лагерь работал летом в три смены: две по 24 дня и одна особая, «санаторная», для ослабленных детей — 40 дней. Размеры нормальных лагерей — от 100 до 400 детей. Было открыто и несколько больших, «всесоюзных» лагерей.

Большинство предприятий содержали свои лагеря. Имелись также «общие» лагеря у отраслевых профсоюзов. За организацию работы и распределение путевок отвечали профсоюзы, но предприятие выделяло материальные ресурсы и работников (вожатых, воспитателей, обслуживающий персонал — часто из числа пенсионеров, бывших работников, которые поддерживали связи с предприятием). В лагерях, особенно небольших, шел важный процесс социализации детей, их включения в орбиту предприятия, на котором работают родители, в отношения поколений этой «общины». Обычно предприятие старалось в каждую смену пригласить в гости к детям какого-либо известного человека из мира науки, искусства, героя войны и т.п.

Когда мест в своем лагере у предприятия не хватало, через

профсоюз всегда находились места в пионерлагерях других организаций и профсоюзов. Это давало детям новые контакты, вводило в круг других профессий, дети работников провинциальных предприятий вовлекались в универсальную культуру. Значение пионерлагерей в формировании советского человека и даже советского народа трудно переоценить.

Я сам ребенком отдыхал в лагерях с 1946 по 1953 г., обычно по две смены за лето. В основном в пионерлагере Академии наук СССР, но еще и в 5—6 лагерях разных предприятий. Это всегда был новый и особый маленький мир. Были встречи и с интересными гостями, в основном просто мастерами своего дела. Из известных личностей, которые приезжали к нам в лагерь, я запомнил секретаря французской компартии Мориса Тореза, турецкого поэта Назыма Хикмета, крупного советского ученого-физика академика С. И. Вавилова, художника-антрополога С. С. Герасимова (он создал метод восстановления по черепу портрета наших древних предков).

Почти с самого начала перестройки Горбачева пионерлагеря стали объектом сильной идеологической кампании как институт «тоталитарного общества». Роль пионерлагерей в воспроизводстве советского общества была понята антисоветскими идеологами правильно. Не вдаваясь в обсуждение идеологической стороны дела, отметим, что при этом сразу же резко усложнилось выполнение оздоровительной функции лагерей. После 1988 г. пионерлагеря стали свертывать. Самое большое сокращение их числа произошло в 1991—1992 гг., после чего спад замедлился, и в 1994—1997 гг. сохранялось 3,2—3,1 тысячи загородных лагерей (в 1990 г. их было 5,3 тыс.).

В 1991 г. была распущена пионерская организация, а с нею утрачен философский и организационный стержень всей системы пионерлагерей. Затем отменили государственные дотации, рухнули профсоюзы, и путевки стали недоступны большинству родителей — при том, что как раз в это время (особенно с 1992 г.) потребность в оздоровительных лагерях стала как никогда острой. Основная масса детей начиная с 1991 г. просто остается без загородного отдыха и лишена даже одного-двух месяцев оздоровительного полноценного питания.

Какова политика приватизированных предприятий в отношении детских оздоровительных лагерей? Согласно «Мониторингу предприятий» 1995 г., 61% предприятий к тому моменту не сделали никаких институциональных изменений (то есть сохранили свои лагеря, если они имелись). В другом обследовании установлено, что к 1996 г. детские оздоровительные лагеря имели 42% предприятий, а 10% ранее ими располагало и утратило. Однако на 70% предприятий работникам оплачивают пу-

тевки, чтобы отправить детей в оздоровительный лагерь — свой или другого предприятия.

Хотя, согласно Указу Президента, детские оздоровительные лагеря не подлежали приватизации, а должны были быть переданы в ведение местных властей с сохранением профиля предоставляемых услуг, именно передача пионерлагерей на баланс местных властей наталкивалась на самые большие трудности. В 30% случаев власти просто отказывались принимать летние оздоровительные лагеря на свой баланс. Лагерь — дорогая система, содержание которой требует постоянных затрат, а превратить ее в доходное предприятие вроде казино или магазина невозможно из-за удаленности от города.

Ввиду того, что сокращение этого вида социальных услуг оказало самое отрицательное и очевидное воздействие на здоровье и воспитание детей и обстановку в огромном количестве семей, идеологическая кампания против пионерских лагерей в 1996 г. была прекращена (о ней сегодня даже предпочитают не вспоминать). Попытки рыночных идеологов создать в России в противовес пионерской организации движение скаутов по образцу Запада успехом не увенчались. Как идеология этого движения, так и его организация и даже стиль и атрибуты оказались несовместимыми с культурными традициями (это — особая тема). Поэтому можно предположить, что по мере выхода из катастрофической реформы уклад пионерских оздоровительных лагерей (пусть и без прежних политических атрибутов) будет возрождаться. Это порождение советского строя оказалось очень полезным для людей.

Примечательно стихийное сопротивление той кампании по искоренению пионерских лагерей, которая была развернута в 1990—1994 гг. Так, в последние годы была проведена широкая программа по информационному обустройству подмосковных шоссе дорог (установка новых знаков и указателей). Хотя слово «пионерлагерь» уже в течение многих лет официально выведено из обихода, на всех ответвлениях шоссе, ведущих к оздоровительным лагерям, поставлены новые указатели: «пионерлагерь «Звездочка», «пионерлагерь имени Гагарина» и т.д.

Предприятия и дошкольные детские учреждения. Важнейшим условием вовлечения женщины в активную трудовую деятельность стало создание обширной сети детских учреждений — яслей и детских садов. При реальном уровне экономического развития СССР это было необходимым условием для выхода на современный тип потребления семьи, не говоря уже о самореализации женщин. Эти учреждения постепенно, с 30-х годов, преодолевали свои организационные, хозяйственные и кадро-

вые недостатки и к 70-м годам стали незаменимым и почти «естественным» социальным институтом в советской системе.

Разумеется, отношение к этим учреждениям было различным в разных социальных группах и разных регионах. Чем сильнее была ориентация на «общинные» ценности, тем благосклоннее оценка детских садов, чем сильнее ориентация на индивидуализм — тем негативнее. В 1990 г. среди женщин, имеющих детей в возрасте до 7 лет, высказалось в пользу воспитания детей в детских садах 60,8% в Туркмении и 10,3% в Литве. В РСФСР за воспитание детей в детских садах было 41,7% матерей.

В 1990 г. в РСФСР имелось 87,9 тыс. детских дошкольных учреждений (47,3 тыс. в городах и 40,6 тыс. в сельской местности). В них находилось 9 млн. детей. В 1990 г. 66% детей в возрасте 1—6 лет посещали детские сады. В результате реформы число учреждений снизилось не очень сильно — в 1995 г. их стало 68,6 тыс., число посещающих их детей — еще больше. В 1996 г. в РФ их было 5,1 млн. Это было вызвано двумя причинами: уменьшением числа детей из-за резкого сокращения рождаемости, а также ростом стоимости содержания ребенка в детском саду при одновременном снижении доходов родителей.

Еще более радикальным было сокращение средств на обновление и улучшение материальной базы детских учреждений. Вплоть до 1988 г. велась работа по замене ветхих и непригодных зданий, строились современные специализированные помещения с оборудованием зеленых зон. По оценке состояния зданий детских дошкольных учреждений в РСФСР, проведенной в 1989 г., подлежало сносу 9% зданий и капитальному ремонту — 23% зданий. При переходе перестройки Горбачева в фазу радикальной экономической реформы эта работа была практически полностью остановлена. На рис. 1 приведена динамика ввода в действие детских дошкольных учреждений в России. Видимо, в самой доктрине социального строя «рыночной России» была предусмотрена ликвидация детских садов как особого института бесклассового общества.

Каково поведение предприятий в отношении детских садов? В советское время около 80% предприятий имело свои детские сады. Как правило, они всегда были предметом особой заботы и гордости предприятия, поскольку от состояния этой социальной службы в очень большой степени зависело настроение работников (особенно женщин). Обычно предприятия оказывали также помощь государственным детским садам в районе расселения их работников.

Во время реформы из всех объектов социальной сферы местные власти охотнее всего брали на свой баланс детские сады, и значительная часть предприятий этим воспользовалась. Например, упомянутое выше АО «Фатекс» в г. Фатех Ивановской об-

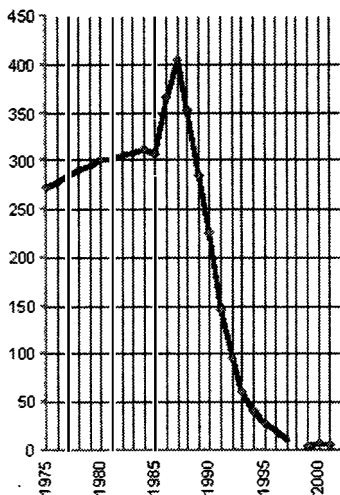

Рис. 1. Строительство детских дошкольных учреждений в РСФСР и РФ (тыс. мест)

ласти передало бесплатно городским властям 9 детских садов (балансовая стоимость каждого здания составляла 1—1,5 млрд. рублей) со всем их оборудованием и материальными ценностями. Из обследованных в 1995 г. предприятий 22,5% в прошлом имели детские сады, а теперь не имеют. Причина такой охотной приватизации состояла в том, что, вопреки президентскому Указу «О сохранении функционального назначения объектов социальной сферы при приватизации промышленных предприятий», детские сады продавались в частные руки, поскольку их удобное местоположение и структура зданий позволяли приспособить их под доходные рестораны, магазины и т.п.

Принадлежащие предприятиям детские учреждения обслуживают всех жителей окружающего их микрорайона, а не только детей работников. В советское время 87% расходов по содержанию ребенка в детских дошкольных учреждениях оплачивалось из бюджета государством, остальное — родителями. Поэтому финансовых затруднений у предприятий при обслуживании «чужих» жителей города их детскими садами не возникало. В настоящее время положение резко изменилось, и детские сады вынуждены взимать за пребывание детей существенную плату.

На конец 1995 г. она в среднем по России составляла в муниципальных детских садах 2638 руб. в день, а в ведомственных — 3080 руб. (средняя зарплата составляла тогда 472 тыс. рублей в месяц). В условиях, когда зарплата родителям не выплачивалась по несколько месяцев, оплатить пребывание ребенка в саду становилось проблемой. В этой ситуации предприятия перешли на оказание целевой помощи своим работникам: 63,4% об-

следованных предприятий оплачивали своим работникам услуги детских садов.

В целом поведение предприятий после приватизации в отношении детских дошкольных учреждений как особого уклада взаимоотношений предприятия с работниками позволяет предположить, что социальные и культурные стереотипы работников и даже администрации и владельцев предприятий в отношении данного социального института в ходе реформы в принципе не изменились. Пока что произошло «сжатие» системы детских садов, вызванное экономическими причинами, но не их ликвидация. При изменении общей ситуации в России следует ожидать скорее возрождения системы детских дошкольных учреждений советского типа с участием предприятий, нежели трансформации их в коммерческие службы, предоставляющие услуги на рыночной основе по западному образцу.

Глава 4

ПЕРИОД СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ («ЭПОХА ЗАСТОЯ»)

Со сменой руководства в 1964 г. были смягчены перегибы в политике времен Н. С. Хрущева (иногда говорят о «контрреформе», но это — эмоциональный термин). Наступил длительный (20 лет) период в целом умеренной политики государства, который впоследствии назовут «периодом застоя».

Это было продолжение «демобилизационной программы», с упором на рост благосостояния и сдвигом в сторону терпимости. СССР в «период застоя» был наименее репрессивным государством из всех великих держав. Вот примеры. В тюрьме ФРГ в 1977 г. были убиты руководители немецких анархистов. В 1978 г. в Англии шесть человек под пытками признались в несовершенном преступлении и пробыли в тюрьме 12 лет, пока под давлением общественности дело не было пересмотрено. В 1988 г. в Гибралтаре агенты полиции застрелили на улице трех известных республиканцев из Северной Ирландии, не пытаясь их арестовать. В ходе рассмотрения дела в Европейском суде по правам человека выяснилось, что в Ольстере без суда и следствия были застрелены около 400 безоружных, уже арестованных республиканцев. В 1991 г., как сообщил генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер, была ликвидирована созданная НАТО в 1951 г. и подчиненная его высшему командованию организация негласных убийц «Гладиатор», работавшая в Западной Европе. Регулярно пресса сообщает о пытках и убийствах полицией Европы и США «цветных». Ничего подоб-

ного ни по типологии, ни по масштабу не было в СССР «периода застоя».

Однако в конце периода терпимость все больше переходила в попустительство (целые коллективы связывались круговой порукой хищений — мелких «внизу», покрупнее «вверху»).

В целом не было выработано государственной доктрины либерализации хозяйства, которая соответствовала бы типу советского общества (в конце периода Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов признал: «Мы не знаем общества, в котором живем»). Этот тезис повторялся и позже. Так, виднейший «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев отмечал, что советское общество 60—80-х гг. фактически не исследовано (что, впрочем, не мешало ему давать категорические оценки и даже «перестраивать» это общество).

В 1965 г. была начата реформа, делающая в экономике и социальной сфере упор на товарно-денежные отношения, так что критерием эффективности работы предприятия становилась *прибыль*. Это был принципиальный отказ от представления о советском хозяйстве, которое дал Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР». Довольно быстро выяснилось, что хозяйственная система отвечает на изменения не так, как ожидалось, и реформа была без шума свернута. Впоследствии говорилось, что реформу задушили ретрограды, однако их консерватизм можно оценить и как чувство ответственности. Увидев, что ориентация на прибыль прежде всего вызвала тенденцию к повышению цен, ретрограды не стали доводить дело до краха экономики.

Народное хозяйство СССР развивалось быстро, и главные показатели жизнеобеспечения людей и страны улучшались. Именно в «период застоя» было проведено огромное по масштабам жилищное и дорожное строительство, было построено метро в 11 городах, быт людей в городе в основном вышел на современный уровень, а на селе сильно улучшился (была завершена полная электрификация села и газификация большей части). В этот период были сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение на долгую перспективу: созданы единые энергетические и транспортные системы, построена сеть птицефабрик, решившая проблему белка в рационе питания, проведены крупномасштабное улучшение почв (иригация и известкование) и обширные лесопосадки (1 млн. га в год). Хозяйство и госаппарат были насыщены квалифицированными кадрами, стабильной стала демографическая обстановка с постоянным приростом населения около 1,5% в год. СССР стал единственной в мире самодостаточной страной, надолго обеспеченной всеми основными ресурсами.

В 1982 г. была разработана и принята государственная Про-

довольственная программа, ставящая задачу надежно обеспечить полноценное питание всем гражданам страны. По основным реальным показателям эта программа хорошо выполнялась.

Конституция СССР 1977 г. 25 апреля 1962 г. Верховный Совет СССР принимает постановление о выработке проекта новой Конституции и формирует комиссию. Но лишь к маю 1977 г. проект был создан и 4 июня 1977 г. опубликован в печати. В ходе обсуждения было высказано около 400 тыс. предложений с поправками и дополнениями.

В новой Конституции СССР было зафиксировано, что диктатура пролетариата выполнила свою задачу и советское государство стало *общенародным*. Конституция закрепила систему органов власти и управления, сложившуюся к тому времени. Высшим органом власти являлся Верховный Совет СССР, состоявший из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Полномочия его были увеличены с 4 до 5 лет.

По сравнению с Конституцией 1936 г. в Конституции 1977 г. появились новые виды прав граждан: право на *охрану здоровья* и право на *жилище*. 24 июня 1981 г. Верховный Совет СССР принял Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик. Новая Конституция СССР записала, что правосудие в СССР осуществляется только судом.

Конституция закрепила СССР как союзное, федеративное государство. За каждой союзной республикой сохранялось право свободного выхода из СССР. Таким образом, и в конце 70-х годов государство продолжало линию на «строительство наций» и их огосударствление.

Вместе с тем, с 1966 г. (и до 1989 г.) в официальном языке имелось понятие «советский народ». Суть его была в том, что на стадии «развитого социализма» возникла эта новая историческая общность, имеющая ряд характерных признаков. Критики этой концепции усматривают в ней замысел советского государства путем ассимиляции ликвидировать этническое многообразие общества, заменив народы неким безнациональным *homo sovieticus*. Ни в каких документах советского государства таких программных положений нет. Если же судить по реальной практике государства, то, согласно принятым в этнографии критериям, национальная политика в СССР на ассимиляцию направлена не была. Так, четыре переписи населения (с 1959 по 1989 г.) показали небольшое, но постоянное снижение доли русских в населении СССР (с 54,6 до 50,8%). Численность же малых народов, которые первыми исчезают при ассимиляции, регулярно росла (даже столь малочисленные народы, которые по западным меркам теоретически не могут уцелеть и не раствориться, — тофаларов, орочей, юкагиров и др.).

С иных позиций критиковали понятие «советский народ» те, кто отрицал возникновение общности советских людей и считал народы и этносы СССР конгломератом, не связанным в одно целое. Это — схоластические утверждения, преследующие чисто идеологические цели. Советский народ сложился как продукт длительного развития единого государства. Этот процесс протекал не только в советский период, но и до образования СССР — в Российской империи. Граждане этого государства разных национальностей воспринимали СССР как *отечество* и проявляли лояльность к символам этого государства. Согласно всем современным представлениям о государстве и нации, советский народ был нормальной полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или индийская нации. На деле единое хозяйство, единая школа и единая армия связали граждан СССР в гораздо более сплоченный народ, чем указанные нации. Ряд исследований, проведенных в конце 80-х и начале 90-х годов, показали наличие множества тонких, но важных объединяющих связей, так что возникли общие для советских людей культурно-психологические особенности (предрассудки и суеверия, любимые образы и типы юмора). Это в негативной форме признали и критики советского государства, введя понятие «*совок*». Разумеется, степень «советскости» была различной у разных групп населения.

Тем более важно, что, признав свершившимся становление советской нации (народа), последняя Конституция СССР подтвердила федерализм национально-государственных образований, отказавшись от перехода к территориальному федерализму. В Комментариях к Конституции прямо указывалось, что «в состав СССР входят не географические или административные единицы, а национальные государства». Этот федерализм, возводя этничность в один из главных принципов построения государства, противоречил марксизму, для которого соединение политической власти с национальностью было неприемлемо. Огосударствление наций в позднем СССР не было и следствием программных установок В. И. Ленина, который признал его в 1922 г. как *вынужденную* необходимость, вызванную чрезвычайными политическими обстоятельствами.

Видимо, возможность перейти к территориальному федерализму, который укрепил бы СССР как единое государство, реально существовала лишь в 1945—1953 гг., но необходимость этого шага на фоне победных настроений не осознавалась. Во времена Хрущева и Брежнева республиканские элиты настолько окрепли, что центр уже был неспособен посягнуть на их власть и интересы. Негласно, под лозунги интернационализма, проводилась «коренизация» нового типа — вытеснение русских кадров и обеспечение преимуществ не всех нерусских народов,

а лишь «статусных наций». Это в полной мере выявилось в ходе перестройки. Попытка М. С. Горбачева в 1986 г. сменить на посту секретаря ЦК компартии Казахстана казаха на русского вызвала волнения с использованием насилия. Центру был брошен уже прямой вызов.

Предпосылки перестройки. Судя по динамике множества показателей, СССР в 1965—1985 гг. находился в состоянии благополучия, несмотря на многие неурядицы, которые в принципе могли быть устранены. Советский строй, выросший из крестьянского мироощущения, медленно отвечал на принципиально иные потребности растущего городского населения, особенно молодежи. Нарастал разрыв между новым социальным типом (молодого образованного горожанина среднего достатка) и строем жизни, что было объективной причиной нарастающего недовольства. Но никаких принципиальных препятствий для преодоления этого противоречия в советском типе государства не было.

В то же время назревали факторы нестабильности и общего ощущения неблагополучия, которые накладывались на неизбежный и общий адаптационный стресс, связанный с массовой *урбанизацией* — переходом к городскому образу жизни. Видимыми симптомами стало широкое распространение алкоголизма, вновь появившееся после 20-х годов бродяжничество. В 1983 г. были выявлены 390 тыс. взрослых людей, «не занятых общественно полезным трудом». Расширилась мелкая коррупция и произвол чиновников: в 1984 г. в ЦК КПСС поступило 74 тыс. анонимных писем с жалобами.

И внутри страны, и в мире возникло предчувствие, что СССР проигрывает «холодную войну». Важным признаком стал переход на антисоветские позиции сначала западной левой интеллигенции («еврокоммунизм»), а потом и все более заметной части отечественной интеллигенции («диссиденты»). Официальная идеология становилась все более напыщенной (концепция «развитого социализма») и все более чуждой настроениям людей. В сфере государственного строительства стали слабеть и размываться обе необходимые опоры власти — *сила и согласие*.

Взяв на себя, в отличие от западного общества, бремя организации почти всего хозяйства, советское государство обязано было иметь аппарат, способный хорошо или по меньшей мере приемлемо координировать усилия всех подсистем экономики и распределение ресурсов. Для этой цели служили *план* в производстве и *рынок* в потреблении. В 70-е годы, однако, масштабы, разнообразие и динамичность хозяйства превысили критические возможности планирования старого типа.

Производство стало недостаточно быстро отвечать на изме-

нения как технологии, так и общественных потребностей. Мыслившие в категориях политэкономии кадры все больше сдвигались к идее использовать в советском хозяйстве стихийный регулятор — рынок. Поскольку категории политэкономии составляют неразрывную систему, речь шла уже не о рынке товаров, а о целостной рыночной экономике (рынок денег, товаров и труда). Таким образом, существенная часть номенклатуры стала воспринимать все устройство государства (Госплан, Госкомцен, Госбанк, министерства и предприятия), а также советское право (отношения собственности и трудовое право) как неправильные. Марксизм дал этому ощущению «язык» («несоответствие производительных сил и производственных отношений»).

Сама система государства стала терять целостность и невяно «распадаться» на множество подсистем, следующих не общим, а своим собственным критериям оптимизации. Наглядным выражением этого стала *ведомственность**. Этот известный дефект системы отраслевых министерств проявился в СССР уже с 20-х годов, но с особой силой — в период застоя. Со временем ведомство имеет тенденцию превратиться в замкнутый организм, так что возникает конфликт интересов: ведомства с государством в целом и ведомства с другими ведомствами.

Ведомственность подрывала одну из главных основ советского строя, придававшую силу его экономике, — *общенародный* характер собственности и хозяйства. Оптимизация по высшим, общим критериям объясняла известное явление: с точки зрения *частных* критериев, советское государство выглядело отсталым и «корявым», а в целом — было поразительно эффективным. Складываясь в замкнутую административно-хозяйственную систему и обретая «чувство хозяина», ведомство невяно проводило денационализацию части хозяйства, вставало на путь, ведущий к приватизации. Это порождало и процесс разделения народа, пусть не на классы, а на группы и корпорации (что позже, в 1990 г., проявилось, например, в антисоветских забастовках шахтеров).

В период «сталинизма» важную роль в нейтрализации ведомственности играла партия, которая следовала «общим» критериям и держала хозяйственных руководителей в жестких рамках. Использовалась также частая ротация кадров (в конце 30-х годов даже с репрессиями) — зародыши неконтролируемой самоорганизации разрушались. В 70—80-е годы партийная номенклатура стала срачиваться с ведомственной, ротация кадров замедлилась, центральная власть все больше утрачивала

*Ведомство — совокупность центрального аппарата (например, министерства и его органов) с местными органами управления и подчиненными учреждениями, организациями и предприятиями.

контроль над госаппаратом. Поскольку это были годы больших технологических сдвигов («научно-техническая революция»), а они требовали межотраслевых усилий, ведомственность стала важным тормозом научно-технического прогресса. Преувеличивать значение этого фактора не следует, так как на главных направлениях (например, в производстве военной техники) поддерживался высокий уровень новаторства, а в целом экономические возможности оказывали на технический прогресс гораздо большее влияние. Однако психологический эффект задержек во внедрении новых технологий был очень велик.

В 70-е годы произошло соединение ведомственности с местничеством — сплочением руководителей госаппарата и хозяйства региона в конфликте интересов с центром и другими регионами (другой тип субоптимизации — исходя из региональных критериев). В тех регионах, которые были национально-государственными образованиями (союзных и автономных республиках, областях и округах), местничество принимало национальную окраску. Образование региональных элит, включающих в себя и работников аппарата ведомств, и работников местных органов власти, породило новый тип политических субъектов — номенклатурные кланы.

До «оттепели» Хрущева государство вело с местничеством постоянную и тщательную борьбу, доходя в сталинский период до жестоких репрессий. Несколько волн репрессий 30-х годов против местной элиты как «националистов» на деле искореняли местничество. Национализм местных кадров был лишь идеологической маской, под которой шло их объединение. Современный анализ их слов и дел не позволяет считать их *национал-сепаратистами*. Семилетний период территориального управления хозяйством через совнархозы создал сильные структуры с узаконенной идеологией местничества, и в последующий период они не были нейтрализованы. Да и номенклатура центральных органов включилась в процесс образования кланов. Началось неясное пока разделение страны. Государство становилось *все менее советским*.

Это было не следствием ошибок или злой воли, а результатом процессов самоорганизации. Разница в том, что до 1953 г. государство придавало всем этим процессам большое значение, постоянно держало их в центре внимания и регулировало исходя из общей политической программы. В ходе «десталинизации» были ликвидированы те небольшие по размерам или даже невидимые элементы государства, которые вели системный анализ всего происходящего, и в последующие периоды именно утрата системности стала особенностью планов и действий государства. Примером может служить участие в изматывающей гонке вооружений с выходом числа ядерных зарядов далеко за

пределы, достаточные для сдерживания вероятного противника. Другой пример — равнодушие государства к становлению организованной преступности и ее внедрению в местные элиты. Это явление, вполне совместимое с рыночной экономикой и либеральным государством, было смертельно опасно для советского хозяйства и государства.

Для объяснения обществу причин уже ощущаемого неблагополучия идеологическая партийно-государственная машина внедряла в массовое сознание ряд мифов (внедряла как непосредственно, так и через «теневую» систему — самиздат, анекдоты, кухонные дискуссии). Советские граждане и не догадывались, что их угнетают и эксплуатируют, пока им этого не объяснили. Не было ничего похожего на массовое недовольство советским строем, отрицания самой его сути. Но людей начал грызть червь сомнения.

Все в более широких кругах населения СССР, прежде всего в кругах интеллигенции, нарастало отчуждение от государства и ощущение, что жизнь устроена неправильно. Тем самым государство лишалось своей второй опоры — согласия.

Глава 5

СОВЕТСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ШКОЛА: ЧТО ЛОМАЮТ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА?

Школа — одна из самых устойчивых, консервативных общественных институтов, «генетическая матрица» культуры. В соответствии с этой матрицей воспроизводятся последующие поколения. Поэтому тип школы, выработанный той или иной культурой, является важнейшим фактором формирования и воспроизводства цивилизации. Школа — механизм, сохраняющий и передающий от поколения к поколению культурное наследие данного общества. В то же время это идеологический механизм, «производящий человека» данного общества.

Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря и университета, ставила задачей «воспитание личности» — личности, обращенной к Богу (шире — к идеалам). Для нового, буржуазного, западного общества требовался манипулируемый *человек массы*, сформированный в мозаичной культуре.

Известный американский психолог и педагог Ури Бронфенбреннер, в течение многих лет руководивший большим проектом по международному сравнению школьного образования в разных странах, пишет в своей книге, переведенной на многие языки: «Основное различие между американскими и советски-

ми школами состоит, на наш взгляд, в том, что в последних огромное значение придается не только обучению предметам, но и *воспитанию*; для данного термина в английском языке не существует эквивалента» (см. У. Бронфенбреннер. Два мира детства. Дети в США и СССР. — М.: Прогресс, 1976) *.

Чем отличается выросшая из богословия «университетская» школа от школы «мозаичной культуры»? Тем, что она на каждом своем уровне стремится дать целостный свод принципов бытия. Здесь видна связь университета с античной школой, которая особенно сильно выразилась в типе классической гимназии. Спор об этом типе школы, которая ориентировалась на фундаментальные дисциплины, гуманитарное знание и языки, идет давно. Нам много приходилось слышать попреков в адрес советской школы, которая была построена по типу гимназии, — за то, что она дает «беспольное в реальной жизни знание». Эти попреки — часть общемировой кампании, направленной на сокращение числа детей, воспитываемых в лоне «университетской культуры».

В действительности эти попреки — чистая демагогия. Задача школы, конечно, не в том, чтобы дать человеку навыки и информацию для решения частных практических задач, а в том, чтобы «наставить на путь». Об этом говорили деятели русской культуры в XIX и XX веках. Не уставали об этом предупреждать и те ученые и философы, которые заботились о жизнеспособности культуры Запада.

«Школа не имеет более важной задачи, как обучать строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях», — писал Ницше. Человек массы этого, как правило, не понимал, и Ницше добавил: «Значение гимназии редко видят в вещах, которым там действительно научаются и которые выносятся отсюда навсегда, а в тех, которые преподаются, но которые школьник усваивает лишь с отвращением, чтобы стряхнуть их с себя, как только это станет возможным».

Через полвека эту мысль продолжает В. Гейзенберг: «Образование — это то, что остается, когда забыли все, чему учились. Образование, если угодно, — это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным». В чем же видел Гейзенберг роль классической

*У. Бронфенбреннер приезжал в СССР для проведения своих исследований с 1960 по 1967 г. После этого он был одним из авторов большого проекта, имевшего целью внедрить в школьную практику США некоторые советские методы обучения и воспитания. Его книга, изданная в СССР в 1976 г., вышла в США в 1970 г.

школы? В том, что она передает отличительную особенность античной мысли — «способность обращать всякую проблему в принципиальную», то есть стремиться к упорядочению мозаики опыта.

Рыночное общество («западная цивилизация») возникло в XVI — XVII веках в Европе в результате ряда революций. Первой из них была религиозная — Реформация, которая означала откат от Евангелия к Ветхому Завету, с оправданием наживы и возвеличением индивида, порвавшего с идеей братства людей («коллективным спасением души»). Но были и не менее важные революции в «технологии» создания общества, и среди них особое место занимает преобразование школы.

Буржуазное общество нуждалось в массе людей, которые должны были заполнить, как обезличенная рабочая сила, фабрики и конторы. Школа, «фабрикующая субъектов», не давала человеку стройной системы знания, которое бы его освобождало и возвышало. Той системы знаний, которая учит человека свободно и независимо мыслить. Из школы должен был выйти «добропорядочный гражданин, работник и потребитель». Для выполнения этих функций и подбирался ограниченный запас знаний, который заранее раскладывал людей «по полочкам». Таким образом, эта школа оторвалась от университета, суть которого именно в целостности системы знания.

Возникла «мозаичная» (в противовес «университетской») культура. Возник и ее носитель — «человек массы», наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций. Человек самодовольный, считающий себя образованным, но образованным именно чтобы быть винтиком, — «специалист».

Но было бы ошибкой считать, что все буржуазное общество формируется в мозаичной культуре. Буржуазная школа — система сложная: Здесь для подготовки элиты, которая должна управлять массой разделенных индивидов, была создана небольшая по масштабу школа, основанная на совершенно иных принципах, чем школа для «массы». В ней давалось фундаментальное и целостное, «университетское» образование, воспитывались сильные, уважающие себя личности, спаянные корпоративным духом. Так возникла раздвоенная, разделенная социально школьная система, направляющая поток детей в два коридора (то, что в коридор элиты попадала и некоторая часть детей рабочих, не меняет дела). Это — «школа капиталистического общества». Ее суть, способ организации, принципы составления учебных планов и программ изучили и изложили в 1971 г. французские социологи образования К. Болло и Р. Эстабль. (Выдержки из этой книги я цитирую по 11-му изданию на испанском языке: «La escuela capitalista». Мехико, 1990.)

Они дали анализ французской школы, огромную статистику и замечательные выдержки из школьных программ, учебников, министерских инструкций, высказываний педагогов и учеников.

В этой книге, которую наш читатель не знает, холодным языком цифр и строгого анализа программ показано страшное будущее, которое ждет большую часть российских детей. Показано, что мы своими руками разрушаем строительство, пусть незавершенное, именно общества равных возможностей. А теперь разрешаем строить расколотое классовое общество. И школа в этом строительстве занимает центральное место.

Рассмотрим главные выводы французских социологов. Сразу отметим возможное возражение: книга написана в 1971 г., после этого в социальной системе современного капитализма произошли существенные изменения, изменилась и школа. В чем-то изменилась и структура пролетариата, удлинилась подготовка рабочей силы. Углубились различия между США и Европой — элитарная школа в США съезжилась, стала почти незаметной. Хотя ее роль в воспитании самой высшей элиты сохранилась, основной упор в этой функции сделан на университет.

Но изменения сути, смены социального и культурного «генотипа» школы не произошло. И поэтому сравнение конца 60-х годов позволяет говорить о капиталистической и советской школе как двух вполне сложившихся системах с вполне определенными принципиальными установками. О них, а не частных преимуществах или дефектах речь.

Миф о единой школе и ступенях единой школьной пирамиды.

Продукт Великой французской революции, школа капиталистического общества создавалась под лозунгами Свободы, Равенства и Братства. Якобинцы быстро разъяснили, что речь шла о равенстве юридических прав, а не реальных возможностей. Но был создан и тщательно сохранялся миф о единой школе как социальном механизме, который хотя бы на время выравнивает возможности детей, — а дальше пусть решает рынок рабочей силы. Авторы показывают, что отклонения от этого мифического образа есть не упущения и не пережитки прошлого, а неустраняемая суть капиталистической школы.

«Школа едина и непрерывна лишь для тех, кто проходит ее от начала до конца. Это лишь часть населения, в основном происходящая из буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Трехступенчатая единая школа — это школа для буржуазии. Для подавляющего большинства населения школа и не является, и не кажется таковой. Более того, для тех, кто «выбывает» после начальной школы (или «краткого» профобразования), не существует единой школы — есть разные школы без какой-либо связи между ними.

Нет «ступеней» (а потому непрерывности), а есть радикальные разрывы непрерывности. Нет даже вообще школ, а есть разные сети школьного образования, никак не связанные между собой... Начальная школа и «краткое профобразование» никоим образом не «впадают», как река, в среднюю и высшую школу, а ведут на рынок рабочей силы (а также в мир безработицы и деqualификации)... Охваченное школой население тщательно разделяется на две неравные массы, которые направляются в два разных типа образования: длительное, предназначенное для меньшинства, и короткое или сокращенное — для большинства. Это разделение школьников на два типа есть основополагающая характеристика капиталистической школьной системы: ею отмечена и история французской школьной системы, и системы остальных капиталистических стран».

И авторы указывают на факт, «признание которого нестерпимо для идеологов». Он заключается в следующем: «Именно в начальной школе неизбежно происходит разделение. Начальная школа не только не является «объединяющим» институтом, ее главная функция состоит в разделении. Она предназначена ежедневно разделять массу школьников на две разные и противопоставленные друг другу части». Именно необходимостью скрыть этот факт объясняют авторы непонятное на первый взгляд поразительно плохое состояние школьной статистики на Западе, так что социологу приходится проделывать сложную работу, чтобы из странным образом смешанных данных восстановить реальную структуру.

Кстати, приведенные французскими социологами данные сразу разоблачают миф о высоком образовательном уровне типичного западного человека. Согласно переписи 1968 г., 86,6% французов в возрасте 15 лет и старше имели максимум справку о начальном образовании, 3,75% не имели никакого свидетельства об образовании, 6% — уровень средней школы и выше. Среди молодежи положение лучше: у призывников 18 лет лишь 66,63% имели уровень начальной школы или ниже. Сравните с призывниками СССР 1968 г. — в Советской Армии тех лет практически все солдаты имели среднее образование.

Авторы показывают, какими способами разделяется масса школьников. Первый механизм социального разделения — введение ограничений по возрасту. 63% детей рабочих и 73% детей сельскохозяйственных рабочих (против 23% детей из «хороших семей») на год или больше отстают от «нормального» возраста для перехода в школу второй ступени. Это усугубляется тем, что среди детей рабочих лишь треть успевает на «отлично» и «хорошо», против 62% у детей буржуа.

Казалось бы, велика важность — разница в один-два года, потом наверстают. В СССР огромная масса людей прошла

через вечерние школы и рабфаки, составила важную часть лучших кадров. Но нет, в западной школе возраст используется как критерий для дискриминации: ребенка отправляют во второй коридор школы, потому что он «слишком стар, чтобы продолжать школу в своем классе».

Авторы пишут: «Организация школы по классам со строгой последовательностью возрастов — исторически недавний факт, неизвестный до развития капитализма. Он является не чем иным, как особым социальным механизмом, смысл которого вытекает из результата, а не из псевдобиологических и псевдопсихологических оправданий, которыми его сопровождают. Это особенность буржуазной школы, развитая специально для достижения указанного эффекта».

Результат состоит в разделении детей между полной средней школой (назовем ее «школа А») и начальной профессиональной, не дающей среднего образования («школа В»). И разделение это поразительно симметрично: в «В» попадает 538 детей рабочих (против 130, идущих в «А»), а в «А» попадает 533 ребенка буржуа (против 138, идущих в «В»). Дети «среднего класса» распределяются между двумя «коридорами» совершенно поровну.

За период между двумя мировыми войнами во Франции из 100 детей рабочих рабочими же стали 70, но в то же время рабочими стали 73% детей батраков, 33% детей фермеров и 36% детей служащих и кадров среднего уровня. Рабочий класс, «потеряв» 600 тыс. своих детей, «приобрел» 1,2 млн. детей из других классов.

Важно подчеркнуть, отмечают авторы, что не существует никакой «третьей сети». То, что называется техническим училищем, вроде нашего ПТУ, на деле разделяется на те же две части, принадлежащие или «А», или «В»*.

Две системы: два типа школьной практики. «Два коридора» школы в буржуазном обществе — реальность, с которой сталкивается каждый, кому пришлось там поработать. Авторы подчеркивают: «Различия бросаются в глаза. Деление на две сети отражено на каждом шагу, оно видно даже в расположении и

* Школьная система США отличается от европейской, которая описана в книге французских социологов, тем, что в США резко уменьшена элитарная школа («А») — так что почти все дети проходят массовую школу, а разделение перенесено на уровень высшего образования. Тем не менее, судя по литературе, элитарные закрытые школы и в США играют важную роль в подготовке кадров высшей элиты страны. Таким образом, в принципе и американская школа соответствует модели «школы капиталистического общества».

убранстве помещений, не говоря уж о распорядке жизни в учреждении».

Классы «полусредней» и «практической» школы (это вариант «В») «физически отделены от остальных: они расположены в отдельных строениях, в конце коридора, на отдельном этаже; эти классы, их ученики и учителя в большинстве случаев подвергаются остракизму со стороны администрации, учителей и учеников «нормальных» классов. В то время как «нормальные» классы ведутся преподавателями — по одному на каждый предмет, — здесь один воспитатель ведет целый класс и обеспечивает, как в начальной школе, преподавание всех предметов, включая гимнастику.

Ученики «нормальных» классов переходят из кабинета в кабинет в соответствии с предметом, а ученики полусредней «В» сидят, как в начальной школе, в одном и том же классе... Ученики и учителя «В» имеют отдельный дворик для перемен и принимают пищу в отдельном помещении, а когда такового нет — в отдельную смену, специально организованную для них».

И вот, на мой взгляд, важнейшее наблюдение: «Ученики этих классов не имеют книг, только тетради. Здесь не изучают математику или литературу, а только счет, диктанты и словарь. Важное отличие от «нормальных» классов: классы «В» не регулируются никакой программой... Отсутствие книги, первейшего инструмента школьной работы, не случайно. В системе «А» исповедуется настоящий культ книги: действительность здесь познается только в отраженном виде, через книгу, со всеми отклонениями, связанными с абстракцией, неминуемой при такой практике. В «А» ничто не считается слишком абстрактным. Напротив, «В» отворачивается от книги и от абстрактного мышления ради изучения вещей».

Это и есть тот самый переход от университетской культуры к мозаичной, о котором мы говорили вначале.

Авторы поясняют: «В то время как в «А» естественные науки излагаются систематически и абстрактно, в соответствии с научной классификацией минерального, растительного и животного мира, помещая каждый объект в соответствующую нишу, в сети «В» естественные науки излагаются с помощью эмпирического наблюдения за непосредственной окружающей средой. Систематизация здесь рассматривается даже как нежелательный и опасный подход. Как сказано в инструкции, «учитель должен стараться отвлечь учащихся от систематического наблюдения. Вместо статического и фрагментарного метода изучения «природы, разделенной на дисциплинарные срезы», предпочтителен эволюционный метод изучения живого существа или природной среды в их постоянной изменчивости»...

Это псевдоконкретное преподавание позволяет, измышляя

тому, устранять барьеры, которые в «А» разделяют дисциплины. Тем самым обучению придается видимость единства, играющая крайне негативную роль. В одном классе «В» целый месяц проходили лошадь: ее биологию, наблюдения в природе с посещением конюшни, на уроке лепки и рисования, воспевая ее в диктантах и сочинениях».

На деле темы для изучения выбираются таким образом, чтобы углубить пропасть, отделяющую школу от реальной трудовой и социальной жизни. Перечень рекомендуемых для изучения проблем и ситуаций говорит о сознательном противопоставлении школы и практики: лошадь, труд ремесленника, строительство модели самолета или парусного корабля. Никакой подготовки к реальной жизни это обучение не дает, лишая в то же время фундаментальных «абстрактных» знаний, которые как раз и позволяют «осваивать» конкретные жизненные ситуации.

В начале 90-х годов я был в Испании, где в это время проводилась реформа школы — страна переходила к европейским стандартам. Один философ, с которым мы были знакомы заочно, по публикациям, стал крупным чиновником ЕЭС по вопросам образования, он проводил в Испании совещание по этой реформе и пригласил меня — авторитет советского образования был тогда высок, и они хотели послушать кого-нибудь из СССР.

То, что я услышал, было прекрасной иллюстрацией для книги французских социологов — массовой школе было рекомендовано перейти от дисциплинарного типа образования к «модульному». Какие-то фирмы уже разработали к тому времени 18 модулей, которые переводились на европейские языки и включались в программы. Речь на совещании шла о модулях, уже переведенных на испанский язык. Мне, еще «на новенького», все это показалось театром абсурда, просто сознательной ликвидацией нормального среднего образования. Уже не было физики, химии, географии, а был, например, модуль под названием «Вода и водная проблема в Кении». В нем вскользь давались кое-какие сведения о воде — а потом просто идиотская проблема «воды в Кении». Почему, кстати, испанские подростки должны обсуждать проблемы неизвестной им Кении, когда в самой Испании всегда стояла и сегодня стоит жгучая проблема с водой? Но главное, конечно, это сам отказ от дисциплинарного («университетского») строения всей картины мира.

С точки зрения методики преподавания, в школе «второго коридора» («В») господствует «педагогика лени и вседозволенности», а в школе для элиты — педагогика напряженных умственных и духовных усилий. По мнению учителей и школьных администраторов, главная задача школы «В» — занять подростков экономным и «приятным для учеников» образом. Потому что «они не такие, как другие», в нормальных классах. Социо-

логи даже делают вывод: используемый в «В» «активный метод» обучения поощряет беспорядок, крик, бесконтрольное выражение учениками эмоций — прививает подросткам такой стереотип поведения, который делает совершенно невозможной их адаптацию (если бы кто-то из них попытался) к школе системы «А», уже приучившей их сверстников к жесткой дисциплине и концентрации внимания.

Однажды в Испании меня пригласили прочитать лекцию в школе, в маленьком городе. Время до лекции оставалось, и знакомая преподавательница попросила меня просто провести урок в ее классе — рассказать старшеклассникам о советской школе. Я вошел в класс — подростки сидят, развалясь, в куртках, кто-то жует. Учительница ведет себя так, будто главная ее цель — угодить этим подросткам, сделать этот час для них приятным. Шуточки, ласковый голос. Ребята все из трудовых семей.

Я им объяснил, что в советской школе, когда учитель входит в класс, все встают по стойке «смирно», сидят за партами прямо, носят форму. Что уроки трудные и задают много. И что все это — для того, чтобы каждый подросток сделал усилие и вырос как личность. А если их здесь поощряют сидеть развалясь, перебивать учителя и хохотать, то это потому, что их незаметно подталкивают стать людьми «массы», без большой ответственности, но и без больших запросов. Посмотрите, говорю, как сидят такие же ребята из богатых семей в закрытых колледжах у иезуитов или «Опус Деи» — по струнке. Посмотрите, как они все скромно одеты, как прямо ходят и сколько должны прочесть по теме, если к ним приезжает лектор. К моему удивлению, ребята это очень хорошо поняли и отнеслись серьезно. Изменить систему они не могут, но, если понимаешь цель, легче бороться.

Особенно остро чувствуют испанские молодые люди этот контраст, когда к ним приезжают их сверстники из близкой культурной среды. В университет Сарагосы в 1995 г. приехал студенческий симфонический оркестр из университета Сантьяго-де-Куба. Прекрасный концертный зал университета был набит битком, я тоже пошел. Студенты сидят вольно, развалясь, в обнимку со своими куртками. На стенах надписи: «Лузгать семечки запрещается» («Prohibido comer pipas») — но многие лузгают, другие хрустят чипсами. Выходит оркестр — кубинцы все худые, почти все негры. В белых рубашках. И осанка, и взгляд, и вообще манеры такие, будто на сцену вышло десятка два прирожденных аристократов, в нескольких поколениях. Испанцы притихли, они вдруг взглянули на себя со стороны, и их пробрало. Когда же и почему они так опустились, обрюзгли? Потом знакомые ребята говорили, что это было моментальное общее чувство — а ведь все это продукт двух разных школ. Я уж не говорю, что университет Сарагосы и мечтать не может о соб-

ственном симфоническом оркестре — при том, что денег у него в сотни раз больше, чем у университета Сантьяго-де-Куба.

У. Бронфенбреннер в своей книге приводит выдержку из доклада группы американских психологов на Международном психологическом конгрессе 1963 г. (в США издан 4-томный труд этих психологов, проводивших международные сравнения школьных систем). Вот что сказано в докладе о советской школе: «Более всего автора данного отчета поразило «примерное поведение» советских детей. У них хорошие манеры, они внимательны и прилежны. В беседах с нами все выражали сильное желание учиться, готовность служить народу и т.п. В соответствии с такой общей ориентацией их отношения с родителями, учителями и воспитателями носят характер почтительной и нежной дружбы. Дисциплина в коллективе воспринимается безоговорочно, какой бы суровой, с точки зрения западных стандартов, она ни выглядела. Наблюдения и отчеты советских педагогов, а также мои посещения пионерских и комсомольских собраний позволяют сделать вывод, что случаи агрессивности, нарушения правил и антиобщественного поведения — явление крайне редкое».

Когда антисоветские идеологи во время перестройки стали твердить о том, что советская жизнь якобы строилась на идея классово́й борьбы, это было или следствием их лживости, или непроходимой тупости. Советская жизнь строилась на идее *семьи*, и школа это демонстрировала очень красноречиво (как впрочем, и армия, и предприятие). Почтительная и нежная дружба — вот что увидели американские психологи. Расскажу об одном красноречивом случае, когда в одном конфликте выразились фундаментально разные подходы западных и советских педагогов, причем и те, и другие были коммунистами. Я принимал участие в изучении истории пребывания в СССР испанских детей во время гражданской войны 1936—1939 гг. — читал архивные документы, готовил по ним доклад.

В детском доме в Красновидове (Московская обл.) произошел такой инцидент. Испанский подросток, комсомолец, в плохом расположении духа вошел в столовую и крикнул женщине-подавальщице: «Наливай чай, собака!» Женщина его, конечно, обругала и пожаловалась директору. Его вызвали на партсобрание — совместно советских и испанских педагогов, членов компартий. В архиве лежит подробный протокол собрания. Испанцы начали его клеймить именно с классовых позиций: ты грубо обругал трудящуюся женщину, в тебе проснулись худшие инстинкты барчука, сеньорито, и т.д. Он стоял насупившись. Директорша ему говорит: «Вы здесь живете без родителей, родителей вам заменяем мы — учителя, воспитатели, эта подавальщица. И мы требуем от вас сыновней почтительности». Выслушав

эти слова, парень зарыдал. Я бы такие протоколы издавал один к одному — может, с перестройкой у нас иначе дело бы пошло.

Но вернемся к западной школе. Французские авторы подчеркивают, что школа «В» ни в коем случае не является «худшим» вариантом школы «А», как бы ее «низшей» ступенью, с которой можно, сделав усилие, шагнуть в нормальную среднюю школу. Напротив, «В» активно формирует подростка как личность, в принципе *несовместимую* со школой «первого коридора». Как личность, обладающую и определенной системой знаний, и методом познания, и стереотипами поведения.

При этом школа действует именно как система, независимо от злой или доброй воли администраторов, учителей и учеников. Помимо излагаемой здесь книги, об этом говорит множество художественных произведений и фильмов (вспомним хотя бы «Вверх по лестнице, ведущей вниз»). Множество героических усилий учителей-гуманистов разбилось об эту систему. Нередко в фильмах о школе мы видим трагедию, которую вовсе и не хотели показать авторы, увлеченные иной идеей.

Вот недавний американский фильм «Ранделл» с прекрасными актерами: учитель нонконформист в наказание назначен директором в типичный колледж системы «В» в предместье, охваченном безработицей и преступностью. Он пытается заставить подростков учиться, как будто это нормальная школа «первого коридора», хотя абсурдность этой затеи ему объясняют и учителя, и ученики. Но он — типичный американский герой. Он идет напролом — и оставляет за собой кучу трупов своих учеников! Не говоря уж об изуродованных учительницах.

Школа «второго коридора» как субкультура. Авторы показывают, что с самого возникновения «двойной» школы буржуазного общества школа «второго коридора» строилась как особая культурная система. Это делалось сознательно и целенаправленно специализированным персоналом высочайшего класса, и средств на это не жалели: после революции «Республика бесплатно раздавала миллионы книг нескольким поколениям учителей и учеников. Эти книги стали скелетом новой системы обучения».

Особо отмечают авторы усилия по созданию учебников для начальной школы в 1875—1885 гг. «Эти книги были подготовлены с особой тщательностью в отношении идеологии бригадой блестящих, относительно молодых ученых, абсолютных энтузиастов капиталистического реформизма. Штат элитарных авторов подбирался в национальном масштабе, и противостоят им не могли ни педагоги, ни разрозненные ученые, ни религиозные деятели. Отныне знание в начальную школу могло поступать только через Сорбонну и Эколь Нормаль... Ясность,

сжатость и эффективность идеологического воздействия сделала эти книги образцом дидактического жанра».

Насколько глубока разница между двумя типами школы, видно из сравнения текстов одного и того же автора, написанных на одну и ту же тему — но для двух разных контингентов учеников. В книге приведены отрывки из истории Франции Лависса о правлении Людовика XIV в двух вариантах. Это просто потрясает. Один вариант — содержательное и диалектическое описание, заставляющее размышлять. Другой — примитивный штамп с дешевой моралью, во многих утверждениях противоречащий первому варианту. Просто не верится, что это писал один и тот же автор.

Социологи подробно разбирают содержание и методику преподавания словесности (французского языка и литературы) в «двух коридорах». Во-первых, дети буржуазии изучают словесность, основанную на «латинской» модели, — они получают классическое образование. Это не продолжение орфографии и грамматики начальной школы, это переход на качественно совершенно иной уровень.

«Латинская» культура объединяет школьников «А» как молодую смену господствующего класса, дает им общий язык и огромный запас образов, метафор, моральных штампов и риторических приемов. «Овладение определенным лингвистическим наследием позволяет культурной элите выработать способ выражения, основанный на отсылках, на аллегориях, на морфологических и синтаксических намеках, на целом арсенале риторических фигур, для чего и нужны рудименты латыни и иностранных языков.

Это дает не только поверхностные выгоды пышного эотеризма. Господствующий класс нуждается в этом литературном корпусе для усиления своего идеологического единства, для распознавания друг друга, чтобы отличаться от подчиненных классов и утверждать свое господство над ними. Быть буржуа — определяется знанием Расина и Маларме».

Что изучают в школе «А»? Те произведения великих французских писателей, в которых ставятся вечные проблемы человека, где бушуют страсти, психологические и социальные конфликты, трагедии и противоречия жизни. По этим шедеврам ученики пишут сочинения (диссертации), которые оцениваются в зависимости от глубины мысли юноши, поэтики его субъективного восприятия, способности к диалектическому мышлению. Здесь *не обращают внимания на грамматические ошибки*.

Что же изучают их сверстники в «В»? Вроде бы ту же литературу и тех же писателей — но лишь те отрывки, в которых описаны сцены сельской природы и практически отсутствует человек, за исключением стереотипной бабушки, присевшего отдо-

хнуть путника или безличного лирического героя. Эти отрывки полны поэтических метафор, язык их аффектирован, словарь совершенно оторван от обыденного языка (полный контраст с языком произведений, изучаемых в «А»). По этим отрывкам ученики пишут диктанты и изложения. Они оцениваются по точности передачи текста и числу ошибок — и сам язык гарантирует массовую неуспеваемость.

Еще один случай из моей практики. Я должен был прочитать лекцию для школьных преподавателей в небольшом городе на юге Испании. Ехать было далеко, так что я на всякий случай приехал заранее, и было время посмотреть школу — лаборатории, кабинеты. Оборудована школа прекрасно. Водил меня завуч, преподаватель литературы. Под конец пошел в свой кабинет и показал предмет своей гордости — лучшие ученики у него делают факультативные работы, пишут *сочинения* (диссертации). Он достал пачку этих сочинений и дал мне. Все написаны на компьютере, с красивыми обложками.

Я стал читать — одно, другое. И — трудно поверить — на глаза вдруг навернулись слезы. Никогда бы я не поверил, что можно к 16—17 годам довести нормальных ребят и девушек до состояния такой инфантильности, на грани с олигофренией. Как это удалось сделать, в чем секрет? Ведь на вид — умные, энергичные молодые люди. Но начинают думать сами и излагать свои мысли — детский лепет, почти мычание. Нам, кто уже с 7-го класса тренировался в анализе произведений и написании текстов, этого просто не понять.

Через пару недель у меня была встреча с организацией компартии в г. Памплоне. Просто разговаривали на общие темы, и о России, и о Западе. И я рассказал об этих сочинениях и о том, как они меня потрясли. Оказывается, это известно испанским интеллигентам, многими из них рассматривается как тяжелый удар по великой испанской культуре.

Что же достигается этим разделением двух школьных культур? Авторы объясняют так: «Сеть «А» производит из каждого индивидуума, независимо от того места, которое он займет в социальном разделении труда (комиссар полиции или преподаватель университета, инженер или директор и т.д.), активного выразителя буржуазной идеологии.

Напротив, сеть «В» сдвинута к формированию пролетариев, пассивно подчиняющихся господствующей идеологии... Она готовит их к определенному социальному статусу: безответственных, неэффективных, аполитичных. В то время как будущие пролетарии подвержены жесткому и массовому идеологическому воздействию, будущие буржуа из сети «А» овладевают, невзирая на молодость, умением использовать все инструменты господства буржуазной идеологии. Для этих детей, будущих

правителей, не существует слишком абстрактных или слишком неприличных для изучения тем (конечно, с фильтром университетского гуманизма)».

Советская школа: один или два коридора? Как сказанное соотносится с нашей действительностью? Вспомним, что произошло в России по сравнению с Западом. До 1917 г. школа, которая начала в пореформенной России строиться как «двойная», охватила небольшую часть детей — 3/4 населения были неграмотными, и это было, в некотором смысле, благом. А главное, подавляющее большинство не «атомизировалось», а было связано с разного рода общинами, так что знание и воспитание передавались через «неофициальные» каналы — через семью, авторитеты, традицию и искусство. Да и школа была под мощным воздействием всего того, что мы понимаем как русская культура. Разве можно переоценить влияние на учителей Пушкина и Толстого (хотя бы его специально написанных для школы книжек)?

Советская власть сделала огромный шаг — порвала с капиталистической школой как «*фабрикой субъектов*» и вернулась к доиндустриальной школе как «воспитанию личности», но уже с наукой как основой обучения. Она провозгласила принцип **единой общеобразовательной школы**. Конечно, от провозглашения принципа до его полного воплощения далеко. Но важно, куда идти. Школа «субъектов», будь она даже прекрасно обеспечена деньгами и пособиями, будет всего лишь более эффективной фабрикой, но того же продукта. А в СССР и бедная деревенская школа претендовала на то, чтобы быть университетом и воспитателем души — вспомните фильм «Уроки французского» по В. Распутину. Главное, что школа стремилась быть единой. Она должна была воспроизводить народ, а не классы, как «двойная» школа.

Мы помним, что в советской системе были ПТУ, вечерние школы и техникумы. Почему же они не стали разновидностью той же системы «В»? Потому что в СССР не было разделения школы на два принципиально разных коридора. Конечно, сохранялись культурные различия между слоями и группами, а значит, и качество освоения школьной программы разными контингентами детей. Но школа была не инструментом углубления этих различий и формирования классов, а инструментом сокращения, преодоления разрывов и различий. Именно на эту «уравнивающую», якобы подавляющую талант функцию школы издавна указывали с нарастающим раздражением те, кто в конце 80-х годов предстал в мальтузианском образе советского либерала.

Уже в начальной школе и учителя, и лучшие ученики прила-

гали большие усилия, чтобы помочь «отстающим», особенно переросткам, догнать класс. Обычно это бывали дети из культурно менее развитых семей с низкими доходами. Учителя и школа как система не поддавались соблазну утопить их и «отсеять». И многие из них уже к концу начальной школы вполне интегрировались в класс, а потом проходили полный цикл образования, включая высшее.

ПТУ и вечерние школы ни в коем случае не были принципиально иным «коридором». В них учились по тем же учебникам и тем же программам — разница была количественной, а не принципиальной. Советский корпус инженеров в большой мере сформирован из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Возьмем космонавтику и посмотрим биографии ключевых фигур. Два Главных конструктора, руководители технической части программы, — Королев и Глушко — окончили ПТУ. Первый космонавт Юрий Гагарин окончил ремесленное училище. И это — скорее норма, чем исключение.

Можно ли сказать, что у учеников ПТУ «не было книг, а только тетради», что у них «один воспитатель вел все предметы»? Нет. У меня сестра бросила школу, пошла работать. Уже потом, работая на фабрике, она кончала вечернюю школу. Я, учась в университете, кое в чем помогал ей и знаю — она училась по нормальной полной программе средней школы.

Вспомним: у нас есть пять-шесть популярных фильмов, где действие разворачивается в вечерней школе. Фильмы, конечно, приукрашивают реальность, но важно, что эта реальность структурно (в отношении содержания и методики) та же, что и в дневной школе. О техникуме и говорить нечего — здесь осваивали не только структурно ту же программу, что и в средней школе, но и готовили более зрелых и ответственных людей. Техникум, аналогии которому как будто нет на Западе, — вообще важное и еще не оцененное достижение нашей средней школы.

Советские педагоги не просто доказали на практике, что принцип *единой* школы может быть реализован на практике. Нормальные дети, при всем различии индивидуальных способностей, вполне могут освоить общую, единую для данной культуры школьную программу весьма высокого уровня. Советские психологи и педагоги создали для этого мощные методологические и методические средства и принципы организации учебного процесса. С помощью этих средств было, например, сделано то, что казалось теоретически невозможным, — единую школьную программу смогли осваивать (и затем даже учиться в университете!) слепоглухонемые дети.

Единая программа, вопреки механистическим представлениям нынешних «западников», мечтающих о «дифференцированном» школьном образовании (о школе «двух коридоров») для

России, нисколько не мешала ни проявлению личных особенностей, ни удовлетворению каких-то особых интересов. Главное, что она позволяла всем детям в достаточной степени освоить *культурное ядро* своего общества и влиться в народ как его органичные частицы.

По мере нарастания в нашем обществе подспудных и зачастую даже неосознанных «антисоветских» тенденций портились учебные программы, школе навязывались странные нововведения. Так произошло, например, с программой по математике в конце 70-х годов (помню, как мучились мои дети, и я сам с трудом мог им помочь — на какое-то время сама структура программы стала какой-то чужой). Но тогда это еще поправлялось. Академик Л. С. Понтрягин даже написал четыре учебника по математике для учителей и заинтересованных старшеклассников. Сам он в 13 лет потерял зрение, и учеба далась ему с большим трудом. И он написал книги исходя из своего юношеского опыта. Изданные массовым тиражом (по 250 тыс. экземпляров), эти замечательные книги в несколько дней исчезли с прилавков, и найти их вскоре стало невозможно. Конечно, они очень помогли учителям*.

Обычно обращают главное внимание на социальную сторону дела: единая школа стремится обеспечить юношам равенство стартовых возможностей, нейтрализовать разницу социального положения родителей. Это — важный принцип социальной справедливости. Но еще важнее то, что единая и «двойная» школы воспроизводят разные *типы общества*.

Здесь стоит сказать, что уравнительность в образовании, реализация принципов единой школы есть общая черта традиционных обществ, а вовсе не изобретение советской власти. Например, после Корейской войны из политических соображений США помогли модернизации Южной Кореи. Но именно с опорой на свои культурные принципы корейцы сумели эффективно использовать это обстоятельство и совершить исключительно быстрый рывок в индустриализации. Во многом этому послужила система образования, заложенная еще в конфуцианской философии.

В Южной Корее считается, что влияние материальных воз-

*Одно испанское издательство заключило со мной контракт на перевод этих книг. Две из них («Алгебра» и «Анализ бесконечно малых») я перевел. И хотя это была трудная работа — пришлось вновь освоить сложные разделы математики, это было счастливое время. Какое мощное методологическое чувство! Великий труд. В Испании я попросил моего друга поправить стиль — он работал в университете и одновременно преподавателем в школе. Он был поражен, как замечательно объяснил Л. С. Понтрягин сложнейшие вопросы.

возможностей семьи на образование детей должно быть сведено к минимуму. Ярко выражено подозрительное отношение и властей, и общественного мнения к любой элитарности в образовании. Школьная программа едина для всей страны, ученики даже старших классов очень ограничены в возможности выбора факультативных предметов. Специализированных школ с углубленным изучением отдельных предметов почти нет. Старое конфуцианское образование было широким, общегуманитарным, специализированная подготовка не приветствовалась. Нет и платных школ, ибо в Корее считается, что все молодые люди должны иметь равное право на образование независимо от доходов родителей. Государство даже периодически ведет кампании борьбы с репетиторством и частными курсами по подготовке к вступительным экзаменам в вуз. Борьба эта, в общем, безуспешна, но важна именно установка, официальная моральная норма (см. Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина. — Восток, 1996, № 1).

Идея единой школы в том, что существует общее «тело народа», дети которого изначально равны как дети одного племени. В единой школе они и воспитываются как *говорящие на языке одной культуры*. «Двойная» школа исходит из представления о двойном обществе — цивилизованном (гражданское общество, или «республика собственников») и нецивилизованном («пролетарии»). Между двумя частями этого общества существуют отношения не просто классовой вражды — отношения расизма, — это как бы два разных племени.

Французские социологи в отдельной главе рассматривают неповиновение учеников и постоянные на Западе приступы насилия в школах, дебоши с разгромом имущества. Их вывод состоит в том, что это — стихийная классовая борьба детей, которые видят в школе инструмент их подавления именно как детей эксплуатируемого класса. А более поздние модели антропологов, которые представляют классовые отношения как отношения колонизаторов к подчиненной враждебной нации, позволяют увидеть в стихийном протесте школьников неорганизованный бунт против национального угнетения.

Между тем упомянутый выше американский психолог У. Бронфенбреннер чуть ли не первое отличие советской школы от западной видит именно в типе отношений между взрослыми и детьми. Он пишет о ритуале 1 сентября, когда дети преподносят учителям цветы: «Традиция эта в высшей степени знаменательна: она выражает хорошее отношение как детей, так и взрослых к наставникам молодого поколения. Хорошее отношение к педагогу не меняется у детей на протяжении всех лет обучения в школе. К учителю обычно обращаются не только как к руко-

водителю, но и как к другу. Нередко мы видели преподавателя, окруженного весело болтающими учениками и в театре, и на концерте, и в цирке, и даже просто на прогулке — внеклассная работа в Советском Союзе постепенно превратилась в явление социальное. За редким исключением отношение школьников к учителю определяется двумя словами: любовь и уважение».

Нам, еще проникнутым духом советской школы, взаимная ненависть учителей и школьников кажется дикой — но мы же отказываемся от единой школы. Ведь в России на всех порах, при энтузиазме части учительства, формируется «второй коридор» — система школ для детей «состоятельных родителей», всяческие лицеи да колледжи. И учитель в ней — лишь торговец на рынке знаний, предоставляющий услуги. Здесь неизбежно возникает конкуренция и вражда — фигура учителя лишается святости, принижается, а затем и унижается. На это в нынешней России даже специально нацелена телевизионная реклама, безобразный учитель-идиот стал ее излюбленным персонажем.

Следующее отличие от западной школы в том, что советская школа была *трудо*вой, в то время как западную можно считать анти*трудо*вой. Суть этого различия не в том, что там растят белоручек, а у нас — работяг. Быть может, даже бывает наоборот: школьники, приучаемые молиться доллару, не гнушаются подработать. Мы говорим сейчас не о дефектах реализации принципов, а о принципе. А суть его в том, что в нашей школе труд представлялся не проклятьем человека, а делом чести и даже духовного подвига — «воля и труд человека дивные дива творят».

А на Западе в учебных программах сама тема *труда* является табу — труда как будто не существует, говорить о нем нельзя. Если в задачах и упражнениях и возникает тема «работника», то речь идет о садовнике, добром булочнике или, на худой конец, о старательном алжирце-эмигранте Али, которому «патрон» дал хорошее место. Французские социологи в своей книге приводят выдержки из школьных текстов, в которых затрагивается тема трудовой деятельности человека, — отличие от советских учебников впечатляет. Труд в западной школе мифологизирован, школа совершает первую работу по отчуждению человека от трудовой реальности (как, впрочем, и искусство — не вспомнить американский фильм, где была бы показана доярка на ферме или рабочий в цехе).

Наша школа, напротив, стремилась это отчуждение преодолеть, и это делалось многими средствами. Задачами о том, сколько деталей произвела бригада и об урожайности пшеницы, экскурсиями на заводы, встречами с шефами-инженерами. В школе, где у учился, были дети из рабочих семей, почти все они хорошо знали завод своих родителей и на уроках применя-

ли это знание без всяких ужимок, как нечто нормальное и достойное, — спорили с учителем физики о том, как идет резание металла, рассказывали, как устроена фреза. Не говорю уже о сельских школах. А для западного школьника встреча с реальностью труда крестьянина — редкое событие. Сейчас ради экологии стали практиковать визиты фермеров с животными в колледжи, так это становится сенсацией. Сынишка моего друга в Испании однажды прибежал домой и кричит: «Мама, корова *существует!*» А он думал, что это что-то вроде черепашки-ниндзя, персонаж мультиков.

Вообще, в западном колледже каким-то образом действительно удается создать прямо-таки висящее в воздухе ощущение, что труда — с тяжелыми усилиями и потом — не существует. Есть профтехучилища (не дающие среднего образования) — но это как бы иной, совершенно неизвестный мир. Для милых мальчиков и девочек в западном колледже труд — это быть дизайнером, репортером или финансистом. В Сарагосе (Испания), где благополучие существенной части населения зависит от работы на большом заводе «Дженерал Моторс», дети рабочих, которые учатся в колледжах, ни словом, ни жестом не обнаруживают своей причастности к труду своих отцов — они не знают этого завода, этот мир полностью вне школы. То же самое мы уже видим сегодня в наших «колледжах» и частных школах. А пока Россия следовала принципам трудовой школы, у всех нас, советских людей — независимо от их профессии, — существовала подспудная, духовная связь именно с физическим трудом. Мы все были ему не чужды, и это казалось естественным. Для нас слова о том, что каждый должен добывать хлеб свой в поте лица своего, имели смысл. И это мало связано с «уроками труда», которые в школе обычно были организованы плохо.

Суть, повторяю, в том, что школа была направлена на создание «общества труда», а не «общества потребления». Конечно, школа не всеильна — мы говорим об ориентире. Но и сделано было не просто много. Только начиная утрачивать то, что было сделано, мы поймем, какое было создано благо. Даже не благо, а данная всем огромная роскошь — жить в обществе, не расколотом враждой в связи с трудом. То есть враждой классово-вой. Этой враждой насыщен воздух в самом уютном западном городке, этого могут не заметить только проходимцы вроде прожженных международных репортеров. У нас же, при всех трудностях и нехватках, ты поднимался в переполненный автобус, везущий людей с работы, и тебя охватывало ощущение родства со всеми этими уставшими людьми. А это дорогого стоит. Сегодня это вытравливают. Опрос учащихся 11-х классов школ и ПТУ Нижегородской области в мае 1992 г. показал, что каждый вто-

рой хотел бы стать предпринимателем, каждый четвертый — вести собственное дело.

Уклад советской школы был ориентирован на развитие способности к сотрудничеству, а не конкуренции (это иногда называли «воспитание в коллективе» — думаю, не совсем точно, ибо коллектив коллективу рознь). У. Бронфенбреннер излагает результаты эксперимента социальных психологов, проведенного в ряде стран. Изучались воспитанники интернатов в возрасте 12 лет. Он пишет: «Ответы учеников сравнивались с ответами нескольких сотен их сверстников из детских домов Швейцарии, страны, где еще со времен Иоганна Песталоцци была разработана теория и практика группового воспитания, но отсутствовал и даже отрицался коллективный метод.

Эксперимент требовал следующего: каждый ученик должен ответить, как бы он поступил, узнав, что его одноклассник или друг совершил недостойный поступок. Была предложена 21 ситуация с разнообразными видами плохого поведения... В каждой ситуации ребенку разрешали выбрать один вариант из предложенных ему действий: 1) *пожаловаться взрослым*; 2) *рассказать об этом другим детям, чтобы они помогли ему воздействовать на товарища*; 3) *самоу поговорить с другом и объяснить ему недостойность поведения*; 4) *ничего не предпринимать, считая, что это его не касается*.

После проведения эксперимента, но до анализа результатов мы опросили воспитателей и педагогов каждой страны, какие ответы они надеются получить... Советские педагоги высказали единодушное мнение, что ребенок 11—13 лет прежде всего постарается сам урезонить своего друга. Если же его попытки не увенчаются успехом, призовет на помощь коллектив. У швейцарских педагогов единой точки зрения на этот вопрос не оказалось.

Результаты исследования показали следующее: в большинстве своем (75%) советские дети ответили, что сами бы поговорили с нарушителем дисциплины. Только третья часть швейцарских детей выбрала этот вариант, 39% предпочли пожаловаться взрослым, к ним присоединились 11% русских учеников. 12% русских и 6% швейцарских детей решили, что надо обратиться за помощью к сверстникам. Последний вариант: «ничего не предпринимать, так как это меня не касается» — предложили 20% швейцарских и всего 1% советских детей».

Раздел книги, посвященный советской школе, У. Бронфенбреннер завершает выражением надежды, причем высказанной как бы от имени мирового сообщества психологов-педагогов:

«Мы вправе ожидать, что советское общество будет всегда опираться на детские общественные учреждения, в которых бу-

дут широко применяться проверенные временем методы коллективного воспитания, правда, с учетом особенностей личности.

Это, как нам кажется, означает, что советские дети в сравнении с американскими все же будут менее самостоятельными. Но это также означает, что они не будут проявлять бунтовщических, агрессивных настроений, не будут выступать против взрослых и не вырастут преступниками. Когда я был в Советском Союзе с семьей, то с изумлением и радостью обнаружил, что улицы Москвы и других городов ни днем, ни ночью не таят в себе опасности для жизни женщин и детей. Говорят, так когда-то было и в Нью-Йорке».

Отказ от идеи единой трудовой школы, выделение из нее той части, которая будет готовить будущих «приказчиков капитала», всех этих дизайнеров, менеджеров и социологов, — это слово важного устоя российской цивилизации. Это — отказ от принципа школы как механизма «воспроизводства народа» и переход к школе, создающей (своими средствами) классовое общество. Понимают ли это учителя, так бездумно, почти без диалога сдающие важнейший философский (даже в известном смысле религиозный) принцип нашей школы? Боюсь, что не понимают, а следуют пошлой рыночной утопии, видя только плоский экономический смысл.

Виднейший американский социолог Р. Мертон отмечает очень важное качество массовой культуры США, о котором нам как-то мало известно: «*Нелюбовь к ручному труду* почти в равной степени присуща всем социальным классам американского общества». Здесь надо вспомнить мысль, которую настойчиво повторял К. Лоренц — именно ручной труд служит важным условием сохранения в сознании и культуре традиций и способности к уважению.

Массовая «аморализация» среднего человека произошла на Западе, когда самодеятельность узкого круга аморальных художников стала профессией и была превращена в часть масскультуры. Мозаичная культура легко оставляет место для аморальности в своих «порах», в то время как жесткая «университетская» культура выжимает антиценности в подполье, в закрытую часть, в оппозицию культуре. Возникновение мозаичной культуры тесно связано с прессой и порожденным ею целым сословием «прогрессивных» интеллектуалов, которые, будучи на деле просто поставщиками рынка аморальности, оправдывали ее свободой информации и стремлением разрушить оковы угнетения нравственностью.

Огромное благо советской школы — ее *общеобразовательный* характер. Даже сегодня это поражает: в бедной еще стране было обещано давать всем детям образование типа «университетского», а не отделять элиту от неимущего большинства, которому

полагалась лишь «мозаичная» культура. Наша школа тянулась к тому, чтобы дать именно целостное, стоящее на фундаменте культуры и науки знание, дающее личности силу и свободу мысли. Само построение учебных программ в нашей школе было таково, что даже средний ученик, получивший аттестат зрелости, не был «человеком массы» — он был личностью. Даже в конце 80-х годов наш выпускник школы как обладатель целостной системы знания был на голову выше своего западного сверстника (хотя тот был впереди в «мозаичной» культуре).

С советскими людьми из самых разных социальных групп моего и ближайших к моему поколений я говорю не просто на языке одной культуры, а на языке с очень близким набором образов и символов. Уже и не замечая, мы общаемся с помощью огромного набора метафор, словечек и фраз, почерпнутых за десять лет обучения. И весь этот набор был системой — образы и символы употребляются всеми нами в одном и том же смысле. Несмотря на огромную разницу жизненного пути, мы принадлежим к одному народу.

А вот случай в Испании. Ко мне в Сарагосу приехал из Памплоны взять интервью редактор крупной левой газеты, сам из рабочих, лет тридцати. Прошел он свой школьный «коридор», а потом уже через профсоюзную работу вырос до издателя. Он спросил меня, существует ли возможность восстановления СССР. Я, объясняя ему наши дела, между делом провел аналогию с Отелло и Яго. Вижу, не понимает. Ну, говорю, тот мавр, который жену задушил, а оказалось, зря. Нет, говорит, что-то слышал, но не припомню, в чем там дело. И у нас «Отелло» не было в программе, но не найдешь редактора газеты, кто о нем вообще бы не знал. Тут — принципиальное расщепление школьных систем, которое потом трудно преодолеть.

Что дали России эти два принципа нашей школы — единой и общеобразовательной? Не только позволили ей совершить невиданный в истории скачок, провести индустриализацию, стать независимой державой, собрать из городков и сел неиссякаемые ресурсы Королевых и Гагариных. Школа помогла соединить тело народа, сформировать тип личности небывалой силы. Проверкой была война — потому-то, как говорят, и сказал Сталин, повторив мысль Бисмарка: «Войну выиграл русский сельский учитель».

То фундаментальное знание, которое стремилась дать наша школа всем, — это огромная, невероятно дорогостоящая роскошь. И не в том дело, что надо было иметь в каждой школе и физика, и математика, и историка. Главное, что, освоив такое знание, юноша становился не винтиком, а личностью. Значит, становился неудовлетворенным и сомневающимся, он не мог

«упираться глазом в свое корыто». А такие люди менее управляемы.

В 70-е годы некоторые наши социологи, впоследствии, видимо, ставшие демократами, предупреждали власть: надо снизить в СССР уровень образования. Объективный уровень развития хозяйства не позволял обеспечить молодежь рабочими местами, соответствующими уровню их подготовки и, значит, их запросам. Давайте, говорили советники, сократим эти претензии, «сократив» саму личность, — невежественный человек лучше знает свое место. К чести наших престарелых вождей, они это предложение отвергли — ради самой молодежи, но толкнув ее в ряды могильщиков советского строя.

Образование, сказали они, служит не столько для выполнения рабочих функций, сколько для жизни в целом. А жизнь полнее и богаче, хотя и драматичнее, если человек получает возвышающее его образование. Пусть и ценой стабильности строя. Нынешние же вожди навязывают нам модель школы именно классового общества, ломая траекторию всей российской цивилизации. К ним-то претензий нет, они выполняют заказ, который уже всем ясен. Они подписали этот контракт и обязаны честно его выполнить. Ведь даже наемный убийца имеет совесть и не берет денег зря. Поражает другое — как мог русский учитель не восстать против этой «реформы», а зачастую и поддерживать ее?

Школу сегодня не просто разделяют, но и предельно идеологизируют — втягивают детей в набухающий в стране конфликт. Такого в советской школе не было — и портрет «дедушки Ленина», и красный галстук, и прочие идеологические атрибуты были вещь сугубо ритуальной, не настраивающей детей на борьбу с ближними. А сегодня школа явно заняла, по крайней мере официально, свое место в классовой войне — на стороне капитала против труда. Как грибы растут кружки «юных бизнесменов», а есть ли хоть один кружок профсоюзных активистов или организаторов забастовочного движения? Ужасно слышать от школьников-мальчишек нашептанный им бред о благе богатства — никогда в истории России такого нельзя было услышать ни в приходской школе, ни в гимназии, ни в лицее, где учился Пушкин.

Один из важнейших авторитетов для ребенка — образ страны, кстати, тесно связанный с образом труда. Державное мышление, характерное для большинства взрослых России, у детей сочетается со стихийным, «биологическим» чувством. И от того потока антидержавных идеологических выступлений, который и взрослому-то выдержать трудно, дети страдают физически (хотя и не могут этого объяснить). Ну зачем открыли школу этому потоку? Зачем срочно переделываются учебники, встав-

ляются пошлые главы о «преступниках из ГКЧП» — маршалах и героях Отечественной войны (да еще до суда, не говоря уже о том, что уже — вопреки решению суда)? Ну как могли с этой дешевой политизацией согласиться те, кто отвечает за народное просвещение? Что может вырасти из детей с разрушенными авторитетами, с раздерганными чувствами? Понятна нетерпеливость новых идеологов — они делают свое дело, это их хлеб. Но зачем на это идут учителя?

Моя мать в 1917 году, в возрасте 15 лет, стала сельской учительницей — не хватало учителей. Это было в Семиречье, на границе с Китаем, страшное место тотальной гражданской войны. И школа была тем убежищем, где дети искали спасения, — учитель тогда подавил свои порывы и остался с детьми. К чести и красных, и белых, они школу в войну не втягивали, а помогали, чем могли. Даже самые кровавые командиры офицерских полков, которые при отходе в Китай на перевале убивали своих жен и невест, — и те напоследок старались чем-то помочь школам, будущему России.

Что же мы видим сейчас? «Реформаторы» и принявшие их сторону учителя бьют по самым уязвимым точкам детской души, как будто в какой-то лаборатории изучили эти точки. А ведь те, кто не хочет быть их сообщником, мог бы сильно ослабить удар — словом, лаской, авторитетом. Определить, какие точки детской души надо защищать, просто — надо внимательно посмотреть, куда бьют, ибо бьет рука мастера. Выскажу самые общие соображения. Ребенок в своем развитии повторяет путь человечества, его мироощущение органично, оно еще не сформировано идеологией, в нем сильнее звучат инстинкты, определившие эволюцию человека. Это, прежде всего, инстинкты антирыночные — солидарности и равенства. Сегодня из идеологических соображений эти принципы в глазах ребенка стараются опорочить — да еще с помощью учителя. Возникает тяжелый конфликт между инстинктивной сущностью и тем, что внедряется в сознание. Надо, видите ли, приучать ребенка к рынку. Я уже не говорю о том, что социальное расслоение в самой детской среде воспринимается очень болезненно. А тут еще, чтобы усугубить дело, отменили школьную форму — огромное достижение школьной культуры. Форма устраняет социальные различия, делает соучеников братством, а не конкурентами, выставяющими напоказ свой экономический уровень.

У. Бронфенбреннер в своей книге периодически подчеркивает это свойство советской школы — соединять школьников разных возрастов и взрослых в подобие *семьи*. В этом он видит общее свойство именно советского общества. Уже в первой главе он пишет: «Особенность, свойственная советскому воспитанию, — готовность посторонних лиц принимать на себя роль

матери. Эта черта характерна не только для родственников семьи, но и для людей совершенно посторонних. На улице прохожие запросто заводят знакомство с детьми, и дети (и, как ни странно, сопровождающие их взрослые) тут же принимаются называть этих посторонних людей «дядями» и «тетями».

Роль воспитателей охотно берут на себя не только старшие. Подростки обоих полов проявляют к маленьким детям живейший интерес и обращаются с ними до такой степени умело и ласково, что жителям Запада приходится только удивляться. Вот что однажды произошло с нами на московской улице. Наш младший сын — ему тогда было четыре года — бойко шагал впереди нас, а навстречу двигалась компания подростков. Один из них, заметив Стиви, раскрыл объятия и, воскликнув: «Ай да малыш!» — поднял его на руки, прижал к себе, звучно расцеловал и передал другим; те совершили над ребенком точно такой же «обряд», а потом закружились в веселом детском танце, осыпая Стиви нежными словами и глядя на него с любовью. Подобное поведение американского подростка вызвало бы у его родителей беспокойство, и они наверняка бы обратились за советом к психиатру».

Важнейшее условие душевного здоровья ребенка — чувство надежности. Сегодня оно подорвано в большинстве семей. Что означает в ситуации кризиса отказ от принципа единой школы? Жестокое указание детям их места в социальной лестнице. Это указание преувеличивается в уме ребенка, что бьет по душе всех — и тех, кто вдруг ощущает себя богатым (ходит в дорогой колледж), и тех, кто узнает, что такой роскоши его семья позволить себе не может (он должен учиться в «школе для бедных»).

А тут еще пресса ежедневно обещает массовую безработицу. Знает ли учитель, как уберечь ребенка от этого стресса? Знает ли он, что главный удар безработица наносит не по взрослому человеку — он уже защищен опытом и разумом, — а по его детям? Когда человек теряет работу, первой жертвой становится его сын-подросток. Он пополняет ряды наркоманов и преступников, даже если материальных лишений семья еще не ощущает. Это — один из важнейших выводов многолетних исследований безработицы в США. Готова ли наша школа к тому, чтобы морально помочь детям завтрашних безработных? Похоже, что не только не готова, а и сама становится инструментом раскола и страданий в среде детей и подростков.

А ведь учительство пошло на этом пути дальше — оно молчаливо согласилось с тем, чтобы школьное образование перестало быть всеобщим. Без шума у нации отняли огромное завоевание, сразу отбросив Россию в разряд быстро отстающих стран. И никакими экономическими соображениями это оправдать невозможно — вложения в квалификацию рабочей силы везде

и всегда являются самыми рентабельными. Но дело и не в экономике. Сегодня, в отличие, скажем, от начала века, отлучение от образования есть выбрасывание из общества. А переход к платному образованию есть неминуемое отлучение от него значительной части подростков. Тем самым сразу отбрасывается, как ненужная тряпка, миф о демократическом «обществе равных стартовых возможностей».

Что же стоит за планом вытеснения из общества, превращения в маргиналов значительной части молодежи? Ведь известно, что эта молодежь не пойдет на рынок труда «по дешевке». Она озлобляется и начинает «войну всех против всех» доступными средствами — через преступность — или уходит в наркоманию. Зачем же это делается? Ведь в сотни раз дешевле дать человеку образование, чем защищать общество от него, ставшего волком. Разумная причина проста — и опять-таки вскрыта социологами западного общества. Эти озлобленные подростки и юноши выполняют двоякую роль. Во-первых, они, как хищники, сплывают стадо «благополучных» обывателей вокруг пастуха-государства, которое их охраняет. Угроза насилия «маргиналов» даже специально преувеличивается средствами прессы и искусства (вспомните типичные американские фильмы). Во-вторых, из этих волчат, самых бедных и неграмотных, рекрутируются и натаскиваются безжалостные репрессивные силы режима, способные на любое зверство против людей своей страны — раз эти люди более благополучны, им надо мстить. А в России, видимо, таких рекрутов нужны будут сотни тысяч.

У. Бронфенбреннер подчеркивает, что эффективные методы успешной социализации детей, принятые в советской школе, не являются чем-то неведомым, они прекрасно известны западной психологической науке. Дело в общественном строе, который предопределяет возможность или невозможность их применения в практике. Раздел своей книги об американской школе он заключает маленьким резюме «Еще раз о советском воспитании». Он пишет:

«Мы завершили анализ важнейших факторов, влияющих на поведение и развитие детей. Исходя из полученной перспективы представляется целесообразным вновь коротко остановиться на советских методах воспитания и рассмотреть их в свете тех принципов педагогического вмешательства, которые мы сформулировали. При этом нельзя не подчеркнуть, насколько широко осуществляются эти принципы в практике советского воспитания. Забота о питании и здоровье беременных женщин и новорожденных, применение в значительных масштабах моделирования позитивного поведения, массовое привлечение подростков и взрослых к работе с детьми младшего возраста, сознательное использование влияния коллектива при подкреплении

нии желательного поведения, воспитание даже у маленьких детей чувства ответственности во имя общих целей класса, школы и района — вот та педагогическая стратегия, которая представляется наиболее эффективной с точки зрения воздействия на процесс социализации ребенка.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство исследований, которые мы использовали для обоснования наших принципов, было проведено на Западе. Изучая интересовавшие нас вопросы, мы пришли к выводу, что социальная психология получила в Советском Союзе статус узаконенной дисциплины лишь в конце пятидесятых годов, а систематические экспериментальные исследования в этой области стали появляться еще позже. Таким образом, мы столкнулись с парадоксом: принципы, которые ученые на Западе исследовали и в значительной степени ограничили стенами лабораторий, русские открыли и применили в национальном масштабе».

Да, советские русские применяли эти принципы, выработанные русской культурой, в масштабе всей многонациональной страны, а «новые русские» и пошедшие к ним в услужение антисоветские интеллектуалы сегодня выкорчевывают эти принципы под апатичные взгляды молодых родителей.

Глава 6

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА КУБЕ

Как многие помнят, 1 января 1959 г. на Кубе победила революция. Батиста, самый кровавый «сукин сын» США, сбежал, прихватив казну. Эта революция — удивительное и таящее в себе множество уроков явление второй половины века. Совершенная вопреки теориям и расчетам, она вызвала безудержный восторг ентушенок всего мира, а сейчас, по взмаху дирижерской палочки хозяина, — стала объектом их самой патологической злобы и клеветы.

То предательство, которое совершила мировая культурная элита в конце 80-х годов в отношении Кубы, — веха общей смуты. Важная часть этой измены вызревала среди нас, на наших глазах и даже в нас самих. За последние десять лет телевидение Москвы не сказало о Кубе ни одного теплого слова — лишь злорадство и ненависть. Это — чистый, прокаленный случай ненависти, не оправданной никакими разумными обстоятельствами и интересами. Ведь никакой осязаемой вины Кубе приписать не могут. Все эти вопли про тоталитаризм Кастро — полная чушь. С пресловутыми правами человека дела на Кубе

несравненно лучше, чем во всех латиноамериканских «демократиях» и даже чем в самих США.

Это — ненависть к народу, который сохраняет достоинство и держится в условиях, когда это кажется абсолютно невозможным. Ненависть к народу, который, находясь на грани самого настоящего голода, сохраняет младенческую смертность на уровне 7 на тысячу — когда в богатейшей демократической Бразилии она составляет 37 на тысячу (в РФ — 17). Ненависть неконструктивная и низкая. Если бы мы поняли истоки этого переворота в душе нашей либеральной интеллигенции, мы бы прояснили многое и в нашей судьбе.

Ну ладно «демократы». Для них Куба — враг, потому что была другом СССР. А он сейчас им так ненавистен, что втайне они жалеют, что США не разбомбили проклятую империю, не сожгли напалмом деревни их отцов и матерей. Но ведь таких принципиальных немного. А остальные, молодежь, просто не знают, чем была Куба для СССР сорок лет назад. Она была для нас драгоценным подарком судьбы. И это было всем настолько ясно, что об этом даже не говорили. Ведь мы получили дружественную страну в западном полушарии, и дружба эта не требовала охраны советским штыком, как в Венгрии или Польше.

Тогда это было ясно, но на волне «антисоветской революции» даже наша патриотическая оппозиция (и даже кое-кто из «красных») нет-нет, да и помянет недобрым словом якобы расточительную помощь советского государства Кубе. За все последние годы ни один авторитетный военный из патриотов не сказал вслух, что значило для нашей страны в 1960 г. вырваться из кольца военных баз США и получить «непотопляемый авианосец» в 90 млрд от Майами. Не сказал, что значила для нас помощь кубинцев в вооруженной защите Анголы, Мозамбика, Эфиопии — наших важных потенциальных союзников в Африке. Да, Горбачев все это сдал Западу, но ведь в 60—70-е годы Горбачева еще у власти не было, и мы не собирались капитулировать и начать искусственное «вымирание» нашего народа.

Ни один подводник или рыбак не сказал, что значило для СССР получить радушную базу для его флота в центре Америки. «Голоса» надрывались: на помощь Кубе мы тратили миллион долларов в день (по 10 центов на каждого кубинца). Но ведь в то же время мы получали за наши товары, с которыми нас не пускали на мировой рынок, до трех миллионов тонн сахара в год по 30 коп. за килограмм — это сколько будет доходу, если в СССР его продавали по 90 коп.? А тогда мы не только доход могли в уме держать.

Я уже не говорю, что Куба для нас была окном в Запад. У нас появились друзья, владеющие самой передовой западной технологией и самой передовой организацией ряда производств,

медицины, связи, ресторанов и отелей. Ведь часть Кубы была по своему уровню частью США, причем не просто частью США, а частью, устроенной для американской элиты. Ряд госпиталей Кубы был оборудован и организован для лечения самых богатых американцев, и нам, кто туда попал и смог там поработать, просто открылся новый технологический мир, мы такого и не представляли себе.

Наши инженеры и технологи сразу, уже в 1959 г., получили доступ на новенький, с иглолочки, нефтеперерабатывающий завод, построенный США по последнему слову техники. Мы, по тупости бюрократов, весь этот потенциал информации не использовали, но множество наших инженеров все это пошупали руками. А разве честь не обязывала наших медиков втиснуться на телевидение и крикнуть зрителям, что блокадная Куба каждый год принимала и принимает сегодня на лечение тысячи и тысячи черномыльских детей? Что она делает этим детям операции, которые «на рынке» стоят тысячи и тысячи долларов!

Но я не буду здесь вдаваться ни в политику, ни в экономику. Просто дам кусочек мозаики моих сугубо личных впечатлений — из тех, что какую-то малость объясняли нам и в нашем советском строе, и в наших процессах.

На Кубе я провел счастливые годы. Работал, глядел вокруг, спрашивал, думал. Вырос я в АН СССР, в среде «шестидесятников». Набрался от них спеси, с которой они подходили к проблемам общества — демократия, оптимизация, эффективность. Куча дешевых, кухонных рецептов. Куба из меня вытряхнула этот мусор, выбила меня, как пыльный ковер. До сих пор мне бывает до боли стыдно, как вспомню, с каким апломбом давал сначала советы кубинцам — то у них не так, и то не эдак. И как много слоев «простой» проблемы приходилось преодолеть, пока начинал понимать ее суть. У нас дома, при уже устоявшейся системе, рядовой человек в такое положение не попадал. Он был встроен в организованную машину и выполнял свой кусочек работы.

За эту науку я благодарен огромному множеству кубинцев — на моих глазах разыгрывались драмы любви и раскола, побед и ошибок, искуплений и прощений, как в любой революции. Но не было в ней ненависти. За это кубинцы благодарны СССР. Поддержав Кубу в самый трудный момент, мы позволили их революции не ожесточиться — и это там прекрасно понимали. Мы в 30-е годы такой руки помощи не имели, и радостно было видеть, как прекрасна суть революции нашего типа, если людям не приходится озлобляться.

И вся эта стихия претворялась в творческое движение делом немногочисленного, выбитого Батистой поколения. Не подберу для него иного слова, кроме как *светлое* поколение. Они по-

шли на безнадежную борьбу и безропотно гибли, пока своей кровью просто не смыли мафию Батисты с Кубы. По душевному складу они сродни нашим народникам — как мы их знаем по литературе. Но одно огромное отличие: любовь наших народников к человеку была слегка абстрактной, концептуальной. А на Кубе эти молодые революционеры были исполнены не просто живой, теплой любви, но почти животной нежности к своему народу. Именно ко всем его частичкам — к ребенку в трушобе, к старику в приюте, к девочке-проститутке, которую стали учить музыке. Мне приходилось с этими людьми работать, ходить по лачугам и видеть, как они брали на руки детей и какова была ответная любовь родителей этих детей.

Быть может, сегодня это выходит боком. Любовь — палка о двух концах, и на Кубе прошло поколение избалованной молодежи. Помню, в январе 1972 г. я зашел с дочкой на пляж в Гаване. Никого почти нет — зима. Сидит группа подростков-негров, из «низов общества», крутят магнитофон и на чем свет стоит ругают Кастро — магнитофон у них ленточный, а у какого-то приятеля, уехавшего в США, кассетный. Подсел ко мне старик, убиравший пляж, тоже негр. Расстроен ужасно. «За них ведь боролись, — говорит. — Раньше они вообще на этот пляж войти не могли. А теперь сыты, учатся, работой будут обеспечены — так магнитофон плохой. Вот свиньи». А я ему и говорю: «Наоборот, по ним-то и видно, что вы не зря старались. Раньше им и в голову бы не пришло, что общество и правительство им обязаны дать хороший магнитофон. Общество было для них врагом, и они не ждали от него ничего хорошего. Думали, как бы что у него урвать или ему отомстить. А теперь это люди, которые не воруют и не просят, а требуют. Запросы их искривлены, но это дело времени». К сожалению, головы были искривлены не только у подростков и не только в Гаване, а еще больше в Москве. Но факт, что эти ребята уже вырастали как *граждане Кубы* — а до революции само понятие «гражданин» на Кубе не имело смысла.

Да, любовь и идеализация человека — часто источник поражения, но в тот момент соединение жертвенности с любовью просто создало новую Кубу — новое общество. Что бы там мне ни говорили о производственных отношениях. Благодарность и ответная любовь народа компенсировали неопытность и ошибки, неизбежные лишения и нехватку. Куба в 60-е годы просто дышала счастьем. Оно сияло на каждом шагу. Я жил в Сантьяго-де-Куба и иногда ходил на факультет пешком, срезая путь, — через фавелу, скопище лачуг. Там уже была начальная школа, в тени огромного дерева поставлена доска, стульчики. Приходила девушка-учительница, весь класс ее окружал, и каждый ре-

бенок крепко обнимал и целовал. Только потом она начинала урок.

Чтобы верно взвесить это, надо знать, из чего вырвалась Куба. Это было патологическое общество. Красавица Гавана и Варадеро, виллы на лучшем в мире пляже — роскошное место отдыха и разврата миллионеров и гангстеров с Севера. Небольшой современный сектор: блестящая организация, давние традиции профсоюза, открытость науке и культуре, аристократизм интеллигенции. Малые города с застойным сословным бытом — и море трущоб с отверженными. Именно море. И все это — разные миры, враждебные друг другу. Почти всю землю прибрали к рукам янки и засадили сахарным тростником. Монокультура — полная зависимость от одного рынка и от импорта всего и вся. На рубке тростника сезонникам платили за дневную норму батоном хлеба и разрешением есть тростник. А когда завозили более покладистых и выносливых негров с Гаити, то и этой работы не было. И над всем этим — коррупция и доходящий до абсурда террор.

Я приехал на Кубу в 1966 г. уже в новое общество. Бросился в глаза шрам старого — это не отразишь в статистике. На Кубе много очень красивых девушек, глаз не отвести. Идет такая, с лицом богини, — а ноги, как трости, искривлены туберкулезом, рахитом и другими следами детского недоедания. В Орьенте, бедной провинции, это было почти всеобщее явление. Как увидишь, сердце сжимается. Второй раз я приехал туда же в 1972 г. Подросло поколение девочек, вскормленных уже после революции. Это было как чудо — у всех спортивные, гармоничные фигуры. Следы болезней начисто исчезли. Стоило только дать, на голом волонтеризме, каждому ребенку по литру молока в день. Когда я там был во второй срок, уже с маленькой дочкой, и меня коснулось: каждый день по улице медленно проходил грузовик с молоком, и человек бегом разносил к каждой двери литровые бутылки — на каждого ребенка до 12 лет и на старика после 60 лет. Хоть к лачуге, хоть к общарпанному коттеджу бывшего миллионера. Надо было только выставлять с утра пустую бутылку и в ней монету в 20 сентаво.

Выправлять то изломанное общество «заднего двора» США — это был подвиг труда и терпения. Все было творчеством, все — против «теории» и роя иностранных экспертов. Стали строить хорошие дома, с мебелью — и переселять туда из трущоб. Около Гаваны вырос целый белоснежный город. Жильцы переломали всю мебель, разбили ванны и унитазы, сорвали двери — снова организовали трущобу, уже в многоэтажных зданиях. Такова была их культура. Им терпеливо ремонтировали квартиры, объясняли, показывали фильмы. А со всех сторон — шипение «конструктивной критики».

Я и сам поначалу сыпал формулами Маркса и Либермана, но протрезвел, примерив на себя реальность. Вот маленький эпизод. Приходит ко мне в лабораторию группа ребят 4-го класса и две учительницы. Говорят: хотим, чтобы вы вели у нас кружок. Ладно, отвечаю. Давайте сделаем кукольный театр и будем с ним ездить по городкам и деревням (я раньше увлекался изготовлением кукол). Посовещались они, выходит карапуз в очках и говорит: нет, будущее Кубы — наука, мы хотим научный кружок. Вот доктринер! Ну ладно, давайте научный. Стал я им объяснять суть процессов производства сахара — от размола тростника до получения кристаллов. Каждый этап раскрывался через эксперимент с научными методами. Понимали с полуслова сложные вещи — то, что студентам 4-го курса трудно было втолковать. Получилась вся цепочка завода, только в колбочках, центрифуге, хроматограммах — наглядно и увлекательно. Заодно я им рассказывал разные вещи, девочки посередине лаборатории исполняли танцы, а мальчики за шкафом по очереди стригли друг друга моими ножницами (вот мистика вещей: как только США объявили блокаду, во всех домах пропали ножницы — как сквозь землю провалились).

Послали нас на слет школьных кружков. Из всех мест поехали к городку Байамо старые автобусы с детьми. Все наутюженные, причесанные. Кто везет поросят, кто растения, кто конструкции. Все это разместилось на огромном лугу. Когда я увидел, меня охватил ужас. Столпотворение! Прогомонили до вечера, стали развозить на ночлег — по лагерям, построенным для старших школьников, которые по месяцу работают в поле. Привезли нас, мальчиков — в один барак, девочек — в другой. Все учителя женщины, оказался я один взрослый на две сотни мальчишек. Все улеглись на койки в два этажа, начальник лагеря выключил свет и ушел. И тут началось! Как будто накопленный за века темперамент вдруг вырвался подобно джинну из бутылки. Чинные минуту назад мальчики прыгали, кричали, ломали. Я раньше даже не слышал ни о чем подобном. Попытался я что-то сказать — на мой голос полетел град ботинок, книг, каких-то досок.

Прибежал начальник лагеря с фонариком. Все моментально зажмурили глаза — не шелохнутся. Мне неудобно притворяться, я моргаю в свете фонарика. Он напустился на меня: «Как твоя фамилия? Из какой школы?» Я назвал школу, стараясь говорить без акцента. Начальник насторожился. Какой-то голосок из темноты объяснил: «Это профе, из университета». Начальник ушел, безумство возобновилось. Зашел старик-шофер, спавший в автобусе, стал увещевать сквернословов: «Как же вы будете завтра приветствовать учителей грязным ртом?» Ходит по бараку, рассуждает. Притихли, заснули. Он знал, что им сказать.

На Кубе мне понравилось рубить тростник. В детстве все мы любили палкой рубить лопухи — а теперь эта любимая игра превратилась для меня в почетное занятие. Да не палкой, а остро отточенным мачете, почти настоящим мечом. Да не какие-то лопухи, а ствол толщиной почти в руку, длиной в три метра. Такой азарт, такие точные движения. Как в каком-то танце. У нас на полях таких азартных работ нет, а там я повидал двух-трех человек, которые шли по полю, как ураган. С криками, с песней, без рубахи. Тростник от них летел, как из какой-то бешеной машины. Есть такие уникальные личности — норм десять давали, хотелось смотреть и смотреть. Но это, конечно, были не преподаватели университета. На фоне кубинских интеллигентов я выглядел неплохо, как раз норму выдавал — 90 арроб (около тонны). За такую норму до революции давали батон хлеба и разрешали есть тростник*.

Как раз при мне впервые из кубинских университетов стали посылать сотрудников на рубку тростника — на полтора месяца зимой. Посылали небольшую часть, так, чтобы не прерывать занятия, а студенты ездили по воскресеньям. Я напросился и был доволен — много повидал и удовольствие от работы получил. Хотя экипирован был неважно. Меня удивляло, что кубинцы носили рубахи из грубой жесткой ткани — в такую жару. Оказалось, что сухие листья тростника режут тонкую ткань, как пилой — и вскоре мои московские рубашки превратились в лохмотья. Рука, держащая мачете (точнее, его утяжеленную разновидность), тоже сначала страдала. Вечером первого дня я насчитал на ладони 23 отдельных волдыря.

Поначалу донимало солнце. В полдень надо было идти за три километра в лагерь обедать, но сама эта мысль мне и кое-кому из преподавателей показалась абсурдной — не дойдем. Да и есть казалось невозможным. Решили остаться отдохнуть на поле. А солнце в зените, тени нет ни от чего. Попытались шнурками связать над головой стебли тростника вроде шалаша. Бесполезно. Промаялись три часа в полубредовом состоянии. Еще

* Кстати, о Кубе точно не знаю, а в ЮАР рубрики съедали за день по 10 кг тростника. Это по заказу скупых плантаторов установили социологи. При этом у врачей случился шок — люди съедали в день полтора килограмма сахара, а у них не было ни атеросклероза, ни кариеса. Эти работы побудили нас заняться исследованием биологически активных соединений сахарного тростника. Их вел во Владивостоке И. И. Брехман, изучавший ранее биостимуляторы дальневосточной флоры. Он был фармакологом олимпийской команды СССР, а потом и отряда космонавтов. В кубинском сахаре-сырце обнаружилось очень интересные вещи, даже не верилось.

пару дней пробовали так «отдыхать», а потом как миленькие стали бегать на обед — и крутой рис на воде оказался вкусным.

Работали бригадами по четыре человека. Со мной работал один профессор, видный на Кубе ученый, спектроскопист. Он был профессором Калифорнийского университета (Беркли), но из патриотических соображений вернулся после революции на Кубу. Вообще был большой романтик. Другой был молоденький переводчик. Он работал с нашими военными и преподавателями. К нам в бригаду он втерся, чтобы со мной практиковаться в русском языке. Третий был контрреволюционером, который за подпольную деятельность просидел четыре года в тюрьме. Он только что вышел — а тут его невеста, преподавательница неорганической химии, уезжает на рубку тростника. Ну он и попросил тоже, чтобы побыть рядом с ней.

В тюрьме он, естественно, четыре года рубил тростник, и был из нас единственным, кто на практике знал главные приемы. У него мы и учились. Сначала тыльной стороной мачете двумя движениями сбиваешь со ствола сухие листья, потом хватаешь ствол левой рукой в сыромятной перчатке, отрубаешь верхнюю часть стебля, срезаешь у него сочную зеленую верхушку. Потом наклоняешься и точным ударом срубаешь тростник точно вровень с землей. Иначе пенек загнивает и на будущий год тростник выходит хилый. Разрубаешь ствол на два или три куска. Сзади идут женщины и укладывают куски в ровные кучи — чтобы схватил своей лапой погрузчик. Потом мальчишки 8—10 лет приводят телеги с шестерками волов, туда грузят тростник и везут к ветке железной дороги. В перерывах волы жуют отрубленные сочные верхушки, которыми усеяно поле, и бензина не требуют.

Между нами в бригаде, конечно, постоянно возникали дискуссии по всем вопросам бытия, и меня спрашивали, как то-то и то-то устроено в СССР, какие точки зрения у нас сталкивались по тем-то и тем-то вопросам. Кубинцы хотели по нашему опыту как-то представить свое будущее. Профессор-романтик верил многим нашим условностям — речам, фильмам. Например, посмотрел он фильм по спектаклю МХАТа «Кремлевские куранты» — об отношениях революции и интеллигенции. Рассказывает с восторгом, ссылается как на аргумент. Я больше говорил о реальной практике и привлекал аргументы Ленина для ее объяснения (без ссылки на источник). Как ни странно, эти аргументы, которые нам в СССР казались надоевшей банальностью, моими собеседниками воспринимались как откровение и поражали их своей оригинальностью. Вот какова роль воспитания — иная точка зрения просто не приходит в голову. Кстати сказать, точки зрения, которые давались образованным людям в системе буржуазного воспитания, были нам, к моему удивлению, хорошо знакомы. Мы в наших кухонных дебатах в

Москве 60-х годов ушли далеко вперед по сравнению с профессурой Калифорнийского университета. Хотя занудства в Беркли, похоже, было побольше — у нас в Москве дебаты были поживее, мысли посвежее, хотя и не намного.

Из этой троицы полное совпадение взглядов с моими наблюдалось у контрреволюционера. Он признавал мои доводы здравыми, и у него самого они были продуманны, он к ним сам пришел путем перебора многих вариантов в «школе тюрьмы». Человек он был очень молчаливый, на кубинца мало похож — высокий, белокурый (я его сначала принял за европейца). Он, как я понимаю, стал убежденным и упорным сторонником кубинского социализма (примем такое условное название). Хотя от политики держался подальше. Я потом попал в Сантьяго-де-Куба в 1979 г. и был у него дома. Он окончил университет, стал инженером, старшая дочь его уже училась в музыкальной школе при консерватории, имела способности. Сам он мало изменился, и мы с ним поговорили с таким же взаимным пониманием, как раньше.

Другие мои товарищи по бригаде на тростнике были левыми идеалистами. Горазды критиковать — и Кастро за ошибки в политике, и СССР — за недостаточную революционность. Переводчик был, можно сказать, кубинским диссидентом, но таким, который за светлый образ для сравнения взял СССР. Если бы я ему сказал, что у нас диссиденты лелеют образ США, он бы страшно удивился — а так, по структуре мышления, был типичный диссидент, все ему не нравилось. Правда, у него идеализм диссидента сочетался с ярко выраженным прагматизмом. Он даже ухитрился эмигрировать в Испанию, а это для кубинцев была большая удача. Гринго, в общем, все на Кубе недолюбливали и убегали в США только потому, что там сразу получали очень большие материальные льготы. А Испания — мать-отечество (есть в Латинской Америке такая странная формула).

Я, поскольку привез на Кубу приборы, подружился с механиками и электриками в мастерских — надо было переналаживать наши приборы на другую частоту. У них была нехватка элементов — транзисторов, сопротивлений и т.д. Я пошел в порт, на советский корабль, зашел к радисту. Знал, что они свои станции не ремонтируют, а заменяют весь блок с дефектом. Спрашиваю: не дадите ли дефектные блоки? Бери! Я нагрузил целый мешок, взвалил на спину и принес в университет. Ребята были счастливы — на много лет запас. Работали они прекрасно, все сколько-то лет пробыли в США на заработках. И много мне интересного рассказывали о тамошних мелочах быта и человеческих отношений. Многие вещи им казались такими дикими и ужасными, что они переходили на шепот, как будто я иначе мог испугаться.

Посылая преподавателей университета на рубку тростника, кубинцы, видимо, учитывали опыт и советских субботников, и целины. Я увидел тогда на Кубе этот наш опыт, как бы перенесаясь в машине времени в прежние времена, — и мог сравнить с тем, чем он стал у нас в СССР в конце 60-х годов. Это было поучительно. Я увидел на Кубе то, что мы в нашем времени уже разглядеть не могли, да это уже и ушло.

Конечно, неизнуряющий физический труд, тем более в поле, всегда и везде полезен. Но он сопрягается с разными социальными условиями и воспринимается по-разному. У нас в середине 60-х годов интеллигентная публика стала относиться к практике посылать ее на недельку-другую в колхоз очень отрицательно.

Здесь, на Кубе, в связи с этой практикой открылась вещь, для меня совершенно неожиданная. Подавляющее большинство не только интеллигентных, а и вообще городских кубинцев не имело никакого представления о труде в той отрасли, которой жила страна. Вся Куба полвека жила на прибавочный продукт, что производили те, кто возделывал и рубил тростник. А что это за работа, горожане не знали. Когда они приехали в поле, взяли в руки мачете, познакомились с бытом крестьян, это у многих вызвало потрясение. Так вот как жил и трудился их любимый кубинский народ! Батон хлеба за то, чтобы нарубить 90 арроб! Земляной пол в лачуге! Мальчик в восемь лет целый день водит упряжку волов! А цену на сахар американцы иногда сбивают до полутора центов за фунт! Но мы же ничего этого не знали! То есть в газетах читали, а знать не знали.

Произошла странная вещь. Довольно многие преподаватели готовились уехать — кто в Европу, кто в США. Между собой мы об этом знали, хотя при официальной подаче заявления на выезд человек должен был уйти из учреждений системы просвещения. Не знаю почему, но многие из тех, кто собирался эмигрировать, поехали тогда рубить тростник, хотя особого принуждения не было. Может, решили напоследок повидать сельскую Кубу. Был, например, старенький профессор математики. Встанет на поле среди тростника — и смотрит вокруг. Борода развевается, в руке мачете, на поясе кружка. Ему крестьяне кричат со своим простонародным произношением: «Сень-оль! Будьте добры, присядьте отдохнуть!» Он чуть не плачет. А должен был в марте уже уехать, сразу после конца этой работы. Потом смотрю — он все еще в Сантьяго, едет тихонько в университет на своем огромном допотопном «форде». Оказывается, решил не ехать. И еще такие же. Порубили тростник — и что-то в них сломалось. Или восстановилось.

На наших, в 60—70-е годы, физический труд такого эффекта,

конечно, не производил. Даже наоборот. Говорили разное: что эта работа неэффективна (я, кандидат наук, тра-та-та...), что эта повинность — отрывка тоталитаризма, что эта бесплатная рабская сила развращает крестьян и т.д. Доля правды во всем этом была. Но я все равно не понимал, почему работа в поле вызывала у многих такое отвращение — ее неприятие было страстным, иррациональным. Ну, пусть неэффективно (хотя почему? Ведь посылали помочь в моменты пиковых нагрузок, это именно эффективно). Пусть даже отрывка тоталитаризма. Но раз уж ты поехал — поработай, ведь это приятно и полезно.

Очень плохо, что власти СССР были нечувствительны к тому важному факту, что у студентов и интеллигенции эта колхозная повинность вызывала отвращение. Нельзя было продолжать, не выявив причины этого отвращения и не сняв их. Но — властей этих уже нет, подумаем о людях. Мне кажется, что многие из новых поколений молодежи не желали идти в поле потому, что боялись взглянуть правде в лицо — их тело не желало работать, делать усилия, радоваться усталости. Оно от этой усталости страдало. И это был признак какого-то угасания. Люди не хотели видеть, как что-то отмирает в их молодом теле. Как угасает воля к жизни, какой-то важный инстинкт.

Может, странным покажется, но в этом было угасание и советского строя. Эти люди хотели, чтобы этот строй сгинул, чтобы не ездить им в колхозы, не трогать рукой землю и сено, не служить в армии. Эти люди хотели такого строя, чтобы он оставил их в покое, дал расслабиться у дешевого телевизора с бутылкой дешевого плохого пива в руке. Чтобы он дал им умереть. После 1991 г. люди стали быстро умирать. Это, конечно, результат реформ — бедность, безысходность и т.д. Но я думаю, есть и еще одна невысказанная вещь — этот строй *разрешил* умирать. А советский строй этого не разрешал.

Но тогда, конечно, никто ничего такого не думал.

* * *

В деревнях на востоке Кубы делают особый напиток типа кваса — *пру*. Размалывают какой-то корень, заквашивают дрожжами с сахаром, и готово. Вкус и аромат неповторимые, у меня вызывали они какое-то шемящее чувство, чуть ли не галлюцинации. Будто я снова попал в детство. Странный эффект. Еще так же действовал на меня один дешевый, но редкий даже на Кубе фрукт — *мамей*, или *сапоте*. Он плохо хранится, поэтому его почти нет в продаже. У него красная мякоть, которую разбивают в миксере с молоком. Когда мне удавалось глотнуть такого напитка, меня охватывал воздух детства, с его светом и запахами. Так живо и сильно, что страшно становилось. Как буд-

то я вот-вот вспомню что-то главное, что я забыл. Удивляло, что никогда в детстве я ни вкуса, ни запаха этих плодов не знал и ничего похожего не встречал в нашей жизни. Такое вот действие на психику. Тропики...

Но тогда, на тростнике, речь шла не об этих тонкостях. Пру давало нам простое и грубое наслаждение. Деревенский *прусеро* поставил свое коммерческое предприятие на перекрестке дорог, по которым мы расходились на поля в темноте, в 5 утра, трясаясь от холода, и возвращались на обед в полдень, содрогааясь от вертикальных лучей солнца. Вот в этот момент никто не мог одолеть соблазна. Отдавали монету и получали почти литровый стакан пру со льдом. Второй стакан — когда снова шли на поле в три часа дня. Тут уже пили не торопясь, со вкусом. Узнав, что я из СССР, прусеро не раз заводил со мной разговор — возможно ли такое, что у нас реки покрыты льдом? Подходи с ведром и коли, сколько хочешь. Прямо так — ни платить, ни спрашивать не надо. Слушал он недоверчиво. Сам он по утрам ходил с тележкой к железной дороге, и там поезд на момент притормаживал, и из вагона-рефрижератора ему кидали блок льда в 50 кг. За что он ежемесячно вносил сумму, которую мог бы сэкономить, если бы их деревенская речка была, как и в СССР, покрыта льдом.

Так мы наслаждались этим пру. Но как-то в полдень, когда мы глотали холодный пру молча, запекшимися губами, подъехал верхом на худой кляче, подстелив под себя мешок, беззубый негр-старик. Он был из тех гаитянцев, которые контрабандой приплывали рубить тростник за бесценнок, а после революции остались на Кубе. Говорил он на своем гаитянско-афрокубинском наречии, очень скупое и красноречиво. Хотя и не было у него ни одного зуба, речь его была понятна. Уборка тростника затягивается, рук не хватает, и местный комитет защиты революции велит прусеро на время свернуть свою торговлю и влиться в ряды мачетеро. Мужик он здоровый и умелый, рубить будет за троих. Прусеро чуть не зарыдал — бросить торговлю как раз на пике благоприятной конъюнктуры, при монопольном положении на рынке! «Я же выполняю социальную функцию!» — закричал он, вперемешку с мягкими кубинскими ругательствами, и протянул руки к толпе университетских преподавателей за поддержкой. Но поддержки не получил, все пили свой последний стакан молча. Старик дернул за веревки, служившие ему поводьями, разбудил свою заснувшую кобылу и уехал.

Больше мне пру попить в жизни не довелось. Уже назавтра прусеро рубил тростник невдалеке от меня, действительно за троих. Видимо, это было ему не трудно, потому что у него оставалось время, чтобы постоянно рассказывать анекдоты, которым он сам радовался и смеялся больше всех.

В университет Орьенте прислали несколько студентов из СССР. К нам, в Химическую школу, попал один, делать дипломную работу, с химфака Ленинградского университета. Звали его Яша. Я, как химик, помог ему устроиться, со всеми познакомил. Руководителем у него стал тот профессор из Калифорнийского университета. Яша был парень с исключительным талантом. Он хорошо знал английский и французский — и за два месяца стал прекрасно говорить по-испански. Не просто говорить, а с блеском. Когда мы уже пробыли половину срока на тростнике, вдруг приезжает и Яша. То ли ему наше начальство посоветовало, то ли из любопытства. Стал он у нас пятым в бригаде. Наш профессор-бригадир относился к нему с отеческой нежностью. Его просто переполняло счастье, что у него — дипломник из Ленинградского университета.

Как я уже говорил, на поле мужчины рубят тростник, а женщины его собирают и укладывают в кучки. Яша попробовал рубить, но недолго — до первой мозоли. Значит, полчаса. Бригадир ему говорит: Яша, собирай и укладывай тростник. И стал Яша делать женскую работу. Но не как женщины. Он снял рубашку, чтобы загорать, и сел в своей соломенной шляпе. Куда дотянется рука — оттуда берет срубленные стебли. Потом перебирается в другое место и снова садится. Мне из соседней бригады кричат с тонкой издевкой: «Эй, *товарищ!* Не хочешь тоже тростник носить, вместе с Чинитой?» Чинита — лаборантка с кафедры неорганической химии, симпатичная, с примесью китайской крови (потому и прозвали Чинита). Я отвечаю: «Вместе с Чинитой — с удовольствием. Пусть она собирает, а я ее с тростником буду носить».

Любопытно было смотреть на профессора. Он был тучный, рубить ему было тяжело — а тут его молодой советский компаньеро, приехавший чуть ли не с крейсера «Аврора», сидит и загорает. Видно было, что чувства в нем клокочут — но ни разу не сорвался. Выкрикивал какие-то тончайшие намеки, которые Яша не обязан был понимать. Яша любил поговорить и попрактиковаться в языке. Идя с поля, он заводил философские беседы с попутчиками, которые к этому времени уже еле ворочали языком. Я как-то раз шел сзади и вдруг поймал себя на мысли, что моя рука готовится точным ударом перерубить ему сухожилие на пятке. Рука уже привыкла рубить, и очень точно, без всякой помощи головного мозга — и вот как она захотела использовать этот навык. Страшное дело. Я вспомнил, как на целине Наташа Кузнецова всадила вилы в задницу одного сачка. Тоже, наверное, сама удивилась своему поступку.

Когда мы притаскивались вечером в барак, все сначала валились на койки и минут двадцать просто неподвижно лежали, ни

о чем другом и думать не хотелось. А Яша смазывал лицо каким-то ароматным кремом, надевал чистую рубашку и отправлялся на экскурсию — осматривать местность и быт кубинских гуахирос. Вслед ему из разных углов барака вполголоса кричали одно обидное слово. Это — за крем, которым не положено было мазаться мужчине, и вообще.

Весной кубинцы объявили Яшу персоной нон грата. Это был первый случай в отношении советского человека, поэтому поднялся шум. Профессор пришел ко мне расстроенный. Я, говорит, в знак протеста решил подать в отставку со всех своих постов в университете. Я говорю: «Бросьте даже и думать, что за глупости. Что вы вообще знаете о Яше и о причинах его высылки?» Меня тогда сильно удивило это странное стремление — протестовать, хотя и самому неясно, против чего протестуешь.

Пришел ко мне секретарь нашей комсомольской организации: «Напиши Яше хорошую характеристику, мы будем его перед кубинцами защищать. Консул велел». А консул был одновременно и куратором от КГБ. Я говорю: «Кто я такой, чтобы характеристики писать? А если бы и был обязан, то хорошую бы не написал. Зачем же перед кубинцами в глупое положение становиться? Пусть потихоньку уезжает, ведь ясно, что что-то накопили». Так и получилось. Пошло наше начальство с демаршем, и, как мне рассказывал потом переводчик, им ректор таких вещей наговорил и таких документов представил, что положение их было весьма глупым.

Как ни странно, и позже жизнь сводила меня с Яшей. Он был аспирантом в моем институте в Москве, в начале 70-х эмигрировал, стал видным деятелем, привозил к нам в институт виднейшего раввина с мировой репутацией Адина Штайнзальца... Мы с Яшей встречались не раз, и он очень тепло ко мне относился. Видно, вспоминал юность. Похоже, он сильно окреп и возмужал с той поры.

* * *

На Кубу я попал почти дуриком — пришла в голову такая блажь. Как-то в 1959 г. ехал в электричке, и попала на глаза старая газета. В ней статья о партизанах Кастро и фотография: девушка в шляпе, верхом на лошади и с винтовкой за плечами. Лица было не разглядеть, но захотелось поехать на Кубу. Не знаю, где газетчики такой снимок откопали, наверное, из американского фильма и вовсе не про Кубу. Стал учить язык, кстати, попал на месяц в больницу с гепатитом — самые идеальные условия для этого. Приятель достал мне учебник испанского языка, изданный в 1937 г. для наших военных, едущих в Испанию.

Этот учебник мне и помог. С химфака послали одного зна-

когого на работу в университет Орьенте, он кинулся искать учебник. Нашел у меня, я ему отдал, а он за это там обо мне замолвил слово. Бац — приходит в мой институт заявка на меня с Кубы. Шеф рассвирепел — что за махинации, кто вас так учил жить! В общем, не пускает. Я заплакал, честно признаюсь. Он перепугался: что с вами, что с вами? Говорю: хочу на Кубу. Не знаю, что он обо мне подумал, но смягчился. Сделаете, говорит, диссертацию — и езжайте.

Приятель, который с моим учебником уехал, заслужил на Кубе большую славу. Он там купил себе мотоцикл и обшарил на острове все закоулки, где могли быть научные приборы для университета. Пробился к Че Геваре и с ним ездил отбирать красивые, но ненужные приборы у директоров и министров. Собрал хорошую лабораторию. Я кое в чем ему из Москвы помогал, так что заявка на меня снова пришла. Ну и, конечно, удача. В Министерстве высшего образования отправкой на Кубу занимался мрачный мужчина. Он ко мне хорошо отнесся. Когда я пришел к нему снова, уже с кандидатским дипломом, он прямо сказал: обязательно вас отправлю. Правда, иногда повторял непонятную для меня фразу: «Контракта на вас нет. Контракта нет. Но я отправлю». И отправил. Даже с явным нарушением инструкций. (Он, например, не дал мне обратного билета, а я и не подумал, как буду возвращаться. Никто в Гаване не хотел его оплачивать, и мне пришлось послать министру Елютину жалобную телеграмму: «Помогите вернуться на Родину». Подействовало моментально.)

Кстати, уже из этого видно, что СССР никак не был *бюрократическим* государством, как считают многие. Он был радикально небюрократическим. Бюрократия по своей сути — именно бездушная машина, которая не смотрит на лица и действует согласно закону, инструкции. У нас же каждый начальник и тем более начальница — сгусток чувств. Понравился я этому человеку — и он отправил меня на Кубу, явно с нарушением множества инструкций. А в другой раз придешь куда-нибудь с верным и явно полезным делом, сидит за столом женщина, зыркнет на тебя глазом — и сразу видно, что надо уходить. Ни за что не даст ходу, какие аргументы ни придумывай. По глупости начнешь доказывать — и совсем дело загубишь. Тут бюрократией и не пахнет.

В общем, отбыл я на Кубу. С грузом реактивов, приборов и парой аквалангов мне пришлось плыть на парходе. Чудесным утром мы вошли в бухту Сантьяго-де-Куба, из порта — в город, и давай спрашивать у девушек, где здесь университет. Оказалось, могу говорить по-испански. Во всяком случае, с девушками.

В университете ахнули, никто меня не ждал, про заявки все забыли, да и вообще не удалось установить, кто их посылал.

К тому же заявка это одно, а контракт — совсем другое. Но, раз уж я приехал, все были рады, все сразу стали друзьями, дали мне из кармана 50 песо, и мы с женой пошли бродить по вечернему Сантьяго-де-Куба, пить сок кокосового ореха со льдом, манго и т.д. Зашли в ресторан, ни в чем не разбираемся, все нам помогают, смеются. Радушие было общим, даже со стороны политических противников. Все знали, что советские приехали помогать, и были за это благодарны. Я это, кстати, видел и в Испании. Франкист-франкист, а за помощь Испании ее детям, испытывает к СССР большую благодарность.

В Москве, в лаборатории, мы обсудили возможные темы исследований. Я до этого изучал структуру гликопротеинов — биополимеров, состоящих из белка и углеводов. Методами владел, сам кое-какие новшества придумал для работы без дорогих материалов. Решили, что интересно было бы изучить подобных полимеры из слизи морских моллюсков. Мои друзья занимались изучением веществ из моллюсков на Дальнем Востоке — а тут из Карибского моря. Область новая, обещала множество находок. Я и акваланги прихватил для этого. Собрались мы с кубинцами на совет, я им изложил перспективы и возможности, они приняли с энтузиазмом.

Я пошел в местный аналог ДОСААФ, попросил помощи. Они тоже обрадовались, у них был мощный катер, и мы стали обходить побережье и нырять — знакомиться с местными моллюсками. Главный подводник у них, Педро Соберат, был интересный человек. На одно ухо глухой — пытался найти упавший в море самолет Камило Сьенфуэгоса, нырлял на 90 м и потерял ухо. В Соберате выразился важный на Кубе тип человека, который у нас как-то не видно. Мы больше действуем сообща, ватагой. А там много одиночек, которые берутся за невозможные дела. «Старик на море» у Хемингуэя — образ типичный. Таков, вообще говоря, был и Фидель Кастро, и те виртуозные рубщики тростника, каких я видел. Например, этот Соберат с ружьем охотился на рыб весом более сотни килограммов, они таскали его по морю по многу часов. Он нырлял так, что я никогда бы не поверил, если бы сам с ним не был — без акваланга на глубине 20 м сидел и копошился в коралловых рифах, как будто имел жабры. А я видел, как люди работают под водой, сам бывал водолазом в морских экспедициях, не раз работал на Японском море. Пишу это, потому что это распространенное в заметной части кубинцев ощущение огромных возможностей личности — важная черта их революции. Различия, думаю, всегда полезно подмечать.

Однако с моллюсками ничего у меня не вышло. Хотя кубинцы и горячо одобрили мой проект, они незаметно свернули меня на другой путь. Повезли на сахарные заводы, посмотреть

процесс производства. Рассказывал один из мировых авторитетов в этом деле, человек умный и поэт своего дела. И обнаружилось множество проблем, которые можно было эффективно исследовать, а кое-какие даже решить, с помощью тех методов биохимии, которыми я владел. Причем это были бы оригинальные работы с большими перспективами — мировые исследования сахарного производства методически отстали от современной молекулярной биологии на целую эпоху, и никакого мостика нигде не возникало. А раз уж я тут...

В общем, я начал пробовать и быстро втянулся, какие там моллюски! Погрузился в мир тростника, патоки, кристаллов и множества непонятных явлений, которые происходят в этом мире. Попал и в новый мир людей, которые не были похожи ни на нашу академическую ернду, ни на публику из наших отраслевых НИИ. Это были мастера, многие из которых обладали замечательной наблюдательностью и склонностью к обобщениям, самородки. С ними было хорошо работать, много их интеллектуальных приемов надо было перенять. Когда в фильмах видишь фигуру такого мастера-философа, это кажется надуманным, некой метафорой. Ни у нас, ни на Западе этого типа как-то не видно, здесь уже работают большие коллективы. А на Кубе эти люди были важной частью культуры.

Я стал много ездить по Кубе на совещания специалистов. Возникли трения — с советскими экспертами и частью молодых кубинцев. Наши сахарники из Киева категорически не желали знать новых методов, заведомо эффективных для решения их проблем. Это меня по молодости лет удивляло, а дело просто было в том, что они этих методов не знали и боялись за свое положение экспертов. При этом ставили себя в глупое положение. Им подпевала и часть кубинцев. Как-то на совещании одна такая молодая дура из Гаваны начала поучать: «Мы должны решать проблемы производства, а не увлекаться всякими изощренными методами» (я предлагал быстро решить одну проблему с использованием радиоактивных изотопов). Я говорю: «Это демагогия». Видимо, я не знал, что «демагог» у них в то время было слишком ругательное слово, и поднялся целый скандал. Наш факультет в Сантьяго даже запросил стенограмму того совещания, изучил ее и признал, что я был прав, а та девица — действительно демагог. Это потом мне декан рассказал. Мы, говорит, не можем допустить, чтобы нашего представителя шельмовали — это меня. В целом же технические совещания были таковы, что на них можно было высказываться по существу.

Я за тот год много технических записок подготовил. Некоторые, как показал последующий опыт, были весьма разумными. Например, тогда в США были опубликованы результаты больших исследований влияния газового состава на скорость созре-

вания фруктов и овощей. Я сходил в порт, поговорил с нашими моряками. Они говорят, что им ничего не стоит герметизировать трюмы и контролировать состав атмосферы. Зимой прекрасные кубинские помидоры вполне можно было бы гнать в СССР. Предлагал я создать передвижные лаборатории с современными приборами для анализа, чтобы объезжали сахарные заводы и надежно измеряли некоторые важные параметры производства, которые довольно сильно влияли на процесс, но до этого не измерялись из-за трудностей анализа. Когда кончился мой срок и я собрался уезжать, приехал молодой парень из министерства и стал уговаривать меня остаться — налаживать такие лаборатории. Мы, говорит, дадим тебе маленький самолет — облетать заводы. Я эти самолетики видел, и очень было соблазнительно, но надо было возвращаться в свою лабораторию в Москве.

* * *

На Кубе тогда шло становление современной научной системы, наблюдать за этим было интересно. Дух научности, как бородавка, может сесть на кого захочет. Есть страны, которые вкладывают уйму денег — и ничего не получается. И люди есть, и институты, но духа нет, все как-то вяло. В кубинцах такой дух был, и сейчас он силен. Уже в конце 60-х годов были видны «зародыши» блестящих работ. А главное, была цепкость. Как появляется толковый специалист, его прямо облепляют. Я приехал из очень сильной лаборатории, да к тому же знал язык. Множество людей приходило — посоветоваться, посмотреть, что-то освоить. В период между сафрами — мертвый сезон на сахарных заводах. А там лаборатории контроля, два-три химика-техника. Я говорю: присылайте их к нам, в университет. И нам помогут, и небольшие исследовательские проекты будут проводить по обновлению методов анализа. Так и стали делать. Нам было большое подспорье, а у девушек-техников большой энтузиазм возник. Замечательно работали, и все сделали неплохие работы — приспособливали современные методы большой науки для целей анализа в сахарном производстве. Дело было верное, только работай. Все выступили на научном конгрессе. Кое-кто из них потом эмигрировал и, как писали, очень хорошо устроился в США благодаря этому опыту.

Среди молодых кубинцев я тогда выделил бы такие категории. Те, кто учился в элитарных западных университетах (Куба старалась посылать в разные места). Эти осваивались на Кубе с большим трудом. Им казалось, что работать продуктивно в таких бедных лабораториях нельзя. Даже в Национальном центре научных исследований, который по сравнению с нашей московской лабораторией был роскошным учреждением. Зайдешь

к таким «западным» ученикам — сидят, ноги на стол, и магнитофон свой кассетный крутят. Мол, реактивов и приборов нужных нет. Выпускники советских вузов были в этом смысле покрепче, их бедность не пугала, умели наладить работу. Среди тех, кто учился на Кубе, тоже было заметное разделение.

Дети интеллигентов, казалось бы, должны были стать главной силой. Но в них я замечал какой-то комплекс неполноценности, думаю, унаследованный от отцов. Они как-то не верили, что на Кубе может быть сильная наука, робели. Но зато ребята из трудовых семей, часто вечерники, стали просто чудесными кадрами. Их не волновал статус и престиж в глазах «мировой науки». Они видели проблему — и искали способ ее решить. С теми средствами, какие есть. И проявляли замечательную изобретательность и способность к обучению. Кстати, лучшим институтом Академии наук Кубы стал Институт генетики сахарного тростника, но среди его сотрудников не было тогда ни одного с высшим образованием. Только несколько советских генетиков-консультантов — и молодые кубинцы из техникума.

У кубинцев была исследовательская и изобретательская жилка. Например, они вместе с нашими специалистами сделали комбайн для рубки тростника. При этом решили проблему, которая никому не давалась. Куст тростника такой мощный, что вокруг корней образуется кочка. А ножи комбайна должны срезать тростник вровень с землей, но не зарываться — они должны следовать профилю почвы, и это было трудно. Во время международного конгресса сахарников устроили показательную работу этого комбайна. Собралось человек пятьдесят с киноаппаратами — из Австралии, Японии, Южной Африки — из стран, где выращивают тростник или производят машины. Комбайн прошелся по полю — блеск! Те, кто сам знал, как ково рубить тростник мачете, были глубоко взволнованы. А иностранцы кинулись к машине, стали совать под нее свои киноаппараты и стрекотать ими — крутить и вертеть ими с нажатым спуском. Отснимут пленку, перезарядят — и снова. Старались устройство режущей системы заснять. Потом, уже в 1972 г., на Кубе наладили патентную службу, я был знаком с ее организатором, он мне много интересного рассказал (он учился у Василия Леонтьева, и тот своим ученикам высказал важные суждения о советской экономике и плановой системе — то, что наши реформаторы никогда не напечатают).

Когда я в 1970—1972 гг. работал уже в Гаване, один из моих учеников сделал прекрасную работу (на степень магистра). Я горжусь, что в ней участвовал. Я предложил общий план, но у него родились такие сильные идеи, что исследование получилось выдающееся. Мы изучали процесс почернения сахара при хранении. Это была большая проблема: на складе огромные

кучи сахара начинали разогреваться и чернеть. Цена резко снижалась, Куба платила штрафы, а иногда процесс приобретал характер взрыва — огромная куча в тысячи тонн превращалась в вулкан, из которого вырывалась раскаленная лава черного расплавленного сахара. С самыми недорогими средствами (впрочем, не без изотопов) этот парень четко описал химическую динамику процесса и влияние на него исходного состава сахара-сырца. И обнаружил несколько цепных самоускоряющихся реакций. Продолжая работу, он пришел к парадоксальному выводу, что традиционное стремление производителей получить как можно более светлый сахар как раз и приводит к сохранению в нем бесцветных, но очень активных соединений, которые уже на складе разгоняют процесс разрушения. Напротив, добавляя в процессе варки некоторые вещества, можно загнать этот процесс в тупик, связав активные бесцветные предшественники в стабильные, но слегка окрашенные вещества. Он нашел способ элегантно управлять большой и сложной системой реакций, но вступил в конфликт с традиционными критериями.

Парень этот был из семьи рабочего (автослесаря), кончил вечерний вуз и не слишком грамотно писал по-испански. В жюри, которое обсуждало его диссертацию, был итальянский профессор, специалист по полимерам. Он стал рьяно возражать против присуждения степени. Во-первых, говорит, методы очень просты (для большого количества проб применялись стандартные анализы, которые как раз и делали техники с сахарного завода, — для целей работы этого было достаточно). Во-вторых, много орфографических ошибок. Стандарты научности, стандарты научности, нельзя снижать уровень... Я расвирепел, что редко со мной бывало в жизни. Ах ты, думаю, гад. А еще левый экстремист! Сцепились мы, да в присутствии всего ученого совета (обсуждение шло в отдельном зале, куда совет «удалился на совещание»). Почти час спорили, доходя до взаимных политических оскорблений. Всем видно, что работа выдающаяся — а он ни в какую (члены жюри имели право вето). При этом актовый зал был полный — это была первая серия защит. И все там притихли, недоумевают — что же там происходит, в совещательной комнате. Я его все-таки переспорил, да еще предупредил ученый совет — будете таким критериям следовать, загубите свою национальную науку.

Наблюдая эту работу, да и некоторых других и старых, и молодых кубинских исследователей, я подумал, что и у них распространен тот стиль научного мышления, который я про себя называл «русским». Он, правда, и у западных ученых встречается, но как что-то редкое, особенное. А у русских часто, иначе бы ничего не вышло, просто средств бы не хватило на тот объ-

ем работы, который русская (и особенно советская) наука сделала. Суть этого стиля я бы выразил так: склонность делать широкие обобщения при большой нехватке эмпирического материала. Не всегда, конечно, это плодотворно, много бывает неудачных «фантазий» и «бредовых идей», но ум тренируется — и удачные работы с лихвой окупают неудачи коллег.

Поработав на Кубе, я стал думать, что этот стиль возникает там, где ученый не слишком скован идеологическими догмами «научной метрополии». То есть он знает эти догмы, уважает их, но находится на периферии мирового научного сообщества и может не бояться его тяжелой руки. Русские были в таком положении и, похоже, кубинцы тоже. А срочные проблемы решать было надо, и кураж для этого был.

Кроме того, для работы в таком ключе нужно иметь «свободу» выходить, на этапе рождения идей, за рамки того рационализма, который, конечно, необходим ученому, но может и слишком его дисциплинировать. Про русский ум давно было сказано:

Он трезво судит о земле,
В мистической купаясь мгле.

В очень большой степени то же самое можно сказать и про кубинцев. Образы, которыми они мыслят, часто парадоксальны (может, сказывается влияние африканской культуры). Мне до Кубы казалось невозможным увидеть Кафку, воплощенного в массовой культуре, а там это бросается в глаза — и в литературе, и в обыденном разговоре. Эта общая способность вывернуть проблему наизнанку и увидеть ее с неожиданной стороны, незащищенной от исследователя, счастливым образом была не задушена в новой научной молодежи, а развита.

У кубинцев, с которыми я общался, было сильно выражено такое свойство. Они были способны на вдохновение, когда мысль работает в каком-то ином измерении, тыходишь в транс. В лаборатории это хорошо видно — но и на поле, на празднике. И в то же время это — вспышки на фоне постоянной глубокой грусти, постоянного размышления о чем-то не вполне земном. Как будто тоска по Испании (и по Африке) навсегда отложилась в характере под действием этого тропического солнца, которое останавливает время.

Как-то в журнале «Курьер ЮНЕСКО» была большая фотография, получившая какой-то главный приз. Называлась она «Размышление» (*Meditación*), и снято было на ней лицо кубинского крестьянина, присевшего на поле. Я удивился, как мог фотограф ухватить суть того явления, что я и словами-то никак не могу выразить. Вот на этом и поднялась кубинская наука, как только революция создала для этого социальные и эконо-

мические условия. Надеюсь, переживет она нынешние трудные времена, как и русская. Надеюсь, но не уверен.

Если бы наше сотрудничество с кубинскими учеными продолжилось подольше, у нас бы могли сложиться замечательные совместные бригады, просто блестящие. Но мы потянулись за Горбачевым — и теперь клянем у Сороса подачки на пропитание. И своими подачками он этот русский стиль научного мышления у нас как сапогом вышибает. Но патриоту Шафаревичу этого не объяснишь — он все равно счастлив, что СССР уничтожен.

* * *

В 1967 г. на Кубе создавалась единая партия — по типу КПСС. В нее влились бывшие члены просоветской марксистской партии, которая строго следовала теории и активного участия в революции не принимала, члены бывших подпольных революционных движений. Но главное, в нее собирались уже новые люди, сложившиеся после революции. До появления партии связующей структурой политической системы на Кубе были органы прямой демократии — комитеты защиты революции. Мы о них плохо знаем, а мне кажется, что полезно было бы их опыт изучить и понять. Что-то подобное и у нас появится, когда нынешний хаос станет нестерпимым, а цельной обобщающей идеологии еще не созреть. КЗР были везде и объединяли самых разных людей, согласных лишь в одном — защитить страну, избежать гражданской войны и обеспечить действие простых принципов справедливости. Идеология размытая, но в таком положении достаточная. Правда, для существования такой системы нужна большая терпимость в людях и способность к рассуждениям и диалогу. Кубинцы — прирожденные ораторы и любят выслушать мнение другого, если он его хорошо излагает. Мы же слишком устремлены к истине и ложные суждения слушать не хотим.

Но, конечно, для выработки и выполнения больших программ развития на Кубе нужна была партия, это все понимали. Мы в СССР стали охаивать и разрушать единую партию потому, что страх войны прошел и развитие казалось обеспеченным (а точнее, многим оно стало казаться ненужным, поверили в какую-то волшебную палочку и скатерть-самобранку, которую мессия вроде Горбачева принесет). В общем, на Кубе стали проходить собрания, на которых обсуждались кандидатуры тех, кто подал заявления в партию. Поскольку партии не было, в партию принимали (точнее, наоборот — *отправляли*) на общих собраниях трудового коллектива.

Как-то я в университете пошел в мастерские, а там как раз такое собрание. Подал заявление молодой инженер, я его по-

мнил по рубке тростника. Вел собрание какой-то хмурый «кадровый работник», видимо, из старых подпольщиков. Кандидат изложил свои установки, ему задали вопросы, что он делал «до падения тирана» и пр. Потом стали обсуждать. Встает старик, токарь. Я, говорит, отвергаю его кандидатуру, не место ему в партии. Потребовали от него доводов. Он говорит:

— Гонсалес — хороший работник и честный человек. Но в партию его брать нельзя, потому что он способен человека обидеть, а это для партии опасно.

— Как он вас обидел?

— Я деталь испортил, а он подходит и говорит: «Ты халтурщик, ты ценную деталь запорол».

— Так он прав был или нет? Вы испортили деталь?

— Я не отрицаю, как инженер он был прав, я по халатности работу запорол. Но ведь он меня обидел. Я же вдвое старше его, а он мне такое говорит. Он обязан был найти другой способ наказания, необходимый.

Поднялся спор, и мне он показался интересным. Все соглашались с тем, что старик работал спустя рукава и его следовало наказать. Вот, попробуй найти способ наказать, но так, чтобы не обидеть. Инженера этого в партию рекомендовали, хотя не без оговорок.

* * *

Вообще проблема «не обидеть» была на Кубе поставлена как большая национальная проблема, нам это было непривычно. Когда говорят о репрессиях на Кубе, о нарушении прав человека, это надо встраивать в совсем другой контекст, нежели, например, у нас. Слово то же, а смысл другой. Нас возил на машине Карлос, красивый парень, сын генерала при Батисте, которого расстреляли после революции. Очень гордый был, и было бы nonsensico, чтобы кто-нибудь помянул ему старое.

Но режим был строгий, и трагедий возникало немало, особенно в связи с выездом, эмиграцией, разрывом родственников. В аэропорту приходилось видеть душераздирающие сцены отъезда навсегда — при том, что у кубинцев просто животная любовь к своему острову и своей культурной среде. И в то же время это была очень открытая страна, кубинцы — путешественники. У одной преподавательницы возник роман с бельгийцем, где-то на конференции познакомились. Он и в Сантьяго приезжал, симпатичный человек. Решили пожениться, она подала заявление на выезд, уволилась из университета — но ее не выпускают, пока сыновья не отслужат в армии, как раз их возраст подходил. Бельгиец уехал, и эта связь как-то угасла. На нее было тяжело смотреть.

Но при всей строгости и тяжести норм не было такого, что-

бы мытарить людей сверх этих норм. Я вращался в тех кругах, где было довольно много «антикастритов». Ведешь себя в рамках уговоренного минимума лояльности — тебя не трогают. А болтать — болтали свободно. Старики в Гаване сидели на скамейках и рассуждали, как американцы явятся их освободить — по морю или по воздуху. Социальная база режима была настолько прочной, что на болтовню можно было не обращать внимания.

Мне пришлось вникнуть в эти проблемы из-за одного щекотливого обстоятельства. В 1970 г. мы в Гаване жили почти полгода в отеле, не было свободного дома. К моей дочке привязалась девочка, ее сверстница, симпатичная мулаточка, звали ее Нуассет. Все время к моей дочке бежала, не оторвешь. Пришлось общаться с родителями. Мать — кубинка, отец — француз, фотокорреспондент. Ждали документов для отъезда в Париж. Около них — компания видных кубинских интеллектуалов. Один из них, поэт, получил премию Дома Америк, важное событие. Он до этого сидел в тюрьме как слишком нахальный диссидент. Как раз вышел, получил премию, и они постоянно собирались в отеле, в ресторане или в баре, и через эту девочку нас втягивали в светские контакты.

Потом нам дали дом — целую виллу в предместье, мы уехали, а через пару дней звонит эта кубинка и говорит, что ее мужа арестовали как шпиона и что он передает нам привет. И не только стала звонить, но и приходит с девочкой. Из отеля она съехала обратно к матери и стала просить покупать ей продуктов, потому что ее оставили без карточки и т.д. И все время рассказывает о муже, о допросах, о том, что он раздавлен доказательствами, — и передает от него привет. Продуктов я ей купил, но показалось мне, что хитрый Пьер хочет впутать в свое дело советского специалиста, чтобы усложнить работу кубинским органам. Поговорил я с некоторыми кубинцами, лаборантами, надежными друзьями, все рассказал. Как, спрашиваю, может ли быть, чтобы осталась эта Фелина с дочкой без карточек? Все, независимо друг от друга, сказали, что это абсолютно невозможно. Семьи арестованных не только не ставят в такое положение, но даже, наоборот, предоставляют некоторые льготы «по случаю потери кормильца». Разные люди так ответили, с разными политическими установками. Так что я скрепя сердце сказал Фелине, что мы к ней и Нуассет прекрасно относимся, но поддерживать с ней отношения не можем. Она сказала: «Понимаю», — и исчезла.

Пошел я сказать обо всем этом нашему начальнику группы, но хитрый украинец поступил мудро. Вы, говорит, мне доложили — и забудьте об этом. Он как раз собирался уезжать и не хотел себе приключений. Вообще начальники из глубинки, тем

более украинской, имели куда больше здравого смысла, чем столичные, тем более из лучших учреждений. Нельзя столичным власть доверять, они всего боятся. После того украинца сделали начальником молодого москвича Мишу — вирусолога, работал на электронном микроскопе. Мы с ним поначалу даже дружны были, на профессиональной почве. Но из-за своего панического страха перед жизнью он много людям нервов попортил.

Как-то устроили в парке праздник трудового коллектива нашего научного центра. Сидит кучка наших женщин за столиком, потягивают лимонад. Подошел к ним молодой шофер Педро, который возил в школу детей наших сотрудников и был очень дружен и с детьми, и с их мамами. Он только что демобилизовался с флота, был очень веселый и довольный жизнью. Пошутил он с нашими дамами — и широким жестом угостил их ликерами и чем-то там еще. Увидел это наш начальник Миша и велел дамам тут же заплатить Педро ту сумму, что он на них потратил (мол, у парня небольшая зарплата и т.д.). Педро решил, что это в шутку, сказал какие-то галантные слова и исчез. Так этот наш ученый Миша пошел к самому генеральному директору центра, потребовал вызвать Педро, чтобы тот принял от него деньги. Директор Мишу в разум привести не смог (уместных для такого случая русских выражений он не знал, а Миша не очень-то владел испанским). Вызвали Педро, он выслушал и сказал, что он кого хочет, того и угощает, и пусть они все катятся от него подальше. Возникла международная напряженность, и Педро с нашего горизонта исчез. Другой шофер тоже был хороший, но все же дети по Педро скучали.

Из-за этого бдительного Миши я нагрубил уважаемому человеку, о чем сожалел. Как-то мы идем с ним в лабораторию, а у подъезда машины хорошие стоят. Кто это приехал, спрашиваю. Он мне говорит: «А-а, тренер футбольной команды «Спартак». Из любопытства». Я занялся работой, налаживаю свой прибор, момент напряженный. В коридоре тихо, все куда-то попрятались.

Заходит ко мне невзрачный тип, я даже удивился, что футболисты такие бывают. Спрашивает: «Чем это вы тут занимаетесь?» Я очень популярно объяснил — на том уровне, на каком, как мне представлялось, мыслят футболисты. Он был, похоже, не в духе: «Вы мне тему, тему вашу изложите». Что это, думаю, за спартаковец такой любопытный выискался? Но изложил, более или менее добродушно. А ему опять что-то не понравилось: «А зачем структуру этого черного полимера знать? Помоему, совершенно излишне. Уводит вас от главного». Тут я разозлился — гонял бы ты свой баллон, а не совал нос в реакцию Майяра. Говорю ему: «Я вас не учу, как по полю с мячом бе-

гать, а тут уж я без ваших советов обойдусь, какой полимер надо изучать, а какой не надо».

Он хмыкнул довольно зло и убежал. Ну, думаю, «Спартак» не будет чемпионом. Выглянул в коридор — там непривычно пусто, в обоих концах кубинцы в форме. Вернулся я к своему прибору, забыл об этом. А вечером смотрю телевизор — Фидель Кастро идет в обнимку с этим тренером из «Спартака». Оказалось, это председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков.

Он тогда, как я слышал, очень полезные советы кубинцам дал, здравые. Правда, и по мне они ударили. Ром тогда стоил всего 2,4 песо, но давали его по карточкам. Кубинцам — бутылку в месяц, а нам, советским специалистам, без ограничений. Байбаков уговорил пустить его в свободную продажу — по 18 песо. И остался я почти без рома, но зато избежал риска пристраститься к этой замечательной штуке. Может, это легенда, но кубинцы верили, что это Байбаков так облегчил их положение — все равно они ром на черном рынке по 30 песо покупали. Так же и сигареты стали продавать свободно — по 2 песо (правда, сохранилась и норма по карточкам — пачка на неделю по 20 сентаво).

* * *

Боязнь кубинских властей «обидеть» политических и социальных противников создавала необычные проблемы. Памятуня об общей ненависти к режиму Батисты, человек в форме на Кубе тогда никого и пальцем не мог тронуть. Как-то, мне рассказали, подрались на остановке два парня, а рядом офицер стоит вооруженный. Кинулся он к прохожим: «Товарищи, разнимите их, я не могу, я в форме». Почти поголовное вовлечение граждан в милицию было там абсолютно необходимо — все стали стражами порядка.

Эта боязнь власти, кстати, как раз вызывала недовольство обывателей. На подъеме революции, при всеобщем энтузиазме, хулиганство в принципе исчезло как социальное явление. Но в конце 70-х годов, как говорят, стало возрождаться — а тут как раз жесткая кампания за права человека. В начале 80-х годов зачастили на Кубу международные инспекции, и правительство вообще выпустило всех преступников из тюрем. Чего, мол, еще вам надо? Правда, какая-то их часть отплыла в демократические страны — выезд стал свободным. Но все равно обстановка ухудшилась, а люди как раз привыкли к полной безопасности. Я был в Гаване летом 1988 г., попал на карнавал. Все на улицах, и в такой толпе хулиганство опасно. А полицейские без оружия и без дубинок. Правда, в касках. Как где заварушка, они как тигры туда прыгали, каску с головы сорвут, возьмут в руку — и давай «разнимать». Удивляло, как они прыгали — вспрыгнут на

парапет набережной и кидаются в толпу прямо через головы людей.

Помню другой карнавал, 1967 г., в Сантьяго — там карнавал самый типичный и красочный. Открывает шествие братство масонов, впереди идут их старейшины — старику 104 года и старухе вроде того. Почти все негры, в цилиндрах и полосатых штанах, как в XVIII веке. Глава провинциальной власти выходит, целует старуху, старику дает конверт с деньгами — особая помощь ансамблю, в котором самые старые участники. Но я карнавал описывать не буду, это большое дело. Массовая культура высокого уровня. То, что нам показывают из Рио-де-Жанейро, — театрализованная эстрадная туфта. Настоящий афро-латинский карнавал в той же Бразилии — вещь сложная.

На том карнавале во время шествия выделялась «компарса» треста «Куба-Табак» (компарса — это ансамбль в несколько сот человек, со своим оркестром, костюмами, хореографией и огромной многоэтажной повозкой для солистов). На повозке танцевали восхитительные красавицы — и кидали в толпу пачки сигарет и сигары. Я на них так разинул рот, что они стали кидать в мою сторону, я был в ударе, высоко прыгал и поймал несколько сигар и три-четыре пачки сигарет. Вокруг меня прыгала стайка мальчишек, лет десяти, но я безжалостно перехватил все трофеи. Тогда один из них подошел ко мне и говорит, что я много поймал, не поделюсь ли с ними. Но трофеи есть трофеи, и я сунул ему под нос кукиш. Он страшно удивился, взгляделся в меня и спрашивает: «Что вы хотите этим сказать, товарищ?» Я ему популярно объяснил, он восхитился выразительности этого жеста, побежал к своим, и вижу, все они тренируются в составлении кукиша и хохочут. Никогда не видели, и очень он им понравился. Так я способствовал распространению русской культуры.

Но я вспомнил карнавал по иному поводу. Возвращались мы как-то с женой с того карнавала домой уже под утро, останавливается огромная полицейская машина, еще из старых американских, пожилой полицейский предлагает подвезти до дому. Сели, разговорились. Он всю жизнь прослужил в полиции и рассказывает о карнавале. Раньше, говорит, карнавал был для полиции тяжелым испытанием — очень много убийств. Во время карнавала сводились все счеты. Все в масках, ткнул ножом в толпе, ищи-свищи. Этот полицейский одобрил новую власть потому, что она сразу приняла разумное, по его мнению, постановление — запретила носить маски на карнавале. Сразу убийства прекратились. Я удивился: неужели такой эффект? Ведь все равно толпа, поймать трудно. Старик мне объяснил: дело не в том, трудно или не трудно поймать. Человеку без маски совесть не позволяет убийство совершить. А маску надел — и как будто сам себя не видит. Он это сказал так убежденно, будто

вещь очевидная. Но это он на опыте знает, а нам удивительно. Кстати, в 1988 г. правозащитники яростно требовали от правительства разрешить маски на карнавале и почти добились своего. Обыватели вздохнули спокойно, когда власти все-таки не пошли на уступки, еще разок проявили свой тоталитаризм.

Полицейского этого мучила раздвоенность. Он не знал, как ему относиться к новой власти, всю жизнь его воспитывали в крайнем антикоммунизме. Он хотел обиняком, негласно что-то выяснить. И стал ко мне по вечерам домой заезжать — поговорить. Сначала стеснялся, придет и стоит за дверью, один раз даже напугал меня — я поздно вечером открыл дверь, а за ней — полицейский. Мне, говорит, воды надо в мотор залить, а видно, что давно уже стоит. Выпьем кофе, по стаканчику рома, разговариваем. Он спрашивал, как у нас жизнь устроена, самые простые вещи.

Советских специалистов любили и уважали — и за честную работу, и за нормальное сердечное отношение к людям. Что ни говори, а этим наши сильно выделялись, даже среди «народных демократов». Жаль, что в массе своей неважно наши языком владели — для работы достаточно, а о тонких материях поговорить уже трудно. Примером своим изъяснялись. Это, конечно, главное, но людям хочется и тонких материй. Да и сами без языка многого увидеть и понять не могли. В этом смысле у меня было преимущество, и я им пользовался. Ездил, куда хотел, с самыми разными людьми разговаривал, по радио выступал.

* * *

На Кубе в те годы сошлись в одних коллективах советские люди трех разных поколений. Как в пробирке — чистый эксперимент, не то что в полноценной общественной каше дома. Были люди, прошедшие войну в сознательном возрасте, даже работавшие или воевавшие; были такие, как я — помнившие войну простым детским умом и желудком; были и совсем молодые, знавшие о войне теоретически (и скептически). В чем-то я бывал заодно со «стариками», в чем-то — с молодежью. Иногда различия вспыхивали ярко.

В 1967 г. университет решил, видимо, в качестве подарка к юбилею Октября устроить нам роскошную поездку по острову. Было время каникул, можно было отлучиться. Дали автобус, тронулась в путь вся наша колония, с семьями, весело. Замечательные вещи мы посмотрели — и техникумы, устроенные в живописных местах, по 20 тысяч студентов, и место высадки группы Кастро со шхуны «Гранма», и рыболовецкие кооперативы. Ночевали мы в старых гостиницах, еще колониальных времен, угощали нас вещами, которые в больших городах и делать разучились.

Где-то на южном берегу дали нам ужин на высшем уровне. Видно, местечко это строили для туристов — ресторан устроен со вкусом, на какой-то очень старой барже, стоит на якоре. Сначала столько всяких креветок и пр., что главное блюдо уже энтузиазма не вызывало. А оно тоже было прекрасно (вообще, искусство поваров на Кубе было тогда выше, чем, например, в Испании и Мексике, не говоря уже о США). Но раз этот великолепный кусок мяса принесли, то «старики» его съели, и тут я был вместе с ними. Смотрим — наши «молодые» (это были ребята-переводчики из языковых вузов) к угощению даже не приоткрылись. Сыты!

«Старики» сначала с удивлением, а потом и со скрытой угрозой стали спрашивать: «Вы чего это не едите?» Ребята равнодушно отвечают, что не хочется, закусками наелись. И вообще, в чем, мол, дело? Тут на них зашипели: «Как в чем дело? Как в чем дело? Что значит наелись?» Кончилось тем, что мы, «старики», взяли у своих молодых соседей нетронутые тарелки и съели по второму куску мяса. Потом, когда шли обратно, слышался возмущенный шепот: «Видал? Они наелись! И из-за этого пропадать пище? Вот что значит человек войны не видел, ты ему уже в голову простых вещей не вобьешь».

Я понимаю, что молодому человеку все это покажется странным. Но тем, кто прожил войну хотя бы, как я, ребенком, диким и абсурдным казалось именно поведение тех молодых переводчиков.

Тогда, в конце 60-х, советские люди стали обустроиваться, покупать квартиры, мебель. У многих прежняя вынужденная неприязнательность жизни вызвала болезненный приступ скупоści, желания накопить, а потом и купить. Я, выросший уже после войны, в себе и в моих сверстниках, не говоря уже о более молодых, такого не замечал. Во всяком случае, это было реже, чем в старших.

Конечно, и нервы были натянуты, многие за границу тяжело переносили. Сломает что-нибудь ребенок или утопит в море, в волнах, маску — крик поднимается, искать заставляют. Скажешь: «Ну что ты, Алексей, из-за маски убиваешься! Смотри, парень уже ревет. Все равно ведь не найти». Одумается, расстроится, сам удивляется, что на него нашло, объясняет: «Ты пойми, по халатности вещь угробил. Если так пойдет...» А просто у него в уме калькулятор шелкнул: маска — десять песо, мог бы их обменять на пять сертификатов, это в Челябинске 25 руб. Почти четверть моей зарплаты м.н.с.! Ищи маску, мерзавец!

Дома-то, в Союзе, это накопительство широко и не могло проявиться, на зарплату не разгуляешься. А тут нам половину зарплаты обменивали на особую псевдовалюту («сертификаты») — а половину трать на Кубе. Но с помощью разных ухищ-

рений можно было и больше обменять, ужаться в расходах. И некоторые в самоограничении доходили до крайности.

Когда я приехал в Гавану в 1970 г., с годовалой дочкой, пришлось долго жить в гостинице, не было свободных домов. В ресторане мы платили треть цены, остальное оплачивал научный центр. Но все равно для нас было дорого. В кафе только два блюда — жареная рыба или почки в вине. Вкусно, но за три месяца с ума сойдешь, а годовалый ребенок и за неделю.

Я неделю ждать не стал, из консервной банки сделал печурку, в колбочку приладил фитиль, налил спирта, и можно было варить дочке еду не хуже, чем на газу. На работе мне знакомые давали кусочек мяса, чуток овощей — ребенку хватало. Недалеко от нас, на том же этаже, жила другая советская семья, у них был мальчик лет пяти. Худенький, бегал в длинных черных трусах босиком по холлу самой роскошной гостиницы «Ривьера» — ее только-только перед революцией отстроили себе гангстеры США, чтобы проводить там свои конгрессы и приезжать в карты играть. Прекрасное творение зодчества, скульптуры и изощренного вкуса.

Там останавливались всякие мировые лауреаты, диссиденты всех мастей и шпионы. Чьи они были, неизвестно, но у них прямо на лбу было написано, и все друг друга знали. Кстати, одна такая шпионка из США, специалист по партизанскому движению в арабских странах, была очень милая девушка, прямо «гений чистой красоты». И среди этой публики бегали по роскошным коврам моя дочка и этот белобрысый мальчик.

Как-то вечером они набегались и поднялись поиграть еще в комнате. А я как раз сварил кусочек мяса, провернул его на мясорубке, поставил на стол и пошел в ванную, где на роскошном мраморном столике у меня была кухня. Возвращаюсь в комнату и вижу, что этот мальчик лихорадочно хватается руками с блюда вареное мясо, запихивает в рот и, давась, не жуя, глотает. Стоксовался по пище и не утерпел. Большой уже, и стыдно ему. Увидел меня несчастными испуганными глазами и побежал из комнаты. Дозкономились родители.

Легко было бы посмеяться над ними и обвинить их в скопидомстве, а не получается. Почти все эти советские специалисты выросли в семьях, которые много поколений тяжело работали и скудно потребляли. И вот выдалась им возможность накопить денег и потом купить что-то, ранее недоступное. И стал бес их толкать под руку — одних сильнее, других меньше.

А тех, кого этот бес толкнуть не мог, обязаны этим, скорее всего, не своему благородству, а тому, что несколько поколений их предков жили сытой жизнью. И даже если сами они лично в детстве недоедали, эта историческая память их поддерживала.

К началу 70-х годов экономическая политика на Кубе еще не устоялась, иногда происходили непонятные шараханья из стороны в сторону. Вернее, непонятны они были нам, далеким от конкретных деталей процесса. Еще в 1968 г. много было частных лавочек, где продавались овощи, фрукты, причем очень дешево. По улицам мулы ташили тележки, окрестные огородники привозили свой продукт. Кричали, созывали покупателей — спускайся и бери. Когда я приехал в 1970 г., многое изменилось, и это были, говорят, самые тяжелые годы (до краха СССР, разумеется). Не было ни зелени, ни овощей. А у меня дочка маленькая, да и сын был на подходе.

Поселили нас на прекрасной вилле, в предместье Гаваны, рядом с Национальным научным центром. Что делать? Я скрепя сердце распахал киркой и лопатой шикарную лужайку перед верандой, сделал грядки и засеял — помидоры, морковь, капуста. По ведру помидоров утром собирал. Потом и кубинцы так стали делать. Но летом ничто из знакомых нам культур не росло. Непонятно почему — то же солнце, та же температура. Вырастет чуть-чуть — и хиреет.

А недалеко жил китаец-кубинец с большой семьей. Видно, переселили его из трущобы в пустующую виллу. Человек семь детей. По вечерам он всех их выводил, вплоть до грудных, и рассказывал про звезды, объяснял карту звездного неба. Так и стояли все, задрав головы, даже маленькие на руках. Вечера там темные. Бывает, идет негр в темной одежде — только глаза как будто по воздуху плывут, моргают, да зубы, если улыбнется. Когда такое читали, не верилось.

Этот китаец имел за городом огород и стал нам давать то, что летом растет, — зелень, корнеплоды тропические, вместо картошки. А ему за это рис, кофе и немного сигарет. Нам полагалось много на всех, включая детей, так что оставалось. Сигареты я носил в лабораторию, они лежали в определенном месте, люди заходили и брали по одной, когда курить хотелось. Кофе после обеда варили — на аромат тоже народ сходил. Но оставалось и китайцу. Овощи приносили его дети, старшему было лет десять, звали его Сантьяго. Всегда в пионерском галстуке — революционер. Светлая голова, другого слова не подберешь. И как с детьми управлялся — ни разу не крикнет, а все подчинялись ему с радостью. Когда моя дочка с ними играла, я был рад — такой пример перед глазами.

Этот мальчик вообще среди сверстников в поселке верховодил. Как-то я иду, еще не знал их близко, и вижу такую сцену. Мальчик, сын моего коллеги, немца из ГДР, что-то не поделил с кубинцем, обхватил его и пытается повалить, как обычно. А все вокруг стоят, оторопели, не понимают. Сантьяго увидел меня и

кричит: «Товарищ, скажите, пожалуйста, что он делает?» И от многих наших родителей я слышал тогда эту странную вещь — среди кубинских детей не было драк, и они не понимали, когда их сверстники из Европы пытались с ними драться. Скорее всего, это было временное явление, романтический момент. Но очень любопытный.

Вообще отношения с детьми на Кубе были очень ласковыми, и дети росли незлобивыми. Когда в автобус входила женщина с ребенком, к нему тянулось несколько пар рук — взять к себе на колени. Уступать место там не было привычки, да и тесно обычно было, передвигаться трудно. Передают малыша под крышей автобуса с рук на руки. «Ах ты, мое солнышко! Ах ты, мое небушко!» Дети не боятся.

* * *

В Сантьяго в 1966 г. Педро Соберат, тот самый подводник из их ДОСААФа, мечтал создать группу подводной археологии. Около Сантьяго было много испанских кораблей потоплено, еще колониальных времен. Они ныряли, даже пушки доставали (при Батисте их чуть не арестовали — решили, что собираются чугунную пушку восстановить и к Фиделю отправить). Для начала надо было наладить съемки. А я как раз привез бокс для подводной съемки, нам на свадьбу перед отъездом подарили. Я решил его отдать, все равно понял, что времени у меня не будет. Попробовали — прекрасно снимает, но сломался мой аппарат «Зенит» для этого бокса. Педро говорит: «Здесь есть один советский товарищ, Пабло, прекрасный мастер. Он у нас в Сьерра-Маэстра ведал радиостанцией. Поехали к нему, он починит». Надо же, думаю, мы и слыхом не слыхивали, что в Сьерра-Маэстра у Фиделя был наш радист. Вечером поехали, куда-то на окраину. Где же, думаю, здесь советские живут? Я же все их места обитания знаю.

Приехали. Обычный кубинский домик, выходит Пабло, столь же обычный кубинец. Заходим, Педро ему объясняет — и Пабло переходит на русский язык, правда, скованный. С трудом говорит, но прилично. Потом зовет: «Мама!» Выходит старушка, в русском платье, лицом совершенно русская. После 1917 г. девочкой уехала с родителями из Ярославля, осели на Кубе, Пабло ее сын. Обрадовалась случаю поговорить на русском языке, нисколько его не утратила. Видно, читает.

Я потом в машине говорю Педро: «Вы знаете, что советский — это не то же самое, что русский». Он удивился: «Да? А в чем же разница?»

Значит, радистом у партизан Фиделя был русский Павел, которого кубинцы зовут «советико»...

Русских на Кубе было не так много, но все же заметное

число. Приедешь в какой-нибудь городок, тебе говорят: «У нас есть один старый советико, сапожник». А как-то в гостинице, в Гаване, пришли ко мне кубинцы, только что вернувшиеся из Москвы. Я заказал обед в номер, старик-официант прикатил столик с обедом. Я смотрю и говорю по-русски: «Видно, кофе-то он забыл». А старик мне по-русски же отвечает: «Кофейник в печке, чтобы не остыл» — под столиком маленькая печка укреплена.

* * *

Многие вещи на Кубе нас удивляли и казались неправильными. Мы эти вещи давно пережили и забыли, теперь их даже кое-кто осмеивает. Что они противоречат теории, и сами кубинцы знали, и многие там их тоже порицали. Но, взглядевшись, я во многих теоретических истинах усомнился. Например, тогда, в 1966—1968 гг., многие блага давались на Кубе бесплатно или очень дешево. Телефон-автомат на улице был бесплатный, вход на стадион, на любимый кубинцами бейсбол, — бесплатно. Если массовый праздник, вдруг бесплатно раздают по бутылке пива и редкостное любимое лакомство — булку с куском ветчины. Казалось, это несправедливо. Ведь кто-то это оплачивает, а достается это явно не всем. Не все ходят на бейсбол.

Но, накапливая наблюдения, я стал видеть во всем этом большой символический смысл. Даже литургический, если можно так выразиться. Какое-то совместное причащение, как будто восстанавливалось утраченное братство людей. И тут не было ни идеологического, ни политического смысла, и эффект был гораздо глубже и очень сильный. Это по людям было видно.

Например, никто никогда не взял бы лишней бутылки пива или булки с ветчиной. И никто в этом другого не заподозрил бы. Когда мы приехали на слет школьных кружков, там стали раздавать эти булки с ветчиной. Один мой ученик меня увидел и мне отдал свою. Я спрашиваю: а ты как же? Пойду, говорит, еще возьму. Спокойно сказал. А в университете на каком-то празднике я подошел, а переводчик, который рубил со мной тростник, только что взял бутылку холодного пива, увидел меня и мне отдал. Сам подошел к ящику со льдом и тянется за другой. Наш стеклодув, член профкома, этим заведовал, удивленно говорит: «Ариас, ты же только что брал». Это у него вырвалось без всякого злого умысла. Ариас взвизгнул что-то нечленораздельное и бросился прочь. Я говорю стеклодуву: «Он мне отдал свою бутылку». Тот побежал за ним, кричит: «Товарищ Ариас, вернитесь! Товарищ Ариас, немедленно вернитесь! Я вас предупреждаю...» Тот не вернулся.

Но, в общем, эти бесплатные мелочи глубоко пережива-

лись — как будто люди совместно «преломляли хлеб». В ночь на новый, 1967 год на самом большом проспекте Сантьяго накрыли длинный стол — ужин для всего города. Билет стоил три песо, очень недорого, и ужин был хороший, даже кусочек халвы и виноград из Испании — ритуальные для новогодней ночи вещи. Я думал, мало народу придет. Нет, почти весь этот стол был заполнен, и все были довольны побыть вместе. Больше не повторяли, видно, все же слишком дорого обошлось.

Я жил потом на этом проспекте, а за ним напротив дома — большой стадион для бейсбола. Вход бесплатный. Перед домом большая лужайка, под уклон к проспекту. Когда была игра, лужайка заполнялась заседланными стреноженными лошадьми. Это приезжали на игру крестьяне из деревень, иногда издалека. Лошади там прекрасные, арабские. Всадники отпустят подпруги и идут на стадион. Ночью вернутся, еще поговорят об игре, сядут на лошадей и по домам. И такая радость, такое спокойствие было в этих голосах, что я начал думать, что затраты на содержание этого стадиона окупаются многократно. Тогда окупались. Теперь этого нет, это и не нужно, люди это переросли. Но тогда это был простой и искренний знак расположения и уважения ко всем людям, без различия классов и сословий. И понят этот знак был совершенно правильно. И смеяться над этим, ссылаясь на какие-то учебники политэкономии, было попросту глупо.

Вообще в СССР в то время происходил поиск новой системы вознаграждения за труд. Старая, похоже, исчерпала свой потенциал, и нам казалось, что вообще моральное вознаграждение — легенда, выдумки. Если бы я не видел, как она в то время действовала на Кубе, не поверил бы. И действовала именно на простого человека, просто вдохновляла его. Как-то на поле, когда мы рубили тростник, приблизились к дороге. А по ней идет крестьянин — заскорузлый, прокаленный солнцем, рубит тростник всю жизнь. Подошел к нам, разговорился, и мы присели отдохнуть. С гордостью рассказывает, что в воскресенье ездил куда-то в другой район на соревнование рубщиков тростника. Мол, хорошо рубил, хотя призового места не занял. Но это, мол, неважно — он так и так уже нарубил достаточно, чтобы получить талон на покупку мотоцикла. Главное, приемы свои показал и кое-чему у других научился. Он и нам тут же свои приемы показал. И видно было, как этот человек, который всю жизнь занимался этим тяжелым трудом, был счастлив, что он встретился с лучшими работниками, что он тоже признан одним из лучших, что они уважительно друг с другом поговорили, пообедали большой компанией. И в этом не было фальши, вот в чем дело. Ни с той, ни с другой стороны.

* * *

В Сантьяго я жил в трехэтажном доме на втором этаже. Дом хорошо был сделан, все время продувался сквозняками, прохладно даже в жару. Под нами жил американец, геолог. Веселый мужик, все время на мотоцикле разъезжал с геологической сумкой. А жена была мегера, ей, видно, на Кубе не нравилось, и по ночам у них слышались крики и звон разбиваемых тарелок — полы там каменные. Я днем частенько опаздывал на наш автобус, так уставал, что хоть минут пятнадцать надо было подремать, и голову не оторвешь. Она меня подвозила на машине — большой черный драндулет. Как-то ко мне зашел кубинец с факультета, и она прихватила обоих. Он сел и бестактно пошутил: «А я всегда думал, что это машина из funerarii». То есть из похоронного бюро, катафалк. Она губы поджала, но ничего не сказала.

Как-то мы с ней ехали в университет. Проспект поднимался на холм, где был перекресток, главный въезд в город, а дорога налево круто спускалась к университету. На перекрестке стояли пионеры, вроде бы регулировали движение под руководством полицейского. Видимо, у них был урок правил движения. Мы поднялись на холм и остановились, пропуская встречные машины. К нам подошел мальчик лет десяти, с жезлом. Наряжен он был ради такого случая в костюм американского шерифа — шляпа, звезда, игрушечный кольт у пояса. Видно, купили ему в подарок на Рождество. На шее пионерский галстук. Подошел к окошку водителя и говорит на своем негритянском наречии: «Сеньола, налево крутой спуск, будьте осторожны».

Это, видимо, ее доконало, и вся ее ненависть к Кубе и этим негритянским мальчикам прорвалась — во взгляде, в одном только взгляде, прямо в глаза этому пионеру-шерифу. Лицо этого мальчика у меня на глазах вспухло от ужаса. И губы, и нос, и уши — все вспухло, а глаза наполнились слезами и выражали животный страх и полное непонимание. Если бы я не видел, никогда бы не поверил, что чувство, выраженное одним взглядом, может материализоваться в такое сильное физиологическое действие.

Потом эта женщина уехала в США, геолог остался и забрал к себе венгерку с медицинского факультета. Эта была бой-баба, эмигрантка 1956 г. и ярая антисоветчица. Замечательно вскрывала кроликов на занятиях, чуть ли не руками их разрывала. Любила это дело и достигла мастерства. Зажили они с геологом весело, и из их квартиры уже раздавались другие звуки.

* * *

Стал я писать это отступление о работе на Кубе ради одного поучительного инцидента, да не удержался. Воспоминания о молодости... Теперь перейду к этому эпизоду.

Во время работы на Кубе у меня возникла возможность на опыте прощупать репрессивную силу советской системы. В мягком варианте, без потерь для экспериментатора. Для моей дальнейшей жизни опыт был полезен, хочу им поделиться. Он длился долго и вовлек в действие многие механизмы нашей системы. Поэтому какое-то полезное знание дает.

Дело в том, что я, вопреки моим желаниям и моему характеру, вошел в сильный конфликт с начальством советской группы специалистов, с консулом и с секретарями парторганизации — как группы университета, так и провинции. Такая вещь за границей — ЧП, поэтому оказалось втянутым и начальство более высокого уровня.

Когда я приехал, у меня установились прекрасные отношения со всеми советскими коллегами. Большинство их было из Ленинграда. Начались между нами трения по пустячному поводу. Кроме меня, был еще один специалист-химик, с химфака МГУ. Человек мрачный и, видимо, в быту не очень-то приятный. Вот на него коллеги и начальство заимели зуб — по чисто личным причинам. Чем-то он их допек, еще до моего приезда. Приходит он ко мне и говорит: «Помоги, как химик химику. Хотят меня сожрать, ставят на партсобрании вопрос о моей работе. Говорят, я предложил кубинцам плохие темы исследований». Посмотрел я его темы — все нормально, как химик он имел высокий уровень, хотя таких занудливых химиков немного найдется. Ладно, говорю, пойду на партсобрание, поддержу тебя.

Пришел. Публика интеллигентная, ведь Ленинград — наша Европа. Думаю, договоримся. Выступаю, как в лаборатории, чуть шутливо. Говорю: бросьте, мол, дорогие товарищи, к его темам привязываться, темы тут ни при чем. Вы все тут, говорю, вообще не химики, как можете судить, какая тема хороша, а какая плоха. К моему удивлению, эти разумные слова у начальства вызвали очень болезненную реакцию: «Как это не можем судить! И можем, и обязаны судить, на то мы и парторганизация». Я им опять по-хорошему говорю: «Тогда давайте проведем эксперимент. Я тут на бумажке написал пять нормальных, разумных исследовательских тем — и пять идиотских, заведомо абсурдных. Пусть каждый член КПСС отметит крестиком те темы, которые он считает разумными. А потом мы посмотрим, пришла ли парторганизация к единому мнению». Это уж совсем очевидно разумное предложение привело начальство в ярость. Даже удивительно было увидеть такой темперамент у ленинградской профессуры. «Вы нам тут цирк из партсобрания не устраивайте!» — кричат. Но вопрос о темах мрачного химика с повестки сняли.

И надо же так случиться, что он хоть и зануда был, но не дурак. Каким-то образом он со всеми помирился и даже стал при-

ятелем — получил прекрасную характеристику и уехал себе спокойно в Москву. И еще зарекомендовал себя как защитник советских ценностей на переднем фронте идеологической борьбы. Мы с ним начитали химикам каждый свой курс. И приходят ко мне активисты из Союза молодежи — на него жаловаться. Он на экзамене всех заставляет наизусть пересказать ленинское определение материи. Кто не может — ставит двойку. Я говорю: пойдите вместе с ним разберемся. Он говорит: «Тот, кто не знает ленинского определения материи, не может понять неорганическую химию». Я ему по-русски: «Ты что, Вадим?..» Я такого идиотизма в СССР ни разу не встречал. Студенты нашего русского разговора не поняли, снова заныли: «Мы ничего усвоить не можем. Может быть, вы нам плохо перевели? Что это такое — «данная нам в ощущении»? Кем данная?» Тут уж не смог я его поддержать, при всем моем уважении и к Ленину, и к материи. Потом слышу, он парторгу жалуется — на кубинцев. Ленинское определение материи не хотят учить! Вот, мол, тебе и социалистическая революция... Я так до сих пор и не знаю, всерьез он это или ваньку валял. Уж больно натурально.

В общем, уехал он, а всю свою нерастраченную злость начальство обратило на меня. Как раз весь старый состав преподавателей сменялся, но начальство оставалось. Только старый парторг университета уезжал. Добрый мужик был, из Запорожья. Он накануне отъезда мне сказал: «Будь поосторожнее, решили тебя сожрать». Я удивился: «Что они на меня могут навесить?» Он говорит: «Ты какие-то технические предложения кубинцам писал. Пока что только это. Ты бы лучше наладил с ними отношения». Ну, думаю, это ерунда. Я эти предложения подавал через советское представительство, там и должны были решать, передавать их или нет нашим кубинским друзьям.

Приехал новый состав группы преподавателей, все очень симпатичные, много биологов и биохимиков. Я им помогал — и методами, и реактивами, свел с нужными людьми и т.д. К тому же вел семинары для них — вводил в курс кубинской жизни, и все были довольны. Однако начальство, где-то в темной келье, вынашивало планы. Месяца за три до отъезда совершался ритуал обсуждения характеристики. Потом она обсуждалась и утверждалась у консула, потом в посольстве в Гаване, потом отсылалась в личное дело в Москву. Всегда это проходило гладко и вообще незаметно. Стандартный текст, подписи, номер протокола. Со мной весь процесс пошел по-иному. Уже на начальной стадии; на простых собраниях, начали выдвигать мне какие-то туманные обвинения. Все притихли, никто ведь не знал, как возникла размолвка, и никаких признаков ее продолжения не было заметно. В общем, вижу, и впрямь решили гадость устроить. Собрал на всякий случай все бумаги, которыми

можно отбиваться, припомнил все упущения и слабости. Ну, думаю, валяйте, все чисто, все в пределах нормы. Стали мы с женой на собрания ходить с большими черными папками (на конгрессе сахарников их получили). Жена у меня тоже химик, и кубинцы ее попросили поработать в университете. В черных папках у нас все бумаги, туда и все обвинения стали записывать, а то и не упомнишь. Эти папки сильно злили руководство. Ишь, записывают, стрикулисты. Нехорошо, конечно, было с нашей стороны злить людей, но и потакать им уже нельзя было.

Наконец настал день партсобраний, на котором мне должны были дать характеристику. Как я ни гадал, что они придумают, догадаться не мог. Выступает новая парторг группы преподавателей и несет какую-то чушь: «Вы, товарищ Кара-Мурза, написали в кубинскую газету статью, где утверждали, будто все пятьдесят лет советской власти в СССР органы госбезопасности из-за угла убивали людей». Все честные коммунисты окаменели. Они тоже такого не ожидали. Я прервал ее красноречие, и между нами произошел такой диалог. Я говорю:

— Что это за статья, в какой газете?

— Это статья, которую вы написали для газеты «Сьерра-Маэстра» по поводу 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

— Вы лично читали эту статью?

— Да, читала, вместе с секретарем парторганизации провинции.

Этот секретарь сидел рядом с ней и кивнул. Я спросил:

— Вы можете показать эти места и зачитать их? Учтите, что вы несете ответственность за свои слова.

— Показать не могу, поскольку этот текст утерян.

— Почему же утерян? Вот он, пожалуйста. — И я достал из своей черной папки этот несчастный текст. Все ахнули. Это был славный момент в моей жизни.

А получилось так. В ноябре как раз исполнялось полвека Октябрьской революции, и кубинцы еще в конце лета попросили нашего секретаря, чтобы кто-нибудь написал большую статью для их газеты. Тот поручил мне, я написал, отдал ему и забыл об этом деле. Но осенью на Кубе состоялся судебный процесс против их «антипартийной группы», видных членов бывшей компартии, которые сильно расшипились на Фиделя. Свои издательские беседы они вели с работниками нашего посольства, а кубинцы это все записали на пленку и обнародовали. Получилась заминка в официальных отношениях, и кубинцы советскую статью печатать не стали, а написали что-то свое. Никто из нас, естественно, об этом и не вспомнил.

Секретарь парторганизации не нашел ничего лучшего, как выбросить мою статью в мусорный ящик. Как-то я зашел к

приехавшему недавно новому переводчику поболтать и выпить пива, а он мне говорит: «Тут у меня под кроватью валяется какая-то ваша рукопись. Может, она вам нужна? Я иду и вижу, лежит в мусорном ящике. Это непорядок, нельзя за границей свои бумаги раскидывать, и я ее домой принес. Все забывал вам сказать». Я эту статью у него забрал и на всякий случай к другим бумагам ее приложил. Так что теперь вытащил я статью из папки и говорю:

— Ищите эти места. А если не найдете, я при всей парторганизации скажу, что вы лгуныя.

Она покраснела, взяла статью и говорит:

— Это другой текст, вы подменили.

Я даже рассмеялся — на полях были какие-то банальные замечания и глубокомысленные вопросы, начертанные рукой секретаря парторганизации провинции. Обращаюсь к нему:

— Иван Иванович, удостоверьтесь, пожалуйста, что это тот самый текст, что вы просили меня написать. Учтите, что речь идет об очень серьезной клевете политического характера.

Он взял, посмотрел, делать нечего.

— Да, это тот самый текст.

Теперь я смог торжественно заявить:

— Вы, Марья Ивановна, уже пожилая женщина, а врете самым наглым и неприличным образом. Стыдно.

Я тут, конечно, допустил элемент садизма, но посчитал, что она того заслужила. Это была молодящаяся женщина, ходила в мужской рубашке навыпуск, плясала на всех молодежных вечеринках. Что ее называли вруньей, она перенесла бы легко — но пожилой женщиной! Вся прямо сникла, даже на момент жалко ее стало.

На защиту партийной чести выскочил начальник. «Как вы разговариваете... вы грубиян... вы и сейчас ничего не поняли...» Но эффект, конечно, уже не тот. Стали зачитывать характеристику. Три вещи мне туда вписали: «неправильная политическая ориентация», «неправильное личное поведение» и «несамокритичность». Попросил я объяснить все эти понятия на доступном языке, но на это махнули рукой. Стали голосовать. Бедные члены партии, которые так сильно мне симпатизировали, голосовали чуть ли не с рыданиями (это я о женщинах). Мне еще потом пришлось их утешать, мол, какие пустяки. Один парень с медицинского факультета, который «не врубился», воздержался.

Поскольку было видно, что эти властные болваны сожгли все мосты и не отцепятся, стали мы с женой определять свою стратегию. Сошлись на том, что будем стоять, покуда не замаечит реальная опасность попасть за решетку. А до этого склонять головы не будем. Уж если что-нибудь они изобретут под-

судное, тогда, конечно, наплевать и повиниться. Молодость, дескать, то-се...

Для начала не стали мы ездить со своими соотечественниками на автобусе, который отвозил нас в университет и домой. Ходить было всего километра два, но в обед по жаре это было не принято. Кубинцы это сразу заметили, и шофер потешался — догонит нас, остановит, откроет дверцу. Мы рукой помашем — мол, спасибо, мы пройдемся. А он тихонько едет рядом. Все в автобусе сидят злые, молчат.

Созвали на собрание в консульстве всех наших специалистов из провинции, приехало начальство из Гаваны. Требуют у меня объяснить — как это так, бойкот всему коллективу, выданное ли дело. Я прижал руки к груди, дрогнувшим голосом прошу: «Не спрашивайте меня об этом, тяжело говорить. Но, конечно, если собрание проголосует, чтобы я сказал, то подчинюсь. Но лучше не надо». Жизнь за границей у многих скучная, любое развлечение манит. Естественно, все дружно проголосовали. Говори, мол, мерзавец, со всеми подробностями. Я взволнованно:

— Бойкот коллективу — об этом я и помыслить не мог. Я коллектив люблю. Но есть два недостойных человека, — я уставил на них палец, — начальник группы и парторг. С ними никак не могу в автобусе ездить, это презренные люди. Пусть они ходят пешком, а я с удовольствием буду ездить с моими товарищами советскими специалистами.

Народ был очень доволен спектаклем. Начальство из Гаваны фарисейски спрашивает:

— А вот еще говорят, что вы несамокритичны. Как же так, товарищ Кара-Мурза?

— Каюсь, было такое дело, но мне вовремя указали. Теперь я хочу при всех подвергнуть себя самокритике.

И я от души повеселился, приятно вспомнить. Собрание хотело. Под конец и я едва не расхохотался. Но, поскольку тюрьма явно не маячила, можно было не стесняться — остального все равно было не поправить. Назавтра приходит ко мне в лабораторию наш молоденький переводчик — велют мне явиться опять на какой-то синклит, в узком кругу. Прихожу, мне говорят: «Сейчас мы вам зачитаем письмо, которое направляем в Москву в ваш институт». Кто-то, видно, шибко умный придумал такую страшную кару. Все встали, будто смертный приговор зачитывают. Трагическим голос зачитали какую-то глупейшую бумагу. Я там просто монстр! Я в душе рассмеялся — представил, как эта дичь приходит в наш институт. Потом встречаю переводчика, говорю: «Поди, скажи начальнику и парторгу, пусть придут ко мне завтра в 9.30 в мою лабораторию, я им зачитаю письма, которые направляю в их институты». Бедняга совсем приуныл — что же такое происходит.

Много за оставшееся время они еще глупостей придумали. Например, получили мой отчет о работе, там список моих публикаций — в соавторстве с кубинцами. Что-то около 17 штук, много было мелких методических работ. Требуют, в присутствии председателя профкома, представить справку, какова доля моего личного участия. Мол, примазался я к бессловесным соавторам. Думали, наверное, что я впаду в истерику от их оскорбительных намеков. Я сделал официальную справку, несу им нарочно вторую копию. В такой-то работе моя доля 17,32%, в другой — 13,04% и т.д. В истерику как раз впал начальник:

— Как вы могли с такой точностью подсчитать долю участия?

— Трудно было, но постарался. А в каком месте вы видите ошибку?

— Вы занимаетесь профанацией, и мы вам это еще добавим в характеристику.

Прямо как дети, а ведь профессора. Возможно, неплохие специалисты. Наконец, заключительное собрание у консула, утверждение характеристики. Там уж мне слова не давали, обиженные начальники оттянулись со вкусом. Консул, который в Сантьяго от скуки помирал, был очень доволен. Напоследок говорит:

— Вот видите, как вас оценивает коллектив. Да-а, товарищ Кара-Мурза... У нас есть сведения, что вы должны были ехать на работу в Париж, в ЮНЕСКО. Вынужден вас огорчить. С такой характеристикой за границу вам больше ездить не придется. Разве только во Вьетнам.

Тут уж я смог патетически ответить:

— Поехать во Вьетнам — высокая честь для каждого советского человека. А вы, Павел Сергеевич, похоже, считаете это наказанием. Как это понимать?

Консул даже крикнул от удовольствия, — мол, как чешет, стервец. Так что с ним мы расстались друзьями. А насчет Парижа был такой мелкий случай, который я тут же забыл. Как-то наш преподаватель-металлист пристыдил меня за то, что я не знаю, какими ресурсами цветных металлов располагает СССР, — я сказал, что хорошо бы нам делать такой ширпотреб, как американцы. Я зашел в университетскую библиотеку и взял большой том международной статистики — ликвидировать свою безграмотность. В автобусе меня кто-то спросил, что это я, химик, мировой статистикой увлекся. Что-то надо ответить, и я говорю: «А разве вы не знаете? Я же отсюда еду в Париж, буду в ЮНЕСКО работать». Кажется, ясно, что хохма. Оказывается, приняли всерьез и запомнили. В общем, напоследок мы с женой повеселились и на характеристику решили наплевать — черт с ней, с границей. Настроение было прекрасное.

Вся эта история ясно показала, что нечего человеку трястись от страха перед системой. Вовсе она уже была не всесильна, и если ты брыкаешься, ничего тебе сделать не могут. Надо только иметь крепкий тыл — не делать самому гадостей, которыми тебя можно шантажировать, и не ожидать каких-то добавочных благ. Люди слабы, когда клюют на соблазн мелкой коррупции, который подсовывает подлое начальство, или хотят урвать что-то лишнее. Тогда, конечно, ты на крючке.

Для всей моей дальнейшей жизни этот опыт имел очень большое значение. Не надо бояться! Все эти разговоры о монолитности, иррациональности и жестокости системы, которая якобы может запросто перемолоть любого, чушь. Это искусственно созданный страх. Тоталитаризм отошел в историю — независимо от воли начальников, они вовсе не всесильны. Тоталитаризм возникает лишь тогда, когда он в нас самих, когда мы нутром ощущаем его необходимость. А если мы чувствуем, что он не нужен, неразумен, то и не действуют угрожающие маски начальника и парторга. Они могут не дать тебе каких-то благ, но они уже не могут отнять у тебя твои фундаментальные права. Долой страх, только не клюй на приманку!

Кстати, дальнейшее лишь подтвердило этот вывод. Это уже не такая важная история, но забавная.

Уехав из Сантьяго, я надолго застрял в Гаване — мне в Москве не дали обратного билета. Это была райская жизнь. Удовольствия от роскоши, бассейн, прогулки. А днем уезжал в Национальный центр научных исследований, работал в роскошной лаборатории. Сказка! Здание изумительной красоты, построено молодым шведским архитектором, который явно был в ударе — соединил форму ладьи викингов с китайской пагодой. Центр этот только вставал на ноги, большую роль в его организации играл Хуан Бланко, «советский испанец». Он был видным летчиком-республиканцем, крупным командиром ВВС республики. После войны уехал в СССР, выучился на химика, стал видным ученым — и вот, приехал на Кубу создавать этот научный центр. Людей там не хватало, он меня давно знал и был рад, что я пришел поработать, оживил лабораторию. За месяц удалось много сделать — еще бы, с такой аппаратурой.

Как-то, гуляя по Гаване, я проходил мимо советского посольства и подумал: а не зайти ли мне поговорить о моей характеристике. Тут я никого лично не обидел, может, спокойно разберутся. Надежд на это я никаких не питал, но и греха гордыни на душу брать не хотелось. Зашел к секретарю парторганизации «всей Кубы». Это была важная фигура, что-то вроде «парторга ЦК», какие бывали в 30-е годы. Встретил меня спокойный и умный человек. Дело мое он знал — «с той стороны», — попросил изложить мою версию. Я изложил. Про мои технические

предложения кубинцам он тоже какие-то сигналы имел, но сразу сказал, что это глупость, об этом и не говорили. Прочитал характеристику. Спросил, что имелось в виду под «неправильной политической ориентацией». Ничего не имелось, просто штамп. Он это тут же вычеркнул, как и «несамокритичность». Поймите, говорит, что трудно людям за границей жить, стресс, вот и создают проблемы на ровном месте. Но «неправильное личное поведение» — это, говорит, правильно сказано. Вы молодой человек, а полезли в бутылку, стали оскорблять людей гораздо старше вас. Это вам упрек разумный. Что ж, я не мог не согласиться.

Кроме того, мы с ним поговорили о том, как следовало бы улучшить организацию научной помощи Кубе. Через год он был в Москве, нашел меня, и мы с ним снова на эту тему долго говорили. Задача нам была ясна, и средства для нее были, но многое упиралось в систему управления внутри СССР, а это менялось медленно. Но, конечно, менялось, и в лучшую сторону — да потом все покатило не туда.

В общем, приехал я в Москву, пошел отчитаться в Министерство высшего образования. Тот молчаливый человек, что отправил меня на Кубу без контракта и без билета, уже там не работал. Сидел другой человек, подавленный полным беспорядком в делах. Схватился за меня: «Вы с Кубы, вы всех там знаете? Разложите личные дела хотя бы по провинциям, я не знаю, кто где находится». Полез я в шкаф — какое по провинциям, там дела по разным папкам перемешались — половина дела Иванова лежит в папке Петрова. Помог я ему. Заодно смотрю — мое дело в папочке. Раскрыл — вот она, характеристика. Ну, думаю, тут ей не место. Вырвал и в карман сунул.

Проходит года полтора, начинают меня снова звать на Кубу — уже в Национальный центр в Гаване. Контракт через «Внештехнику», все такое. Я соблазнился — лаборатория там прекрасная, друзья ждут, работы начаты очень интересные, денег дома нет, экономить еще не научились. Ладно, говорю, оформляйте.

Во «Внештехнике» оформлял меня мужик из бывших военных, все сделал четко и быстро. А дальше застопорило. Не могу, говорит, найти вашу характеристику за прошлую поездку, а без нее нельзя. Вы откуда на Кубу ездили? Я начал темнить, мол, сам я из Академии наук СССР. Искал он, искал, не нашел. Я думал, плюнут и так оформят — нет, никак. Он не знает, что делать, нигде нет. Но, видимо, в каждом учреждении специально держат умного человека, который всякие дела распутывает. Не знаю, есть ли такая должность или с должностями мухлюют, но человек такой всегда есть. Так и тут, вдруг повел меня мой патрон в какой-то кабинетик, сидит там невзрачная женщина, но и по глазам ее видно, что она — на реальной должности ум-

ного человека. И вид у нее усталый — трудно такому человеку жить. Она с двух слов поняла проблему и спрашивает меня: «В каком учреждении вы получали паспорт?» Тут деться некуда, все раскусила. Я говорю: «В Минвузе». — «Там характеристика».

Мой мужик обрадовался, сейчас, говорит, пошлю курьера. Да бросьте, говорю, я как раз туда по делу собирался — зайду и возьму. Позвонил я домой тому «парторгу ЦК» с Кубы, он уже в Москве на какой-то большой должности работал. Говорю:

— Опять приглашают на Кубу, в Национальный центр.

— Ну что ж, прекрасно. Поезжайте.

— Характеристика у меня плохая, могут не пустить.

— Что же делать. Разберутся...

— Да я ее украл. Теперь не знаю, возвращать или обойдутся.

— Неужели украли? Вот никак бы не подумал, что вы на такое пойдете. Да... Вы вот что, лучше верните, иначе дело не сдвинется. А если заартачатся, мы вам другую характеристику дадим. Здесь, в Москве, как раз Квасов [культурный атташе на Кубе] находится, он подпишет и я.

Теперь у меня встала проблема — как вернуть. Известно, вернуть труднее, чем украсть. Пошел я в министерство, говорю тому человеку: «Здравствуйте. Помните, я у вас свою характеристику брал? Теперь хочу вернуть». Он изумился: «Какую характеристику? Из личного дела? Как я мог вам ее отдать?» Я опять: «Помните, я вам тут помогал дела в порядок привести, а меня как раз хотели в делегацию включить, срочно характеристику требовали. Вы и дали по дружбе». Он напрягся, что-то вспоминал. Достал я характеристику, показал ему и говорю: «Теперь меня опять оформляют, так, может, я сам ее отнесу?» Он вздохнул с облегчением: «Забирайте».

Отнес я эту бумажку во «Внештехнику», отдал. Прочел ее чиновник, удивился: «Что это такое — неправильное личное поведение? Что ты там натворил?» Да, говорю, начальника группы и парторга на собрании подонками назвал. Он хмыкнул с каким-то удовольствием, подколот характеристику к делу — и я поехал на Кубу.

Такова уже была наша советская тоталитарная система.

Конечно, те начальники на Кубе, которые на время из обычных преподавателей вдруг превратились во власть, тогда помытарили меня, были безжалостны — до определенного предела. В этой их жестокости было что-то детское. Бывает такой возраст, когда ребенок уже может стукнуть тебя по голове молотком, у него уже есть сила, но нет понимания. Глядя на них и даже отвечая им жестокостью, я не только не испытывал ненависти или хотя бы неприязни к советской системе, это мне показалось бы верхом идиотизма, но у меня не было ненависти и к этим людям. В них было почвенное, очень близкое, «скиф-

ское» хамство. Оно должно выходить из человека по капле, и оно выходило. Я бы сказал, выходило в нашем народе очень быстро — по историческим меркам. Есть у меня такое чувство, которого я не берусь обосновать, что насильственное «изгнание» этого скифского хамства из западного человека (через возведение на пьедестал индивида с его правами) породило нечто худшее, куда более страшное. Хотя, может быть, и удобное.

К тому же я смутно чувствовал, хотя и не давал хода этой мысли, что *по большому счету* я в том конфликте был не прав. Именно по большому счету — ведь когда тебя пытаются стереть в порошок, тебе не до большого счета, надо решать срочную и жизненно важную проблему выживания. Но потом полезно рассудить и по большому счету. Получается такая картина.

То, что начальство обозлилось на меня гораздо сильнее, чем на того, за кого я заступился, понятно. У того вина была частная и ограниченная, а я поставил под сомнение само их право судить да рядить, а также те процедуры, которые они считали справедливыми и уместными. То, что я в этом нашем принципиальном столкновении не только не пошел на попятную, но еще и проявил увертливость, сделало меня в их глазах опасным смутьяном, которого обязательно надо было усмирить.

Вот они хотели немного проучить человека, тяжелого в общении, — он мучил студентов «ленинским определением материи», донимал своих земляков занудливыми и мизантропическими комментариями. Они только хотели привести его в чувство, заставить уважать других в трудных условиях границы. Я, по сути, против этого и не возражал — но прицепился к их *методу*. И тут по большому счету они были мудрее и гуманнее меня.

Нас загнала в тяжелый конфликт недоговоренность, отсутствие навыка уклончивого диалога. Парторг, если бы умел формулировать ускользающие вещи, которые он интуитивно понимал, мог бы сказать мне примерно следующее: «Наше наказание было бы ритуальным и даже абсурдным, это всем было понятно, но для него оно стало бы предупреждением. Он бы смекнул, что все мы чем-то недовольны, но наказание не было бы для него разрушительным. Ах, он предложил кубинцам неактуальные темы! Придя домой, он сказал бы жене: эти идиоты ни бельмеса в химии не смыслят.

А теперь представь, что мы обвинили его именно в том, в чем он действительно виноват: ты, мол, страшный зануда и пессимист, с тобой рядом находиться людям невозможно. Каково было бы ему и его семье? А ведь это именно то, чего ты от нас требовал с твоей глупой выходкой на партсобрании».

Но парторг формулировать не умел, да и стеснялся. А я, перейдя грань, уже не мог остановиться.

На Кубе, вдали от России, во мне улеглось и даже слегка успокоилось то, что было заложено советским воспитанием, нашей бурной, невыносимо напряженной советской жизнью 40—60-х годов. Рано утром в Сантьяго меня будило пение множества боевых петушков, которые перекликались от одной трущобы к другой. Несмотря на закон, запретивший петушинные бои, старики в лачугах продолжали этих петушков выращивать, и они кукарекали, привязанные за лапку к колышку. Это солнце и это бодрое пение наполняли сердце радостью. Ночью все затихало, и без пяти двенадцать кто-то проезжал по проспекту мимо моего дома верхом, цокая подковами. Стук копыт слышался издали, когда он спускался с холма, въезжая в город. Видно, этот человек где-то работал ночным сторожем и ехал из деревни. Целый год каждую ночь я ждал топота его лошади, идущей рысью, — и ни разу он не заболел и не опоздал. Один только раз он чуть-чуть задержался, с холма пошел галопом. Когда я его слышал, на душе становилось спокойно — и сон был крепким, до петухов. И все это на Кубе опиралось плечом на силу и мысль советского строя.

Как жадно ждали наши демократические интеллигенты, чтобы эта Куба рухнула без СССР, озверела от голода, разложилась. Как сладострастно они смаковали каждое издевательское сообщение. Ура, на набережной Гаваны опять появились проститутки! Ура, потребление белка на Кубе снизилось ниже физиологически допустимого уровня! Ура, нет горючего для автобусов — на улицах появились рикши! Как их бесило, что не растет на Кубе детская смертность, не закрываются школы. Насколько люди, проникнутые нашим «скифским» хамством, благороднее и добрее, чем эти защитники прав человека.

Куба выкарабкивается, хотя еще ждут ее самые трудные времена — смена поколений. Молодые ее интеллигенты, у которых в детстве уже не было рахита и костного туберкулеза на почве голода, не верят, как и мы в 80-е годы, что голод существует. Во всяком случае, не верят, что он может ударить и по их лично детям. Но им уже нестерпимо скудное *для всех* существование. Они, уверенные, что желают улучшить любимую социалистическую систему, «не знают общества, в котором живут».

Последний раз я был в Гаване в октябре 1999 г. Да, по улицам, изнемогая на подъемах, везут седоков рикши на тележках, построенных из велосипеда. Молоденький полицейский ведет девочку-проститутку, будет говорить с родителями. Слышно, как он ей внушает на простонародном наречии: «Тебе надо учиться, а ты чем занимаешься». Она гримасничает. В предместье на перекрестке шоссе «желтый человек» (в особом желтом комбинезоне) останавливает грузовики, проверяет путевой лист

и сажает, сколько можно, людей, которым нужно ехать в том же направлении. Остальные терпеливо ждут в тени.

Людьми моего возраста и старше там овладела одна мысль, полная трагизма. Эти люди выражают ее на удивление одинаково — значит, она витает в воздухе. Рикша остановился передохнуть около меня на набережной. Разговорились. Он сказал: «Пока старики у власти, мы живы. Придут молодые — и продадут нас, как Горбачев продал вас». Вечером, по холодку, гулял старик с внучкой — нарядной, в красивом платье, счастливой. Перекинулись парой фраз. Он сказал: «Пока старики у власти, мы живы. Придут молодые — мы все подохнем». Чем я мог его утешить? Только тем, что подохнут не все. Назавтра — лекция перед студентами гуманитарных факультетов. Светлые лица. Родина или смерть! Говорю о перестройке, о результатах либеральной реформы — формально верят, а за живое не берет. Понятия «мы подохнем» нет в их интеллектуальном аппарате.

В день гибели Камило Сьенфуэгоса, как обычно, все школьники Гаваны двинулись к набережной — бросить в море цветок. Все в красивой, отутюженной форме, все веселые и здоровые. За время, пока я там не был, лица детей стали тоньше, повадки сдержаннее, разговор насыщеннее. Какой контраст с тем, что я видел за эти годы в Мексике, Бразилии и даже Уругвае. Куба вырастила поколение юных аристократов — не на свою ли голову? Увидим, но иначе воспитывать детей никто не хотел. Сложное общество потому и хрупко.

Из гавани вышел и пошел вдоль набережной военный корабль, ракетносец. Сильное волнение, он почти скрывается между волнами. На палубе неподвижно строй матросов в парадной форме. Будут бросать большой венок. Корабль догоняют военные вертолеты, дверцы открыты, видны венки. Вдоль набережной — десятки и десятки тысяч детей, с восторгом смотрят и на красивый кубинский корабль, и на вертолеты. Я тоже смотрю — они построены еще в СССР.

Часть II

СОЗРЕВАНИЕ КРИЗИСА СОВЕТСКОГО СТРОЯ

Глава I

УРБАНИЗАЦИЯ И ГОЛОД НА ОБРАЗЫ: ОБЕЗДОЛЕННЫЕ В СССР

В психологической войне, направленной на разрушение общества, важнейшим «условием местности» является *недовольство* населения противника. При этом неважно, какого рода это недовольство, — оно может быть совершенно противоположно установкам манипулятора. Например, в ходе перестройки антисоветские идеологи в основном эксплуатировали недовольство людей, вызванное уклонением власти от *советских* идеалов. Внедрение новых стереотипов (обогащения, аморальности, насилия), с помощью которых можно было воздействовать на сознание подрастающего поколения, началось позже.

Еще трудно дать систематический и полный ответ на вопрос, какие источники недовольства были использованы в перестройке. Я лишь укажу на несколько важных, на мой взгляд, причин, которые обычно упускаются из виду.

Начнем с очевидного. Главные дефекты любого общественного строя состоят в том, что он не удовлетворяет какие-то фундаментальные потребности значительных частей общества. Если обездоленных людей много и они сильны, проект под их давлением изменяется или, при достижении критического уровня, терпит крах. Давайте разберемся, кто и чем был обездолен в советском проекте. И не будем сразу расставлять оценки: мол, эта потребность разумна и достойна, а та — каприз, а вон та — порок. Сначала надо хладнокровно описать реальность.

Человек живет в двух мирах — в мире *природы* и *мире культуры*. На этот двойственный характер нашей окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения. Человек живет в двух мирах — мире *вещей* и мире *знаков*. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком, — материальный субстрат нашего мира. Мир знаков, обладающий гораздо большим разнообразием, связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями (например, «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»). Даже такой с детства привычный особый вид знаков, как деньги (возникший, как раз чтобы соединять мир вещей и мир знаков), полон тайн. С само-

го своего возникновения деньги служат предметом споров среди философов, поэтов, королей и нищих. Деньги полны тайн и с древности стали неисчерпаемым источником трюков и манипуляций.

Откуда вырос советский проект и какие потребности он считал фундаментальными? Он вырос прежде всего из *крестьянского* мироощущения. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что — лишнее, суета сует. В ходе революции и разрухи этот проект стал суровым и зауженным. Носители «ненужных» потребностей были перебиты, уехали за рубеж или перевоспитались самой реальностью. На какое-то время в обществе возникло «единство в потребностях».

По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать все более и более разнообразные части общества. Для них Запад стал идеальной, сказочной землей, где именно их ущемленные потребности уважаются и даже ценятся. О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй, в этот момент никто не думал. Когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто.

Начиная с 60-х годов СССР пережил ускоренную форсированную урбанизацию. В 1950 г. в СССР в городах жили 71 млн. человек (39% населения), а в 1990 г. — 190 млн. (66%). При этом, в отличие от Запада, следствием ускоренной индустриализации в России и СССР стало появление очень большого числа новых городов. В 1990 г. 40,3% всех городов СССР составляли города, созданные после 1945 г. (и 69,3% — созданные после 1917 г.). Города как материальные образования были построены, но становления городской культуры, городского образа жизни произойти еще не могло. Это — медленный процесс изменения культуры. Противоречие между материальной средой обитания и типом культуры обитателей переживалось болезненно и было важной предпосылкой для общего кризиса, который был спровоцирован перестройкой. Взять, например, Набережные Челны. Маленький городок, почти поселок, менее чем за 20 лет вырос в большой город с полумиллионным населением. А вся агломерация городов на Нижней Каме, возникшая в 70—80-е годы в типично сельском районе, имеет население около 1 млн. человек.

Ясно, что сформировать городскую культурную среду обитания за такое время было невозможно. А значит, миллион человек, вырванных из своей прежней среды, не могут в этой городской агломерации удовлетворить свои насущные, пусть и не-

осознаваемые, потребности. Это — основание для острого недовольства, особый тип социального кризиса.

Чем же отличается крестьянская жизнь от «городской»? Тем, что она *религиозна*. А значит, земные потребности просты и естественны, зато они дополнены интенсивным «потреблением» духовных образов. Речь идет не столько о церкви, сколько о космическом чувстве, способности видеть высший смысл во всех проявлениях Природы и человеческих отношений. Пахота, сев, уборка урожая, строительство дома и принятие пищи, рождение и смерть — все имеет у крестьянина литургическое значение («пахать — значит молиться»). Его жизнь полна этим смыслом. Его потребности велики, но они удовлетворяются внешне малыми средствами. Туман над рекой, роса на траве, песня жаворонка — все это наполняет человека ощущением бытия, неосознаваемым счастьем.

Жизнь в большом городе лишает человека множества естественных средств удовлетворения его потребностей. И в то же время создает постоянный стресс из-за того, что городская организация пространства и времени противоречит его природным ритмам. Думаю, стратегической ошибкой была принятая в период индустриализации ориентация на промышленное развитие в крупных городах (мегаполисах). Опора советского строя — село и малые города, их и надо было укреплять и развивать. Видимо, на это не хватало средств, да и расщеплено было сознание наших марксистов, увлеченных идеей прогресса.

Итак, реальностью жизни большинства граждан в СССР стал стресс, порожденный городской средой обитания. Этот стресс давит, компенсировать его — жизненная потребность человека.

Вот пример. Транспортный стресс вызывает выделение нервных гормонов, порождающих особый, не связанный с голодом аппетит*. Приехав с работы, человек хочет чего-нибудь пожевать. Не нормально поесть, чтобы утолить голод, а именно пожевать чего-нибудь аппетитного (так называемый «синдром ка-

* Эти гормоны — что-то вроде наркотиков, производимых самим организмом. Они и были открыты, когда исследователи задались вопросом, как морфин (главный компонент опиума) проникает в нервную клетку. Оказалось, что на поверхности клетки есть рецепторы морфина — участки, которые «распознают» молекулу наркотика в токе крови и захватывают ее. Зачем такие рецепторы в нервных клетках млекопитающих? Значит, надо искать что-то «свое», пространственно похожее на морфин. Так открыли первый гормон — *эндорфин* («внутренний морфин»), вещество иной природы, но с похожим действием. Оно, например, выделяется в кровь при болевом шоке в необходимой дозе. Разница с «внешними» наркотиками в том, что к «внутренним» человек не привыкает и наркоманом не становится.

фетерия»). Кажется, мелочь, а на деле — потребность, ее удовлетворение должно быть предусмотрено жизнеустройством. Если же это считается капризом, возникает масса реально обездоленных. Мать, которая говорит сыну, целый час пробывшему в городском транспорте: «Не жуй бутерброд, сядь и съешь тарелку шей», — просто не знает, что ему нужен именно бутерброд, красивый и без питательной ценности. Таких «бутербродов» (в широком смысле слова) советский строй не производил, он предлагал тарелку хороших шей.

И подобных явлений, неведомых крестьянину (и непонятных нашим старшим поколениям), в городе множество. Вновь подчеркнем, что кроме природных, биологических потребностей, для удовлетворения которых существуют *вещи*, человек нуждается в потреблении *образов*. Эти потребности не менее фундаментальны.

Сложность проблемы возрастает, если вспомнить, что мир вещей и мир знаков перекрываются, разделить их трудно. Многие вещи, вроде бы предназначенные для какой-то «полезной» цели, на самом деле дороги нам как образы, знаки, отражающие человеческие отношения. Старая чашка, модное платье, мотоцикл — все это образы, не сводимые к материальным функциям, но они воплощены в вещах. В жизни крестьян потребность в образах в огромной степени удовлетворяется как бы сама собой — связью с природой и людьми, типом труда. В городе эта потребность покрывается производством огромного количества вещей-знаков, «ненужных» вещей*. В советское время престарелые идеологи клеймили вдруг вспыхнувший в нашем скромном человеке «вещизм». Стоявшую за ним потребность подавляли средствами государства — и она в конце концов вырвалась из-под гнета уже в уродливой форме.

Как решил (или хотя бы на время смягчил) эту проблему Запад? В целом городское общество Запада стало безрелигиозным, но наполнилось огромным числом фетишей (вещей-обра-

* В моей жизни я видел три средства добывания огня. В годы войны и в деревне, и в городе в ходу было огниво, его называли «катюшей». У всех почти одинаковое: кресало, кремь и трут. Но каждое высекание огня было событием. Чаще всего оно проводилось на людях и сопровождалось шуткой, анекдотом, сентенцией, поэтической строфой. Каждое такое событие оживляло и дополняло мир образов. Когда установилась «нормальная» жизнь, в ход пошли спички — стандартные и утилитарные, хотя и несущие тайну огня. Теперь — зажигалки. Часть их тоже утилитарна и прозрачна, но рядом возникло множество зажигалок-знаков. Красивые вещицы, сделанные с изощренной фантазией, они много дают человеку, крутящему их в руках, ощущающему их вес, фактуру, звук пьезокристалла.

зов). Отношения людей приобрели форму отношений вещей и были ими замаскированы. Поскольку речь шла прежде всего об образах, стало возможным наращивать их потребление с относительно малым увеличением материальной основы — пойти по пути создания «виртуальной (несуществующей) реальности». Важнейшей частью жизни стали витрины — вид вещей, которые потреблялись уже только как образы, без покупки их носителей. На Западе подавляющее большинство посетителей крупных универмагов просто ходит, разглядывая витрины, не собираясь ничего покупать. Кстати, пока Запад к этому не пришел, целых полтораста лет начальной индустриализации рабочие массы создавали себе «виртуальную реальность» сами — беспробудно пили.

Следующим шагом стала современная реклама: образ создавался прямо в пространстве, в эфире. Суть рекламы — вовсе не в информации о реальных товарах, которые человек должен купить. Главное — создание изобилия образов, они и есть «бутерброды». Только кажется, что это — отражение изобилия вещей и возможностей. Реклама — иллюзия, часть той вымышленной («виртуальной») реальности, в которой живет человек Запада.

В перспективе этот путь ведет к опустошению человека, к утрате им связи с миром и другим человеком, к нарушению хода его естественной эволюции. Запад как «пространство фетишей» породил уже особого человека. Возможно, на этом пути Запад зашел в тупик, но временно он ответил на новые потребности человека и «погасил» их изобилием суррогатов. Та культура, которая была создана для производства дешевых и легко потребляемых образов, «овладела массами». Буржуазный порядок завоевал культурную гегемонию. Огромную силу и устойчивость буржуазному обществу придало и то, что оно нашло универсальную (для его людей!) знаковую систему — деньги. Деньги стали таким знаком, который был способен заменить любой образ, представить любой тип отношений. Все покупается! За деньги можно получить любую вещь-знак, удовлетворить любую потребность.

Как же ответил на потребности нового, городского общества советский проект? Большая часть потребности в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. Это четко проявилось уже в 50-е годы, в кампании борьбы со «стилягами». Они возникли в самом зажиточном слое, что позволило объявить их просто исчадием номенклатурной касты. В действительности это был уже симптом грядущего массового социального явления. Никак не ответив на жизненные, хотя и неосознанные потребности целых поколений молодежи, родившейся и воспитанной в условиях крупного города, советский строй буквально создал своего могильщика — массы *обездоленных*.

В 1989 г. 74% опрошенных интеллигентов сказали, что их убедят в успехе перестройки «прилавки, полные продуктов» (так же ответили 52% опрошенных в среднем). В этом ответе выражена именно потребность в образе, в витрине. Это ответили люди, которые в целом благополучно питались, на столе у них было и мясо, и масло. Им нужны были «витамины». И сегодня многие из них, уже реально недоедая, не хотят возвращаться в прошлое с его голодом на образы.

Мы здесь не берем проблему во всей ее сложности. Ясно, что нам нельзя скатываться на производство таких образов, что превращают человека в дебила, эксплуатировать секс, насилие, дешевый политический театр, как это делает Запад. Об этом предупреждал уже Достоевский. Но нельзя и экономить на этом. Ясно, что никакая страна не может создать изобилие и достаточное разнообразие образов. Но, понимая проблему, можно обеспечить их импорт так, чтобы он не разрушал нашу цивилизацию — мировой запас образов огромен.

Предпосылки для этой узости советского проекта кроются и в крестьянском мышлении большевиков, и в тяжелых четырех десятилетиях, когда человека питали духовные, почти религиозные образы — долга. Родины. Когда я пришел в университет, там даже некоторые преподаватели еще ходили в перешитых гимнастерках и сатиновых шароварах. У них не было потребности в джинсах, но через пять-то лет она возникла. Выход из этого состояния провели плохо. Не была определена сама проблема и ее критические состояния. В конце заговорили о «проблеме досуга», но это не совсем то, да и дальше разговоров дело не пошло. Важной отдушиной был спорт, что-то нащупывали интуитивно (стали делать первые сериалы; уже огромный успех «Семнадцати мгновений весны» должен был насторожить).

Важной причиной было и воздействие на советскую социальную философию материализма, из которого все мысли Маркса о *товарном фетишизме* были, по сути, выкинуты. Остались только грубые выводы — об *эксплуатации*. Хотя, надо признать, Маркс не вполне разработал тему, понять его сложно. Но он хоть видел проблему, предупреждал о ней. Беда советского строя была не в том, что проблему плохо решали — ее игнорировали, а в том, что страдающих людей считали симулянтами и подвергали презрению. Так возникла и двойная мораль (сама-то номенклатура образы потребляла), и озлобление.

К проблеме голода на образы тесно примыкает другая объективная причина неосознанного недовольства жизнью в городском советском обществе начиная с 60-х годов — избыточная надежность социального уклада, его детерминированность. Порождаемая этим скука значительной части населения, особенно молодежи, — обратная сторона высокой социальной защи-

щенности, важнейшего достоинства советского строя. В СССР все хуже удовлетворялась одна из основных потребностей не только человека, но и животных — потребность в неопределенности, в приключении.

Как биологический вид, человек возник и развился в поиске и охоте. Стремление к «приключению» заложено в нас биологически, как инстинкт, и было важным фактором эволюции человека. Поэтому любой социальный порядок, не позволяющий ответить на зов этого инстинкта, будет рано или поздно отвергнут. У старших поколений с этим не было проблем — и смертельного риска, и приключений судьба им предоставила сверх меры. А что оставалось, начиная с 60-х годов, всей массе молодежи, которая на своей шкуре не испытала ни войны, ни разлухи? БАМ, водка и преступность? Этого было мало. Риск и борьба были при тренингах и столкновениях именно с бюрократией, с государством, что и создавало его образ врага.

Нас в перестройке увели от этого вопроса, предложив внешне похожую тему политической свободы. Но речь не о ней, эта свобода — та же кормушка. Ее сколько угодно на Западе — а дети из хороших семей идут в наркоманы или кончают с собой. А стабилен режим Запада потому, что все его жизнеустройство основано как «война всех против всех» — конкуренция. Всех людей столкнули между собой, как на ринге, и государство, как полицейский, лишь следит за соблюдением правил войны. Треть населения ввергнута в бедность и в буквальном смысле борется за существование — никаких иных приключений ей уже не надо. А остальным предложен рискованный лабиринт предпринимательства. Причем он доступен всем и поглощает страсть всех, кто в него входит, а вовсе не только крупных дельцов. Старушка, имеющая десяток акций, потеет от возбуждения, когда узнает по телевизору о панике на бирже. Живущий в каморке и сдающий свою квартиру «домовладелец» волнуется, что жилец съедет, не заплатив за телефон. Разбитые в уличной толчее очки потрясают бюджет среднего человека.

И при этом Запад создал целую индустрию развлечений в форме «виртуальной войны». Одно из таких захватывающих шоу — политика. Другое — виды спорта, возрождающие гладиаторство, от женских драк на ринге до автогонок с обязательными катастрофами. И побезобиднее — множество телеконкурсов с умопомрачительными выигрышами. Миллионы людей переживают: угадает парень букву или нет? Ведь выигрыш 200 тыс. долларов!

На фоне этих драм и постоянных побед и поражений жизнь советского человека с его гарантированным благосостоянием (даже если бы оно было велико!) превращается в бесцельное существование. Тошно жить, если очки стоят три рубля. Разби-

ли — пошел и купил. Чтобы не было скучно, тебя уже нужно как минимум пырнуть ножом. Но в этой игре у нормального человека не бывает побед, одни поражения — и такая игра проблемы не решает.

Наконец, буржуазное общество создало целую промышленность масскультуры. Обладая высокими техническими возможностями, она выносит на рынок очень соблазнительный продукт, идеологическое содержание которого целенаправленно принижает человека, делает его мышление инфантильным и сильно повышает восприимчивость к внушению. Трудно найти более примитивные фильмы, чем серия Стивена Спилберга «Индиана Джонс». Когда этот герой действует в Китае или Индии, эти фильмы, кроме того, становятся предельно расистскими — даже удивительно, как могут их демонстрировать в современном обществе. Я их видел за границей в междугородных автобусах и, еще не зная, что Спилберг знаменитый режиссер, про себя ругался: скупые автобусные компании покупают для показа самую дешевую дрянь. Поэтому я был поражен, узнав, что в США два фильма из этой серии держат рекорд выручки за первые шесть дней проката: «Индиана Джонс и храм Страшного суда» — 42,3 млн. долларов и «Индиана Джонс и последний крестовый поход» — 46,9 млн. долларов. Хоть и слышали мы о неприязнательности американцев, но остается только руками развести.

Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки наш проект не предлагал. Более того, он прямо утверждал, что дальше будет еще скучнее. И тут речь идет не об ошибке Сулова или даже Ленина. Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, *испытавших беду*. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного — общества, уже пережившего и *забывшего беду*.

Полезно посмотреть, кто особенно огорчился и особенно радовался краху социализма (речь идет, разумеется, о группах, а не отдельных личностях). Огорчались прежде всего те, кто в СССР ушел от скуки надежной жизни в какого-то рода творчество — но творчество, не нарушавшее стабильности общества и его режима. Таких доступных видов творчества и связанных с ним переживаний и приключений — множество. И доступ к ним имело подавляющее большинство граждан, но только теоретически.

Важнейшее творческое дело — воспитание своих детей. Вроде бы оно всем доступно, но это не так. Любое творчество — труд, и многие родители от него отказываются, сводят все к пи-

танию. И все же, думаю, именно те, кто вложил большой труд в воспитание детей, особенно страдают сегодня. Им не было скучно, а для их творчества были предоставлены условия. Для него не были необходимы ни многопартийность, ни сорок сортов колбасы в магазине.

Ошибка советского социализма в том, что он принял как догму убеждение, будто все люди мечтают сделать творческое усилие и будут рады просто предоставлению такой возможности. Эта догма неверна дважды. Во-первых, не все мечтают о творчестве, у многих эти мечты подавлены в детстве — родителями, садиком, школой. Во-вторых, значительная часть тех, кто мечтал, испытали неудачу при первой попытке и не смогли преодолеть психологический барьер, чтобы продолжить. Так и получилось, что основная масса людей не воспользовалась тем, что реально давал социализм. Не то чтобы ее оттеснили — ее «не загнали» теми угрозами, которые на Западе заставляют человека напрягаться.

Стимулирование угрозой — не единственный механизм, заставляющий делать усилия. Более того, этот механизм неизбежно травмирует душу и обедняет жизнь самого успешного человека. Но надо признать как слабость всего проекта советского социализма то, что он оказался неспособным создать иной, не разъединяющий людей механизм их вовлечения в творчество. А значит, сделал неудовлетворенными массу людей. Так в получившей достаток семье с низкой культурой молодые люди начинают много есть и спать до обеда — они теряют радость жизни, начинают мрачнеть и озлобляться. Именно они и составили широкую «социальную базу» для разрушения СССР. Можно не считать их мотивы уважительными, но ведь речь идет о *страдающей* части общества. Ведь советский строй не дал этой категории людей хотя бы того утешения, которое предусмотрительно дает Запад — потребительства. Как можно было запирать таких людей в стране, где нет сорока сортов колбасы! Ведь это же социально взрывоопасный материал.

Другой крупный контингент, который радуется крушению режима, — молодежь, и по вполне естественным причинам. Для нее скука губительна даже биологически. Если она длится слишком долго, то и творчество воспитывать детей становится недоступным — детей нет. Возникает заколдованный круг. Парадоксально, но скоро мы будем наблюдать духовный рост и вспышку творческой активности молодежи, направленную на восстановление социализма, то есть порожденную опять-таки крушением советского режима.

Конечно, советский строй мог бы продлить свое существование, если бы следовал рецептам Великого Инквизитора из легенды Достоевского. Если бы позволил людям в свободное от

работы время грешить (под контролем и с регулярной исповедью) и облегчил распевание детских рок-песенок. Если бы наладил выпуск баночного пива с надписью «завод им. Бадаева» не на русском, а на английском языке, и т.д. Слава богу, что так не случилось, — это было бы поражение более фундаментальное.

В будущем, если мы выживем, задача резко облегчается тем, что старый советский проект — мобилизационный социализм — сломан. Не придется решать сложную проблему мягкого выхода из него — нас вырвали из него с кровью. Значит, придется не ломать, а воссоздавать солидарное жизнеустройство в новом виде — зная уже о потребности людей не только в белках и углеводах, но и в витаминах.

Возрождение сословности в позднем советском обществе.

Одной из причин общего глухого недовольства, которое было использовано в психологической войне против СССР, стала возродившаяся в советском обществе *сословность*.

Известно, что тот «культурный слой» (правильнее сказать, модернизированная часть общества), который был необходим для государственного строительства, восстановления и развития хозяйства после гражданской войны 1918—1921 гг., имел не классовую, а сословную природу. Чиновничество, офицерство, интеллигенция и даже торговцы в царской России были сословиями, сохранявшими свою довольно закрытую культуру. Именно их реставрации как замкнутых сословий (особенно бюрократии) чрезвычайно боялся Ленин в последние годы своей деятельности. Он искал, но не нашел противоядия против этого процесса, хотя верно угадывал его опасность для советского строя.

Необходимость форсировать восстановление страны вынудила большевиков пойти даже на искусственное «строительство сословий» (вплоть до метафоры военно-монашеского сословия рыцарства — «партия как орден меченосцев»). Крестьянская анархическая утопия всеобщей коммуны под лозунгом «Вся власть Советам!», очевидно, была несовместима ни с какой государственностью. Отсутствие гражданского общества не позволяло построить государство и «снизу». Стихия Советов была приведена в дееспособную систему благодаря двум гениальным открытиям. Первое из них — «партия нового типа», которая представляла собой постоянно действующий поместный собор и рыцарский орден одновременно. Второе — «номенклатура», учрежденная в 1923 г., которая соединяла в масштабе страны кадры управления в единую подчиненную центральной власти систему. Это были сословия нового типа, но сословия. В героический период они заполнялись новыми, свежими кадрами, так

что поддерживалась высокая социальная мобильность и замкнутость этих сословий не ощущалась. Но затем произошло то, что М. Вебер называет «институционализацией харизмы» — героические «рыцарские» сословия устоялись и обустроились. Таким мы и помним советское общество 80-х годов.

Мы знаем, что возвращаться в *это* советское общество даже из нынешней страшной действительности значительная часть народа не хочет*. Два, три, пять лет после слома советского строя еще можно было утешать себя тем, что нас предали, обманули, соблазнили. Но уже нельзя лукавить с самим собой. За Ельцина голосовали потому, что он — препятствие к восстановлению советского строя.

Трудно это признать потому, что непонятно. Ведь большинство населения высоко оценивает советский строй. Как можно высоко оценивать и не желать в него вернуться? Если вдуматься, противоречия здесь нет. Вот обычная история: разлюбил человек жену, развелся. Он очень высоко ее ценит, перечисляет все достоинства, но вернуться не желает. Раньше любил и был счастлив, а сейчас не может. Что-то в нем изменилось, по-другому стал смотреть на вещи. И ведь мы понимаем этого человека, хотя он порой и не смог бы объяснить, что ему разонравилось в жене. Общество легче поддается изучению, чем душа отдельного человека, давайте думать. Дело очень облегчается тем, что у нас есть две сходные драмы, так что их сравнение — почти исторический эксперимент.

Давайте именно с этой стороны посмотрим на обе наши катастрофы — в 1917 и в 1991 г. Они — урок на будущее и помогают понять нынешний момент. Сравнивая ход событий, который привел к отказу от поддержки существовавшего общественного строя России, я лично прихожу к выводу, что в обоих случаях главным был отказ именно от *сословного* устройства общества. Перерастал его наш народ. Поэтому утрачивала авторитет духовная инстанция, которая оправдывала такое устройство (Церковь, а потом КПСС), а затем лишалось силы и государство. В феврале 1917 г. в отрицании сословного строя соединились две силы, которые между собой были более непримиримыми противниками, нежели каждая по отдельности с сословным строем. Либеральная буржуазия стремилась превратить Россию в классовое гражданское общество западного типа, а крестьяне

* Имеется еще неопределимая, но значительная часть тех, кто и хотел бы вернуться в советский строй, однако предвидит на этом пути такие трудности и опасности, что предпочел бы выбраться из нынешней ямы через плавный вираж, а не реставрацию. В совокупности обе эти категории и решают исход выборов, давая около половины голосов. Некоторая фальсификация в пользу власти — не в счет.

и рабочие — в солидарную братскую общину, Царство Божие на земле.

В обоих случаях причина отказа от сословности, на мой взгляд, крылась в двух противоположно направленных ускоряющихся процессах: росте самосознания главных сословий и одновременном упадке, духовной деградации правящего сословия. Когда это противоречие достигало критического уровня, происходил моментальный слом, которого никто не предвидел в такой резкой форме. Дело в том, что на последнем этапе оба взаимосвязанных процесса усиливали друг друга, так что вырождающаяся элита все больше ненавидела именно восходящее сословие и все больше досаждала ему. Возникало то, что в химии называют *автокатализ* — продукты ускоряли саму реакцию, и процесс шел вразнос. При этом «поблажки» правящего слоя народу лишь вызвали его возмущение.

Народные массы России в начале века отвергли капитализм, несущий разделение народа на враждебные классы. Но и сословное деление общества, при котором права и обязанности передаются по наследству и трудно человеку изменить свое положение благодаря собственным усилиям, давно претило людям. Потому такую большую роль в нашей жизни играли *«внесословные»* типы — те, кто ушел в поры общества, вырвался из своей клеточки. Сначала казаки и странники, потом разночинная интеллигенция, студенты и революционеры*. По мере того как и казаки, и интеллигенты, и даже революционеры «обустряивались» в сословия, симпатии к ним испарялись.

Наследуемый характер прав и привилегий развращает высшие сословия, происходит дегенерация элиты. Войны и потрясения замедляют этот процесс, взбадривают элиту, а в благополучное время вырождение ускоряется. Выродившееся «дворянство» вызывает у народа уже не просто вражду, а омерзение. «Дворянство» же платит народу ненавистью и склоняется к национальной измене. В начале века дворянство, составлявшее 1% населения, владело половиной пахотной земли, отнимало за аренду у крестьян половину урожая и прожирало эти деньги в Париже или проигрывало в Монако. Кончилось тем, что аристократы по уговору с Западом свергли царя, а офицеры-дворяне кинулись служить Западу в «белой армии».

Расцвет русского народа — именно те короткие сорок лет советского строя, когда были сломаны и даже забыты сословные

* Похожими причинами, думаю, объяснялось и благожелательное отношение к трудовым евреям — они тоже были внесословны (в 1905 г. один волостной сход в Сумском уезде учредил, по сути, республику и избрал для управления комитет из «двенадцати крестьян и двух евреев»; эта власть держалась несколько месяцев).

перегородки и мы стали народом-семьей, народом-общиной. Сын приходского священника Василевский становился маршалом, Королев после рабфака — академиком, Главным конструктором ракет, Гагарин после ремесленного училища — первым космонавтом. Новое «дворянство», номенклатура, честно служило и воевало. Но наступили благополучные 60-е годы, и третье поколение номенклатуры уже сильно отличалось от первых. Оно в массе своей пришло не из рабфаков и глухих деревень, это были дети начальства. Они обрели сословное сознание и научились отделять свои сословные интересы от интересов общества и государства.

С этого момента, кстати, начинается конфликт правящего сословия с официальной идеологией государства. Она всегда накладывает ограничения на аппетиты привилегированного сословия, напоминает о его обязанностях. Так было и в начале века — дворянство было атеистическим. Это особенно красноречиво проявилось в феврале 1917 г. — офицерство практически поголовно было антицерковным. Однако религия была весьма терпима к барству, и открытого конфликта дворянства с церковью не возникло. Иное дело коммунистическая идеология, она была несовместима с сословными интересами верхушки советского общества. Здесь возникла именно ненависть. Уже в 60-е годы у простого человека, случайно попавшего в компанию бюрократов и партработников, крайнее изумление вызывало то удовольствие, с которым они смаковали антисоветские анекдоты. Вслед за осознанием своей ненависти началась упорная работа по разрушению коммунистической идеологии. Все, что ей вредило, находило поддержку. Все, что ее укрепляло (в том числе разумная критика), душилось. Это прекрасно видно хотя бы в кадровой политике. Вполне объяснима и ненависть к Сталину. Он, создатель номенклатурной системы, в то же время применял жестокие методы контроля над нею и ее «взбадривания» — и сам ее ненавидел («каста проклятая»). После 1953 г. люди сталинского типа не имели уже никакого шанса подняться к руководству.

Заметим, что сначала меньшевики, потом Троцкий и еврокоммунисты, а затем и наши вульгарные марксисты выводили свои антисоветские концепции из того, что якобы номенклатура (бюрократия) превратилась в *класс*, владеющий собственностью и потому враждебный трудящимся. Это не соответствует действительности. Классы довольно открыты, статус в них не наследуется (сын-балбес может жить на деньги папы-буржуя, но стать умелым предпринимателем по благу не сможет). Поэтому вырождение классово-элиты не происходит. Еще важнее для нас тот факт, что элита правящего класса является одновременно творцом официальной идеологии и государства.

В отличие от сословия, она в принципе не может быть заинтересована в подрыве своей идеологии и государства и служить «пятой колонной» в войне против своей нации. Советская номенклатура не была классом, она была именно *сословием*, которое под конец тяготилось своим государством.

Разумеется, и в дворянстве царской России, и в советской номенклатуре были честные люди, которые любили свою Родину и т.д. Но в период упадка уже не они решали дело, они вообще действовали почти как в подполье. В общем, национальная измена советской номенклатуры была потрясающе единодушной. Было бы очень интересно опубликовать список всех сотрудников аппарата ЦК КПСС последних лет СССР с указанием их нынешней должности и доходов (а также рода занятий их близких родственников).

Омерзение, которое вызывает правящее сословие периода упадка, иррационально и даже неразумно. Черная «Волга» секретаря райкома вызывала злобу, а «Мерседес» сопляка-ворюги воспринимается равнодушно, а то и с симпатией. Это именно неразумно, потому что тот секретарь райкома, с прагматической точки зрения, был все равно лучше ворюги. Но люди не следуют прагматическим расчетам, от секретаря райкома уже пахло изменой, а от шпаны на иномарках — только перегаром. Сейчас взгляды меняются, но уже создано много необратимостей.

Конечно, если бы не «холодная война», то советский строй пережил бы болезнь и был бы найден близкий русской культуре тип демократии. Но СССР уже не мог уцелеть при номенклатуре образца 80-х годов, заключившей союз с Западом. Недовольство трудящихся было глухим, но устойчивым — на нем можно было паразитировать антисоветским идеологам. Не было понято предупреждение Ленина рабочим — бороться с советским государством, но в то же время беречь его как зеницу ока. Убийственным выражением недовольства был бунт интеллигенции — «бессмысленный и беспощадный». Историческая вина интеллигенции в том, что она не сделала усилий, чтобы понять, против чего же она бунтует. Она легко приняла лозунги, подsunутые ей идеологами самой же номенклатуры. Так интеллигенция начала «целиться в коммунизм, а стрелять в Россию». И до сих пор продолжает стрелять.

Перед нами стоит проблема, которой пока что нет ни в каком другом обществе (лет через сто она встанет и перед Китаем, если он не пойдет по пути оболванивания масс): народ с высоким уровнем образования и культуры, который не рассыпался на индивидов и не принял классового деления, перерос и сословный тип общества. Как его преодолеть? В какой-то мере эта проблема схожа с теми, с которыми столкнулся СССР при

выходе из военного коммунизма в 20-е годы и из «мобилизационного социализма» (сталинизма) в 60-е.

Из военного коммунизма вышли через нэп — чрезвычайно сложную и оригинальную программу (об «отступлении» говорилось для упрощения, это был неизведанный путь вперед). А. А. Богданов, взяв как объект изучения военного коммунизма даже не Россию, а более чистый случай — Германию, показал, что это «ублюдочный» хозяйственный уклад потребительского коммунизма как чрезвычайного режима и что социализм не входит в число его «родителей». И главное для нас положение: военный коммунизм, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших его условий (окончания войны) сам собой не распадается. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России решить ее было особенно непросто, поскольку очень большую роль играли Советы солдатских депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма. Точно так же сословное устройство советского общества, возникнув, само собой не исчезало с исчезновением породивших его причин. Его надо было «демонтировать», а это было очень непросто.

Даже сегодня видно это противоречие. В среде заметной части патриотов России бытует важная политическая концепция, вытекающая из идеи сословности. Суть ее в том, что нам не нужна демократия, всякие там выборы и парламенты, а нужна «спасительная и созидательная диктатура». Народу приписывается мечта о сословном обществе, живущем под рукой доброго царя (генсека, патриарха, президента и т.п.). Псевдосословные атрибуты стали в России важной частью политического спектакля.

В какое же государственное устройство можно «упаковать» такой народ, что не желает ни классов, ни сословий? В 1917 г. наш народ сам задал тип власти — Советы, взявшие за образец прямую демократию сельского схода. Но поднять промышленную страну с таким типом власти было невозможно, нужны были «быстродействующие» централизованные механизмы (партия и номенклатура), а с ними возникли и привилегированные сословия. Какой же тип государства у нас возможен и желателен?

Пока что простого и хорошего решения этой проблемы нет, есть только наброски. Все они противоречивы, их надо обсуждать в спокойном и рассудительном разговоре. Сложность в том, что мы не знаем, как выйти из этого заколдованного круга: реформа провалилась, и наше общество не раскололось на классы. Так что «правильной» буржуазной, а затем пролетарской революции нам ждать не приходится. Слава богу, нас не загнали в этот тупик. Если же нам удастся вернуться на путь постро-

ения солидарного общества типа советского, то через какое-то время в нем начнет восстанавливаться сословность. История повторится, хотя благодаря полученным урокам можно будет смягчить процесс. Конечно, после окончательного краха реформ страна окажется в таком же положении, как после гражданской войны в 1921 г. Значит, одно-два поколения нового «дворянства» вынуждено будет работать честно и довольствоваться малым.

Комментарий из 2001 года: размышления под обломками идолов. Имея в качестве матрицы человеческих отношений образ семьи, традиционное общество оказывается исключительно прочным в одних ситуациях (особенно во время бедствий, когда фактором выживания является *солидарность*), но очень хрупким в других — особенно в годы благоденствия. Мы этого не понимали и всегда считали, что чем жизнь сытнее, тем государство крепче.

Так, когда нет общей беды, то важнейшим для стабильности общества понятием становится верность. Умный подлец вроде Яго может разрушить самую любящую семью, заронив сомнение в верности. И речь идет не о рациональных оценках или расчетах, а об утрате очарования. Мне кажется, семья Отелло распалась бы даже в том случае, если бы он не успел задушить Дездемону — он уже в мыслях своих повидал ее изменницей. А какая паника поднималась всегда в русской армии, когда проходил слух об измене. Логически объяснить все это трудно. Видимо, уверенность в том, что твой собрат по солидарному сообществу тебе верен, совершенно необходима, чтобы ты мог поступать не по эгоистическому расчету. И это превратилось в подсознательную культурную норму, почти инстинкт, сцепленный неизвестным образом с другими нормами. Вынь эту уверенность — и рухнет вся связка культурных устоев.

Так, в сущности, и произошло с советским обществом. Его убедили в том, что важная его часть (номенклатура, бюрократия, партия — неважно, как называли эту часть) *неверна* целому. Не требовалось даже точно формулировать суть измены: незаслуженные привилегии, коррупция, обман и т.д. Как только это поверили, все общество стало разрушаться. И было совершенно неважно, что в роли Яго выступили как раз те, кто и был обвинен в измене. Мелкие неудобства, которые для них при этом возникли, не шли ни в какое сравнение с тем кушем, который предполагалось получить при разрушении общества. Можно даже сказать, что в результате неизбежной эволюции общества создалась ситуация, при которой правящая верхушка могла сохранить (и умножить) свои привилегии только путем *разруше-*

ния того общества, в котором она этими привилегиями пользовалась.

Очевидно, что в этом пункте гораздо более устойчиво (вернее, неуязвимо) общество, основанное на метафоре *рынка*. Ну какая там верность, кому она нужна? Там — рациональный расчет. Правила эквивалентного обмена. Нарушать их нельзя, но никто никому ничем не обязан. Там не надо душить неверную жену — она нарушила контракт и должна уплатить неустойку, вот и вся трагедия. Западное либеральное общество изначально возникло путем лишения символического, священного смысла всех человеческих отношений. И тем не менее там постоянно ведется профилактическая работа, человеку постоянно делаются «прививки» против возможного рецидива — ведь человеку нужны символы. Характерна, например, типичная схема многих американских фильмов: коррумпированный генерал помогает преступной корпорации поставлять в армию дефектное оборудование (например, вертолеты). Гибнут честные солдаты, и честный офицер начинает расследование. Тоже гибнет — у генерала масса сообщников в армии. Дело продолжает молодая жена (причем, что поразительно, никто ей не помогает, кроме маргинальных личностей) и т.д. Что, разве в американском генералитете или в военно-промышленном комплексе преступник на преступнике? Нет, конечно. Смысл всех этих пропагандистских фильмов таков: ни армия, ни национальная промышленность, ни какой-либо иной институт не имеют *священной* компоненты и хороши лишь постольку, поскольку эффективны. А честным надо быть *индивидуально*.

Что же делать? Неужели традиционное общество, основанное на идее солидарности людей, в принципе нежизнеспособно и может существовать лишь в экстремальных условиях вроде Отечественной войны или послевоенного восстановления? Неужели спокойная и благополучная жизнь возможна, лишь если люди становятся индивидуалистами и преследуют свой эгоистический интерес? Вообще-то этот вопрос становится для нас неактуальным, так как мы надолго обречены заниматься героическим трудом по восстановлению страны после «реформы». Переход к обществу-рынку означал бы при этом переход от сотрудничества к борьбе за выживание. Даже если бы этот переход удался, через какое-то время инстинкт самосохранения заставит вернуться к солидарности (как и бывало в России, кровью умытой). Но крах советского строя заставляет заглядывать вперед. Изменения в культуре предстоят немалые, а времени может не хватить, и мы опять придем к кризису того же типа.

На мой взгляд, слабость советского проекта была заложена в самой идеологии большевизма, причем его «лучшей», почвенной части — большевизма Шолохова, а не Свердлова. О боль-

шевизме Свердлова говорить сейчас вообще не будем — мы в нем были лишь дровами для крупного пожара. Говорится, что красное движение было наполнено религиозной страстью, иррациональным стремлением построить Царство Божие на грешной земле. Это так, мы это знаем по своим отцам и дедам.

На мой взгляд, слабость (и одновременно сила, вот ведь в чем дело) большевизма заключалась как раз в характере его религиозности. Она была еретической в том смысле, что «земля смешивалась с небом» недопустимым образом. Поясню, что речь идет о религиозности не в церковном смысле, а как способности придавать священный, не поддающийся рациональному расчету смысл вещам, словам и человеческим отношениям. Большевики идеализировали и «освящали» многие вещи, которые по сути своей могут быть лишь *от мира сего*. Так же, как недопустимо профанировать священное, нельзя и превращать в священное вещи сугубо земные. На какое-то время это возбуждает и сплачивает людей, но зато потом играет самую разрушительную роль. «Догнать Америку по мясу и молоку» не может быть священным лозунгом, и придание ему такого смысла — шаг к краху. Идея равенства людей — великая религиозная идея, но выводить из нее принципы уравниловки — значит создавать идола, который эту идею если и не подрывает, то делает беззащитной, она падает вместе с идолом.

В самых общих выражениях можно сказать, что по качеству идеологии, которую послевоенная КПСС заложила в основу общества, мы как бы отходили от уровня великих религий к уровню малоразвитого язычества — к уровню *идолопоклонства*. Была сотворена масса небольших и дешевых кумиров, которые заслонили основные идеалы. Но отношение к идолам совершенно особое — не такое, как к великим идеалам. Как только дело не идет на лад, старого идола сначала наказывают — его бьют, на него плюют и т.д. А потом выбрасывают и делают нового. Разумеется, и новый надолго не тянет, что мы и видим в хаосе свержения и сотворения кумиров — но этот процесс разрушителен для общества и отдельного человека.

Идолопоклонство упрощает и картину мира, и видение человека. Поэтому-то оно так привлекательно в моменты, когда людьми движут сильные чувства, как это бывает во время войн и революций. Культ командира или вождя, упрощенный светлый образ прошлого («как мы жили при Брежнев!») или будущего («как мы заживем после войны!») необходимы в этот момент человеку, как сто граммов спирта в морозном окопе. И отход от усложненного религиозного чувства дает человеку большую силу, когда он находится в упрощенной системе человеческих отношений, но перед лицом четкой обозначенной внешней уг-

розы — будь то явный противник или трудная для обитания природная среда.

Утонченный русский интеллигент Арсеньев оставил нам почти философскую аллегория — рассказ о Дерсу Узала. Мы видим, как язычник-удэге Дерсу, одушевляющий и даже очеловечивающий природу и исходящий из дорелигиозных ценностей, оказывается в природном мире исключительно эффективным. Он не просто помогает Арсеньеву и его казакам, он их неоднократно спасает. И вот его везут в город. Там нет угроз, там сложные социальные отношения, и он со своими представлениями о добре и зле оказывается там не просто беспомощным — он мешает людям. Он отнимает у торговца дровами деньги — потому что «земля родит деревья для всех людей», — и возникает конфликт. Арсеньев отпускает Дерсу обратно в лес — и в пригороде доверчивого Дерсу убивают молодчики-горожане. Символический конец и символично поведение Арсеньева — он обнимает Дерсу на прощанье, даже предлагает денег, а должен был бы помочь ему добраться до леса, до своей среды обитания.

Мы поступили с большевизмом неизмеримо подлее. Мы воспользовались его простотой и силой, когда нас приперло с индустриализацией или Гитлером (а раньше — с Наполеоном, неважно, что тогдашние крестьяне не были членами КПСС). Но как только мы зажили по-городскому, когда вместо дров у нас у всех появился в доме газ, мы этого язычника не отвели в заповедный лес и не обняли на прощанье. Мы пригласили тех бандитов, заплатили им сходную цену, и они убили всех этих Дерсу Узала, Чапаевых и Матросовых прямо у нас дома. Вот теперь и живи в этом доме.

Но дело сделано, а живым надо жить. *«Того, кто спас нас, больше нет»*. И при всем уважении к дорогим мне теням я не могу уклониться от вопроса: почему же не могли они ужиться в нашем благополучном городском обществе? И могли ли наши благодарные, спасенные ими интеллигенты помочь им «перевоспитаться» — или должны были искать способ сосуществования? Ведь как хотелось Яковлеву «реформировать» большевизм. Нет, пришлось умертвить (так он надеется). Сегодня наша забота никак не о Яковлеве и его сообщниках, а о том, чтобы тень большевизма успокоилась и не вернулась к нам вурдалаком. И путь к этому — понять, что произошло, и сделать шаг вперед, став не слугами и не стражами большевизма, а наследниками. Никогда отец не проклянет сына, который многое переосмыслил, но не предал предков, а пошел вперед, сохранив главное. И надо нам понять, в чем главное, а что можно оставить в прошлом. И в этом нам помогает сегодня сама жизнь и те, кто убил Дерсу. Надо разобраться, что именно они хотят изъять из нашей души — и постараться сохранить именно это.

Ибо добра они нам не желают, в этом сомнений уже не осталось.

В каком смысле я утверждаю, что для нормальной, «благополучной» жизни идолопоклонство коммунистической идеологии не годится, а нужно переходить на уровень религиозного сознания? В том смысле, что эта идеология упрощала действительность и создавала иллюзию, будто кто-то (какой-то идол) уже решил важнейшие вопросы и каждый из нас освобожден от необходимости думать и брать ответственность за свои думы. Мы должны были только верить — а за это нам обещалось светлое будущее и чудеса на этом свете. И наоборот, диссиденты могли не верить (а поклоняться другому идолу) — и при этом тоже не несли никакой душевной ответственности за свои слова и дела.

Достоевский в своей легенде о Великом Инквизиторе прекрасно показал эту разницу между идолопоклонством и религией. Христос дал человеку идеалы и позвал за собой — но не обещал за это награды «на этом свете» и не стал обращать в свою веру посредством чуда. Западная же цивилизация, в лице Великого Инквизитора, овладела душами людей, создав для них «общество потребления» (хлеб земной), дав им развлечения (детские песенки) и позволив грешить (под строгим контролем). Христос, который своим явлением нарушал этот «мировой порядок», был отправлен на костер.

Но ведь в этом пункте, пусть не главном, но очень важном, советская идеология совершила точно такой же грех, восприняв его от марксизма как одной из идеологий индустриальной цивилизации. Она завлекала людей теми же обещаниями и устройением чудес. И достаточно было благоденствию задержаться, а ловкому фокуснику показать мираж более красивого чуда («заживем, как в Штатах»), как люди, почти в соответствии с Программой КПСС, разбили старых идолов и побежали за новыми. А между тем томление души советского человека было уже таково, что ему требовалась свобода воли, возможность принятия сознательного решения, а не дешевые чудеса Хрущева или Брежнева. Потому-то, кстати, и новые идолы оказались совсем недееспособными, они послужили лишь как колотушка для свержения старых. Ну где сейчас все эти нуйкины с их детскими песенками о демократии по-горбачевски?

Этот кризис, как бы ни были тяжелы его экономические и социальные последствия, был бы не так страшен, если бы нам не противостоял столь мощный и безжалостный противник. Помогая, «по-братски», сломать наших идолов, он сумел при этом вырвать или запечатать и те фундаментальные идеи, на которых мы держались. Тут уж спасибо нашей интеллигенции — без нее никакой Великий Инквизитор этого не сумел бы сделать. В спину ударить должен был свой, родной человек. Труд-

но сегодня строить новое видение мира, новые культурные подпорки — все крупные идеи были за годы перестройки тщательно опорочены. О чем ни начнешь говорить, поднимается истошный вой: «Мы это уже проходили!» Эту эффективную формулировку, пресекающую пока что любой серьезный разговор, придумали неплохие психологи.

Но строить новый культурный каркас надо немедленно, без него не может жить человек, а становится «зверем» — хоть наемным убийцей, хоть компрадорским предпринимателем. Откладывать эту работу нельзя. И не только потому, что культурные устои нужны срочно, что умирают без них старики и отказываются женщины рожать детей. Нельзя упустить момент и потому, что подсунут нам новых яковлевых, чтобы снова насотворили они нам кумиров, хоть бы и с красным знаменем. И тогда весь цикл повторится через некоторое время снова. Но без такого большого шума и уже наверняка. Ведь уже и за первый раунд отрезали от России половину.

Так давайте взглянем трезво, что мы можем получить «от мира сего» и как при этом должны устроить совместную жизнь, чтобы не погубить душу. Выбор, как мы увидим, не так уж велик, но от чудес лучше сразу отказаться. А кому условия выбора и требования ограничить аппетит к «хлебу земному» минимальными запретами души покажутся невыносимым, кто сознательно готов повыбрасывать стариков на улицу («чтобы было как в Чикаго») — тому надо будет по-хорошему помочь поискать счастья в цивилизации Великого Инквизитора.

Лирическое отступление: какого покаяния от нас требуют?

Антисоветские идеологи периодически поднимают тему покаяния коммунистов. Многие прогрессивные коммунисты, вроде бы умывшие руки от грехов большевизма и оставшиеся с Жуковым да Гагариным, мнутя. Мы, мол, не против, но вообще-то мы в те годы маленькие были, нам мамка не говорила, чего большевики творят.

Вообще-то будоражит тему вины и покаяния и старается разбередить старые раны именно антисоветская интеллигенция, ориентированная на Запад. Именно те, кто требовали «покаяния», уже в 1989 г. при опросах выступали за «частное предпринимательство». Эти две установки сцеплены.

Кстати, если перейти к «правовому мышлению», то нынешние крики о покаянии вообще неуместны. Поезд ушел, господа. Вы сами сняли вопрос, когда запретили КПСС. Запрет партии означает сдачу дела в архив, тем более что возбужденный вами же процесс в Конституционном Суде закрыл это дело в рамках права. Компартия СССР преступной организацией не

была, и формально ей каяться не в чем. А вопросы совести воров вообще не касаются, носом не доросли.

Но допустим на момент, что все эти солженицины и боровые — действительно «совесть нации» и имеют права требовать у кого-то покаяния. В конце концов, неважно, кто и почему поднял вопрос, — он важен и для нас самих.

Что же есть для нас покаяние? Личная тайна каждого, неслышный разговор с нашими мертвыми, без адвокатов и документов. Собеседники наши — без злобы и без страсти. Объясняют нам, где мы ошиблись, где смалодушничили, а где согрешили, пошли на поводу у зверя в нашей душе. Как же поправить, стереть, уничтожить совершённые нами зло и ошибки? Кому заплатить штраф? Только потомкам — для них сделать добро, не как милость и не за плату, а как покаяние — но так, чтобы они этого и не знали. И страну по мере сил укрепить, она нашим мертвым была дорога.

Когда говорят о большевиках, которые прошли 20—30-е годы, за которые как раз и требуют покаяния сытые демократы, каждый вспоминает свои образы. Ничтожная кучка вспоминает папаш — партийных боссов. Академик Шаталин сидел всегда на коленях у секретарей ЦК, к секретарю обкома уже и не садился. Гайдар тоже, видно, на пайках из спецраспределителя подорвал себе обмен веществ. Но миллионы и миллионы знают большевиков из числа своих родных как тех, кто тянул ляжку и чувствовал себя в ответе за все.

Мне, да и, думаю, почти всем, показалась бы смешной сама мысль требовать покаяния от Гайдара и подобных ему. Они совершенно чужды проблеме спасения души и понимают только уголовное право. Так что нам остается думать о покаянии этих большевиков-трудяг, «революцией мобилизованных и призванных». Тех, кто, как мобилизованный, шел не за славой и не за жирным куском, а именно потому, что мобилизован.

Будем считать, что мы примерно знаем, какие раны нанесли большевики стране, которую они собирали по косточкам, — после того, как ее разворовали, растлили и рассыпали буржуи в паре с Распутиным да демократы Керенского с Деникиным.

Нам уши прожужжали о том, как Ленина везли в запломбированном вагоне с согласия германского штаба. Тут бы и процитировать «Окаянные дни» Бунина — якобы самую разоблачительную книгу о революции. Кого же она разоблачает? По мне, так именно те круги либеральной буржуазной интеллигенции, в которых вращался Бунин. Это ведь они мечтали о сдаче России немцам, чтобы те расправились с большевиками. Именно большевики собрали, что можно, из разваленной тогдашними демократами армии и отбили немцев — даже Ельцин не ос-

мелился отменить праздник 23 февраля, день создания Красной Армии.

Но разве это была общенациональная победа? Нет, для многих это был крах надежд на «спасение Западом». Уже тут возник раскол, глубину которого хорошо передал Бунин. Большевика он изобразил в виде «синеглазого рабочего», который на улице встрял в разговор с буржуазными дамами. Одна из них, как пишет Бунин, «наивно вмешалась, стала говорить, что вот-вот немцы придут, и всем придется расплачиваться за то, что натворили. — Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем, — холодно сказал рабочий и пошел прочь. Солдаты подтвердили: «Вот это верно!» — и тоже отошли».

Так вот, старовойтовы и пр. требуют покаяния от этого «синеглазого рабочего» и этих солдат, а не от наивной дамочки и приятелей Бунина. Помню, как я сам, тупой студент, вскормленный мирным хлебом в новеньком, с иголочки, МГУ, уже тронутый ветрами XX съезда, приставал с требованием покаяния к двум моим дядьям-большевикам — которые были мне поближе и подступнее, подобнее.

Кого же я травил? Оба коммунисты с молодых ногтей, оба потрепаны жизнью. Один имел большие способности к математике, приехал на крыше вагона, поступил на математический факультет. А тут призыв добровольцев в авиацию — ушел, стал летчиком. После окончил с отличием две академии, командовал полком, дома не бывал, днем и ночью на аэродроме. В сорок два года стал стариком. Другой «нераскаявшийся» с детства прибил в Средней Азии к армии, пятнадцать лет воевал с басмачами. Потом окончил два вуза и осваивал нефть Небит-Дага с туркменами-пастухами, по пояс в ледяной воде. Это — партработник. И что меня еще с войны, ребенком, поражало в обоих — небывалая доброта к людям. В самых простых местах — в электричке, на базаре, на улице. Что бы они сделали сегодня, увидев на улицах Москвы голодных и босых таджикских детей? И когда я, в своем безгрешном самодовольстве, заводил сорок лет назад свои речи о покаянии, то не понимал, почему они так переживали. Почему, ни от чего не отрекаясь и ни на кого не сваливая вину за историю, они говорили что-то сбивчивое, нечленораздельное, вроде того, как пишет Андрей Платонов.

Сейчас-то я понимаю, что они именно совершали, ежедневно и непрерывно, подвиг покаяния, они просто горели им, хотя эти слова были бы им противны. Может быть, они даже предчувствовали, что после их смерти придут и всем завладеют Гайдар и Боровой. И во мне, родной крови, видели глупого сообщника этих будущих душителей большевизма.

И вот, вспоминая сегодня дела и мысли этих принявших на себя вину большевиков, я бы сказал всем — и Солженицыну, и

Яковлеву, и современным прогрессивным коммунистам: те большевики в целом, как «орден меченосцев», приняли и совершили покаяние. И такое, до которого нынешняя дряблая мысль и не поднимется. И самое главное, что это покаяние было понято и принято народом — опять же без слов и без документов.

Это покаяние — в том, что три состава ВКП(б) было выбито за войну на передовой. Вот уровень ответственности, вот чем покрыто и стерто вольно или невольно причиненное народу зло. Кто скажет, что народ не принял этого покаяния? Чего вы требуете после этого и по сравнению с этим?

А это — не покаяние ли страшное, когда большевики положили под топор всю ленинскую гвардию? Когда отдали Тухачевского, громившего деревни Тамбовщины? Ах, нехорошо, необоснованные репрессии. А почему же народ это принял, хотя сам нес от этого тяжелые потери? Такой у нас кровожадный народ? Тогда перед кем же каяться — перед Новодворской? Нет, народ у нас не кровожадный, а просто то самобичевание ВКП(б) было воспринято как покаяние — и зачтено.

А вот дела уже радостные, праздничные — но и в них покаяние. Это — ритуальные, выходящие за рамки экономической разумности послевоенные снижения цен. Какой Ясин объяснит нам смысл тех сообщений? А люди моего возраста помнят. Это был общий праздник — государства и простившего его грехи народа. Так кающийся и уже прощенный человек раздает свое добро, и люди берут с радостью, оказывая ему милость. Потому-то советское государство с непонятным упорством держалось за буханку по 18 коп. В этом была тайная сила. Рухнула эта буханка — и убили СССР. Какого теперь покаяния вы хотите, политические клоуны?

Грех новым коммунистам даже объясняться по этому поводу со всякими Сванидзе. Ведь их стандарт — Марк Захаров, сжигающий перед телекамерой какую-то корочку (может, даже свой партбилет, хотя вряд ли — бутафории у него хватит). Нельзя даже шаг делать в этом направлении — разные у нас культурные устои. Даже на самый невинный акт покаяния, милостыню, накладывает Евангелие строжайшую норму: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми, чтобы они видели вас. Когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне».

Но надо еще напомнить всем тем, кто надеется, что немцы уже заняли Петербург и «синеглазый рабочий» у них под каблучком. Русская история завещала еще один вид покаяния. Когда безжалостный, обманом одолевший враг припрет к последней

черте, люди обязаны до глубины души покаяться — за то, что они сделают с этим врагом. Так каялось три дня войско Минина и Пожарского перед тем, как идти на Москву.

Не напрашивайтесь на такое покаяние. Оно ведь тоже потаенное, и вы его можете не заметить.

Глава 2

ДИССИДЕНТЫ — СОВЕТСКАЯ «ЗАКВАСКА» АНТИСОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

В 60-е годы зародилось, а в 70-е стало важным явлением общественной жизни СССР течение, которое получило туманное название «диссиденты». Это были полуформальные организации активных антисоветских деятелей. С течением времени их организации все больше формализовались — налаживалась связь, финансирование, база для издания и распространения печатных материалов.

Поскольку все это разношерстное движение было тесно связано и с КГБ в СССР, и со спецслужбами Запада, об организационной стороне дела известно мало. Впрочем, мелких, но красноречивых свидетельств в литературе достаточно, и когда-нибудь найдутся историки, чтобы составить подробную фактическую картину. Для нас здесь важно то влияние, которое диссиденты оказывали на общество, — независимо от того, что творилось у них на кухне.

Сразу сделаю оговорку, ввиду того, что над нами довлеет механистическое представление о том, что влиятельно то, чего много. А поскольку диссидентов была ничтожная кучка, то реально повлиять на массовое сознание они не могли. Это ошибочное представление — уже в Библии хорошо объяснена роль «закваски», дрожжей, ничтожного по величине, но активного и размножающегося элемента системы.

Реально действительность диссидентов постоянно присутствовала в сознании практически всей интеллигенции, в особенности партийно-государственной элиты. Тот факт, что она непосредственно не достигала крестьян и в малой степени достигала рабочих, дела не меняет — идеи диссидентов до этих массивных групп населения доводили агрономы и учителя, врачи и инженеры.

Второе важное обстоятельство, которое часто упускается из виду, состоит в том, что диссиденты работали в системном взаимодействии с пропагандистской машиной Запада. А это была такая мощная служба психологической войны, что нам и представить себе трудно. Без участия диссидентов — «наших», из-

нутри советского общества, пропаганда «оттуда» потеряла бы большую часть своей силы. Диссиденты с «Голосом Америки» вместе составили систему с сильнейшим кооперативным эффектом, а в такой системе бессмысленно оценивать силу по количественным размерам отдельных элементов.

Наконец, деятельность диссидентов была и потому эффективна, что они, как это ни парадоксально, были включены в большую и слаженную систему буквально общенародного обсуждения общественных, гражданских проблем. Парадокс в том, что это была именно советская система, которая обязывала каждого члена общества участвовать в этом обсуждении — через собрания, систему «политпросвещения», общество «Знание», СМИ. Официальная, открытая часть этой системы во многом не удовлетворяла новые поколения, а то и опротивела им. Диссиденты стали «теневой» частью этой системы, они работали на контрастах, в новых жанрах, как «творческое меньшинство» — но они использовали инфраструктуру официальной системы. Жванецкий выступал со своим антисоветским юмором на собраниях трудовых коллективов, организованных тем же «сектором культпросветработы», что на другое собрание приглашал лектора по международному положению, какого-нибудь большого или маленького А. Бовина. Диссиденты были вирусами, которые пользуются огромным аппаратом клетки. Они на ней паразитируют, нет клетки — нет и вируса. Поэтому понятно, почему теперь, когда вся эта система сломана, оппозиция рыночным реформам, имея в главных своих установках поддержку большинства населения, по эффективности своих сообщений не идет ни в какое сравнение с теми диссидентами, которые паразитировали на советской системе «политпросвета».

Таким образом, важно учитывать взаимодействие разных частей системы. Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции.

Но и эффект печатной продукции «самиздата» был велик. Старый, испытанный еще в Великой французской революции прием захвата аудитории — представление идеологических сообщений в виде «запретного плода». Именно тогда, в период деятельности энциклопедистов, возник «самиздат» — изготовление и распространение нелегальной и полуполигальной литературы. В СССР эта индустрия расцвела в 60-е годы как средство психологической войны (к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов). Тогда в СССР даже ходил анекдот: старушка перепечатывает на машинке «Войну и мир» Толс-

того. Ее спрашивают: «Вы что, с ума сошли?» — «Нет, я хочу, чтобы внучка роман прочитала, а она читает только то, что напечатано на машинке».

Иными словами, захват аудитории в программе «Самиздат» достигался не высокой ценностью самого материала, а искусственно созданной приманкой — запретностью текста. Кто сегодня станет читать эти надрывные малохудожественные поделки! Авторы, издатели и распространители «самиздата» обращались к подавленным официальными нормами стереотипам в сознании. Это делало читателя как бы посвященным, причастным к какому-то тайному и важному «общему делу». Интересный исторический и социологический обзор «самиздата» в Чехословакии опубликован президентом чешского социологического общества М. Петрусек (Петрусек. М. Чехословацкий самиздат как фактор социальных изменений. — СОЦИС, 1993, № 8). Очень многие наблюдения и выводы прямо приложимы и к «самиздату» в СССР.

Главный эффект от деятельности диссидентов состоял не в том, что они смогли доказать порочность советского строя и убедить в этом людей — они для этого не имели ни целостной системы доводов, ни какого-то позитивного проекта, который могли бы противопоставить советскому. Более того, диссиденты разных течений, составляя все же одну, соединенную антисоветским пафосом партию, зачастую атаковали советский строй с совершенно противоположных позиций. Например, Сахаров мог проклинать СССР за русский имперский шовинизм, а его соратник и сотоварищ Шафаревич — за якобы лежащую в основании советского государства русофобию. И ничего — никакой идейной или личной вражды.

Результат усилий диссидентов был гораздо фундаментальнее и глубже, ибо он не лежал в рациональной сфере (доказательство чего-то с разумными аргументами). Диссиденты сыграли роль еретика в монастыре — еретика, который даже не утверждал, что Бога нет, и не предлагал иной картины мира, он лишь предлагал обсудить вопрос «*а есть ли Бог?*». Конечно, рационализация советской идеологии и сокращение в ней идеократического компонента назрели — иным стал уровень и тип образования, утрачена память о бедствиях, которые легитимировали тотальную сплоченность. Поэтому инициатива диссидентов была, в общем, благожелательно воспринята даже в совершенно лояльных к советскому строю кругах интеллигенции.

Однако никакого результата, полезного для нашего народа, от работы диссидентов я найти не могу — потому, что они очень быстро подчинили всю эту работу целям и задачам врага СССР в «холодной войне». И те плоды поражения СССР, которые мы сегодня пожинаем, можно было вполне предвидеть уже в 70-е

годы. На совести диссидентов — тяжелейшие страдания огромных масс людей и очень большая кровь.

Диссиденты подпиливали главную опору идеократического государства — согласие в признании нескольких священных идей. В число таких идей входили идея справедливости, братства народов, необходимость выстоять в «холодной войне» с Западом. Диссиденты, говоря на рациональном, близком интеллигенции языке, соблазнили ее открыто и методично поставить под сомнение все эти идеи. Сам этот вроде бы невинный переход на деле подрывал всю конструкцию советского государства, что в момент смены поколений и в условиях «холодной войны» имело фатальное значение.

Разумеется, без того, чтобы на сторону противника в «холодной войне» перешел весь правящий слой (номенклатура), эффект от диссидентов был бы нулевым — обоснование советского строя вполне могло бы быть переведено на язык рациональных понятий, и в открытом диалоге никакого шанса на успех диссиденты иметь не могли. Более того, в этих условиях само их внутренне противоречивое движение просто исчезло бы. Так что уже с 70-х годов его живучесть и успех определялись уже не только явной поддержкой Запада, но и тайной поддержкой номенклатуры вплоть до ее высших уровней. При этом, поскольку будущие «архитекторы и прорабы» перестройки ориентировались именно на союз с Западом, то режим наибольшего благоприятствования предоставлялся диссидентам-«западникам». Если против них и применялись «репрессии», то к этому обязывали сам жанр политического спектакля и роль диссидентов как «борцов с тоталитаризмом». Не было бы Сахарова времен перестройки без его «ссылки» в ужасный город Горький.

Судя по публикациям и выступлениям диссидентов во время перестройки, в большинстве своем они были людьми с очень специфическим, суженным сознанием, в котором мессианская идея борьбы с «империей зла» потеснила, а порой и вообще вытеснила здравый смысл и ценности, утверждающие жизнь обычного человека. Поэтому, как бы ни относиться к идеям диссидентов, ни в коем случае нельзя было в 80-е годы допускать их к власти и тем более делать законодателями в сфере морали и политики. Строго говоря, сам жизненный «жанр» диссидента этому противопоказан. То, что бригада Горбачева — Яковлева вытаскила этих людей на политическую арену, было чревато большими издержками (как это и произошло в драматической форме, например, в Грузии или Таджикистане).

Призрак катастрофы уже потому мы должны были заметить, что идолом у возбужденной антисоветской публики стал академик А. Д. Сахаров — безумный наивный старец, который всю жизнь «под колпаком», в искусственной обстановке, коркорпел

над водородной бомбой. А потом вырвался в воображенный им мир и оказался под таким же колпаком иностранной прессы и подсадных «диссидентов». И стал вещать с авторитетом пророка: разделить Россию на 50 нормальных государств! Немедленно разрешить куплю-продажу земли! Но что он мог знать о земле или о купле-продаже хотя бы картошки — из какого жизненного опыта? Прочтите сегодня, на свежую голову, все его статьи и речи, ведь в них нет и следа тех проблем, которыми живет человек в России. Читаю и думаю: да знает ли он хоть русскую литературу?

Хотя диссидентство было очень разношерстным и изменчивым течением, в нем можно выделить главные направления. Основным из них и по масштабу, и по влиянию являлось направление «западников». Оно в конце 80-х годов и пришло к власти (точнее, было взято властью в качестве прикрытия). Символом и выразителем этого направления был А. Д. Сахаров. Около него находилась другая влиятельная фигура — Е. Г. Боннэр, в чем-то более радикальная и ярко выраженная, но в принципе разделяющая главные установки Сахарова.

Сахаров, безусловно, взят как знамя той радикальной антисоветской партией, которая пришла к власти в 1991 г. и с тех пор определяет ход «реформ»*. В 1994 г., к 73-й годовщине со дня рождения А. Д. Сахарова, Администрация Президента РФ издала брошюру («Слово о Сахарове. Научно-практическая конференция, посвященная 73-й годовщине со дня рождения А. Д. Сахарова». Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации. — М., 1994). В ней — выступления тех, кто собрался на конференцию по случаю такого события. Показателен состав участников: Е. Г. Боннэр, С. А. Ковалев, А. Н. Яковлев, С. В. Степашин, А. В. Козырев, Ю. Ф. Карякин, А. И. Приставкин, С. А. Филатов и др.; открывается брошюра обращением Б. Н. Ельцина.

Вот слова С. А. Филатова, тогда главы Администрации Президента: «В этом зале собрались те, кто считает себя учениками Андрея Дмитриевича... кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось... Тем большая ответственность лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров... Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова».

Учитывая такое редкое признание власти, угрожающий смысл

* Ниже я цитирую выдержки из опубликованного наследия А. Д. Сахарова по большому обзору Сергея Обогуева «Андрей Дмитриевич Сахаров», помещенному в Интернете.

слов о «нелегкой миссии», а также почти религиозный фанатизм, с которым к Сахарову относилась влиятельная часть интеллигенции, надо наконец выделить то главное, что «Андрею Дмитриевичу мечталось».

Прежде всего, по своей жизненной философии Сахаров — именно диссидент. Его симпатии распространялись прежде всего на маргиналов, на «меньшинства», атакующие нечто цельное и стабильное (политический порядок, культурное ядро, религию или мораль). Он, например, с одобрением относился к роману Салмана Рушди и с антипатией — к гневу мусульман, оскорбленных кощунством этого романа.

Обостренное отношение у него было и к малейшему, даже надуманному или искусственно создаваемому, конфликту меньшинства с целым. Например, важной темой в идеологической антисоветской кампании в 60-е годы стал пресловутый «государственный антисемитизм» в СССР. Сахаров в «Меморандуме» (1968) пишет: «Разве не позор очередной рецидив антисемитизма в кадровой политике (впрочем, в высшей бюрократической элите нашего государства дух мешанского антисемитизма никогда полностью не выветривался после 30-х годов)?» («Меморандум академика Сахарова. Текст, отклики, дискуссия». — Франкфурт: Посев, 1970).

Напротив, позиция целого или массивной, ядерной части общества или государства вызывает у Сахарова явную антипатию. В 1989 г. большую поддержку сепаратистам оказали речи Сахарова, в которых он клеймил «политику великодержавного шовинизма советского государства». В обществе он ценил именно малые группы, которые противопоставляют себя национальному целому и вообще массе людей, живущих обыденной жизнью («мешанство»). Он писал в «Меморандуме» в характерной классовой фразеологии: «Наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мешанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции».

В 1980 г. Сахаров так видит главные отрицательные черты советского человека, не входящего в «наиболее прогрессивную, интернациональную и самоотверженную часть»: «Идеология советского мешанина (я говорю о худших людях, но они, к сожалению, весьма распространены среди рабочих, крестьян и интеллигенции) состоит из нескольких несложных идей: 1) культ государства; 2) эгоистические стремления; 3) идея национального превосходства, принимающая темные, истерические и погромные формы».

Сахарову претит само устройство СССР как единого государства, ядром которого являлся русский народ. В предвыбор-

ной программе в феврале 1989 г. он декларировал: «Компактные национальные области должны иметь права союзных республик» (Сахаров А. «Воспоминания». Издательство Права Человека. — М., 1996, т. 2). А в другом документе требовал, чтобы в Союзе вообще все структурные единицы имели статус союзной республики. По этой схеме вместо 15 союзных республик их возникло бы около 150.

Что же касается представлений о мироустройстве и месте России в мире, то Сахаров был убежденным мондиалистом — сторонником исчезновения наций и унификации мира под властью мирового правительства. Уже в «Меморандуме» он пишет: «Человечество может безболезненно развиваться только как одна семья, без разделения на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций». Главной, безусловной, конечной целью Сахаров считал «конвергенцию стран с различным строем».

В своем проекте конституции «Союза Советских Республик Европы и Азии» Сахаров пишет: «В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к конвергенции социалистической и капиталистической систем... Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства».

Но из всей совокупности его заявлений видно, что желанное для него Мировое правительство — это правительство Запада, и прежде всего США. В телеграмме Картеру в 1976 г. он пишет: «Я уверен, что исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей» (Сахаров А. «Тревога и надежда». Нью-Йорк: «Хроника», 1978). Напротив, СССР для Сахарова — именно империя зла, мутант цивилизации, не имеющий права на существование: «60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных преступлений» и т.п. (1977).

При этом Россия до возникновения СССР — это вообще черная дыра, хуже СССР. В 1981 г. в статье для американской газеты Сахаров пишет о политике СССР, указывая на ее очевидно преступный, на его взгляд, уклон: «Потеряв далекую перспективу... партийная власть продолжает традиционную русскую геополитику» (Сахаров А. «Воспоминания»). Кстати, взгляды Е. Боннэр на этот вопрос еще радикальнее: «У нас политическая биография началась только в 1988 году, до этого у нашей страны ее не было».

В «холодной войне» Сахаров становится на сторону Запада против СССР категорически и открыто. В интервью «Ассошиэйтед пресс» в 1976 г. он заявляет: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». В 1979 г. он пишет в большом

письме на Запад (писателю Г. Бёлю): «Пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя, сталинский фашизм — сейчас советский тоталитаризм». В СССР он видит угрозу миру и уповает лишь на Запад: «В этом отношении я верю в Западного человека, в его ум, устремленный к великим целям, его благие намерения и его решительность».

Сахаров требует от Запада практических мер: «Чрезвычайно важны экономические и политические санкции... В частности, необходим широчайший, насколько только возможно, бойкот московской Олимпиады. Каждый зритель или атлет, приезжающий на Олимпиаду, будет оказывать косвенную поддержку советской военной политике».

Дело доходит до упреков Западу за то, что он в годы Второй мировой войны был слишком щедр по отношению к СССР: «То, что Запад признал изменение границ в результате Второй мировой войны, — это в какой-то мере уступка Советскому Союзу, потому что целый ряд из этих изменений мог бы являться предметом дискуссии» (Сахаров А. «Тревога и надежда»).

Это — малая толика высказываний, которые никак нельзя назвать импульсивными или непродуманными. Они отражают целую концепцию большого долгосрочного проекта, который в большой степени и реализовался в перестройке и реформе в СССР и теперь в России, а также в формировании Нового мирового порядка с установлением Мирового правительства с безграничной властью Западного человека. Эта разрушительная утопия, конечно, будет остановлена, но горя людям она уже принесла и еще принесет немало.

Поразительно, что множество умных интеллигентных людей читают все эти антисоветские, а в глубине русофобские заявления Сахарова, благоговейт перед ним — и в то же время считают себя просвещенными демократами, а то и патриотами России. Здесь наблюдается расщепление сознания.

К диссидентам-западникам примыкает небольшая группа детей и внуков репрессированных высших партийно-государственных деятелей. Некоторые из них давно и открыто декларировали себя как врагов советского строя, другие делали это уклончиво. Но важно, что в то же время они были частью советского номенклатурного истеблишмента и через разные каналы получали поддержку — моральную, да и материальную. С. Семанов приводит такие данные. В 1968 г. в издательстве ЦК КПСС «Политиздат» при ведомстве А. Н. Яковлева была учреждена серия «Пламенные революционеры». Это была серия с тиражами 200 тыс. экземпляров и самыми высокими тогда гонорами. Вот какие книги она издала в 1970 — 1974 гг.: Гладилин А. «Евангелие от Робеспьера»; Окуджава Б. «Глоток свободы», «Повесть о Пестеле»; Аксенов В. «Любовь к электричест-

ву», «Повесть о Красине» (2 издания); Войнович В. «Степень доверия», «Повесть о Вере Фигнер» (2 издания); Корнилов В. «Сказать не желаю», «Повесть о В. Обнорском»; Гладылин А. «Сны Шлиссельбурга», «Повесть о Мышкине». Итак, самая привилегированная серия партийного издательства привлекает восемь авторов с крайне антисоветскими взглядами (шесть из них, получив гонорары, эмигрировали, «от кассы ЦК КПСС прямо к сейфу радио «Свобода», Окуджава и Корнилов остались диссидентствовать дома). С. Семанов пишет: «Почему, например, из сонма «ленинской гвардии» Аксенов выбрал именно Красина? Да ясно. В ту пору во главе «диссидентов» шли потомки той самой «гвардии»: сын Якира, внуки Красина и Литвинова. Они настойчиво требовали от брежневского руководства причитающейся им доли «революционного наследства». Аксеновский кукиш в кармане был тогда понятен всем, кому предназначался» (Семанов С. «Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки». М.: Вече, 2001).

Особенно показателен Б. Окуджава, сын расстрелянного партийного деятеля и популярный бард... Мне его песни нравились, и я их сам про себя распевал, пока не вскрылся весь проект, певцом которого он оказался. То есть когда подтекст вышел наружу. В нем — комбинация мессианства с романтизацией гражданской войны и отказом от советского строя. «Пыльные шлемы комиссаров» лишь казались чем-то странным на фоне лирики. Но когда вслушаешься в «Моцарт отечества не выбирает» и «Артиллерия бьет по своим», то эти «пыльные шлемы» уже выглядят как предупреждение. А потом оказалось, что за лирикой стоит выношенная ненависть. Причем ненависть демонстративная, агрессивная. Ведь после расстрела Дома Советов, которым наслаждался Окуджава, он дал об этом целых несколько интервью. Многие в это не верили. Я самолично видел по телевизору, как он сказал нечто подобное. А прежде чем процитировать его самые людоедские слова в статье, я специально выяснял: неужели он сказал буквально то, что ему приписывали?

Символом и центром притяжения другого течения диссидентов стал А. И. Солженицын. Он был менее западником, чем Сахаров, а иногда даже играл роль «почвенника». Однако в «холодной войне» исправно воевал на стороне Запада, в существенных вопросах никогда не ставя под сомнение правомерность антироссийских целей этой войны. Да и за последние годы, когда разрушение России в результате этой войны для всех стало очевидностью, его критика в адрес разрушителей ограничивалась очень туманными упреками морального характера. Мол, полегче бы, помягче!

Солженицын работал как писатель, действовал пером. Но он

стал исключительно важным и активным политиком, и именно в этой его ипостаси он здесь нас и интересуется. Он (хотя и не один) выработал определенную идеологию, логику, универсум символов и даже технологию политической войны. Все это было усилиями большой идеологической машины распространено в СССР и России в сфере этики и общественного сознания. Большую роль в повороте западной интеллигенции к антисоветизму сыграл шедевр фальсификации — «Архипелаг ГУЛАГ» — созданный буквально в лаборатории и сильно бьющий по чувствам идеологический продукт.

Тот факт, что интеллигенция выбрала Солженицына как пророка и кумира, — вещь, требующая исследований и размышлений. Я думаю, здесь есть проблема большая и фундаментальная. Я понимаю, что многие искренне восхищены им как писателем и о вкусах не спорят, но есть здесь что-то темное и непонятное. Выскажу свою точку зрения, поскольку все же перед нами прежде всего не художник, а чрезвычайно активный идеолог, сыгравший в поражении СССР немалую роль.

Факт в том, что писатель невысокого уровня в мнении интеллигенции получает статус классика — исключительно «по анкетным данным» (узник ГУЛАГа, изгнанник, борец). Я вообще раньше не верил, что кто-то в действительности смог дочитать его романы (я не смог даже в «самиздате»). Оказалось, я глубоко заблуждался, но я знал и женщин-демократок, которые считали красивыми мужчинами Е. Т. Гайдара и Г. Х. Попова.

Другой факт состоит в том, что человек злой, мстительный и с совершенно тоталитарным мышлением получает у интеллигенции статус духовного пастыря. Я, например, вынужден признать себя демократом (по-моему, демократизм вообще широко распространен среди русских, хотя им об этом не говорят). Но именно поэтому я принимаю общинный тоталитаризм, когда припрет (кстати, тоталитаризм крестьянской общины тоже проявлялся именно в голодные годы). Но когда я стал читать «Архипелаг», я его бросил с отвращением именно потому, что весь он был проникнут сталинизмом, только вывернутым наизнанку — тоталитаризм антиобщинный.

Человек, на мой взгляд, пошлый и с низкими моральными свойствами получает статус совести интеллигенции. Это вызывает самое тяжелое чувство. Надо только почитать его собственные письма и дневники — неужели не видно?.. Человек становится осведомителем в лагере без всякого давления, легко и сразу. Об этой стороне деятельности Солженицына сведения приведены в таких публикациях. Бушин В. Александр Исаевич Ветров, Нобелевский лауреат. — «Шпион-Спру», 1994, № 4, с. 75—86. Там даны материалы немецкого криминалиста и писателя Ф. Арнау, изучавшего жизнь А. И. С. в лагере и, видимо,

купившего или получившего в КГБ кое-какие копии. В «Военно-историческом журнале» (1990, № 12) были перепечатаны материалы из журнала «Neue Politik», 1978, № 2 (Гамбург).

Может быть, факсимильные публикации его донесений и эти его письма и дневники — фальсификация? Не похоже, никаких возражений ни с какой стороны не было. Но нельзя же игнорировать дневники своего же кумира! Все это странно и симптом очень нехороший. Как будто люди выбирают себе духовных пастырей не по велению совести, а по какой-то идеологической разнарядке. Но все это лишь дополняет автопортрет А. И. Солженицына.

Третьей символической фигурой в движении диссидентов был И. Р. Шафаревич. Он создал (и ему был создан) образ русского православного просвещенного патриота. Для укрепления этого образа он даже подвергается в стане «западников» мягким гонениям за якобы присущий ему антисемитизм (в связи с его книгой «Русофобия»). Его сторонники убедительно доказывают, что никакого антисемитизма в идеях И. Р. Шафаревича нет — и такое равновесие поддерживается.

Фигура И. Р. Шафаревича особенно важна ввиду того, что, в отличие от диссидентов-западников и даже от Солженицына, в общем, примкнувших к победителям в «холодной войне» и стоящих на стороне нынешнего политического режима в России, И. Р. Шафаревич, как говорится, «перешел на сторону народа». Он по ряду вопросов резко критикует нынешний режим и близок к оппозиции, в том числе к верхам КПРФ. Таким образом, он продолжает оказывать определенное влияние на сознание той части общества, что отвергает антисоветские реформы. Главное значение этого влияния в том, что И. Р. Шафаревич остается категорическим и принципиальным врагом советского строя и регулярно вводит в сознание оппозиции очередную дозу антисоветизма.

В этом смысле И. Р. Шафаревич относится к совсем иному типу антисоветских интеллектуалов, чем, например, В. Максимов или А. Зиновьев, — те, поняв, что они «целились в коммунизм, а стреляли в Россию», резко порвали со своим диссидентским прошлым. И. Р. Шафаревич же методично продолжает выполнять свой антисоветский проект. Самым важным результатом этого является не переход людей на антисоветские позиции, этого не заметно, а расщепление, шизофренизация сознания тех, кто идет за оппозицией, — подрыв возможности выработки понятного положительного проекта.

Если взять два практически несовместимых в реальных условиях «холодной войны» идейных блока «активный антисоветизм» и «патриотизм», то в идейной платформе И. Р. Шафаревича, очевидно, фундаментальным является именно антисове-

тизм. Патриотизм — его «страдающая» часть, если не «легенда». В операции по подрыву национально-государственного устройства СССР И. Р. Шафаревич высказывал совершенно те же тезисы, что и, например, крайняя западница Г. Старовойтова (иногда совпадение почти текстуальное).

Сразу после роспуска СССР в Беловежской Пуше, который стал для подавляющего большинства русских трагедией и воспринимался как преступление, И. Р. Шафаревич выступил с большой статьей «Россия наедине с собой» («Наш современник», 1992, № 1), где очень высоко оценивал эту акцию. Кстати, само название говорит о том, что генетически взгляды И. Р. Шафаревича никак не связаны с царской Россией — никто тогда не считал, ни монархисты, ни белые, ни красные, что *Россия наедине с собой* расположена на территории нынешней РФ.

В этой статье И. Р. Шафаревич формулирует постулаты, вытекающие из его антисоветской позиции, но находящиеся в вопиющем противоречии с реальностью. Он пишет: «Мы видим, что Россия в своих новых пределах может оказаться вполне жизнеспособной, куда крепче стоять на ногах, нежели бывший СССР». Как же он это увидел? Представил бы он себе нашествие Гитлера на эту *Россию в своих новых пределах* и сравнил с СССР.

Что же хорошего видит И. Р. Шафаревич в уничтожении СССР? Прежде всего, разрыв связей с большими нерусскими народами. Он пишет: «Мы освободились от ярма «интернационализма» и вернулись к нормальному существованию национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств». Тут он грешит против исторической правды. «Мы» ни к чему не вернулись, а переброшены в новое для России качественное состояние. «Ярмо интернационализма» возникло вместе с появлением Киевской Руси, когда государство изначально складывалось как многонациональное. Идея создания «нормального национального русского государства» просто скрывает в себе идею уничтожения России.

Второе благо от дела Ельцина, Кравчука и Шушкевича и их хозяев И. Р. Шафаревич видит в смене *общественного строя*: «Другое несомненное благо происшедшего раскола в том, что он поможет окончательно стряхнуть мороку коммунизма. Еще с начала 70-х годов я начал писать о социализме и коммунизме как о пути к смерти (конечно, в самиздате, с переизданием на Западе)».

После этого всякая критика в адрес Ельцина и Чубайса, которые что-то сделали не так тонко, как хотелось бы И. Р. Шафаревичу, имеет ничтожное значение — Степан Бандера тоже немцев критиковал, а только стрелкового оружия на 100 тысяч боевиков от них получил. В происшедшей катастрофе И. Р. Шафаревич видит благо, он ее готовил с начала 70-х годов и при

этом выступал в союзе с Западом. И. Р. Шафаревич — типичный «власовец холодной войны». А это была война против России, а не против «мороки коммунизма» — уж такие-то вещи академик должен был знать.

В ненависти к СССР И. Р. Шафаревич даже изощряется, выкапывает сложные, необычные метафоры: «Логически такой же [как при построении СССР] принцип встречается в верованиях некоторых негритянских культов на Гаити. Там верят, что колдун может убить человека и вернуть из могилы в виде особого полуживого существа, зомби, действующего лишь по воле колдуна. Вот таким зомби и был СССР, созданный из убитой России».

Мелочность и неадекватность этого вычурного сравнения поражает. Но главное — за ним я вижу ненависть именно к России. Страна, которая провела Великую Отечественную войну, — *зомби!* Александр Матросов и Зоя Космодемьянская действовали по воле «кремлевского колдуна!» Как надо пасть в мыслях и духе на склоне лет, чтобы сказать такое.

Удивляет, что И. Р. Шафаревич получил официальный титул патриота при том, что он отвергает именно сложившийся за многие века принцип построения Российского государства и предлагает взять за образец «нормальные» государства Запада (ведь все же, наверное, не Заир): «На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства — такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира».

Явные подтасовки не смущают диссидента из математиков. Дореволюционная Россия по своему устройству никак не была похожа на «подавляющую часть государств мира», и ничего «нормального» в этом деле нет ни в США, ни в Германии — тип государства вырастает не логически, по какому-то правильному шаблону, а исторически.

И венчает эта хвала убийцам СССР нелепая, просто дикая в своей антиисторичности мысль: «Россия может считать себя преемником русской дореволюционной истории, но уж никак не преемником СССР, построенного на заклянии русского народа. Иначе тот ужас, который внушает коммунистический монстр, будет переноситься на Россию».

Так мы и живем — с Шафаревичем и Новодворской в одном флаконе. И промывают нам мозги этим шампунем с утра до ночи.

Наконец, выделю еще одно, сравнительно небольшое и малоизвестное, но очень, на мой взгляд, важное течение диссидентов — тех, кто не был и не стал врагом СССР в «холодной войне» и не вступил в союз с его открытыми врагами, но в же-

лании «исправить» пороки советского строя на время оказался в стане диссидентов.

Недавно были опубликованы воспоминания одного из таких диссидентов, В. Осипова. Он пишет во введении: «Я отсидел два срока: семь лет за «площадь Маяковского» и восемь лет за журнал «Вече». Первый срок заработал по бестолковщине, попал как кур в ошип. Тогда главным фактическим обвинением было якобы намерение... убить Хрущева. Терроризм мне претил даже в молодости, но у меня в двадцать три года не нашлось твердости сказать сразу тем, кто затеял болтовню о терроре: «Я слушать это не хочу и обсуждать сие не намерен. До свиданья!» И мне было горько сидеть непонятно за что.

А вот вторым сроком я горжусь. Я бы и теперь сел за издание русофильского журнала. За чистое и благородное дело» (Осипов В. Н. Из истории «русских мальчиков». — Москва, 1999, № 8—10).

Вкратце история его такова. В 1957 г. он, студент истфака МГУ, был на целине в Кустанайской области. Когда вернулись в Москву, на истфаке разбиралось дело секретаря комитета ВЛКСМ факультета Льва Краснопевцева. Он организовал подпольную группу «Союз патриотов России» — «они тайно собирались в общежитии и обсуждали свои рефераты с критикой советской системы. Мировоззренчески пытались совместить большевизм с меньшевизмом».

Сам В. Осипов в это время подготовил для семинара доклад, в котором доказывал, что комбеды были «проводниками антикрестьянской политики коммунистической партии». На семинаре его «подвергли мощному политическому прессингу» (надо понимать, возразили).

Осенью 1958 г. он вступил в другую «подпольную группу» («...собирались еженедельно и перемывали косточки марксизму-ленинизму, вечно живому учению; собрались было издавать подпольный журнал»). После этого его по-хорошему «попросили» из университета (диплом он получил заочно в другом вузе). В 1961 г. он был осужден по статье 70 («Антисоветская агитация и пропаганда»).

В 1971—1974 гг. В. Осипов издавал (был главным редактором) журнал «Вече» (печатался он в ФРГ). Это и послужило поводом для его второго осуждения на 8 лет. Он пишет: «Хотя сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями, — было не за что: никаких «выпадов» против «советского социалистического строя» не было».

В. Осипов — диссидент-патриот, даже во многом патриот именно советской России. И я читаю его воспоминания с симпатией и горечью — по этой дороге пошли многие наши патриоты, но, в отличие от В. Осипова, уже не смогли остановиться и порвать с главным течением антисоветской мысли. Логика

борьбы их затянула необратимо. Воспоминания эти, на мой взгляд, очень поучительны. Не хотелось бы копаться в сознании человека, сильно пострадавшего за свои идеи, но раз уж он сам их предложил для анализа, извлечем урок.

Прежде всего, в сознании этого диссидента-патриота «незнание общества, в котором живем», проявилось самым драматическим образом. «Мировоззренчески совместить большевизм с меньшевизмом» — что за каша в голове была у этих элитарных гуманитариев? Ведь между большевиками и меньшевиками существовала мировоззренческая пропасть гораздо более глубокая, чем между большевиками и монархистами, — как могли не понимать этого историки!

В. Осипов, историк, а затем православный интеллектуал, предлагает к советскому идеократическому традиционному обществу крайне евроцентристские критерии так называемого правового общества. «Сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями, — было не за что». Как это не за что? При чем здесь УК РСФСР с комментариями?

Ведь В. Осипов прекрасно знает, что он в квазирелигиозном советском государстве был активным еретиком — именно так он себя и представил. Как религиозный человек, он должен понимать, что это значит. Тот факт, что он действовал вопреки канонам и нормам советской «церкви-государства», никак не отменяется тем, что он и сам был привержен советским ценностям и хотел лишь «поправить» это государство. Разве когда Яна Гуса посылали на костер, кто-то сомневался в том, что он христианин? Нет, он всего лишь был *еретиком*. Что же ссылаться на УК РСФСР? Тем более в 1999 г., когда сам В. Осипов страдает при виде того, что сделало с СССР основное течение диссидентства. Ведь в 1974 г. для следователей КГБ различия между антисоветскими течениями в диссидентстве были нюансами.

В. Осипов стал издавать в ФРГ и распространять в СССР журнал в то время, когда СССР втягивался в последнюю большую кампанию «холодной войны» при резком ухудшении соотношения сил. Тогда возникло верное предчувствие, что эту кампанию мы проиграем с тяжелейшими потерями. После 1968 г. западные левые, бывшие ранее союзниками СССР, перешли на сторону его противника. За ними потянулась и наша просвещенная интеллигенция. Резко усилилась на Западе эмиграция «второй волны». И вот некто В. Осипов организует издание журнала «на территории противника». Кто он такой? Человек, только что отсидевший семь лет за антисоветскую деятельность.

Второй арест «вырастал» из первого, и разрывать их в объяснении действий КГБ никак нельзя. Но и причины первого ареста В. Осипов трактует вскользь и очень либерально. Да, участие-

вал в организации, которая строила идиотские планы террористической деятельности, хотя «терроризм мне претил даже (!) в молодости». Да, «не нашлось твердости» отказаться обсуждать эти глупости. Но ведь действительно *не нашлось* — что же странного в том, что тебя осудили?

И все это после того, как В. Осипов еще студентом постоянно устраивал демонстративные и, на мой взгляд, нелепые акции. Причем он — историк. Что он хотел сказать своим докладом о комбедах («проводники антикрестьянской политики коммунистической партии»)? Ведь это просто вызов, скандал, замешанный на доктринерстве. Комбеды даже формально просуществовали всего полгода, никакой «политики» они провести не могли и просто бы не успели. Таких «проб и ошибок» было множество и не могло не быть — не приглашали мы тогда Джеффри Сакса как консультанта. Как только «партия увидела», что крестьяне комбедами недовольны, она их упразднила — к чему же вместо разумного исторического анализа сразу выносить на студенческий семинар обвинительное заключение против «политики партии»? Тут есть какая-то болезненная надрывность, диссидентство как призвание.

В 1995 г. я ехал из Вологды в Великий Устюг в одной машине с писателем Л. И. Бородиным. Он тоже был известным диссидентом-патриотом. Человек негибкий и цельный, много лет отсидел за свои убеждения и ни разу не поступился ни ими, ни обыденной совестью. Он в машине рассказывал об этом своем опыте — не мне, но при мне. Его много лет «вел» один и тот же следователь КГБ, и время от времени между ними происходили принципиальные беседы.

Л. И. Бородин объяснял следователю, что руководство КПСС ведет дело так, что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил, которые в то же время будут радикально антирусскими. И поэтому он, Бородин, и его товарищи считают своим долгом бороться с КПСС. На это следователь ему отвечал так. Он и его товарищи, поставленные охранять безопасность СССР, и сами прекрасно видят, что руководство КПСС ведет дело так, что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил. Они, работники КГБ, пока не знают, как это можно предотвратить, какова стратегия и тактика противника. Но они наверняка знают, что плотину надо охранять до последнего, и, если позволить таким, как Бородин, проковырять в плотине дырку для небольшого ручейка, она рухнет гораздо быстрее. Тогда заведомо не хватит времени подготовить новую линию обороны и спасти положение. Поэтому он Бородин, который не прекращает своих попыток проковырять эту дырку, вновь отправляет в очередную ссылку.

Примерно так изложил суть этих бесед Л. И. Бородин, и я

восхитился его объективностью. Он рассказал так, будто и в 1995 г. у него не было ясного ответа на вопрос: кто из этих двух патриотов был прав? Мы знаем, что тот следователь КГБ потерпел поражение — и верхушка КПСС, и его высшее начальство сдали страну антисоветским силам. Л. И. Бородин стал уважаемым писателем, главным редактором большого журнала, но, судя по всему, тоже потерпел такое же поражение. Если брать этот случай как чистую модель, в моих глазах принципиально прав был именно следователь. Если не знаешь общего средства спасения, то хотя бы оттягивай момент катастрофы — не позволяй размывать плотину. Может быть, за выигранное тобою время кто-то найдет выход.

Это, конечно, очень краткий и схематичный очерк о диссидентах — так, как мне они виделись с позиций человека, не затронутого антисоветским соблазном. Но все же диссиденты — лишь «дрожжи». Ниже попытаемся разобраться в том, как всходила вся антисоветская опара.

Глава 3

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» И ИДЕЙНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Как известно, в конце 80-х и начале 90-х годов в СССР произошла «революция сверху». Был изменен политический и государственный строй, национально-государственное устройство страны (распущен СССР). Была заменена официальная государственная идеология и управленческая элита страны. Была приватизирована общенародная собственность, и накопленное национальное богатство передано ничтожному меньшинству населения. Изменилась социальная система и образ жизни практически всего населения страны, что красноречиво выразилось в показателях смертности и рождаемости.

Многим людям неприятно, когда прилагают слово «революция» к делам Горбачева и Ельцина. Мы привыкли, что революция — это такое разрешение противоречий, которое ведет к общему прогрессу общества, к улучшению жизни людей — даже проходя через этап потрясений и страданий. Но по глубине и скорости изменений то, что произошло в СССР, приходится считать именно революцией — революцией регресса. Бывает и такое, не будем уж подбирать слово поприятнее. Эффективность этой революции сверху во многом определялась тем, что ее организаторы, стоявшие у рычагов партийно-государственной власти, выступали уже в союзе с противниками СССР в «холодной войне» и получили от них большие интеллектуаль-

ные, культурные и технологические ресурсы. На этом моменте остановимся особо.

Мировая «холодная война» была последние полвека главным фоном общественной жизни. Как и во время всякой войны, все остальные политические, экономические и социальные процессы были производными от этого фундаментального условия. По-иному, нежели в мирное время, распределяются средства, по-иному стоит вопрос о свободах и правах человека. Не имеет смысла спор о том, что приятнее — сидеть в окопе или загорать на пляже. Этот выбор приобретает смысл в зависимости от того, какова обстановка. Если идет война и в тебя стреляют, то надо сидеть в окопе (это даже безопаснее для твоей же шкуры, чем лежать под пулями на пляже).

Главные технологии «холодной войны» лежат в информационно-психологической сфере. Сам по себе тот факт, что множество людей «не замечали» войны, есть результат эффективного психологического воздействия и признак ненормального состояния общества*. Частично это было вызвано тем, что советская печать искажала образ «холодной войны», многократно занижала опасность. Почти полностью повторилась история с советско-германскими отношениями перед «горячей» войной. Руководство СССР все делало, чтобы не «спровоцировать» неприятеля, чтобы не разжечь психоз в стране (у нас, кстати, за все время не нагнеталось такого страха, как на Западе). Для предотвращения разрыва с Западом Сталин в конце 40-х годов шел на огромные моральные жертвы.

Так, в октябре 1944 г. Черчилль выговорил для Великобритании 90% влияния в Греции (а СССР — в Румынии и Болгарии). А в ноябре английские войска атаковали греческих партизан-коммунистов — главную силу антифашистского Соппротивления — и поддержали профашистских монархистов. Англичане проявили тогда удивившую обозревателей жестокость, но, как вспоминает Черчилль, Сталин «скрупулезно выполнил наш октябрьский договор и в продолжение тех недель, которые длились бои с коммунистами на улицах Афин, ни «Правда», ни «Известия» не высказали ни слова упрека». То же, кстати, проделали англичане и во Вьетнаме, где вернули оружие японцам и направили их против партизан, а потом снарядили находившийся в японских лагерях французский иностранный легион и

* Еще более поразительно, что и сегодня, когда совершенно открыто говорится, что СССР — побежденная страна и его жители выплачивают контрибуцию победителю, чем и обусловлены их беды, множество людей этого как бы не слышат и в своих рассуждениях фактор длительной войны не учитывают.

подвергли бомбардировке Хайфон с гибелью тысяч вьетнамцев — так началась война, которая длилась 30 лет.

В «холодной войне» СССР потерпел поражение, в результате чего был ликвидирован сложившийся вокруг СССР блок государств, затем был распущен сам Советский Союз. Следующим шагом был ликвидирован существовавший в СССР общественный строй и политическая система и начата форсированная деиндустриализация. Фактически идет уничтожение большой страны как «геополитической реальности», причем создаются такие условия жизни населяющих территорию СССР народов, чтобы сильная независимая страна не могла возродиться.

Опубликованные в последние годы (по истечении 50 лет после принятия документов) сведения о доктрине «холодной войны», выработанной в конце 40-х годов в США, показывают, что эта война с самого начала носила характер «войны цивилизаций». Разговоры о борьбе с коммунистической угрозой были поверхностным прикрытием. Это была часть той «столетней горяче-холодной войны Запада против России», о которой еще в 1938 г. говорил В. Шубарт. Тогда в книге «Европа и душа Востока» он писал: «Никогда еще Европа, даже во времена Рима цезарей, не была так далека от Востока и его души, как ныне в прометеевскую эпоху. Противоположность между Востоком и Западом достигла своего высшего напряжения» («Общественные науки и современность», 1992, № 6; 1993, № 1).

Накал противостояния лишь усиливался тем фактом, что в то же время пример советской России был очень притягательным на Западе как альтернатива клонящегося к закату (хотя бы в духовном смысле) капитализма. Тогда же В. Шубарт предположил: «Как бы это ни показалось смелым, но с полной определенностью следует сказать: Россия — единственная страна, которая может освободить Европу и ее освободит, так как по отношению ко всем жизненным проблемам она занимает позицию, противоположную той, которую заняли все европейские народы». Вот этого-то «освобождения примером» и не могли допустить правящие круги мирового капитализма — в этом корни «холодной войны».

Но за годы перестройки нас убедили, что «холодная война» была порождена угрозой экспансии со стороны СССР, который якобы стремился к мировому господству. Это — недавний миф, в послевоенные годы никто из серьезных людей в него не верил. Выбор между войной и миром был сделан именно на Западе. Никакой связи с марксизмом, коммунизмом или другими идеологическими моментами здесь нет. Это именно война, причем война тотальная, против мирного населения.

Сам пафос «холодной» войны имел мессианский, эсхатологический характер. Победа в этой войне была названа «концом

истории». Но под этим подразумевалась не просто ликвидация многовекового противника, а нечто большее. Лео Страусс (или Штраус), главный политический философ неоллиберализма, определил цель таким образом: «полная победа города над деревней или Запада над Востоком». Насколько абсолютен пессимизм этой евроцентристской эсхатологии, говорит пояснение, которое дал Л. Страусс этой формуле: «Завершение истории есть начало заката Европы, Запада, и вследствие этого, поскольку все остальные культуры были поглощены Западом, начало заката человечества. У человечества нет будущего».

Таким образом, уничтожение «империи зла» виделось как конец этого света и конец этого человечества. По сути, все небывалые вещи, которые мы сегодня наблюдаем, — от разрушения Сербии, названного «мировторческой акцией», до взрыва жилых домов в Москве — это действительно разрыв непрерывности и переход через хаос к новому, трудно предсказуемому состоянию мира. Пока что мы называем это туманным словом «постмодерн». Здесь не место вдаваться в исследование этого понятия, поясним его парой штрихов.

Понятие «постмодерн» ввел в 1947 г. А. Тойнби, чтобы обозначить новый этап в развитии западной цивилизации. Для постмодерна характерен отказ от больших «идеальных цельностей» (наука, религия, философия и т.д.) и от универсальных социальных концепций (типа капитализма, социализма). Постмодерн отказывается от «расколдовывания» мира и даже от самой этой постановки цели. Напротив, он ищет «новую непрозрачность». Постмодерн — наступление иррационализма.

Известный современный философ-гуманист Э. Фромм в начале 60-х годов, работая над своим главным трудом «Анатомия человеческой деструктивности», подчеркивал иррациональный характер «холодной войны» и писал о «деструктивном потенциале американского антикоммунизма». Защита рационального типа мышления стала как бы одним из фронтов «холодной войны». Э. Фромм писал: «Наша безопасность — в разумном и здоровом мышлении» (СОЦИС, 1992, № 6).

Итак, «холодная война» второй половины века — явление постмодерна. Кратко вспомним, как она начиналась. 6 марта 1946 г. в Фултоне Черчилль в присутствии Трумена объявил «холодную войну» СССР (Ельцин назвал эту речь самой глубокой и умной из всех, какие он знал). И сразу началась серия выступлений, которые и сегодня-то читаешь с содроганием. Вот на собрании промышленных магнатов США формулируется установка: «Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». И вывод: США должны получить неограниченное право для

контроля за промышленными предприятиями других стран, способными производить оружие, и разместить свои лучшие атомные бомбы «во всех регионах мира, где есть хоть какие-то основания подозревать уклонение от такого контроля или заговор против этого порядка, а на деле немедленно и без всяких колебаний сбрасывать эти бомбы везде, где это целесообразно»*.

Итак, фактически власть имущие США, тогда монополиста в обладании атомным оружием, требовали сбрасывать атомные бомбы «немедленно и без колебаний». На это высший военный руководитель, генерал-лейтенант Дулитл в публичной речи ответил, что американцы «должны быть физически, мысленно и морально готовы к тому, чтобы сбросить атомные бомбы на промышленные центры России при первых признаках агрессии. Мы должны заставить Россию понять, что мы это сделаем, и наш народ должен отдавать себе отчет в необходимости ответа такого рода».

Были в США и деятели, которые предвидели, к чему поведет эта политика. Министр торговли в администрации Трумена, Уоллес, направил в сентябре 1946 г. президенту письмо с предложением отказаться от развязывания «холодной войны» и начавшейся в США гонки вооружений и строительства военных баз. Он писал, в частности:

«Мы должны признать, что наш интерес в делах Восточной Европы столь же ограничен, как и интерес России в Латинской Америке, Западной Европе и Соединенных Штатах... Наши действия наводят на мысль: 1) что мы готовимся к тому, чтобы победить в войне, которая нам кажется неизбежной; 2) или что мы собираемся накопить превосходящие силы, чтобы запугать остальную часть человечества.

Как бы мы чувствовали себя, если бы Россия имела атомную бомбу, а мы — нет, если бы Россия имела 10 тыс. бомбардировщиков и воздушные базы вблизи от наших берегов, а мы — нет?» Через три дня Уоллес был уволен в отставку.

Таким образом, Запад начал новую фазу войны против России. И дело было вовсе не в коммунизме и даже не в геополитических интересах, а именно в стремлении ликвидировать «почти европейскую», но не западную, а альтернативную Западу цивилизацию.

Начатая против вчерашнего «союзника» «холодная война» была просто продолжением, с другими средствами, похода гитлеровской Германии, которая с задачей не справилась. Сам

* Выдержки из статей и выступлений взяты в основном из работ: Easley B. La liberacion social y los objetivos de la ciencia. Madrid: Siglo XXI Eds. 1977; Fleming D.F. The cold war and its origins. Doubleday, 1961, vol. 1.

этот замысел отражает двойную мораль (если прямо говорить, аморальность) евроцентризма. Как и аморальность наших нынешних идеологов, утверждающих, что Запад «защищался от коммунистической экспансии».

Известно, что после начала «холодной войны» и Молотов, и лично Сталин не раз предпринимали попытки прекратить или ослабить противостояние, предлагали расширить торговые связи с США, получить у них большой кредит с размещением в США заказов и т.д. Сразу после смерти Сталина, в августе 1953 г. Маленков призвал к «разрядке» — тогда вошло в обиход это слово. Эти попытки продолжались непрерывно.

«Прораб перестройки» А. Адамович, выступая в МГУ, говорил несусветную чушь: «Один американский фермер как-то сказал Юрию Черниченко: «Мы и вас готовы прокормить, только не воййте». Ведь мы и сами-то до конца не осознали, как Запад опасается нашей военной мощи, не сдержанной никакими демократическими институтами» («Мы — шестидесятники», с. 348).

Все элементы этого рассуждения противоречат здравому смыслу и фактам. Вот они по очереди: мы не воюем, но никакие американские фермеры нас кормить не собираются; нам и не нужна была бесплатная кормежка в обмен на независимость, мы покупали кое-что за свои деньги, как и все на рынке; Запад не опасался нашей военной мощи, это известно из документов военного ведомства США; «демократические институты» никогда не сдерживали агрессивности того же Запада. Но главное, что эти явные несуразицы А. Адамовича благосклонно выслушивала огромная аудитория студентов и преподавателей МГУ. Это и есть признак нашего поражения в «холодной войне».

«Холодная война» не была и не могла быть спровоцирована СССР. Люди моего поколения еще помнят те годы — ни о каком походе на Запад не могло быть и речи. И не только потому, что народ просто биологически нуждался в мире. Дело и в том, что все советские люди действительно симпатизировали союзникам, особенно американцам. И сегодня можно сказать: эти симпатии никогда не исчезали, даже во времена «холодной войны», которая всегда воспринималась как нечто поверхностное, идеологическое и политическое.

Как ни странно это звучит, сегодня впервые за всю историю в России поднимается глухая ненависть к Западу. И порождают ее именно демократы-евроцентристы. Сознательным глумлением в организованной ими комедии с гуманитарной помощью. Ложью об ограблении побежденной Германии и издевательствах русских над немцами. Ложью о том, что и Вторая мировая, и «холодная война» были порождены агрессивными устремлениями СССР.

Один из разработчиков доктрины Трумэна, директор Группы планирования госдепартамента США, Дж. Кеннан сказал в 1965 году о первом этапе «холодной войны»: «Для всех, кто имел хоть какое-то, даже рудиментарное, представление о России того времени, было совершенно ясно, что советские руководители не имели ни малейшего намерения распространять свои идеалы с помощью военных действий своих вооруженных сил через внешние границы... [Это] не соответствовало ни марксистской доктрине, ни жизненной потребности русских в восстановлении разрушений, оставленных длительной и изнурительной войной, ни, насколько было известно, темпераменту самого русского диктатора».

Понятно, что сегодня наш «прозревший» интеллигент не желает слышать доброго слова о советской России от отечественного «патриота». Возможно, он прислушается хоть к тому, что говорят блестящие умы, перечисленные в справочнике «Великие евреи всех времен». Так послушаем Эйнштейна, который в то время уже витал над мелкими политическими страстями и высказывался как совесть мира. Какие свидетельства он оставил о начале «холодной войны»? Вот несколько его оценок.

Февраль 1947 года. «Известно, что политика США после окончания войны породила страх и недоверие во всем мире. Разрушение крупных японских городов без предупреждения, наращивание производства атомных бомб, эксперименты на Бикини, ассигнование многих миллиардов долларов на военные расходы при отсутствии внешней угрозы, попытка милитаризовать науку — все это лишило возможности возникновения взаимного доверия между нациями».

Ноябрь 1947 года. «В настоящее время Россия имеет все основания считать, что американский народ поддерживает политику военных приготовлений, политику, которую Россия рассматривает как попытку сознательного запугивания... Пока США не сделают настоящего и убедительного предложения начать переговоры с Советским Союзом при поддержке американского общества, мы не можем ждать от России положительного ответа».

Январь 1948 года. «Я считаю, что в настоящее время опасность кроется в том, что США могут погрузиться в такую же пучину милитаризации, что и Германия полвека назад... Мы не должны забывать, что нет абсолютно никакой вероятности того, что какая-либо страна в обозримом будущем нападет на Соединенные Штаты, и меньше всего Советский Союз, разрушенный, обнищавший и политически изолированный».

Январь 1951 года. «Скажу, однако, что, по моему мнению, нынешняя политика Соединенных Штатов создает гораздо более серьезные препятствия для всеобщего мира, чем политика

России. Сегодня идет война в Корее, а не на Аляске. Россия подвержена гораздо большей опасности, чем Соединенные Штаты, и все это знают. Мне трудно понять, как еще имеются люди, которые верят в басню, будто нам угрожает опасность. Я это могу объяснить лишь отсутствием политического опыта. Вся политика правительства направлена на превентивную войну, и в то же время стараются представить Советский Союз как агрессивную державу».

Так видел дело Эйнштейн, но его горячие поклонники, наши демократы, предпочитают эти его мысли не вспоминать и не комментировать.

Американская доктрина «холодной войны» была основана на трех взаимосвязанных программах. Первая — это создание очагов напряженности с балансированием на грани «горячей войны» и демонстрацией превосходства силы, запугивание России. Эту сторону дела советское руководство освещало очень скупо, чтобы не создавать в обществе военного психоза. Однако на провокации СССР давал тогда взвешенный, но уверенный силовой ответ. Только сейчас публикуются сведения о том, что в 50-е годы над территорией и водами СССР были сбиты десятки (!) самолетов США. Только сейчас появляются чрезвычайно интересные аналитические материалы о действиях советской авиации во время войны в Корее (их было бы очень полезно считать для понимания и Запада, и СССР)*.

Программа запугивания не была слишком успешной — панический страх овладел как раз западным обывателем, русские оказались слишком толстокожими. А с достижением военного паритета, когда Запад утратил всякую возможность победить СССР в «горячей войне», эта программа вообще исчерпала себя.

Второе направление — гонка вооружений с целью изматывания советской экономики. Что там ни говорилось в годы перестройки, и эта программа не удалась. Трудности для нас создавались, но в целом советское хозяйство их выдержало — и зарплату людям платили вовремя, и жульнических банковских пирамид государство не строило. Наконец, третье направление — психологическая война с перевербовкой культурной и политической элиты СССР. Как вспоминает «отец холодной войны» Дж. Кеннан, политическая переориентация верхушки КПСС в конце

* Один мой дядя, командир авиационного полка, как-то вскользь сказал мне (наверное, в 1955 г.), как страстно ждали летчики новой техники — американцы летали над Уралом на недосягаемой для наших истребителей высоте и, выучив русские матерные выражения, издевались над нашими пилотами в открытом эфире. Когда в 1960 г. сбили Пауэрса, это было большим событием — радостью для одних и горем для адмирала.

60-х годов представлялась еще нереальной, но возможность полной победы в «холодной войне» связывали именно с таким поворотом. Так оно и получилось.

После того как окреп «лагерь социализма», возник, как говорят, двухполюсный мир, так что противостояние двух блоков стало осью всей политической жизни. Решения даже вроде бы в далеких от «холодной войны» сферах принимались с учетом их влияния на военную обстановку. Даже этот очевидный факт мы часто забываем. А уж что говорить о нашем всеобщем заблуждении. Нам казалось, что по мере развития нашей экономики и укрепления обороны мы все больше освобождаемся от тисков «холодной войны», и наша жизнь должна быть все более либеральной. В действительности дело обстояло как раз наоборот.

В ходе войны и взаимного прощупывания слабых мест противников выяснялось, что ресурсов СССР для успешного ведения войны недостаточно. Ресурсов — в широком смысле слова (например, квалификации работников, мощности науки). Поэтому автономия остальных сторон жизни от войны не увеличивалась, а уменьшалась — усиливалась мобилизация, отвлечение ресурсов на нужды войны. Следовательно, смысл и причины принятия тех или иных решений в СССР в принципе нельзя верно понять вне этой реальности. Россия, к нашему горю, так и осталась, как выражался Менделеев, «страной окопного быта». То есть все основные факты политики тех десятилетий требуют интерпретации с точки зрения положения в «холодной войне». Моральные или идеологические конфликты вокруг этих решений на деле были лишь прикрытием позиций в мировом конфликте. И Сахаров, и Солженицын читали нам нотации и учили нас «жить не по лжи» уже из-за линии фронта, как воины армии противника.

Остановимся на третьей, самой успешной программе — войне за умы интеллигенции. Эту войну «за умы» Запад выиграл прежде всего у себя в тылу — левая интеллигенция приняла социальную и политическую философию либерализма и отказалась от социалистических установок, а затем даже и от умеренных идей кейнсианства. Начался большой откат (неолиберальная волна), в ходе которого практически стерлись различия между левыми и правыми, лейбористами и консерваторами. Это была большая победа, поскольку по инерции доверия трудящихся «левые» у власти смогли демонтировать и реальные социальные завоевания, и культуру социальной справедливости в гораздо большей степени и легче, чем это сделали бы правые (нередко западные философы говорят, что правые, находясь у власти, вообще этого не смогли бы сделать).

Для СССР этот поворот имел фундаментальное значение, поскольку советская интеллигенция, включая партийную но-

менклатуру, была воспитана в духе евроцентризма, и установки западной левой элиты оказывали на нее сильное воздействие. Например, Горбачев и вся его интеллектуальная команда прямо следовали главным идеям еврокоммунизма. Но одной из важнейших установок еврокоммунизма как раз было отрицание самого права на существование советского строя, ибо в нем якобы нарушались все объективные законы, открытые Марксом.

Довод этот чисто схоластический, социализм — довольно абстрактное понятие, ради которого нелепо аплодировать действиям, ведущим к страданию множества людей. Причина, видимо, глубже — западные левые осознали, наконец, что главный источник благосостояния всего их общества заключается в эксплуатации «Юга», и сделали свой выбор. Он состоит в консолидации Запада как цитадели «золотого миллиарда», и «холодная война» все больше осознавалась как война цивилизаций, а не идеологий.

Красноречиво выступил в Москве в конце 1999 г. французский философ Андре Глюксманн, известный ультралевой интеллигент во время волнений 1968 г. Он признал, что сейчас не смог бы подписаться под лозунгами протеста против войны США во Вьетнаме. Иными словами, у него изменились не только политические установки, но и фундаментальные представления о гуманизме, правде, справедливости. Он теперь не против того, чтобы американские самолеты поливали напалмом безоружные деревни в джунглях Вьетнама (и любых других джунглях).

Вьетнам, как и Китай, будучи защищенными от идей евроцентризма своей культурой, устояли. Самая радикальная ломка всех структур жизнеустройства происходит именно в России — точнее, в славянских республиках СССР. Наши азиаты, «закрывшись» исламом и архаическими родовыми отношениями, испытывают менее тяжелый душевный надлом — при всей тяжести экономической разрухи (поэтому у них, например, в ходе реформы не возросла смертность). Сегодня, имея опыт крушения, мы можем понять то, что было трудно даже увидеть всего десять лет назад.

Для темы данной книги важно отметить тот факт, что поражение СССР было нанесено именно в духовной сфере, в общественном сознании. Прежде всего, в сознании правящей и культурной элиты. Строго говоря, партийно-государственная элита СССР совершила в своем сознании тот же поворот, что и элита левой интеллигенции Запада.

Разница между СССР и Западом состоит в том, что победа еврокоммунизма на Западе привела всего лишь к некоторому сдвигу вправо (вчерашний коммунист Д'Алема стал премьер-министром в Италии и послал авиацию бомбить Югославию, социалист Хавьер Солана стал самым подлым секретарем НАТО).

А для СССР сдвиг Горбачева к еврокоммунизму был первым шагом к разрушению всего жизнеустройства, и это ударило почти по каждой семье. Но до 1985 г. этот сдвиг партийной верхушки был все же тайным, он был обнародован только во время перестройки, когда под прикрытием власти Генерального секретаря ЦК КПСС была проведена большая чистка кадров и переориентация всей идеологической машины.

До этого второй большой победой Запада было формирование «колонны» его открытых союзников в СССР. «Шестидесятники»-западники перешли на сторону противника СССР в полной мере. Это было прекрасно выражено А. Д. Сахаровым, который постоянно призывал Запад к наращиванию вооружений и достижению чисто военного превосходства над СССР.

Но только западники не могли бы легитимировать в глазах достаточно большой части интеллигенции такое, прямо скажем, предательство по отношению к своей стране, ведущей тяжелую и неравную войну. Немалую роль тут сыграли и «патриоты». Это крыло представлено И. Р. Шафаревичем. Поразительна та антипатия, с которой он относится к западным ученым и деятелям культуры, к тем организациям, которые в годы «холодной войны» оказывали поддержку СССР.

Вот он пишет о движении сторонников мира: «Когда СССР имел большое преимущество над Западом в численности армии и обычных вооружениях, а вся надежда Запада покоилась на преимуществе в атомном оружии, Всемирный конгресс сторонников мира опубликовал «Стокгольмское воззвание», требовавшее абсолютного запрета атомного оружия... Так в наши дни «демократы» и «правозащитники» яростно требуют запрета применения авиации в Чечне (ее нет у Дудаева, но ею обладают федеральные войска)».

Таким образом, СССР в этой формуле аналогичен Дудаеву, Всемирный Совет мира — Новодворской, атомное оружие США — российской авиации. И опять И. Р. Шафаревич слово в слово излагает концепцию диссидентов-западников: бедный Запад только и уповал на атомную бомбу перед лицом неминуемой угрозы со стороны агрессивного СССР.

Видные деятели тех лет, которых многие еще помнят и которых никак нельзя заподозрить в корыстном интересе «платных агентов Кремля», — Хьюлетт Джонсон, Фредерик Жолио-Кюри, Лайнус Полинг — также вызывают у И. Р. Шафаревича самый недоброжелательный сарказм. Поражает желание уподобить их чему-то мерзкому, что вызывает у автора ненависть.

Вот он пишет: «В послевоенные годы существовал обширный круг широко известных (или широко разрекламированных) односторонне ориентированных «левых». Это были известные философы, священники (даже настоятель Кентербе-

рийского собора, то есть высший иерарх англиканской церкви), ученые, писатели, артисты, эстрадные певцы. Их приезды в Советский Союз сопровождались приемами и приветствиями (наших «демократов» встречают сейчас в США более скромно). Было создано несколько премий — международная Сталинская (потом — Ленинская) премия «За укрепление мира между народами», «Международная премия мира», — которыми они награждались. Точно так же, как сейчас можно получить премию в США, если настойчиво добиваться поражения России в Чечне и натравливать Запад на Россию» (Шафаревич И. Р. Была ли перестройка акцией ЦРУ? — «Наш современник», 1995, с. 7).

Вдумайтесь только в эти аналогии! Все, включая самых уважаемых людей современности, кто оказал хоть какую-то поддержку СССР в его противостоянии Западу — даже в виде борьбы за мир! — стали буквально личными врагами Шафаревича. И это — человек, которого предлагают нам как стандарт патриотизма. Столь же противны ему и те западные деятели, которые протестовали против войны США во Вьетнаме. Разве это не странно?

Вот как он трактует их дела: «Политики, корреспонденты, общественные деятели отправлялись в Северный Вьетнам, передачи велись прямо оттуда (как передачи из бункера Дудаева). При этом показывались разрушенные налетами школы и больницы, но не военные объекты». Ханой, борющийся против агрессии США, уподоблен «бункеру Дудаева»!

Таким образом, «мирное» время вовсе не было мирным. Против СССР велась война, планировались и проводились военные действия, применялись вполне определенные системы оружия, ими владели специально обученные «части психологической войны», внутри СССР действовала влиятельная «пятая колонна» — но все мы мыслили и вели себя так, будто никакой войны нет и в помине. Могли ли мы не потерпеть поражение? Но главное, и сегодня наше мышление не изменилось. Мы не верим, что война продолжается, и не верим, что она сильно влияла на жизнь СССР во второй половине века.

В последней операции «холодной войны», когда на сторону противника перешло почти все руководство СССР и влиятельная часть интеллектуальной элиты, им удалось парализовать сознание и волю большинства граждан, молниеносно провести капитуляцию и разоружение СССР, а затем разделить доставшиеся баснословные трофейные ценности. Это уже факт истории, а нам, если хотим выжить как народ, надо из этого факта извлечь урок.

И первым делом надо уяснить простую истину: в цивилизационной войне побежденного противника уничтожают. Уничтожают не мечом, а как самобытную культуру, но при этом боль-

шая часть народа угасает, расплывается, исчезает с лица земли. Надеяться на пощадку глупо. Запад в отношениях с побежденным противником следует заветам Н. Макиавелли, а он писал в книге «Государь»: «Нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить».

Первое, что начали делать с нами победители, это «разъединять и рассеивать жителей нашего города».

Стоит еще в заключение сказать о том, что «холодная война», как война цивилизационная, с поражением СССР вовсе не закончилась в принципе, она лишь перешла в новую стадию и прикрывается новой фразеологией. Теперь уже нет пугала коммунизма, говорят «русский медведь», «русский фашизм», «русская мафия» и т.д. Суть изменилась мало, только образ России сильно принижен по сравнению с СССР. В ее образе теперь отсутствуют идеальные, мессианские устремления коммунистов, остались лишь подлые темные интересы и инстинкты. К тому же западные политики и обыватели очень уважают силу, а СССР этой силой обладал. И они очень не любят слабых и больных, они их пытаются заклевать, как вороны свою больную подругу. Реальные подрывные акции Запада против России, пожалуй, еще более жестоки, чем были во времена СССР.

Зимой 1994 г., когда разгорелась война в Чечне, я читал лекции в Испании, в Сарагосе. Ко мне обратились ребята из студенческого общества с просьбой прочитать лекцию с анализом того, как западная пресса освещает эту войну — в чем врет, в чем ошибается и т.д. Лекцию для студентов гуманитарных факультетов и всех, кто захочет послушать. Я ответил, что мне трудно говорить о прессе вообще, я ее читаю обрывочно. Оказалось, у них есть полное досье — по какому-то контракту университет составил. Представлена вся центральная испанская пресса и те крупные материалы европейских газет, которые готовятся транснациональными агентствами и перепечатываются на всех языках. Принесли мне большую папку — копии всех этих публикаций. Ценнейшая коллекция! Как жаль, что я не мог ее скопировать — если бы ее издали, как есть, в России! Там не только вся нынешняя доктрина отношений с Россией хорошо видна, но и лицо наших «демократов», всяких приставкиных, паиных, нуйкиных и др. Они много интервью тогда за-

падным журналистам надавали, резонно посчитав, что до русских не дойдет.

Я тогда эту папку изучил, лекцию сделал, потом с этой лекцией меня приглашали на факультеты журналистики в других университетах. Испанцам легко было объяснить, потому что у них свои террористы-баски орудуют. Я говорил: давайте мысленно подставим ваши проблемы в ту трактовку, которую ваша же пресса дает проблемам России в Чечне. Получалась дичайшая, с точки зрения испанца, картина. Просто абсурдная — а спорить невозможно, вот они ваши газеты, сами писали.

Но главное — не испанские проблемы, а то отношение к России, которое было четко определено в связи с войной. Был среди прочих замечательно открытый материал Джона Ле Карре. Это популярный автор политических детективов и видный западный идеолог, близкий к политикам и спецслужбам. У нас в 70-е годы его книги переводились. Его статья вышла потому, что как раз состоялась презентация его книги... о войне в Чечне в январе 1994 года! Только Грачев послал танки в рейд на Грозный — а на Западе поступила в продажу художественная книга об этих событиях. Рекорд! Фантастика предвидения! На деле все проще. Ле Карре прекрасно знал об этой войне, которую «исполнили» Дудаев и Ельцин. И сотрудники знаменитого писателя загодя собирали материал, местную фактуру, личные истории, шастали по Чечне и по Москве в поисках пикантных подробностей. Войну эту готовили около двадцати лет и, как выразился Ле Карре, в конце 80-х годов, уже при перешедшем на сторону Запада Горбачеве, западные спецслужбы продолжали готовить эту войну, «не сняв комбинезона холодной войны». Красочная метафора.

А главное, что «не сняла комбинезона холодной войны» и та часть либеральной интеллигенции, которая раньше помогала сокрушать СССР. Хорошо хоть еще, что патриотическая ветвь диссидентов откололась. Антисоветский контракт выполнен, а нового не подпишем. Ну и не надо, тут и без них обходятся. Их дело — поддерживать, чтобы не погас, антисоветский огонь, это еще более важная задача.

Личные впечатления: эпизод «холодной войны». Мне в 1983 г. довелось попасть в центр маленького «бое столкновения» «холодной войны» — в обстановке, где я этого никак не мог ожидать, на научной конференции. Но не ожидал я этого по наивности, более умудренные люди ожидали. Дело было так.

Правительство Индии при участии ЮНЕСКО организовало небольшую конференцию, чтобы обсудить вопрос о роли фундаментальных исследований в развивающихся странах — с точки зрения выбора научной политики. Обсудить в узком кругу

«видных экспертов» из двух мировых систем. Из СССР пригласили президента АН СССР А. П. Александрова (или, если он не сможет, вице-президента Ю. А. Овчинникова) и председателя Госкомитета по науке и технике СССР Г. И. Марчука.

Они «не смогли» оторваться от дел и поручили ехать директору моего Института истории естествознания и техники АН СССР. Тот тоже «не смог» и поручил ехать мне. Потом я догадался, что уже по списку тех экспертов, которых посылали США и Великобритания, наши иерархи (точнее, их службы) могли предположить, что ожидало советского делегата. В общем, послали меня, просто старшего научного сотрудника, ничего не подозревающего.

Тема конференции мне была знакома, я в нее влез еще в 60-е годы, работая на Кубе. Уже там в дебатах по этому вопросу сталкивались две главные доктрины — советская и западная. Коротко говоря, советская исходила из того, что собственная фундаментальная наука совершенно необходима для развития страны.

Прежде всего, необходима потому, что она связывает всю научно-техническую, и шире — культурную, систему страны с мировым фундаментальным знанием. Прикладные исследования, по ряду причин, не могут выполнять эту функцию в достаточной степени. Во-вторых, национальное сообщество ученых, включенных в мировую фундаментальную науку, но говорящих *«на языке родных осин»*, играет очень важную роль в создании мировоззренческой основы для этой национальной культуры (в частности, для образования). Отечественных ученых в этом не могут заменить ни иностранные технологии, ни приглашенные профессора.

Советская доктрина исходила не столько из философских представлений о знании и культуре (хотя и они были очень важны), сколько из опыта трех столетий развития русской науки и опыта советской индустриализации и вообще модернизации, в том числе на окраинах (в Средней Азии). Кроме того, эта доктрина была испытана в разных культурных условиях, в Монголии, Китае и Вьетнаме. Этот опыт также подтвердил верность главных ее положений.

Довольно хорошо я знал и западную доктрину. Она сводилась к тому, что развивающиеся страны не должны расходовать свои скудные ресурсы на фундаментальные исследования — теоретические знания им, мол, с удовольствием предоставит в готовом виде «большой белый брат». Как, впрочем, и наукоемкие технологии. Их дело — вести прикладные исследования регионального значения при поддержке научных центров метрополии. Эта доктрина имела немало сторонников и в «третьем мире».

В общем, я срочно подготовил доклад о советском опыте и

тех его уроках, которые могли быть полезны развивающимся странам, и поехал. Конференция была устроена на высоком уровне и с умопомрачительной роскошью, которую обеспечили спонсоры — ведущие транснациональные корпорации, имеющие свои заводы и интересы в Индии. Роскошь банкетов, которые каждый день давала новая ТНК, стараясь перещеголять друг друга, была столь вызывающей и нелепой, что производила отталкивающее впечатление (правда, не на всех).

Открыл конференцию министр Индии по делам науки — очень толковым докладом. Думаю, примерно так мог бы выступить у нас в 30-е годы кто-то вроде С. Орджоникидзе — по типу мысли и логики. Министр попросил экспертов потрудиться и откровенно обсудить проблему — помочь Индии в выборе доктрины научной политики.

Индийцев за столом было трое — председатель, человек мирового калибра, бывающий в Дели наездами, старый седой историк, приглашенный в качестве почетного гостя (все индийцы относились к нему с глубочайшим почтением), и какой-то энергичный человек, которого я на нашем перестроечном жаргоне назвал бы «агентом влияния Запада». Человек тридцать индийцев, ученых и чиновников, сидели в стороне и могли только слушать, но не выступать.

Из «социалистического лагеря», кроме меня, приехал директор родственного института из Венгрии и один немец из ГДР. Большие персоны, похоже, согласованно уклонились. Кроме того, сверх списка была приглашена находившаяся в Индии сотрудница Института востоковедения АН СССР, дочь нашего знаменитого врача, который работал в 20-е годы в Таджикистане и которого за этот труд почитают в Индии (они у него многому научились).

Мой доклад был одним из первых — дань уважения к СССР. После доклада я стал вникать в ситуацию. Как ни странно, главным авторитетом среди всех этих экспертов, включая Нобелевского лауреата из Пакистана, был неприметный на вид директор издательства из Лондона М. Голдсмит. Сам он, похоже, никакими особыми знаниями не обладал — а вот поди ж ты, его авторитет был непререкаем. За ним ходили с подобострастием, а он был как добрый монарх, глаза и уста его источали мед.

На второй день министра уже не было — чтобы не смущать экспертов. И они показали себя. Во-первых, они демонстративно игнорировали тему обсуждения. Начался какой-то пошлый салонный разговор: повлияла ли музыка Бартока на Эйнштейна, когда он создавал теорию относительности? Если же разговор касался развития науки, то рассказывались бытовые байки — эти деятели высшего ранга не знали ни теории, ни реального состояния дел в тех же США. А те, кто знал (были

и такие), предпочитали молчать, сделав свои нейтральные и весьма далекие от темы доклады. При этом байки были, однако, вовсе не нейтральными, они вскользь отвергали, как нечто даже недостойное прямого отрицания, ту советскую доктрину, которую я изложил в докладе.

Вечером со мной завел разговор в гостинице философ в области науки из ФРГ, социал-демократ, известный в Индии автор. Он начал мне объяснять, что подобные конференции высокого уровня имеют чисто светский характер, что на них не принято всерьез обсуждать реальные проблемы. Я задумался, но его намек не принял. Меня лично тронула просьба министра науки Индии, он проникновенно ее выразил, как-то по-нашему. К тому же эксперты с Запада говорили хотя и вскользь, но вполне серьезно. Все у них сводилось к тому, что фундаментальная наука странам «третьего мира» не нужна. Какой же это «светский разговор»?

Поэтому я стал выступать после каждого важного ложного утверждения о науке, приводить фактические данные, альтернативные концепции и результаты их опытной проверки. В науковедении я к тому времени поднаторел, занимаясь им с 1968 г., и материала, чтобы опровергнуть мои реплики, у оппонентов не было. Тогда «команда Голдсмита» (хотя, надо сказать, не он сам) отбросила всякие приличия и перешла к простым антисоветским выпадам — репрессии, ГУЛАГ, уничтожение ученых, дело Лысенко и т.д. Причем с такой злобой и ненавистью, что в первый день никак этого ожидать было нельзя. Так, что даже есть с ними мне уже стало невозможно — глотку пережимало, над чем они от души смеялись. Особенно старался хорват из ЮНЕСКО.

Напор был такой, что «нейтральные» эксперты были просто ошарашены. Один из них, друг и сотрудник Джона Бернала, который очень тепло относился к СССР и меня поначалу чуть не обнимал, и то смутился и стал поминать Лысенко. Суть этой многослойной истории войны двух сообществ биологов в СССР знают на Западе (да и у нас) только в форме примитивного идеологического мифа. Излагать суть там было некогда, пришлось взять за основу этот миф и представить проблему в виде модели. Она сводилась к тому, что для СССР стало исторической необходимостью развитие всего научного фронта при недостатке средств. Значит, допускать конкуренцию двух больших сообществ на одном направлении было невозможно. Это породило методологическую задачу: как делать выбор между враждующими группами ученых при распределении средств? При том, что более или менее острая вражда научных школ из-за острой нехватки средств имела в СССР 30-х годов место практической на всех направлениях. Справилась ли с задачей советская научная система? Тот факт, что лишь в одной из полутора сотен

больших областей науки возник конфликт типа «дела Лысенко», позволяет признать эффективным выработанный в научной политике СССР подход к разрешению конфликтов и согласованию усилий*. Вот такую «теорему» я изложил, и никто не возразил.

Когда начался жесткий обмен утверждениями именно по сути темы конференции, но в связи с опытом СССР, индийцы, не имевшие права выступления, очень разволновались. В каждом перерыве они подходили ко мне и просили обязательно высказываться по всем существенным вопросам, *не отступать*. Именно такой термин применили — не отступать. «Вы же видите, — говорили они, — как империалисты хотят отвлечь нас от большой науки. Поэтому они опыт СССР так ненавидят»**.

На третий день я рассказал об опыте создания в 20—30-е годы Академии наук Монголии — даже при очень малых средствах она послужила важным «окном в мировую науку», а потом и костяком небольшой, но жизнеспособной национальной науки. Историю эту я знал, в 1931 г. в Монголии работал мой отец, а потом и дядя, специалист по экономике кочевого хозяйства. У меня был аспирант-монгол, изложивший этот опыт в своей диссертации, а сам я какое-то время был консультантом АН МНР по проблемам организации науки, много беседовал с руководителями их Академии.

Насколько необычен опыт создания базы для фундаментальной науки в условиях Монголии того времени, говорит уже тот факт, что там практически не было грамотных людей, и посланные туда советские ученые вместе с руководством страны пошли на то, чтобы заполнить штаты институтов Академии наук буддийскими монахами, ламами. Когда я был в Монголии в 1978 г., я познакомился с этими уже пожилыми людьми, ставшими видными учеными — и математиками, и биологами, и гуманитариями.

Когда я изложил этот опыт как почти чистую модель, меня активно поддержал седой индийский историк. Стал задавать очень помогающие мне вопросы, развивать мысль. Но ему не дали закончить, его оборвали с небывалой для научного уклада грубостью. А для Индии, думаю, это вообще была немыслимая вещь — так обойтись со старым и почтенным человеком. Сам он был просто в изумлении.

* Да и в биологии, как известно, развитие генетики хотя и задержалось, но не прекратилось, генетика была переведена под защиту ядерной физики.

** Правда, были там и молодые индийцы, которые в коридоре хвостом ходили за «экспертами» и выпрашивали какие-то стипендии, открытым текстом, торопливо. Но эти восхищались дискуссией о Бартоке и Эйнштейне, прыгали на стульях от энтузиазма.

Зато он со мной подружился и потом прислал мне в Москву свою книгу, которая мне очень помогла в жизни, — о том, как в Индии развивалась под эгидой централизованного государства эффективная «рыночная экономика» в масштабах субконтинента. Так сказать, национальный капитализм незападного типа. И как английские колонизаторы первым делом целенаправленно уничтожили структуры этого национального капитализма, искусственно вернув Индию к феодальной раздробленности и архаическому хозяйству. Я эту книгу все время держал в уме, слушая Горбачева и Гавриила Попова — о том, как Запад нам поможет построить современную рыночную экономику.

В последний день каждый делегат мог сделать большое выступление по итогам обсуждения. Доклад в первый день я делал в чисто позитивном ключе, как изложение советской доктрины, без полемики. А теперь, после такой агрессии, я пошел на прямое сравнение двух доктрин. Чтобы выразиться точнее, со всеми нюансами и акцентами, я стал говорить не по-английски, в котором мои познания позволяли выражать лишь «простые истины», а по-испански. Попросил переводить эксперта из Венесуэлы, директора (и, поговаривали, владельца) большого исследовательского центра в области нефтедобычи и переработки. Я ему как-то перевел его лекцию в Москве — теперь, говорю, отдавайте долг. Не хотелось ему ввязываться, но делать нечего, перевел все точно, так что я выглядел как настоящий советский делегат, с переводчиком.

Венгр перед моим выступлением предусмотрительно вышел — «я не я, и она не моя». Злились посланцы мировой цивилизации сильно. Я потом спросил сотрудницу из Института востоковедения: что же она ни слова не сказала, хотя бы нейтрального? Все-таки психологически было бы полегче. «Я испугалась, — ответила она. — Никогда в жизни не видела такой злобы, куда уж было соваться».

Я тогда подумал, как нелегко было работать нашим дипломатам на Западе — тем, кто не вилял. Ни Марчук, ни Овчинников не поехали — мудро поступили тогда. А если кто из начальства ездил на подобные конференции, то, похоже, никакого конфликта уже и не возникало — зачитают свои обтекаемые доклады, похвалят ленинскую политику, а потом делают вид, что не замечают сути докладов и реплик из «команды Голдсмита». А то стали уже братья обстригать и такие неблагоприятные дела, которые без согласия советской делегации никакого шанса пройти в международных организациях не имели. Существенной части советских начальников тоже понадобились стипендии — для сына или дочки.

Так шла к тяжелому для СССР исходу «холодная война».

Глава 4

УРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП И СОВЕТСКАЯ УРАВНИЛОВКА

Чуть ли не главным принципом, который надо было сломать в советском человеке, чтобы подорвать легитимность советского жизнеустройства и совершить «перестройку», была идея *равенства* людей.

Эта идея, лежащая в самой основе христианства, стала в СССР объектом «официально предписанной» фальсификации задолго до 1985 года — как только престарелого Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева окружила интеллектуальная бригада «новой волны». Одна из первых песен, которые запел идеолог ЦК КПСС А. Н. Яковлев, была о «порожденной нашей системой антиценности — примитивнейшей идее уравниательства». Идея равенства была представлена в виде *уравниловки*, из которой создали такое пугало, что человек, услышав это слово, терял дар мышления. Избивая это изобретенное идеологами чучело, на деле разрушали важный духовный стержень.

Вот депутат Н. М. Амосов, занимавший, согласно опросам, третье место в списке духовных лидеров нашей интеллигенции, в эссе под скромным названием «Мое мировоззрение» (в академическом журнале «Вопросы философии»!) утверждал: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых». И далее этот демократ предлагал (в 1988 году!) применить сугубо фашистскую процедуру по отношению ко всему населению СССР — провести селекцию на «сильных» и «слабых» путем широкого психофизиологического обследования.

Другой активный антисоветский идеолог, А. С. Ципко, писал: «Всегда, во все времена и у всех народов уравниловка поощряла лень, убивала мастерство, желание трудиться. Но мы отстаивали ее как завоевание социализма» (Можно ли изменить природу человека? — В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991). Это удивительно примитивная трактовка.

Однако ненависть к «уравниловке» стала важным компонентом антисоветского сознания. Согласно опросам 1989 — 1990 гг., интеллигенция на вопрос о причинах наших бед отвечала: «система виновата». «Уравниловку» в числе трех первых по важности причин наших несчастий назвали 48,4% приславших свой ответ интеллигентов (при этом они же проявили удивительную

ненависть к «привилегиям начальства» — 64% против 25% в «общем» опросе).

Проблема равенства и справедливости была поставлена уже в момент становления той философии, которая лежит в фундаменте нашей культуры. Аристотель писал: «общественная жизнь держится справедливостью», а последняя «больше всего сводится к равенству». В ходе формирования современного капитализма и характерной для него формы демократии важнейшим философским конфликтом стало противопоставление свободы равенству. Этот конфликт до сих пор присущ философии капитализма. Де Токвиль писал в письме: «Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство». Можно сказать, что в западном сознании побеждает то вкус, то инстинкт.

В наиболее полной и поэтической форме отказ от равенства и культ сильных, находящихся «по ту сторону добра и зла», выразил Ницше. Но у него за отрицанием человеческой солидарности хотя бы стояло жгучее желание прогресса, совершенства, возникновения «сверхчеловека». Ради этого и развил он антихристианскую и трагическую философию «любви к дальнему». «Чужды и презренны мне люди настоящего, к которым еще так недавно влекло меня мое сердце; изгнан я из страны отцов и матерей моих».

Идеологическая подкладка под отрицанием равенства — социал-дарвинизм. Это учение, переносящее биологический принцип борьбы за существование и естественного отбора в человеческое общество. Это придает угнетению (и в социальной, и в национальной сфере) видимость «естественного» закона. Социал-дарвинизм возник под влиянием мальтузианства, очень популярного в апогее рыночной экономики учения, согласно которому «слабым» не только не надо помогать выживать — надо способствовать их исчезновению через болезни и войны. В конце 80-х годов наши журналы и газеты были полны совершенно мальтузианских заявлений видных интеллектуалов. А ведь в русскую культуру даже в XIX веке вход мальтузианству был на строго запрещен.

Суть того равенства, которое выращивали в советском строе, была покрыта многослойной ложью (в том числе лакировочной). А в перестройке этот идеал был специально опорочен как якобы порождение большевизма. Так давайте снимем эти слои лжи. Рассмотрим суть уравниательства и его духовные корни.

Эта суть — в отрицании главной идеи «рыночной экономики», где ценность человека измеряется рынком. Американец скажет: «Я стою 40 тыс. долларов в год». «Старому» русскому такое и в голову не придет. Для него ценность человека не сводится к цене. Есть в каждой личности некая величина — то яд-

ро, в котором он и есть «образ и подобие Божие» и которое есть константа для каждого человеческого существа. А сверх этого — те «морщины», цена которых и определяется рынком, тарифной сеткой и т.д. Отсюда и различие в социальном плане. Если рынок отвергает человека как товар (какую-то имеющую рыночную стоимость «часть» человека — мышечную силу, ум и т.д.), то из общества выбрасывается весь человек — вплоть до его голодной смерти. Никакой иной ценности, кроме той цены, которую готов платить рынок, за человеком не признается.

Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Ницше подвел под это «естественно-научную» базу. Он писал: «Сострадание, позволяющее слабым и угнетенным выживать и иметь потомство, затрудняет действие природных законов эволюции. Оно ускоряет вырождение, разрушает вид, отрицает жизнь. Почему другие биологические виды животных остаются здоровыми? Потому что они не знают сострадания».

Если «отвергнутые рынком» люди и поддерживаются социальной помощью или благотворительностью, то лишь потому, что это дешевле, чем усмирение голодных бунтов, которые к тому же делают жизнь «удачливых» слишком уж неприятной. И этот порядок оправдан культурой (всей философией свободы либерализма). Никто никому ничем не обязан!

Начнем с самого главного социального механизма советского уравниательства — способа распределения *работы*. Бубня во время перестройки о социальной справедливости, идеологи вспоминали только «оплату по труду», заставив забыть первую, гораздо более важную часть уравнительного идеала — «от каждого — по способности». Кто об этом помнит? А ведь это — развитие одного из важнейших охранительных табу, которые дают человечеству великие религии: «Каждый пусть добывает хлеб свой в поте лица своего». Это — запрет на безработицу, и его нельзя обойти выдачей субсидий и превращением безработного в паразита.

Кладя эти принципы в основу нашей совместной жизни, наши отцы и деды, следуя главному закону крестьянской общины, заключили важнейший общественный договор: каждому человеку в России будет гарантирована работа. В идеале это будет работа по его способностям. Вот в чем были прежде всего равны наши люди. Мы обязались друг перед другом не выбрасывать за ворота в чем-то слабых людей, не дискриминировать

эту кем-то выделенную часть, распределяя между собой их заработков. Мы обязались делиться друг с другом работой и никого не отправлять на паперть, или в банду, или в сумасшедший дом — три пути для безработного.

Допустим, хозяйство СССР велось неважно, неповоротливо. Заставить всех людей трудиться с одинаково высокой интенсивностью не умели (вероятно, и не могли, недостаточна еще была индустриализация). Высок был поэтому, как говорят, уровень «скрытой» безработицы — мол, слишком прохлаждаются шахтеры и рабочие, работу десятерых могли бы и всемером сделать. На деле никто этот уровень никогда непредвзято не оценивал. Те прогрессивные экономисты, которые о нем фантазировали, потом оказались в других, очевидных, вещах такими лжецами, что и в этом вопросе на веру ничего принимать нельзя.

Допустим, что действительно можно было каким-то способом заставить рабочих попотеть, крутить гайки побыстрее. Это проблема управления, ее надо было кропотливо решать. Но политически активная часть граждан решила по-другому. Она вполне сознательно согласилась на превращение скрытой безработицы в явную. Так в душе был сделан шаг прочь от советского строя — отказались от постулата равенства и разрешили режиму выкидывать из общества целые отряды трудящихся. Выкидывать со спасательной шлюпки «лишних» людей.

Понятно, что равное право на доступ к работе возникло при советском строе вследствие обобществления средств производства. Религиозный запрет на безработицу обрел социальную и правовую базу. Будучи частичным собственником всей суммы средств производства, человек имел право на использование какой-то части средств производства, имел право на рабочее место. Вчитайтесь в слова Г. Х. Попова (сказанные в 1988 г., когда он еще не входил в пятерку самых богатых людей России): «Социализм, сделав всех совладельцами общественной собственности, дал каждому право на труд и его оплату».

Наличие общей собственности на средства производства автоматически и неизбежно порождало уравнительную часть и в распределении плодов труда, материальных благ, общественного богатства. Надо подчеркнуть, что в этом плане жизнеустройства уравнительство порождалось именно неизбежно, как следствие общенародной собственности на средства производства. Поэтому всякие разговоры о «ликвидации уравниловки» означали неявное отрицание общенародной собственности и советского строя.

Эти разговоры к тому же выдавали полное отсутствие правового сознания — ведь речь шла о том, чтобы лишить собственника его дохода на собственность. На каком же основании? По той причине, что кому-то не нравится, как этот собственник

ведет себя в совершенно иной сфере — как работник. Именно в требовании устранить уравниловку содержался самый дикий произвол, какая-то вывернутая наизнанку архаическая общинность.

Ведь уравнительная выдача определенного количества благ из общественных фондов была очищена от всякого налета «помощи» и «благотворительности». Не была она и «социальной защитой». Само понятие «социальная защита» есть производное от формулы Гоббса «война всех против всех», которая предполагает, что в цивилизованном обществе приходится защищать «слабых» от гибели, предоставляя им минимум благ. В советской России человек имел на эти блага не гражданское, а естественное право (он рождался с неотчуждаемыми социальными правами).

Прежде чем затевать реформу, надо было бы всем нам прочитать роман Кнута Гамсуна «Голод». В зажиточном Осло в начале XX века молодой писатель был одной ногой в могиле от голода — уже и волосы выпали. Ему не только никто не подумал помочь — он сам не мог заставить себя украсть булку или пирожок, хотя это было нетрудно. Святость частной собственности и отсутствие права на жизнь были вбиты ему в подсознание также, как святость его личных прав гражданина.

Таким образом, уравнительная выдача благ в СССР вовсе не была следствием *доброй воли* «дающего». Мол, хочу — даю, не хочу — не даю. Человек получил на эти блага социально и юридически гарантированное право. Право это возникло при наделении всех граждан СССР общенародной собственностью, с которой каждый получал равный доход независимо от своей зарплаты.

В приведенном выше высказывании Г. Х. Попова есть такое продолжение: «Надо точнее разграничить то, что работник получает в результате права на труд как трудящийся собственник, и то, что он получает по результатам своего труда. Сегодня первая часть составляет большую долю заработка». Попов признает, что большая часть заработка каждого советского человека — это его дивиденды как частичного *собственника* национального достояния. То, что трудящиеся добровольно и безвозмездно отдали свою собственность мафиозно-номенклатурной прослойке, войдет в историю как величайшая загадка всех времен и народов. Уравниловки испугались! Дай-ка я все дивиденды с моей доли буду брать себе сам! Ну, берите теперь.

Наше уходящее корнями в общину уравнительство было совсем иного рода, чем «равенство» гражданского западного общества (чего часто не хотят видеть патриоты). Там — равенство людей-«атомов», равенство конкурирующих индивидуумов перед законом. Великий философ Запада Гоббс дал формулу: «Равны-

ми являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Наше же равенство шло от артели, где все едят из одной миски, стараясь не зачерпнуть лишнего, но роль и положение каждого различны.

В обществе конкуренции «зачерпнуть лишнего» и даже оттолкнуть соседа от миски позволяет не только философия, но и лежащая в ее основе религиозная этика (отказ от идеи коллективного спасения). Люди, выросшие на почве православия и ислама, просто не понимают такой этики. Ее отвергала и вся русская культура. Человек, просто потому, что он родился на нашей земле и есть один из нас, имеет право на жизнь, а значит, на некоторый базовый минимум обеспечения. И это — не подачка, каждый из нас ценен. Мы не знаем, чем, и не собираемся это измерять. Кто-то споет песню, кто-то поглядит по голове ребенка. Кто-то зимой поднимет и отнесет в подъезд прикорнувшего в сугробе пьяного. За всем этим и стоит уравниловка.

Помню вечерние дебаты на эти темы в лаборатории сорок лет назад, когда задумывалась вся эта перестройка. Сейчас удивляешься, как все совпадало: тот, кто проклинал уравниловку и мечтал о безработице (разумеется, для рабочих — очень уж они обленились), в то же время ненавидел «спившуюся часть народа». Он, мол, принципиально не оттащил бы пьяного согреться — пусть подышает, нация будет здоровее. И доходили до фанатизма. Кто же, говорю, у нас не напивался — ведь эдак треть перемерзнет. Пусть перемерзнет! Так ведь и твой сын может попасть в такое положение — вспомни себя студентом. Пусть и мой сын замерзнет! Это и есть новое мышление. Здесь и происходит главное столкновение «реформы» с сознанием людей.

Сколько же благ распределялось у нас через «уравниловку»? Неужели и вправду наши «социальные иждивенцы» объедали справных работников и получали большую часть дохода не по труду, как писал Попов? Это — ложь, специально внедренная в общественное сознание. На уравнилельной основе давались минимальные условия для достойного существования и развития человека — а дальше все зависело от него самого. Он получал на уравнилельной и в большинстве случаев бесплатной основе жилье, образование, медицинское обслуживание. С большой долей уравнилельности человек получал также скромную пищу, транспорт, связь, книги и прочие блага культуры. Здесь уравнилельный механизм действовал через низкие цены на эти жизненные блага.

Всем известно, что, если человек был готов напрячься, он мог заработать на жизнь «повышенной комфортности» — купить дачу, автомобиль, пить коньяк вместо водки. Но уровень потребления людей с низкими доходами был действительно ми-

нимальным — на грани допустимого. Никакой избыточной уравниловки в потреблении не было, все держалось на пределе.

Наш тонкий интеллект А. Бовин писал в 1988 г.: «Мы так натерпелись от уравниловки, от фактического поощрения лентяев и бракоделов, что хуже того, что было, уже ничего не будет, не может быть». Сколько же поедали «лентяи», если при виде их стола текли слюнки у Бовина? Ведь он мог бы привести и цифры. Вот потребление продуктов в 1989 году людей с разным месячным доходом (средняя зарплата рабочих и служащих в том году составляла 240,4 руб., средняя оплата труда колхозников 200,8 руб.):

Таблица 2. Потребление продуктов питания в СССР*

Потребление, кг на человека, при разных душевых доходах (руб./месяц)			
	до 75 руб.	100—150 руб.	> 200 руб.
Мясо и мясопродукты	27	63	95
Молоко и молокопродукты	216	363	466
Рыба и рыбопродукты	5	13	19
Фрукты и ягоды	22	39	56

Кстати сказать, образ советской уравниловки был преувеличен в сознании «обделенной» интеллигенции еще и из-за важной методологической ошибки. Вот типичная «антисоветская» жалоба инженера: «Бедный я, бедный. Получаю всего вдвое больше, чем неграмотная уборщица баба Маня. Когда кончится эта проклятая уравниловка!» Спросишь: а насколько же тебе надо больше? «Ну хоть втрое, как в Штатах». И в этом он ошибался — оплата инженера в США была, в общем, более уравнительной.

Да, у нас инженер получал 100 руб., а баба Маня — 50 (округленно, условно). А «за бугром» их баба Мэри — 100 пиастров, а сэр инженер 300. Где же больше уравниловка? Инженер уверен, что у нас. На деле из этих цифр без выявления «неделимости» вообще ничего сказать нельзя. Вот одна «неделимость» — та «витальная корзина», тот физиологический минимум, который объективно необходим человеку в данном обществе, чтобы выжить и сохранить свой облик человека. Это — тот ноль, выше которого только и начинается *благосостояние*, а на уровне нуля есть лишь *состояние*, без «блага». И сравнивать доходы инженера и бабы Мани нужно после вычитания этой «неделимости».

* «Социальное развитие СССР. 1989». М., 1991.

Что же получается при таком расчете? Эта «неделимость» составляла в СССР около 40 руб. И благосостояние бабы Мани было не 50, а 10 руб. в месяц, а у инженера $100 - 40 = 60$ руб., т.е. в шесть раз больше, чем у уборщицы. «За бугром» благосостояние уборщицы при физиологическом минимуме в 40 пиастров поднималось до 60 пиастров, а у инженера — до 260. Это в 4,3 раза больше. То есть, несмотря на большой разрыв в валовом доходе, распределение благосостояния было «за бугром» более уравнивающим. Если бы баба Маня у нас получала всего 41 руб., а инженер 100, то его благосостояние было бы уже в 60 раз выше, чем у нее. Вот тебе и уравниловка.

Помимо того, что советский человек имел равное фундаментальное право на доступ к рабочему месту (*право на труд*), благодаря которому он гарантированно и вовремя получал зарплату, в СССР были постепенно созданы и другие каналы уравнивающего распределения многих благ — *общественные фонды потребления*. Через эти каналы человеку давалось определенное количество благ как члену огромной общины (СССР). В 1989 г. (последний год советского уклада жизни) доходы всего населения СССР составили 558 млрд. рублей, а расходы государства и предприятий на социально-культурные нужды составили 176 млрд. рублей (т.е. 31,5% от денежных доходов населения).

Важный момент заключается и в том, что принципы распределения в СССР позволяли избежать и резких разрывов в доходах работников разных профессий. А значит, между ними не возникало социальной вражды, так что в целом в массовом сознании была укоренена идея общества солидарного, основанного на сотрудничестве, а не на конкуренции.

Отказ от уравнивательных принципов расколол общество на множество конкурирующих социальных групп. Резко нарушились устоявшиеся, стабильные соотношения в социальных показателях жизни работников разных отраслей и жителей разных регионов страны. За время с 1990 по 1995 г. межотраслевая дифференциация среднего уровня зарплаты возросла с 2,4 до 5,2 (а если учесть резко выделяющуюся газовую промышленность, то до 10 раз). На рис. 2 показано, как изменилась зарплата ученых, работников сельского хозяйства и кредитно-финансовой сферы. Резкое расслоение по доходам произошло и среди регионов России. Разница в средней зарплате между регионами выросла за 1990—1995 гг. от 3,5 до 14,2 раза, в розничном товарообороте от 3,1 до 13,7 раза и в объеме платных услуг от 4,1 до 18,1 раза.

Посмотрим, как были реализованы в СССР уравнивательные принципы в обеспечении доступа к некоторым главным материальным благам.

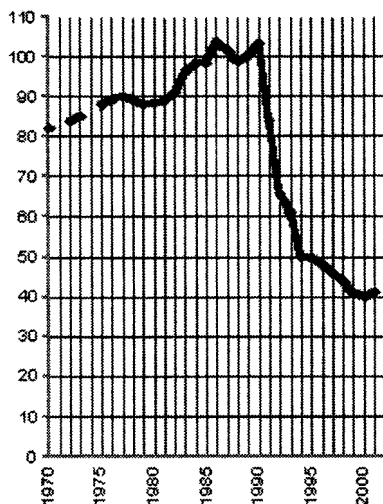

Рис. 2. Средняя зарплата в сельском хозяйстве в % от средней зарплате по всем отраслям народного хозяйства РСФСР и РФ

Жилье. Главная опора уравнительного уклада — жилье. Пока человек имеет жилье — он личность. Бездомность — совершенно иное качество, аномальное состояние выброшенного из общества изгоя. Бездомные очень быстро умирают. Поэтому право на жилье есть одно из главных выражений права на жизнь.

В СССР на определенной стадии развития пришли к тому, что право на жилье было введено в Конституцию, стало одним из главных прав. Это было уравнительное право, жилплощадь предоставлялась «по головам» (были небольшие льготы кандидатам и докторам наук, скрипачам, художникам, но это мелочи). При этом человек имел право не просто на крышу над головой, а на достойное жилье. Иными словами, была установлена норма, и если она не обеспечивалась, люди имели право на «улучшение жилищных условий».

Право на улучшение! Слова эти, бывшие в советское время привычными, еще затерты в памяти. А ведь надо в них вдуматься. И это было не декларативное право, не идеологический миф, а обыденное социальное явление. На 1 января 1990 г. в СССР на учете для улучшения жилищных условий состояло 14,256 млн. семей и одиночек — 23% от общего числа семей и одиночек в стране. И из года в год 13% из стоявших на учете получали квартиру (или несколько квартир, если большая семья разделялась). А, например, в Эстонской ССР в 1986 г. получили квартиры 33% от очереди, в 1989 г. — 29%.

Уравнительная жилищная политика была осознанной и планомерной — государство оплачивало 85% содержания жилья.

Вот справка Госкомстата СССР: «В 1989 г. в бюджете семей рабочих и служащих расходы по оплате квартир не превышали одного процента, а с учетом коммунальных услуг — 3% общих расходов. Оплата одного квадратного метра жилой площади составляет в среднем за год 1 руб. 58 коп., или 13 коп. в месяц. Затраты на содержание государственного и общественного жилищного фонда в прошлом году составили более 13 млрд. руб., из них свыше 2 млрд. — за счет квартирной платы, около 12 млрд. — дотации государства» («Социальное развитие СССР. 1989». М., 1991).

Надо сказать, что почти бесплатное жилье стало настолько привычным, что многие перестали платить даже эти 13 коп. в месяц. В среднем по СССР задолженность из года в год составляла 13,7% начисленной квартплаты, а в Армении, например, в 1989 г. была 30,3%.

Уравнительное право на жилье обеспечивалось ресурсами, государство строило много жилья. Смысл отказа от советского строя прекрасно виден из динамики жилищного строительства (см. рис. 3). Резкий перелом этой динамики наблюдается во всех странах, имевших, по примеру СССР, уравнительную жилищную политику и отказавшихся от нее ввиду принятия программы МВФ. Переход от уравнительного распределения к рыночному сразу делает жилье недоступным для большинства населения. И жилищные условия этой части населения начинают ухудшаться, хотя в силу своей инерции этот процесс не сразу заметен.

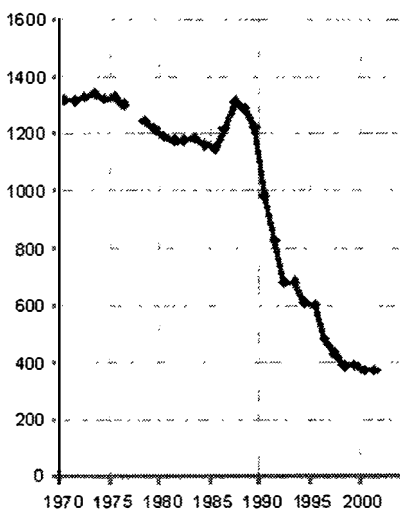

Рис. 2—3. Строительство жилья в России предприятиями и организациями всех форм собственности (тыс. квартир)

Напротив, в СССР жилищные условия населения неуклонно улучшались. Многим было противно, что это улучшение идет медленно — это они называли «равенство в бедности». В мышлении уже были сильны стереотипы социал-дарвинизма. Эта часть общества подсознательно уже желала разделения людей — роскошное жилье для одних и ночлежка для других. Сами они лично, как правило, были уверены, что попадут в «сильную» часть.

Усилиями поэтов и публицистов в массовом сознании было создано ощущение, что чуть ли не полстраны живет в *коммуналках*. Реальность была такова: в 1989 г. в городских поселениях СССР 83,5% граждан жили в отдельных квартирах, 5,8% — в общих квартирах, 9,6% — в общежитиях, 1,1% — в бараках и других помещениях. Чтобы проклинать за «коммуналки» советский строй, надо было просто не считать за людей ту треть населения даже богатого Запада, которая проживает именно «в иных помещениях» и считала бы за счастье иметь собственную комнату в общей квартире. О трущобах Рио-де-Жанейро, в которых без воды и канализации живет 3 млн. человек, и говорить нечего.

В жилищной сфере отказ от уравниловки означает качественный скачок — бедняки постепенно потеряют жилье. Этот процесс идет быстро — по данным МВД, уже в 1996 г. в России было около 4 млн. бездомных. Б. Ельцин в 1992 г. обещал, что Россия финансирует устройство ночлежек (он их мягко назвал «ночными пансионатами»). Из этого следует, что обнищание с потерей жилища было предусмотрено в программе реформы. О покупке чьих квартир взывают тысячи расклеенных по Москве объявлений? Квартир обедневших людей, которые «уплотняются», чтобы совместно проесть жилплощадь родственника или друга. А потом? Заболел ребенок, надо денег на врача да на лекарства — и продаст мать квартиру, переедет в барак, а там и в картонный ящик. Это все известно по Чикаго да по Риму. По данным на конец 1993 г., в России насчитывалось около 4 млн. бездомных («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1995, № 4).

Понятно, что раз влиятельное меньшинство (активная часть интеллигенции) при пассивном согласии большинства отвергли уравнильный принцип, то советский строй был обречен. Покуда общественное сознание принимает идеологические установки социал-дарвинизма, и речи не идет о его восстановлении. Часть народа неизбежно вымрет. Но если граждане не отважатся взглянуть правде в глаза и не захотят понять, какой выбор они поддерживают и от чего отказываются, вымирание вообще не остановится. Расщепленное сознание не позволяет овладеть действительностью и принимать разумные решения.

А положение именно таково: люди, отказавшиеся от уравни- тельных принципов и неоднократно подтвердившие этот свой выбор, продолжают по отношению к себе лично требовать имен- но уравниловки — в ущерб другим. И при этом они явно не по- нимают, что требуют именно уравниловки, в самом примитив- ном, «совковом» смысле слова.

Зимой 2001 г. множество людей, одетых в норковые шубы и дубленки, выходили на улицы Владивостока и других городов Приморья с плакатами «Хотим жить!». Так они требовали, что- бы государство обеспечило их дома теплом. Большинство этих людей отвергали советскую уравниловку — распределение благ не на рыночной основе, а уравнительно, «по едокам». Очеви- дно, что тепло — одно из таких жизненных благ и оно также мож- ет предоставляться или через рыночный, или через уравни- тельный механизм. Эти образованные люди не могли этого не понимать, когда голосовали против советского строя.

Согласно антиуравнильным установкам этих людей, были закрыты нерентабельные шахты Приморья. В советском хозяй- стве, ориентированном на потребление, а не на прибыль, эти шахты были разумны и эффективны, а в обществе, основанном на конкуренции, они неразумны и неэффективны. Это образо- ванные люди также должны были понять, и об этом их предуп- реждали. Таким образом, тепло в Приморье стало очень дорого. Грубо говоря, оно этим дамам в советских норковых шубах не по карману. Согласно их собственным, выстраданным антисо- ветским принципам, эти дамы должны были тихонько лечь и замерзнуть. Как сказал Мальтус, «природа повелевает им уда- литься и не замедлит сама привести в исполнение свой приго- вор».

Сделав выбор в пользу рыночного распределения благ (удов- летворение платежеспособного спроса) и отказавшись от уравни- тельного (удовлетворение потребности), жители Приморья четко и определенно отказались от права на жизнь как естест- венного права. Отказ от уравнительного распределения в чис- том виде означает, что право на жизнь имеет лишь тот, кто мож- ет заплатить за витальные, необходимые для жизни блага. И го- сударство при этом обязано только обеспечить свободу рынка.

В 2001 г. стало очевидно, что большинство жителей Примор- ья купить тепло по его реальной рыночной цене не могут. По- требность есть, а *платежеспособного* спроса нет. Поэтому плакат «Хотим жить!» смысла не имел. На этот плакат Греф резонно может ответить: «Ну и живите на здоровье, никто вас не убивает». Люди в таком мысленном диалоге, конечно, завопят: «Мы замерзаем! Мы не можем жить без отопления!» А Греф столь же резонно им ответит: «Вы имеете полную свободу покупать тепло и энергоносители — хоть у Березовского, хоть в Венесуэле.»

Но вы не имеете права требовать их от государства. Это право вы имели, но сами его выплюнули, когда сидели у телевизоров 4 октября 1993 г.». И тут выяснилось, что люди просят именно *уравниловки* — предоставления им тепла не через рынок, а как при советском строе — «по едокам». Они хотели бы, чтобы им локально, в порядке исключения, вернули определенную часть советской уравнилельной системы. По мере того как власть будет продавливать жилищно-коммунальную реформу, таких желающих будет становиться все больше и больше.

Важно подчеркнуть, что всю эту интеллигенцию Приморья никак нельзя заподозрить в неискренности, в желании «проехать за чужой счет». Она действительно не понимает, что означало ее требование отказа от уравниловки — «об отоплении как-то не подумали». Ее уверенность в праве на отопление и ее ненависть к «равенству в бедности» расположены на разных уровнях сознания. Первое чувство — на уровне стереотипов европейски образованного сытого человека, а второе — на уровне ушедших в глубину подсознания архетипов «уравнилельного крестьянского коммунизма». Расщепление этих двух уровней и привело к тяжелейшему кризису.

В своем походе против уравниловки либеральная интеллигенция совершила еще одну практически очень важную, хотя и не фундаментальную ошибку. Она не подумала о том, что большие социально-технические системы, подобные отоплению, обладают очень большой инерцией. В течение длительного времени при советском строе они проектировались и строились исходя из принципа уравнилельного распределения благ. Даже если при этом кто-то отлынивал от копеечной платы, это было несущественно — для государства было дешевле покрыть их долги, чем устраивать сложный и дорогой индивидуальный контроль.

В результате все потребители оказались скованы одной цепью. На Западе, насколько я мог заметить, потребление тепла в большой степени автономно. Если отопление электрическое, то и проблем нет — платит каждый за себя. Нет проблем и в богатых кварталах и домах — платежеспособность проверена. А в «промежуточном» слое, в дешевых, но еще приличных домах, центрального отопления часто вообще нет — газовые печки. Иногда даже устроенные так, что надо бросать монету, как в телефон-автомат, чтобы согреть комнату. Поэтому зимой в английских газетах нередки сообщения: замерзла супружеская пара пенсионеров при исправном отоплении — не было монет. Хотя климат там мягкий.

В России же разорвать коммунальную инфраструктуру путем расслоения по доходам не удастся, надо перестраивать всю систему, что очень дорого и займет много времени. Поэтому «бла-

гополучная» часть общества, которая предполагала, что бедные пойдут на дно, а они выплывут и за свои денюжки получают тепло, в своих расчетах ошиблась. Тепло приходится отключать всем — и даже замораживать и разрушать при этом всю систему жизнеобеспечения. Такая вынужденная солидарность.

Сломать ее непросто. Как сообщило в сентябре 2001 г. телевидение, решено провести эксперимент в Благовещенске — тем, у кого накопилась большая задолженность по оплате отопления, будут заварены трубы горячего водоснабжения, а батареи разрезаны автогенем. Эта дикая разрушительная акция наконец-то должна показать бывшим советским людям, что такое мальтузианство на практике. Должники буквально вытесняются из жизни — если у них не было денег заплатить за энергию, то тем более не смогут они оплатить восстановление разрушенной в их жилище системы отопления или купить себе билет на самолет и улететь на Канарские острова. Рынок в виде продавца тепла прямо и понятно отказывает этим людям в праве на жизнь. Но этот эксперимент так радикально изменит сознание людей, что лучше бы богатым скинуться и заплатить долги приговоренных к смерти.

В общем, наша антисоветская интеллигенция совершила глупость, поддержав радикальную реформу со сломом всего жизнеустройства вместо постепенной «надстройки» системы, предназначенной для раздельного существования двух рас — богатых и бедных.

Равенство, которого не замечали: стакан воды и советская власть. На фоне потрясений последних лет незамеченной прошла кампания российского телевидения по критике нашей питьевой воды. Действительно, об этом ли сейчас думать! А между тем за этой мелочью скрывается очень многое. Казалось бы, мы должны были уже привыкнуть: если начинают ругать что-то советское — жди беды, этого «плохого» нас собираются лишить. Но ведь и в голову не могло прийти, что подбираются к воде. Ведь это — последнее, что осталось, кроме воздуха. Тут бы и задуматься нам. Именно такие фундаментальные вещи, как хороший воздух и хорошая питьевая вода, в первую очередь контролируются в обществе, принципиально отрицающем равенство («уровниловку»). Это приобретает уже почти мистический смысл на Западе, и наш известный мультфильм о стране, где «водичку попивают только слуги короля», сделан в жанре реализма, и не соц-, а настоящего. Положение человека в обществе (и все связанные с ним удовольствия или неприятности) определяются уже не по костюму и часто даже не по машине, а по тому, каким воздухом ты дышишь (в каком районе живешь) и какую воду пьешь.

Общество «двух третей», которое сложилось на демократи-

ческом Западе, разделено тонкой, но трудно переходимой гранью. Благополучные две трети покупают питьевую воду в магазине — «нижняя» треть пьет воду из-под крана. Вода стоит недешево, полтора литра — полдоллара. Но даже испытывающий трудности представитель среднего класса будет покупать воду до последней возможности, ибо это — символ. Если ты не выставляешь вечером мусорщику пустую пластиковую бутылку или канистру из-под воды, весь подъезд знает, что ты идешь ко дну. Какую воду покупать, из какого источника — это уже тонкости. Чем дороже, тем, конечно, почетнее (хотя не исключено, что все это водное разнообразие проистекает из одной и той же водокачки).

Кстати, резкое разделение водопоев в «обществе равных возможностей» воспринимается как символ и отверженными. Я наблюдал в Испании эпидемию случаев мелкой мести: маргиналы прокалывали в магазинах пластиковые бутылки с водой шприцем и выпускали туда едкий шелок с хлорамином. То там, то здесь госпитализировали людей, напившихся такой воды. А в магазинах образовались пробки — покупатели внимательно осматривали каждую бутылку, стараясь обнаружить микроскопический прокол.

Разумеется, искоренение уравниловки не может опираться только на психологию. Вода из-под крана на Западе почти везде очень плохая. Но на это и жаловаться невозможно — ты совершенно свободен, иди в магазин и купи хорошую, без карточек и без знакомств. И когда бойкие молодые люди с телевидения в Москве подзуживают наивных пенсионеров отвечать, что, мол, вода в московском водопроводе очень плохая, становится жалко этих стариков. Они и не представляют, к чему ведут эти вопросы и какую воду им придется пить в будущем.

Замысел наших либералов ясен — «сделать как на Западе». Заодно они надеются и погреть руки на воде. Свои интервью наши «телевизионные мальчики» заканчивали обычно оптимистическими надеждами получить наконец возможность покупать хорошую питьевую воду, как в цивилизованных странах. И если надолго затянется власть этого альянса утопистов и воров, чего доброго, мы действительно останемся без хорошей воды. Потому что и здесь «предприниматели» идут по проторенной дорожке — сначала поставить людей в безысходное положение, а потом заставить покупать всякую дрянь втридорога. С водой дело совсем простое — ухудшить ее качество несложно, нужен только доступ к власти и коррупция, а это пока есть. Наладят ли в больших масштабах производство хорошей воды — неизвестно. Но, во всяком случае, уже наладили импорт, без дохода не останутся. Тот «казарменный социализм», который строили наши отцы и деды, имел много дефектов. Но, как

это ни парадоксально, рухнул он под грузом своих достоинств (а дефекты оставил в наследство «демократическому режиму»). Таким достоинством, о котором нам придется жалеть, был принцип равного распределения некоторых исходных, естественных благ, представленный нам как мерзкая уравниловка. Государство считало своим долгом доставить в каждую квартиру по очень низкой цене хорошую питьевую воду. И мы с полным правом требовали ее улучшения. Теперь как огромное благо нам предлагают социальное расслоение и по этому признаку. Стакан хорошей воды? Плати деньги — это тебе не советская власть.

Так в капле воды можно увидеть тот идеальный образ будущего, который лелеют наши антисоветские умы.

Общение. Банкиры и Сорос, получившие в собственность телефонную сеть России, вместе с государственным агентством устраняют важный аспект уравнильства и делают очередной шаг в рассыпании народа. Теперь, начав говорить по телефону, мы будем слышать тиканье счетчика.

Тут дело не в жадности банкиров, денег они получают не намного больше. Эффект хорошо изучен психологами: этот счетчик настолько отравляет сознание, настолько убивает теплоту разговора, что отлетает сама его душа. Рвется человеческая связь, остается лишь обмен информацией. Значит, даже не перестав звонить другу или брату, мы станем чуть-чуть больше индивидуумами, а вместе станем менее народом, более — человеческой пылью.

Когда мы были крестьянами, ничего бы с нами не могли поделать — мы общались и в поле, и у колодца. Другое дело, когда мы стали в массе своей горожанами. Для города телефон, почта и телеграф — та связь, что обеспечивает общение вне узкого круга семьи и сослуживцев. По этим связям и нанесена серия страшных ударов. Я всю жизнь проработал в Академии наук. И много лет веду мысленный, изредка и явный, разговор с моими коллегами, которые поддержали весь этот переворот в России. Об идеалах спорить бесполезно, поэтому я обращаюсь к логике.

С самого начала перестройки как важное обвинение советскому строю была поднята тема «открытого общества». Вот, мол, Запад — общество «информационное», открытое, а СССР — закрытое. В том смысле, что блокирован обмен сообщениями. Помню одного уважаемого философа, он горячо кричал в коридоре нашего института: «Советская система рубит человеческие связи, как топором!» Он стал убежденным и активным «демократом». К нему и к таким, как он, я и обращаюсь с вопросом: «Вы знали, что сотворит в сфере общения ваш политический режим?» Если знали, то все они — провокаторы и рано или позд-

но получают свое. Если не знали, то обязаны порвать с этим режимом и во весь голос признать свою ошибку.

Уточним реальность. Каковы главные каналы общения людей, разделенных на огромном пространстве России? Есть каналы нецентрализованные, «молекулярные»: поездки самих людей, почта, телеграф, телефон. Интернет и электронная почта — мелочь, даже на Западе. Есть каналы «через центр» — книги, журналы, газеты. Радио и телевидение сюда не входят, так как они лишь «накачивают» информацию, так что не возникает общения, диалога — как у читателя с печатным словом книги или даже газеты. Что было и что стало со всеми этими каналами?

Поездки людей «ради общения» сократились самым страшным образом. Скажем, авиаперевозки внутри страны упали в четыре раза. Если вычесть деловые перелеты, то этот канал общения для простых обывателей сузился минимум в десять раз. Он действует практически лишь в отделенной от «тела народа» разбогатевшей части, которая живет особой жизнью.

В советское время не вставал вопрос о том, чтобы не поехать на свадьбу или на похороны из-за недоступной цены билета на поезд. Иностранцы, что гостили у меня в конце 1990 г., чуть не сошли с ума, когда оказалось, что они за 20 «деревянных» рублей (1 доллар) могут съездить в Ленинград и обратно, а там пообедать и сходить в Эрмитаж. Правда, и тогда интеллигенция была недовольна — подстаканники в поездах были аляповатые («Ты можешь представить, чтобы тебе во Франции подали чай в таком подстаканнике?»).

Почта и телеграф в СССР настолько вошли в быт самой глухой деревни, что стали уже как бы частью природы. Телеграмма — 3 копейки за слово! Нашарив гривенник в кармане, мы слали откуда-нибудь из Крыма: «Телеграфь двадцать пять» (а совсем уж отчаянные наскребали на одно слово: «Двадцатипятирублюйте»). Телеграф давал нам ощущение, что мы связаны моментальной связью со всеми близкими людьми на шестой части суши. Сколько писем и телеграмм отправляют сегодня русские люди? В 6 (!) раз меньше, чем в 80-е годы. В шесть раз! Если опять же из этого числа вычесть деловые отправления, то окажется, что почты и телеграфа народ практически лишен. Вы, поборники открытого общества, знаете об этом?

А как люди общаются через печатное слово? Книги живучи, и пока народ имеет старые запасы. Новые книги — для элиты, выкроить из зарплаты или пенсии на книгу нелегко. Но книги — лишь основа, а поток общения в России шел через журналы, это особенность нашей культуры. Что же с журналами? Помните, в 1988 г. интеллигенция проклинала советскую власть за «лимиты на подписку»? Какую шумиху тогда подняли! Сколько

теперь, при свободе, выписывают? За пять лет реформ, к 1995 г., общие тиражи журналов в России упали в 20 раз.

Теперь о телефоне. В СССР произошло необычное, никогда в мире не виданное явление: людям дали дешевую, общедоступную телефонную связь. Технической базы не хватало, ее наращивали по мере сил. Не хватало и культуры, подростки отрывали телефонные трубки у автоматов, их чинили. Но главное, что бесценное благо общения не поставили на коммерческую основу. Это, если можно так выразиться, признак душевной широты советского строя. Ведь общение — жизненная потребность человека, поэтому с него можно содрать за телефон большие деньги. Так и делают на Западе, и телефон там страшно дорог — это одна из вещей, которая сильнее всего удивляет, когда там живешь. И телефон в доме молчит весь день — звонят мало, говорят быстро.

То же самое сделали и наши демократы, дорвавшись до власти. Звонок из уличного телефона, который стоил в советское время 2 копейки («двушку») без ограничения времени разговора, обходится в три рубля за минуту — 10 руб. за средний разговор. Уличный телефон подорожал в двадцать раз больше, чем хлеб, и в 10 раз больше, чем мясо. Вот когда стали рубить топором по человеческому общению! Теперь так же, да еще сильнее, рубят по общению через домашний телефон. С улицы ведь звонишь по срочному делу, а из дома — поговорить обстоятельно. Теперь большинству этого не позволит тиканье счетчика. Возникло резкое неравенство в доступе людей к средствам общения.

Поход против уравниловки: утрата исторической памяти.

В кухонных дебатах 70-х годов было создано совершенно ложное представление, будто уравнилельный принцип распределения жизненных благ — уникальное явление, порожденное тупым волюнтаризмом советской системы. Во время перестройки это мнение было усилено с помощью большой кампании по промыванию мозгов. На самом деле советская система в этом смысле не слишком сильно отличается от других, различия существуют, скорее, в антропологическом обосновании «уравниловки», в выведении ее из естественных или приобретенных прав.

Дж. Кейнс, работавший тогда в СССР, в статье «Беглый взгляд на Россию» (1925) писал: «Я не считаю, что Русский Коммунизм изменяет или стремится изменить природу человека, что он делает евреев менее жадными, а русских менее экстравагантными, чем они были... Но в будущей России, видимо, карьера «делающего деньги» человека просто невозможна как доступная в силу своей открытости для респектабельного человека сфера деятельности, как и карьера вора-взломщика либо стрем-

ление научиться подлогам и хищениям. Каждый должен работать на общество — гласит новое кредо, — и, если он действительно выполняет свой долг, общество его всегда поддержит. Подобная система не ставит целью понижать доходы, уравнивая их, — по крайней мере, на нынешней стадии. Толковый и удачливый человек в Советской России имеет более высокие доходы и живет благополучнее, нежели все другие люди».

Кейнс писал это в 1925 г., а ведь тот, первый этап советского проекта был, конечно, гораздо более уравнивательным, нежели 70-е годы. Тогда, например, действовал так называемый «партмаксимум» — обязанность партии сдавать государству доходы, превышающие определенный максимум.

Уравнительное распределение благ — древнейший принцип человеческого общежития. В обществах, основанных по принципу семьи, каждый имеет равное право на пищу. В самом чистом виде это отражено в первобытных обществах. В 1966 г. в США вышел большой труд антрополога Сервайса (E.R. Service) «Охотники» — об изучении оставшихся на Земле «примитивных», живущих общинами племен и народов, об обществах охотников и собирателей из самых разных частей света. Особое место в нем занимает тема распределения пищи. Как-то ученый получил от эскимоса кусок мяса и поблагодарил его. Охотник огорчился, а старик-эскимос объяснил: «Нельзя благодарить за мясо. Каждый имеет право получить кусок».

Сервайс пишет, что в общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу — этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчеркивают, что в общине право на пищу — это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или социальной катастрофы — засуха, война.

Именно в богатом капиталистическом обществе возник голод части населения как норма, а не бедствие. Здесь голодают отвергнутые рынком, а остальные не только не обязаны, но даже не должны им помогать, чтобы другим неповадно было расслабляться. И Мальтус, и Дарвин резко выступали против благотворительности и бесплатной медицины, которые нарушают действие естественного отбора, ликвидирующего «человеческий брак». Дарвин даже сожалел о том, что медицина (например, прививки) сохраняет жизнь плохо приспособленным людям — а таковыми считались как раз те, кто голодает. Это и есть экономический либерализм.

Э. Фромм приводит выдержки из труда И. Сервайса о другой стороне «уравниловки» — распределении средств труда: «Ни в какой из примитивных групп никому не запрещается использовать природные ресурсы, и ни один индивидуум не является их

владельцем... Природные ресурсы, которыми живут группы, являются коллективной или общинной собственностью... Внутри группы все семьи имеют равные права на получение этих ресурсов. Кроме того, родственникам из соседних групп разрешается свободно охотиться или заниматься собирательством, по крайней мере, если они об этом просят.

Наиболее частый случай видимого ограничения права на ресурсы касается деревьев, дающих фрукты, орехи и т.д. Иногда определенные деревья или группы деревьев приписываются каждой семье из группы. Но это скорее разделение труда, чем собственность, так как это делается с целью предотвратить бесполезную потерю времени и сил при работе нескольких семей в одном месте. В любом случае, собрала ли данная семья много фруктов или мало, действуют нормы распределения, и никто не испытывает голода».

Но не только в «примитивных» общинах, а и вообще во всех традиционных обществах, не пошедших по пути «рынка», голод был исключен как социальное явление благодаря уравнительному распределению. Смешно думать, что «уровниловка» — порождение последних 75 лет или даже Российской империи. Напротив, эта империя потому и собралась в Евразии, что здесь сформировались народы со сходным мироощущением. Вспомним итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь прожил и пропутешествовал в созданной при Чингисхане империи (в том числе и в России). Что же поразило его, «европейца-рыночника»? Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века.

«Делал государь вот что: случалось ему ехать по дороге и заметить домишко между двух высоких и красивых домов; тотчас же спрашивал он, почему домишко такой невзрачный; отвечали ему, что маленький домик бедного человека и не может он построить иного дома; приказывал тут же государь, чтобы перестроили домишко таким же красивым и высоким, как и те два, что рядом с ним».

Это о жилье. А вот о питании:

«Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и ссыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится не достача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за бизант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается и у всякого его вдоволь.

Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует».

Когда мы читали Марко Поло в детстве, на такие главы не обращали внимание — этот образ действий государства казался нам естественным. Ну подумайте сами, что, если бы Сталин в годы войны вместо карточной системы устроил бы, как сегодня, либерализацию цен? Но то, что казалось естественным нам, поражает и злит «рыночника». И английский биограф Марко Поло в 80-е годы XX века делает ему выговор: «Книга для коммерсантов должна была бы описывать урожаи и сезонные колебания цен так, чтобы дать негоциантам сведения, позволяющие получить максимальный доход от спекуляций и поместить деньги с минимумом риска. Марко же глядит по-иному, с точки зрения общественного интереса и, значит, государства; поэтому неуражай для него не средство получить большую прибыль, а огромное бедствие, опасное для мира между народами, которые его терпят. Бедствие, с которым надо бороться».

Каков же был механизм уравнительного распределения благ в империи монголов? Дотации государства. Великий хан Хубилай обязывал «глав администрации» в регионах делать запасы зерна за счет госбюджета и в голодные годы выдавать его фактически «по карточкам» — не отменяя при этом «коммерческую» торговлю. Она, кстати, была у нас и во время войны; приехал кто с фронта — всегда можно было собрать денег и купить, что надо. А уж о рынке и говорить нечего. Не знаю, как Гайдар, а я торговал в четыре года.

Советская уравниловка корнями уходила в общинный крестьянский коммунизм, о котором писалось в первых главах. По этому атаку на этот принцип в СССР начали в тот момент, когда произошла смена поколений, так что люди молодого и среднего возраста просто не представляли себе, что такое голод и недоедание. Мао Цзэдун как-то сказал в беседе с Андре Мальро: «Когда существует голод, то стремление к равенству приобретает силу религиозного чувства». Те, кто хотя бы военное детство провел, как обычный советский ребенок, не клюнули бы на призыв отказаться от равенства.

Часть нашей интеллигенции, а за ней, не подумав, и остальные проклинали даже это самое простое выражение советской уравниловки — кусок хлеба каждому. Стало противно «равенство в бедности», когда по негласному закону в каждой столовой было особое блюдо — манная каша на молоке со сливочным маслом по цене 10 коп. (при реальной стоимости около 35 коп.). Это было блюдо для тех, кто не дотянул до полочки. Он его получал не как благотворительность и не должен был никого благодарить. И это — старый наш порядок. Гиляровский подробно описывает, как на московских рынках раз в день варили обрез-

ки мяса и требуху и продавали по полкопейки миску — бери сколько съешь. Не нужна нам была занудливая Армия спасения с ее бесплатным супом для отверженных.

Уравнительный компонент очень силен в быстро развивающихся странах Юго-Восточной Азии. Например, в одном обзоре писалось, что японского работника предприятия, — как управленца, так и рабочего — «устраивает уравниловка в оплате труда, представляющаяся ему весьма важной для морального климата на предприятии. Разрыв в заработной плате рабочего и администратора высшего уровня незначителен (чистый доход директоров японских компаний в 1985 г. в среднем был в 5,7 раз выше, чем у рабочих, а высший администратор в США зарабатывал в 33,5 раза больше рабочего). В Японии... если компания сокращает расходы на оплату труда, то в первую очередь уменьшается жалованье администрации... Таким образом, у японских трудящихся нет причин думать, что они должны много работать только для того, чтобы обогатить администрацию предприятия, его владельцев и акционеров» (ПОЛИС, 1991, № 5, с. 188).

Понятно, что важную роль играют программы уравнительного распределения в развивающихся странах с массовой острой бедностью. Так, в Индии государство заготавливает зерно (в 90-е годы на уровне около 10% потребления, 44,5 г на человека в день) и продает его бедным по ценам ниже рыночных в «магазинах справедливости» (в 1991 г. таких магазинов было 360 тыс.). В начале 90-х годов в среднем по продовольствию распределительные цены были вдвое ниже рыночных. Доля субсидий на поддержание этих цен составляла в 1991/92 г. 0,55% ВВП.

До 1993 г. производителям сахара в Индии разрешалось продавать на свободном рынке не более 40% сахара, остальное закупало государство для распределения по низким ценам. В целом продовольствия, реализуемого через государственную сеть, было бы достаточно для удовлетворения потребностей всех тех, кто находится за чертой бедности, — если бы распределение вполне подчинялось принципам социальной справедливости. Однако вследствие коррупции беднякам попадает лишь 65% этих ресурсов (по более скептическим оценкам — около 40%). Но и это — важная поддержка.

Экономист из Вашингтонского института экономического развития при МББР П. Стритен, который исследовал этот опыт, считает, что за счет государственной поддержки высоких закупочных и низких распределительных цен можно эффективно поддерживать приемлемый уровень потребления до 30% населения. Однако более реалистичной системой он считает комбинацию субсидирования цен с рационированием основных продуктов питания (Миньяр-Белоручев В. Р. Государственное ре-

гулирование внутреннего рынка сельскохозяйственных товаров в Индии. — Восток, 1996, № 2).

Даже в странах классического протестантского капитализма, где в общественном сознании огромное влияние имеет социал-дарвинизм, уравнительный идеал является важным противовесом. Американский либеральный политолог Дж. Сартори пишет: «Мы стремимся к равенству, поскольку считаем его справедливой целью, однако не потому, что люди в действительности одинаковы, но вследствие того, что мы чувствуем — с ними должно обращаться, как если бы они были такими (пусть даже фактически это не так)».

Попытка неолиберальных философов исключить понятие социальной справедливости из словаря современного западного среднего класса в целом не удалась. Американский философ Дж. Роулс дает довольно категоричную формулировку: «Справедливость есть первое достоинство социальных институтов, как истинность — достоинство систем мышления. Как бы ни была стройна и экономна теория, она должна быть отвергнута, если она не истинна; точно так же должны быть уничтожены или изменены самые эффективные социальные институты, если они не справедливы».

Данные большого исследования представлений о справедливости (1991 г.) показали, что идею уравнительного распределения как справедливого поддерживают 21% опрошенных в Англии, 19% — в США и 29% — в Западной Германии. Это очень существенная часть населения.

В 1985 г. 40% расходов населения на медицинское обслуживание в США покрывало государство. Продовольственная помощь введена в США с 1981 г. Она заключается в выдаче талонов (бесплатных или со скидкой) для покупки продуктов. Правом на получение талонов обладают семьи, чей доход не превышает 125% дохода на «черте бедности». На самом деле получить такие талоны удается примерно половине американцев, живущих на этом уровне доходов. Средняя стоимость талонов, по американским ценам, очень невелика. Так, в 1987 г. она составляла 65 долларов в месяц на человека. Но уже это позволяет избежать голода. В США за 1991—1993 гг. число городских жителей, получающих вследствие их бедственного положения бесплатные талоны на питание, выросло на 7 млн. и составило 24,5 млн. человек — десятую долю населения этой богатейшей страны. Жилищные субсидии, очень небольшие по величине (в середине 80-х годов они составляли в среднем 2 тыс. долларов в год на семью), получают около 3,5 млн. семей — четверть тех, кто формально имеет право на такую помощь («Современные США. Энциклопедический справочник». М., 1988).

Восприятие уравнительного распределения благ массовым сознанием. Это восприятие в 70—80-е годы характеризовалось расщеплением сознания и внутренним конфликтом ценностей. С одной стороны, городское население охотно принимало нападки на «уравниловку», обнаруживая явный сдвиг к либеральным ценностям в их «советском» понимании, с другой — подавляющее большинство твердо стояло на уравнительном принципе.

Это понимали все вышедшие на арену в годы перестройки политические силы, что приводило к странным комбинациям тезисов и лозунгов. Так, в концепции закона о приватизации промышленных предприятий в РСФСР (1991) главным препятствием было названо «мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников». Очевидна нелепость этого тезиса (трудящиеся, то есть производители общественного богатства, — иждивенцы государства!). Но важнее само признание того факта, что люди в массе своей считали государство обязанным обеспечить всем членам общества на уравнительной основе некоторый разумный минимум жизненных благ.

В октябре 1989 г. социологи ВЦИОМ (директор Т. И. Заславская) изучали отношение к реформе. На вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили «несправедливо», а 44,7% — «не совсем справедливо». Что же считали несправедливым 98% жителей СССР? Невыносимую уравниловку? Совсем наоборот — люди считали распределение доходов недостаточно уравнительным. Это видно из следующих ответов. На вопрос: «Как вы думаете, увеличился или уменьшился за последние 2—3 года разрыв между семьями с высокими и низкими доходами?» 63% ответили «увеличился» и 18,4% — «остался прежним».

Таким образом, *уменьшение* уравнительства представлялось несправедливым. 84,5% считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами», и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума». Опрос Госкомстата СССР в июне — июле 1990 г. показал, что за карточки на товары первой необходимости высказывались 53% граждан. Но это и есть четкая уравнительная программа.

В 1991 г. был начат большой исследовательский проект международного коллектива ученых из 12 стран, посвященный изучению представлений о социальной справедливости в разных культурах. Сравнительное исследование в России и Эстонии, двух частях СССР с весьма разными культурными установками, показало поразительную схожесть в отношении к уравнительному принципу. В этом смысле русские и эстонцы стали именно частями *советского народа*. Вот что пишут авторы исследова-

ния: «Известно, что характерной чертой социализма являлась патерналистская политика государства в обеспечении материальными благами, в сглаживании социальной дифференциации. Общественное мнение в обеих странах поддерживает государственный патернализм, но в России эта ориентация выражена несколько сильнее, чем в Эстонии: 93% опрошенных в России и 77% в Эстонии считают, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — в России и 86% — в Эстонии — что оно должно гарантировать доход на уровне прожиточного минимума» (Хахулина Л. А., Саар А., Стивенсон С. А. Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: сравнительный анализ. — «Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 6).

Кстати, уравнительные представления как в России, так и в Эстонии весьма радикальны. 46% в России и 49% в Эстонии считают: «Все люди должны иметь то, в чем нуждаются, даже если для этого придется урезать доходы тех, кто зарабатывает больше необходимого». Иными словами, половина граждан принимает идею насильственного перераспределения доходов. Различия между Россией и Эстонией существенны лишь в отношении к крайнему, утопическому уравнительству. 29% в России и лишь 9% в Эстонии поддержали такое мнение: «Самый справедливый способ распределения собственности и доходов — это дать каждому равную долю». 29% — огромная часть общества, если учесть радикализм этой формулы.

Это — архетип, подспудное мироощущение, как бы ни приветствовали рынок те же самые люди в момент голосования или в поверхностных слоях сознания, на уровне идеологии. Сдвиг к антиуравнительным ценностям не доходит до глубинных слоев сознания даже у энтузиастов «рынка». Помню, при Гайдаре Президиум РАН принял людоедское решение: ради перехода к рынку уволить в институтах половину сотрудников и удвоить зарплату оставшимся. Это решение надо было утвердить в отделениях РАН. Случайно я попал на заседание бюро Отделения философии и права. Среди синклита — бывшие члены Политбюро ЦК КПСС, два бывших главных редактора «Правды», а уж бывших членов ЦК КПСС не счесть.

Смотрю, единогласно (!) утверждают постановление, которое шокировало бы ученых даже в период дикого капитализма. Что же это, думаю, творится, хороши же у нас были вожди-коммунисты. Удалось взять слово, говорю великим философам и правовикам: «Вы приняли историческое решение. За тысячу лет в России не позволялось спасаться, выкидывая из лодки половину товарищей, всегда искали способ пережить беду сообща». Председатель, академик Б. Н. Топорнин, и говорит: «Что же вы нам, Сергей Георгиевич, раньше не сказали — смотрите, какую

мы гадость утвердили». И так расстроился, что если бы не субординация, я бы его расцеловал — редко увидишь такую искренность. Он, на той волне неолиберализма, даже и не заглянул глубоко.

А как же реагировали сотрудники РАН — оплота антиуровниловки? Категорически отвергли этот проект, он так и сгинул, как будто его и не было. Когда дело касается шкуры самих интеллигентов, сразу проявляется их истинная природа типичных «совков». Доходит до смешных сцен. Обычно в лаборатории хранители советских принципов (в том числе уровниловки) — старые ученые, они же и носители титулов, доктора да профессора. А м.н.с. — рыцари «рынка». Но вот старый завлаб добывает толику добавочных денег, собирает сотрудников и спрашивает: как будем делить? В молодых тут же просыпаются русские архетипы, и они гордо кричат: всем поровну! Старики и не против, но трогательна эта непоследовательность.

Намечающийся отход большей части граждан от уравнилельного идеала (и явный отказ от него молодежи) может стать трагической и непоправимой ошибкой русского народа. Исправить ее будет трудно — как склеить распавшуюся семью. Ощущение, что тебя не эксплуатируют и в тебе не видят эксплуататора, — огромная ценность. Мы в полной мере осознаем, как она важна для жизни, когда ее совсем лишимся.

Как тоскует по ней человек Запада — никакой комфорт ее не заменяет. Мы эту ценность имели и, сами того не понимая, наслаждались общением с людьми — на улице, в метро, в очереди. За социальным братством стояла глубинная идея религиозного братства — идея «коллективного спасения». От этой идеи отказался Запад во время Реформации, которая породила совершенно нового человека — индивидуалиста, одинокого и в глубине души тоскливого. Но Запад за эту тоску хотя бы получил компенсацию: новая этика позволила ему выжать все соки из колоний и сегодня выжимать соки из «третьего мира». Ради чего отказываемся от братства людей мы? Ведь выжимать соки теперь будут из нас.

Отказ от уравнилельного идеала и стоящей за ним идеи братства означает для России пресечение всякой надежды на развитие и сохранение себя как независимой страны. Самым прямым и очевидным следствием становится разрыв исторического союза народов и народностей — распад России. Эксплуатация «слабого» неизбежно и раньше всего облекается в этническую форму. Освоение идей социал-дарвинизма сразу дает оправдание угнетению «менее развитых» народов — и борьбе этих народов всеми доступными им способами. Тут никаких сомнений нет — все это прекрасно изучено и описано. Менее очевидно,

что это гасит порыв к развитию и в отдельно взятом народе — прежде всего русском.

За последние четыреста лет сложилось два разных типа ускоренного развития. И оба они основаны на том, что люди работают в режиме трудового подвига, соглашаясь на отсрочку материального вознаграждения. Один пример такого порыва дал западный капитализм, основанный на индивидуализме. Там общество — и рабочие, и буржуа — было проникнуто пуританской этикой. Рабочие трудились не за страх, а за совесть при очень низкой зарплате. Хозяева же вкладывали прибыль в производство, ведя буквально аскетический образ жизни (оргии их сынков — это отклонение от «генеральной линии» и стало массовым уже после выхода на спокойный режим).

Второй проект — договор трудящихся и элиты на основе солидарности, ради «общего дела». Самые яркие примеры — индустриализация Японии и СССР. Оба эти подхода были в большой мере уравнительными (в СССР — больше, чем в Японии), но главное, в обоих случаях все социальные партнеры были проникнуты державным мышлением.

Что же мы имеем сегодня в России? Отказ от уравнительного идеала (и значит, от идеи «общего дела») — и отсутствие всяких следов пуританской этики у предпринимателей. О капиталовложениях в производство и речи нет — украденное проматывается в угаре потребления, растрачивается на жратву и предметы роскоши, вывозится за рубеж. А значит, никакого негласного общественного договора нет. И лишения людей абсолютно ничем не оправданы — Россия в результате «реформ» лишь нищает и деградирует. Ведь при помощи искусственно организованного кризиса разрушаются в первую очередь самые передовые производства. Этот процесс начался моментально с ликвидацией советской системы хозяйства в 1992 г.

Уравнительный принцип и мера труда. Особым «срезом» идеологической кампании против уравнительства было переведение проблемы в плоскость сравнения зарплаты работников. Это самый демагогический и примитивный прием, но безотказный — потому что обладает наглядностью и апеллирует к темному и сладкому комплексу «обиженного». Всем приятно считать себя слегка недооцененным, все мы грешны — и соблазнительно этим пользуются. Когда человеку говорят: «Смотри-ка! Ты, такой мастер, получаешь столько же, как вон тот балбес», — он забывает, что эта его предположительная «потеря» ничто по сравнению с тем, что он получает на уравнительной основе в виде жилья, образования, медицинского обслуживания, низких цен и т.д. Получает столько же, как некий мастер гораздо более высокого ранга, чем он сам. Факт остается фактом — подозре-

ния в том, что соседу переплачивают и тем самым что-то отнимают у тебя, с 60-х годов стали волновать часть советских людей.

Одно время, с конца 1961 г., моим соседом по коммуналке был шофер-дальнерейсовик. Сильный и дремучий, прямо зверь. После рейса бивал жену, и она скрывалась в нашей комнате. Этот человек отличался тем, что подолгу задумывался над отвлеченными проблемами. Одной из них и была мера труда. Он приходил ко мне и начинал пытаться: почему я, окончив МГУ, работая с утра до ночи в лаборатории, получал 105 руб. в месяц, а он, тупой неуч и пьяница, почти 400 руб.

«Здесь что-то не так. Будет беда», — говорил он. Я не соглашался, указывая, что шоферов не хватает, а в МГУ конкурс 18 человек на место. И мы с ним пытались этот клубок распутать, перечисляли все тяготы и награды его и моей работы, искали денежную меру. Оказалось, дело это очень сложное. Он рассуждал не так, как народ, — и потому заставил и меня думать. Потом я читал, что мог, по этому вопросу и выводил на Западе.

В чем же, на мой взгляд, ошибки рабочего, который «сдал» советский строй, потому что ему, токарю-виртуозу, недоплачивают, а соседу-неумехе переплачивают? Ошибок несколько.

1. Сделаем мысленный эксперимент: представим, что какой-то ангел (или демон) точно, до копейки, обозначил цену труда каждого человека, и через кассу каждому в день полочки был вынесен приговор — «кто сколько стоит». Стали бы люди, включая «токаря-виртуоза», счастливее? Почти наверняка — нет, не стали бы. Начали бы распадаться не только коллективы, дружеские компании, но и семьи. Наша «цена» должна быть тайной, мы всегда должны считать себя немножко недооцененными и великодушными. У нас эту тайну создавала «уровнировка».

На Западе другой метод — зарплату там платят строго конфиденциально. Никаких ведомостей товарищи не видят, а спросить «сколько ты получаешь?» — верх неприличия. Я, по глупости, спрашивал, и даже близкие друзья мне отвечали уклончиво и очень раздраженно.

За вспыхнувшей в 60-е годы ненавистью к уровнировке скрывалась не жажда благосостояния (оно как раз в СССР неуклонно повышалось), а именно соблазн самоутвердиться через деньги в своем ближайшем окружении. Это желание вообще иллюзорно, а для трудящихся — разрушительно. Здесь — ошибка, меньшее зло хотели поменять на большее, а получили кошмар.

Внешне это — измена именно общинному духу как стержню русской цивилизации (а на деле — соблазн, погоня за блуждающим огоньком). Надо вспомнить: при общинном строе самые сильные и самые ловкие едят меньше слабых и неспособных. Это оплачивается любовью и уважением рода. Так и возник че-

ловек, в стае обезьян иные порядки. Но это — ошибка высокая, от томления души.

2. Ошибка земная, на шкурном уровне, заключается в том, что рабочие поверили, будто «рынок» всем воздаст по труду. Надо только уничтожить советский строй. Пусть меня простят товарищи рабочие, в этом вопросе их обманули как маленьких. Обман из нескольких слоев.

Во-первых, рынку в принципе наплевать, какой ты там мастер или виртуоз, для него есть один критерий — прибыль. Купят ли твою рабочую силу и почем, определяется только тем, принесет ли использование твоей рабочей силы прибыль и какую. Сегодня половина наших рабочих-виртуозов не стоит у станка, а таскает тюки с барахлом. И, с точки зрения рынка, это разумно, а для рабочего разрушительно, он становится люмпеном. Рабочие-виртуозы не знали, что так будет? Не хотели знать? Что ж, вышла ошибка, и надо ее признать.

Во-вторых, реальный капитализм распределяет зарплату вовсе не по труду и даже не по рыночной стоимости рабочей силы, а исходя из баланса силы. Токарю-виртуозу в ФРГ платят 15 долл. в час, такому же токарю в Бразилии — 3 долл., в Чехии — 2, а в России — 1. Почему? По кочану — вот самый верный ответ. Но русский токарь почему-то решил, что если он поможет Ельцину уничтожить СССР, то ему будут платить, как немцу. Почему он так решил? Я думаю, что не подумал хорошенько. Ошибся.

В-третьих, на заводах самого Запада проблема нормирования и оценки труда не решена точно в такой же степени, как это было в СССР. В этом смысле уничтожение советского строя ничего не дало и не могло дать, это была, с точки зрения интересов рабочего класса, огромная глупость.

Запад решает проблему оплаты с помощью множества ухищрений, не пытаясь стать справедливым ангелом, но главное — при помощи кнута безработицы. Практически вся рабочая молодежь «пропускается» через безработицу, и этот урок остается на всю жизнь. Получив работу, человек так за нее держится, что бузить из-за того, что «менее способному соседу платят столько же, сколько мне», и в голову никому не придет. Там даже и поверить не могут, что это создавало серьезные проблемы в СССР, просто не понимают. Если бы кто-то и начал бузить, ему бы ответили: «Сколько кому платят — не твое собачье дело. Получи расчет и катись».

Наконец, главная, на мой взгляд, ошибка относительно капитализма. Я и сам ее осознал, когда в 1989 г. приехал работать в Испанию. Утром по радио случайно услышал выступление католического священника, и он сказал: «В рыночной экономике наверх поднимается не тот, кто умнее или кто лучше работает, а тот, кто способен топтать товарищей, — только по их

телам можно подняться наверх». Сказал, как отчеканил, а мы все мусолим вокруг да около.

Даже если бы Россию не стали уничтожать, даже если бы наши заводы удалось превратить в частные фирмы без остановки производства, токарь-виртуоз никогда бы не поднялся наверх. Да, он получил бы свою чечевичную похлебку и даже поддержанный «опель», но наверх бы все равно поднялся паскуда, будь он хоть трижды дебил и неумеха. То, что мы видим сегодня, — не просто норма, это лучший вариант. Наверх поднялись паскуды еще совестливые, еще советской закваски.

Глава 5

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (1985—1991 гг.)

Смысл и теоретическая база перестройки. В 1987 г., когда программа переделки советского государства вступила в решающую стадию, М. С. Горбачев дал определение этой программы: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция». Таким образом, высшее руководство КПСС видело задачу не в постепенном реформировании, а в изменении через слом, с разрывом непрерывности.

Академик-социолог Т. И. Заславская, близкий к М. С. Горбачеву специалист, развивает это положение: «Предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) социальной революцией. Речь идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами».

В России и за рубежом уже накоплен большой исследовательский материал о перестройке, и хотя в нем есть много «белых пятен», некоторые общие выводы уже прояснились. С точки зрения истории государства они таковы.

- Перестройка относится к категории «революций сверху». В них назревающий кризис легитимности государства, грозящий перераспределением власти и богатства, разрешается действиями правящей прослойки через государственный аппарат. В таких революциях крайним случаем яв-

ляется «самосвержение» правящего режима через организацию «народного восстания». Самым блестящим примером стало самосвержение режима Чаушеску в Румынии в 1989 г.

- Перестройка завершилась глубокими изменениями политической системы, общественно-экономического строя, национальных отношений, образа жизни и культуры всех граждан и народов СССР. Она привела к кардинальному изменению геополитической структуры мира и породила мировые процессы, далекие от завершения. Таким образом, по своим масштабам перестройка — явление всемирно-исторического значения.
- Перестройка была частью мирового конфликта — «холодной войны». В ее развитии и использовании результатов зарубежные политические силы играли активную и важную роль. Завершение перестройки ликвидацией Варшавского договора и СЭВ, затем роспуском СССР рассматривается на Западе как поражение СССР в «холодной войне».
- Движущей силой перестройки стал необычный союз следующих социокультурных групп: часть партийно-государственной номенклатуры, стремящаяся преодолеть назревающий кризис легитимности с сохранением своего положения (даже ценой смены идеологической маски); часть интеллигенции, проникнутая либеральной и западной утопией (ею двигали смутные идеалы свободы и демократии и образ «прилавки, полные продуктов»); криминальные слои, связанные с «теневой» экономикой.

В целом, все эти активные социальные субъекты перестройки получили в результате то, что хотели*. Теневики и номенклатура получили собственность и разделили власть, интеллигенция — «полные прилавки» и свободу выезда за границу.

Первый этап перестройки (до непосредственного демонтажа структур советского государства) представлял собой «революцию в сознании», проведенную в соответствии с теорией революции Антонио Грамши. Этот период получил название *гласность*.

Гласность была большой программой по разрушению образов, символов и идей, скрепляющих «культурное ядро» советского общества и укреплявших гегемонию советского государства. Эта программа была проведена всей силой государствен-

*Одним из главных конкретных требований интеллигенции в ходе перестройки было «снятие лимитов на подписку» (на газеты и журналы). Лимиты были сняты (в 1988 г.), но тираж «Литературной газеты» упал с 5 млн. экземпляров до 30 тысяч (в 1997 г.). Нехватка денег сильнее ограничивает свободу подписки, чем лимиты. Но об этом не подумали.

ных средств массовой информации с участием авторитетных ученых, поэтов, артистов. Успех этой программы был обеспечен полной блокадой той части интеллигенции, которая взывала к здравому смыслу, и полным недопущением общественного диалога — «реакционное большинство» высказаться не могло. Время от времени для контраста допускались тщательно отобранные гротескные выступления вроде известного «письма Нины Андреевой».

Дискредитация символов и образов была проведена на большую историческую глубину: от Г. К. Жукова и Зои Космодемьянской, через Суворова и Кутузова — до Александра Невского. Интенсивно использовались катастрофы (Чернобыль, гибель теплохода «Адмирал Нахимов»), инциденты (перелет в Москву самолета Руста), кровопролития (Тбилиси, 1988 г.)*. Большой психологический эффект вызвало широкое обсуждение заражения 20 детей СПИДом в больнице г. Элиста в Калмыкии. Этот случай показателен потому, что в то же время в Париже обнаружилось, что Национальная служба переливания крови Франции, скупая по дешевке кровь бездомных и наркоманов, заразила СПИДом 4 тысячи человек, но советская пресса и телевидение не дали об этом ни одного сообщения.

Чисто идеологические задачи выполняло так называемое «экологическое движение», которое порой доводило читающую публику до стадии психоза (так называемый «нитратный бум» с созданием абсурдных страхов перед морковью и капустой). В республиках проблемам окружающей среды придавалось национальное звучание (например, движения за закрытие Игналинской и Армянской АЭС). По завершении перестройки «экологическое движение» было распущено, закрытая было Армянская АЭС стала готовиться к пуску...

Особым видом идеологического воздействия стали «опросы общественного мнения». Насколько эффективным было давление на общественное сознание, говорит всесоюзный опрос 1989 г. «мнения об уровне питания». Молока и молочных продуктов в среднем по СССР потреблялось 358 кг в год на человека (в США — 263), но при опросах 44% ответили, что потребляют недостаточно. Более того, в Армении 62% населения было недовольно своим уровнем потребления молока, а между тем его поедалось там в 1989 г. 480 кг (а, например, в Испании —

* Технология идеологического использования кровопролитий в период гласности породила в западной культурологии термин «общество спектакля». После того как спецслужбы Румынии вместе с телевидением в ходе устранения Чаушеску поставили в г. Тимишоаре беспрецедентную имитацию массовых расстрелов, в обиход вошло понятие «эпоха Тимишоары».

140 кг). «Общественное мнение» было создано идеологами и прессой.

Идеологическим стержнем перестройки был *евроцентризм* — идея существования единой мировой цивилизации, имеющей свою «правильную» столбовую дорогу. По этой дороге прошел Запад. Россия, особенно на советском этапе (и даже точнее — на этапе сталинизма и «периода застоя»), отклонилась от этого пути. Из этого выводилась концепция «возврата в цивилизацию» и ориентации на «общечеловеческие ценности»*. Главным препятствием на этом пути виделось государство, а главной задачей — «разгосударствление».

В целом всей программе гласности был присущ крайний антиэтатизм — в общественном сознании был очернен образ практических всех институтов государства, включая Академию наук и детские сады, но главное — образ государственной системы хозяйства и армии. После создания негативных стереотипов началась реформа органов власти и *управления*.

ПЕРЕСТРОЙКА ГЛАВНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА

Каждый этап реорганизации государственной системы обособывался в ходе перестройки разными идеологическими концепциями. Они становились все более радикальными и все более отходили от главных принципов советского жизнеустройства. Вначале (до января 1987 г.) был выдвинут лозунг «Больше социализма!», затем лозунг «Больше демократии!» — это был период культурной подготовки. С 1988 г. начинаются радикальные изменения всех подсистем государства.

Органы государственной власти. В 1988 г. через так называемую конституционную реформу была изменена структура верховных органов власти и избирательная система. Был учрежден новый высший законодательный орган — Съезд народных депутатов СССР, который собирался один раз в год. Он избирал из своего состава Верховный Совет СССР, Председателя и первого заместителя Председателя Верховного Совета СССР.

Съезд состоял из 2250 депутатов, из них 750 от территориальных и 750 от национально-территориальных округов, а также

* Эти новые туманные понятия определенного смысла не имеют, а порой противоречат элементарным знаниям. Так, ценности, как исторически обусловленный продукт *культуры*, общечеловеческими быть не могут, общими для всех людей как биологического вида являются лишь *инстинкты*.

750 от общесоюзных общественных организаций (100 мандатов выделялось КПСС, 100 — профсоюзам, 75 — комсомолу и т.д.). Резерв в виде трети мандатов давал руководителям КПСС гарантированное большинство, так как и распределение мандатов по общественным организациям, и подбор в них персонального состава кандидатов находились еще под контролем партийных органов. В правовом отношении новый избирательный закон содержал множество противоречий, и его искусственность была очевидной. «Советские женщины» имели 75 мандатов, а «советские мужчины» ни одного — только потому, что существовал Комитет советских женщин. Рабочих и колхозников среди народных депутатов было 23,7%.

Формально Конституция СССР с поправками 1988 г. и новый избирательный закон были гораздо *менее* демократическими, чем конституции 1936 и 1977 г. Выборы народных депутатов не были вполне равными и прямыми. Треть состава избиралась в «общественных организациях», причем их «делегатами». В округах на каждый мандат депутата пришлось по 230,4 тыс. избирателей, а в «общественных организациях» — по 21,6 избирателя (в десять с лишним тысяч раз меньше!). Меньшим было здесь и число кандидатов на место депутата (1,2). Если бы на выборах от КПСС (как одной из «общественных организаций») было бы выдвинуто столько же кандидатов на место, как в округах, никто из руководства не стал бы депутатом.

На выборах не соблюдался и принцип «один человек — один голос». Академик, будучи членом ЦК КПСС и членом Филателистического общества СССР, голосовал 4 раза: в округе и в трех общественных организациях (некоторые категории граждан могли голосовать десятком раз).

Верховный Совет СССР создавался как постоянно действующий законодательный и распорядительный орган, который избирался тайным голосованием народными депутатами СССР из их числа сроком на пять лет с ежегодным обновлением 1/5 состава. ВС СССР состоял из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей. Избранный в 1989 г. ВС СССР был первым за советское время, среди депутатов которого практически не было рабочих и крестьян, подавляющее большинство его членов составляли ученые, журналисты и работники управления.

В марте 1990 г. был принят Закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР». Вместо обычного для советской системы «коллегиального главы государства» (Президиума ВС СССР) был учрежден пост Президента с большими полномочиями (он был и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР, назначал и смещал военное командование). Президент представлял ВС СССР, а затем Съезду народных депутатов на утверждение и освобождение от должности Председателя Пра-

вительства СССР, Верховного Суда, Генерального прокурора, председателя Высшего арбитражного суда СССР и персональный состав Комитета конституционного надзора СССР.

Президент имел право объявить мобилизацию, состояние войны, военное или чрезвычайное положение в отдельных районах страны, ввести временное президентское правление. Он возглавлял Совет безопасности СССР, члены которого назначались по согласованию с ВС СССР. Поначалу был создан и Президентский совет, который был упразднен в ноябре 1990 г. ввиду неработоспособности.

Президент СССР должен был избираться прямыми выборами, но в первый раз «в порядке исключения» он был избран народными депутатами СССР (в 1990 г. уже нельзя было надеяться, что М. С. Горбачев будет избран на прямых выборах). 20 марта 1991 г. был принят закон, по которому упразднялся Совет Министров СССР и создавалось правительство нового типа — Кабинет Министров СССР при Президенте, с более низким статусом и более узкими функциями, нежели традиционный Совмин. Это была половинчатая попытка перейти от давно воспринятой Россией германской традиции устройства исполнительно-распорядительной власти к американской.

Изменения в местных органах государственной власти начались с эксперимента, проведенного во время выборов 1987 г. В 5% районов СССР выборы проводились на состязательной основе: на 94 тыс. мандатов было выдвинуто свыше 120 тыс. кандидатов. В 1988 г. был принят новый Закон «О выборах народных депутатов СССР» и об изменениях в Конституции. Был введен институт председателей Советов всех уровней и президиумов местных Советов, которые взяли на себя функции исполкомов. Работники исполкомов и руководящие партийные работники не могли быть избраны депутатами Советов — это должно было означать шаг к отстранению аппарата и партии от власти.

Важные изменения внес Закон 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». Было введено понятие «коммунальная собственность» и определено, что экономическую основу местных Советов составляют природные ресурсы (земля, вода, лес и пр.) и собственность, служащая источником получения доходов, — предприятия и другие объекты, находящиеся на территории Совета. Советы вступали с ними в хозяйственные отношения на налоговой и договорной основе (причем сами Советы получили право устанавливать ставки налогов с прибыли предприятий коммунальной собственности, вводить местные пошлины, сборы и налоги, арендную плату, формировать валютные фонды). Это было важным шагом в разделении общенародной собственности и децентрализации государственной власти, большой уступкой местничеству.

В связи с межнациональным конфликтом в Нагорно-Кара-

бахской АО Азербайджанской ССР 12 января 1989 г. был создан чрезвычайный орган местной власти — Комитет особого управления НКАО, который подчинялся непосредственно ВС СССР. Полномочия Совета народных депутатов НКАО временно приостанавливались, и вся полнота власти была передана этому Комитету. В январе 1990 г. в НКАО было объявлено чрезвычайное положение.

Изменения в политической системе. В 1988 г. появились первые массовые политические организации с антисоветскими и антисоюзными платформами — «Народные фронты» в республиках Прибалтики. Они возникли при поддержке руководства ЦК КПСС и вначале декларировали цель защиты «гласности», постепенно, но быстро переходя к лозунгам сначала экономического («республиканский хозрасчет»), а потом и политического сепаратизма.

Антисоветская оппозиция на I Съезде народных депутатов организационно оформилась как Межрегиональная депутатская группа, программа которой была изложена в «Тезисах к платформе МДГ» в сентябре 1989 г. МДГ сразу стала использовать «антиимперскую» риторику и вступила в союз с лидерами сепаратистов. Два главных требования МДГ сыграли большую роль в дальнейшем процессе — отмена 6-й статьи Конституции СССР (о «руководящей роли КПСС») и легализация забастовок. Был также выдвинут лозунг «Вся власть Советам!» как средство подрыва гегемонии КПСС (впоследствии Советы были объявлены прибежищем партократов и стали ликвидироваться). Вопрос об отмене 6-й статьи не был включен в повестку дня II Съезда народных депутатов СССР Верховным Советом СССР (не хватило нескольких голосов). Перед открытием съезда 12 декабря 1989 г. МДГ обратилась с призывом ко всеобщей политической забастовке в поддержку требований об отмене 6-й статьи. Но большинство на съезде также отказалось включить вопрос в повестку дня.

Парадоксальное положение сложилось с принятием Закона о конституционном надзоре и выборами в Комитет конституционного надзора. Против этого важного шага в сторону правового государства выступили демократы — прежде всего потому, что статья 74 Конституции СССР провозглашала приоритет союзного закона над республиканским. Обращение к праву затруднило бы сепаратистскую деятельность демократов. Таким образом, уже в 1989 г. речь шла не о реформировании, а о сломе советского государства.

На III Съезде сама КПСС, согласно решению состоявшегося накануне Пленума ЦК КПСС, внесла «в порядке законодательной инициативы» проект закона СССР «об изменениях и до-

полнениях Конституции СССР по вопросам политической системы (статьи 6 и 7 Конституции СССР)». Отмена 6-й статьи была «упакована» в один пакет с необычным изменением (введением поста Президента). «Послушное большинство» приняло закон, правовая основа, на которую опиралась руководящая роль КПСС, была устранена, что вынуло стержень из всей политической системы государства.

Президент СССР (бывший одновременно Генеральным секретарем ЦК КПСС) вышел из-под контроля партии. Ее Политбюро и ЦК были сразу практически отстранены от участия в выработке решений. Упразднение в 1989 г. номенклатуры вместе с лишением КПСС правовых оснований для влияния на кадровую политику освободило от контроля партии республиканские и местные элиты. Государственный аппарат превратился в сложный конгломерат сотрудничающих или противоборствующих групп и кланов.

Легализация забастовок дала мощное средство шантажа союзной власти и поддержки политических требований антисоветской оппозиции — лидеры МДГ прямо призывали шахтеров Кузбасса бастовать, и эти забастовки сыграли большую роль в подрыве государства.

В январе 1990 г. было создано радикальное движение «Демократическая Россия» («демократы»), которое положило в основу своей идеологии антикоммунизм, а в области государственного строительства выдвигало идею сильной авторитарно-олигархической власти (нередко с прямой апологетикой авторитаризма и диктатуры исполнительной власти).

Другим типом антисоветских и антисоюзных движений были возникающие националистические организации, которые готовили почву для конфликта как с союзным центром, так и с национальными меньшинствами внутри республик.

Консервативная оппозиция ни в органах власти, ни в КПСС организовать не смогла. Те народные депутаты, которые были не согласны с изменениями («агрессивно-послушное большинство»), образовали рыхлую «парламентскую» группу «Союз». Она, однако, не выработала ни платформы, ни программы действий, выражалась туманными намеками. Воспитанные в советской системе люди не могли перейти психологический барьер и открыто выступить против руководства КПСС.

Вооруженные силы. Правоохранительные органы. Реорганизация этих институтов государства проходила в обстановке жесткой идеологической кампании против КГБ, МВД и армии. Считая их наиболее консервативной частью советского государства, идеологи перестройки стремились их психологически разоружить. На деле проводилась акция по разрушению поло-

жительного образа всех вооруженных сил в общественном сознании и по подрыву самоуважения офицерского корпуса.

Большое разрушительное значение для армии имело утверждение приоритета демократических идеалов перед воинской дисциплиной (в 1991 г. интенсивно внедрялась мысль, что солдат не должен выполнять приказы, идущие вразрез с «общечеловеческими ценностями» — такие заявления вынуждены были делать даже высшие должностные лица Министерства обороны). Нарастали требования о прохождении службы призывниками только в своих республиках — подготовка к расчленению Советской Армии по национальному признаку.

Основные процессы, сказавшиеся на армии, были связаны с объявленным прекращением «холодной войны», крупным разоружением и сокращением вооруженных сил, ликвидацией Варшавского Договора и выводом советских войск из стран Восточной Европы; конверсией оборонной промышленности СССР. Большое влияние оказывал и нарастающий экономический кризис, затруднивший снабжение и перевооружение армии, социальное обустройство увольняемых офицеров. Кроме того, обострялись политические и межнациональные конфликты, в которые вовлекалась армия.

Важные изменения проходили не столько в структуре, сколько в *процессе* принятия государственных решений, которые определяли место того или иного института в государстве. Военное руководство было отстранено от участия в решении важнейших военно-политических вопросов. Так, поразившее весь мир заявление М. С. Горбачева 15 января 1986 г. о программе полного ядерного разоружения СССР в течение 15 лет было неожиданностью для военных.

В 1986 г. была создана межведомственная комиссия по разоружению (из руководителей МИД, Министерства обороны, КГБ, Военно-промышленной комиссии Совета Министров и ряда отделов ЦК КПСС — «большая пятерка»). В ней нарастала напряженность, дошедшая 10 марта 1990 г. до открытого конфликта — из-за того, что договоренности с США по разоружению не только не согласовывались, но даже не доводились до сведения комиссии. Так, не удалось обнаружить никаких сведений о подготовке решения об уничтожении лучшего в мире ракетного комплекса «Ока», о котором открыто вообще не было речи на переговорах. Начальник Генштаба М. А. Моисеев доложил, что в результате маневров Э. А. Шеварднадзе США получили право иметь 11 тыс. боеголовок против 6 тыс. для СССР. После этого конфликта комиссия была ликвидирована.

В связи с переходом к рыночной экономике стали создаваться новые органы, в которых не было необходимости при советской системе хозяйства. В 1986 г. образовано как общесоюзный

орган Главное управление государственного таможенного контроля, преобразованное в 1991 г. в Таможенный комитет СССР (в 1991 г. был утвержден новый Таможенный кодекс СССР). В январе 1990 г. учреждена Главная государственная налоговая инспекция.

В 1987 г. в составе УВД стали создаваться отряды милиции особого назначения (ОМОН), предназначенные для охраны общественного порядка во время митингов и демонстраций. В 1989 г. на вооружение милиции была принята резиновая дубинка, что имело большое символическое значение. В 1989—1991 гг. произошло внешне малозаметное, но важное изменение всех правоохранительных органов (МВД, КГБ, суда и прокуратуры) — уход большей части квалифицированных кадров. К этому побуждали две причины: сильное давление прессы, которая дискредитировала эти органы, и быстрое относительное понижение зарплат, которое в этих органах невозможно компенсировать побочными заработками.

Перестройка государственных органов управления. В рамках перехода к «экономическим методам управления» и полному хозрасчету предприятий было проведено радикальное изменение всей структуры управления. За один год в отраслях было полностью ликвидировано среднее звено управления с переходом к двухзвенной системе «министерство — завод». В центральных органах управления СССР и республик было сокращено 593 тыс. работников, из них только в Москве 81 тыс. (они были трудоустроены в других учреждениях отраслей). На 40% было сокращено число структурных подразделений центрального аппарата. Прямым результатом этой акции было разрушение информационной системы народного хозяйства.

Поскольку компьютерной сети накопления, хранения и распространения информации в СССР еще не было создано, опытные кадры с их документацией были главными элементами системы. Когда эти люди были уволены, а их тетради и картотеки свалены в кладовки, потоки информации оказались блокированы. Это стало одной из важных причин разрухи*.

В 1987 г. был начат процесс слияния и разделения минис-

* Предприятия, нуждаясь в информации о сотнях смежных производств и тысячах продуктов, начали лихорадочно искать новые источники. Например, Всесоюзное химическое общество вдруг стали осаждать командированные с заводов — искать нужных им смежников через картотеку общества, так как его ячейки имелись на каждом предприятии химического профиля. Некоторые уволенные работники министерств, догадавшиеся захватить с собой картотеки, стали торговать информацией.

терств, в котором невозможно усмотреть какую-либо единую систему («министерская чехарда»). Поскольку он коснулся почти всех ведомств, приведем лишь три примера. 20 июля 1987 г. ликвидированы Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР и Министерство машиностроения для животноводства СССР, и на их базе создано Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР; 2 декабря 1988 г. оно было ликвидировано. Одновременно было ликвидировано Министерство автомобильной промышленности СССР, а затем создано Министерство автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

В ноябре 1985 г. были ликвидированы шесть сельскохозяйственных ведомств и учрежден Госагропром СССР. В апреле 1989 г. он был упразднен, часть его функций взяла на себя Государственная комиссия Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам. Она была ликвидирована в апреле 1991 г., и образовано Министерство сельского хозяйства СССР.

В августе 1986 г. Министерство строительства СССР было «районировано» — на его базе было создано 4 министерства, ведающих строительством в разных районах СССР. В 1989 г. они были упразднены.

Фактически, начиная с 1986 г., центральный аппарат управления хозяйством стал недееспособен.

Глава 6

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА

Разрушение финансовой системы и потребительского рынка.

В советском государстве действовала особая финансовая система из двух «контуров». В производстве общались *безналичные* (в известном смысле «фиктивные») деньги, количество которых определялось межотраслевым балансом и которые погашались взаимозачетами. По сути, в СССР отсутствовал финансовый капитал и ссудный процент (деньги не продавались). На рынке потребительских товаров обращались нормальные деньги, получаемые населением в виде зарплаты, пенсий и т.д. Их количество строго регулировалось в соответствии с массой наличных товаров и услуг. Это позволяло поддерживать низкие цены и не допускать инфляции. Такая система могла действовать при жестком запрете на смешение двух контуров (перевода безналичных денег в наличные).

Второй особенностью была принципиальная *неконвертируе-*

мость рубля. Масштаб цен в СССР был совсем иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны (это была «квитанция», по которой каждый гражданин получал свои дивиденды от общенародной собственности — в форме низких цен). Поэтому контур наличных денег должен был быть строго закрыт по отношению к внешнему рынку государственной монополией внешней торговли. Либерализация финансовой системы и рынка в СССР могла быть проведена лишь после приведения масштаба цен и зарплаты в соответствие с мировыми.

В 1988—1989 г. оба контура финансовой системы СССР были раскрыты. Прежде всего, была отменена монополия внешней торговли. С 1 января 1987 г. право непосредственно проводить экспортно-импортные операции было дано 20 министерствам и 70 крупным предприятиям. Через год были ликвидированы Министерство внешней торговли и ГКЭС (Государственный комитет по экономическим связям) СССР и учреждено Министерство внешнеэкономических связей СССР, которое теперь лишь «регистрировало предприятия, кооперативы и иные организации, ведущие экспортно-импортные операции» (и могло вносить в правительство «предложения по их приостановлению»). Законом 1990 г. право внешней торговли было предоставлено и местным Советам.

Согласно Закону «О кооперативах» (1988 г.), при государственных предприятиях и местных Советах быстро возникла сеть кооперативов и совместных предприятий, занятых вывозом товаров за рубеж, что резко сократило поступление на внутренний рынок. Многие товары при спекуляции давали выручку до 50 долларов на 1 рубль затрат и покупались у предприятий «на корню». Некоторые изделия (алюминиевая посуда) превращались в удобный для перевозки лом и продавались как материал. По оценкам экспертов, в 1990 г. была вывезена 1/3 потребительских товаров. Вот пример: зимой 1991 г. к премьер-министру В. С. Павлову обратилось правительство Турции с просьбой организовать по всей территории Турции сеть станций технического обслуживания советских цветных телевизоров, которых имелось уже более миллиона. По официальным данным, из СССР в Турцию не было продано ни одного телевизора.

Следующим шагом, через Закон «О государственном предприятии (объединении)» (1987 г.), был вскрыт контур безналичных денег — было разрешено их превращение в наличные. Это был первый шаг к приватизации банковской системы СССР. В большой мере эта работа была поручена комсомольским деятелям. Созданные тогда «центры научно-технического творчества молодежи» (ЦНТТМ), курируемые ЦК ВЛКСМ, получили

эсклюзивное право на обналичивание безналичных денег (ЦНТТМ называли «локомотивами инфляции»)*.

При плановой системе поддерживалось такое распределение прибыли предприятий (для примера взят 1985 г.): 56% вносится в бюджет государства, 40% оставляется предприятию, в том числе 16% идет в фонды экономического стимулирования (премии, надбавки и т.д.). В 1990 г. из прибыли предприятий в бюджет было внесено 36%, оставлено предприятиям 51%, в том числе в фонды экономического стимулирования — 48%. Таким образом, не только резко были сокращены взносы в бюджет, но и на развитие предприятий средств почти не оставлялось. При этом сразу было нарушено социальное равновесие, так как личные доходы работников стали зависеть от искусственного показателя рентабельности: в легкой промышленности она составляла в 1990 г. 32%, а в топливно-энергетическом комплексе — 6,1%.

Под аплодисменты правительству произошел скачкообразный рост личных доходов вне всякой связи с производством. Ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР составил в 1981—1987 гг. в среднем 15,7 млрд. руб., а в 1988—1990 гг. составил 66,7 млрд. руб. В 1991 г. лишь за первое полугодие денежные доходы населения выросли на 95 млрд. руб. (при этом зарплата в производстве выросла всего на 36%). Средства перекачивались из накопления (инвестиций) в потребление — «проедалось» будущее развитие и будущие рабочие места. Перестройка приобрела характер праздника (вернее, гульбы), о похмелье не предупредили.

Такой рост доходов при одновременном сокращении товарных запасов в торговле привел к краху потребительского рынка («товары сдуло с полок»). Были введены талоны на получение водки, сахара, ботинок. Был резко увеличен импорт. До 1989 г. СССР имел стабильное положительное сальдо во внешней торговле, в 1987 г. превышение экспорта над импортом составляло 7,4 млрд. руб., а в 1990 г. было отрицательное сальдо в 10 млрд. руб.

Оттянуть развязку правительство пыталось за счет дальнейшего разрушения финансовой системы — дефицита госбюджета, внутреннего долга и продажи валютных запасов. Дефицит госбюджета СССР составлял в 1985 г. 13,9 млрд. руб.; в 1990—41,4; а лишь за 9 месяцев 1991-го — 89 (за июнь 1991 г. он подскочил на 30 млрд.). Положение РСФСР оказалось еще хуже: до 1989 г. она не имела бюджетного дефицита (в 1989 г. было превышение доходов над расходами в 3,9 млрд. руб.), а в 1990-м де-

* Например, один из первых коммерческих банков, «Менатеп», до превращения в банк назывался — ЦНТТМ «Менатеп» при Фрунзенском РК КПСС.

фицит госбюджета РСФСР составил 29 млрд. руб., в 1991 г. — 109,3 млрд. руб.

Росту дефицита способствовала и начатая в мае 1985 г. «антиалкогольная кампания». Сокращение продажи водки и бюджетных поступлений от нее было полностью компенсировано ее изготовлением в «теневой экономике» (140—150 декалитров в 1987 г.). Помимо тяжелого удара по государственным финансам это привело к становлению мощной организованной преступности нового поколения, активно вошедшей в политику. К середине 80-х годов в СССР сложился крепкий сектор «теневой экономики», набрала силу и организованная преступность. Она практически ликвидировала государственную торговлю спиртным, «приватизировала» ее и изъяла из госбюджета в свою пользу 23 млрд. руб. в 1989 г. и 35 млрд. руб. в 1990 г.

Вот краткие выдержки из большой записки, которую подал в сентябре 1988 г. в Политбюро ЦК КПСС Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков: «После принятия постановления уже во втором полугодии 1985 г. число магазинов по продаже алкогольных напитков в целом по стране сократилось на 55%. По решениям ряда облисполкомов сеть магазинов по продаже алкогольных напитков была сокращена еще в больших размерах. В Астраханской области, например, число этих магазинов сокращено со 118 до 5 единиц, в Белгородской — со 160 до 15...

Сеть предприятий общественного питания, в которых осуществлялась реализация алкогольных напитков, уменьшена на 71 %... Фактическая продажа водки и ликероводочных изделий в 1987 г. составила 123,3 млн. дкл, или на 96,7 млн. дкл меньше объемов, предусматриваемых постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1985 г. ...

По данным Госкомстата СССР, в 1987 г. на самогонварение израсходовано 1,4 млн. тонн сахара, что примерно равно 140—150 млн. дкл самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликероводочных изделий» (Известия ЦК КПСС, 1989, 1, с. 48).

Государственный внутренний долг СССР возрастал следующим образом: 1985 г. — 142 млрд. руб. (18,2% ВВП); 1989 г. — 399 млрд. руб. (41,3% ВВП); 1990 г. — 566 млрд. руб. (56,6% ВВП); за 9 месяцев 1991-го он составил 890 млрд. руб. Золотой запас, который в начале перестройки составлял 2 000 т, в 1991 г. упал до 200 т. Внешний долг, который практически отсутствовал в 1985 г., в 1991 г. составил около 120 млрд. долл.

Идя дальше по этому пути, государство стало «продавать деньги», что было принципиальным отходом от советской системы хозяйства. В марте 1989 г. специализированные банки (Промстройбанк, Агропромбанк и др.) были переведены на хозрасчет, а с 1990 г. стали преобразовываться в коммерческие. При-

чем здания, персонал, оборудование, а часто и руководитель банка оставались прежними. То есть право заниматься сверхприбыльной в то время банковской деятельностью было привилегией номенклатуры.

Таким образом, был открыт путь к неконтролируемому росту цен и снижению реальных доходов населения, инфляции и росту внешнего долга. Государство лишалось экономической основы для выполнения своих обязательств перед гражданами, в частности пенсионерами. Был сделан шаг в сторону «рыночной» (накопительной) системы — в августе 1990 г. был образован Пенсионный фонд СССР. В августе же 1990 г. была образована Общесоюзная валютная биржа.

Ликвидация плановой системы хозяйства. Будучи управляющим почти всего хозяйства страны (единого концерна), советское государство через план поддерживало баланс между производством, потреблением и накоплением. Распределение ресурсов между отраслями и предприятиями регулировалось планом и ценами. В решениях XXVII съезда КПСС и утвержденном затем Государственным пятилетнем плане на 1986—1990 гг. нет и намёка на отступление от этих принципов. Подтверждено продолжение больших межотраслевых государственных программ — Продовольственной и Энергетической.

Тем не менее, в соответствии с объявленной в июне 1987 г. концепцией перестройки как перехода к *рыночной экономике*, почти сразу стала свертываться плановая система распределения ресурсов: в 1987 г. принимается постановление ЦК КПСС и СМ СССР о сокращении номенклатуры планируемых видов продукции, которые Госплан доводил до предприятий в форме госзаказа. Взамен планируемых поставок стала создаваться сеть товарных и товарно-сырьевых бирж (последняя в СССР товарная биржа была закрыта в конце 20-х годов). В 1991 г. был ликвидирован Госнаб СССР.

Следующим шагом был принятый в 1987 г. и введенный в силу с 1988 г. Закон о государственном предприятии (объединении), предполагавший «полный хозрасчет». Сопровождавшая принятие этого закона социалистическая риторика была несовместима с его сутью. Следствием закона явилось резкое сокращение капиталовложений — как плановых через госбюджет, так и из средств предприятий. Сразу нарушился межотраслевой баланс, были свернуты все государственные программы и начался быстрый спад производства. СССР погрузился в состояние «без плана и без рынка».

Уже первые шаги по переходу к рыночной экономике от советского «натурального» хозяйства повлекли за собой переориентацию управления с *натурных* на *денежные* показатели (это

был первый шаг к «монетаризму»). Были сняты ограничения, свойственные хозяйству, предназначенному для потребления, а не извлечения дохода — введены «договорные цены» (сначала, разумеется, «лишь на некоторые категории товаров»). Обойти введенные для виду бюрократические оговорки не составило труда, и в СССР сразу же начался рост цен — при сокращении производства. Была запущена цепная реакция тяжелого кризиса.

Вот выдержки из большой записки отделов ЦК КПСС, которая обсуждалась на Политбюро ЦК КПСС 29 октября 1988 г.: «Недовольство пенсионеров и трудящихся с низкими и средними доходами вызывает то обстоятельство, что выпуск новых товаров с более высокими розничными ценами сопровождается снятием с производства и «вымыванием» из ассортимента недорогих добротных товаров, пользующихся спросом, что лишает их выбора и вынуждает покупать более дорогие товары...

Выпуск товаров по более высоким ценам, обеспечивая прирост объема производства в стоимостном выражении, зачастую сопровождается сокращением выпуска товаров в натуральном выражении... На ряде предприятий сокращение объемов производства в натуре достигает 20—25% и более.

По данным Госкомстата СССР, рентабельность товаров, реализуемых по договорным ценам, в 3 раза выше средней сложившейся и превышает 60% к себестоимости. По шелковым тканям она достигает 81%, бельевому трикотажу — 97% и чулочно-носочным изделиям — 104%...

В торговле появляются товары для детей с розничными ценами на 25—40%, а в отдельных случаях в 2 раза выше действующих. Например, Харьковская меховая фабрика реализовала детские шубки из овчины по договорной цене 62 рубля вместо действующей розничной цены 30 рублей...»*

* В этих простых констатациях чиновников из отраслевых отделов ЦК прекрасно видна разница между советским хозяйством и рыночной экономикой — уже с самых первых шагов реформы. Детская шубка из овчины — по 30 рублей. Вот что значит хозяйство, созданное для удовлетворения потребностей, — чтобы дети рождались и им было тепло. К несчастью, партийные чиновники этой разницы или не видели, или боялись о ней говорить. После верного изложения динамики роста цен они сокрушаются о том, что «рыночный механизм пока не является сдерживающим фактором этого процесса!» Пока не является... Ведь сам этот рыночный механизм и запустил этот процесс. Казалось бы, если при внесении в систему какого-то изменения происходит резкое ухудшение системы, надо первым делом резко остановить использование этого нововведения — до выяснения причин и прогноза последствий. Нет, отделы ЦК КПСС рекомендуют «осуществление специальных подготовительных мер для проведения реформы розничных цен». Какой реформы? Той, что узаконит это повышение цен?

В «Программе совместных действий Кабинета Министров СССР и правительств суверенных республик...» (10 июля 1991 г.) было сказано: «Социально-экономическое положение в стране крайне обострилось. Спад производства охватил практически все отрасли народного хозяйства. В кризисном состоянии находится финансово-кредитная система. Дезорганизован потребительский рынок, повсеместно ощущается нехватка продовольствия, значительно ухудшились условия жизни населения. Кризисная обстановка требует принятия экстренных мер с тем, чтобы в течение года добиться *предотвращения разрушения народного хозяйства страны*».

Важную роль в кампании против плановой экономики играл подлог, который был возможен лишь благодаря тоталитарному контролю над прессой. Так, советник Президента СССР по экономическим вопросам акад. Аганбегян подтверждал мысль об абсурдности плановой системы тем, что в СССР производится много тракторов, «в то время как реальная потребность в них сельского хозяйства в 3—4 раза меньше». Этот сенсационный пример обошел западную прессу и до сих пор широко цитируется в литературе. На деле СССР лишь в 1988 г. достиг максимума в 12 тракторов на 1000 га пашни — при норме 120 для Европы (даже в Польше было 77, а в Японии — 440). На вопросы депутатов-аграрников Аганбегян отвечал молчанием. Кроме «мифа о тракторах», в массовое сознание был внедрен ряд аналогичных мифов (о стали, об удобрениях, о нерентабельности колхозов и др.).

В мае 1991 г. был представлен проект закона «О разгосударствлении и приватизации промышленных предприятий». Готовился он в закрытом порядке, все попытки организовать обсуждение в печати или хотя бы в руководящих органах КПСС были блокированы (этого не могли добиться даже консервативные члены Политбюро). На заседании Комитета по экономической реформе ВС СССР, где обсуждался законопроект перед вынесением на голосование в ВС, не были заслушаны даже эксперты, которым премьер-министр поручил анализ проекта. Уже действовало «революционное право».

Небольшая дискуссия возникла лишь в связи с тем, что законопроект открывал легальный путь для передачи большей части предприятий теневым и криминальным организациям. Часть экономистов активно поддерживала эту идею как чуть ли не главный способ оживления экономики. Криминалисты предупреждали, что преступный капитал создает совершенно особый олигархический уклад, из которого не может вырасти здоровая рыночная экономика. Кроме того, преступный капитал всегда будет антигосударственным (мягкие проявления этого — вывоз капитала и неуплата налогов).

Закон был проведен через голосование в ВС СССР практически без прений (возразить, причем только с места, смог лишь депутат Л. И. Сухов, таксист с Украины). Еще более радикальный закон был принят в ВС РСФСР (на деле и он не выполнялся, приватизация проводилась по Указу) *.

Закон о приватизации по сути ликвидировал не только советскую хозяйственную систему, но и в целом общественный строй (дело было еще глубже — это был поворот на иную, нежели прежде, цивилизационную траекторию, поворот от *экономики к хрематистике*). Все экономические, социальные и культурные последствия этого шага, ставшие очевидными через 3—4 года, были точно предсказаны экспертами в мае 1991 г.

Изменения национально-государственного устройства. Общественная собственность была экономической основой и условием Союза (качества *союз, советский и социалистический* были взаимно обусловлены). Приватизация промышленности была невозможна без разделения Союза и наоборот, раздел общего достояния сразу должен был создать межнациональные противоречия.

В СССР, даже в период становления сплоченных национальных элит (70-е годы), не было еще реальных националистических движений, так как в главной сфере хозяйства, материальном производстве, межэтнической конкуренции не существовало. Но она уже была в сфере распределения, управления и интеллектуальной деятельности, и как только был декларирован «переход к рынку» и возникла перспектива приватизации, республиканские элиты в короткие сроки создали националистическую идеологию и внедрили ее в сознание соплеменников. В этом они получили поддержку влиятельных идеологов перестройки в центре.

Модель развития сепаратизма слегка видоизменялась в соответствии с условиями той или иной республики. Например, в Грузии националисты вначале обострили конфликт с абхазами и организовали, совместно с Центром, трагические события в Тбилиси в апреле 1989 г. (при разгоне митинга армией погибли 19 человек). После этого все движения, включая коммунистов,

* Группа «Союз» равнодушно отнеслась к прохождению Закона: считалось, что общенародный характер собственности на промышленные предприятия есть конституционная норма, и для приватизации требуется предварительное внесение изменений в Конституцию СССР, для которых сторонники Закона не смогут собрать необходимых 2/3 голосов. В момент принятия Закона оказалось, что статья о характере собственности была давно исключена из Конституции без обсуждения, среди множества мелких поправок.

стали требовать независимости, а президентом был избран крайний радикал З. Гамсахурдия. Идея демократии была прямо ассоциирована с национализмом. Это сразу многократно увеличило угрозу для СССР, так как сепаратизм соединился с подрывом государства изнутри.

Показательно, что демократы поддерживали лишь национализм *антисоветский* и *антирусский*. Напротив, испытывая угрозу со стороны этнократических движений, национальные меньшинства республик, видевшие защитника в лице СССР и России (осетины и абхазы, гагаузы, каракалпаки и др.) проявили «оборонительный» русофильский национализм, который оценивался демократами негативно.

Народные фронты в Прибалтике, созданные в 1988 г. под прикрытием республиканских компартий «в поддержку перестройки», в 1989 г. перешли на открыто антисоветские позиции сепаратизма. Затем компартии были расколоты или фактически ликвидированы. Начали выдвигаться идеи «республиканского хозрасчета», а затем и экономического суверенитета.

В мае 1989 г. Балтийская ассамблея заявила, что нахождение Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР не имеет правового основания. Важным этапом в развитии этой линии были слушания на II Съезде народных депутатов СССР (январь 1990 г.) по вопросу об оценке пакта Молотова — Риббентропа по результатам работы специальной парламентской комиссии под руководством А. Н. Яковлева. «Прибалтийская модель» задала культурную и идеологическую матрицу для националистических движений в других республиках СССР. Анализ программ и действий всех главных сепаратистских движений показывает, что все три их главные идеологии — демократия, национализм и исламизм — на деле являлись идеологическими масками местных партийно-государственных элит, которыми прикрывались чисто прагматические цели раздела государства и его собственности.

Следуя эффективной «формуле Тимишоары», почти во всех республиках были организованы инциденты с кровопролитием на национальной почве, в которые часто вовлекали Советскую Армию. Единственной республикой, где национализм ни в один из моментов не стал доминирующей идеологической тенденцией, была Белоруссия.

В эпицентре политического процесса, в Москве и особенно в верховных органах власти, идеологи перестройки выдвинули идею освобождения нерусских народов от «колониального господства» и их политического самоопределения. Г. В. Старовойтова, главный в то время эксперт демократов по национальному вопросу, заявляла, что нации есть основа гражданского общества и их самоопределение приоритетно («выше идеи государ-

ственного суверенитета»). А. Д. Сахаров предлагал превратить СССР в союз 130 этнонаций. Духом времени прониклись и так называемые марксисты («Правда» писала о верховенстве прав наций, включая право на неограниченный суверенитет).

Положение резко изменилось после выборов народных депутатов РСФСР в 1990 г., на которых победили радикальные демократы. С этого момента высший орган власти республики — ядра СССР — оказал безоговорочную поддержку всем актам суверенизации союзных республик. В 1990 г. РСФСР заключила двусторонние договоры с Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Молдавией и Латвией. Экономического значения они не имели, их смысл был в том, что впервые республики были декларированы как суверенные государства.

В феврале 1990 г. Верховный Совет СССР принял Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле. Если по Конституции 1977 г. земля и ее недра были определены как собственность всего *народа*, то теперь земля была признана достоянием *народов*, проживающих на данной территории. Это был очень важный первый шаг к разделению общенародной собственности.

В июне 1990 г. I Съезд народных депутатов РСФСР принял *Декларацию о суверенитете*. Она декларировала раздел общенародного достояния СССР и верховенство республиканских законов над законами СССР. Это был первый правовой акт, означавший начало ликвидации Союза. В октябре 1990 г. принимается Закон РСФСР «О действии актов Союза ССР на территории РСФСР», устанавливающий *наказание* для граждан и должностных лиц, исполняющих союзные законы, не ратифицированные ВС РСФСР (беспрецедентный в юридической практике акт). Затем был принят Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», который перевел предприятия союзного подчинения под юрисдикцию РСФСР. Закон о бюджете на 1991 г. вводил одноканальную систему налогообложения, лишая союзный центр собственных финансовых источников.

Вслед за РСФСР Декларации о суверенитете приняли союзные и некоторые автономные республики. Они содержали официальную установку на создание *этнических* государств, то есть на законодательное оформление отказа от государства советского типа («*республики трудящихся*»). В Декларации Украины, например, было записано: «Украинская ССР как суверенное национальное государство развивается... на основе осуществления украинской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение». Весь политический процесс перестройки изобилует такими противоречиями и неясностями. Невозможно при-

нять их за следствие некомпетентности, более вероятно, что это — прием, облегчающий манипуляцию сознанием.

Появились проекты создать вместо СССР конфедерацию с разными названиями: «Сообщество», «Содружество» и др. В декабре 1990 г. на IV Съезде народных депутатов СССР поименным голосованием было принято решение о сохранении федеративного государства с сохранением его названия — Союз Советских Социалистических Республик. На этом съезде Н. А. Назарбаев выдвинул идею заключения республиками Союзного договора без участия центра, что говорит о созревшем решении двигаться к *конфедерации*.

Президент СССР, вопреки мнению депутатов группы «Союз» и экспертов ЦК КПСС по национальному вопросу, вынес весной 1991 г. на референдум вопрос о сохранении СССР. Сама формула референдума включала в себя сразу несколько вопросов и допускала разные толкования их смысла; референдум был объявлен общесоюзным, но итоги голосования должны были подводиться по каждой республике в отдельности. Введенные в схему референдума противоречия лишали любой ответ юридической силы (например, голосование «против» сохранения СССР не означало голосования за «выход»)*. «Демократическая Россия» обратилась с призывом ответить «нет» на референдуме. В официальной «Российской газете» 15 марта 1991 г. даже помещен плакат, на котором РСФСР на карте СССР изображена за тюремной решеткой.

В референдуме приняло участие 80% избирателей СССР, власти Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии, Молдавии и Армении отказались от его проведения, и там он проходил по инициативе отдельных местных Советов и трудовых коллективов (в Латвии к урнам пришло свыше 500 тыс. человек, в Литве — более 600 тыс., в Молдавии — более 800 тыс., в Грузии — 45 тыс. и в Армении — 5 тыс.). 76,4% участвовавших в голосовании высказались за сохранение СССР. Никакого влияния на политический процесс это не оказало, политики результат референдума просто игнорировали. В Москве более половины проголосовали против сохранения СССР. Главным результатом референдума было то, что он узаконил саму *возможность* роспуска СССР, который в массовом сознании был до этого незыблемым символом.

На этом фоне велась разработка нового Союзного договора для переучреждения СССР. Идея эта возникла еще в 1989 г., в

* Хорошо изучена роль демократических политиков и публицистов в «раскачивании» конфликтов в Нагорном Карабахе, Чечне и Таджикистане. Это оправдывалось тем, что национализм — это идеология, которую легче всего направить на борьбу с «имперским центром».

мае 1990 г. был готов первый вариант, и текст его начал переиначиваться в попытке удовлетворить всех участников, со сдвигом в сторону конфедерации. В ноябре 1990 г. внутренне противоречивый документ был внесен в ВС СССР и вызвал критику и справа, и слева. Это побудило М. С. Горбачева пойти на прямой контакт с руководителями девяти республик, выразивших желание подписать Договор (формула «9 плюс 1»). 23 апреля 1991 г. был начат так называемый ново-огаревский процесс.

Совещание «руководителей республик» было органом, не предусмотренным Конституцией. Предлагаемые им варианты договора все больше отступали от решений IV Съезда народных депутатов СССР, но на запросы депутатов ответа не давалось. 17 июня Горбачев подписал, а 18 июня направил в ВС СССР и ВС республик проект «Договора о Союзе суверенных государств». После ряда изменений последний вариант обсуждался в Ново-Огареве 23 июля 1991 г. По мнению трех групп экспертов, договор означал не только отход от принципов федеративного государства, но создание даже и не конфедерации, а «клуба государств».

Во многих отношениях проект был лишен какой-либо логики и был нагромождением противоречий. Так, принятая в Ново-Огареве процедура поэтапного подписания Договора приводила к беспрецедентной в мировой практике ситуации, когда в течение длительного времени на одной территории должны были существовать два государственных образования: Союз Советских Социалистических Республик и Союз Советских Суверенных Республик, с разным законодательством и даже с разными границами. Это повлекло бы за собой тяжелые последствия (что к тому времени уже показал опыт Югославии).

На встрече 23 июля было решено подписать Договор в сентябре — октябре, но 29—30 июля на закрытой встрече в Ново-Огареве Горбачева, Ельцина и Назарбаева было решено провести подписание 20 августа, вне рамок Съезда народных депутатов СССР. Новый текст Договора не был передан Верховным Советам и не публиковался до 15 августа 1991 г. Этот Договор был результатом личных компромиссов М. С. Горбачева, а не верховной союзной власти как государственного института.

Подписание нового Союзного договора не состоялось из-за произошедшего 19—21 августа в Москве «государственного переворота».

События 19—21 августа 1991 г. и ликвидация СССР. Летом 1991 года события ускорились. В июне прошли выборы первого Президента РСФСР, им был избран Б. Н. Ельцин (он получил голоса 43% избирателей). В ВС СССР премьер-министр В. Павлов потребовал чрезвычайных полномочий, а министры оборо-

ны, внутренних дел и председатель КГБ на «закрытом» заседании поставили, по сути, вопрос о введении чрезвычайного положения.

В июле собрался пленум ЦК КПСС, на котором после резких выступлений Горбачева обязали представить отчетный доклад на съезде КПСС осенью того же года. А. Н. Яковлев сказал о том пленуме: «Я думаю, они с ним расправятся на съезде. Причем больно расправятся, безжалостно. Если он не упредит их». 2 июля произошел формальный раскол КПСС — в ней было учреждено «Движение демократических реформ» по главе с А. Н. Яковлевым и Э. А. Шеварднадзе, которые опубликовали заявление в крайне антигосударственном духе. М. С. Горбачев поддержал это движение, аргументировав свою позицию тем, что «оно направлено на достижение согласия, единства».

Утром 19 августа радио сообщило, что Горбачев, находящийся в отпуске в Крыму, по состоянию здоровья не может исполнять обязанности президента, и руководство СССР осуществляет Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), который временно берет на себя всю полноту власти. В Москву «для охраны общественного порядка» были введены войска и бронетехника.

В состав ГКЧП входили: вице-президент Янаев, который исполнял обязанности главы государства во время отпуска Горбачева, премьер-министр, министры внутренних дел и обороны, председатель КГБ, член президентского совета по оборонной промышленности и председатели ассоциаций — промышленных предприятий и крестьянской. ГКЧП был поддержан практически всем кабинетом министров, который собрался 19 августа. По сути, в «заговоре» участвовала вся «команда Горбачева», за исключением его самого — вся верхушка государственной власти СССР.

Руководство РСФСР «стало на защиту Конституции и Президента СССР». ЦК КПСС лишь укрепил свою репутацию абсолютно недееспособного органа, заявив, что «не скажет о своем отношении к ГКЧП, пока не узнает, что с его Генеральным секретарем товарищем Горбачевым». Большинство руководителей республик воздержалось от комментариев, сделав вид, что «путч» — внутреннее дело России.

Никаких шагов ГКЧП не предпринимал, определенной точки зрения по конкретным вопросам не высказывал. Ночью 20 августа произошел трагический инцидент: в туннеле на Садовом кольце, по которому следовал патруль на БМП, была устроена баррикада, две машины подожжены, возникла сумятица, в которой погибла трое юношей. По иронии судьбы, именно тому подразделению, что было повинно в смерти трех юношей, было приказано передвинуться от здания МИД на охрану Бело-

го дома, и одни и те же солдаты и офицеры, сами того не зная, были одновременно и «фашистскими убийцами», и «героями, перешедшими на сторону народа». После четырех месяцев следствия по делу о гибели юношей в туннеле уголовное дело прекращено и сделан вывод: экипаж БМП-536 подвергся нападению, оружие было применено законно. То есть, даже если бы солдаты стреляли на поражение, это было бы правомерным.

Утром 21 августа ситуация определилась: с Горбачевым официально связались по телефону, к нему поехали вице-президент России А. В. Руцкой и премьер-министр И. С. Силаев. Они привезли Горбачева в Москву, а членов ГКЧП арестовали.

Многие обозреватели отмечают совершенно неожиданное, никак не мотивированное и никем не объясненное прекращение «путча». Никакой военной угрозы демократы для «путчистов» не представляли и наступления на них не вели. С другой стороны, никакой эволюции во взглядах самих «пугчистов» также не наблюдалось, никаких переговоров, на которых они под давлением постепенно сдавали бы свои позиции, не было.

В Москве Горбачев выдвинул версию, согласно которой он был арестован и лишен связи на его даче в Форосе (Крым). При последующем расследовании эта версия подтверждения не получила. 24 августа генеральный директор НПО «Сигнал», которое изготовляло систему связи Президента, В. Занин сделал заявление: «Ознакомившись с версией М. С. Горбачева, сделанной письменно в газетах, я утверждаю, что таким образом изолировать Президента СССР от связи невозможно... То есть был случай добровольного невыхода на связь». Самой современной спутниковой связью были оборудованы автомашины Горбачева, к которым обитатели виллы имели свободный доступ.

Согласно официальной версии, сформулированной Б. Н. Ельциным, а затем даже утвержденной Верховным Советом СССР, в СССР был совершен государственный переворот, организованный группой заговорщиков, которые были признаны преступниками (премьер-министр России И. С. Силаев даже призывал их немедленно расстрелять). Обстановка была такова, что никого не волновали неувязки с правом: политики, подменяя суд, уже не только дали событиям юридическую квалификацию, но и вынесли приговор. Члены ГКЧП до суда и даже до следствия были признаны преступниками. В целом, весь политический процесс 1991 г. находился в полном противоречии с правом. Один из обвиняемых по «делу ГКЧП», командующий сухопутными войсками генерал армии В. И. Варенников, отказался от амнистии и на суде был признан невиновным «ввиду отсутствия состава преступления».

В акцию ГКЧП не были вовлечены никакие организованные политические силы. Высший оперативный орган партии (Полит-

бюро) никакой деятельности в этот период не вел и документов не принимал. Путч застал управление партией врасплох. 20 августа в Москве находилось примерно две трети членов ЦК, однако секретариат от проведения пленума отказался. Дела, возбужденные после августа против областных организаций КПСС, а также против ряда членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, были закрыты ввиду полной непричастности этих организаций к событиям в Москве. Группа «Союз», которая требовала снятия Президента и введения чрезвычайного положения, также оказалась вне «путча». Более того, председатель группы Н. Блохин заявил, что осуждает действия ГКЧП.

КГБ, якобы специально предназначенный для подобных операций, ничего не знал (вплоть до самых высших уровней командования) о планах «переворота» и не участвовал в нем. Московский, весьма консервативный, ОМОН получил 19 августа приказ «О мерах по усилению общественного порядка и безопасности в условиях чрезвычайного положения», а затем ОМОН был разоружен, склады с оружием опечатаны.

Не было также никаких массовых выступлений в поддержку ГКЧП или против него (в Москве, несмотря на призыв Б. Н. Ельцина и мэра Г. Х. Попова, не забастовало ни одно предприятие, кроме биржи). Эти события подтвердили, что все политические конфликты перестройки представляли собой борьбу между узкими группировками при полном безразличии и бездействии подавляющего большинства населения страны.

После августа 1991 г. прошел первый этап революционного перераспределения собственности. Была во внесудебном порядке лишена всей собственности КПСС и предприняты многочисленные попытки захвата собственности общественных организаций, вузов, редакций газет и т.п. Некоторые из таких случаев получили широкую огласку — вроде осады здания Союза писателей СССР (его отстояли собравшиеся там писатели).

Важнейшим результатом «августовской революции» было запрещение во внесудебном порядке КПСС и компартии РСФСР, а также ряда просоветских общественных организаций. М. С. Горбачев обратился к партии с призывом к самороспуску (к разработке М. С. Горбачевым определявших судьбу КПСС документов не были привлечены не только члены ЦК, но и секретари ЦК КПСС; все делали лично приближенные к генсеку лица).

Пресса и демократические идеологи после августа вели активную кампанию на «добивание» Центра (ставился уже вопрос и о расчленении РСФСР). Антиэтатизм достиг особого накала, многие видные деятели клялись, что они всю жизнь боролись «с государственным монстром». Министр здравоохранения РСФСР В. Калинин предписал всем облздравам и горздравам: «Категорически запрещаю исполнение каких-либо приказов и

распоряжений Минздрава СССР, а также контакт с их (?) функционерами». Во время «путча» печать представила армию как институт «фашистских убийц», а генералитет — как коллективного врага народа. Потом было официально установлено, что 19—21 августа не было издано ни одного приказа командования, направленного против каких-то политических сил, а со стороны солдат и младших командиров не было ни одного случая агрессии или даже угрозы агрессии. Американский политолог А. Янов в лекции в Институте философии АН СССР сказал, что «августовская победа почти целиком исполнила функцию оккупационных властей».

Демонтаж всей системы государственной власти СССР был после этого лишь делом техники. На открывшемся 2 сентября V Съезде народных депутатов СССР даже не разрешили следовать повестке дня. Н. А. Назарбаев зачитал «Заявление Президента СССР и высших руководителей союзных республик», которое было ультиматумом с требованием самороспуска. Съезд был ликвидирован, а Верховный Совет СССР полностью деморализован. 14 сентября созданный новый орган — Государственный Совет СССР принял решение об упразднении большинства министерств и ведомств СССР.

Удалось, однако, реанимировать подготовку Союзного договора («Ново-Огарево-II»), теперь всего лишь с созданием конфедерации. 1 сентября руководители 10 республик выразили готовность подписать договор (РСФСР, Украина, Беларусь, Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Туркменистан, Узбекистан). 25 ноября проект был окончательно согласован, а 27 ноября опубликован. Он должен был быть подписан в декабре. М. С. Горбачев продолжал с оптимизмом определять свою «однозначную позицию»: «Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство». Абсурдность формулы «конфедеративное государство» никого уже не трогала.

В. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич до такого исхода решили дело не доводить и в местечке Беловежская пуша под Минском 8 декабря 1991 г. тайно подписали соглашение о ликвидации СССР («с целью сохранения единства»). В их заявлении сказано, что СССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование», прекращалась и деятельность органов СССР. Среднеазиатские республики, Казахстан и Армения выразили свое недоумение, но было поздно.

История государства Союз Советских Социалистических Республик завершилась.

Глава 7

ЗАПАДНЫЕ ЛЕВЫЕ И КРАХ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

В 1995 г. Запад широко праздновал десятилетие прихода к власти в СССР Горбачева: «Десятилетие, которое перевернуло мир!» Где же при этом перевороте оказалась Россия с точки зрения западных поклонников Горбачева? Что ей принес этот рыцарь «общечеловеческих ценностей»?

Звезда европейской прессы, лауреат всяческих премий обозреватель Герман Терч пророчил: «Мы не знаем, что произойдет в Европе в ближайшие годы, даже в ближайшие месяцы. Но мы уже можем исключить кое-какие сценарии, которые вытекали из поражения советской империи. В России не будет гармоничного порядка по общим законам демократии и рынка. Россия не станет либеральным правовым государством в обозримом будущем. Щедрая помощь извне не сможет заставить русскую нацию сделать огромный скачок, необходимый, чтобы покрыть за несколько лет или десятилетий отсталость как минимум в два века в своем социально-политическом развитии. Этого не может быть, и, кроме того, это невозможно».

Как видим, в своей аргументации либералы вернулись к старому испытанному доказательству: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Для нас здесь важно понять, что Россия вычеркнута терчами из цивилизации давно, и революция 1917 г. здесь абсолютно ни при чем.

Любимый мотив нынешних русофобов — пугать русским фашизмом: «Россия становится Веймарской республикой!» То есть перестройка празднуется как победа Запада, раздавившая и унижившая Россию в той же мере, как поражение Германии в Первой мировой войне (Веймарская республика в раздавленной Германии породила Гитлера).

Об отношениях Горбачева с Западом интересные вещи сказал тогда его помощник Вадим Загладин в интервью газете «Коррьере делла сера». Вот что он рассказывает об отношениях Генерального секретаря ЦК КПСС со своей партией с самого начала перестройки: «В то время Горбачев не мог говорить открыто, он знал, что большинство Политбюро и ЦК не поддержало бы его позицию. В этом признался сам Горбачев. Он должен был быть немного лисой, не мог сказать всего и порой должен был говорить одно, а делать другое». То есть Горбачев с самого начала вел двойную игру, обманывал и партию, и весь народ относительно самых главных вопросов — и привел страну к катастрофе. Как это называется? Можно ли назвать это ошибкой, как пытаются это представить еще многие наши люди?

Когда же Горбачев стал служить «иным целям» — тем, за которые дают звание «лучшего немца» и ненавидят на родине? Загладин хвастается: «В речи, которую Горбачев произнес в Лондоне в конце 1983 г., уже содержалась новая политическая концепция, отличная от концепции партии и государства».

Как называется деятель, который во время войны, пусть «холодной», едет за границу и предлагает себя как носитель концепции, противоречащей политике своего государства? Ведь он там предложил именно концепцию, *которая привела к разрушению страны* — к ее поражению такого масштаба, что нас сравнивают с Веймарской республикой. Так и понял эту концепцию в тот момент Буш. Так она всеми оценивается и сегодня.

Президент Римского клуба Р.-Д. Хохляйтнер, единственный из западных деятелей, нашедший сегодня слова сострадания к советским людям, дает очень взвешенные формулировки: «Перестройка — наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира» — то есть для Запада. «Перестройка не только привела к ликвидации коммунистического режима в СССР, но и радикально изменила равновесие сил в мире». В чем же изменение? Исчез СССР (Россия) как великая держава, и полностью задушено освободительное движение третьего мира. «С полным основанием говорится, что Горбачев и его перестройка сейчас лучше понимаются и выше оцениваются на Западе... Перестройка была бы немислима и не могла бы произойти, если бы не уникальная и неповторимая личность Михаила Горбачева».

Журналист спрашивает Загладина: «Оказал ли влияние на разработку идей перестройки опыт западных компартий?» И помощник отвечает: «Вне всякого сомнения. Еврокоммунизм повлиял на развитие идей и общей концепции перестройки. Уже с конца 60-х годов Горбачев лично читал все документы западных компартий». К сожалению, мы мало знаем о еврокоммунизме — течении, которое оказало огромное влияние на судьбу современного мира, разрушив культуру левого движения, открыв дорогу неолиберализму на Западе и перестройке Горбачева в СССР.

Вот выдержка из работы испанского историка Антонио Фернандеса Ортис в сборнике «Коммунизм — еврокоммунизм — советский строй» (Москва, 2000). Он пишет в заключение:

«Из истории коммунистических партий и особенно компартии Испании видно, что практически во все время их существования в них имеют место два проекта коммунизма и два проекта партии. Наличие этих двух проектов не всегда осознается, можно даже сказать, что они существуют на интуитивном уровне. Различаются они не на уровне идеологии, а на уровне само-

го восприятия жизни и смысла существования человека в обществе.

Есть коммунизм, культурной основой которого является такая солидарность, которую мы можем назвать традиционной, народной, крестьянской. Народ, государство, общество и человек воспринимаются как единые, тотальные естественные субъекты. Они — совокупность объективных и субъективных, материальных и духовных ипостасей, которые их образуют. В этой модели коммунизма человек соединен узами солидарности со всем обществом и с природой. Его солидарность выходит за рамки социального и распространяется на природу, с которой человек устанавливает особые отношения. В Европе и России основаниями этого коммунизма были и продолжают оставаться традиции солидарности с крестьянскими корнями...

Личный путь многих руководителей испанских коммунистов хорошо отражает сохранившиеся в их мировоззрении солидарные представления. Самым красноречивым случаем была Долорес Ибаррури, но также и такие деятели, как Листер, Урибе или Игнасио Гальего. Когда они вступили в противостояние с Клаудином, Семпруном или Каррильо, движущими мотивами у них были идеалы солидарности и проект партии, которые они не могли сформулировать в виде теоретически разработанной концепции. Но они сопротивлялись проекту своих оппонентов, потому что интуитивно чувствовали, что предлагаемые изменения ведут к утрате исторической памяти, на которой стоит их идеал солидарности.

Другой проект коммунизма — городской, рационалистический. Он унаследовал ценности Просвещения и Французской революции, принял модель атомизированного человека и с нею индивидуализм. Этот проект коммунизма отвергает традиционное крестьянское мироустройство, народный мир как пережиток феодализма... Отсутствие классового сознания в среде крестьян делает их мелкими буржуа, превращает их в «мешок картошки». Это проект коммунизма, который в конце концов согласился с основными принципами, на которых стоит капиталистическое общество... Традиционные общинные ценности, традиционная солидарность, основанная на модели делимого «общего человека» («часть меня присутствует во всех людях, а во мне присутствует часть всех людей») рассматриваются в этом коммунизме как реликты предыдущих эпох в существовании человека. Реликты, которые служат препятствием прогрессу и обречены на исчезновение.

Весь практический опыт социализма в XX веке в большей или меньшей степени, в зависимости от конкретных условий, отражает взаимодействие двух описанных выше «проектов коммунизма». Пожалуй, большевизм представляет собой самый

яркий случай. В нем переплетаются две формы коммунизма или, если хотите, две формы солидарности...

В тесной связи со сказанным выше возникает фигура интеллигента, которому трудно понять предпочтения народа, который полон противоречий и впадает то в абсолютную идеализацию, то в абсолютное отрицание. И европейская, и русская коммунистическая интеллигенция обнаруживают это свойство. Народ и его «авангард», пролетариат, стали объектом идеализации — и в отношении их природы, их поведения, их исторической роли. Народ всегда прав! Но ведь народ, как категория, не обладает разумом, он имеет здравый смысл. И именно здравый смысл народа, способ его самовыражения, зачастую грубый, и в массе пролетариата, и в крестьянстве, не соответствует идеализированным и идеологизированным представлениям левого интеллектуала. Приходит разочарование и осуждение. Левый интеллектуал Европы испытал двойное разочарование. Он не понял самовыражения народа в его собственной культурной среде, на своей собственной территории — и он не понял народного, традиционного компонента в советском проекте. Сходный процесс пережила и советская интеллигенция».

Мы знаем, что на сторону противника СССР в «холодной войне» перешла верхушка почти всех компартий Запада. А вместе с ними — молодой Горбачев и люди его типа. Они черпали свои идеи из еврокоммунизма! Мы знаем также, что еврокоммунизм практически привел к ликвидации западных компартий и открыл дорогу неолиберальной волне, тэтчеризму. Но на Западе для этого поворота были хоть шкурные основания: отказ от социализма у рабочих купили за огромные деньги, перекачанные из третьего мира, против которого рабочие обязались сплотиться с родной буржуазией (потом их, конечно, надули, но не совсем). Для СССР же принять идеи еврокоммунизма означало именно национальное предательство, ибо при этом мы сами превращались в третий мир, в наихудший вариант колонии. Почему же люди типа Горбачева приняли эти идеи? Потому что на Западе — хозяева их душ. Им было противно и советское государство, и советское общество. Они разрушали их сознательно и плату от победителей берут с гордостью честного подрядчика.

Горбачев для нас — дело истории, а западные левые остаются важным фактором в политике и культуре. Что же происходит в их среде? Не так давно преемник Жоржа Марше на посту секретаря французской компартии Робер Ю наконец выдал из себя то, что от него с такой страстью добивалось хорошее общество: в целом осудил Советский Союз, а заодно и ФКП — за то, что она его поддерживала. «В этот вечер я торжественно заявляю...» и т.д.

Когда я читал репортажи о теледебатах, где он сделал это ис-

торическое признание, прямо слезы навертывались. В парижской телестудии — как на допросе в НКВД, где следователь на минуту становится лучшим другом признавшегося «врага народа»: «Вот видите, как все хорошо устроилось. А вы столько мучились, и меня измучили. Вот здесь подпишите».

И правда, чего было столько мучиться — уже и Генеральный секретарь ЦК КПСС давно подписал и теперь бесплатно отдыхает себе на виллах королей. А потом продезинфицировали помещение — и другой генсек, какой-нибудь Шеварднадзе, может с семьей заезжать.

Только почему-то при Марше за ФКП голосовало 25% французов, а при Ю — 7. Скажут: СССР рухнул, чего же за них голосовать! Давайте, как бедная рыба-прилипала, потерявшая свою акулу, искать другую. Но не все так просто, сердцу не прикажешь. И никто не решится задать простой вопрос: те 7%, которые еще голосуют за ФКП, делают это потому, что она сделала антисоветское заявление, или потому, что она — *наименее* антисоветская сила? Как ни крути, а отношение к СССР (а теперь еще к Кубе) остается пробным камнем для проверки политика.

Что же случилось с западными коммунистами — одним из сиамских близнецов левого движения (второй близнец — социал-демократы)? Этот вопрос сегодня занимает всех, включая буржуазных философов. Левое движение — необходимый компонент здорового капитализма, балансир гражданского общества, без которого рассыпается равновесие, звереют буржуи, а в ответ звереют и рабочие. А внутри левых должно быть равновесие между социал-демократами и коммунистами, экосистема здорова, пока есть хищник, который кусает кабанов за пятки и заставляет их двигаться.

Что левое движение находится в глубоком кризисе — очевидно. За последние полвека оно оказалось неспособно выдвинуть проект мирного сдвига к более справедливому обществу. На все такие попытки капитал отвечал однозначно и жестко, отбрасывая фиговые листки. На каждого Сальвадора Альенде был готов Пиночет.

Более того, левое движение оказалось неспособно даже организовать защиту тех социальных прав, которых рабочие добились у напуганной советским примером буржуазии. Уверенные, что их вечно будет подпирать мощь СССР, левые вообще как будто не заметили, как изменился мир и перегруппировался социальный и идейный противник. Страшные удары Красной Армии по немцам, а потом и спутник заставили его собраться в кулак, подтянуться. «Холодная война» была не метафорой, а мобилизационной программой. Бедный третий мир выжали как лимон — и бросили невероятные средства своим рабочим в ви-

де социальных благ. За счет этой перекачки средств эксплуатация рабочих в метрополии сокращена на 40%! Живи — не хочу!

Параллельно шла работа над «перевоспитанием» элиты левых всего мира (включая КПСС). Стипендии для обучения в лучших университетах, непрерывные симпозиумы и «круглые столы», приглашение прочесть лекцию в самом Гарварде! И везде случилось, в разных вариантах, одно и то же: верхушка левых оторвалась от своей социальной базы, от массы. Левые интеллектуалы нового поколения стали частью университетского истеблишмента, а в рабочее движение ходили, как на службу.

А когда и в СССР к рычагам власти, еще при жизни стариков, пришла бригада горбачевых, на Западе стало возможным начать откат в социальной сфере, одно за другим отменявшие уже привычными блага — приватизируя здравоохранение, повышая плату за обучение, сокращая пособия по безработице и т.д. А главное, разрушая саму этику рациональной солидарности (она отличалась от нашей общинной, но была все же этикой солидарности граждан).

От этого не уйти, прикрываясь демагогией. Вот передо мной газета: в Мадриде человек умер от инфаркта на ступенях частной клиники — несмотря на просьбы прохожих, никто из персонала не вышел ему помочь. Когда его отвезли в государственную клинику, было уже поздно. Газета, издаваемая социал-демократами, не решилась даже риторически упрекнуть руководство клиники, ибо оно не нарушило ни закона, ни либеральной этики.

Левые силы оказались полностью разоруженными. И даже социал-демократы у власти, спрятав в карман свои идеалы, проводят неолиберальную социальную политику. Возникло совершенно новое образование — *ambidextra society*, «*двуправое общество*» (его еще называют «*общество-мачеха*»). Стабильное ранее «общество двух третей» сдвигается к критически нестабильному обществу «двух половин», с неизбежным откатом и от политических свобод. И маячит целая цепь заколдованных кругов.

Пока что их разрывают и перекачкой безумных сумм (чтобы остановить катастрофу после реформы МВФ в Мексике, ей без звука, после получаса переговоров, выдали 50 млрд. долл., сам Клинтон выписал чек на 20 млрд. вопреки всем законам США). Такую же сумму выдали в ноябре 2000 г. Аргентине, хозяйство которой угробила реформа по схеме МВФ. Другой способ стабилизации — проведение столь же безумных войн. Мы видели войны в Персидском заливе, в Югославии. Мексику обязали провести у себя войну-спектакль на юге, в штате Чьяпас. А Перу и Эквадору, чтобы отвлечь внимание от лап МВФ, придумается бомбить друг друга в сельве, заполняя мировую прессу фотографиями оторванных ног.

Но это — откат в понятной, социальной сфере, ощущаемый желудком. А ведь появились новые способы угнетения, новые угрозы свободе человека, новые глобальные противоречия. Разве есть у левых сил ответ на эти, как говорят, вызовы истории? Они попросту ушли от них или жуют сказку об «устойчивом развитии» — миф, за которым скрывается запрет на развитие третьего мира (а теперь уже и России) и сокращение их населения. Четкую критику индустриализма мы видим лишь у анархистов, остальные никак не разберутся с новой трактовкой понятия «прогресс».

Забурлил вулкан этнических проблем. Максимум, до чего додумались коммунисты, — это снять лозунг о «пролетариях всех стран». Чтобы как-то отреагировать на войну в Чечне, западные коммунисты, по сути, предоставили свои страницы заскучавшим без дела советологам, стали проводниками самой примитивной русофобии. Национальную проблему приколотили к своему знамени правые, но она у них дегенерирует в расизм.

Большинство взрослого населения Запада все больше осознает себя жертвой мощных экономических групп, угнетающих гражданина посредством телевидения, — разрушая семью и навязывая детям культ насилия, идею разрыва с отцами, готовя поколения людей-роботов. Критикой этого вида угнетения активно занимаются психиатры и педагоги, врачи и даже полицейские. Но разве их дело поднимать принципиальные проблемы общества, мобилизовать его на борьбу совершенно нового типа? Где концепции компартий, подобные тем, которые мы слышали по жгучим проблемам современности от Джона Бернала, Антонио Грамши, Фредерика Жолио-Кюри? Ведь не только партизанами были коммунисты.

Почему же сегодня не слышно их голоса, почему трудно даже представить себе, какова их позиция и каковы их объяснения происходящего? Таких вопросов г-ну Ю никто не задавал. Но сам-то себе он должен был бы задать.

Задумаемся и мы, ведь кризис левых явно связан с поражением СССР. Вернее, все это — один процесс. И вопрос не в том, кто виноват, а почему все покатило по этой дорожке. Почему в ходе «холодной войны» западные коммунисты неявно и негласно перешли на сторону врагов СССР и, по сути, врагов коммунизма — совершили тот же сдвиг, что верхушка КПСС во главе с Горбачевым? Ведь никаких новых оснований для такого решения за последние десятилетия не появилось, поэтому нет и речи о каком-то «озарении».

Примечательно, что постепенное, ступенчатое обнародование этого сдвига происходит без откровенного объяснения — решение о переходе на сторону врагов СССР сознательно скрывалось от собственных партий. На низовом уровне и следов анти-

советизма нет не только среди коммунистов, но даже и у социал-демократов. Да и в верхушке речь идет не о тривиальном разрыве с политическим союзником. Я в 1990 г. завел разговор на эту тему с Мануэлем Аскарате (незадолго перед его смертью). Он был соратником Долорес Ибаррури, одним из руководителей компартии, потом перешел к социалистам и стал писать антисоветские статьи. Так у него затряслись руки. «Мы любим Советский Союз!» — прямо криком кричит. И видно, что не врет. Но что же это за любовь такая?

Начнем с простых признаков. Уже при первом знакомстве с прессой конца 80-х годов обнаруживаешь изъятие из ее обихода (из «культуры левых») всяких сведений о сути «холодной войны», ее постулатах, средствах и предполагаемой глубине разрушения СССР. В сознании массы (даже членов компартий) «холодная война» стала не более чем метафорой и перестала приниматься во внимание как фактор, влиявший на все стороны жизни СССР.

Левая пресса приняла фразеологию и критерии либеральной идеологии в оценке образа жизни, а ведь все мы — «рабы слов», на что указывали и Маркс, и Ницше. Все не измеряемые деньгами или материальным потреблением ценности, даваемые советским строем, как бы исчезли. По сути, произошел отказ и от социальной философии социализма, и от исторического подхода — никто уже не принимал во внимание стартовые возможности, сроки и условия развития СССР и Запада. Без всяких дебатов и объяснений, по сути, тайком (а может, даже неосознанно) были приняты основные антисоветские мифы, созданные западной пропагандой: о сталинских репрессиях, о тоталитаризме советской системы, о коррупции номенклатуры, о неэффективности плановой экономической системы. В отношении СССР это означало молчаливое признание его квалификации как «империи зла».

Важный, на мой взгляд, симптом — явная или стыдливая поддержка западными левыми Горбачева даже после того, как его разрушительная для КПСС и СССР роль стала очевидной. Лидеры почти всех компартий ушли от всякого участия в идеологическом конфликте с СССР. Это было всеми воспринято как молчаливое одобрение ими антисоветских действий Запада и его пятой колонны в СССР. Более того, приходилось читать декларации коммунистических деятелей о поддержке «демократических изменений в СССР» даже в 1993 г., когда сама эта фразеология стала гротескной.

Красноречиво практически полное отсутствие реплик западных левых даже на самые абсурдные антисоветские выступления бывших коммунистов, не говоря уже о социал-демократах. Приходится видеть даже проявления *радости* видных деятелей компартий при крахе СССР — и никакой видимой реакции их

товарищей на такие странные проявления. Разве это не болезнь левых? Твой союзник, которому ты аплодировал, получил страшный удар и упал — чему же тут радоваться? За этим есть какой-то психологический выверт, не поняв которого не смогут коммунисты встать на ноги.

Поразительно само нежелание левых дать сбалансированную оценку советского проекта даже *post mortem*. Здесь лидеры коммунистов отличаются даже от среднего обывателя. Например, в университетах с большим интересом слушают лекции просто о динамике основных экономических и социальных показателей СССР. Практически для всех слушателей это — открытие. Но лидеры компартий как будто не хотели бы этого знать — они уже уверовали в новую догму. А разве то, что происходит при демонтаже «реального социализма», несущественно для самопознания всех коммунистов?

А ведь европейские левые не только аплодировали своим пришедшим в каких-то странах к власти товарищам, но и подзуживали их. Вот горькие слова чилийского писателя о трагедии его страны, которую сдали фашиствующей военщине: «В ней были виноваты все или почти все чилийцы, но немалую ответственность несут иностранные интеллектуалы, особенно западные, которые приезжали в Латинскую Америку читать нам лекции и учить, как мы должны были делать наши революции. Все им было мало. Даже Народное единство Сальвадора Альенде казалось им слишком буржуазным и консервативным. Выглядит парадоксом, но единственными, кто очень часто давал нам разумные, взвешенные и примиряющие советы, были люди из Восточной Европы и Москвы. Они знали, что такое настоящая революция, и были очень осторожны...

В других выражениях, уже на нашем языке, то же самое мне шептали на ухо в Гаване. Но налетали тучи французских, немецких и американских профессоров и журналистов, которые вопили, что Альенде мелкобуржуазен, а его правительство слишком робкое... Левые интеллигенты западного мира из своих окопов нас обвиняют и всегда будут нас обвинять. Что бы мы ни делали... Вот об этом нам всем надо бы подумать. Потому что левые интеллигенты — порода, которая, как я считал, вымирает, — сами, вероятно, никогда ничего не поймут».

Эта порода не вымирает, сегодня она с такой же страстью бросилась обвинять советский строй. В 1995 г. меня пригласили участвовать в «круглом» столе «Крах советского блока и уроки для левого движения Европы». В Мадриде, в роскошном салоне «Амбассадор». Синхронный перевод на три языка, на столах конфеты в вазочках. Съехались левые интеллектуалы из Оксфорда, Сорбонны и т.д., издатели левых журналов. Из каких

они партий, трудно понять — они над партиями, представляют мозг левого движения.

В первый день я наслушался такого, что спать почти не пришлось. Встал рано, вышел побродить. Рядом — прекрасный сквер перед музеем Прадо. Величественное здание *Министерства потребления* как символ Запада. Все дышит довольством, огромным накопленным богатством. На скамейке, тоже как символ, лежит человек. Бездомных в Мадриде множество, но в этот час все они уже скатали свои одеяла и растворились в городе. Этот, видно, занемог. С трудом, не поднимая головы, жует булку. Бросает ее на землю. Расстегивает штаны и мочится, не поднимаясь. Ему тошно смотреть на прохожих, и он закрывает лицо кепкой. Мне тоже тошно смотреть на него, на Министерство потребления.

Все это, в худшем варианте, переносят в Россию. Чингиз Айтматов, начиная поход против советского строя, поминал Испанию, где построен «настоящий рабочий социализм». Испанцы, которые его возили по стране, говорили мне, что он таких сцен, как я перед Министерством потребления, рассмотрел досыта. Знал, что говорит, инженер человеческих душ.

Вернулся я в отель, пошел завтракать — сидят мои собеседники по круглому столу. Уставились на меня и как будто не видят. Я поклонился — никакого ответа. Не понравилось им мое выступление. Что же я такого сказал? Просто предложил в качестве «урока для европейских левых» разобраться, чему они так радуются при крахе СССР. Предложил посмотреть на события в СССР в понятиях жизни и смерти, хлеба и тепла. Это было воспринято как большевизм. Послышались крики: «Кто его пригласил? Это же явный противник перестройки! Мы были у Юрия Карякина, он нам раскрыл всю правду о советском строе!» Организатор, заведующий отделом идеологии компартии Испании, призвал крикунов к терпимости. Мол, вы же видите, товарищи, перед нами закоренелый сталинист, но потерпите еще 20 минут. Толерантность, товарищи, толерантность!

Я выступал вторым, после историка-испанца, который четыре года жил в Москве, изучая «крах СССР». Он сказал, что реальность России очень далека от той модели, которую придумали себе европейские левые. Казалось бы, что тут такого обидного? Но за два дня никто вообще не упомянул наши с ним выступления, ни в каком смысле — выступления единственных докладчиков, прибывших с места событий. Зато для нас с ним все было поучительно.

Вот выступает марксист из Оксфорда. Приветствует попытку создать в России «нормальное общество» — ведь говорил же Маркс, что нельзя строить социализм в крестьянской стране. И задержали, мерзавцы, на 70 лет развитие капитализма! По-

степенно распаляется профессор: «Никаких западных капиталовложений страны советского блока не получат, напрасно надеются! Идет необратимое разрушение производства! Эти страны погрузятся в варварство типа африканского! Европа должна создать санитарный кордон, как США на Рио-Гранде, иначе ее захлестнет волна голодающих!» Его слушали с удовольствием, хотя, казалось бы, естественно было бы спросить: если у тебя такие жуткие прогнозы, чему же ты радуешься? Ты что, людоед?

Выступает экономист из Сорбонны, троцкистка. Та же песня, только конкретнее: «Мы призывали к революции, которая разрушила бы СССР, эту империю номенклатуры. Нельзя поддерживать тех, кто защищает СССР. Главное сегодня — скорее демонтировать остатки советских социальных структур: бесплатное образование, здравоохранение, солидарность трудовых коллективов. Только тогда возникнет нормальная буржуазия и нормальный пролетариат. И этот пролетариат начнет правильную пролетарскую революцию. При этом, товарищи, основа демократии и социализма — освобождение женщины».

Зачем же этот марксист в юбке требует добить остатки советской системы, позволяющие нам кое-как выжить? Да видите ли, русские буржуазию объедают, не дают ей первоначальное накопление провести и в революцию не кидаются — жуют краюшку да лежат на печи. Все не по Марксу. Я задал этой даме три вопроса:

1. Во имя демократии вы призывали разрушить СССР, зная, что 76% граждан хотят его сохранить. Вы что, просвещенный авангард, имеющий право вести неразумные массы к предписанному вами счастью?

2. Вы требовали антисоветской революции в стране, которую сами назвали «этнической бомбой». Сегодня, когда катастрофические результаты налицо, считаете ли вы свою установку на революцию ошибочной?

3. Вы — борец за свободу женщин. Учли ли вы, призывая к ликвидации СССР, что означает для 30 млн. женщин азиатских республик замена советского строя на шариат?

В ответ дама долго и нервно говорила, совершенно не по сути вопросов. Только на третий вопрос ответила, что теперь женщины смогут начать нормальную борьбу за свое истинное освобождение. Спасибо, заступница!

В коридоре она решила меня сразить: «Вы что же, считаете, что при Брежневе все было хорошо?» (в теории спора это называется «бабий аргумент»). Я не упорствовал. Да, говорю, не все было хорошо, многое даже очень плохо. Но разве, если человек болен, это оправдывает его убийство, тем более врачом, который обещал его лечить? И потом, как же понять: вы за народ, против номенклатуры — а поддержали как раз революцию но-

менклатуры против народа? Обиделась, пробурчала, что ее партия — единственная, кто хранит верность идеалам Октябрьской революции. А мы только все напортили. Надо понимать, что обязаны кровью наших детей смыть вину наших отцов, превратить людей в пролетариев и опять бросить их в бой против мировой буржуазии.

Все это было очень грустно. Порода революционных интеллигентов не вымерла ни на Западе, ни у нас. У нас-то хоть они локализовались вокруг Нуйкина да Карякина, компартия от них вроде бы очистилась. На Западе они оторваны от масс, от здравомыслящих людей. Я езжу по всей Испании, читаю лекции самым разным людям — такого догматизма нигде не видел. А ненависти к СССР среди простых людей нет и в помине, хотя те, кто сохранил здоровое отношение к СССР, находятся в глухой обороне и не поднимают голоса. Зато как они благодарят за информацию — она к ним не доходит. Но марксисты-антисоветчики откуда-то имеют деньги, имеют прессу*.

Конечно, разрыв союза и даже переход на сторону бывшего противника — вещь в политике довольно частая. Решение о разрыве с СССР (и, по сути, с Кубой и освободительным движением третьего мира) — выбор левых сил Запада, и выбор вполне объяснимый. Обостряется глобальный кризис, и усиливается консолидация всех «осажденных в цитадели богатства» — против бедного большинства человечества. В этой цитадели левым (включая коммунистов) предложили почетное место «цивилизованной оппозиции» как необходимой и важной части политического устройства. Сдача союзников была обязательным условием, и это условие, как видим, было принято.

В отношении Кубы это проявилось еще с большим драматизмом, чем в отношении СССР, — Куба не провинилась даже сталинизмом. Тут вообще не к чему придраться, «нарушения прав человека» на Кубе смехотворны по сравнению с тем, что происходит у ее «демократических» соседей. (Не будем говорить о Гватемале, где в 80-е годы без суда и следствия убили 3% населения — для СССР это было бы эквивалентно 11 млн. человек. Укажем Венесуэлу, где предыдущий президент социал-демократ признал, что во время его правления в одном поселке убили полторы сотни забастовщиков, а их тела бросили в реку, — он извинился перед родственниками и назначил вдовам небольшие пенсии).

* Получил от них в Мадриде и я пару номеров журнала, да с оглавлением всех номеров этого левого журнала начиная с 1977 г. Наши-то интеллигенты, оказывается, там давно пасутся. Тут и Окуджава (он тоже, выходит, из этой породы — революционный марксист), и братья Жорес и Рой Медведевы, и нынешние «правильные» левые.

Кубинцы по требованию США даже перестали препятствовать «лодочной эмиграции». А в США этих любителей демократии ловят и сажают в концлагерь, многих заковывают в кандалы. Держат их в Гуантанамо, и кое-кто, пытаясь убежать обратно в тоталитаризм, уже подорвался на американских минах. Но и Кубу сдали — она как бы исчезла из поля зрения.

Однако разрыв с советским проектом западные левые провели без объяснения — а оно сильно облегчило бы положение коммунистов в СССР. Разрыв, совершенный в самый тяжелый момент, стал ударом в спину. И зачем было оправдывать разрыв повторением антисоветских мифов? Достаточно было представить его как завершение этапа истории. Мол, страница перевернута, начинаем новый этап с чистого листа. И потом, раз не декларируется разрыв с «отцами» — с Торезом и Марше, с Тольятти и Берлингуэром, — но производится разрыв с СССР, элементарная этика обязывает вернуть советским коммунистам долги, сделанные этими «отцами».

Но это — шутка, и дело не в обидах. Нам надо понять истоки общей болезни. А кроме того, раз уж, как говорят, КПРФ «восстановила связи с братскими компартиями Запада», хотелось бы знать, на какой идейной основе. В чем теперь заключается это «братство»?

Еще о западных левых: что печалит испанских моряков. В начале 1992 г. случайно познакомился я в Испании с человеком, который много повидал на свете и в то же время почти всю жизнь прожил в отрыве от прессы и телевидения. С юных лет и до седых волос он плавал моряком на самых разных судах и под разными флагами. Тогда, в 1992 г., был капитаном испанского рыболовного флота. Плавает по полгода, приехал в Сарагосу в отпуск (сам он баск) и зашел навестить друга в университет. Так мы встретились, разговорились, быстро подружились (до сих пор он — мой близкий друг). А на завтра я уехал с лекцией в маленький городок в ста километрах, за Уэской. Он взялся меня подвезти на машине, а там остался и на лекцию, а потом часть аудитории переместилась в ресторанчик, где проговорили почти до утра. И простые суждения этого человека были для меня, избитого демократической пропагандой, как глоток свежей воды в жару, хоть и наговорил он мне неприятных вещей. Хочу этим глотком поделиться, пересказываю вкратце, но почти дословно.

То, что произошло с СССР, сказал Эдуардо Гарсия Осес, — большое горе для очень многих во всем мире, даже для тех, кто вроде бы радуется краху коммунизма. И дело не в политике. Без опоры оказались и те, кто считал себя антикоммунистами. И не из классового сознания надеялись люди на СССР, не потому, что «пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Все это дав-

но не так, и на Западе рабочий — это тот же буржуй, только без денег. А надеялись потому, что у вас говорилось: «Человек человеку — брат». А по этому тоскуют *все*, что бы они ни говорили на людях.

Потому что чувствуют себя здесь все, как мухи, прилипшие к клейкой бумаге. Бумага эта сладкая, и вроде бы ты сам к ней тянулся, а прилип — и стало тоскливо. Сопротивляться всей этой пропаганде «Нового мирового порядка», которая лезет тебе в душу и через прессу, и через рекламу, и через витрины, у человека нет сил. Он сдается, но у него всегда была уверенность, что есть на свете Советский Союз и есть очень культурный советский народ, который на сладкую приманку не клюнет и к бумажной ловушке не прилипнет — а там, глядишь, и нам поможет оторваться. И что же мы видим? Этот-то народ и увяз глубже всех и поверил в совсем уж невероятную ложь. Если это так — все меняется в мире.

Смотри, говорит Эдуардо, как из человека делают марионетку. Стоим мы в порту в Нигерии. Рядом — кубинский корабль. На берег кубинцев власти не пускают — мол, на Кубе нет демократии. Кто же это такой чувствительный к правам человека? Военный режим Нигерии, явные фашисты, которые уничтожили целые племена, миллионы людей, никто и не знает точно, сколько. Но они — свои для Буша и рады ему услужить, как раньше были своими все диктаторы, что Батиста, что Сомоса. А сегодня то же самое в Анголе. Буш, да и ваши, наверное, все требовали от Анголы свободных выборов. Когда я бывал в Анголе, мне говорили: если будут выборы и победит нынешний режим, нам устроят мясорубку. Так и получилось. Савимби устроил в Анголе кровавую баню, и никакая ООН наводить порядок не собирается.

Но дело-то не в диктаторах и не в Савимби. Вот нигерийский докер. Все, что у него есть, — кусок мешковины прикрыть наготу. Получает гроши — и миску риса с кукурузной мукой. Живет в хижине из листьев, мы к нему заходили. Вместо мебели картонный ящик. Детей бросил — прокормить не может, а видеть невыносимо, как умирают один за другим. Грузит каждый день какао и арахис — лучшая земля Нигерии «работает» на Европу и Америку. И он понимает это, и понимает, почему сам в жизни ни разу не пробовал шоколада из нигерийского какао. И в то же время — тычет пальцем в кубинский флаг: «Ах, боюсь Кастро!» Ну чего тебе-то бояться? «Как же, у них нет демократии». Да что такое демократия, что она тебе? «У них нет свободы!» Какая к черту свобода, ты сначала детей должен накормить, они у тебя с голоду мрут! Молчит, сжимается, чувствует, что всю эту чушь о демократии ему в голову вдолбили и она ему дороже детей стала. Так вот этот-то докер и страдает, что СССР рухнул. Значит, все. Теперь установлено во всем мире, что де-

ти — чушь, а многопартийность — самое главное в жизни. А он втайне надеялся, что кто-то поставит этот мир с головы на ноги.

И спрашивает меня с надеждой Эдуардо: «Неужели и у вас в России думают так же, как этот докер? Ведь он-то в школе вообще не учился, а у вас инженер на инженере». И не могу я его утешить. Да, говорю, думают примерно так же, и в первую очередь как раз инженеры. Хотя дети у них пока с голоду не умирают, но даже если и до этого дойдет, они от этой демократии не отступятся. Ведь сейчас у нас много партий — такое счастье.

Да, кое для кого многопартийность важна, соглашается Эдуардо. Для тех, кто стал болельщиком политики. Один болеет за одну команду, другой за другую — чья возьмет? Но увидишь, что скоро и у вас таких болельщиков станет немного. Футбол и интереснее, и честнее политики. А вообще-то это к демократии никакого отношения и не имеет. Я во всех портах бывал — и в Африке, и в Латинской Америке, и в Азии. Таковую-то демократию везде установили, везде и парламенты, и многопартийность. Да разве это хоть чуть-чуть мешает грабить страну или расстреливать крестьян? Посмотри, что сделали с Латинской Америкой. Я после войны плывал на пассажирских судах. Мы туда возили полные пароходы — каждый месяц тысячи человек. И в Аргентину, и в Уругвай. Земля богатейшая, население — те же европейцы, не скажешь, что, мол, негры, не умеют работать. А сегодня все они, если бы смогли, переплыли бы океан обратно в Европу. Производство у них каждый год растет, а все уходит на оплату долга, да и долг-то увеличивается. А теперь мы слышим, что и СССР полез в эту яму к Международному валютному фонду. А ведь всем уже точно известно, как она устроена — вылезти невозможно.

Вы говорите — коррупция была в СССР. Вы еще не представляете, что такое коррупция в обедневшей стране. Там все коррумпированы, и иначе быть не может. Когда заходишь в порт, нормально для проверки судна являются 4 человека — из порта, из полиции, из таможни и санитарной службы. А сейчас зайди в любой порт в Африке или Латинской Америке. К тебе плывут человек тридцать. Выпьют, закусят, а потом каждому надо дать в лапу. И сердиться на них нельзя — семью прокормить не могут, а мы почти со всеми знакомы много лет.

Если уж говорить о демократии, то вот тебе простой показатель — врач на судне. Если общество ценит рыбака или моряка как личность, а не как рабочую силу, оно тратится на врача, это-то и есть демократия. Потому-то наши испанские капитаны, как придут в район лова, первым делом выясняют, где находятся ближайшие кубинские или советские суда, и стараются, чтобы они всегда были в пределах досягаемости. Потому что у кубинцев и у вас на любом судне есть врач, а во время лова чуть

не каждый день травмы, то палец оторвет, то крюком зацепит. И люди чувствуют себя спокойнее, когда знают, что если дело серьезно — прибудет катер с кубинским врачом, поднимется он со своим чемоданчиком и даже, если надо, операцию сделает. И денег не возьмет — засмеется. Сегодня вам на это наплевать, а посмотрим, что скажут русские рыбаки завтра, когда останутся без врачей, а операции им будет делать боцман с консультациями по радио. Это у нас — вершина прогресса.

Или вот еще — ты скажешь, мелочь. Раньше у советских почти на каждом судне был биолог. Мы всегда удивлялись, откуда у них столько ученых. А для нас очень было важно, что кто-то рядом изучает море и нас спрашивает. То и дело по радио просят советские капитаны: привет, Эдуардо, там у тебя мерлуза идет, вскрой пятак, посчитай, что там у нее в желудке — нашему биологу надо. Думаешь, это для рыбака неважно — чувствовать себя членом экипажа, который не просто гонит треску, а и ведет научную работу? Важно, да вы на это наплевали. И будут завтра ваши рыбаки и без врачей, и без биологов.

Будет ли только это завтра у русских рыбаков? Что-то их стало почти не видно. А когда видно, тошно смотреть. Раньше советские суда были самые чистые и самые красивые. А сегодня они похожи на пиратские. Не ремонтируют, не красят и даже не прибирают. В последнем рейсе зашли мы в Салерно, в Италии. Стоит рядом русское судно, уже под чужим флагом. А капитана я давно знаю. У судна толчется портовая шпана — русские распродают контрабанду, привезли ящики с американскими сигаретами. Потом смотрю и глазам не верю — продают канаты с судна, а один ташит банки с краской. Корабль весь ржавый, а краску продают. Спрашиваю капитана — что творится? А он смеется. Хочешь, говорит, продам тебе корабль? Покупай, Эдуардо, судно почти новое.

Что же вы это, сволочи, сделали со своей страной?

На этот вопрос испанского моряка я не нашел ответа. Мы и сами еще не понимаем, что же мы, сволочи, сделали со своей страной.

Глава 8

ОТ КАМПАНИИ ПРОТИВ «ПОВОРОТА РЕК» — К РАСЧЛЕНЕНИЮ СССР

Антисоветская «реформа» как подрыв устоев цивилизации. Тяжелейшее положение, в котором оказалась Россия, во многом вызвано тем, что организованная номенклатурой антисоветская «революция» имела регрессивный, антицивилизационный характер.

Уже приходилось отмечать, что речь идет не о реставрации и даже не о контрреволюции и «откате назад». Это именно новая революция, подготовленная и осуществленная социальными силами, выращенными в лоне советского строя. Они не предполагали и не могут восстанавливать досоветский тип жизнеустройства, это разрыв непрерывности, разрыв со всей цивилизационной траекторией России.

Однако приходится все же брать слово «революция» в кавычки, потому что в наш мыслительный аппарат слово «революция» вошло как обозначение такого радикального разрешения противоречий, при котором открывается простор для развития производительных и духовных сил общества (пусть и через этап хаоса и страданий). Это всегда выражается бурным всплеском духовной деятельности — в поэзии, живописи, науке. Напротив, антисоветский поворот в России прежде всего поражает своим духовным бесплодием, даже, скорее, своим мертвящим воздействием на всякое творчество.

Профессиональные свершения певцов этого поворота — Э. Рязанова, М. Ростроповича и др. — вызывают тягостное чувство как зрелище утраты художественного чувства и такта, которые все-таки были у них, когда они боролись против советского строя, питаясь его соками. Попытки слепить что-то из реставрированных с помпезностью имперских реликтов бесплодны — где же в них импульс революции? Даже «чернуха» Кабакова и Петрушевской сникла, как сникает проколотый пузырь «самиздата», когда его становится можно печатать. «У злых людей нет песен», — сказал Ницше.

Но это — симптомы, а здесь давайте говорить о болезни и ее происхождении, в том числе о тех сдвигах в сознании, которые позволили болезни овладеть организмом. Надо извлекать уроки, иначе и лекарства не найти. Сам организм нашей культуры может и не справиться — идет процесс саморазрушения.

Рассмотрим здесь одну большую концепцию, которая сыграла важную роль в дискредитации советского строя, но имела и гораздо более далеко идущие последствия. Это — принципиальное, мировоззренческое отрицание больших созидательных программ («проектов века»). Разумеется, большие программы всегда присутствовали при становлении больших стран, а тем более цивилизаций. Однако именно при советском строе с его плановым хозяйством появилась возможность в короткие сроки концентрировать средства на большом числе крупных проектов, и в идеологии оказалось легко представить такие проекты, как порождение тупой «административно-командной системы», в которой якобы все думали только о том, как угробить побольше ресурсов («экономика работала на себя, а не на человека»).

Создание черного мифа о «проектах века» выполняло много задач. Людей готовили к принятию общественного строя, при

котором — ура! — не будет строиться ничего, а все средства будут присваиваться «людьми» (очень немногими) и вывозиться в цивилизованные страны. Как это ни нелепо звучит, но именно отсутствие всякого строительства какое-то время действительно было козырем правительства Гайдара и Черномырдина.

Но главное, внедрение отрицательного отношения к «проектам века» эффективно подрывало легитимность советского строя. Это отрицание, которое кропотливо выращивалось под прикрытием нравственных и художественных воздействий, так глубоко укоренилось в массовом сознании, что до сих пор само словосочетание «*проекты века*» остается таким ярлыком, который почти не оставляет места для дискуссии. Был создан устойчивый стереотип, на активизации которого в подсознании затем строилось множество идеологических программ, направленных через отрицание «вмешательства в природу» и «перераспределения ресурсов» против всего советского проекта и далее — против идеи большой страны.

Учитывая состав движущих сил антисоветской «революции» (союз «приватизаторов» с геополитическим противником СССР в «холодной войне»), можно понять, что главными мишенями атаки на большие программы были вся советская программа индустриализации и программа создания современной системы вооружения, дающей СССР военный паритет с Западом. Ядром этой второй большой программы была космическая программа.

Образ обеих главных советских «программ века» был настолько опорочен в массовом сознании, что люди, которые еще недавно выходили на улицы встречать космонавтов, как на большой праздник, равнодушно согласились на почти полный демонтаж программы, которая не только надежно обеспечивала безопасность страны, но и давала большие экономические выгоды. Исследования сдвига людей к антисоветским установкам выявили их связь с *архаизацией* мышления, склонностью к антинаучным взглядам, появлением суеверий и т.п. В 1991 г., в пятилетнюю годовщину чернобыльской катастрофы, в Запорожье провели опрос, выделив явных сторонников и противников атомных электростанций. Судя по всему профилю ответов, можно сказать, что противниками АЭС стали в основном те, кто в целом подпал под воздействие антисоветской пропаганды. Они резко отличались от сторонников АЭС, например, тем, что были более склонны выступать за частную собственность (80% против 57 у сторонников АЭС) и больше верили астрологам и экстрасенсам (57% против 26 у сторонников АЭС).

Что же касается индустриализации, то здесь деформация сознания достигла философской глубины. Люди перестали видеть прямую связь даже их личного благосостояния с развитием отечественной промышленности. На этот счет надо сделать небольшое отступление.

Стереотип отказа от индустрии. Сейчас стало общепризнанным, что в России происходит *деиндустриализация*. Это официально признали высшие должностные лица правительства Черномырдина, и с тех пор положение не изменилось.

Деиндустриализация, то есть уничтожение промышленной системы огромной индустриальной страны, — явление в мире небывалое и истории не известное. Ни одной побежденной в «горячих» войнах стране таких условий не ставили. Небольшой эксперимент проводят над Ираком, но ни в какое сравнение с Россией это не идет, так как режим власти там сменить не удалось. Кроме того, в Ираке, в отличие от России, разрушение их промышленности ни у кого радости не вызывает.

Вопрос в том, может ли промышленно развитая страна, лишившись промышленности, одновременно не претерпеть других видов распада — культурного, правового, демографического. То есть уцелеть как цивилизованная страна со своим местом в истории. На основании всей совокупности данных, которыми я располагаю как научный работник именно в этой области, я ответственно заявляю, что нет. Деиндустриализация означает полное, по всем позициям, разрушение страны как цивилизованного общества.

Еще в 1996 г. в диалоге с читателем, которого я условно и ласково назвал «обиженным гунном», я высказал мысль, которая раньше мне казалась очевидной: деиндустриализация промышленно развитой страны, какой был СССР, неминуемо означает «децивилизацию» — утрату важных сторон общей культуры вообще, а вовсе не возврат к какой-то иной, исконной российской цивилизации. Те, кто с радостью поддерживает этот процесс, который составил главное содержание горбачевско-ельцинских реформ, выступают как необычные варвары, разрушающие не чужую, а свою цивилизацию. Хоть и под крики о «возвращении в цивилизацию».

Но оказалось, что этот вывод для многих вовсе не очевиден. Например, автор одного обстоятельного письма не видит большой беды в том, что Россия утрачивает признаки индустриальной цивилизации, ибо не признает, что в ней — залог нравственности и любви к Родине. «Наше крестьянство в 1812 г. жило при лучине и вне индустриальной цивилизации, но крепостные крестьяне не разбежались по углам России, не забились по своим огородам, как нынешние горожане по садовым участкам, а организовали отряды и били французов, защищая свое Отечество от супостата». Автор приводит еще ряд таких же доводов и делает вывод: «Бегство из индустриальной цивилизации не влечет обязательного следствия: возвращения к варварству в себе».

Это — важная мысль, и в ней надежда многих. Мол, вернемся лет на двадцать к лучине, перетерпим, зато нравственность и

духовные устои России сохраним. Я эту надежду не разделяю, и вот почему. Одно дело — жить при лучине и пахать сохой, постоянно улучшая свой материальный мир. Это — *культура*, в которой рождался и Сергей Радонежский, и Ломоносов, и Пушкин. Совершенно иное дело — регресс, разрушение культуры. Крестьянин и без водопровода чистолюден. Большой город, в котором разрушен водопровод и канализация, превращается в клоаку и очаг эпидемий. Возвращение в доиндустриальную эру уже невозможно — существующая масса людей при этом должна будет вымереть. Реально люди озвереют и перебьют друг друга в борьбе за скудные ресурсы. Идиллические вздохи о золотом веке и жизни на природе хороши для плохих поэтов. Если бы мы сегодня отказались от автобуса и метро и вздумали ездить на лошадях, города задохнулись бы от конской мочи.

Человек возник из животного, когда стал создавать свой особый искусственный мир — технику, техносферу. В ней время «выпрямилось» и стало необратимым — возник технический прогресс. Мы не вполне понимаем его законы и не всегда умеем его обуздать. Возможно даже, что техника когда-то погубит человека. Но пока что «стрела времени» у человечества направлена в сторону непрерывного развития техники и освоения мира.

Если брать вопрос глубоко, то тип цивилизации (а значит, тип духовности, нравственности, мышления) не определяется техносферой. В основе его лежит господствующее представление о мире, об обществе и о человеке. Япония — высокоразвитая индустриальная страна, но это — типичная аграрная цивилизация с одухотворением природы и общинно-сословным представлением о человеке. И Япония очень гибко воспринимает технику и политические порядки Запада — индустриальной цивилизации. Аграрной (крестьянской) цивилизацией была и Россия (а потом СССР), как марксисты ни пытались опровергнуть в этом вопросе народников. Поэтому русские люди — и рабочие, и инженеры — в 1941 г. были очень похожи на русских людей в 1812 г., хотя управляли танками, самолетами и ракетными установками.

Но не будем брать так глубоко, посмотрим на цивилизованность в обыденном смысле — на возможность устойчиво и достойно сосуществовать в обществе большому числу людей. Даже на этом уровне влияние техники гораздо сложнее, чем считает автор того письма. Важно не отдельное техническое средство — лучина у тебя или люстра, — а вся сумма ресурсов, которые техника предоставляет обществу для жизни и ее воспроизводства. И здесь «стрела времени» жестока. Регресс неизбежно ведет к разрушению морали.

В XIX веке смерть ребенка от кори или пневмонии была горем, но не признаком безнравственности. Сегодня, после того

как мы несколько десятилетий пользовались надежными средствами предупреждения и лечения этих болезней, высокая смертность детей из-за отсутствия лекарств или денег у родителей означает нравственное одичание. Из докладов Минздрава видно, как по мере продвижения реформы Гайдара — Чубайса — Грефа тают ресурсы здравоохранения России и накатывает вал болезней, которые еще вчера были совершенно не страшны для нашего общества, о которых мы уже и забыли.

И дело не только в ресурсах. Человек не может вернуться в «жизнь без электричества» без слома культуры потому, что он сам стал иным, даже физиологически. Поражаться надо, как быстро это происходит. В прошлом веке было нормально: «пишу, читаю при лампаде». Свеча была уже вполне достаточным освещением целой комнаты. Еще в конце сороковых годов, после войны, у керосиновой лампы семья нормально читала, дети готовили уроки. Люди моего поколения это помнят. Попробуйте сегодня почитать при свече. Уже невозможно, наше зрение перестроилось.

На Западе было немало утопических движений «возврата к Природе», бегства от города (так называемый *неорурализм*). Переселенцы образовывали сельские общины и жили своим трудом, отказываясь от современной техники — удобрений, электричества, тракторов. И происходила удивительная вещь — у этих людей очень быстро грубели нравы, и они ожесточались. Еще недавно добрые и даже восторженные люди поголовно начинали избивать своих детей. При утрате ставших привычными ресурсов они не превратились в крестьян, они одичали.

Что же происходит у нас? Ликвидация промышленности, которая обеспечивала нашу жизнь, вызвала быстрое сокращение доступных для населения ресурсов, сужение всей техносферы, в которой мы живем. Пока что мы этого не ощущаем катастрофически, ибо огромны были запасы ресурсов, накопленные в СССР (избыточные запасы считались дефектом плановой экономики, а сегодня этот дефект обернулся спасительной стороной). Но обвал не за горами, правители ведут корабль на скалы уверенной рукой.

Есть ли признаки того, что оскудение доступных среднему человеку ресурсов размывает устои цивилизации в самом простом, элементарном смысле? По мне, такие признаки на каждом шагу. Нищие и бездомные, шныряющие беспризорники, которые уже не ходят в школу, мешочники на всех вокзалах, вшивость, которой не было с войны. Страшное убожество, на грани идиотизма, популярных песен, гремящих из каждого киоска. Но это — социальная косметика, главное видно меньше. Быстро сокращается главный ресурс современного общества — энергия.

Уже сейчас России выделяется скудный паек, лишь для освещения и обогрева, чтобы избиратели нос не вешали. Остальное идет на экспорт. Правительства завершают оформление передачи своим западным компаньонам основных месторождений энергоресурсов. Останавливаются целые отрасли, причем чуть ли не в первую очередь те, которые обеспечивают самую примитивную цивилизованность. Это — в России, а в большинстве других республик положение еще хуже, а в Грузии и Армении оно отчаянное.

Вот красноречивый показатель: в СССР достигли высокого показателя — 90% потребляемого мяса получалось из скота, забиваемого в промышленных условиях, с надежным санитарным контролем и полным использованием животных продуктов. Сейчас во многих регионах этот показатель снизился до 10% — скот забивается на подворье, зачастую самым диким образом, а мясо сбывается прямо на шоссе или в подворотнях.

Деиндустриализация — неведомый миру процесс, и трудно предсказать, как вообще поведет себя при этом техносфера. Не взбесятся ли нефтехимические комбинаты, лишённые запчастей, контрольных приборов и квалифицированных аппаратчиков? Справятся ли машинисты с поездами, когда из систем сигнализации и блокировки будут выломаны на продажу последние медные детали? Изуродованная техносфера выходит из-под контроля.

И все же, главные травмы — душевные. По каким точкам в социальном организме ударила деиндустриализация и вытеснение из рабочих коллективов огромных масс людей? Прежде всего по тем, которые уязвимы для стресса. Идет эпидемия «болезней страха и тоски». Резко возросла заболеваемость язвой, болезнями крови и кроветворных органов. Одновременно быстро растут масштабы преступного насилия со стороны обезумевших обедневших людей. Они калечат и убивают друг друга за копейку, даже за мираж копейки. А ведь это пока что только предчувствие настоящей безработицы.

Конечно, у кого-то страх и тоска вызовет душевный подъем, разбудит благородные чувства, но в целом это — фактор социального падения. И меньше всего против этого защищена молодежь. Вот доклад Комитета РФ по делам молодежи (еще при правительстве Ельцина!): «Более трех четвертей молодых людей испытывают чувство неудовлетворенности жизнью. Фиксируется быстрое нарастание (за год в два раза) страха перед будущим. В структуре конкретных страхов на первом месте страх перед войной на национальной почве, далее идут одиночество, бедность, болезнь, бандитизм, возможность потерять работу, голод. Страхи такого рода для российской молодежи являются во многом новыми и потому парализуют волю ее значительной

части... На шкале ценностей значительно снизилось значение ценности человеческой жизни. Существовавшая тенденция на снижение числа самоубийств прервана. Количество самоубийств резко возросло и будет увеличиваться».

При опросах среди молодежи, составляющей 32 млн. человек, 6 процентов заявили, что согласны убить человека, если им хорошо заплатят. Конечно, храбрятся — но ведь это 2 миллиона молодых людей, думающих про себя, что могут это сделать!

Повторяю, что все это еще не привело к слову, катастрофе, потому что оказалась неожиданно высокой, даже необъяснимой прочностью и советской морали, и советской техники. Народ стихийно (и даже, можем сказать, подпольно) сопротивляется одичанию, и основная масса людей проявляет поразительную нравственную стойкость. Но эти ресурсы не вечны, как не вечны ресурсы советских самолетов, поездов метро и рижских электричек. Не подкрепляемые строем жизни и материальными средствами, все это изнашивается.

И не надо, как некоторые, вспоминать войну — и тогда, мол, было трудно, а народ не одичал. Тогда ненормальные материальные условия компенсировались душевным подъемом и солидарностью — было много горя, но не было тоски и апатии, не было моря брынцаловской водки. И главное, само государство и его идеологическая машина — радио, кино, пресса — старались людей укрепить и поднять, а не задавить и духовно растлить.

Проект «поворота рек» — полигон для отработки подрыва «больших программ». Не пытаюсь облегчить себе задачу, возьму как объект рассуждений самый крайний случай, который, похоже, никто не осмеливался ставить под сомнение, — проект «поворота рек».

Случай этот я рассмотрю в двух планах. Во-первых, тема была выбрана идеологами перестройки как наиболее плодотворная для того, чтобы создать прецедент очернения большой программы советского типа и парадигму для такого очернения — набор постулатов, аргументов и инсинуаций для подрыва легитимности любой большой программы. Плодотворной эта тема была потому, что позволяла легко объединить в отрицании несовместимые по многим другим вопросам течения — либералов-западников и патриотов-почвенников. Создать союз Валентина Распутина с Нуйкиным. С другой стороны, отрицание этой программы, на первый взгляд, не затрагивало прямо жизненные интересы большинства населения центральной части СССР, что упрощало манипуляцию их сознанием. Недовольство «азиатов» только придавало пикантности спектаклю и было лишь на руку перестройщикам.

Во-вторых, мощная кампания по дискредитации программы «поворота рек» ошарашила людей так, что ни одного голоса не раздалось против самой постановки вопроса, против той тоталитарной и шизофренической логики, с которой идеологи подошли к одной из принципиальных проблем бытия и которая отныне задавалась как стандарт.

Методологический успех кампании виден хотя бы из того, что не только сторонние наблюдатели (читатели, телезрители), но и та сторона в дебатах, которая оборонялась и оправдывала программу «поворота рек», не смогли вырваться из заданной идеологами схемы. Нельзя предположить, что специалисты, сторонники программы, цинично разыграли вместе с идеологами спектакль, не обратившись к обществу с принципиальными положениями. Скорее, они мямлили что-то невразумительное в силу номенклатурного конформизма, следуя сигналам «из очень большого дома». Так же, как генерал Родионов не осмелился в 1989 г. на заседании Верховного Совета СССР откровенно сказать, как было дело в Тбилиси. Не осмелился — и стал соучастником Собчака в огромной провокации, потрясшей основы государства.

То, что кампания против «поворота рек» навязала обществу совершенно новый тип постановки и обсуждения проблем, который исключал диалог и обращение к здравому смыслу, было результатом огромной важности. Он задал «тип мышления» всей перестройки и затем ельцинской реформы. Важно подчеркнуть, что этот результат был важен сам по себе, он не зависел от того, верно ли по существу или ошибочно отрицание программы «поворота рек». Хочу настойчиво подчеркнуть этот методологический момент: анализируя реальную кампанию против «поворота рек» как большую и важную акцию по манипуляции общественным сознанием, я вовсе не претендую на то, чтобы доказать благотворность этого проекта. Можно допустить, и, возможно, бывают в действительности случаи, когда с помощью обмана и манипуляции проводятся в жизнь разумные решения. Я лично в это мало верю, но спорить с этим не буду, чтобы не терять времени. Так или иначе, при этом обществу наносится большой долгосрочный вред, поскольку человека подталкивают к тому, чтобы он стал «человеком толпы».

В случае кампании против «поворота рек» главным было превратить людей в марионеток, не способных возражать или хотя бы рассуждать про себя. Этого было легче добиться, взяв в качестве объекта мысль верную или хотя бы неочевидную. А затем можно было распространить тот же способ утверждений на заведомо ложные идеи. Это и удалось, так что сегодня люди привычно, не вздрагивая, читают такое, например, утвержде-

ние академика-экономиста: «Экономика СССР была подорвана индустриализацией».

С самого начала инициаторы кампании задали ей стиль, исключающий возможность диалога и рассуждений. Те, кто поначалу пытался отстаивать программу, были представлены как коррумпированные бюрократы, сознательные разрушители природы и церквей, чуть ли не враги народа. Сразу же делались угрозы в адрес тех, кто мог бы их поддержать. Академик А. Л. Яншин, председатель Научного совета по проблемам биосферы АН СССР, писал: «Имена покровителей министерства [Минводхоза] мы узнаем лишь в будущем, но делало оно свое темное дело вполне сознательно и агрессивно».

В этих условиях сомневающиеся сразу замолчали. Кампанию в прессе отличал жесткий тоталитаризм. Ни тени сомнений! Противники «поворота рек» не сказали: «Да, неплохо было бы подкинуть воды в Среднюю Азию, но лучше бы перебрасывать не через Тургайский прогиб, а восточнее километров на двести». Или так: «Да, Средняя Азия задыхается без воды, но сразу пустить им 27 км³ — жирно будет. Надо проект вести не в два этапа, а в четыре». Много могло быть вариантов возражений, но отрицание сразу было доведено до абсолюта: «Никакой переброски рек!»

Я не буду здесь касаться уже довольно хорошо известной «инструментальной» стороны дела — того, что внешне нейтральная экологическая тематика была той платформой, на которой организаторы антисоветского переворота объединили людей для первых политических акций. Водные проблемы были в этой кампании одной из забойных тем. По словам одного из ведущих социологов Института социологии РАН О. Н. Яницкого, «экологический протест 1987—1989 г. стал в СССР первой легальной формой общедемократического протеста и общегражданской солидарности... Экологические конфликты в республиках Прибалтики послужили стимулом к созданию народных фронтов в защиту перестройки и моральной легитимации их борьбы за экономическую независимость, а затем и выход из СССР... В феврале 1989 г. состоялась первая в СССР массовая (более 300 тыс. участников в 100 городах страны) антиправительственная акция протеста против строительства канала Волга — Чограй».

Примечательно, что кампанию вели возбужденные перестройкой группы гуманитариев и тех, кто туманно называл себя «экологами». В эти группы не допускались ни специалисты, много лет работавшие над проблемой, ни практики (например, хлопководы). А. Л. Яншин называет в качестве самой полезной инициативы крупную экспедицию в Приаралье, организованную в 1988 г. журналом «Новый мир». В нее вошли «писатели,

журналисты, экологи, фото- и кинодокументалисты... В обращении участников экспедиции к правительству страны была проанализирована сложившаяся в Средней Азии ситуация и даны рекомендации по немедленному решению возникших здесь экологических и социальных проблем». Съездил фотограф с хорошей компанией — и сразу увидел, как немедленно решить проблемы Средней Азии!

Таким образом, вот — пусковой мотор, запустивший машину разрушения страны. Разумеется, когда мавр сделал свое дело, ему велели уйти, и все это «экологическое движение» как корова языком слизнула. По словам О. Н. Яницкого, в 1990—1992 гг. «начался процесс фронтального отступления новых национальных политиков от декларированных ими экологических программ... в целом — общая демобилизация движения». С. Залыгин получил свой льготный билет на Новодевичье кладбище — и дело с концом, нечего об этом и говорить. Поговорим о тех занозах, которые эти мавры надолго вбили в общественное сознание.

Культурная поддержка кампании. Необходимым условием для обеспечения благожелательной пассивности масс в ходе номенклатурной «революции» было глубокое, хотя бы и временное, изменение в сфере культуры. Нужно было на момент вырвать человека из традиций и исторической памяти, из-под влияния русской культуры, и сделать «человеком массы» — особым культурным типом, которого ранее Россия не знала. Конечно, эта большая программа перестройки культуры интенсивно выполняется и после победы «реформаторов», однако в долговременном плане ее успех маловероятен (точнее, он преобладает в физическое вымирание народа, а это не одно и то же). Но в конце 80-х годов идеологической машине Горбачева удалось с неожиданным успехом осуществить *«толпообразование»* — превращение политически активной части многомиллионного народа в толпу.

Человек толпы утрачивает чувство ответственности, что и порождает наркотизирующее состояние свободы, необычного счастья. Под влиянием слов пошлых и некрасивых ораторов, которых он в другое время и слушать бы не стал, человек толпы легко и с радостью соглашается крушить ценности, питающие всю его материальную и духовную жизнь. Парадокс в том, что это он может делать под влиянием разожженного в нем теми же ораторами эгоизма. Главная задача ораторов — отключить в человеке способность видеть связь между «корнями и желудями».

Массовая, если не всеобщая, утрата присущего человеку умения схватывать причинно-следственные связи, которая случилась тогда в нашем обществе, есть культурное и социальное потрясение даже более глубокое, нежели утрата рассудка немцами

в момент фашистской революции. Самоубийственность проекта фашистов просматривалась лишь через три-четыре логических этапа, поначалу были видны этапы строительства и развития. В конце 80-х годов в СССР людей соблазнили проектом разрушения и деиндустриализации — проектом разрушения самих основ жизнеобеспечения.

Люди равнодушно (если не с радостью) приняли весть о прекращении капиталовложений в тяжелую промышленность, и прежде всего в энергетику. Из этого прямо и однозначно вытекала массовая деградация и ликвидация рабочих мест уже через семь — десять лет, а значит, утрата людьми источника их существования. Прорывались редкие голоса (как в 1989 г. на I Съезде народных депутатов СССР), что при этом и обещанное изобилие товаров ширпотреба будет не нужно из-за исчезновения самих потребителей. Никакого отклика эти голоса не имели.

Такое изменение сознания достигалось с помощью множества «небольших» наркотизирующих инъекций — идей, разрушающих логику и здравый смысл. Вот мелкая, но принципиально важная акция — очернение и осмеяние образа И. В. Мичурина. Впечатляет сам факт, что в массовом сознании удалось осмеять и опорочить образ труженика, который всю долгую жизнь занимался выведением морозоустойчивых яблонь и продвижением садов в холодные области России. Тот факт, что образ этого человека был канонизирован в советской идеологии, не меняет дела, ибо канонизирован был именно его скромный и умелый труд — над чем же тут можно было смеяться? Замечу к тому же, что ни натурфилософия Мичурина, ни его труд не содержали ни капли антиприродного, разрушительного импульса — в противоположность пафосу западной науки, который так восхищал хулителей Мичурина.

Сам экспериментальный метод создавался отцами научной революции как «допрос Природы под пыткой». Анри Пуанкаре писал о нем: «Сгигать природу так и эдак, покуда она не приносится к требованиям человеческого рассудка». Исследуя становление современного Запада, М. Фуко пишет: «Допрос был юридически-политической матрицей для того экспериментального знания, которое было быстро разблокировано в конце средневековья. Как математика в Греции родилась из процедур измерения и меры, так и науки о природе, во всяком случае частично, родились из техники дознания в конце средних веков. Великое эмпирическое познание... имеет, без сомнения, свою операциональную модель в Инквизиции — всеохватывающем изобретении, которое наша стыдливость упрятала в самые тайники нашей памяти».

От Пуанкаре стоит вернуться на родную землю и взять, к примеру, духовного лидера наших демократов А. Д. Сахарова. Ведь

он, когда над Антарктидой возникла «озоновая дыра», вынашивал планы заштопать ее с помощью ядерных взрывов в верхних слоях атмосферы — при взрыве водородных бомб, мол, выделяется много озона. И на фоне этого врагом природы поклонники Сахарова выставили садовода-селекционера!

Мичурин был противопоставлен генетикам как носитель антиприродного пафоса. Вспомним, что некоторые генетики, на которых совершил налет их конкурент Лысенко, были энтузиастами *евгеники* — искусственного выведения улучшенной породы людей, но за время перестройки им не было брошено ни одного упрека. А ведь тут речь идет о такой «переделке природы», что не чета улучшению антоновских яблонь.

Поражение сознания видно в том, что главным объектом издевательства была сделана, в общем-то, банальная фраза Мичурина: *«Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача»*. Ведь в этой фразе не к чему придаться, ее разумность очевидна. Попробуйте переделать издевательство над этой фразой в положительные утверждения. Таковых можно сделать только два, и оба они нелепы: 1) *мы можем* ждать милостей от природы, брать у нее самим ничего не надо; 2) нам не нужны никакие блага от природы, мы и так без них проживем. В форме пословиц эквивалентом фразе Мичурина является «без труда не вытащишь рыбку из пруда», но попробуйте поиздеваться над этой поговоркой — любой удивится.

Таким образом, культурная подготовка к атаке на советские «большие программы» доходила в своем разрушительном действии до уровня «элементарных частиц» цивилизации, буквально до отрицания любого акта труда. Ибо труд и есть деятельность по «взятию милостей у природы» — целенаправленная деятельность по преобразованию природы в целях удовлетворения потребностей человека.

Вернемся к нашему объекту — программе «поворота рек». В ходе кампании против этой программы были интенсивно использованы произведения писателей, отражавших извечную трагедию столкновения личности («маленького человека») с цивилизацией, с потребностями общества, вынужденного даже для своего выживания изменять окружающую среду в больших масштабах. Многие такие произведения несли в себе более или менее явный антицивилизационный мотив. При этом они не поднимались до диалектического осмысления трагедии (как это сумел сделать А. С. Пушкин в «Медном всаднике»), а концентрировали все внимание на бездушности прогресса и его носителей. В идеологических кампаниях перестройки этот мотив эксплуатировался с огромным перебором, и, к сожалению, сами писатели редко охлаждали своим словом эту демагогическую страсть.

Так, на первый план тогда была выдвинута повесть В. Распутина «Прощание с Матерой». Прекрасное произведение стало инструментом манипуляции сознанием. Само слово «*водохранилище*» приобрело какой-то зловещий, антигуманный оттенок. Это стало важным подкреплением кампании против «поворота рек», поскольку его программа сводилась к созданию каналов и водохранилищ.

Пресса, не приводя конкретных данных и даже суждений, сумела с помощью намеков и эмоциональных вскриков создать впечатление, будто в целом строительство в СССР водохранилищ было разрушительной программой и привело к затоплению огромных ценных угодий и бесчисленных культурных ценностей.

На деле в СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ, вмещающих 1200 км³ воды. Они позволили резко улучшить окружающую среду, построить большую систему водных путей, урегулировать сток множества рек, получать огромное количество электроэнергии и орошать 7 млн. га земли. Как сказано в одном из академических трудов, «подавляющая часть водохранилищ, как показал опыт длительной их эксплуатации и изучения, успешно выполняет свои функции, и положительный эффект на несколько порядков превосходит размеры ущерба, причиненного созданием водохранилищ».

Что касается затопления ценных угодий, то реальность такова. При строительстве водохранилищ было затоплено 0,8 млн. га пашни из имевшихся в СССР 227 млн. га. Конечно, и 0,8 млн. га немало, но надо же ввести какую-то меру. Ею может служить тот факт, что за 80-е годы только в Нечерноземье РСФСР из-за нехватки трудовых ресурсов выбыло из оборота и заросло кустарником 4 млн. га пашни. А сколько пашни заросло кустарником в ходе нынешней рыночной реформы? По всем республикам СССР у меня данных нет, а в РФ заброшено 30 млн. га сельскохозяйственных угодий.

Фактологическая сторона кампании. Сегодня, когда на «чуть посвежевшую» голову читаешь как материалы самой программы, так и выступления борцов, начиная с Залыгина, поражает чудовищное искажение в кампании сути вопроса и умолчание самых необходимых для понимания сути фактических данных. Если попытаться кратко выразить принципиальное требование противников программы, то оно оказывается полностью абсурдным. Оно ведь выглядит так: «Не троньте северные реки!» Отвергался не конкретный технический проект (место преодоления водораздела, схема каналов и водохранилищ и т.д.), а именно сама идея «преобразования природы».

По сути, вопрос ставился до предела фундаментально: «Не

троньте Природу!» Причем эта предельная фундаментальность превращалась именно в предельную абсурдность потому, что касалась воды и звучала почти буквально как: «Не троньте воду!» Организаторов кампании якобы возмущала сама идея перемещения воды в пространстве. Как это так — взять воду в Оби и переместить на юг! Мол, Бог направил Обь на север, так не троньте. И запрет этот звучал настолько тоталитарно, что никогда в нем не вставал вопрос о количественной мере. Дескать, вы хотите слишком много взять из Оби, возьмите поменьше. Запрет был абсолютным, но никто не спросил: а пойти к колодезю, вытащить ведро воды и отнести домой — разве не такое же изъятие и переброска воды? Где предел количества и расстояния, который вы накладываете на переброску? Нет, в таком ключе говорить не позволили.

Красноречива такая сторона дела: во всей дискуссии не было сказано об исторических корнях программы. Дело было представлено таким образом, будто «проект века» есть типичное порождение технократического советского («сталинского») плана преобразования природы, который имел логическим следствием опустошение земли, высыхание Аральского моря, Чернобыль и ликвидацию «неперспективных деревень». Борьба против «поворота рек» сразу стала трактоваться как мессианская борьба против Голиафа «административно-командной системы».

В действительности проект переброски воды из бассейна Оби и Иртыша в бассейн Аральского моря был предложен выпускником Киевского университета Я. Г. Демченко (1842—1912) в 1868 г.* Вернее, эту идею он впервые изложил в седьмом классе 1-й Киевской гимназии в конкурсном сочинении «О климате России». В 1871 г. вышла книга Демченко «О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилежащих стран», а в 1900 г. вышло второе, переработанное издание книги под тем же названием. Свою записку в Русское географическое общество, в которой он предлагал начать топографические работы, Демченко закончил словами: «Придет время, когда русские будут дрожать над каждым клочком годной земли, подобно французам и голландцам».

Как и в случае многих других больших программ, в царское время возможности реализации этого проекта не было, банкам больше программы развития России тоже были не нужны. Газета «Биржевые ведомости» писала: «Мы советовали бы г. Демченку всю выручку за свою книжку пожертвовать в основной

* История эта изложена в статье А. П. Кошелева «О первом проекте переброски сибирских вод в Арало-Каспийский бассейн» («Вопр. истории естествознания и техники», 1985, № 3).

фонд «для наводнения Арало-Каспийской низменности», — тысяч через пять — десять лет капитал этот с процентами, конечно, будет достаточен для того, чтобы сочинить потоп Европы и Азии».

Сразу после Октября исходить в жизненных целях стали не из капитала с процентами, и проект приобрел актуальность. Таков был интерес к нему, что уже в Гражданскую войну делались попытки послать экспедицию в Сибирь. Из-за нехватки средств водораздел осмотрел только один инженер, который дал заключение о «возможности захвата сибирского водосбора для обводнения Иргиз-Тургайского района». Затем был разработан целый ряд проектов, и с 60-х годов началась планомерная научная работа над программой.

Таким образом, запомним этот факт: в конце 80-х годов XX века политизированные интеллектуалы начали бурную кампанию против программы, которая вынашивалась научной и общественной мыслью России с 60-х годов XIX века. Но представили они эту программу как порождение «тупой советской системы». Это примечательный штрих.

Но вернемся к фактам. Вода — один из важнейших факторов окружающей среды и едва ли не важнейшее природное сырье для производственных целей. К концу 80-х годов в СССР за годы советской власти объем промышленной продукции вырос в 200 раз, площади орошаемых земель в 5 раз, потребление воды жителями городов выросло до очень высокого уровня в 300 л на человека в сутки. В связи с этим изъятие воды из рек возросло в 8 раз — до 500 км³ в год. Это примерно 10% речного стока, из которых около половины возвращается в реки. Запасы воды вроде бы велики, но распределены они неравномерно — 80% потребности в воде были расположены в СССР на территории, где сосредоточены 20% водных ресурсов. Таким образом, принципиальное отрицание перераспределения воды между бассейнами — полнейшая нелепость.

В кампании против «поворота рек» было не только умалчание об исторических корнях данной конкретной программы. Публике не напомнили самые исходные сведения о проблеме: важным моментом в возникновении всех цивилизаций на Земле было решение больших водохозяйственных задач, в том числе связанных с перераспределением воды в пространстве (начиная с перемещения воды от источника к жилищу). Дело в том, что ремесла и промышленность, а значит, большие поселения людей возникали на водоразделах — там, где обнажаются полезные ископаемые. Там же рождаются реки, но там еще мало воды, она собирается вниз по течению. Строительство водопроводов и каналов — первые в истории большие программы, в ходе которых и складывались государства и цивилизации. К ро-

ли таких программ в создании больших стран (как и к роли подрыва таких программ в разрушении больших стран) мы еще вернемся.

Что касается СССР, то в нем давно были созданы крупные водохозяйственные системы, они строились с XVIII века, так что к моменту кампании 80-х годов 60 км³ потребляемой в СССР воды перебрасывалось из других бассейнов. Если бы противники «поворота рек» стали проклинать и те каналы, к которым люди давно привыкли, то это насторожило бы публику, но они этого не делали. Так, канал Москва — Волга, построенный в 30-е годы, не только обеспечил надежное водоснабжение Москвы и Подмоскovie (а это 16 млн. человек и мощная промышленность), но и соединил Москву водными путями с Балтийским, Белым, Азовским и Черным морями, позволил создать вблизи Москвы множество прекрасных зон отдыха. Представьте, что успешную кампанию против «поворота Волги» устроили бы в те годы и мы остались без этого канала.

Каков был смысл программы «поворота рек»? Известно, что Россия — холодная страна с самым северным в мире земледелием, где биологическая продуктивность очень невысока из-за низких температур и очень короткого лета. Поэтому освоение южных, теплых территорий всегда имело для нас критическое значение. Движение в конце XIX века в Среднюю Азию создало для этого замечательные предпосылки.

Биоклиматический потенциал земель бассейна Аральского моря при орошении в 6—7 раз превышал средние показатели по СССР. Это обусловлено высоким природным плодородием почв, теплым климатом и длительным вегетационным периодом, позволяющим во многих местах получать даже по два урожая. Пригодных для земледелия земель в аридной (засушливой) зоне этого бассейна было около 20 млн. га, из них использовалось с орошением 7 млн. При этом возможности водоснабжения за счет местных источников были исчерпаны полностью. Значит, доставка воды для орошения означала бы введение в оборот около 13 млн. га с таким биоклиматическим потенциалом, что это было бы эквивалентно 80—90 млн. га средних по СССР земель.

Поскольку в бассейне Амударьи и Сырдарьи имелось достаточно трудовых ресурсов для полного использования земли, переброска воды из Сибири дала бы возможность резко увеличить производство продовольствия. До этого весь бассейн Аральского моря и смежных областей засушливой зоны был уже полностью обустроен сетью ирригационных сооружений, так что на их создание больших затрат не потребовалось бы — дело было за нехваткой воды. Поставка воды дала бы рост производства именно продовольствия, поскольку до этого орошаемые

земли Средней Азии отводились прежде всего под хлопчатник, что и позволило полностью решить проблему обеспечения хлопком всего СССР и СЭВ.

Удивительно, но против прокладки канала из Оби выдвигались аргументы, которые, казалось бы, говорили о его дополнительной пользе. Так, А. Л. Яншин пишет: «Кроме того, забирая из Оби 27 км³, этот канал будет отдавать 4 км³ городам Южного Урала, 7 км³ — на орошение убогих пшеничных полей Казахстана». Чем же плохо — попутно дать воду нуждающимся в ней городам Урала и заодно сделать «убогие» поля плодородными? Таких странностей логики тогда не замечали.

Таковы факты, которых, в общем, никто и не опровергал — их просто замалчивали. Только тезис об исчерпании собственных водных ресурсов аридной зоны вызвал слабое возражение: надо, мол, поливать меньше. Хлопкоробы Средней Азии были представлены в печати какими-то идиотами. Они, дескать, тратят воды в три-четыре раза больше, чем надо. Были напечатаны расчеты Н. Глазовского, согласно которым на поливе можно сэкономить 44 км³. То есть почти все, что забирается из стока в Аральское море! А. Л. Яншин восхищен: «Вот они, те 44 км³, которых так не хватает Аральскому морю. Для их получения не нужны дорогостоящие переброски из Сибири». Как все просто — меньше поливать хлопок, меньше давать кормов скотине, меньше денег пенсионерам. Экономика должна быть экономной.

Правда, А. Л. Яншин делает замечательную оговорку относительно скудного полива: «Необходимо, однако, чтобы население Средней Азии поняло его значение». Да, московского интеллигента нетрудно оказалось убедить в том, что поливать растения вредно, а попробуй убеди хлопкороба. Утверждения, будто в Средней Азии можно было бы обойтись водами Амударьи и Сырдарьи, никакими надежными данными не обосновывались. Да, в Европе перешли на более экономичное капельное орошение. Значит ли это, что и в Средней Азии можно было бы сделать то же самое? Никто прямо этого не утверждал, потому что специалисты обращали внимание на то, что в Средней Азии, в отличие от Европы, земли сильно засолены, из-за чего требуется обильный полив для промывки почвы. Сам А. Л. Яншин пишет: «А на промывку хотя бы верхней части таких почв приходится тратить новые десятки тысяч кубометров воды, без чего урожайность хлопчатника и всех других культур была бы резко пониженной». Непонятно, как можно призывать сократить втрое норму полива — и тут же говорить, что обильно поливать *приходится*. Тот факт, что само поливное земледелие способствует засолению почвы, есть один из множества порочных кругов, вызываемых в природе хозяйственной деятельностью

тью человека. Чтобы разорвать его, как раз и нужен был дополнительный ресурс воды. Кроме того, даже в Европе переход от привычного арычного полива к капельному был огромным и трудным нововведением — сменой всей технологической системы, что потребовало больших средств и времени. Эти трудности никто из критиков в расчет не принимал.

Под давлением «общественности» 14 августа 1986 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек». Оно было встречено ликованием. Как пишет в «Независимой газете» Р. Баландин, работавший в 70-е годы главным гидрологом Аральской гидрогеологической партии, «в этом порыве оказались в одном лагере русофилы и русофобы, тогдашний генсек КПСС и крупные ученые, патриоты СССР и антисоветчики, прозападные активисты и приверженцы евразийской великой России... И еще информация к размышлению: США и Турция были против того, чтобы в СССР строили канал для подачи сибирской воды в Среднюю Азию. Это не отвечало их геополитическим интересам. В этом с ними оказались заедино не только наши «западники», но и «патриоты»!»

В 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, которое обязало за счет улучшения использования воды сбросить в 1990 г. в Арал 8,7 км³. Это, конечно, не 44 км³, но и этого добиться не удалось. Видимо, хлопкоробов уговорить не смогли, да и не до этого уже было — как раз начали жечь турок-месхетинцев в Ферганской долине. Демократическая общественность проснулась окончательно.

Из потока публикаций с середины 80-х годов создавалось впечатление, что именно экологи-перестройщики открыли проблему Аральского моря. Это не так, водный баланс Аральского бассейна изучался многими научными коллективами, и уже в 60-е годы было ясно, что без переброски воды из Сибири Аральское море как водоем обречено на высыхание — 30 млн. жителей, обязанные вести производственную деятельность, «выпили» наличную воду. Безвозвратное потребление воды (в основном на орошение) здесь достигло 70 км³ в год. Если в 60-е годы Аральское море получало за год около 56 км³ воды, то в 80-е только 4—5 км³. В отдельные годы воды Сырдарьи вообще не доходили до моря. Без переброски воды уже нельзя было не только использовать новые земли, но и сохранить производство и жизнеобеспечение людей на прежнем уровне.

В порядке лирического отступления замечу, как протекал день типичного интеллектуала — организатора кампании против «поворота рек». Утром, приняв хорошую ванну из перебросенной в Москву волжской воды, он садился писать статью или повесть, проклинаящую водоохранилища, а вечером наде-

вал рубашку из хорошего узбекского хлопка и шел на собрание, где протестовал против проклятой административно-командной системы, загубившей Аральское море. При этом он никогда прямо не говорил: «пусть узбеки не пьют воду и не умываются» или «пусть узбеки не выращивают хлопчатник, он нам не нужен». Этот интеллигент — гуманист. И если бы кто-то попробовал лишить его ванны или хорошей рубашки, он поднял бы визг на весь мир. Ради этого можно и нужно перебрасывать воду и поливать хлопчатник, но сверх этого — ни-ни.

Кроме призыва «меньше поливать!», экологи предложили и второй способ разрешить проблему Арала — обустроить ирригационную сеть каналов, в которых из-за фильтрации теряется много воды. Здесь стоит сделать маленькое отступление. Во время перестройки очень много говорилось о том, насколько плоха в СССР система водоснабжения и как вообще велики у нас потери воды. Трубы прохудились, вода теряется — то ли дело на Западе! Но вот Экономическая комиссия ООН для Европы публикует доклад, и глазам своим не веришь. В больших городах Западной Европы из-за плохого состояния водопроводов теряется до 80% воды — примерно на 10 млрд. долл. в год. Поскольку поиск места утечки обходится дорого (до 1 тыс. долл. за километр) его стараются и не искать. В малых городах водопроводы получше (помоложе), но и тут дело плохо.

В Испании в целом по стране теряется 40% воды, в Норвегии — 50%. Из-за утечки воды снижается давление, из-за чего в трубах накапливаются колонии бактерий. Еще хуже то, что в Великобритании водопроводные трубы продолжают делать из свинца, так что вода не соответствует стандартам ВОЗ и вредна для здоровья. На это закрывают глаза, поскольку смена технологии обошлась бы в 12 млрд. долл. В Западной Европе среднее потребление воды городским жителем составляет 320 л в день, а в Москве — 545 л. Но большинство москвичей поверили, что их водоснабжение никуда не годится.

Что касается каналов и арыков Средней Азии, то даже А. Л. Яншин признает, что их невозможно все зацементировать (протяженность каналов только в Узбекистане 140 тыс. км). Но у него есть рецепт, которого не знает командно-административная система. Он пишет: «Существует много других, более простых и дешевых способов полной изоляции водотоков, например, с помощью тонкой резиновой пленки, которую можно получать из старых брошенных автомобильных покрышек по методу, предложенному и разработанному академиком Н. Ениколоповым». Надо же, есть много (!) простых и дешевых способов — а весь мир мучается, бетонирует каналы. И что за чудеса нам обещают академики перестройки — жить как в Швеции, а брошенные покрышки превратить в резиновую пленку, которую натя-

нуть на все каналы. Хлестаков на фоне этих академиков выглядит рассудительным и ответственным ученым человеком. И ведь ни один химик или хотя бы шофер не воззвал: уважаемые корифеи, вот вам старая покрывка, покажите, как из нее сделать тонкую резиновую пленку!

Но эти удивительные рецепты — лишь прикрытие главной идеи, которую и формулирует Л. А. Яншин: *«резкое сокращение площадей, засеваемых хлопчатником»* (он еще добавляет: «Конечно, было бы неплохо сократить также площади, засеваемые в низовьях Амударьи и Сырдарьи рисом», но был бы рад хотя бы ликвидации хлопка). Какова же аргументация? Аргумент — типичный перл мышления перестройки: в Узбекистане, мол, урожайность хлопчатника всего 23 ц/га, а в США «хлопководство при урожайности менее 35—40 ц/га считается нерентабельным и не практикуется». Подумайте, при чем здесь США? Вот, в Кувейте себестоимость добычи барреля нефти 4 долл., а в России 14 — так что, нам и нефть не добывать. (Кстати, в действительности урожайность хлопчатника в 1990 г. в пересчете на волокно была в Узбекистане 8,4 ц/га, а в США 7,2 ц/га, но на то и новое мышление и разгром правоохранительных органов, чтобы можно было безнаказанно фантазировать даже должностным лицам.)

Л. А. Яншин утверждает, что нам не нужен был хлопок (так же, как и сталь, удобрения и т.д.). Каковы же доводы? Вот, не надо экспортировать хлопковое волокно в СЭВ и Центральную Европу, так как они могут покупать хлопок в Египте. Допустим, так. Но разве экспорт волокна (в отличие от сырой нефти это продукт весьма высокого передела) только в интересах покупателя? Разве нам не нужны были лекарства, оборудование и дамские сапоги, что мы покупали за хлопок? Да и весь экспорт составлял урожай всего с 6% хлопковых полей Узбекистана, это же дела не решало. Другая «порочная» потребность в хлопке, которую Л. А. Яншин предлагал прикрыть, — изготовление из хлопка взрывчатки, поскольку «сейчас международная обстановка изменилась к лучшему» и порох нам не нужен. Это, наверное, ему генерал Дудаев по секрету сказал.

Таков уровень аргументации у самого ученого и ответственного противника «поворота рек», занимавшего важный пост в Академии наук СССР. Как ни странно, сегодня уже невозможно вспомнить аргументы против того, чтобы взять из Оби для Средней Азии небольшую часть водостока. Л. А. Яншин вроде бы печется о 18 млрд. руб., в которые должно было обойтись строительство канала (печется в 1991 г., когда уже за бесценок распродавались заводы и порты). Но академик Яншин — не экономист, а эколог, пусть бы он сказал от своей науки. Обь выносит в океан 410—450 км³ воды в год, а в первой очереди

программы предполагалось взять из нее для переброски в Среднюю Азию 27 км³ — менее годовых колебаний стока (как говорится, величина меньше «ошибки опыта»). Никакого вреда изъятие такого количества воды бассейну Оби не нанесло бы. Сейчас водопотребление в бассейне Оби очень невелико, люди сейчас берут для своей жизни и производства всего 1,3% стока*. Так что ни реку, ни живущих около нее людей переброска воды на юг не обделила бы. Напротив, она была бы во многих отношениях полезна.

Всем известно, что Западно-Сибирская низменность — зона избыточного увлажнения, воды Оби во время половодья широко разливаются, заболочивая местность. Собрать весной часть этих вод, как предполагалось, в водохранилище, чтобы подать на юг, означало бы значительно улучшить условия для сельского хозяйства и повысить продуктивность лесов**. Такая мелиорация зон с избыточным увлажнением позволила создать в Прибалтике высокоэффективное хозяйство. Почему было не сделать то же самое в Западной Сибири, передав обременяющий избыток воды туда, где он стал бы ценнейшим сокровищем? Эти вопросы задавать не разрешалось.

Большие программы и большая страна. Народы собираются в большие страны и охраняют их целостность лишь в том случае, если это дает им существенные преимущества в хозяйстве и безопасности. Понятия братства народов и общей исторической судьбы вырабатываются как идеологические обоснования, ради легитимации политического выбора, оправдания некоторых неизбежных неудобств от пребывания в многонациональной стране.

Большие программы, то есть создание крупных, в масштабе страны, технических систем, служат одним из важнейших механизмов получения народами выгоды от объединения за счет «кооперативного эффекта». Именно большие системы скрепляют страну. Например, отмечалась роль созданной монголами почты (системы ямских станций) в скреплении такой разношерстной и необычайно обширной евразийской империи, которая

* Кстати, в 1990 г. отбор воды из Оби был на 70% больше, чем в 1997-м. Из одного этого видно, насколько угасла жизнедеятельность в результате реформы.

** В программе переброски воды из Оби отмечено, что дополнительный эффект возникает оттого, что периоды максимального стока в Сибири и в Средней Азии разделены во времени. В Сибири — весной, в момент таяния снегов, а на Юге летом — при таянии ледников. Таким образом, одновременно производится маневр в пространстве и времени.

возникла при Чингисхане. Очевидно и значение для объединения Китая строительства огромной военно-оборонительной системы — Великой китайской стены. В Индии народы целого субконтинента соединились благодаря строительству и поддержанию единой системы ирригационных сооружений, обеспечивших продовольственное благополучие. Маркс даже широко использовал понятие «гидравлическая (водохозяйственная) цивилизация» — настолько своеобразным было государственное устройство и хозяйственный строй стран, сложившихся вокруг больших оросительных систем. Вот, читаем в интересном обзоре о Южной Корее: «Трудовая этика и тип организации труда в Корее сложились в ходе ее становления как страны цивилизации поливного риса. Рисовая плантация — часть сложной системы, состоящей из сотен полей, дамб, каналов и водохранилищ. Сооружение и поддержание такой системы требует координированных усилий тысяч человек» (Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина. — Восток, 1996, № 1).

Для России как империи всегда были важны большие государственные программы, в частности транспортные и почтовые. Была улучшена и много веков поддерживалась унаследованная от монголов ямская почтовая система, позже государство стало строить каналы и большие железные дороги. В советское время было завершено создание единой транспортной системы, в том числе авиасообщений, затем единой энергетической системы. Разрабатывался и план огромной водохозяйственной системы, частью которого и был проект «поворота рек». Большие системы связывают страну тем, что обеспечивают перемещение в пространстве людей, материалов, энергии и информации. Это всем выгодно, и это делает для каждого человека полезной и важной каждый кусочек страны.

Отсюда ясно, что разрушение больших стран всегда сопряжено с попытками разрушить, расчленивать, парализовать связывающие их большие системы. Когда англичане захватили Индию, очень развитую по тем временам страну, не знавшую голода, они первым делом уничтожили большую ирригационную систему, поддержав сепаратизм князьков и добившись отката назад в государственном устройстве — к раздробленности, при которой большая оросительная система не могла существовать. То же самое мы наблюдали в конце 80-х годов в СССР, а сегодня в России.

Когда разделили Аэрофлот на рой мелких компаний, главный удар был направлен на целостность России, просто гиря была завернута в полотно. Такова же главная цель непрекращающихся попыток расчленивать Газпром, РАО ЕЭС, единую железнодорожную сеть. Помимо организационного расчлене-

ния, эти системы удушаются экономическими средствами. Самолеты и сеть аэропортов уже не так плотно связывают страну, как раньше, — число пассажиров внутренних линий снизилось в пять раз. Практически прекратился обмен письмами и телеграммами между частными гражданами. Уже с Урала в Центр невозможно везти лес — транспортные тарифы сделали его недоступным. Люди не отдают себе отчета в том, чем угрожает им утрата всех этих систем, «образующих страну». Такая нечувствительность во многом вызвана анестезирующим воздействием идеологической обработки. Большие системы не нужны! Они — плод гигантомании самоедской плановой экономики! Вот типичные тезисы, которые вбивались людям в головы.

Кампания против создания большой водохозяйственной системы Обь — Арал была доведенным до совершенства политическим спектаклем, проведенным уже при явной поддержке власти. Но внушение ненависти к большим программам началась гораздо раньше, это уже было одной из частных кампаний «шестидесятников». Помню, между 1963 и 1966 г. послали меня на семинар комсомольских секретарей московских НИИ, на какой-то турбазе. Я был всего-то член бюро, но ехать на неделю никто не хотел, и послали меня. Много было интересного — водка, откровенные споры по ночам, я впервые попал в молодую «политическую элиту» и слушал все с удивлением. Меня поразило именно это — непонятная и уже довольно развитая, зрелая злоба по отношению к большим советским программам, включая космическую. Рассказы о неудачах и авариях, о которых не сообщалось в газетах, — с каким-то странным злорадством. Чувствовалось, что в нашей большой и, в общем, дружной компании возник невысказанный раскол. Большинство как-то замкнулось и слушало такие разговоры с каменными лицами.

Особенно запомнился один разговор, который мне помог укрепиться в способе рассуждений. Группа ребят из АН СССР завела разговор о глупости Хрущева, который якобы принял нелепое решение о строительстве Братской ГЭС, совершенно ненужной в глухой тайге, да еще велел тянуть от нее ЛЭП какого-то сверхвысокого напряжения. Говорили они веско, с большим апломбом, да и ругать Хрущева было тогда в кругах интеллигенции признаком хорошего тона. И вдруг какой-то парень, долго молча слушавший, сел на койке и сказал: «Вы говорите, как знатоки, а ведь не знаете элементарных вещей. А может, не понимаете. Братская ГЭС дала большое количество энергии с очень дешевой себестоимостью [он назвал ее]. Без нее мы бы не смогли обеспечить себя алюминием. Построив ЛЭП от Братска, мы получили единую энергосистему. В стране, растянутой по долготе, это дает огромную выгоду. Братская ГЭС распределяет энергию по часовым поясам, снимая пиковые нагрузки по всей

стране, особенно в Центре. Над проектом ГЭС и всей системы работала сотня НИИ, так что Хрушев здесь ни при чем». Он сказал это коротко, спокойно, с цифрами. И всех поразило, что группа уверенных в себе критиков Братской ГЭС не ответила на это ни слова. Замолчали, и видно было, что им нечего сказать. Вот это многих проняло, видно было по лицам. Как же так! Почему вы не спорите? Выходит, вы публично выносите приговор огромной, общенародного масштаба программе — и не задумались о простых вещах? А мы вас слушаем, хлопаем ушами.

Тот парень был энергетик, из отраслевого НИИ. Но дело не в этом, а в том, что он не постеснялся выступить против господствующего мнения. Видно было, что ему плевать на это мнение. Как не хватало таких людей в годы перестройки!

Сегодня, обобщив все, что мы увидели за десять лет, становится понятно то, о чем не догадывались в середине 80-х. Дискредитация проекта «поворота рек» наносила сильнейший удар по самой идее единого народно-хозяйственного комплекса, а затем и существования СССР как целостного единого государства. В этой кампании уже просматривалась идея регионального суверенитета над природными ресурсами, которая затем была утверждена в декларациях о суверенитете, узаконивших роспуск СССР. Эта кампания прямо разрушала идею общей исторической судьбы народов СССР — прежде всего во взаимоотношениях РСФСР и Средней Азии. Почему народы Средней Азии вошли в состав России практически добровольно? В частности, и потому, что это обещало очень выгодное для обеих сторон соединение ресурсов — земли, солнца, труда и воды.

Это было настолько очевидно, что даже киевский гимназист составлял проекты переброски сибирской воды в бассейн Аральского моря. Для собирания рассыпанной либералами Керенского России тоже было очень важно заявить, что проект будет осуществлен. До 80-х годов и практика, и официальная идеология укрепляли эту уверенность. В какой-то степени «в кредит» под будущую воду узбеки и туркмены всю свою наличную воду пустили под хлопок, который затем вывозился в Центр России. И вдруг — шумная кампания с криками «Не дадим воду!». Кампания, возглавленная элитарной интеллигенцией и явно поддержанная верхушкой КПСС. Нетрудно представить, как она была воспринята в массовом сознании народов Средней Азии. Идейная основа СССР треснула. В кампании против «поворота рек» уже зрел зародыш беловежского сговора.

Р. Баландин пишет в «Независимой газете» (в 2000 г.!) о той программе: «Никому из огромной «антиканальной» братии почему-то не пришла в голову мысль о геополитическом значении водной артерии Сибирь — Казахстан — Средняя Азия и ее огромной экономической выгоде для страны... Никакой экологи-

ческой беды Сибири это не принесло бы, но, безусловно, сплотило бы общими интересами Россию, Казахстан и Среднюю Азию».

Кстати, он сообщает полезные фактические сведения: «В той же Индии, не говоря уж о США, строят гораздо больше каналов, чем даже в былом Советском Союзе (о нынешней России говорить не приходится)... И еще одна геополитическая и политэкологическая новость: Международный банк дает деньги на проработку варианта переброски в Среднюю Азию воды... из Индии».

Недавно журнал «Век» опубликовал примечательное интервью, которое я здесь приведу с небольшими сокращениями: *«Поворот рек стал жертвой политики»*. («Век», 10.08.2001).

«В этом году особенно много стали говорить о воде в связи с наводнениями, случившимися на сибирских реках. В то же время, как писал «Век» (№ 25 от 29.06—5.07.2001), жизнь снова ставит в повестку дня забытую было проблему так называемого поворота северных рек. Вот почему нам показалось интересным встретиться с человеком, который в то время являлся первым заместителем министра водного строительства СССР, ставшим едва ли не главным мальчиком для битья в связи со скандально известным проектом. «Век» беседует с генеральным директором ОАО Водстрой Поладом Аджиевичем Полад-заде.

— Полад Аджиевич, лет пятнадцать назад, помнится, был большой шум в прессе по поводу проекта переброски части стока северных рек в Среднюю Азию и на юг Европейской части России. Общественность была категорически против.

— Тогда, как и сейчас: кто имел доступ к средствам массовой информации, тот тут же присваивал себе право говорить от имени народа. Многие профессионалы, работники сельского хозяйства, просто жители маловодных районов выступали за эту идею. Но кто давал им возможность высказаться? Даже очень авторитетным людям не давали слова.

— Что же было на самом деле?

— Речь шла только о заборе и переброске части стока Оби в Среднюю Азию. В пределах трех-четырёх процентов от ее годового стока. То есть в объеме, меньшем ее годовых колебаний. С самого начала споров произошла подмена сути проекта: его обозвали поворотом северных рек, что не соответствовало истине. Вдумайтесь только, как можно повернуть такие реки, как Обь, Печора, Сухона? Такое не по силам вообще. Но слово было сказано — и уже никто из противников проекта иначе о нем и не говорил. Боролись с тем, чего не было.

— Целью проекта было спасение Аральского моря?

— Нет. Воду прежде надо было дать плодородным, но без-

водным землям, где можно было выращивать кукурузу на зерно и сою — столь необходимые для нашего животноводства фуражные культуры... Без построенных в свое время ирригационных систем в республиках Средней Азии трудно было бы рассчитывать на рост их промышленного и сельскохозяйственного потенциала. Каракумский канал, например, вдохнул жизнь в Туркмению. 500 кубических метров в секунду подается в канал из Амударьи, и не будь этого — неизвестно, как бы развивалась эта республика, несмотря на все ее нефтяные и газовые богатства.

— За разбор воды расплатился Арал...

— Вопрос этот не однозначен. В этом регионе живет 40 миллионов человек. А вода только одна — Амударья и Сырдарья. Восстановить Арал — значит отнять воду у этих людей. Мы в конце 80-х разработали комплекс мер по сохранению Арала как природного объекта и одновременно по созданию нормальных условий жизни для населения. Эта программа под давлением тех же сил не была тогда утверждена в соответствующих инстанциях СССР. А сегодня она взята за основу правительствами государств Центральной Азии и финансируется Всемирным банком.

Больше всего возмущала недобросовестность противников переброски, их стремление замалчивать факты, когда считали это выгодным для себя. Ведь они помалкивали об уже построенном в 1962—1974 годах канале Иртыш — Караганда, по которому за 458 километров вода Иртыша была подана в Караганду, Экибастуз, Темиртау. Не говорили и о канале, по которому вода Каховского водохранилища пошла в засушливую Таврию и на Крымский полуостров для виноградников, санаториев. Эти два проекта как раз и являются примером переброски части стока рек в маловодные зоны.

Вообще, было много всяких подтасовок, выдвигались порой фантастические обвинения. Писали, что переброска рек может повлиять на изменение направления оси Земли! И народ читал, верил...

— Но все-таки почему проект поворота северных рек вызвал такой мощный резонанс в обществе?

— Мне кажется, все очень просто. В те времена набирало силы протестное движение в среде творческой интеллигенции, недовольство действиями властей. И как раз подоспели проекты переброски, которые были восприняты обществом неадекватно. Эту идею, как кость, бросили людям на растерзание. Говорю это не голословно, ибо в те времена мне приходилось встречаться с руководством страны самого высокого уровня, объяснять ситуацию. Со мной соглашались, но выступить в поддержку проекта или хотя бы с объяснением сути дела никто

не хотел. А ведь проект переброски воды из сибирских рек в Среднюю Азию возник еще в конце XIX века, а в начале XX века, в 1902 году, рассматривался даже в Императорской Академии наук России и был признан вполне разумным. Соответствующие документы мы предоставляли руководству.

— Как вы думаете, сегодня об этом проекте можно окончательно забыть?

— В этой истории рано ставить точку. Не знаю когда, но проект в том или ином виде будет обязательно осуществлен. Центральная Азия в геополитическом плане — исключительно важный регион, и мировое сообщество должно быть заинтересовано в том, чтобы здесь была спокойная обстановка, нормальные условия жизни и продуктивного труда. Не случайно сегодня на самом высоком уровне обсуждаются варианты переброски в Среднюю Азию стока индостанских рек. Китай приступил к крупномасштабным работам на Иртыше, сколько воды он заберет из этой реки, а сколько останется Казахстану и России — никто не знает. И без дополнительной подачи воды в бассейн Аральского моря мировое сообщество не обойдется. Кто протянет народам Среднеазиатского региона руку помощи, тот и будет их другом на все времена.

Проблему комментирует руководитель Департамента использования и восстановления водного фонда Министерства природных ресурсов Российской Федерации Сергей Беднарук:

— Полтора-два десятка лет назад проблема поворота (замечу, сам термин неверен) северных рек очень будоражила общество. Сегодня этот вопрос на повестке дня не стоит. Речь о другом. О возможной (повторяю, возможной!) переброске части стока Оби в районы Центральной Азии. Давайте просто сопоставим цифры: из этого региона Россия получает 36 кубических километров пресной воды в год, в то время как из России в этот регион естественным путем возвращается только 8 кубических километров.

По всем международным нормам страна, по чьей территории протекает река, имеет право забрать до половины ее водостока. Представьте, каким будет Иртыш, если Казахстан, где воды не хватает, решит осуществить это. Что тогда произойдет в Омской области, которая и сейчас испытывает недостаток в воде, особенно после того, как Китай начал ирригационные работы по отводу воды в верховьях реки? Если мы откажемся даже теоретически сотрудничать с нашими ближайшими соседями в вопросах водообеспечения, то на наше место придут другие.

Прорабатывается проект переброски части стока реки Ганг в Центрально-Азиатский регион. И у этого проекта есть мощные спонсоры, которые очень хотели бы привязать к себе бывшие республики СССР, ставшие ныне суверенными государствами. В дело все сильнее вмещивается геополитический фактор. Так

что если из дела о воде выжать сухой остаток, то получается, что либо мы превращаемся в Иванов, не помнящих родства (а мы сотни лет были добрыми соседями и даже жили в одном государстве), либо ищем возможность сделать так, чтобы наше добрососедство продолжалось. В противном случае не исключено, что рядом с нашими границами мы получим новые точки напряженности, когда обезвоженные государства начнут сами разбираться между собой, как и куда распределять воду чуть не по капле.

Беседовал *Леонид Плешаков*».

Удивительно, что последующие годы и бедствия, которые должны были бы привести к прозрению, мало чему нас научили. Умер С. Залыгин, один из зачинателей той кампании. И что же? Она опять ставится ему в громадную заслугу. Можно было умолчать — нет, вспомнили как подвиг и большой успех. Так же будут прославлять академиков-экономистов, которые под крики о «конверсии» угробили замечательный военно-промышленный комплекс, потом Чубайса, наконец-то удушившего энергетику. И при этом проклинать Бжезинского, который констатирует расчленение России, каждый акт которого мы наблюдаем с апатией, а то и аплодисментами.

Глава 9

ПОДРЫВ ЛЕГИТИМНОСТИ СОВЕТСКОГО СТРОЯ: АНТИКОЛХОЗНАЯ КАМПАНИЯ

Главные тезисы разрушителей колхозно-совхозной системы.

Проблему коллективизации и организации кооперативного сельского хозяйства в России надо изучать и обдумывать. Для этого есть две большие причины. Первая в том, что идея изначальной порочности советской аграрной политики, которая с 60-х годов стала одной из главных во всей антисоветской пропаганде, постепенно «овладела массами» и стала важным фактором сокрушения советского строя. Значит, мы не пойдем особенностей советского массового сознания последнего этапа, если не объясним себе этого «антиколхозного» пафоса.

Сразу признаюсь, и я был под очарованием антиколхозного мифа, пока по службе не пришлось собирать сухие, лишенные всякой идеологии цифры и пока судьба не свела с несколькими фермерами в разных районах Испании. И они рассказали и показали мне такое, чего не прочтешь в газетах и о чем никогда нам не скажет Чубайс.

Также оговорюсь, что вовсе не считаю советское сельское

хозяйство идеально устроенным — возможности его улучшения были велики. Но они могли быть реализованы только через развитие, а не шельмование и разрушение того, чем мы реально располагали. Мы говорим о типе хозяйства и о тенденции его развития в рамках этого типа.

А если уж сравнивать с Западом, то всем нам надо было прежде всего поклониться нашим колхозам и совхозам — по эффективности фермеры им в подметки не годились. Ибо *эффективность* — это соотношение того, что производится, с тем, что вкладывается в производство*.

Вторая причина, по которой надо изучать «антиколхозное мышление», связана с будущим. Аграрная политика либеральных реформаторов, основанная на разрушении колхозов и совхозов и насаждении «фермерства», очевидно, зашла в тупик. К 2000 г. в ней уже не осталось никакого производительного импульса — все помыслы направлены лишь на превращение земли в товар и распродажи ее как последнего ликвидного ресурса.

Но без сельского хозяйства страна не проживет. Да и само село никуда не исчезло. И приходится интеллектуалам-реформаторам признавать, что большие хозяйства кооперативного типа уцелели, к ним тяготеют сами крестьяне и они реально остаются главным производственным укладом в российской деревне. Никакое их конструктивное реформирование невозможно на волне той злобной антиколхозной кампании и того массового недоброжелательства к колхозам со стороны горожан, которые достигли максимума в начале 90-х годов.

По отношению к колхозам антисоветские реформаторы с самого начала заняли жесткую позицию. Вот слова архитектора, А. Н. Яковлева: «Нужны воля и мудрость, чтобы постепенно разрушить большевистскую общину — колхоз. Здесь не может быть компромисса, имея в виду, что колхозно-совхозный агроГУЛАГ крепок, люмпенизирован беспредельно. Деколлективизацию необходимо вести законно, но жестко». Другой идеолог, работавший больше на гуманитарную интеллигенцию, «про-раб» А. Адамович, употребляет примерно те же метафоры: «Не освободив окончательно деревню от сталинского оккупационного режима, от всех последствий его, не поднять у нас сельского хозяйства, а значит, и перестройку» (Адамович А. «Мы — шестидесятники». — М.: Советский писатель, 1991, с. 327).

* Вообще что-то сместилось в нашем мозгу в связи с понятием «эффективность». Осенью 1992 г. вся демпресса рычала на колхозы, которые не хотели продавать зерно по 10 руб. за кг и тем самым наступали своим кирзовым сапогом на горло Гайдару — так и не дали ему допеть гимн рыночной экономике. Но когда зерно в ту же осень покупали у США по 70 руб. за кг, та же пресса захлебывалась от умиления: какие эффективные там фермеры!

Смысла здесь не больше, чем в матерной ругани. Поражает, конечно, тоталитаризм мышления: «не может быть компромисса...», «освободив окончательно... от всех последствий...» И какова ненависть! Но на одной ненависти далеко не уедешь, и колхозная система стала объектом мощной кампании лжи. Вот выступает по телевидению начальник Аналитического центра при Президенте Ельцине М. Урнов и открыто говорит то, что втихую нам внушали много лет: «Россия до 1917 г. была процветающей аграрной страной, но коммунисты довели АПК до нынешней разрухи». Обманывает М. Урнов сознательно — есть надежная статистика и производства, и урожайности, и уровня питания с конца прошлого века.

И ложь эта оказалась очень эффективной. Разве не поверил наш средний интеллигент, что якобы колхозы просто завалены тракторами, а их все производят и производят — вот он, дескать, абсурд плановой экономики. В своей переведенной на все языки книге «Экономическая перестройка» академик А. Аганбегян пишет: «Результат (этого абсурда) — разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раза больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин». Дескать, совсем избаловались колхозники-нахлебники. И ведь прекрасно знает академик, что в 1988 г., когда писал он свой труд, на 1000 га пашни в СССР было 12 тракторов, в Польше — 77, в Италии — 144 и в Японии — 476. Надо вдуматься в эту разницу, когда говорим об эффективности!»

Замечу, что хотя обычно сельское хозяйство СССР сравнивали с США, в отношении тракторов большим подобием обладает Европа. В СССР основное производство зерновых было сосредоточено в европейской части, а большие равнинные пространства, подобные американским, имелись лишь в Казахстане. Тем не менее в целом США имели в 1988 г. 34,4 трактора на 1000 га пашни — в три раза больше, чем СССР. Это огромная разница.

Итак, в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было в 10 раз меньше, чем в ФРГ, и в 7 раз меньше, чем в Польше, — но академик уверял восторженную публику во всем мире, что нашим колхозникам хватило бы и в три раза мень-

* Кстати, насчет *отставания* от США наш академик тоже слукавил. На душу населения СССР произвел пшеницы 303 кг, а США — 223, картофеля — 251 (США — 68), молока — 374 (США — 263) и т.д. — а населения у нас было тогда побольше, чем в США.

ше — пусть бы было в 20 раз меньше, чем в Польше, и в 120 раз меньше, чем в Японии. А. Адамович пошел еще дальше, увеличил «избыток тракторов» уже до десяти раз: «Абсурдный процесс производства ради производства. Когда все больше стали выплавляется для строительства машин по выплавке стали, а народу и умыться нечем. В десять, что ли, раз больше, Юрию Черниченко это лучше знать, выпускается тракторов, комбайнов, а сельскохозяйственную продукцию покупаем» («Мы — шестидесятники», с. 341).

Дело не в Аганбегяне или Адамовиче, а в том, что им охотно верили. А разве не поверил «средний россиянин», что колхозы сплошь убыточны и запускают руку в карман налогоплательщика? Вот последний стабильный год — 1989-й. В СССР было 24 720 колхозов. Они дали 21 млрд. руб. прибыли. Убыточных было на всю страну 275 колхозов (1%), и все их убытки в сумме составили 49 млн. руб. — 0,2% от прибыли колхозной системы. Смехотворная величина. В целом рентабельность колхозов составила 38,7%. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства» — напротив, в отличие от Запада, наше село всегда субсидировало город.

В № 6 за 1994 г. журналу «Общественные науки и современность» дал интервью член Президентского совета доктор экономических наук Отто Лацис. Он сказал: «Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале «Коммунист» мы писали, что за 1975—1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет».

Это — замечательное признание, прямо для суда, который когда-нибудь состоится над этим высокопоставленным лгуном. Замечательно это его признание и тем, что создание черного мифа о советском сельском хозяйстве велось силами высших чиновников КПСС в ее главном теоретическом журнале.

Итак, вложения 250 млрд. долларов за десять лет, то есть 25 млрд. в год, — «неслыханные средства». При этом О. Лацис умалчивает о том, что 25 млрд. долларов — это были вложения государства и колхозов вместе. Говоря об огромных якобы дотациях колхозам, академики и журналисты сознательно лгали. Именно на Западе сельское хозяйство — это не рыночная, а бюджетная отрасль, сидящая на дотациях. Давайте же наконец с этим разберемся и зафиксируем в мозгу реальность. Нельзя же ходить по кругу в одном вопросе!

Начнем по порядку. В 1986 г. академик Т. И. Заславская на научных форумах и в печати обнародовала страшную секретную цифру: дотации к ценам на продукты питания составили в СССР 40 млрд. руб. Это 11 рублей на человека в месяц — какой ужас! Вот сколько приходилось приплачивать неумелым крес-

тяням, чтобы держать их на плаву. Колхозы разоряют страну, жить с таким сельским хозяйством никак невозможно (да и цены надо немедленно повысить).

И никому не позволили тогда спросить: Татьяна Ивановна, а как обстоит дело с дотациями в США и Европе? Сколько доплачивают из госбюджета фермеру в Канаде, чтобы молоко стоило не больше доллара за литр? Не знаю, хватило ли бы у нашего радикального академика духу сказать, что в Канаде дотация из бюджета составила в 1986 году 96,7% фермерской цены на молоко. И никакая газетная сволочь при этом канадского фермера не распинала.

Так вот, о бюджетных дотациях. В 1986 году они составили в США 74 млрд. долларов, в странах ЕЭС — 75 и в Японии — 50 млрд. При этом 90% — так называемые дотации «на поддержание цен и доходов». В целом по ОЭСР (в эту организацию входили тогда 24 развитые капиталистические страны) бюджетные ассигнования сельскому хозяйству составляли около половины затрат населения этих стран на продукты питания (а в Японии и Финляндии — до 80%). Вот что была обязана сообщить академик Т. И. Заславская в дополнение к своей страшной цифре.

Только так называемые «прямые безвозмездные выплаты в фермерский бюджет из федерального бюджета США» составили в 1987 году 17 млрд. долларов. Прямые безвозмездные выплаты — вдумайтесь в эти слова и в эту сумму! Только из федерального бюджета.

Бюджетные ассигнования в США в 6 раз превышают фермерские капиталовложения и составляют около 40% всей валовой продукции ферм (для сравнения: среди стран тогдашнего СЭВ самые большие дотации получало сельское хозяйство Венгрии, здесь бюджетные ассигнования составляли 13% капиталовложений в отрасль). При этом бюджетные ассигнования быстро растут во всех западных странах. Вот рост среднегодовых величин:

Таблица 3. Бюджетные дотации на сельское хозяйство

	На 1 га сельхозугодий, долларов		На 1 занятого, тыс. долларов	
	1979—1981	1984—1986	1979—1981	1984—1986
США	82	220	9,5	28,2
ЕЭС	781	1099	9,9	14,3
Япония	5412	11319	4,6	12,0

И вплоть до того, как уничтожили СССР и начали устанавливать Новый мировой порядок, планируя глобальный рынок по своим критериям, страны Запада финансировали свое сельское

хозяйство как чисто бюджетную, а не рыночную отрасль. Вот строчка из «Отчета по человеческому развитию. 1994»: «В 1991 г. общая сумма сельскохозяйственных субсидий ОЭСР составляла 180 миллиардов долларов» (ООН, Оксфорд Университи Пресс. — Цит. в «Общество и экономика», 1996, № 3—4).

Не надо к тому же забывать, что Запад поддерживал свое сельское хозяйство и с помощью государственного протекционизма, таможенных барьеров, перекладывая таким образом финансирование этой поддержки и на всех потребителей. В том же отчете ООН сказано: «В 1990 г. в Японии и ЕЭС средний дополнительный счет за продукты питания, вызванный протекционистскими мерами, составлял 3000 долларов на семью». То есть, помимо бюджетных дотаций, фермеры еще и от каждой семьи получали нерыночную поддержку в размере 3 тыс. долларов!

Да разве снились когда-нибудь нашим колхозам такие дотации? В 1992 г. сразу стали удущать колхозы под тем предлогом, что они якобы не так эффективны, как фермы США. А вы дайте им сначала такие же дотации — в пересчете на рубли по установленному тогда курсу это было бы около 30 000 миллиардов рублей в год, всего-то 30 триллионов (напомню, что стоимость всех ваучеров, которыми правительство Гайдара рассчиталось с народом России за всю его собственность, составляла 1,5 триллиона руб.). Не умещается в голове такая цифра? Это неважно, ибо ничего крестьянам давать не собирались, колхозам еще не вернули долг за 1990 год, разворовали даже то, что обязаны были заплатить по законам рынка. Укуси руку кормящую — вот антисоветская мораль.

Но вернемся на Запад конца 80-х годов, когда А. Н. Яковлев и его команда готовила планы уничтожения колхозов. На Западе дотируется производство всех продуктов питания, хотя в разных странах по-разному. Так, в ЕЭС фермеру доплачивали более половины цены мяса, а в США — 10%, но зато там очень большие дотации на фуражное зерно. Сути дела это не меняет, и говорю я об этом только потому, что найдутся любители играть на этих тонкостях: видите, мол, как эффективно фермеры США производят говядину. В 1984—1986 гг. бюджетные дотации составляли в процентах к фермерской цене в среднем:

Таблица 4. Бюджетные дотации в производстве разных видов продукции (в % к фермерской цене)

	Пшеница	Сахар	Молоко	Говядина
США	44,3	76,0	66,3	9,4
ЕЭС	36,3	74,7	55,8	53,0
Япония	97,7	71,8	81,8	55,4

В некоторые же годы уровень бюджетной поддержки поднимается столь высоко, что о каких-то «рыночных механизмах» говорить вообще не приходится — государство содержит фермеров как важную часть национального потенциала, вроде науки или армии. Так, в сезон 1984/85 в ЕЭС дотации на производство сахарной свеклы составляли 142% фермерской цены.

Я считаю, что с учетом всех этих достоверных данных и в контексте всей антисоветской концепции Т. И. Заславской, О. Лациса и т.п. их умолчание является сознательной и злонамеренной ложью. Ведь нам вместо колхозов навязывали не какую-то неведомую, гораздо более дешевую форму производства, а именно фермерство западного типа — как же можно было не сказать о присущих этой форме государственных дотациях, когда как раз за дотации и проклинали колхозы! Как хотите, а это не просто атрофия интеллектуальной совести, о которой говорил уже Ницше, это — чистая, агрессивная интеллектуальная подлость.

Еще очевиднее злонамеренная лживость второй части утверждения О. Лациса — о том, что с 1975 по 1985 г. в СССР имелся «нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства». На что рассчитывает этот «доктор экономических наук»? Только на то, что читатель журнала «Общественные науки и современность» уже в принципе неспособен взять с полки книгу и сравнить его высказывание с реальными данными. А редакторы журнала уже настолько придавлены антисоветским прессом, что или не пытаются соображать или боятся пикнуть. Ведь О. Лацис сказал несуряцицу демонстративную, дерзкую.

Вот статистический сборник «Сельское хозяйство СССР» (М., 1988). Никто в достоверности его данных не сомневается — ни ЦРУ США, ни Всемирная продовольственная организация, ни сам М. С. Горбачев, тогдашний хозяин О. Лациса. На с. 8—9 дана сводная таблица «Основные показатели развития сельского хозяйства» — с 1913 по 1987 г. В ней сказано, что с 1975 по 1985 г. численность работников, занятых в сельском хозяйстве, уменьшилась на 500 тыс. человек, а продукция (в сопоставимых ценах 1983 г.) возросла с 174,3 млрд. руб. до 208,6 млрд. руб.

Представьте себе — в хозяйство, дающее продукта в год более чем на 200 млрд. руб., вкладывают 25 миллиардов и при этом возмущаются, что это небывалая сумма и надо такое хозяйство уничтожить! О. Лацис, похоже, просто хотел бы вытапливать из крестьян сало и даже на дрова не тратиться.

Кстати, заметим, что О. Лацис вместе с Гайдаром очень много шумели о том, что советский рубль совсем «деревянный», что он стоит не более 5 центов. Но вот он переводит советские капиталовложения в село, выражаемые, естественно, в рублях, в доллары — поразить хочет читателя миллиардами. По какому

же курсу? Чему же эквивалентен рубль у наших главных антисоветских экономистов, когда они в припадке откровенности?

За 1976—1985 гг. капиталовложения в сельское хозяйство составили в СССР, как известно, 299,4 млрд. руб. По словам О. Лациса, это эквивалентно 250 млрд. долларов. Но это и есть тот самый официальный курс доллара, над которым издевались демократы как над якобы нереальным. Кстати, в отношении покупаемых у села продуктов рубль был относительно гораздо сильнее доллара, так что реальная ценность зерна, молока и пр. на 208 млрд. руб. в долларах стоила бы намного больше.

Но все же лучше мерить продукт не в туманных денежных «эквивалентах», а понятной и абсолютной мерой — хлебом, молоком и т.д. Как обстоят дела при таком измерении? Только годовой валовой сбор зерна вырос за то десятилетие, о котором говорит О. Лацис, со 140,1 млн. т до 191,7 млн. На 8 млн. т в год выросло производство молока, на 17,6 млрд. штук (на 53%!) — производство яиц. И эти показатели продолжали расти и дальше — пока у власти не укрепились лацисы и гайдары.

Сам О. Лацис для нас интересен как представитель официальной линии политического режима. Член Президентского совета! Важнее тот факт, что его явная и легко раскрываемая ложь благосклонно принималась интеллигенцией, а с ее одобрения — и значительной частью вообще образованных людей. Это не перестает меня поражать в моих коллегах-демократах. Сами они в большинстве своем умные, порядочные и хорошие люди. Но вот перед ними деятели типа О. Лациса могут десятилетиями лгать и говорить дикие, с точки зрения принципов демократии, вещи — и продолжать быть уважаемыми и престижными членами их элиты. Ведь это признак культурной патологии, симптом какого-то глубокого душевного разлада всей этой массы умных и порядочных людей.

Обратимся к другому социальному полюсу нашей проблемы. Вот выдержки из отчета о социологическом исследовании, которое ведется в Саратовской области начиная с 1991 г. (Великий П. П. Сельская действительность: социологический ракурс. — СОЦИС, 1996, № 3). Автор пишет о том, что принесла селу «деколлективизация, а точнее, отказ государственных органов от уже привычного пристрастия к колхозам и совхозам, оставление человека земли один на один с напористыми и бесцеремонными элементами современного рыночного пространства, когда он неизменно оказывается в проигрыше».

Вслушайтесь в эпические слова: *«неизменно оказывается в проигрыше»*. Вот на что обрекают крестьян России. Здесь косвенным образом формулируется значение колхозов для человека земли в нашей стране. И значение это вовсе не сводится к материальным выгодам, оно носит мировоззренческий характер и тесно связано с извечной крестьянской проблемой «земли и воли».

Автор пишет, например: «Для большинства населения работа по найму — это эксплуатация, понятие, которое носит негативный оттенок, поэтому порядка 40% респондентов категорически не приемлют такую работу».

Точнее, в 1992 г. на вопрос: «Смогли бы вы пойти в работники к зажиточным людям?» 48% ответили: «Не пойду ни при каких условиях». К 1994 г. люди оголодали и стали покладистее, поэтому так непримиримо ответили лишь 37%. Но ведь 50% отвечают, что смогли бы пойти в работники «при определенных условиях» — оговорка многозначительная. Видно, что не хочется крестьянам в работники, как не хотелось и в начале XX века.

Автор продолжает: «В целом же мотивация социально-экономического поведения почти не вбирает в себя рыночных элементов: старые ценностные стереотипы еще глубоко укоренены. Так, по данным опросов в сельских районах Саратовской, Ростовской, Новосибирской, Орловской, Псковской областей в 1992, 1993, 1994 гг., из 7 тысяч респондентов большая часть (от 77,8% до 82,9%) предпочитает иметь скромный, но гарантированный доход... Похоже, фермерский уклад так и останется в России экзотическим явлением. Наверное, обществу придется использовать коллективные и ассоциативные общности, а значит, вдохнуть новую жизнь в них».

В отношении к разрушению колхозов и приватизации земли произошел резкий раскол между крестьянами и горожанами — даже в наиболее «либеральной» части населения, среди молодежи. Согласно большому исследованию, среди молодых москвичей в 1992 г. 52% были за частную собственность на землю с правом купли-продажи, и лишь 7% — за государственную или кооперативную собственность. Среди молодых тружеников села соотношение обратное: 10% — за частную, а 68% — за государственную и кооперативную собственность.

Сегодня, когда призрак голода замаячил перед очень большой частью городских семей, их подсознание наконец-то поворачивается к образу колхоза. Это чувствуют умные рыночники. Перекупщики на ярмарке в Конькове, около моего дома, повесили большую красочную вывеску: «Колхозный рынок». Над ларьками тоже вывески: «Совхоз Андреевский», «Совхоз «Коммунарка» и т.д. Это называется эксплуатация стереотипов. Знают, что к колхозам и совхозам, как над ними ни изгалялись лацисы, у людей доверие.

А для жителей села полузадушенные колхозы и совхозы остаются важными структурами жизнеустройства. Согласно данным 1995 г. по Саратовской области, жители села так оценивают роль коллективных хозяйств и местной власти в социальной поддержке:

Таблица 5. Сравнительная оценка получаемой жителями села помощи, %

Вид помощи	От хозяйства	От местной администрации
Льготы дошкольникам	79	21
Льготы школьникам	75	25
Стипендии учащимся вузов и техникумов	75	25
Строительство и ремонт жилища	75	25
Снабжение топливом	71,5	28,5
Продажа продовольствия	90	10
Предоставление ведомственного жилья	87,5	12,5
Транспорт	91,8	8,2

Давайте пройдем по тем основным блокам, из которых складывался «антиколхозный синдром» в массовом сознании горожан в СССР.

Первый и, пожалуй, основной мотив был и остается *иррациональным*. То есть под ним, конечно, есть разумные основания, но они скрываются или даже не осознаются. Просто отрицается коллективизация — и все! Не надо было Сталину трогать село! Этот мотив звучит и сегодня, когда все уже отведали «альтернативного пути». И звучит он с одинаковой силой и в речах реформаторов, и у влиятельных патриотов от оппозиции. В отношении к колхозам здесь очень явно проявляется этот иррационализм антисоветского патриотизма — полное отсутствие положительной программы.

Одна из излюбленных тем в отрицании коллективизации — репрессии, «кулацкая ссылка» и голод 1932—1933 гг. Трудно понять, как удастся перекинуть в уме мостик между этой трагедией и колхозами 80-х годов, спустя полвека, уже после войны, в которой колхозы были спасением для огромных масс людей. Может быть, все это от суеверия — мол, нельзя ничего строить на том месте, где пролилась кровь? Во всяком случае, логики тут нет никакой. Даже наоборот — зачем же рушить то, что с такими жертвами создавалось? Разве кто-нибудь станет сносить дом оттого, что во время стройки, пятьдесят лет назад, с лесов сорвался и погиб рабочий? Пусть даже он не сорвался, а его по оплошности столкнул прораб? Пусть даже столкнул не по оплошности, а по злобе! Дом-то зачем рушить? Ведь тот же рабочий его строил, чтобы в нем жили его внуки.

Но главное, и этого чувства нет в антиколхозной кампании. Это видно из странной, на мой взгляд, даже порочной, тяге пре-

увеличить масштабы трагедии. Так, и А. Н. Яковлев не гнушается обыкновенной ложью. Вот, выступая в Президиуме Российской Академии наук, он говорит о числе *арестованных* с 1921 по 1953 г. и добавляет: «Причем эти цифры, конечно, неполные... Не включены 3,5 млн. депортированных крестьянских семей, которые *не были арестованы, осуждены*». Прежде всего, у него разрыв в логике. Почему же «цифры арестованных неполные», если «депортированные крестьяне не были арестованы»? Как же их тогда можно было включать в число арестованных? Но это мелочь. Главное, А. Н. Яковлев перед лицом Президиума РАН лжет, говоря о 3,5 миллиона депортированных семей (или около 17 миллионах человек).

Есть современные архивные исследования, которые были проведены с перекрестным изучением самых разных, независимых учетных документов и дали надежные результаты. Всего в 1930—1931 гг. на спецпоселения («кулацкая ссылка») было выслаано 381 026 семей. После 1931 г. массовой депортации крестьян не было. Данные эти опубликованы в журнале «Социологические исследования», издаваемом в этой же самой РАН, повторены во множестве публикаций, лежат на специальной странице в Интернете. Да что там публикации, если сам же А. Н. Яковлев, председатель Комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, с трибуны XXVIII съезда КПСС клеймил депортацию, «когда сотни тысяч крестьянских семей изгонялись из деревень» («Правда», 4 июля 1990 г.). Сотни тысяч, а не 3,5 миллиона.

Важно отметить и постараться понять, что это желание умножить число жертв, поразить воображение читателя или слушателя, характерно для всех антисоветских идеологов — и демократов, и их противников патриотов-консерваторов. В абсурдном, иррациональном виде это выражено в статье Д. Балашова «Наших бьют!» («Советская Россия», 26.10.2000). В комментарии от редакции сказано: «Устные выступления Балашова, скончавшегося мученической смертью, звучат как завешание всем нам, продолжающим жить». Что же выбирает газета в качестве завешания? Вот некоторые места:

«Я как-то изучал справочник о населении Земли. Так вот: с 1000 года русские как народ составляли 8% от населения земного шара. И это соотношение сохранялось и во времена Батгя, и в Смутное время... и до 1927 года! В 1929 году это было уже 7,2%, ещё через 2 года 6,4%, и — поехало. В 29-м началась коллективизация, если вы помните. Так что же мы совершили с нашей страной, подумайте вы об этом сейчас!»

Рассуждения Д. Балашова, представленные как «завешание», — это бессвязные фантазии, каждая мысль в них противоречит здравому смыслу, начиная со «справочника о населе-

нии Земли в 1000 г.» и с того, что ни нашествие Батыея, ни Смутное время никак не сказались на численности «русских как народа».

И вот безумный намек: «в 29-м началась коллективизация», и число русских за два года сразу сократилось на 0,8% от населения земного шара. (Впрочем, почему-то до этого, еще при нэпе, тоже за два года число русских сократилось на те же 0,8%). Не будем уж поминать, что голод случился не в 1929—1930 гг., а лишь на четвертый год коллективизации, вдумаясь в цифру. На Земле тогда было около 3 млрд. жителей, и Балашов намекает, что из-за коллективизации пропало 24 миллиона русских. А включая нерусские народы, выходит, миллионов 48? А за два года до этого еще на столько же убавилось населения СССР? Почему такая страсть к преувеличению именно числа смертей, а не чего-нибудь хорошего?

Но даже и те, кто избегает говорить на тему гибели, отрицают коллективизацию огульно. Общее свойство антисоветских трактатов, например И. Р. Шафаревича, состоит в том, что он, отвергая советский проект как «не наш», никогда не говорит, чего же он хотел бы вместо советской программы. Спрашиваешь: как бы, по его мнению, надо было поступить в той или иной исторической ситуации? С кем бы он был из реально существовавших тогда политических сил? Не дает ответа, причем принципиально. Но ведь нельзя же отвергать вообще все, всякое жизнеустройство. Ведь какой-то общественный строй и какой-то тип хозяйства для жизни людей необходим.

Вот, по его мнению, не надо было проводить коллективизацию. Но ведь известны чрезвычайные условия, в которые попала страна: производство зерновых остановилось на уровне 1913 г.; промышленность еще не могла дать товаров для рыночного обмена, хлеб не пошел на рынок, товарность снизилась на 30% по сравнению с 1913 г. и возникла угроза голода. Что надо было делать? Кстати, при оценке нэпа антисоветские идеологи поступают не только безответственно, но и интеллектуально бессовестно — ведь данные прекрасно известны. А. С. Ципко, например, пишет: «В годы нэпа, в условиях семейного производства на земле, темпы прироста сельскохозяйственной продукции намного опережали те темпы, на какие оказались способны насильственно созданные колхозы». И это человек, называвший себя историком.

Когда сегодня говорят, что надо было бы продолжить нэп, то это просто сентиментальные пожелания, никакой ответственности за страну в них нет. Тогда после тяжелых дебатов выход нашли в коллективизации. Что же И. Р. Шафаревич предлагает вместо нее — хотя бы сегодня, с высоты опыта 70 прошедших лет? Он говорит, что надо было «сосредоточить все силы на поиске другого пути». Но за 70 лет можно было бы этот другой

путь ретроспективно найти, в главных его чертах. Так давайте, укажите.

Не укажут, потому что другой путь известен — фермерство. Этот путь, как говорили, «исходил полностью» Столыпин. Но в конце 20-х годов путь на создание в России фермерства через расслоение крестьянства был еще более нереальным, чем при Столыпине. Этот вопрос досконально и без всякого доктринерства обсуждался в 1920 г., когда выработывалась программа нэпа. По этому пути в конце XX века пошли наши антисоветские реформаторы — с плачевными результатами. Потому и молчит И. Р. Шафаревич, ничего не предлагает.

Были в последние годы и рациональные попытки вновь расчитать шансы на успех продолжения нэпа без коллективизации, уже с помощью современных методов математического моделирования и использованием надежно известных данных о реальности после 1930 г. И. Р. Шафаревич делает вид, что результаты этих исследований неизвестны.

В 1988 г. была опубликована статья американского историка-советолога Г. Хантера «Советское сельское хозяйство с коллективизацией и без нее», а позже вышла большая книга Г. Хантера и Я. Штирмера «Советская экономическая политика в 1928—1940 гг.» («Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928—1940». Princeton, 1992, 339 p.). Эти материалы обсуждались в 1993 г. на теоретическом семинаре в Институте российской истории РАН. Материалы и Хантера, и этого обсуждения опубликованы в журнале «Отечественная история» (1995, № 6).

Для нас здесь особенно интересны результаты того экономико-математического моделирования, которое провели американские экономисты для варианта развития советского сельского хозяйства без коллективизации. Понятно, что при таком моделировании ученые исходят из нереального допущения, что СССР мог бы в эти годы не проводить индустриализацию, а продолжать нэп, так чтобы страна оставалась аграрной. Модель абстрагируется от проблемы выживания в грядущей войне и фактора времени, отпущенного историей на то, чтобы к ней подготовиться.

Тем не менее результаты моделирования даже при таком допущении очень важны, потому что оказывается, что и без изъятия из села огромных средств для ускоренной индустриализации сохранение традиционного некооперированного хозяйства означало бы слишком низкий темп развития. Без коллективизации переход российского села к современным травопольным севооборотам и интенсивному хозяйству оказался бы невозможен.

Г. Хантер ввел в модель исходные данные о земельном фонде, рабочей силе и численности тяглового скота в сельском хозяйстве СССР, затем учел реальные погодные условия 1928—1940 гг. и составил прогноз урожайности и возможности увели-

чения поголовья тяглового скота. Как показали расчеты, именно этот последний фактор и был главным ограничением, и в этом разделе авторы составили самую детальную модель, с учетом всех условий России, на основе тенденций с 1882 по 1928 г. Выходило, что годовой прирост поголовья лошадей мог бы увеличиться до 3% в 1934 г., так что к 1940 г. численность рабочих лошадей выросла бы на 40% по сравнению с 1928 г. Это позволило бы увеличить посевные площади под зерновые на 20%.

При оптимистических прогнозах роста урожайности получалось, что без коллективизации можно было бы получить примерно на 10% больше зерна, чем было реально получено в СССР. На теоретическом семинаре в Институте российской истории РАН в 1995 г., где обсуждались результаты этого моделирования, они были, в общем, признаны слишком оптимистическими, завышенными*.

Во-первых, в модели был необоснованно экстраполирован на 30-е годы тот демографический рост, который наблюдался в СССР в 20-е годы и определялся восстановительными тенденциями после войн. Значит, без механизации работ, которая стала возможной только благодаря коллективизации и индустриализации, для такого увеличения производства не хватило бы рабочих крестьянских рук.

Скептически были восприняты и прогнозы роста поголовья лошадей. Ю. А. Мошков сказал, например: «Естественная ограниченность пастбищ и сенокосов потребовала бы значительного роста объема зерновых, идущих на корм лошадям. Сомнительна готовность крестьянства увеличивать поголовье рабочего скота к 1940 г. на 40% для того, чтобы расширить посевные площади хлебов только на 20%».

Д. Кэранс (Филадельфия) рассмотрел фактор технологических изменений, которые к концу 20-х годов назрели в советском сельском хозяйстве, так что их необходимость осознавалась и местными Советами, и самими крестьянами. Согласно его выводу, такие изменения без коллективизации стали бы возможны только при исключительно благоприятной ситуации на рынке (условий для которой реально не было). Он сказал: «Без благоприятных условий сбыта продукции интенсивные системы земледелия не вводятся. Маломощным дворам с избыточной рабочей силой это часто непосильно из-за отсутствия капитала, а зажиточным дворам нет резона переходить к ним. Постепенный же переход маломощных дворов к интенсивному

* Кстати, в этом обсуждении было отмечено, что тщательно пересчитанные после 1953 г. валовые сборы зерна в СССР в 30-е годы можно принять за эталонные, эти данные совершенно надежны. Это к тому, что многие наивно верят в то, что вся советская статистика фальсифицирована.

производству в рамках зерновых-паровых систем путем внедрения скромных агротехнических улучшений может привести к тому, что первый же засушливый год станет для них последним.

Вот это была настоящая опасность. И к концу 20-х годов малоземельные и маломощные дворы стали реагировать на нее, создавая колхозы и используя получаемые при этом льготы от государства. Во многих из этих колхозов применялись многопольные севообороты, и урожайность была сравнительно высокой».

Иными словами, по мнению Кэранса, коллективизация в принципе была необходима и желательна крестьянам, и тяжелые проблемы возникли вследствие того, что ее проводили форсированно. Насколько можно было избежать этого форсированного темпа — другой вопрос.

Близкую точку зрения высказал в 1994 г. в рецензии на обсуждаемую книгу американский историк Р. Дэвис. Он пишет: «По Хантеру и Ширмеру, если бы большевики не бросились, очертя голову, в коллективизацию, крестьяне вполне могли бы добиться некоторого роста производства сельскохозяйственной продукции, необходимую часть которой они предоставили бы на нужды индустрии и городского населения. Это предположение и было вмонтировано в альтернативную модель экономической политики. Но оно как бы само собой подразумевает, что в период с 1928 по 1940 г. рыночные условия складывались бы приемлемо для крестьян. Однако уже в 1928 г., которым открывается построение Г. Хантера, рынок был подорван и советское правительство использовало значительное административное давление, чтобы получить от упорствующих крестьян зерно».

Таким образом, тех идеальных условий, при которых и без коллективизации крестьяне могли бы увеличить производство на 10% за десять лет, в действительности быть не могло. М. А. Вылцан сказал о модели Хантера и Ширмера: «Авторы прямо или косвенно затрагивают проблему эффективности индивидуального и кооперированного сельского хозяйства. Их можно понять в том смысле, что индивидуальное хозяйство более эффективно. С этим можно было бы согласиться, если исходить из совершенно нереальной предпосылки, что того насилия, которое допускалось в 30-х годах в отношении колхозов, по отношению к единоличникам могло бы не быть».

Кстати, М. А. Вылцан мог и не делать реверансов перед энтузиастами частного фермерского хозяйства — его пресловутые преимущества не опираются на эмпирический опыт в сравнимых условиях. За такой опыт можно как раз взять сосуществование в Польше, начиная с 50-х годов, трех укладов сельского хозяйства (фермеры, кооперативы и госхозы) в одинаковых почвенно-климатических и культурных условиях.

К началу «шоковой терапии» (1989 г.) в Польше было 2,7 млн. частных хозяйств, производящих 78% всей сельхозпродукции.

Остальное — госхозы и кооперативы. В 1991 г. урожайность зерновых была: у фермеров 29,3, в кооперативах — 34,7, в госхозах — 40,2 ц/га. Это соотношение держалось десять лет. В госхозах на 100 га было занято 14 работников и 3 трактора, в индивидуальных хозяйствах — 24 работника и 6 тракторов. При этом Польша ввозила зерна и мяса на душу больше, чем СССР. А рядом, в ГДР, сельское хозяйство целиком базировалось на кооперативах и госхозах — и ГДР была экспортером продуктов.

Еще раз подчеркну, что американские ученые моделировали шадающий вариант развития советского хозяйства без коллективизации, совершенно отвлекаясь от второй части того «заколдованного круга», в который попала экономика СССР, — необходимости срочной, еще более форсированной индустриализации. А единственным источником ресурсов для нее была деревня — и как производитель хлеба на экспорт, и как источник трудовых рук. Поэтому тот прирост производства в 10%, который обещает оптимистическая модель, реально не давал возможности изъятия из деревни каких-либо средств для индустриализации.

На этом можно поставить точку и честно признать, что никакой возможности обойтись в 30-е годы без коллективизации сельского хозяйства в СССР не было. А чтобы не повторялись катастрофы, подобные голоду 1932/33 г., надо при проведении реформ «знать общество, в котором живем».

Второй большой идеологический «антиколхозный» блок исходит из того, что советское сельское хозяйство было непродуктивным и регрессивным, оно не только не развивалось, но даже деградировало после 1913 г. В мягкой форме эта мысль высказана демократами М. Урновым и О. Лацисом в приведенных выше рассуждениях. В гротескном виде — в уже упомянутой статье Д. Балашова «Наших бьют!».

Он пишет: «...не надо забывать про минувшие 70 советских лет, за которые нашу страну превратили в колониальный сырьевой придаток Запада... Да, конечно, — спутники и все прочее. Но! 80% продуктов в стране производилось на приусадебных участках... Эти несчастные «сотки» занимали всего 4% пахотной земли! И обрабатывались в основном тяпкой, мотыгой и граблями. То есть — наша милая власть сумела отбросить наше земледелие на тысячи лет назад, в прошлое, к временам мотыжного земледелия. Это надо твердо все понимать...»

Сразу скажу, что «понимать это» нельзя — ни твердо, ни мягко. Утверждения эти иррациональны, это символ веры*. По-

* Отмечу, что антисоветский пафос очень часто сопряжен с обскурантизмом — даже у академиков. Они недоброжелательно относятся к технике и идеализируют патриархальный быт. И Д. Балашов лягает «спутники и прочее». Прочее — это, наверное, электричество, книгопечатание, прививки против оспы.

думайте только — 80% продуктов в СССР производили на «сотках», мотыгами! Как не стыдно печатать такую чушь. С 1985 по 1989 г. личные хозяйства давали стабильно лишь малую часть всей продукции сельского хозяйства СССР, выраженную в сопоставимых ценах 1983 г. Но даже если этого не знать, подумала бы редакция газеты — ведь подсчитать нетрудно. В результате нынешней реформы, как выражались специалисты, «село отступило на подворья». Иными словами, по сравнению с колхозами существенно усилилось приусадебное хозяйство — по дворам разобрали колхозный скот, инвентарь, значительную часть техники. Значит, если большие хозяйства производили всего 20% продукта, то даже если бы они полностью прекратили производство, а подворья всего лишь сохранили прежний его уровень, то спад производства в России не мог бы превысить 20%. А он уже превысил 50% — при усилении подворья.

С конца XIX века в России было налажено широкое изучение семейных бюджетов крестьян. Оно велось и в СССР. Из них видно, что роль личного хозяйства («соток») в бюджете колхозников в спокойный период жизни уменьшалась, а доход от колхоза — увеличивался. В 1980 г. эти два источника доходов относились, в процентах от всех доходов, как 27,5:47,9, а в 1989 г. — как 24,9:51,9.

Те, кто знал село, культивировали миф о том, что СССР кормится с «соток», злонамеренно, а не по ошибке. Ведь большое хозяйство (колхоз) и приусадебный участок не были альтернативами и не конкурировали друг с другом. Именно создание такой гибридной двойственной системы и стало той формулой, при достижении которой крестьянство согласилось на коллективизацию.

Это были две неразрывно связанные части одной колхозной производственно-бытовой системы. Противопоставлять их было глупо (вернее, глупо было гражданам верить этому противопоставлению, потому что сами антиколхозные идеологи прекрасно знали, в чем дело).

Колхоз и личное хозяйство были связаны технологически — в обоих использовались машины, кадры, горючее, удобрение и другие ресурсы колхоза. Предоставление этих ресурсов было одной из форм распределения доходов кооператива между его членами. Пытаясь развеять примитивный миф о «сотках и мотыгах», в печати несколько раз выступали видные организаторы колхозного производства. Они очень доходчиво и убедительно объясняли, что противопоставлять колхоз и личное хозяйство колхозников глупо, что продуктивность «соток» основана на взаимодействии с большим хозяйством. Нет, наш средний горожанин на уровень системного мышления, каким владели колхозники, подняться уже не мог.

В единой колхозно-приусадебной системе ее части специализировались и по направленности производства. Каждая часть производила то, что позволяло с наибольшей эффективностью использовать наличные ресурсы. Никому и в голову не приходило, например, сеять на приусадебном участке пшеницу — с «мотыгой и серпом». Зачем, если на больших полях колхоз производил зерно с затратами труда всего 1,2 человеко-часа на центнер?

Всем прекрасно известно, что приусадебное хозяйство специализировалось прежде всего и почти исключительно на картофеле. Это культура интенсивная, особых преимуществ ее возделывание на больших полях не имело, поскольку в СССР уборка приходилась на дождливое время и выполнялась в основном вручную. Да и хранилась значительная часть картофеля в личных погребах, что давало экономию на транспортных расходах. Потому-то около половины картофеля выращивалось на «сотках». Это позволяло вовлечь все дополнительные ресурсы рабочей силы семьи и получить существенный доход.

А, например, уже производство молока или яиц на подворье стало сокращаться, слишком это трудоемкая вещь по сравнению с колхозом, где на производство центнера молока затрачивалось в 1987 г. всего 8 человеко-часов труда, а на производство 1 тысячи яиц 15 часов. «Распределение ролей» между колхозом и подворьем видно из данных о производстве картофеля, молока, яиц, а также о поголовье скота в целом для СССР и в личных хозяйствах (в скобках) в 1987 г.: молоко — 103,8 (21,6) млн. т; яйца — 82,7 (21,6) млрд. шт.; крупного рогатого скота — 120,6 (23,4) млн. голов; картофель (в 1990 г.) — 63,6 (41,2) млн. т.

Как же справлялось со своей миссией колхозно-совхозное сельское хозяйство СССР? Неужели так плохо, что стала очевидной необходимость его срочного уничтожения — задолго до того, как появилась хоть какая-то замена? По каким критериям его судили?

Сегодня, вспоминая мое собственное восприятие, я сгораю со стыда: ведь я искренне поверил идеологам — всем этим черниченкам и заславским, не получив от них ни одного маломальски правдоподобного аргумента, не потрудившись заглянуть в доступные любому грамотному человеку справочники. Давайте заглянем в них хоть сегодня.

В целом динамика сельскохозяйственного производства в СССР представлена на рис. 4—8.

Посмотрим теперь, как работала колхозно-совхозная система перед самым ее убийством. Первый показатель — производство продуктов на душу населения.

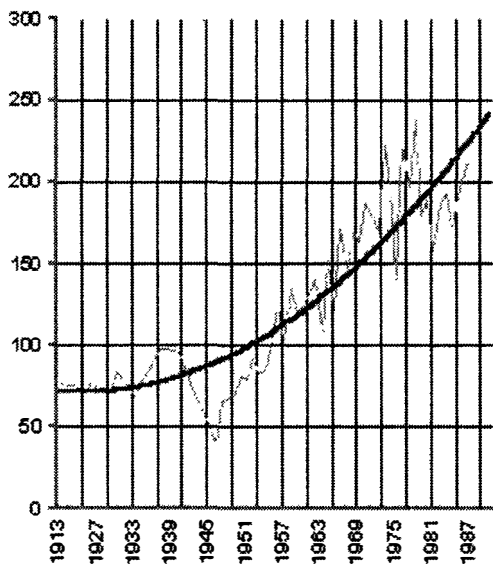

Рис. 4. Производ-
ство зерна
в Российской
империи и в
СССР с 1913 г.,
млн. т

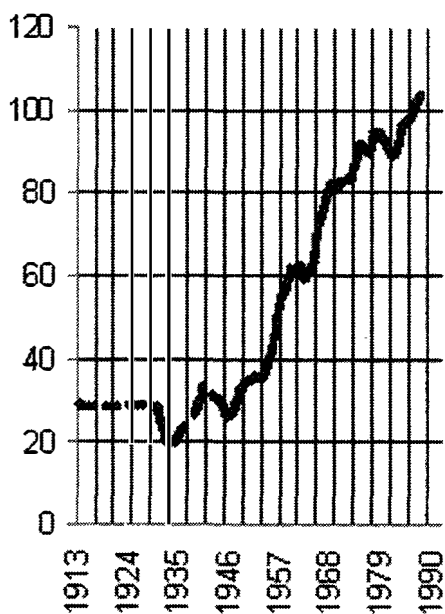

Рис. 5. Производство
молока в Российской
империи и в СССР
с 1913 г. (млн. т)

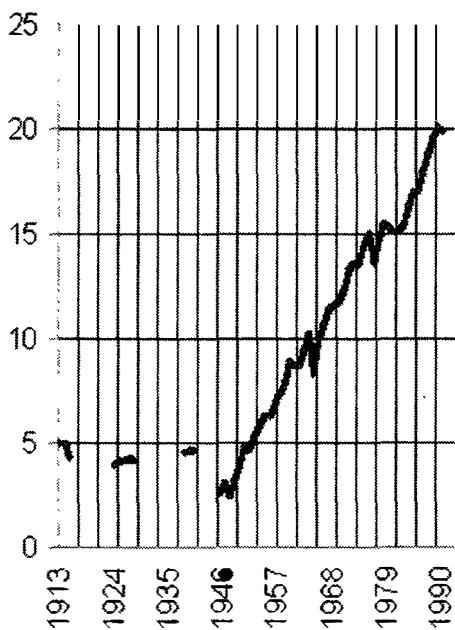

Рис. 6. Производство мяса в Российской империи и в СССР с 1913 г. (млн. т)

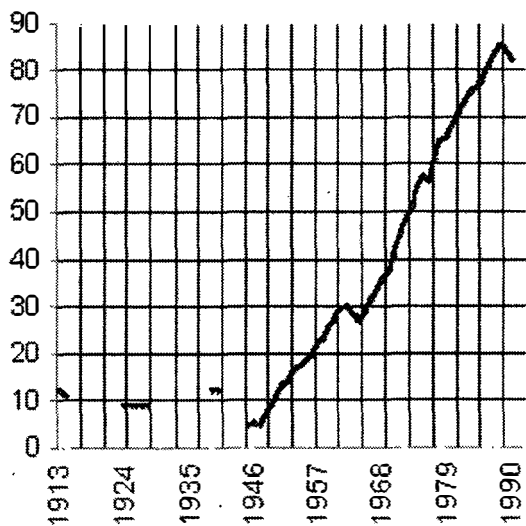

Рис. 7. Производство яиц в Российской империи и в СССР с 1913 г. (млрд. шт)

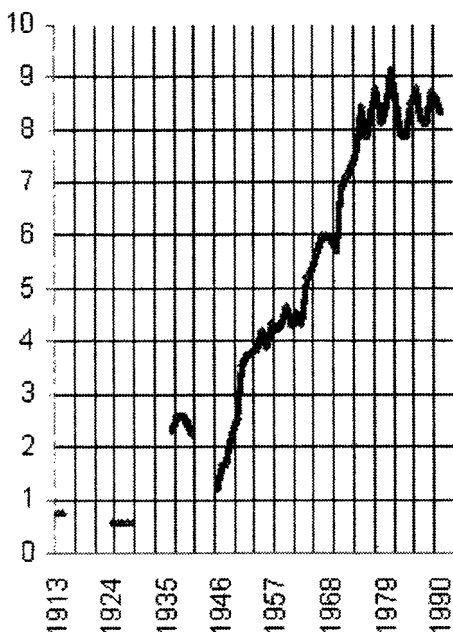

Рис. 8.
Производство
хлопка-сырца в
Российской
империи и в СССР
с 1913 г. (млн. т)

Таблица 6. Производство основных продуктов питания
на душу населения (в кг) в 1989 году

	Пшеница	Картофель	Мясо	Молоко	Масло	Яйца, шт.
СССР	303	251	70	377	6,3	292
США	223	68	120	264	2,2	270
Англия	243	111	66	258	2,4	214

Не скажешь, что показатели убогие, тем более если учесть, что по своим климатическим условиям США — это как бы огромный Краснодарский край, а основная часть угодий СССР лежит в зоне неустойчивого земледелия. Ведь с учетом биологического потенциала почв на одного жителя США приходится пахоты ровно в полтора раза больше, чем в России.

На все лады склонялся позорный факт импорта мяса и зерна, но никто никогда не сказал, что во всем импорте СССР мясо составляло 1%. Одну сотую всего импорта! Но ведь шума-то было столько, будто вся нефть и все золото страны уплывают ради покупки мяса. Зерна с приходом Горбачева к рычагам управления действительно стали ввозить много (в 1970 г. оно со-

ставляло 1,1% импорта, в 1985 г. — 7%, в 1989-м — 4,3%). Но в колхозах ли тут дело? В Польше не было никаких колхозов, а импортировала она и мяса, и пшеницы на душу населения столько же, сколько СССР. И никто польского крестьянина в лени не упрекал (а климат и условия труда у поляков куда как лучше наших). Да и вообще в импорте ли дело — или в необходимости подрубить одну из ног советского строя?

Посмотрим теперь на качественные показатели (урожайность в ц/га). Вот урожайность важнейших культур у крупных стран-производителей в 1989 г.

Таблица 7. Урожайность важнейших культур, ц/га (1989 г.)

	Пшеница	Подсолнечник	Хлопчатник
СССР	18,3	15,8	8,0
США	22,0	11,0	6,9
Аргентина	19,8	14,7	3,9
Бразилия	16,6	—	3,2

В чем-то СССР уступал, в чем-то опережал, но искренне сказать, что у нас было вопиюще отсталое сельское хозяйство, может только пришибленный идеологией человек. Заметим опять же, что США имеют идеальные почвенно-климатические условия для производства пшеницы. У нас сравнимые условия были на Украине, где в последние советские годы стабильно собирали по 34—36 ц пшеницы с гектара.

Во время перестройки нам прожужжали все уши, будто колхозно-совхозная система деградировала и не могла быть реформирована. А село даже тогда, уже при интенсивной антиколхозной кампании, еще наращивало и объемы производства, и интенсивные показатели. В целом урожайность зерновых в СССР стабильно повышалась: от 13,9 ц в 1980 г. до 19,9 ц в 1990-м. За это время так же стабильно повышался удой молока на корову — от 2221 до 2850 кг. Тем, кто постоянно бубнит о том, что дореволюционное сельское хозяйство было продуктивнее советского, надо при этом добавлять, что средний удой на корову в 1913 г. составлял 982 кг — а коровы как биологический вид были теми же самыми, климатические условия тоже. Так что причина разницы удоев чисто *социальная*. Колхозное сельское хозяйство надежно и в *хорошем темпе* улучшало свои показатели.

Я здесь не разбираю причин тех значительных структурных деформаций, которыми стало страдать сельское хозяйство начиная с 60-х годов. Но это были болезни роста, они не были вызваны фундаментальными принципами колхозно-совхозной системы. Говоря о колхозах, политики переключили наше вни-

мание на второстепенные идеологические факторы («ах, колхозы — продукт большевизма!»). На деле в организации колхозов были сделаны ошибки именно на пути подражания Западу («Догоним Америку...»). Колхозы были укрупнены, а скот сосредоточен на крупных фермах, в одной-двух точках. Отсюда — разрыв системы *человек — земля — скотина*. Пастбищ стало трудно, его начали кормить зерном, затянули «зерновую петлю» — и возник порочный круг. У нас скот оставлял на земле 20% навоза, а в Дании — более 70%. Но конкретные проблемы технологии — отдельная тема.

Надо только напомнить, что та нехватка пастбищ, от которой страдала Россия в начале XX века (об этом в первой книге), столь же сильно сказывалась и в течение всего советского периода. А это ставило наше животноводство в гораздо более сложные условия, чем, например, в США. Достаточно сказать, что в 1980 г. животноводство СССР получило 67 млн. т пастбищных кормов, а в США — 282 млн. т.

Следующий тезис, который был запущен в сознание в ходе «антиколхозной» кампании, взывал к евроцентристским комплексам в мышлении образованного человека. Для оценки советского крестьянства стали брать те же критерии, которым следует западный капиталистический предприниматель, — «эффективность». Именно западный, так как Япония, например, вообще рассматривает свое крестьянство как особо важную профессиональную группу, вроде армии, и субсидирует закупки риса только у своих крестьян по цене порой в 8 раз более высокой, чем на мировом рынке.

Вспомните: ведь 99% людей поверили, будто колхозы по сравнению с западным фермером *неконкурентоспособны*. Этот критерий в принципе нелеп в приложении к колхозам. Он имеет смысл только в рыночной экономике, где производство ведется ради прибыли. Колхозы производили продукт ради потребления и были элементом не конкурентной, а *кооперативной* хозяйственной системы. Даже удивительно, как эти очевидные вещи не предостерегли людей.

Но даже если говорить о конкуренции и измерять отношение «затраты/эффект», то колхозы вовсе не уступали западным фермерам. С 1985 по 1989 г. средняя себестоимость тонны зерна в колхозах была 95 руб., а фермерская цена тонны пшеницы в 1987/88 г. была во Франции — 207, в ФРГ — 244, в Англии — 210, в Финляндии — 482 долл. Доллара!

Себестоимость тонны молока в колхозах была 330 руб., а у фермеров США 331 долл. — при фантастических дотациях на фуражное зерно, 8,8 млрд. долл. в год (136 долл. на каждую тонну молока)! Кто же из них неконкурентоспособен? Потому Правительство России и стало оказывать протекционизм зарубежным производителям — против отечественных! В 1992 г. правитель-

ство купило у российского села 21 млн. т зерна по 12 тыс. руб. (то есть по тогдашнему курсу около 10 долларов) за тонну, а у западных фермеров — 24,3 млн. т по 100 долларов за тонну.

Как стандарт сравнения нам тыкали США и Голландию. Выбор этих стандартов неправомерен, не выполняются самые минимальные критерии подобия (слишком различны почвенно-климатические, финансовые, технологические, культурные параметры систем). С точки зрения науки использование США как стандарта сравнения есть подлог. Как могли этого не заметить образованные люди? Взять хотя бы продуктивность животноводства. Строго говоря, биологически близки коровы, разводимые в сходных природных условиях, — животноводы всех стран подходят к оптимальному варианту. Продуктивность животных, находящихся в существенно разных климатических и ландшафтных зонах, сравнивать вообще нельзя. Это почти разные биологические виды. Не вдаваясь в конкретные причины, укажу лишь на фактические различия. Например, исключительно важна скороспелость скота — «производство» крупного рогатого скота в США держится на уровне 105—110 кг убойного веса на голову стада, в Турции на уровне 23—25 кг, в России — 65—70. Понятно, что привесы у животных столь разных пород резко различаются. Когда наши критики колхозов сравнивали наших и американских бычков, они проявляли в лучшем случае искреннее невежество.

В 1980 г. расход кормов на одну условную голову скота был в СССР 25,7 ц, а в США 43,2 ц. Скот в СССР в 1980 г. не голодал, и такая разница говорит о том, что породы, разводимые в холодном СССР и теплых США, кардинально различны. Советская корова и не съела бы столько корма, сколько американская, лопнула бы. О свиньях и говорить нечего — в 1980 г. в СССР от одной свиньи получали 70 кг свинины, а во Франции — 169. Но если бы в СССР вдруг стали разводить французских свиней, то вообще ничего бы не получили — подошли бы их свиньи. Наш антисоветски мыслящий интеллектуал этого как будто не понимает.

Рассмотрим самую главную причину несоизмеримости сельского хозяйства СССР и США. В России, ядре СССР, — самое северное земледелие, оно все находится в зоне риска. Биологический потенциал почв в США в среднем почти в два (в 1,87) раза выше, чем у нас. Это значит, что при тех же материальных затратах фермер США на единицу труда произвел бы на 87% больше продукта, чем наш крестьянин.

Значение климатических условий мы могли наблюдать и в СССР. Колхозы и совхозы на Украине и в Белоруссии были примерно одинаковы и по организации, и по трудолюбию. Но почвы разные — и вот, в 1989 г. себестоимость тонны зерна была на Украине 69 руб., а в Белоруссии — 125. Почти в два раза дороже. В Молдавии — 77 руб., а в Латвии — 173 руб.

Однако в 70-е и тем более 80-е годы наши горожане как будто забыли все, что учили в школе на уроках экономической географии. И сейчас само предложение учесть при сравнениях географический фактор вызывает возмущение. Какая, мол, чушь. В марте 2001 г. в журнале «Огонек» состоялась беседа на эту тему — и выступление историка, профессора исторического факультета МГУ, академика РАН Л. В. Милова резко выпадает из общего направления, он говорит, как человек с другой планеты. Вот что он сказал:

«Я всю жизнь занимаюсь крестьянским бытом. И точно могу сказать: что касается сельского хозяйства, Россия ВСЕГДА будет в проигрыше! Судите сами, в Европе сельскохозяйственный период десять месяцев, а в России пять. Разница в два раза! Россия — очень холодная страна с плохими почвами. В Европе не работают в поле только в декабре и январе. В ноябре, например, можно сеять озимую пшеницу, об этом знали английские агрономы еще в XVIII веке. В феврале — проводить другие работы.

Если просчитать, то получится, что русский крестьянин имеет на пашенные работы, кроме обмолота зерна, сто дней. И тридцать дней уходит на сенокос. Что получается? А то, что он жилы рвет и еле управляет. Глава семьи из четырех человек (однотягловый крестьянин) физически успевал вспахать две с половиной десятины. А в Европе — в два раза больше. О том, что в России беспашенный период семь месяцев, писали в государственных документах тоже еще в XVIII веке. Это я как историк очень хорошо знаю.

Средний урожай, например, в XVIII веке был сам-третей. То есть из одного зернышка вырастали три. Из двенадцати пудов — тридцать шесть. Минус двенадцать на семена, получается двадцать четыре пуда — чистый сбор с десятины. С двух с половиной десятин — шестьдесят пудов. Это на семью из четырех человек. А семья из четырех человек, учитывая, что женщины и дети едят меньше, равна 2,8 взрослого. При том, что годовая норма потребления — двадцать четыре пуда на человека. То есть нужно без малого семьдесят пудов. А есть только шестьдесят! Причем из них еще нужно вычестить часть для прокорма скота — овес лошади, подсыпка корове. Поэтому вместо двадцати четырех, положенных по биологической норме, россиянин потреблял двенадцать-шестнадцать пудов. 1500 килокалорий в сутки вместо потребных организму 3000.

И жизнь была ВСЕГДА на пределе возможности. Страна НИКОГДА не могла прокормить себя хлебом. Я называю это мобилизационно-кризисным образом жизни. Это вечная борьба, вечный страх голода. И при этом страшная работа на износ с привлечением женщин, детей, стариков... Да, изменилась техника — в Европе трактора и в России трактора, — но соотно-

шение пахотного времени осталось прежним, и результат тот же. Да, по сравнению с XVIII веком производительность труда на селе увеличилась в сорок-пятьдесят раз. Но природа-то осталась неизменной! Поэтому себестоимость российской сельхозпродукции ВСЕГДА будет дороже западной. По тем же самым причинам у нас в два раза меньше времени на работу в поле.

Вот еще маленький пример. В том же XVIII веке полная обработка десятины стоила 7 рублей 60 копеек ассигнациями. Такова была рыночная стоимость рабочей силы. А рыночная цена продукции с той же десятины — в два раза ниже! И это еще при баснословно высоком урожае сам-шест. А если обычный урожай, сам-третьей, то себестоимость в четыре раза выше рыночной цены! Таковы исторические данные. И сейчас то же самое. В России ничего не выгодно делать».

Тут сказано самое главное: в России (и почти на всем пространстве СССР) можно было вести сельское хозяйство ради того, чтобы жить народу, — но не ради выгоды. Это показала попытка разрушения общины Столыпиным, это же показало и разрушение колхозов Ельциным. Какое горе, что этого не понял наш средний городской интеллигент.

Проведенный в течение десяти лет эксперимент с фермерством в нынешней России дал исчерпывающее знание. Масштабы эксперимента достаточны — в 1998 г. фермерские хозяйства использовали более 13 млн. га земли. Это 7,5% земли, используемой в производстве (предприятия и фермеры вместе). Но зерна фермеры производят 4—6%, а мяса и молока — 1,5—1,6%. Вывод: товарность этого уклада мала, откат в технологии огромен, самоэксплуатация труда невыносимая. Жилы свои рвут люди и детей своих мучают. На плаву фермеры держатся только там, где они прилепились к колхозу и совхозу. Добивание общественного уклада будет и концом фермерства.

Л. В. Милов говорил прежде всего о климатическом факторе, однако хорошо изучено и значение биологической продуктивности почвы (хотя она, конечно, связана с климатом). Недавно вышла книга П. Ф. Лойко «Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке». Она вышла под грифом «учебное пособие», значит, содержит сведения достаточно давно и надежно установленные. Эти данные также показывают, насколько глупо было проклинать наши колхозы за то, что они в чем-то уступают американским фермерам.

В книге приведен «коэффициент биологической продуктивности» почв разных стран — этот показатель для России принят равным 100. В США он равен 187, в Западной Европе — около 150, в Индии — 363, а в Индонезии — 523! С помощью этого коэффициента пересчитана обеспеченность жителей разных стран пахотной землей с одинаковой биологической продуктивностью.

**Таблица 8. Обеспеченность пахотными землями
на одного жителя с учетом биологической продуктивности
(оценка на 1995 г.)**

Страны	Показатель биологической продуктивности	Пахоты на одного жителя в физических га	Пахоты на одного жителя в эквивалентных га
Россия	100	0,87	0,87
Индия	363	0,18	0,65
США	187	0,70	1,31
Бразилия	449	0,34	1,53
Куба	468	0,35	1,64

Наконец, стоит всем задуматься: как вообще могли принять наши граждане именно США за образец в сельском хозяйстве? Ведь с точки зрения затрат «абсолютного» дефицитного ресурса человечества — энергии — США создали специфическую аграрную систему, которая наименее эффективна из всех известных в наше время. Согласно докладу А. Кинга Римскому клубу (1990), в сельском хозяйстве США затрачивается 6 калорий энергии минерального топлива на получение одной пищевой калории (американский эколог и экономист Одум приводит другую величину — 10 калорий топлива на 1 пищевую калорию).

Поскольку энергия становится критическим ресурсом в мировой хозяйстве, такой расточительный тип хозяйства при наличии земельных угодий со столь высоким потенциалом биологической продуктивности приходится считать совершенно неприемлемым в качестве стандарта. Ведь в Индии, например, энергетический баланс «затраты-выпуск» составляет 1:10. На одну калорию затраченной энергии — 10 пищевых калорий.

Если же сравнивать СССР и США, то энерговооруженность труда в сельском хозяйстве у них была просто несопоставимая. В 1989 г. в СССР на одного работающего приходилось 27 кВт энергетических мощностей, а в США — 105 кВт*. На 1000 га пашни США имели втрое больше тракторов, чем мы, а производили зерна (кроме кукурузы) и картофеля существенно меньше. И хотя наши трактора похуже американских, запчастей к ним поменьше и выполнял у нас трактор, помимо своих прямых обязанностей, массу таких работ, для которых в США есть

* Вообще-то по этому показателю СССР входил в число развитых стран, а США выпадали из общего ряда. На одного работника в Италии приходилось 23 кВт, в Нидерландах — 30,5, в Дании — 39, в Венгрии — 9,5 («Сельское хозяйство. Статистический сборник». М.: Госкомстат СССР, 1991).

веер специальных машин, — все равно в руках колхозника, еще не задушенного Гайдаром, трактор использовался в несколько раз эффективнее, чем у фермера США.

А зерноуборочные комбайны? В СССР их на 1000 га было в 2,4 раза меньше, чем в США. Спросите колхозника: неплохо было бы иметь в страду в два раза больше комбайнов, да еще американского производства? Небось поменьше были бы потери. Да где там, чуть не каждый журналист-«демократ» считал своим долгом представить многолетние усилия по развитию в СССР современного комбайностроения как «абсурд плановой экономики». Наконец добились своего — уже в 1991 г. производство тракторов и комбайнов резко упало. О 1992 г. и говорить нечего. Фермеры будут жать злаки серпами, как в имении маркиза Карабаса.

Значит, даже если бы у нас был такой же климат, как в США, такая же сеть дорог и такое же оборудование ферм и жилья, то только чтобы достичь уровня производства США, более низкого, чем в колхозах и совхозах, пришлось бы разом увеличить парк тракторов в три раза. Знаток нашего села А. В. Чайнов сказал полушутя: если бы Ротшильд при революции в Европе сбежал в Россию и вынужден был заняться сельским трудом, то при всей своей буржуазной психологии он пошел бы в общину (или, добавлю, в колхоз).

В целом я считаю, что успешная кампания горбачевско-яковлевской идеологической машины по очернению советского сельского хозяйства нанесла один из самых сильных ударов по СССР и его общественному строю. Но значение этого успеха гораздо фундаментальнее этой политической задачи. Это был большой эксперимент, который показал исключительную беззащитность сознания советского человека против самой грубой и примитивной лжи. Именно после этого эксперимента можно было спокойно планировать и осуществлять прямое ограбление нашего народа. Вся камарилья будущих «новых собственников» могла быть спокойна — такой народ под волшебную дудочку соблазнителей отдаст все свое достояние и даже будущее своих детей и внуков (если они будут).

Колхозное хозяйство — регресс или модернизация? Сельское хозяйство, отрасль очень массивная, в массовом сознании было превращено в позор СССР. Мы обязаны в этом разобраться.

Занимаясь и статистикой, и «натурным» сравнением с Испанией, где агрокультура стоит высоко, я пришел к выводу, что отсталость, а тем более регресс советского сельского хозяйства — большой миф. Именно начиная с середины 70-х годов, когда наконец была создана промышленность удобрений, машин, средств защиты растений и добавок, наше сельское хозяйство

стало быстро улучшать и экстенсивные, и *интенсивные* показатели.

Быстро росло поголовье скота, очень быстро — поголовье птицы. Производство птичьего мяса за 1975—1987 гг. выросло с 1335 тыс. т. до 3126 тыс. т. Быстро улучшалось стадо: в 1980 г. было 30% чистопородных коров, а в 1985 г. — 40%. Все это означает, что быстро улучшалось питание людей — несмотря на неудобства распределения. Как ни крути, по качеству питания — 7-е место в мире.

Быстро улучшались интенсивные показатели. Надой молока на корову вырос с 2,26 т. в 1970 до 2,85 т. в 1989 г. Быстро снижались прямые трудозатраты на получение 1 ц продукции — в 1971—1975 гг. в колхозах на производстве зерна они были 1,8 человеко-часа, а в 1987 г. — 1,2. Это огромное улучшение, учитывая масштабы. Росла энерговооруженность труда: в 1980 г. сельское хозяйство потребило 111 млрд. кВт-ч электроэнергии, а в 1989 г. — 173 млрд. Значит, снизились перегрузки работника, условия труда явно улучшались. Это видно из таблицы 9.

Таблица 9. Динамика развития производительных сил колхозов и совхозов

Показатели	1940	1965	1975	1982
Энерговооруженность труда на 1 аграрного работника, л.с.	1,7	8,5	18,8	28,3
— в колхозах	1,4	6,7	13,2	22,4
— в совхозах	4,4	12,7	23,7	32,0
Энергетические мощности на 100 га посевов, л.с.	36	114	217	320
— в колхозах	30	99	194	294
— в совхозах	40	101	191	284
Основные фонды на 100 га сельхозугодий, тыс. руб.	3,0	10,1	28,8	47,5
— в колхозах	—	11,9	37,2	61,3
— в совхозах	—	7,1	20,6	33,8

К 1985 г. колхозник в среднем работал 22,4 дня в месяц — пятнадцатидневную неделю. Бегство из деревни к концу 70-х годов прекратилось — вплоть до 1990 г. численность сельского населения поддерживалась на уровне 98 млн. человек. Стабильной была и численность механизаторов (4,6 млн.), а их квалификация выросла — 70% из них работали по специальности более 5 лет, 37% — были механизаторы I класса.

В 70-е годы в сельской местности было размещено множество производств, чтобы занять освобождающуюся при механизации рабочую силу и снизить фактор сезонности работ. К началу 80-х годов на селе действовало около 300 тыс. промышленных предприятий и филиалов городских фабрик. В рамках сельского образа жизни произошел значительный переток рабочей силы. Если в 1965 г. из всех сельских работников 71,1% были заняты в сельском хозяйстве, то в 1982 г. их доля составляла всего 52,7%. То есть почти половина работников, живущих в селе, была занята уже не сельским хозяйством. Уже 14,1% работников были заняты в социально-культурном обслуживании села и 6,6% — торгово-бытовым обслуживанием (*В. И. Староверов*. Социальные аспекты развития производительных сил агропромышленного комплекса СССР. — Социологические исследования. 1985, № 2). Быстро насыщалось село и кадрами с высшим образованием. Где же симптомы деградации?

Крестьяне и диктат райкома КПСС. Одна из постоянных тем в обличении колхозного строя — утрата кооперативами своей самостоятельности и инициативы вследствие тоталитарного контроля со стороны «командно-административной системы». Ходила масса слухов о том, как тупые партийные чиновники из райкомов указывают крестьянам, когда и что сеять, на какую глубину пахать. Из этих рассказов и анекдотов вытекало, что все эти требования абсурдны, но председатели колхозов, эти марионетки КПСС, их послушно выполняют и губят производство.

Очень популярный фильм «Председатель» по сценарию Ю. Нагибина в художественной форме задал жесткую идеологическую модель. В типичный умирающий колхоз является извне системы герой-избавитель, отважный офицер-инвалид. Он собирает вокруг себя остатки «здоровых сил» и начинает сложную и опасную для жизни борьбу с «системой» — райкомом, КГБ, их «пятой колонной» в родном селе. Слава богу, на самом вершине «системы» уже подрастают будущие Горбачевы и Шеварднадзе, они тайно поддерживают борца. И вот — колхоз процветает, в него даже эмигрируют подданные других, обычных советских колхозов.

Фильм был сделан талантливо, агрессивно, в нем играли любимые актеры (главные из них, М. Ульянов и Н. Мордюкова, кстати, стали потом оголтелыми сторонниками Ельцина). Он был принят на «ура», и такая реакция была всеобщей. Это говорит о том, что почва для его восприятия созрела, так что фильм только художественно «оформил» готовые стереотипы массового сознания. Связь «КПСС — государство — колхоз» виделась как подавление крестьянства. Как говорится, «производствен-

ные отношения как тормоз развития производительных сил». Недаром Д. Балашов в цитированной выше статье в «Советской России» воскликнул: «Советская власть отбросила земледелие России на тысячи лет назад!» Писателю такое преувеличение простительно, а средний интеллигент считал, что отбросила, ну, не на тысячи, но на 60—70 лет уж точно.

Сам Нагибин даже рассказывал о своем фильме такой случай. Ехал он на машине с Беллой Ахмадуиной, его женой, и на шоссе его остановил инспектор ГАИ — он что-то нарушил. Взял документы, узнал Нагибина и, конечно, простил нарушение — за фильм «Председатель». Но потом подумал и говорит: «С вас штраф один рубль. За вторую серию». Мол, за то, что из конформизма или из цензурных соображений Нагибин дал счастливый конец, образ процветающего колхоза. Скорее всего, Нагибин завершение своего анекдота придумал, но важно, что людям оно нравилось, и его пересказывали.

Таким образом, возник отдельный ствол антисоветского мышления — как бы вырастающий из боли за русского крестьянина, замордованного в колхозе партийно-государственной системой. Здесь созревала идея разрушить всю связку «КПСС — государство — колхоз», и удары готовились как по связям этой триады, так и по каждому из ее элементов. Это очень четко обнаружилось во время перестройки. Каковы были истоки этого разрушительного пафоса, чем он питался? Когда разбираешь это чувство по полочкам, получается сложная, многослойная картина, где один слой даже как будто отрицает другой.

Прежде всего, предпосылкой к этому видению было издавна присущее интеллигенции здоровое отрицание «империалистического» подхода к крестьянству, свойственного российской бюрократии. Да, крестьянство для бюрократии всегда было своим, отечественным «диким племенем», в которое надо нести прогресс — даже силой. Эта верно подмеченная либералами черта российской власти, как известно, сразу же усваивалась самими либералами, как только они каким-то боком в эту власть встраивались.

Так что в том, как диктовали райкомы КПСС колхозам, не было ничего нового. Только от невежества мог советский интеллигент полагать, что это — порождение большевизма Сталина или волюнтаризма Хрущева. Это — наше историческое наследие, для преодоления которого нужно просвещение и скромность. Но этих качеств у антисоветского интеллигента в какой-то момент стало не хватать, и он направил свой гражданский пафос против самой сердцевины власти. Но уж сегодня-то можно прочесть «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта. Вот что он пишет о земстве, о либералах, как бы предшественниках нынешних врагов колхоза:

«Вот, например, в нынешнем году в иных губерниях козявка какая-то рожь поизъявила. Выписали энтомолога-профессора, тот сейчас узнал, какая козявка: гессенская муха, говорит... Целую лекцию губернским и земским начальникам прочел. Нужно, говорит, жнивья выжигать, нужно жнивья тотчас после уборки запахивать, нужно рожь сеять не раньше 15 августа... Энтомолог, конечно, никакого понятия о хозяйстве не имеет... Что произойдет от позднего посева ржи, в противность долголетней практике? Не произойдет ли от этого позднего посева того, что в будущем году не только людям, но и самой мухе нечего будет есть? Ничего этого энтомолог не знает, ничего не понимает, он знает и видит одну только муху.

Расчувствовались земцы, прослушав красноречивую, ученую лекцию профессора-энтомолога, да и нельзя же ничего не сделать, зачем же было ученого энтомолога приглашать? Одна глупость влечет за собою другую, сейчас — бац! — обязательное постановление: сеять рожь не ранее 15 августа. И вот земледельцы нескольких губерний должны, обязаны сеять озимь в известный срок, по назначению начальников: какого-то энтомолога, каких-то земских чиновников. Господи, да что же это такое? Опыт миллионов земледельцев-хозяев, долголетняя практика показали, что рожь нужно сеять в пору, что эта пора начинается с конца июля, что эта пора для разных мест разная, и вдруг какой-то энтомолог решает, а земство делает обязательное постановление и предписывает миллионам земледельцев сеять озимь в назначенный срок...

Это обязательное постановление для нескольких губерний — сеять рожь после 15 августа — характерный факт новейшего времени... Но этого мало. Одно земство сообразило: сделаем мы обязательное постановление, а что, если его вдруг исполнять не будут! И вот елецкое земство, сделав обязательное распоряжение не производить в нынешнем году посева озимых хлебов ранее 15 августа, в то же время поручило управе обратиться к начальнику губернии с просьбой о том, чтобы земской полиции было вменено в обязанность оказывать содействие управе при исполнении ее постановления. Но этого еще мало. Елецкое земство постановило ходатайствовать перед правительством о том, чтобы, независимо от штрафа, налагаемого по закону (29 ст. устава о наказ., нал. мир. суд.), было разъяснено, что при исполнении этого постановления преждевременный посев, то есть произведенный до 15 августа, подлежит запашке на счет виновного.

Не верится даже, но это так... Мало показалось, что мировой оштрафует, мало того, что, если губернское начальство прикажет смотреть, чтобы не сеяли до 15 августа, так урядники нагайками станут гонять мужиков с пашни, нужно и еще: запахи-

вать на счет виновного посев, произведенный до 15 августа. Расчетливый хозяин, разумеется, скорее согласится заплатить штраф у мирового, чем сеять рожь не в пору; и урядник, ежели сгонит с посева, тоже не беда — не будет же он целый день торчать на поле. Земство это поняло и задумало покрепче сделать. Посеешь раньше срока, сейчас приедет земство и запашет твои всходы озими» (с. 336).

Обратите внимание: речь идет о 70-х годах XIX века, не было еще ни колхозов, ни КПСС, ни даже РСДРП. Были крестьяне — каждый со своим наделом — и земские начальники из будущих кадетов. И вот — диктат покруче диктата райкомов.

Но если окинуть взглядом более крупные отрезки пространства и времени, то видишь и другую сторону этой проблемы. Этот диктат — хоть Петра I, хоть земства, хоть райкома — был для крестьян и для страны совершенно необходим. Несмотря на его зачастую тупые или даже гротескные проявления. Так получилось, что в России крестьянин не стал свободным предпринимателем, конкурирующим на рынке. У нас крестьянство было заключено в несколько сот тысяч общин, каждая из которых жила в своем космосе-деревне. Государственная власть была той силой, что объединяла все эти деревни в Россию и вводила их в сферу общенациональной и универсальной культуры — делала то, что на Западе делали национальный и мировой рынок и поголовное школьное образование.

И в этой функции власти не могло не быть тупости, пренебрегающей особенностями места и момента, и даже жестокости, карающей за сопротивление. Комиссары Петра пороли крестьян, заставляя их сажать картошку, а потом есть ядовитые плоды этого растения. Не все они знали, что есть надо клубни. Что же мы не проклинаем Петра, который ввел картофель в оборот? Не проклинаем, потому что это было бы совсем уж глупо.

На садовом участке, рядом с моим, сажал картошку мой сосед, инженер-механик, вернувшийся из Казахстана. С ним его тесть — старик из соседней деревни. Он никуда в жизни из нее не уезжал, кроме как в армию. Он спрашивает зятя: «Откуда картошка произошла?» — «Из Южной Америки». — «А кто ее в Россию привез?» — «Петр». — «Да-а. Большое дело сделал».

Когда этот старик рассуждает со мной о колхозах и о перестройке, у меня не возникает ни малейшей нестыковки в понятиях, хотя не во всем мы согласны. Но в Москве даже со многими «идеологически близкими» коллегами разговор идет так, будто мы говорим на разных языках и с трудом нащупываем перевод.

Совсем уж странно, что те, кто был так непримирим к диктату райкомов, в большинстве своем стали горячими поклонниками Столыпина. Ведь его требование к крестьянам — ликви-

дировать общину и превратиться в буржуа и пролетариат — по несовместимости с крестьянским космосом не идет ни в какое сравнение даже с требованием ВКП(б) превратить общину в колхоз. А он свой диктат подкреплял военно-полевыми судами и виселицей.

Как пишет сегодня один профессор-философ из Российской академии наук, «Столыпин насильственными методами усмирлял противников нового аграрного строя, «прививая» им правовое сознание» (*С. Никольский*. Сознание крестьянства и аграрные модернизации России. — Свободная мысль, 1993, № 9). Сам, видимо, не понимает, какие чудовищные вещи пишет, считая казнь по приговору военно-полевого суда (или вообще без суда) «прививкой» правового сознания.

Но вернемся к диктату власти на первых этапах колхозного строительства. К стати, на последних этапах эту тему обсуждали уже по инерции. Колхозы насытились агрономами и экономистами, а главное, собственной техникой, так что реальные основания для диктата исчезли. Остался лишь образ этого диктата, как улыбка Чеширского кота.

Так вот, сегодня, вспомнив всю совокупность условий, я считаю, что перебора с этим диктатом, в общем, не было. Надо даже удивляться, как много управляющего воздействия было оставлено самоорганизации. Ведь колхозы сразу были втянуты в огромную технологическую революцию, которая на Западе заняла сотню лет — переход от трехпольной системы к травопольной с одновременной механизацией основных работ. При этом машин было так мало, что они были сосредоточены в МТС и обслуживали прикрепленные колхозы по напряженному графику, перемещаясь по мере завершения работ.

Эта сложная система могла функционировать только при жесткой координации усилий формально автономных единиц (колхозов), а также при жестком диктате агрономического планирования. Агрономов тоже было мало, они тоже, как и машины, находились в «центре». И они с трудом могли объяснить смысл своих команд людям, не имевшим опыта ни работы с большими травопольными системами, ни машинной обработки земли. Райкомы в передаче этих команд от агрономов вообще были лишь промежуточным звеном. Конечно, эта система давала сбои, возникали нестыковки во времени, у кого-то урожай снижался из-за предписанного раннего посева, у кого-то осыпался из-за задержки комбайнов.

Поэтому в каждом отдельном колхозе были основания для недовольства этим диктатом. Но его великий смысл заключался в том, что он дал принципиальную возможность запустить всю эту систему. И без диктата, окрика, наказания это было бы невозможно. Как гласит армейская поговорка, «приказы офицера

должны быть решительными; лучше, конечно, если они при этом еще и правильны». Критики колхозной системы, говоря о диктате, возмущались тем, что приказы из райкомов были решительны. Но ведь главное-то в другом — были ли они правильны? Этому вопросу критики обычно не касались — потому что в целом, с уровня всей колхозной системы, эти приказы в общем были правильными.

Советская модернизация — либеральная архаизация. Вся доктрина колхозного строительства, включая «диктат райкомов», была большой, общенародного масштаба, программой модернизации деревни. Всей деревни, а не малой части «сильных» крестьян — на хуторах или отрубках. Это была программа подключения всего крестьянства к современному научно-техническому знанию, без разделения крестьян на модернизируемую и архаизируемую часть, как в «зеленой революции» в развивающихся странах. Это была первая в истории подобная программа, которая в иных формах прошла потом в Японии и Китае, во Вьетнаме и на Кубе. Эта программа включала в себя и обновление технологий, и изменение быта, и доступ к современному образованию университетского типа, и повышение доходов крестьян.

Скажем честно, мы всего этого не понимали в советское время, все эти слова нам казались скучной пропагандой. Так бывает, хотя верхоглядство не подобает культурному человеку. Грешны мы в этом, почти все. Но совсем непростительно, если сущности не видят и тогда, когда она уничтожается и на смену приходит ее антипод. Ведь в этот момент как раз и приоткрывается самое важное. Оно недолго видно, его затягивает новое, отвлекает на себя все внимание. Важно не упустить момент, когда можно охватить взглядом и сущность старого, и сущность приходящего ему на смену антипода. Контраст помогает понять.

В последние десять лет под аплодисменты влиятельной части горожан новый политический режим остановил советскую аграрную программу, приступил к разрушению построенной колхозно-совхозной системы и быстро насаждает социальные и производственные структуры, предписанные программой МВФ.

То, что мы видим, является замечательно наглядной иллюстрацией концепции периферийного капитализма. Она, как уже было сказано, предполагает создание небольшого модернизированного анклава и одновременную архаизацию большей части прежней, «доколониальной» социальной системы. В России, однако, с передовыми современными анклавами пока что дело не идет, но архаизация проводится полным ходом. Несколькоими мазками представим картину — чтобы по контрасту стала понятной суть именно советской программы.

Перед началом сева 2001 г. Минсельхоз РФ доложил, что на 1 марта в сельском хозяйстве России имелось 514,4 тыс. исправных тракторов. В 1986 г. их было 1424 тыс. Сегодня добивают последнее, что осталось, новые купить не на что, да и производить тракторы почти перестали. В феврале 2001 г. их произвели на всех заводах России 1200 штук — а в 80-е годы в месяц давали по 25 тыс. штук (см. рис. 9). Свернуто производство даже тех машин, которые были любимым объектом антисоветской пропаганды — в пике «гигантомании плановой экономики», — производство мини-тракторов. В 1997 г. их было выпущено в 20 раз меньше, чем в 1993 г., — всего 400 штук на всю Россию.

В 1992—1993 гг. правительство перекачало колоссальные средства из аграрного сектора за счет искусственных «ножниц цен» на продукты сельского и промышленного производства. За 1992 год цены на сельхозпродукцию выросли в 8,6 раза, а на покупаемую селом продукцию и услуги — в 16,2 раза. В 1993 г. положение еще резко ухудшилось. В целом за 1992—1993 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко в 63 раза, а на бензин в 324 раза! А на трактор «К-700» в 828 раз! А на трактор «Т-4» в 1344 раза! Выдержать этого хозяйства не могли. В целом на всю сельскохозяйственную технику спрос в России за четыре года реформ снизился более чем на 90%.

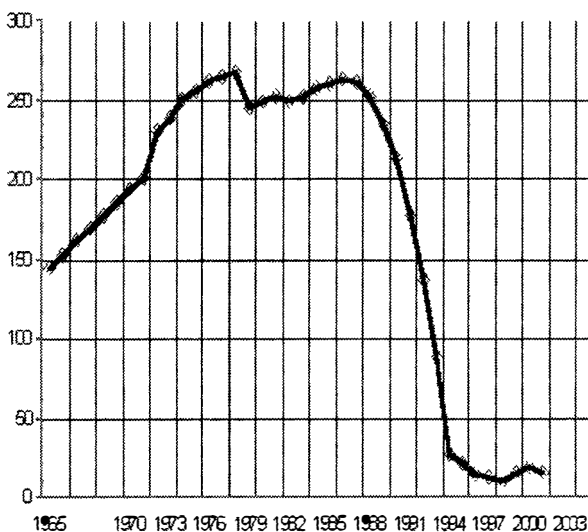

Рис. 9. Производство тракторов в России (тыс. шт.)

И даже при такой скудной емкости рынка множеством способов идет лоббирование иностранной техники (надо думать, бескорыстно помогают западным фирмам). По данным «Ростсельмаша», средняя цена импортного комбайна на нашем рынке составляет 220 000 долл., а российского — 50 000 («Ведомости», 9 июля 2001). Но в 2000 г. импортные комбайны захватили 25% российского рынка.

Затихли вопли о фермерах, которые, дай только разгромить колхозы, накормят Россию. Фермера у нас оставили и без машин, и без удобрений. Менее 3 тракторов имеют в среднем наши фермеры на 1000 га пашни — при европейской норме 120. В сорок раз меньше! У меня дом в деревне, и я вижу, во что обошлось это фермерам, а еще пуше их детям. Худые, усталые лица, потухшие глаза. Едет мальчик вечером на этом изношенном тракторе, который глохнет каждую минуту, — пьяный. А ему 13 лет. От непосильного труда в начале XX века потребляли спиртное более 60% деревенских мальчиков в возрасте семи-восьми лет. Возрождаете ту Россию, господ?

Деревня сжимается, затихает. Режет скот — свой последний резерв (рис. 10). За 2000-й год еще сократилось стадо крупного рогатого скота — до 28,4 млн. голов (в 1988 г. было 60 млн.). В 1996 г. Россия перешла рубеж, какого даже в войну не переходила, — у нас стало меньше одной коровы на 10 человек (в 2001 г. уже осталось 0,89 коров на 10 душ). Коз и овец сегодня вчетверо меньше, чем в 80-е годы.

Рис. 10. Поголовье крупного рогатого скота в РСФСР и РФ (млн. голов)

Вдумайтесь в такую цифру: в январе 2001 г. средняя зарплата в сельском хозяйстве России была 852 руб. в месяц, а у служащих банков и страховых компаний — 13 341 руб. В 16 раз больше! Клеркам, протирающим штаны в офисах. Какая подлость — так поступить с тружениками, которые кормят страну. И полезно вспомнить тем, у кого память коротка: в 1988 г. средний месячный доход на душу в семьях колхозников был в СССР 121 руб. (а средняя зарплата в колхозе вместе с выплатами из общественных фондов — 249 руб.). По среднедушевому доходу колхозники приблизились к горожанам — рабочим и служащим. У них тогда среднедушевой доход был 153 руб.

Горожане не хотят видеть, что уже десять лет в России выполняется невиданная, небывалая программа уничтожения сельского хозяйства огромной страны. Когда-нибудь историки будут ломать голову — как такое могло произойти? Ведь все на глазах, при нашем общем попустительстве. Делается черное и явно антинародное дело — а народ равнодушен. Мало кто вообще этим интересуется.

А ведь о собственной шкуре надо было бы подумать, о детях своих. Сколько еще протянут наши крестьяне? Кто станет работать в таких условиях? На чем будут пахать через два-три года? Каков будет урожай без удобрений и без элитных семян? Угробили систему селекционных станций, которой Россия гордилась на весь мир! То же самое делают с элитным скотом! В ноябре 2000 г. я подвез на машине женщину из совхоза. Она пенсионер, вернулась в свою деревню, а до этого была заместителем председателя райисполкома, занималась «диктатом». Вот что она рассказала.

На весь район в двух совхозах (теперь АО) решили сохранить племенное молочное стадо — себе в убыток. Верят люди, что весь этот морок кончится и надо будет поднимать хозяйство, так что-то стараются сберечь на развод. Прекрасные коровы, душа радуется. За ничтожную просрочку платежей, вернее, даже по недоразумению, «Мосэнерго» отключило электричество. Всего на два дня. Но за два дня погибла, испортилась половина стада — не смогли люди руками выдоить этих коров, хотя всех по домам сзывали. Женщина говорит, что в «Мосэнерго» прекрасно поняли, что отключение подачи энергии означает гибель ценнейшего стада, что каждая из этих коров стоит намного больше, чем просроченная сумма платежа, — и отключили. Им, государственным чиновникам, теперь абсолютно безразлична судьба этого стада. Я даже удивился, как кратко и ясно изложила эта пожилая женщина суть совершившегося в России поворота.

Я приехал в деревню в мае, увидел знакомого фермера. Спрашиваю, как дела. Все, говорит, забили стадо — из двух с поло-

виной тысяч коров осталось 200. Сломались люди, Чубайс торжествует. И он свою ферму свертывает — раньше он к совхозу жался, комбикорма там брал, горючее. Теперь не потянуть.

Переход от длительного периода непрерывной модернизации и улучшения сельского хозяйства к его быстрой деградации и архаизации произошел резко, скачкообразно — как будто подстрелили нашу деревню. Приведу выдержки из беспристрастного официального доклада — вразбивку, бессистемно, ибо каждый абзац настолько красноречив, что не требует «обработки»:

**«МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ**

Москва — 2000 г.

Сокращение бюджетного финансирования научных организаций наглядно видно на примере 22 институтов РАСХН различного профиля. Расчеты показали, что в целом по всем указанным институтам бюджетное финансирование в 1996 году по сравнению с 1991 годом сократилось в 8,5 раза. В 1999 г. в среднем по системе Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН) средняя заработная плата составила 629 рублей.

Вызывает серьезную озабоченность обвальное сокращение количества исследователей научно-исследовательских подразделений вузов Министерства сельского хозяйства РФ. Их численность уменьшилась за период 1991—1997 гг. с 6989 до 605 человек, т.е. более чем в 11 раз. Из-за отсутствия финансирования научно-педагогический состав вузов не принимает участия в проведении научно-исследовательских работ.

Большинство сортов и гибридов сельскохозяйственных растений рассчитано на значительный уровень ресурсного обеспечения, которого в настоящее время недостаточно. Нужны новые сорта, но из-за недостатка средств отключены теплицы, фитотроны и другие культивационные установки, а это значит, что срок выведения новых сортов увеличивается как минимум в 3—4 раза.

В хозяйствах зачастую используются упрощенные технологии производства растениеводческой продукции, которые отличаются достаточно низким уровнем, что приводит к резкому падению урожайности и технологических качеств сырья. По этой причине резко сократилось производство сильного зерна, сахаристость отечественной свеклы в последние годы на 30—40% уступает зарубежной, понизилось качество овощей, картофеля.

Причинами нарушения технологий возделывания сельскохозяйственных культур стали: отсутствие необходимой в хозяйствах сельскохозяйственной техники, сокращение внесения не-

обходимых минеральных удобрений в почву более чем в 10 раз, усиление процессов закисления, засоления и эрозии почв из-за сокращения мелиоративных работ, резкого уменьшения вложений в известкование и фосфоритование. В целом по стране 45 млн. га пашни характеризуются повышенной кислотностью, 37 млн. га — низким содержанием фосфора, 63 млн. га — низким содержанием гумуса.

Сложившееся положение в растениеводстве во многом объясняется еще и значительным ухудшением в последние годы состояния отечественного семеноводства, которое сейчас находится в глубоком кризисе.

В связи с отсутствием у многих хозяйств средств на покупку дорогих семян элиты и I репродукции, ими используются собственные семена, а семена высших репродукций, в том числе и новых, только что районированных сортов, скапливаются на складах ОПХ-элитхозов, НИИСХ, учхозов вузов, селекцентров, а иногда идут на корм скоту или на мельницу. В результате в последние годы одна треть семян высшей репродукции не была реализована элитхозами по прямому назначению, а товаропроизводители потеряли миллионы тонн высококачественного зерна, картофеля, овощей, технических культур.

В дореформенный период в сельском хозяйстве был достигнут относительно высокий уровень механизации сельскохозяйственного производства. Глубокий экономический кризис в стране и АПК, потеря платежеспособного спроса сельскохозяйственных предприятий на технику, слабая протекционистская политика по сохранению рынков сельскохозяйственных машин и оборудования, отсутствие государственной поддержки предприятий тракторного и сельскохозяйственного машиностроения привели к развалу научно-технического и производственного потенциала отечественного машиностроения.

Объем товарной продукции на предприятиях отрасли сократился почти в 13 раз, в том числе по тракторостроению — в 10, по сельскохозяйственным машинам для растениеводства — более чем в 14, по машинам и оборудованию для животноводства и кормопроизводства — в 38, по двигателестроению — в 8, по компонентам машин и запасным частям — в 17, а использованию производственного потенциала — в 13—25 раз.

Нагрузка на 1 трактор пашни (га): в России — 122, США — 28, Англии — 13, Германии — 8, Италии — 6.

Для ухода за существующим парком машин ежегодно требуется около 30 триллионов рублей. Фактически расходуется в 4—5 раз меньше.

Промышленное производство основных видов продовольствия отброшено в среднем на 20—25 лет, а показатели производства молока в стране приближаются к уровню показателей 1914 го-

да. В крупных городах — Москве и Санкт-Петербурге — доля импорта составляет 80% от всего объема пищевой продукции.

По уровню жизни, в соответствии с «индексом человеческого развития» (ФАО/ВQЗ), Россия, до недавнего времени занимавшая седьмое место в мире, опустилась до сорокового».

С большим трудом в СССР создали мощную промышленность удобрений — сегодня она парализована, остатки ее работают на экспорт. России, как и при Столыпине, удобрения не по карману (см. рис. 11). Известно, что естественное плодородие обеспечивает урожайность не выше 7—8 ц зерна с гектара (в 1909—1913 гг. в среднем за год она составляла 6,9 ц). Больше не может компенсировать почва вынос питательных веществ, надо удобрять. При урожае 18—19 ц, как было в последние советские годы, вынос с урожаем был 124 кг питательных веществ с гектара, а вносилось 122 кг с удобрениями. Мы только-только подошли к равновесию. Оно было резко сломано. Применение удобрений в РФ упало с 14 млн. т в 1987 г. до 2,1 млн. т в 1994 г., а с 1995 г. удерживается на уровне 1,5 млн. т. В четыре раза уменьшилось и внесение органических удобрений.

Подумайте только, Россия сегодня вносит в гектар пашни в 6—7 раз меньше удобрений, чем страны «третьего мира» — Бразилия, Мексика. Не на 20—30%, а в 6—7 раз меньше! За пять лет скатиться с уровня развитой страны на уровень голодающих стран! Начиная с 1995 г. количество вносимых в почву удобре-

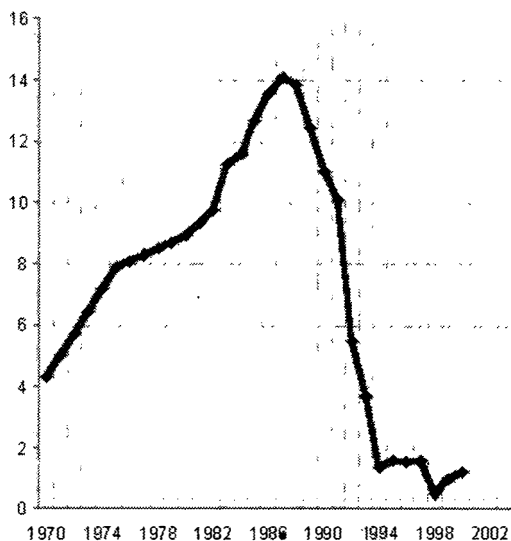

Рис. 11. Поставка удобрений сельскому хозяйству в РСФСР и РФ (млн. т)

ний колеблется в России около 13 кг/га. Для сравнения замечу, что в Китае в 1995 г. на 1 гектар было внесено 386 кг удобрений! В 30 раз больше! Резко сократилось и внесение в почву органических удобрений.

Россия начинает воспроизводить типичную «двойную структуру» сельского хозяйства «третьего мира» — есть небольшие оазисы относительного благополучия, а остальная земля *дичает*. В 1992 г. уже 40% площади под зерновые вообще не получило удобрений, а в 1993 г. эта доля достигла 75%! И с тех пор площадь удобряемых земель не повысилась. Эта политика не имеет никаких экономических оправданий — только в 1993 г. из-за лишения села удобрений недополучено продукции, эквивалентной 15—20 млн. т зерна.

Повышение эффективности при переработке зерна в комбикорм было бы примерно равно всему зерновому импорту России. По этому пути и шли, но реформа резко оборвала эту тенденцию и отбросила к наихудшему состоянию.

В 1992 г. по сравнению с 1989 г. заготовки упали: сена и силоса — на 35%, кормовых корнеплодов — на 69, травяной муки — на 71, производство комбикормов — на 35%, и ценность их снижается. В 1992 г. по сравнению с 1989 г. поставлено: рыбной муки в 3 раза, шрота и жмыхов в 4 раза, травяной муки в 6,5 раз и мелассы в 15 раз меньше. Выпуск белково-витаминных добавок упал более чем в 4 раза, азотных кормовых добавок — в 11 раз. Изменения такого масштаба означают, что производится, по сути, не комбикорм, а размолотое зерно. В «дореформенную» пятилетку 1986—1989 гг. в год вводились мощности по производству комбикорма на 3930 т в сутки, а в 1992 г. — на 100 т. Сегодня строительство практически прекращено.

Производство добавок для комбикорма, которое стали создавать для ликвидации перекорма зерна и освобождения от его импорта, было уничтожено к 1994 г., когда оно составило 2% от уровня 1990 г., а затем вообще прекратилось. Было уничтожено важное современное производство. В то же время сохранить поголовье скота можно лишь при быстром росте потребления зерна, ибо основной его потребитель — животноводство. Поначалу из-за этого пришлось резко увеличить импорт зерна, который антисоветские идеологи ставили в вину советской системе. Если в 1966—1970 гг. Россия импортировала в год в среднем 1,35 млн. т зерна, то в 1992 г. — 24,3 млн. т. В тот год Россия впервые вошла в режим потребления импортного зерна «с колес». Неоднократно разбронировался и неприкосновенный зерновой запас, величина которого уже на порядок ниже, чем в 50-е годы. Но ведь зерновой НЗ — на случай крайней бедствия и войны. Запустив в него руку, правительство красноречивее всяких слов признало: Россия потеряла продовольственную неза-

висимость, даже введя почти половину населения в режим полуголода.

В животноводстве идет снижение товарности и страшный откат в технологии и санитарии. Если производство мяса за годы реформы упало в целом в два раза, то переработка скота на мясокомбинатах — в четыре раза. Скот забивают на подворьях, и мясо продают на дорогах и в подворотнях.

Вот маленькая и весьма типичная выдержка из «Государственного доклада о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году» (М., 1993): «Настораживает расширение ареала синантропного трихинеллеза и увеличивающееся число заражающихся... Заболеваемость трихинеллезом, имеющая вспышечный характер, регистрировалась в 40 административных территориях Российской Федерации. Все вспышки трихинеллеза возникли в результате бесконтрольной торговли свининой подворного убоя без проведения санитарно-ветеринарной экспертизы... Прогноз по заболеваемости населения гельминтозами неблагоприятный. Отсутствие лечебных средств сводит на нет многолетние усилия учреждений здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы по оздоровлению очагов гельминтозов. Развитие и интенсификация индивидуальных хозяйств (частное свиноводство, выращивание овощей, зелени, ягодных культур с использованием необезвреженных нечистот для удобрения) приводит к загрязнению почвы, овощей, ягод, инвазии мяса и мясопродуктов» (с. 99).

«Бороться на рынке» село не может, т.к. не может охватить весь цикл и выйти с готовым продуктом: мощности хранения и переработки — в городе. Село с самого начала реформы стало беспомощно против диктата переработчика и торговца. Например, овощные базы принимали осенью 1993 г. картофель по цене 30—40 руб. при себестоимости 50—70 руб. Когда были нанесены первые сильнейшие удары по колхозам, идеологи этого поворота радовались: «село отступило на подворья». Умиление усилением подворья вызвано лишь тем, что оно внешне напоминает частное («фермерское») хозяйство. На деле подворье — уклад средневековый и совершенно не капиталистический. Его усиление — признак *разрухи*. Быстро свертываются «цивилизованные» формы интенсивного производства. Возрождаются архаичные технологии — с огромным откатом из-за того, что на селе уже практически отсутствует тягловый скот.

Возникает никогда не существовавшая, неизвестная миру система, сочетающая остатки современной электротехники с технологией раннего, «безлошадного» земледелия. Резко снижается энергоснабжение (рис. 12). Идет снижение товарности. По сравнению с «нерыночным» 1985 годом в «рыночном» 1992 году товарность зернового производства снизилась с 40 до 24%, а картофеля — с 22 до 8%. Уже на первом этапе перевода скота с

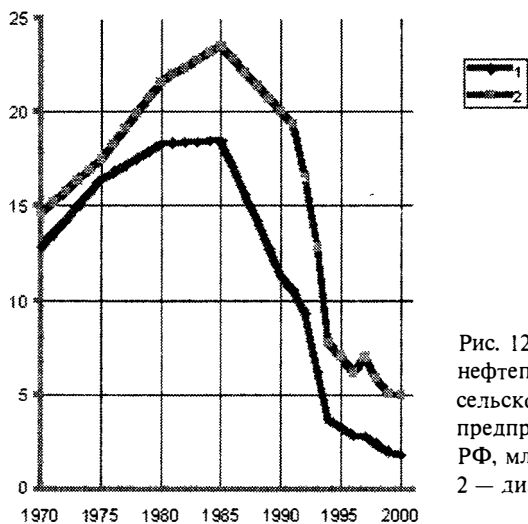

Рис. 12. Поставка (продажа) нефтепродуктов сельскохозяйственным предприятиям в РСФСР и РФ, млн. т (1 — бензин; 2 — дизельное топливо)

ферм на подворья при потере 1% поголовья коров товарность молока в России упала на 26%.

Прекратилось мелиоративное строительство — в России перестали орошать, осушать и известковать земли, качество почв быстро снижается (рис. 13). Снизилась породность стада, а значит, и столь любимая нашими либералами «эффективность». Вот прямой и простой показатель одичания: скоту теперь скармливается *больше корма*, чем в советское время, а продуктивность его *ниже*. В 1990 г. на производство центнера молока расходовалось 1,44 ц кормовых единиц, а в 1994 г. — 1,74 ц. Это очень резкое падение продуктивности. На центнер привеса крупного рогатого скота уходило 13,5 ц кормов, а в 1994 г. — 18,9, а на центнер привеса свиней имеем скачок расхода кормов от 8,3 до 12,5 ц. В два — два с половиной раза вырос падеж скота. Мы наблюдаем нарастающую архаизацию сельского хозяйства России, и никаких признаков перелома этой тенденции нет.

Когда разрушали колхозные и совхозные фермы, много говорилось о том, что их заменят оптимальные, современные частные животноводческие предприятия. Это говорилось неискренне. Уже в 1990 г. была опубликована сводка: средняя молочно-товарная ферма оптимальных для России размеров (70 коров) требует капиталовложений, равных ежегодному накоплению в 2 тыс. долларов в течение 60 лет. Откуда было взяться у нашего мелкого фермера таким деньгам?

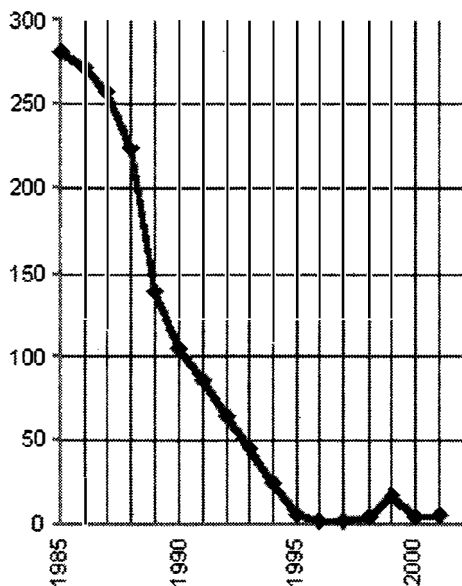

Рис. 13. Ввод в действие орошаемых земель в России (тыс. гектаров)

И всякие ссылки честных антисоветчиков на то, что они «хотели как лучше», имеют сегодня ничтожное значение — предупреждения о порочности всего плана реформ им делались уже в конце 80-х годов, а затем, в 1991—1992 гг., эта порочность была красноречиво и с очевидностью показана практикой. Но они, наши честные интеллигенты-демократы, даже не желают вслух признать очевидных фактов.

Посмотрите, какие цены установил новый хозяйственный строй на зерно и на хлеб. Цены на хлеб, производимый частными предпринимателями в городе, чудовищно завышены, но это тривиально. Из крестьян же, напротив, стали добывать зерно как фактор *природы*. А он, как следует из политэкономии, вообще не имеет стоимости — стоимость определяется только «затратами на добычу». Это и есть важнейший признак архаизации. Зерно не покупают через эквивалентный обмен, а именно *добывают*. Архаическая часть хозяйства страны производит ценности, как природа, а модернизированный уклад (скупщики зерна) добывают эти ценности бесплатно. Если добывают хищнически, как китов или зерно у нашего села, то довольно быстро уничтожают — и китов, и наших крестьян.

Все это общество легко приняло потому, что в течение 30 лет велась тихая, но интенсивная антиколхозная пропаганда. И почти все мы приняли в ней большее или меньшее участие — не думая о последствиях и «не зная общества, в котором живем».

Комментарий: о статистике. В этой главе приведено довольно много статистических данных. Часть читателей их отвергает в принципе — они «не верят статистике». Это глубоко ошибочная позиция.

Да, существует недоверие к статистике вообще (мол, статистика — «вид лжи»). Такое недоверие бессодержательно — любое измерение может быть ложью, особенно если его не понимаешь. Какой смысл, например, измерять температуру дикарю, если он не знает, что такое температура и что она говорит о состоянии здоровья. А если тебе это объяснили, то глупо отказываться от термометра.

Ложь при использовании измерений обычно кроется «в полах», на гранях. Прежде всего, можно подозревать манипуляцию, когда измеряют *неизмеримую* или даже *неформализуемую* величину и затем делают утверждения типа «Жить стало вдвое веселее», «С новыми памперсами попки стали на 40% здоровее». Легко манипулировать относительными величинами, всяческими индексами. Еще легче — средними величинами при большой неоднородности объекта («средняя температура по больнице» или «средние доходы в РФ»). Гораздо труднее ложно толковать *абсолютные натурные* показатели (например, число голов крупного рогатого скота, количество тракторов или тонн нефти). Здесь качество измерений зависит скорее от качества системы сбора информации. Это можно оценить, и обычно ошибка не настолько велика, чтобы принципиально повлиять на вывод.

Крупных сознательных фальсификаций в системе натуральных показателей быть не может, поэтому утверждение типа «советской (или, наоборот, российской) статистике верить нельзя» ложно в принципе. Да, верить (как и не верить) нельзя, когда говорят, что советские попки стали на 40% здоровее. Но когда говорят, что в РФ стало на два миллиона попок меньше, чем пять лет назад, то это весьма надежное утверждение.

Нельзя безоговорочно верить первым членам гомологических рядов (например, показателям первых пятилеток) — они всегда аномальны, ибо измеряются в состоянии хаоса *зарождения* ряда. А когда складывается стабильная система статистики, то она отражает *межотраслевой баланс*, и крупные фальсификации сразу обнаруживаются, причем кричащим образом.

Но статистика — настолько дорогая и необходимая система, что никто не будет ее создавать для того, чтобы обмануть ЦРУ или своего колхозника. Это предположение нелепо, никакое государство не в состоянии вести двойную бухгалтерию — одну для своих целей, другую — для идеологического обмана. Для целей идеологии вполне достаточно засекречивать натурные показатели, а в политических выступлениях применять побольше туманных показателей. Кстати, проверка советской статис-

тики была любимым делом американской советологии, и эти работы полезно читать. Ибо там наше бытие просчитывается с другими, нежели у нас, методиками, что проясняет некоторые моменты.

Мелкие надувательства, которые бывают в статистике, не страшны, поскольку они проявляются сразу же — именно при взгляде на баланс. Лет пять назад энтузиасты реформы стали кричать о буме в жилищном строительстве. Но данные по производству и импорту стройматериалов и оборудования показывали реальность. Для того бума, о котором они кричали, не существовало ни цемента, ни оконного стекла, ни унитазов. Нестыковка сразу бросалась в глаза.

Кроме того, важным средством контроля, доступным читателю, является сравнение показателей, полученных независимыми методами, подходя к объекту «с разных сторон». Например, важным индикатором благосостояния общества является статистика продаж — скажем, продуктов питания. Но важные коррективы вносит и прямое измерение потребления, тем более разными группами населения. Оно достигается изучением *семейных бюджетов*, которое в широких масштабах было начато в России уже в конце XIX века. В советское время проводилось регулярное изучение семейных бюджетов 90 тыс. семей. Сейчас размах гораздо меньше, но такая работа продолжается.

Сейчас Госкомстат РФ стал кое-что скрывать путем сокращения числа публикуемых показателей или таком их агрегировании, что трудно продолжать временные ряды. Иногда заменяют содержание — так, что весь временной ряд рвется. Но все это мелочи. Статистику очень полезно изучать, стараясь сравнивать взаимосвязанные показатели и брать как можно более длинные временные ряды.

Восприятие антиколхозного мифа: философские предпосылки.

Есть один тяжелый нерешенный вопрос: почему так легко поверили люди тем черным мифам, которые идеологи создали о наших крестьянах и колхозах? По мне, не было более несправедливой вещи, чем этот миф. Деревня на своем горбу вытянула и индустриализацию, и войну, и послевоенное восстановление — а о ней сказали, что она камнем висит на шее государства. Дотации, дотации! Как могли горожане в это поверить? Ведь это ложь, самая низкая. Деревня у нас всегда, до самого последнего времени, субсидировала город.

Причем ложь эта — не только о колхозах, а вообще о русском крестьянстве. И даже, если хотите, о Столыпине. Из него сделали какого-то попку, только и повторяли его фразу: «Нам нужна великая Россия». Вникнуть в его дело не пожелали. А ведь он прошел трудный путь — попытался разрушить общину и пре-

вратить крестьян в фермеров и рабочих. И сам понял, что это невозможно. Он проверил важнейший для нас вариант и даже заплатил за опыт своей жизнью, но разве мы все учли его урок? Нет, нам сумели привить в сознание «экономический идиотизм».

Сейчас под прикрытием сказки об «инвестициях» превращают землю в товар. Мне позвонили из Академии наук Украины, хотели издать сборник серьезных статей, отражающих дебаты о земле в России. Статьи против купли-продажи они нашли, а статей за куплю-продажу не нашли ни одной! Просят найти — не может же быть такого. Я стал искать, опрашивать специалистов. Нет таких работ, одни заклинания. Что же это творится!

Вспоминая разговоры о колхозах, которые велись в интеллигентной среде с 60-х годов, я с удивлением вижу, что в этой среде соединились идеи, казалось бы, несоединимых, крайне враждебных течений — либерализма и троцкизма. Их объединяет лишь общий евроцентризм и исходящая из него ненависть к крестьянству (и ненависть к аристократии — но это особая тема).

Общество, проникнутое евроцентризмом, видит в крестьянстве главного своего врага. Подумать только: Льву Толстому, великому философу ненасилия, не дали Нобелевскую премию мира за то, что он был выразителем психологии крестьянства. А потом другая комиссия ему, самому крупному писателю того времени, отказала в Нобелевской премии по литературе — по этой же причине. Раз замолвил слово за крестьян — ты уже враг цивилизации!

Индустриализм в его евроцентристской версии. Сегодня антикрестьянская идеология в России приобрела радикальный, даже фанатичный характер. Известно, что во всех культурах, где устояло под ударами Запада традиционное общество, земля священна, а крестьяне — хранители корня народа. И в мыслях нет подходить к ним с монетаристскими мерками. В Японии запрещено импортировать рис, хотя на внешнем рынке он стоит в пять раз (а в некоторые годы и в восемь раз) дешевле, чем платить своему крестьянину. Платят — и потому-то ничего с ними американцы не смогли сделать, хоть и оккупировали.

В отношении к крестьянству мыслями нашей интеллигенции завладел самый упрощенный, механистический индустриализм. Подавай им фермера, и все тут. Западный способ ведения сельского хозяйства — это частная собственность на землю и рынок труда, на котором фермер-предприниматель покупает рабочую силу сельского пролетария. Это аналог фабрики на земле. Многие поверили, без всяких доказательств, что это гораздо эффективнее некапиталистических способов хозяйства. Из того, что знает сегодня наука, можно вывести, что это утверждение лож-

но или в лучшем случае ошибочно. Начнем с самого старого способа — семейно-общинного, с примитивной технологией.

Русский читатель мало знает о колонизации европейцами стран с традиционной культурой. Нас это как-то мало интересовало, и лишь сегодня стало вдруг очень актуальным. И я с большим интересом прочел случайно попавшую мне в руки книгу английской писательницы, дочери колониста в Родезии (Зимбабве), — ее детские впечатления.

Книга ценна тем, что в ней подробно описаны два мира сельского хозяйства — африканской общины и плантации фермера-колониста. Вышло так, что девочка подружилась с престарелым вождем племени и стала ходить в африканские деревни, просто смотреть. И ее мучила мысль: почему у африканцев земля производит невероятное изобилие плодов, так что они свисают на трех уровнях, и люди в деревне веселы и проводят досуг в долгих беседах, попивая из тыковки пальмовое вино, — а у белых колонистов земля вообще ничего не родит, они бедны, злы, по уши в долгах и норовят отнять коз у африканцев (а потом и вообще всю их землю)?

И хотя девочка ответа не сформулировала, он складывался из всех ее обыденных впечатлений. Земля отвечала африканцам на заботу, потому что это была их земля, часть их самих — хотя она и была общинной. А дальше уже можно перевести это на язык агрономии, знания почвы, климата, растений и насекомых.

Загнанные в тропический лес индейцы Амазонии и сегодня питаются с такого клочка земли, что ученые считают, пересчитывают и не могут поверить. Я сам был с бразильскими учеными, которые изучают индейский способ ведения хозяйства, у таких «фермеров», к которым надо добираться по протокам Амазонки.

Это действительно поражает. С одного гектара леса, не вырубая деревьев, живет большая семья. Они сажают свои культуры прямо в лесу, отыскивая по едва заметным признакам пяточки самой подходящей почвы размером в несколько квадратных метров. В их языке множество тонких определений видов почвы. А для колонистов, получивших в частную собственность землю застреленных аборигенов и распахавших ее на простыни-плантации, она все равно была чужой, была объектом эксплуатации. Африканец и индеец, обладающие космическим чувством «примитивного» человека, были частью окружающего их мира и чувствовали его. Перемолотый научной революцией и Реформацией колонизатор оказался вне мира — он стал его покорителем и эксплуататором (и все больше — врагом). Почему же наши русские интеллигенты в этом вопросе пошли за колонизатором, а не за крестьянином и А. В. Чаяновым?

Конрад Лоренц, изучавший связь между инстинктами и куль-

турой, указал на принципиальную разницу: фермер-капиталист свободен по отношению к земле, он ее *эксплуатирует* как любое другое средство производства, а если невыгодно — продает. Крестьянин же землю *любит*. И в долгой перспективе крестьянское хозяйство гораздо эффективнее, ибо фермер землю разрушает.

Китайский крестьянин две тысячи лет кормит с небольшой площади четверть населения Земли. На 100 человек здесь 8 га пашни — и Китай давно не знает голода. А в Бразилии — 46 га пашни. Да какой! Невероятно плодородной, при обилии солнца и влаги. Перед конференцией «Рио-92» мы с одним китайским ученым пересекли Бразилию, и он сказал, что китайский крестьянин с такой земли мог бы кормить все человечество. Но в Бразилии земля у иностранных фирм и крупных фермеров. И здесь, при тракторах с компьютерами, постоянное недоедание и острая нехватка в пище белка и витаминов у половины населения.

А в США дело вообще зашло в тупик: для поддержания плодородия лишь недавно поднятой целины прерий здесь вгоняют в землю то ли 6, то ли 10 калорий арабской нефти для получения одной пищевой калории. Ведь уже одно это показывает: американский способ, по сути, выворачивает наизнанку сам смысл сельского хозяйства. Ведь смысл этот в превращении в глюкозу воды и углекислого газа с помощью солнечной энергии посредством зеленого листа. Если считать эффективность хозяйства не в деньгах, а в расходе энергии (а именно так уже и следовало бы считать), то американский фермер откатился далеко назад даже от европейского фермера прошлого века, когда еще было сильно влияние крестьянской традиции.

Наш ученый-народник С. А. Подолинский, разрабатывая новую («незападную») теорию труда, привел такие данные: французский крестьянин при производстве пшеницы затрачивал одну калорию труда (своего и лошади) на получение 8 калорий в зерне (пищевые калории) и 14 калорий в соломе. По энергетике он был в 80 (!) раз эффективнее, чем в США через 120 лет прогресса.

Индия до англичан не знала постоянного голода. Он возник лишь в годы стихийных бедствий. Это была изобильная земля, хватало на создание богатейшей материальной культуры и искусства. В Индии собирали высокие урожаи, возделывая поля деревянной сохой. Возмущенные такой отсталостью колонизаторы заставили внедрить современный английский отвальный плуг, что привело к быстрой эрозии легких лессовых почв.

Как пишет К. Лоренц, «...неспособность испытывать уважение — опасная болезнь нашей цивилизации. Научное мышление, не основанное на достаточно широких познаниях, своего

рода половинчатая научная подготовка, ведет к потере уважения к наследуемым традициям. Педанту-всезнайке кажется невероятным, что в перспективе возделывание земли так, как это делал крестьянин с незапамятных времен, лучше и рациональнее американских агрономических систем, технически совершенных и предназначенных для интенсивной эксплуатации, которые во многих случаях вызвали опустынивание земель в течение немногих поколений».

Дело не в технологии. К разрушительным последствиям везде вело вторжение европейца с рыночной психологией в крестьянскую среду с общинным мышлением. А. В. Чаянов как-то заметил: «Вполне прав был фрейбергский профессор Л. Диль, который в отзыве на немецкое издание нашей книги писал, что забвение отличий семейного хозяйства и экстраполяция на него экономики А. Смита и Д. Рикардо привели англичан в их индийской хозяйственной политике к ряду тяжелых ошибок». Анализом этих ошибок и занялся русский ученый-аграрник.

Вместо того чтобы поддержать кооперативы и на их основе увеличивать разнообразие аграрной системы, помогая подняться и семейным хозяйствам, и фермерам западного типа, наши реформаторы решили просто удушить сам тип крестьянского земледелия — хоть кооперированного, хоть семейного. Это они могут делать только с молчаливого согласия горожан, и прежде всего интеллигенции. Вот это и есть самое страшное, и этого не изменить политическими средствами. Тут требуется катарсис, переосмысление самих оснований мышления всего культурного слоя страны.

Когда я смотрю, как устроен труд фермера в Испании — а это самая «крестьянская» страна Запада, — то думаю, насколько была бы легче жизнь наших крестьян, если бы в село век за веком вкладывались, а не изымались средства. Если бы к каждому полю вела асфальтированная дорога, если бы везде были эти каменные хранилища и овчарни. Ведь ни один трактор там не остается на ночь на улице — у каждого есть хорошо оборудованный гараж. Уж не говорю о массе небольших, но таких полезных машин и инструментов.

Но Россия не имела колоний, за счет которых росли города и фабрики Запада, — она все черпала из своей деревни. Проклинай, сколько угодно, историю, но ее не изменишь! И теперь России за ее историю мстят — предлагают подчинить русскую деревню пришельцам из совсем иной цивилизации, выросшим на совсем иной земле и в иной культуре. Никакого синтеза при этом получиться не может, потому что пришельцы-«демократы» ведут себя как завоеватели.

Сельское хозяйство — особая сфера, это не столько производство, сколько *образ жизни*. И когда говорят, что сельское хо-

зайство СССР было неэффективно, ибо в нем работало 23 млн. человек, а в США только 3 млн., то это заявление абсурдно, так может говорить именно только пришелец. А свой человек скажет, что наше сельское хозяйство *давало возможность* трудиться на земле и жить в селе 23 млн. работников, а около них — еще 80 млн. членов их семей и пенсионеров. А в США фермы давали место для жизни только трем миллионам, вытеснив в города безработных.

Если с этой точки зрения посмотреть на безумные планы тотальной «фермеризации» русской деревни, то видно: речь идет о попытке разрушения образа жизни всей страны, а не только села. Представим на минуту, что наше село стало «как в Америке». Это значит, что с земли будут согнаны десятки миллионов человек, что в городах вырастут, как раковые опухоли, норы из жести и картона, а живущие сегодня в родных колхозах 20 млн. стариков заполнят богадельни и подворотни. Не так ли, мистер Черниченко?

Наша национальная трагедия в том, что почти весь культурный слой России, не желая задуматься, уверовал, что сермяжный крестьянин, хоть до революции, хоть колхозник, конечно же, в подметки не годится американскому фермеру с его белозубой улыбкой и шегольским картузом. Какое ничтожное мышление! Это даже не трагедия, а наш общий позор.

Один чех из Академии наук рассказывал мне, как его на всю жизнь потрясло то, что он увидел в детстве, в мае 1945 г. Мимо их дома уходили отступавшие на запад немцы. На мощных грузовиках, в идеальном порядке, все как на подбор, со сверкающим оружием и гордым видом. Через какое-то время на дороге появились русские солдаты, в обмотках и потрепанных телогрейках. Они понуро шли гурьбой, неся винтовки на плече, как лопаты. И тот чех, тогда мальчик, спросил отца: «Папа! Это — победители? А те, немцы, — разбитые?» И отец ответил туманно: «Да, сынок, победители. Посмотри на них внимательно. Их не остановить».

Тот на всю жизнь удивленный чех хотя бы пытался это понять, хоть задумался. А наша интеллигенция, глядя на крестьян, не желает задуматься и все мечтает о каких-то немцах.

Меня давно не покидает тяжелое чувство. Забыв войну и оторвавшись от деревни, в очень большой своей части наши горожане испытали глубокую деформацию сознания, восприятия мира. О важнейших вещах они стали судить по внешним, часто несущественным признакам. Углубляясь, эта деформация может стать несовместимой с самой жизнью народа — он теряет ориентацию в пространстве. Они, как тот маленький чех, не верят, что победителем может быть наш солдат в обмотках и телогрейке, наш колхозник в кирзовых сапогах, наш научный ра-

ботник с зарплатой 120 руб. Все это — явления одного порядка. И нет, как у того чеха, заботливого отца, который бы слегка вразумил.

Независть к колхозам как часть «независти к своему». Сделаю небольшое отступление и скажу о советской науке — по структуре отношение к ней было абсолютно таким же, как к колхозному сельскому хозяйству. Возможно, с интеллигентом легче будет объясниться, начав с науки, а потом ему уже будет понятнее и крестьянский двор, и колхоз. Наука у нас была устроена *иначе*, нежели на Западе. И наши ученые и инженеры в массе своей считали ее такой же сермяжной и неэффективной, как колхозы. Источники этого ложного восприятия (вернее, сбоек в мышлении) — в тех же самых идолах сознания. Потеряли люди меру, критерии подобия и критерии полезности.

С 1985 г. я руководил подготовкой первого тома «Комплексной программы научно-технического прогресса СССР до 2010 года». В числе прочих работ мы вели инвентаризацию приборного парка и приведение его к общему знаменателю по «измерительной мощности» приборного парка США, который был взят для сравнения. Статистика приборного парка в деньгах и в натуре была довольно надежной. Приведение к одной «лошадиной-приборной силе» мы делали по нескольким основаниям — динамика роста измерительной мощности приборов одного принципа была известна. Методика расчета обсуждалась в отделе науки ЦК трудно, но больших возражений не нашлось*.

Итак, мы имеем факт: в середине 80-х годов один исследователь в СССР имел инструментальных измерительных возможностей (в пересчете на одинаковые условные единицы) в 200 раз меньше, чем в США**.

По остальным материальным условиям был примерно такой же разрыв. В США 60% потенциала науки (не считая подпитки всем потенциалом Запада) расходовалось на оборону. Наши

* Верхушка АН считала, что эти данные порочат страну, а я считал, что они говорят не только о силе системы, но и о необходимости глубоких структурных преобразований.

** Все же цифру в окончательном варианте текста смягчили, и осталось так: «Пересчет стоимости установленных в сфере НИОКР научных приборов с учетом их возраста (морального износа) и соотношения цен на приборы эквивалентных технических возможностей разных стран показывает, что в настоящее время 1 научный работник в СССР обеспечен эквивалентными приборными возможностями в среднем в 80—100 раз хуже, чем 1 научный работник США» (с. 27). На деле разрыв был больше, чем в 200 раз, вследствие потери системности нашего приборного парка во многих лабораториях из-за нехватки компьюте-

системы оружия по научной насыщенности имели примерный паритет с США. То есть по ключевым критериям полезность советской науки была сравнима с западной. Как это могло быть при таком разрыве в материальных ресурсах? Это могло быть потому, что разрыв компенсировался ресурсами культурными — типом мышления («русским научным стилем») и типом кооперации людей. Этот тип кооперации был воплощен в советском типе организации коллективов и в таком жизнеустройстве, когда человек, имея зарплату 120 руб., мог беззаботно предаваться размышлениям о своем научном предмете.

В принципе, обеспечение этими же ресурсами делало и нашего колхозника столь эффективным, что всякие лацисы и урновы и осмелиться не могут обнародовать достоверные данные и вынуждены лгать самым примитивным образом.

Но поговорим не о них, а о нас всех — их духовной пастве. Я вижу такие дефекты в главных блоках нашего сознания, которыми эти манипуляторы умело пользовались.

Доктринерский тип мышления. Та часть интеллигенции, что прильнула к антисоветскому роднику, поразительно легко приняла на веру самые упрощенные идеологические доктрины. Например, «рыночники» утверждают, что частная собственность на землю — естественное право. То есть оно во все времена, как бы биологически, присуще человеку. Раз так, то не о чем спорить — против естественных законов не погрешь. И этой чуши благосклонно внимают.

Просто стыдно перед лицом многих поколений антропологов, которые этот вопрос изучили досконально. Ну о каком естественном праве частной собственности может идти речь, если период самого существования частной собственности как института составляет 0,05% от жизни человеческой цивилизации, а земледелие, начиная с которого вообще появилась собственность, — 2%? Ведь если принять этот идеологический фантом, то придется считать, что до Французской революции на земле жили не вполне люди.

На деле уже Руссо, а за ним отцы-основатели США заявили: частная собственность есть *общественный договор* (контракт), а раз так, то надо договариваться, а не подходить к делу с религиозным фанатизмом. Собственность на землю — продукт общественных отношений. Ничего «естественного» или «священного» в ней быть не может, она — творение человека, созданное во вполне определенный исторический момент во вполне определенных конкретных условиях.

Можно было бы вести рациональный разговор о том, не наступили ли благоприятные условия для частной собственности на землю в СССР (России), не имеет ли смысл денационализ

ровать землю и предложить крестьянам превратиться в капиталистических фермеров. В таком разговоре каждая сторона могла бы привести разумные доводы, и затем, в соответствии с балансом политических сил, реформа приняла бы тот или иной характер. Но ничего этого не было, в горожанах возбудили совершенно иррациональную неприязнь, а потом и ненависть к колхозам. Их искусственно превратили в толпу, способную безответственно разрушить источник своего собственного пропитания.

Историк крестьянства В. П. Данилов рассказывал на симпозиуме «Куда идет Россия?» в декабре 1994 г. о том, как он участвовал в совещании М. С. Горбачева с Комиссией по вопросам аграрной реформы в августе 1990 г.: «Собравшихся перед залом заседаний Секретариата ЦК КПСС обходил завсельхозотделом ЦК КПСС И. И. Скиба и с каждым в отдельности о чем-то обменивался двумя-тремя фразами. Мне он доверительно сказал, что я могу получить слово для выступления, если выскажусь за введение частной собственности на землю и включение ее в товарный оборот. Услышав в ответ, что я против того и другого, Скиба сразу утратил ко мне интерес и тут же с той же доверительностью повел разговор с кем-то другим.

На заседании выступавшие уверяли в необходимости частной собственности на землю и в своем единодушии с генсеком, выразившим при открытии встречи сожаление, что у него нет такого орудия земельных реформ, каким располагал Столыпин, — землеустроительных комиссий. Их поддержал оказавшийся там Н. И. Шмелев, горячо требовавший перехода от слов к делу» («Куда идет Россия?.. Альтернативы общественно-го развития». М.: Аспект Пресс, 1995. С. 327).

Доктринерство, присущее антисоветскому мышлению, усугублялось отключением исторической памяти. Как можно было не вспомнить, что в России по какой-то причине не было частной собственности на землю! Как было не задуматься: по какой же причине? Ведь почему-то разделились пути германской и славянской земледельческой общины еще в Средние века — одна пошла по пути выделения хуторов и утверждения частной собственности, а в другой сохранилось общинное уравнительное землепользование. Землей в русской общине наделялся каждый новый появившийся на свет ребенок. Понятно, что частной собственности и не могло при этом возникнуть.

Эта гибкость связи рабочих рук с землей оптимизировала продуктивность всей системы вовлеченных в производство ресурсов. Поэтому крестьянский двор с опорой на общину в России был продуктивнее, чем фермер, ведущий на той же земле капиталистическое хозяйство. А. В. Чаянов писал: «Несмотря на кажущуюся парадоксальность, мы смеем даже утверждать, что крестьянское хозяйство будет готово платить за землю тем боль-

ше, чем у него меньше и чем оно беднее. Исследования проф. В. А. Косинским динамики земельных и арендных цен в России... свидетельствует о том, что цены, которые малоземельные крестьянские хозяйства платят за землю, значительно превышают капиталистическую абсолютную ренту»*.

Как можно было, имея за спиной Льва Толстого, Энгельгардта, Столыпина и Чайнова, поверить, что фермер у нас будет продуктивнее колхоза? Ведь для такого предположения не было абсолютно никаких оснований — а верили, как в Откровение. И кому верили!

Еще важнее, что в общине и в колхозе возникал, по сравнению с капиталистической фермой, особый образ жизни. Такой, при котором *не было места мальтузианству*, «запрету на жизнь» для бедных. Они не боялись иметь детей, ибо те, подрастая, получали доступ к земле. Иной была ситуация на Западе. А. В. Чайнов подчеркивает: «Немало демографических исследований европейских ученых отмечало факт зависимости рождаемости и смертности от материальных условий существования и ясно выраженный пониженный прирост в малообеспеченных слоях населения. Известно также, что во Франции практическое мальтузианство наиболее развито в зажиточных крестьянских кругах».

Можно высказать тяжелое предположение: если в России идеи мальтузианства проникнут в массовое сознание, это будет означать довольно быструю гибель русских как народа. Бедные станут умирать, а на их место станут опускаться все новые и новые миллионы разоренных «рыночниками» русских.

Человеку свойственно заблуждаться — но ведь и обдумывать свои ошибки, учиться на них! Люди старшего возраста помнят, как уже в 70-е годы стали поговаривать, в качестве обвинения колхозному строю, что СССР импортирует продовольствие. И это обвинение казалось убедительным! А во время перестройки мы уже каждый день слышали от Черниченки с Селюниным, что якобы Америка нас кормила. Я лично помню, как у меня как будто что-то шелкнуло в уме, и я с испугом понял, что много лет бездумно принимал тезис, который теперь мне показался очевидно нелепым. Именно *очевидно нелепым* — как же я мог этого не видеть? Почему покупать продовольствие для улучшения питания своего населения ставится стране и ее хозяйству в вину? И почему это ставится в вину только СССР? Разве другие, «правильные» страны не импортируют продовольствие?

Я заглянул в общедоступный справочник. На душу населения ФРГ ввозила в 4 раза больше мяса, чем мы, Италия в 7 раз

* Кстати, наше общество вправе предъявить антисоветским экономистам и политикам обвинение в сознательном утаивании научных данных, прямо касающихся проблем аграрной реформы в России.

больше. Выходит, ввоз продовольствия в СССР был очень невелик по сравнению с «развитыми» странами? Почему же Черниченко не призывает разгонять там фермы и устраивать колхозы? Стоит чуть-чуть задуматься и видишь, что импорт продовольствия может быть или признаком острой нехватки, голода или угрозы голода — или признаком достатка, хозяйственного благополучия.

В середине 80-х годов РСФСР собирала до 120 млн. т зерна в год — и при этом еще ввозила. Это было признаком благосостояния страны, уже можно было за продукцию промышленности прикупать зерно, чтобы люди лучше питались. Как мы могли поверить, что импорт зерна при таком уровне производства был признаком отсталости! Ведь это глупо. Теперь РФ подряд три года собирает 50—60 млн. т зерна в год — и начинает его экспортировать, к радости Грефа. А у детей России, согласно последнему докладу Минздрава (за 2000 г.), уже наблюдается массовая нехватка веса от недоедания.

Как же понять логику наших склонившихся в антисоветизму людей? Они восхищались царским правительством, при котором крестьяне ели лебеду, а хлеб вывозили («недоедим, а вывезем», как выразился министр финансов Вышеградский). В 1911 г. был сильный голод, который затронул 32 млн. крестьян, — а на экспорт отправили 53,4% товарного зерна. К этому мы и возвращаемся — и они это приветствуют?

В декабре 1993 г., высоко оценивая результаты реформы в сельском хозяйстве (спад в котором составил к тому моменту 40%), уже упоминавшийся О. Лацис сказал, на мой взгляд, чудовищную вещь: «И наконец, важнейший результат — впервые за 30 лет Россия приступает к экспорту зерна, радикальным образом сократив импорт зерна, одновременно сократив импорт мяса и некоторых других продовольственных продуктов, которые можно производить в России» («Куда идет Россия?..». М.: Интерпракс, 1994. С. 47).

Все мы учились в школе и можем свести в систему пару величин. Если отечественное производство упало почти вдвое, если при этом прекращен импорт продовольствия и одновременно начат его экспорт, то это означает, что население России испытывает массовое недоедание, неминуемо ведущее к утрате здоровья и вымиранию людей. О. Лацис, который ставит это в заслугу реформаторам, является, на мой взгляд, существом с патологическим сознанием. Но не о нем речь, а о тех гражданах, которые ему с доверием внимают и не замечают этой патологии.

И это — не просто болтовня экономиста-людоеда из «Известий», это — часть стратегии антисоветских реформаторов. Ориентация на экспорт заявлена в государственном документе —

«Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу» (так называемая «программа Грефа»). В ней сказано: «Поддержание экспортной ориентации этих секторов (производство зерна и картофеля) будет одним из основных приоритетов в структурной политике в области АПК».

В программе Грефа 237 страниц. Я их читал и перечитывал — искал, каким же путем будет обеспечено выполнение его замысла. Нашел одну только туманную фразу: «В ближайшее время реализовать следующие первоочередные меры... создать условия для технологического переоснащения аграрного производства». И это — программа действий! До чего же мы докатились к началу XXI века, до какого маразма. Представляет ли этот «министр экономического развития» России, сколько стоит не то чтобы «переоснастить» сельское хозяйство, а хотя бы восстановить уровень 60-х годов?

Редукционизм. В отношении к сельскому хозяйству это общее свойство антисоветского мышления проявилось в самой драматической форме. Люди удивительно легко принимали логику рассуждений, в которых из рассмотрения исключались важнейшие условия нашей действительности. При этом проблема вообще теряла разумные очертания, она вырывалась из того контекста, в котором только и имела смысл. Так, было невозможно уговорить людей принять во внимание почвенно-климатические условия СССР — это для сельского хозяйства!

Говоря о якобы низкой рентабельности колхозов, никогда не принимали в расчет расстояния от поля до главных мест потребления (или хотя бы расстояния от поля до железной дороги) — хотя уже в дореволюционной экономической науке роль этого фактора была досконально изучена и даже математически выражена. Как это понять? Ведь очевидно, что транспортные издержки в России всегда были очень велики. Например, в 90-е годы XIX века во внешней торговле они в России были в 6 раз выше, чем в США, — разве это не влияет на рентабельность? И это — данные из учебника, но люди поражаются, когда их слышат.

Во всей антиколхозной кампании ее идеологи сумели совершить очень большой подлог, который, кажется, трудно было не заметить — а ведь не заметили. Не захотели заметить. Он заключается в том, что в нехватке продовольствия, в его импорте, в очередях и т.д. обвиняли именно колхозы и совхозы — те предприятия, которые работали *непосредственно в поле и на фермах*. А между тем эти предприятия всего лишь часть той системы, которая поставляла продовольствие на стол горожанам, — агропромышленного комплекса (АПК). Прежде чем обвинять

колхозы, надо было сначала убедительно показать, что именно они являются критическим элементом этой системы, что именно из-за них на столе нехватка продуктов (допустим даже, что такая нехватка действительно была). Но так вопрос вообще никогда не ставился — вернее, эту постановку вопроса массовое сознание отвергало. Виноваты колхозы — и все тут!

Давайте хоть сейчас взглянем, каковы были тылы нашего колхозника, как его поддерживали смежники, как обеспечивали его средствами производства. Без учета этих величин теряет смысл всякий разговор об эффективности. А ведь эти факторы вообще лежат вне сферы сельского хозяйства и никак не связаны с формой собственности на землю. Если смежники сильно отстали, то разгони все колхозы и преврати всех в фермеров — лучше не станет.

Вот простой показатель: сколько человек обеспечивает труд одного пахаря в производстве его средств производства (машины, удобрения и т.д.)? В США на одного фермера работало 2 человека, а в СССР на одного колхозника 0,33 человека. А сколько работает в доведении продукта пахаря до стола (транспорт, хранение, переработка, сбыт и т.д.)? На одного фермера в США — 5 человек, а на одного колхозника в СССР — 0,16 человека — в 30 раз меньше.

Важнейшее условие нормальной работы сельского хозяйства — дороги, особенно если уборку и перевозку продукта поджигает погода, как это и было почти на всей территории нашей страны. В СССР было 39 км шоссейных дорог на 1000 кв. км, а в США — 601 км. О Европе и говорить нечего: во Франции — 1364, в Англии — 1499, даже в Польше — 493 км. Что же сделали хулители колхозов, когда пришли к власти, — приступили к ликвидации диспропорций? Да нет, не для этого разгоняли колхозы. Еще в 1991 г. в колхозах и совхозах РСФСР было построено 33 тыс. км дорог с твердым покрытием, а в 1995 г. — менее 800 км. Спад в сорок раз за четыре года.

Таким образом, все главные постулаты кампании по очернению советского сельского хозяйства были ложными, антиколхозная позиция была навязана людям недобросовестными идеологами, и подлог этот раскрыть было бы нетрудно. Один из ведущих социологов деревни В. И. Староверов писал в 1985 г.: «Анализ показывает, что сегодня наиболее слабым звеном производительных сил АПК являются не колхозы или совхозы, а неаграрные отрасли этого комплекса».

Некогерентность мышления (разрывы логики). Вот в роскошном журнале «Новая Россия» в августе 1999 г. статья Л. Владимирова «Политические технологии». Автор — «круглой» антисоветский националист, но подходит к вопросу и от теории стои-

мости. Он давит на сострадание к бедным русским крестьянам, замученным советской системой: «Трудоемкость такой сельскохозяйственной культуры, как картофель, примерно совпадает с трудоемкостью цитрусовых. Поэтому на мировом рынке цены на картофель близки к ценам на цитрусовые. Нетрудно представить себе, во сколько раз картофель был дешевле цитрусовых в системе СССР, и вспомнить, какие регионы производили картофель, а какие — цитрусовые. Сопоставление рисует нам дискриминацию русских регионов». Да, сопоставление рисует нам...

Здесь все — нелепость, начиная с утверждения, что везде в мире апельсины идут по цене картошки (хотя на Западе апельсины действительно дешевле, потому что их выращивают марокканцы и бразильцы, а картошку — голландцы и немцы, так уж климат распорядился). Но и в крупном производителе цитрусовых, Израиле, апельсины, как следует из недавней газеты, стоят 6 шекелей, а картофель — 2. В Испании разрыв еще больше.

Но главное — абсурдная логика в приложении именно к России. Если трудоемкость выращивания апельсинов была такой же, как и картошки, то почему бы брянским колхозникам было не выращивать апельсины? Они же выгоднее! Чего было Хрущеву мелочиться, кукурузу внедрять — приказал бы сразу лимоны и финики сеять. Тоже, видно, русофоб был, не давал русским регионам заработать. И почему русские «в системе СССР» стояли в очереди за апельсинами, брали их по такой завышенной цене? Интересы своего не понимали? Да что цитрусовые, трудоемкость производства тонны картофеля была примерно такой же, как добычи пяти тысяч тонн нефти. Значит, и цену надо было одинаковую установить — за килограмм картошки как за 5 тонн нефти?

Когда упорядочишь антиколхозные утверждения по типу главной мысли, возникает поразительная картина — в обществе удалось создать устойчивую неприязнь к важнейшей системе его жизнеобеспечения, при том что под этой неприязнью нет абсолютно никакой солидной и разумной базы. Если с каким-то энтузиастом антиколхозной кампании удастся распутать какое-либо из его умозаключений, ему и самому становится видно, что оснований для его установки нет, но он все равно на ней настаивает. Понятно, что при таком состоянии умов ни о каком выходе из кризиса не может быть и речи — людьми как будто овладела *воля к смерти*.

В 1955 г. я с друзьями-студентами ходил в лыжный поход по Северному Уралу. Это довольно суровый ненаселенный край. Мы проходили невдалеке от сопки, где за год или два до этого произошла непонятная трагическая история. Сидя у костра перед ночевкой, мы все о ней молча думали. Такая же группа сту-

дентов, как мы, во время ночевки вдруг поддалась необъяснимой панике и, взявшись за руки, бросилась прочь от костра и палаток, проваливаясь в глубоком снегу. Они все потеряли способность здраво рассуждать и замерзли в двух шагах от лагеря. Никаких признаков нападения на них или какой-либо другой опасности обнаружено не было — да и какая другая опасность может быть хуже неминуемой смерти!

Сейчас, изучая уже десять лет реальность советского сельского хозяйства и ее восприятия в массовом сознании горожан, я непроизвольно вспоминаю тот случай. Мы бежали от надежного источника пищи — пусть не от страха, а увлеченные миражом, природа психоза несущественна. И вот, проедаая последние крохи советских запасов, мы продолжаем брести к этому миружу, сами в него уже не веря, но не желаем даже задуматься.

Колхозы и питание советского человека. Когда ломали нашу «империю зла», большие усилия приложили идеологи, чтобы в нашем сознании сложилось убеждение, будто мы плохо питаемся. Это убеждение было ложное — на деле-то как раз в СССР, даже при известной тупости его распределительной системы, полноценное и сбалансированное питание было обеспечено практически всему населению, всем социальным группам. У каждого ребенка на столе было масло и полная сахарница. Это прекрасно известно специалистам, но их тогда попросили помолчать. А мы поверили пропаганде, потому что имели к этому *предрасположенность*.

В 1988 г. молока и молочных продуктов в среднем по СССР потребляли 356 кг в год на человека (в США — 260), но при опросе 44% ответили, что потребляют недостаточно. Более того, в Армении, где велась особо сильная антисоветская пропаганда, 62% населения было недовольно своим уровнем потребления молока. А между тем его поедалось там в 1989 г. 480 кг. И самый красноречивый случай — сахар. Его потребление составляло в СССР 47,2 кг в год на человека — свыше оптимальных медицинских норм (в США — 28 кг), но 52% опрошенных считали, что едят слишком мало сахара (а в Грузии недовольных было даже 67%). «Общественное мнение» никак не отражало реальности. Таково было массовое *восприятие* реальности, а оно в значительной степени было создано идеологами и прессой. Как говорят сегодня иные пенсионеры, «мы очень плохо жили в СССР, но не знали об этом». Но им объяснили добрые люди.

Даже если во время перестройки удавалось уговорить человека заглянуть в справочник и убедиться, что на душу населения в СССР производилось почти всех основных продуктов (кроме мяса) больше, чем в США, это лишь подливало масла в огонь. Ах, так! Но если в СССР на душу населения производилось

больше зерна, молока, масла, чем в США, то почему же американцы питались так хорошо, а мы — так плохо?

Разделим этот вопрос на части и рассмотрим их по очереди.

Прежде всего, утверждение «мы питались хуже американцев» вовсе не очевидно, и никаких серьезных оснований верить в него не было. Его приняли на веру от идеологов, которые нажимали на слабое место любого человека — всем хочется, чтобы его пожалели и посчитали страдальцем. Из каких достоверных источников мог нормальный советский человек сделать вывод, что он питается хуже американца (причем намного хуже — ведь речь не идет о мелочах)? Что значит «хуже»? Хуже какого американца? Да и вообще, оценка питания — во многом дело вкуса. Пушкин пишет: «Это напоминало мне слова моего приятеля Шереметева по возвращении его из Парижа: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего, черного хлеба не допросишься».

Каждый согласится, что реальной возможности спокойно сравнить его собственный стол с кормежкой далекого американского друга подавляющее большинство наших людей не имело. Оно поверило в идеологический тезис, внедренный в голову путем непрерывного повторения и показа специально подобранных образов (прежде всего, фильмов). Подобрали бы другие фильмы (а их много, в том числе шедевров), и в голове у нас шелкнул бы другой выключатель.

В 1983—1985 гг. советский человек в сутки потреблял в среднем 98,3 г белка, а американец — 104,4 г. Разница не такая уж большая. Американец зато съедал намного больше жиров (167,2 г против наших 99,2) — ну и что в этом хорошего, кроме склероза? Замечу вскользь одну важную вещь: именно в США пищевая промышленность отработала технологию производства дешевой, красивой и вкусной пищи для бедной части населения — пищи очень плохой и вредной («еда-мусор»). Тех, кто приезжает в США впервые, наверное, поражает большое число одутловатых людей с тупыми лицами — признаками гормональных расстройств. Это те, кто с детства все время жует эти дешевые сэндвичи. Позавидовали этой пище наши интеллектуалы. Правда, придя к власти, они навязали ее не своим детям, а многочисленным детям беднеющих россиян.

Таким образом, зафиксируем, что и по калорийности, и по сбалансированности питание в СССР в общем было хорошим — по совокупности показателей, которыми оперирует ФАО (Всемирная организация продовольствия), СССР занимал 7-е место в мире. Тем не менее в СССР сложилось устойчивое убеждение, что мы недоедаем.

Другое дело, что у нас имелись все основания быть недовольными способом потребления — тем, как продукты доводятся до нашего стола. Американец или испанец едет в супермаркет или

спускается в лавку и в зависимости от того, сколько денег нашарит в кармане или на счету в банке, покупает, что ему заблагорассудится. Но при чем здесь сельское хозяйство? Это зависит только от того, сколько денег в кармане у покупателя и как организована *торговля*. Никакого отношения к земельной собственности или организации пахоты это не имеет. Колхозы тут вообще ни при чем. *О системе распределения* надо говорить особо.

Но оставим этот первый вопрос открытым — по двум причинам. Во-первых, читатель в массе своей все равно не может перенестись в США и проверить содержимое кастрюли американца. Кроме того, понятия «лучше» и «хуже» в питании очень туманны, это во многом дело вкуса. Поэтому пусть, если читателю хочется, он считает, что при советской власти он голодал, не будем спорить попусту.

Во-вторых, из признания, что американец ел жирнее нашего, никак не вытекает, что поэтому надо разогнать колхозы и отдать землю Джону Смигу или Колупаеву. Просто никакой связи нет. Поэтому допустим, что в СССР, производя основных продуктов питания (кроме мяса) больше, чем в США, люди питались хуже.

Но даже если это так, что же здесь удивительного? Странно как раз то, что это вызывает удивление. Достаточно представить себе в голове или нарисовать на бумажке путь пирожка или сосиски от поля (где бы оно ни находилось) до глотки потребителя, как всякое удивление должно исчезнуть и уступить место нормальным частным вопросам. Давайте этими вопросами и займемся.

1. Какая часть произведенного в поле продукта пропадала на пути к глотке в СССР и США?

Ответ известен — в СССР пропадало намного больше, чем в США. Некоторых продуктов, как говорят, пропадало до трети (думаю, что это большое преувеличение, но для темы данного раздела это не важно). При таком уровне наших потерь американцам и не надо было производить больше, они сразу получают фору. А нам, если мы не устраняли причины потерь, было бесполезно производить больше. На столе не прибавилось бы. Где и почему пропадало? Тоже прекрасно известно — из-за отсутствия дорог и транспорта для своевременного вывоза, из-за нехватки мощностей по переработке (мясокомбинаты, консервные заводы), из-за дефектов организации и технологии в сфере распределения (хранение, торговля).

В общем, из-за того, что у США было несравненно больше средств на создание материальной базы своего жизнеустройства, чем у СССР. И тут хоть волком вой — положение можно было изменять лишь кропотливым трудом, но никак не разгромом колхозов (которые и так, кстати, производили больше про-

дуктов, чем горожане могли вывезти и переработать). Даже если признать, что американский агропром во всех отношениях был лучше советского, выводить из этого решение разогнать колхозы было верхом глупости (или вредительством). Предположим, тебе не нравится твоя жена, а нравится Софи Лорен. Ну, убей свою жену — ведь Софи Лорен от этого у тебя в постели не появится.

Вот она — первая причина. Критическим фактором было уже не поле, а транспорт, переработка и хранение. И колхозы к ней вообще не имеют никакого отношения.

2. С каких полей питался гражданин СССР и американец?

Выводить уровень потребления из уровня отечественного производства — это или глупость, или сознательный обман. Так, неглупый человек Аганбегян использовал любую трибуну, чтобы потребовать снижения производства тракторов — у нас их делали больше, чем в самих США. Какой ужас! А о том, что тракторов в США на полях в три раза больше, чем СССР, академик умалчивал. А ведь ничего удивительного — просто производство тракторов американские корпорации перевели в Мексику, чтобы свои уютные города не коптить.

Вообще уровень потребления *чего-то* зависит не только от производства этого *чего-то* в стране, но и от импорта этого блага из других стран. А при нынешней интенсивности торговых связей производство продукции в стране может вообще не иметь никакого отношения к потреблению. Отклонения могут быть в любую сторону: можно очень много производить, но мало потреблять — и наоборот. В России сегодня газа очень много добывают — а города замораживают. Газ, да не про вас.

СССР, когда достаточно развил промышленность и начал богатеть, стал закупать продовольствие — чтобы улучшить стол своих граждан. Целый рой журналистов и психопатов подняли страшный шум, как будто речь шла о вселенском преступлении. А ведь покупали в очень небольших масштабах! Практически все наше питание производилось в СССР, на наших полях и руками наших крестьян.

Теперь попробуем представить, на какой земле и чьими руками производится добрая часть продуктов, которые поедает «средний белый американец». И увидим, что на его стол работает огромная доля лучших земельных угодий Африки, Латинской Америки и некоторых регионов Азии. А какова биологическая продуктивность этих земель, легко понять, взглянув на карту. Один гектар дает там в 3—4 раза больше продукта, чем в России, при том же вложении труда.

Найдите Кубу — ее почти не видно. Половина земель ее принадлежала американским компаниям и давала около 7 млн. тонн сахара — столько же, сколько производили наши свекловичные

поля, а их было немало на Украине, в РСФСР, в Средней Азии, всего 3,7 млн. га. Потеряли США Кубу — стали покупать в Бразилии, Аргентине. Огромны плантации кофе, какао, арахиса и других орехов, которые так украшают диету цивилизованного человека. Тихоокеанские острова и атоллы покрыты пальмами — производят кокосовое масло, на котором стоит парфюмерия США.

Кажется, мелочь — бананы. Но те, кто бывал в США, знают, что там это важный продукт питания, продаются на каждом углу и довольно дешево. Откуда же они берутся? По Центральной Америке можно ехать на поезде целый день — и вокруг будут видны лишь банановые плантации. При этом из дохода, получаемого от продажи бананов в США или Европе, 89% забирает себе транснациональная компания, владеющая плантациями (то есть те же американцы и европейцы), и лишь 11% достается стране, предоставившей землю и рабочие руки.

В любом магазине в США в углу стоит батарея огромных банок с апельсиновым соком. Откуда? Половину мирового экспорта дает Бразилия (в 1989 г. — 650 тыс. т концентрата). Разумеется, сок этот производится на «совместных» предприятиях (треть всего экспорта из Бразилии выполняется немецкой фирмой). И при этом так устраивается «первый мир», что этот экспорт субсидируется самими же правительствами стран «третьего мира» — на каждый доллар экспортируемого переработанного сельскохозяйственного продукта Бразилия платит 1,3 доллара субсидии (давая, кроме того, кредиты и налоговые льготы).

Бразилия стала и вторым в мире экспортером мяса (половину вывозимого мяса производят предприятия американского свиного короля Свифта). Мало того, Бразилия стала крупнейшим в мире экспортером соевого масла (1 млн. т) и сои, обработанной как добавка в корм скоту (8 млн. т). Американские бифштексы вскормлены бразильской соей.

Наконец, молодой цивилизованный американец, съев свой бифштекс величиной с лопату, закусив его ананасом и выкурив сигару из Ямайки, хочет повеселиться — не единым хлебом жив человек. Значит, ему требуется кокаин. Как сказал наш великий экономист Бунич, «в мире есть царь, этот царь всюду правит — Рынок названье ему». И огромные пространства земли в Южной Америке покрываются плантациями коки. Только в Андах на этих плантациях работает более миллиона человек — целиком на рынок США! А мы все твердим, что США кормят, поят и веселят всего 3 млн. фермеров. Как это три миллиона, если только коку возделывает миллион фермеров! А кому нравится героин — на того работают земля, солнце и усердные руки Бирмы и Таиланда. Теперь и независимый Кыргызстан подключается.

И надо подчеркнуть особо — для тех, кто в СССР завидовал американцам и в то же время очень любил свой народ: земли отчуждаются под бананы и коку не от избытка, соя и мясо вырываются изо рта у *голодных*. Множеством способов «цивилизованные» страны прибрали к рукам большую часть плодородных земель всего мира и вогнали народы, живущие на этих землях, в неоплатные долги. И только чтобы выплатить проценты, да и то не успевая, эти народы вынуждены теперь отдавать во все возрастающих объемах не только минеральное сырье, древесину, рабочую силу, но и самые необходимые дома продукты питания, оставляя умирать от голода одного из своих детей каждые две секунды.

В 1989 г. я получил письмо от старого друга, профессора Национального автономного университета Мехико, известного эколога, после его командировки от ООН в Перу, Аргентину, Уругвай и Бразилию. Он писал: «Сколько новых впечатлений, новых знаний и новых друзей, и, Сергей, сколько страданий! Кажется невероятным — континент, полный минеральными, энергетическими, биологическими и людскими ресурсами, континент обширный и молодой. В четырех странах мы видели одно и то же: люди, умирающие от голода, больные и неграмотные... Повсюду видны грузовики, поезда, корабли и самолеты, груженные пшеницей, соей, мясом, рыбой, фруктами и фруктовыми соками, кофе, какао и т.д. — все самого лучшего качества, для экспорта в США и Европу, в то время как латиноамериканские дети и сами грузчики смотрят голодными зрачками, как вывозятся в другие страны продукты, в которых они так нуждаются и которых никогда не попробуют. Надо это видеть, чтобы поверить в это. Латинская Америка — это голод и безнадежность крешендо». Это — личное письмо, но ведь все это было доподлинно известно из строгой научной литературы. Как увязывали это в своем сознании наши образованные люди с проектами разрушить колхозы и устроить у нас сельское хозяйство так же, как в Бразилии?

3. Производство для потребления и производство для прибыли: велика ли разница?

Наши экономисты, в массе своей переметнувшиеся к тем, у кого деньги, давно не напоминают простую истину, которая известна еще со времен Аристотеля: в любой «нерыночной» экономике (в том числе советской) целью производства является *удовлетворение потребностей*; в рыночной экономике целью является получение *прибыли*. Поэтому даже если производство на частной земле в России возрастет (так не получится, но примем как предположение), это никакого отношения к нашему потреблению иметь не будет. Важна платежеспособность — а она у нас резко упала и будет понижаться.

Известно: чтобы прибыль не уменьшалась, надо как минимум поддерживать цены, а как правило — непрерывно повышать. Это значит, что, если продукт по назначенной цене не расходуется, его *уничтожают*. Как бы по-человечески не было жалко ребенка, который невдалеке умирает от голода. Законы рынка сильнее жалости. Нас незаметно убедили, что это — коммунистическая пропаганда. Но это вовсе не пропаганда. Для меня было потрясением, когда я впервые приехал в Испанию и увидел по телевизору, как молоковозы, один за другим, сливают молоко прямо на шоссе, и оно течет под горку во всю ширину дороги. Только в США государство имеет столь большие финансовые средства, чтобы выкупать продукты и распределять их через систему социальной помощи и тем поддерживать высокие цены.

Расскажу то, что сам знаю и видел в Испании — стране с великолепным сельским хозяйством. Это огород, сад и виноградник Европы.

Испанским крестьянам урезали квоту разрешенного производства молока. Несколько лет назад Испанию оштрафовало ЕЭС на большую сумму за «перепроизводство» молока. Может быть, испанские дети передают молочных продуктов? Нет, потребление держится на уровне 146 кг на душу в год (в СССР доходило до 363 кг). С 1993 г. в Испании ввели новый порядок, который «нерыночному» человеку покажется безумием. За каждый *непроизведенный* по сравнению с предыдущим годом литр молока крестьянину платили по 60 песет — а *произведенное* молоко у него покупали по 40 песет. Задача — поднять цены до уровня европейских и заставить испанцев покупать более дорогое молоко из Голландии. Казалось бы, если в ЕЭС господствует рынок, то и пусть голландцы конкурируют, снижают издержки производства и т.д. Нет, нельзя — европейская комиссия по молоку утвердила планку цен. Выше можно, а ниже — нельзя. А испанские крестьяне производили молоко очень хорошее и весьма дешевое — богатые альпийские луга и скромный быт у самих крестьян.

Помню, несколько лет назад запахивали на юге Испании поля помидоров. Закупочные цены установили в 10 песет за килограмм, а в то же время не пустили в Испанию дешевых сезонников-марокканцев (как бы они не расползлись по Европе). Убирать некому, студенты к этому не приучены, испанским батракам приходится платить больше. А в магазине помидоры стоили 100 песет.

Казалось бы, почему крестьянам не нанять работников за нормальную цену, не выкатить свои грузовички к шоссе и не распродать помидоры песет по 30—40? Тут же раскупили бы. Категорически нельзя — вдоль всего шоссе и перед каждым по-

селком шиты: «Запрещается торговля сельскохозяйственной продукцией». Надо же, и на свободном Западе что-то запрещается. А у нас всегда на шоссе торговали, хоть и не было рыночной экономики. Почему запрещается? Это угрожает интересам торгового капитала, который продает помидоры по 100 песет и предпочитает уничтожить весь урожай, но не снизить цену. И жандармерия охраняет его священное право на прибыль.

Запомнился мне день 13 августа 1993 г. Крестьянские кооперативы в тот день бесплатно раздали в Сарагосе, где я обитал, 3 тонны персиков — вместе с листовками, призывающими объявить бойкот французским продуктам. В ожидании раздачи на площади за полтора часа до начала собралась толпа вполне приличных людей. Как с юмором пишет газета, «они набросились на фургоны с фруктами, как жители Сараева на грузовики с гуманитарной помощью после 16 месяцев блокады». А за тридцать километров от этого места на государственные средства был оборудован «комплекс по уничтожению персиков».

Открываю газету — огромная фотография, похожая на картину «Праздник урожая» сталинских времен. Солнечный пейзаж, вереницы тракторных тележек с золотистыми персиками, огромные весы, горы плодов на площадке. Оказывается, это один из оборудованных в Арагоне пунктов по уничтожению персиков. Правительство их закупает у кооперативов по рыночной цене, крестьяне везут, стараясь не помять — контроль качества в Европе на высоте (как сказано в газете, ЕЭС установило цену закупаемых для уничтожения плодов от 17 до 27 песет «в зависимости от качества, размера и товарного вида»). А здесь их на земле делят специальной машиной или закапывают в огромные траншеи. «Производственный» план пунктов по уничтожению в Арагоне на тот год был установлен в 12 тыс. т персиков — по 4 кг на каждого жителя автономной области.

Почему же не раздают «лишние» персики и молоко людям, не отправляют их в школы, в приюты для престарелых? Никак нельзя. Капиталистический рынок обязан создавать постоянное и своеобразное ощущение дефицита — наличия и одновременно недоступности. Как говорится в одном анекдоте, «этого понять нельзя, это надо запомнить».

Приватизация земли в России означает для обывателя, для самой обычной семьи не какое-то небольшое изменение того, что было, — в лучшую или в худшую сторону. Это — изменение самого типа жизни и потребления. Земля в СССР как национальное достояние, предоставленное для использования колхозам, была призвана кормить народ. На такой земле производство хлеба не может быть нерентабельным, а цены могут быть очень низкими. Земля как частная собственность призвана приносить прибыль, и цены могут только расти.

А как обстоят дела в Бразилии, крупнейшем *производителе и экспортере* продовольствия? Ее ведь нам предлагают за недостижимый идеал. 40% населения (60 млн. человек) получают всего 7% национального дохода. Постоянное недоедание и острая нехватка в пище белка и витаминов приводит к разрушению иммунной системы и тяжелым физиологическим нарушениям. Это похоже на СПИД, и люди умирают от малейшей инфекции. В резолюции конференции по проблемам питания (1992 г.) сказано: «...более 40% детей, которые рождаются в Бразилии, будут физически и умственно недоразвитыми к моменту достижения зрелого возраста».

Или вот Бангладеш, где большими усилиями добились производства такого количества зерна, что можно обеспечить каждому жителю потребление на уровне 2600 ккал/день — лучше, чем сегодня в России. Но половина населения получает менее 1500 ккал — между недоеданием и голодом. После наводнения сотни тысяч человек умерли там от голода, а фермеры придерживали большие запасы риса, ожидая повышения цен. Это — закон рынка. Сегодня, через двести лет после Мальтуса, ничего не изменилось, на тех же принципах строится Новый мировой порядок. Недавно даже вышла научная монография — «Политэкономия голода». Ее автор, эксперт ООН, индийский экономист Амартья Сен в 1999 г. был удостоен Нобелевской премии по экономике. В книге холодным языком сформулированы законы, о которых наш восторженный рыночник предпочитает не вспоминать.

Но пусть вслушается хотя бы тот, кто чувствует свою ответственность за пропитание собственных детей: «Возможность человека получить продовольствие зависит от отношений в обществе... Голод может быть вызван не отсутствием продовольствия, а отсутствием дохода и покупательной способности, поскольку в рыночной экономике лишь доход дает право на получение продовольствия... Вывоз продовольствия из пораженных голодом районов — «естественная» характеристика рынка, который признает экономические права, а не нужды». Да мы это и на своей шкуре начинаем чувствовать.

4. А почему мы вообще сравниваем себя с заграницей?

Ведь это сравнение совершенно ложное. Гораздо разумнее сравнить два типа питания, которые организуются на той же самой фундаментальной основе — в тех же почвенно-климатических условиях и с тем же культурным типом работников. Это те условия, которыми мы реально располагаем и которые меняются очень медленно, хоть головы руби нерадивым пейзажам. И эти два типа питания у нас почти перед глазами, надо только чуть-чуть мозгами пошевелить. Было у нас «питание от колхозов», теперь — питание от ЗАО и ОАО. Все наши реформаторы

устроили именно так, как хотели, никто им не мешал, даже Анпилов с песней «Вставай, страна огромная». Страна огромная не встала, она добродушно глядела, как обустроивали Россию Гайдар с Чубайсом да Аяцков с Грефом. Десять лет — достаточный срок для эксперимента.

О том, как нас кормили колхозы, многие еще помнят. Уж при нашей нынешней кормежке стыдно повторять сказки о недоедании в СССР*. Я не говорю о «третьем мире» — части рыночной экономики. Мы же не в «третий мир» идем, у нас будет как в США, на худой конец — как в Швеции. Я, «нищий м.н.с.», в 70-е годы покупал, постояв полчаса в очереди, мешок арбузов. Клал их в багажник, и сын за арбузом то и дело бегал. А в отпуске, перебравшись на Украину, я покупал вишню и абрикосы ведрами, другой меры не знали. Профессор университета в солнечной Испании покупает домой, порадовать детей, *ломоть* арбуза — зато ему обтягивают этот ломоть красивой тонкой пленкой, и он его кладет в свой шикарный портфель. Культура!

Наши девочки на стройке, задрав голову, выпивали бутылку ряженки. А европеец ложечкой ест свои 100 г йогурта — но зато какой стаканчик из пластика! И стоит 50 центов — в пятнадцать раз дороже нашей ряженки, не больше. Ряженка тогда, надо вспомнить, делалась из топленого молока жирностью 6%.

В начале 1991 г. жил у меня приятель из Испании. Уже начало нас припекать с продуктами, но стиль еды еще сохранялся, не отрезали нам продавцы ломтики мяса толщиной в 3 миллиметра. В первый день он сказал: «Как бедно вы живете!» — не было йогурта в стаканчиках. А через несколько дней добавил: «В какой роскоши вы живете!» Скоро все, у кого осталась память и совесть, скажут то же самое: как мы жили! В любой семье ребенок ел масло!

По мне, так пронзительным, все ставящим на свое место признаком, различающим два разных типа питания, стал тот известный всем честным, не воруящим, гражданам России факт, что сегодня очень большая часть переработанных продуктов *фальсифицирована*. Вместо сливочного масла тебе почти

* При обсуждении этого вопроса на одном из форумов в Интернете родилась идея — пусть все участники напишут, без всяких комментариев, чем питались в их семье в 70—80-е годы, как добывались продукты и в чем семья испытывала нехватку. Сразу же откликнулись люди из десятка самых разных мест России и дали подробную сводку. Когда читаешь эти сводки все вместе, возникает вопрос: как могли все эти же самые люди поддаться внушению и повторить: «Нас плохо кормят. Долой колхозы!»? Мне кажется, было бы полезно собрать все эти документы «истории снизу» и издать их отдельной книжкой, пока люди еще помнят советское прошлое.

наверняка продадут плохой маргарин, в бутылке с красивой этикеткой — водка из плохого древесного спирта. Масштабы фальсификации, судя по сводкам МВД, огромны. Фальсифицированной водкой травятся миллионы людей — из них ежегодно умирают около 30 тысяч. В советском хозяйстве, работающем для потребления, а не для прибыли, этого не просто не было — это не имело смысла. Фальсификация продуктов была важной социальной проблемой в России начала XX века, исчезла при советском строе и вновь стала проблемой, еще более острой, в конце XX века, уже без царя, но с «рынком».

Но главное, конечно, количество потребляемых продуктов. Бывший вице-премьер и председатель Госкомимущества В. Полеванов опубликовал такие данные: средняя зарплата работника в Российской империи, СССР и РФ, стоимость набора из 9 главных продуктов питания (в набор входит по 1 кг каждого продукта и десяток яиц). Из этого, соответственно, вычисляется число таких наборов, которые работник может купить на свою месячную зарплату. Имеются в виду, понятное дело, рабочие и служащие.

Эти данные он свел в таблицу по годам — с 1913 г. до сентября 1998 г. (они опубликованы в журнале «Экономические стратегии», 1999, № 1). В 1913 г. работник в среднем мог купить на зарплату 13,25 набора, в 1924 г. — 13,78. На этот уровень после войны вышли в 1952 г., потом он повышался до максимума в 1985 г. — 28,59 набора на месячную зарплату. С 1990 г. этот уровень начал быстро снижаться и в сентябре 1998 г. составил 7,20. Говорить тут не о чем. В среднем работник в России в конце 1998 г. мог купить пищи почти вдвое меньше, чем в 1913 г. и в четыре (!) раза меньше, чем в 1985 г. Сейчас положение чуть улучшилось и *стабилизировалось*.

Уже на середине периода реформ мы вышли на критическую черту. В 1995 г. по сравнению с 1991 г. потребление (включая импорт) мясопродуктов в целом упало на 28, масла — на 37, молока и сахара — на 25%. Но этот спад сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которую сбросили в крайнюю бедность. Значит, в этой половине потребление самых необходимых для здоровья продуктов упало на 50—80%! Антисоветская интеллигенция делает вид, что не понимает этой простой вещи.

В 1996 г. городское население в среднем стало получать менее 55 г белка в день, и этот уровень продолжает снижаться. Половина обследованных женщин имеет потребление белка ниже установленного ВОЗ безопасного уровня, а 9—10 миллионов человек уже несколько лет имеют питание ниже физиологического минимума, т.е. необратимые изменения в организме приводят их к быстрой преждевременной смерти. Одни умира-

ют — другие опускаются на этот уровень, число людей в этой зоне крайней бедности остается примерно постоянным.

Я не буду распространяться на тему нынешнего питания и его воздействия на здоровье, смертность и рождаемость. Надо просто читать государственные «Доклады о состоянии здоровья населения России». Приведу только одну важную, но не очевидную вещь, которую обсуждает академик Российской академии медицинских наук Б. Т. Величковский в книге «Реформы и здоровье населения страны» (М., 2001). Он пишет:

«Ведущим фактором в детской возрастной группе является недостаточное питание. Отсутствие полноценного питания привело к тому, что в 1999 г. 10% призывников отличались дефицитом веса; более 40% беременных женщин страдали анемией, а большинство детей и молодежи не получало необходимого набора пищевых веществ и витаминов».

Для детей важным фактором ухудшения здоровья стала акселерация, которая произошла с 50-х по 80-е годы. В 19 этнических группах СССР, в том числе у русских, украинцев, белорусов, татар и башкир, средний рост увеличился более чем на 2 см. Улучшение условий жизни и особенно питания не противоречили новой генетической программе. Но начиная с 1990 г. ухудшение питания сильно ударило по детям (т.е. этот удар гораздо легче перенесли бы дети предыдущих, а не послевоенных, «сытых» поколений. — С. К.-М.). Размеры недостаточности нынешнего питания гораздо более очевидны, если рассчитывать ее не из фактического роста ребенка в момент обследования, а исходить из длины тела при рождении, так как за годы недостаточного питания рост ребенка уже отстал от генетической программы».

Итак, благодаря колхозам «улучшение условий жизни и особенно питания» изменило даже генетическую программу нескольких поколений детей. А переход к питанию от ЗАО и ОАО привел к столь быстрому ухудшению питания, что оно вошло в конфликт с этой новой генетической программой «сытого детства» — и с удвоенной силой ударило по здоровью детей. И это — не идеологические фантомы вроде «демократии» или «гражданского общества». Это — вещь абсолютная. Ее ощущает каждый отец из обедневшей семьи, когда поднимает на руки своего худенького ребенка.

А когда наши ЗАО при помощи западных инвесторов налаживают, наконец, производство цивилизованной «пищи-мусора», этот похудевший отец и не сможет уже поднять на руки своего одутловатого ребенка с тупым лицом.

Такова реальность. А теперь поговорим о ее *восприятии*. Восприятие ни к колхозам, ни к фермерам никакого отношения не имело и не имеет. Оно определяется мировоззрением и телеви-

дением, двумя связанными голосами — внутренним голосом разума и совести и соблазнительным голосом Татьяны Митковой.

Образ советского типа питания. Человек живет в двух мирах — мире вещей и мире знаков, образов. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком, — *материальный* субстрат нашего мира. Мир знаков и образов, часть нашего духовного мира, обладает гораздо большим разнообразием, чем материальные объекты. Он связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями. Карл Густав Юнг пишет: «Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными — и в равной степени столь же вредоносными и опасными, — как физические обстоятельства. Я даже думаю, что психические опасности куда страшней эпидемий и землетрясений».

Поведение человека определяется не непосредственно реальностью, а именно ее восприятием — теми ее образами, которые построены воображением человека. Поэтому для стабильности общества и политического строя важно не только то, как питаются граждане в реальности, сколько белков и калорий потребляют, а и то, как они воспринимают процесс потребления.

В 1989 г. 74% опрошенных интеллигентов сказали, что их убедят в успехе перестройки «прилавки, полные продуктов» (так же ответили 52% опрошенных в среднем). В этом ответе выражена именно потребность в образе, в *витрине*. Это ответили люди, которые в целом благополучно питались, на столе у них было и мясо, и масло. Им нужны были именно *знаки*, даже символы. «Прилавки, полные продуктов» являются важным символом благополучия, причем во многих срезах бытия. Это — символ изобилия (продукты всегда под рукой, значит, их много, нам не грозит голод). Это и важный символ свободы (в любой момент захочу — и куплю).

Советский тип распределения пищи, как бы он ни был благополучен в терминах реальных калорий, белков и т.д., был крайне неблагополучен с точки зрения образов и символов («виртуальной реальности»). Этот тип, как он сложился в 70—80-е годы, характеризовался двумя явлениями: «дефицит» как отсутствие желаемого продукта в продаже и *очереди*. Приходится взять слово *дефицит* в кавычки, потому что речь идет именно об отсутствии товаров на витрине, а не на обеденном столе. Продуктов в действительности было весьма много, и они были на столе, но в восприятии вида прилавков возникало устойчивое впечатление *нехватки*. В массовом сознании был создан устойчивый образ дефицита. Был голод на образы товаров. И сегодня мно-

жество граждан, уже реально недоедая, не хотят возвращаться в советское прошлое с его голодом на образы.

Восприятие очередей, обретя в 70-е годы идеологическую трактовку, также стало резко неадекватным. Людям стало казаться, что они проводят в очередях слишком много времени, хотя на самом деле очереди 70-х годов уже не шли ни в какое сравнение, например, с очередями военных лет и даже 50-х годов. Да и не во времени было дело, а в восприятии. Сейчас люди в совокупности тратят гораздо больше времени в поисках на мелкооптовых рынках чуть более дешевых продуктов, но это им не кажется обременительным. Да и на Западе в погоне за экономией покупатели в среднем тратят, вероятно, больше времени, чем советские люди в очередях, — но эта копеечная экономия им не в тягость, ими овладевает инстинкт охотника.

Один собеседник в Интернете, живущий в США, при обсуждении этой темы прислал такую реплику: «Американцы не только в очередях простаивают да от магазина к магазину мотаются (где что на распродаже: сметана в «Крегере», майонез в «7/11»). Они еще и дома просиживают часами, вырезая из газеты купоны: «Сэкономьте 20 центов на нашей сметане», «Сэкономьте 15 центов на нашем майонезе», и только на просмотр ТВ-рекламы тратят 40% своего свободного времени, не считая того времени, когда смотрят ТВ краем глаза, занимаясь чем-нибудь другим. Да еще им каждый день приносят вороха бумажной рекламы, которую тоже внимательно изучают. При том не шадят даже детей». Так что ненависть к советским очередям была не причиной, а скорее уже следствием неосознанного антисоветского поворота.

Ощущение дефицита в начале 80-х годов было доведено до уровня фрустрации, психической подавленности из-за постоянного воздействия этого фактора. Результатом фрустрации является *сужение сознания* — почти все внимание сосредоточивается именно на неудовлетворенной потребности, восприятие действительности резко искажается. Когда жмет ботинок, человек не думает о том, как хорошо греет его пальто. Фрустрация порождает такое упорство и упрямство, которое со стороны кажется патологической тупостью. При этом неважно, является ли неудовлетворенная потребность фундаментальной или второстепенной, а то и «наведенной».

Что касается пищи, то воздействие на сознание даже небольшого признака нехватки имеет, как говорят, мультипликационный эффект и может без всяких реальных оснований привести к панике. Особенно этот риск велик в обществах, в исторической памяти которых сохранился страх перед голодом, — а СССР еще относился к этой категории обществ. Стабильность ему придавала как раз исключительно высокая надежность го-

сударственной системы распределения. Люди знали (также из исторической памяти), что в крайнем случае советское государство введет карточки и обеспечит всех минимумом пищи на уравнительной основе. А в странах с рыночной системой нехватка продуктов приводит к цепной реакции паники, результатом которой является именно смертельный голод — поскольку торговцы при первых признаках нехватки вывозят продукты со складов в благополучные места из-за опасности их разграбления голодной толпой. Таким образом, в СССР не возникло паники, но была постоянная утомительная фрустрация*.

Как я уже писал, при обсуждении этой проблемы в Интернете письма участников показали, что реальной опасности острой нехватки продуктов в СССР не было. Но в том-то и дело, что ощущение нехватки, даже ложное, искривляет поведение людей без фиксации в сфере рационального сознания. У людей, как у биологического вида, существуют инстинкты, и в некоторые моменты они не вполне контролируются культурой и логикой. Животные при первых признаках нехватки пищи во многих случаях начинают отнимать ее у слабых, накапливают, прячут и таким образом сами создают реальный недостаток пищи для выживания популяции, так что слабые гибнут. В рыночной системе точно так же ведут себя и люди. Таких срывов не происходило в СССР, но инстинктивно люди ощущали угрозу срыва; и это создавало сильный дискомфорт.

Причины, по которым это общественное противоречие, сыгравшее огромную роль в крушении советского строя, не было разрешено в 70—80-е годы, целиком и полностью лежат в сфере идеологии, а не материального базиса хозяйства (колхозы, общенародная собственность на землю, плановая система и т.д.). Причины эти были исторически обусловлены, и вряд ли можно было их устранить каким-то хитрым и умным решением. В мышлении руководящего слоя (а не только отдельных лиц) в 70—80-е годы соединился старый крестьянский здравый смысл с механистическим истматом. Крестьянский ум не понимал и даже презирал фрустрацию зажавшегося горожанина — ишь ты, подай ему «прилавки, полные продуктов». Истмат недооценивал значение «мира символов». В результате с удивительной тупостью правительство отказывалось сделать вещи не просто возможные, но и сравнительно недавно бывшие обыденной

* Еще в 60-е годы руководство СССР было очень чувствительно к изменениям в восприятии обстановки населением. Например, в момент Карибского кризиса (1963 г.) в Москве люди, как водится, кинулись закупать соль, и это могло стать катализатором паники. На угол недалеко от моего дома приехал самосвал с солью и свалил ее прямо на тротуар. Закупки тотчас прекратились.

частью советского строя. Достаточно было создать сеть магазинов «повышенной комфортности», а именно с полными прилавками и продуктами в красивой упаковке — но по повышенным ценам.

Расход продуктов в этих магазинах был бы очень невелик (и их потребляли бы те же советские люди, так что и дополнительных резервов почти не потребовалось бы, помимо закупки импортных продуктов). Но был бы очень важен демонстрационный эффект, ощущение изобилия и свободы. Иногда говорят, что такую роль должны были играть рынки. Это не совсем то, ведь привычный продукт на рынке — это совсем иной символ, нежели продукты в современном, блистающем зеркалами и этикетками супермаркете.

Подобное увеличение разнообразия в системе распределения было бы столь несложно и дешево, что на первый взгляд кажется всего лишь техническим усовершенствованием. Это так, если видеть только экономическую и организационную сторону. Но на самом деле это изменение сняло бы фундаментальный источник напряженности и недовольства. Ибо речь идет о вполне реальном «голоде на образы», о неудовлетворенной жизненной потребности большинства населения.

Суть этой проблемы, однако, до сих пор воспринимается с трудом.

Часть III

АНТИСОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Глава 1

СОЗРЕВАНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО СОЗНАНИЯ

Мы говорили, что советский проект по своим масштабам был крупной цивилизационной программой, продолжавшей траекторию движения России как цивилизации. О частностях в этом пункте можно спорить, но они не слишком принципиальны. Существенная часть этой программы успела реализоваться в советском строе, хотя большая часть его короткой исторической жизни представляла собой экстремальные и аномальные периоды горячих войн и форсированных усилий, а вся остальная часть — тяжелый период неравной «холодной войны». На мой взгляд, достойно удивления, что, несмотря на эти чрезвычайные условия, советский строй успел воплотить в жизнь очень многие позитивные и даже идеальные стороны программы.

Соответственно структуре и масштабу советского проекта в сфере сознания складывалась противостоящая ему *антисоветская программа*. Складывалась она долго. Можно считать, что в целостном и явном виде ее ядро сложилось в 60-е годы в среде «шестидесятников», хотя элементы ее оттачивались давно — со времен Чаадаева. Но для нас важен именно целостный, обладающий системными качествами проект «шестидесятников», ибо его развитие уже не прерывалось и в конце концов он обрел материальную силу и был реализован в виде «антисоветской революции». Ее предварительной, «холодной» фазой была перестройка Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего бригада Ельцина смогла демонтировать и базис советского общества. Конечно, ни надстройка, ни базис полностью не разрушены, уже почти десять лет идет вязкая «позиционная война», но здесь для нас важно не это.

Разговор об антисоветском мышлении сложен — очень многие из нас в той или иной степени были проникнуты таким мышлением, даже сами того не замечая. Копаться в своем сознании и видеть, что ты сам культивировал зародыши катастрофы, —

вещь болезненная. Но ее надо проделать — и вовсе не с целью «выяснения отношений» и поиска виноватых. Цель гораздо более фундаментальна. Другая сложность в том, что наше восприятие явлений и процессов зависит от множества факторов, но, когда в воображении складывается первый образ, он часто слишком быстро превращается в стереотип, который мы не подвергаем критическому анализу. И расходятся пути тех, кто без всяких фундаментальных причин по-разному воспринял одно и то же явление. А потом и тем и другим взгляды оппонента в отношении к данному явлению кажутся чудовишно недобросовестными — как же он может не видеть очевидных вещей!

Это надо учитывать как отягчающее обстоятельство в нашем нынешнем расколе. Вот пример. Венгерский историк А. Ковач изучил мнение большой группы людей, которые находились в одном помещении и наблюдали одно и то же событие (арест Имре Надя). Люди, в зависимости от своих установок, увидели настолько разные вещи, что историк назвал свой доклад на международной конференции в 1990 г. «Похищение Имре Надя и эффект «Расёмона».

А вот наша, близкая история, о которой рассказали ее участники. 19 августа 1991 г. состоялось знаменитое заседание правительства, где министры определяли свою позицию по отношению к ГКЧП. После «поражения путча» министры, бывшие приятелями, собрались и сравнили те записи, которые каждый вел на том заседании 19 августа. Эти записи были абсолютно несовместимы, как будто речь шла о разных заседаниях. И в то же время каждый ведь вел их для себя, не было нужды искажать услышанное. Просто каждый выхватывал из потока сообщений то, что считал важным — согласно своим взглядам. Каждый видел происходящее через фильтр своих убеждений. Этот рассказ можно было бы назвать «Заседание Совета Министров СССР 19 августа 1991 г. и эффект «Расёмона».

Выше я писал о моем приятеле, который в Риме в упор не видел старика с собакой, ночующих зимой на тротуаре, — а мне это зрелище навсегда врезалось в память. Это — то же самое явление. Мы должны его учитывать в нынешний период, когда наше общество расколото по отношению к самым главным вопросам бытия. Надо делать скидку на то, что люди, мыслящие иначе, чем я, могут искренне не видеть того, что мне представляется очевидным. Но вернемся к более жестким причинам.

На мой взгляд, получилось так, что на самом раннем этапе мысленного отрицания «темных сторон» советского строя и поиска его улучшенного варианта в антисоветский проект был заложен ряд ложных и ошибочных принципиальных идей. В тот момент эти идеи формулировались в очень мягкой форме и не

вызывали ни тревоги, ни отторжения. В них не было видно неминуемого разрыва с главным стволом «советского пути». На самом же деле именно тогда этот разрыв и произошел, и эти мягкие идеи (например, о желательности небольшой, уютной безработицы) задали новую, все более отклоняющуюся траекторию общественной мысли. В 60-е и даже 70-е годы казалось, что отклонение несущественно. Да, мой друг мыслит несколько иначе, но он же вот, рядом — мы достаем друг друга руками. Кто бы мог подумать тогда, что в октябре 1993 г. он пойдет на зов Гайдара?

Копаться в генезисе антисоветского проекта надо потому, что он явно завел страну в экзистенциальную ловушку. Сама травма убийства советского строя, на которую обычно и обращено все внимание, не так уж велика — не сравнить с Гражданской войной после 1917 г. Но дело не в этой травме, а в том, что за ней — путь под уклон, в небытие. Этот путь может быть иной раз крутым, иной раз пологим, с анестезией или дубинками ОМОНа, но он неуклонно ведет к угасанию, а потом и к смерти. На этом пути не за что зацепиться, и циклы воспроизводства на нем сужаются с неумолимой закономерностью.

В этом — контраст с той катастрофой, что пережила Россия в 1917 г. Вдумчивые люди, еще стоящие на антисоветских позициях, говорят: и царская Россия в 1917 г., и СССР в 1991 г. рухнули потому, что это были больные общества. Да, это так. Но дальше-то дело пошло по-иному. Больное сословное и изъеденное капитализмом общество начала века было загнано революцией в проект большого *строительства*. И те структуры, которые строились, пусть с авариями и жертвами, обеспечили выживание и развитие страны в самых тяжелых условиях. Напротив, антисоветский проект закладывался на основе таких идей, что их плоды *отравили* общество и убили в нем всякий потенциал развития и даже саму волю к жизни.

И напрасно бодрится антисоветское меньшинство, жируя на захваченной собственности. Путь-то под уклон. Они пока что питаются трупом убитой страны, и им кажется, что пищи вдоволь. Но трупы не воспроизводятся и не растут, даже банкиры это знают. Потому-то они покупают дома за границей и отправляют туда же рожать своих жен и дочерей — чтобы дети и внуки получили иностранное гражданство по праву места рождения.

Один философ сказал с горечью: «Я сеял зубы дракона, а собрал урожай блох». Наши антисоветские романтики, носившие на руках Евтушенко с Окуджавой, сеяли поэтических блох, а выросли и заполонили страну огромные тифозные вши. Надо понять, как это получилось.

Мы будем говорить об антисоветском проекте как большой интеллектуальной и духовной конструкции, даже особом миро-

воззрении, спроектированном на советский строй (хотя, в принципе, очень интересно было бы понять и другие стороны этого мировоззрения, направленные на разные стороны бытия, прямо не связанные с советским проектом).

Что же понимать под «антисоветским проектом»? История дала нам очень хорошо изученный и прямо отвечающий на наш вопрос случай — Великую французскую революцию. Она разрушила Старый Порядок (эти слова даже писали с большой буквы, чтобы подчеркнуть цивилизационный масштаб этой революции, которая действительно изменила все жизнеустройство). Общеизвестно, что эта революция следовала грандиозному проекту, который вызревал в течение полувека и сам вытекал из философского и культурного течения, которое было названо Просвещением. Иными словами, нельзя сказать, что говорить о проекте Великой французской революции — значит следовать теории заговора (хотя в техническом ее исполнении была велика роль заговорщиков и вообще теневых политических сил, например масонов).

Как же вызревал тот проект и в чем выразился? В том, что группа видных деятелей культуры и науки Франции в течение длительного времени целенаправленно и систематически описывала все главные устои Старого Порядка и убеждала общество в том, что эти устои негодны и должны быть сломаны. Английский историк Э. Берк, который наблюдал революцию и написал о ней первую большую книгу, отмечал это в отдельной главе: «Вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, я имею в виду политических писателей. Немалый вклад внесли сюда академики Франции, а затем и энциклопедисты, принадлежавшие к обществу этих джентльменов».

Э. Берк упомянул энциклопедистов. На их примере хорошо видно, как вынашивался проект. Небольшая группа видных ученых и философов, соединившись вокруг Дидро и Д'Аламбера, в течение 20 лет (до 1772 г.) выпускала Энциклопедию, соединив в ней современные знания. Но главный замысел был в том, что каждый научный вопрос излагался так, чтобы доказать негодность Старого Порядка. В 1758 г. Генеральный Совет Франции принял даже специальное постановление об энциклопедистах: «С большой горечью мы вынуждены сказать это; нечего скрывать от себя, что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения неповиновения и порчи нравов». Энциклопедия выходила легально, но был организован и «самиздат», в том числе за рубежом.

Что же у нас? По типу — то же самое. Видные деятели интеллигенции целенаправленно и методически убеждали граждан в

негодности всех устоев советского порядка. Я с 1960 г. работал в Академии наук и прекрасно помню все разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра — оттачивались аргументы против *всех существенных черт* советского строя. Так и вызревало то, что я назвал «проектом». Над ним работали в самых разных «нишах» общественного сознания — и ученые, и поэты, и священники.

Вот, например, пишется история одного маленького отряда, «методологического сообщества» (или «игропрактиков» — тех логиков и вообще обществоведов, которые занимались разработкой деловых игр). Историк пишет о них: «Появление игр второго поколения связано с деятельностью Московского методологического кружка, работавшего в 1952 г. под руководством канд. филос. наук Г. П. Шедровицкого. Среди основателей кружка — А. А. Зиновьев, М. К. Мамардашвили и Б. А. Грушин... Все обсуждения записывались на магнитофон и затем распечатывались на пишущих машинках (за 40 лет в методологических кружках скопились сотни томов машинописных материалов семинаров и игр)... Незамеченными эти публикации оказались еще и потому, что были написаны практически недоступным «непосвященным», намеренно усложненным, методологическим, «птичьим» языком... Методологическое движение не представляло собой какой-то реальной оппозиции политическому режиму. Скорее, оно проводило подспудную кропотливую работу, готовя перемены. Не случайно его представители оказались в первых рядах, когда эти перемены начались» (В. Н. Макаревич. Игропрактики, методологи: «незримое сообщество» выходит из подполья. — СОЦИС, 1992, № 7).

В построение антисоветского проекта была вовлечена значительная, если не большая часть интеллигенции, которая в постоянных дебатах совершенствовала тезисы и аргументы, искала выразительные метафоры. Со временем, к концу 70-х годов, в это предприятие было втянуто практически все общество — хотя бы в качестве зрителей и слушателей. Книжки и фильмы с антисоветским подтекстом, теле- и радиопередачи, песни бардов и «фольклорный» черный юмор и анекдоты — все имело идеологическую антисоветскую нагрузку.

Избежать этого влияния было нельзя, антисоветские идеи и формулы превращались в привычные штампы, становились стереотипами массового сознания. В этом смысле СССР стал уникальным государством, объектом удивления и насмешек. Уже в 80-е годы в одной из поездок на Запад я услышал анекдот, который не показался мне таким смешным, как моим собеседникам: выходит советский человек на улицу и спотыкается о камень; поморщившись от боли, он ворчит: «У, проклятая система!»

Настолько привычными стали попреки «системе» по любому поводу, что доходило до нелепостей, а мы этих нелепостей не замечали. Всякое лыко в строку. Помню, в 70-е годы воспринимался как смелый и тонкий, чуть ли не философский вызов «советской системе» куплет из банальной лирической песни Высоцкого о том, как он звонит из Москвы в Париж Марине Влади. В порыве чувств он восклицает: «Почему мне в кредит, по талону... что-то такое... любимых людей?» И в мозгу у слушателя шелкало: какая бесчеловечная, холодная, бюрократическая система! В кредит! по талону! любимых людей! Вы подумайте только — любимых! Слушали, и как-то не приходило в голову: а как же тебе, черт побери, надо предоставлять телефонную связь с Парижем, чтобы ты по полчаса с Мариной Влади трепался? Ведь это для твоего же удобства делается, чтобы не ташиться на почтамы, а дома из кресла разговаривать. Хочешь — купи талон на фиксированное время, а хочешь — говори в кредит, сколько душе угодно. Что же тут плохого? Или любимых людей надо соединять с Парижем бесплатно? И только ли с Парижем? Не один Высоцкий в разлуке бывал и по телефону звонил, но ни у кого таких претензий не было, а тут он спел, и все закивали. Ах, по талону...

«Молекулярное» воздействие мелких антисоветских утверждений — слухов, шуток, анекдотов — было исключительно интенсивным. Мы эти воздействия просто перестали замечать и воспринимали как шум, без всякого критического анализа. Каждый мог бы вспомнить множество эпизодов из личной жизни. Приведу и я один такой эпизод, о котором задумался только сейчас, когда пишу эту главу.

Дело было весной 1985 г., когда ничто еще не предвешало крутого поворота 1988 г. Я был заместителем директора одного из институтов АН СССР. Сидели мы в дирекции, и мой коллега, тоже замдиректора, долгое время до этого работавший в ЦК КПСС, рассказал такую историю, которая якобы произошла на днях. В детском саду на кухне утонула в кастрюле молока крыса. Повариха ее вытащила и выбросила, а молоко пожалела, разлила по стаканам и дала детям. А крыса-то до этого отравилась крысиным ядом. И вот 22 ребенка умерли, выпив этого молока. Мы все, услышав такое печальное известие, помолчали, пробормотав что то вроде «вот так все у нас...». Мол, «у-у, проклятая система».

Примечательно, что никто не усомнился в этом сообщении, хотя директор был биологом по образованию, а я — биохимик-экспериментатор с большим опытом. Мы не усомнились, хотя нам-то должно было быть очевидно, что вся эта история — выдумка. Сейчас я ее вспоминаю, и меня бросает в жар. Как стыдно! Столько учился, сам работал с похожими вещами — что же

вдруг так заблокировало твои знания и твой опыт? Почему тебя вдруг превратила в идиота эта примитивная «утка»?

Посудите сами. Крыса, животное весом около 200 г, съела смертельную дозу крысиного яда. Яд этот, конечно, вреден для всех млекопитающих, но все же особенно он действует на грызунов, на их специфическое слабое место — кровоточивость слизистой оболочки желудка. Как яд используется антикоагулянт — вещество, затрудняющее сворачивание крови. Для людей он гораздо менее ядовит, чем для крыс. Иными словами, человек весом 200 г, проглотив весь яд, который был в крысе, скорее всего не умер бы, а лишь переболел. Но даже такой маленький человек никак не мог получить всего того яда, что проглотила крыса. Он выпил бы свою долю молока, то есть максимум 4% того яда, что содержалось в кастрюле молока, — 1/22 (если все молоко до капли выпили «умершие дети»). Это исходя из предположения, что весь яд перешел в молоко. Но яд не перешел в молоко, это абсолютно невозможно. Яд находился в желудке и в тканях крысы. В молоко могла перейти лишь очень небольшая часть этого яда. Скажем, 1% (но даже если 10% — это дела не меняет). Таким образом, ребенок весом 200 г получил бы около 1/2200 смертельной дозы яда. Но детей весом 200 г не бывает даже в «проклятых» советских детских садах. Дети наши в то время весили по 10—15 кг. Совокупная масса тела 22 детей составляла по меньшей мере 220 кг — в тысячу раз больше, чем у нашего гипотетического ребенка размером с крысу. Следовательно, количество принятого с молоком яда составляло порядка одной миллионной части смертельной дозы.

Предположим даже невероятное — что крыса съела десять смертельных доз! И даже, допустим, отгрынула часть яда в молоко. Значит, ребенок в среднем получил не одну миллионную часть, а одну стотысячную часть смертельной дозы, одну десяти тысячную, наконец, — все равно слишком мало. Не только о поголовной смерти воспитанников детсада не могло идти речи, но и вообще о каком-то недомогании. Говорят, что дело могло быть не в яде, а в тех болезнетворных микробах, которые попали с грязной крысы в молоко. Но это не вяжется с историей, вся она меркнет. Ну, заболел кто-то из детей, кого-то пронесло — это совсем не то. В любом случае, мало-мальски образованный в данной области человек сразу должен был бы *усомниться*. Мы же выслушали — и *не усомнились*, в этом корень проблемы. Эта история была явно «лабораторным» продуктом. Раз в нее сразу поверили, значит, к этому уже была предрасположенность.

Недавно я рассказал об этом моем самоанализе на одном узком семинаре. Поразительно, что слово в слово история о крысе и гибели детей в тот год рассказывалась и в других местах. Ее слышал один из участников семинара, тогда моряк-подводник.

То же молоко, те же 22 ребенка. В Интернете я попросил более или менее компетентных людей оценить обоснованность моих приблизительных расчетов. В общем, сошлись на том, что смерть детей от яда, который был в крысе, невероятна. Заболевание от инфекции возможно, но тогда бы не было столь быстрой и поголовной смерти. По общему мнению, эта история была сфабрикована, и предрасположенность к восприятию таких историй в обществе тоже была. Один собеседник написал: «Да, была такая история, еще там один ребенок молока не пил и потому выжил, а повариха повесилась. Вплоть до того, что я встречал очевидца, видевшего «детские гробики в овраге на Хованском кладбище». Ну, понятно, что и гробики не могут валяться, и оврага там нет, но — «своими глазами». Ниже я еще затрону этот случай в комментарии.

Многие помнят, что вообще черный «фольклор» о детсадах был тогда популярен. Все слышали сказку о том, как нянечки сажают малышей голенькими на горшки — и открывают форточки, чтобы их простудить ради облегчения своей работы. Этому тоже охотно верили. Когда мы в Интернете обсуждали и эту версию черной легенды, один участник семинара, живущий в США, прислал оттуда такую реплику: «Забавно, что, во-первых, в садике здесь ходят не меньше, чем в Союзе, а во-вторых, болеют дети гораздо чаще. А почему? А потому, что больничных у родителей практически нет и больной ребенок, напичканный тайленолом, отправляется в садик заражать остальных детей. И не нужно злой тети. Система работает сама». Но тогда, в 80-е годы, людей приучили к мысли, что советская система — самая страшная.

Антисоветский проект «шестидесятников» не собран в каком-то одном большом труде, хотя и есть отдельные сборники с его более или менее связным изложением — например, книга-манифест «Иного не дано» (1988). Его сущность изложена в огромном количестве сообщений по частным вопросам, в «молекулярном» потоке идей, символов и метафор, которые омывали умы людей. Крупные фигуры, известные диссиденты были лишь своего рода опорами, устоями всего этого движения, задавали его траекторию и мифологию. Близкие им духовно и культурно партийные деятели и члены научно-гуманитарной верхушки сотрудничали эффективно, но не явно. Так же и самиздат лишь задавал некую видимую линию фронта. Главная интеллектуальная работа делалась элитарной частью «шестидесятников» — партийно-художественной интеллигенцией среднего ранга, тесно связанной с номенклатурой (точнее, составной частью номенклатуры).

В 1991 г. вышел сборник статей А. Адамовича «Мы — шестидесятники» (М.: Советский писатель). Он интересен прежде

всего тем, что содержит довольно подробное перечисление тех фигур, которые выражали суть этого движения и составляли его «мозговой центр» и организационный костяк.

Данная в сборнике вскользь типология их противников тоже примечательна — в их число попадают, например, такие разные фигуры, как В. А. Стародубцев и В. В. Кожин. Примечательно и то, что эти «шестидесятники руководящего звена» входили одновременно в номенклатуру и советскую, и западную. В Москве или Минске они запросто беседуют с Андроповым или Машеровым, а в США — с Робертом Кеннеди, который якобы в ванной, под шум пушенной из крана воды рассказывает Евтушенко секреты ЦРУ (это он рассказал Адамовичу). Из этого следует, что «шестидесятники» имели очень широкий доступ к информационным и интеллектуальным ресурсам. Не только в СССР они занимали ключевые (реально) посты в сфере духовного воздействия на общество и им был полностью открыт «спецхран» советского обществоведения. Давно началась их подпитка и внешними средствами. Советология в США представляла собой огромную, прекрасно оснащенную, великолепную интеллектуальную машину, которая досконально изучила все уязвимые точки советской системы, все слабости, предрасудки и стереотипы советского мышления.

Что же касается идейного содержания сборника Адамовича, то у меня он оставил тягостное впечатление. Ненависть разлита по каплям, нигде ее основания ясно и в связной форме не излагаются. На первый взгляд и идей-то никаких нет, мешанина из Ленина, Сахарова, Швейцера, Евтушенко. Понятно, что суть — *трициание*, но редко-редко проскользнет какая-то черточка *железного* образа, хоть какая-то частица конструктивного проекта. Проскальзывает — и тут же прядется. Вот А. Адамович, депутат Верховного Совета СССР, выступает в 1989 г. перед студентами и преподавателями МГУ и говорит: «Любому правительству, какое у нас сейчас будет, придется пойти на очень жесткие меры в экономике, которые приведут к безработице, росту цен, инфляции, вызовут недовольство широких масс» (с. 346). Важная мысль — так растолкуй ее! Почему от полной занятости надо переходить к безработице, почему надо обрушивать производство и вызывать рост цен и инфляцию? Ясно, что такие идеи вынашиваются годами, но ведь никогда этот проект в целом людям не излагался.

Тексты виднейших «шестидесятников» мне пришлось читать уже в 90-е годы, когда они стали выражаться гораздо яснее и полнее. Но все равно эта ползучесть и уклончивость остались. И какое-то удивительное *принижение* всех проблем бытия. Как будто им самим их собственная позиция по главным вопросам казалась предосудительной. Уход от «вечных» вопросов как

культурное кредо целого течения. В этом, видимо, был большой смысл.

Прочитав множество таких текстов, я поймал себя на странной мысли — эти «шестидесятники» сеяли зерна ненависти и отрицания и удобряли их своим авторитетом ученых, поэтов, публицистов. А выращивали их, дополняли их своим трудом и разумом безымянные трудящиеся интеллигенты, которые вовсе не испытывали ни ненависти к основам советского строя, ни желая устроить в стране безработицу. И созревали плоды, которые потреблял народ, — мякоть их была наполнена здоровым желанием улучшить нашу жизнь и укрепить советскую страну, а семечки содержали яд ненависти и разрушения.

Я, с 1960 г. работая в академической лаборатории, получал идеи «шестидесятников» в уже преобразованном виде от старших коллег и товарищей, именно в форме таких плодов. К слову сказать, по своему интеллектуальному и духовному уровню они были несравненно выше того, что потом выбросила в печать сама антисоветская элита, карякины и адамовичи. Такой возник «союз меча и орала».

Таким образом, чтобы понять последний сорокалетний период нашей жизни, нам надо реконструировать тот большой антисоветский проект (проект «*жизнеразрушения*»), который влиял на общественное сознание в целом, в том числе на сознание партийно-государственной элиты. Поскольку в СССР не было «гражданского общества», установки этой элиты в громадной степени предопределяли судьбу страны.

Зачем нам сегодня восстанавливать в уме антисоветский проект — не стараясь представить его в карикатурном виде? Во-первых, он имеет прямое отношение к выяснению сути советского строя. По направлению ударов мы легче обнаружим его несущие конструкции, ибо удары эти оказались точными и эффективными. Вся доктрина «шестидесятников» в их войне против СССР может служить нам научным инструментом, тем зеркалом, в котором пусть с ненавистью, но отражены главные черты советского строя. Это — не просто полезное дополнение того образа, что мы способны нарисовать с любовью. Это — выявление подлинного образа, который был покрыт лубочной росписью и лаком официальной идеологии. О себе могу сказать, что большую часть знания и понимания советского строя мне дало чтение именно *антисоветских* текстов и выступлений 90-х годов. Раньше я жил и о многих вещах просто не задумывался, они казались мне естественными. Но когда знаменитые мужи утверждают, что это вещи противоестественные и мерзкие, просто нельзя о них не задуматься.

А для тех, кому придется разбирать руины нашего сокрушенного дома, структуру антисоветского мышления надо знать

обязательно, поскольку оно никуда не делось. Напротив, оно все еще нагнетается всей мощью идеологической машины, и оказывается, что многие его блоки в действительности имели главным объектом атаки вовсе не политико-идеологическую шапку СССР, а именно цивилизационные основы жизнеустройства наших народов. Главное противостояние продолжается, только теперь почти не осталось того страшного коммунизма, в который было удобно целиться, чтобы стрелять в Россию.

Образ антисоветского проекта неизбежно будет казаться противоречивым, поскольку в нем на общей основе антисоветизма были соединены очень разные культурные силы. Сахаров с Солженицыным, Шафаревич с Новодворской! После успеха в первой военной кампании — уничтожения СССР — они друг от друга отошли и даже переругиваются, духовно удерживая в сфере своего притяжения разные части общества. Но их антисоветизм — основа фундаментальная, и в этом своем векторе они продолжают составлять единый фронт.

Понятно также, что изложение проекта будет схематичным, убогим и упрощенным, как всякое препарирование для анализа сложной системы. К тому же есть еще много «белых пятен» в этой истории, а есть вещи совсем непонятные. Мне, например, непонятна сама страсть публично, на людях охаивать дело своих любимых отцов и даже свое собственное — а это мы видим у очень разных людей, вставших на антисоветскую тропу. У Ю. Афанасьева и Антонова-Овсеенко, Ч. Айтматова и Б. Окуджавы. Бывает, люди пересматривают свои взгляды, но есть же приличия. К чему прилюдно рвать рубаху.

Прежде чем перейти к обсуждению интеллектуально-философских оснований антисоветского проекта, введем в наш разговор контроль *меры*.

Глубина проникновения и широта охвата антисоветского мышления в общественном сознании. Поскольку антисоветизм является официальной идеологией победившего в конце 80-х годов блока нескольких социальных групп, которые сегодня составляют «господствующее меньшинство», измерить приверженность общества к антисоветским ценностям по внешним признакам непросто. Внешние проявления общественной позиции через СМИ кардинально искажают реальность, поскольку вся эта система, за исключением контролируемых вкраплений «оппозиционной прессы», находится на службе у господствующего меньшинства. Поэтому приходится опираться на собственные интуитивные оценки и на результаты социологических исследований, публикуемые в специальной литературе.

По моим интуитивным оценкам, все общество и особенно интеллигенция были и остаются затронутыми влиянием анти-

советской пропаганды. И тем не менее очень небольшое число граждан России и других республик СССР (даже прибалтийских) сознательно отвергают главные устои советского строя. Чаше всего они просто не понимают, о чем идет речь, а в душе привержены именно культурно-философским устоям советского проекта в их главной сути.

В 1995 г. ВЦИОМ опубликовал большой обзор результатов социологических опросов «Мониторинг перемен: основные тенденции» («Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М., 1995, № 2). Надо подчеркнуть, что руководство, да и коллектив ВЦИОМ в общем стоят на радикально антисоветских позициях и многие данные сообщают со злобными комментариями, скрипя зубами. Но знание хозяевам необходимо, и данные сообщаются. Вот некоторые выдержки из обзора, прямо говорящие о глубинном отношении людей к советскому строю и антисоветским альтернативам:

«— И старая, и новая идеологическая мода побуждает добрую половину респондентов склоняться к признанию несовместимости отечественного образа общественной жизни с «западной демократией». Сравнение двух замеров, разделенных полутора годами, — да еще какими! — показывает, что перед нами не просто показатель настроения, а установка, что-то вроде канона общественного сознания россиян. Это не усредненная, а поистине универсальная установка, разделяемая — в неодинаковых, впрочем, пропорциях — относительным и абсолютным большинством практически во всех наблюдаемых категориях респондентов»*.

Поскольку весь антисоветский проект строился на идее замены советского государственного строя демократией западного типа, вывод очень красноречив. В 1994 г. 33% посчитали, что «многопартийные выборы» принесли больше вреда, и 29% — что больше пользы. О «праве на забастовку» 36% сказали «больше вреда», и 23% — «больше пользы».

«— Как лучший период в истории XX в. общественное мнение выделяет времена правления Брежнева и Хрущева, перестройка же оказывается наихудшим временем по соотношению негативных и позитивных оценок... «Правильной» кажется перестройка имеющим высшее образование (23%), москвичам (22%), избирателям «Выбора России» (29%)».

Даже удивительно, что в группах, где антисоветская идеология казалась абсолютно господствующей, слом советского строя положительно оценивает лишь около четверти респондентов.

«— За пять лет реформ (1990—1994 гг.) число приверженцев частной собственности сократилось, а доля ее противников —

*Замеры делались в июне 1993 г. и в октябре 1994 г.

возросла. Можно утверждать: население укрепило в своем представлении о том, что основой частной собственности должен быть малый бизнес. Крупное производство, по мнению большинства населения, должно оставаться вне частной собственности... В массовом сознании богатство нынешних «новых русских» не является легитимным, поскольку, по мнению населения, получено в результате либо «прихватизации» бывшей госсобственности, либо финансовых махинаций и спекуляций... К участию иностранного капитала в российской экономике большинство россиян по-прежнему относится отрицательно, причем заметна тенденция усиления негативного отношения. Особое неприятие вызывает возможность распространения собственности иностранных граждан на крупные фабрики и заводы. Против собственности иностранцев на крупные участки российской земли по-прежнему высказываются более 80% россиян, на мелкие — более 60%».

Исключительно информативна «карта страхов» — субъективные представления об угрозах для благополучия личности и семьи. Столкнувшись с новыми, непривычными в позднее советское время угрозами и рисками, люди начинают по-иному оценивать государственное и экономическое устройство СССР. В указанном обзоре 1995 г. сказано: «Итоги пятилетия достаточно очевидны. Страх насилия на почве национальной вражды вырос на порядок; страх перед нападением преступников и боязнь безработицы, бедности увеличились втрое; страх перед возвратом к практике массовых репрессий — вдвое; страх перед произволом властей, беззаконием и перед публичными унижениями, оскорблениями — в полтора раза. Почти вдвое снизился страх перед стихийными бедствиями, а также ужас от мысли о возможных болезнях, мучениях смерти... Таким образом, за последние пять лет все социальные страхи резко усилились за счет личностных. Если же считать личностные страхи неизменными, то приходится признать еще более резким рост социальных страхов и значительное — в полтора-два раза — увеличение числа постоянно испытываемых страхов».

Надо отметить, что советский тип трудовых отношений стал даже более привлекательным в ходе реформы. В 1989 г. из всех вариантов 45% выбрали такой, типично советский: «Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне». В 1994 г. этот вариант выбрали уже 54%. Типично «антисоветский» вариант («Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск») выбрали 9% в 1989 г. и 6% — в 1994 г. В среднем 84% опрошенных считали в 1989 г., что обязанностью правительства является обеспечение всех людей работой, а в ноябре 1991 г. более 90% выразили это убеждение — убеждение, которое в антисоветской пропаганде было одним из главных объектов атаки.

Вот как менялось, по мере приобретения «рыночного» опыта, отношение к советскому типу предоставления социальных благ. В ноябре 1991 г. 41% считали, что школьное образование должно быть «в основном бесплатное», в октябре 1993 г. такое мнение выразили 58%, в январе 1995 г. — 70% и в январе 1996 г. — 74%. За «в основном бесплатное» медицинское обслуживание в те же сроки высказались 22, 46, 57 и 60% («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 3).

Показательны оценки советского и нынешнего строя по интегральному, бытийному критерию — возможности счастья. В мае 1996 г. было опрошено 2405 человек. Им был задан вопрос: «Когда было больше счастья: до перестройки, в конце 70-х годов или в наши дни?» Ответили, что «до перестройки», 68% людей с низкими доходами, 55% со средними и 44% с высокими. Но даже среди богатых меньше тех, кто видит в нынешней жизни возможность для счастья — их всего 32% («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 4). И это показатель, который при нынешнем антисоветском строе не будет расти — для большинства жизнь будет все более ухудшаться.

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран СССР и Восточной Европы является программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 г. работает в рамках совместного исследовательского проекта «Новый Российский Барометр» большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр.Харпфера в 1996 г. сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Оценки нынешней политической системы еще хуже.

А вот что сказала активный антисоветский идеолог академик Т. И. Заславская на Международной конференции «Россия в поисках будущего» в октябре 1995 г.: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что «дела идут в правильном направлении», в то время как по мнению 2/3 «события ведут нас в тупик». Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести» (СОЦИС, 1996, № 3).

Определенно антисоветскую позицию занимает в России очень небольшое меньшинство. В начале 1996 г. ВЦИОМ по заказу французского университета и на деньги какого-то иностранного фонда провел опрос жителей трех областей (включая областную центр), в котором выяснялось отношение к советскому прошлому. Хотя по результатам выборов в Государственную думу (декабрь 1995 г.) эти области сильно различались, от-

ношение к советскому строю было на удивление сходным. Определенно антисоветским был выбор такого варианта ответа: «Это были тяжелые и бесполезные годы». Такой вариант выбрали 6% в Ленинградской области, 5% в Красноярском крае и 5% в Воронежской области («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 2). Таков размер социальной базы убежденного антисоветизма.

Для нашей темы существенно также исследование американского социолога Т. Кларка «Отношение к реформам и электоральные установки». Дело в том, что образ советского строя в массовом сознании ассоциируется с КПРФ (неважно даже, в какой степени обоснованы эти ассоциации). Люди даже не вникают в туманные программные заявления этой партии, она воспринимается как носитель именно советских принципов. Но за КПРФ голосует около трети избирателей, более половины их вообще не ходят на выборы. Каково же их мнение? Это и исследовал Т. Кларк. Вот его вывод:

«Психологические установки и эмоциональные оценки политически неангажированных групп весьма близки к настроениям оппозиции. Они полагают, что их жизнь хуже родительской, убеждены, что не могут улучшить свою жизнь, оценивают свою ситуацию как нетерпимую, связывают свои надежды на успех с тем, насколько справедливо устроено общество. Таким образом, и по отношению к рыночным реформам, и по эмоционально-психологическому состоянию политически неангажированные группы значительно ближе к сторонникам КПРФ и ЛДПР, чем «Выбора России».

Учитывая диаметрально противоположные позиции поддерживающих «Выбор России» и сторонников оппозиционных партий или неангажированных групп практически по всем вопросам, трудно предположить, что «Выбор России» сможет найти способ адресоваться к ним. Безусловно, это неутешительная новость для реформаторов. Поскольку данные ВЦИОМ показывают, что в сумме сторонники оппозиционных партий и неангажированные группы составляют более 66% всего взрослого населения РФ» («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1994, № 6).

Подчеркну, что среди самих сторонников «Выбора России» почти 80% вовсе не были в тот момент *фундаментально* антисоветскими. В действительности те, кто исповедуют принципиально антисоветские установки, составляют численно совершенно незначительное меньшинство, и позиции их поистине диаметрально противоположны воззрениям подавляющего большинства. Кстати, маленький, но красноречивый психологический нюанс. Только 3% опрошенных позитивно воспринимают обращение «*господа*». Даже среди самих господ предпринимате-

лей таких насчитывается всего 12%. Страшно людям оторваться от советского понятия «товарищ».

Вот признание (в 1994 г.) видного антрополога, министра в правительстве Ельцина В. Тишкова: «Фактически мы живем по старым законам, старого советского времени. Проблема номер один — низкое гражданское самосознание людей. Нет ответственного гражданина... У нас даже человек, севший в такси, становится союзником водителя, и, если тот кого-то собьет или что-то нарушит, он выскочит из машины вместе с водителем и начнет его защищать, всего лишь на некоторое время оказавшись с ним в одной компании в салоне такси. При таком уровне гражданского сознания, конечно, трудно управлять этим обществом».

Таким образом, можно считать, что в главных вопросах общественное сознание в России (и тем более на Украине, в Белоруссии и в азиатских республиках СССР) не являлось и не является антисоветским. Даже к 1991 г., на пике перестроечной пропаганды, антисоветизм не был принят большинством. Но этого и не требовалось антисоветским силам — им достаточно было того, что большинство народа уклонилось от активной защиты советского строя и даже от активной рефлексии — от того, чтобы обдумать последствия того поворота, что назревал.

Во время глухой борьбы антисоветского меньшинства с тем меньшинством, которое предвидело ту катастрофу, к которой приведет слом советского строя, большинство интеллигенции стояло в стороне, наблюдая. Это предопределило поражение СССР, который стоял на идее общего дела. Катастрофа и произошла потому, что при такой позиции большинства произошла не смена одного строя жизни другим, сознательно выбранным, а возникла Смута, которой овладели вору.

Опасность для государства массового уклонения граждан от того, чтобы четко определить свою позицию в момент общественных противостояний, хорошо понималась уже на этапе становления афинской демократии. Аристотель пишет: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав».

Плутарх тоже отмечает этот момент в законах Солона: «Из остальных его законов особенно своеобразным и странным является тот закон, который повелевает, чтобы был лишен гражданской чести человек, не примкнувший во время смуты ни к той, ни к другой партии. Но он хочет, как кажется, чтобы никто не относился равнодушно и безучастно к общим интересам, оградив от опасности личное достоинство и отговариваясь тем, что

не разделяет горя и страданий своей родины; он хочет, чтобы всякий немедленно примкнул к тем, которые преследуют лучшие и более справедливые цели, делил с ними опасности и помогал им, а не выжидал в безопасности того, что предпишут победители» (*Аристотель*. Афинская политика. М.: Соцэкгиз, 1937) *.

Во время революции начала XX века мы выбрались из Смуты потому, что достаточно большая часть народа чувствовала ответственность за выбор. М. М. Пришвин записал в дневнике 30 октября 1919 г.: «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче — быть с теми или другими. «А как же, — сказал он, — быть ни с теми, ни с другими, как?» — «С самим собою». — «Так это вне общественности!» — ответил таким тоном, что о существовании вне общественности он не хочет ничего и слышать».

Самая радикальная социальная группа, которая требовала обновления, — студенты. Но и в их сознании не произошло поворота к принятию западного капитализма и западной демократии как антисоветской альтернативы для нашего жизнеустройства. Вот статья А. В. Меренкова «Политические стереотипы студенчества» (СОЦИС, 1992, № 8). По данным автора, в 1989 г., когда стали возникать кооперативы, 34% студентов верили в благотворную роль частного предпринимательства. Через год таких осталось лишь 16%. После августа 1991 г. их доля выросла до 26%. Однако, как подчеркивает автор, и тогда еще студенты не отождествляли предпринимательство с возрождением капитализма. Имелось в виду именно встраивание предпринимательства в советскую действительность. Быстро развеялся в среде студентов и миф о демократии. В 1989 г. 38% студентов верили, что демократия — это власть народа. В 1990 г. таких осталось 28%, а в октябре 1991 г. — 9%. На вопрос «Куда движется наше общество в настоящее время?» самые частые ответы среди студентов были такие: «к гражданской войне» — 17%; «к капитализму» — 15%; «к катастрофе» — 14%.

Главное, что отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорил о том, что произошли принципиальные изменения в *глубинных* слоях сознания. А ведь именно в этом суть и предпосылки для выбора той или иной траектории пути нашего развития. Более того, многие наши молодые демократы и есть рыцари традиционного (реально *советского*) общества. Я лет 7 назад читал лекции в курсе философии на химфаке МГУ. Тогда в обществоведении был хаос, и я смог прочесть

* Лишение гражданской чести — тяжкое наказание, равносильное лишению гражданских прав.

курс «Наука и идеология». На дом я задавал вопросы, а на семинарах выяснилось, что все студенты, уверенные, что они — истинные демократы и либералы, на деле мыслят столь архаично, что даже трудно было предположить. Когда я учился в университете, в конце 50-х годов, мы были намного более модернизированы, чем нынешние «либералы». Студенты начала 90-х годов были, например, искренне уверены, что научное знание есть *«инструмент Добра»*. А либеральное общество как раз возникло вследствие духовной мутации, которая заключалась в том, что научное знание было признано автономным по отношению к добру и злу. В этом и была суть спора Галилея с инквизицией. Так научное знание отделилось от религии и освободилось от всеобщей этики (тоталитаризма).

Другое дело, что в массовом сознании представления о реальности расщеплены, в умах людей возникла мешанина из несоизмеримых, часто взаимоисключающих воззрений и притязаний. Например, опрос учащихся 11 классов школ и ПТУ Нижегородской области в мае 1992 г. показал, что каждый второй хотел бы стать предпринимателем, каждый четвертый — завести собственное дело. Но рано или поздно жестокая действительность приведет сознание в рамки здравого смысла. Это — условие биологического выживания человека в обществе, а полного вымирания народа ожидать все-таки не приходится.

В целом можно сказать, что подавляющее большинство наших соотечественников сохраняют фундаментальные основания советского взгляда на жизнь и на человека, но эти ценности и установки прикрыты в поверхностных слоях сознания антисоветскими претензиями и фобиями. Этот внутренний конфликт порождает тяжелый культурный кризис и объясняет многие нынешние аномалии в поведении и даже трактовке действительности.

Однако то меньшинство, которое сознательно отвергает советский строй по ряду важнейших его оснований, велико и активно. Если учесть, что в общественных процессах важна не численность («масса») социальной группы, а *«масса, умноженная на коэффициент активности»*, станет понятно, что в России сегодня возникло равновесие сил. Реформаторы не могут доломать советский строй и вынуждены после первого штурма и натиска выгрызть его малыми кусочками или давать его остаткам «умереть самим», просто от истощения — как, например, науке или образованию, а люди, могущие и желающие жить в обществе, подобном советскому, не могут ни сохранить структуры советского строя, ни начать их восстанавливать. Но это равновесие неустойчиво, рано или поздно оно будет сломано.

Рассмотрим кратко идейный багаж двух разных «сознательно антисоветских» течений.

«Новые русские» — радикальная антисоветская субкультура.

Когда в конце перестройки кризис в России достиг зрелости, определилось и получило имя активное действующее лицо этого кризиса — «новые русские». На время они стали в России тем, что называют *господствующее меньшинство*. А Тойнби дает такое определение этому понятию: «Под господствующим меньшинством я имею в виду правящее меньшинство, держащееся не столько симпатиями своих подданных, сколько силой. Подобное изменение случается в моменты, когда творческое меньшинство теряет возможности дальнейшего творческого действия. Это может случиться по собственной вине или в результате какой-либо западни, какими изобилует творческий путь. Оно может быть искушено собственными же успехами, либо потеряв контроль над собой, либо преждевременно подняв над водой весла».

Имя «новые русские» стало мелькать в демократической прессе с конца 1990 г. и сразу получило четкое толкование: речь шла о появлении небольшой группы населения, объединенной активным отрицанием ценностей советского строя. «Новые русские» рассматривались как движущая сила рыночной реформы, обладающая энергией и страстностью, достаточными даже для того, чтобы объявить «старым русским» непримиримую гражданскую войну (некоторые антисоветские идеологи понимали это в буквальном смысле слова).

Можно было говорить о появлении новой этнической группы, с иной психологией, повадками, идеалами и предрассудками. То есть о явлении *этногенеза*, формирования нового народа. Эти процессы, как и быстрое изменение психологического склада основной массы народа, всегда наблюдаются в периоды острых кризисов и революционных изменений. Появлению субэтнотосов предшествует возникновение новых *субкультур* — течений, объединенных отрицанием культурных ценностей и норм, разделяемых основной массой населения. И у нас этот процесс шел.

«Независимая газета» с одобрением писала о новом движении в кино, «представшем перед кинообщественностью под лозунгом «новые русские». В этом был элемент провокации: в ряды движения выбирали отнюдь не по принципу славянской принадлежности. Что касается «новых», речь шла еще об одной попытке освобождения от груза проблемности и мессианских замашек, которыми грешили все «старые» русские».

Как пишет газета, фильмы «новых русских» отрицают «эстетику русского Космоса, который пострашнее Хаоса», ибо «это эстетика выкидыша или плода, зачатого и выношенного большой женщиной от лилипута». Как видим, уже на уровне субкультуры «новые русские» декларировали очень высокую сте-

пень агрессивности даже по отношению к эстетике русской культуры.

Обособление культурных отщепенцев шло рука об руку с социальным процессом — выделением энергичной группы, уповавшей на рыночную реформу (прежде всего, приватизацию). Проводимые с 1989 г. ВЦИОМ широкие опросы показали нарастающий отрыв этой группы «сторонников реформы» от основной массы населения, особенно деревенского, по их отношению к большому комплексу общественных явлений и позиций. Иногда этот отрыв просто потрясает. На вопрос «Что вы считаете главным событием 1988 года?» большинство советских людей назвали вывод войск из Афганистана, полет корабля «Буран», землетрясение в Армении, события в Нагорном Карабахе или 1000-летие крещения Руси. А «сторонники реформ» главным событием назвали «снятие лимитов на подписку»! Когда такая чушь становится главным в жизни — это и есть отрыв от корней.

Но значит ли это, что речь идет не просто об идеологическом и культурном течении, а поистине о рождении «малого народа», многонациональной общности «новых русских», осознавших себя именно в противопоставлении «совкам» — «старым русским»? Многое для ответа на этот вопрос можно почерпнуть из конкретных исследований. Одна из таких работ под названием «Мировоззрение населения России после перестройки: религиозность, политические, культурные и моральные установки» проведена в 1990—1992 гг. под руководством С. Б. Филатова с участием видных социологов и культурологов (например, Д. Е. Фурмана, тогда директора Центра политических исследований Горбачев-фонда).

Авторы, судя по их комментариям, — люди «прогрессивных» взглядов, их симпатии на стороне реформаторов, но работа — научная и отражает реальность такой, какая она есть. Авторы не используют понятие «новые русские» — научным оно не является, это метафора. Но сами подробные сведения об установках разных социальных, возрастных и профессиональных групп показывают, что эта метафора имеет под собой основания.

Обширный список вопросов в течение трех лет задавался выборке из 2250 человек (1500 — в РФ и 750 — в Казахстане), представляющей ряд национальностей в десятке городов. И вывод огромной важности, который позволяет сделать очень большая совокупность тонких косвенных вопросов, состоит в том, что та «историческая общность людей», которую мы называли советским народом, реально существует. Возник именно советский народ с общим ядром мировоззренческих установок и идеалов. С общим державным сознанием и представлениями о справедливости. Во время перестройки нарушилась идеоло-

гия — поверхностный слой культуры, — произошла перестановка чтимых образов, но все равно это образы, связанные с укреплением державы, а не ее распадом.

Вот как выглядит общая картина предпочтений исторических лидеров в мае 1992 г. (в %): Петр I — 37; Столыпин — 20; маршал Жуков — 13; Александр Невский — 12; Ленин — 9. Заметим, что Столыпина — фигуру, совершенно мифологизированную в перестройке, назвали 41% людей с ученой степенью, что и выдвинуло его на второе место. А триада «Ленин — Сталин — Жуков», будучи образом державного СССР, по «суммарной» степени уважения приближается к Петру.

А вот мнения о «наилучшей эпохе в истории России»: правление Петра I — 34%; правление Брежнева — 14%; перестройка (1985—1991) — 3%; реформа (конец 1991—1992) — 3%. То есть для основной массы были ценны державность и стабильность. Вариации невелики: российские немцы делали больший акцент на державности, а казахи, татары и башкиры — на стабильности.

Из полутора десятка «эпох» у всех народов перестройка занимает одно из последних мест. Лишь респонденты-евреи назвали перестройку «наилучшей эпохой». Видимо, зажатая державностью и советской стабильностью свобода предпринимательства была для них действительно важной ценностью и ее отсутствие противоречило их психологическим установкам.

Еще один вывод об установках «массы» — быстрое крушение западнической утопии. Была предложена такая установка: «В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных общество. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом». С ней согласились в 1990 г. 45% опрошенных, в 1991 г. — 38% и в 1992 г. — 14% (в Москве побольше: 45, 44 и 18).

Перейдем от «массы» к тем, кто радикально отрицает державность и стабильность (и уж тем более наше советское прошлое), — к той среде, которая и порождает «новых русских». Исследование С. Б. Филатова дает большой материал, и здесь мы выберем лишь одно, но очень важное качество — *религиозное отщепенство*. Отказ как от любой традиционной религиозности («веры в бога»), так и от советского атеизма. Вот некоторые выводы из работы, подтвержденные массой таблиц:

«Показателен повышенный интерес к нетрадиционным формам религиозности новой группы нашего общества — коммерсантов и бизнесменов. Среди них наиболее высока доля людей с ярко выраженным неопределенным, эклектичным паранаучным и парарелигиозным мировоззрением. Именно в этой, социально очень активной, группе самое большое число верящих не в бога, а в сверхъестественные силы — 20%».

И далее: «Как и в исследовании 1991 г., наиболее прорыночной группой населения проявили себя «верящие в сверхъесте-

ственные силы». Эти «верящие в сверхъестественные силы», оккультисты — основная мировоззренческая социальная база борцов с коммунистическим государством — и сейчас чаще других выступают за распад СНГ и Российской Федерации».

При разрушении СССР именно представители этой социальной группы активно использовали стандартные лозунги антисоветских демократов: «Если не считать атеистов, самыми убежденными сторонниками политических свобод и прав человека остаются оккультисты (т.е. «верящие не в бога, а в сверхъестественные силы»)».

Резкий отрыв «нового слоя» от массы произошел в представлениях о справедливости и морали. «Новые русские» — это люди активного молодого возраста с высоким образовательным уровнем. В этой категории были наиболее распространены эгоистические и антипатриотические установки. Авторы исследования пишут: «Опросы 1990—1991 гг. показывали, что наиболее вовлеченная в массовую политическую борьбу и наиболее радикально-демократическая группа — верящие не в бога, а в сверхъестественные силы, 24% из них поддерживали «Демократическую Россию», что намного превосходило и верующих, и атеистов». И еще: «Вера в НЛО, снежного человека, телепатию сильно связана с ценностями первого периода радикально-демократического движения — антикоммунизмом, желанием похоронить СССР, приоритетом прав человека и рынка».

Внутренняя противоречивость установок этой группы видна и в том, что «права человека» для нее — лишь политический инструмент. На деле ее отличает нетерпимость, причем даже в национальных отношениях: «В исследовании 1991 г. мы отметили, что «верящие не в бога, а в сверхъестественные силы», несмотря на весь свой радикальный демократизм, были в отношении к большинству различных народов наименее толерантной группой. И эта их особенность за прошедший год лишь усилилась». Национализм и нетерпимость порождаются рыночным интересом и ненавистью к конкурентам, а вовсе не любовью к родной земле (но это — особая тема).

И, наконец, важный штрих, но связанный с целым. Вот вывод авторов: «Как и по многим другим проблемам, в области сексуальной морали самые либеральные — «оккультисты» — верящие в сверхъестественные силы. По всей видимости, они — носители достаточно последовательной культуры «вседозволенности»: чаще других отрицают свою ответственность перед государством и обществом — «каждый за себя», обладают низкой трудовой этикой, высокой национальной нетерпимостью и не признают никаких границ в области секса».

Это — первый, очень приблизительный духовный портрет «новых русских». Но этот портрет не устоялся, новый тип еще

не сложился, он — в поиске. И уже есть симптомы того, что нового «малого народа» не сложится, его уже разлагает разочарование и тоска. Об этом говорят те культурные особенности, которые проявились в начале 90-х годов.

Что же написано на знамени «новых русских»? Чтобы разобраться, надо знать, кто их певец, в чем их художественное самовыражение, каковы их представления о прекрасном и безобразном, — знать их *эстетику*. Каждая культура и даже идеологическое течение имеет свое лицо. Когда мы слышим «*Степь да степь кругом...*», «*Выхожу один я на дорогу...*» или «*Вставай, страна огромная...*», для нас ясен эстетический образ «старых русских». Песни 30-х годов несут оптимизм индустриализации. Мелодичные, спокойные песни 60—70-х (несть им числа) — отдых ничего не подозревающего народа после невероятных перегрузок XX века. Какие песни собирали «новых русских», что пели их поэты?

Помню, в самом начале перестройки я внимательно прослушал все песни группы «*Наутилус Помпилиус*» — самого талантливого, на мой взгляд, выразителя мироощущения будущих «новых русских». Прослушал и говорю своим детям: это же песни, зовущие на гражданскую войну со своими родителями, песни человека, поджигающего свой дом! На меня замахали руками — с ума сошел! А ведь та догадка оправдалась. Но в тех песнях был еще поэтический заряд борьбы, хотя было видно, что борьбы большой — без идеала будущего. Только разрыв с прошлым!

Но вот под звуки песен «*Помпилиуса*» вскормленная КПСС политическая элита хладнокровно оглушила страну и начала шарить в доме. Но где же песни? Мы наблюдаем уникальное в истории явление — «революцию», не родившую ни одной нормальной песни. Культурная аномалия, предрекающая печальный конец. В 1993 г. была издана большая антология «*Русская поэзия Серебряного века. 1890—1917. Антология*» (М.: Наука). Там собраны произведения лучших поэтов конца XIX и начала XX века. Первое, что поражает, — доля стихотворений, художественно выразивших пафос грядущей революции. «*Варшавянка*», «*Смело, товарищи, в ногу*», «*Мы кузнецы*» — это малая часть лишь широко известных, привычных и ставших песнями произведений. Но таких — множество, они пропитывают всю поэзию Серебряного века. Составители, отбиравшие, по их словам, стихи исключительно исходя из их художественной ценности, включали революционную лирику со скрежетом зубным. На деле ее вес в тогдашней культуре был гораздо больше того, что представлено в антологии. Подумайте, революционные песни становились любимыми романсами. *Не слышно шума городского...* А что же дала революция рыночников, всех этих «новых русских», березовских и новодворских?

Ну, нет песен, так появилась литература — тоже важный материал для диагноза. Вот писатель Яркевич. «Огонек» назвал его писателем-93 (а кое-кто даже «двусмысленно» назвал «последним русским писателем»). По словам самого Яркевича, он написал трилогию, аналогичную трилогии Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность». У «нового русского» Яркевича эти части называются: «Как я обоссрался», «Как меня не изнасиловали» и «Как я занимался онанизмом». Все эти гадости имеют у Яркевича не только сюжетный, но и метафорический смысл. Понимаем «Независимую газету», где О. Давыдов дает такой диагноз в статье «Яркевич как симптом». Как пишет О. Давыдов, во второй части трилогии «выясняется, что маньяком, насилующим мальчиков, оказывается... русская культура». Что же до «юности», то «онанизм в этом тексте — метафора свободного духовного пространства. Он как бы снимает основной (по мнению Яркевича) грех русской культуры: социально-политическую ангажированность, замешанную на агрессии». То есть опять же главное — тема разрыва с духовным пространством русской культуры, освобождения от нее хотя бы через онанизм.

О. Давыдов делает вывод: «Мы имеем дело со становящейся философией культурой тех «новых русских», льстецом и рупором которых является такая замечательная газета, как «Коммерсантъ» (а литературно-художественным воплощением — разобранные выше тексты Яркевича)».

Кто-то скажет: да, это поколение «новых русских» сгорело в пламени реформы, они опустошены и по-своему несчастны. Но они хоть создали состояния для своих детей — и уж из этих-то возникнет здоровая и свободная от оков русской культуры цивилизованная элита. Но никаких оснований для этих надежд нет — подорвав возможности воспроизводства интеллигенции из «старых русских», режим Ельцина надолго оставил Россию без культурного слоя, уже создал провал нескольких поколений. Ибо дети «новых» — пожалуй, самая культурно обездоленная часть, и никакими деньгами это не покроешь. Да и не всякие деньги приносят благо.

Пожалуй, ребенку богачей приходится хуже, чем бедняку. В личном развитии мы пробегаем путь человечества, и ребенок психологически живет в коммунизме общинного строя, ждет от взрослых защиты, а от сверстников — солидарности. Богатый ребенок, особенно если тупые родители вбили это ему в голову, — изгой. Сама обстановка в их семьях такова, что они формируют поколения ушербных, глубоко несчастных детей. Пусть мелкий штрих, но как он важен: именно в этой среде в России возродилось битье детей — тайная, глубоко скрываемая болезнь западной буржуазии, совсем иное явление, чем подзатыльники в семьях отчаявшихся бедняков.

Вот редкое по гуманизму выступление И. Медведевой и Т. Ши-

шовой в «Независимой газете» — «В новое время появляются новые дети». Что же отметили специалисты? Вот их вывод: «Сегодня дети богатых невротизированы ничуть не меньше обычных детей. Пожалуй, даже больше... Находясь под изнурительным прессом страха и нервотрепки и, как всякий человек, распоясываясь дома, бизнесмен вместе с пиджаком сбрасывает с себя этот пресс. На кого? Конечно, на близких. И прежде всего от непосильного груза страдает слабый, то есть ребенок. У таких детей наблюдается повышенная тревожность, страхи и как следствие — энурез, заикание, тики, а также агрессивность или, наоборот, заботность, безынициативность, отсутствие познавательных интересов. Когда они подрастут, им скорее всего будет непросто создать и сохранить семью... А дети, выходящие на улицу только в сопровождении телохранителя (это сейчас особенно престижно)? Какая у них формируется картина мира? И что им снится по ночам? У таких детей практически со стопроцентной вероятностью наблюдаются: повышенная тревожность, навязчивые страхи и как естественное следствие — мизантропия, то есть ненависть к людям. А мизантропия может привести к угасанию рода: переполненный ненавистью к людям человек не захочет или даже не сможет произвести на свет себе подобных».

А что с культурой для детей? Да то же самое. Черепашки-ниндзя! Б. Минаев в «Независимой газете» с одобрением раскрывает смысл этой культурной программы: «Ржавые гвозди не просто так вбиваются в свежую необструганную доску, а скрепляют одну доску с другой, образуют конструкцию, угол, на который уже можно опираться при строительстве любого сознания. Ведь для того, чтобы легко нанизывать один сюжет за другим, — надо довести этот абсурд до полной дикости, до кича, до абсолютно нуля». Сам выбор «гвоздей», которыми скрепляется детское сознание, сделанный телевидением А. Н. Яковлева, означает принципиальный и сознательный разрыв со всей траекторией русской культуры. В ней были очень строгие критерии допуска художника к детской душе — пробегите мысленно нашу детскую литературу, радио, кино. Дикий абсурд детского кича сегодня — не ошибка, не признак низкой квалификации. Это — шприц с ядом, вводимым в будущее России.

Что же нравится Б. Минаеву? «Дети перестают воспринимать уродство, неполноценность, страхолюдность — как нечто чужое, чуждое, страшное. Они начинают любить это страшное. Они начинают понимать его. Мой шестилетний сын спросил: пап, а канализация ведь — это где какашки плавают? И глаза его весело блестели... Оказывается, и там можно жить!» В этом все и дело. И в дерьме можно жить — ничего страшного, значит, с Россией не происходит. Мы только должны отказаться от веками сложившегося в нашей культуре чувства безобразного.

И нагнетается всеми способами «эстетика безобразного». Жирный, нарочито грязный и потный певец, колыхаясь всей тушей, что-то поет о девочке — из него делают звезду телеэкрана. Из политиков на экран чаще всего вытаскивают тех, кому выступать следовало бы только по радио. Гойя, кому пришлось наблюдать своих перестройщиков-либералов, призывавших в Испанию демократа Наполеона, написал на одном из своих рисунков: «Есть люди, у которых самая непристойная часть тела — это лицо, и было бы не худо, если бы обладатели таких смешных и злополучных физиономий прятали их в штаны». Антисоветские идеологи ставят обратную задачу — приучить к безобразному как к норме. Создать новую культурную нишу для российской элиты. Минаев пишет о ней: «Это ниша грязи, канализации, какашек (то есть близости к ним), ниша доброго и благородного уродства, страховодной мутации. А если говорить короче — это ниша небрезгливости».

Это явление также раскрыл Достоевский в пророческом образе: Федор Карамазов «порвал нить» с культурными нормами, продемонстрировал свою небрезгливость и породил Смердякова. «Новым русским» нужны миллионы смердяковых, а не Жуковы и Гагарины. Быть может, «старые русские» так и угаснут. Что ж, тогда вывернется наизнанку формула «красота спасет мир» — смердяковы его погубят. Ибо антропологи (Конрад Лоренц) давно предупредили: брезгливость, инстинктивное неприятие безобразного было важнейшим условием эволюции человека и поддержания здоровья всего биологического вида.

С ними произошло самое худшее, что обнаружил в истории Тойнби, — «дегуманизация «господствующего меньшинства», предполагающая спесивое отношение ко всем тем, кто находится за его пределами; большая часть человечества в таких случаях заносится в разряд «скотов», «низших», на которых смотрят как на сам собою разумеющийся объект подавления и глумления». Вывод печален, и мы должны принять его без всякого злорадства. Как культурное течение, демократы поразительно быстро деградировали. Сегодня мы видим не просто упадок, но зрелище распада, что-то тлетворное. Ничего хорошего в этом нет — даже в качестве противника лучше иметь что-то здоровое, с потенциалом развития.

И пусть молодые интеллектуалы, с радостью кинувшиеся в антисоветскую стаю, не строят иллюзий. По глубинной, культурной и философской своей сути «новый русский» — не сверхчеловек. Он — *античеловек*.

Антисоветизм «белых патриотов». Говоря о становлении антисоветского проекта, я упоминал в основном тех «шестидесятников», которые стали интеллектуальным субстратом пере-

стройки Горбачева. Это так называемые «демократы-западники». Однако не менее важную роль сыграли и их антиподы — антизападники, так называемые «*белые патриоты*».

Критический анализ их антисоветских концепций был затруднен потому, что они в какой-то мере стали союзниками КПРФ в идейной борьбе с антисоветским течением, представленным Горбачевым и Ельциным. Но уже к концу 1999 г. этот плохо склеенный союз фактически распался.

Поводом для разговора стала удачная операция по втягиванию писателя В. Г. Распутина в ряды антисоветской культурной элиты. Он принял премию от Солженицына и участвовал в сильно политизированном ритуале ее вручения. Условия были поставлены жестко: принять доллары, о которых было широко сообщено, что они — из оплаты за «Архипелаг ГУЛАГ». А это, как известно, одна из главных идеологических бомб, сброшенных на СССР коалицией его врагов в «холодной войне». Символический смысл ритуала выдачи и принятия премии был прозрачен и всем ясен. Учитывая ценность «улова», операцию антисоветчиков можно считать чрезвычайно эффективной.

В связи с этим событием антисоветскую концепцию изложил В. Бондаренко в статье («Завтра», 2000, № 25), в которой он защищает В. Г. Распутина от нападков «красного» В. С. Бушина. По словам В. Бондаренко, «нынче происходит определенный разрыв между белыми и красными патриотами».

Впрочем, диалога между ними за все время и не было. Я много раз в самой уважительной форме и в разных вариантах задавал нашим «белым патриотам» вопрос, чего же они все-таки хотят для России и чего добиваются своими регулярными антисоветскими заявлениями, но ответа не было. За десять лет я убедился, что я обращаюсь не к искренним, ищущим правды и взаимопонимания людям, каких немало я знаю среди антикоммунистов, а к хладнокровным идеологическим работникам, которые много лет вели борьбу на уничтожение против СССР, а теперь продолжают ее в новых условиях, но в рядах той же армии.

Мне иногда говорят друзья: зачем ставить точки над «i»? Почему бы не продолжить имитацию «соединения красной и белой идеи»? Нельзя продолжить хотя бы потому, что сами «белые» от этой имитации отказываются. Да и кого она может обмануть? Все уже сыты ею по горло. Из-за этого фальшивого единения мы по самым главным вопросам не могли высказываться ясно и четко. Десять лет мы толчем воду в ступе.

Начать с того, что неизвестно кем подsunутая формула «соединения белого с красным» сразу сбита с толку людей уже самими терминами. Кто у нас «белый» и что под этим понимается? И. Р. Шафаревич — белый? В. Г. Распутин — белый? Принимает ли В. Г. Распутин это звание? Какую генетическую

связь видит он между собой и символами белого движения Корниловым да Колчаком?

Белое движение — вполне четко очерченное политическое, социальное и культурное явление нашей истории. Оно возникло как попытка военного реванша государственности Февральской революции над советской властью. Эта попытка делалась при помощи и под полным контролем Запада, так что выдвигенец эсеров и масонов русофоб Колчак сам называл себя кондотьером. Белые потерпели такой же полный крах, как Керенский и прочие либеральные западники на мирном этапе — между Февралем и Октябрем.

Белое движение — это «кадетствующие верхи и меньшевистствующее рядовое офицерство», эпигонство западного либерального капитализма. Пусть наконец В. Бондаренко и др. «новые белые» скажут прямо, признают ли они свое духовное родство с теми, реальными белыми? Нельзя же нацеплять чужую форму, совершенно не говоря о своем содержании. Это военное преступление.

На мой взгляд, весь этот спектакль с переодеваниями — убогая политическая игра. Солженицын, Шафаревич и Бондаренко никакого отношения к белым не имеют. Они — типичное порождение советского строя и принадлежат к той части интеллигенции, которая по разным причинам заняла антисоветскую позицию. Потом коготок увяз, да и позиция эта приобрела высокий социальный статус — она уже подпитывалась номенклатурой с обеих сторон океана.

Никакого позитивного проекта у них нет, никаких сведений о нем получить невозможно, да и представить его себе нельзя. Думаю, наиболее дальновидные из них (например, И. Р. Шафаревич) прекрасно знают, что такого проекта у них и не может быть. О чем рассуждает с важным видом В. Бондаренко? «Красная идея», «Белая идея»... Ну и попробовал бы он свою «Белую идею» выразить. Пшик... А «Красная идея» всем была ясна — устроить жизнь, основанную на взаимопомощи и братстве, а не на конкуренции и топтании ближнего. Когда это в достаточной мере удастся, и Россия становится единой и неделимой, и никакой Гитлер или Хаттаб нам не страшен.

Что же касается конкретных форм советского проекта и его «больших программ», то в эти формы Россия была загнана совокупностью непреодолимых обстоятельств. Сегодня эти обстоятельства не только не исчезли, но, похоже, даже обострились. Поэтому когда Солженицын с Шафаревичем помогли советский проект пресечь (без них это ни Западу, ни номенклатурным вора́м не удалось бы), произошла национальная катастрофа. Буквально во всех сферах жизни. Вот и вся их «Белая идея».

Меня давно поражает неискренность «белых идеологов».

Они притворяются, что не понимают простых, всем известных вещей, хотя им много раз по-дружески их объясняли. Вот В. Бондаренко излагает общий для всех них тезис: «Я считаю ту великую Победу не красной победой, а Отечественной Победой... Побеждала там, на полях сражений, не красная Россия, а русская Россия». Заметим это настойчивое противопоставление: «не красная, а русская». Это, мол, несовместимые признаки.

Если это говорится искренне, то перед нами тяжелый случай группового отказа мыслительного аппарата — и у немалой части интеллигенции. Вглядимся в логику этого умозаключения. Да, если Отечество — абстрактная абсолютная идея, то оно бесполое, не имеет жесткой формы, оно русское, и все этим сказано. Дух... Такое Отечество не питается и не воюет. Зачем? Оно и под Гитлером было бы тем же метафизическим Отечеством — русским даже без людей. Если же речь идет о войне, когда стреляют твердыми пулями, то Отечество воплощено в конкретно-исторические формы, и противопоставлять дух этим формам просто глупо.

«Белые» непрерывно проклинали советскую индустриализацию — а Отечественную Победу любят. Но ведь ясно, что без индустриализации и коллективизации этой победы быть бы не могло. Победа достигается не только *на полях* сражений, как хитро пытается проскользнуть В. Бондаренко («побеждала там, на полях сражений, не красная Россия, а русская Россия»). Победа куется в КБ и на заводах. А советская индустриализация, как огромное социальное, духовное и организационное явление, резко отлична и от промышленной революции Запада, и от индустриализации «Бромлея и Гужона» в царской России.

В 1943 г. промышленный потенциал СССР был в 4 раза меньше, чем тот, что работал на Германию, — а танков и самолетов Красная Армия уже получала больше немецкой. А в 1916 г. правительство того же (да не того же) Отечества не могло закупить металла для военных нужд — весь его сбыт контролировался тогдашними абрамовичами и черными.

Своим же, русским фабрикантам казна переплачивала за 6-дюймовый снаряд от 23 до 28 руб. (это средние расходы крестьянина России на пропитание за целый год). Начальник Главного артиллерийского управления А. А. Маниковский писал о своей бессилии против этого «явного грабежа казны» и о том, что русские промышленники безмерно обогатились «в самую черную годину России». Председатель Государственной думы М. В. Родзянко получил подряд на производство березовых лож для винтовок, а военное министерство «накинуло» ему по рублю на штуку сверх самой высшей цены — потому что «Родзянко нужно задобрить». Вот это и есть «не красная, а русская Россия» В. Бондаренко.

Скажем прямо, вся патриотическая риторика нынешних «белых» паразитирует на остатках плодов советской индустриализации — и при этом они постоянно плюют в глаза этому умирающему. Если на то пошло, то эти «белые» предали и «Белую идею» тех, кто убивал и умирал в России в 1919 г. Ведь великий смысл крови, пролитой белыми, состоит в том, что она была как кислота для проверки чистоты помыслов народа. Белые как бы говорили: «Смотрите, мы льем вашу и свою кровь. Вот какова цена советского строя. Так ли вы его хотите? Не забывайте про эту цену».

Если быть строгими в определениях, то под словом «белые» сегодня надо понимать просто «антисоветские». Никакого другого смысла тут нет. Это — фундаментальное качество, ибо разлом произошел именно здесь, именно уничтожение советской цивилизации и пресечение советского проекта было целью «холодной войны». И если сегодня, через десять лет после уничтожения СССР, Шафаревич продолжает писать антисоветские труды, а авторитетных писателей и певцов соблазняют проклясть советский проект (хотя бы уклончиво), то именно потому, что этот проект не добит и главное для Запада — не дать ему возродиться и снова поднять Россию.

Последние десять лет показали, что антисоветизм Плеханова, Колчака, Новодворской или Шафаревича — качество именно фундаментальное, они оказываются вместе по одну сторону баррикады в конфликте цивилизационного масштаба. А споры и неприязнь между ними — вещь вторичная, подчиненная. Это как война Гусинского с Березовским. Скажут, Шафаревич и Солженицын — патриоты, а Новодворская — русофобка. Так ведь «патриот» — это такое же самоназвание, как и «белый». Или у Солженицына справка с печатью есть, что он патриот?

Да, Шафаревич написал книгу «Русофобия», спасибо ему за это, но к делу это не относится. Азефу даже министров разрешалось убивать, лишь бы контролировал движение эсеров. Шафаревич и не смог бы выполнить своего боевого задания в антисоветской войне, если бы не завоевал доверия национально мыслящей интеллигенции — того контингента, который он взялся «вести». Сахаров «вел» другой контингент, и «Русофобии» ему писать было не надо. От каждого по способностям, а в главном они соратники, Шафаревич этого и не скрывает.

Книжка и речи — не главное. Разве не по плодам узнаем их? Каковы же плоды? Мы можем мысленно пройти по всем главным сторонам бытия, что определяют жизнь и здоровье страны и народа, и увидим, какие страшные последствия имела для них та победа над советским строем, которую кovali наши «белые патриоты». Были среди них немногие, что ужаснулись делу своих рук и сказали: «Мы целились в коммунизм, а попали в Рос-

сию». Ни Солженицын, ни Шафаревич к таким не относятся. Они до сих пор гордятся своей победой, но считают ее промежуточной и потому продолжают стрелять — кто статьями, кто долларами.

Солженицын жалеет русский народ: «Сейчас ничего перее нет, как сбережение народа. Мы вымираем, мы уходим с земли...» От кого мы это слышим? Возьмите динамику смертей и рождений и вы увидите, что вымирание русских началось сразу после победы над СССР той армии, в которой воевал Солженицын. Что значит «сбережение народа» по Солженицыну и Шафаревичу? Оно ведь сводится к установлению какого-то социального жизнеустройства, при котором народ может жить и размножаться. Как можно «сберечь народ», если у него отняли все средства к жизни и нанесли тяжелейший удар по системе ценностей! Но ведь все это — следствие слома советского общественного строя, этот факт надежно установлен и сомнению никем не подвергается.

Тот образованный человек, который после десяти лет агонии моей страны и массовых страданий моих сограждан остается активным антисоветским деятелем, является для меня экзистенциальным врагом России, ее «частичным убийцей». Частичным не потому, что убийство неполное, а потому, что он — частица силы, которая Россию убивает.

Да, после бойцов — таких, как Солженицын и Шафаревич, — пришли мародеры, чубайсы и кохи. Бывает, что бойцам претят мародеры, которые обшаривают карманы убитых бойцами жителей. Иной раз, говорят, такие бойцы даже расстреливают мародеров. У нас не тот случай, у нас их только поругивают. Есть и среди жертв романтики, которые ненавидят мародеров гораздо больше, чем своих убийц.

Я больше скажу. Ельцины и кучмы — предводители уже в основном мародеров. Они даже не решались доломать те важные структуры советского строя, которыми еще живы люди, — социальную сферу предприятий, дешевое топливо и транспорт, школу и т.д. Они не были бескорыстными ненавистниками советского строя, ими двигал шкурный интерес. Если бы к власти пришли убежденные «белые патриоты» вроде Солженицына, то, думаю, нам бы пришлось намного хуже. Геноцид был бы не метафорой, как сегодня, а быстрым действием.

Кстати, и сегодня, среди явного бедствия, «белые» оценивают состояние страны уклончиво. Порой и просто обманывают людей. В. Бондаренко пишет такие, например, слова: «Сегодня уникальное положение. Если нас не обманут надежды и если Россия в совсем иных формах своего существования начнет воссоздавать из руин свою промышленность, науку, культуру,

естественно, русские патриоты будут всемерно поддерживать такие шаги».

Если нас не обманут надежды! Откуда надежды? В каких «совсем иных формах» может возродиться наука и промышленность России? Кто и как превратил их в руины? Как эти надежды вяжутся со словами того же В. Г. Распутина: «Мы, кому не быть победителями...»? Ведь тут, в его собственных словах, очевидна эта пропасть: при советском строе мы, русские, были победителями. При советском строе мы имели и науку, и промышленность. Именно Солженицын, Шафаревич и подобные им «антисоветские патриоты» все сделали, чтобы это уничтожить и превратить русских в вымирающий, выбитый из колеи народ. За это и получил Солженицын те доллары, из которых дал малую толику дозревшему В. Г. Распутину. И ничего антисоветская элита не собирается восстанавливать. Никакого «лебедино-белого» корабля у них не будет, они — не строители кораблей.

Давайте все же представим себе, за что ненавидят советский строй люди типа Солженицына и Шафаревича. Ведь, наверное, не за мелочи, не за ошибки и эксцессы, а за что-то главное — за фундаментальные принципы жизнеустройства. Эти принципы — не в идеологической коже марксизма и даже не в политическом устройстве. В принципе мог быть советский строй и при монархии, как оно почти и было в самый критический период.

Эти принципы — в представлении о человеке, его правах и обязанностях. Отсюда выводятся и тип хозяйства, и политические нормы, и большие программы типа индустриализации, столь ненавистные «белым». Что же так возмутило наших аристократов духа, что они посчитали делом жизни уничтожение этого строя? Допустим, Солженицына обидели, а он человек, судя по всему, злопамятный. Но Шафаревич был обласкан с юности, как множество таких же представителей элиты, возненавидевших советский строй.

Я долго думал над этим странным явлением, спрашивал всех, кто мог подать мысль. Многие, с кем я говорил, сошлись на том, что сильнее всего таких людей оскорбляло и угнетало то, что при советском строе «кухаркины дети» пошли в университет. «Хамы» забыли свое место, смешались с духовной аристократией, растворили ее в себе, портили ее расу. Да к тому же вести себя не умели, из-за чего власть не могла дать этой аристократии вожаемую демократию типа афинской (западная плебейская демократия им тоже не по нутру). Вряд ли кто-нибудь из них в таких комплексах признается, но мечты наших «белых патриотов» о возрождении сословного общества косвенно это подтверждают.

Чего хорошего для себя (как культурного течения) могли

ожидать они от уничтожения советского строя? Да только этого — что «хамов», «образованщину» загонят обратно в их словесную нишу — на ниву помещика или «крепкого хозяина», на шахты, на фабрики дымные. Но получилось так, что к власти пришли другие хамы. Университеты для «кухаркиных детей» они позакрывали, но и духовную аристократию не жалуют. Вернее, жалуют, но без этикета — хамы есть хамы.

В. Бондаренко, кивая на советский строй, поминает марксизм, интриги в кабинетах ЦК. Эти примитивные вещи, на уровне мышления Евтушенко, стыдно читать. Да, первая попытка устроить жизнь на началах справедливости не удалась — элите такая жизнь ненавистна, и она вошла в союз с Тэтчер и Солженицыным. Бывшие «кухаркины дети» с дипломами, утратившие память, тоже соблазнились. Что ж, жизнь не кончается, снова народ на своей шкуре обучится диалектике. Мы же говорим об идее, об этом их желании «оплевать Красного бога» (выражение Н. Клюева).

Я, с начала 60-х годов наблюдая созревание антисоветизма, вижу в нем не просто политическую и социальную философию, а *мироощущение*. Оно, например, в малой степени связано с классовой принадлежностью. Сейчас встречаются разбогатевшие люди, глубоко страдающие от крушения советского строя. Есть такие, кто тратит свое состояние на попытку организовать в местном масштабе принципиально советские хозяйственные структуры типа небольшого Госплана и Госснаба, соединяют предприятия, сообща уклоняются от удавки банков.

Что отличает таких людей? Что отличало ту немалую часть русской буржуазии, что искренне приняла советский строй? Я бы сказал одно: *доброта*. Обычная, почти биологическая любовь к человеку своего племени, сострадание, боль при виде старухи, которая копается в мусоре. А что отличает людей, убежденно ненавидящих советский строй? Эгоцентризм и самомнение. Это *злые* люди. По мне, исходный корень антисоветизма Солженицына в том, что это злой человек. Остальное вырастает из этого.

Вероятно, многим эти мои рассуждения покажутся политически неверными. Может быть, я не прав в политике, но я чувствую, что лучше эти мысли не таить, что надо нам быть яснее и суше. Отпущенную мне в жизни квоту фальши я, похоже, исчерпал.

Дело не в ностальгии. За десять лет мы многое поняли, собрали и изучили большой объем данных. Из них следует, что восстановление России возможно только на той же траектории, что и советский проект, пусть и в новых формах. Едва ли не главное условие, чтобы не допустить возрождения России, не утратить контроль над русскими, состоит в том, чтобы поддер-

живать в обществе и особенно в интеллигенции достаточно высокий накал антисоветизма. Отрицание советского проекта, пусть пошлое и тупое, с ложью и подлогами, необходимо, чтобы люди не попытались понять его суть. Гайдар и Чубайс как антисоветские авторитеты уже «сгорели», и «белые патриоты» выходят в этой идеологической работе на первый план. Потому и мобилизованы все наличные ресурсы и так возросла их активность.

Вторая причина, по которой нельзя отмолчаться, не такая рациональная. Я убежден, что нынешний антисоветизм не только заводит нас в тупик. В отношении советского строя (и еще более в отношении советского проекта) совершается огромная, исторического масштаба несправедливость. Я это знаю как профессиональный работник. Молча принимать такие вещи — даром нам не пройдет, каким-то боком это по всем нам ударит. Оклеветанная жертва убийства как-то нас достанет.

Тяжело быть свидетелем клеветы даже в том случае, если клеветают на неприятного тебе человека. Сегодня наши «антисоветские патриоты» клеветают на несколько поколений моего народа, которые взялись за тяжелый труд ради будущего, приняв на себя материальные лишения сверх теоретически возможных. Их помыслы были благородны, и движала ими любовь — к нам, нынешним. Много им не удалось, они недооценили слабости человека. Но и то, что удалось, огромно. И своими идейными принципами, и своими порядками они надолго обуздали злобу, хищничество и невежество людей. Кто же сегодня их мстительно оплевывает или платит за оплевание? Именно те, чья жадность и злоба наконец-то вырвались на свободу. Жаль, что к ним иногда примыкают и те, кто был вскормлен именно советским хлебом, кто не получил бы своих «уроков французского» ни в какой другой школе, кроме советской.

В. Бондаренко, да и большинство антисоветских идеологов, сводит «красную идею» к делам Троцкого или Горбачева. Это подлог очень низкого пошиба. Советский проект по крупницам, порой тайком, строили именно сотни миллионов наших отцов, преодолевая тайное, а потом и явное сопротивление всей касты троцких, горбачевых, солженицыных и гусинских.

За отцов не требуется заступаться. Но надо сказать новоявленным «белым»: не думайте, что мы слепые. Мы видим, что все в вашей дутой антисоветской кампании шито белыми нитками. Да и руки, которые за нитки дергают, тоже видны.

Отступление-практикум: «О чем думали рабочие?» Переломным моментом в перестройке стало то, что рабочие — массовая и влиятельная социальная группа, перешли от отрицания поворота к капитализму, явно выраженного в опросах 1989 г., к принятию в 1991 г. основных антисоветских тезисов, включая

принятие безработицы. Мои рассуждения о позиции именно рабочих вызвали в печати полемику — не полагаются у нас упреки рабочему классу. Тогда я предложил провести учебный практикум и разобрать такую тему:

«Рабочие (шире — трудящиеся) поддержали реформу, надеясь, что их материальное благосостояние улучшится. Этого не произошло. Каков был ход их рассуждений и в чем они ошиблись?»

В ответ пришло множество писем, и они заслуживают того, чтобы их издать отдельной книжкой, так интересно и глубоко люди пытаются разобраться в собственных мыслях и чувствах. Здесь я приведу только маленький, но важный момент.

Итак, у нас в формулировке темы есть три утверждения и один вопрос. Видимо, большинство согласится, что все они правомерны, но стоит по ним пройтись.

Рабочие поддержали реформу. Так ли это? Считаю, что это так, хотя поддержка была пассивной. Но этого было вполне достаточно реформаторам. Даже на уровне обыденной болтовни не была отвергнута приватизация. Антисоветские забастовки шахтеров осуждения не вызвали и т.д. Была эффективная ложь СМИ, но ей верили охотно, следовательно, имелась предрасположенность.

Думали ли при этом люди о *благосостоянии*? Считаю, что да. Большинство отвергало старый строй жизни и думало о будущем в житейских понятиях благосостояния, а «духовные потребности» типа многопартийности и демократии были идеологическим украшением, мало кого из рабочих они действительно волновали. Кое для кого из интеллигентов они были важнее «колбасы», но о таких романтиках сейчас говорить не будем. Соглашаясь на изменение строя, люди считали, что в этом смысле, в смысле материального благосостояния, их жизнь станет лучше. Этот тезис вытекает из презумпции разумности. Во всяком случае, никто не говорил: «Я и мои дети будем голодать, но я этого хочу». При этом рабочие выступали именно как социальная группа, и мало кто из них рассуждал так: рабочие как социальный класс обеднеют, но я *лично* всплыву наверх, и поэтому я поддерживаю реформу, а на товарищей мне плевать. Таких рассуждений, на мой взгляд, в 1990—1991 гг. практически не было (да их и нельзя было бы посчитать разумными).

Ухудшилось ли благосостояние большинства рабочих? Да, это надежный факт, выраженный в уровне потребления продуктов питания, получении жилья, пользовании транспортом, связью, в покупке товаров длительного пользования и т.д. Миллионы безработных также «произошли» из трудящихся, и непонимание частью безработных тяжести их положения — временное.

Поскольку смена строя произошла без насилия, приходится признать, что выбор сделан рабочими на основании некоторых *умозаключений*. Поскольку результат противоречит ожиданиям, следует принять, что в ходе этих умозаключений были допущены ошибки. Выявить их необходимо вовсе не для того, чтобы призвать «вернуться в прошлое», а для того, чтобы научиться избегать подобных ошибок в будущем. Отсюда и вывод о правомерности поставленного вопроса.

Итак, тема нашего анализа — умозаключения рабочих, которые надеялись на то, что замена советской системы хозяйства новой, так называемой «рыночной», приведет к росту их благосостояния. Об умозаключениях интеллигенции мы здесь уж не говорим — об этом есть большая литература (укажу и мою книгу «Интеллигенция на пепелище России». М.: Былина, 1997). Кроме того, хотя большинство интеллигенции понесло в ходе антисоветской реформы тяжелый ущерб, надежды на улучшение материального положения в среде интеллигентов все же имели больше оснований, чем у рабочих. Доля лиц с высшим образованием среди предпринимателей превышает 80%. Большинство предпринимателей (по данным фонда «Общественное мнение», 71%) являются интеллигентами во втором поколении (т.е. их отец имел высшее образование) и только 21% вышли из рабочих семей. Да и в духовной сфере интеллигенция получила блага, не слишком важные для рабочих (например, свободу выезда). Кроме того, к антисоветскому выбору значительная часть интеллигенции стала склоняться гораздо раньше рабочих, которые изменили свою позицию резко и без видимых разумных оснований. Так что здесь говорим именно о рабочих.

Проведем классификацию нашего объекта, это всегда упрощает дело. Очевидно (если, конечно, задуматься), что в нашей стране есть два источника повышения благосостояния для социальных групп, а не отдельных личностей. Первый — *увеличение производства*. При этом рабочим может доставаться больше благ, чем раньше, даже если их доля в доходах снижается («номенклатура забирает себе все больше и больше») — если увеличение производства превышает увеличение разрыва в доходах. Второй путь — изменение в *распределении доходов*. При этом также может расти благосостояние социальной группы даже при сокращении производства — если увеличение ее доли в доходах в абсолютном измерении превышает спад производства. Таким образом, когда рабочие посчитали, что реформа повысит их благосостояние, они предварительно должны были сделать прогноз изменения двух факторов: масштабов производства и распределения доходов (такие варианты, как захват колоний и перекачка оттуда даровых денег, мы рассматривать не будем, поскольку никто их в начале реформы и не предполагал).

Энтузиасты реформы из рабочих могли посчитать, что оба фактора изменятся в благоприятную для них сторону: увеличится производство и к тому же возрастет их доля в доходах. Скептики считали, что новые хозяева («буржуи»), возможно, будут брать себе больше, нежели советская номенклатура, так что *доля* рабочих в доходах сократится, но уж производство возрастет настолько, что увеличение *массы* доходов с лихвой перекроет изъятие. Другая группа скептиков полагала, что производство упадет, но этот спад будет с лихвой перекрыт увеличением социальной справедливости — частные собственники отдадут рабочим большую долю доходов, нежели отдавало советское государство.

Считать, что и производство упадет, и доля рабочих при распределении доходов уменьшится, но при этом благосостояние их увеличится, невозможно, ибо это было бы очевидно неразумно. Об этой четвертой группе мы говорить не будем, поскольку это случай клинический, о нем надо говорить отдельно, как бы велика ни была эта группа.

Что касается производства, то оно в результате реформы сократилось более чем вдвое. Это провал таких колоссальных масштабов, что можно говорить о глубоком поражении сознания тех рабочих, которые его не предвидели. Спад на один процент — уже кризис, спада на 50—60% в мирных условиях вообще не бывало нигде в истории, а ведь этот спад еще не остановлен (на деле ему и конца не видно, ибо уже десять лет, как не делается капиталовложений в производство, — но это уже не так очевидно, хотя рабочие-то должны были бы это заметить). Как могли этого не предвидеть люди, когда речь шла об их собственных рабочих местах? Тех, кто принадлежит к этим двум группам, надо просить покопаться в своих мыслях и рассказать всем нам, как они рассуждали, предвидя рост производства, когда все указывало на его неминуемый спад.

В действительности спад производства начался немедленно после первых ударов по советской системе хозяйства («Закон о предприятии» и «Закон о кооперативах»), так что в 1991 г. уже было очень трудно не предвидеть тяжелого кризиса при движении в том же направлении. К тому же был известен опыт Польши, где либерализация цен была проведена осенью 1989 г., а затем прошла и приватизация. Последствий этих шагов мог не видеть только тот, кто не хотел их видеть — кто уже был очарован идеей реформы.

Итак, те, кто ожидал роста производства, совершили тяжелую и уже очевидную ошибку. Их умозаключение настолько противоречило очевидным или легко обнаруживаемым фактам, что речь может идти только о результате эффективной манипуляции сознанием этих людей. Я утверждаю, что было соверше-

но крупнейшее политическое мошенничество, и рано или поздно это должно стать предметом юридического разбирательства. Мы эти группы «*поверивших в рост производства*» пока что отставляем в сторону, хотя все, кто может вызвать таких людей на откровенность, сделали бы благое общее дело.

Самая для нас интересная группа — те, кто разумно предвидел спад производства (хотя, конечно, не мог предвидеть масштабов катастрофы), но по каким-то причинам считал, что распределение доходов сильно изменится в пользу рабочих. Здесь легко восстановить в памяти главные доводы, с помощью которых они убедили самих себя, что при советском строе рабочих «*обирают*» гораздо сильнее, чем при «*капитализме*» (назовем так условно тот тип жизни, который обещали реформаторы; говорю «*условно*», чтобы не породить ненужных споров).

Молодые люди могут не помнить, поэтому напоминаю: пропаганда будущих реформаторов долго внедряла в умы три аргумента, которые и послужили для внушения. Первый сводился к тому, что советские рабочие были объектом эксплуатации, а советское государство — эксплуататором. Второй аргумент использовал совсем уж «*марксистскую*» трактовку и состоял в том, что в СССР имелся класс эксплуататоров — номенклатура. И это класс, который изымал непропорционально большую, по сравнению с буржуазией, долю дохода. Третий аргумент — «*уравниловка*». Она якобы состояла в том, что около каждого рабочего (замечательного труженика) имелся напарник (лодырь и неумеха), который этого «*справного*» рабочего объедал. Вот эти три субъекта оттягивали у рабочего его трудовые рубли. Реформа, которая обещала устранить из нашего общества всех этих субъектов, таким образом, должна была повысить благосостояние рабочих.

О напарниках-«*неумехах*» рабочие в целом, как социальная группа, сумели забыть, их социальный образ как-то растворился в пространстве, что само по себе заслуживает осмысления (ведь эти «*неумехи*» — часть той же социальной группы, так что сумма доходов рабочих не изменилась бы). Но мы пока на этом факте останавливаться не будем.

Когда рабочим внушали идею эксплуатации их государством, уже здесь был разрыв в логике. Ведь из того факта, что государство изымает у рабочих часть их прибавочного продукта, никак не следует вывод, что в этом отношении советское государство хуже того государства, которое обещали устроить реформаторы. Ведь никакое государство не может выполнять своих задач, не изымая у граждан части продукта их труда. Рабочие должны были в своих рассуждениях прийти к промежуточному выводу, что государство Ельцина или Кучмы обойдется *меньшими* изъятиями, нежели советское. Насколько я

знаю, никто никогда такого утверждения не делал и даже никакой меры не предлагал. Этот пункт наши реформаторы сумели просто обойти, и никто их не спросил. Полезно вспомнить, как же разумные люди перескочили этот вопрос.

Теперь я даю мою трактовку этого явления. Я утверждаю, что люди «проскочили» важный этап в умозаключении в результате манипуляции, проведенной идеологами будущей реформы. Факт манипуляции виден из того, что была произведена подмена понятий — изъятие прибавочного продукта для общих нужд государства было подменено понятием *эксплуатации*. Об этом говорилось выше. Подмена понятий — один из верных признаков манипуляции. То, что государство изымало для общих нужд, оно в советское время тратило эффективно, то есть с лихвой возвращало рабочим в натуре в виде благ. Как обстоит дело сейчас — всем видно (по смертности, по отоплению домов, по голодным солдатам). Но теперь, кроме государства, на шее рабочих сидят еще и «собственники».

Почему рабочие решили, что появление, кроме государства, еще и частных хозяев их заводов обернется прибавкой к зарплате, — загадка века. Никакой логики в этом найти невозможно, как ни ищи. Очень хотелось бы от кого-нибудь из рабочих получить спокойное разъяснение.

Есть, впрочем довод не от логики, а от странной веры, будто в советском государстве была особая жадная банда, которая тянула с рабочих гораздо больше, чем этого требовали общие нужды нации. Это номенклатура, которая присвоила себе слишком много льгот и привилегий, для которых и отнимали деньги у рабочих.

Да, номенклатура была и льготы были. Вопрос-то в том, почему рабочие решили, что номенклатура при Гайдаре и Чубайсе на свои льготы будет тянуть меньше денег. Откуда было бы взяться такой совестливой номенклатуре? Откуда было видно, что Лужков с Гусинским будут скромнее какого-нибудь Промыслова в Моссовете? А может, при демократии вообще нет директоров и чиновников? Проследить за логикой этих рассуждений нашего рабочего трудно. Ведь даже из любого голливудского фильма видно, что и в Америке есть директора и чиновники. Кто и когда сказал, что они оттягивают себе меньше денег, чем советские? Не только не было разумных доводов в пользу такого предположения, но даже ни один самый наглый врун такого не осмелился сказать.

Наконец, об уравниловке. Таким злобным словечком был обозначен *уравнительный* принцип распределения части жизненных благ при советском строе. Уравнительный — значит, не по труду, а по едокам. Вообще-то ни в одном обществе нельзя обойтись без уравниловки — даже животные без этого не могут

обойтись, так что речь идет о пропорции, о величине уравни- тельства. Допустим, тут был в СССР некоторый перебор. Но неужели он был таким нестерпимым, что об уравниловке до сих пор говорят с ужасом даже коммунисты? Неужели и вправду наши «социальные иждивенцы» объедали справных работни- ков? Это — ложь, специально внедренная в общественное со- знание. На уравнительной основе давались минимальные условия для существования и развития человека — а дальше все зависе- ло от него самого. Он получал жилье, скромную пищу (через низкие цены), медицину, образование, транспорт и книги. Ес- ли был готов напрячься, мог заработать на жизнь «повышенной комфортности», купить машину или хлестать коньяк вместо водки. Но уровень потребления людей с низкими доходами был действительно минимальным — на грани допустимого. Ника- кой уравниловки в потреблении не было, все держалось на пре- деле.

Теперь произошло резкое расслоение людей по доходам, от которого рабочие в целом проиграли. Даже захлебнувшийся «демократической» пропагандой кандидат наук не может не по- нять: если при катастрофическом спаде производства существ- венная прослойка гребет миллионы, это может происходить только за счет перераспределения доходов в сторону отхода от уравниловки. Этого просили рабочие — это они и получили, только ударило это не по номенклатуре, а по ним самим и их близким.

А если кто-то думал, что социальный сдвиг такого типа мог выбрать напарника-лодыря и шарахнуть по нему точечным уда- ром, да еще передать вырванный у него незаслуженный кусок хлеба его старательному товарищу, то это, простите, такая на- ивность, которая позволительна только дебилу. Такого рода ар- тиллерия, как приватизация, бьет по площадям. Да это и вооб- ще не артиллерия, а ядерное оружие. Так что те, кто вызывал огонь на своего напарника, на самом деле вызывал его на себя. Не подумал как следует? Так хоть сегодня надо подумать и вос- становить тот ход мысли, что привел к таким фатальным ошиб- кам. Именно в самых главных вещах произошел сбой мышле- ния. Надо их выявить и обсудить — без самолюбия и обвине- ний, а ради извлечения урока.

После такой постановки темы «практикума» сразу пришел ответ, который стоит привести, а потом о нем поговорить. Вот он, почти без правки:

«Здравствуйте. Хочу присоединиться к практикуму. Я напи- шу просто от души, что думаю. Может, где-то и нарушу случай- но условие какое, но это только от желания понятнее изложить.

По-моему, тут вообще дело в совсем другом... Простой чело-

век далек от всяких заумных рассуждений. Он думает так: «Вот моя работа, тут я вкалываю, выкладываюсь полностью на всю катушку, но только здесь. А когда я ухожу с работы, я хочу расслабиться и не думать обо всем этом. Хочу, чтобы все было легко и без напряжений. Пусть будет все дороже, но пусть будет легко. На работе я ишачу, а после нее я хозяин жизни». В общем, мухи отдельно, котлеты отдельно.

Советское государство постоянно держало человека в напряжении. То очередь за водкой, то за колбасой, то в семь утра надо встать, чтобы получить талончик к зубному врачу, то телевизионного мастера целый день жди, то дефицит какой-то достать надо. И так постоянно. И при всем при этом каждый продавец чувствует себя богом, и к нему надо вежливо, а он к тебе — как настроение будет. И ты ужом вертишься перед ним, понравиться хочешь, а то не даст.

Если есть одна мелочь, которая занимает полпроцента времени, то это ничего. А если их двести, то ни на что другое времени уже не остается. Особенно это все хорошо чувствуется, когда у человека есть деньги. И он думает: «Какого черта? Я хочу иметь эту вещь и готов платить. Так почему я должен за ней еще и бегать, давиться в очередях, доставать где-то, заискивая еще смотреть на кого-то? Я хочу заплатить и получить. Вот и все». И Ельцин эту проблему решил. По нему было видно, кстати, что он «свой мужик», не какой-то «упертый коммуняка», который то с водкой будет бороться, то еще какой бред выдумает. Народ чувствовал, что он решит эту проблему.

Вывод такой, что советское государство просто зае...ло своих граждан мелочами, и они были готовы отдаться кому угодно, лишь бы их постоянно не напрягали. Так что Ельцин многим души успокоил в этом плане. И у многих коммунизм ассоциируется именно с этим постоянным, совершенно дурацким и ненужным напряжением. И снижение в восемь раз количества бесплатного жилья или еще чего там этого не перевешивает. В общем-то вы и сами это видите.

Сейчас многие на то время смотрят иначе. Что-то забылось, что-то стало спокойнее переноситься. Но в то время это просто наболело, поэтому и было так важно людям. А то, что была или не была манипуляция сознанием, это не важно. Это тот случай, когда «девочка сама хотела» и соблазнить ее мог бы и немой.

Может, я в чем-то и не прав, конечно. Буду рад, если вы мне укажете на ошибки. С уважением. Александр».

Итак, наша цель была — восстановить ход мысли рабочего как социального типа, найти в нем противоречия, ошибки или идеалы, которые толкнули к выбору и пассивной поддержке нынешнего типа жизни вместо советского.

Александр надел маску этого условного рабочего, с этой маской я и веду разговор. Назовем ее *А.*, и пусть Александр за нее не обижается. Для нас здесь не важно, как думает сам Александр, главное, чтобы он верно изложил ход мысли «маски». Думаю, он это сделал прекрасно. Итак, его «простой человек» легко променял бесплатную квартиру и врача, ради которых надо было «напрягаться», на возможность получить все это без «напряжения». Какой ценой? Ясно какой — теперь все это достается немногим.

Конечно, вопрос не только в изложении, а и в *объяснении*, а его у *А.* нет. Вспомним, как он изложил проблему: человеку надоело, что при советском строе он должен рано встать, чтобы получить талончик к зубному врачу. Поэтому он поддержал Ельцина, который обещал эту проблему решить и этот строй поменять. Как поменять? Сделать врачей платными и очень дорогими. Тогда большинство вообще к врачу не пойдет и будет рвать себе зубы плоскогубцами, а за «людьми с деньгами» врачи сами будут бегать. Других способов изменить положение не было, и Ельцин ничего другого и не обещал.

Кстати сказать, и при советском строе были платные (и очень недорогие) зубные врачи, и никакой очереди к ним не было. Так что «человек» хотел бы попасть без очереди именно к бесплатному врачу, но *А.* это не только не объяснил, но даже умолчал об этом. *А.* это очень важный пункт, тут есть большая неувязка. Точно так же были рынки, на которых без всякой очереди можно было купить зимой виноград и помидоры. И продавцы там зазывали покупателей и были очень милы. Выходит, «человек» думал, что без СССР метро так и будет стоить 5 копеек, но в нем станет мало народу. Зашел — и без всякого напряжения сел на удобное место.

Снова уточним вопрос. «Простой человек» у *А.* — работяга («на работе я ишачу»). Поддержав переворот Ельцина, он мог рассуждать только двумя способами или не рассуждать вовсе. Эти два способа таковы: 1) при капитализме у всех будет много денег, число врачей резко возрастет, и к ним можно будет в любой момент прийти без талончика; 2) при капитализме у *меня* будет много денег, а остальные пусть рвут себе зубы плоскогубцами, мне на них плевать.

Учтем, что только идиот мог предположить, будто врач ему будет вообще не нужен, поскольку, мол, вырвать зуб плоскогубцами гораздо приятнее и легче, чем идти за талончиком. Так что мы этот вариант не рассматриваем. Точно так же можно сказать и о квартире («хрен с ней, с квартирой, еще напрягаться из-за нее в местком или райисполком — проще жить на улице и не иметь детей»). Будем говорить о людях, которые любят жить под крышей и, следовательно, полагали, что и при Ельци-

не они квартиры будут как-то получать (тут те же два пути рассуждений, что и о враче).

Каким из двух способов мыслил «простой человек»? А. на это не ответил, но оба эти способа, на мой взгляд, ущербны. Первый вообще глуп, ибо всем известно, что в СССР врачей на душу было больше, чем на самом богатом Западе. Так что увеличить их число ни Ельцин, ни Кучма, ни Назарбаев никак не могли бы — как и число построенных квартир или вагонов метро. Менее известно было то, что на Западе профессор университета ходит в поликлинику со страха, и на простой рентген там надо отстоять месяц в очереди (а в СССР очередей на рентген не было). Если подумать, то при всеобщей доступности такое благо, как врач, всегда будет дефицитным.

Кстати, одна из первых вещей, которая меня поразила на Западе (в Испании и в бедных кварталах в США), это огромное число беззубых людей. При том что на каждом углу зубной врач без талончика! Когда я начал выпрашивать о причине этого странного явления, на меня посмотрели как на дурачка. Масса людей там никогда не ходит к врачу, зубы у них просто «выбаливают» и выпадают — стоматология со страхом не покрывается. И при этом мои друзья на меня даже озлобились, стали тыкать себе в рот пальцем и орать: «Ты знаешь, сколько мне стоила вот эта пломба? Вы там, сволочи, зажрались в СССР! Ничего, скоро узнаете!» — дело уже было в перестройку.

Но даже если этого не знать, можно было понять, что многократно увеличить количество благ никакой Ельцин бы не смог, так что все равно «человек» хотя бы тайком принимал идею отстранить от этих благ массу его соседей, чтобы ему эти блага достались «без напряга».

Но ведь, с другой стороны, считать работяге, что при капитализме у него (в качестве общей нормы) будет много денег, не то что у других, — тоже неразумно. Неразумна даже сама формула, которую дал А.: «Вот моя работа, тут я вкалываю!» Как это «моя»? При капитализме работа принадлежит капиталисту, *собственнику средств производства*. Он тебе работу «продает» на рынке — может продать, а может и не продать. Ведь чтобы сказать «моя работа», надо иметь *право на труд*, а именно от этого права рабочие и отказались. Ведь сама «работа» как благо обеспечивалась именно советским государством, а Ельцин ее не обещал и обещать не мог. Почему же работяга решил, что он всегда сможет «ишачить» да еще получать за это деньги? Откуда у него такая фантазия? А. этого не объясняет, а ведь это тоже важный вопрос.

Я предполагаю, что никаких связанных рассуждений в голове нашего работяги не было. Были короткие обрывки мыслей, а главное — недовольство и мечты. Это я и называю отключени-

ем здравого смысла, и достигнуть этого можно было только манипуляцией сознанием. Потому что, соглашаясь на явно опасное для него самого, его семьи и детей изменение, человек обязан рассуждать и подсчитывать возможный ущерб.

Ведь все те «напряжения», о которых пишет А., вполне можно было значительно облегчить, просто увеличив долю «коммерческих» услуг в нашей советской жизни, не ломая самого строя. «Пусть будет все дороже, но пусть будет легко!» Что ж, для любителей дороговизны это можно было устроить в два счета, пусть бы наслаждались в дюжине магазинов-музеев. Но ведь боролись не за это, люди соблазнились именно образом полной свободы («после работы я хозяин жизни»). А это невозможно. «Мухи и котлеты» как раз не могут быть разделены, как не удастся разделить котельную завода и отопление жилья. Так что речь шла именно о полном разрыве, о фатальном выборе: одним котлеты, другим мухи.

Формула «после работы я хозяин жизни», скажем прямо, означает полный отказ от гражданственности и ответственности. Можно даже больше сказать, уже в ней скрыт и следующий шаг: а зачем я вообще буду «ишачить»? Почему бы мне не быть «хозяином жизни» все 24 часа в сутки? Ведь именно этим «Ельцин многим души успокоил». Отсюда — миллионы челноков и массовый приток молодежи в преступность. А как «ишачат» сегодня те, кто не пристроился в банду? Мой друг купил «Жигули». Поехал — и тут же разрушился дифференциал. В картере заднего моста не было ни капли масла. Как объяснили, один рабочий, на ВАЗе, не налил масла, потому что его крадут. На 20 рублей украли — угробили агрегат стоимостью в 2 тысячи. Другой рабочий, в магазине, обязанный проверить наличие масел, плевал на свою работу, он уже ишачить не хочет, только деньги получать.

Да, советское государство было патерналистским (от слова *патер* — отец). Это значит, что и после работы человек не был «хозяином жизни», а выполнял обязанности «члена семьи», обязан был «напрягаться», тем более что и «отец» бывает не сахар, иногда гоняет зря.

Судя по письму А., главный «напряг» состоял в том, чтобы бегать по очередям — то за талончиком, то за водкой. Я заострю вопрос до крайности и скажу, что очереди («совершенно дурацкое и не нужное напряжение») — необходимое условие и даже признак солидарного общества. Многие блага всегда дефицитны, и если за ними нет очереди, то, значит, каким-то образом доступ к этим благам большинству людей перекрыт. Возникает какого-то рода «закрытый распределитель».

По мелочам можно ворчать не переставая, но по большому счету дело в СССР шло справедливо и разумно — сначала расшивались узкие места в доступе людей к самым главным бла-

гам. Уже не было очередей за хлебом и молоком, сократилась в среднем до 6 лет очередь на квартиру (отдушиной стали и жилищные кооперативы, вполне доступные тем, кто не мог ждать). 100% жилья имело электричество — в это надо вдуматься! 2,1 тыс. городов, 3,4 тыс. поселков и 177 тыс. деревень были к 1987 г. газифицированы. Какие «напряги» были этим сняты с сотен миллионов человек! Вспомните, что значит купить и напилить дров на зиму, топить печку и готовить на керосинке. А пишет, что в глазах рабочего «все это не перевешивает»... отмены талончика к врачу. Вот это и страшно. Это признак безвыходного кризиса. Ведь это, говоря попросту, есть помрачение ума. И не только ума, но и воображения. У жителей Камчатки, которые сидят по 15 часов в сутки без электричества и готовят пищу на костре, думаю, уже другое мнение о «напрягах». То же самое — у жителей Грозного после бомбежки. Выходит, «простой человек» этого вообразить не может, пока не испытает на своей шкуре? Но тогда, значит, он утратил свойство, совершенно необходимое для выживания человека, — способность предвидения исходя из опыта других. Если это состояние продлится, мы просто вымрем как народ. Впрочем, тут, я надеюсь, А. перехлестывает ради красного словца.

А. пишет, что мелочи-напряжения задавили советского человека — «ни на что другое времени уже не остается». Если он это искренне, то, значит, у него отключилась память. У нас именно была проблема досуга, возникшая из-за устранения борьбы за существование и тех «напряжений», что она создает. Я жил в коммуналках в рабочем квартале, видел быт рабочих разных типов. У них были именно досуг и свобода, какие рабочему на Западе и не снятся. Во-первых, хорошо и часто посидеть с приятелями — и время было, и водка, и настроение. Рыбалка и грибы — святое дело, завод даже обязан был дать автобус. Один мой сосед регулярно ходил в оперу, во Дворец съездов, совсем, видно, со скуки спятил. Другой по субботам бил красавицу-жену, а за это в воскресенье обязан был вести ее и сына в театр, при галстукe. Вот это я понимаю, напряг, но советская власть тут ни при чем. А летом, отдай не грехи, все они ехали в Крым или Сочи. Месяц отпуска плюс отгулы, над изобретением которых поработала русская смекалка (кстати, в США число дней отпуска пропорционально стажу работы на предприятии, но не превышает двух-трех недель). Нет, не в нехватке времени дело. «Нехватку времени» люди себе вообразили, ибо у них была потребность чувствовать себя обделенными.

Как известно, жизнь в семье и на свободном рынке — разные вещи, в каждой свои плюсы и минусы. Допустим, рабочие не захотели жить «как в семье», насильно не заставишь. Вопрос в другом: почему они решили, что «на рынке» не надо напрягаться после работы? Вот что хотелось бы услышать от А. Из его

письма следует, что рабочий уверовал, будто без СССР он будет после гудка «хозяином жизни». Почему же он уверовал? Над этим мы и бьемся. Ведь никаких для этого не было оснований из того, что все мы знаем о Западе, даже из самых красочных фильмов.

Да, талончика к врачу там не надо, но ведь возникают другие заботы — надо же было сравнить, какие тяжелее. Вот Франция. Проходит закон, чуть-чуть ущемляющий интересы молодежи, — на улицу Парижа выходит 1 млн. человек, жгут машины, получают дубинками по голове. Разве это не «напряг»? Но нельзя не идти. Не огрызаешься — загрызут либеральные хозяева. В Мадриде лопаются большой банк. Тысячи вкладчиков — с сердечными приступами. Непрерывные собрания акционеров, судебные процессы. Какое там «хозяин жизни».

Я думаю, что если бы наш работяга представил себе, как он пойдет, «как в США», к врачу без талончика, тот ему выпишет больничный лист, а потом окажется, что по этому листу платить ему никто не собирается, то это бы стало бы для его ума настоящим «напряжением» (право на оплаченный больничный лист в США имеют 25% рабочих и служащих). Но он об этом почему-то не подумал. Он считал, что оплаченный больничный лист — это что-то вроде воздуха, это есть везде. И ведь мы говорим о Западе, где половина доходов рабочих вообще доплачивается им как пенсия из денег, вырванных у рабочих Бразилии, Малайзии и т.д. Об этих вообще помолчим, мы же хотели «как на Западе». Кстати, почему именно как на Западе? А. этого не объяснил, а ведь тут тоже большая неувязка.

Все это вещи очевидные. Так что рабочие, соблазняясь песнями ельциных, как-то должны были «обработать» их в своем мозгу. В крайнем случае, усилием воли «забыть» о них. Вот что было бы интересно узнать у А. Но он об этом молчит.

Он пишет, что люди «готовы были отдаться кому угодно, лишь бы их постоянно не напрягали». Это — признак тяжелого умственного расстройств людей, неспособность верно оценить утраты и выгоды. И речь тут не только о разумном расчете, а об отключении даже биологических инстинктов. Да, есть сегодня люди, потерявшие работу и квартиру — и довольные. У них отключен инстинкт *самосохранения*. Да, женщины почти перестали рожать, и не от нехватки денег (в Дагестане денег меньше, чем у москвичек, а рожают). Они не хотят «напрягаться», они теперь «хозяева жизни». Число автомобилей утроилось, а число новорожденных втрое меньше. Отключен инстинкт *продолжения рода*.

А. верно пишет: «девочка сама хотела», и соблазнить ее мог бы и немой». Нет, уважаемый А., «отдаться кому угодно» — это не немому. «Девочка» отдалась шпане, которая ее изуродовала, ограбила, лишила возможности и даже потребности иметь де-

тей. У А. получается, что это надо принять и оправдать. Но ведь это болезнь, причем социальная, массовая. Нельзя же оправдывать болезнь. Потом те же люди спросят: что же вы нам не помогли, не привели в чувство? Разве не обязан любой трезвый человек попытаться вразумить «девочку», а потом помочь ей?

На мой взгляд, А., сам того не ожидая, сформулировал проблему первой, высшей важности. Мы о ней даже боялись прямо говорить. Суть ее в том, что за последние 20 лет советского строя в нем вырос и стал господствовать избалованный человек «массовой культуры». Его жизненное кредо А. выразил так: «Я хочу расслабиться и не думать обо всем этом. Хочу, чтобы все было легко и без напряжений». В этом — основа нашей катастрофы, и эта основа вовсе не устранена, так что катастрофа воспроизводится.

И перед нами перспектива хуже войны: нашим «избалованным массам» будут давать жвачку и наркотики, пока они не вымрут в самом простом и обыденном смысле слова. С блаженной улыбкой. Но пока что это догадки, надежного диагноза мы не имеем. Давайте думать дальше, ибо без диагноза не можем мы ни лечения предложить, ни толком объясниться друг с другом.

Иногда мне пишут читатели, недовольные тем, что я агитирую за советский строй. Они ошибаются, не об этом речь. У нас беда похуже. Разве люди рассудили: давайте, мол, откажемся от советского строя и будем строить капитализм? Нет! Они ни о чем не рассудили и ничего строить не собираются. Они даже не отрицают, что страну захватили воры, которые ее сжирают, но довольны тем, что эти воры кидают и им крохи. Они непритязательны! А интеллигенция, которая во всем этом сыграла неблагоприятную роль, должна была бы сегодня оставить мелкую грызню и помочь восстановить в массовом сознании способность к умозаключению, расчету и предвидению.

Глава 2

РОДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИСОВЕТСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Отметим важные методологические особенности, свойственные, на мой взгляд, антисоветским рассуждениям.

Иррационализм и тоталитаризм мышления. Сам ход развития антисоветского проекта обнаружил явление, которое нам, образованным в духе Просвещения, трудно понять и принять. Умные и интеллигентные люди в значительной своей части оказались *иррациональными* и неспособными к рефлексии. Стоит какой-то сильной идее толкнуть их в спину — и они много

лет идут все дальше и дальше по заданному им коридору, не желая взглянуть назад и задуматься, правилен ли их путь. Поэтому очень многие «шестидесятники» в своих воззрениях и активных действиях прошли путь от восторженных и даже оголтелых сторонников социализма до столь же оголтелых его врагов. И на этом пути невозможно найти «точку перегиба», момент какого-то озарения. Нет, их что-то толкнуло, они сделали маленький шагок, потом еще, потом пошли по кривому, поворачивающему их на 180 градусов, коридору — и все с ясными честными глазами, ни разу не усомнившись. У кого-то из них, конечно, есть корысть, они просто актеры в страшном политическом спектакле. Это не страшно, потому что понятно. Но много людей абсолютно искренних. Об этой отнюдь не тривиальной особенности антисоветского сознания нельзя забывать, она создает огромные трудности в диалоге.

Как правило, в конкретном антисоветском выступлении есть одна *идея фикс*. Сознание автора или оратора так сужено, что все его умозаключение становится иррациональным, но высказывается с такой страстью, что многих очаровывает. Совокупность таких умозаключений и создает всю целостную интеллектуальную антисоветскую конструкцию. Иногда эта идея-фикс связана с тоталитаризмом или репрессиями, в другом случае — с дефицитом или очередами, но всегда в рассуждениях страшный перебор, приводящий к утрате логики. И речь идет даже не о митинговых полубезумных выкриках, а о рассуждениях видных ученых в академических журналах.

Вот, например, статья врача и социолога 1988 года (*В. М. Лундин, Е. П. Какорина*. В чем причина эпидемии среди детей. «Социологические исследования», 1988, № 6). В г. Салават у детей было распространено нарушение — произвольное сокращение мышц лица (тик). Согласно принятым в медицине концепциям, как пишут авторы, «все дети с тиками состояли на учете в ревматологическом кабинете, им регулярно проводилось лечение антибиотиками. Часть детей лечилась даже гормонами». Но авторы статьи, врачи-гигиенисты, считают, что причина тиков у детей в г. Салават — воздействие загрязнения воздуха нефтехимическим комбинатом, построенным в 1948 г.

Казалось бы, нормальное дело — возникают новые факторы влияния на здоровье человека, медицина вносит коррективы в свои представления о болезни. Так всегда было и будет. Но нет, из конкретного медико-экологического факта делаются далеко идущие политические выводы: «Причину сложившейся в Салавате обстановки следует искать в прошлом, в 30-х годах. Это прямое следствие культа личности и тесно связанного с ним примитивного мышления и командно-административного управления экономикой, наукой, культурой».

Какие неожиданные причинно-следственные связи! Как

легко теперь разобраться с любой проблемой — Сталин виноват! Это — 1988 г., когда еще соблюдались приличия. Чуть позже стали говорить, что во всем виноват князь Владимир, который принял христианство от Византии и тем навечно predetermined русским «примитивное мышление».

И каков накал антигосударственного чувства в связи с конкретной бедой, детским тиком: «Мы говорим теперь, что отдельные ведомства (Минхимпром, Агропром и др.) ведут «химическую войну» против народа. Но не в меньших, а, может быть, даже в больших масштабах ведется такая война самой медициной». И это говорят врачи! О ком? О тех ревматологах, которые каждого ребенка брали на учет и лечили так, как это предписано в руководствах. Убийцы в белых халатах! Какая узость мышления и какая профессиональная бестактность — обвинить коллег ни много ни мало в войне против народа. А заодно помянуть и Агропром, и Минхимпром, и, строго говоря, все производственные отрасли. Ибо везде работают примерно одни и те же люди с примерно одним и тем же «типом мышления».

Но помимо наличия в антисоветских рассуждениях какой-то центральной идеи фикс, можно говорить о том, что в целом этот поток антисоветского сознания привел к тяжелому поражению рациональности. Сегодня наша культура в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Поток мракобесия, который лился с телеэкрана, был настолько густым, что даже активный во время перестройки демократ С. Капица взмолился: «Путь, вымощенный «общечеловеческими ценностями», идеологией открытого общества и прочими благими намерениями, поразительно быстро привел многих в ад... И снова вера вместо знания, мифы вместо расчетов, сумерки вместо света».

Другая особенность, которая характерна для рассуждений почти во всех блоках «проекта», — крайний *тоталитаризм* утверждений, устранение из них меры. Это — тоже признак иррационализма. Человек, который пытается разумно освоить реальность и ее улучшать, взвешивает все явления, располагает их по значимости. Антисоветизм как бы отбросил этот инструмент человеческого ума. «Иного не дано», «Так жить нельзя», «Конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой». Вдумались бы в смысл этих тоталитарных утверждений! Ведь они определили сам тип мыслительного аппарата антисоветской интеллигенции. Как это любой ценой? Как это иного не дано?

Большинство антисоветских утверждений, конечно же, имело своим предметом какое-то болезненное, отрицательное явление нашей жизни, которое так и оценивалось нормальными людьми. Поэтому возникло доверие — эти люди не лгут, дан-

ное явление есть в нашей жизни, мы это видим! Но ведь нормальные люди не знают важной философской формулы: «Нет такой лжи, в которой не было бы частички правды». И не замечают, как из этой частички просто путем искажения меры выводится совершенно ложное умозаключение.

Иногда этот тоталитаризм мышления доходит до гротеска. Когда в Конституционном суде адвокат Макаров и сподвижник Сахарова С. А. Ковалев утверждали, что все (!) действия КПСС были преступными, и настаивали на этом, то дальнейший разговор был бесполезен — никакой разумной дискуссии при таком обращении с логикой быть не может. Помню, что, когда на том суде С. Ковалев заявил: «Все действия КПСС были преступны», В. А. Зорькин так и подпрыгнул: неужели все до единого? Ну признай, что сказал ради красного словца. Нет, все до единого! Прошло два года — нисколько Сергей Адамович не подрос. «Все сообщения о войне в Чечне — ложь! Все фразы, а часто и все слова до единого!» Опять недоумение у собеседника: как же такое может быть? «Да, все слова до единого — ложь!»

Чаше он воспринимается как метафора, проникает в подсознание и ведет там свою работу. Вот А. Адамович едет в Японию и выступает там на тему «Хатынь, Хиросима, Чернобыль». Все эти три явления он ставит в один ряд, как равноположенные. Чернобыль в его трактовке уже не катастрофа, не бедствие, не ошибка — это хладнокровное и запланированное уничтожение советским государством своего народа.

Сюда же он пристегивает и Катынь. Допустим, была проведена преступная репрессия, расстрел 20 тысяч пленных польских офицеров (дело вообще темное и убедительного завершения не получившее). Но как ее представляет А. Адамович японцам: «Хатынь — деревня под Минском, где кладбище-мемориал белорусских деревень, сожженных немецкими фашистами вместе с людьми. Люди сгорели заживо, как и в Хиросиме, — больше 100 тысяч... Хатынь и Катынь звучат похоже, да и по сути одно и то же: геноцид» («Мы — шестидесятники», с. 240).

И так все — любое отрицательное явление нашей жизни доводится в его отрицании до высшей градации *абсолютного зла*. У людей, которых в течение многих лет бомбардировали такими утверждениями, — разрушали способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности. В структуре мышления молодого поколения это очень заметно.

Вот уже больше года мы ведем в Интернете разговор о причинах крушения советского строя. И видно, как широко распространилась и глубоко проникла в сознание эта склонность — исключать меру из рассуждений. Один из собеседников, Б., написал, например, что СССР рухнул, когда «еда кончилась». И как довод привел тот факт, что он как-то вез продукты в картонном ящике родственникам в Казань из Москвы.

Здесь — перескок всех градаций сразу до абсолютной — «еда в СССР кончилась». В результате утверждение становится иррациональным. Ведь вез-то он еду из Москвы, а не из Парижа! Значит, еда не кончилась, она по какой-то причине была так распределена в пространстве, что людям приходилось мучиться, перевоза какую-то ее часть в картонных ящиках (это — иная проблема, нежели «еда кончилась», и водораздел между этими двумя проблемами резкий).

Какой казалась эта часть от всего потребляемого продовольствия — зависит от восприятия, а в нем — от чувства меры. Я вспоминаю, что моей семье в Москву дядя привез в 1943 г. из Туркмении жареного бараньего мяса, набитого в коровий желудок, и мы его ковыряли два года, все родственники. Я долго был уверен, что мы прокормились в годы войны именно этим мясом. Потом как-то, не помню почему, стал в уме подсчитывать, сколько за эти годы мы получили продуктов по карточкам, и оказалось, что это мясо было лишь небольшой добавкой — замечательной, приятной, но небольшой.

Эта утрата меры — свойство мышления, которое привыкло видеть реальность в форме упрощенных, довольно абстрактных моделей. При таком подходе явление, на котором концентрируется внимание, изымается из контекста, и оценка становится подчас совершенно иррациональной — одна и та же мера прилагается к разным явлениям. Например, одной из любимых тем антисоветских демократов во время перестройки был факт продажи советским правительством художественных ценностей на Запад в 1928—1933 гг. То, что огромное количество таких ценностей было вывезено в эмиграцию и там распродано, при этом обычно не упоминается (например, князь Юсупов, промотав в Париже большое состояние, продал два полотна Рембрандта). Вопрос дотошно исследован и изложен в книге Р. Уильямса «Русское искусство и американские деньги. 1900—1940» (Кембридж — Лондон, 1980). Сам автор этой книги резонно отмечает: «Экспроприация состояний и ценностей была логическим следствием русской революции, а обращение этих ценностей в полезный капитал было в равной степени логическим следующим шагом». Вопрос ведь в том, *для чего* продавал Рембрандта князь Юсупов и для чего — советское правительство.

Главная сделка была совершена в июне 1930 г. с министром финансов США, очень влиятельным политиком Э. Меллоном*. Ему была продана 21 картина из Эрмитажа, и этими деньгами

* Р. Уильямс отмечает, что эта сделка носила и политический характер. Э. Меллон был страстным коллекционером, и продажа ему картин послужила, как считали в США, причиной «явного отсутствия у американского министра финансов рвения в деле проведения торговых санкций против СССР».

была оплачена треть импорта СССР из США за 1930 г. Были закуплены тракторы и станки. Как пишет сегодня в академическом журнале автор-демократ, «на первый взгляд сталинское руководство преследовало цели, отвечавшие интересам страны. Но вряд ли эти сиюминутные интересы могли послужить оправданием для правительства, ценившего тракторы выше Тициана, а автомобили — выше Фаберже». Скорее всего папаше этого демократа не угрожал голод в 1932 г., и он, будь его воля, вместо табакерки Фаберже продал бы за границу побольше хлеба.

Некогерентность мышления. Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим». Человек может ориентироваться в жизненном пространстве и разумно судить о действительности, то есть делать правильные умозаключения, когда отдельные элементы реальности, выраженные в понятиях, соответствуют друг другу и соединяются в систему — они *когерентны*, соизмеримы».

Сейчас, когда подведены итоги многих исследований массового сознания в годы перестройки, психологи ввели в оборот термин *искусственная шизофренизация* сознания. Шизофрения (от греческих слов *schizo* — расщепляю + *phren* — ум, рассудок) — это расщепление сознания. Один из ее характерных симптомов — утрата способности устанавливать связи между отдельными словами и понятиями. Это разрушает связность мышления. Ясно, что, если удастся «шизофренизовать» сознание, люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения. Их рассуждения становятся некогерентными*.

Наличие этого изъяна в антисоветских рассуждениях уже с 60-х годов вызывало нарастающее недоумение. Когда на это робко указывали, собеседник обычно принимал многозначительный вид и говорил что-нибудь туманное. Мол, сам понимаешь, мы многого не можем еще сказать. Помню, в 1974 г. я был в колхозе, и один из аспирантов нашего института, талантливый

* Некоторые читатели сердятся на меня за использование иностранного слова «некогерентность». Каюсь, иногда трудно удержаться от соблазна вернуть что-нибудь эдакое, из науки. И я под влиянием упреков постарался найти русский эквивалент (извиняюсь, равноценную замену). Но пока не удалось. Когерентность частей умозаключения, как понятие-метафора, создает сложный образ этого умозаключения как слаженно работающей системы, дающей на выходе качественно новое ценное знание. Это не просто связность или непротиворечивость частей, здесь намек на возникновение синергического эффекта.

вый А. Каплан, сидя на койке, толкал какую-то очень концептуальную антисоветскую речь, в которой эта пресловутая некогерентность была представлена в самом чистом виде. Я сказал: «Слушай, это самая примитивная антисоветчина. Но почему она доведена до такого уровня идиотизма? Ведь каждое утверждение не согласуется с предыдущим». Каплан вспыхнул: «Вот это по-расейски! Иди, доноси на меня». Странно, как талант, о котором я был столько наслышан в институте, сочетается с такой тупостью. Впрочем, вскоре после этого талант уплыл в США в водах «третьей волны», а там стал чем-то торговать, весьма успешно. Даже приезжал в институт хвастаться, такой простодушный парень.

Но с тех пор я стал приглядываться к антисоветским рассуждениям с этой меркой и пришел к выводу, что некогерентность — их родовой признак. Тогда, например, вошло в моду понятие «наш деревянный рубль». Помню, как ярко прозвучало оно однажды на бензоколонке. Два молодых человека вылезли из машины и, продолжая разговор, проклинали наши «деревянные». При этом один из них сунул в окошечко три рубля и наполнил бак бензином (тогда он стоил 9,5 коп. за литр). Я подумал: что за кретин? Получает на рубль десять литров прекрасного бензина — и презрительно называет этот рубль «деревянным»!

А уж во время перестройки антисоветские рассуждения стали настолько бессвязными и внутренне противоречивыми, что многие всерьез поверили, будто жителей крупных городов кто-то облучал неведомыми «психотропными» лучами. Причем бессвязность мышления одинаково проявлялась и у ораторов, и у их слушателей — если все настраивались на антисоветскую волну. Вот выступает писатель и депутат А. Адамович в 1989 г. в МГУ: «Запад благодарен Горбачеву еще и за то, что он «изнутри» остановил процесс разрушения демократии в странах «третьего мира».

И ни один профессор, доцент, студент или хотя бы уборщика нашего лучшего университета не крикнет ему: «Вы спятили, Адамович?» Вдумайтесь в его утверждение. Что Запад благодарен Горбачеву, это понятно. Но, оказывается, помимо всех его заслуг перед Западом, он еще и защитил демократию в «третьем мире»! Были там у власти демократы Мобуту, Сомоса, Маркос с Сухарто, но в 80-е годы стали левые силы эту демократию разрушать — то одного прогонят, то другого, заменят на выборную гражданскую власть. Но Горбачев «изнутри» этот процесс остановил. Вот, значит, кто из кресла Генерального секретаря ЦК КПСС сумел подгадать Сальвадору Альенде! Но тут хоть Пиночет защитил демократию — и за это Запад благодарен Горбачеву.

На бредовых умозаключениях, с разрывами в логике, строились целые доктрины. Летом 1988 г. мне довелось быть в Тал-

лине и беседовать с руководителями Народного фронта Эстонии. Один из них, международный журналист, еженедельно выезжавший на Запад за консультациями, так излагал планы «республиканского хозрасчета»: Эстония будет продавать сливки и масло на Запад по мировым ценам, валюта потечет к ней рекой, и на эти деньги эстонцы построят лучшие в мире курорты и станут богаче всех. Я спросил, а что будет, если и РСФСР станет продавать Эстонии нефть по мировым ценам и за валюту — хватит ли на это прибыли от сливок? Он искренне удивился и сказал: «Как вы можете такое говорить! Ведь СССР — социалистическая страна, как же можно требовать с нашей республики доллары за нефть!» Больше всего потрясло, что он это говорил искренне.

За время вызревания антисоветского проекта в нем сложилась какая-то особая, *расщепленная логика*, противоречащая здравому смыслу. Чем дальше, тем больше даже в разговорах с друзьями мне начинало казаться, что они играют со мной в какую-то дьявольскую игру — не может же человек не видеть, что у него одна часть утверждения отвергает другую!

В начале 90-х годов журнал Российской академии наук «Человек» учредил рубрику «Белая книга России». Это были якобы непредвзятые истинные факты, отражающие ужасное влияние советского строя на жизнь страны. Конечно, читатель, просто увидев целые страницы, покрытые цифрами, начинает верить составителям — кто же будет в этих цифрах копаться! Но я случайно вчитался в раздел, посвященный катастрофе на Чернобыльской АЭС, и опять возникло это старое тягостное чувство. Ведь только на простодушие читателя и рассчитывал этот демократический журнал.

Дайте себе труд тоже вчитаться в такой количественный довод об ужасном воздействии АЭС, построенной коммунистами, и вообще атомной программы на здоровье граждан:

«В начале 1992 г. было зарегистрировано 1 366 742 человека, подвергшихся радиационному воздействию в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Из них:

- 1) ликвидаторы — 119 400 человек,
- 2) эвакуированные — 6 471 человек,
- 3) население — 1 209 929 человек,
- 4) дети ликвидаторов — 31 580 человек...

Смертность по группам первичного учета за 1990—1991 гг. (на 1000 человек) увеличилась по 1-й группе с 4,6 случаев до 4,8; по 2-й группе — с 1,99 до 2,1; снизилась по 3-й группе с 22,79 до 14,7; по 4-й группе — с 19,4 до 6,9» («Человек», 1993, № 4).

Что может из этого понять человек? В лучшем случае, он заподозрит неладное — подтасовку, ошибку и пр. Потому что не может так сильно упасть уровень смертности *населения* (а это

88,5% всех пострадавших). Кроме того, о чем вообще говорит снижение смертности? О том, что радиационное заражение благотворно сказывается на здоровье? Значит, весь этот страшный кусок «Белой книги» и не рассчитан на то, чтобы читатель вникнул в смысл данных, — они его просто должны заворожить. А вывод ему подсказывают составители.

А дальше — столь же страшные данные о заболеваемости жителей Алтайского края, которые подверглись облучению при испытаниях ядерного оружия на Семипалатинском полигоне: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения». Итак, в зоне испытания прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. И что это значит? Человек воспринимает сообщение в контексте, а общий смысл всей публикации заключается в том, что ядерными испытаниями СССР губил свой народ.

В действительности цифры, приведенные авторами «Белой книги России», ни о чем не говорят. Или даже говорят о том, что ядерные испытания очень полезны для здоровья. Посудите сами: с 1980 по 1985 г., всего за 5 лет, прирост числа заболевших злокачественными новообразованиями по России в целом составил 16 случаев на 100 тыс. человек. С 1985 по 1990 г. — 17. За те же десять лет 1980—1990 гг., которые взяли авторы «книги», — прирост в 33 случая! А за *пятилетие* с 1993 по 1998 г. прирост составил 33 случая на 100 тысяч. Это каждый может найти в «Российском статистическом ежегоднике», который издается Госкомстатом РФ. Итак, в целом по России 26 случаев на 100 тысяч, а у тех, кто был облучен при ядерных испытаниях, — 10 случаев! Какой вывод?

Академический журнал предоставил свои страницы примитивной антисоветской пропаганде, деятели которой даже не потрудились подобрать сведения, подтверждающие их идеологические тезисы. Настолько они были уверены в магической силе слова и числа, которая отключает у читателя способность к самостоятельному мышлению.

Дальше в журнале опубликованы материалы обсуждения книги американских авторов, профессора Джорджтаунского университета М. Фешбаха и журналиста А. Френдли-младшего «Экоцид в СССР» (М., 1992, тираж 20 000 экз.). Опять *экоцид* — не больше и не меньше! Как сказано во введении, «книга стала шоком для тех, кто прочел ее». В целом профессора для этого обсуждения были подобраны так, что вышел очередной антисоветский шабаш, сегодня, думаю, многие из них с удовольствием вымарали бы свои фамилии. И все-таки был там один, врач-гигиенист питания Л. М. Прихожан, который не постеснялся

сказать: «Я должен сказать, что, к сожалению, книга мне не понравилась. Вы, уважаемые коллеги, представляете науку, я же санитарный врач и всю жизнь занимаюсь практическими вопросами гигиены питания. Увы, большая часть того, что написано авторами о питании, — это чушь. Прежде всего — нитраты, которым уделено 90% текста. Как вы знаете, нитраты — естественный продукт жизнедеятельности азотобразующих микробов в почве. Они есть всегда и везде. Действительно, установлено, что в каких-то определенных ситуациях нитраты могут превращаться в нитриты, а те в свою очередь в нитрозамины — потенциальные канцерогены. Причем тоже только в определенных условиях... Почему же возник такой «нитратный» бум? В конце концов, с вареной колбасой и сосисками вы получаете нитриты в чистом виде, и ни у кого это не вызывает отрицательных эмоций».

Этот врач-гигиенист или стеснялся назвать вещи своими именами, или сам был под воздействием антисоветского психоза. Перед ним были не «уважаемые коллеги, представляющие науку», а солдаты идеологического фронта, которые с середины 80-х годов использовали экологическую тематику как забойную тему в манипуляции сознанием при разрушении СССР. «Нитратный» психоз — замечательный тому пример.

На одном утверждении с рваной логикой остановлюсь подробнее, очень уж оно глубоко засело в мышлении нашей научно-технической интеллигенции. До сих пор остается непрекращаемой догмой. Так получилось, что с 1990 г. меня неоднократно привлекали к экспертизе важных законопроектов. Странность утверждений, явное расщепление логики в документах часто вызывали шок. Вот проект закона «О предпринимательстве» (1990 г.). Подготовлен научно-промышленной группой депутатов, стоят подписи Владиславлева, Велихова, других интеллектуалов. И совершенно несовместимые друг с другом бредовые утверждения и заклинания. Одно из них гласит: «В нашем обществе практически отсутствует инновационная активность!»

Ну подумали бы, может ли в принципе существовать такое общество. Инновационная активность — биологическое свойство человека. А если говорить об экономике, то как обвинение советскому строю сами же «перестройщики» всегда утверждали, что советская экономика в основном работала на оборону. Но именно в производстве вооружений инновационный потенциал советской промышленности был безусловно и вне всяких сомнений исключительно высок. Даже, можно сказать, *необъяснимо* высок. Выходит, советская экономика в основной своей части была высоко инновационной — исходя из их же посылок.

Но вопрос глубже. Советский строй как раз породил необычный, исключительно сильный всплеск инновационной актив-

ности, как говорят, придал ей *эсхатологический* характер. В литературной форме философский смысл этого явления выразил Андрей Платонов в своей повести «Ювенильное море». А Николай Бердяев писал в Париже: «Оригинально в советской коммунистической России то духовное явление, которое обнаруживается в отношении к техническому строительству. Тут действительно есть что-то небывалое, явление нового духовного типа. И это-то и производит жуткое впечатление своей эсхатологией, обратной эсхатологии христианской... Эсхатология христианская связывает преобразование мира и земли с действием Духа Божия. Эсхатология техники ждет окончательного овладения миром и землей, окончательного господства над ними при помощи технических орудий». Таким образом, антисоветские идеологи как будто специально ищут, что бы сказать такое, чтобы противоречило реальности самым кричащим образом, отрицало именно то, что является общеизвестной сущностной чертой советского строя.

Сама пресловутая проблема «трудности внедрения» была порождена огромным избытком изобретательской активности и понятным недовольством массы изобретателей. Там, где их нет, людям вообще не понятно, о чем идет речь, что за проблемы такие. Каковы масштабы присущей советскому обществу инновационной активности, говорит уже история государственного строительства. Ведь за два десятилетия трудом миллионов людей создали принципиально новую, во множестве отношений чрезвычайно оригинальную систему власти и управления. Это было бы невозможно в косном обществе.

Инновациям, которые рождались в советском обществе и несли отпечаток «русского стиля мышления», было присуще необычное сочетание фундаментальности с размахом. Это проявилось уже в ГОЭЛРО, а потом стало нормой. Советские ученые и инженеры проектировали большие межконтинентальные технические системы, дававшие огромный эффект. Взять хотя бы единую систему железных дорог. Делегация государственной администрации железных дорог США, ознакомившись не так давно с этой системой, назвала ее «чудом XX века». Ведь она пропускала в советское время через километр пути в 6 раз больше грузов, чем в США, и в 25 раз больше, чем в Италии. Прикиньте разницу! То же можно сказать и о единой энергетической системе.

Мне посчастливилось познакомиться и беседовать с замечательным нашим ученым и изобретателем И. Петряновым-Соколовым, настоящим сыном советской цивилизации. Он рассказывал, как действовала наша инновационная система в 40—60-е годы, — ведь ничего похожего не было на Западе, им приходилось брать большими деньгами. Сам он — автор изобретений,

которыми пользуется весь мир (кстати, бесплатно). Взять хотя бы «фильтр Петрянова», основу современных респираторов.

Расскажу маленькую историю. В 1992 г. сотрудник нашего Аналитического центра стал в правительстве Гайдара министром науки и даже вице-премьером. Приехала к нам высокопоставленная делегация министерства науки ФРГ — зачем-то обсуждать их опыт уничтожения Академии наук ГДР. Утром эта делегация посещала какой-нибудь научный центр, а после обеда они приезжали к нам, и в узком кругу мы вели непринужденные и поучительные беседы. Как-то раз они вернулись из экскурсии в подавленном состоянии. Они посетили лабораторию Петрянова-Соколова, в которой работало всего пятеро глубоких стариков (ему самому тогда было 85 лет, а это были его старые сотрудники). Они показали немцам, какой ответ приготовили на угрозу «звездных войн».

Речь шла о защите наших ракет против действия космических лазерных пушек. Зная параметры лазерного излучения, эти люди подобрали вещества, которые при ударе лазерного луча испарялись, образуя аэрозоль с такой величиной частиц, что электромагнитные волны вступали с ними в интерференцию и луч рассеивался. Этого было достаточно, чтобы удельная интенсивность воздействия на металл становилась недостаточной для пробивания корпуса ракеты. Старики сделали из этого вещества краску и вручную красили образцы для испытаний. Обработка ракеты обошлась бы в 50 долларов. Повидав все это своими глазами, немцы очень сильно приуныли.

Да, нам казалось, что наша система НИОКР недостаточно инновационна, иначе она бы завалила нас миллионом наименований отечественных товаров точно такого же качества, как на Западе. Но это бредовое умозаключение могло быть воспринято именно только сознанием с разорванной логикой. Мы жили в техносфере, созданной почти исключительно усилиями собственной инновационной системы — при том, что ее мощность (ресурсное обеспечение) была, конечно же, несравнимо меньшей, чем у Запада. Но хотели от нее еще и еще.

А вообще, инновационная активность была присуща советским людям в очень высокой степени и проявлялась широко и самым необычным образом. Такого движения изобретателей, как у нас, не наблюдалось нигде в мире. Одна японская фирма сделала целое состояние, просто собирая идеи в наших журналах типа «Техника — молодежи» и «Знание — сила».

Вот пишет социолог-криминалист (*Н. Г. Шурухнов*. Личность пенитенциарного преступника. — СОЦИС, 1993, № 8): «В одном из ИТУ УИД МВД Киргизии был обнаружен компактный реактивный двигатель, с помощью которого предпринималась попытка покинуть пределы колонии и таким образом совер-

шить побег. Исходя из сложности и оригинальности конструкции, оперативные работники предположили, что его мог изготовить осужденный М., который имел среднетехническое образование (закончил авиационный техникум), выписывал технические журналы, неоднократно изготовлял различные технические усовершенствования, вносил рационализаторские предложения и т.п. ...

Осужденный К., отбывавший наказание в одном из ИТУ УВД Винницкой области, пытался совершить побег с помощью дельтаплана. На участке деревообработки он достал рулон наждачной бумаги на тканевой основе, замочил его в пожарном водоеме (чтобы извлечь ткань), изготовил металлические и деревянные конструкции. На плоской крыше (с которой предполагалось начать полет) одного из цехов укрепил ролики и натяжной шнур...»

Я читал в Испании аспирантам лекции о русской и советской культуре и привел этот пример. Люди слушали с недоверием — ничего подобного, даже отдаленно, они не могли себе представить не только в отношении заключенных испанских тюрем, но и в приложении к нормальной университетской публике. А для советских эзков, «осужденного М. и осужденного К.», такой инновационный подход к делу был вполне нормальным — они в этой атмосфере были с детства воспитаны.

Надо сказать, что стандарты алогичного, бессвязного мышления задавали и задают люди, носящие самые высокие научные титулы, которых СМИ представляют нам как высший авторитет. Вот академик, почетный президент Российского общества социологов Т. И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Читаешь, и охватывает тягостное чувство. Например, поминается дефицит. Он якобы преодолен благодаря повышению цен. Вот какая дается трактовка: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально». На мой взгляд, это просто разновидность шизофрении, острого расщепления сознания. Людей сбросили в бедность, они не могут покупать продукты и, таким образом, выброшены с рынка — и социолог называет это «крупным социальным достижением»! И ведь обе части утверждения делает один и тот же человек в одном и том же абзаце.

Вдумаемся в такое умозаключение: «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация цюка не оказала на них существен-

ного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.». Итак, 93% работников не могут теперь нормально жить за счет честного труда, а вынуждены искать сомнительные (часто преступные) источники дохода — а социолог считает, что приватизация *не повлияла* на экономические интересы и поведение. Где же логика?

А вот советник Путина по экономическим вопросам А. Илларионов говорит в интервью (в апреле 1999 г.): «Выбор, сделанный весной 1992 года, оказался выбором в пользу социализма... — социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, она сдвигалась то «вправо», то «влево». Но суть ее оставалась прежней — социалистической». Неужели не видно, что это — абсурд, если только не сознательное издевательство над публикой. Политика Гайдара и Чубайса — это социализм! Кстати, Заславская говорит, что приватизация «не оказала существенного влияния», а Илларионов, наоборот, хвастается: «благодаря «пинку Гайдара» Россия... всего через два с небольшим года реформ радикально изменилась». И оба правы, оба корифеи.

Люди, проклинаящие советский строй, очень часто противоречат сами себе таким странным образом, что поначалу даже не веришь в их искренность. Но потом видишь, что они совершенно искренни, и от этого становится совсем тяжело на душе.

Два года назад я поехал в Киев. В купе нас было трое. Мои молодые попутчики оказались оба русскими и оба недавними офицерами — летчик и ракетчик. И оба были предпринимателями, ездили в Москву по делам. Я было приуныл — сейчас достанут водку и придется минимум полбутылки с ними выпить, а годы уже не те. Но, оказалось, и время не то, и офицеры не те. Каждый из них достал по двухлитровой пластиковой бутылке с какими-то водами, они стали понемногу прихлебывать каждый из своей бутылки, после чего аккуратно завинчивать пробочку. Угроза моему здоровью миновала, есть и в буржуазной культуре хорошие стороны.

Стали они вспоминать свое армейское прошлое и вперемешку рассказывать о своем бизнесе. Летчик служил в Германии, с восторгом говорил, какие замечательные самолеты пришли на вооружение в конце 80-х. До этого они с трудом могли тягаться с «Фантомами», так что боевые наставления предписывали им в крайнем случае идти на таран. А теперь хороший летчик мог надеяться на свою технику — все были счастливы, на новый уровень вышли. Видно было, что этот человек был просто влюблен в свой «СУ».

С бизнесом у него было дело похуже — сейчас ему приходилось прятаться от кредиторов и он опасался за безопасность семьи. Он владел (на началах какой-то «бесплатной аренды») всей сетью холодильных установок на Южном берегу Крыма и всей торговлей мороженым. Свое производство прекрасного в прошлом мороженого на Украине почему-то свернули, и он покупал импортное — похуже, но без проблем. И вот энергетики вдруг отключили у него электричество, и партия мороженого пропала. Он остался на мели и не знает, как выкрутиться.

Попутчик, специалист-электронщик по системам управления ракет, был видным менеджером фирмы, возникшей в академическом Институте кибернетики, он принял живое участие в судьбе летчика и стал думать, на какие кнопки он может нажать, чтобы кредиторы «выключили счетчик».

Как-то они и меня втянули в разговор, и я спросил, как же получилось, что они, молодые образованные и опытные люди, взяв в свои руки рычаги управления хозяйством, привели его в такое плачевное состояние. Как они возмутились и разволновались. Что вы говорите! Это была система, которая абсолютно ничего не смогла создать и построить! Нам пришлось начинать на голом месте, вот мы и бьемся, как рыба об лед.

Я ушам не мог поверить — смеются они, что ли? Нет, именно взволнованы и уверены, что говорят очевидные и убедительные вещи. Советская система *ничего не смогла создать!* Но ведь ты только что говорил, что получил целую сеть современных холодильных установок, которые еще недавно бесперебойно снабжали мороженым миллион, если не больше, отдыхающих. Как вяжутся между собой эти два твоих же утверждения? К этим холодильникам было подведено электричество, которое раньше никогда никто не отключал, даже мысли такой не могло никому прийти. И мороженое было прекрасное, не то что импортная подкрашенная дрянь. Разве все это не создано и не построено? Разве получить это называется «начать на голом месте»?

А минутой раньше ты вздох рассказывал о «СУ-27», на котором ты летал и поплеывал на «Фантомы». Разве эти «СУ» не были «созданы и построены»? Твой собеседник сегодня зашибает большие деньги на том, что продает разработки Института кибернетики, делавшего лучшие в мире системы управления ракетами. Разве этот институт с неба свалился? Разве он не был «создан и построен» в советской системе? Кончатся скоро его ресурсы (как до этого пожаловался сам менеджер), и нечем тебе будет торговать. И это называется «начать на голом месте».

Когда я попытался именно в таком свете представить дело, мои попутчики расстроились, замолчали, но несколько со мной не согласились. Может, они и впрямь считали, что при советском строе все было обязано появляться из воздуха? И появля-

лось — а система и воспитанные ею люди были ни при чем. Надо только сказать, что эта установка, смертельная для советского строя, вовсе не является принципиально антисоветской. Она есть следствие *избалованности* очень большой части советской молодежи как предпосылки для поверхностного, но очень активного антисоветизма. Об этом писал Ортега-и-Гассет: «Избалованные массы настолько наивны, что считают всю нашу материальную и социальную организацию, предоставленную в их пользование наподобие воздуха, такой же естественной, как воздух, ведь она всегда на месте и почти так же совершенна, как природа».

При таком способе рассуждений нельзя не только ответить, но даже внятно поставить вопрос, который буквально висит в воздухе: *чего мы все-таки хотим?* И дело не в лицах. За моими собеседниками — целые социальные слои. Вот ученые выходят на площадь, картинно несут бутафорский гроб «российской науки». Чего они хотят? Ведь не может политический режим, который они сами приводили к власти, содержать большую науку. Не только не может, но даже не может этого желать, ибо весь смысл его существования — ликвидация советской цивилизации. Это настолько ясно выразили все идеологи «демократов», что не зная этого ученые не могут. Однако я ни разу не слышал, чтобы какое-то собрание ученых, пусть даже одной лаборатории, ясно сказало: наша поддержка антисоветского поворота была ошибкой. Нет, они предпочитают таскать свой гроб, устраивать голодовки и критиковать режим за «недооценку науки» — без единого шанса на успех.

Ученые — крайний случай. Но ведь примерно то же самое мы видим и у шахтеров, и у рабочих Кировского завода. Они не способны осознать свой собственный выбор, который состоял в отказе от защиты советского строя. Они даже не понимают, о чем речь, какие умозаключения они неявно делали. Но ведь без того, чтобы ясно и вслух не оценить тот выбор, об изменении нынешнего положения (именно в его целостности, в его главном смысле) не может быть и речи. Все будет сводиться к «борьбе всех против всех» — шахтеры отнимут у учителей, врачи у шахтеров. А потом все истощатся до полной дистрофии, и Россия разделится на два «полуобщества», как в Бразилии. В «цивилизованной» половине будет идти борьба, будут партии, газеты. А внизу будут голод, наркомания, тотальная преступность — и тупая, ни к чему не ведущая ненависть.

Речь не только об антисоветских «демократах». Острая некогерентность рассуждений отличает и многих русских патриотов. Она возникает уже оттого, что каждый копает свою золотую жилу, создавая хор несовместимых утверждений. одному хочется напечатать мемуары замученного большевиками (в

1945 году!) генерала Краснова, другой увлекся патриотом Столыпиным, третий — народным вождем Махно. И никто не может четко определить, *чего же он хочет*. Чуть ли не все наши патриоты воспроизводят, пусть в более мягкой форме, «синдром Солженицына». То он всеми средствами, беззаветно уничтожал советский строй — а теперь нос воротит от нового порядка. Мне даже порой становилось обидно за Ельцина и Чубайса — ну чем ему не угодили? Ведь уничтожили СССР — разве не об этом мечтали Александр Исаевич и его соратники?

У многих в голове застряла иллюзия, будто можно было уничтожить советский строй безболезненно, даже с экономическим и культурным подъемом России. Ни у кого не удается получить ответа на вопрос: а как бы надо было уничтожить *строй жизни*, чтобы при этом возникло процветание? И чего бы ты хотел вместо советского строя — так, чтобы это отвечало твоим желанием, но было мало-мальски возможно в данной нам реальности?

При этом в своих проклятиях советскому строю они создают уродливый образ с несоизмеримыми частями. Вот в газете «Завтра» (2000, № 10) большая статья известного писателя Д. Балашова «Зюганов, побеждай». Коктейль из антикоммунизма, патетического патриотизма и любви к КПРФ. Начинается статья с такого образа Отечественной войны: «И затравленный, ограбленный, раскулаченный народ пошел умирать «за Родину, за Сталина».

Что с исторической памятью у этого автора исторических романов? Сказать, что к 1941 г. русские были *затравленным народом!* Королев и Чкалов, Жуков и Василевский, Стаханов и Шолохов — порождение затравленного народа? Если так, то когда же русские были «незатравленными»? Скорее всего Д. Балашов вообще не понимает, в чем смысл такого исторического явления, как Стаханов, — тут он остался на уровне «Британской энциклопедии», хоть и является русским патриотом.

Слышал я от одного военного, разведчика, а после войны известного ученого, что главное отличие советского и немецкого солдата на фронте было в следующем. Когда у немцев убивали офицера, это производило довольно длительное замешательство, что в скоротечном бою часто решало исход дела. Когда убивали офицера у наших, тут же поднимался сержант и кричал: «Я командир, слушай мою команду!» Убивали сержанта — поднимался с тем же криком рядовой. Большинство солдат обладали ответственностью, волей и готовностью быть командиром. Это значит, что народ именно не был *затравленным*, он был духовно свободным.

Был ли он *ограбленным*? Кто его ограбил — Сталин? Куда делось награбленное? Каково было распределение доходов среди

населения? До советской власти и после советской власти огромные средства изымались у подавляющего большинства населения, вывозились за рубеж и использовались на расточительное потребление меньшинства. Казалось бы, именно это состояние можно назвать ограблением народа. Ан нет, писатель применяет термин в совершенно обратном смысле.

Назвать же советский народ *раскулаченным* — вообще нелепость. И дело не только в реальных масштабах раскулачивания (1,5% советских семей — это много, но это все же не весь народ). Дело в том, что «раскулачивал»-то как раз народ. Коллективизация во многом потому и стала страшным делом, что ее вели крестьяне — это была внутридеревенская, почти внутрисемейная гражданская война (тип ее трагически описал А. Платонов в «Чевенгуре»).

Можно было обвинять советскую власть именно за то, что она *натравила* народ на кулаков и плохо следила за тем, чтобы народ не *перебарщивал*, не превышал разрешенную разнарядку. Было бы разумно сказать на месте Д. Балашова, что, мол, не только народ, но *даже и раскулаченные* пошли воевать. Но считать, что народом были именно кулаки, а 98,5% «нераскулаченных» были *не-народом*, — верх нелепости. И тот факт, что этого не замечал ни сам Балашов, ни редакторы газет, что его печатали, говорит о поражении мышления.

Гипостазирование. В антисоветском мышлении проявилась в гипертрофированном виде общая склонность интеллигенции к гипостазированию. До такой степени, что это стало, на мой взгляд, родовым признаком антисоветских рассуждений.

Не хотелось бы, конечно, вводить иностранное слово, но трудно подобрать краткий русский эквивалент слову гипостазирование. В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Когда пробегаешь в уме историю созревания антисоветского проекта, поражает эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже считать его реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными (слова-амебы), такие слова

как будто обладают большой объяснительной способностью. Сказал, например, «казарменный социализм» — и вроде все понятно.

Это свойство идеалистического мышления играет большую роль в культуре человека массы и делает его очень податливым к манипуляции его сознанием. Маркс в «Капитале» приводит строку из «Фауста» Гёте:

Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.

Так оно и происходит: какое-то второстепенное свойство возвышается до уровня сущего, для него изобретается многозначительное слово, а потом выстраивается образ, который очаровывает податливую публику. Еще в прошлом веке Ле Бон («Макиавелли массового общества», как назвали его недавно) писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удается с точностью разъяснить их смысл».

Осознание образованными людьми этого дефекта их мышления затрудняется кажущимся парадоксом: именно крайне рационалистический тип мышления, давшего человеку главный метод науки, при выходе за стены лаборатории может послужить средством разрушения логики (рациональности). Крупный современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, — худший враг логического мышления».

Кстати, наши антисоветские экономисты только этим и занимались во время перестройки — и занимаются сегодня. Вспомните тот бум, в результате которого чуть ли не главным в нашей жизни сделали образ *экономической эффективности* — выстроенной в уме абстрактной концепции, взятой к тому же из совершенно иной хозяйственной системы. Чистейшее гипостазирование.

В созревании антисоветского сознания важную роль сыграл совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем спорили, что это такое — мутантный социализм? мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Хотелось крикнуть этим впадшим в гипостазирование интеллектуалам: «Назовите хоть горшком, только в печку не ставьте!»

Вот что пишет профессор МГУ А. П. Бутенко в академическом журнале в октябре 1994 г. о советском строе: «Был создан не социализм, а общество-монстр, двуликий Янус, клявшийся в своей верности людям труда, которым он бросал подачки с барского стола, но верой и правдой служил бюрократии, номенклатуре. Именно это общество — казарменный псевдосоциализм как коммунистическая разновидность тоталитаризма — и было отвергнуто народом, рухнуло, перестало существовать» (СОЦИС, 1994, № 10). Все это — набор слов, не дающих никакого содержательного знания о предмете, но профессор, повторяя эти слова, с небольшими вариациями, почти десять лет, прослыл чуть ли не теоретиком советского строя.

Преодолеть гипостазирование можно, хотя для этого требуются специальные усилия. Но если они удаются, эффект бывает удивительным. Как-то я в Испании читал лекцию о советском строе, а там публика крайне *индоктринирована* — относительно СССР она мыслит вбитыми в голову штампами, и любая попытка поставить их под сомнение сразу вызывает недоверие к говорящему. Я предложил аудитории заключить на время лекции такой пакт: не употреблять никаких идеологических понятий, которые не имеют прямой связи с элементарными, однозначно трактуемыми сущностями. Например, слова «социализм» или «тоталитаризм» слишком абстрактны, о них можно спорить до бесконечности. А слова «литр молока» понимаются всеми нами одинаково (можно даже уточнить — «литр молока жирностью 3,2%»). Так давайте, говорю, рассмотрим, что такое был советский строй именно в таких, однозначно понимаемых («абсолютных») терминах.

Посмотрим, как питались люди, какие жилища имели, как они отапливались, чем люди болели, сколько их гибло от рук убийц, чего они боялись и т.д. Нарисуем бесхитростный портрет советского жизнеустройства — без всякого символизма и сюрреализма. Этот подход вдруг показался людям таким понятным и интересным, что я сам никак не мог ожидать. Слушатели сами предложили необычные для нас ракурсы. Например, родители чрезвычайно высоко оценили отсутствие в советском жизнеустройстве сильной наркомафии, растлевающей подростков. Одна женщина сказала, что это качество в ее глазах перевешивает нехватку комфорта и очереди, все это мелочь по сравнению с реальной опасностью потерять сына-подростка, которая превращает жизнь родителей в ад. Если бы я после того разговора привел рассуждения проф. Бутенко о псевдосоциализме, Янусе и пр., это вызвало бы недоумение — что за чушь несет этот схоласт?

Вся перестройка была проведена под знаком борьбы с *тоталитаризмом*. Что это за чудовище, ради убийства которого не

жалко полстраны уморить? Это чисто идеологическое понятие, не имеющее жесткого, абсолютного значения. Тоталитаризм Брежнева! Такая же чушь, как и «демократия Ельцина». Но, употребляя эти понятия, идеологи могут парализовать здравый смысл даже у очень знающих людей.

29 августа 2001 г. я участвовал в «круглом столе», собранном в «Литературной газете» и посвященном интригующей теме: куда девается природная рента (то есть доход от земли и ее недр) в нынешней РФ? Были видные специалисты и ведущие экономисты, включая академиков Д. С. Львова и В. В. Ивантера. Вел заседание А. С. Ципко. Спора не было — рента, вопреки закону, отдается «крупному капиталу». В общем, все признали и тот факт, что эта рента изымается ими из хозяйства, оно хиреет и никак не позволит сносно жить большинству народа. Говорили, что надо нам учиться у Индонезии, где 15 семейств владеют 80% богатства, у Бразилии, где половина населения не имеет дохода, — как-то уживаются, хотя и с пулеметами на крышах в приличных кварталах. Кто-то говорил о грядущей остановке добычи газа и нефти — не вкладывают олигархи денег в разведку и обустройство новых месторождений, о том, что за десять лет в стране не построено ни одного не то что завода, а цеха.

Все при этом также были согласны в том, что при советском строе рента обращалась в капиталовложения — как в хозяйство, так и в науку. Один экономист в качестве шутки сказал, что и сейчас можно было бы воссоздать Госплан для изъятия и использования природной ренты. Но, как добавил он, для этого необходим тоталитаризм. И почти все засмеялись — нет, они не хотят тоталитаризма, они хотят демократии. И продолжили — как лучше наладить взаимодействие правительства с олигархами, по мелочам. У меня мелькнула мысль, что за одним столом сидят люди и людоеды — и обсуждают кухонную утварь. Так велика была магия слова *тоталитаризм*, что даже почтенные академики не решились сказать: господа, что за чушь вы говорите! Все эти идеологические бирюльки имеют ничтожное значение по сравнению с тем, что страна в этой системе экономики явно не может выжить, — вот о чем должны думать экономисты.

Сильное воздействие на мышление гипостазирования подрывает способность к рефлексии, к анализу своих решений и их последствий. В начале 1989 г. лишь 10% опрошенных считали, что в ближайшие годы экономическое положение в стране *ухудшится* (59% считали, что «улучшится», 28% — что «останется без изменений»). Нас здесь особенно интересуют установки интеллигенции: она в значительной своей части хотела именно капитализма, причем в его западной версии, ждала его от бри-

гады «Горбачева — Ельцина» и считала, что с ним придет благоденствие.

Что же говорил об установках этой прослойки ВЦИОМ в разгар реформы, после слома советской системы хозяйства? Вот каковы ответы в сентябре 1995 г. людей с высшим и незаконченным высшим образованием. На вопрос об экономическом положении России в настоящее время ответили: *плохое* — 52,5%; *очень плохое* — 26,8%. Это — признание полного краха экономических иллюзий. «Самые тяжелые времена еще впереди» — 54,2%. «Они уже позади» — 7,8%. Какой глубокий пессимизм — после надежд 1989 г., хотя реформаторы все сделали именно так, как и желала интеллигенция. И, что потрясает больше всего, на вопрос «Что сейчас больше нужно России: порядок или демократия?» — 64,7% интеллигентов ответили: *«порядок»!* Это — крах демократических иллюзий. Ведь в 1989 г. ориентация на «порядок» считалась свойством реакционного советского мышления, над этим издевались.

Большая часть интеллигенции стала политически апатичной: половина не собиралась участвовать в выборах в Думу. А ведь еще недавно ради свободных многопартийных выборов она была готова сжить со свету нашу тоталитарную «империю зла». В мае 1995 г. уже сравнялось число сторонников плановой и рыночной экономики среди интеллигенции (а у людей с неполным средним образованием их соотношение 4,5:1). Разрушена и западническая иллюзия. В январе 1995 г. 59% опрошенных (в «общем» опросе) согласились с тем, что «западные государства хотят превратить Россию в колонию» и 55 — что «Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду». Но ведь уже и 48% молодых людей с высшим образованием высказали это недоверие Западу.

Но все это — лишь признание в крахе надежд. Из него вовсе не следует, что интеллигенция в массе своей пересмотрела главный антисоветский выбор.

Рассмотрим пару-другую примеров гипосташирования, которые еще сохранились в памяти. У антисоветской интеллигенции было очень сильно расплывчатое убеждение, что во всем «система виновата». Важнейшими причинами наших бед она считала «засилье бюрократов», «уравниловку», «некомпетентность начальства», «наследие сталинизма» — причины, для массового сознания не такие уж существенные. И ведь при том, что уравниловку в числе трех первых по важности причин назвали 48,4% интеллигентов, они же проявили удивительную ненависть к «привилегиям начальства» — 64% против 25 в «общем» опросе.

И вот, опираясь на эти стереотипы, Г. Х. Попов запустил в обиход, как нечто сущее, туманный термин *«административно-*

командная система». Если вдуматься, смысла в этом никакого, но словечко было подхвачено прессой, духовными авторитетами, даже получило аббревиатуру — АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет в советском строе. Как будто это нечто уникальное, созданное в СССР и предопределяющее жизнь именно советского человека. Блуждающий огонек...

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени Свешникова — все имеет свою административно-командную ипостась, наряду с другими. Антисоветские идеологи, глубокомысленно вешавшие: АКС, АКС... — намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо — любой банк, любая корпорация, не говоря уж о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем несравненно более жестким, чем был в СССР. Но так людей очаровали этой АКС, что антисоветские документы стали замечательными свидетельствами утраты здравого смысла.

Вот проект закона «О предпринимательстве» (1990 г.), внесенный научно-промышленной группой народных депутатов СССР (Владиславлев, Велихов и др.). Бредовое требование: «Государство должно воздействовать на хозяйственных субъектов только экономическими методами!» Мол, никакого администрирования. Во всем мире «хозяйственные субъекты» не просто находятся под административным контролем, но и весьма часто оказываются в тюрьме, а у нас, значит, бей их только рублем, да не прямо, а через какие-то мифические экономические механизмы.

Строго говоря, никакая производственная или вообще хозяйствующая организация и не может действовать, если допускает действие экономических критериев на уровне конкретной работы. Как сказал, например, один умный американский организатор НИОКР, для исследователей и инженеров алтарь — законы движения материи, а их боги — функциональные характеристики их изделий и материалов. Экономика — дело высшего управления фирмы, в лабораторию ей вход запрещен. Это — элементарная вещь, но с этой АКС интеллигенции надолго удалось закрутить мозги. Даже историки, прекрасно знавшие, что системы управления и в государстве, и в хозяйстве складываются исторически, а не логически, не исходя из какой-то доктрины, стеснялись прямо сказать, что пресловутая АКС — плод самого примитивного гипостазирувания.

В 1988 г. на круглом столе в АН СССР историк К. Ф. Шацил-

ло осторожно объяснял: «Совершенно ясно, что в крупнейшей промышленности, на таких казенных заводах, как Обуховский, Балтийский, Адмиралтейский, Ижорский, заводах военного ведомства, горных заводах Урала капитализмом не пахло, не было абсолютно ни одного элемента, который свойствен политэкономии капитализма. Что такое цена, на заводах не знали; что такое прибыль — не знали, что такое себестоимость, амортизация и т.д. и т.п. — не знали. А что было? Был административно-командный метод: постройте четыре броненосца и скажите, сколько заплатить; желательнее построить за три года, построили за шесть, ну что же поделаешь?..

А что Сталин стал использовать? Он обратился к тем архаичным, пережиточным, феодальным по существу, командно-административным методам, которые существовали в крупной казенной промышленности до революции» («Россия, 1917 год: выбор исторического пути». Круглый стол историков Октября, 22—23 октября 1988 г. М.: Наука, 1989).

А вспомним ключевое слово перестройки *дефицит*. В нормальном языке оно означает просто «нехватка». Это именно «свойство, отношение чего-то», но из него создали какое-то реально существующее чудовище, чуть ли не главный, чрезвычайно активный субъект нашей жизни. Он как будто подкарауливал каждого советского человека и днем, и ночью и мог напасть на него в самый неожиданный момент в любом месте. Дефицитная экономика! Людей уверили, что во времена Брежнева «мы задыхались от дефицита», а сегодня, мол, никакого дефицита нет, а есть изобилие. Дефицит стал чем-то вроде кобры, танцующей под дудочку факира. Много производили молока — это был дефицит; снизили производство молока вдвое — это изобилие. Ведь это переход к понятийному аппарату шизофреника. И маскируется этот переход путем создания образа из несуществующей ткани, путем извращения смысла слова. Нехватка — это изобилие!

Замечу, что даже в чисто «рыночном» смысле реформа привела именно к опасному дефициту, какого не знала советская торговля. Чтобы увидеть это, надо просто посмотреть статистические справочники. Вот данные Госкомстата СССР, а потом Госкомстата РФ. Обеспеченность розничного товарооборота товарными запасами в розничной торговле (в днях товарооборота) составляла в СССР на 1 января соответствующего года: 1960 г. — 85 дней, 1970 г. — 88, 1980 г. — 77, 1985 г. — 92, 1986 г. — 84, 1988 г. — 69, 1990 г. — 47 дней. В РФ она составила в 1995 г. 33 дня и в 1996 г. — 39 дней. При этом в 1994 г. из всех товарных ресурсов товарооборота 48% поступило по импорту, а в 1995 г. — 54%.

В советское время нормативные запасы товаров и продуктов в торговле были достаточны для 80 дней нормальной розничной торговли. Если они сокращались ниже этого уровня, это

было уже чрезвычайной ситуацией. В ходе реформы товарные запасы снизились до 30—40 дней. А, например, на 1 октября 1998 г. на складах Санкт-Петербурга имелось продуктов и товаров всего на 14 дней торговли. Положение регулируют только невыплатами зарплаты и пенсий. Вот тебе и изобилие.

Профессор из Петербурга, д.э.н. С. А. Дятлов, рассматривая состояние инвестиционной сферы России, пишет в 1997 г.: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80—90% обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде — это не только долговая экономика, но и экономика хронического дефицита, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса» (С. А. Дятлов. Концепция инвестиционного развития России. — Альманах Центра общественных наук МГУ. М., 1997).

Хорошим лекарством против гипостазирования было бы чтение «Государственных докладов о состоянии здоровья населения РФ», где понятие «дефицит» употребляется в его строгом, жестком смысле — дефицит белка, дефицит витаминов, дефицит йода и т.д. Там прямо говорится, что реформа привела к массовому дефициту в организме жителей России жизненно важных компонентов — дефициту, немислимому в советское время. Вот что означает, например, дефицит в его жестком, ограниченном значении: в 1985 г. в РСФСР в среднем на душу населения было потреблено 22,5 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1994 г. — 9,8 кг. Дефицит рыбы как продукта питания — при ее изобилии на прилавках как знака ложного изобилия. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в глубокое гипостазирование.

А вот чрезвычайный пример дефицита, созданного антисоветской реформой, без всякой экономической причины — просто из-за ухода государства от заботы о людях. Государственный доклад 2000 г. «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.» гласит: «Актуальной экологической проблемой является дефицит йода в биосфере, так как более 70% густонаселенных территорий нашей страны имеют разную степень недостаточности этого микроэлемента. Прекращение йодной профилактики привело к росту в России эндемического зоба и ассоциированных с ним болезней среди больших групп населения, в первую очередь — детей и подростков». *Прекращение йодной профилактики!* Просто перестали добавлять капельку йода в поваренную соль. Ничего на этом и не сэкономили, просто перестали добавлять. Разумеется, в некоторых областях по собственной инициативе местные власти или медицинские организации ведут йодирование соли, поставляют ее в детские сады (о таких случаях говорится в докладе) — но государствен-

ная программа прекращена. И огромное число обывателей и не подумает покупать йодированную соль (в четыре раза дороже обычной) — не все же знают о том, что такое эндемичный зоб, а большинство скоро забудет, что такое щитовидная железа.

Другим важным чудовищем, созданным в антисоветском здании, была *номенклатура*. Слово, которое всего-навсего означает принятый в СССР порядок подбора и назначения кадров на должности высокого уровня в аппарате управления, вдруг обрело статус какого-то чуть ли не живого существа, которое охватило своими щупальцами всю страну и ворочает всеми делами. Задумается над очевидным фактом: советский человек стал испытывать почти ненависть к номенклатуре — за то, что она пользовалась «льготами и привилегиями». На этой почве и произошло сотворение Ельцина как временного кумира.

Еще нагляднее, гротескно это проявилось в мышлении западной интеллигенции (прежде всего левой — правые как-то более приземлены, их сказками про льготы не проймешь). Помню, как легко было принято на Западе предложенное Горбачевым объяснение причин политического кризиса в СССР в конце 80-х годов: номенклатура яростно борется за сохранение старого режима, чтобы не потерять свои огромные привилегии. У многих испанских коллег я спрашивал, какими привилегиями, на их взгляд, обладает номенклатура в СССР? Какие льготы получают ставшие бюрократами рабочий, инженер, учитель и т.д., чтобы эти льготы таким решительным образом повлияли на их сознание? Мне не только никто не дал связного ответа, но и сам этот вопрос ставил в тупик — над ним никто не задумывался. Образ номенклатуры уже жил своей собственной жизнью и не нуждался в конкретных описаниях. Пресса даже не потрудилась составить пусть мифическую, но мало-мальски связную аргументацию своей модели, этот даже небольшой труд по убеждению читателя или телезрителя был излишен.

Действительно, конкретно об этих льготах в их реальном выражении никто и не думал, образ этих льгот, не имея материального наполнения, был в то же время очень жизненным, это был плод гипостазирования. Ведь холодная логика гласит: любое общество должно создавать верхушке «улучшенные» материальные условия, хотя механизмы создания таких условий различны. Была ли верхушка СССР так уж прожорлива? Нет, в норме советское общество отпускало ей крохи материальных благ.

Как принцип, это было заложено уже в генезис номенклатурной системы (вспомним хотя бы идею партмаксимума). Вот мелочь из воспоминаний помощника Сталина в 20-е годы: «В 1922—1923 гг. я жил в одной квартире с Верой Инбер и ее отцом, дядей Троцкого. Троцкий, его дети — Седов, дочери — часто к нему приходили, другие товарищи, целые собрания бывали» (А. П. Балашов. Старая площадь, 4. — ПОЛИС, 1991, № 5).

Подумайте: помощник Сталина, дядя Троцкого и т.п. живут в коммунальной квартире. И это была норма.

А вот 1943 г., семья Сталина. В квартиру его тестя и тещи, которых он очень любил и с которыми постоянно общался, подселают семью заместителя наркома здравоохранения РСФСР, и они живут в коммунальной квартире. Когда в 1948 г. была арестована сестра жены Сталина, то, поскольку освободилась ее комната, в эту квартиру вселяют еще одну семью.

Во время «борьбы с привилегиями» много говорилось о «кремлевских обедах» в столовой на ул. Грановского, где могли обедать члены высшей номенклатуры (или брать обед домой или продукты сухим пайком). Такие «обеденные книжки» имели также старые большевики. Они-то имели льготы — платили за обед 10% стоимости. Но члены номенклатуры платили полностью — 2100—2400 руб. за месяц. Внук старого большевика и племянник жены Сталина В. Ф.Аллилуев вспоминает: «Когда я поинтересовался у Каманиных, почему они не берут обед в Кремлевке, Мария Михайловна мне ответила: «Вовочка, нам невыгодно его получать. Он слишком дорого стоит, а на нашу семью его не хватает» (их было пятеро)».

А вот штрихи образа жизни самого Сталина и его семьи — в письмах его жены Н. Аллилуевой Сталину в Сочи, где он был на отдыхе (опубликованы в 1992 г.): «2 сентября 1929 г. ... Как мои дела с Промакадемией, ты спрашиваешь. Сегодня был у меня экзамен по математике письменной, который прошел удачно, но в общем мне все же не везет, а именно: утром нужно было быть в ПА к 9-ти часам, я, конечно, вышла в 8 1/2, и что же, испортился трамвай, стала ждать автобуса — нет его, тогда я решила, чтобы не опоздать, сесть на такси, села и что же, отъехав саженей 100, машина остановилась, у нее тоже что-то испортилось».

Какие здесь льготы и привилегии? Жена первого руководителя государства едет на экзамен на трамвае, взять такси — это уже нечто необычное. Вот из других писем: «Иосиф, пришли мне, если можешь, руб. 50, мне выдадут деньги только 15/IX в Пром[академии], а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь, будет хорошо... В день прилета цеппелина Вася на велосипеде ездил из Кремля на аэродром через весь город. Справился неплохо, но, конечно, устал»*.

Конечно, аскетизм довоенного времени уходил в прошлое, но все же и в послевоенный период льготы советской номен-

*Я бы очень порекомендовал прочитать книгу племянника Н. Аллилуевой В. Ф.Аллилуева «Хроника одной семьи» (М.: Молодая гвардия, 1995). Автор ее — умный, наблюдательный и достойный человек. Среди прочих важных для понимания советского строя вещей в его книге отражены многие детали быта высшей номенклатуры того периода.

клатуры были гипертрофированы в массовом сознании. Хрушев поохотился разок в Крыму, и это вошло в историю как преступление века. А типичная оргия секретаря обкома заключалась в том, что он мылся в бане, а потом выпивал бутылку коньяка. Когда Молотов умер в 1986 г., все его состояние равнялось 500 руб. — на похороны (да еще перед этим он отправил 100 руб. в фонд Чернобыля). Даже Брежнев, которому перестроечная пропаганда создала ореол вселенского вора, оставил в наследство, как выяснилось, лишь несколько подержанных иномарок — была такая слабость у руководителя советской империи, любил порулить на хорошей машине.

С точки зрения разумного расчета, руководители высшего звена в СССР были самой «недооплаченной» категорией — это сообщила даже идеолог перестройки Т. И. Заславская. Почему же маленькие блага и слабости вызывали ярость, а к хамской роскоши нуворишей или невероятным доходам нынешних директоров-приватизаторов проявляется такая терпимость? Потому что люди судили не реальной мерой, а теми образами, которые были построены в идеалистическом сознании. И очарование этих образов было очень сильно.

В 1985 г., на волне перестройки, и я на какое-то время попал в номенклатуру, причем довольно высокого уровня — номенклатуру Отдела науки ЦК КПСС*. Я был назначен заместителем директора довольно крупного института, имевшего существенное идеологическое значение (Института истории естествознания и техники АН СССР). Став членом номенклатуры, я с обывательским любопытством стал ждать, когда же мне поднесут те льготы и привилегии, о которых мы были столько слышаны. Никто не подносил. Когда я ближе познакомился с номенклатурной кухней, то оказалось, что никаких законных льгот нет. Есть слегка коррумпированные группы, которые по-настоящему и незаконно сосут какие-то блага из своих ведомств. Несравненно меньше, чем явные воры на хозяйственной работе, но все же сосут. И тебе, как новому члену номенклатуры, туманно намекают, что ты в такую коррумпированную группу можешь вступить — со всеми вытекающими последствиями,

* Главное, что это означало в реальности, была высокая защищенность моего положения как работника в отношении административного руководства. Меня, заместителя директора института АН СССР, не мог снять с должности даже Президиум АН СССР без того, чтобы согласовать это с Отделом науки ЦК КПСС. Для таких случаев собиралось совещание, на котором обе стороны имели возможность полностью изложить свои аргументы. Не вдаваясь в детали, скажу, что это — условие колоссальной важности в моменты конфликта по принципиальным вопросам.

прежде всего, с потерей независимости от того начальства, которое контролирует ручейки благ.

Иными словами, сама по себе принадлежность к номенклатуре этих благ не давала — ты должен был сделать личный выбор и перейти Рубикон. Но перед таким выбором стоит вообще любой человек на любом социальном уровне, в этом смысле советская номенклатурная система ничем не отличалась от любой прочей. И я с абсолютной уверенностью могу сказать, что примерно половина советских номенклатурных работников не приняла соблазна коррупции. Вот их-то жестоко били во время перестройки. Когда я вспоминаю эту злобу и ненависть к таким людям со стороны коррумпированной номенклатуры, до сих пор передергивает. Это мало выплескивалось в общество, но те простые люди, которые попадали в эпицентр таких конфликтов и становились свидетелями таких избиений, бывали потрясены. Я думаю, вот кто был самым злобным, животным врагом советского строя — член номенклатуры, который не удержался и вошел в коррумпированную клику и которого грызли страх и совесть. И это стало для него просто невыносимо.

Вообще, когда заходит разговор о номенклатуре, как, впрочем и обо всех других сторонах нашей жизни, он все время сбивается на ложное сравнение: где лучше, в СССР 70-х годов — или в США (Франции, Швеции и т.п.)? Но ведь так вопрос не стоит и никогда не стоял. Как ни крути, смысл имеет только вопрос: где хуже — в СССР или в РФ конца 90-х годов? И именно не «лучше», а «хуже». Потому что «хуже» — понятие более жесткое. «Хорошему» нет предела, и все в нем зависит от вкуса, о котором не спорят. А вот у «плохого» есть критические уровни. Как говорится, после некоторого порога ухудшения — тишина...

Тема номенклатуры была четко поставлена в письме одного читателя: «Капитализм под руководством СВОЛОЧЕЙ — это хуже и безжалостнее, чем социализм под руководством ТЕХ ЖЕ САМЫХ СВОЛОЧЕЙ. Сейчас это вроде бы ясно видно, даже тем, кто что-то и выиграл». Но, как следует из опыта, это вовсе не «ясно видно», причем это не видно даже многим из тех, кто проиграл.

В антисоветских рассуждениях о номенклатуре был огромный принципиальный изъян — из них как-то сумели исключить все-таки главный вопрос: плохо или хорошо работала номенклатурная система в подборе и расстановке кадров управления? Ведь по сравнению с этим критерием все остальные второстепенны, по ним надо улучшать систему так, чтобы не повредить главному. Конечно, каждый мог вспомнить печальные или курьезные конкретные случаи: там начальник дурак, там вор, а там аморальный тип. Но брать надо в целом, как обобщенную устойчивую характеристику системы.

Скажу для начала, что все устройство показателей, согласно которым подбирались кадры (из реально имеющегося в наличии контингента), и те фильтры, через которые они пропускались для отсеивания негодных, действовали стабильно и предсказуемо. Были известны все процедуры и ступени, все поддавалось проверке, так что сбои и отказы были довольно редки.

Ликвидация советской кадровой системы резко ухудшила положение. Теперь подбор и расстановка кадров производится теневыми силами при помощи теневых, совершенно непрозрачных и непроверяемых процедур. То возникает Березовский, то Починок, то Мамут, то Кох. Кто, почему, как их выдвинул и вдруг дал огромные реальные полномочия в государстве? И так сверху донизу. В 1994 г. членом Комиссии по правам человека при Президенте России был назначен Владимир Податев, трижды судимый (кража, вооруженный грабеж, изнасилование) «вор в законе» по кличке «Пудель». Его не неграмотные крестьяне Елецкого уезда избирали, его кандидатуру подбирали и проверяли в Управлении кадров Администрации Президента. Я допускаю, что он — правоверный антикоммунист, поклонник Егора Гайдара. Но ведь по самому типу его квалификации ему явно надо было быть где-то в помощниках у Черномырдина, ну, в министерстве финансов — а его бросили на гуманитарную сферу.

Каков же профессиональный уровень советских и нынешних управленцев? Думаю, каждый согласится, что за десять лет произошла страшная, катастрофическая деградация. В стране сломан какой-то важнейший механизм, которого мы не понимали и не ценили. Вместо старых управленцев, поднятых номенклатурной системой, явились люди не суть менее компетентные или умелые — посты в системе управления были заполнены людьми, каких, казалось, и нет в нашем обществе. В 1989 г., когда Горбачев сломал кадровую систему, мне по долгу службы пришлось изучать программы и планы в научно-технической области. Документы новых начальников вызвали шок. Произошло что-то небывалое и необъяснимое, разум отказывался верить глазам. Это было надругательство над знанием, опытом, логикой и здравым смыслом. Так вот, с тех пор положение резко ухудшилось — к неграмотности и глупости добавилась коррупция.

В антисоветских разговорах любили потоптать фигуру Брежневца, хотя и он на фоне того, что мы повидали после 1985 г., выглядит достойно. Но как могли при этом обходить тех людей, кто тащил главный воз управления? Ведь самый чистый продукт номенклатурной системы — А. Н. Косыгин, вот о нем бы и говорили. Косыгин и его помощники были управленцами экстра-класса. Как во время перестройки и сейчас ни измыва-

ются идеологи над советской системой, ни слова черного не решаются сказать о Косыгине — а ведь он был руководителем хозяйства целый исторический период.

Неоцененным остался и управленческий подвиг партийной номенклатуры в конце 80-х годов. А она просто спасла страну от катастрофы. Когда перестройка парализовала государственный аппарат, на какое-то время огромную часть функций по оперативному управлению и координации взяли на себя работники райкомов, горкомов и обкомов. Они с утра до глубокой ночи сидели на телефонах и носились по организациям, потому что лишь в их руках еще оставались все связи. Они лично знали, причем знали досконально, весь руководящий состав всех предприятий и учреждений своих территорий — и знали партработников-смежников своего уровня. Через них шли потоки информации и команды, когда были разрушены государственные каналы. Мне пришлось наблюдать в 1987—1989 гг. работу отдела науки и учебных заведений Бауманского РК КПСС г. Москвы и отдела науки ЦК КПСС. Это была работа профессионалов высокого класса в чрезвычайной обстановке.

Вспомним еще один важный случай гипостазирования — веру в магические свойства *акционерного капитала*, при котором «все становятся собственниками». Акции, акции... Во время приватизации людей соблазняли тем, что в США миллионы людей владеют акциями и, таким образом, получают доход с капитала. Ваучеры можно будет поменять на акции и жить на дивиденды.

В. Селюнин в статье с многообещающим названием «А будет все равно по-нашему» писал в «Известиях»: «Это только по вшивым партийным учебникам там, за бугром, всем владеют в основном Форды да Дюпоны. А в действительности акции, к примеру, корпорации «Дженерал моторс» имеет около миллиона человек».

В таких случаях всегда недоумеваешь: не соображает человек — или нагло врет? Вот сводка из газеты «Нью-Йорк Таймс» от 17 апреля 1995 г.: 40% всех богатств в США принадлежат 1% населения. А насчет акций, так и у нас в России миллионы их имеют — акции и АО МММ, и «Гермеса». Только при чем здесь собственность и доход? Доля в доходе как богатой, так и бедной части населения США сохраняется с точностью до десятой доли процента с 1950 г. (сводка U.S. Bureau of Census приведена в журнале «США: экономика, политика, идеология», № 10, 1994). Нисколько приобретение акций «миллионном человек» этого распределения не изменило.

Можно только удивляться, как легко поверила интеллигенция в басню об «акциях». Читать разучилась? Вот энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Аме-

рики» (1988), тираж 250 тыс. экз., хватило бы всем заглянуть и получить справку. Там ясно сказано, что акции существенной роли в доходах наемных работников не играют. Читаем: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от капитала составила около 15%» (с. 223). А много ли рабочие и служащие получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов от капитала в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2—4%» (с. 222). Два процента — весь доход на капитал, а в нем 15% — доход от акций, то есть для среднего человека акции дают 0,003 его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазнили людей на приватизацию, на то, чтобы угробить всю промышленность страны! Ход рассуждений с акциями буквально укладывается в определение гипостазирования, данное в словаре.

Идеализм антисоветского мышления приводит и к явлению, как бы симметричному гипостазированию, к «гипостазированию наоборот» — когда именно самый существенный, абсолютный и объективно неустранимый фактор не замечается или сводится к несущественной стороне действительности, от которой при построении любимой концепции можно отвлечься.

Очень наглядно это выразилось в истории с книгой А. П. Паршева «Почему Россия не Америка?». Книга эта стала широко известна, но главные ее мысли отвергаются, часто даже с неподдельной страстью, антисоветскими интеллектуалами. Причина в том, что Паршев развенчивает одну из ключевых идей антисоветизма, согласно которой стоит только сбросить «железный занавес» и открыться мировому рынку, как в Россию хлынут иностранные инвестиции, и мы заживем как на Западе.

На деле Паршев только изложил на доступном языке и очень наглядно тот факт, который интенсивно изучается множеством экономистов с 90-х годов XIX века. Стоит только ввести в экономическую модель российского хозяйства географический фактор (климат и расстояния), как становится очевидной необходимость довольно высокой степени «закрытости» России от мирового рынка. Иначе не только иностранные инвестиции в Россию не «потекут», а и собственные ресурсы станут «утекать».

То, что любой народ во всех своих общественных институтах, включая экономику, должен приспосабливаться к тем природным условиям, в которых ему судьбой предназначено жить, кажется очевидным — но он категорически отвергается антисоветской интеллигенцией, впавшей в гипостазирование. Она не слушает даже своего любимого русофоба маркиза де Кюстина. А он писал: «С первых шагов в стране русских замечается, что такое общество, какое они устроили для себя, может служить только их потребностям; нужно быть русским, чтобы жить в России, а между тем с виду все здесь делается так же, как и в

других странах. Разница только в основе явлений» («Записки о России». М.: Интерпринт, 1990).

Превращенный в простейшую задачу тезис Паршева подтверждается эмпирически: иностранные инвестиции в Россию не идут, а свои капиталы утекают. И политика или идеология тут ни при чем, это видно на примере и Китая с Вьетнамом, и Кубы. В том, что тезис Паршева имеет смысл, говорит тот факт, что обсуждение его книги было проведено в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН. Это — самый элитарный экономический институт, кузница кадров для правительств времен Ельцина, хотя руководство института, в отличие от «завлабов», всегда было разумным. Меня тоже пригласили на то обсуждение, и я там просидел около 4 часов. Впечатление было тяжелое.

Первый докладчик («консерватор») говорил по делу и возразил Паршеву лишь в одном пункте. Он сказал, что при благоприятных обстоятельствах технологический фактор в принципе может уравновесить географический, к чему мы уже подходили в позднем СССР. Сейчас реально эта возможность быстро утрачивается. Все остальные выступавшие были «сердцем» не согласны с Паршевым, но ни один этого прямо не высказал и ни один не затрагивал самой «теоремы Паршева». Все толкли воду в ступе, обходя проблему и отвергая тезис Паршева «спинным мозгом». Вывод был очевиден: рациональных аргументов против тезиса Паршева у верхушки главной интеллектуальной бригады антисоветских реформаторов нет.

Конечно, средний антисоветский интеллигент более разумен, чем эти корифеи, и было бы очень интересно услышать его доводы против утверждения Паршева. Пусть бы сказал, из каких соображений инвестор-космополит, решивший строить «завод Х», будет делать это в Вологде, а не на Тайване. Что компенсирует высокие по сравнению с Тайванем издержки производства в Вологде, определяемые стоимостью отопления, телегрейки, валенок и водки для рабочих, а также перевозки продукции до ближайшего порта на Балтике? Как это ни странно, наш воображаемый разумный антисоветчик этих факторов в упор не видит.

С 1992 г. наши реформаторы прямо на коленях ползают перед западными «инвесторами», за рукав хватают, в грехах коммунизма каются — но не идут деньги, кот наплакал. Куба ни в чем не кается, сохраняет страшный «тоталитарный» режим, сбивает залетающие к ней из Майами самолеты и плюет при этом на вопли Мадлен Олбрайт. Но как только она была вынуждена с 1995 г. разрешить иностранные инвестиции, туда стали вкладывать деньги — несмотря на угрозы и санкции США. К 1998 г. иностранные инвестиции на душу населения состави-

ли в РФ 50 долл., а на Кубе — 200 (С. Кононченко и В. Бородаев. Куба сегодня. — «Мировая экономика и международные отношения», 2000, № 2). При этом на Кубе все иностранные инвестиции пошли только в реальный сектор экономики, а у нас львиная доля — в спекуляции ценными бумагами. Почему же это? Нравится канадским буржуям Фидель Кастро? Нет, им нравится, что издержки производства на Кубе ниже, чем в Сыктывкаре. Отопления не надо.

Добавлю интересный факт. Мне прислал целый труд (53 стр. машинописного текста) один из крупных деятелей строительства, ныне пенсионер. Он, например, руководил строительством Ульяновского авиационного промышленного комплекса. О масштабах комплекса говорит тот факт, что для него строили новый левобережный район Ульяновска на 400 тыс. человек. Суть труда в том, что автор как бы «переписал» книгу Паршева применительно к строительству. Он приводит дотошные сведения о стоимости всех элементов промышленного строительства в России, Западной Европе и Юго-Восточной Азии. У нас в целом любой объект выходит в 2—2,5 раза дороже, чем в Европе, и в 5—6 раз дороже, чем в ЮВА. И для любого инвестора это очевидно из самого краткого бизнес-плана.

С 1992 г. этот человек вел переговоры с десятками фирм Запада по использованию сети заводов, построенных в 80-е годы в селах Западной Белоруссии для выполнения заказов авиационной промышленности (там на селе тогда возник избыток женской рабочей силы). Заводы новенькие, оборудование прекрасное, люди обучены — но все рухнуло в 1992 г. Так используйте этот готовый производственный потенциал на самых выгодных условиях!

Наши снизили зарплату до 40 долл. в месяц, чтобы привлечь фирмы. Это — зарплата рабочих в Юго-Восточной Азии. Но инвесторы, посчитав реальную стоимость нашей рабочей силы (включая отопление и т.д.), быстро вычисляли, что так или иначе придется выплачивать по 200 долл. в месяц — даже для мягкого климата Западной Белоруссии. Ни одного контракта они так и не заключили. В дело вошла только чешская фирма «Отован», у которой был подряд на пошив рабочей одежды для Запада. Но, начав с использования завода с 1000 работников, она после первого же цикла производства сократила проект до одного цеха с 70 рабочими. Завод был закрыт. Никто из этих инвесторов и наших директоров не читал книги Паршева, во всем этом нет никакой идеологии и никакой теории — человек рассказывает голые факты. Но наши рыночные энтузиасты все еще надеются на поток западных инвестиций — и многие люди им верят.

Паршев рассмотрел первостепенный по важности неизменяемый фактор, который исключается из рассмотрения во всей

антисоветской доктрине. Но в такой же степени и почти чудесным образом антисоветское мышление ухитряется не видеть и не брать в расчет главных, массивных динамических факторов и тенденций. Но зато в ранг главных, решающих изменений возводят ничтожные по значению колебания, флуктуации.

После 1991 г. правители периодически разжигают огонь оптимизма. Дескать, процветание уже за углом. То Ельцин говорил, что надо потерпеть два месяца, то Черномырдин говорил о стабилизации, теперь Путин — об экономическом росте, который надо всего-навсего «закрепить». На деле уже 4 года мы видим колебательный процесс перестройки системы на ином уровне и в иной структуре, нежели старая, советская система. Это наблюдается во многих отраслях — их динамика производства похожа на синусоиду (см., например, рис. 14).

Это значит, что уровень, на котором стабилизируется новая система, столь низок, что выжить с таким хозяйством сможет только небольшая часть народа в анклавах современного производства. Но ведь укрепление этих анклавов вовсе не является общей тенденцией для всего «тела России».

А главного ухитряются не замечать (хотя никто его и не отрицает!). Пока что темпы выбытия производственных мощностей намного (несопоставимо) превышают темпы ввода. В 70-е

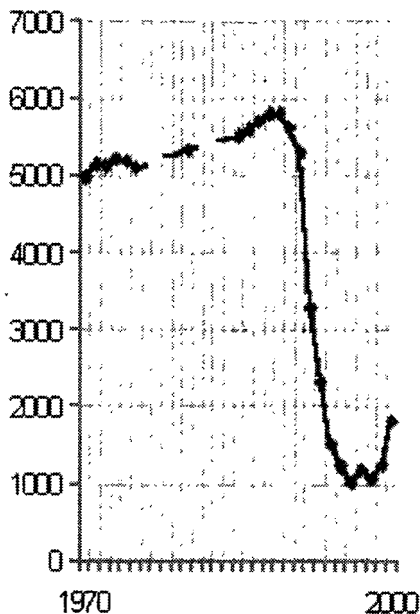

Рис. 14. Производство хлопчатобумажных тканей в России (млн. кв. м)

годы обновление основных производственных фондов в промышленности России составляло 9—12% в год. В 1985 г. должен был быть начат новый цикл модернизации. Вместо этого режим Горбачева произвел сброс капиталовложений, так что обновление фондов упало в 1992 г. до 2%, а после 1996 г. держится на 1,2% (см. рис. 15). Резко снизились инвестиции в целом (рис. 16). На фоне такого длительного и всеобщего провала отдельные точечные капиталовложения можно считать именно флуктуациями. Пока рост инвестиций не пересечется с кривой выбытия мощностей, тенденцией его называть вообще нельзя.

Кстати, откуда вообще могут возникнуть массивированные инвестиции, если доходы населения в целом составляли в 2000 г. половину доходов 1996—1998 гг., вклады менее трети, а банковские активы — чуть более половины? Ведь чудес не бывает. Когда в конце 20-х годов дискутировался вопрос о капиталовложениях для индустриализации СССР, все источники их оценивались очень трезво. Все знали тогда, что главный источник — изъятие средств из деревни. Сегодня говорят о каких-то фантастических перспективах роста, но никто не может указать

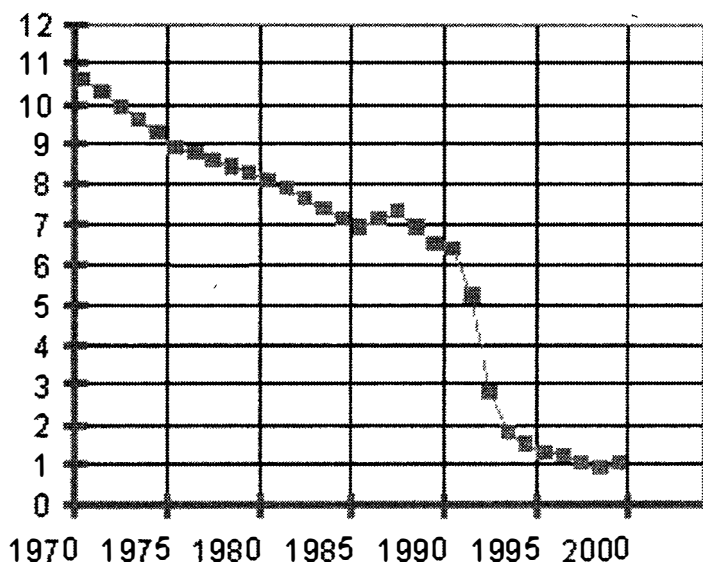

Рис. 15. Ввод в действие основных фондов промышленности в России (в % к основным фондам). Данные ЦСУ СССР 1970—1990 гг., Госкомстат РФ — 1991—1999 гг.

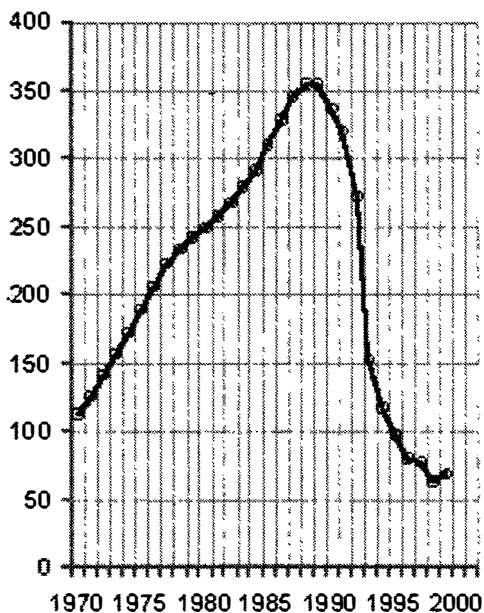

Рис. 16. Инвестиции в основной капитал отраслей, производящих товары, в сопоставимых ценах (1969 = 100)

на источник средств. Просто не включают этот вопрос в рассмотрение.

Возьмем данные «Центра развития» (рук. С. Алексашенко, бывший заместитель председателя Центробанка РФ). Он публикует аналитические «ОБОЗРЕНИЯ». Читаем в номере от 16 октября 2000 г.:

«Благоприятная внешняя конъюнктура, казалось бы, дает России уникальный шанс — резко увеличить национальные сбережения и профинансировать технологическое обновление производства. Но этот шанс остается исключительно гипотетическим — российский капитал предпочитает искать себе применение за границами страны, интенсивность потоков капитала из России не только не снижается, но и, напротив, возрастает.

По нашей оценке, за первое полугодие валовый отток капитала из России составил 10,9 млрд. долл., что почти на 70% больше, чем годом ранее, и эквивалентно 10,4% ВВП России... Во втором полугодии будет происходить увеличение валового оттока капитала из страны, который по итогам года может составить около 25 млрд. долл...

...По оценкам В. Каданникова, для завершения обновления модельного ряда и отказа от выпуска «классики» заводу нужно порядка 800 млн. долл. в ближайшие 2—2,5 года. Несомненно,

что эта сумма безмерно велика для компании (прибыль ВАЗа за 1999 г. — 68 млн. долл. — С. К.-М.). Однако отказ от обновления модельного ряда может обернуться для «АвтоВАЗа» настоящей катастрофой».

Вот выпуск от 13 ноября 2000 г.: «В этом году потребность в инвестициях в газовую промышленность (по экспертной оценке, около 3,5—4 млрд. долл.) может опередить их фактический объем более чем в 2,5—3 раза... Недавнее приобретение Лукойлом 1300 АЗС в США, его же более ранние покупки НПЗ в Румынии, Болгарии и на Украине, а также относительно успешная попытка Газпрома закрепиться на венгерском рынке говорят о том, что среди российских сырьевых экспортеров преобладает стратегия вложения во внешние активы».

Это — самые массивные, тяжелые процессы в российской экономике, они набирают темп, и инерция их очень велика. Никакого противодействия им нет — и в то же время людей уверяют, что впереди нас ждет благоденствие. И дело не в живых экспертах и политиках, дело в том, что люди, воспринявшие интеллектуальный аппарат антисоветизма, уже неспособны верно оценить, взвесить силу разных процессов и явлений.

Они не могут преодолеть ту склонность к гипостазированию, которую внедряли в интеллигентское мышление начиная с 60-х годов. А за антисоветской частью интеллигенции этим заразились доверявшие ей менее образованные горожане.

Отказ от выдвижения альтернатив. Одна особенность антисоветского мышления с таким постоянством проявляется в трактовке важных сторон советской жизни, что можно говорить о ней как целом методологическом принципе. Она заключается в том, что позиция, состоящая в пристрастном внимании к негативным последствиям того или иного выбора или решения советского руководства, не сопровождается выдвижением *альтернативного* проекта («надо было сделать не так, как сделали, а вот так»).

Более того, очень часто не делается даже негативного утверждения типа «не надо было принимать этого решения». Таким образом, устраняется всякая возможность рационального диалога, и практически любой шаг советского государства предстает как нечто абсолютно негативное (глупое, антигуманное, некомпетентное и т.д.). Формулируя подобное антисоветское утверждение, человек идет на сознательное интеллектуальное дезертирство — он не берет на себя ответственность ни за какое решение насущной проблемы. А значит, условно говоря, он просто ведет войну против советского государства, и в этой позиции нет ни критики, ни стремления найти истину. Как говорила Новодворская, «сожжем эту проклятую Спарту, даже если сгорим сами».

При этом сдвинуть с такой позиции и вовлечь человека в сравнение альтернативных решений бывает исключительно трудно. В начале 90-х годов в личных беседах я не раз пытался получить у И. Р. Шафаревича ответ, какие принципиальные решения на первых этапах жизни советского государства он посчитал бы более разумными, чем те, которые были реально приняты. Ни разу он не попытался очертить альтернативы, а на последнее из таких приглашений к диалогу ответил, что не обязан определять свою позицию. Она у него принципиально состоит только из отрицания советского выбора.

Между тем почти на всех главных перекрестках нашей истории XX века проблема, которую приходилось решать, представляла собой *историческую ловушку*. И те, кто были обязаны принимать решение, это прекрасно видели. Таково было решение царя издать Манифест 17 октября, решение Столыпина начать рискованную реформу по модернизации всей общественной системы, решение Временного правительства продолжать войну — и так все главные решения, которые необратимо толкали общественный процесс в жестко определенный коридор. В советское время диапазон возможностей был, в большинстве случаев, еще уже, нежели до Октябрьской революции.

Суть «ловушки» в том, что любое решение запускает очень неблагоприятный процесс, результат которого предсказать в принципе невозможно. Люди принимают решение и вылезают из ловушки, как это было в СССР до Горбачева, но несут тяжелые потери — и тут появляется дезертир, который даже через семьдесят лет никакого разумного решения не предлагает и растравливает раны, говоря только о потерях и страданиях.

Официальная советская контрпропаганда в этих случаях была методологически несостоятельна. Она или преуменьшала потери и страдания и сразу же теряла доверие — люди-то о них помнили. Или пыталась дать «взвешенную», объективную трактовку, подвести баланс выгод и потерь. А на деле этот баланс ни о чем не говорит, он вообще к делу почти не имеет отношения. Ибо сравнивать надо не выгоды и потери данного, реально сделанного выбора, а цену для народа других, отвергнутых альтернатив. Например: не проводим коллективизацию и индустриализацию, а продолжаем нэп — каковы потери в войне?

Но для этого надо было объяснить людям суть той «ловушки», в которой находилась страна в момент выбора. Это было невозможно сделать без того, чтобы отказаться от харизматического образа верховной власти в СССР, мудрой и всевидящей, — без того, чтобы пойти на глубокую модернизацию самого типа государства. Эта ситуация сама по себе была исключительно сложной ловушкой, на чем и строили свою методологию антисоветские идеологи. Сегодня надо извлечь урок.

Те жгучие проблемы, о которых идет речь, представляют со-

бой «порочные круги», особую систему обратных связей. Такую, что любое изменение системы вызывает ухудшение положения. Ведь тех бед, которых мы избегаем, выскользнув из ловушки, мы видеть не можем в принципе. Наше образование, в общем, не приучило нас выявлять и тем более чувствовать эти связи, и, когда проблемы в обществе решались с большими издержками, люди видели в этом злой умысел, коррупцию или глупость. И возникали расколы, поскольку каждый считал, что решение проблемы очевидно. Хотя всегда имелось предостережение — разным людям решение было «очевидно» по-разному. Но к этому предостережению не прислушивались.

В действительности при решении проблемы типа «порочный круг» решение не только не очевидно, но и связано с временным возрастанием неопределенности при любом шаге. При общем дефиците ресурсов разрыв порочных кругов всегда сопряжен с потерями и жертвами. Близкий нам пример — коллективизация. Куда ни кинь — везде клин. Чтобы получить хлеб, нужны товары на рынок, чтобы были товары, надо получить хлеб и рабочую силу из села. Разрыв круга был проведен как коллективизация со всеми ее драмами. Если бы был резерв ресурсов, как у Запада, все можно было бы сделать мягче.

Запад чаще всего снижает эти издержки за счет ресурсов, изымаемых из «буферных емкостей» типа колоний, но и то не раз впадал в тяжелые кризисы. В позднем СССР, без колоний и уже без Сталина, многие порочные круги просто не трогали, что и кончилось 1991 годом.

Разберем пару-другую конкретных эпизодов.

Типичной исторической ловушкой была для СССР «пражская весна» 1968 г. Вот совпадение: 21 августа 1998 г. США нанесли ракетный удар сразу по территории двух стран — Афганистана и Судана. У них возникли подозрения, что там делают что-то противоречащее интересам США. По случайному совпадению, в этот же день «все прогрессивное человечество» отмечало 30 лет с того дня, как танки стран Варшавского договора вошли в Прагу. Там молодые реформаторы хотели устроить «социализм с человеческим лицом». Как позже устроили в СССР Горбачев с Ельциным.

Примечательно, что радио и телевидение потратили в этот раз массу эфирного времени, чтобы возбудить в нас ужас перед советскими танками, которые задавили «пражскую весну», но лишь вскользь затронули совсем недавние дела этих же танков тоже 21 августа, но 1991 г., в Москве. Как-то стали замалчивать Августовскую революцию. Все внимание — симпатичным чешским коммунистам, на которых топнули плохие советские коммунисты. Ясное дело — там не удалось, и про их благие намерения можно рассказывать любые сказки. А тут, у нас — результат налицо.

Поскольку август 1968 г. был важным пороговым моментом в становлении всего антисоветского проекта в СССР, вспомним суть того конфликта. Факты, в общем, взрослым людям известны: в 60-е годы в чехословацкой номенклатуре уже созрело поколение своих «демократов и реформаторов». Европа всегда впереди России. Пользуясь моментом смены руководства, они начали свою перестройку — точь-в-точь как потом повторили у нас, с теми же лозунгами и потоками сладких слюней. Только лидер у них был послабее — Дубчек, дитя из номенклатурной аристократии, воспитанный в Москве.

Я одно время дружил с его бывшим помощником, очень толковым философом. Его после тех событий затолкали в уголок в Академии наук ЧССР и запретили печатать свои труды (вернее, их разрешили печатать под фамилией директора их института). Я часто бывал у него в Праге, и он рассказывал, какой Дубчек был хороший и послушный мальчик. Понимал, что «реформаторы» заворачивают не туда, и все жаловался своему помощнику: «Боюсь, вызовут меня в Москву и скажут: «Саша! Как же так?» Что я тогда отвечу?»

Так оно и было, часто его вызывали, ночи напролет беседовали. Как рассказывал его помощник, хорошие были беседы. Брежнев очень заботливый был: «Саша, вот возьми грибочков. Саша, вот селедочка очень хорошая». Объясняли Дубчку, что вся эта ахинея о социализме и о человеческом лице — для восторженных дамочек. А суть в том, что вырывают Чехословакию из Варшавского договора и рушат весь центральный участок обороны, а это для СССР никак не возможно.

Дубчек скорее всего «не совладал» со своими демократами, и дело кончилось тем, что ночью 21 августа в Праге высадили десант, ввели танки пяти стран Варшавского договора и без единого выстрела восстановили «реальный социализм». Без дураков — так, что система обороны на этом участке проработала еще 20 лет. То, что проиграли войну на другом фронте, прямо в Москве, — особая история, но она с Прагой тесно связана.

Как мы помним, когда СССР, вопреки ожиданиям, не был раздавлен Гитлером, а вышел из войны окрепшим, Запад объявил ему «холодную войну». Известно, что это была вовсе не война против коммунизма, война идеологий. Это было продолжение старой войны против Российской империи (теперь в обличье СССР) — «война цивилизаций». Это была война на уничтожение.

Мы часто преувеличиваем силу противника. То нам кажется, что «все устроили масоны», то американцы во всем видят «руку Москвы». На самом деле ни один блок не имел возможности наносить другому удары, искусственно создавая для него опасные ситуации. Слишком это были большие системы. Но можно было использовать трудности, которые возникали в лагере противника, «подталкивать» развитие событий в том или ином на-

правлении в точках неустойчивого равновесия, «раскачивать» или «гасить» процессы. Так можно одним пальцем раскачать тяжелые качели — а можно остановить. Надо только вовремя тыкать пальчиком.

У нас, конечно, возможностей было меньше. Не было, например, материальных средств поддержать освободительное движение «третьего мира» — помогли лишь устоять Вьетнаму и Кубе, немного Анголе и Мозамбику. У нашего лагеря главные проблемы были в Европе, и здесь наши противники «раскачивали» всюду. Ясно, что чехи, венгры и поляки считали себя частью Запада и тяготели к нему — независимо от идеологических установок отдельных личностей. Вот в Польше и Венгрии к власти пришли социалисты, в недавнем прошлом, наверное, честные коммунисты — и тут же стали проситься в НАТО. Тяга к родной цивилизации сильнее партийности. Они, думаю, и сегодня хотели бы социализма, но по-европейски, а не по-русски.

Страны Восточной Европы были включены в «советский блок» в результате нашей победы в войне. Это было своего рода нашим трофеем, а кое для кого и наказанием за участие в войне против нас — хотя, став союзниками, мы этого никогда не поминали. Косвенно и чехи сыграли большую роль в той войне.

Вспомним: в 1938 г. немцы стали угрожать Чехословакии. СССР заявил о готовности оказать ей помощь, но правительство Чехословакии ее отвергло. Чехословакия, с которой в тот момент Германия не имела еще возможности вести войну, сдалась без боя, что стало причиной огромных по масштабам страданий. Оккупировав Чехословакию и разоружив ее армию, Гитлер сразу смог мобилизовать и вооружить 2 млн. человек. А дальше Чехословакия вообще стала «оружейным цехом» Германии.

Так что включение Чехословакии в «советский блок» было логичным пунктом уговоренного послевоенного порядка. В «советском блоке» Чехословакия стала крепкой стабильной страной, одной из наиболее развитых промышленных стран мира. Но насильно мил не будешь, и попытки вырваться до срока были — то в Венгрии, то в Польше. Пражские события 1968 г. стали поворотным пунктом в «холодной войне» — первой операцией той кампании нового типа, что включала в себя перестройку в СССР и закончилась 1989 г.

Можно различать положение противников, расстановку сил в материальной и в духовной сфере. Материальная сфера — политические и экономические режимы, определяющие потоки ресурсов. Духовная сфера с точки зрения войны определяет легитимность этих режимов, то есть согласие граждан на их сохранение.

Попытка перестройки в Чехословакии («пражская весна») создала для СССР опасную ситуацию и в материальной, и в духовной сфере. США способствовали этой попытке, «раскачивали» качели. Но они не сдерживали СССР, дав ему возможность

сделать сильный ход для восстановления его позиций в материальной сфере, перенеся всю опасность в сферу духовную. И здесь уже были использованы все наличные ресурсы психологической войны. Положение СССР в духовной сфере резко ухудшилось и уже не выправлялось. Что произошло?

На сторону противника СССР в «холодной войне» перешла левая элита Запада, включая руководство главных компартий («еврокоммунизм»). СССР утратил исключительно важный ресурс в психологической войне и средство сдерживания противника. Такие авторитетные ученые, друзья СССР, как Джон Бернал, Лайнус Полинг, Жолио-Кюри, а ранее Эйнштейн ушли в прошлое. Другие или молчали, или делали антисоветские заявления. Для СССР начался новый этап «холодной войны» — не только без союзников, но и с западными компартиями в роли скрытых, а то и явных противников.

Поскольку советская интеллигенция, включая интеллектуальную верхушку КПСС, была в общем западной, она, с некоторым отставанием, совершила тот же поворот — к еврокоммунизму, а затем либерализму. Это означало ориентацию на отказ в легитимности всему советскому строю. Начало этого поворота было оформлено именно как ответ на вторжение в Чехословакию.

Это вторжение сплотило «шестидесятников» как открыто антисоветскую силу. Недаром в перестройке так активны были обществоведы, исключенные из КПСС в августе 1968 г. за то, что писали в ЦК письма с протестами против вторжения. Кстати, вплоть до перестройки, когда они вообще превратились в героев, эти исключенные из КПСС интеллектуалы составляли вроде бы опальную, но привилегированную касту; уже заполнившая коридоры ЦК новая волна номенклатуры как бы говорила им: «Ребята, мы с вами, но этого пока нельзя показывать открыто, погодите чуток».

«Пражская весна» стала экспериментом над нашей либеральной интеллигенцией, как кислота, которой проверяют монету. Почему я считаю, что поворот к измене СССР в «холодной войне» был лишь «оформлен» как ответ на вторжение в Чехословакию? То есть вторжение было не реальной причиной этого поворота, а лишь удобным поводом, моральным прикрытием. В мемуарах западных лидеров еврокоммунизма это говорится открыто, к 1968 г. «развод» с советским строем уже назрел, а вторжение лишь сделало этот развод более скандальным — возникла прекрасная возможность устроить истерику. У наших перестройщиков это не так заметно, но вот что примечательно.

Они тогда выступили против советского тоталитаризма вроде бы с позиций социализма, с цитатами Ленина. Но это — обычное дело, и Горбачев с Яковлевым так делали, да и сами чешские реформаторы. Не могли же они выйти на Красную пло-

шадь с криками «Да здравствует американский империализм!». Но не в протесте против «подавления социализма с человеческим лицом» было дело. Об этом говорит тот факт, что сегодня, когда руководители «пражской весны» полностью выявили свою политическую суть, никто из наших протестовавших в тот момент интеллектуалов не признал, что тогда, в 1968 г., он ошибался, а Брежнев, Гречко и другие старики были в своих оценках правы. Интеллектуальная совесть требовала бы этого независимо от нынешней политической конъюнктуры (а может быть, даже особенно при нынешней конъюнктуре).

Дубчек вовсе не был идеалистом, «коммунистом-романтиком». После 1989 г. он с милой улыбкой сидел во главе парламента и штамповал все антисоциалистические законы — о приватизации, возврате собственности, запрете на профессии. Какой же это коммунистический идеализм? Это обычное, виденное нами в Москве поведение номенклатурного отпрыска, который легко переходит на службу к новым хозяевам. По указке этих хозяев, вместе с явными антикоммунистами эти «романтики» угробили лучшие предприятия чехословацкой промышленности, а потом и расчленили страну. То же самое они бы делали и после 1968 г., не будь советского кованого сапога.

Не из-за социализма хлопотала тогда наша элитная интеллигенция и пошла на первый открытый конфликт с властью. Ей было противно, что СССР борется за свои жизненные интересы как держава — теми же средствами, которые Запад применял и применяет без всякого зазрения совести. У него вообще никаких моральных проблем в связи с такими действиями не возникает. Кончался срок аренды Панамского канала — и в 1989 г. под совершенно нелепым предлогом США устраивают военную интервенцию с предварительной воздушной бомбардировкой. В крошечной Панаме тогда было убито 7 тыс. человек, не причастных ни к какому Норьеге, ни к какой идеологии. Но ведь ни крупницы восхищения перед США у наших интеллектуалов это не убавило. Возможно, даже больше их стали уважать.

США совершенно открыто объявляют большие части мира зоной своих национальных интересов и запросто вводят туда войска, предварительно уничтожив с воздуха массу людей. Скажем прямо, нашему интеллигенту-демократу это просто нравится.

Сегодня всякая стыдливость отброшена. По телевидению с хвалебными комментариями прошел расистский фильм Копполы «Апокалипсис» — о войне во Вьетнаме. Там brave летчики, перед тем как разгрузить над деревенькой напалм со своих вертолетов, включают на полную мощность динамики с музыкой Вагнера. Чтобы вьетнамские крестьяне знали: идет хозяин мира, белокурая bestия. Так что те, кто сегодня навзрыд льет крокодиловы слезы о «пражской весне», на деле просто заявляют:

Россия быть державой не имеет права и никаких геополитических интересов иметь не должна.

Кстати, эта антипатия к СССР сопровождается наивной, просто-таки идиотской любовью к США (даже если хорошим тоном считается иногда «побунтовать» и пожурить их за бездуховность). Подумайте, почему такую злобу вызывает у наших демократов маленький остров Куба? Что она им? Зачем непрерывно мусолят имя Фиделя Кастро, ведь имена президентов даже самых больших соседних стран никто и вспомнить не может? Говорят, это потому, что на Кубе не уважают права человека, когда-то четырех диссидентов даже посадили на пару месяцев. Чушь! Рядом, в совсем маленькой Гватемале за несколько лет убили более 100 тыс. человек — кто о них вспомнил. В Аргентине писателей и ученых сбрасывали в море с самолетов — полное равнодушие.

Злоба к Кубе имеет одну причину — она бросила вызов США, Хозяину! И не сдается. А наши интеллигенты-демократы, когда обижают Хозяина, очень страдают, у них сердце кровью обливается, они не знают, как ему помочь.

В 1968 г., пойдя ради спасения всего блока и Варшавского договора на вторжение в Чехословакию, советское руководство, конечно, предвидело, какой тяжелый урон нам это нанесет. Это было, прямо скажем, плохое решение. Но это не было ни глупостью, ни банальной ошибкой. Все попытки даже сегодня, после того, что мы повидали за последние 30 лет, заново «проиграть» ту ситуацию не позволяют нам определить, какое решение было бы лучшим. Лучшим в интересах СССР, а не его противников.

Август 1968 г. — бой в «холодной войне» уже в отступлении и при отсутствии резерва. Наверх уже шло поколение горбачевых и шеварднадзе.

Другая историческая ловушка, которая интенсивно использовалась и сейчас еще используется в антисоветской идеологии, — вторжение в Афганистан. Совсем недавно эту тему поднял в нашей дискуссии в Интернете один молодой антисоветски настроенный интеллигент, назову его Р.

Выбор этого эпизода, подбор примеров и фразеология показывают, что Р. рад тому, что СССР был загнан в ту ловушку. Хотя, как известно, СССР поддерживал прекрасные отношения с королем Афганистана, был заинтересован в стабильности южного соседа и ни в коей мере не провоцировал там социалистической революции. Но так уж пошло дело, что революция состоялась, а США играли активную роль в общей дестабилизации положения в этом регионе.

Масштаб угроз, связанных с Афганистаном, мы все тогда хоть и не знали, но интуитивно чувствовали (все хорошо помнили, чем стал Вьетнам для США). Сегодня и трагедия самих афган-

цев, и угрозы Средней Азии, а значит и России, хорошо известны. Уже речь идет не об интуиции, а о реальных фактах и утратах.

В подходе к вопросу Р. совершает то интеллектуальное дезертирство, о котором шла речь выше. Он не определяет четко, какова его позиция. Он даже не утверждает, что не надо было принимать решения о вторжении советских войск: «Я нигде не писал, что войска в Афганистан были введены по ошибке и что устранение Амина было глупостью». Он лишь «дает понять», что Устинов и Андропов изначально, по самой своей природе, могли сделать лишь плохой выбор.

Судя по последним публикациям, Амин был чем-то вроде «радикального большевика», сжигал аулы и вел дело к большой гражданской войне. Да, он был «наш» человек, да только иметь на границе большую войну СССР тогда было не по силам. И советское руководство решило задуть гражданскую войну в зародыше, введя войска — «расстрелять Тухачевского до тамбовского восстания». Не получилось — это уже не был СССР 1968 г. Но даже сегодня специалисты спорят и не могут решить, какой вариант был бы лучше (точнее, хуже).

В 1983 г. я был на очень поучительном собрании в Индии, один от СССР. В кулуарах собирались индийцы — и ученые, и чиновники. Вели, пользуясь моим присутствием, общий спор о наших войсках в Афганистане. Фактологию событий в Индии знали досконально, афганцев всех течений там было много. Так вот, у этих индийцев, причем из элиты высокого ранга, не было единого мнения о том, как бы надо было поступить СССР. Причем разговор шел совершенно рациональный, никто не гнал идеологическую туфту насчет интернационализма, коммунизма, тоталитаризма и т. д. Мнения разделились, и, что очень важно, обе спорящие стороны не были вполне уверены в своей позиции. Это значит, что дело было в высоком уровне неопределенности того процесса, который запустила интервенция СССР, и того процесса, который был бы запущен его невмешательством*. Такого разговора, свидетелем и участником которого я был в Индии, мне никогда не удавалось слышать в антисоветской среде в СССР.

* Кстати, хотя в трактовке событий 1968 г. среди западных левых господствовала антисоветская установка, она вовсе не была единодушной. В 1984 г. я был в Мексике, и там в среде левых все еще обсуждались альтернативные возможности разрешения того кризиса, причем очень сильны были позиции так называемых «танкистов» — тех, кто поддерживал ввод советских танков в Прагу. Они утверждали, что сдача Чехословакии почти сразу же повлекла бы за собой отказ от поддержки освободительных движений в «третьем мире», установление полного и агрессивного диктата США. Сейчас представляется, что их расчеты были прозорливы.

Отказ от рассмотрения реальных проблем как «порочных кругов» и уход от изложения и сравнения альтернативных решений сделали антисоветское мышление в общем иррациональным. Это лишило его возможной конструктивной силы, что в большой мере предопределило и нынешнее катастрофическое положение страны. Причем это свойство пронизывает антисоветское мышление во всем диапазоне проблем — от масштаба исторического выбора до частных технических задач.

Выше я говорил о письме пенсионера-строителя, в прошлом руководителя огромного строительства авиационного комплекса в Ульяновске. Он писал о роли транспортных расходов в советском хозяйстве и привел такой случай: для завода купили крупногабаритные автоклавы в ФРГ, и перевозка их из морского порта Ленинграда обошлась в сотни раз дороже покупки. Чисто управленческое решение. Я привел выдержки из этого письма при обсуждении в Интернете.

Из этого один собеседник вывел целую теорию о Хозяине и Наемном Работнике — теорию, можно сказать, архаическую, времен романтического капитализма. Дескать, при капитализме все решает Хозяин, а при советском строе все были наемными работниками. Он пишет о покупке автоклавов: «Если бы Хозяином был мистер Билл и «директор» принял бы самостоятельно такое решение, я думаю, Билл застрелил бы его на месте». Этот романтик капитализма настолько уверен в очевидности того, что решение ульяновских строителей было абсурдным, что даже не показывает логических шагов к своей уверенности. Ведь никакой информации, позволяющей оценить то решение, в письме строителя не содержалось.

Из антисоветской установки вытекает, что Наемный Работник заведомо поступает как идиот и принимает наихудшее решение из всех возможных. Коллега из Интернета даже не упоминает об альтернативах, которые он считает более разумными. Очевидно, альтернативные решения таковы: обойтись в Ульяновске без автоклавов; построить эти автоклавы самим прямо в Ульяновске; не строить авиационных заводов в глубине России. Надо же сказать, как должен был поступить «директор» («министр» и т.п. работник)? И какие есть основания для того, чтобы выдать решение, не требующее перевозки автоклавов из ФРГ.

К нашему горю, в ходе развития антисоветского проекта этот уход от беспристрастного рассмотрения альтернатив настолько вошел в массовое сознание, что оно до сих пор остается недееспособным в отношении нынешней «исторической ловушки».

Пессимизм. У многих людей, склонных ненавидеть советский строй, я замечал не экономические и не идеологические, а чисто психологические (а значит, гораздо более сильные) причины. Это люди, вообще мрачно смотрящие на мир, хотя не-

редко они представляют себя бонвиванами и весельчаками, нуждаются в такой маске. Один из собеседников в Интернете, который участвовал в обсуждении этой темы, Б., пишет о своей юности: «Мои родители неплохо получали, семья вообще была не очень бедная... Вообще, хоть я тогда особо не видел жизни, окружающая жизнь представлялась мне кадрами из мрачного фильма антиутопии: пьянство, тотальное воровство, злые люди в серой страшной одежде. Вспомните, в чем ходили наши женщины?»

Здесь — даже не мировоззрение, а *мироощущение*, и спорить с ним глупо. Надо бы только Б. признать перед самим собой, что все это — вещи иррациональные, объект психоанализа, а не социологии. Я могу изложить гораздо более типичное видение советской жизни, которое было у меня и подавляющего большинства моих сверстников. Отец не пришел с войны, зарплата матери стандартная, побочных доходов нет. Люди в массе своей добрые и прекрасные. Одежда наша (перешитая из военной формы) была теплая и красивая, у меня, например, даже из офицерского сукна. Женщины ходили в замечательных платьях и были очень милы. Элегантных прокладок с крылышками у них не было, тут нам крыть нечем, — но и это бы пришло, только без фанфарного шума по телевидению. Один высокопоставленный придурок из видных демократов заявил, например: «Женщина, которая не умеет водить машину, для меня уже не женщина». Ведь это — тоже мироощущение, и спорить с ним бесполезно. Он это видит так, а мы понятия «женщина» и «шофер» разделяли. Проблема в том, что, как показал опыт, существует техническая возможность резко изменить у множества людей восприятие их жизни — практически без изменения ее материальных основ. То, чему они раньше радовались, начинает им казаться мерзким. Но это — из другой оперы.

Если же Б. хочет конструктивно разбираться в нашей смуте, то следовало бы ему отметить очень важную черту советской жизни — сочетание неприязнительности («серая одежда») с большим компонентом роскоши, даже аристократизма. Когда в 9-м классе ввели мальчикам форму, я купил себе х/б, а не шерстяную — жалко было денег. Зато тогда же купил себе мотоцикл (сам деньги заработал, без всякого конфликта с советской системой). И объездил на мотоцикле северо-запад СССР. До этого захотелось мне ездить на автомобиле — пошел в клуб юных автомобилистов, ездили до Крыма. Нравилась лошади — пошел в кружок и ездил верхом. Сейчас говорят, что не надо всего этого бесплатно — получи прибыль и покупай. Это иллюзия. Те, кто так говорит, видно, не знают Запада. Многое можно купить, но аристократической роскоши нельзя, для нее нужна определенная окружающая среда. Она в СССР была — для всех,

кто хотел и готов был сделать усилие. Нынешняя система ее уничтожила. Общество (речь идет, само собой, уже только о его состоятельной части) погружается в мешанство и пошлую культурную среду. Реликты советского строя угаснут независимо от финансов, ибо всем будет «некогда», как у среднего класса на Западе.

Вообще в сознательном антисоветизме (а это нечто совсем иное, нежели наш обывательский, «бытовой» антисоветизм людей, доверчиво слушающих Хазанова и рассказывающих байки про отравленную крысу) есть, по-моему, недоброжелательная ревность к тем, кому хорошо и весело было жить. И потому вот уже десять лет, как победила их антисоветская революция, а ни песен хороших у них не появилось, ни поэтов. Только и мелькают безумный Евтушенко и Андрей Вознесенский, похожий на гнилой гриб.

Проявлением пессимизма антисоветского мироощущения был *страх* — по своему типу чуждый русской культуре, а напоминающий западный *экзистенциальный* страх, страх перед неопределимой опасностью.

Речь идет не о том нормальном и разумном страхе перед реальными опасностями, который необходим и организациям, и социальным группам, чтобы жить в меняющемся, полном неопределенностей мире. Нет, как раз эта осмотрительность и способность предвидеть хотя бы личный ущерб была у интеллигенции отключена в ходе перестройки. Ведь уже в 1988—1989 гг. было ясно, что тот антисоветский курс, который интеллигенция с восторгом поддержала, прежде всего уничтожит сам смысл ее собственного существования. Об этом предупреждали довольно внятно — никому из сильных мира сего в разрушенной России не будет нужна ни наука, ни культура. Нет, этого разумного страха не было, и сегодня деятели культуры и гордая Академия наук мычат, как некормленная скотина: «Дай поесть!»

Речь идет о страхе внушенном, бредовом, основания которого сам трясущийся интеллигент не может объяснить. В него запустили идею-вирус, идею-матрицу, а он уже сам вырастил какого-то монстра, который лишил его способности соображать. Вот большинство интеллигенции в 1996 г. проголосовало за Ельцина (особенно красноречива позиция научных городков). Социологи, изучавшие мотивы этого выбора, пришли к выводу: в нем доминировал страх — перед Зюгановым! Никаких позитивных причин поддержать Ельцина у интеллигенции уже не было. Полностью растоптан и отброшен миф демократии. Нет никаких надежд просочиться в «наш общий европейский дом». Всем уже ясно, что режим Ельцина осуществляет демонтаж промышленности и вообще всех структур современной цивили-

зации, так что шансов занять высокий социальный статус (шкурные мотивы) интеллигенция при нем не имеет.

Если рассуждать на холодную голову, то овладевшая умами образованных людей вера («Придет Зюганов и начнет всех вешать») не может быть подтверждена абсолютно никакими разумными доводами, и этих доводов в разговорах получить бывает невозможно. Более того, когда удастся как-то собеседника успокоить и настроить на рассудительность, на уважение к законам логики, он соглашается, что никакой видимой связи между сталинскими репрессиями и Зюгановым не только нет, а более того, именно среди коммунистов сильнее всего иммунитет к репрессиям. Тем не менее предвыборная стратегия Ельцина, основанная на страхе, оказалась успешной.

Если бы этот страх лишь грыз и мучил душу интеллигента, его можно было бы только пожалеть. Но психоз стал политической силой, потому что ради избавления от своего комплекса интеллигенция посчитала себя вправе не жалеть никого. Поддержать такие изменения в стране, которые причиняют несовместимые с жизнью страдания огромному числу сограждан. Видя воочию эти страдания, антисоветская интеллигенция, тем не менее, поддерживает причиняющий эти страдания режим, оправдывая это единственно своим избавлением от самой же созданного страшного привидения.

Одним из важных мотивов в антисоветских стенаниях элитарной интеллигенции был, как ни странно, чисто *шкурный* — «при советской власти нам недоплачивали!» Странно было именно то, что эти жалобы очень сочувственно воспринимались массовым сознанием — такова была любовь к народным артистам и поэтам.

В среде научной интеллигенции эта тема тоже муссировалась, но с гораздо меньшим успехом. В лаборатории иногда кто-нибудь заводил такие речи: «Помнишь, стажер у нас был из Штатов, тупой такой? Вот, получает 30 тыс. долларов в год. А ты бы сколько там получал?» Это были странные речи. Казалось бы, какая связь? То Штаты, а то тут. Разные страны, разные деньги, разный хлеб, все разное. Нелепо вырывать какой-то один элемент и его сравнивать. Ответишь в таком духе, собеседник сразу меняет тему разговора, не спорит. Но, видимо, кружки единомышленников на этот счет складывались уже с 60-х годов, и между собой часть ученых эту тему мусолила. Удивительно несистемное мышление. Скажи прямо: нравится мне в США, а тут не нравится!

Но все же, по моим оценкам, среди ученых большого пространства шкурный мотив не имел. В среде художественной интеллигенции — другое дело. И когда во время перестройки наши таланты заговорили об этом сокровенном, ушам

своим трудно было поверить. Какими обделенными они предстали! И самое поразительное, что они скрупулезно высчитывали, сколько им советская власть недоплатила, — но чудесным образом забывали о том, что она им дала и каков был уровень потребления у них по сравнению с работниками других профессий.

Помню, выступала по телевидению Мария Миронова. Мне она всегда казалась посредственной артисткой, которая где-нибудь в Голливуде вообще бы перебивалась с хлеба на квас. Но почему-то перестроечная закулиса сделала из нее и Андрея Миронова каких-то символических гениев, и экран для ее рассуждений предоставлялся очень часто. Она и подняла эту большую тему — как советская власть держала великих артистов в черном теле и безжалостно вырывала у них кусок хлеба, заработанный большим нервным напряжением и вдохновением.

М. Миронова говорила о себе, но выходило, будто она выражает мнение всего своего цеха (в чем я искренне сомневаюсь). Но весь ее рассказ был удивительно противоречив (вот уж некогерентность в чистом виде). Перед тем как начать свою песню о «черном теле» и низких доходах, она со вкусом и даже со страстью рассказывала о том, что собрала одну из лучших в мире коллекций фарфора — такое у нее было увлечение. Казалось бы, она должна была бы смекнуть, что бесплатно антикварные фарфоровые вазы нигде в мире не даются, даже таким актрисам, как она. Значит, были у нее при советской власти денежки.

В 80-е годы моя семья снимала дачу в очень хорошем месте недалеко от Москвы, и мы ходили на речку мимо дачи М. Мироновой. Полгектара прекрасной земли, дом с газом, телефоном, канализацией и т.д., к дому асфальтированное шоссе. Да и в Москве квартира, судя по телепередаче, незаурядная. Об этих мелочах, полученных от государства, артистка вообще забыла упомянуть. Они ею были получены как бы из воздуха, как часть природы, по какому-то высшему праву. Спасибо, мол, за то, что вы есть. А на самом деле это была именно плата, и очень немаленькая.

Но с Мироновой много требовать и не приходится. А вот в июле 1999 г. в передаче «Тихий дом» (с С. Шолоховым) открывает моя любимая певица, замечательный наш голос — Елена Образцова (лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда). Она ударились в философию и стала рассуждать о роли счастья и страдания в творчестве: «Один момент в жизни сделал меня счастливой — это ненависть». Ведущий состроил удивленное лицо: мол, как так? И певица поведала ужасную историю. Она договорилась с Аббадо участвовать в записи «Реквиема» Моцарта. Приехала в Милан и узнает, что эту партию дали другой певице. Почему?

Аббадо ей объясняет, что якобы какой-то чиновник из Министерства культуры СССР забыл прислать какую-то телеграмму, необходимую для заключения контракта. Образцова, по ее словам, «была потрясена, возмущена, почувствовала себя абсолютной рабыней» и захотела остаться за границей — она «возненавидела СССР».

А как же счастье? Оно пришло попозже, вечером, когда она в концерте пела с Аббадо в сцене судилища, где посылая проклятья жрецам — «я проклинала советскую власть». Проклинала не забывчивого чиновника, не своего друга Аббадо, который поленился позвонить ей, чтобы ликвидировать недоразумение (если только дело и вправду было в телеграмме, а не в обычных артистических интригах). Нет, она проклинала ни много ни мало советскую власть и ненавидела страну. А ведь она прошла типично советский путь в искусство — в провинциальном городе училась петь классические арии во Дворце пионеров.

Можно бы понять — натура художественная, впечатлительная, был у нее в Милане момент аффекта. Но говорить это через много лет как о важном и дорогом для нее моменте жизни («счастье») по центральному телевидению всему народу — это какая-то невероятная бесчувственность. Неспособность положить на одни весы свою обиду и свое проклятье. Так же, как говорить о той обиде, какую нанес ей Советский Союз, — у нее из квартиры забрали предоставленный ей на время хороший рояль. Поминать это человеку, который на свои доходы мог бы десятки таких роялей купить?

В целом жалобы на то, что советский строй их разорил, стали обычными в среде антисоветской элиты. Кстати, на этом свихнулась, в общем, вовсе не та небольшая часть советского общества, чьи деды или отцы действительно что-то потеряли вследствие установления советского строя. У тех как раз мысли о возможном богатстве имели элегический характер (как у моего товарища по парте, дедушка которого имел свечной заводик). Они не становились частью политического проекта. Расщепление сознания произошло скорее у тех, кто мечтал о богатстве как избавлении от комплекса неполноценности и кого советский строй как раз поднял из низов — но поднял не настолько, чтобы утолить этот комплекс. Да ведь есть люди, у которых этот комплекс неутолим.

Эту странность замечали даже иностранные «натуралисты», нахлынувшие в Москву с приходом Горбачева. Американская журналистка М. Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, отмечает в своих записках: «Интересно, впрочем, что места, где я встречалась со следами германской помощи «голодной перестройке», были квартиры вполне благополучных деятелей либерального истеблишмента, нуждающихся, на мой

взгляд, скорее в рекомендациях Поля Брэга (известный американский диетолог, борец с ожирением. — С. К.-М.)... Все они очень любят жаловаться на разорившее их прошлое, однако трудно понять, каким образом Троцкий или Ленин помешали Гавриилу Попову, черноморскому греку из небогатой семьи, при последних коммунистических правителях подняться к видным постам в научной элите» («Век XX и мир», 1991, № 6). Вообще, приход к власти людей мелочных и озлобленных — большая трагедия для страны.

Но все же тот факт, что очень многие из элитарной художественной интеллигенции, особенно из сферы кино, театра и музыки, активно выступили как проводники антисоветской идеологии, еще не нашел хорошего объяснения. Есть много частных причин, которые пока что не складываются в целостную систему. Шкурные мотивы — одна из таких причин. Есть и другие столь же невинные причины — лицедеи, говорят, и не должны иметь убеждений, иначе они не смогут перевоплощаться. А так как этот профессиональный цех изначально возник для услужения платежеспособной публике, то концентрация денег именно в руках антисоветской части общества заставляет артистов приспособиться к ее запросам.

Я думаю, этот фактор можно принять во внимание как общий фон, но он вряд ли может быть решающим для артистической верхушки — людей типа М. Ульянова и Э. Рязанова, М. Захарова или Н. Михалкова. Они уже вообще чувствуют себя на вершине, с которой сбросить невозможно, да и с деньгами у них, думаю, вопрос решен. Мне кажется, важная причина таится как раз в том, что вызывает удивление многих, — эти артисты порождены советским строем. Людей удивляет, как же они могут его так ненавидеть, если они — его порождение, если они получили свой статус и множество благ именно от этого строя.

Если присмотреться к творческой судьбе особенно страстных ненавистников советского строя, то можно заметить, что у всех у них, ставших известными и любимыми художниками в советское время, с падением СССР вдруг как будто кто-то вынул из души творческий аппаратик. То, что они теперь производят на свободе и при «своей» власти, оставляет гнетущее ощущение полного творческого бессилия. Это само по себе — необычное и важное явление в культуре.

Э. Рязанов, снимавший в советское время гармоничные и остроумные фильмы, с тонкими ассоциациями и многослойной мыслью, вдруг, перейдя открыто в антисоветский лагерь, стал раз за разом выдавать тупую, натужную и бестактную муру. Как может произойти такой моментальный распад? В Новый год (2001) по разным каналам телевидения одновременно передавали разные фильмы Рязанова — он же придворный режиссер.

Можно было сравнить «Иронию судьбы» и «Старые клячи». Какой контраст! О Н. Михалкове и А. Кончаловском и говорить нечего, такое мурло из них вылезло, какого никто не ожидал.

На мой взгляд, дело в следующем. В ходе культурного строительства в СССР была создана целая индустрия, производящая «продукты культуры», и такая же индустриальная система подбора и подготовки кадров. Обширная категория людей обладает хорошими способностями для художественного творчества по жесткому заказу, «*в рамках системы*». Эта система должна задать им главные, «высокие» идеи и общий пафос (идеологическую базу), а также установить эффективный контроль (цензуру). В этих условиях Э. Рязанов снимет фильм «Берегись автомобиля», а А. Кончаловский фильм «Первый учитель» — шедевры мирового кино.

Как только эта система рухнет и эти люди остаются без заданных идей и без цензуры, а вынуждены вынимать высокие идеи (сверхзадачу) из своей собственной души, сами устанавливать для себя этические и эстетические рамки и нормы, то оказывается, что на выполнение таких задач их душа не способна. И при всем их мастерстве на уровне малых задач они не могут создать этически приемлемое и художественно целостное произведение — не могут они быть художниками без художественного совета и без цензуры.

Почему же эти люди возненавидели советский строй, при котором они как раз и могли состояться как художники? Потому что их сожрал *комплекс неполноценности*. После первых своих успехов и премий они, по недостатку ума, приписали всю заслугу себе лично, может быть, даже в душе посмеялись над цензурой, которую они обвели вокруг пальца, — не заметили, что шли на помочах этой цензуры. Но с возрастом все умнеют, и они стали в душе понимать, что сами по большому счету бесплодны, а творчески продуктивны только в составе большой бригады.

Для доброго и веселого человека в таком открытии, которое почти каждый из нас в какой-то момент делает, нет никакой трагедии. А люди типа М. Ульянова или Э. Рязанова, наоборот, возненавидели ту почву, которая их питала. Эта ненависть лишь усугубилась оттого, что они остались в дураках (в творческом плане) — новый строй, одной ногой стоящий на воровстве, в принципе не может служить для художника источником большой идеи. Что-то позитивное, какой-то ницшеанский пафос «сверхчеловека» еще можно найти на Западе, у идеологов «золотого миллиарда», но туда наших экс-советских мэтров не берут уже по возрасту. Загнанные клячи!

Вот они в злобе и грызут уже мертвую руку, которая их кор-

мила, — грызут и мажут своей слюной образ советской страны, «где они жили, как пила на суку».

Кстати сказать, они и как глашатаи антисоветизма быстро теряют ценность. Один из собеседников в Интернете отметил эту парадоксальную вещь — антисоветский пафос Ахмадулиной и Плисецкой оказывает действие только на советских людей. Новое поколение, не прошедшее советскую школу и не воспринявшее советскую культуру, к ним будет глухо, потому что оно не будет читать стихов Ахмадулиной и любить «Умирающего лебедя» Плисецкой. Кто это такие, что за чувихи? Пила на суку!

Принижение проблем. Следующая, но тесно связанная с первыми методологическая особенность антисоветского проекта заключается в смешении ранга проблем, о которых идет речь. Здесь как раз наблюдается, скорее, понижение проблемы, представление ее как простого и очевидного улучшения некоторой стороны жизни. Как говорится, проблему *выбора пути* подменяли проблемой *технического решения*. Говорили не «куда двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью».

В идеологическом плане этот прием оказался исключительно эффективен — ведь советские люди так и не успели понять, что под разговоры об «улучшениях» и «перестройке» выполнялся проект изменения общественного строя и разрушения страны. Меняли отношения собственности, а значит, всю систему распределения общественного богатства, а говорили о том, что приватизация — всего лишь средство повысить эффективность производства. Вводят частную собственность на землю, меняя весь образ жизни и культуру народа, а говорят о благах получения кредита под залог. Как ни прискорбно, но тех, кто ход событий оценил верно, было очень и очень мало.

На личной судьбе «шестидесятников» этот изъян методологии никак не сказался — практически все они хорошо устроены при новом режиме, и лишь единицы признают, что они фатально и трагически ошиблись (их выставляют чудаками). Но эта нечувствительность к фундаментальным вопросам, нежелание различать категории выбора и решения унаследованы массовым сознанием, в том числе у нынешней молодежи. Это резко затрудняет возможность выработки разумного проекта выхода из кризиса.

Ведь каждый человек обязан разобраться в своих собственных идеалах и интересах, и фундаментальные проблемы бытия он обязан и может освоить, не имея специального знания. Из своих идеалов и интересов можно вывести весьма четкую позицию — ведь в большинстве случаев речь идет не о технических решениях, а о *выборе*. А тут как раз нужны не знания ученого, а интегральное мышление «кухарки». Главная диверсия «шести-

десятиками» была совершена не в сфере знания, а в методологии понимания людьми самых простых и фундаментальных для их жизни вещей. Поразительно, например, как легко сейчас уводят людей от причин вымерзания Приморья и от размышлений об абсолютно очевидной общей тенденции. Никто даже не замечает, что Приморье вымерзает при парализованном производстве, на которое в норме уходит две трети энергоресурсов. О каком же экономическом росте вообще может идти речь? Уж тут-то люди могли бы сделать ряд категорических утверждений просто на уровне здравого смысла — но этого нет. Ищут виноватого — Наздратенко, Чубайса, Черепкова...

За последние десять лет мы наблюдали большую культурную аномалию: готовится фундаментальное изменение всего социального порядка, которое обязательно затронет благополучие каждого человека, но люди не видят этого и не подсчитывают в уме баланс возможных личных выгод и потерь от этого изменения. Вот опрос ВЦИОМ, выясняющий отношение людей к ваучерной приватизации 1992—1993 гг. Да, отношение скептическое, подавляющее большинство в нее не верило с самого начала и тем более после проведения. Но при опросе 64% опрошенных ответили: «Эта мера *ничего не изменит* в положении людей». Это — поразительное, необъяснимое отсутствие дара предвидения. Как может приватизация всей государственной собственности и прежде всего практически всех рабочих мест ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации!

И это состояние устойчиво, его специально поддерживают с помощью СМИ. Сейчас через Думу провели, для привыкания, Земельный кодекс в его смягченном виде — изъяв из него вопрос о купле-продаже сельскохозяйственных угодий. Речь в нем идет о земле в городах. Но, казалось бы, это должно было заставить задуматься горожанина — как отзовется на нем лично превращение в товар городской земли? Одно дело — земля есть общенародная собственность, переданная в распоряжение государству, а ты лично — ее частичный собственник. Другое дело — она будет продаваться тем, у кого больше денег. Разница в твоём положении огромная. Нет, никто об этом не думает, даже не может сформулировать проблему. Никто не представляет себе, как это повлияет, например, на цену жилплощади, на облик города, на судьбу зеленых насаждений, которые окружают его дом. Люди даже не понимают, почему это на Западе дома строят впритык, без всякого зазора между ними — а у нас между корпусами иной раз целый лес вырастает.

Когда принимали Кодекс, я разговорился с соседом по автостоянке около дома — наши «ракушки» стоят рядом. Ему нра-

вится Хакамада, а за ней и Земельный кодекс. Ну что ж, говорю я ему, скоро продадут землю под твоей «ракушкой». Он поразился: как это возможно! Почему же невозможно, если в нашем районе, как говорят, земля будет стоить 4 тыс. долларов за кв. м? Вместо всех этих «ракушек» как раз под жилой дом землю продадут — разве не за этим Кодекс проталкивали? Он перепугался и стал рассуждать. Есть, мол, генеральный план, тут дома быть не должно, это место для стоянок.

Ну, говорю, у нас теперь не плановое хозяйство, нам советский план не указ. Но пусть хотя бы и для стоянок. Ведь земля теперь — товар. Почему же ты захапал себе 20 кв. м под «ракушку»? Теперь муниципалитет должен эти метры «выбросить на рынок» — кто больше предложит, тот их и получит. А ты, пенсионер, сколько можешь предложить? Сто рублей? Вон у нас в подъезде Федька все время чертыхается — свой джип оставляет на улице, и всю ночь его сигнализация орет. Он сразу 5 тысяч долларов выложит за эту землю — тогда иди к Хакамаде, жалуйся. Приуныл мой приятель: «Не осмелятся они так сразу». Да, сразу, может, и не осмелятся, годик подождут, но дело-то не в этом. Дело в том, что этот умный старый человек, радуясь новому Кодексу о земле, не мог связать простейшие вещи — свое прежнее право на эту землю и утрату этого права, когда земля станет товаром.

В нашей дискуссии в Интернете один собеседник выводит крах советского строя из низкой эффективности плановой экономики по сравнению с рыночной. Ясно, что «экономическая эффективность» — показатель формальный и относительный, появился он исторически очень недавно. Значит, нельзя его класть в основу оценки всего жизнеустройства, тут надо искать показатели более фундаментальные.

И сам же этот собеседник вдруг вскользь упомянул интегральный «натуральный» показатель — как хозяйство защищает людей от главных источников страданий (угроз). Упомянул, но встроить его в шкалу приоритетов не может — мешает инерция, заданная «шестидесятниками». Разве по этому показателю СССР был «неэффективен»? Достаточно посмотреть на «карту страхов» советского человека — именно главных социальных угроз никто уже в 80-е годы не боялся. Ни голода, ни бедности, ни безработицы, ни государственного или преступного насилия.

Профессор Мичиганского университета В. Э. Шляпентох (специалист по России и бывший советский социолог, работавший для «Правды») пишет даже не о главных страхах: «Страх за свою жизнь влияет на многие решения россиян — обстоятельство, практически неизвестное в 1960—1980 годах... Судьи боятся, и не без оснований, обвиняемых, налоговые инспекторы — своих подопечных, а милиционеры — преступников. Во-

дители смертельно боятся даже случайно ударить другой автомобиль, ибо «жертва» может потребовать компенсации, равной стоимости новой машины или квартиры»*.

Имея достаточную закрытость и безопасность, СССР в принципе мог варьировать и темпы обновления производственных фондов, и модернизацию финансовой сферы — все это без катастрофы. Экономический коллапс грозит обществу как раз тогда, когда во весь рост перед людьми встанут приоритетные угрозы массовых страданий.

Если поставить критерий безопасности на подобающее ему приоритетное место, то сразу видно, что источники главных массовых страданий советская плановая система выявляла очень хорошо и реагировала гораздо эффективнее, нежели рыночная. И это — факт эмпирический и проверенный неоднократно в разных условиях. А мы жили в СССР и до сих пор живем в России именно в такой обстановке, что главное для нас — не нюансы быта, а именно фундаментальные источники массовых страданий.

Человек, способный выстроить шкалу приоритетов, сразу бы сообразил: «Допустим, что во Франции, внутри «золотого миллиарда», рынок лучше устраняет бытовые неудобства милой француженки, чем устранял бы план. Ну и пусть его. Вы представьте Францию в наших условиях, тогда и сравнивайте. В два счета перейдет на плановую экономику, в этом нет ни малейшего сомнения». Но этой способности людей постепенно лишили.

Евроцентризм. За исключением небольшого числа «антисоветских почвенников», о которых речь пойдет отдельно, «шестидесятники» были сначала ярко выраженными западниками, а затем сдвинулись к евроцентризму — крайней, фундаменталистской идеологии. Отсюда пошла вся космополитическая фразеология вроде «возвращения в цивилизацию», «столбовой дорожке цивилизации» и т.д.

Это отражено в докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады — книге «Есть мнение» (1990). Ю. А. Левада — сознательный противник советского строя, в своей ненависти поставивший себя «по ту сторону добра и зла». Но он собрал огромный фактический материал, ценный независимо от трактовки социологов-«демо-

* Причину невозможности эффективной борьбы с преступностью и оздоровления обстановки В. Э. Шляпентох видит в том, что «...все российские олигархи-«феодалы» и их многочисленная челядь, как на государственной службе, так и в бизнесе, практически без исключения боятся законного расследования их деятельности намного больше, чем наемных убийц... Обнародованные факты делают Мжаванадзе или Чурбанова, олицетворявших коррупцию брежневского времени, почти невинными младенцами в сравнении с нынешними деятелями».

кратов». (Замечу, что в приложении к соратникам Ю. Левады даже условное название «демократ» звучит насмешкой. Их слова источают такую антипатию к подавляющему большинству народа, особенно к старшим поколениям, что можно говорить о небывалом в истории антидемократизме ученых-гуманитариев. Что еще поражает, так это принижающая человека, какая-то низменная трактовка данных. Из всех возможных объяснений эти социологи выбирают самое «подлое».)

Резко расщеплялась в советском обществе ориентация на зарубежный опыт, можно даже говорить о двух противоположных векторах. В «общем» опросе опыт Японии самым ценным назвали 51,5%, а в опросе через «Литературную газету» (то есть среди интеллигенции с довольно сильным антисоветским настроением) — только 4%! Среди этой интеллигенции подавляющей являлась именно *западническая* ориентация, чего никак нельзя сказать о «массе». Характерно упование на иностранный капитал: тех, кто предлагает привлечь его в СССР, в то время было в 5 раз больше среди интеллигентов, чем среди «массы».

Замечу, что мы здесь говорим именно о евроцентризме как философской установке, а вовсе не о примитивном корыстном конформизме тех, по словам Пушкина, «для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское — были бы только сыты». Таких у нас хватает, но не о них речь.

Бердяев в начале XX века писал, что российские западники как раз и были самыми настоящими «азиатами» — они не понимали Запада и пытались его бессмысленно копировать. С «шестидесятниками» положение было гораздо хуже. У них западническое эпигонство сочеталось с дремучим наивным культуртрегерством. Самомнением «инженеров человеческих душ», призванных переписать историю России. Вот примечательная беседа журналиста М. Ремизова с Ю. Афанасьевым (февраль 2001 г.):

М. Р.: Мне кажется, эти десять лет просвещенная общественность имела самую широкую возможность говорить с населением на том языке, на котором она считает нужным...

Ю. А.: Видите ли, говорили на том языке очень немногие. К чести, например, Новодворской надо сказать, она все-таки выдерживала эту линию до конца...

М. Р.: Ну, Новодворская проповедует, что «Россия неизлечима». В этом смысле очень занятно наблюдать этот пессимистический, мизантропический либерализм, который так разительно отличается от человеколюбивого и радужного либерализма истоков. Но я так понимаю, что вы как раз не склонны совсем отказываться от историческо-философской перспективы Просвещения...

Ю. А.: Если взять нашу историю, русскую историю, она скорей помеха в этом смысле, чем подспорье. Опять же, я имею в

виду историю мифологическую. Я, например, исхожу из того, что нам придется эту историю переписать. Ее надо переписать на основе теоретического осмысления».

Представьте, какова претензия: «*переписать историю на основе теоретического осмысления*». Факты, мол, побоку. Поразительное доктринерство. И ведь еще, как с тонкой иронией замечает собеседник, Ю. Афанасьев «не склонен совсем отказываться от Просвещения». Все-таки он не Новодворская, в журнале «Коммунист» работал.

Для популярных «публичных» антисоветских идеологов перестройки был характерен евроцентризм самый примитивный, с неолиберальным эпигонством. Кумирами у них были Ф. фон Хайек, Тэтчер и Рейган. Вот, например, рассуждения очень активной в свое время Л. Пияшевой: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего другого не приходит в голову, как перенести опыт немецкого «экономического чуда» на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести всероссийский процесс покаяния, осудив всех «зачинщиков» хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музеи всю социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелевшую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и «протестантскую этику». И эта безграмотная белиберда написана еще в советское время, в 1990 г. (журнал «Родина», № 5). *Возродить* в России протестантскую этику! Знает ли что-нибудь эта дамочка об истории России?

Замечательно, что антисоветские марксисты с удивительной легкостью перешли в лагерь крайне правых буржуазных идеологов, проскочив социал-демократию. А. Ципко пишет в том же 1990 г. («Московские новости», № 24): «Все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов. Консерватизм, т.е. ставка на семью, частную собственность, частное предпринимательство... в этих условиях позволяет ускорить восстановление жизнеспособности общества».

Тут профессор, по своему обыкновению, наворотил бессмыслицы. Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сна-

чала, а то и с нуля»? И почему неолиберализм, возникший в конце 60-х годов XX века, «проверен веками»? Уж если ты желаешь чего-нибудь старинного, то надо было бы брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веками. Или уж на худой конец рабство — тоже веков десять его проверяли. Читаешь и думаешь — да учился ли А. Ципко в средней школе? Ведь уже из ее программы известно, что капиталистическая частная собственность и частное предпринимательство — очень *недавние* и специфические явления.

Отмечу, что в кругах интеллигенции, проникнутой евроцентризмом, как раз в силу присущего евроцентризму механистического мироощущения бедствия реформы легко выворачивают западнический энтузиазм в его кажущийся антипод — ненависть к Западу. Это именно кажущийся антипод, поскольку при этом сама структура мышления не меняется. Оно так и остается проникнуто евроцентризмом. Уже опросы 1994 г. показали следующее:

«На протяжении последних лет почвеннические сантименты характеризовали прежде всего необразованную публику. Теперь наиболее яростными антизападниками выступили обладатели вузовских дипломов, в первую очередь немолодые. (Респонденты такой категории ныне обнаруживают врагов российского народа на Западе вдвое чаще, чем даже такая, преимущественно немолодая и традиционно консервативная, среда, как неквалифицированные рабочие). Именно эта категория людей (а не молодежь!) в свое время встретила с наибольшим энтузиазмом горбачевскую политику «нового мышления» и оказала ей наибольшую поддержку. Теперь они зачисляют Запад во враги вдвое чаще, чем нынешние образованные люди более молодого возраста» («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1994, № 4).

В наших антисоветчиках с особенной силой проявилось общее свойство евроцентризма — *безответственность*. Механистичное мышление, не видящее хрупкости и не признающее святости многих человеческих отношений и общественных институтов. Сколько страшных маховиков раскрутили «шестидесятники» за время выполнения своего проекта, скольких джиннов выпустили из бутылок!

Возьмем хотя бы антисоветскую реформу в хозяйстве — с того момента, когда ее именно антисоветский пафос был обнародован (*слом советской хозяйственной системы и создание необратимости*). Сразу можно сказать, что сама декларация о создании необратимости как цели показывает глубинную безответственность реформаторов как философский принцип.

Позицию их можно было бы с натяжкой считать этически допустимой, если бы они четко заявили, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное,

чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за блага для «новых русских» уже никак нельзя будет оправдать — это будет значить, что их выбор был вызван лишь его шкурными интересами или патологической тягой к предательству. Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, такой-то, уверен, будто курс реформ выведет нас на безопасный уровень до срыва. Нет, ссылаются на «флуктуации» — там одна фирма разбогатела, а там фермер. После краха рубля полумертвое хозяйство чуть-чуть зашевелилось.

Это совсем слабо. Реально признаков улучшения нет. Инвестиций нет и не предвидится, колебания уровня производства происходят в диапазоне быстро сужающихся возможностей, начинается массовое выбытие основных производственных фондов, а остатки системы НИОКР уже неспособны сопровождать простое воспроизводство. На что же надеяться?

Известный советолог С. Коэн писал в 1998 г.: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе — буквальной демодернизации живущей в XX веке страны» («Независимая газета», 1998, 27 авг.). Он не говорит очевидное: в XX веке промышленно развитая страна не может пережить «демодернизацию» — она гибнет.

Поразительно, но факт — администрация США (но не идеологи) более реалистично смотрела на нашу ситуацию (а значит, более гуманно относилась к советскому народу), чем отечественные демократы. 16 мая 1991 г. по запросу Конгресса США был представлен доклад ЦРУ и разведуправления Министерства обороны «За пределами перестройки: советская экономика в кризисе». В нем, в частности, говорилось: «Переход от централизованной плановой экономики к рыночной представляется чрезвычайно болезненным процессом для осуществляющих его стран... Приватизация не может быть осуществлена быстрыми темпами. В частности, большинство восточноевропейских стран достигли определенного прогресса при передаче в частные руки небольших предприятий, однако испытывают значительные сложности при осуществлении политически очень чувствительного процесса передачи частникам крупных предприятий, являющихся собственностью государства. Существенным и, возможно, самым главным условием успешного осуществления реформ по переходу к рыночной экономике является политическое единство страны, базирующееся на доверии к избран-

ному правительству, которое пользуется широкой поддержкой населения».

Еще более драматическими стали результаты безответственности при воздействии на духовную сферу. Культурное ядро, которое соединяет людей в общество и задает им жизненные ориентиры и нормы, подверглось тяжелым ударам, произведенным с удивительным садизмом. В 1991 г. в Институте социологии АН СССР выступил профессор Мичиганского университета В. Э. Шляпентох, который до своей эмиграции в 1976 г. работал в этом институте*. Его доклад был посвящен мифологии советского общества 70-х годов. Этой проблемой он и занимался в СССР как социолог.

Во-первых, он подчеркнул тот факт, что функция мифов общества заключается в упорядочении нормальной жизни в обществе и в семье, и огромное большинство в СССР 70-х годов поддерживало общепринятые мифы. Все опросы, которые проводились в 70-е годы, показывают, что большинство было удовлетворено ситуацией — и общественной, и своей собственной. Соцреализм — миф об обществе — нормальная вещь, необходимая для выживания: «Если с этих позиций взглянуть на общество, то оно было равновесным и стабильным. Социологи тех лет и вообще либеральная интеллигенция тех лет сильно ошибались в его оценке». В 1966 г. В. Э. Шляпентох проводил исследование читательской аудитории «Известий» и попросил журналистов редакции спрогнозировать кое-какие результаты. Оказалось, что они во много раз преувеличили критичность читателей к действительности. Позднее эксперимент был повторен с журналистами «Правды» и «Труда» с тем же результатом. Кстати, и социологам тоже казалось, что советские люди очень критичны по отношению к действительности, а если данные этого не подтверждали, то исследователи считали, что ошиблись.

В такие ценности, как централизованное планирование и общественная собственность, в их преимущество над рыночной экономикой искренне верило большинство людей. А уж что касается мифа о дружбе народов, то его поддерживали не только на вербальном уровне, сказал докладчик. Он лежал в основе поведения. Доказательство тому — смешанные браки. Можно ли представить сейчас армяно-азербайджанский брак? Когда докладчик задал этот вопрос нашим социологам, то услышал в ответ очень определенное «нет». Сейчас, сказали они, не только такой брак, даже такой адюльтер — абсолютно невозможная вещь. А в 70-е годы количество смешанных браков постоянно росло.

* Запись выступления в изложении Н. Карцевой опубликована в СОЦИС, 1991, № 1.

Первое, что проф. Шляпентох сразу замечает и чего не мог предполагать, судя по прессе и телевидению, это степень фрустрации советских людей, степень их разочарованности и подавленности. Современное советское общество — общество, абсолютно лишенное мифов... Для общества этот период всеобщей фрустрации очень тяжел. Показателями неблагополучия выступают два весьма выразительных индикатора: первый — широко распространенный в обществе настрой на эмиграцию; второй — уровень мистицизма. 60% советских людей верят в сверхъестественное — удивительная стадия сознания, связанная с тем, что разрушены все старые мифы.

«Гласность не имеет precedентов в мировой истории. Нет такого примера, когда бы общество коренным образом изменило представление о себе. Даже в революцию 17-го года к знанию об обществе, которое свергалось, ничего не было добавлено. А сейчас происходит невероятно быстрое переосмысление прошлого. Люди вдруг почувствовали, что живут плохо — только потому, что они об этом узнали...» Как сказал социолог-эмигрант, Запад «создал свой миф о Горбачеве. В американской печати нельзя опубликовать в его адрес никакой критики. Американцы не хотят знать о происходящей в стране драме, они просто верят в успех и хотят в него верить безгранично». Американцам простительно — с какой стати они должны горевать о «происходящей в стране драме»? Мы говорим об отечественных интеллектуалах с комплексом Яго.

К массовым страданиям и большой крови привела реализация антисоветского проекта в области национальных отношений. Это была большая программа — разжечь, действуя через дружественную «прогрессивную» национальную интеллигенцию, антисоюзные (и неизбежно антирусские) настроения. Например, большую работу, чтобы направить мысли и чувства чеченцев к мести, произвели демократы из Москвы — старовойтовы и бурбулисы, нуйкины и приставкины. Вместо «народа, отбывшего наказание», чеченцы вдруг были превращены в «репрессированный народ». Кто же их «репрессировал»? Россия! Так ведь ставили вопрос наши антисоветские идеологи. Модный одно время А. Нуйкин довольно хвастает в 1992 г.: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину».

Летом 1988 г. возникли националистические Народные фронты в Прибалтике, и очень быстро всем все стало ясно. Но в декабре 1989 г. А. Адамович заявляет на встрече в МГУ: «На окраинах Союза национальные и демократические идеи в основном смыкаются — особенно в Прибалтике... Происходит позитив-

ный процесс: нет антирусских, антисемитских настроений» («Мы — шестидесятники», с. 347). С трудом верится, но депутат, видимо, не знал о таком остроумном лозунге «народных фронтов»: «Утопим евреев в русской крови».

Видимо, самое кровавое последствие безответственности антисоветских идеологов — возвращение в Таджикистане вооруженной исламистской оппозиции, начавшей уничтожительную гражданскую войну. Возник дикий, не укладывающийся в голове альянс — «демоисламисты». Московские таджикские интеллигенты, воспитанные в кругах «шестидесятников», способствовали переходу той части таджикской элиты, которая представлена выходцами из знатного сословия ишанов (глав суфийских орденов-братств), порвать с советским режимом и перейти к активным действиям против него.

Ишаны боролись с царским правительством, потом возглавили басмаческое движение против советской власти. Ее укрепление привело к тому, что они согласились на компромисс и интегрировались в новую элиту. Однако антисоветская пропаганда, которая велась начиная с 60-х годов и подрывавшая легитимность государства, побудила ишанов разорвать этот пакт и возглавить создание радикальной Исламской партии возрождения Таджикистана (см.: *Д. В. Миккульский*. Исламская партии возрождения Таджикистана: история создания, структура, идеологические установки. — «Восток», 1994, № 6).

Социал-дарвинизм. И еще произошел в сознании нашей сдвигавшейся к антисоветизму интеллигенции один очень резкий и очень заметный перелом — она включила в свое мировоззрение социал-дарвинизм. Это изменение было скачкообразным, и оно, строго говоря, означало разрыв, который со временем лишь углублялся. Потому что в православной культуре социал-дарвинизм не принимался категорически, а сверху, в идеологии, на него был наложен запрет марксизмом.

Вообще биологизация человеческого общества нашей культуре всегда была чужда. Как писал видный американский антрополог Салинс, только Запад принял «миф Гоббса» о происхождении общества из дикой жестокой природы. Народы России, как и все незападные культуры, исходили из мифа, согласно которому они «произошли от богов» — в разных вариациях. Уже и поэтому в русском крестьянстве, как специально отмечал А. В. Чаянов, сравнивая его с французским крестьянством, не было мальтузианства. Было утверждено, что бедные имеют право на жизнь, и община выработала для обеспечения этого права специальные механизмы. Советский строй лишь закрепил это в идеологии и социальных институтах, но вовсе не изобрел.

Можно сказать, что неприятие биологизации общества было

устоем нашей культуры. Вот П. Сорокин, отнюдь не коммунист, пишет примерно в 1915 г. в свой преподавательский конспект (то есть, видимо, записывает мысль, достаточно широко признанную): «Человечество — новая сила мира. Сила эта все более и более растет; она определяет область существования его самого и все шире и шире раздвигает эту область. То, что «естественно» вне его, — «неестественно» для него. «Естественный» закон борьбы за существование, уничтожение слабых сильными, неприспособленных — приспособленными, человечество заменяет «искусственным» законом взаимной помощи и солидарности» (СОЦИС, 1989, № 6).

А вот что говорит видный антисоветский антрополог, директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков в конце XX века: «Общество — это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство — это утопия и социальная смерть общества». И это — после фундаментальных трудов этнографов в течение четырех последних десятилетий, которые показали, что отношения доминирования и конкуренции есть продукт исключительно социальных условий, что никакой «природной» предрасположенности к ним человеческий род не имеет..

А вот как излагал сущность человека «Московский комсомолец»: «Изгнанный из эдемского рая, он озверел настолько, что начал поедать себе подобных — фигурально и буквально. Природа человека, как и всего живого на земле, основывается на естественном отборе, причем на самой жестокой его форме — отборе внутривидовом. Съешь ближнего!» Такая обработка велась во всем диапазоне средств — от желтой прессы до элитарных академических журналов.

Поначалу этот антисоветский социал-дарвинизм был вульгарным, как бы бытовым, стихийным — много говорили о сантехнике «дяде Васе», какой он пьяница, люмпен, иждивенец, неумеха и т. д. и как хорошо было бы ввести в СССР безработицу, чтобы его приструнить и заставить работать так же хорошо, как работают немцы. Потом это представление о человеке обрело концептуальную форму и дошло до уровня мальтузианства Гайдара и других нынешних «правых». Эта эволюция хорошо видна в текстах Н. Амосова, «кумира № 3» перестроечной интеллигенции.

Поразительно, что в самое примитивное биологизаторство впали даже те, кто до последнего времени считали себя марксистами. Например, А. С. Ципко пишет: «Большой вклад в формирование реального, современного образа человека внес советский хирург академик Н. М. Амосов. Он напомнил полити-

кам и обществоведам, что люди от природы разные, отличаются и силой характера, и устремленностью к самостоятельности в личной самореализации. Чрезвычайно важна мысль о существовании пределов воспитуемости личности... Наверное, настало время серьезно поразмышлять о самой проблеме неравенства, вызванного естественными различиями людей в смекалке, воле, выносливости. Жизненный опыт каждого подтверждает предположение Н. М. Амосова о том, что в любой популяции люди сильные, с ярко выраженным желанием работать, составляют от 5 до 10%» (А. С. Ципко. Можно ли изменить природу человека? — в кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991).

В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, на котором собрались агрономы, экономисты, земские деятели, чиновники, предприниматели. Один из первых докладов назывался «Агрономия и землеустройство в их отношении к деревенской бедноте». Съезд принял решение, в котором подчеркивалось, что задачей агрономии является «обслуживание всех слоев земледельческого населения».

Это заявление носит принципиальный характер, оно показывает, насколько нынешнее состояние правящего слоя в России деградировало по сравнению с началом XX века. Сегодня все достижения цивилизации не только реально предоставляются только для обслуживания платежеспособного спроса, а вовсе не «всех слоев населения», но это и декларируется как официальная идеологическая догма. Антисоветские идеологи явно встают на сторону «сильных» и хищных против «слабых» (отвлечемся даже от того факта, что и само это ложное разделение ими мифологизировано). С каким пренебрежением пишет теперь А. С. Ципко о Ленине: «Когда В. И. Ленин во время Гражданской войны бичевал кулака, то он отражал настроения беднейших крестьянских масс, ненавидящих этот преуспевающий тип работника, не брезгующего ничем, лишь бы укрепить свое хозяйство». Мол, нашел, чьи настроения отражать. Теперь идеал — фигура, не брезгующая ничем.

Все прекрасно знают, что примерно половина населения России терпит бедствие в результате утраты доступа к самым элементарным условиям существования. По сути, половина народа внезапно оказалась в новой, ранее для нее неведомой окружающей среде. Чтобы выжить, требуется срочное получение нового знания, которым эта половина народа не обладает в виде хотя бы эмпирического опыта. Повернулась ли наука, управляемая теперь антисоветски мыслящими людьми, к потребностям этих «слоев населения»? Ни в коей мере — ни на одном научном форуме об этом никто даже не заикнулся. Исключительная ориентация на «платежеспособный спрос», на потребности только имущей части населения.

Этот сдвиг к социал-дарвинизму незаметно привел очень многих из соблазненных антисоветизмом интеллигентов к утрате элементарного чувства сострадания, к странной холодности и жестокости по отношению к простому человеку. Я не говорю об активных политиках типа Гайдара и Чубайса, демонстративная жестокость которых уже отмечена как уникальный феномен нашей истории. Я не говорю о духовных антисоветских лидерах вроде Е. Боннэр, которая радостно пророчит нам страшные беды: «Шока еще не было!» Но ведь даже умеренные философы, ученые, деятели культуры, имеющие доступ к ТВ, не выдавили из себя ни одного слова сочувствия, простого участия к человеку — жертве этого эксперимента. Такое живое, сердечное, не отягощенное политикой слово мы слышим, очень редко, как раз от тех, кто почти отлучен от ТВ и радио, — от Виктора Розова, от певицы Татьяны Петровой, от Николая Губенко с Жанной Болотовой. Но ведь они этим почти бросают вызов всему своему сословию! Сословие-то осталось с ненавистниками вроде Хазанова и Жванецкого.

Страдания от реформ Горбачева — Ельцина многообразны. Пусть интеллигент-демократ, возненавидевший «империю», не признает и не уважает страдания, причиненные уничтожением СССР, сдачей национальных богатств иностранцам и ворами, ликвидацией науки и т.п. Но он никак не может отрицать простое и видимое следствие — резкое обеднение большей части граждан. Это — прямой результат душевных усилий демократа, его «молитв» (пусть сам он «не поджигал»). И речь при этом идет не о временном бедствии вроде войны. ВЦИОМ хладнокровно фиксирует: «В обществе определились устойчивые группы бедных семей, у которых шансов вырваться из бедности практически нет. Это состояние можно обозначить как застойная бедность, углубление бедности». То есть снято оправдание, которым вначале тешили себя демократы: пусть люди шевелятся, у них есть возможность заработать. По данным ВЦИОМ, только 10% бедняков могут, теоретически, повысить свой доход, «крутясь побыстрее». Причины имеют социальный, а не личностный характер.

И вот, зная масштабы этих страданий, средний интеллигент-демократ, кладя их на чашу весов, выше ценит свой душевный комфорт — избавление от надуманного страха перед тоталитаризмом или получение вожаемой многопартийности. Ему не жаль страдающих. Он, в целом, *рад тому, что происходит*. Это кажется невероятным, но это именно так.

В 1996 г. встретил я коллег-гуманитариев, с которыми у меня в 1989 г. был памятный разговор. Я тогда говорил, к каким тяжелым последствиям неминуемо ведет курс Горбачева, и меня прямо спросили: «Скажи, Сергей, ты что же, противник пере-

стройки?» Тогда это еще звучало угрожающе. Я подумал и ответил: «Да, противник. Перестройка приведет к огромным страданиям людей». И вот теперь я спросил одну женщину, доктора наук, с которой меня связывали очень добрые отношения, не изменила ли она своих оценок после всего, что видела начиная с того разговора в 1989 г. И она ответила: нет, она и сейчас рада тому, что происходит. И она голосовала за Ельцина, хотя считает его... (в общем, жестко его оценила). Голосовала потому, что она может, не боясь, сказать про него то, что думает.

Мне показалось, что мы затронули что-то страшное и постыдное. Прекрасно понимала доктор философских наук, что эти ее «разрешенные» обличения суть ее сугубо личное духовное удобство, никакого социального значения они не имеют, никакого вреда режиму не наносят (как только маячит вред, на слова отвечают дубинки и танковые орудия). Какую, значит, огромную ценность для нее составляло право обличать власть, и какой аномальный страх вызывало официальное неодобрение этого занятия в советское время. Именно неодобрение, не более того, ибо обличение советской власти было поголовным кухонным занятием интеллигенции, и ни один волос за это не упал. И эта ценность в ее глазах перевешивает реальные смертельные страдания десятков миллионов людей.

Мне кажется, что это ненормально. Это — отрыв от жизни, уход в какое-то духовное подполье, где увеличиваются тени и теряется мера вещей.

Моральный релятивизм. Мне кажется очевидным, что большинство активных идеологов антисоветского поворота — люди с изломанной моралью. Здесь я не имею в виду диссидентов, которые выступили как противники системы и даже иногда получали от нее шишки. Я говорю о тех, кто вышел из рядов самой привилегированной номенклатуры, таких, как А. Н. Яковлев или Г. Х. Попов. Их антисоветизм — или следствие самой циничной измены тому государству, которое они подрядились охранять и укреплять, или следствие какого-то прозрения, которое осенило их на старости лет. Во второе верится с трудом. Но главное, что в любом случае их активная идеологическая антисоветская деятельность, на мой взгляд, аморальна. Даже если ты был антисоветчиком в душе и просто воспользовался поражением СССР, чтобы получше устроиться, держись в тени. Грех тебе выходить к людям и говорить диаметрально противоположное тому, что ты сам говорил всего пару лет назад. Случайно пришлось прочитать статью Волконогова, посвященную Дню Победы 1989 г., когда он был, кажется, начальником Главного политического управления Вооруженных сил СССР. Страшно читать, более страстного и искреннего ленинца трудно себе

представить. Но ведь это, как ни крути, подлость — в это же время тайно писать книгу, льющую грязь на Ленина.

Но скажу не об «архитекторах и прорабах», а о том типе мышления, который овладел значительной группой людей. Думаю, что именно из сочетания социал-дарвинизма и присущей евроцентризму безответственности возникло и еще одно свойство антисоветского проекта — поразительный «*моральный релятивизм*» (применим этот мягкий и туманный термин). Уже в конце 60-х годов в интеллигентной среде сознательные «антисоветски мыслящие» товарищи стали выделяться в особую субкультуру. В лаборатории, например, они говорили друг с другом как посвященные — так, что постороннему было трудно понять, о чем идет речь. У них были свои дела и проблемы, причем создавалось впечатление, что по отношению к «непосвященным» у них не действуют те моральные нормы, которые раньше казались общепринятыми, как бы «естественными». Это поначалу очень удивляло.

Помню случай в начале 70-х годов. Меня стали привлекать в «Комсомольскую правду», писать статьи о науке (я занимался науковедением). Завотделом науки был молодой талантливый журналист, мне очень нравился. Мне он тоже симпатизировал и как-то изложил свое сознательное антисоветское кредо. Видал я раньше антисоветчиков, которые изрыгали хулу, а этот был спокойный и именно *сознательный*. Потом он сделал быструю карьеру (даже стал зам. главного редактора «Известий»). В 1973 г. он попросил меня съездить в командировку в Бийск. Оттуда из пединститута какой-то доцент прислал письмо с обвинениями ректора, на высокой политической ноте. Я поехал, говорил со многими преподавателями, студентами, ректором, этим доцентом. Доцент этот был подлый сутяга, который хотел подключить к своей сугубо личной склоке центральную прессу. Дефектом ректора была только доверчивость.

Вернулся я в редакцию, говорю, как обстоит дело, — поддерживать сутягу против честного человека нельзя. И этот интеллигентный, талантливый журналист взорвался. Мол, как это нельзя! Сутяга, честный — какая разница. Ты что, из-за ерунды хочешь такую дорогую командировку оставить без результата? Эта философия меня очень тогда взволновала. В нашей, «просоветской» среде было много хамства, даже подлости, но такой философии не было. Напротив, антисоветская позиция как-то преломлялась у этих интеллигентов в ощущение своей причастности к высокой миссии, которая позволяла им не обращать внимания на такие мелочи. В них уже было что-то от Родиона Раскольникова.

Те идеологи, которые уже с 60-х годов «проектировали» структуру и логику антисоветской пропаганды, сознательно пошли

на разрушительный для нравственности шаг, которого не заметили «честные демократы» и который нам всем теперь дорого обходится. Они широко использовали то противоречие, которое неизбежно возникает при «родовых муках» становления нового строя. Заключается оно в том, что политический и идеологический аппарат, который служит инструментом этого становления, в широких масштабах вступает в конфликт с *пророками и провозвестниками* именно этого строя. И не только вступает с ними в конфликт, но часто и уничтожает.

Это, надо подчеркнуть, происходит неизбежно, и не только потому, что аппарат всегда отстает от пророков, что он не может и не должен так глубоко чувствовать и переживать суть исторического процесса. Даже если какая-то часть аппарата и понимает, что пророк прав, она вынуждена его окоротить, потому что аппарат организует движение всей неоднородной и даже внутренне противоречивой социальной системы, он должен следовать именно ее динамике, а не динамике мысли и чувства тех, кто «внял неба содроганью». Никакое большое движение не возникает без пророков и поэтов, но уже в процессе движения избыток их творчества разрушителен.

Во время «родовых мук» становления советского строя многие его самые чуткие и верные выразители и пророки подверглись гонениям или поплатились жизнью. Погиб Н. Клюев, бедствовал А. Платонов, томился в лагере А. Ф. Лосев, а в ссылке — М. М. Бахтин, пошел на расстрел А. В. Чаянов. Все это были люди, провидевшие и выразившие, не всегда ясно, самые фундаментальные черты советского проекта. Подлость антисоветских идеологов я вижу в том, что они представили этих мучеников-пророков своими политическими и идеологическими союзниками. Этим они нанесли новый и гораздо более трудно поправимый удар по делу этих мыслителей — они блокировали, нейтрализовали их мысль, которая для нас в поиске пути имеет именно фундаментальное, а не конъюнктурное, значение. После того, как люди А. Н. Яковлева «прибрали к рукам» Чаянова, — кто его читает?

А. Ф. Лосев замечательно изложил место космического мироощущения в современной нам русской культуре, и эта его разработка была бы очень важна для понимания особенностей советского проекта в его сравнении с Западом. Именно пассаж о конфликте между космическим мироощущением русского человека и ньютоновской картиной мира привел на XVI съезде ВКП(б) Л. М. Каганович, нападаая на А. Ф. Лосева, как пример «мракобесия» — удивительная чуткость. Но разве это дает право антисоветским либералам представлять Лосева своим союзником? Ведь это подлог, в данном эпизоде их философский союзник — Каганович.

А если спуститься с уровня философии к земному человеку, то кредо таких людей, как Лосев, состояло в том, чтобы помочь становлению нового строя, а не сыпать песок в бусы. Он пишет из лагеря жене 23 февраля 1932 г.: «... Темные стороны современного строительства не должны затемнять нашего зрения до полной темноты. Есть, напр., тут люди, и очень солидные, которые саркастически высмеивают меня за то, что я принял предложение быть преподавателем арифметики в здешнем ликбезе; и, замечая явные успехи моего преподавания, начинают говорить о несовместимости ликбеза с моим мировоззрением. Я не знаю, о каком моем мировоззрении они говорят, но я знаю, что это — действительно мракобесы и безнадежно мрачно-озлобленные на всю жизнь люди» («Вопросы философии», 1989, № 7).

Именно в таких людях и горел всегда антисоветский огонь.

Но вернемся к возвращению обыденной аморальности. Исследователи отмечают, что рост подавляющего числа патологических социальных явлений обуславливается экономическими и политическими потрясениями, снижением уровня жизни. Начавшаяся в 1985 г. перестройка характеризуется именно этими факторами. Росту проституции, наряду с социально-экономическими, способствовали и культурные факторы, в частности, воздействие средств массовой информации. Они целенаправленно *развращали* молодежь.

Социологи из МВД пишут: «На начальном этапе содержание их материалов носило сенсационный характер. Отдельные авторы захлеб, с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проституток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и проч., а также места их «работы», каковыми являются перворазрядные отели, рестораны и бары. Эти публикации вкупе с известными художественными и документальными фильмами создали красочный образ «гетер любви» и сделали им яркую рекламу, оставив в тени трагичный исход жизни героинь.

Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Самое печальное, что она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и молодых женщин. Примечательны результаты опросов школьников в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных, точнее — доходных профессий» (Ю. Г. Карпунин, Ю. Г. Торбин. Проституция: закон и реальность. — СОЦИС, 1992, № 5).

К чему привело целенаправленное растление подростков и молодых людей? Обычно обращают внимание на взрывной рост заболеваемости сифилисом. На деле положение хуже — спектр болезней, связанных с упадком морали, широк, и некоторые из

таких болезней гораздо опаснее сифилиса. Вот что сказано в государственном докладе «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.» (М., 2000): «В последние годы сохраняется неблагоприятная тенденция ухудшения состояния психической адаптации детей и подростков, увеличение у них дезадаптивных форм поведения, включая алкоголизацию, табакокурение, наркоманию и др. виды девиантного поведения...

В 1999 г. заболеваемость гепатитом В (ГВ) на 21% больше, чем в предыдущем году... Начиная с 1994 г. в РФ складывается **принципиально новая** эпидемическая ситуация по ГВ. Резко изменившиеся социальные условия, искажение представления о жизненных ценностях, снижение нравственного уровня среди молодежи привели к резкому росту заболеваемости ГВ. Эти негативные процессы резко превысили успех в борьбе с ГВ, достигнутый к началу 90-х годов. Рост заболеваемости обусловлен двумя возрастными категориями: 15—19 и 20—29 лет, вовлекаемыми в наркоманию и неупорядоченные сексуальные контакты... С начала регистраций в 1994 г. продолжает ежегодно увеличиваться заболеваемость гепатитом С, по сравнению с 1998 г. она увеличилась на 65,7%... Основное количество заболевших формируют подростки и лица 20—29 лет... С 1997 г. на некоторых территориях страны отмечается интенсивное вовлечение в эпидемический процесс школьников 11—14 лет.

Пропаганда проституции имела прямое отношение к антисоветскому проекту как одно из направлений ударов по «культурному ядру» общества. Идеологические работники перестройки не просто оправдывали ее как якобы неизбежное социальное зло, они представляли проституцию чуть ли не благородным делом, формой общественного протеста против несправедливостей советского строя. Актриса Е. Яковлева (исполнительница главной роли в фильме П. Тодоровского «Интердевочка») так объяснила, что такое проституция: «Это следствие неприятия того, что приходится «исхитряться», чтобы прилично одеваться, вечно толкаться в очередях и еле дотягивать до полочки или стипендии, жить в долгах... Проституция часто была для девочек формой протеста против демагогии и несправедливости, с которыми они сталкивались в жизни». *Проституция как форма протеста!* Bravo, деятели культуры!

Видный юрист-демократ подходит с другой стороны, категорически отрицающей нормы традиционного общества. Он призывает (в 1988 г.) легализовать проституцию на том основании, что ликвидировать ее путем запретов не удастся: «Пока существуют товарно-денежные отношения, будет и проституция. И никакие призывы и заклинания не смогут ее ликвидировать, равно как и запреты, которые лишь загонят явление в более глубокое подполье... Только нашим удивительным пренебрежением

к истории, разуму и науке можно объяснить слепую веру в силу запрета, репрессий и морализаторства... Может ли торговля телом преследоваться сильнее, нежели торговля духом (интеллектом)?.. Недопустима для социалистического общества и политика регламентации проституции. Думается, наиболее приемлем аболиционизм — отмена запретов» (*Я. И. Гилинский. Эффективен ли запрет проституции? — «Социологические исследования», 1988, № 6*).

Трудно сказать, где здесь кончается демагогия и начинается искреннее непонимание. Например, сравнение «торговли телом» и «торговли духом» — явная демагогия (это все равно что уподобить убийство выстрелом в затылок «убийству словом»). Почему регламентация какого-то социального зла «недопустима для социалистического общества»? Видимо, тоже демагогия. А вот то, что «вера в силу запретов и морали» вызвана якобы нашим уникальным пренебрежением к разуму, есть, возможно, искреннее непонимание. Но уму антисоветского юриста оно чести не делает.

В своем стремлении разрушить «тоталитарные моральные нормы» наши интеллектуалы, в том числе из академической среды, доходят до гротеска. Вот один из них с восторгом описывает социологическое исследование летом 1994 г. лагеря «натуризма», попросту говоря нудизма — разгуливания нагишом (*Р. М. Камалов. Метаморфозы стыдливости. — СОЦИС, 1995, № 11*). Автор патетически восклицает: «Что же отличает внутренний мир обнаженной девушки? Прежде всего, выделяется чувство свободы... Мы видим, во-первых, свободу как освобождение от одежды, а значит, и от табу одной из культурных норм... Человек как бы вылезает не только из своей одежды, но и из своего сознания». Одна из нудисток якобы даже сказала «исследователю» своего внутреннего мира: «Нудизм действует как святое причастие». Тьфу, даже тут святое причастие помянули, вот как соскучились по богу.

Кстати, антисоветский проект вовсе не прекращен с разрушением СССР, ибо он носит именно цивилизационный характер, а разрушение цивилизации процесс длительный. Вот статья в «Независимой газете» (17 июля 1999 г.) о II Международной эротической выставке в Петербурге.: «Наибольший интерес у посетителей выставки вызывали живые «экспонаты» — русские красотки с величаво грациозными, обезоруживающими фигурами, божественно роскошными телами, вкусными, зовущими губами. Мужчины всегда собирались там, где красавицы демонстрировали груди... Корреспондент «НГ» задал несколько вопросов главному идеологу выставки, заведующему кафедрой сексологии и сексопатологии Государственной еврейской академии имени Маймонида, секретарю ассоциации сексологов

РФ, профессору Льву Шеглову: «Какова цель выставки?» — «Формирование у населения эротической культуры, которая блокирует тоталитарность». Здесь все интересно — и «Государственный» (!) характер еврейской академии, взявшей на себя роль идеолога сексуальной революции, и ее место в борьбе с «тоталитаризмом», и упомянутая вскользь национальная принадлежность «женского мяса» на международной выставке.

Важной стороной антисоветского мышления стало принципиальное применение *двойных стандартов* — по отношению к СССР и к их земле обетованной, США (и вообще Западу). Недавно в Европе прошли циклы фильмов Хичкока. Это — безусловно выраженное мироощущение западного общества. Вот один из шедевров («Разорванный занавес»). Молодой блестящий американский ученый просит политического убежища в ГДР. К нему приставляется на первых порах офицер госбезопасности — помогает снять квартиру, вводит в курс обыденной жизни и т.д. Этот офицер помогает американцу искренно, никакой враждебности — так это в фильме. Он не знает, что молодой физик приехал, чтобы выведать формулу расчета траектории ракет, которую открыл один математик в Лейпциге.

В музее физик ловко отделяется от своего опекуна, берет такси и едет за город, на ферму, на явку с подпольщиками. Но немцы есть немцы — офицер «Штази» добывает какую-то мотоциклетку и тоже приезжает на ту же ферму. С глупым хохотом входит на кухню, где физик беседует со своей соратницей, но те его хватают и убивают оригинальным способом: засовывают головой в духовку, пускают газ и держат, пока он не перестает трепыхаться. И ни тени сомнения. Никакого внутреннего конфликта из-за необходимости убить человека ради выполнения своей миссии, какой бы благородной она ни была. Никакого намека на то, что, мол, как трагичен этот мир, как абсурдна эта «холодная война» и т.д. Герой-ученый выполняет свою миссию, ликвидируя по пути еще сколько-то ничего не подозревающих «красных» немцев.

В то же время в СССР был снят похожий фильм «Мертвый сезон». Там нашего недотепу, посланного в ФРГ для опознания врача-преступника, обводят вокруг пальца, хватают и пытаются его же бывшие мучители. Наш резидент, раскрывая себя, выручает товарища — и напоследок разрешает ему дать всего одну зуботычину фашисту-ученому. Сам сдается, не пытаясь кого-либо убить. И дело не в том, работал ли КГБ более благородно, чем ЦРУ, оба фильма основаны на вымысле. Проблема в том, что принимает и что отвергает публика. Если бы в фильме наш шпион убивал граждан страны, с которой мы не находимся в состоянии войны, это вызвало бы возмущение и отвращение зрителя. Зритель же Хичкока и тени сомнения не высказывал

при убийстве граждан ГДР. И совершенно очевидно, что антисоветское сознание уже давно встало на позиции именно западного зрителя (и западной идеологии).

Вот парный случай, который стал важным экспериментом над массовым сознанием в разных культурах. В 1981 г. южнокорейский самолет рейса KAL-007 вошел в воздушное пространство СССР, углубился на 500 км и пересек его с севера на юг, активизировав всю систему ПВО. В конце концов, после многих предупреждений, он был сбит. В СССР это вызвало тяжелое чувство — независимо от оценки действий военных. Трагедия есть трагедия. На Западе это было поводом длительной (десять лет) антисоветской кампании*. Но главное в другом — в 1988 г. военный корабль США «Винсенс», находившийся в Персидском заливе, среди бела дня сбил ракетой иранский самолет с 290 пассажирами на борту. Самолет только что поднялся в воздух и находился даже еще не в международном пространстве, а над иранскими территориальными водами.

Когда корабль «Винсенс» вернулся на базу в Калифорнии, огромная ликующая толпа встречала его со знаменами и воздушными шарами, духовой оркестр ВМФ играл на набережной марши, а с самого корабля из динамиков, включенных на полную мощность, неслась бравурная музыка. Стоящие на рейде военные корабли салютовали героям артиллерийскими залпами. Н. Хомский, проводя структурный анализ обоих случаев, приводит выдержки из центральных американских газет, которые буквально внушили американцам объяснение, начисто снимающее у них чувство ответственности за жизнь 290 пассажиров. Было достигнуто невозможное. Читаешь эти статьи, и голова кругом идет. Самолет, мол, сбили *из благих побуждений*, и пассажиры *погибли не зря*, ибо Иран, возможно, чуть-чуть подумается и сдвинется к демократии...

В среде антисоветской интеллигенции действия СССР вызвали интенсивную злорадную активность, она хорошо и реалистично показана в фильме В. Меньшова «Зависть богов» (2000 г.), действия же американского корабля вообще никакого внимания не привлекли.

Отдельный срез проблемы аморализации антисоветского

* В 1991 г., будучи на Западе, я видел по телевидению заседание круглого стола экспертов по гражданской авиации, посвященное десятой годовщине того события (передача почему-то шла глубокой ночью). Сначала показали американский художественный фильм с нелепой и наивной трактовкой инцидента (пилот «не прогрел компьютер»). Эксперты его даже не обсуждали по причине полного идиотизма. Мне было странно видеть, что специалисты из ряда стран дали абсолютно то же объяснение, что было дано советским правительством, но оно не нашло никакого отражения в свободной западной прессе.

мышления — нарушение учеными обществоведами самых элементарных норм научной этики. Конечно, в СССР, как и во всех больших государствах, власть и ее спецслужбы пользовались услугами психологов, социологов и т.п. Но это была работа «для служебного пользования». В советское время нельзя было в академическом журнале прочесть рекомендации по использованию против какой-то части общества *подлых* приемов. В антисоветском мышлении это вообще не является моральной проблемой. Стыд и совесть просто исчезают из интеллектуального пространства.

Вот, некто Д. А. Левчик с философского факультета МГУ (!) дает рекомендации власти, как *испоганить* митинг оппозиции. Он это называет «контрмеры с целью ослабления эффекта митинга». Вот как их видит философ:

«— доказать обществу, что место проведения митинга не «святое», или принизить его «священный» статус, например перезахоронить тело Ленина, тем самым понизить статус Красной площади в глазах ленинцев;

— доказать, что дата проведения митинга — не мемориальная, например, развернуть в средствах массовой информации пропаганду теорий о том, что большевистская революция произошла либо раньше 7 ноября, либо позже;

— наконец, можно просто нарушить иерархию митинга или демонстрации, определив маршрут шествия таким образом, чтобы его возглавили не «главные соратники героя», а «профаны». Например, создать ситуацию, когда митинг памяти жертв «обороны» Дома Советов возглавит Союз акционеров МММ.

Другими словами, профанация процедуры и дегероизация места и времени митинга вместо митинговой эйфории создает смехотворную ситуацию, в условиях которой возможна вовсе не мобилизация участников митинга, а их дезорганизация. Катализатором профанации митинга может стать какая-нибудь «шутовская» партия, типа «любителей пива». Например, в 1991 г. так называемое Общество дураков (г. Самара) профанировало первомайский митинг ветеранов КПСС, возложив к памятнику Ленина венок с надписью: «В. И. Ленину от дураков». Произошло столкновение «дураков» с ветеранами компартии. Митинг был сорван, а точнее превращен в хэппенинг» (Д. А. Левчик. Митинг как форма предвыборной борьбы. — СОЦИС, 1995, № 11).

Глотайте ваше дерьмо, мои антисоветские коллеги-гуманитарии. Это и есть мораль вашего «гражданского общества».

Психология гунна. В антисоветском проекте, особенно на стадии «перестройки», большую роль сыграла антилиберальная и антизападная сторона нашего массового сознания. То, что ее расшевелили и эксплуатировали наши «либералы-западники»,

не должно удивлять, как не должна удивлять эксплуатация ими националистических и религиозных предрассудков, зачастую архаических, как в Чечне или Таджикистане. Их задача была «сжечь Спарту», и ради этого ничего не было жалко. Антисоветское движение разбудило жажду воли, хаоса — антицивилизационное чувство, приведенное в дремлющее, латентное состояние в ходе напряженной советской индустриализации, войны, упорядочения городской жизни в эпоху «застоя».

Какой же стороной вырвалось коллективное бессознательное русского народа и куда оно нас сейчас влечет? Вовсе не к либеральному открытому обществу, правовому государству и прочей сладенькой дребедени. Раскрепощенное перестройкой коллективное бессознательное лишь на коротком отрезке пути было попутчиком демократов — когда ломали порядок. Советский, социалистический, тоталитарный — как угодно его назови, неважно. Суть в том, что ломали *порядок* и создавали *хаос*.

В начале века Россия «кровью умылась», но советский строй сумел овладеть разбуженной энергией и направить ее на строительство, создать новый порядок. Это — поразительная историческая заслуга большевиков. Повторите-ка их опыт, господа Ельцин да Путин.

Почему же интеллигенция не поняла этой стороны советского проекта? Из-за легкой внушаемости и поразительного отсутствия исторического чувства. В советской идеологии история была искажена — вместо бунта «свято-звериной» русской души революция была представлена как разумное и чуть ли не галантное классовое столкновение (возможно, это умолчание было оправданным — не поминать лиха). Сказано было: красные за социализм, белые за капитализм, победил прогресс — просто и понятно. А ведь главной, стихийной и страшной силой был бунт «*гунна*». Для него одинаково были чужды и белые, и красные — носители того или иного порядка. И это течение пронизывало все слои общества и было повсеместным, ползучим, «молекулярным».

М. М. Пришвин записал 18 января 1919 г.: «Телеграфно-телефонная проволока дугами в разных местах опустилась до земли, потом обрывалась и падала на дорогу, а скифы наши скатывали ее в крендели и развозили к себе по избышкам. Так во всем уезде у нас погибла телефонно-телеграфная сеть, и, когда остались только столбы, и то в иных местах покривленные, в газете было объявлено, что за украденную проволоку будет какое-то страшное наказание, вроде как «десять лет расстрелу»... Ораторы еще говорили «Граждане!» и призывали к коммунальному строительству государства, а скифы скатывали в клубочки оборванную инеем и бурей телеграфную проволоку и уносили ее домой по избышкам». Я здесь не употребляю слова

«скифы», которое Пришвин ввел, видимо, следуя его полемике с А. Блоком относительно революции. Правильнее (и тоже условно) говорить о психологии гунна. Так вот, нынешний реванш гунна даже радикальнее, чем всплеск его активности после 1917 г., — сегодня не скатывают в клубочки оборванную проволоку, а срезают ее с действующих столбов, вырывают из систем сигнализации и блокировки на железной дороге.

Кто же внял антисоветским призывам, если не считать ничтожной кучки «новых русских» с их разумным, даже циничным расчетом и сбитую с толку интеллигенцию? Вняли именно те, в ком выиграло обузданное советским строем коллективное бессознательное «гунна». Возникновение индустриальной цивилизации было «скачком из мира приблизительности в царство точности». Скачком очень болезненным. Это царство — еще островок в мире, и нас тянет вырваться из него обратно в мир. Эти массы людей, освобожденные с заводов и из КБ, от норм права и нормальной семейной жизни, правильно поняли клич Ельцина: «Я дал вам свободу!» Это свобода казаков, ватаги, банды. Артели челноков и рэкетиров — это казаки конца XX века, сбегавшие на новый Дон от крепостного права завода и университета. В самом понятии «рынок» их слух ласкали эпитеты: *свободный, стихийный*. А понятие плана отталкивало неизбежным: *плановая дисциплина, неукоснительное выполнение*.

Выборы и 1993-го, и 1995-го г. стали важным экспериментом. Носители идеи либерального порядка с треском проваливались, один за другим. Отшвырнули Гайдара, вытерли ноги о Горбачева. Кадеты, либералы и меньшевики, как и в революцию, отброшены народной стихией. За кого голосовали? За капиталиста и мастера своего дела С. Федорова или либерала гарвардского помета Явлинского? Нет, за Ельцина и Лебедева, выступающих в гриме крутых громил. Остались две силы: те, кого с натяжкой принимают пока за большевиков (КПРФ), и те, кто взялся охранять хаос. Пока что «новые русские» с этими заодно, но деньги и семьи отправляют за рубеж.

Коллективное бессознательное «гунна» активизировал сам Б. Н. Ельцин. Вот его «Исповедь на заданную тему». Он рассказывает, как потерял два пальца: «Я взялся проникнуть в церковь (там находился склад военных). Ночью пролез через три полосы колючей проволоки и, пока часовой находился на другой стороне, пропилил решетку в окне, забрался внутрь, взял две гранаты «РГД-33» с запалами и, к счастью, благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно. Уехали километров за 60 в лес, решили гранаты разобрать. Ребята все же догадался уговорить отойти метров за 100: бил молотком, стоя на коленях, а гранату положил на камень. А вот запал не вынул, не знал. Взрыв... и пальцев нет. Ребята не тронуло».

Возможно, этот рассказ надо понимать как аллегорию. Уж слишком много странностей: трудно перепилить решетку, пока часовой обходит церковь, гранаты не хранятся с запалами, взорвавшаяся в руках граната отрывает не только два пальца, а кое-что еще. Но главное — мышление читателя, те его инстинкты, к которым обращается Ельцин. Ведь мы видим подростка — взрослого человека по тем тяжелым временам, — который, положив на камень гранату, бьет по ней молотком! Не распиливает тем же напильником, а *бьет молотком*. На какой эффект мог рассчитывать пусть и безрассудно храбрый, но цивилизованный человек? И если он в отрочестве бьет молотком по гранате, то каких действий можно ждать от него, если он станет президентом? Он ведь, кстати, изображает себя поразительно безжалостным человеком, именно «гунном» — любой подросток во время войны понимал, что означает для часового перепиленная решетка и похищение боеприпасов. Этот часовой для юного Ельцина был столь же далеким, как для «гунна» член чужого племени.

Отсюда и вытекает характеристика последователей Ельцина: как умный политик, он предложил им как раз такой образ, который должен был бы привести в ужас разумного человека — но восхитить и привлечь тех, кто мечтал лишь о сокрушении «начиненной взрывчаткой» советской империи. Разница в том, что сегодня «ребят» подальше от взрыва не отвели.

Неподалеку от моего участка в деревне строит, как и я, дом и сажает картошку человек, в котором, почти как для учебника, соединились чудесные свойства и слабости русской души. Готов поделиться всем, что у него есть, бежит помочь всем и каждому, за любое свинство готов дать в морду, даже смешно прилагать к нему западные мерки рынка и прав человека. Человек удивительно деликатный, хоть и выглядит медведем. Иногда приходил излить душу: родной завод, где проработал двадцать лет, совсем разворовали. А перед вторым туром выборов 1996 г. вышел я в огород понурый, а он меня пожалел и успокаивает: «Ты, Григорьич, не кручинься, не допустят, чтобы коммунисты пришли к власти».

Чем же ему так противны коммунисты? Он не читает газет и не смотрит телевизор — не жертва манипуляции. Равнодушен к историям о ГУЛАГе и не соблазнен приватизацией. Он просто счастлив воле. Его отправили в неопределенный отпуск, а ему мало что и надо, и у него отключилось чувство ответственности за страну в целом. Его мир — картошка, банька, маленькая внучка, с которой он катается по траве, приятели в деревне, с которыми можно душевно распить бутылку. Он не лентяй, встает с солнцем, но вырвался из индустриального «царства точности» и вернулся почти в язычество.

Конечно, все мы испытываем тягу к такому бегству от цивилизации, это и есть наш архетип. Мы и совершаем порой такое бегство на время, отдыхаем душой. Но когда это происходит с половиной народа и он начинает «жечь костры и в церковь гнать табун», то это — катастрофа. И чем она кончится, пока не ясно. И это — вовсе не возврат к досоветской российской цивилизации, это именно пробуждение в нас гунна. А гунн сегодня может сколько-то времени выжить, только истребляя все вокруг, — пока и его не истребят.

Глядя на моего соседа, я думаю, что та невероятная индустриализация, которая легла на плечи русских крестьян, потом война, потом вся эта гонка развития как будто сжали несколько поколений нашего народа слишком тугой пружиной. Начали при Брежневе давать послабление — неумело. А потом за этих людей взялись антисоветские идеологи, пришел Ельцин — и пружина вырвалась. И масса людей счастлива. Скудеет их потребление, рушится страна, уходят в банды сыновья, а они к этому равнодушны. Главное, сброшены оковы цивилизации, и они гуляют, как махновцы на тачанке. И при этом есть президенты, которые это одобряют и даже бросают им на прокорм и пропой последние богатства страны.

Это наблюдение, якобы обидное для рабочих, вызвало возмущение даже среди просоветски настроенных людей. Один такой автор «Советской России» сам 30 лет проработал на заводе, вырвался оттуда благодаря Ельцину и обратно не желает. Он так объясняет позицию рабочих: «Реакция современных рабочих на останавливающиеся заводы — это протест против политики военного коммунизма, которая проводилась во времена застоя». То есть рабочие якобы рады разрухе, ибо освобождены от «новой формы рабского труда», каковой был уклад советского хозяйства. Капитализм, даже дикий, автор ценит намного выше: «Частник — пиявка, гад, сволочь, платит мало, но оплачивает по труду, хотя и по своим принципам».

Не будем придираться к нелепости: можно платить или по труду, или «по своим принципам» — и то и другое вместе никак невозможно. Частник платит именно не по труду, иначе он не был бы пиявкой. Но это автор письма ему прощает за старую, изобретенную пятьсот лет назад этими пиявками приманку: разделять людей по доходам, создавать из общества «воронку», где каждый тянется наверх, в узенький носик. И, как считает мой оппонент, советские рабочие, ставшие «челноками», выиграли: «Основная масса рабочих и технической интеллигенции подались в «челноки». Конечно, это несчастные люди, не уверенные в завтрашнем дне, всего боящиеся и бесправные, но... Но у них выполняется принцип «как потопашь, так и полопашь», т.е. оплата по качеству и интенсивности затраченного труда».

Важно, что эта потребность — «топтать и полопать» — духовная и жгучая. И это именно всплеск коллективного бессознательного, разумным это никак не назовешь — какой разумный человек станет радоваться разрухе, при которой уничтожаются рабочие места для целых поколений! Вместо улучшения своего в чем-то неудобного дома — сжечь его посреди зимы! Отомстили советскому строю! Но проблема в том, что духовная потребность становится материальной: известно, что в своих желаниях и потребностях человек не является разумным и далеко уступает в этом животным. Маркс хорошо сказал: животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет.

Решив не улучшать, а сломать советский строй, который был цивилизацией, недовольные рабочие и ИТР вовсе не стали буржуа и пролетариями, не разделились на классы. Они именно *деклассировались* и выпали из цивилизации. Радоваться оставленным заводам — это и быть гунном. «Полопаешь так, как топтаешь» — это и есть мышление гунна. Что такое «труд» «челнока»? Это — набеги за добычей, рысканье по джунглям, хоть и каменным, поиск корней и падали.

Социально-инженерный проект по искусственному формированию целой общественной группы «челноков» — одно из крупномасштабных преступлений XX века. Произведено искусственное снижение социального положения, квалификации, самоуважения огромных масс людей, которые еще вчера были необходимыми и продуктивными членами общества. То, чем занимаются у нас эти торговцы, бывшие рабочие и инженеры, на Западе оставлено, как скрытая благотворительность, для маргиналов — спившихся безработных, наркоманов, подростков-цыган. Когда в РФ политические задачи будут решены, торговый капитал, обладающий транспортом, электронными системами информации и расчетов, оборудованием и помещениями складов и магазинов, разорит и ликвидирует всех этих «челноков» и ларечников в течение месяца. Как бы они ни «топали», их издержки на единицу товара в сотни раз превышают издержки нормальной торговли, не надо строить иллюзий. Но пока что задача антисоветских реформаторов — содрать с России нарощенное на нее за тысячелетие «мясо» цивилизации и разбудить гунна, который разрушит все ее белокаменные дворцы и заводы.

Прискорбно, но быстрее всего дичает как раз интеллигенция, которую вскормили как духовного наставника рабочих. Зашел я как-то (в 1995 г.) к друзьям в МГУ и чуть не заболел от горя. МГУ у меня, да и у многих из моего поколения вызывает особое чувство. Строили его новое здание после войны — богато и роскошно. Открыли в 1953 г., студенты и аспиранты ходи-

ли в сатиновых шароварах, но вокруг был мрамор и зеркала, дубовая мебель. Пылинки сдували.

И вот пришел я недавно на дорожную мне кафедру органической химии и зашел в туалет. Дикое зрелище. Вороха грязной бумаги, воду давно никто не спускает, вокруг унитазов, прямо на полу, окаменевшее дерьмо. Я — к своему другу, профессору-демократу: вы что, не можете организоваться, хоть по очереди немного прибираться, если уборщиц уволили? А он мне: «Ты свои советские замашки оставь!»

Помню, когда я там был студентом, какой-то энтузиаст из комитета ВЛКСМ решил заставить нас шагнуть к коммунизму, и в МГУ уволили всех уборщиц. Сами студенты должны были все делать, отдавать один день в месяц. Все мы были злы как черти — день был большой потерей. Но ведь убирали мы туалеты, мыли и драили. Такого, как в «постсоветское» время, никто и представить себе не мог бы. Это — мелочь, но в ней отражение главного.

А главный результат «реформы», который и предопределяет все остальные, — явный уже распад души в значительной части народа. Это именно распад, а не превращение в душу «цивилизованного человека». Думаю, что одна из главных предпосылок для краха советского строя как раз заключалась в соединении инстинкта зверя в «сильных» (социал-дарвинизм, сделавший ненавистным советское уравнильство) с инстинктом «гунна» у тех, кто не рассчитывал пробиться в «сильные». Эти дремавшие или подавленные в советское время инстинкты были разбужены перестройкой.

Социал-дарвинизм узаконил саму идею разделения на *сильных* и *слабых* — при том, что слабым оставлялось право только на благотворительность сильных. Ведь когда сегодня какой-нибудь демократ говорит, что «все должны иметь доступ к хорошей пище», он мысленно добавляет: «а уж если по какой-то причине на всех хорошей пищи не будет хватать, то ее должно получить сильное меньшинство, а за умирающих слабых мы помолимся». Так оно и есть сегодня, и этот порядок «сильных» устраивает. Только не молятся за слабых, проклятые.

Проблема не в «сильных», а как раз в «слабых». Нынешний порядок потому установился и устойчив, что и «слабые» его приняли, хотя знают, что к пирогу они не прорвутся. Они получают вознаграждение «гунна» — жизнь охотника и собирателя корней, уход от школы и фабрики. И тяга эта, оказалась настолько сильна, что пересиливает инстинкт самосохранения и продолжения рода.

Предпосылкой к этому было, на мой взгляд, резкое изменение советского общества без соответствующего изменения и базиса, и надстройки. Со сменой поколений мы совершенно

неожиданно стали обществом *сытых* (точнее, обществом людей, уже не имеющих сигналов голода в своей телесной памяти). А до этого мы были обществом, где на нервную систему каждого действовали эти сигналы. Выходит, это два совершенно разных типа обществ, и они должны быть устроены существенно по-разному. Никакие рассказы стариков о голоде не заменяют этих сигналов (в массе, а не в отдельных людях). На Кубе это видно еще резче, чем было у нас, — потому что там еще сосуществуют эти два разных контингента людей, и между ними виден глубокий разрыв.

В. Розов как-то в беседе со мной сказал, что человечество с достоинством прошло испытание голодом, но не факт, что оно выдержит испытание *сытостью*. Но важную вещь мы с ним тогда не заметили: во всем человечестве было *только одно* сытое общество — СССР. Запад никогда до этого не допускает, там есть сытые классы, но не общество, и голод, очевидный и близкий, воспитывает сытых. Давным-давно тоже существовало сытое общество, точнее, первобытная *община* — и с ней произошло примерно то же, что и с СССР. Конечно, человечество развивается, и телесные сигналы все же превращаются в культурные, так что поиск справедливой жизни и в сытом обществе все время идет, так что циклы господства «зверей и гуннов» сокращаются.

Наше сытое общество оказалось хрупким, и странно, что над этим многие смеются. Мы стараемся слабые точки выявить и, как Де Токвиль, «представить себе, при каких условиях старый порядок мог бы не погибнуть». Это работа трудная, что хорошо видно по оппозиции. Она обращается с обличительными или конструктивными идеями к страдающему обездоленному человеку. А на самом деле он все довольно хорошо понимает, но им овладел «инстинкт гунна» и воля к смерти. Поскольку это входит в конфликт с его укорененными культурными устоями, он не хочет этого признать и притворяется обманутым. Ах, меня обманули Горбачев и Ельцин. Даже поблагодарит за их разоблачение, а потом опять «не понимает» очевидных вещей.

Похоже, нынешнему молодому поколению на какое-то время стало не под силу нести груз русской культуры. Доклад Комитета РФ по делам молодежи (из правительства Ельцина!) в 1993 г.: «Более трех четвертей молодых людей испытывают чувство неудовлетворенности жизнью. Фиксируется быстрое нарастание (за год в два раза) страха перед будущим. В структуре конкретных страхов на первом месте страх перед войной на национальной почве, далее идут одиночество, бедность, болезнь, бандитизм, возможность потерять работу, голод. Страхи такого рода для российской молодежи являются во многом новыми и потому парализуют волю ее значительной части... На шкале ценностей значительно снизилось значение ценности человеческой

жизни. Существовавшая тенденция на снижение числа самоубийств прервана. Количество самоубийств резко возросло и будет увеличиваться».

Как сказано в этом докладе, при опросах среди молодежи, составляющей 32 млн. человек, 6% заявили, что согласны убить человека, если им хорошо заплатят. Конечно, храбрятся — но ведь это 2 миллиона молодых людей, думающих про себя, что могут это сделать!

Повторяю, что все это еще не привело к слову, катастрофе, потому что оказалась неожиданно высокой, даже необъяснимой, прочность и советской морали, и советской техники. Народ стихийно (и даже, можем сказать, подпольно) сопротивляется одичанию, и основная масса людей проявляет поразительную нравственную стойкость. Но эти ресурсы не вечны, как не вечны ресурсы советских самолетов, поездов метро и рижских электричек.

Похоже, что русский народ может жить только в состоянии подвижничества. А молодым хочется «побалдеть» — или умереть, если будут запрещать. Но груз культуры никуда не денется, и кто-то его потащит. Вот им-то и могут в чем-то помочь наши рассуждения.

В современной западной философии, которая остро переживает общий кризис индустриальной цивилизации, есть взятый у поэта XVIII века Гёльдерлина принцип: «Там, где зреет смертельная опасность, там растет надежда на спасение». Нормальные человеческие инстинкты — сохранение жизни, продолжение рода — будут разворачивать вырвавшееся, как обезумевший табун, коллективное бессознательное русского народа его созидательной стороной. Надо лишь помогать этому, стремясь, чтобы силы спасения выросли раньше, чем смертельная опасность созреет вполне.

Глава 3

ГЛАВНЫЕ ОБЪЕКТЫ АТАКИ В АНТИСОВЕТСКОМ ПРОЕКТЕ

Давайте кратко обозначим главные содержательные блоки антисоветизма, его тематику. Отсюда видно, на какие конструкции советского строя направлялись удары.

Образ государства. Первым условием успешной революции (любого толка) является отщепление активной части общества от государства. Каждого человека тайно грызет червь антигосударственного чувства, ибо любая власть давит. Да и объективные основания для недовольства всегда имеются. Но в норме

разум, и другие чувства держат этого червя под контролем. Внушением, художественными образами, песней можно антигосударственное чувство растравить.

В «Независимой газете» (17 мая 2000 г.) помещено большое письмо одного из когорты антисоветских идеологов А. Ципко. Само название письма красноречиво: «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием». Приведу некоторые его откровения, которые говорят как раз о зарождении и созревании антисоветского проекта:

«Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дожидаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир».

Здесь замечательно четко выражено важное и не вполне осознанное в обществе свойство: идейным мотором антисоветизма была страсть к *разрушению*. Именно она соединила разрушителей из числа тех, кто чувствовали себя притесненными советской системой. Заметим, вовсе не все «притесненные» примкнули к разрушителям — их было небольшое меньшинство, и ничего бы они не сделали без соучастия политической власти.

У этого союза и не могло быть никакого позитивного проекта, желания строить, улучшать жизнь людей — ибо у каждого в этом союзе был «свой» враг. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма — ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Понятно, что, когда движущей силой интеллектуального сообщества становится страсть к разрушению, судьба миллионов «маленьких

людей» не может приниматься во внимание. Эти интеллектуалы — Наполеоны, а не тварь дрожащая.

А. Ципко продолжает с ясным пониманием своей и его друзей миссии: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции... Но магия катастрофизма, ожидание чуда политических перемен и чуда свободы мешали мыслить конструктивно, находить технологические решения изменения системы... Магичность и катастрофичность нашего мышления обеспечивали нам читательский успех, но в то же время мешали нам увидеть то, что мы должны были увидеть как ученые, как граждане своей страны... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен...» Замечу, что высказанные здесь А. Ципко претензии считаются *учеными и гражданами своей страны* абсолютной необоснованной. Научный тип мышления несовместим с магией, ожиданием чуда и той крайней, фанатичной идеологизированностью, о которой пишет сам автор. С другой стороны, делать все, чтобы разрушить, например, военно-промышленный комплекс и государственные структуры страны в момент, когда она ведет тяжелую глобальную войну (пусть и «холодную»), никак не могут ее лояльные граждане. Это — функция «пятой колонны» противника.

А. Ципко верно оценивает результаты: «Борьба с советской системой, с советским наследством — по крайней мере в той форме, в какой она у нас велась, — привела к разрушению первичных условий жизни миллионов людей, к моральной и физической деградации значительной части нашего переходного общества». Физическая деградация части общества — это, надо понимать, гибель людей. По последним уточненным данным, к 2001 г. эта «неестественная» гибель составила в РФ 9 миллионов человек.

Понятно, что все жизнеустройство в СССР замыкалось на сильное патерналистское идеократическое государство. Иного и быть не могло — таковы были исторические условия и инерция нашей цивилизации, хотя темпы модернизации и либерализации советского государства были исключительно высокими. Каждый может мысленно сравнить советское государство 50-х и начала 80-х годов. Я бы сказал, что темпы либерализации в условиях реальной войны (пусть и «холодной») были на грани допустимого, а то и переходили эту грань.

Тем не менее «шестидесятники» отвергали советское государство не за низкие темпы модернизации, а именно за его сущностные принципы, неустранимые без его полного разрушения. Во время перестройки уже открыто была раскрыта истинная цель кампании — именно уничтожение советского государства. Но до прихода к власти Горбачева эта цель ставилась

шире и потому еще разрушительнее — как подрыв легитимности государства вообще и в особенности «империи».

«Умеренный» историк М. Гефтер говорил в 1993 г. в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежский вердикт, мол, был закономерным (М. Гефтер. Мир, уходящий от «холодной войны». — «Свободная мысль», 1993, № 11). На другом полюсе — гротескная В. Новодворская: «Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом все сгорит дотла, в том числе и мы сами...» («Новый взгляд», 1993, № 110).

Вот А. С. Ципко заявляет: «Не было в истории человечества более патологической ситуации для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины». Представляете, в СССР человек умственного труда не обладал ни одним условием для постижения истины. Ни одним! Ну разве это умозаключение совместимо с нормальной логикой и здравым смыслом? Нет, его тоталитаризм доведен до абсурда.

И как раз понятие «тоталитаризм» стало у «шестидесятников» синонимом советской государственности. При этом даже сталинизм превратился в их проекте всего лишь в «частичного» врага, в выражение лишь одной ипостаси тоталитарного государства. Другой «антисоветский марксист», А. П. Бутенко, пишет о реформах Хрущева: «Антисталинизм — главная идея, мобилизационный стяг, использованный Хрущевым в борьбе с тоталитаризмом. Такой подход открывал определенный простор для борьбы против основ существующего социализма, против антидемократических структур тоталитарного типа, но его было совершенно недостаточно, чтобы разрушить все тоталитарные устои» («Общественные науки и современность», 1995, № 5).

Именно против «всех» государственных устоев, вплоть до детских садов, и был направлен антисоветский пафос. Л. Баткин в книге-манифесте «Иного не дано» задает риторические вопросы: «Зачем министр крестьянину — колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику?.. Зачем министр заводу?.. Зачем ученым в Академии наук — сама эта Академия, ставшая натуральным министерством?» При этом, кстати, был нанесен удар по рациональному сознанию. В своей атаке на государственность демократы оперировали западными понятиями, которые в общественном сознании воспринимались совсем иначе, так что не возникало психологической защиты против скрытого в них антиэтатизма. Антигосударственные идеи действовали по принципу вируса.

Категорическому отрицанию подвергался главный инструмент государства — *насилие*. Кстати, сейчас мы видим, что отвлечение к государственному насилию распространялось именно на советское государство, а насилие, например, властей США вызывает у наших антигосударственников уважение. В советской истории насилие же представлялось преступным даже в самые критические периоды, когда государственные органы были вынуждены решать срочные и чрезвычайные задачи ради спасения множества жизней граждан.

М. М. Пришвин пишет в дневнике 1919 г., в разгар Гражданской войны: «Представителя свободы коммуниста Алексея Спиридоновича я спросил:

— Как вы можете сажать людей в холодный амбар?

— Это необходимость, — ответил он, — и вы, и всякий посадит, если ему нужно будет собрать с наших крестьян чрезвычайный налог. Сами виноваты плательщики: он приходит, плачет, на коленки становится, уверяя, что у него нет ничего. Его сажают в холодный амбар, и через час он кричит из амбара: «Выпустите, я заплачу!» Раз, два — и пошла практика, и так повсеместно по всей Советской России начался холодный амбар. И вы сделаете то же самое, если встанете перед государственной задачей собрать чрезвычайный налог».

Возмущаясь государственным насилием в СССР, антисоветские идеологи проявляли поразительное отсутствие исторического чувства. Они как будто не видели, что, начиная с первых лет XX века, именно в ходе государственных репрессий над крестьянами, а потом и Кровавым воскресеньем и Ленскими расстрелами, было брошено семя *культуры насилия* в России. Эта культура выросла и стала всеобъемлющей в ходе империалистической, а потом и Гражданской войны. Такова данная нам история — в этой культуре было воспитано все общество. Почитайте кумира наших демократов Корнея Чуковского, который писал Сталину о необходимости учредить концлагеря для озорных первоклассников. Писатель Киришон был расстрелян — но перед этим он советовал «поставить к стенке» цензора Главлита, пропустившего в печать книгу А. Ф. Лосева «Диалектика мифа».

Поражает, насколько умнее и мудрее был даже совсем молодой Пушкин — а ведь все мы его вроде бы учили. В «Капитанской дочке» он пишет, под именем Гринева, об изменениях, произошедших на жизни одного поколения (в связи с тем, что капитан Миронов в крепости собирался пытать башкирца из «бунтовщиков»): «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия... Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об унич-

тожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судья, ни подсудимые». Да, Петр Гринев начала XIX века уже считал пытку «варварским обычаем», но в 1774 г. он не сомневался в ее необходимости. Но можно ли из-за этого проклинать молодого Гринева и уничтожать все жизнеустройство Гринева зрелого? Да в конце 80-х годов наши антисоветские демократы проклинали СССР 30-х годов за то, что он не был «гражданским обществом». А ведь они и сами уже в 90-е годы не понимают, что это такое.

И. Ионов пишет в 1994 г. о тех разрывах в сознании, которые возникают, когда западные понятия, буквально переведенные на русский язык, сталкиваются с нашим историческим подсознанием. Как пример он берет понятие «гражданское общество», которое сыграло большую роль в расщеплении массового сознания в годы перестройки: «Даже сейчас, когда сознательная фальсификация закончилась, содержание этого понятия и смысл входящих в него слов противоречат друг другу. Дело в том, что в России не было того западного города, чье население составляло городскую («гражданскую» — от слова «град», «город») общину, давшую смысл понятию «гражданское общество».

У нас понятие «гражданский» неразрывно связано с понятием «государство». Отсюда: гражданское общество — это общество граждан (государства), общество в его неразрывной связи с государством (тем более что у нас в быту понятия «общество», «нация» и другие часто выражаются понятием «государство»). Русский историк, для того чтобы правильно использовать понятие «гражданское общество», должен каждый раз специально «переводить» его для себя, использовать его не как родное, а как иностранное слово...

Ситуация усугубляется еще и тем, что европейские исторические понятия в русском употреблении отличает «ложная ясность», уплощенная поверхностность. У них отсутствует «третье измерение», глубина, отражающая их предшествующую эволюцию. Понятие «республика» не ассоциируется для нас с любой формой правления (включая монархию)...» (И. Ионов. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления. «Общественные науки и современность», 1994, № 6).

Действительно, во время перестройки людей совсем запутали с понятиями *демократия*, *свобода*, *тоталитаризм* и т.д. Начиная поворот к «холодной войне», Г. Трумен сказал: «Слава Богу, что у нас не демократическая система правления. У нас республика. Мы избираем людей для того, чтобы они, исходя из своих представлений, действовали в интересах общества» (Цит. по кн.: С. Ю. Шенин. Начало «холодной войны»: анатомия «великого поворота». — «США», 1994, № 12). В США не демократия, а республика! Этого у нас вообще никто бы не понял.

В результате всех этих усилий мы пришли к нынешнему кризису с деформированными представлениями о значении государства и рваной исторической памятью. В дебатах в Интернете, которые я упоминал, тот же Б. вслед за отрицанием «советской империи» доходит, по сути, до отрицания России и самой возможности ее сохранения: «Да, Сталин создал сверхдержаву (военно-мужичскую империю), но почему вы записываете это ему в плюс? Я не говорю о средствах... Я вообще не говорю о цене...» Здесь отрицание доведено именно до чистоты — Б. идет дальше большинства демократов, ибо они всегда упирали именно на «средства и цену» (репрессии и т.п.). Он это отбрасывает как несущественное и отрицает в принципе само стремление быть сверхдержавой — хотя не может не знать, что в реальных условиях XX века только это обеспечивало выживание России. Ведь тогда все это прекрасно понимали — не смог бы никакой Сталин создать «военно-мужичскую империю», если бы «мужики» нутром не почувствовали ее необходимости.

Одним из мотивов в антигосударственных рассуждениях была ненависть к советской номенклатуре. Это — апелляция к ложному и очень примитивному стереотипу. Ведь в любом государстве есть номенклатура какого-то типа, и содержательно-го ее сравнения с советскими чиновниками никто никогда не делал. Неявно предполагалось, без всяких на то оснований, что советские чиновники, конечно же, хуже западных. Но и это, в принципе, было несущественно. В антисоветских рассуждениях разговор все время сбивался на *ложное* сравнение: где лучше — в СССР 70-х годов или во Франции или Швеции? На деле так вопрос не стоит и никогда не стоял. Как ни крути, смысл имел только вопрос: где *хуже* — в СССР или в РФ конца 90-х годов? Эта проблема была четко поставлена в письме одного читателя: «Капитализм под руководством сволочей — это хуже и безжалостнее, чем социализм под руководством *тех же самых сволочей*».

Надо подчеркнуть и такую исключительно важную методологическую подтасовку. Антисоветский проект все время неявно исходил из того, что без СССР будет *лучше*. А в действительности следовало сравнивать не то, что «будет лучше», а именно то, что «будет хуже». Потому что «хуже» — понятие более жесткое. «Хорошему» нет предела, и все в нем зависит от вкуса, о котором не спорят. А вот у «плохого» есть критические уровни. Как говорится, после некоторого порога ухудшения — тишина...

Из антигосударственности у антисоветской интеллигенции вылупился самый вульгарный и пошлый *антипатриотизм*. Николай Петров, преуспевающий музыкант, делает поистине страшное признание (сам того, разумеется, не замечая): «Когда-то, лет тридцать назад, в начале артистической карьеры, мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для

которого качество рояля и реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, были куда важнее пресловутых березок и осточертевшей трескотни о «советском» патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовольствием болел за шведов и канадцев, лишь бы внутренне остаться в стороне от всей этой квасной и лживой истерии, превращавшей все, будь то спорт или искусство, в гигантское пропагандистское шоу» (*Петров Н.* К унижениям в своем отечестве нам не привыкать. — «Независимая газета». 13 июля 1993). Держал фигу в кармане — болел за шведов и канадцев! Не потому, что они ему нравились, а потому, что какая-то мелочь в государственной пропаганде резала ему слух.

А. Адамович в марте 1989 г. на открытии в Москве международного научного клуба даже воззвал к иностранным ученым, прося у них помощи против советского государства (это — депутат Верховного Совета СССР!). Он так описал его отношения с обществом: «Одни ведомства ведут химическую войну против собственного народа и природы. Другие — с помощью мощной мелиоративной техники, третьи — почти уже атомную (Чернобыль). Да что ваши военно-промышленные комплексы! Это кошка против нашего тигра — ведомств... Вот почему и ученые наши, которые не продали душу ведомствам, и «зеленые» наши так рассчитывают опереться на вас, мировую науку, в борьбе с ведомственным Левиафаном» (с. 225).

Замечательно выражает свое отношение к СССР Е. Г. Боннэр. Вот как она описывает свои чувства при возвращении из США: «Я столько раз была за границей и ни разу не осталась. Каждый раз было так трудно возвращаться. Ведь на самом деле все наоборот: за граница — это там (в СССР. — С. К.-М.), и оттуда, бывало, не дозовешься, не докричишься и никто не услышит. Все разы, что я возвращалась, уже при пересечении границы и сразу за ней на душу падает такой тяжкий туман, такой мрак, что невозможно объяснить... Только невероятными усилиями воли заставляешь себя снова учиться дышать без воздуха, плыть без воды, ходить без земли» (*Е. Боннэр* «Постскриптум. Книга о горьковской ссылке». Editions de la Presse Libre, Paris, 1988, с. 197).

В своем походе против государства антисоветские интеллектуалы постепенно легитимировали, а потом и опозитизировали *преступный мир*. Он всегда играет большую роль в сломах жизнеустройства. Социальный хаос — его питательная среда. С другой стороны, его используют и революционеры в своих усилиях по подрыву государства. Принявший активное участие в революции преступный мир затем был с огромным трудом загнан в жесткие рамки в период «сталинизма». Кстати, вопреки распространенному мнению, очень большую часть жертв репрес-

сий составляют уголовники. Надо напомнить, что особо тяжкие преступления (убийства, бандитизм и вооруженный разбой) в советском праве причислялись к числу *государственных* преступлений (статья 58). Но в целом в советское время преступный мир усилился из-за разрушения привычных укладов жизни, череды социальных потрясений и перехода к городской жизни. Он насытился интеллектуальными силами, вобрав в себя (или породив) существенную часть интеллигенции. Но главное, что начиная с 70-х годов он получал культурную легитимацию.

В ходе перестройки необходимо было оживить преступный мир и для поставки кадров искусственно создаваемой буржуазии. Причем буржуазии, повязанной круговой порукой преступлений, готовой воевать с ограбленными. Но это социальная сторона, а поговорим о том, какую роль сыграла интеллигенция, особенно художественная, в снятии природной неприязни советского человека к вору, в обелении его образа, в его поэтизации — создании совершенно нового культурного стереотипа. Без духовного оправдания авторитетом искусства никакие социальные трудности не привели бы к взрыву преступности.

Это — новое явление. В советское время преступный мир был замкнут, скрыт, он маскировался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился без большого расширения в масштабах. В СССР существовала довольно замкнутая и устойчивая социальная группа — *профессиональные преступники*. Они вели довольно размеренный образ жизни (75% мужчин имели семьи, 21% проживали с родителями), своим преступным ремеслом обеспечивали скромный достаток: 63% имели доход на одного члена семьи в размере минимальной зарплаты, 17% — в размере двух минимальных зарплат. У советских преступников (и мужчин, и женщин, и несовершеннолетних) из всех мотивов преступных деяний «жажда наживы» была на самом последнем месте. У взрослых главным было «стремление выйти из материальных затруднений наиболее легким путем» и «склонность к легкой жизни» (А. А. Тайбаков. Профессиональный преступник (опыт социологического исследования). — СОЦИС, 1993, № 8).

Нынешняя экономическая реформа породила совершенно особый новый тип преступника — профессионального расхитителя государственной собственности. По уровню доходов и своей экономической мощи эта новая социальная группа не имеет генетической связи со старой советской преступностью.

А ведь антисоветская элита оказалась не только в «духовном родстве» с грабителями. Порой инженеры человеческих душ выпивали и закусывали на ворованные, а то и окровавленные деньги. И даже сегодня они говорят о них не только без угрызенной совести, но с удовлетворением. Вот писатель Артур Мака-

ров вспоминает в книге о Высоцком: «К нам, на Каретный, приходили разные люди. Бывали и из «отсидки»... Они тоже почитали за честь сидеть с нами за одним столом. Ну, например, Яша Ястреб! Никогда не забуду... Я иду в институт (я тогда учился в Литературном), иду со своей женой. Встречаем Яшу. Он говорит: «Пойдем в шашлычную, посидим». Я замялся, а он понял, что у меня нет денег... «А-а, ерунда!» — и вот так задирает рукав пиджака. А у него от запястья до локтей на обеих руках часы!.. Так что не просто «блатные веянья», а мы жили в этом времени. Практически все владели жаргоном — «ботали по фене», многие тогда даже одевались под блатных». Тут же гордится Артур Сергеевич: «Меня исключали с первого курса Литературного за «антисоветскую деятельность» вместе с Беллой Ахмадулиной».

Еще предстоит исследовать процесс самоорганизации особого, небывалого союза: уголовного мира, власти (номенклатуры) и либеральной части интеллигенции — той ударной силы, которая сокрушила СССР. Такой союз состоялся, и преступный мир является в нем самой активной и сплоченной силой. И речь идет не о личностях, а именно о крупной социальной силе, которая и пришла к власти. Умудренный жизнью и своим редким по насыщенности опытом человек, прошедший к тому же через десятилетнее заключение в советских тюрьмах и лагерях — В. В. Шульгин, — написал в своей книге-исповеди «Опыт Ленина» (1958) такие слова: «Из своего тюремного опыта я вынес заключение, что «воры» (так бандиты сами себя называют) — это партия не партия, но некий организованный союз, или даже сословие. Для них характерно, что они не только не стыдятся своего звания «воров», а очень им гордятся. И с презрением они смотрят на остальных людей, не воров... Это опасные люди; в некоторых смыслах они люди отборные. Не всякий может быть вором!

Существование этой силы, враждебной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, Аппарат принуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты. Ведь они единственные, что объединены, остальные, как песок, разрознены. И можно себе представить, что наделают эти объединенные «воры», пока честные объединяются.

Фундаментальная ошибка нашей честной антисоветской интеллигенции заключается в том, что она совершенно безосновательно думала, что, сломав советскую политическую надстройку, попадет в демократическое либеральное общество. А попала под тeneвую власть бандитов. Иначе и быть не могло, и причины именно фундаментальны, пора это честно признать.

История советского строя показала, что можно в рамках солидарного общества загнать бандитов в катакомбы и постепенно выгрызть у них почву. Эта борьба шла с переменным успехом, но в целом неуклонно — пока либеральная интеллигенция не заключила с «братками» исторический блок.

Дополнение из 1992 г.: через «дело КПСС» — к познанию нашего общества. Одним из главных видов оружия перестройки была идея исторической вины — государства, партии, народа. Эта идея помогла ввергнуть в саморазрушительную вакханалию нынешние поколения наших народов. Казалось бы, абсурдно разрушать свой дом из-за того, что дедушка был в чем-то виноват, — а так и поступили. Попробуйте убедить испанцев начать гонения на католическую церковь из-за того, что слишком крутой была инквизиция, — тебя сочтут сумасшедшим.

Общество, как металл, хорошо видно на изломе — как сегодня. И очень обо многом говорит анализ излома важной структуры — КПСС. Этот анализ в 1992 г. провел Конституционный суд, сам о том не думая. Если бы подумал, то мог бы провести гораздо лучше. Но и так полученное тогда знание было, думаю, важнее самого решения суда. Очень важно было бы прочесть протоколы того суда и все выступления, а здесь затрону лишь пару вопросов.

Ельцин объявил о запрете КПСС 7 ноября 1991 г., в день праздника, который был дорог большей части народа. Сказалась, видно, привычка отчитываться перед начальством о больших делах в красный день календаря. Для нас же важно, чем оправдывалось внесудебное (!) запрещение оппозиционной партии: КПСС, дескать, была не общественной организацией, а *государственной* структурой. И демократы-интеллигенты это приняли, в то же время все семь лет твердя, что СССР был *идеократическим* государством. Но, господа, это же несовместимые утверждения! Признак полного непонимания.

Демократ произносит слова «идеократическое государство» с ужасом — как же можно было в нем жить! То ли дело США или Япония! При том, что и США, и Япония — типичные идеократические государства, контролирующие граждан жесткой идеей. США весьма либеральны к своему гражданину — покуда он безусловно признает их право быть лидером и судьей всего мира и декларирует свой абсолютный патриотизм (точнее, шовинизм). Японца ведет идея особого духа Страны восходящего солнца. Журнал «Форчун» приводит слова ведущего обозревателя «Асахи»: «Мы можем носить джинсы, но мы остаемся самураями, носящими мечи. Для нас Япония — это земной шар. Поездка в Англию все равно что полет на Марс. США — это Юпитер». Идеократия СССР, при всей ее помпезности, была мягкой и

терпимой. Но — общепризнанно, что идеократия. Какое же место занимала в ней КПСС?

Да, КПСС была не похожа на типичные партии Запада («партия нового типа»), но из этого вовсе не вытекает, что она была государственной структурой. Она только потому и могла эффективно выполнять свою роль в идеократии, что была *внегосударственной* силой. Российская империя и, после ее революционной модернизации, СССР были яркими примерами традиционного общества — в противовес т.н. современному обществу Запада. Этот вопрос глубоко изучен и русскими, и западными философами, такими как Маркузе и Хабермас (А. Н. Яковлев хвастался, что критиковал Маркузе, не читая его, а следовало почитать). Традиционное общество построено таким образом, что всё его должно пронизывать *негосударственная* организация, являющаяся носителем и выразителем обязательной для всех подсистем общества идеи, не подвергающейся обсуждению.

Такая идея и производная от нее этика может быть сформулирована на языке религии (и роль «пронизывающей» организации играет сословие жрецов, как в древнем Египте, или церковь, как в средневековой Европе или сегодня в Иране). Эта идея и этика может быть записана на языке философии (как в древнем Китае) или на языке идеологии, как в СССР. КПСС при этом может рассматриваться как аналог церкви. Н. Бердяев, страстно отрицающий советский строй, писал в «Философии неравенства» (1923): «Социалистическое государство не есть секулярное государство, это — сакральное государство... Оно походит на авторитарное теократическое государство... Социализм исповедует мессианскую веру. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия — коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью».

Если бы КПСС была государственной структурой, она не могла бы «пронизывать» общество и быть носителем «абсолютной» идеологии. Можно как угодно проклинать этот тип общества (хотя это и глупо), но это — хорошо изученная реальность. Кстати, характер КПСС как принципиально негосударственной организации вытекает и из кибернетики. Изучая управление крупными системами (государственными учреждениями или корпорациями), Ст. Бир показал, что они устойчиво функционируют, лишь если имеется «внешнее дополнение», говорящее на ином языке, чем эти системы, причем на языке высшего порядка.

Иными словами, в систему должна «проникать» организация с совершенно иным «генотипом», следующая иным, не подчиненным данной системе критериям, с иными понятиями. Именно эти функции в советском государстве выполняла КПСС.

Специалистам по системному анализу еще в 70-х годах это было прекрасно известно и принималось как очевидность. КПСС была не частью «государственной машины», а *внешним дополнением* к ней — общественной организацией, говорящей на ином, нежели государство, языке.

Когда в традиционных обществах терпит кризис или изымается их «этическая» (идеологическая) сердцевина, последствия бывают катастрофическими. Мы эту катастрофу и наблюдали в СССР, когда команда Горбачева «вынула сердцевину» идеократического советского государства и устранила единую, не подвергающуюся сомнению этику, которая налагала табу, например, на национальную вражду. И на фоне уже переживаемой тогда катастрофы цинизмом или недомыслием являлось поддержание демократами обвинение, будто КПСС «разжигала социальную и межнациональную рознь».

Как ни проклинай СССР, но именно в этом аспекте он представлял систему с *отрицательной обратной связью* по отношению к конфликтам. Это значит, что при обострении противоречия автоматически включались экономические, идеологические и даже репрессивные механизмы, которые разрешали или подавляли конфликт, «успокаивая» систему. Это делалось независимо от воли и личных качеств отдельных людей — так была устроена система, в которой ключевую роль силы быстрого реагирования играла именно КПСС. Это было заложено в ее *идеологической* системе, возводящей в догму «единство» и запрещающей идущие вразнос конфликты, и в ее *организационной* системе, «пронизывающей» все потенциально конфликтующие стороны. Такая система консервативна — но не конфликтивна.

Напротив, ослабление и изъятие КПСС из системы *общество — государство* привело, помимо воли политиков (примем это как допущение), к возникновению системы с *положительной* обратной связью относительно конфликтов. Уже с 1988 г. с тем же автоматизмом и так же независимо от личных качеств политиков любой конфликт разжигался как автокаталитический процесс. Кое-кто оправдывал это как необходимые издержки перехода к иному типу общества, но это — факт. Совершенно то же самое произошло в Югославии, где режим, имевший компартию в качестве ядра системы, почти на 50 лет обеспечил мирную совместную жизнь народов, которые до этого имели большой взаимный кровавый счет и обладали большим потенциалом конфликтов.

Известно, что в СССР именно силы, вырывавшие «коммунистический сердечник системы», сыграли главную роль в разжигании кровавых межнациональных конфликтов. А вот социальная сфера. «Московский комсомолец» пишет об участниках митинга 9 февраля 1992 г. в Москве, который прошел под чисто

социальными лозунгами: «То, что они не люди, — понятно. Но они не являются и зверьми. «Зверье, как братьев наших меньших...» — сказал поэт. А они таковыми являться не желают. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной».

Сам вопрос отнесения той или иной организации к категории *общественных* не является тривиальным. Следовательно, его решение ни в коем случае не могло быть отдано на откуп исполнительной власти (президенту). Импровизация президента в этом вопросе — произвол. Если же исходить из здравого смысла, то для начала можно предложить самые простые критерии. Например, добровольное членство в организации и ее существенная экономическая автономия от государства (полной автономии нет нигде — сейчас государство на Западе финансирует политические партии из бюджета). Важнейший критерий — отсутствие собственных структур, через которые можно непосредственно осуществлять реализацию своей политики. Например, национал-социалистическая партия в Германии была огосударствлена — она имела свои войска. А КПСС все свои политические решения могла проводить в жизнь только через органы государства, и прохождение этих решений вовсе не было автоматическим.

Типичный сюжет литературы соцреализма — конфликт между партийным секретарем и директором завода. Этот конфликт в принципе возможен лишь при довольно высоком уровне взаимной автономии этих структур. Само наличие «телефонного права» говорит о том же — зачем звонить тайком по телефону и кого-то просить, если можно приказать. Взаимодействие государственной и партийной структур имело сложную динамику и проходило по-разному на разных уровнях. Так, в первичных организациях явно преобладало давление администрации.

Наконец, важно восприятие организации ее зарубежными аналогами, относительно характера которых нет сомнений. КПСС однозначно рассматривалась как *партия* классическими европейскими партиями — социал-демократами. Она имела межпартийные связи с II Интернационалом, обменивалась делегациями, ее представители приглашались на съезды и т.д.

Язык, термины отражают, даже помимо желания говорящего, его действительное представление о предмете. Шахрай на суде говорил: «КПСС *подменяла* государственные органы». Этого никто и не отрицал. Но именно слово «подменяла» показывает, что КПСС *не была* государственной структурой. Подменить — значит временно брать на себя выполнение чужих, не свойственных тебе обязанностей, которые в нормальной ситуации должен выполнять кто-то иной, специально предназначен-

ный для этих функций. Монах может подменить война, но церковь от этого не становится армией.

Допустима ли подмена государственных структур общественными в выполнении их функций? Во многих случаях — да. Более того, совершенно четкое разделение функций возможно лишь в тоталитарных обществах. Чем более «гражданским» является общество, тем более размытыми становятся границы, тем большую долю своих функций органы государства выполняют совместно с общественными структурами или уступают им. Так и возникает самоорганизация, появляется гибкость, повышающая устойчивость общества. В некоторых ситуациях (например, в конфликтах) общественная организация выполняет многие деликатные функции гораздо лучше, чем государственная. Именно к такому обществу якобы стремились перейти демократы — и в то же время преследовали общественную организацию за «подмену» функций государства. Кстати сказать, в очень многих проявлениях самого разного рода было видно, что те, кто называл себя в СССР и России демократами, на деле унаследовали самые антидемократические стереотипы мышления советской бюрократии — антидемократические до тупости.

О полном непонимании сути КПСС говорит и утверждение, будто она участвовала в подготовке и осуществлении путча в августе 1991 г. Ведь пугч если бы и был, то был бы результатом *заговора*. Однако сам тип партии, какой была КПСС, делал ее неспособной к каким бы то ни было конспиративным действиям. Во всех документах партии — Уставе, Программе и решениях (от Съезда до первичных организаций) — нет и намек на силовые методы борьбы. Следовательно, участие в путче, если и было, крылось бы в невидимой, подпольной маргинальной части партии. Это было бы возможно лишь в том случае, если бы КПСС была партией сектантского типа, объединяющей очень узкую и сплоченную социальную группу. Но КПСС уже во время войны перестала быть такой партией, а стала срезом всего общества. В ней было 18 млн. человек из всех социальных групп, включая Артема Тарасова. Ни о каком возникновении заговоров в такой партии и речи не могло быть.

И еще о сути КПСС. Она давно перестала быть *партией борьбы*, а стала партией *охранительной*. Потому-то она в августе и «не вышла на защиту ЦК», что морально была не готова к конфликту с какой бы то ни было властью. Быть может, в этом трагедия и историческая вина КПСС — она не только без борьбы сдала страну, она стала «троянским конем», в котором к власти проникла хищная антинациональная часть номенклатуры. Запретив КПСС, которая по своей структуре и составу была гигантским «круглым столом», поглощающим и гасящим радика-

лизм, Ельцин резко обострил и загнал вглубь все противостояния в обществе — устранил «механизм торможения» на крутом спуске.

Рассмотрение «дела КПСС» в Конституционном суде превратилось в спор мировоззрений, в сравнение разных «правд» о мире, человеке и обществе. Режим постарался опошлить этот спор — уже тем, что выставил такие фигуры, как адвоката Макарова. Но было со стороны противников КПСС выступление, которое идеологи антисоветского режима посчитали блестящим и показали по телевидению достаточно полно. Это — выступление правозащитника С. А. Ковалева. Оно было высоко оценено и «стороной КПСС» как, дескать, искреннее и целостное. О нем я и хочу сказать.

Действительно, речь Ковалева резко отличалась своей цельностью от речей Шахрая и его компании уже потому, что ему не надо было прибегать к казуистике и решать неразрешимую задачу — так обвинить КПСС, чтобы не забрызгать репутацию Ельцина, Бурбулиса, Горбачева и подобных им, вскормленных молоком КПСС. Ковалев мог рубить сплеча — он по сути потребовал отказа от всей нашей истории (как минимум тысячелетней). Первая его тема — тема вины и покаяния.

Ковалев требовал покаяния не только от КПСС, но и от всего народа (за большевизм и Сталина). Но покаяние — действие глубоко интимное. Почти во всех культурах, а в православной наверняка, это действие состоит в рамках религиозного чувства под покровом благодати. Перенесение его в социальный или политический контекст — пошлая профанация, которая даром не проходит. Это видно по тому, какой тип «покаяния» навязал перестройке типичный интеллигент Абуладзе. Он встал против присущего религиозному сознанию стремления «похоронить зло» и призвал всех не дать ему места в земле, выкопать его из могил и бросить прямо в город, в души всех его жителей — таков последний кадр его фильма. Так и поступали архитекторы перестройки. Ведь Сталина с того света (как и классовую борьбу) возвращают в нашу жизнь именно Гайдар, орудуя в экономике, и Адамович, орудуя в культуре. А все ритуалы КПСС (до Горбачева) успокаивали и отправляли душу сталинизма в небытие, в историю.

Обвинение народу в том, что он «позволил править Сталину», основано на той же логике, по которой 80 лет назад обвинили одних за то, что были крепостниками, а других за то, что терпели рабство. Гражданская война и стала навязанным тогдашними абуладзе и ковалевыми «покаянием», отмыванием греха крепостничества.

Кредо Ковалева: даже хорошие дела от КПСС были мерзки. Все, что делалось с участием КПСС, могло быть только злом.

Но это и есть суть манихейства, отход от целостного образа жизни к иссушающему разделению Света и Тьмы. Сам Ковалев признает, что КПСС пронизывала всю жизнь страны. Получается, *вся наша жизнь* была зло. Всем следует пойти и утопиться. Здесь присущее антисоветской интеллигенции морализаторство доведено до предела. «Если улица не ведет к Храму — зачем она?» — вот кредо тоталитаризма.

Показательно отношение Ковалева к «ритуалу». Его возмущает, что КГБ в 80-е годы выступал за либерализацию режима, но с ритуальными фразами о «подрывной деятельности», освобождал диссидентов не с извинениями, а в порядке помилования. Но эволюция общества — это непрерывное обновление содержания под старой ритуальной шелухой, которая, устаревая, «сходит слоями», как кожа. Выступление Ковалева — образец мышления фанатика, не понимающего своего общества и отвергающего всякую постепенность в его развитии.

Отрицает Ковалев рациональность и в другом пункте. Ведь в осмыслении истории важна не точка, а *динамика*. Ковалеву же главное — слова, он ужасается: в СССР было 300 заключенных диссидентов за последние 20 лет! Ну не империя ли зла (хотя для Запада цифра смехотворная)! А какова динамика репрессий? От «кровавого воскресенья» — через Гражданскую войну — репрессии 30-х — репрессии 40-х годов — к мягкости Брежнева. Это — очень быстрая динамика (та же динамика во Франции после революции была намного хуже). Ее ни в коем случае нельзя было прерывать, если бы думали не о словах, а о людях. Что же сделал Ковалев (Гамсахурдия, Тер-Петросян, Туджман и др. «мстители за поруганные права»)? Они сломали систему, наладившую эту динамику, и потребовали ее капитуляции и суда над ней. Результат: в слабых звеньях (Карабах, Босния, Молдавия) кровь потекла рекой.

Ковалев молился на суде правам человека в специфическом понимании западной демократии. А это — ценность не общечеловеческая, а преходящая, и появилась она недавно. В Средние века ее не было — а разве тогда жили не люди? Когда стали «правовыми» Германия или Испания? Более того, если эта ценность становится кумиром, то на ней возникает тоталитаризм ничуть не лучше любого другого. Права человека, как и другие ценности, улучшают жизнь именно пока они — идеал, а не *абсолют*. В Англии в 1990 г. выпустили из тюрьмы 6 человек, которые под пытками признались в несовершенном преступлении и отсидели невинно 12 лет. Это ведь похуже, чем у нас было при Брежневе. Что же, заклеить и разрушить Англию?

Ковалев обвинял КПСС как человек из иного общества. Такие люди в небольшом количестве есть везде (как, например, кришнаиты в США). Но они не обвиняют, а сосуществуют с

«отсталыми» и оказывают на них давление. Допустим, КПСС была частью нашего «отсталого» общества. Мы шли к все более правовому и очень терпимому обществу. Ковалеву не нравилось, как шли, — и под его аплодисменты нас повели через Карабах и Приднестровье.

Наше общество относилось к категории «традиционных». В них главное — не право, а *справедливость*, то есть нормы всеобщей этики (как и любые нормы, они нарушались, но формирующую общество функцию выполняли). Либералы считают возникновение таких норм «дорогой к рабству». Спор об этом философский, а уж никак не для Конституционного суда. Признание недоказуемых философских тезисов Ковалева лучшими аргументами обвинения означало в правовом отношении огромный регресс.

В традиционном обществе право сопряжено с «*правдой*», то есть установленными понятиями о добре и справедливости. Наша история была такова, что если что-то признавалось вредным *для страны*, то право было лишь инструментом для нейтрализации этого зла. Вспомним ту «преступную», по мнению Ковалева, этику, под которую подгоняли право, судя диссидентов. Диссиденты апеллировали вовне (к Рейгану, ООН и т.д.). Независимо от нынешних оценок, у советского общества был «синдром военного быта» — никто этот факт, отмеченный еще Менделеевым, не оспаривает. При таком умонастроении апелляция к противнику в «холодной войне» выглядела как предательство. Осуждать за это КПСС тех времен глупо, ибо речь идет о мировоззрении, об идеалах, которые очевидно доминировали в обществе в тот конкретный период.

Да и с точки зрения разума: к кому апеллировали диссиденты? К США, залившим в те годы кровью Вьетнам? Разве у них права человека были на уме? В Панаме в декабре 1989 г. убили 7 тыс. ни к чему не причастных людей, чтобы доставить подозреваемого (!) Норвегу в суд. Норвегу — агента ЦРУ, личного друга Дж. Буша, который в чем-то провинился перед хозяевами. Это сегодня на короткий срок у нашей интеллигенции произошла такая aberrация, что ей Батиста предпочтительнее Кастро, а Сомоса и Пиночет просто друзья. В 70-е годы апелляция к США воспринималась (и вполне разумно) как натравливание Запада на весь наш народ. Поучительна нынешняя антикубинская кампания: там сидели в тюрьме 3—4 правозащитника, а в Гватемале за 80-е годы убили 100 тыс. человек (в пересчете на СССР это было бы 10 миллионов). Но в мозгу нашего либерала Гватемала — демократическая страна, а кубинцев, не желающих либерального рая, он готов уничтожить.

Я сказал о честности выступления Ковалева. Но в ней большой изъян. Ведь он выступил против КПСС не из вакуума —

он согласился быть свидетелем определенной стороны, представленной Ельциным, Бурбулисом и пр. Он вошел в их бригаду и тем самым взял на себя ответственность за их дела. Так ли безупречна эта фракция, чтобы было честным морализаторство в ее интересах? Да ни в коем случае, и невозможно поверить, что Ковалев этого не понимал. И если КПСС — зло, то как минимум все эти Ельцин, Шеварднадзе, Снегур и прочие экспартократы — тоже зло. И в самом лучшем случае в их тяжбе речь может идти о выборе *меньшего зла*, но тогда рушится вся схема столкновения добра и зла, на которой построил свое выступление Ковалев. И всякое морализаторство и призывы к покаянию становятся нечестными. Какое из этих зол меньшее — вопрос далеко не очевидный. Именно поэтому правозащитники вроде Л. Богораз при виде расстрелянных Бендер набрали в рот воды — они подписали контракт с упомянутой фракцией Ельцина — Снегура и стали *соучастниками* ее дел. Так нечего рядиться в тогу морализатора, честнее быть просто ладскнехтом политической партии, которую ты выбрал для службы.

И еще одну нечестность я вижу в самом ядре выступления Ковалева. Сегодня, 60 лет спустя, он возлагает вину на КПСС и весь народ за преступления Сталина, отстоящего от нас на два поколения и несколько исторических эпох. И ни слова о том, что проделала его партия за последние 7 лет, и о том, что она делала в момент суда. Что, разве расстрелы в Ходжаллы и в Бендерах — стихийное бедствие, а не результат определенной политики? Этой политики не хотело подавляющее большинство народа («совки с неправовым сознанием») и не хотела динозавр-КПСС — за исключением Горбачева и его друзей-конкурентов. Горбачев и Ельцин эту политику делали, а Ковалев (и подобные ему правозащитники) молчали или аплодировали — помогали. Ведь это уже очевидный, экспериментальный факт. Разве здесь нет сегодняшней, осязаемой вины — не отцов и дедов, а лично Ковалева и «его стороны» в Конституционном суде? Вот бы ему и поговорить о личном покаянии — это было бы уместно как прелюдия.

Сейчас интеллектуалы-демократы неуклюже оправдываются: ах, мы не знали, что так получится, хотели всего лишь разрушить империю! Вот доктор наук из Института философии Э. Ю. Соловьев поучает: «Сегодня смешно спрашивать, разумен или неразумен слом государственной машины в перспективе формирования правового государства. Слом произошел. И для того, чтобы он совершился, отнюдь не требовалось «все сломать»... Достаточно было поставить под запрет (т.е. политически ликвидировать) правящую коммунистическую партию. То, что она заслужила ликвидацию, не вызывает сомнения. Но не менее очевидно, что государственно-административных последствий

такой меры никто в полном объеме не предвидел. В стране, где все управленческие структуры приводились в движение не материальным интересом и даже не чиновным честолюбием, а страхом перед партийным взысканием, дискредитация, обессиление, а затем запрет правящей партии должны были привести к полной деструкции власти. Сегодня все выглядит так, словно из политического тела выдернули нервную систему. Есть головной мозг, есть спинной мозг, есть живот и конечности, а никакие сигналы (ни указы сверху, ни слезные жалобы снизу) никуда не поступают. С горечью приходится констатировать, что сегодня — после внушительного рывка к правовой идее в августе 1991 г. — мы отстоим от реальности правового государства дальше, чем в 1985 г.».

В каждой фразе кривит душой философ и усугубляет вину своего цеха. Выполняя заказ, он опять доказывает, что можно обсуждать лишь действия ушедших вождей — а прошлогодние дела обсуждать даже «смешно». И правомерность запрета КПСС «не вызывает сомнения» — ведь наверху-то решили! Но напрасно ученый скромно прячется за словом «никто», говоря, что якобы не предвидели катастрофических последствий «выдергивания нервной системы» из тела традиционного общества. Эти последствия не просто «предвидели» и Горбачев, и Яковлев, и их консультанты из корпорации «РЭНД». Эти последствия настолько хорошо изучены и в истории, и в социальной философии, что результат можно считать теоретически предписанным. Да и эксперименты были проведены. Югославия была намного либеральнее СССР, намного «западнее», но и там процесс не отклонился от теории. И смысл всего проекта, защитником которого выступил Ковалев, — новый виток войны против России с извечной апелляцией к Западу и опорой на его мощную поддержку.

С другой стороны подошел к делу лидер «обновленных» российских социал-демократов Олег Германович Румянцев. Именно он подал в Конституционный суд России, как он выразился, «ходатайство о конституционности КПСС и КП РСФСР». Надо понимать, что он хотел бы, чтобы КПСС признали неконституционной*. На чем же основывает он свой тезис? На части 2 ста-

* Мелочь, но показательная. В ходатайстве О. Румянцева — до десятка орфографических ошибок на страницу. И это на бланке народного депутата РСФСР, с явной претензией оставить документ для истории. А уж о стиле умолчим. На каждом шагу перлы вроде: «Партия всегда рассматривала себя как орудие осуществления классового господства, противопоставляя свое понимание себя всему остальному обществу». Видимо, все-таки борьбу с ленинизмом Олег Германович начал с отказа от призыва учиться — а все остальное просто приложилось как следствие.

тьи 7 Конституции РСФСР 1977 г. Она гласит: «...не допускает-ся деятельность партий, имеющих целью насильственное изменение *советского* конституционного строя и целостности *социалистического* государства, подрыв его безопасности, разжигание социальной, национальной и религиозной розни». Я выделил слова «советского» и «социалистического», чтобы подчеркнуть: та конституция, на которую ссылается Румянцев, запрещала действие партий, которые посягали именно на *советский социалистический строй*. Причем не то чтобы наносили ущерб своими действиями, а именно **имели целью** — это очень важное место статьи Конституции.

Но ведь совершенно ясно, что КПСС была главным инструментом, призванным защитить этот строй и это государство. Можно как угодно проклинать это государство и этот инструмент, называть КПСС «сатрапом», «цепным псом» советского строя и т.п., но строить все обвинение на том, что КПСС якобы имела целью свержение советской власти и установление капитализма, — это или маразм, или цинизм.

Далее О. Румянцев доказывает, что весь советский режим, ядром которого являлась КПСС, был *преступным*. Тут ничего нового нет, этого мы наслушались и от Рейгана, и от А. Н. Яковлева. Но ведь тогда, войдя в идеологический экстаз, О. Румянцев уничтожает единственную, хотя и хилую правовую основу, на которой строит свое обвинение. Вот уже и Конституцию 1977 г., к которой апеллирует, сам же он называет «намеренно идеологизированной недобросовестным законодателем» и потому нелегитимной.

Вот где Оруэлл почерпнул бы новых идей! Человек с высшим образованием считает преступным весь строй, которым жила его страна 75 лет. Допустим. Далее он признает, что ядром этого строя была КПСС, а юридической базой — Конституция, возложившая на КПСС обязанность быть этим ядром и радеть о строе. И вот, обретя «правовое сознание», он требует запретить КПСС по законам именно того, преступного строя — за то, что она якобы на тот строй посягала. А дальше на восьми страницах сам же доказывает, что КПСС этот преступный строй создала и защищала. Вот такая логика.

И опять же, антисоветизм разрушает право — это очень важное его свойство. О. Румянцев выдвигает обвинение, основанное сугубо на идеологических аргументах, каждый из которых представляет целую *философскую* проблему, а вовсе не юридический предмет. Вот главное его обвинение: «Самой сутью коммунистической идеологии, лежащей в основе деятельности КПСС, является тезис о преступном и антигуманном характере частной собственности». Не нравится Румянцеву этот тезис — ну и что? Ведь это всего лишь тезис, «суть идеологии», которая

всего лишь «лежит в основе» (а может, уже давно и не лежит). Разве дело суда осуждать или оправдывать этот тезис, каким бы спорным он ни был?

А как же обстоят не слова, а дела относительно собственности? Тезис тезисом, а вплоть до 1991 г. была у людей собственность и приращивалась. Хотя бы те 372 млрд. руб. накоплений в сберкассах, которые имели большую реальную ценность (по нынешним ценам на продукты это эквивалентно 14 триллионам рублей или 500 миллиардам долларов). И вот приходят соратники Румянцева, поющие гимн собственности, и эти накопления экспроприируют. Ведь это защитники частной собственности раздели в 1992 г. людей догола!

Еще на один юридический парадокс толкает Румянцев суд: он требует вести процесс против *уже запрещенной* партии, которая легально не может даже сплунуть. Ничего себе правовое государство! Но дальше — больше. Читаешь ходатайство и диву даешься, ведь все это — экскурсы в историю. Не веришь глазам: о какой партии речь? Всюду ссылки на Ленина, на инструкции 1959 г., самое позднее — на XXVII съезд. Какой векто на дворе? Ну сослался бы хоть на XIX партконференцию, где кумир О. Румянцева Ельцин просил о «политической реабилитации» именно у этой любимой преступной партии. Все-таки ближе к моменту запрещения. Нет — призывают *судить историю*. Это все равно что папу Иоанна Павла II, великого демократа, сейчас судить за бедного Галилея (не будем уж поминать инквизицию).

Вот перечисляются преступления, прямо с пункта «а»: в результате деятельности КПСС «граждане РСФСР были лишены реального права избирать и быть избранными в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы». И это пишет депутат, избранный за два года до запрещения КПСС. Ну что тут скажешь! Но как могла КПСС в ноябре 1991 года, после департизации всего и вся, оказывать такое дьявольское влияние? Или Ельцин да Собчак, как марраны, тайно продолжали исповедовать свою коммунистическую ересь?

Или вот: партия якобы инспирировала борьбу против «сионизма» (почему-то это слово Румянцев взял в обидные кавычки — не уважает он сионизма, видно, неразоблаченный патриот). Какую партию в этом обвиняют — партию М. С. Горбачева? Да и потом, надо бы тогда и ООН запретить — уж она-то побольше КПСС «инспирировала» своими дурацкими резолюциями настроения против сионизма.

Все эти выступления в суде над КПСС показали тяжелое поражение исторического сознания и глубокое непонимание типа советского государства и советского общества. К сожалению, тот урок по чисто политическим причинам не был внятно обсужден и использован.

Разрушение мира символов. В том мире культуры, который создан человеком (общественным человеком) и в котором он живет, особое место занимает *мир символов* («универсум символов»). Символы — отложившиеся в сознании образы (призраки) вещей, явлений, человеческих отношений, общественных институтов, которые приобретают метафизический смысл, то есть смысл, выходящий за рамки физического существования тех объектов, из которых выделился символ. Символы — часть оснащения нашего разума. Оно все время развивается, достраивается, но оно может быть и разрушено или повреждено. Символы образуют свой целый мир, сотрудничают между собой, борются — усилиями нашего сознания и воображения. Мы в этом мире живем духовно, с символами непрерывно общаемся и под их влиянием организуем нашу земную жизнь. Но мир символов с этой земной, обыденной жизнью не совпадает, символы приходят к нам из традиции, у них другой ритм времени и другие законы.

Каждый из нас «утрачивает» свою личную биографию через символы, только с их помощью она укладывается в то время и пространство, где нам довелось жить. Они, как носители знания о Добре и Зле, направляют наши поступки, советуют запомнить одни и забыть другие, лепя из каждодневной рутины нашу личную историю. Мир символов легитимирует жизнь человека в мире, придает ей смысл и порядок. Религия — один из «срезом» мира символов, но и без нее этот мир очень богат и полон.

Мир символов упорядочивает также историю народа, общества, страны, связывает в нашей коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В отношении прошлого символы создают нашу общую память, благодаря которой мы становимся народом — так же, как братья и сестры становятся семьей, сохраняя в памяти символы детства, даже отрывочные, зыбкие, как призраки, — вроде песни матери, уходящего на войну отца или смерти деда. В отношении будущего символы соединяют нас в народ, указывая, куда следовало бы стремиться и чего следовало бы опасаться. Через них мы ощущаем нашу связь с предками и потомками, что и позволяет человеку принять мысль о своей личной смерти. Мы обретаем космическое чувство, и оно поддерживает нас в бедствиях и суете обыденной жизни.

Тем свойством, благодаря которому символы выполняют свою легитимирующую и направляющую роль, является авторитет. Символ, лишенный авторитета, становится разрушительной силой — он отравляет вокруг себя пространство, поражая целостность сознания людей.

Человек, не уважающий авторитет символов, образовал ту совокупность людей-атомов, которые в XX веке стали определять лицо западного общества. Испанский философ Ортега-и-

Гассет описал этот тип в печальной книге «Восстание масс»: «Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы».

Известно, что «разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие — насилие» (Р. Гвардини). Огромным экспериментом над человеком был тот «штурм символов», которым стала Реформация в Западной Европе. Результатом его была такая вспышка насилия, что Германия потеряла 2/3 населения. Человек с разрушенным миром символов теряет ориентиры, свое место в мире, понятия о добре и зле. Он утрачивает психологическую защиту против доктринеров, увлекающих его на самые безумные дела и проекты.

Мир символов советского человека и стал главным объектом духовного воздействия в антисоветской программе. Уже с конца 50-х годов в качестве методологической основы для этой программы была взята теория Антонио Грамши о культурной гегемонии. Кратко изложу ее суть.

Антонио Грамши, основатель и теоретик итальянской компартии, написал в тюрьме огромный труд «Тюремные тетради». Он был тайно вывезен и через Испанию переправлен в Москву. Опубликован впервые в Италии в 1948—1951 гг., в 1975 г. вышло его четырехтомное научное издание с комментариями.

Грамши создал новую теорию государства и революции — для городского общества, в отличие от ленинской теории, созданной для условий крестьянской России. Ключевой раздел труда Грамши — учение о гегемонии. Это — часть общей теории революции как слома государства.

Исходя из постулата Макиавелли, что государство стоит на силе и согласии, Грамши называет гегемонией положение, при котором государством достигнут достаточный уровень согласия граждан («государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения»). Это не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Гегемония — не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Ее надо непрерывно обновлять и завоевывать.

Грамши подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности.

Вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома сводятся к вопросу о том, как достигается

или подрывается гегемония. И установление, и подрыв гегемонии — «молекулярный» процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека.

Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, включающее в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли — условие революции. Подрыв совершается через «молекулярную» агрессию в культурное ядро.

Для подрыва гегемонии надо воздействовать не на теории противника, а на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия — неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. Главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии — интеллигенция. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса — главный смысл существования интеллигенции в современном обществе.

Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок (типа провокации в Румынии в 1989 г. или «путча» в Москве в августе 1991 г.).

Теория Грамши положена в основу современной рекламы, в изучение роли вещей (особенно автомобиля), телевидения и спорта в поддержании гегемонии в западном обществе. Исходя из положений этой теории была «спроектирована» и гласность в СССР как программа по подрыву гегемонии советского строя.

Во время перестройки идеологи перешли от «молекулярного» разъедания мира символов, который вели «шестидесятники», к его открытому штурму. В специальной литературе этот проект излагается спокойно и деловито. Многого достигнуто, результаты поддаются строгому изучению, а их связь с воздействием на сознание может быть надежно доказана (это касается, например, динамики насилия).

Культурное ядро советского народа было основано на соединении рациональности (ума) и единой этики (сердца), которое наблюдается у человека традиционного общества, обладающего, как говорят, естественным религиозным органом. Так называют способность видеть священный смысл в том, что совре-

менному человеку кажется обиденным, профанным, технологическим (речь не идет о религии в обычном смысле слова, и нередко у атеистов этот религиозный орган развит сильнее, чем у формально верующих).

Вследствие этого огромное значение в таком обществе приобретает авторитет, не подвергаемый проверке рациональными аргументами. Население СССР испытывало влияние авторитета священных символов и институтов — Родины, Государства, Армии. И дело не в декларациях. Дело в сокровенных переживаниях и угрызениях совести, которые редко и, как правило, странным образом вырываются наружу.

Поскольку советское государство было *идеократическим*, его легитимация и поддержание гегемонии опирались именно на авторитет символов и священных идей, а не на спектакль индивидуального голосования (политический рынок). Многочисленные высказывания и демократов, и патриотов о том, будто советский строй сузил мир символов до «классовых ценностей», являются следствием незнания или сознательным обманом. Насколько нелепы эти утверждения, видно уже из того, что СССР был единственной страной европейской культуры, где была проведена государственная кампания по массовому изданию и введению в систему воспитания народных сказок и классической литературы.

Конечно, прочность мира советских символов была подорвана намного раньше, чем пришел Горбачев. После смерти Сталина сама власть начала не обновление своих символов, а их разрушение или принижение. Параллельно с 60-х годов была запущена машина манипуляции сознанием со стороны разншерстной «партии антисоветской революции» — «сотрудников-врагов» номенклатуры типа Сахарова (западника), Солженицына (почвенника) или Шафаревича (просвещенного патриота) — редкого симбиоза антисоветских интеллектуалов.

Проект разрушения нашего мира символов (прежде всего, через очернение и осмеяние) еще ждет своего историка. Однако контуры его видны уже сегодня. Интеллигенты-западники даже бравировали своим бесстрашием в манипуляции с символами, в солидных журналах прошел поток публикаций на эту тему.

Жизнь без символов, без опоры, в пустоте стала выдаваться за образец. Вот популярный в годы перестройки философ Померанц пишет в «Независимой газете»: «Что же оказалось нужным? Опыт жизни без почвы под ногами, без социальной, национальной, церковной опоры. Сейчас вся Россия живет так, как я жил десятки лет: во внешней заброшенности, во внешнем ничтожестве, висая в воздухе... И людям стало интересно читать, как жить без почвы, держась ни на чем». Жизнь «человека из подполья», без почвы, навязывалась всей России.

Очень быстро идеологи стали перенимать, «один к одному», западные технологии разрушения символов. Вот как, например, в США вытравили память о 1 Мая. Этот день стал праздником международной солидарности трудящихся в память о событиях 1886 г. (тогда была проведена провокация против рабочей демонстрации, в кровопролитии были обвинены и казнены несколько анархистов). Праздник был связан с кровью и имел большой подспудный символический смысл. Учрежден он был в поддержку борьбы американских рабочих за 8-часовой рабочий день. Рейган в 1984 г. объявил 1 мая «Днем закона» (в честь «200-летия соединения закона со свободой», по поводу чего был устроен шумный праздник). Затем к 1 мая стали приурочивать разные шумные акции, например, в 1985 г. в этот день Рейган объявил эмбарго против Никарагуа. Главное было — изъять из исторической памяти сами понятия о солидарности трудящихся.

Буквально тем же способом действовали антисоветские идеологи в России — при пособничестве руководства «независимых» профсоюзов они стали называть 1 Мая «Днем весны и труда». 7 ноября, годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил «отныне считать Днем примирения и согласия».

Сильнодействующим средством разрушения было осмеяние, идеологизированное острословие, имеющее своим объектом именно скрепляющие общество символы. Хазанов и Жванецкий, Задорнов и Петросян стали влиятельными реальными политиками.

Вот книга Эфраима Севелы «Моня Цацкес — знаменосец» (автор отрекомендован журналом «СОЦИС» как еврейский писатель, книга издана в 1992 г. в Петербурге). Это — книга анекдотов о советской армии. Журнал представляет все эти анекдоты как «армейский фольклор», хотя по приведенным примерам (в частности, по диалогу между политруком Кацем и рядовым Цацкесом о красном знамени) видно, что это — довольно занудливый идеологический продукт. «Народный юмор» как технология.

Такой юмор (в виде «ужастиков») был направлен и на символы семьи. Это была такая циничная акция, что сегодня некоторые пытаются ее представить как стихийное явление, фольклор, поминают М. М. Бахтина. Ах, «черный юмор как явление народной смеховой культуры». В академическом журнале печатают мерзкие стишки и комментируют: «Некоторые исследователи в таком отношении к семье усматривают крушение связей, являющееся неизбежным и, возможно, отрицательным последствием развития цивилизации — от племени и родовых отношений к индивидуализму и эгоцентризму. Отметим, не вдаваясь в подробное обсуждение этого тезиса, что он в любом слу-

чае оказывается прямой, непосредственной трактовкой неприглядной роли семьи в освещении подросткового фольклора».

Некоторые исследователи... Тут и следа нет «народной смеховой культуры» и «подросткового фольклора». Это — типичная лабораторная продукция посредственного поэта, выполняющего идеологическое задание.

Важную роль играло осмеяние символов государственности. Поднимите сегодня подшивку «Огонька», «Столицы», «Московского комсомольца» тех лет — захлебывающаяся радость по поводу любой аварии, любого инцидента. А разве не на это было направлено устройство грандиозного концерта поп-музыки на Красной площади и именно 22 июня 1992 г.? Красная площадь — один из больших и сложных символов, олицетворяющих связь поколений. Это хорошо известно. Вот что пишет французский философ С. Московичи: «Красная площадь в Москве — одна из самых впечатляющих и наиболее продуманных. Расположена в центре города, с одной стороны ее ограничивает Кремль. Этот бывший религиозный центр, где раньше короновались цари, стал административным центром советской власти, которую символизирует красная звезда. Ленин в своем мраморном мавзолее, охраняемом солдатами, придает ей торжественный характер увековеченной Революции. В нишах стены покоятся умершие знаменитости, которые оберегают площадь, к ним выстраивается живая цепь, объединяющая массу вовне с высшей иерархией, заключенной внутри. В этом пространстве в миниатюре обнаруживает себя вся история, а вместе с ней и вся концепция объединения народа».

Все это прекрасно знали антисоветские идеологи, потому и устроили тут концерт. И чтобы даже у тугодума не было сомнений в том, что организуется святотатство, диктор телевидения объявил: «Будем танцевать на самом престижном кладбище страны». То, что в могилах на Красной площади лежит много ненавистных демократам покойников, несущественно. Цель — обесчестить святое для русского государственного сознания место (ведь не только Мавзолей наблюдал кривлянье, а и могила Василия Блаженного).

Важный метод вторжения в мир символов — осквернение могил или угроза такого осквернения. Этот метод регулярно применяется политиками уже почти десять лет. Вдруг начинается суэта с угрозами в отношении Мавзолея Ленина. Через какое-то время эта суэта прекращается по невидимому сигналу. Если учесть, какие фигуры в нее вовлекаются (вплоть до патриарха), то уровень руководства такими акциями надо признать высоким.

Активность вокруг Мавзолея всегда инициируется людьми образованными (Г. Старовойтова, Марк Захаров и т.п.). Они не

могут не понимать, что Мавзолей — сооружение культовое, а могила Ленина для той трети народа, который его чтит, имеет символическое значение сродни религиозному.

В первой книге уже говорилось о том, насколько широкая и планомерная программа проводилась и проводится с целью подрыва всего строя символов, связанных с Великой Отечественной войной. Известный английский военный историк Дж. Эрикссон отмечал, что во время перестройки в СССР возник «капитулянтский курс на демонтаж принципиальных итогов войны». Один из способов подрыва авторитета символов войны — пробуждение симпатий или уважения к тем, кто во время войны действовал на стороне гитлеровцев против СССР. Симпатий или уважения по разным основаниям — кто-то, как Власов, боролся со сталинизмом, кто-то имеет поэтический талант.

Здесь надо снова подчеркнуть, что эта кампания почти не имела бы силы, если бы велась только откровенными «западниками». Именно участие в ней «патриотов» придает ей большую силу — не путем сложения усилий, а вследствие мощного кооперативного эффекта. Роман Г. Владимова, обеляющий предателя Власова («Генерал и его армия»), должен получить знак патриотического качества в виде высокой похвалы от В. Бондаренко. Сам В. Бондаренко, завоевав авторитет шумной атакой на генетика-невозвращенца Тимофеева-Ресовского, может после этого заниматься реабилитацией целой категории предателей. Да еще с какой патетикой: «Казненные молчанием» («Слово», 1991, № 10). Речь о писателях, которые пережили ужасный «двадцатилетний опыт советчины» и наконец-то, благодаря приходу оккупантов, смогли заговорить.

Вот как это трактует В. Бондаренко: «Замкнув свои уста в довоенный период, оказавшись по разным причинам на оккупированной территории, поэты здесь дерзнули заговорить открыто, зная, что после этого назад пути нет... Многие из них работали в русских газетах на оккупированной территории». Что ж, у каждого свое оружие — одни партизан вешали, другие в «русской» газете, издаваемой немцами, трудились. Причем скорее всего добровольно, а не под угрозой расстрела или голодной смерти, как большинство простых власовцев. И с какой жалостью пишет об их судьбе после победы наш патриотический идеолог: «А пока вернемся к несчастным беженцам, не нужным западной демократии, вылавливаемым советскими спецкомандами... Полиция всех стран помогала смершевцам вылавливать русских беженцев. Особенно изошрялись англичане, не уступавшие подручным Берии и Гиммлера». Какая изошренная логика! Ведь эти «русские беженцы», которых вылавливают «советские спецкоманды», как раз и есть «подручные Гиммлера».

Чуть ли не прославляя явных предателей и активных сотруд-

ников врага, одновременно громя Тимофеева-Ресовского, который прямо в делах фашистов не участвовал (почему и был расстрелян его сын), В. Бондаренко не только подпиливает символы Отечественной войны, но и подрывает способность людей взвешивать, измерять явления — а на этой способности держится здравый смысл.

Новый подход к деградации символов Отечественной войны был введен в действие уже в годы перестройки — обвинение советского государства, а потом и вообще советских людей того времени в жестоком отношении к немцам, в том, что их «ограбили» и т.д. Публикация в специальных исторических журналах материалов, рисующих истинную картину, практически не могла нейтрализовать эту кампанию, для которой были представлены средства массовой информации. Не проникли к нам и документы из Германии. Идеологи, которые подняли тему, знали истину, но она для них никакого значения не имела.

Перечень символов, которые были сознательно лишены святости в общественном сознании, обширен. Дело не ограничилось теми, которые непосредственно связаны с политическим строем или вообще государственностью Руси, России и СССР (Сталин, затем Ленин и т.д. вплоть до Александра Невского и князя Владимира). Много мазков было сделано и по образам Пушкина, Шолохова, Суворова и т.д.

Особое место в технологии «штурма символов» занимает очернение или осмеяние образа мучеников. Раньше говорилось о том значении, которое имела атака на образ Зои Космодемьянской, вошедшей в пантеон мучениц нашего народа.

Еще более показательно «второе убийство» Павлика Морозова. В массовом сознании было создано ложное мнение, что Павлик Морозов олицетворяет фанатическую приверженность тоталитарной идее и преданность власти, ради которых идет на предательство отца. Это представление стало настолько всеобщим, что даже видные деятели «красной» оппозиции, не говоря уж о писателях-патриотах типа В. Крупина, включили его в свой арсенал.

Все мы с детства воспринимали этот образ как символ трагедии, высших человеческих страстей — мальчик, убитый своим дедом. Сущности дела почти никто и не знал. Дошло до того, что многие были уверены, что мальчик указал место, где отец-кулак спрятал хлеб от продразверстки — это в 1932 году! Почти никто не знал даже, что как раз отец Павлика и был властью — председателем сельсовета. Что именно он мучил и обирал кулаков, высланных в их деревню, за что и попал под следствие.

Насколько был важен этот отрок-мученик как символ, показывает масштаб кампании по его очернению. В ней приняли непосредственное участие такие активные деятели перестройки-

ки, как журналист Ю. Альперович и писатель В. Амлинский, критик Т. Иванова и литературовед Н. Эйдельман, обозреватель «Известий» Ю. Феофанов и педагог С. Соловейчик, и даже человек такого ранга, как Ф. Бурлацкий — помощник Брежнева и Горбачева, депутат, впоследствии главный редактор «Литературной газеты». Они скрупулезно и в течение целого ряда лет создавали абсолютно ложную версию драмы, представляя аморальным чудовищем жертву — убитого ребенка! Да еще убитого вместе с пятилетним братом.

Представьте, насколько хладнокровно была спланирована вся эта операция, если уже в 1981 г. Ю. Альперович пытался собрать порочащие Павлика сведения у его матери и учительницы, орудуя под чужой фамилией! Показательны повадки: трудно найти выступление или публикацию какого-либо из этих деятелей, где бы явно и в целостном виде было сформулировано обвинение против Павлика. Всюду говорится туманно, намеками, обиняком. Никаких фактов, только «мнение» или отсылка к «общеизвестным вещам». Трудно схватить Бурлацкого или Амлинского за шиворот и потащить их в суд за клевету на близкого человека. Черный миф о Павлике Морозове строился главным образом через умолчания, искажение информации и ложные ассоциации. Ну, и публика хороша — почему-то охотно верила именно подлым наветам.

Большие усилия были предприняты для снятия символического значения образа *земли*, для дегенерации этого образа до уровня обычного товара (как известно, «не может иметь святости то, что имеет цену»). К. Леви-Стросс в «Структурной антропологии» специально рассматривает смысл земли в культуре «незападных» народов — скорее всего антисоветские идеологи это хорошо знали.

Одним из важнейших символов, скреплявших советское общество, был *труд*. Труд как деятельность, исполненная высоко-го духовно-нравственного (литургического) смысла, как воплощение идеи Общего дела. Этот символ стал объектом очень интенсивной атаки. В годы перестройки много экономистов и публицистов требовали устранить из самой категории труда его духовную компоненту, представить его чисто экономическим процессом купли-продажи рабочей силы. Н. Шмелев писал: «Рубль должен быть поставлен в центр всего. Он и только он должен быть наградой за усердный труд» («Знамя», 1989, № 1).

Вся кампания по подрыву мира символов, которая велась средствами культуры — словом, — оказала на советский народ, и прежде всего на русских, исключительно тяжелое разрушительное воздействие. Оно во многом предопределило глубину культурного кризиса, который выразился в скачкообразном повышении смертности, вспышках насилия, огромном числе не-

счастливых случаев. Лечить общественное сознание придется еще очень долго. Причина в том, что, как установил в 1932 г. И. П. Павлов, у русских «условные рефлексы координированы не с действием, а со словом». Павлов считал эту национальную особенность неблагоприятной, так как она затрудняет возможность «воспринимать действительность как таковую» (Б. Т. Велличковский. Реформы и здоровье населения страны. М., 2001).

На это указывает и И. А. Гундаров в книге «Почему умирают в России. Духовное неблагополучие как причина демографической катастрофы» (М., 1995). Автор показывает, что основная часть добавочной смертности в России объясняется не непосредственными экономическими причинами, а факторами психологическими*. И среди них разрушение идеальной сферы. Мира символов.

Нашему массовому сознанию необходима целая программа реабилитации — а между тем «штурм символов» не прекращается.

Фигура разрушителя: А. Н. Яковлев. Важные вещи были сказаны 16 ноября 1999 г. в Президиуме РАН, где обсуждался вопрос о документальных изданиях Международного фонда «Демократия» (обзор выступлений на заседании Президиума дан в «Вестнике РАН», 2000, № 6). Выступал президент этого фонда А. Н. Яковлев. У фонда много грандиозных проектов, первый из них — издание 40 томов документов по советской истории. Уже издано 10 томов тиражом по 3 тыс. экземпляров. Вскользь А. Н. Яковлев отметил важную деталь: «У нас есть договоренность с «Открытым обществом» фонда Сороса о передаче им бесплатно до 2 тыс. томов каждого издания для рассылки по университетам и библиотекам. Мы заинтересованы именно в этом». Дальше выяснилось, что речь идет и о зарубежных университетах и библиотеках. В какой пропорции будет делиться продукция, бесплатно переданная Соросу, неизвестно.

Все это обсуждение — вещь в своем роде поразительная.

А. Н. Яковлев — видный антисоветский идеолог, который считает порочной всю историю России и саму ее *государственность*. Он сказал в своем выступлении: «На мой взгляд, коренная причина того, что происходит в России, заключается в том, что она тысячу лет живет под властью людей, а не законов. Вот отсюда все идет, и в этом все коренится. Станем подчиняться закону, избавимся от мифологизации наших руководителей, власти и т.д., все пойдет, по-моему, более или менее нормально».

* Ежегодный прирост смертности в РФ за годы реформ в пять раз превосходит аналогичный показатель в Германии в годы Второй мировой войны.

И вот идеолог, считающий государственное устройство страны и лежащую в его основании культуру ненормальными, получает власть и достаточно большие деньги, чтобы отобрать из секретных фондов государственных архивов России те документы, которые эту ненормальность красочно выражают, опубликовать их, чтобы затем бесплатно разослать по зарубежным библиотекам.

Как видно из обсуждения, речь идет о сугубо *идеологической* акции, причем, как ни крути, направленной на подрыв образа советского, а ранее российского государства в общественном мнении, в том числе мировом. Ничего особенно необычного в этой акции, взятой самой по себе, нет, от самого Яковлева иногородя ожидать и не приходится. Необычен тот факт, что это представлено как *научная* работа и докладывается в Президиуме Российской академии наук. Вот в этом есть нечто абсурдное и разрушительное для самой науки, для самого строя ее норм, принципов и даже совести.

Понятно, что академики Н. П. Шмелев или Ю. А. Рыжов и В. И. Гольдманский эту акцию горячо поддержали. Проблема в том, что и те академики, которые поняли ее смысл и последствия для страны *как ее патриоты*, выступали очень робко, с множественством реверансов. Они боялись высказаться прямо, как это принято, например, в научных лабораториях. Значит, и для них, занимающих такие места в общественной иерархии, с которых нельзя уволить, А. Н. Яковлев и стоящие за ним силы представляют столь реальную угрозу, что они должны перед ним юлить!

Что А. Н. Яковлев подрядился подрывать образ России в облике СССР, давно известно. В данном выступлении выявляются, однако, новые черты. Уже не о советском строе идет речь, а о типе России как цивилизации, чья «неправильная» история вовсе не началась и не кончилась с советской властью. И А. Н. Яковлев свой подрывной проект прекращать не собирается. Да и вряд ли прекратит, пока жив, — всегда можно будет сказать, что мы «живем еще не под властью закона».

Вот он негодует, апеллируя к Президиуму РАН: «Бывший министр обороны И. Родионов запретил кому бы то ни было выдавать документы из архива, касающиеся морального состояния армии того времени». О каком времени идет речь, непонятно. Но главное в самой ситуации, чистой, как модель: министр обороны считает, что секретные сведения об армии публиковать нельзя, а А. Н. Яковлев добивается именно этого — дай ему опубликовать секретные сведения и отправить в Джорджтаунский университет! Причем он тут же признает, что Запад вовсе не раскрывает своих архивов и не публикует множества материалов даже большой давности.

Суть дела не в том, что кто-то публикует секретные материа-

лы, которые будут истолкованы во вред России. Сами документы — «атомы правды». Дело в том, что А. Н. Яковлев производит *отбор* документов в соответствии с вполне определенной идеологической концепцией, вырывает эти «атомы» из контекста и составляет из них «молекулы лжи». Очень хорошо известно, что сегодня ложь в политике создается не путем искажения «частичек» реальности, а путем целенаправленного отбора этих «частичек», чтобы слепить их в более крупную структуру, формирующую сознание людей. А каждая «частичка» этой структуры как раз должна быть правдива, чтобы «молекула лжи» вызвала доверие. Самым лучшим материалом для производства этих «молекул» являются документы. Но документы, отобраные умелой рукой.

Разумеется, А. Н. Яковлев не гнушается и обыкновенной ложью. Вот он говорит о числе арестованных с 1921 по 1953 г. и добавляет: «Причем эти цифры, конечно, не полные... Не включены 3,5 млн. депортированных крестьянских семей, которые не были арестованы, осуждены». Вдумайтесь в логику. Почему же «цифры арестованных не полные», если «депортированные крестьяне не были арестованы»? Как же их можно было включать в число арестованных, г-н документалист? Но это мелочь. Главное, А. Н. Яковлев перед лицом Президиума РАН лжет, говоря о 3,5 миллионах депортированных семей (или около 17 миллионах человек).

Лжет архивист, академик, социал-демократ — как бы он себя ни называл. Есть современные архивные исследования, которые были проведены с перекрестным изучением самых разных, независимых учетных документов и дали надежные результаты (самая большая нестыковка данных составила 147 высланных семей, которые с большой долей достоверности были разысканы по косвенным сведениям). Всего в 1930—1931 гг. на спецпоселения («кулацкая ссылка») было выслано 381 026 семей. После 1931 г. массовой депортации крестьян не было. Данные эти опубликованы в журнале «Социологические исследования», издаваемом в этой же самой РАН, повторены в множестве публикаций, лежат на специальном сайте в Интернете.

Да что там публикации, если *сам же* А. Н. Яковлев, председатель Комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, с трибуны XXVIII съезда КПСС клеймил депортацию, «когда сотни тысяч крестьянских семей изгонялись из деревень» («Правда», 4 июля 1990 г.). Сотни тысяч, а не 3,5 миллиона.

О какой власти закона мы говорим, если в Президиуме РАН можно, надев тогу ученого, в десять раз завышать данные о трагедии, которые сегодня создают острейший раскол в обществе, — и в России, и относительно России? Если можно так

лгать — и при этом ни другие ученые мужи, ни президент Академии наук тебя не посмеют остановить. Ведь А. Н. Яковлев даже не сказал то, что входит в минимальные нормы научности, что-нибудь вроде такой оговорки: «Предыдущие исследователи называют цифру 0,381 млн. семей, а мы нашли документы, говорящие о 3,5 миллионах семей. Мы выясняем причины столь больших расхождений».

В этом ученом собрании поражает тот факт, что А. Н. Яковлев заявляет об идеологизированности всего этого «труда» совершенно открыто — а ему отвечают обвиняком, косвенными намеками. Заданность видна уже в названии томов. Вот слова А. Н. Яковлева: «В производстве находится двухтомник «Сибирская Вандея»... В этом же русле — выпуск шести книг под девизом «Как разрушался нэп» и т.д.

Но еще красноречивее его пояснения к нейтральным названиям. Вот примеры: «Книга «Власть и художественная интеллигенция» объемом более 50 печатных листов... В сборнике предпринята попытка осветить роль карательных органов в разработке и реализации сталинской модели культурной политики. И как ласкали, и как сажали, и как убивали... Сейчас мы начали готовить сборник «Власть и научная интеллигенция». Там будет немало неожиданностей, особенно материалов подслушивания ученых оборонщиков... Эти документы защищают художественную и научную интеллигенцию, защищают как жертву».

Идеологическая заданность этих томов очевидна, никакой «добросовестности в отборе документов», которую обещает А. Н. Яковлев, при этом быть не может. Как не может быть и объективной картины такой сложной системы, как, например, «власть и научная интеллигенция в СССР». Какая пошлость — так принимать историю великой науки великого исторического периода!

И так — куда ни кинь. Вот, например, двухтомник «1941 год». Из 10 тысяч наиболее важных секретных документов люди А. Н. Яковлева отобрали 600. Судя по его объяснениям, цель этой работы — доказать, что Сталин дурак: «Сталин уже в марте 1941 г. знал о плане «Барбаросса», в общем, все документы с точностью до чисел, когда произойдет нападение. Однако все это считалось провокацией, попыткой спровоцировать войну с Германией, с Гитлером, которого он называл своим другом». И такую дикую, примитивную чушь выслушивает Президиум Академии наук. Как больно видеть родную Академию наук в таком состоянии!

Реплики академиков напоминают лепет приличного человека, ошарашенного наглостью хулигана. Академик Д. В. Рундквист: «Меня интересует вероятное воздействие этих публика-

ций на нашего и зарубежного читателя, тем более что речь идет о рассылке всех материалов по зарубежным университетам... Как вы оцениваете значение этих публикаций для государственных интересов страны?»

Ответ А. Н. Яковлева именно наглый: «Не будет правды — не будет свободы». При чем здесь свобода? Ведь его же не об этом спрашивают, причем вполне конкретно. Чья свобода, от чего и для чего?

Академик Е. П. Челышев: «Но может создаться впечатление, что в нашей стране бушевали только разрушительные силы. А созидательное за всем этим не просматривается». Ответ: «Позитивные документы никто не засекречивал. Они известны». Но ведь это есть прямое признание, что данный труд ни в коей мере не является *объективным* и *беспристрастным*, в него отобраны только «негативные» документы, создающие своей совокупностью искаженный образ реальности. Почему читатели в американских университетах в дополнение к этим томам должны еще для равновесия искать какие-то «позитивные документы»? Что же вы представляете этот труд как научный, академик горбачевского разлива?

Кстати, на дикий довод о том, что «позитивные документы и так известны», академик А. М. Прохоров резонно заметил: «Это глубокое заблуждение, потому что у нас много закрытых документов о достижениях, которые поднимали престиж нашей страны, и вы могли воспользоваться этими материалами». На это — ноль внимания.

Намеками, очень мягко А. Н. Яковлеву указывают на то, что весь его подход несовместим с наукой. Академик В. А. Садовничий говорит: «Мне кажется, научный принцип историографии состоит в том, чтобы обработать все документы. Мы знаем из прошлого, что если вырывается какая-то их часть, то делает неправильный вывод». Никакой реакции Яковлева.

Член-корр. А. О. Чубарьян: «В принципе всякий отбор документов несет в себе уже элемент субъективности... Я — большой сторонник пофондовых публикаций. Скажем, фонд Совнаркома надо публиковать весь» и т.д. Яковлев только усмехнется. Конкретнее всех выразился член-корр. В. П. Козлов, историк-архивист: «Та серия, которую мы сегодня обсуждали, очень неравноценна. У меня в руках рецензия на сборник «Кронштадтский мятеж». По существу, это рецензия разгромная. И те вопросы, которые ставились в части отбора документов, передачи документов, комментирования, даже недоуменные вопросы — они поставлены в этой рецензии, которую написал профессионал, архивист, историк, который издал заново все эти документы, и получилось уже два тома объемом 100 печатных листов... Существует специальная научная дисциплина

«историография». В ней все расписано: как публиковать, как комментировать, как отбирать... То есть здесь не нужно открывать Америку, нужно только строго следовать этим правилам. К сожалению, издание первых томов фондом «Демократия» этим не отличалось».

Все очень правильно, конструктивно. Однако здесь — другой случай. Здесь нет неизбежного «элемента субъективности», а есть именно целенаправленный отбор, подводящий не к ошибочному, а к заданному ложному выводу. Это акция не с изъянами научности, а радикально антинаучная. Прямо скажем, это фальсификация нашей истории, наносящая вред государству и обществу.

Фальсификация, на которой Российская академия наук ставит свой знак качества самим фактом обсуждения. Это подлое паразитирование на авторитете науки будет записано «агенту влияния» на особый счет.

Комментарий из 2001 г.: «крыса в молоке» — эпизод психологической войны. При обсуждении в Интернете приведенной выше истории с крысой, от которой якобы отравился целый детский сад, всплыла книжка некоего М. Веллера, который в те годы поведал эту историю в виде «документальных зарисовок» врача «Скорой помощи». «Врач» даже указал конкретный населенный пункт, где эта история произошла.

Товарищи не поленились и поехали на место происшествия, в поселок Мельничный Ручей неподалеку от Ленинграда. Детского сада там нет. Пять женщин, которым они пересказали эту историю, утверждают, что ничего подобного в их поселке никогда не было. Строго говоря, если дело обстоит именно так, то культурная диверсия М. Веллера — элементарная акция психологической войны против СССР. А мы все были долго уверены, что врагов народа не существует.

«Михаил Веллер. «Байки «Скорой помощи».

ОТРАВЛЕНИЕ

День выдался на редкость: то сосулька с крыши, то рука в станке, то подснежник, то ножевое, — у эвакуатора на Центре халат мокрый. И тут диспетчерша над карточкой затрудняется: звонят из Мельничных Ручьев, из яслей — что-то детям плохо... Что плохо? Похоже на отравление... Что похоже? Тошнота, бледность, боли в животе. И вообще плохо. Скорей. Едем, едем! А что — вообще? Да дышат плохо. Синеют... И у скольких это? Да почти все... Сколько!!! Всего — тридцать семь... Массовое тяжелое отравление в яслях! Гоним все свободные машины. И штурмовиков, и педиатрию, и реанимацию — всем, похоже, хватит. А на тяжелые случаи у детей мы едем быстро, чай не допиваем и в карты не доигрываем — рысью и под сиреной: это тебе не старушка-хроник представляется и

не алкаш в дорожное вмазался. Там все признаки интоксикации. Одни кричат, другие хрипят, рези в животе, цианоз. Тихий ужас!

Ясельники... Рвотное, промывание, сердце поддерживать, кислород искусственно. Трясем воспитательниц: как, когда, что пили? — Накормили манной кашей, уложили спать, тут и началось. Санэпидстанцию сюда! — воду на анализ, молоко на анализ: что за эпидемия кошмарная, что за бактерия, что за яд такой? Детей пачками везем в больницы, кто-то уже помер, лаборатория корпит в поту: в рвоте и поносе — ДДТ и мышьяк! Милиция подваливает, роется и гремит: шуточки делов, террористический акт, диверсия, убийство детей! А каши той самой, заметьте, нет: котел вымыт, тарелки вымыты, помойные ведра тоже вымыты, ну просто образцовый пищеблок. Милиция роется в помойке, откапывает остатки каши, везет на экспертизу: есть мышьяк и ДДТ в каше! Родители уже рыдают по больницам, местное население гудит и собирается сжечь эти ясли, заперев предварительно персонал.

Звонок на «Скорую»: повешение. Жив? Какое там, остыла. Кто? А заведующая этими яслями повесилась. Следственная бригада давит их всех так, что серьги из ушей выскакивают: давай все подробности! все мелочи! под какую статью идете — знаете?! И находите деталь... Выяснилось, что они сварили крысу. Как эта крыса свалилась в бак, а может, сдохла там незаметно, что никто не увидел, — черт ее знает. Дом деревянный, одноэтажный, не упасть. На даче повара зачерпывает со дна — батюшки! из черпака хвост висит. Кричит заведующую. А младшая группа уже кушает...

Пришла заведующая. Обматерила повара. Подержалась за виски. Подумала. Велела выкинуть крысу в помойное ведро и быстро убрать на помойку... Что делать? Снова варить кашу уже некогда, и молока не осталось; да половина уже и поела... А!.. при кипячении микробы погибают, в блокаду вообще всех крыс поели, и не болели... «Если не хочешь увольнения по статье, — говорит повара, — то чтоб ни звука! смотри у меня!» А поварах зачем скандал? заведующей виднее, она и отвечает. И покормили кашкой. А крысато — она ведь гений приспособляемости. Она жрет все и за долгую свою крысиную жизнь в городе столько ДДТ и прочей дряни в себе нааккумулировала, не то что дети — тут бы и кошки подошли. Кошки, кстати, идохнут иногда сдуру, отведав городских крыс либо голубей. Потому умная кошка крысу задавит, а есть не станет. Да. А эти отравы в кашке отнюдь не разлагаются. Напротив, выварилась химия из крысиного организма и напитала всю кастрюлю до той самой концентрации... Ну что. Заведующую на кладбище, поварах восемь лет. А из детей шестерых так и не откачали».

Требование свободы. Если очистить антисоветскую идеологию от шелухи, то увидим, что советский образ мысли сломали идеей свободы.

Понятие свободы было главным полем боя против всего советского жизнеустройства. Ведь это понятие соединяет все уровни человеческого существа и его отношений с миром и другим

человеком. Либералы (т.е. «поборники свободы») утверждали: человек свободен, поскольку он — индивидуум (т.е. «неделимый»). Он есть целостный, ни с кем не разделяемый мир. Он лишен оков всеобщей этики, она заменена правом — «разрешено все, что не запрещено законом». Философ неоллиберализма Ф. фон Хайек в важной книге «Дорога к рабству» повторил эту мысль: всеобщая этика есть тоталитаризм (рабство).

Эта формула свободы, на которой построена концепция рыночной экономики и гражданского общества, вытекает из картины мира, что сложилась в XVII — XVIII веках. Не уходя в дебри, скажу, что условием для такого понимания свободы была уверенность в открытости и бесконечности нашего мира и его ресурсов, в разделении субъекта и объекта (выведении человека за пределы Природы).

На этом поле и столкнулись советское и антисоветское представление о свободе и рабстве. Это столкновение стало прелюдией к катастрофе. Многие в этой схватке превратились в непримиримых противников из-за глубокого непонимания проблемы и неясности понятий. На мой взгляд, большинство тех, кто губил советский строй, размахивая знаменем свободы, хотело просто-напросто каких-то частичных послаблений и искренне не понимало, что подпиливает несущие конструкции всего жизнеустройства. Эти люди просто втянулись в обычный конфликт модернизированной части общества со стесняющими ее оковами общинности. Они желали либерализации лишь в той мере, в какой ощущали эти неудобства, но вовсе не хотели, чтобы было разрушено само общество.

Напротив, имелось и небольшое меньшинство, которое давно уже стремилось использовать кризис модернизации именно в целях подрыва цивилизационных основ советского общества. Этим людям не требовалось улучшения советского строя, они мечтали о его ликвидации. Они как раз выдвигали внешне безобидные требования частичной либерализации, часто ссылаясь при этом на Маркса и Ленина, прекрасно понимая, что эти требования подрывают устои советского жизнеустройства.

В чем же суть конфликта? Ведь он возник не сегодня, уже в начале XX века проблема свободы в России была поставлена как проблема отношения человека к миру (или к богу) — и к другому человеку. Достоевский и Толстой отвергали свободу западного либерализма. Свобода, лишенная оков «иррациональной» этики (бога, любви и совести), в представлении мыслителей традиционного общества — это свобода бесов. Ее утверждение неминуемо ведет не только к разрушению самого одержимого, но и к гибели невинных людей, никакой закон их не спасет. Подавление этической ответственности означает и подавление свободы, сверхчеловек — тоже раб.

Таким образом, речь идет о двух разных философско-религиозных системах, на которых надстраивается все остальное. В моменты кризиса, острого возбуждения общества обе системы порождали крайние, беззаветные движения с кровавым следом. Некоторыми чисто внешними признаками они могли быть даже похожи — при полной внутренней несхожести. На нашей памяти движение «сверхчеловеков» — фашизм и вставший против него под знаменем солидарности коммунизм (сталинизм). Гроссман, который якобы не видел между ними разницы, просто разыгрывал наивность. Сходство даже внешних признаков чудовищно преувеличено. Спросил бы у Разгона — есть ли разница между Освенцимом и Беломорканалом?

Когда напирали фашисты, все было ясно. А сегодня, со смелой оружия, — все вдруг так смутно. Почему же? Ведь суть конфликта несколько не изменилась. Другое дело, если бы антисоветские идеологи прямо заявили: большинство русских (татар, чувашей и т.д.) отказалось от Достоевского и Толстого и думает как Ницше и фон Хайек. Но ведь нет этого! Множество признаков говорит о том, что представления о свободе и ответственности, выраженные философами, учеными, поэтами и солдатами России, подтверждены. Никакой Реформации в России не произошло и не будет.

Постараемся уменьшить непонимание, сняв несколько слоев противоречий. Первое из них заключается в том, что людей сумели увлечь в область аутистических представлений о свободе, которые несовместимы с реальным соотношением свободы и необходимости, свободы и ответственности.

Чтобы отключить выработанное культурой и здравым смыслом недоверие к разрушительным идеям, была проведена интенсивная кампания по созданию стыда или хотя бы неудобства за «рабскую душу России». В ход пошел и Чехов с его «выдавливанием раба по капле», и модный фон Хайек с его «дорогой к рабству», и Э. Фромм со «страхом перед свободой». Отсюда, кстати, выросли многие разделы антисоветской философии. Вычитали у фон Хайека, что «для всех великих философов индивидуализма власть — абсолютное зло», и уверовали в обоснованность своей крайней антигосударственности. Так же восхитили наших демократов призывы фон Хайека не бояться идти ради свободы на жертвы и презирать *защищенность*.

Он советовал: «И надо вновь вспомнить слова Бенджамина Франклина, выражающие кредо англосаксонских стран: «Те, кто в главном отказывается от свободы во имя временной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности». Как мило слушать эти советы рабовладельцев в России! Ведь это кредо сытого человека. Это у него главное — свобода, это для него государство — *абсолютное зло*. А если у тебя ребенок пла-

чет без хлеба? А если на тебя прет немец, обещавший вообще стереть твой народ с лица земли? В том-то и дело, что антисоветское мышление возникло у людей, лишившихся исторической памяти и о голоде, и о Хатыни.

Кампания по обличению «тысячелетней рабы» была настолько мощно и разнообразно оркестрованной, что удалось достичь главного — отключить здравый смысл и логику в подходе к проблеме свободы. Кто-то робко или злобно огрызался: врите, мол, Россия не раба, мы тоже любим свободу. Но не приходилось слышать, чтобы какой-то видный деятель обратился с простой и вообще-то очевидной мыслью: «Люди добрые, да как же можно не бояться свободы? Это так же глупо, как не бояться огня или взрыва».

Стоит только задуматься над понятием «страх перед свободой», как видны его возможности для манипуляции. Ведь человек перестал быть животным (создал культуру) именно через постоянное и непрерывное создание «несвобод» — наложение рамок и ограничений на дикость. Что такое язык? Введение норм и правил сначала в рычание и визг, а потом и в членораздельную речь и письмо. Ах, ты требуешь соблюдения правил грамматики? А может, и вообще не желаешь презреть оковы просвещения? Значит, ты раб в душе, враг свободы.

Когда я писал этот раздел, за окном, на лугу, тревожно ржала и бегала кругами лошадь. Она паслась на длинной привязи, но отвязалась. Исчезла привязь — признак устойчивого порядка, возник хаос, угрожающий бытию лошади, она это чувствует инстинктивно. Она в страхе перед свободой. Но у человека есть не только инстинкты, но и разум, способность предвидеть будущее.

Представим, что вдруг исчезло организованное общество и государство, весь его «механизм принуждения», сбылась либеральная утопия «свободного индивидуума». Произошел взрыв человеческого материала — более полное освобождение, чем при взрыве тротила. Какую картину мы увидели бы, когда упали бы все оковы угнетения — семьи, службы, государства? Мы увидели бы нечто пострашнее, чем борьба за существование в джунглях, — у животных, в отличие от человека, не подавлены и не заменены культурой инстинкты подчинения и солидарности. Полная остановка организованной коллективной деятельности сразу привела бы к острой нехватке жизненных ресурсов и массовым попыткам завладеть ими с помощью грубой силы.

Короткий период неорганизованного насилия заставил бы людей вновь соединяться и подчиняться угнетающей дисциплине — жертвовать своей свободой. Одни — ради того, чтобы успешнее грабить, другие — чтобы защищаться. Первые объединились бы гораздо быстрее и эффективнее, это известно из

всего опыта. Для большинства надолго установился бы режим угнетения, эксплуатации и насилия со стороны «сильного» меньшинства.

Взрыв такой свободы Россия наблюдала после Февраля 1917 г. и понесла от него тяжелейший урон. М. М. Пришвин, наблюдая во время революции и Гражданской войны за людьми в деревне и маленьких городах, много думал над тем, какие социальные типы являются противниками коммунистов. В своих дневниках он описывает эти типы в разных вариациях, глядя на них под разными углами. Вот одна из его записей, 20 января 1919 г.:

«После речи о счастье будущего в коммуне крики толпы:

— Хлеба, сала, закона!

И возражение оратора:

— Товарищи, это не к шубе рукава. Товарищи, все мы дети кособоких лачуг, все мы соединимся.

— Соли, керосину, долой холодный амбар!

— Товарищи, все это не к шубе рукава!

Власть — это стальная проволока, провод необходимости, из оборванного провода необходимости вылетают искры свободы, дикий свет этих искр зловещим пламенем осветил тьму, и так будет, пока ток не будет заключен.

Тогда вышел какой-то разноглазый Фомкин брат и начал с своей «точки зрения»: он дикий анархист, ворует лес, разрушает усадьбы — «змеиные гнезда» и что ему надо жить — аргумент против коммуны. Эта чернь косоглазая преступная уже отмахнулась от коммуны... Их существование, как подтверждение монархии, их может удовлетворить только бесспорная власть, которая насыдет так, что и пикнуть невозможно, они оборванные концы провода необходимости (власти) с вылетающими искрами свободы, дикий свет этих искр освещает тьму, пока ток не будет замкнут и сила заключения не двинет винт фабрики, поезда, машины... Три класса: шалыган, маленький человек, буржуй — все против коммуны».

Я представил картину этого «взрыва свободы» в нынешнее время как абстракцию. На деле в СССР после искусственного подавления «страха перед свободой» была создана обстановка, в которой многие черты этой абстракции воплощены в жизнь. Уже в 1986 г. прошла серия структурно схожих катастроф, вызванных освобождением от «технологической дисциплины». Мы потрясены Чернобылем и не заметили множества малых аварий и катастроф, удивительно схожих по своей природе с чернобыльской. В 1988 г. власти дали свободу от норм национального общежития — потекла кровь на Кавказе, в Фергане. Через год была разрушена финансовая система СССР, а затем и потребительский рынок — всего лишь небольшим актом

освобождения (были сняты запреты на «обналичивание» и на внешнюю торговлю).

Что было дальше, хорошо известно — распад государства и производственной системы, появление огромного количества «свободных» людей (мелких торговцев, шатающихся по всему миру жуликов и студентов, проституток, бомжей и беспризорников). А также взрастание многомиллионного, почти узаконенного свободной моралью преступного мира, который изымает и перераспределяет жизненные блага насилем. Свободные от закона и морали чиновники и предприниматели могут теперь не платить зарплату работникам — об этом десять лет назад даже помыслить никто не мог, такой прогноз приняли бы за бред сумасшедшего.

Подавив средствами манипуляции сознанием «страх перед свободой», идеологи уничтожения советского строя соблазнили людей жизнью без запретов — так же, как средневековый крысолов в отместку городу, где ему не выдали обещанного золота, сманил своей дудочкой и увел всех детей этого города. Его дудочка пела: «Пойдемте туда, где не будет взрослых с их запретами».

Вот первый вывод: в основании всей антисоветской концепции свободы лежала ложная посылка о свободе как отрицании норм и запретов, бывших якобы порождением советского тоталитарного строя. Вместо диалога о «выборе несвобод» людям внушили разрушительную мысль о ликвидации норм и запретов. Между тем только через огромную и разнообразную систему несвобод мы приобрели и сохраняем те свободы, которые так ценим.

В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги, — *а червяк не может*».

Отказ от обсуждения тех ограничений и «несвобод», которые придут на смену советским ограничениям и несвободам при победе демократии Ельцина, выдает манипулятивный характер антисоветских рассуждений. Люди, которые их приняли, совершили ошибку или были недобросовестны. Ведь даже в связи с совершенно конкретными утверждениями наших демократов были сделаны предупреждения виднейшими западными философами и политиками.

Например, одним из главных пунктов в антисоветском проекте было признание безработицы — но Улоф Пальме в книге

«Шведская модель» специально обсуждал роль безработицы как самого мощного средства сокращения свободы человека.

Еще более общим требованием «антисоветской партии» было достижение экономической свободы, «свободы рынка». На этот счет высказался К. Поппер, философ открытого общества, либерал, которого так превозносили наши демократы. В своей главной книге «Открытое общество и его враги» он писал: «Неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода... Дело в том, что тот, кто обладает излишком пищи, может заставить тех, кто голодает, «свободно» принять рабство, не используя при этом никакого насилия».

Лидер германских социал-демократов О. Лафонтен сказал проще: «Там, где свобода рынка становится самоцелью, там ограничивается свобода человека» («Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире». М., 1990. С. 155).

Второй источник непонимания, которое эксплуатировали антисоветские идеологи, был создан тем, что категория свободы была представлена как *общечеловеческая*, не зависящая от времени и пространства, от культуры и исторических условий. На самом же деле трудно назвать другое понятие, столь изменчивое и зыбкое, как свобода. Можно сказать, что без четкого изложения ее профиля, без дотошного перечисления ее признаков вообще нельзя даже грубо представить себе, что подразумевает под этим словом та или иная социальная группа.

Вот пример, сколь различны были представления о свободе в одной и той же культуре почти в одно и то же время. Парижане, штурмующая Бастилию, были уверены, что идут на этот штурм во имя свободы. А немного времени спустя Де Токвиль, изучая эту революцию, пишет, что в 1789—1794 гг. люди, «забыв о свободе, пожелали сделаться равными рабами» (*Лапцкиий М. И.* Далекое — близкое. Заметки о Токвиле. — ПОЛИС, 1993, № 3).

Для православного человека идея ловить в Африке людей и продавать их в рабство показалась бы абсолютно несовместимой с понятием свободы, а философы либерализма думали иначе. Один из отцов либеральной философии Джон Стюарт Милль писал: «Деспотизм может быть оправдан, когда дело идет о народах варварских и когда при этом его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу. Свобода не применима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы; в таком случае лучшее, что они могут сделать для достижения прогресса, — это безусловно повиноваться какому-нибудь Акбару или Карлу Великому, если только так будут счастливы, что в их среде найдутся подобные личности». Африканцы не были так счастливы,

и пришлось ношу Карла Великого взвалить на себя белому работорговцу.

Думаю, каждый согласится, что во время перестройки подавляющее большинство советских людей было уверено, что переход от нашего «тоталитаризма» к свободному обществу будет означать торжество социальной справедливости. Мы же фон Хайека не читали, мы верили его поклонникам типа А. Н. Яковлева. А Фридрих фон Хайек писал в 1975 г.: «Попытка осуществить социальную справедливость несовместима с обществом свободных людей» (*Б. Г. Капустин. Демократия и справедливость. — ПОЛИС, 1992, № 1—2*).

В общем, можно считать, что все рассуждения антисоветских идеологов о свободе были построены на большом методологическом подлоге — саму категорию свободы они представили широкой публике ложно. Но каково же все-таки содержание этой категории — не у тех, кто стал объектом манипуляции, а у сознательных сторонников антисоветского переворота? Причем сознательных не исходя из своих временных шкурных интересов, не из надежды поймать рыбку в мутной воде переворота, а тех, кто отрицал саму сущность советской структуры свобод и несвобод. Можно ли реконструировать их туманно высказываемые идеалы?

Политики уходят от сути конфликта, обсуждая проблемы второго уровня, а то и вообще административные («свобода подписки на газеты и журналы!»). Для выяснения сути конфликта надо брать вещи фундаментальные и чистые. Свобода слова! Свобода самая чистая и вроде бы самая бесспорная.

Тут проблема в том, что эта свобода никем под сомнение не ставится, даже Ниной Андреевой. А между тем на ней-то и можно все проверить. Потому-то разрушение наших культурных устоев ради «возвращения в цивилизацию» как раз и началось с требования «полной гласности», что в пределе это и есть абсолютный деспотизм господствующего меньшинства. Полная гласность («прозрачность»), например возможность читать мысли друг друга, сделала бы совместную жизнь людей невозможной. Она бы сразу привела к полной атомизации, разъединению людей, что и является идеалом либерализма. Человеческие связи разрываются порой просто потому, что «доброхоты» сообщают тебе то, что ты и так знаешь, но про себя. Это — твое сокровенное, о чем не должны говорить посторонние.

Во время выборов 1993 г. ведущие телевидения любили «срезать» кандидатов от КПРФ хитрым вопросом: «Как вы думаете, допустима ли цензура?» Мол, скажет «да, допустима» — попался, сталинист. А ведь вопрос достоин идиота. Стоит чуть-чуть подумать, и видно: без цензуры вообще не существует общества и человека. Человек возник из обезьяны именно благодаря мо-

ральным запретам на свободное проявление инстинктов. Откуда взялось само понятие «нецензурное выражение»? Из того факта, что есть цензура — запрет на использование, в нормальной ситуации, определенных слов. Когда «демократы» талдычат, что они против всякой цензуры, их уже становится жаль.

Не место здесь поднимать эту большую тему, но ведь цензура — охранитель слова. Более того, даже художественное слово без цензуры вянет (говорят: «Отмена цензуры подпиливает зубы слову»). М. М. Пришвин, вспоминая «трескучее время» по сравнению с советской цензурой, записал 12 января 1919 г.: «Кто знает, быть может, цензурное насилие над словом играет роль снега, засыпавшего теперь наши поля: он губит стебли и цветы, но сохраняет молчаливые подземные корни».

Постыдное убожество антисоветской мысли уже в том, что свободу слова представили не как проблему бытия, а как критерий для дешевой политической оценки: есть свобода слова — хорошее общество, нет свободы слова — плохое. Если в наше плохое общество внедрить свободу слова, оно станет лучше.

На деле речь идет о двух разных типах общества. «Освобождение» слова (так же, как и «освобождение», превращение в товар денег, земли и труда) означало прежде всего устранение из него святости, искры божьей. Оно означало также отделение слова от мира (от вещи). Слово, имя переставало тайно выражать заключенную в вещи первопричину. Это была культурная мутация, скачок от общества традиционного к гражданскому, западному. Но к оценке по критерию «плохой — хороший» это никакого отношения не имеет, для этого важна совокупность всех данных исторически черт общества. И гражданское общество может быть мерзким и духовно большим и выхолощенным, и традиционное, даже тоталитарное, общество может быть одухотворенным и возвышающим человека.

По своему отношению к слову сравнение России и Запада дает прекрасный пример двух типов общества. Вот Гоголь: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шугить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!» Какая же здесь свобода слова! Здесь упор на ответственность.

Что же мы видим в западном обществе? Вот формула, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренаном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий». Таким образом, слово становится автономным по отношению к морали. На деле свобода слова означает полную безответственность. Это — очень специфическая вещь, не имеющая ничего общего с понятием свободы ответственной личности.

Утверждаю как общий тезис: с точки зрения сохранения

сложных и тонких общественных структур свобода сообщений неприемлема. Наличие этических табу, реализуемых через какую-то разновидность цензуры, является необходимым условием для сдерживания разъединяющего действия информации на приемлемом уровне.

И это не зависит от того, истинна информация или ложна. Когда то и дело слышишь, что научное знание всегда есть добро, вспоминается реплика Ницше: «Где древо познания, там всегда рай» — так вешают и старейшие, и новейшие змеи». Исследователь, подобрав упавший с пиджака волос, определяет генетический профиль человека. Появляется новое знание, но если оно сообщено, оно может резко изменить жизнь человека (например, страховая компания не желает иметь с ним дела из-за риска ранней смерти). Чем больше мы вытягиваемся в «информационное общество», тем большее значение для каждого приобретает информация — просто знание, до всякого его приложения.

Свобода сообщений стала идеей-вирусом антисоветской программы. Антисоветский проект предполагал повторение в России той культурной мутации, которую претерпел Запад в ходе Реформации и слившейся с ней научной революции. Тогда там все стало дозволено в познании (науке) и сообщениях (искусстве). От брака науки и искусства родились средства массовой информации. Вместе с наукой, как продукт буржуазного общества, возникла идеология. Она быстро стала паразитировать на науке, пользуясь ее методами. Неразрывная связь свободы познания, свободы информации и свободы предпринимательства лежит в основании философской модели западного общества (практика — особая тема).

Кстати, идея свободы предпринимательства неразрывно связана с идеей классовой борьбы как вариантом узаконенной «войны всех против всех». Эта идея также стала важной частью антисоветского проекта. В сущности, главным объектом антисоветской пропаганды был подрыв устоев *общества-семьи*. Эта пропаганда оказалась наиболее действенной в самой модернизированной части общества, в среде интеллигенции. Как уже не раз говорилось, «мы не знали общества, в котором живем», и принимали почерпнутую из обществоведения идею, что советское общество — это просто продукт прогрессивного развития того же западного общества, стадия в его «естественной», проходящей в соответствии с законами общественного развития эволюции. Что-то у нас лучше, что-то хуже, есть пережитки прошлого. Много недостатков у нас, мол, было и оттого, что прыжок в эту «новую стадию» произошел по капризу истории в неподготовленной для этого крестьянской стране.

При таком видении СССР все его бытие трактовалось, в пол-

ном согласии с доктриной обществоведения, в понятиях западного общества. Возникало желание сравнить отдельные элементы нашего и западного жизнеустройства и «взять оттуда все лучшее». Отпадала сама проблема подобия систем и вопрос о «применимости» у нас ихнего «лучшего». Когда при таком сравнении наталкивались на резкое различие, этому находили объяснение в нашем тяжелом историческом наследии — в нашей неразвитости, тяжелой войне, сталинизме и т.д. Неважно даже, оправдывал ли человек эту нашу родную историю или проклинал, в обоих случаях вставал вопрос о том, что пора различие устранить и научиться тому, в чем благополучный Запад ушел от нас вперед. Стало модным говорить даже, что, пока мы тут со сталинизмом да коллективизацией возились, там-то, на Западе, и построен настоящий социализм. Эта мысль одно время нравилась даже нашей левой оппозиции. Она упрекала наших олигархов и их громилу Ельцина: что же вы, господа? Вот и Запад к социализму идет, у него государственный сектор большой. И нам бы так надо, раз уж мы у Запада учимся.

Целый срез антисоветского мышления сложился на основе категорий *классовой борьбы*. Вот на Западе она узаконена, введена в рамки права, сложилась целая культура борьбы, и в результате достигнуто динамичное экономическое и социальное развитие. У каждого рабочего в кастрюле курица, а около дома сносная машина — это благодаря забастовкам. Но и буржуазию эти забастовки заставляют тщательнее вести дела. Что же мы-то? Страна таких замечательных традиций рабочего движения?

И начали эту тему мусолить, а потом и в рабочую среду нести. Ты же рабочий, тебя эксплуатируют, надо же бороться за свои интересы! Цивилизованно, конечно. Теперь не булыжник оружие пролетариата, нужны знания, нужны права, нужен закон о праве на забастовку.

И уже к началу перестройки была подготовлена почва для воззрений, которые полностью разрушали всю конструкцию общества-семьи, накладывали на нее несовместимые с нею представления *общества борьбы*, которое уравнивается силой или угрозой применения силы. Идея легализации забастовок стала одной из главных в так называемом «демократическом движении», а с 1989 г. — в программе Межрегиональной депутатской группы Верховного Совета СССР. Началась активная пропаганда этой идеи в печати и на митингах, а также просто лихорадочная агитационная работа в рабочих коллективах. По ряду причин, блестяще описанных в американской советологической литературе, самым подходящим контингентом для этого были шахтеры. В США досконально был изучен опыт стачечной борьбы в России в 1902—1907 гг., очень интересно было читать эти работы.

Тем, кто имел хотя бы интуитивное представление о типе советского общества, идея легализовать забастовки сразу показалась предельно опасной. Они чувствовали, что речь идет не о частичном изменении социальной и политической системы, а о переходе общества в совершенно иной коридор, на совершенно иную траекторию. И как только в этот коридор войдешь, дверь за тобой захлопнется.

Тяжело было смотреть на подготовку, при явном потакании верхушки КПСС, первых больших забастовок. С точки зрения интересов самих рабочих они выглядели как самоубийство, но в эту воронку они затягивали все общество. К числу таких действий можно отнести антисоветские забастовки шахтеров Кузбасса в 1990 г. Множество разумных людей своими руками уничтожали тот строй, в котором они существовали как привилегированная социальная группа. И требовали установить строй, в котором они как социальная группа должны были неминуемо быть превращены в ничтожество.

Шахтеры вообразили (не без помощи манипуляторов), что если шахты приватизируют, а сами они станут акционерами, то они будут продавать уголь за доллары, а все остальное — налоги, цены на энергию, машины, транспортные тарифы и т.д. — останется, как было при советском строе.

Те обществоведы, которые об этом писали, обнаружили потрясающее непонимание типа советского общества — его было бы трудно так имитировать. Обнаружили они, кстати, и отсутствие логики, а также непонимание и типа западного общества. Вот что пишет старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР В. В. Комаровский в статье «Независимое рабочее движение в Советском Союзе» («Общественные науки и современность», 1991, № 1): «Забастовки шахтеров... это шаг к гражданскому обществу... И в то же время это шаг к новой социальной и экономической структуре общества.

Именно летний перелом 1989 г. позволил многим рабочим осознать, что право на забастовку — такое же право, как право на труд, свободу собраний, как другие демократические права... Подобный взгляд на борьбу за свои права бессмысленно интерпретировать как следствие подрывных действий каких-то внешних сил.

Не случайно шахтерское движение, среди участников и лидеров которого поначалу было много членов КПСС (теперь зачастую уже бывших), к первой годовщине своего появления пришло с требованиями о ликвидации привилегированного положения КПСС на производстве, о выводе парткомов с предприятий и национализации имущества КПСС, включая средства массовой информации, с призывами к массовому выходу из рядов партии. Эти требования прозвучали на I съезде шахтеров,

они были среди лозунгов политической стачки 11 июля 1990 года...

Что же думают шахтеры о возможной безработице? 56% опрошенных нами шахтеров понимают, что избежать безработицы не удастся и поэтому нужны государственные и региональные программы ее ограничения и помощи безработным. В то же время 26% считают ее безусловным злом и высказываются за ее недопущение».

С первым тезисом специалиста по рабочему движению можно согласиться, «*забастовки шахтеров — это шаг к гражданскому обществу*». Точнее, это шаг от советского *традиционного общества*, а куда нас от него заведет, пока неясно (более вероятно, что к традиционному же обществу, только несравненно более худшего типа, нежели советское, — диапазон традиционных обществ огромен, вплоть до людоедских племенных королевств). Но уже следующий тезис просто нелеп: «*право на забастовку — такое же право, как право на труд*». Эти два права именно взаимоисключающие, они есть часть правовых систем двух несоизмеримых типов общества. Или право на труд — или право на забастовку, в этом и был фатальный выбор шахтеров, и даже они, похоже, это лучше понимали, чем старший научный сотрудник из АН СССР. Потому-то они, идя на забастовку, уже предвидели безработицу, а еще два года назад им и в голову такое бы не пришло. Хочешь права на забастовку — бери, но не взыщи, прав члена семьи ты тогда иметь не будешь, в том числе права на труд и других типично советских прав.

Кстати, автор той статьи ошибается (или забыл), что в забастовках 1990 г. сыграли свою роль и «подрывные действия каких-то внешних сил». По отношению к Кузбассу «демократы» из Межрегиональной группы были именно внешними силами, для которых шахтеры были всего лишь инструментом в политической борьбе. А разве не был «внешней» силой приезд Ельцина с его авторучкой, которой он прямо на митингах выписывал шахтерам немыслимые блага, которые они получают, как только свергнут власть СССР?

И наконец, бурную активность проявляла Американская федерация профсоюзов (АФТ). Согласно западной прессе, она выделила немалые средства на семинары для руководства стачечных комитетов шахтеров. Эти средства, как водится, кто-то из «независимых» профсоюзных лидеров разворовал (фамилии тоже публиковались), вследствие чего в «международном рабочем движении» возник небольшой скандал. А в Испании для активистов стачкокомов был организован роскошный двухнедельный отдых. Он был так красочно расписан в газете «Эль Паис», что у других, отставших активистов слюнки должны были потечь. Так что В. В. Комаровский, заседая в Академии на-

ук, не уловил важных деталей. Как говорится, наука не в курсе дела.

Ясно, что забастовка — это метод получения от работодателя и (или) государства каких-то благ путем нанесения ущерба или этому работодателю, или всему обществу. В последнем случае забастовка — это средство давления на правительство. Но получишь ли ты эту выгоду или, наоборот, потеряешь, зависит от баланса сил. Переход к такому способу достижения выгод — это необратимый отказ от принципа переговоров и поиска согласия, принятого в семье. Хотя, понятно, и в семье бывают несправедливости и конфликты. Забастовки 1990 г. были не конфликтом, а разрывом со всеми принципами жизнеустройства по типу семьи. При этом шахтеры и вообще все рабочие, поддерживавшие этот разрыв, совершили ошибку, поскольку оказывать давление ни на новых собственников, ни на государство они не могут. «Собственники» получают доход не от труда рабочих, а от разворовывания ресурсов страны.

Но для нас здесь важнее тот факт, что и «честные антисоветчики», и даже «просоветские» историки и философы тоже ошиблись. Они не поняли именно фундаментальных вещей. В 1988 г., выступая в АН СССР, академик И. И. Минц сказал: «Как известно, Сталин запрещал писать о недостатках в деятельности советской власти. Помню, как Е. М. Ярославский в «Правде» написал о состоявшейся в 30-х годах стачке в Орехово-Зуеве. Сталин объявил ему выговор за разглашение сведений о стачке» («Россия, 1917 год: выбор исторического пути». Круглый стол историков Октября, 22—23 октября 1988 г. М.: Наука, 1989).

Старый был уже академик, но тут сплеховал. «О недостатках в деятельности советской власти» Сталин писать не запрещал, он запрещал писать разрушительные для советской власти вещи. Строя общество-семью, приходилось постепенно, без потрясений гасить инерцию революционного общества классовой борьбы. И об отдельных рецидивах старого мышления и поведения вроде стачки в Орехово-Зуеве писать не следовало ни в каком смысле. Борец с православием Е. М. Ярославский этого тоже не понимал, как и И. И. Минц. Но тому Сталин хоть успел объявить выговор, а в 1988 г. были уже другие времена.

После 1991 г. в академической среде началось просто прославление забастовки как «пути в гражданское общество». Вот типичная статья социолога: «Социально-трудовой конфликт — это норма» (А. К. Зайцев. — СОЦИС, 1993, № 8). В доказательство благотворности разрушительного социального явления социолог цитирует бред какого-то Г. Зиммеля: «Конфликт очищает воздух».

Надо сказать, что раскачать антисоветское забастовочное движение оказалось очень непросто. В. В. Комаровский в ци-

тированной выше статье отмечает: «Четыре первых года перестройки рабочий класс оставался практически в стороне от каких-либо форм участия в процессах, набиравших силу в стране».

После опыта 1989—1990 гг. забастовочный энтузиазм у рабочих пошел на убыль. При большом опросе (6971 человек — в 1991 г. и 5856 — в 1992 г.) ответили «Считаю забастовки вполне закономерным явлением» в 1991 г. 58% и уже в 1992 г. — 46% (Н. В. Андреевкова, Г. А. Воронченкова. Развитие трудовых конфликтов в России в период перехода к рыночной экономике. — СОЦИС, 1993. № 8). Но было уже поздно цепляться за принципы общества-семьи, главные из них самопроизвольно не восстановятся.

Могли ли мы принять эту модель — от свободы познания до свободы «войны всех против всех» — как философский принцип нашего жизнеустройства? Нет, это было невозможно сделать без полного разрушения всех главных структур советского общества. Вспомним слова философа научной революции Бэкона: «Знание — сила». Суть негласного спора была в том: может ли накопление силы быть свободно от оков этики? Все ли разрешено, что не запрещено законом?

Либералы отвечают четко: не только может, но и должно быть абсолютно свободно от этики — вот вам принцип свободы познания. Кто, кажется, в нем усомнится. А на деле за этой волей к знанию скрывается воля к власти. Власти над природой и над человеком. За ней стоит субъект-объектное отношение к миру и к человеку. А советский строй исходил из представления о мире как Космосе, в котором человек — часть мира, связанная с каждой былинкой и каждым человеком.

В моей предыдущей книге это представление изложено стихами Державина. Но в 30-е годы об этом пишет советский поэт-философ Н. Заболоцкий: «Я — человек, часть мира, его произведение. Я — мысль природы и ее разум. Я — часть человеческого общества, его единица». О нашем подспудном отношении к субъект-объектным отношениям (не в их инструментальном значении, а как принципу бытия) можно сказать стихами того же Н. Заболоцкого (1936):

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я — и трав вечерних пенья,
И речь воды, и камня мертвый крик

.....

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

Антисоветские идеологи, убеждая людей отказаться от советского космического чувства и принять философию индивидуализма, постепенно внушили значительной части интеллигенции странную, ошибочную мысль, будто «свобода по фон Хайеку» означает раскрепощение личности, возможность ее самовыражения. Мысль эта кажется странной потому, что не только практика Запада, отраженная, например, в литературе и кино, не дает никаких оснований для такой иллюзии, но и самые крупные социологи Запада (прежде всего М. Вебер, а в наше время Э. Фромм) доходчиво объясняли, что это именно не так и почему это не может быть так.

Тем не менее один из собеседников в Интернете, из научных работников и на первом этапе реформы активный демократ, высказал такое мнение: «Знаете, в чем сила капитализма и почему вы не сможете его победить? В том, что он позволяет людям быть РАЗНЫМИ. Любыми».

Значит, до сих пор эта утопия жива. Ведь сила капитализма как раз в униформизации, в сокращении разнообразия, в устройении из общества большой машины. Известный французский философ М. Фуко известен своими книгами по «археологии» Запада — он подробно описывает, как возникло современное буржуазное общество. Одна из его книг, «Надзирать и наказывать», объясняет, как изживалась инициативность, присущая Европе традиционной. Насколько важна эта книга, говорит уже тот факт, что за 16 лет только на испанском языке вышло 20 ее изданий.

Фуко приводит выдержки из уставов организаций самых разных сфер жизни Запада и объясняет, почему такое подавление личной инициативы и свободы самовыражения в принципе невозможно и не нужно в традиционном обществе. Сегодня в сфере промышленности и торговли Запад является застойным обществом по сравнению с Японией, Китаем, «драконами Азии» — а ведь это все типичные традиционные общества. Порождение традиционного общества Сицилии, мафия, была несравненно инициативнее, чем дубовая преступность янки. Да разве мы сами не помним, насколько инициативнее был русский солдат, чем немецкий?

Мы не замечаем даже самые великие ценности, когда они привычно нас окружают. Не замечаем же мы, какое это счастье — дышать воздухом. Так же жили мы среди наших людей и не замечали этого их чудесного свойства — каждый из них был *личность*. Он все время о чем-то думал и что-то переживал. Посмотрите на лица людей в метро. Не боясь окружающих, люди доверчиво уходят в себя, и на лице их отражаются внутренние переживания. Один горестно нахмурился, другой чему-то улыбнулся. В метро Нью-Йорка все лица похожи на полицейских —

все одинаковы, все вежливы и все настороже. Они как будто охраняют хозяина.

Истинно либеральное общество намного нетерпимее к инакомыслию, чем традиционное советское. Например, не верить в газовые камеры нацистов на Западе — уголовное преступление. В тюрьму — за неверие! Но это так, скандальная штука. И без уголовного кодекса контроль над мыслями там такой жесткий, что все само собой образуется. Я начал выезжать в капиталистические страны в 1983 г. Именно единомыслие, одинаковость разных по форме людей — вот что шокировало сильнее всего. Это как сто модификаций «ВАЗа-2105» с разными формами кузова и разной окраски. Другое дело, что многим большего и не надо.

В начале 80-х годов я как-то стоял в очереди, ожидая открытия водочного отдела, у себя в микрорайоне. Чтобы убить время, очередь философствовала. Темы в таких очередях обычно брались из жизни, говорить полагалось кратко и выразительно. Перед нами экскаватор копал траншею. Возникла проблема: почему «в пятый раз» копают траншею на одном и том же месте? Почему было не уложить все коммуникации сразу? Выступило пять человек, и были даны такие объяснения, каждое из которых представляло собой целую модель:

1. Плановая система виновата — не могут разные ведомства между собой договориться. Вот если бы был хозяин...

2. Нет, тут дело не в плане. На каждой траншее можно украсть, но немного, чтобы не накрыли. Пять траншей выкопали — пять порций украли.

3. По-умному, можно было бы и украсть, и не мучиться. Система такая, что наверх поднимаются одни дураки. Вот они и не могут сделать по-умному.

4. Нет, я кое-кого из начальников знаю. Очень даже не дураки. Но почему-то им нужно действовать так, чтобы все думали, что они дураки. Тогда-то у них главное воровство и удаётся. А мы: «Дураки, дураки...» Сами мы дураки.

5. Сами дураки, это точно. Во-первых, копают только четвертый раз. Первый — понятно. Второй, помните, трубу разорвало, зимой горячая вода везде текла. Тут план ни при чем — такие трубы делаем, так варим. Третий раз копали — класть трубы для второй очереди квартала. Что лучше — копать еще раз или держать трубы пять лет в земле, не знаю, тут считать надо. Теперь четвертый раз копают — телефон проводят. АТС тогда не было, кабель дефицит. Ну и сидели бы восемь лет без дома, ждали бы дома вместе с телефоном. Этого хотим?

Я пришел домой и записал эти рассуждения. Как-то зачитал их на лекции по методологии в Испании. Аудитория аспирантов просто не верила, что где-то может существовать такое раз-

нообразии мышления. Но это разнообразие может быть только тогда, когда некоторые вещи нельзя вслух говорить. Мы этого не чувствовали, а ведь тут большая проблема. Наш философ А. Ф. Лосев сказал: «Там, где есть свобода слова, нет свободы мысли».

Когда антисоветские поборники свободы получили рычаги влияния, а потом и власти, нам пришлось убедиться на опыте, что именно советское общество в его зрелой, рационализированной стадии было несравненно терпимее, нежели та демократия, которую они установили. И дело не в эксцессах, а самом видении свободы. Вот пара случаев из моего опыта, в которых действовали демократы честные, причем относившиеся ко мне лично очень хорошо.

В апреле-мае 1991 г. по заданию В. Павлова наш Аналитический центр проводил экспертизу проекта закона о приватизации, я руководил этой работой. После окончательного обсуждения законопроекта в Верховном Совете СССР у меня попросили резюме нашего доклада на одной странице для газеты «Политика», которую издавала депутатская группа «Союз». Руководитель этой депутатской группы был к тому же заместителем председателя Комитета по экономической реформе, который готовил законопроект. Я, естественно, дал, и газета напечатала это резюме с указанием моей должности и места работы.

На другой день демократы нашего Аналитического центра, мои старые коллеги, пришли к директору и устроили самую настоящую истерику, почти со слезами. Оказывается, им позвонил их духовный отец профессор Майминас и упрекнул — как же они могут работать в организации, сотрудники которой печатаются в газете «Политика»?

Подчеркиваю, что я дал не статью, а резюме документа, подготовленного по поручению председателя Совета Министров СССР и отправленного ему лично со всеми официальными печатями. Все формулировки в таком документе были вполне корректными и обтекаемыми. Дал я его в газету, выходящую под эгидой фракции, объединяющей большинство депутатов парламента. Казалось бы, к чему здесь может прицепиться демократ? Но истерика была столь впечатляющая, что директор попросил меня больше не публиковаться под моей фамилией, что я и выполнял почти два года.

Вот случай мягче, но для меня еще более показательный. Я подготовил статью об антропологической модели российского неоллиберализма для «Вопросов философии». По сути, это был обзор ведущих западных антропологов — от Гоббса через Леви-Стросса, Лоренца и Фромма к Салинсу. Редактор, которому была поручена моя статья, мне объявил, что журнал ее не

принимает. Я был удивлен: «Почему, Саша?» Ведь никаких претензий к научности или корректности быть не могло.

«Потому, что я не согласен с твоим взглядом. Редколлегия тоже», — ответил он. Удивлен я был потому, что много лет работал вместе с ним в одном институте, был дружен, имею все его книги с дарственными надписями, мы были рецензентами друг друга. Когда в советское время проходили обсуждение его статьи и книги, никому и в голову не пришло бы предложить их отвергнуть по причине «несовпадения взглядов», хотя он и был исключен из КПСС по идеологическим мотивам. Мне казалось, что в научной среде просто невозможно выговорить то, что он сказал мне совершенно спокойно.

После этого сама редколлегия журнала «Антропология и этнография» попросила меня дать статью на ту же тему. Статья понравилась, мы пили чай в редакции, время от времени меня просили уточнить то одну, то другую ссылку. А через два года мне позвонил главный редактор, очень уважаемый мною ученый, и, смущаясь, попросил, если статья для меня не очень важна, отказаться от ее публикации. Ради бога, вы же сами ее просили!

Но за этими мелочами видно, что именно в этой «антисоветски демократической» интеллигенции сосредоточены и имманентно ей присущи крайне антидемократические принципы, которых не было именно в «советской части советского строя». За последние десять лет выяснилось и то, что раньше было не так явно: с этим антидемократизмом неразрывно сцеплена античеловечность, отсутствие самого простого сострадания к человеку.

Наши нынешние либералы-утописты считают, что, отказываясь от идеала равенства, они утверждают идеал свободы. При этом они и малого усилия не хотят сделать, чтобы выяснить, а что же означает свобода в наших конкретных условиях. Перед их глазами разыгрывается драма: наделение меньшинства свободой разворовать общенародное достояние оборачивается лишением самых фундаментальных свобод подавляющего большинства граждан. Вспомним, что говорил один из самых авторитетных идеологов «социально ориентированного капитализма» премьер-министр Швеции Улоф Пальме: «Бедность — это цепи для человека. Сегодня подавляющее большинство людей считает, что свобода от нищеты и голода гораздо важнее многих других прав. Свобода предполагает чувство уверенности. Страх перед будущим, перед насущными экономическими проблемами, перед болезнями и безработицей превращает свободу в бессмысленную абстракцию».

Почему же этого наши интеллигенты не хотели услышать? Ведь они помогли отнять у большей части народа «свободу от

нищеты и голода», всучив вместо этого «бессмысленную абстракцию». Почему с таким энтузиазмом прославляли они грядущую безработицу и ликвидацию «уровниловки», бесплатного образования и всего того, что всей массе наших людей давало очень важные элементы свободы? Неужели интеллигент может представить себе страдания других, лишь испытав их на своей шкуре?

Вообще, спор о том, хорошо ли устраивать в России либеральное общество, давно уже стал схоластическим. Надо же сначала разобраться в проблеме ограничений. Если такового создать никак нельзя, хотя бы это и было прекрасно, то нечего об этом и спорить. Очертим поле возможного и будем внутри этого пятачка искать компромисс. Я считаю, что антисоветские идеологи создали утопию, которая, к нашему горю, увлекла множество людей.

Ведь в начале XX века это не получилось у кадетов в гораздо более благоприятных условиях. Вебер глубоко влез в эту проблему и сказал: «Слишком поздно». При наличии Запада построить капитализм можно только за железным занавесом. Запад пожирает первые же комочки «чужого» капитализма, как бактерии пожирают комочки слизи, из которых должна была бы постоянно зарождаться жизнь. Потому-то мы в опыте и не можем наблюдать зарождения жизни. Капитализм можно было бы строить в позднем СССР (как сейчас в Китае), но «демократы» угробили все дело.

Сейчас мы откатились назад и в сторону так, что я никаких шансов не вижу. Неужели искренние демократы хотят криминального людоедского строя с самоназванием «капитализм»? Ускоренная глобализация доконала дело, она неминуемо должна уничтожить большинство русских и провести глубокую арханизацию остатков — чтобы можно было заставить их содержать небольшой анклав «модерна», добывающего газ и обучающего балерин. Реальность такого сценария признают (не всегда гласно) все наши серьезные «демократы». Если же он реален, давайте из него и исходить — тогда хватит толочь воду в ступе.

Взглянем правде в лицо: уже начиная с радикального этапа перестройки весь язык (дискурс) антисоветских идеологов стал несовместим с принципами демократии. Они стали бравировать тем, что совершили над народным хозяйством смертельную операцию «вопреки воле больного». Так же, как с экономикой, они поступили с СССР. Выяснив на референдуме предпочтения подавляющего большинства граждан, они выражали демонстративную радость от того, что удалось развалить СССР вопреки этим предпочтениям. О какой же свободе с такими правителями может идти речь?

С идеей демократии наши антисоветские демократы рас-

правлялись очень просто, игрой слов. Вот поучает Денис Драгунский: «Демократия требует наличия демоса — просвещенного, зажиточного, достаточно широкого «среднего класса», способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса... — говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе...»

Так что те, кто называет себя демократами, на самом деле есть сплоченное меньшинство, которое присвоило себе право судить, кто есть демос, а кто — толпа. Если бы наши граждане были зажиточными, имели бы только интересы, а не идеалы («инстинкты») и их чаяния совпадали бы с интересами Драгунского, он бы назвал их демосом. А раз чаяния народа угрожают интересам Драгунского, то это толпа, а толпу позволительно и обманывать, и рассеивать, и даже расстреливать — это нарушением демократии он не считает.

Вот тот же «демократ» рассуждает накануне свержения советской власти: «Сейчас возрождение доперестроечных структур во всей их жестокости было бы опасно не как насилие над народом, а, наоборот, как реализация чаяний самого народа» («Век XX и мир», 1991, № 5).

Так и завершилась сказочка про свободу — восхвалением диктатуры теперь уже не просвещенного, а состоятельного авангарда. Затем — представление государственного и социального строя Бразилии как идеала для России и, как логическое заключение, — дифирамбы в адрес Пиночета.

Вместо СССР возник патологический, несовместимый с длительной жизнью режим, при котором не рождаются дети и умирают люди среднего возраста. И трудность преодоления этого режима не в тонком уме Степашина или Гайдара, не в жестокости ОМОНа, а в том, что соблазн свободой манипуляторы сумели внедрить глубоко в подсознание больших масс людей, особенно молодежи. И значительная часть наших соотечественников перестала быть гражданами и составлять общество.

Подрыв идеи братства народов. В советском проекте представление о жизнеустройстве по типу семьи выстраивалось в двух измерениях — социальном и национальном. В стране, где соединились в одном общежитии более сотни народов, национальное устройство было не менее важным, нежели социальное.

При советском строе всем было вбито в голову, что народы СССР — одна семья, что надо друг друга уважать и друг другу помогать. Реальность была не безоблачна, но важно, какие идеи, какая «мифология» внедряется в массовое сознание. СССР не был «санаторием народов», но не был и «тюрьмой», и тем более «кладбищем». Это был дом, в котором было можно жить. Анти-

советский проект предложил как принцип жизни закон рынка и вбивал в головы соответствующие догмы и мифы (конкуренция вместо солидарности, личное против общего).

В сознании (и подсознании) людей всегда гнездится этноцентризм, порождающий национальную ревность. Ее разжигание стало одной из главных технологий при разрушении СССР (предельным случаем было создание стереотипа «репрессированного народа»).

Перестройка питалась антисоветской идеей о национальном притеснении «наших». Главную работу сделали, конечно, демократы — их объектом были прежде всего нерусские народы, особенно в Прибалтике и на Кавказе. Один из прорабов перестройки А. Нуйкин признается: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину».

Особая программа — натравливание на советский строй малых народов. Здесь постарались и местные, и московские интеллигенты. Социолог Р. В. Рывкина, признавая, что и в «развитых» странах малые народы сталкиваются с проблемами, льет крупные слезы: «Но судьба малочисленных народов в рамках советской империи оказалась по ряду причин особенно трагичной. Будучи коренными, эти народы в бывшем Советском Союзе оказались не просто в бедственном положении, а фактически на грани вымирания».

Таким образом, академический журнал «Социологические исследования», презрев всякие нормы научной этики и обычной совести, убеждает публику в том, что, конечно, и в США у индейцев были кое-какие проблемы, но ни в какое сравнение с судьбой малых народов в СССР они не идут. Здесь, в России, — эпицентр вселенской трагедии малых народов. Вымирание!

Но вот данные из книги, опубликованной в Институте антропологии и этнографии той же Российской академии наук (С. В. Чешко. Распад Советского Союза. М., 1996). Численность подавляющего большинства малых народов в советский период не уменьшалась, а росла. Вот малые народы (числом до 10 тыс. человек), у которых с 1959 по 1989 г. сократилась численность: ижорцы (с 1,0 до 0,8 тыс.), караимы (с 5,7 до 2,6 тыс. — за счет эмиграции), селькупы (с 3,8 до 3,6 тыс.). Но даже у этих народов ни о каком вымирании нет и речи. В остальных случаях как раз достойно удивления, что прирастали, а не растворялись совсем малые народы, которые давным-давно исчезли бы с лица земли в условиях демократии и рыночной экономики — в жизнеустройстве, основанном на атомизации и конкуренции. Вот некоторые цифры:

Таблица 10. Численность малых народов в СССР
(в тыс. человек)

	1959	1989		1959	1989
Агулы	6,7	18,7	Орочи	0,8	0,9
Алеуты	0,4	0,7	Ритульцы	6,7	20,4
Белуджи	7,8	28,8	Саамы	1,8	1,9
Долганы	3,9	6,9	Тофалары	0,6	0,7
Ительмены	1,1	2,5	Удины	3,7	8,0
Кеты	1,0	1,1	Удэгейцы	1,4	2,0
Коряки	6,3	9,4	Халха	1,8	3,0
Манси	6,4	8,5	Цахуры	7,3	20,0
Нанайцы	8,0	12,0	Эвены	9,1	17,2
Нганасаны	0,7	1,3	Эскимосы	1,1	1,7
Нивхи	3,7	4,7	Юкагиры	0,4	1,1

Тем не менее тезис о вымирании малых народов в условиях СССР активно внушался антисоветской идеологической машиной. В народные депутаты была даже подобрана активная представительница малого народа г-жа Гаер, которой постоянно предоставлялась трибуна для провозглашения этого мифа.

Особые усилия прилагались для разжигания антирусских настроений. Связующим материалом, который соединил народы СССР в единое государство, был союз с русским народом. Именно наличие этого обладающего силой и авторитетом ядра («старшего брата») уравнесило сложную многонациональную систему из полутора сотен народов.

Главный шаг, который удалось сделать интернациональной антисоветской номенклатуре к 1991 г., — подготовить и провести Декларацию о суверенитете. Основную роль в этом сыграли демократы РСФСР, которые группировались вокруг Ельцина. Речь не идет об ошибке — идеологи российского документа продолжают хвастаться и шумно праздновать день «независимости» в память о принятии фатальной Декларации.

Принципиальные положения Деклараций означали ликвидацию главных скреп Союза. Был декларирован раздел общенародного для СССР достояния, ликвидация единого ресурсного, экономического и интеллектуального целого. Это был «бархатный» переворот, так что большинство депутатов не поняли, какие документы им подсунили для голосования. Чтобы они не поняли, антисоветские идеологи трудились несколько десятилетий.

Давно, например, объектом антисоветского острословия ста-

ло само понятие «старший брат», которое применялось к русскому народу. В том, что эти шутки так благосклонно принимались публикой, во многом повинен евроцентризм нашего образования. В обществах, ассоциирующихся с семьей, категория «брат» не является гражданской, как у якобинцев, а именно семейной, включающей в себя идею иерархии. Ведь братья, если они не близнецы, всегда или старший, или младший. Соответственно этому определяются и их роли — кому братья на себя большую тяжесть в работе или более сильного противника в драке. В тех культурах, которые европеизированы меньше, чем наша, этот смысл понятия «брат» отражен даже в языке. Так, ни в китайском, ни в корейском языках нет понятия «брат вообще» — брат может быть либо старшим, либо младшим (А. Н. Ланьков. Конфуцианские традиции и ментальность современного южно-корейского горожанина. — «Восток», 1996, № 1).

Успех в деле развала СССР после сговора верлушки КПСС с противником в «холодной войне» идеологи представляют как результат того, что «демократизация раскрепостила национальные противоречия», которые якобы были просто заморожены тоталитарным советским режимом. Это — дешевый трюк. Тот факт, что в ходе построения советского жизнеустройства степень недоверия и вражды между народами резко снизилась, неоспорим. Самый красноречивый показатель — число межнациональных браков. Их невозможно предписать ни партийным решением, ни идеологическим давлением — люди свою судьбу определяют, принимают глубоко личное решение.

В некоторых обществах разные этносы живут бок о бок в течение столетий — и не смешиваются. В СССР межнациональные барьеры были сильно ослаблены, и смешанные браки были широко распространены. Число этнически смешанных семей (на 1 тыс.) составляло в среднем по СССР в 1959 г. 102, а в 1989—175. Вот как это число изменялось по союзным республикам (согласно данным, приведенным в работе М. Н. Руткевича «О демографических факторах интеграции» — СОЦИС, 1992, № 1):

Таблица 11. Число этнически смешанных семей (на 1 тыс.) в союзных республиках СССР

Республика	Год переписи		
	1959	1979	1989
Латвийская ССР	158	242	275
Украинская ССР	150	219	253
Белорусская ССР	110	201	246
Молдавская ССР	135	210	246

Республика	Год переписи		
	1959	1979	1989
Казахская ССР	144	215	239
Эстонская ССР	100	158	173
Киргизская ССР	123	155	165
Таджикская ССР	94	130	148
РСФСР	83	120	147
Туркменская ССР	85	123	133
Литовская ССР	59	113	128
Узбекская ССР	82	105	127
Грузинская ССР	90	104	122
Азербайджанская ССР	71	76	79
Армянская ССР	32	40	38

Другой важный показатель — готовность людей селиться среди другого народа. Такое решение люди принимают лишь при условии взаимного доверия, когда от соседей не ждешь недоброжелательности, ни тем более вражды с применением насилия. Уж сегодня-то это всем стало понятно. Вот какова была степень взаимного доверия народов в СССР (по данным М. Н. Руткевича):

Таблица 12. Расселение граждан СССР за пределами «своей» национальной территории

	1959	1970	1979	1989
Численность населения СССР, млн.	208,8	241,7	262,1	285,7
Доля населения, проживающего вне «своей» территории, %	19,9	10,9	20,6	21,5
Доля русских, белорусов и украинцев (в сумме), проживающих вне «своей» территории	14,3	15,9	16,7	17,2

Во время перестройки, уже работая на развал СССР, антисоветские политики раскачали тему «репрессированных народов». Но если вдуматься, то даже народы, вошедшие в вооруженный конфликт с советским государством, испытывали к нему доверие. Они знали, что, даже карая, это государство не погубит их как народ. Почему те же чеченцы, перешедшие на

сторону Гитлера и имевшие в тылу Красной Армии мощные формирования с артиллерией, прекратили сопротивление и без боя погрузились в теплушки и уехали в Казахстан? Почему они не начали террористическую войну — ни в конце 40-х, ни в 50-е, ни в 60-е годы? Они боялись КГБ? Нет, они и во время войны ничего не боялись, начать восстание в тылу Красной Армии означало сжечь мосты и идти на большой риск.

Мятежные чеченцы подчинились потому, что наказание было суровым, неотвратимым, но в то же время и бережным по отношению к народу. Тогда не стали расстреливать мужчин, подрезать корень народа, а выселили всех по ту сторону Каспия. И даже не расформировали партийные и комсомольские организации, не прекратили прием в партию. Одним этим показали: народ не будет придушен. И боевой мальчик Дудаев будет принят в лучшую военную академию и станет большим генералом. А умный мальчик Хасбулатов будет профессором.

Посмотрите, насколько сейчас оказалось труднее сделать даже самую необходимую вещь — послать в кадетский корпус несколько десятков мальчиков из семей той части чеченской элиты, которая борется за сохранение Чечни в составе России. Русские подростки относятся к ним очень враждебно. Эта простая вещь вполне вписывалась в культуру и XIX века, и советского «тоталитаризма» — и оказывается почти невозможной в нынешней антисоветской культуре.

«Жестокий» советский строй не толкнул чеченцев на террористическую войну. Но эта война неотвратимо пришла к нам при режиме Ельцина. Должны же мы понять, в чем тут дело. Ведь это — наглядный, пробравший всех до костей урок, который нельзя замалчивать.

Однако еще важнее, чем разжигание антирусских настроений, для подрыва советского строя было воздействие на русское национальное сознание. Те, кто разжигал национальную ревность, не смогли бы добиться успеха, если бы в этом деле к «демократам» не подключились их оппоненты из русских «патриотов». В этой идеологической кампании было необходимо участие людей, противостоящих Горбачеву, а затем и Ельцину. Стереотип обделенности русского народа в СССР стали активно достраивать патриотические писатели и общественные деятели очень широкого диапазона. Кто-то как сознательный противник СССР, кто-то как конъюнктурный политик, а кто-то и сам как жертва манипуляции.

Видимо, одним из важнейших заявлений в этой программе было предположение В. Распутина о том, что РСФСР сама может выйти из СССР и отделаться от неблагодарных «младших братьев». Заявление было чисто риторическим, но слово не во-

робей, да и никаких поправок внесено не было. Так была запущена идея развала СССР из центра — руками русских.

Вскоре после ликвидации СССР, в 1991 г., стало очевидно, что наибольший урон понес именно русский народ как «державное ядро». Именно русский народ потерял статус своей государственности как мировой державы (а статус, например, Грузии или Туркмении даже вырос). Этот статус, достижение которого потребовало от русских огромного напряжения сил, уже давал, а в перспективе давал бы еще больше преимуществ и в экономической сфере.

Ввиду того, что постоянному очернению образа советского проекта придается в антироссийской программе очень большое значение, до сих пор мощные импульсы направлены на поддержание в массовом сознании русских стереотипа «обиженных». В разделе о диссидентах уже приводились антисоветские высказывания И. Р. Шафаревича о национальном устройстве СССР. Перед выборами 1999 г. он опубликовал свой очередной труд — «Зачем нам сейчас об этом думать» («Завтра», 1999, № 29). В нем структура его антисоветской концепции в связи с судьбой русского народа представлена довольно полно.

Главная его мысль состоит в том, что для приверженцев советского строя характерна «нерусскость». И. Р. Шафаревич даже указывает степень «равнодушия к судьбе русских» у коммунистов, сравнивая их с нынешней криминальной буржуазией. По его словам, «марксистская нерусскость это тенденция слоя, чуждого основной части народа», — слоя, «ничем не лучшего, чем новые русские».

Что такое «нерусскость», как ее определить, И. Р. Шафаревич внятно не сказал, не привел никаких разумных признаков, по которым избиратели могли бы отвернуть недостойных кандидатов. Из контекста выходит, что самым главным признаком «нерусскости» является идеология («марксизм»). Такого убогого механицизма не ждешь в конце XX века.

Ясно, что культура большого народа («русскость») не может зависеть от столь изменчивого и подвижного ее элемента, как идеология. Неужели Н. Клюев, став коммунистом, приобрел от этого «нерусскость», а М. Шолохов перестал быть русским писателем? Искренний коммунист маршал А. М. Василевский разве потерял русское воинское чувство? Н. Рубцов с его нежным отношением к советскому строю стал «чуждым народу»? Или все они были неглубокими людьми, недопонимали то, что открылось И. Р. Шафаревичу?

Согласно И. Р. Шафаревичу, коммунисты, руководившие советским проектом, следовали догмам марксизма, и их политика поэтому всегда носила антирусский характер. При этом И. Р. Шафаревич не взвешивает в целом все реальные условия

и результаты советского строя. Он приводит отдельные жгучие детали, обращаясь к чувствам читателя. К тем же чувствам, на которых играли демократы, разжигая антирусские чувства. Как уже говорилось выше, многие важные суждения Шафаревича почти буквально совпадают с высказываниями Г. Старовойтовой.

Поразительно, что уже десять лет действует эта простая технология разрушения «империи»: русским говорят, что их объедали узбеки и таджики, а узбекам приехавшие из Москвы демократы в наспех надетых тубетейках шепчут, что их объедали русские.

И. Р. Шафаревич забойной сделал тему образования: «В российских вузах готовилась национальная интеллигенция... В тяжелейшие годы войны были созданы Академии наук Казахстана и т.д.». Как это понимать? Не надо было в СССР готовить национальные кадры? Но ведь эта мысль противна не только советским принципам, но и самим исходным устоям России! В этой мысли и заключена самая неприкрытая «нерусскость». И ведь все это говорится вскользь, в виде инсинуаций. Не скажет же прямо И. Р. Шафаревич: не надо было во время войны создавать Академию наук в Казахстане! К чему, мол, были русским эти цветные металлы.

Вот как И. Р. Шафаревич доказывает на цифрах, что советская власть притесняла русских: «В 1973 г. на 100 научных работников имелось аспирантов: среди русских 9,7 человека, туркмен — 26,2, киргизов — 23,8. Таков же был и уровень жизни...» Попробуйте это растолковать. Кто здесь русские, кто туркмены — аспиранты или научные работники? Зачем такой сложный показатель? Есть же попроще: в 1985 г. в РСФСР было 68 тысяч аспирантов, а в Туркмении 496 — в 130 раз меньше. Русских кандидатов наук в 1982 г. было 257 265, а туркменом 1511 — в 170,3 раза меньше, чем русских. Среди докторов наук в 1982 г. русских было в 251 раз больше, чем туркменом, в 1987 г. в 223 раза больше.

Но главное, как из всего этого вывести идею о дискриминации русских в науке? Всю науку в СССР заполонили туркмены? В 1970 г. в РСФСР было 631 тыс. научных работников, а в Туркмении — 3,6 тыс. (из них больше половины русских). Вообще русских среди научных работников было в 310 раз больше, чем туркменом. При чем здесь вообще аспиранты? И что значит «таков же был и уровень жизни»? У русских 9,7? На 100 человек? Какая неряшливость мысли.

С уровнем жизни досталось от Шафаревича бедным узбекам: «В 50-е годы доходы колхозников Узбекистана были в 9 раз выше, чем в РСФСР». Откуда эти данные, да еще такие точные, как их понимать? Не бывало таких разрывов в уровне дохода. В 1960 г. средняя зарплата рабочих и служащих была в РСФСР

83 руб., а в Узбекистане — 70 руб. Значит, доходы горожан в РСФСР и узбеков были примерно равны (горожане дынями не торговали и скрытых доходов не имели). Официальные доходы на селе у русских и узбеков тоже были примерно равны. Значит, Шафаревич знает о каких-то скрытых, теневых доходах узбекских крестьян?

Могли ли теневые доходы узбекских колхозников быть столь непропорционально большими, как заявляет И. Р. Шафаревич? Чтобы колхозники, хотя бы и в Узбекистане, жили в 10 раз богаче горожан — кто же в это поверит! Сбережений в сберкассе у одного городского жителя Узбекистана было в 8 раз больше, чем у сельского. И вообще сбережений в 1975 г. у одного жителя РСФСР в среднем было 410 руб., а у жителя Узбекистана — 128. Откуда эти «9 раз»?

А главное — что хочет доказать И. Р. Шафаревич всеми этими цифрами? Видимо, что советская власть создавала резкое неравенство республик в ущерб русским. Но ведь это не так. Основные капиталовложения делались в России — достаточно упомянуть разведку и освоение запасов нефти и газа в Сибири, на которых мы до сих пор живем. Или взять выплаты из общественных фондов: в РСФСР в 1975 г. они составляли на душу 392 руб., в 1989 г. 760 руб., а в Узбекистане 258 и 429 руб. А это, прежде всего, расходы на образование, здравоохранение, жилье — вложения в человека.

Да, установкой советской политики было именно выравнивание уровня развития всех частей страны. Ибо СССР (да и Российская империя) строился именно как страна, а не колониальная система! Это можно видеть на длинных временных рядах, сравнивая множество показателей. Надо ли понимать И. Р. Шафаревича в том смысле, что он считает принципиально неправильной политику развития всей страны как целого? Тогда лучше бы сказать прямо. Прямо не говорят, потому что тогда станет очевидной антирусская направленность всей их философии.

Говоря о «нерусскости» советского строя, И. Р. Шафаревич замалчивает фундаментальный показатель состояния народа — продолжительность жизни. Это — обобщенный показатель, отражающий положение той или иной этнической общности людей (условия труда, питания, быта, здравоохранения).

Согласно данным переписи 1897 г., в европейской части России ожидаемая при рождении продолжительность жизни была у русских мужчин 27,5 года, у латышей 43,1, у молдаван 40,5 года — в процветающее время, до марксизма и революций. Именно советский строй (и только он!) резко сократил этносоциальное неравенство русских. В 1926—1927 гг. ожидаемая продолжительность жизни у русских мужчин повысилась до 42,2 года,

а к началу 70-х годов — до 64,6 года. В 1988—1989 гг. она составляла у русских мужчин 64,6 года, а у латышей 65,9 года и у молдаван 65,1 года. Почти сравнялась. В 2000 г. она составила у русских мужчин 59,8 года. Так что русские рано умирали при православном царе и при антисоветском Ельцине, а жили долго только при советском строе.

Если брать за критерий оценки общественного строя продолжительность жизни, то именно русские из всех больших народов Российской империи больше всего выиграли от установления советского строя. Вот ожидаемая продолжительность жизни у разных народов, по данным переписи 1897 г. (для европейской части России) и в 1988—1989 г. (для СССР):

*Таблица 13. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин разных национальностей (в годах)**

Национальность	Конец XIX века	1988—1989 гг.
Русские	27,5	64,6
Украинцы	36,3	66,4
Белорусы	35,5	66,3
Татары	34,6	65,5
Эстонцы	41,6	66,0
Литовцы	41,1	67,3
Латыши	43,1	65,9
Молдаване	40,5	65,1
Евреи	36,6	70,1

Из совокупности трудов Шафаревича трудно понять, как он вообще относится к Российской империи и монархии. Ведь при строительстве этой империи русские именно были поставлены во многих отношениях в неравноправное, худшее положение, чем жители западных земель, азиатские инородцы и тем более приглашенные из Германии, Австрии и т.д. иммигранты. Дискриминация русских была несравненно сильнее, чем при советской власти. Генерал Ермолов просил царя в награду за службу «записать его в немцы» — было ли подобное в СССР? Наоборот, в СССР многие старались переделать свои фамилии на русские.

Уже в 1790 г. бухтарминские старообрядцы, выходцы из центра России, просили даровать им статус ясачных инородцев, это

* Андреев Е. М., Добровольская В. М., Шабуров К. Ю. Этническая дифференциация смертности. — СОЦИС, 1992, № 7.

дало бы им многие льготы (кстати, это их прошение было удовлетворено). Уровень грамотности среди русских в конце XIX века был ниже, чем среди татар, — вот о чем надо было бы вспомнить Шафаревичу. Движения протеста на национальной почве и даже крупная волна эмиграции немцев (в 80-е годы XIX века) происходили тогда, когда нерусские народы пытались приравнять в правах к русскому — их лишали привилегий.

И если бы эта антисоветская идея фикс об угнетении русских в СССР была присуща только И. Р. Шафаревичу! Д. Балашов, на которого я уже ссылался выше, дует в ту же дуду: «И ежели мы до сих пор пытались добиться гегемонии в мире за счет жертв со стороны русского народа, доведя народ до вымирания, то теперь мы обязаны укреплять страну за счет преимущественного укрепления ее русского центра и льгот преимущественно для русского народа, более всех ограбленного в предшествующий период». Посмотрите на даты, г-н патриотический писатель, и скажите все же, когда конкретно вымирал русский народ.

Разжигая антисоветское национальное чувство, И. Р. Шафаревич обращается к образу крови. Он напоминает, что во время войны были убиты 1 русский из 16 и 1 узбек из 36. Что означает этот намек? Узбекам по тайному приказу Сталина давали бронь? Узбекам по блату выдали бронжилеты? И что вообще означает «убит во время войны»? Жители Хатыни, например, были убиты, но среди них не было ни одного узбека. Марксизм виноват?

И. Р. Шафаревич уводит от сравнения, которое так и напрашивается: сколько узбеков было убито в Первой мировой войне? Он умалчивает о том, что только при советском строе была создана возможность расширить воинскую повинность на нерусские народы. А в царской России узбеки были невоеннообязанными. Попытка привлечь мусульман Средней Азии и Казахстана во время Первой мировой войны даже к тыловым работам вызвала волнения и восстания. И вот, вместо того чтобы напомнить, что в 1941—1945 гг. каждый погибший узбек или казах «заместил» русского, И. Р. Шафаревич разжигает темную ревность.

Когда же И. Р. Шафаревич переходит к положительной программе национального спасения русских, его рассуждения становятся столь туманными, что даже странно их слышать от математика. Первый совет — не прерывать бы в 1917 г. «собственный путь России». Но ведь этот совет явно опоздал — даже если считать, что тогда русские мужички совершили ошибку. Да и стоило бы тут же вспомнить, что, по данным академика Тарханова (1906 г.), русские крестьяне в среднем потребляли пищевых продуктов на 20,44 руб. в год, а английские — на 101,25 руб. В чем же здесь усматривает И. Р. Шафаревич «собственный путь России», который не следовало прерывать?

Вот, на его взгляд, актуальная «более-менее ясная всем» мера: «Нужна власть, которая на деле показала бы, что она народу — не враг». Очень милый совет, жаль, что раньше никому в голову не пришло установить такую власть. Кстати, если коммунисты насмерть поражены «нерусскостью», то за кого советовал бы голосовать И. Р. Шафаревич? Кто у нас «насквозь русский»? Или нам вообще советуют не ходить на выборы — сразу учинять восстание? Иначе как появится «хорошая» власть?

Дальше идут советы совсем странные: от власти «нужна самая обычная честность и, что, вероятно, нужнее всего, — политическая воля. Она же дается широкой народной поддержкой, доверием... А чтобы была народная поддержка, нужен народ, ощущающий себя единым организмом... Сила национального единения — и есть тот единственный ресурс, который может дать энергию для рывка».

Как наворочены причинно-следственные связи! Выходит, дело не в общественном строе и не в политическом режиме, а в народе, который не ощущает себя единым организмом. Если бы ощущал, то все было бы о'кей. То есть нет в России ни раскола, ни конфликта интересов, ни столкновения ценностей. Надо просто всем напрячься и устроить «национальное единение». Да ведь в том то и дело, что нам надо найти выход из пропасти в условиях, когда народ расколот. Найти выход через диалог, компромиссы, желательнее без прямого столкновения. Если бы было единство, то и проблем бы не было.

Все прекрасно помнят (и это замалчивает И. Р. Шафаревич), что краткий исторический период максимально полного национального единения был как раз при советском строе! И экзаменом были не слова, а тяжелейшая война (а до этого — невиданная индустриализация). Такое единение было возможно только при соответствии жизнеустройства чаяниям и интересам народа. А это для России и есть максимальная «русскость». Становился строй все менее советским — все меньше получал поддержки. Этим и вызван крах 1991 г.

И снова надо подчеркнуть, что антисоветская пропаганда в области национальных отношений работала как слаженный механизм сразу на два фронта: одну и ту же советскую установку А. Д. Сахаров мог трактовать как русский шовинизм, а его коллега И. Р. Шафаревич — как марксистскую русофобию.

И. Р. Шафаревич много говорит о «нерусскости» Сталина, а ему вторит писатель-демократ В. Д. Оскоцкий: «Сталиным национальные отношения толковались в великодержавном духе, что и поныне встречает если не явную поддержку, то тайное одобрение иных публицистов и даже исследователей... Ученому ли (Арсению Гулыге. — С. К.-М.) не знать: то был декретированный патриотизм, в который намеренно приносилось не общенародное, социалистическое, а имперское содержание» («Рос-

сия, 1917 год: выбор исторического пути». Круглый стол историков Октября, 22—23 октября 1988 г. М.: Наука, 1989). Мол, Сталин никакой не марксист, не социалист, а русский великодержавный шовинист с имперским сознанием.

Видно, что оба течения — части одной идеологической антисоветской бригады.

Дополнение: судьба русских в мире без СССР. Хотелось бы напомнить нашим «белым патриотам» одну вещь. Уничтожение СССР, которому они так радуются, сняло основную преграду в процессе установления Нового мирового порядка, означаящего гегемонию Запада в ее самой тупой и хамской форме. В этом новом миропорядке перспективы именно для русского народа становятся весьма проблематичными. Земля богатая, а люди этому Новому порядку не нужны — не вписываются они в него, да и за прошлое отомстить русским хочется. Много в мире «неразумных хазар». И, судя по очень многим выступлениям, велик риск, что превратят русских в «общность, которую нет смысла эксплуатировать», — появилось недавно такое туманное выражение. И выходит из этого, что СССР с его «железным занавесом» и «глупой плановой экономикой» выполнял самую главную с точки зрения бытия народа задачу — гарантировал ему жизнь как великому народу.

Идея создания Мирового порядка под эгидой Запада давно грела душу антисоветской интеллигенции. Достаточно нам наговорил об этом Сахаров с его теорией конвергенции. Но эта его идея не была слишком оригинальной, такие мысли были распространены довольно широко. Вот что пишет Н. М. Амосов в своем философском трактате «Мое мировоззрение» («Вопросы философии», 1992, № 6):

«Созревание — это движение к «центральному разуму» мировой системы, возрастание зависимости стран от некоего координационного центра, пока еще не ставшего международным правительством... Можно предположить, что к началу XXI века вчерне отработается оптимальная идеология... — частная собственность 70% и демократия — в меру экономического созревания... Это не означает бесконфликтности и даже не гарантирует постоянного социального прогресса... Будет сохраняться несоответствие интересов, продуцируемое эгоизмом и агрессивностью на всех уровнях общественных структур. Особенно опасными в этом смысле останутся бедные страны. Эгоизм, нужда могут мобилизовать народы на авантюрные действия. Даже на войны. Но все же я надеюсь на общечеловеческий разум, воплощенный в коллективной безопасности, которая предполагает применение силы для установления компромиссов и поддержания порядка. Гарантом устойчивости мира послужат высоко-

развитые страны с отработанной идеологией и с достаточным уровнем разума».

Видно, что популярный антисоветский пророк никак не обещает русским ни демократии, ни даже социального прогресса — а лишь «применение силы для поддержания порядка высокоразвитыми странами с отработанной идеологией и с достаточным уровнем разума». То же самое обещает целая рать демократов, влюбленных в Пиночета.

Сегодня начат большой спектакль с обсуждением проблемы «глобализации» и политики нынешней России в этом процессе. Собираются круглые столы, конференции, с экрана не слезают эксперты. В самой терминологии уже есть идеологический подтекст. Глобализация — процесс, идущий с ранних стадий развития цивилизаций. Обмен людьми и продуктами культуры (навыками и техническими средствами, растениями и животными) создал человечество. Следовательно, сегодня речь идет не вообще о глобальных процессах в развитии человечества, а о специфическом нынешнем этапе — попытке создания *Нового мирового порядка*. И о той мифологии, которая эту попытку идеологически прикрывает.

Введенный недавно термин «глобализация» — чисто идеологическая выдумка, прикрывающая то новое мироустройство, которое торопятся установить США и их партнеры на волне краха СССР. Иначе это называется «золотой миллиард». Об этом хорошо сказал уже в 1990 г. тогда же погибший А. Кузьмич (Цикунов): «За этим термином стоит определенная, целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция: развитые страны, сохраняя для своего населения высокий уровень потребления, будут военными и экономическими мерами держать остальной мир в промышленно неразвитом состоянии в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов. Население этих «замороженных» в своем развитии стран в условиях бедности деградирует и никакой функциональной ценности для «первого мира» не представляет, создавая в то же время глобальные социальные проблемы. Это население должно быть сокращено с помощью целой системы новых социальных технологий».

Основная цель этой глобализации — создание возможно более широкой капиталистической системы, построенной по принципу симбиоза «центр — периферия». Этот симбиоз является паразитическим со стороны «центра», поскольку основан на внеэкономическом принуждении к неравному обмену. Это принуждение было очевидным на этапе колоний (например, насильственное обращение в рабство значительной части населения Африки или изъятие и передача французским колонистам половины издавна культивируемых земель в Алжире). В насто-

ящее время принуждение не так очевидно, оно опирается больше на политические, культурные и финансовые инструменты, но и морская пехота с авианосцами всегда наготове. Дурить людям головы «общечеловеческими ценностями» можно было лишь в короткий период перестроечного помешательства.

Важный принцип глобализации — представление человечества как «человеческой пыли» из индивидов (атомов человечества). Отброшено понятие *народа* как субъекта права и суверенитет народов над их территорией и ресурсами. Отброшено само международное право. Силы «нового мирового порядка» объявили свое право владения и распоряжения ресурсами всего мира. Как сказано, Запад открыто стремится «избежать риска разбазаривания сырья по национальным квартирам». Глобализация — это доведенный до крайности паразитизм мирового капитализма, который на время распоясался, так как его некому приструнить. Мировой бандит и жандарм в одном лице, в Сербии его повидали.

Как идея, глобализация относится к разряду *утопий*, она неосуществима. Запад уже не сможет переварить Азию экономически и тем более диктовать свои условия военными средствами. Кончилось его время. И подкупить Азию невозможно, все знают, что Китай в этот маленький миллиард не влезет. Но и теоретически глобализация невозможна. У К. Леви-Стросса, видного ученого XX века, изучавшего контакты Запада с незападными культурами, читаем:

«Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немислимо».

Устроить «глобальный человек» (как назвал это А. А. Зиновьев) невозможно, любой кризис его разрушит. Уже при его построении возникнет такое сопротивление, которого не преодолеть, — это и опыт фашизма показал. Конечно, теперь нет СССР, сопротивление какое-то время будет ползучим, молекулярным (это мы видели в Сигте, Праге и Генуе). Но наверняка сплотится.

Идея устроить мир как двойное общество «золотого миллиарда» и массы живущего за барьером рабочего быдла есть новая

версия *фашизма*, только теперь глобального. Раньше немцы надеялись стать расой господ, сделав славян и прочих татар своим «внешним пролетариатом». Это было недемократично, тем более что при этом еще зацепили евреев. Теперь господа вместо «национал-социализма» хотят устроить «интернационал-социализм». В свою расу примут и Запад, и понемногу космополитов из всяких национальностей. Даже пара тысяч русских туда попадет, сотня-другая белорусов, один чукча (Р. Абрамович) и один бурят (И. Кобзон) — избранники этих народов.

Когда читаешь об этом, не верится. Да могут ли такое всерьез говорить! Но вот, пришлось услышать. Перед Рождеством 2001 г. собралось в Горбачев-фонде десятка два мудрецов, чтобы обсудить, что такое *глобализация* и как будет чувствовать себя Россия в этом Новом мировом порядке. Для гармонии («политкорректности») позвали и трех-четырёх белых ворон. В качестве такой вороны пошел и я — в Горбачев-фонде всегда можно что-нибудь эдакое услышать, чего на людях говорить не положено.

На встречу в Горбачев-фонде пришли в основном сторонники глобализации как «объективного» процесса. Эта пресловутая «объективность» — тоже идеологическая уловка. Речь ведь идет не о стихийном явлении, а о социальном процессе, он имеет своих идеологов, организаторов, сообщников. Эдак можно сказать, что и шашевние фашистов для нас тоже было объективным процессом и не следовало ему сопротивляться. Да и вообще, человек и возник, когда научился противостоять объективным процессам. Куда уж более объективный процесс — приход зимы. А человек сшил из шкуры одежду, развел огонь, утеплит пещеру. И холера — объективный процесс, микробы даже зла на нас не держат и дьявольских планов не строят. Что же нам, руки не мыть и не лечиться? Объективность тут ни при чем, речь идет сознательном выборе, который определяется идеалами и интересами. Странно только, что люди как замороженные стали верить самым идиотским доводам. Ах, объективный процесс, не смей ему сопротивляться!

Оправдания глобализации были разные. Больше занудливые, со ссылками на всяких Фукуям. Были и романтические. Драматург А. Гельман, который раньше пьесы про сталеваров писал, выступил с пафосом: «Страстный голос России в поддержку глобализации прозвучит неожиданно и сильно». Неожиданно — это уж точно. Это как услышать страстный голос барана в поддержку бойни. Козлы, ведущие баранов под нож, обязаны, конечно, восторженно блеять. Но для них в самом конце коридора есть маленькая дверца. Для России такой дверцы не будет.

Само собой, драматург сглотнул слезу, когда каялся за Россию: «В начале прошлого века мы разъединили мир, в начале нынешнего — мы его можем объединить». Мы разъединили мир! Вот мерзавцы. Зато когда он вспомнил про русских, в го-

лосе зазвучала сталь: «Русский национализм, получив только недавно свободу для своего развития, наверняка окажет идеологическое сопротивление решительному вступлению России в единую планетарную систему взаимозависимостей... В России неизбежно будут активно действовать противники глобализации, поэтому значительные силы придется тратить на убедительное разъяснение выгоды, полезности процессов глобализации для российского общества». Да, чтобы убедительно разъяснить барану выгоду превращения его в баранину, потребуются значительные силы. Придется драматургу снова брать за перо, а О. Табакову во МХАТе ставить пьесу про глобализаторов.

Были аргументы и парадоксальные, когда человека ошарашивают дикостью логики. Этот метод освоил профессор Дипломатической академии МИДа Владлен Сироткин. Начал он круто: «Форсирование глобализма приведет лишь к окончательному превращению России в сырьевой придаток и свалку атомных отходов с неизбежным сокращением населения со 140 до 24 миллионов». Даже русский национализм таким апокалипсисом стесняется пугать. Но дальше оказывается, что есть, есть свет в конце туннеля, и даже очень приятный. Надо только слушаться профессора, входить в глобальный мир через Европу, а в качестве национальной денежной единицы взять евро. Тогда нам обещают вот что: «В будущем это облегчит РФ принятие других европейских стандартов, включая гарантированный минимум зарплаты в 1200 долларов и пенсии в 2000 долларов». Хорошо еще, что пенсионеров на это собрание не пригласили, кроме А. Гельмана. А то бы они, услышав про гарантированную пенсию в 2000 долларов, тут же свергли бы Путина и выбрали президентом Сироткина. Неясно только, почему национальной валютой у нас будет евро, а пенсии в долларах. Ах, Сироткин, парадоксов друг...

Действительно ценным было выступление появившегося на момент С. Караганова, заместителя директора Института Европы Российской академии наук и влиятельного теневого политика. Ради него стоило потерпеть и Гельмана, и Сироткина. Тезисы Караганова были исполнены чистого, можно сказать высокого, цинизма. Именно ничем не прикрытый цинизм только и может дойти до нашего отуманенного сознания — и стать спасительным знаком. Про такие редкие выступления нельзя сказать, то ли это предупреждение, то ли предписание.

Караганов кратко изложил суть глобализации и очертил выбор, перед которым мы стоим. Главные утверждения известны и от других видных идеологов глобализации, но никогда они не излагались так ясно. А по-русски я вообще в первый раз их слышал, да еще от живого человека, которого видишь перед собой и, в принципе, можешь даже потрогать.

Смысл речи Караганова был такой. В ходе глобализации доходит до завершения противостояние конкурентоспособного меньшинства человечества (10% населения Земли) и проигравшего конкуренцию большинства. В ходе глобализации разрыв в доходах и доступе к ресурсам между этими двумя частями человечества резко возрос, возрастает сегодня и дальше будет возрастать. Богатые будут становиться богаче, а бедные — беднее. С таким положением неконкурентоспособное большинство не смирится, и противоречие приведет к мировому конфликту. У России есть возможность, при условии проведения умной политики, войти в периферию «золотого миллиарда». При этом, разумеется, ни о какой независимости не может идти речи, надо смиренно принять место придатка. И это не так просто, надо будет еще побороться за место сырьевого придатка и освоить две-три полезных для «золотого миллиарда» технологии, обустроить месторождения, протянуть новые трубопроводы.

Сам Караганов, как он выразился, по своему образованию, культуре и источникам доходов принадлежит к конкурентоспособному меньшинству и говорит нам «оттуда». Но он признает, что в целом Россия еще не определила, на какой стороне баррикад ей быть в момент мирового столкновения. Есть соблазн стать авангардом «бедных». Но он надеется на историческое чутье — Россия в больших войнах всегда почему-то оказывалась на стороне более сильных стран.

На это В. Сироткин радостно закричал: «Мы будем! Мы опять будем с Антантой!» Так и подмывало спросить его, как он «хочет быть с Антантой» — как Николай II, как Керенский или как «правитель России» Колчак? У всех них результат был незавидным.

Что же вытекает из той картины мироздания, что нарисовал Караганов? Прежде всего, что элита «золотого миллиарда» радикально и полностью рвет с идеалами Просвещения — с гуманизмом, свободой, равенством, демократией и т.д. Она впадает в фашистскую утопию «новой античности», нового, глобального рабовладельческого строя. Ропщущее большинство, загнанное в мировое гетто, будет удерживаться господами в повиновении с помощью наркотиков и дубинок разного рода.

Во-вторых, эта элита окончательно рвет с христианством. Люди в этом Новом мировом порядке уже не будут братья даже в идеале, искупительная жертва Христа отменяется. Человечество теперь делится на два племени, в отношениях между которыми не будет места ни жалости, ни состраданию. Кто кого! Это — крайнее неоязычество. Рим хотя бы включал завоеванные народы в империю, а будущая империя будет *расовой*, с апартеидом. Золотая раса!

Наконец, во всей этой новой философии «сверхчеловека» уже сделан шаг к *расчеловечиванию*. Нам уже говорят от имени *бестии* — пусть не белокурой, как у немецких фашистов, а «сбор-

ной», как команда звезд. Речь Караганова была «по ту сторону добра и зла», в ней не было места *этике*, вопросу о справедливости такого мироустройства, о солидарности людей, о сострадании, о праве на жизнь и т.д. Караганов признает только право сильного. Это — утопия сверхчеловека, не первый раз она появляется в момент тяжелого духовного кризиса. Утопия эта жалкая и недолговечная, потому что человек отличается от зверя тем, что обладает моралью и делает свой выбор под давлением нравственных норм и запретов. Немногих соблазняет карагановы этой своей тоскливой утопией, и конец их будет как обычно: «Отребью человечества скототим крепкий гроб!»

Но вернемся от утопии на нашу землю. Что же означает для России принятие концепции глобализации? Очевидно, что оно означает включение либо в ядро системы, либо в число «аутсайдеров», на пространстве которых Запад организует «дополняющую» экономику. Известно, что разрыв между ядром и периферией при этом не сокращается, а растет, и в перспективе, как выразился Ж. Аттали, «участь аутсайдеров ужасна».

Судя по речам Караганова, идеологи глобализации в России совершенно определенно планируют, что она будет встроена не в ядро мировой экономической системы, а в периферию. Для России это означает ликвидацию ее как страны и как культуры. Скорее всего означает и физическую гибель большинства населения и прежде всего русских. Движение к такому исходу видно уже сегодня. Прогнозы сокращения населения России, продолжающей «идти по магистральному пути», хорошо известны, динамика всех эмпирических показателей за последние десять лет эти прогнозы подтверждает. Сейчас газеты цитируют вывод из доклада ЦРУ, согласно которому в новом веке в России «усугубится и без того идущий вразнос демографический кризис, вымывающий ежегодно по 700 тысяч россиян». А самый последний доклад ЦРУ прогнозирует сокращение населения России к 2015 г. до 135 миллионов человек. Иными словами, реформа нам к тому времени обойдется в 30 миллионов жизней — как преждевременно умерших, так и неродившихся. Значит, надо нам запомнить и зарубить себе на носу: политическая элита России смирилась с тем, что страна будет доведена до состояния аутсайдера с вымиранием двух третей населения.

Но это еще не все. Ведь встроиться в «глобальную рыночную экономику», даже в периферию, в положении аутсайдера можно лишь в том случае, если хозяйство данной страны (точнее, теперь уже пространства) дает достаточно высокую прибыль. О населении тех регионов, где этот уровень не достигается, говорят: «общность, которую не имеет смысла эксплуатировать». В такую категорию попали, например, многие страны Африки. Их жители могут жить и даже веселиться, но только в рамках своего, натурального (значит, *естественного*) хозяйства.

В России в силу географических и почвенно-климатических условий прибавочный продукт и капиталистическая рента были всегда низкими. Очень высоки были транспортные издержки, особенно во внешней торговле. Это — факторы неустранимые, и величина их очень значительна. Таким образом, нельзя принять и тезиса оппозиции, которая критикует реформаторов за то, что они, мол, «обещали привести нас в Швецию, а ведут в Бразилию». Из чего видно, что нас туда ведут? Разве в Бразилии происходит вымирание населения?

Оптимистическая критика оппозиции, уверенной, что Россия хотят сделать сырьевым придатком, а русских — внешним пролетариатом Запада, основана на инерции оценок состояния СССР. Эти оценки уже иллюзорны, за десять лет произошла потеря квалификации рабочими, подорван научно-технический потенциал и выросла молодежь с высокими притязаниями и разрушенной трудовой этикой. Об инфраструктуре и говорить не приходится, она, десять лет не получая средств даже на простое воспроизводство, начинает рассыпаться.

Для России принять правила глобализации означает ликвидацию ее как страны и как культуры. Такова же будет и участь братских России народов. Скорее всего это означает и физическую гибель большинства населения и прежде всего русских. Движение к такому исходу видно уже сегодня. Вот простой факт: в России быстро сокращается добыча энергоносителей и увеличивается их экспорт. Энергоносители, минеральные удобрения и металлы (их можно считать материализованной энергией) являются главными статьями экспорта, необходимого для выплаты внешнего долга. Долг этот растет, и возможности снижения экспорта энергии поэтому не предвидится. Таким образом, для внутреннего потребления России остается небольшое и постоянно сокращающееся количество нефти.

Кроме того, для России исключительно важно то малозаметное воздействие глобализации, которое заключается в *архаизации* большей части жизнеустройства любой периферии. Колонизованные страны не были так архаичны в момент колонизации, как сегодня, — «Запад построил себя из материала колоний». Он высосал из них соки. Чтобы в Бразилии, которую втянули в глобальную экономику, иметь вкрапления нужного Западу современного производства, основная масса населения должна жить в трущобах, вести примитивное хозяйство. Она должна быть отделена от цивилизации. Для России сегодня архаизация означает просто гибель населения — климат не позволит нам выжить при деиндустриализации. Не прокормимся мы корнями и червями.

Единственным разумным поведением для России в условиях глобализации может быть гибкая и творческая борьба. Для нее надо иметь доктрину, стратегию, тактику и средства. Речь идет

о необходимости «закрытия без изоляции», то есть о превращении прозрачных сегодня границ в «мембраны». Они должны пропускать то, что нам нужно, и не пропускать то, чего не следует. Придется идти на компромиссы, но это не то же самое, что раскрытие и допущение свободной диффузии.

На том собрании в Горбачев-фонде был дорогой наш Вадим Валерьянович Кожинов, последний раз я его там видел. Он сказал важные вещи. Среди прочего он рассказал о своей беседе с писателем Олегом Волковым, перед самой смертью последнего. О. Волков много-много лет томился в ГУЛАГе и был убежденным врагом советской власти. Поглядев на дела тех, кто уничтожил СССР, он сказал перед смертью, что примириться с советской властью он, конечно, не может. Но он видит, что эта власть была для России защитным колпаком, под которым она была в безопасности. *Существование России было гарантировано советским строем.* А теперь этого колпака нет, и он умирает в тревоге — выдержит ли Россия напор глобализации?

Конечно, глобального торжества ни белокурой, ни золотой бестии не будет. Человечество соберется с мыслями и силами, даст этим неоязычникам по загребушим рукам. Но у нас-то задача срочная — поскорее отвести эти руки от нашего горла.

Глава 4

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Отрицание советского хозяйства в целом. Ключевым постулатом всей антисоветской идеологии было утверждение, что рыночная экономика западного типа эффективнее советской. Прежде чем переходить к более тонким материям, предлагаю обдумать и зафиксировать оценку по самому жесткому критерию — *выживанию*. Мы сравниваем капитализм («рынок») и советский строй («план»). Какой строй эффективнее? Абстрактного ответа быть не может, надо задать условия. Правильный вопрос звучит так: *какой строй эффективнее в тех условиях, в которых реально находился СССР?*

Принимаем во внимание жесткий факт, который Фернан Бродель сформулировал таким образом: *«Капитализм вовсе не мог бы существовать без услужливой помощи чужого труда»*. Вот к этому-то факту и прилагаем для сравнения столь же очевидный факт: *«Советский строй мог существовать без услужливой помощи чужого труда»*. Согласно самому абсолютному критерию — выживаемости, — я делаю вывод: *в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, советское хозяйство эффективнее капиталистической экономики*. Подчерки-

ваю, что речь идет именно об этих условиях. Если источники услужливой помощи чужого труда доступны, надо разбираться особо. Но этот случай для нас неактуален, поскольку все мы знаем — ни СССР, ни нынешняя Россия этих источников не имели, не имеют и скорее всего не будут иметь.

В социально-экономической сфере антисоветская мысль создала многообразную и довольно сложную интеллектуальную конструкцию. В наиболее радикальном виде ее кредо в 80-е годы сводилось к следующему: *«Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку она неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу»*.

В таком виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 г. — до этого никто из людей, еще не увлеченных антисоветским миражом, в нее бы просто не поверил, даже рассмеялся бы. Настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг в 70—80-е годы. Никаких признаков коллапса, внезапной остановки дыхания, не было. У тех, кто в этот назревающий коллапс верил, это были лишь предчувствия, внушенные постоянным повторением этой мысли «на кухнях».

А. Д. Сахаров писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится, — весь исторический опыт свидетельствует об обратном» (А. Сахаров. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л., 1990. С. 66).

Вот мой личный опыт. Я ушел из любимой деятельности, экспериментальной химии, в гуманитарную под влиянием негативной мотивации — для изучения тех болезненных явлений, что тормозили развитие советской системы. Главный пафос моей аналитической работы был критическим. Но и мой, и общий вывод моих коллег (которые позже перешли на антисоветские позиции и даже стали министрами в правительстве Гайдара) был именно таким: система улучшается, но *слишком медленно*. С уверенностью говорю — состав специалистов, перешедших потом в бригаду реформаторов, имел в целом именно такое видение ситуации. Потом, задним числом, они стали говорить, что надвигался коллапс, но это уже были неискренние, чисто идеологические утверждения. Они их делали скрепя сердце.

Такие катастрофы, как коллапс хозяйства, не приближаются без достаточно длительного нарастания явных симптомов — если, конечно, сама власть по каким-либо причинам вдруг не разрушает хозяйство. Даже в середине 80-х годов никаких веских причин ожидать катастрофы не было. Потому-то речь во время первой фазы перестройки шла *об ускорении*. Никто же не имел при этом в виду «ускорение коллапса». Директивные документы, принятые по проектам Госплана и правительства, не

содержат и намек на опасность катастрофического спада или кризиса. Но нельзя же заподозрить огромные коллективы специалистов в дьявольском заговоре и поразительном единодушии — знать о грядущей катастрофе и ни гу-гу.

Посмотрим массивные, обобщающие показатели советского хозяйства, опубликованные в 1991 г. Госкомстатом СССР — уже горбачевским и почти ельцинским. Его руководство, конечно же, не взяло бы на себя смелость винить в полной фальсификации всей национальной статистики за десяток лет — даже если бы такая фантастическая фальсификация и была технически возможна. Вот статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1990 г.» (М.: Финансы и статистика, 1991. Тираж 30 000 экз.). Как показательные для советского периода возьмем данные до 1989 г., поскольку уже этот год нельзя, строго говоря, причислять к советскому периоду (плановая система и монополия внешней торговли уже были подорваны целым рядом важных изменений). Вот некоторые из красноречивых данных.

Таблица 14. Основные социально-экономические показатели за 1980—1990 гг.

	1980	1985	1986	1987	1988	1990
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд. руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд. руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд. руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд. руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн. кв. м	105	113	120	131	132	129
Отправление грузов транспортом общего пользования, млрд. т	11,9	12,3	12,8	13,1	13,2	13,0
Мощность электростанций, млн. кВт	267	315			339	341
Добыча топлива (в пересчете на условное), млн. т	1896	2073			2287	2271

Устойчиво росли индексы потребления населением материальных благ и услуг: по сравнению с 1980 г. они составляли в 1985 г. — 114,7% и в 1989 г. — 127%. Быстро росли в СССР капиталовложения — вплоть до слома системы, — что уж совсем никак не вяжется с представлением о назревающей катастрофе, когда все силы бросаются на срочные задачи ее предотвращения. Если вкладывают в будущее, а не в починку настоящего, коллапса не ожидается. По сравнению с 1980 г. капиталовложения в СССР возросли в 1988 г. на 40%, а, например, в США на 30%, во Франции на 10%, а в ФРГ нисколько не возросли. Улучшались и самые массивные, системообразующие качественные показатели советского хозяйства — урожайность сельскохозяйственных культур, надой молока, удельный расход топлива на получение 1 кВт/ч электроэнергии — с 468 г в 1960 г. до 325 г в 1987 г. По этому важному показателю СССР обогнал большинство стран Запада — в США на 1 кВт/час электроэнергии расходовалось 354 г топлива, во Франции 359. Подобных признаков было много, и это были именно «неумолимые» общие тенденции системы. Иными словами, самые главные объективные показатели никакой катастрофы не предвещали, и формирование ее образа в массовом сознании было типичной манипуляцией.

В недавней обзорной статье ведущего научного сотрудника МГУ Л. Резникова «Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе» («Российский экономический журнал», 2001, № 4) сделан такой вывод: *«Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не переросло в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема»*. Далее автор приводит подробные доводы своего вывода и, понимая состояние умов, цитирует видных американских экономистов, пришедших к такому же выводу. Своим глазам и желудкам русские уже не верят, нужны западные авторитеты.

Доклад ЦРУ 1990 г. «О состоянии советской экономики» также утверждает, что даже и кризиса в советском хозяйстве не было, не то что неизбежного коллапса. Этот доклад довольно часто цитируется американцами (сам я читал только его реферат и ссылки на него). В нем по американской методике и с собственными данными ЦРУ были пересчитаны показатели советской статистики и признаны в общем верными. Уж кому должны были бы верить антисоветские идеологи, как не своим верным союзникам?

Ощущения коллапса и даже кризиса совершенно не было в массовом сознании, в том числе интеллигенции, очень крити-

чески относящейся к системе. Это показало двухгодичное (1988-го и 1990 г.) исследование ВЦИОМ под руководством Ю. Левады, результаты которого представлены в книге «Есть мнение» (М., 1990). Весь пафос исследования является открыто антисоветским, но никакого предчувствия кризиса в нем не обнаружено.

Отмечу здесь, что примитивна сама логика рассуждений, из которых выводилась негодность советского типа хозяйства из факта снижения *темпов прироста производства*. Стремление сравнивать валовые, обобщенные показатели без учета принципиальной разницы их составляющих есть один из случаев гипотазирования. Оно ведет к невозможности увидеть качественную несоизмеримость объектов и явлений. Вот мы сравниваем экономическую гонку без учета нагрузки оборонных расходов. СССР начал отставать на одном круге (в 80-е годы) — значит, ломай всю его хозяйственную систему. Если же мы учтем нагрузку, то увидим как бы трех бегунов в несравнимых условиях: один (скажем, ФРГ или Япония) в легких тапочках, другой (США) в кроссовках, а СССР — в валенках, а поверх них кандалы. И если бегун в кандалах целую эпоху опережал своих соперников, значит, его сердце и мускулы работают великолепно. Разумеется, было бы глупо утверждать, что бежать в кандалах и валенках хорошо. Почему мы в них бежали — совсем другой вопрос.

Посмотрим, как искажается наше сознание, когда мы оперируем валовыми цифрами, не учитывая «изъятия». (Кстати, помню, в 70-е годы эту проблему поднимали французские экономисты. Они говорили, что нельзя сравнивать показатели разных стран, прежде чем из них не будут вычтены некоторые «неделимости». Подобную вещь мы обсуждали, говоря о сравнении доходов до вычитания «физиологического минимума». Но мировые аганбегины на этих авторов, видно, прикрикнули, и эта идея заглохла.) Кажется, простая вещь — мощность двигателя. Из физики знаем: это работа, произведенная в единицу времени. А на деле ничего эта величина не говорит, если мы не знаем, какую часть мощности двигатель вынужден тратить *на себя* — чтобы двигать себя самое, поршни, шестерни. Поэтому вводят иной показатель — мощность «на валу», то есть выданная двигателем для полезной работы (движения колес, винта и т.д.). Обычно мы этой проблемы не замечаем, так как сравниваем двигатели одного типа да и одного поколения. А если разные двигатели, то без учета «неделимости» никак не обойтись. До паровой машины Уатта было уже два поколения машин. Вторая, машина Ньюкомена, уже использовалась довольно широко, но почти всю мощность тратила сама на себя. Уатт произвел техническую революцию, потому что его машина при той же мощности давала «на вал» гораздо больше. Эти машины были несоизмеримы в этом отношении. Очень большую часть своей

мощности советское хозяйство тратило «на себя» — на обеспечение своего выживания в условиях «холодной войны», чтобы не позволить ей перерасти в «горячую».

Возьмем другую сторону жизнеустройства — не производство, а *образ жизни*. Что касается быта, то именно за 70—80-е годы страна в целом перешла по главным показателям к современному типу благоустроенного быта. Произошла полная электрификация села и почти полная газификация населенных пунктов, быстро шла телефонизация. Отправление писем и телеграмм, дальние поездки даже на самолете стали для среднего человека обыденной вещью — сравните с тем, что мы видим при антисоветском режиме (рис. 17). Это — массивные и фундаментальные улучшения жизни. Те явления застоя, упадка или даже регресса, на которые указывали критики, говорили, конечно, о неблагоприятных тенденциях. Можно говорить даже о болезнях хозяйственной системы. Но на фоне главных, массивных процессов эти дефекты признаками коллапса никак не служили. Надо же взвешивать общественные явления на верных весах.

Вызывало, например, нарекания строительство. Известно, что масштабы его были исключительно велики, едва ли не все горожане в этот период испытали переезд (отделялись молодые, получали новые квартиры, улучшали старые и т.д.). От-

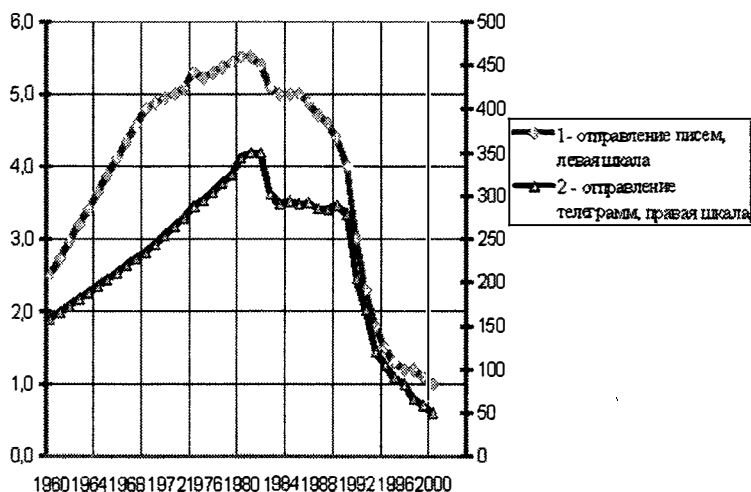

Рис. 17. Объем услуг почты и телеграфа РСФСР и РФ
 1 — отправление писем (млрд., левая шкала),
 2 — отправление телеграмм (млн., правая шкала)

расль явно не справилась с такой экспансией, квалификация работников и качество работы упали. Но с тем, что получение квартиры, пусть даже и построенной с огрехами, было для человека ухудшением, поверить невозможно. А ведь именно так ставят вопрос антисоветские ораторы. Конечно, люди, получив новую квартиру, быстро забывают свои ощущения. Но если бы новоселам сказали об «ухудшении» их жизни в тот момент, они бы просто не поняли. И кривые рамы подгонялись, и щели заделывались — а люди квартирам были рады и коллапса не ожидали.

Именно после 1988 г. стал быстро нарастать кризис, грозящий катастрофой. Вызван он был как раз отказом от главных принципов советского хозяйства, попыткой его «гибридизации» с элементами капиталистической экономики совсем иного типа. Катастрофа назревала так быстро, что уже в 1990 г. стали официально говорить об «опасности разрушения народного хозяйства». Большими усилиями, за счет потери политической стабильности, правительство удерживало ситуацию под контролем. Напротив, антисоветские силы делали все возможное, чтобы экономическое положение дестабилизировать и обострить недовольство населения (полезно вспомнить, как вышедшие из КПСС соратники Горбачева разжигали забастовки шахтеров Кузбасса).

Рассмотрение принципов и последствий неолиберальной реформы в России выходит за рамки нашей темы. Однако оценка масштабов потерь, которые понесло при этой реформе хозяйство, говорит о масштабе средств, которые регулярно вкладывались в хозяйство при советском строе. Это может служить для нас методическим приемом. Сейчас уже перестали применять прием пропаганды, который был излюбленным в первые годы реформы, — утверждение, будто кризис унаследован от советской системы и является просто продолжением созревших в ней тенденций. Сама форма кривых, выражающих динамику экономических показателей, говорит о том, что в 1990—1992 гг. произошел именно слом системы, ее убийство политическими средствами. Если мы оценим хотя бы приблизительно те средства, которые с тех пор потеряло хозяйство, мы поймем, с какой интенсивностью работала экономическая машина СССР.

Конечно, трудно учесть все средства, которые успели реформаторы растратить за 10 лет. Сколько, например, реально стоило поддерживать военный паритет с Западом? От него отказались, вооружения не разрабатывают и не приобретают, армию распустили — сколько на всем этом сэкономили правительства Гайдара и Черномырдина? Где эти деньги? Десять лет практически не делается капиталовложений в производство, свернуты все большие строительные и мелиоративные программы. Почти не выделялось средств даже на поддержание технической инфраструктуры. Инвентаризация всех этих изъятых из хозяйства

средств — большая задача. Есть и очевидные изъятия, например, присвоение правительством Гайдара 372 млрд. руб. вкладов населения в Сбербанке. Когда люди делали эти вклады, покупательная способность рубля была существенно выше, чем доллара, так что реальные средства, изъятые из хозяйства, были огромны.

Главный дефект той системы, к которой перешли от советского строя, вовсе не в том, что «новые русские» вывезли 300 млрд. долл. или накупили себе «Мерседесов». Главное, что они при этом уничтожили в десятки, а то и сотни раз больше ресурсов, то есть оказались бессмысленными (с точки зрения интересов общества) хищниками. И это — свойство фундаментальное (в принципе, вся западная экономика именно такова). Рядом с этим свойством тупость советского управления — свойство именно не фундаментальное, а исторически данное и устранимое. Да и потери эта тупость породила гораздо меньшие, чем нынешняя хищность.

В мае-июне 2000 г. в Государственной думе состоялись слушания, на которых обсуждалась возможная стоимость восстановительной программы. Там было сказано: «для создания современной производственной базы запуска производства потребуется не менее 2 триллионов долл.» (запись слушаний опубликована в «Российском экономическом журнале», 2000, № 7). То есть 2 трлн. долл. нужны еще не для развития, а лишь для повторного *запуска* хозяйства — как запускают заглохший и заржавевший двигатель. От этой оценки не слишком сильно отличаются и представления правительства. Министр экономики Г. Греф заявил, что для запуска хозяйства требуется 45 трлн. руб. (1,7 трлн. долл.). Он, правда, не сказал, где правительство предполагает достать эти деньги при созданной ныне экономической системе. Ясно, что в рамках монетаризма наше хозяйство восстановлению просто не подлежит. А в рамках советского строя эта проблема, как мы знаем, вполне решаема, поскольку ресурсы соединяются не через рынок, а через план. Об этом говорит опыт восстановительной программы 1945—1952 гг.

При обсуждении этих сведений в Интернете один из собеседников, Б., посчитал, что сумма в 2 трлн. долл. сильно завышена. На мой взгляд, она занижена. Стоит вспомнить, что в хозяйство ГДР уж вложен 1 трлн. марок, но ее производство еще далеко от уровня запуска с выживанием в условиях открытого рынка. А ведь стартовые позиции промышленности ГДР в 1990 г. были гораздо лучше, чем у нас сейчас, да и масштабы не те и население не оголодало. Сколько стоит по рыночным ценам восполнить в условиях Сибири и Севера десятилетний перерыв в геологоразведке и обустройстве новых месторождений? Рынок так рынок, надо брать мировые цены на эти работы. Ведь это уже не советская система, мы об этом забываем. Это сказы-

вается на мышлении хозяйственных руководителей. Их сознание расщеплено — они опираются на оставшиеся ресурсы советской системы, другой рукой их же уничтожают, но в своих расчетах исходят из того, что ресурсы эти вечны.

Мы практически лишились флота — сколько стоит его закупить или построить? И так — пройдитесь по всем самым массивным системам. Только тракторный парк, который выбит почти полностью, по европейским нормам для фермеров (1 трактор на 10 га) будет стоить 150—200 млрд. долл. Стадо крупного рогатого скота вырезано более чем наполовину — сколько стоит купить 30—40 млн. голов породистого скота? И ко всему этому надо добавить стоимость полной переподготовки рабочей силы. Скорее всего число 2 трлн. долл. занижено вследствие инерции образа советских цен. Да и западные цены начнут расти из-за общего повышения цен на нефть. Значит, не только все материальные ресурсы, но и рабочая сила резко подорожает (работникам надо питаться, а импорт продовольствия будет обходиться дороже). При этом не видно, почему бы прекратился отток капитала за рубеж.

Возьмем одну только отрасль — энергетику. 15 января 2001 г. был опубликован очередной выпуск «Обозрения», информационно-аналитическая справка о положении дел в экономике Центра развития (рук. С. Алексашенко, бывший заместитель председателя Центробанка РФ). Там сказано: «В ближайшие десять лет, по оценкам экспертов, выбытие мощностей в течение 2000—2010 гг. возрастет примерно до 10 млн. кВт в год, а существующие темпы ввода новых мощностей уже не будут покрывать их выбытия. В среднем за предшествующие 10 лет вводились мощности около 1,24 млн. кВт в год, в 1999 г. объем ввода новых мощностей составил, по словам зампреда правления РАО ЕЭС России Я. Уринсона, лишь 0,84 млн. кВт, в 2000 г. был введен 1 млн. кВт.

Помимо этого, изменение топливно-энергетического баланса России в сторону уменьшения доли газа при выработке электроэнергии и переоборудование электростанций на потребление угля потребует дополнительных вложений в отрасль. По оценкам экспертов, потребность в инвестициях в электроэнергетику в 2001—2005 гг. будет составлять от 3,8 до 4,4 млрд. долл. в год, а в 2006—2010 гг. возрастет до 8,4—9 млрд. долл. в год, тогда как объем инвестиций в основной капитал снизился с 4,9 млрд. долл. в 1997 г. до 1,1 млрд. долл. в 1999 г., а в 2000 г. может составить лишь 1,3—1,5 млрд. долл.». Говорят о замене нефти и газа углем — но ведь и добыча угля непрерывно падает (рис. 18).

В своей пропаганде реформаторы приукрашивают положение дел, называя отдельные случаи благополучных предприятий. На фоне целого это — *флуктуации* в рамках непрерывно сокращающегося производственного потенциала. Нет капита-

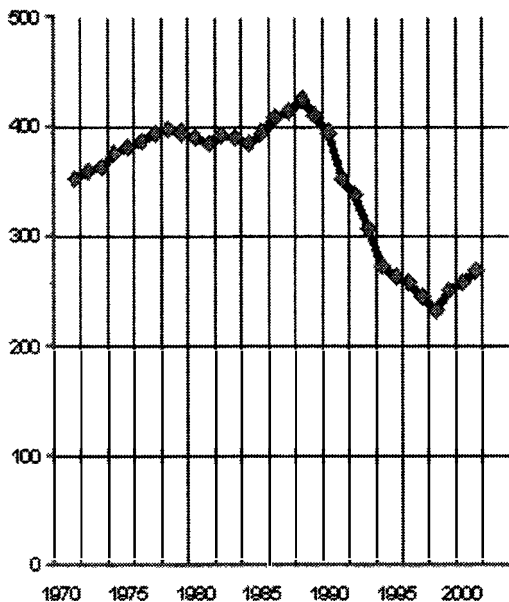

Рис. 18. Добыча угля в РСФСР и РФ (млн. т)

ловложений — из этого и вытекает угроза катастрофы, а не из нынешнего состояния. До сих пор кое-кто внушает, что в обозримом будущем в рамках нынешней доктрины реформ наше производство выйдет на уровень конкурентоспособности. Я бы сказал, что на трупе слона можно какое-то время выкармливать норку и иметь конкурентоспособную ферму. Но долго содержать ее нельзя — это не то что выкармливать норку, имея стадо воспроизводящегося скота. Примеры локального благополучия — это норки на трупе.

Вновь возьмем один из ключевых ресурсов хозяйства — энергию. В 1999 г. США потребили 1 млрд. т нефти, а РФ — 80 млн. т. Добыча нефти падает, а за долги надо отдавать все больше и больше. Скоро добыча снова резко упадет, поскольку начнется эффект от прекращения с 1990 г. разведывательного бурения (рис. 19 и 20). В этом нет ни капли идеологии, и нехватку энергии не покрыть гениальными мозгами, из которых к тому же большая часть уплывает за рубеж. С газом положение не лучше. В некоторых областях закончили прокладку труб, вогнали в их прокладку большие средства, а газа не подают — нет. Уже ведутся его закупки по мировым ценам у Туркмении. Одновременно идет подготовка к массивному экспорту электроэнергии.

Те, кто продолжает отстаивать сегодня антисоветскую док-

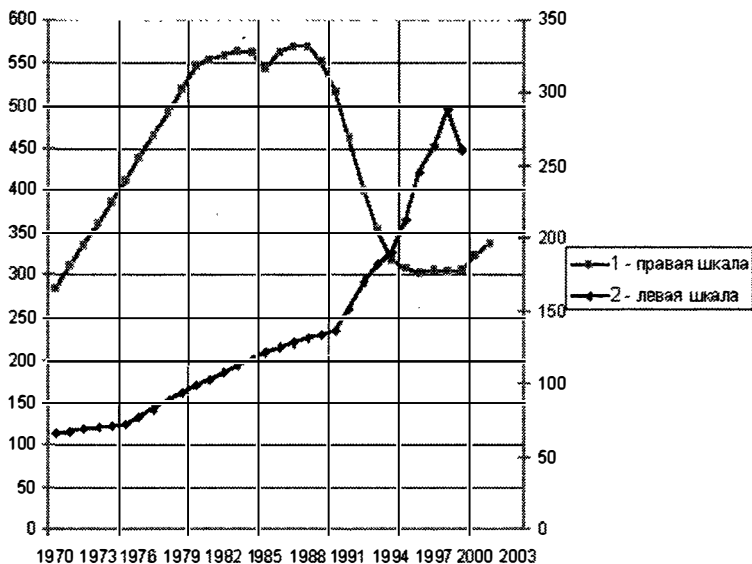

Рис. 19. Нефтедобывающая промышленность в РСФСР и РФ

1 — объем добычи нефти в России (млн. т)

2 — число занятых в отрасли (тыс. чел.)

трину, все время переходят от той проблемы, которая стоит перед страной, на совсем другую проблему. Ведь задача в том, чтобы оживить и восстановить *народное хозяйство* России в масштабах, достаточных для надежного воспроизводства страны и народа. А нам все время говорят, что в России будут созданы анклавы конкурентоспособного производства. Что такие анклавы можно создать, никто не сомневался и не сомневается. Вопрос-то в том, будут ли эти анклавы в совокупности по своим масштабам достаточны, чтобы обеспечить жизнь 150 млн. человек? Тэтчер считает, что они будут адекватны жизни 15 млн. человек, а З. Бжезинский называет число 50 млн. Вот и цена отказа от советского хозяйства — при нем жило, и вполне прилично, 150 млн. человек.

Но и оптимизм относительно анклавов необоснован. Они пока что работают на старых ресурсах — не платят за землю, имеют очень дешевую энергию и используют старую рабочую силу, не отчисляя денег на создание новой. Кроме того, они защищены остатками советского «железного занавеса». А надо прикинуть, как будут выглядеть эти анклавы, когда РФ введет в ВТО. Ведь один из главных смыслов ВТО — обязательство всех стран, не входящих в ядро системы, отказаться от собственной

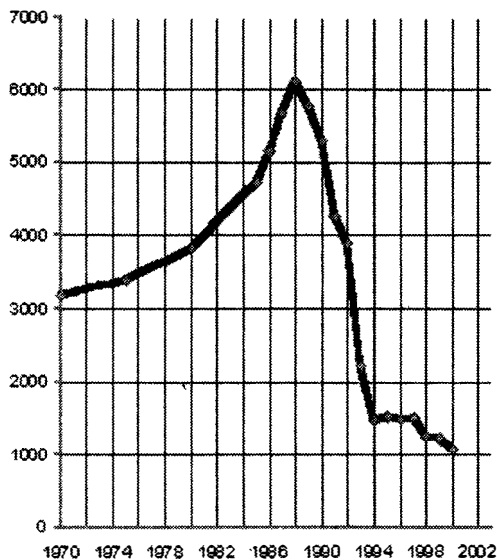

Рис. 20. Глубокое разведочное бурение на нефть и газ в РСФСР и РФ (тыс. м)

научно-технической деятельности. Запатентовать свои разработки нам будет почти невозможно — таково разделение труда, предусмотренное ВТО. А значит, все передовые предприятия, о которых нам говорят по телевизору, все равно станут филиалами ТНК или сойдут со сцены.

Антисоветская интеллигенция поддержала главные принципы либеральной реформы, но при этом все ее виднейшие представители признают, что никто не может дать гарантии, что мы «выкарабкаемся». То есть эти люди поддержали смертельно опасную операцию над своей больной страной — «против воли больного», как признали сами демократы. Причем болезнь вовсе не требовала такой операции, а о заведомом вреде этой операции и ее опасности для жизни предупреждали очень многие авторитетные специалисты. Тут безответственность порождена идеалами. Для одних страна обладает *святостью*, которая не позволяет так легко решаться на смертельно опасные манипуляции. Для других страна — объект, с которым можно обращаться свободно.

Рассмотрим некоторые концептуальные основания критики советской системы хозяйства.

Отрицание государственной собственности. Частью большой антисоветской доктрины в сфере экономики была атака на представление об общенародной и государственной *собствен-*

ности. Позитивная часть этой доктрины была иррациональной, она сводилась к квазирелигиозной вере в благодатные свойства *частной* собственности. Делались нелепые высказывания о «естественном» характере частной собственности и даже ее «священном» характере. Что само понятие «священный» является иррациональным, очевидно, тут говорить не о чем, это именно символ веры. Для одних священно одно, для других другое, и логикой тут не возьмешь.

Придание же этому чисто социальному феномену статуса «естественного», то есть природного, внесоциального, также надо считать иррациональным, поскольку здесь слово «естественный» просто заменяет слово «священный» и никакого содержательного значения не имеет. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида (исходный элемент этой собственности — собственность на *тело* индивида). Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века.

А только в цивилизованном состоянии человечество живет уже 20 тысяч лет — двести веков! Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, то есть сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живущий племенами, лишь координировал разумное использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это — исторически обусловленная часть культуры, продукт общественных отношений. Возник в определенных условиях, побыл в культуре и исчез.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте — типичное биологизаторство культуры, отрывка социал-дарвинизма. Прикорбно наблюдать его в культурной образованной среде. Что же касается этого чувства как порождения культуры, то вовсе не советская власть его ограничила в России, а православие. С. Булгаков пишет в книге «Христианский социализм»: «Именно это-то *чувство* собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны, и осуждается бесповоротно христианством, как коренным образом противоречащее основной заповеди любви»*.

Во время перестройки настойчиво внушалась мысль, что, мол, общенародной собственности в СССР и не существует, ее

*О том, как манипулировали проблемой «чувства собственности» в ходе антисоветского поворота, можно прочитать в книге И. И. Сигова «Феномен собственности». М.: Гелиос, 1999.

захватило государство, так что *общенародной* советскую собственность называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» — бюрократия, номенклатура. Идея эта, если не считать ее злонамеренной фальшивкой, совершенно схоластична (хотя нередко именно самые схоластичные доктринальные идеи имеют большой успех и охотно принимаются соответственно подготовленными людьми).

Бюрократия в СССР явно представляла собой социальную группу работников управленческого аппарата и никакими признаками класса-собственника не обладала. Так же, как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления и участвует в принятии решений, но вовсе не является *собственником* капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно *общенародной*, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уравниловка», которую на все лады склоняли антисоветские мыслители. В виде бесплатных благ и через низкие цены граждане на уравнилельной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы *общенародной* собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства, они имели реальное право на труд. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

Напротив, чтобы опорочить советскую собственность, антисоветским философам приходилось идти на сложные интеллектуальные выкрутасы и на грубую подмену понятий. Вот, например, что пишет видный философ-правовед В. С. Нерсесянц: «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гарантии» (В. С. Нерсесянц. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека. — СОЦИС, 1990, №1).

Утверждение, будто без частной собственности (философ стыдливо заменяет слово «частная» на «индивидуальная») *все* (!) права человека лишаются своей полноты и вообще фундамента, полная нелепость, противоречащая здравому смыслу. Появление частной собственности вовсе не создает прав и свобод, а лишь изменяет их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности, то есть присвоение средств производства частью общества, лишает многих людей права на пищу, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав. При общинно-родовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу.

С точки зрения буржуазной идеологии, такие общества были *неправовыми*, так как не допускали частной собственности. Отсюда видно, что миф о связи собственности с правом основан на порочном круге. Он выводится не из реальности, а из идеологического постулата. Обман в том, что философы, которые этот миф культивируют, не называют этого постулата открыто.

Эксплуатируя заложенный в миф о собственности порочный круг, эти философы поневоле доходят до абсурда. Тот же В. С. Нерсисянц пишет: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и неправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.». Речь явно идет о советском строе. Вдумаемся в это тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами.

В. С. Нерсисянц, видимо, делает упор на национализации 1918 г., хотя и тут непонятно, почему же национализация — неправовой акт. А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать молодому биохимику и комсомольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Но пусть даже национализация и была «неправовой» (точнее, следовала чрезвычайному революционному праву). Ведь это — всего лишь краткий исторический миг, да и национализированы были парализованные и брошенные предприятия, что прекрасно видно из истории этого процесса. В первой книге кратко упомянуты обстоятельства, в которых проходила национализация промышленности в Советской России в 1918 г. Ее главной причиной была именно остановка производства владельцами предприятий, что грозило рабочим голодной смертью. Этот процесс начался до Октябрьской революции, во многих случаях с июля 1917 г. Именно владельцы нарушили свои обязанности, которые явно или неявно предусмотрены «общественным договором», каковым и является частная собственность на средства производства.

В 1954 г. были опубликованы исключительно важные для данной темы материалы — большой том в 824 страницы («Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917—1920 гг.». М.: Политиздат, 1954). Его полезно прочитать внимательно, каждый документ, о каждом конкретном случае. Вот обращение правления профсоюза текстильщиков Поволжья к заводским комитетам, с которого начался процесс национализации текстильных предприятий региона:

Наши фабрики и заводы находятся в плачевном состоянии: нет запасов машинных частей, нет сырых материалов и пр. Предприниматели не принимают никаких серьезных мер для приобретения таковых. Мы видим, как наши фабрики и заводы изо дня в день приходят все в больший и больший упадок и близок час их остановки.

Товарищи! Наша священная обязанность — спасти положение. Мы просим вас немедленно, при содействии товарищей служащих контор выяснить адреса всех фирм, заводов, складов и магазинов, где приобретались для ваших фабрик и заводов машины и все материалы, а также выяснить местность скупки шерсти и адрес продавцов таковых, выяснить цены по сортам до войны и цены настоящего времени. Все данные, имеющие быть собранными по этому циркуляру, просим немедленно прислать правлению союза.

Шлем вам товарищеский привет».

Но 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельностью в последующий за национализацией период. Согласно промышленной переписи на 31 августа 1918 г., было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разрушено во время Гражданской войны и потом восстановлено уже советским государством. Но за годы первой и второй пятилеток и часть третьей пятилетки до начала войны было *построено* 9 тыс. крупных предприятий. Разрушенные в войну предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, крупницы когда-то национализированной собственности в ней полностью растворились. И теперь говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство «Уралмаша», «ВАЗа» или московского метро? Самые благожелательные попытки додумать аргументы за В. С. Нерсисянца к успеху не приводят.

Возьмем совсем уж крайний случай. Непонятно, почему надо считать «внеправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом. Само понятие права у этого правоведа становится совершенно расплывчатым. Что за странное воздействие оказывает антисоветизм на головной мозг.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ по контрасту пытается доказать мысль о том, что уж частная-то собственность создавалась исключи-

тельно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Не будем уж поминать Маркса («на каждом долларе следы крови») или 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывало около 10% из тех, кто загонялся в трюм в Африке). По данным авторитетного историка Ф.Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, награбленными в одной только Индии.

Понятно, что в статье, написанной в 1989 г., автор своими манипуляциями с понятием собственности выполняет чисто политическую задачу — готовит читателя к грядущей приватизации. Уж она-то, мол, даст гарантии прав и свобод каждому человеку: «Необходимо освободить социалистическую собственность от абстрактно-всеобщей, «ничейной», государственной формы... и трансформировать ее в индивидуализированную собственность всех членов общества».

Хотя в то время идея разрешить кучке ловкачей захватить всю государственную собственность еще широко не афишировалась, практические разработки уже велись. Вот откровения одного из идеологов реформы экономиста В. Найшуля в статье с красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики» (в столь же красноречивой рубрике «Кафедра научного капитализма», «Огонек», № 45, декабрь 2000): «В 1985 году я написал самиздатовскую книгу о приватизации. Только называл приватизационные чеки не ваучерами, а инвестиционными рублями... В конце восьмидесятых организовалась некая единая тусовка, возникло новое экономическое поколение, из которого и вышло все, что вы наблюдаете сейчас, — нынешние реформаторы. В том числе Чубайс».

Вся эта атака на общенародную и государственную собственность, на мой взгляд, замешана на смеси подлости и глупости, и велась она исключительно в целях прикрытия наглой и жестокой акции по присвоению этой собственности горсткой хищников. Присвоив ее, они вовсе не отнеслись к этой собственности с «чувством хозяина» — они ее разграбили, надолго парализовав производительные силы страны.

Отрицание советской индустриализации. Одним из тезисов было *сострадание* к советскому населению, ставшему жертвой форсированного развития. Ввиду того, что сделали с населением антисоветские реформаторы после прихода к власти, это сострадание выглядит довольно фарисейским, но до 1991 г. оно действовало на сознание. Во всей антисоветской прессе конца 80-х годов (как западной, так и отечественной) звучали два важных мотива: глупо было СССР предпринимать ускоренную ин-

дустриализацию; глупо было ввязываться в гонку вооружений с Западом.

В принципе это к вопросу об экономике никакого отношения не имеет. Та или иная точка зрения о том, что нужно было делать СССР, определяется моральными ценностями, а не логикой. О ценностях же нет смысла спорить. Примем эту позицию и предположим, что советский народ, в своем подавляющем большинстве принявший политику индустриализации, фатально ошибся.

Это предположение очень смелое. Все ошибки Сталина и его тевосянов советские люди оплачивали излишками своей крови и пота. Из всего, что я знаю из всех доступных мне источников, именно эти люди, проливавшие пот и кровь, имели самую верную оценку альтернатив. И эта оценка была наиболее достоверной, поскольку речь шла об их собственной шкуре и шкуре их детей (которых они очень любили). Я считаю, что эта их оценка вполне адекватно выразилась в редкостном историческом явлении — культе личности Сталина. При том, повторяю, что все его ошибки и перегибы сразу и непосредственно выражались в излишке пота и крови.

Позиция, отвергающая индустриализацию, стала бы рациональной, а не идеологической, если бы ее сторонники провели ревизию всех имевшихся в тот период реальных альтернатив и сказали бы: та альтернатива, что была реализована, наихудшая. А народ, полюбивший тирана Сталина, — дурак.

Я часто спрашиваю видных идеологов, даже нарушая приличия: «Какова была реальная альтернатива?» Стесняются, молчат. Ибо вот что пришлось бы ответить: лучше было бы отказаться от индустриализации, для которой не было средств. Лучше было бы не механизировать поле, а поддержать кулаков с дешевой батрацкой силой. Лучше было бы вновь начать гражданскую войну, расстреливая этих батраков в селе и безработных в городе. Лучше было бы сдать Гитлеру и отдать Сибирь Японии.

Очевидно, что советский строй оказался неподготовлен к «сытой» жизни — тут он сразу породил элиту, вожделевшую буржуазной благодати. Оказался беспомощным против внутреннего врага, вскормленного «холодной войной».

Не странно ли: никто не вспомнит сбывшееся пророчество Сталина. На языке марксизма он сказал: по мере развития социализма классовая борьба против него будет нарастать. Уж как над этим насмеялись! А ведь в переводе на русский язык это было важное предупреждение. Смысл его таков: в советском строе есть глубокий изъян, и, как только настанет сытая жизнь, в обществе появится сила, которая постарается этот строй уничтожить. Как разрешить это противоречие, поколение фронтовиков не знало. Но оно хоть предупреждало.

Что поражает в самой структуре антисоветского мышления, так это полное отсутствие в нем исторической памяти, интел-

лектуальной преемственности. Из него исключена рефлексия над теми оценками советской экономической системы, которые давали виднейшие мыслители Запада, наблюдавшие ее становление. Причем мыслители, обладающие высочайшим духовным авторитетом в среде самой антисоветской интеллигенции. Понятно, что можно считать те их оценки ошибочными, находить им какое-то объяснение, но ведь этого нет — их просто игнорируют без всяких внутренних сомнений.

Вот Эйнштейн, хорошо информированный и об издержках советской индустриализации, и о репрессиях, писал в мае 1949 г.: «Экономическая анархия капиталистического общества, каким мы его знаем сегодня, является, по моему мнению, действительной причиной всех зол. Мы видим перед собой огромное сообщество производителей, которые непрерывно борются друг с другом ради того, чтобы присвоить плоды коллективного труда, причем борются не из объективной необходимости, а подчиняясь законно установленным правилам...

Результатом такой эволюции стала олигархия частного капитала, чья колоссальная власть не может быть поставлена под эффективный контроль в демократически организованном политическом обществе. Это неизбежно, поскольку члены законодательных органов подбираются политическими партиями, финансируемыми или во всяком случае находящимися под влиянием частных капиталистов... более того, в нынешних условиях частные капиталисты неизбежно обладают контролем, прямо или косвенно, над основными источниками информации (прессой, радио, образованием). Таким образом, оказывается исключительно трудным, если не невозможным в большинстве случаев, чтобы отдельно взятый гражданин смог сделать объективные выводы и разумно использовал свои политические права. Это выхолащивание личности кажется мне наиболее гнусной чертой капитализма...

Я убежден, что имеется единственная возможность устранить эти тяжелые дефекты — посредством установления социалистической экономики, дополненной системой образования, ориентированной на социальные цели. В этом типе экономики средства производства находятся в руках общества и используются в плановом порядке. Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с общественными потребностями, распределяет работу между всеми, способными работать, и гарантирует существование всем людям, всем женщинам и детям. Воспитание личности, кроме того чтобы стимулировать развитие ее внутренних способностей, культивирует в ней чувство ответственности перед согражданами, вместо того чтобы прославлять власть и успех, как в нашем нынешнем обществе».

Говоря о «катастрофах, вызванных ускоренной индустриализацией», критики советской экономики сразу же забывают о

них, когда хотят показать неэффективность плановой системы с другой стороны — через отсталость советской технологии в сравнении с западной или через низкий уровень потребления в стране. Бывает, один и тот же экономист в одной и той же статье видит дефект советской системы в том, что она провела слишком форсированную ускоренную индустриализацию, и одновременно в том, что индустриализация была недостаточно форсированной и ускоренной и не вывела СССР на уровень США. Такова диалектика антисоветского мышления.

Здесь надо сказать, что в антисоветском мышлении есть сильный крен в *технократизм*. Оно исходит из того, что большие социальные системы вроде хозяйства создаются логически, в то время как они складываются исторически. Мы просто забываем те исторические обстоятельства, которые в тот или иной момент предопределили логически тот выбор, что привел к нынешнему состоянию. Но выбор задает определенную траекторию, память системы, ее «генотип». Не учитывая этого, технократ уверен, что сегодня он, логически мысля, может эту систему частично сломать и устроить лучше, по новому американскому учебнику.

Отвлечемся пока от того факта, что он чаще всего и сегодня мыслит не слишком умело — «забывает про овраги, а по ним ходить». Главное в том, что, даже если бы его переводной учебник действительно был хорош, генотип системы, в котором записано огромное неявное знание о невидимых и даже принципиально не обнаруживаемых оврагах, представляет из себя не только большую ценность, но и огромную силу. В результате, ломая, как он полагает, лишь немного в системе, технократ приводит дело к катастрофе. Почти наверняка можно сказать, что предполагаемый при этом выигрыш в эффективности меньше ценности того неявного знания и памяти системы, которые он разрушает.

Вспомним: поначалу антисоветский проект в экономике якобы сводился к тому, чтобы усилить роль обратных связей в хозяйстве СССР. Первая модель хозрасчета, вторая модель, расширение инициативы и т.п. Ради этого не стоило наваливать миллионы трупов, такие вещи делаются не торопясь, проверяя каждый шаг именно обратными связями. Хорошо получилось — принимаем, делаем еще маленький шагок. Не послушались реформаторы своего кумира Поппера (да и не читали они ничего, кроме конспекта лекций по Келле и Ковальзону).

Но если исходить из требований интеллектуальной совести, то надо вспомнить все предыдущие попытки усиления обратных связей (рыночности) в советской системе хозяйства. Укажем главные из таких точек: а) попытка пойти по пути госкапитализма в 1918 г.; б) нэп, демонтаж трестов, хозрасчет и прямые связи; в) реформы Хрущева — ликвидация министерств, сов-

нархозы; г) реформа Либермана — Косыгина; д) реформа Горбачева — Рыжкова; е) реформа Ельцина — Гайдара. Все эти попытки, вплоть до Горбачева, запускали процессы, чреватые глубоким разрушением хозяйства или недопустимым в реальных условиях снижением темпов развития (нэп), а потому закруглялись, изучались (!) и приводили к восстановлению, на новом уровне, генотипа нашего «семейного» хозяйства. Всегда с изменениями, но не разрушительными. Лишь Горбачев пошел на пролом, а потом его работу, в наиболее грязной ее части, додела бригада Ельцина.

Если окинуть взглядом эту богатую историю, то именно об антисоветском типе мышления следует сказать, что в нем напроочь отсутствуют обратные связи. Это — система, принципиально необучающаяся.

Особо наглядны разрывы в логике и «обратных связях», когда само планирование трактуется как «гигантский механизм по растрате усилий и ресурсов». Вспомним реальность России 20—30-х годов и представим себе альтернативу плановой экономике. Предположим заведомо невозможное (независимо от желаний большевиков): после Гражданской войны в России установилась экономика свободного капиталистического рынка. Каков был бы результат? Его нетрудно смоделировать, и вряд ли кто-нибудь всерьез сомневается в том, что в реальных условиях разрухи, отсутствия капиталов, огромного внешнего долга и хронической нехватки земли первым результатом стала бы длительная массовая *безработица* невиданных масштабов. Вот это действительно было бы «гигантским механизмом по растрате ресурсов», несопоставимым по своей разрушительной силе с дефектами планирования.

Этой безработицы удалось избежать именно потому, что путем планового распределения ресурсов, не подчиняющегося локальным экономическим критериям (прибыль), огромные массы людей были вовлечены в строительство заводов, каналов, железных дорог, хотя бы с помощью «неэффективного» ручного труда. С помощью планирования этим людям было обеспечено очень скромное, но достойное существование и возможность учиться. А затем, опять-таки вопреки экономическим критериям рынка, на заводах было установлено самое современное по тем временам оборудование, которое бывшие крестьяне вначале нещадно ломали. Все это с точки зрения рынка совершенно иррационально, а с точки зрения страны в целом было национальным спасением и средством избежать огромных страданий.

Вернемся к жестокой реальности. Могли ли согласиться с нарастающей безработицей и социальным расслоением миллионные массы красноармейцев, воевавших под знаменем уравнительного идеала («против эксплуатации»)? Ни в коем случае.

Достаточно сказать, что даже введение нэпа, т.е. строго дозированное и контролируемое допущение рыночной экономики, вызвало не только волну самоубийств, но и возникновение вооруженных банд из красных ветеранов Гражданской войны. Уместно было бы вспомнить и умерших от голода рабочих и шахтеров закрытых при введении нэпа нерентабельных фабрик и шахт и тот психологический эффект, который производили эти смерти.

Нет смысла спорить о нюансах, ошибках и перегибах. Не в них суть. Важно, что в целом принятый при планировании приоритет социальных критериев над экономическими и долгосрочных целей над краткосрочными не был «очевидно иррациональным». Потому-то эта политика и была поддержана населением. И вот методологическая скудость антисоветизма. Делая экстравагантный вывод о якобы очевидной иррациональности советской программы индустриализации, разумный человек попытался бы проверить его каким-то независимым методом.

В данном случае отсутствие такой проверки тем более красноречиво, что сама история провела объективный экзамен: войну против СССР нацистской Германии, использующей промышленность почти всей Европы. Имеются достаточно точные, проверенные немецкими «экспертами» данные о количестве и качестве советского вооружения и военных материалов. Исходя из этих данных нетрудно рассчитать реальные темпы роста промышленности, образования и культуры в СССР за 30-е годы. Но ни подсчетов не делается, ни даже война как экзамен не вспоминается.

Отрицание плановой системы. Когда говорят о дефектах планирования, то дело сводят именно к якобы неверным техническим решениям («надо было строить хорошие картофелехранилища, а не ракеты»). Но даже если так, то ведь именно сделанный тогда обществом выбор («устоять даже в условиях военного быта») и определял приоритеты для планирования — отправлять средства на строительство хранилищ для картофеля или на строительство новой ракеты.

Здесь стоит на момент остановиться и отсечь целый пласт рассуждений, которые мне кажутся бесполезными, — о правильности или ошибочности тех или иных конкретных плановых решений в советский период. То знание и те методы, которыми располагают граждане, позволяют надежно оценивать лишь критерии и выборы довольно высокого уровня, а не решения, которые, по сути, уже не зависят от общественного строя. Они и в американских корпорациях могут быть столь же ошибочными, как и в советском министерстве.

На деле, мне кажется, за конкретными «ошибками», которые вспоминают принципиальные критики советского проекта, кро-

ется отрицание именно критериев высокого уровня. Но этого не хотят прямо говорить и вытаскивают ошибку, обычно такую, которую собеседник и не может рационально оценить. Потом незаметно производится подмена предмета, и ошибочным начинает казаться критерий высшего уровня.

Например, один собеседник в Интернете (строитель) основывает свою критику плановой системы на таком факте: в СССР не разработали и не наладили производство хорошего насоса для бетона. Конечно, это плохо — в ФРГ такие насосы уже есть и дают большой эффект в строительстве. Значит, рассуждает он, здесь была допущена важная ошибка в планировании, значит, плановая система хуже частной инициативы и т.д.

Я считаю, что это рассуждение (а структура его типична) ошибочно. «Нет хорошего насоса» — это факт. «Допущена ошибка в планировании» — первый вывод. Но переход уже к этому первому выводу никак не обоснован. Ведь на деле задача стоит так: есть ограниченное количество ресурсов; надо создать и выпустить определенный минимальный набор продуктов; качество каждого продукта определяется количеством и качеством выделенных для его разработки и производства ресурсов; принятое плановой системой распределение ресурсов таково, что «МиГ-29» хорош, а насос для бетона плох.

Почему же насос плох? В чем здесь ошибка Госплана? Возможно, в том, что переоценили ресурсы, выделенные для насоса, и он получился с качеством ниже приемлемого критического уровня. То есть все равно что его нет. Если так, то лучше бы и не тратить на него средства, а закупить в ФРГ. Это — плохое управленческое решение, и не более того. Или же господа отвергают сами критерии распределения («МиГ-29» важнее насоса)? Это уже проблема выбора, о ней и надо говорить.

Но даже и допущение о том, что выделение средств для насоса было ошибкой, неочевидно. При разработке и производстве любого продукта есть «кривые обучения» — сначала выходит плохо, а потом налаживается. Если не начинать разработку и производство, то никогда своего насоса и не будет. Просто очень богатые корпорации могут больше средств отпускать на первую стадию «обучения», но сравнения этих показателей мы ведь и не делаем. Мы сравниваем наш «необученный» насос с обкатанным насосом из ФРГ.

Что же касается «качества» самих плановиков, то нелишне напомнить, что Нобелевский лауреат Василий Леонтьев, прежде чем разработать исключительно важный для западной экономики метод межотраслевого баланса, был советским плановиком. И советским плановиком Канторовичем создан метод линейного программирования (исследование операций), в крупном масштабе примененный при планировании Сталинградской битвы, а впоследствии удостоенный Нобелевской премии.

В 80-е годы делались, да и сейчас еще делаются попытки доказать внутренне присущую плановой системе неэффективность «строгими» методами кибернетики. Потому, мол, что рыночная экономика автоматически регулируется обратными связями, неподвластными ошибкам плановиков. Хотя тезис этот, на мой взгляд, совершенно схоластический и к реальности никакого отношения нигде и никогда не имел, он почему-то крепко запал в умы. Поэтому надо на нем остановиться.

Строго говоря, в этом тезисе есть уже перенос из идеологии некорректных утверждений. Нерыночное хозяйство *не может быть описано в понятиях рынка*, к нему неприменима рыночная категория «эффективности». Об этом говорил уже Аристотель, это подразумевал Адам Смит и специально оговаривали Маркс и Вебер. Утрируя, можно сказать, что советская экономика выросла из экономики крестьянского двора, и ее главным теоретиком были не Преображенский или Струмилин, а Чайнов. Он же писал, что изъять из политэкономию одну категорию — значит обрушить всю систему: «Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению». Поразительно, что никто из теоретизирующих антисоветчиков не пытался возразить против этой мысли Чайнова по существу, но и в расчет ее не принимал. А ведь в ней вопрос поставлен очень жестко — категории рыночного хозяйства в приложении к советскому не просто *теряют смысл*, но даже *и не поддаются количественному определению!*

Неприемлемо и обычное для идеологов выведение эффективности через сравнение уровня потребления в СССР и на Западе. Ни в плане природных, ни в плане исторических и культурных условий не выполняются минимальные критерии подобия этих двух систем. Несоизмеримости хорошо изучены, и сравнения, эффективные для пропаганды, в научном плане — подлог. Если бы Запад был поставлен в положение СССР (хотя бы отрезан от ресурсов колоний, а потом «третьего мира»), его экономика моментально рухнула, а затем там устроилось бы что-то похожее на советскую систему.

Но допустим, что есть некий интегральный и применимый для обеих систем показатель «эффективности». Думаю, история надежно показала, что и в этом случае тезис о преимуществе

рыночной экономики над плановой не получил эмпирического подтверждения. Страны «свободного рынка» (термин чисто идеологический, поскольку реальной свободы на этом рынке нет) всегда имели огромную помощь государства, которая и приводила систему в равновесие. Это были не «обратные», а именно «прямые связи», аналог плана. Только государство могло обеспечить экономике Запада захват колоний и перекачку оттуда ресурсов. Без них «рынок» (капитализм) в ядре системы вообще не мог бы существовать, о чем и говорит изучение «структур повседневности», то есть эмпирический анализ школы Броделя.

Когда «рынок» слишком усилился по сравнению с государством, случилась Великая депрессия. Ответом была «кейнсианская революция». Раз революция, значит, речь шла о катастрофе, а значит, о принципиальной неэффективности обратных связей. В западной литературе приходится читать выражения типа «сама по себе рыночная система является саморазрушающейся».

Напротив, имеется большой и прозрачный эмпирический опыт, говорящий о том, что нерыночное хозяйство с прямыми связями при отсутствии большого резерва ресурсов извне гораздо эффективнее рыночного. Речь идет, прежде всего, о семейном хозяйстве. Политэкономия (экономика полиса, народное хозяйство, *хрематистика*) не занималась хозяйством ячейки общества — семьи. А оно устроено не на купле-продаже или прямом обмене, а на кооперации и взаимопомощи. Это типично плановое хозяйство — с бюджетом, безличным расчетом и условными ценами.

В 70-е годы я изучал организацию науки, а лаборатория устроена во многом как хозяйство семьи. И стал читать американскую литературу. Оказалось, что совокупность семей в США ведет огромную по масштабам хозяйственную деятельность. Почти весь досуг людей, а также время стариков и частично детей в основном посвящены труду, в котором есть своя технология, материально-техническая база, организация, финансирование и т.д. Рынок наступает на эту сферу, но безуспешно, ибо в другом месте и отступает. Много полуфабрикатов пищи производит теперь промышленность — но зато мебель люди все больше и больше делают сами — тоже из полуфабрикатов.

В США были работы, в которых пытались обчислить хозяйство семьи в рыночных категориях — как если бы члены семьи перешли на отношения купли-продажи с эквивалентным обменом. Оказалось, и об этом говорилось с удивлением, как об открытии, что семья жить бы не смогла — все услуги были столь дороги, что никто их оплатить бы не смог.

Самое странное было в том, что в семейном хозяйстве возникала энтелехия (системное качество) в крупном размере. Сумма оборота была не нулевая, в семье все получали большие деньги как бы из ничего — бесплатный *синергический* эффект. В Рос-

сии к этому близок изученный в науке непривычный и неприятный для либералов опыт крестьянского хозяйства в сравнении с фермерским в 1880—1917 гг. На эмпирическом уровне он описан А. Н. Энгельгардтом, на научном — школой Чаянова.

Эти экономические работы в США делались в русле «альтернативной экономики», но Чаянов об этом писал уже в 20-е годы. Важная вещь: крестьянский двор выполнял целый ряд работ крайне нерентабельных и «неэффективных» — и именно потому он в целом в годовом цикле был очень эффективным. Советское хозяйство было в принципе устроено по типу семьи или крестьянского двора. Подходить к нему как к рыночному, указывая, что, мол, это неэффективно, а то нерентабельно, — значит проявлять крайнюю степень механицизма и отсутствия системного видения. Это откат за древних греков, которые уже хорошо понимали значение энтелихии, синергизма, возникновения силы «из ничего».

Антисоветские экономисты, по большому счету, ратовали за превращение хозяйства семьи в рынок, за переход от сложной системной кооперации к максимальному переводу отношений на принцип купли-продажи с регулятором в виде обратных связей. Таков пафос их главных утверждений.

Когда говорят о рынке и плане как регуляторах хозяйства, то сводят эффективность такой большой системы, как народное хозяйство, к эффективности одной его подсистемы — управления. Тут, по-моему, есть столь большое взаимное непонимание, что даже не знаешь, как подступиться. Является ли управление лимитирующим звеном всей системы? Скорее всего нет. Если не работает блок, производящий какой-то критически важный ресурс, то, как ни оптимизируй систему с помощью хорошего управления, результат плачевен. Советская система характеризовалась тремя особыми качествами, отличавшими ее от капиталистической.

Во-первых, она сумела запустить молекулярные процессы массового создания «снизу» самых ценных ресурсов. Прежде всего, это здоровый, спокойный, образованный человек. Это видно из множества жестких эмпирических показателей. Во-вторых, это создание всеобъемлющей системы поиска, разработки и собирания материальных средств — от сырья и энергии до рабочей силы. В-третьих, механизм концентрации ресурсов в ключевых точках в нужный момент и маневра ресурсами. Речь здесь идет не только о комплексном планировании, но и о создании больших технологических систем типа единой энергетической или единой железнодорожной. В сумме это дало такой запас эффективности, что гипотетическое превосходство обратных связей над прямыми в подсистеме управления по сравнению с этим запасом несущественно.

Но вернемся к тезису о более высокой эффективности рынка как регулятора по сравнению с планом. И этот тезис нельзя принять, как недопустимо абстрактный. Он означает перенос чистой модели управляющей системы на сложную систему управления в реальной экономике. Это — на грани подлота. Специалист по экономической кибернетике Ст. Бир писал, что такая система, как предприятие (фирма), в принципе не может управляться на основе обратных связей. Для нее необходимо дополнение, «говорящее на ином языке». Это и есть дополнение через прямые связи (государственное регулирование, план и т.п.). По отношению к советской системе, которая, как и капитализм, была комбинацией прямых и обратных связей, можно было бы спорить об изменении пропорций или структуры связей. Однако в антисоветском движении вопрос был поставлен совершенно иначе. Оно потребовало слома советской системы.

Кроме того, в больших системах оптимум вообще не бывает четко выраженным. Есть широкие зоны «хороших состояний». Если система работает (как это и было с советской системой), то, значит, она находится именно в этой зоне. Даже если зона оптимума иной системы (для нас — «рыночной») несколько выше, она всегда отделена от нашей более или менее высоким барьером. Затраты на его преодоление (на «перестройку») могут быть несопоставимо больше, чем разница в высоте оптимумов. Выдвигая свой тезис о предпочтительности рынка, антисоветские идеологи просто обязаны были четко заявить о своей оценке цены перехода.

Она, кстати, в последние десять лет определяется уже вовсе не умозрительно. Но и умозрительно она была известна до 1989 г. — в расчетах видных экономистов-рыночников, например, для Польши. Тогда говорилось, что по политическим соображениям Польша пойдет на эту перестройку, но она станет «нацией хорошо оплачиваемых зулусов». Было известно, что при переходе через потенциальный барьер Польша должна будет лишиться современной промышленности и науки. Так оно и произошло. Энтузиаст антисоветского поворота должен был не только открыто согласиться на такой вариант для России, но еще и обосновать надежду на то, что «русские зулусы» будут оплачиваться хотя бы по прожиточному минимуму.

В отношении России тезис о преимуществах обратных связей неприемлем еще и по той специфической причине, что и летом 1917 г., и сегодня в систему управления хозяйством встроены сильный теневой агент, находящийся вне России и действующий согласно критериям, явно противоречащим интересам России.

В России начала XX века большая часть прибавочного продукта изымалась в виде платежей по внешнему долгу, вывоза прибылей иностранным капиталом и в виде переводов на рас-

ходы дворянства и буржуазии за границей. Сегодня — то же самое. О какой эффективности рынка и обратных связей можно вообще говорить в таких условиях? Цены на главные товары на российском рынке устанавливались в Париже, и это были для России никак не обратные, а прямые связи — диктат. А что такое сегодня для России программа МВФ или негласные рекомендации Бильдербергского клуба? Прямой и предельно жесткий диктат, не имеющий ничего общего с обратными связями «свободного рынка».

Это положение усугубляется еще одним фактором, который в России оказывал сильнейшее внешнее (прямое) действие на управление до 1917 г. и после 1991 г., — диктат преступных уголовных структур. Об этом антисоветские теоретики тоже «забыли»? В таком случае все их моделирование никакой ценности не имеет. Можно принять, что в некоторых частных случаях мы имеем дело с искренним заблуждением, но в целом эта проблема прекрасно известна.

Общий вывод таков: даже если управление через рынок было бы эффективнее, чем через план, указанные факторы реальности настолько сильнее этого преимущества, что их устранение с помощью государственного контроля, как это и предполагалось в советском проекте, дает заведомо большой выигрыш.

Против советской системы хозяйства выдвигалось и много «обыденных» популярных обвинений. Они имели успех вследствие того, что люди, не имея достаточно широкой информации, с трудом могли «взвесить» обвинения, найти верную меру. Негативные явления и издержки гипертрофировались в сознании.

Например, много говорилось о том, что экономика якобы «работает на себя», так что в хозяйстве накапливается огромная масса ненужных запасов и неустановленного оборудования. Другое обвинение того же рода гласило, что огромная масса товаров вообще производится зря, они никому не нужны, забивают склады и уцениваются. И то и другое имело место — но в каких масштабах?

Вот данные из статистического сборника «Финансы СССР. 1989—1990 гг.» (М.: Госкомстат СССР, 1991). Сначала о масштабах стоимости неустановленного оборудования (понятное дело, речь идет о сверхнормативных запасах): «В 1990 г. в амортизационный фонд начислено амортизации за год 147,5 млрд. руб., прочих поступлений в амортизационный фонд было 52,2 млрд. руб. Итого 199,7 млрд. руб. Израсходовано из этого фонда всего 202 млрд. руб., в том числе на полное восстановление основных фондов 98,6 млрд. руб. и на ремонт основных фондов 103,5 млрд. руб. (с. 172)... Сверхнормативного неустановленного оборудования на складах в капитальном строительстве (без сданного в монтаж и резервного) в 1990 г. было в СССР на 7,1 млрд. руб. (в 1989 г. — на 6 млрд. руб.)» (с. 178).

Далее в справочнике дается сводка о стоимости неустановленного оборудования по разным его категориям для всех министерств и крупных предприятий. Например: концерн «Норильский никель» имел неустановленного оборудования всего на 43 млн. руб., в том числе — отечественного на 21 млн., импортного на 22 млн., сверхнормативного — на 33 млн. руб. (с. 181).

Таким образом, на полную замену и ремонт основных фондов в год расходовалось из амортизационного фонда порядка 200 млрд. руб. в год. На приобретение оборудования и инструментов в 1989 г. израсходовано 82,4 млрд. руб., а в 1990 г. — 85,6 млрд. руб. А сверхнормативного неустановленного оборудования было на сумму 6—7 млрд. руб. в год. Неужели задержка с установкой 8% оборудования есть столь немислимым дефект, чтобы из-за него бросать обвинение самим принципам хозяйственной системы? Мне кажется, что тут или заблуждение (незнание реальной обстановки в целом), или отказ чувства меры.

Теперь насчет того, что советское хозяйство несло большие потери из-за производства товаров, которые «никто не покупал». В 1989 г. в розничной торговле в СССР было продано непродовольственных товаров на 214,2 млрд. руб., а в 1990 г. на 259,7 млрд. руб. В цитированном справочнике читаем: «Потери от уценки товаров, не пользующихся спросом населения, устаревших фасонов и моделей: 1989 г. — 2,6 млрд. руб.; 1990 г. — 2,5 млрд. руб.» (с. 184). Итак, уценка товаров составляла всего около 1% продаж, причем уцененные товары не пропадали, не сжигались — они использовались людьми, многие это прекрасно помнят. А ведь этой проблеме в массовом сознании придали почти катастрофический характер.

Сегодня, когда мы находимся в тяжелейшем положении и окидываем мысленным взором совокупность антисоветских суждений о разрушенной системе хозяйства, возникает тяжелое чувство. Эта критика выглядит поразительно бесплодной, из нее нельзя извлечь никакого полезного урока. Какую из ее концепций ни возьми — с желанием, отсеяв ругань, отобрать какие-то поучительные мысли, все расплзается, во всем какая-то гниль. Это критика, построенная на ложных основаниях, недобрых чувствах и недобросовестных приемах.

Начиная с 1991 г. во всех республиках СССР проводится крупное международное социологическое исследование «Барометр новых демократий». В августе 1996 г. был опубликован краткий доклад руководителей проекта Р. Роуза (Великобритания) и К. Харпфера (Австрия) «Новый русский барометр». В этом докладе сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Если точнее, то положительные оценки советской эко-

номической системе дали в России 72%, в Белоруссии — 88 и на Украине — 90% (Rose R., Haerpfer Ch. Comparing and Contrasting Mass Response to Transformation in Eastern Europe and Russia. — Monitoring of Change: Principal Trends. 1996. Vol. 4, № 24, p. 13—20).

Отрицание уравниловки: советское хозяйство и бедность.

Важным качеством любого жизнеустройства является представление о бедности — отношение к тому факту, что часть членов общества имеет очень низкий, по меркам этого общества, уровень дохода. Столь низкий, что по потреблению благ и типу жизни бедные и зажиточная, благополучная часть образуют два разных мира (в Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах — «расе бедных» и «расе богатых»).

По этому признаку советский строй жизни сильно отличался от сословного общества царской России и резко отличался от либерального общества Запада. Здесь нас интересует именно сравнение с Западом, поскольку во всей антисоветской пропаганде именно Запад брался за образец «правильного» распределения доходов, якобы устраняющего ненавистную «уравниловку». Скажем наконец-то прямо, что отрицание уравниловки есть не что иное, как придание законного характера бедности.

И философские основания советского строя, и лежащая в их основе антропология, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, исходили из того, что бедность — зло. Бедность в советской культуре рассматривалась как пережиток прошлого, как следствие недостаточного развития хозяйства или социальных аномалий. Каждый советский гражданин как член большой страны-общины и государства-семьи имеет право на получение такого количества материальных благ, чтобы вести благополучную жизнь — в достатке. Таков был официально декларированный принцип и таков был важный стереотип общественного сознания. В этом официальная идеология и стихийное мироощущение людей полностью совпадали*.

На Западе ведущие мыслители-экономисты либерального направления (А. Смит, Т. Мальтус, Д. Рикардо) считали, что бедность — неизбежное следствие превращения традиционного общества в индустриальное**. Более того, Мальтус даже считал,

* Отметим, кстати, вещь очевидную — для нас главной категорией был достаток, а вовсе не богатство. На западные языки такое простое русское слово, как «достаток», перевести не так-то просто, получается какой-то оттенок слова «богатство».

** Хороший обзор, из которого я взял и фактические данные: Сычева В. С. Измерение уровня бедности: история вопроса. — СОЦИС, 1996, № 3.

что бедность — универсальное свойство самого человеческого существования, просто рынок обнажил его до полной ясности. Он был противником государственной помощи бедным, поскольку именно голод и эпидемии являются необходимым стихийным регулятором численности бедных — и этому регулятору нельзя мешать.

Ницше писал: «Сострадание, позволяющее слабым и угнетенным выживать и иметь потомство, затрудняет действие природных законов эволюции. Оно ускоряет вырождение, разрушает вид, отрицает жизнь. Почему другие биологические виды животных остаются здоровыми? Потому что они не знают сострадания».

Выше уже писали, что протестантская Реформация породила новое, неизвестное в традиционном обществе отношение к бедности как признаку отверженности. Это представление перешло и в идеологию. В середине XIX века важным основанием либеральной идеологии стал *социал-дарвинизм*. Он исходил из того, что бедность — закономерное явление и она должна расти по мере того, как растет общественное производство. Кроме того, бедность — проблема не социальная, а личная. Это — индивидуальная судьба, предопределенная неспособностью конкретного человека побеждать в борьбе за существование.

Видный идеолог социал-дарвинизма Г. Спенсер считал даже, что бедность играет положительную роль, будучи движущей силой развития личности. Эти идеи Спенсера оказали решающее значение на становление американской социологии. Таким образом, бедность рассматривали или как неустранимое зло, или как социальное благо, побудительный мотив для прогресса.

Идеолог современного либерализма Ф. фон Хайек также считал, что бедность — закономерное явление в человеческом обществе и необходима для общественного блага. Он призывал ограничить государственное участие в сокращении бедности и возложить ответственность за свою бедность на индивидуума.

Иначе трактуют бедность социологи левых взглядов. Большую известность получила книга П. Таунсенда «Бедность в Великобритании», в которой эта проблема представлена как социальная, и причина ее лежит в сфере общественных отношений (в данном случае — в капитализме). По оценкам этого социолога, 25% англичан живут в реальной бедности и 50% постоянно находятся в страхе перед бедностью. Исследователь бедности и голода из Индии, лауреат Нобелевской премии по экономике А. Сен показывает, что бедность не связана с количеством товаров (шире — благ), а определяется возможностями людей получить доступ к этим благам.

Ограничение бедности является важным условием и выхода из тяжелых кризисов. Об этом много говорил Рузвельт. Л. Эрхард в программе послевоенного восстановления ФРГ исходил

из таких принципиальных установок: «Бедность является важнейшим средством, чтобы заставить человека духовно зачахнуть в мелких материальных каждодневных заботах... [такие заботы] делают людей все несвободнее, они остаются пленниками своих материальных помыслов и устремлений». Л. Эрхард даже включал гарантию против внезапного обеднения в число фундаментальных прав: «Принцип стабильности цен следует включить в число основных прав человека, и каждый гражданин вправе потребовать от государства ее сохранения».

В обыденной социальной реальности даже богатейших стран Запада бедность является обязательным элементом («структурная бедность») и служит важным фактором консолидации гражданского общества. Каждый гражданин всегда имеет перед глазами печальный пример людей, выброшенных из общества. Советского человека, попавшего на Запад, поначалу удивляло, что пресса и телевидение очень обильно, с массой устрашающих деталей показывают крайнюю бедность части их общества. В этом нет никакого «саморазоблачения» — обществу не стыдно за эту бедность, регулярно показывать ее в назидание всем благополучным необходимо.

Скажу об особой категории выброшенных из общества бедных людей — душевнобольных. Количество ненормальных в западных городах поражает. Там теперь новая политика — закрывать психиатрические больницы и выставлять пациентов на улицу. Свобода! А главное, экономия. Главный психиатр Нью-Йорка, сам из католиков, с горечью писал: «Беззаветные защитники так называемой свободы обрекают этих отверженных на жалкое существование, таящее большую опасность для них самих и нередко для общества». Эту ценность открытого общества в Россию уже внедрили: закон запрещает оказывать сумасшедшему помощь, если он сам об этом не попросит.

Кстати, в обзоре о состоянии психиатрических больниц на Западе эксперт из Швеции замечает, что «к психопатам очень хорошо относились в больницах России и избивали ногами в США». Под Россией имеется в виду СССР. При всей бедности и дефектах наших больниц — почему бы это? Потому, что советская цивилизация взяла от православия представление, что все люди — братья. А в США подспудно считают, что «Христос пошел на крест не за всех» и большинство — отверженные. У сумасшедшего его отверженность выявилась наглядно — и его можно и нужно бить ногами.

Надо сказать, что, хотя страны православной и исламской культуры резко отличаются от Запада в отношении к бедности, и сам Запад в этом вопросе не един. До сих пор заметны различия в «католическом» и «протестантском» Западе. Там, например, сложились две разные системы благотворительности. Они представлены «Армией спасения» в протестантских странах и

огромной международной католической организацией «*Caritas*» («*Милосердие*»).

Кстати, западная помощь «бедным всего мира» исключительно сильно политизирована, из нее вытравлены исходные евангельские принципы. Израиль получает от США помощь на одного бедного в 100 раз большую, чем Бангладеш, хотя средний доход в Израиле превышает 12 000 долл. на душу населения.

Вернемся к «*Caritas*». Эта организация ведет исключительно широкие и философски глубокие исследования бедности. Мне удалось поработать в библиотеке этой организации в Испании и почитать отчеты ее исследовательских групп. Это исключительно важный для нас материал. К сожалению, никакого интереса к современному знанию по проблеме бедности, накопленному в этой организации, в России не проявили ни государственные, ни научные, ни общественные организации. Например, Российский гуманитарный научный фонд год за годом отказывал даже в небольших грантах на то, чтобы ввести эти обобщенные сведения в научный оборот в России. Эксперты РГНФ не голодают!

В целом и на католическом Западе в этой сфере идет «тихая Реформация». Так, в Бразилии в систему вошли «социальные чистки». Ныне в ее культуре фактически принята идея апартеида, основанная на идущем от протестантской концепции «предопределенности» расизма. Сознательно создается общество двух коридоров — то, что в «развитом» Западе выражается, например, в концепции школы.

«Вторжение протестантского Запада» происходит даже в католической Испании. Оно выражается во многих проявлениях расизма, которого раньше здесь не было. Это — вытеснение иезуитов «Опусом деи», а католической благотворительности — «социальными службами». Старики от них бегут ночевать зимой на улице только потому, с какими словами их там заставляют мыться*.

Западное общество иногда называют «обществом двух третей» — поддержание трети общества за чертой бедности создает самую стабильную конструкцию. Разделение на богатых и бедных на современном Западе утратило классовый характер, в привычных нам терминах марксизма его понять трудно. Рабочий вошел в то, что называется «средний класс», и живет так,

* Когда в Париже подростки сожгли бездомного нищего и возник скандал, шеф полиции заявил, что общество таково, что бездомные бегут из благоустроенных общежитий, ибо персонал излучает социальный расизм. При корректности, отсутствии воровства и чистых простынях.

как живут две трети населения. Буржуазии и не требовалось подкупать всех бывших пролетариев — треть общества остается в бедноте, и это даже необходимо. Вид бедности сплачивает благополучных. Все это понимают, многие страдают — но что же тут поделаешь. А мир бедных на Западе вообще почти не известен. Редко приходится чуть-чуть к нему прикоснуться, и это как удар тока.

Есть ли на Западе классовая солидарность с третью отверженных? Я бы сказал, что классовой нет (или есть на уровне лозунгов). Родственная — пока да, родные не дают опуститься. Но если не удержался — попадаешь в совсем иной мир. Двойное общество! Еще четче это видно в «третьем мире». Вот Бразилия, общество «двух половин». В 1980—1990 гг. здесь 47% населения относились к категории «нищего», в 1992 г. их число составило 72,4 млн. (из «Отчета по человеческому развитию. 1994». ООН, Оксфорд Юниверсити Пресс. «Общество и экономика», 1996, № 3—4). Такое общество уже приходится контролировать террором, и в трущобах (фавелах) регулярно устраивают акции устрашения, «пускают кровь» в больших количествах. Повод всегда найдется. А рабочие живут пусть по европейским меркам бедно, но с известными гарантиями. Можно ли сказать о рабочем классе и на Западе, и в Бразилии, что «им нечего терять, кроме своих цепей»? Считаю, что нельзя. И в постоянной войне с фавелами они скорее союзники буржуазии, чем отверженных. Россия становится для мира одной огромной фавелой.

Либерализм и социал-демократия на Западе различаются не философским отношением к бедности, а разными социальными проектами. Когда к власти приходят правительства социал-демократического толка, масштабы бедности сокращаются, когда к власти возвращаются правые (как, например, Тэтчер) — возрастают. В США распределение семей по уровню доходов почти не изменяется. При делении всех семей на квинтили (по 1/5 всех семей) распределение выглядит так:

Таблица 15. Распределение семей в США по уровню доходов (доля группы в общих доходах, %)

Годы	1	2	3	4	5	Самые богатые 5%
1950	4,5	12,0	17,4	23,4	42,7	17,3
1960	4,8	12,2	17,8	24,0	41,3	15,9
1970	5,4	12,2	17,6	23,8	40,9	15,6
1980	5,1	11,6	17,5	24,3	41,6	15,3
1984	4,7	11,0	17,0	24,4	42,9	16,0

В царской России в период развития капитализма тяжелая бедность сильнее всего ударяла по городским низам, не имевшим уже опоры в крестьянской общине. Показательно положение детских приютов. В конце XIX века произошел громадный наплыв «подкидышей», отданных матерями в приюты («воспитательные дома») младенцев. Например, в Московский приют в 1888 г. поступило 17,3 тыс. подкидышей. В большинстве своем младенцев отдавали матери-крестьянки, пришедшие на работу в город. В 60-е годы XIX века в государственных приютах умирало до 70% воспитанников, в начале XX века — до 55%. Работе столичных воспитательных домов в России посвящена большая книга Д. Л. Рансела «Матери нищеты: брошенные дети в России», изданная в Принстоне в 1988 г. (рецензия в журнале «История СССР», 1990, № 6). А в провинции, по данным наших историков, положение было хуже. Например, в Тверской губернии с 1828 по 1842 г. в приюты поступило 3335 подкидышей. Из них умерли 3187 (96%). Известна и причина — их кормили в основном жеваным хлебом.

На волне нарастания революции бедность в России стала рассматриваться как неприемлемое зло, с которым должно бороться все общество. В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, на котором собрались агрономы, экономисты, земские деятели, чиновники, предприниматели. Один из первых докладов назывался «Агрономия и землеустройство в их отношении к деревенской бедноте». Съезд принял решение, в котором подчеркивалось, что задачей агрономии является «обслуживание всех слоев земледельческого населения».

Это заявление носит принципиальный характер, оно показывает, насколько нынешнее состояние правящего слоя в России деградировало по сравнению с началом XX века. Сегодня все достижения цивилизации не только реально предоставляются для обслуживания лишь *платежеспособного спроса*, а вовсе не «всех слоев населения», но это даже декларируется как официальная идеологическая догма. Все прекрасно знают, что примерно половина населения России терпит бедствие в результате утраты доступа к самым элементарным условиям существования. По сути, половина народа внезапно оказалась в новой, ранее для нее неведомой окружающей среде. Чтобы выжить, требуется срочное получение нового знания, которым эта половина народа не обладает в виде хотя бы эмпирического опыта. Повернулась ли наука, управляемая теперь антисоветски мыслящими людьми, к потребностям этих «слоев населения»? Ни в коей мере — ни на одном научном форуме об этом никто даже не заикнулся. Исключительная ориентация на «платежеспособный спрос», на потребности только имущей части населения.

В советское время первое обследование бюджета и быта семей рабочих было проведено по инициативе С. Г. Струмилина уже в мае-июне 1918 г. в Петрограде. Затем оно охватило 40 городов. Были получены важные результаты, а в 1920—1922 гг. работа по уточненной методике была проведена в самых разных регионах страны. В 1918 г. были сделаны первые попытки рассчитать прожиточный минимум для установления обязательного минимального уровня заработной платы. Велись исследования фактического потребления и физиологических норм.

В декабре 1922 г. было проведено всесоюзное месячное бюджетное обследование рабочих и служащих. С 1923 по 1928 г. такие месячные обследования проводились в ноябре. Это был большой проект, в ходе которого было накоплено много данных и методический опыт.

В начале 30-х годов публикация официальных данных о материальном положении разных социальных групп прекратилась. В период тоталитаризма как провозглашенной утопии полного единства на сведения о разделении народа был наложен запрет. Регулярный учет распределения рабочих и служащих по уровню доходов начал вестись с 1956 г. Тогда же началось планомерное улучшение материального положения низкооплачиваемых категорий граждан. Из табл. 16 видно, как основная масса трудящихся передвигается в зону средних доходов. С 1956 г. в СССР поддерживался стабильный и довольно низкий фондовый коэффициент дифференциации (отношение суммарных доходов 10% высокооплачиваемых граждан к доходам 10% низкооплачиваемых) — показатель расслоения общества по доходам.

Таблица 16. Распределение рабочих и служащих в СССР по размеру заработной платы (в % к общей численности)

Зарплата, руб.	1946	1956	1968	1976	1981	1986
Менее 80	86,9	70,3	32,3	15,0	6,3	4,8
80—100	6,9	13,1	21,1	14,5	13,5	11,2
100—140	4,2	10,1	25,5	25,9	24,6	21,1
140—200	2,0	3,9	14,5	27,5	36,2	29,5
200—300	0,7	1,9	4,4	12,7	17,9	22,7
300—400	0,3	0,4	1,1	2,4	4,2	7,4
Свыше 400	—	—	—	1,0	1,9	3,1
Коэффициент фондов		3,28	2,88	3,35	3,12	3,38

Суть советского строя наконец-то становится понятной по контрасту с тем, что принесла *антисоветская* программа. В стране, где массовая «структурная бедность» была давно искоренена и, прямо скажем, забыта так, что ее уже никто не боялся, массовая бедность буквально «построена» политическими средствами.

Это — огромный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у многих не укладывается в голове — люди не верят, что сброшены в безысходную бедность, считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни. Вот кончится это нечто, подобное войне, и все наладится. Люди не верят, что старики, еще в старой приличной одежде, копаются в мусоре не из странного любопытства, а действительно в поисках средств к пропитанию. Наоборот, люди охотно верят глумливым и подлым сказкам телевидения о баснословных доходах нищих и романтических наклонностях бомжей.

Стоит вспомнить, что в разгар перестройки, когда опасность резкого обеднения людей в результате подрыва советской системы хозяйства уже была очевидна для специалистов, М. С. Горбачев взял на себя неблагоприятную роль успокоить доверчивых граждан. Он говорил: «Иные критики наших реформ упирают на неизбежность болезненных явлений в ходе перестройки. Пророчат нам инфляцию, безработицу, рост цен, усиление социального расслоения, то есть то самое, чем так «богат» Запад».

В подтверждение того, что, мол, не надо всех этих бедствий бояться, ибо мы все же не Запад, он приводил множество писем как глас народа. Вот он зачитал такое письмо: «Я веду с вами очень честный и очень принципиальный разговор. В своем лице я выражаю мысли и чаяния целого поколения советской молодежи, получившей высшее образование. Мы чувствуем, что вам работается трудно. Однако умоляем: ни шагу назад! Никаких передумок и даже малейших отступлений. Черт с ними, кто с вами не согласен. Зато народ ликует и готов идти на самопожертвование ради достижения тех целей, к которым зовете вы». Замечательно по-демократически звучит: «Черт с ними, кто с вами не согласен». И, конечно, народ готов на самопожертвование. Ради чего?

Курс на резкое обеднение людей еще в последние советские годы получил идеологическую поддержку — экспертов для этого было достаточно. Экономист Л. Пияшева криком кричала: «Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций».

При этом антисоветским политикам и идеологам было прекрасно известно, к каким последствиям приведет внезапное обеднение населения СССР. В недавнем докладе ВЦИОМ со ссылками на многие исследования в разных частях мира сказано: «Среднее падение личного дохода на 10% влечет среди затронутого населения рост общей смертности на 1% и рост числа самоубийств на 3,7%. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий».

Отношение к бедности в двух типах цивилизации — буржуазной и советской — наглядно отражается в структуре цен. Когда советские люди, например ученые, стали выезжать на Запад, одна из вещей, которые вызывали удивление, как раз состояла в том, что на Западе предметы первой необходимости относительно очень дороги, но зато товары, которые человек начинает покупать только при более высоком уровне благосостояния, — дешевы. Хлеб и молоко очень дороги относительно автомобиля или видеомагнитофона.

В СССР было как раз наоборот, чем и пользовались командированные на Запад советские люди. Они везли туда наши дешевые консервы, хлеб и колбасу, даже шоколадные конфеты — чтобы не покупать там это по очень дорогой цене, а обратно привозили видеомагнитофоны. Вот пример: в 1989 г. я купил в Испании японский видеомагнитофон, который стоил там столько же, сколько 300 батонов хлеба. Его я продал в Москве за 3 тыс. руб., на которые в Москве можно было купить 24 тыс. батонов хлеба. Иными словами, если брать за единицу измерения видеомагнитофон, то в Москве хлеб стоил в 80 раз дешевле, чем в Испании.

Этот принцип ценообразования создавал на Западе жесткий барьер, который безвыходно запирали людей с низкими доходами в состоянии бедности, — вынужденные покупать дорогие необходимые продукты, люди не могли накопить денег на дешевые «продукты для зажиточных». В СССР, напротив, низкие цены на самые необходимые продукты резко облегчали положение людей с низкими доходами, почти уравнивая их по фундаментальным показателям образа жизни с людьми зажиточными. Таким образом, бедность ликвидировалась, человек ценами «вытягивался» из бедности, и СССР становился «обществом среднего класса».

Смена типа цивилизации, которая происходит начиная с 1991 г., прекрасно выражается в том, как изменился тип формирования цены на хлеб. Возьмем пшеничный хлеб. Цена пшеницы известна. Расходы на помол, выпечку и торговые издержки при советской системе составляли 1,1 от стоимости пшени-

цы. Это «технически обусловленные» расходы. Говорят, при рынке производство эффективнее, чем при советском строе (да и зарплата по сравнению с советским временем ничтожна). Ну пусть даже не эффективнее, и эти издержки не уменьшились. Все равно реальная себестоимость буханки хлеба на московском прилавке равна примерно двукратной стоимости пшеницы, пошедшей на эту буханку.

Это близко к тому, что мы видели на практике в СССР. В 1986 г. закупочная цена пшеницы была 17,2 коп./кг. Из 1 кг зерна выходит 2 кг хлеба, следовательно, эти 2 кг хлеба из 1 кг зерна обходились в $17+19 = 36$ коп. (19 коп. — это затраты на превращение зерна в хлеб). Продавались эти 2 кг хлеба за 44 коп. или (хлеб высшего сорта) за 56 коп. То есть хлеб продавали с небольшой прибылью. В 1989 г. цена пшеницы поднялась до 22 коп./кг (в РСФСР 22,7 коп.), но цену хлеба еще не повышали, просто отказались от прибыли:

Советские цены на белый хлеб можно назвать «техническими», технически обусловленными — потому что именно на хлебе государство отказывалось от возможной прибыли и в то же время не давало дотаций. Поэтому все расходы на превращение зерна в хлеб на прилавке, которые составляли в СССР 1,1 от цены зерна, можно считать близкими к реальным затратам натурального хозяйства, предназначенного для потребления*.

Как же складывается цена на хлеб в нынешней «антисоветской» России? В декабре 1993 г. батон хлеба в Москве стоил 230 руб. Он был испечен из 330 г пшеницы урожая 1992 года. За это количество пшеницы правительство обещало селу заплатить 4 руб. Выпечка хлеба «технически» примерно равна стоимости муки. Значит, реальная себестоимость бетона на прилавке — около 8 руб. А он стоил 230 руб.! Куда пошли 222 руб. из 230? Они изъяты из кармана покупателя какими-то «социальными силами».

И это положение в принципе не меняется. Из центральных газет осенью 1995 г. можно было узнать: на четвертый квартал 1995 г. была установлена закупочная цена на пшеницу III класса твердую 600 тыс. руб. за тонну и на пшеницу мягкую ценную 550 тыс. руб. Таким образом, хлебозаводы Москвы до нового 1996 г. платили бы за килограмм ценной пшеницы 550 руб. — не будь каких-то «социально обусловленных» изъятий. Этого ки-

*Дотации, о которых так много говорили в годы перестройки, уходили в основном на молочные продукты и мясо. В 1986 г. закупочная цена молока была 42,4 коп./литр, а розничная — 30 коп. При потреблении в среднем 1 кг молока в день на душу населения это означает, что на молоко уходило 40% всех дотаций на продовольствие, величину которых в 1986 г. назвала Т. И. Заславская.

лограмма пшеницы хватает, чтобы испечь две буханки, значит, на одну буханку уходило пшеницы на 275 руб. А килограмм хлеба стоил бы (по советским меркам) около 600 руб. — а он в декабре 1995 г. стоил 3 тыс. руб.

Весной 2000 г. батон белого хлеба весом 380 г стоил в Москве 6 руб. Он был выпечен из 200 г пшеницы. Такое количество пшеницы стоило в декабре 1999 г. на российском рынке 34 коп. (1725 руб. за тонну)*. Себестоимость превращения пшеницы в хлеб с доставкой его к прилавку равна 110% от стоимости пшеницы, то есть для одного батона 38 коп. Итого реальная себестоимость батона равна 72 коп. А на прилавке его цена 6 руб. Таков масштаб «накруток» на пути от пшеницы до хлеба в рыночной экономике — 733%! Сейчас цена на хлеб в России «социальная», она обусловлена именно характером созданной экономической системы. Поэтому хлеб — хороший объект для сравнения сути двух систем. При советском (натуральном) хозяйстве хлеб был дешев, и бедность отступала, при нынешней экономике хлеб дорог, и цена его не дает людям вылезти из бедности.

Изменение типа ценообразования сочетается в этом процессе с изменением типа распределения доходов. Поражает, что значительная часть интеллигенции как будто не видит, какая социальная катастрофа произошла в России в результате ликвидации советского типа распределения доходов. Не раз приходилось замечать, что читатели книг — люди, принадлежащие в основном к благополучной части населения, — психологически защищаются от реальности, стараясь не думать о страданиях той части, по которой больнее ударила реформа. Они создают себе ложный образ благополучия. На деле обеднение было абсолютным, оно привело к резкому ухудшению здоровья людей, увеличению смертности и небывалому сокращению продолжительности жизни.

Есть множество жестких данных статистики — экономической, МВД, медицинской. Она невольно и неизбежно фиксирует внимание именно на резком изменении всего типа жизни. Этот момент для нас и важен, в этой точке мы можем сразу ухватить два образа — уходящего советского жизнеустройства и идущего ему на смену нового, антисоветского. Вот данные о динамике фондового коэффициента распределения доходов.

В СССР даже через три года реформ, в 1991 г., он был равен

*Данные о ценах на пшеницу на биржах России даются Госкомстатом. Я взял среднюю цену по России на декабрь 1999 г. — 1725 руб./т. Когда кто-то говорит, что этого не может быть, потому что мука, мол, стоит 4 руб. за килограмм, то его подводит логика. Между пшеницей и мукой — дистанция огромного размера, на ней тоже происходят «накрутки».

4,5 (в США — 5,6). Но уже к 1994 г. в РФ он по данным Госкомстата подскочил до 15,1. По данным бюллетеня ВЦИОМ (1995, № 3), в январе 1994 г. он был равен 24,4 по суммарному заработку и 18,9 по фактическому доходу (с учетом теневых заработков). Согласно данным ученых РАН, которые учли скрываемые богатыми доходы, реально коэффициент фондов в России в 1996 г. был равен 23. А группа экспертов Мирового банка, Института социологии РАН и Университета Северной Каролины (США), которая ведет длительное наблюдение за бюджетом 4 тысяч домашних хозяйств (большой исследовательский проект *Russia longitudinal monitoring survey*), приводит коэффициент фондов за 1996 г. — 36,3! В 1999 г. разница в доходах еще сильно возросла.

В некоторых отношениях социальное положение в России сегодня хуже, чем представляется западными экспертами и российскими социологами, мыслящими в понятиях западной методологии. Вернее, оно не просто хуже, а находится в совсем ином измерении. Негативные социальные результаты реформ измеряются экспертами в привычных индикаторах. Но положение в России подошло к тем критическим точкам, когда эти индикаторы становятся неадекватными.

Например, при резком социальном расслоении в принципе утрачивают смысл многие средние величины. Так, показатель среднедушевого дохода, вполне информативный для СССР, ни о чем не говорит, ибо доходы разных групп стали просто несоизмеримы. В 1995 г. во всей сумме доходов населения оплата труда составила всего 39,3%, а рента на собственность 44,0% (соотношение 0,89:1). Нормальное для рыночной экономики соотношение совершенно иное (примерно 5:1).

Ничего не говорят в такой ситуации и средние натурные показатели, например, потребления. В 1995 г. потребление животного масла в России было в два с лишним раза меньше, чем в 1990-м. Продажа мяса и птицы упала за это время с 4,7 млн. т до 2,1 млн. т. Но это снижение почти целиком сконцентрировано в бедной половине населения. Следовательно, половина граждан России совершенно не потребляла мяса и сливочного масла — как же можно ее «усреднить» с благополучной половиной!

Сравнение обобщенных показателей без учета принципиальной разницы их составляющих ведет к невозможности увидеть главное — катастрофическое, скачкообразное изменение социальной системы. Оно заключается в возникновении качественной несоизмеримости объектов и явлений. Особенно это касается сравнения таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов, ибо они гетерогенны и связаны с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами резко *нелинейно*. Нас же интересуют именно скрытые величини-

ны, а индикаторы, показатели — это лишь их видимое выражение, доступное измерению.

В России произошел разрыв между измеряемыми и скрытыми величинами, а значит, эти измеряемые величины перестали быть показателями чего бы то ни было. А ими продолжают пользоваться и правительство, и оппозиция. Уровень жизни снизился на 42%! Нет, всего на 37! Какая неграмотность — если это, конечно, искренне.

Дело в том, что социальные показатели содержат в себе «неделимости». Одна из «неделимостей» — та «витальная корзина», тот физиологический минимум, который объективно необходим человеку в данном обществе, чтобы выжить и сохранить свой облик человека. Это — тот ноль, тот порог, выше которого только и начинается благосостояние, а на уровне нуля есть лишь состояние, без «блага». И сравнивать доходы нужно после вычитания этой «неделимости». Можно сравнивать только то, что «выше порога».

Это общий закон: если в сравниваемых величинах скрыты «неделимости», то при приближении одной из величин к размеру этой «неделимости» валовой показатель искажает реальность совершенно неприемлемо. «Зона критической точки», область возле порога, граница — совершенно особенная часть любого пространства, особый тип бытия. Доходы богатого человека и человека, находящегося на грани нищеты, — сущности различной природы, они количественному сравнению не поддаются (точнее, это формальное сравнение ни о чем не говорит).

Именно таковы сравнительные показатели социального расслоения, которые используют социологи («показатель Джини», децильный фондовый и др.). Говорят, ах, какая беда, согласно этим показателям, в России произошло социальное расслоение, более значительное, чем в США. А на деле никакого сравнения с США и быть не может, потому что в России возникла несоизмеримость между частями общества — социальная аномалия. Если проводить сравнение корректно — после вычитания физиологического минимума, то в России фондовый децильный коэффициент будет равен не 15, как утверждает правительство, и не 23, как утверждают ученые РАН, и даже не 36, как утверждают американские ученые, — он будет измеряться тысячами! Ибо превышение доходов над физиологическим минимумом у самых бедных десяти процентов российских граждан приближаются к нулю.

Разберем простой реальный случай. Я остановился на шоссе спросить у старухи нужный поворот, а она мне говорит: «Сынок, купи, пожалуйста, яблоки. Кровопийцы пенсию не выплачивают, и я уже неделю хлеба купить не могу». Пенсия, которую положили этой труженице кровопийцы, подержанные цветом

русской интеллигенции, даже не покрывает официально объявленный физиологический минимум — 300 тыс. руб. в месяц (дело было в 1997 г.). Допустим, продажей яблок она до этого минимума дотягивает.

Купив из 5 тыс. руб., отданных мною за ведро яблок, хлеба и соли, она, возможно, выкроила себе что-то на «благополучие», на каприз. Например, поставить свечку в церкви и помолиться за здоровье Ельцина («Он обещал пенсию выплатить, да видишь, заболел, а тут Чубайс и уселся на его место»). Так и прием: сверх «неделимости» она имеет 1 тыс. руб. (предположим даже, что пенсию платят вовремя).

Рядом с домом пенсионерки — бывший сельмаг; при дележе собственности «приватизированный» инструктором РК ВЛКСМ. Он и сидит там, в изобилии брынцаловской водки и импортных продуктов. Это — мелкая сошка, с доходом 10 млн. руб. в месяц. Каков же децильный фондовый показатель при сравнении этих двух типичных, вовсе не крайних, фигур антисоветских реформ?

Формально делим 10 млн. на 300 тыс. пенсии — получаем округленно 33. Ах, какие болезненные реформы! А в действительности надо делить то, что остается у обоих за вычетом «неделимости» — физиологического минимума. Делим 10 млн. минус 300 тыс. (доход «предпринимателя») на ту тысячу, что зашибла предприимчивая старуха на своем яблочном бизнесе. «Реальный децильный показатель» равен 9700. Девять тысяч семьсот, а не 33!

А если бы яблоки померзли и избытка над «неделимостью» у пенсионерки не было, то этот показатель был бы равен бесконечности. На деле в России возникла несоизмеримость между частями общества — социальная аномалия, которая по сути своей преступна.

Небольшое снижение в уровне потребления семьи, чьи доходы на 50% превышают физиологический минимум, и семьи, которая находится на этом минимальном уровне потребления, — совершенно несравнимые вещи. Состояние социальной сферы в России таково, что очень большая часть населения находится именно на абсолютном минимуме потребления, и всякая «эластичность» в снижении их доходов утрачена — для многих оно означает не «ухудшение благополучия», а физическую гибель.

А вот качественная обобщенная оценка. На основании исследований, проведенных в 22 регионах России в течение 1990, 1993 и 1994 гг., директор Центра социологических исследований Российской академии государственной службы В. Э. Бойков выдвигает важный тезис: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социаль-

ную депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства» (В. Э. Бойков. Социально-экономические факторы развития российского общества. — СОЦИС, 1995, № 11). *Придушившие людей!* Лучше не скажешь.

Замечу, что в работе этого правительственного социолога есть целый раздел под заголовком «Пауперизация как причина социальной терпимости». Вот что на деле, в самых абсолютных категориях означает отказ от советской системы хозяйства — *пауперизацию* населения!

По субъективным оценкам, подавляющее большинство граждан России считает, что они живут бедно. При опросе ВЦИОМ в марте 1996 г. на вопрос «Как вы считаете, большинство людей с таким же уровнем образования, как у вас, живут сейчас бедно или богато?» в целом 67,1% ответили «скорее бедно», а 18,5% — «бедно». То есть вместе 85,6%. Чуть-чуть благополучнее других оказываются люди с высшим и незаконченным высшим образованием (79,8%), хуже всех — с образованием ниже среднего (90%). О своей семье люди думают, что она живет несколько беднее, чем люди такого же уровня образования (Оценки населением качества жизни: проблемы бедности. — Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1996, № 3).

В Челябинске помощник губернатора рассказал: группа с московского телевидения, проезжая мимо, решила пообщаться с людьми, которые рылись на свалке за большим заводом. Кормясь остатками советской бесхозяйственности, эти люди откапывали бракованные медные детали. Разговорившись, бывшие рабочие расстегнули свои рубы, и репортеры увидели страшные шрамы. Новые хозяева, «приобретя» заводы, посчитали своей собственностью и залежи лома десятилетней давности. И, чтобы отвадить жадных «люмпенов», однажды выпустили на них свору арендованных у милиции овчарок. Отлежав в больнице, кое-кто по месяцу, искалеченные люди вернулись добывать кусок хлеба.

Поразительно, что на этом фоне идеологи, под прикрытием которых людей вгоняли в бедность, апеллируют к их советским стереотипам. И. Овчинникова в «Известиях» поучает: «В обозримом будущем, как ни прискорбно, [мы] не сможем удовлетворять свои потребности... Надо перетерпеть, утешая себя тем, что отцы и деды терпели во имя светлого будущего, которое оказалось недостижимым, а мы — во имя того настоящего, какое может наблюдать всякий, кому доводилось переезжать... из Ленинградской области в Финляндию».

Это утверждение за рамками и логики, и этики. При чем здесь Финляндия, если мы в Ленинградской области имели 98 г

белка и вполне удовлетворяли свои в нем потребности? Почему мы должны брать пример с отцов и дедов, если вся перестройка была основана на постулате, что отцы и деды жили неправильно? И кто это мы, которые сегодня голодают? Входят в их число ведущие авторы «Известий»? И сколько продлится это обозримое будущее, во время которого нам будет не по карману молоко? Разве подобные вещи говорили «Известия» в 1990 г., когда призывали ломать советское жизнеустройство?

Вот данные из двух официальных докладов медицинских ведомств. «Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году», представленный Минздравом, Академией медицинских наук и Госкомитетом по санэпиднадзору РФ в 1993 г., констатировал: «Отмечается вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ».

А вот Государственный доклад 2000 г. «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.». Много места в докладе уделяется нехватке лекарств, ликвидации санаториев и пр. медицинских служб, но все же главное — это ухудшение условий жизни. Сказано: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи».

Прежде всего, конечно, важно питание. Ему посвящен целый раздел доклада. В частности, говорится: «Структура питания населения характеризуется продолжающимся снижением потребления биологически ценных продуктов питания... Белково-калорийная недостаточность наряду с падением уровня жизни населения связана...» и т.д.

Но мы здесь скажем лишь о детях. Доклад фиксирует известный факт: «Складывающийся **«бедный»** тип питания приводит к возрастанию частоты белково-калорийной недостаточности, проявляющейся у детей и подростков снижением массы тела и низкими ростовыми показателями». Если бы только снижением массы тела! Нехватка белка наносит удар по всем физиологическим системам организма и по умственному развитию человека.

СССР по качеству питания населения занимал 6—7 место в мире, хотя киви достать было нелегко и за ветчиной бывали очереди. Сегодня ветчину и устрицы нам доставляют прямо из

Парижа. Но на всех угодить невозможно. В последнем году XX века в свободной России положение с питанием детей таково:

«В настоящее время в искусственном вскармливании полностью или частично нуждаются 60—70% детей первого года жизни... В условиях снижающейся платежеспособности населения многие виды детского питания стали недоступными для большинства потребителей.

Не улучшается положение дел с организацией питания детей, посещающих дошкольные учреждения и школы. Охват школьников горячим питанием в большинстве субъектов Российской Федерации сократился на 20—30%. Рационы питания обеспечивают потребность детского организма в энергии и белках только на 70—90%, в витаминах — на 20—40%. Сокращается вес и объем отпускаемых блюд. Прекращена витаминизация готовых блюд. Не решаются вопросы обеспечения детских и подростковых учреждений йодированной солью... Из-за отсутствия средств во многих школах организовано лишь чаепитие».

Как красиво звучит — *чаепитие*... И замечательной фразой заканчивается раздел доклада о детском питании: «Эффективными в этой связи могут стать информационные и образовательные программы, посвященные вопросам здорового питания школьников». Спасибо, кормильцы...

Сравнивая отношение к детям-подкидышам в царской России, воспитанникам советских детских домов или нынешним детям-сиротам, стоит посмотреть на финансовый отчет президентской программы «Дети России» и особенно ее раздела — федеральной программы «Дети-сироты». Вдумайтесь в такой абзац отчета Минздрава: «Федеральные программы являются одним из основных механизмов реализации стратегии охраны материнства и детства. На реализацию медицинских разделов федеральной целевой программы «Дети-сироты» в 1999 г. было выделено 0,05 млн. рублей». Пятьдесят тысяч рублей! Менее двух тысяч долларов. Цена одного обеда компании «новых русских» на Лазурном берегу.

Во время Гражданской войны моя мать работала учительницей, в 16 лет. Там, в Семиречье, война была тяжелой, сирот было много. Без всяких федеральных программ их собирали и кормили. Чей бы отряд ни проходил через станицу, к командиру, атаману или даже главарю банды шли учителя и требовали продуктов. Все выделяли из своих скудных запасов. В 1921 г. мать училась в Ташкентском университете, и привезли в Ташкент детей из Поволжья. Каждый член ВКП(б) и каждый комсомолец был обязан на свой студенческий паек кормить одного ребенка — выделять из своего пайка, как совесть велит. Совесть велела так, что на фотографии их курса видно — почти у всех студентов лица одутловатые от голода.

А сегодня у наших партийцев из Союза правых сил и всяческих союзов капиталистической молодежи одутловатые от обжорства. Вот в этом-то и разница цивилизаций.

Бедность: личный взгляд. Хочу изложить некоторые сугубо личные впечатления от моих первых столкновений советского человека с бедностью в буржуазном обществе. Именно такая бедность, как считается, должна установиться в России после стабилизации нынешнего «демократического» порядка. Это — совсем иная социальная ситуация, чем та, которую мы видим при нынешнем массовом обеднении все еще советских людей. Поэтому наше невольное представление о будущем как простом воспроизводстве, чуть хуже или чуть лучше того, что мы видим сегодня, — ошибочно.

Мы как народ переживаем нынешнее обеднение как *общее* бедствие — типа разрушительного землетрясения всей России или какой-то странной войны. Это бедствие пока что не делит нас на две несоизмеримые и несовместимые «расы». Скорее нам кажется, что временно образовалась маленькая большая «раса» богатых — «новых русских». Их можно жалеть или ненавидеть, но их появление не разрушило народ, потому что он-то по своим основным признакам остался именно народом, не разделившись на расы. А «больные», когда страна вернется в норму, или уедут, или вылечатся (не без помощи лекарственных средств).

Такое ощущение сохраняется потому, что, во-первых, в России обеднело именно подавляющее большинство граждан, так что они друг друга «разумеют». У всех них еще сохранилась данная общим образованием единая культурная основа, один и тот же способ мышления и рассуждения, один и тот же язык слов и образов. Все это сильно подпорчено телевидением, но и подпорчено почти одинаково у всех. Подавляющее большинство наших бедных имеют еще жилье, а в квартире свет, водопровод, отопление, книги на полках. Все это «держит» человека на весьма высоком социальном уровне.

Совсем иное дело — бедность в классовом (или почти классовом) обществе, в трущобах большого капиталистического города. Здесь бедность приобретает новое качество, для определения которого пока что нет подходящего слова в русском языке. Вернее, смысл слова, которым точно переводится на русский язык применяемый на Западе термин, у нас совсем иной. *Бедность* (*pobreza* — исп., *poverty* — англ.) в городской трущобе на Западе для большинства быстро превращается в *ничтожество* (*miseria* — исп., *miserery* — англ.).

Что же это такое — ничтожество? Это, прежде всего, бедность неизбежная — когда безымянные общественные силы толкают

тебя вниз; не дают перелезть порог. Кажется, чуть-чуть — и ты вылез, и там, за порогом, все оказывается и дешевле, и доступнее, и тебе даже помогают встать на ноги. Мы этого пока еще не знаем и не понимаем.

В такой ситуации очень быстро иссякают твои собственные силы, и ты теряешь все личные ресурсы, которые необходимы для того, чтобы подняться. У нас мы это видим в среде небольшого контингента опустившихся людей, прежде всего алкоголиков, но это другое дело, они в каком-то смысле счастливы и не хотят оторваться от бутылки. Ничтожество — это постоянное и тупое желание выбраться из ямы и в то же время неспособность напрячься, это деградация твоей культуры, воли и морали.

Переход людей через барьер, отделяющий бедность от ничтожества, — важное и для нас малознакомое явление. Если оно приобретет характер массового социального процесса, то вся общественная система резко изменится — а наше сознание вообще пока что не освоило переходных процессов. Надо наблюдать и изучать то, что происходит на этой грани, в этом «фазовом переходе». На Западе, считаю, важный опыт имеет католическая церковь, помогающая, с небольшими средствами, *удержаться* людям в фазе бедности или даже перейти в эту фазу «снизу».

В Сарагосе, богатом городе Испании, исторический центр застроен зданиями X — XIII веков. На реставрацию всех этих зданий никаких денег не хватит, и эти руины заселили бездомные. Странная трущоба в самом центре города — беднота живет во дворцах, но без воды, света и канализации. Только крыша, которая вот-вот рухнет. Церковь отремонтировала пару комнат, в одной сделала три кабинки душа, в другой поставила три стиральные машины. За сто песет (1 доллар) можно принести свое тряпье и постирать. Такая мелочь, а около сотни семей воспрянули духом. Дети-подростки впервые в жизни помылись в душе, и он их восхитил. «Какое счастье — мыться в душе!» Может, это чисто телесное ощущение для многих из них станет соломинкой, вытянувшей из ничтожества в бедность.

Конечно, мы в России должны думать о восстановлении достойной жизни *для всех*, хотя поначалу она и будет на грани бедности. Но пока произойдет переход рычагов хозяйства в здоровые руки, надо создавать и временные вспомогательные механизмы для того, чтобы помочь людям удержаться от разрушения крайней бедностью. Надо вовремя услышать какой-то знак, звук, не дать себе привыкнуть. Тут опасна ложная мудрость, которую нашептывает телевидение: мол, все эти наши бедные — профессионалы, а доходы у них, как у банкиров. Это соблазнительная, но лживая мысль. В 1999 г. я был в Испании и ехал утром в метро. Подошла женщина с ребенком, протянула

руку. Взглянула таким взглядом, что было понятно — надо дать денег. Этим взглядом, я бы сказал, не злоупотребляют. Рядом стояли двое русских с переводчиком, видимо, предприниматели. Один говорит: «Я бы лучше голодал, но просить не стал». Я ему говорю: «Это особенно убедительно звучит после сытного завтрака, который вы только что съели». Он ничего не ответил, замолчали.

У меня был тяжелый опыт, когда я из благополучного еще СССР поехал в 1989 г. работать в Испанию. Купил старую машину и ездил — где-то на защиту диссертации оппонентом, где-то лекция. На каникулы приехала ко мне дочь, и мы как раз поехали большим маршрутом. Надо было пересечь Кастилью-Леон — равнина, до горизонта пшеничные поля, жара страшная, ни деревень, ни городов. На шоссе в одном месте был ремонт, для проезда по очереди в один ряд был поставлен временный светофор, и около него расположился парень с ящиком. Там у него был лед и банки кока-колы. Когда машины останавливались на красный свет, он подходил и уговаривал купить. Подошел ко мне, я отказался — экономил, все деньги тратили на поездки по Испании, когда еще такой случай будет. Он уговаривает. Я говорю: «Посмотри на мою машину. Мне ли шиковать. Вон у меня на сиденье бутылка из магазина». Он опять: «Ну купи девушке, холодной!» Я говорю: «Нет» — и тут как раз зеленый свет, я тронул. Он протянул руку и крикнул: «Ну помоги же мне!» А меня уже сзади подпирали, и я уехал, а в ушах так и стояли эти его слова. Вот уже одиннадцать лет прошло, но стоит бессоннице одолеть, как вдруг слышу: «Ну помоги же мне!» Этот парень держался.

И какое же тяжелое зрелище представляет собой человек, впадающий в ничтожество, — даже если он формально не так уж беден. В 1992 г., перед конференцией «Рио-92», я был на одном из подготовительных симпозиумов, собранных там же, в Бразилии. Мы были в городе Белен, в Амазонии, и в первый день нас повезли на экскурсию. С нами был молодой переводчик из США, полиглот и лингвист. Около собора было много старух, просящих подаяние. Ко мне подошла одна из них, очень худая и в черной одежде. Долго и сурово говорила, я не все понял, но почувствовал, что надо дать ей денег. Деньги я обменял ночью в аэропорту, все бумажки были одинаковые, я еще в них не разобрался и дал ей одну. Это было много, потом оказалось, что около 50 долларов, но так и так делать было нечего, не просить же сдачу. Старуха взликовала, подняла эту бумажку и пошла, показывая ее своим подругам. Все они стали подходить ко мне и благодарить, никто из них не просил еще, все это было очень достойно. Переводчик, стоявший рядом со мной, сильно возбудился, просто перекосило его. Говорит мне: «Зачем вы столько

ей дали? Ей хватило бы мелочи. Лучше бы вы дали мне. Я, филолог и лингвист, делаю вторую диссертацию. Я веду важное исследование — и вот вынужден отвлекаться и ездить на эти конференции переводчиком, чтобы заработать денег. А вы, вместо того чтобы поддержать меня, дали этой неграмотной старухе, которая и денег-то таких никогда не держала». Что угодно я мог ожидать от молодого американского доктора двух наук, но не этого. Мы и сами-то в 1992 г. получали какую-то символическую зарплату, раз в сто меньше этого переводчика. Человек свихнулся от страха перед бедностью и свалился в ничтожество.

В 1971 г., работая на Кубе, я видел по телевидению известный фильм, шедевр американского кино, «Держатель ломбарда». В бедном квартале Нью-Йорка старик-еврей, пострадавший от нацистов и уехавший в США, держит маленькую лавочку-ломбард, дает под заклад небольшие деньги (как старуха-процентщица у Достоевского). В фильме есть сложная психологическая драма, аналогия между нацизмом и человеческими отношениями в этом квартале, где заправляет мафия, но меня поразило не это, а именно тип бедности обитателей квартала. Они приносят последнее, что у них есть, и торгуются со стариком, умоляют его накинуть доллар-другой. Супруги приносят в заклад туфельки их умершего ребенка, молодой человек — золотую медаль из колледжа и т.д. Вынужденная жестокость доброго ростовщика, рыдания, семейные истории.

Обсуждая на завтра с кубинцами в лаборатории этот фильм, я сказал, что он сделан очень художественно, найдены сильные символические аллегории. Мне с жаром возразили люди, которые жили буквально в этих кварталах. Эта сторона фильма, сказали они, сделана не то чтобы реалистично, а прямо-таки натуралистично — все так и есть, тип быта и детали переданы абсолютно точно. Именно в таком положении живут люди. Разговаривая об этом в Бразилии, я узнал важную вещь: вырваться из этого состояния ничтожества можно только совершив скачок «вниз» — в *антиобщество* трущобы, в иной порядок и иной закон. Понимаем ли мы это?

Даже в благополучной и более уравнительной, чем США, Европе бедные отделены от общества, а если еще и стоят в нем одной ногой, то это их состояние нестабильно. Привез меня друг в Испании погостить в свою деревню. Вышли мы погулять в поле, идет навстречу с речки старик с ведром. Друг говорит: «Это у нас в деревне красный». Поравнялись, друг говорит старику: «Эвенсио, ты у нас коммунист, а вот человек из Москвы». Старик испугался: «Что ты, какой я коммунист, это ты слишком. Левый, это да...» И пошел дальше.

Был он в республиканской армии, после поражения бродил, выполнял за бесценок самую тяжелую работу. Смог вернуться в

деревню в конце 70-х годов, починил дом, работает на своем клочке земли, голосует за коммунистов. Вернулись мы в деревню уже в темноте, старик поджидает у своей двери: «Неужели сеньор из Москвы? И Красную площадь видели?» Потом я спросил у друга: что же старик в темноте к нам подошел, ведь все дома в деревне прекрасно освещены? Оказывается, не имеет этот старик ни света, ни водопровода — дорого. Задержался один бедняк в деревне, некуда больше идти. А где же остальные? По городам, по трущобам, там есть шанс хоть что-то заработать. Треть домов по деревням заколочена, а много поселков совсем пусты. Едешь ночью по малым шоссе — много деревень-призраков. А в городах целые районы превращены в трущобы.

Когда я впервые выехал за границу вне социалистического лагеря (в 1983 г. в Индию), меня потряс вид страданий от бедности детей — их переживание голода и первые связанные с этим духовные травмы. Это чувство трудно передать. Тяжелые сцены начались прямо по пути от аэропорта. Дело было в феврале, и по ночам в Дели было довольно холодно, а на газонах ночевало множество людей, имевших всего лишь кусок мешковины в качестве набедренной повязки. Кое-кто неподвижно лежал и днем — жив он? Умер? Мы проезжали мимо строительства тридцатизэтажного дома, подъемных кранов у него не было, наверх, как муравьи, поднималась вереница девочек (может, девушек, но худеньких), несущих на голове по два кирпича.

Небольшие деньги, которые у меня были, у меня в первый же выход в город вытрясли большие мальчишки. У них выработан для этого целый набор остроумных приемов, от которых новичку спастись трудно. Я бы так и провел все дни на конференции да в гостинице, но меня пригласил на рынок делегат из ГДР, у него были деньги. Мы шли по улице, и он ловко и резко отмахивался от мальчишек. Я на момент отстал, ко мне подбежал мальчик лет четырех. Он стал мне протягивать старую газету, как бы продавая ее, и, поскольку я невольно остановился и наклонился к нему, он решил, что я ему дам монету. Но у меня ничего не было, и его нервы не выдержали этого перехода от надежды к отчаянию. Он зарыдал и затопал ногами, прыгая на месте. Видно было, что он голоден, живот вздут, слезы залили все лицо.

Я обошел с немцем рынок, потом поехали по гостиницам на такси-мотороллере. Он жил в городе, а я на окраине, километров за пять, через огромный лесопарк. Он видит, что у меня нет денег, и дал мне сколько-то рупий одной бумажкой — заплатить таксисту. Не помню почему, но я ее зажал в руке. Водитель остановился у бензоколонки, и ко мне подбежала девочка лет

восьми, в платье из мешка. Она вцепилась в мою руку с этой бумажкой и стала ее просить, тыкая пальцем себе в живот и в рот — мол, хочет есть. Вырывая у нее руку с деньгами, я проклял и себя, и этого немца, который увлек меня на экскурсию.

Когда в 1988 г. соратники Горбачева начали выпускать мальтузианские манифесты и утверждать, что бедность — естественное и законное явление, я вспомнил эту девочку и этого мальчика с газетой — и как отрезало. Для меня эта перестройка стала делом врагов рода человеческого. Одно дело, когда в Индии большая масса интеллигенции и государственных чиновников бьется над тем, чтобы сокращать бедность и поддерживать тех, кто впадает в крайнюю нищету, — и другое дело *создавать* массовую бедность в благополучной, развитой индустриальной стране.

В 1984 г. я поехал в Мексику. Здесь детская бедность не такая страшная, к тому же я немного знал их культуру и мог с детьми объясниться. Здесь меня поразило другое — люди в пограничном состоянии, в момент, когда они переступают порог, отделяющий один уровень бедности от другого. В центре Мехико здания построены так, что тротуар становится своего рода галереей, отделенной от мостовой рядом колонн. Пешеходы идут в тени. И утром, и даже поздно вечером все нормально, идет поток людей. Но как-то друг провожал меня в гостиницу после полуночи, и я увидел немыслимое зрелище — в этих галереях масса людей с одеялами и сумками устраивалась на ночлег. Это были, что называется, приличные люди. Дети в ночных рубашечках, матери, стоя на коленях, расчесывают им волосы, раскладывают вещи, цепляют вешалку с разглаженными одеждами. Рано утром они скатают свои одеяла и исчезнут.

Но сильнее всего меня поразило то, что я увидел в первый день. В этой же галерее, рядом с отелем, стояла очень красивая пара — юноша и девушка, музыканты. Он в черном концертном костюме, она в длинном платье. Очень тонкие лица и хорошее образование. Скрипка и виолончель, играли Бетховена. Видно было, что они — выходцы из состоятельных семей, но какая-то причина сталкивает их вниз, и они пошли на крайнюю меру. Возможно, вышли на улицу в первый раз.

Такое отчаяние и такой ужас был в их глазах, что, казалось, у них уже петля на шее, вот-вот она их потянет от земли. Ничего похожего на уличных музыкантов, которых полно в Мехико и теперь полно в Москве. От этой красивой пары, переступающей порог, исходила такая волна горя, что люди шаррахались из этой галереи и обходили это место по проезжей части. Я долго стоял неподалеку — ни один человек им не подал, не кинул монету в футляр. Человек я довольно бесчувственный, но в ту ночь чувствовал себя очень скверно.

Во время перестройки многим из нас, особенно из молодежи, устроили поездки на Запад. Организовали умело. Социологи знают, что при выезде за границу возникает эффект «медового месяца» — все кажется прекрасным, глаз не замечает ничего дурного. Длится это недолго, пелена спадает, и за изобилием сосисок, витрин и автомобилей начинаешь видеть реальную жизнь, и тебя охватывает неведомая в России тоска. Ощущение изнурительной суеты, которая бессмысленна и в то же время необходима. Это — конкуренция, «война всех против всех».

В 1989—1990 гг., когда я был в Испании, тема России была в моде, и у меня как-то взяли большое интервью для журнала. Под конец спросили, не хотел бы я остаться жить в Испании. Я люблю Испанию, но признался, что нет, не хотел бы. Как так, почему же? Я подумал и ответил попроще, чтобы было понятно: «Качество жизни здесь низкое». Еще больше удивились и даже заинтересовались. Как объяснить, не обижая хозяев? Говорю: «Я привык, чтобы ребенок на улице называл меня дядя, а не господин». Не поверили: какая, мол, разница. Пришлось сказать вещь более наглядную: «Выхожу из дома, а в закутке около подъезда на улице старик ночует, зимой. И качество моей жизни от этого низкое». Мне говорят: «Ладно, оставим это. Мы не сможем это объяснить читателю».

Сейчас я и сам вижу, что ничего им не объяснил, — ведь и у моего дома теперь стоит нищий старик. Тогда я такого не предполагал. Сейчас видно, что нас затягивают в ту же яму, но не затянули еще. Я чувствую, что при виде нищего старика в московском метро у людей сжимается сердце. Одни подадут ему милостыню, другие отведут глаза, третьи придумают какое-то злое оправдание — но все войдут с этим стариком в душевный контакт, все чувствуют, что качество их жизни низкое. Стариков, ночующих на улице Рима или Чикаго, просто никто не замечает, как привычную часть пейзажа. Участь отверженных, если они не бунтуют, никак не касается жизни благополучных.

Мы сегодня, видя нищих, в том числе музыкантов, думаем, что и мы дошли до этого уровня, — и дальше, укрепись эта демократия, будет примерно так же. Это глубокая ошибка. Наши нищие-музыканты не очень-то сильно отличаются от нас, и особого отчуждения между нами нет. А та пара музыкантов в Мехико, было видно, оказалась в пустоте. Они уже отторгнуты их прежней «расой», но они чужие и не хотят, не могут стать своими и для «расы отверженных»: Если антисоветский режим надолго продлится в России, многим из нас придется переходить такой порог, какого пока что у нас нет и какой мы и представить себе не можем. Ведь пока что, случись какая-то катастрофа, можно выйти к людям и с протянутой рукой. Тяжело будет

им в глаза смотреть, но терпимо. А будет другое — другие будут люди и другие глаза.

Уже появилась у нас обширная прослойка людей, у которой глаза уже меняются. Был я в 1988 г. с одним приятелем, который стал потом видным «демократом» (даже в ранге министра при Гайдаре), в командировке в Риме. Дело было зимой. Около гостиницы, где мы жили, спал на улице старик. Вид у него был особенно драматический из-за двух деталей. Во-первых, из-под кучи тряпья, которой он был укрыт, валил пар — необычно много. Во-вторых, на себя он положил свою гладкошерстную собаку, и она тряслась крупной дрожью. Зрелище — не забудешь. Как-то позже, в Москве, я по какому-то поводу спросил приятеля: «Помнишь того старика в Риме?» Он удивился: «Какого старика?» — «Как какого? С собакой, около гостиницы!» — «Не видел никакого старика». Говорил он совершенно искренне — он на этого старика в упор глядел и не видел. Так они сегодня и «своих» русских стариков не видят. А мы думаем, что они злые.

Советский тип трудовых отношений: принцип полной занятости. Одним из главных смыслов, входящих в культурное ядро любого общества, является труд. С ним связаны многие частные стороны экономического и социального порядка, представления о взаимной ответственности государства и гражданина, важные символы и даже религиозные установки. И завоевание гегемонии определенным социально-политическим движением, и подрыв гегемонии определенного государства неизбежно связаны с образом труда и его тенью — образом *безработицы*.

В перестройке, которую можно считать идеологической арт-подготовкой к слову советского порядка и присвоению государственной собственности номенклатурой, одной из ключевых тем было право на труд и безработицу. В рамках этой темы была проведена блестящая программа манипуляции сознанием, и она заслуживает рассмотрения. Высокое качество этой программы подтверждается тем, что отключение здравого смысла удалось не в связи с каким-то отвлеченным вопросом, а вопреки очевидным и осязаемым материальным интересам буквально каждого человека.

Полная занятость в СССР была бесспорным и фундаментальным социальным благом, которое было достигнуто в ходе советского проекта (в 1994 г. не были производительно заняты примерно 30% рабочей силы планеты). В обеспечении права на труд было, конечно, много дефектов, идеал *«от каждого — по способностям»* был далеко еще не достигнут, реальный уровень промышленного развития не позволял привести качество рабо-

чих мест в соответствии с притязаниями образованной молодежи. Но это по важности несравнимо с главным.

Отсутствие безработицы было колоссальным прорывом к благополучию и свободе простого трудящегося человека. Это было достижение исторического масштаба, поднимающее достоинство человека. Мы еще даже не можем вполне оценить утрату этого блага — у нас еще нет людей, по-настоящему осознавших себя безработными и, главное, воспроизводящих безработицу в своих детях, в следующих поколениях. Мы еще живем «наполовину советским» порядком.

Привычность полной занятости превратила в сознании наших людей это чисто социальное (созданное людьми) благо в разновидность природного, естественного условия жизни. Это, разумеется, сделало право на труд как политическую норму очень уязвимым. Люди его не ценили, и никаких активных шагов по его защите ожидать было нельзя. Однако пассивная установка на отрицание безработицы была вполне определенной. Это показывали регулярные опросы социологов. Кстати, сами эти опросы должны были бы встревожить людей, но не встревожили — Горбачев периодически успокаивал: чего-чего, но безработицы мы никогда не допустим.

На деле партийно-государственная номенклатура СССР, начав свой постепенный отход от советского проекта, уже с 60-х годов стала тяготиться конституционным правом на труд, исподволь начав кампанию по внедрению в общественное сознание мифа о благом воздействии безработицы на все стороны общественной жизни. Эта тема постоянно муссировалась на околопартийных интеллигентских кухнях, в среде хозяйственных руководителей стало хорошим тоном посокрушаться, что, мол, отсутствие в их руках кнута безработицы не дает поднять эффективность производства. Но, поскольку право на труд было краеугольным камнем нашей идеократической системы, подмывание этого устоя велось неофициально, хотя и с явного одобрения верхушки КПСС.

Принцип полной занятости как один из главных устоев советской антропологии и реализация уравнительного идеала («от каждого — по способности») давно уже вызывал глухую ненависть у тех, кто сдвигался к антисоветскому сознанию. С 60-х годов о благодати безработицы говорили на кухнях и за вечерним чаем в лабораториях, во время перестройки начали говорить открыто.

Вопрос о необходимости безработицы туманно ставил С. Шаталин («Коммунист», 1986, № 14). Он говорил о переходе от «просто полной занятости к социально и экономически эффективной, рациональной полной занятости». Здесь важно под-

черкнуть, что первыми о необходимости безработицы заговорили люди из высших партийных и научных кругов, заговорили в журнале «Коммунист»!

С 1988 г. такие рассуждения заполнили прессу. Эта кампания велась средствами партийной печати с присущей ей тоталитарностью (я попытался ответить на один такой манифест Н. Амосова, опубликованный в 1988 г. в «Литературной газете», совершенно спокойной информативной статьей. К моему глубокому удивлению, ни одно из «коммунистических» изданий ответа опубликовать не пожелало, «так как у редакции на этот счет иное мнение, чем у меня»).

Сильный эффект расщепления сознания был достигнут тем, что пропагандой безработицы занялись профсоюзы — именно та организация рабочих, которая по своей изначальной сути должна быть непримиримым врагом безработицы. В марте 1991 г., еще в советское время «Профиздат» выпустил массовым тиражом книгу «Рыночная экономика: выбор пути». Среди авторов — виднейшие экономисты. Читаем: «Можно сказать, что рынок воспроизводит безработицу. Но возникает вопрос, а является ли безработица атрибутом только рыночной системы хозяйства? Разве в условиях административно-командной системы управления производством не было безработицы? Она имела место, только носила структурный, региональный и в основном скрытый характер. Различие между рыночным механизмом и административно-командной системой управления состоит не в том, что в одном случае есть безработица, а в другом нет, а в том, что в условиях рынка безработица официально признается и безработный получает пособие».

Хороши наши советские профсоюзы, не правда ли? Скрытая безработица! Хитро придумано. Это вроде как скрытая болезнь. Пусть человек здоров, наслаждается жизнью, живет до ста лет — назовем его «скрытым больным», попробуй докажи, что нет. Людей, которые реально имели работу, два раза в месяц получали зарплату, квартиру от завода, путевку в санаторий и т.д., убеждают, что это — «скрытая безработица» и что она ничуть не лучше явной. Что явная безработица, когда нет ни зарплаты (ни пособия!), ни перспектив, ничуть не страшнее, чем «скрытая». Конечно, так может говорить только подлая продажная тварь. Но как могли рабочие в это верить — вот ведь загадка века.

Антисоветские идеологи подменили суть проблемы ее убогим суррогатом. Труд и безработица были представлены как сугубо экономические категории, так что предложение создать в советском народном хозяйстве безработицу подавалось как чисто техническое, как обычное социально-инженерное решение, не

затрагивающее никаких основ нашего бытия. Это предложение увязывалось исключительно с экономической эффективностью (суть которой, впрочем, никак не объяснялась). Аргумент был простым, как мычание: на Западе есть безработица, и там поэтому все работают как звери, и в магазинах всего полно.

В действительности труд и отлучение от труда (безработица) — проблема не экономическая и даже не социальная, а *экзистенциальная*. Иными словами, это — фундаментальная проблема бытия человека. Разумеется, она имеет и экономический аспект, как почти все проблемы нашего бытия, но эта сторона дела носит подчиненный, второстепенный характер.

Что вопрос о безработице относится к категории фундаментальных проблем бытия, говорит уже тот факт, что на протяжении всей истории цивилизации он имеет религиозное измерение, в то время как понятие экономической эффективности возникло лишь с появлением рыночной экономики и посвященной ей науки — политэкономии. Иными словами, в новое время, совсем недавно.

В христианстве запрет на безработицу был воспринят уже из Ветхого Завета: каждый должен добывать хлеб свой в поте лица своего. Осовременивая, мы бы сказали, что этой догмой христианство наложило вечный запрет на рынок рабочей силы, который вправе отвергнуть и неминуемо отвергает часть этого «товара», так что безработица — неизбежный и необходимый спутник рыночной экономики. Потому-то духовным условием для ее возникновения и была протестантская Реформация, которая виртуозно разрешила это противоречие. Часть людей (причем неизвестно кто именно) была объявлена отверженными, которым изначально отказано в возможности спасения души. Им нарушение божественного предписания трудиться уже не повредит. Более того, само превращение в безработного приобретает смысл. Утрата работы человеком есть предупреждение, смутный сигнал о том, что этот человек — отверженный.

Понятно поэтому, что утрата работы является для человека ударом, тяжесть которого совершенно не выражается в экономических измерениях — так же, как ограбление и изнасилование не измеряется стоимостью утраченных часов и сережек. Превратившись в безработного, человек испытывает религиозный страх — будь он хоть трижды атеист. Христианский завет вошел в наше подсознание с культурой, и слово *тунеядец* наполнено глубоким смыслом. Очевидно, что этого не поправить и пособиями по безработице: пособие облегчает экономическое положение, но статус отверженного не только не отменяет, а скорее подчеркивает. В Англии в 30-е годы знаменитый ученый сэр Джулиан Хаксли предложил, чтобы сократить рождаемость

в среде рабочих, обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей, а нарушителей изолировать от жен «в трудовом лагере».

В России, даже когда она в конце XIX века разъедалась западным капитализмом, сохранялось христианское отношение к безработице. Многие крупные предприниматели (особенно из старообрядцев), даже разоряясь, не шли на увольнение работников — продавали свои имения и дома. Те, кто переводили свои отношения с рабочими на чисто рыночную (западную) основу, подвергались моральному осуждению. Сильный отклик имели статьи Льва Толстого, его отвращение к тем, кто в голодные годы «не дает работы, чтобы она подешевела».

Наблюдательный человек должен был бы подметить странную вещь в рассуждениях о безработице, которые начались с 1987 г. Речь шла о новом, неизвестном для нас явлении. Казалось бы, логично пригласить в печать, на радио и телевидение знатоков вопроса — зарубежных специалистов, профсоюзных деятелей, самих безработных. Мол, поделитесь опытом, расскажите, как и что. Вспомните: за все годы — ни одного такого случая не было. Не пришло нашему умному руководству в голову? Нет, это была сознательная установка.

Фальсификация знаний о реальности в случае фундаментальных проблем бытия особо безнравственна. В случае проблемы безработицы это проявляется очень наглядно. Дело в том, что безработица как социальное явление является источником массовых страданий людей. Тот, кто выдвигает или поддерживает предложение перейти от реально достигнутой полной занятости к узаконенной безработице, прекрасно знает, что результатом его предложения будут страдания, причиненные большему или меньшему числу сограждан. Такого рода предложения, какими бы экономическими или технологическими соображениями они ни обосновывались, прежде всего создают проблему нравственную. Эта проблема должна быть явно изложена, а выбор того или иного решения поддержан также нравственными (а не экономическими или технологическими) доводами.

И речь в данном случае идет не об абстракции, не о «слезинке ребенка». В середине 1990 г. в журнале Академии наук СССР «Социологические исследования» (это даже еще не ельцинская РФ) печатались статьи с заголовками такого рода: «Оптимальный уровень безработицы в СССР» (А. А. Давыдов — СОЦИС, 1990, № 12). *Оптимальный!* Наилучший! Что же считает «оптимальным» для нашего народа социолог из Академии наук? Вот его идеал, полученный с использованием тензорной методологии, золотого сечения, ряда Фибоначчи и прочей ахинеи: «Оп-

тимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который в свою очередь должен открыть дорогу к подъему и процветанию» (процветание, по мнению автора, должно было наступить в 1993 г.).

Поскольку статья написана в середине 1990 г. и речь идет об СССР с его 150 млн. трудоспособных людей, то, переходя от относительных 13% к абсолютному числу личностей, мы получаем, что «наименее болезненным» наш гуманитарий считает выкинуть со шлюпки 20 млн. человек. Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство моральной деградации нашей гуманитарной интеллигенции. В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской. Очевидно, что безработица — социальная болезнь, ибо приносит страдания людям. Можно ли представить себе врача, который в стране, где полностью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рассеять палочки Коха и довести заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 млн. человек?

Ведь автор той статьи нигде не сделал даже такой оговорки: на нас, дескать, в связи с рыночными реформами накатывает неминуемая беда; я, как узкий специалист, не берусь обсуждать реформу, я лишь говорю о том, что при всех наших усилиях мы не сможем сократить число потерпевших несчастье сограждан ниже 20 млн.; чтобы оно не было выше, надо сделать то-то и то-то. Нет, социолог благожелательно ссылается на Милтона Фридмана (подчеркивая, что он — Нобелевский лауреат), который выдвинул теорию «естественного» уровня безработицы: «При снижении уровня безработицы ниже естественного инфляция начинает расти, что пагубно отражается на состоянии экономики. Отсюда делается вывод о необходимости поддержания безработицы на естественном уровне, который определяется в 6%». Шесть процентов — это для США, а нам поклонник Милтона Фридмана с помощью золотого сечения вычислил 13%, которые, хоть кровь из носу, «необходимо поддерживать».

Мы говорили о масштабах страданий, которые нам предполагали организовать политики с целой ратью своих экономистов и гуманитариев. А какого рода эти страдания, какова их интенсивность? Социолог их прекрасно знает, они регулярно изучаются Всемирной организацией труда, сводка печатается ежегодно. Он сам бесстрастно приводит в своей статье. В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств на 4,1%, заключенных на 4%, пациентов психиатрических больниц на 3,5%.

Кстати, «теория» Фридмана — это чистая идеология. Расчеты крупнейшего экономиста нашего века Кейнса показывают,

что безработица, «омертвление рабочих рук» — разрушительное для экономики в целом явление, оно лишь маскируется непригодными с точки зрения общества показателями (прибыль *отдельных предприятий*). Массовую безработицу надо ликвидировать самыми радикальными средствами, идя ради этого на крупный дефицит госбюджета. Оживление трудовых ресурсов при этом многократно окупает затраты. Да и сегодня в США рост безработицы на один процент увеличивает дефицит госбюджета на 25 млрд. долл.

В связи с безработицей уже не только антисоветские идеологи, но и широкие круги нашей образованной интеллигенции впали в некогерентность, граничащую с шизофренией. Редко сейчас встретишь гуманитарный журнал, где бы не поминался моральный императив Канта: «поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой». Ссылаясь на эту максиму, я уже давно (с начала 60-х годов) спрашивал, когда мог, интеллигента, ратующего за безработицу: «Ты сам хочешь стать безработным?» Ни разу я положительного ответа не услышал. Самые совестливые (а это были мои приятели по лаборатории) отвечали уклончиво, примерно так: «Я бы и не против ради общего блага, но ты же знаешь, у нас сейчас научно-техническая революция, а я научный работник; так что никак у меня стать безработным не получится, ты уж извини. Безработица — это для рабочих, ну, избыточных колхозников». Тут, как нам теперь известно, маленько промахнулись наши либеральные интеллигенты — сами стали жертвой очень примитивной манипуляции сознанием. Сантехники нужны даже в колонии, а вот научные работники — только в державном государстве, которое они разрушали.

Кстати, вовсе не только о нравственности и логичности идет речь. Наши антисоветские демократы отрицали то, что в мире давно воспринимается именно как фундаментальное право человека. Даже в Уставе ООН, принятом в 1945 г., была поставлена задача достижения полной занятости. Во Всеобщей декларации прав человека сказано, что «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы».

Конституция РФ 1993 г. устранила *право на труд*, заменив его «правом на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены». Иными словами, право на труд заменено правом на определенные условия труда. Вместо права на труд введено право гораздо более низкого уровня — на *защиту от безработицы*. К тому же это право ничем не обеспечено и остается пустой декларацией. Но само его включение в Конституцию означает признание отказа от принципа полной занятости.

Советский строй и трудовая мотивация. Одним из важных обвинений советскому строю, которое зародилось в среде интеллигенции, было снижение трудовой мотивации и даже «утрата трудовой этики». Имелось в виду, что наличие слишком широких социальных гарантий лишило работников отрицательных стимулов к хорошему труду (страха), а слишком уравнительное распределение доходов свело на нет и положительные стимулы. В результате якобы возник особый, нигде в мире не виданный тип работника — нерадивого, ленивого и нахального.

Эта теоретическая конструкция обросла множеством пикантных деталей, колоритных образов, анекдотов. Ее воспринимали легко и охотно сами же работники самых разных сфер, тем более что в этой концепции фигура интеллигента-паразита была одной из самых колоритных: сказки о ленивых и никчемных сотрудниках НИИ заполняли 16-ю страницу «Литературной газеты». Многие люди, как водится, считали лентяем соседа, а не себя лично, а другие получали прекрасное оправдание для своей личной нерадивости («система такая — при другой системе я бы трудился ого-го!»).

Вся эта мифология «ленивого совка» подводила в конечном счете к идее благотворности частного предпринимательства («хозяин не позволил бы»). Для контраста создавался светлый миф о Западе, где хозяева сумели так организовать труд, что работники показывают чудеса ответственности, интенсивности и ловкости — при хорошем настроении в ожидании точно отмеренной зарплаты «по труду».

Разделим всю эту многослойную проблему на части и рассмотрим по отдельности вопросы разного плана. Прежде всего, вопрос фундаментальный, не зависящий от мотивации — трудовой потенциал людей, сама их способность выполнять ту или иную работу. Здесь антисоветская концепция содержит принципиальную ошибку. Советская индустриализация превратила крестьян во вполне годных для фабрики рабочих несравненно быстрее, бережнее и эффективнее, чем западная (это мнение западных социологов).

Тут можно даже говорить о «русском чуде». Одна из ошибок гитлеровских стратегов как раз и состояла в том, что они посчитали невозможным, чтобы СССР за столь короткий срок подготовил десятки миллионов работников, перепрыгнувших «из царства приблизительности в мир точности». Западу для этого понадобилось триста лет. Конечно, трудовое поведение советских людей отличалось от западных. У нас еще не сложился в полной мере «человек фабричный», десятки поколений работавший в искусственном пространстве и времени фабрики.

Советский рабочий еще нес в себе физиологическую память о временных ритмах крестьянского труда. Для него была характерна цикличность работы, смена периодов вялости или даже безделья и периодов крайне интенсивного вдохновенного труда типа страды («штурмовщина»). Слава богу, что психофизиологи труда в СССР вовремя поняли это и порекомендовали не ломать людей ради «синхронности». Сейчас, наверное, новые менеджеры сломают.

Задача, которую решил советский строй, была вовсе не тривиальной. Для ее решения была создана большая и сложная социокультурная система, включающая единую общеобразовательную школу, непрерывное внешкольное образование, уклад предприятия, систему ценностей и тип распределения жизненных благ.

Вопреки тому, во что поверили наши социал-дарвинисты, именно «уверенность в завтрашнем дне», вместо западного «страха за завтрашний день», позволила в СССР очень быстро сформировать спокойного работника, способного выполнять сложную работу. И этот принцип взят сегодня на вооружение во всех незападных быстро развивающихся странах — там, где культура не ориентирует человека на крайний индивидуализм в «войне всех против всех». Помимо хрестоматийного примера Японии, можно назвать Южную Корею, где самым важным стимулирующим фактором считается стабильность рабочего места — гарантии против увольнения.

Ставя нам в пример США с их культом конкуренции, наши антисоветчики исходили из самого тупого эпигонства. Роль советского уклада мы лучше поймем, если взглянем на нынешнюю систему, которую строили буквально как отрицание советской. Сегодня, несмотря на кнут безработицы и угрозу голодной смерти, в целом идет *«деиндустриализация человека»*, огромный откат в архаику. Конечно, при разрушении производственных массивных структур отдельный предприниматель может набрать рабочих для своей фирмы, но это, в общем, мардерство. В масштабах всего народа утрата квалификации и культуры труда колоссальна. Можно утверждать как гипотезу, но вполне надежную, что если бы в 30 — 70-е годы советские заводы были отданы в управление западным менеджерам с установлением их социальных отношений, они управились бы хуже, чем советские управленцы. Был бы примерно тот же откат, что сегодня (а то и больше).

Теперь о том, как реализовался потенциал работников в СССР и на Западе в зависимости от системы оплаты (и шире — стимулирования). Мы знаем, что в 70—80-е годы в СССР действительно наблюдался кризис прежней системы, так что суще-

ствовала проблема ее совершенствования. Причины, в общем, были известны: произошла урбанизация и одновременно смена поколения и его культурных стереотипов. Старая система трудовой мотивации и стимулирования труда резко потеряла действенность. Это было недомогание общества, которое надо было лечить, и оно было бы вылечено. В тех отраслях, где для этого были ресурсы, оно нормально лечилось. Но антисоветские идеологи трактовали это недомогание (пусть даже болезнь), через которое периодически проходят все промышленные страны, как признак смерти системы советской. И стали уповать, как мы теперь видим, на примитивное, даже архаическое решение (частный хозяин и кнут угрозы голода).

Укажу на очевидную вещь: те, кто считали этот кризис неким существенным качеством именно советского строя, или утратили историческую память, или совершали сознательный подлог. Честный критик должен был бы сначала зафиксировать тот факт, что именно в СССР те же люди прекрасно работали — война была этому экзаменом не идеологическим, а абсолютным. Иными словами, абсолютизация частной инициативы как организатора хорошего труда — грубая ошибка.

Антисоветское сознание равнодушно и скорее всего искренне нечувствительно к важному явлению Нового времени, которое именно в СССР и произошло. Оно называется «стахановское движение», и к нему были одинаково нечувствительны и официальный истмат, и *антиистмат*. Истмат писал о «коммунистическом энтузиазме», его двойник-антипод на Западе — о «фанатизме». А речь шла о переносе в индустриальную среду аграрного «литургического» отношения к труду, с преодолением субъект-объектного отношения работника к материалу.

Отсюда — так называемый «гениальный глаз», который был обычным явлением у средневековых ремесленников, но исчез на капиталистической фабрике. Отсюда — эффективность движений работника, которая далеко превышала обычную. Психологи труда ввели даже метафору, согласно которой советские работники «вбирали энергию из окружающей среды».

В детстве я прочел, а потом уже не мог найти записки одного из шахтеров, которых обучал Стаханов. Он просто и образно описал суть, она мне и тогда показалась важной. Стаханов научился видеть центры напряженности в пласте угля — в них и бил отбойным молотком. Он говорил, что «пласт должен сам выбрасывать уголь», почти как взрывом. И учил этому шахтеров. И это было, у всех по-своему, массовым явлением, что и показала война. Из всего, что приходилось слышать от антисоветчиков, было видно, что это им глубоко чуждо, что ему противен рабочий «дядя Вася», который был именно на это спосо-

бен, начал пить при Брежневе, а теперь мрачно тянет ляжку у «новых русских». Новая система не придушит, как Брежнев, а искоренит этот потенциал. Похоже, что она его ничем и не восполнит — не имеет сходной силы.

Сегодня у новых «менеджеров» стоит тот же вопрос — как заставить работать нерадивого «дядю Васю». И приходится слышать, что адекватным для него стимулом является создание для него смертельных угроз — голода и выселения из квартиры. Но опыт показывает, что этот метод негоден вообще, а для «дяди Васи» — в особенности.

Что он негоден вообще, независимо от общественного строя, говорит большая американская литература. В промышленной социологии Запада есть понятие *рестрикционизм* — сознательное ограничение рабочими своей выработки. Еще в конце XIX века Ф.Тейлор писал, что крайне трудно найти рабочего, который не затратил бы значительное время на изобретение способов замедлить работу — сохранив при этом вид, будто трудится в полную меру. Более того, эти способы осваиваются группами рабочих. Один из американских социологов писал в 1981 г.: «Расщепление атома — детская игра в сравнении с проблемой раскола и манипулирования крепко спаянной группой рабочих».

Кстати, такую «работу с прохладцей» только недавно стали называть уклончиво — рестрикционизм. А Тейлор называл это попросту — саботаж. Так что и рачительный хозяин-капиталист бывает бессилён. Вот что сказано в обзоре по этой проблеме: «Феномен рестрикционизма распространён во всех индустриальных странах и существует без малого 200—250 лет. Никаких надежных средств борьбы с «социальной коррозией производства» не придумано... Суть «работы с прохладцей» в том, что рабочие физически могут, но психологически не хотят выполнять производственное задание, тем не менее делая вид, что трудятся изо всех сил. В этой работе, по видимости, и заключается суть дела. Тейлор, наблюдая поведение своих товарищей-рабочих, писал о том, что в мастерской все были в сговоре относительно нормы выработки: «Я думаю, что мы ограничивали эту норму одной третью того, что мы свободно могли бы производить». Причём открыто никто не приостанавливал работу. Напротив, в присутствии администрации все делали вид, что усиленно трудятся. Но стоило надзирателю покинуть помещение, как рабочие тут же прекращали свою деятельность» (А. И. Кравченко. «Мир наизнанку»: методология превращенной формы. — СОЦИС, 1990, № 12).

Тейлор считал, что рестрикционизм — один из методов борьбы рабочих за свои интересы. М. Вебер также видел в этом явлении

сознательную установку, продукт коллективной самоорганизации, используемый для давления на администрацию («негативное участие в управлении»). Иллюзии эффективности стимулирования рабочих угрозой — продукт раннего, «манчестерского» капитализма, они давно в современном производстве изжиты.

В начале XX века Тейлор разработал приемы «научного менеджмента» — разделения производственного задания на простейшие операции, которые легко нормируются. Какое-то время это давало отдачу — ему, как пишут, удавалось заставить повышать выработку даже старых и ленивых рабочих. Потом эта система с прогрессивно-премиальным типом оплаты стала буксовать, ее использовали для интенсификации труда рабочих-иммигрантов, боящихся протестовать.

Начались разработки других систем стимулирования, и с тех пор сменилось уже несколько поколений их. В 90-е годы в США случилась новая волна ухудшения трудовой мотивации, и проблема эта вовсе не так проста, как ее представил антисоветский миф. Кстати, один из наших крупных организаторов промышленности (В. Кабаидзе) мне рассказывал, что в конце 80-х годов он был в США в родственной фирме и спрашивал директора, как они заставляют хорошо работать своего «дядю Джима». И «их» директор изложил ему приемы абсолютно те же самые, что применял и советский директор. «Прорабатывать, прорабатывать и прорабатывать!» Увольнять бесполезно.

Видный американский социолог в области труда и управления Ф.Херцберг (на мой взгляд, исключительно умный и глубокий человек) писал в 1989 г. о системах стимулирования: «Все побудительные факторы такого рода, будучи применены, быстро теряют свою эффективность. Появляется необходимость поиска все новых и новых средств идеологической стимуляции. Последняя служила мощным орудием побуждения к труду в Советской России после Октябрьской революции и сохраняла свою действенность до конца 40-х годов. Однако с тех пор идеологические стимуляторы в значительной мере обесценились, поскольку наступило неизбежное «насыщение» и привыкание к ним. Сегодня уже необходимо искать новые формы вознаграждения за труд, такие как, например, система бонусов. Правда, и они со временем потеряют свою эффективность, как это произошло в США в 70—80-е годы, когда Японии и другим странам Тихоокеанской дуги удалось превзойти Америку по показателю выработки на одного работника» (Ф. Херцберг, М. У. Майнер. Побуждения к труду и производственная мотивация. — СОЦИС, 1990, № 1).

В антисоветском мышлении уже с 60-х годов стало созревать отношение к трудящимся как «иждивенцам и паразитам» — чу-

довишный выверт тупого элитарного сознания. И уже тогда возникла идея так переменить общественный строй, чтобы «наказать» этих люмпенов и паразитов. Чем же их можно было наказать? Безработицей, а значит, голодом и страхом. В открытую об этом стали говорить во время перестройки. Вот рассуждения близкого тогда к Горбачеву экономиста Н. Шмелева: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракоделством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» (Н. Шмелев. Авансы и долги. — «Новый мир», 1987, № 6).

Итак, вот идеал трудовых отношений в уме «демократа»: для рабочего — «опасность потерять работу или быть обязанным трудиться там, куда пошлют».

Под давлением пропаганды множество людей поверили, что советская система органически не может организовать людей на хорошую работу. Это неправда, советские рабочие были именно высокомотивированными и ориентированными на повышение содержательности работы и на технический прогресс. Это лучше всего показывают сравнительные международные исследования.

С 1971 по 1979 г. велось большое международное исследование «Автоматизация и промышленные рабочие», в котором участвовали 15 стран — 6 социалистических, включая СССР, и 9 — капиталистических, включая США, Англию, ФРГ, Францию, Италию. Координатором был Европейский центр координации исследований и документации в области социальных наук (Вена). Исследование велось по единой для всех методике, результаты обрабатывались в одном центре и рассылались всем участникам. Материал получен огромный, но для нашей темы наибольший интерес представляют те сведения, которые характеризуют советского рабочего и уклад советского предприятия в процессе технического перевооружения (автоматизации) — в сравнении с аналогами в условиях Запада. Они приведены в книге В. В. Кривневича «Социальные последствия автоматизации» (М.: Наука, 1985).

Прежде всего, советские рабочие активно поддерживали технический прогресс, он у них не вызывал никаких опасений. 99% опрошенных советских рабочих ответили, что «внедрение

нового оборудования на их предприятия принесло улучшения и в целом было положительным». В капиталистических странах положительно оценивали этот процесс 54,8% опрошенных, а довольно многие заявили, что внедрение нового оборудования ухудшило положение рабочих на их предприятия (30% в Англии, 20% в США). В целом в социалистических странах 69% рабочих ответили, что будут «активно поддерживать» автоматизацию, а в капиталистических — 37%.

Таблица 17. Доля рабочих на неавтоматизированных (НА) и автоматизированных (А) участках, имеющих среднее образование (70-е годы)

Страна	Среднее неполное		Среднее полное	
	НА	А	НА	А
ЧССР	17,5	21,7	3,3	3,3
ПНР	89,8	86,6	8,3	12,4
СССР	35,4	29,4	39,2	52,7
Соц. в среднем	47,5	45,9	16,9	22,8
Англия	28,9	42,0	1,1	2,3
Италия	36,6	23,7	8,9	5,3
США	74,3	68,6	16,2	14,6
Кап. в среднем	46,6	44,7	8,7	7,0

Резко различались бытующие на предприятиях представления об оптимальном образовательном уровне рабочих автоматизированных участков (они в книге обозначены как А-участки, в отличие от неавтоматизированных НА-участков). В отчете сказано: «США считают, что техническое образование не нужно не только рабочим НА-производств, но и рабочим А-производств. По данным экспертов СССР, только 18% рабочих А-участков могут обойтись без технического образования, 70% рабочих необходимо профессионально-техническое образование в объеме ПТУ и 12% рабочих требуется специальное среднее техническое образование».

В разных социальных системах различается как реальный общеобразовательный уровень рабочих, так и мнение экспертов о необходимом уровне. Советские рабочие в этом отношении выделяются даже среди социалистических стран — большинство их имели в 70-е годы среднее образование (неполным средним считается образование уровня 5—9 классов).

При этом в СССР считалось, что образовательный уровень

рабочих А-производств должен быть *повышен*, а в США считали, что он у них *избыточен*.

Исследователи отмечают расхождение между объективными измерениями факторов труда и субъективными оценками рабочих: «Рабочие социалистических стран, как правило, несколько завышают уровень физических усилий, затрачиваемых в процессе работы, тогда как рабочие несоциалистических стран, напротив, склонны этот уровень занижать. В отношении умственных нагрузок позиции полярно меняются: рабочие социалистических стран считают, что эти нагрузки недостаточны; их коллеги из несоциалистических стран считают этот уровень чрезмерным». Иными словами, рабочие с высоким образовательным уровнем желают работы более содержательной и требующей умственных усилий. Такие рабочие могут быть более требовательными и неудовлетворенными, нежели менее образованные, но это вовсе не значит, что низка их мотивация. Напротив, их неудовлетворенность представляет из себя огромный потенциал для развития.

Третья группа выводов связана с тем, как влияет автоматизация на трудовые нагрузки. Здесь выявились резкие различия между двумя социальными системами. Общий вывод такой: «В соцстранах общая физическая напряженность труда на А-участках уменьшилась существенно (на 7,3%). В несоциалистических странах физическая напряженность труда в целом на А-участках даже несколько повысилась (на 5,6%)».

Самый большой вес в нагрузках имеют те, которые связаны с неудобной рабочей позой. Результат таков: «Если в социалистических странах эти нагрузки практически не изменились, а в СССР заметно уменьшились, то в странах несоциалистических нагрузки, связанные с рабочими позами, существенно возросли, особенно в ФРГ (на 46,1%), США (на 41,9%) и т.д... Самыми большими эти нагрузки оказались у рабочих Англии (46,6 балла)... самыми низкими в СССР (28,7 балла)».

С учетом нервных нагрузок исследователи определяли «общую напряженность труда». Вывод таков: «Различия, имеющиеся между двумя группами стран, вновь подтверждают вывод о более благоприятных последствиях автоматизации для рабочих социалистических стран. Общая напряженность труда рабочих А-производств в социалистических странах уменьшилась в среднем почти на 21%. В наибольшей степени она снизилась в СССР (на 61%) и в ГДР (на 38,9%). В группе несоциалистических стран напряженность труда на А-участках в среднем даже возросла (на 6,3%), а в ФРГ — даже на 201,6%».

Примечательно расхождение объективных оценок комфортности условий труда с субъективными оценками самих рабо-

чих: «Так, в ГДР комфортность труда, по оценкам экспертов, ниже средней по 14 странам на 14,0%, а по оценкам рабочих, она выше средней на 18,7%. Следовательно, рабочие ГДР «переоценивают» комфортность своих условий труда на 32,7 процентных пункта. В СССР комфортность производственной среды выше средней для А-участков на 27,6%, а рабочие оценили ее выше на 40,4%. Следовательно, и рабочие в СССР в среднем более высоко оценивают свои условия труда, нежели рабочие других стран». Из этого следует, что рабочие стали склоняться к антисоветскому повороту вовсе не вследствие тенденции к объективному ухудшению их положения на производстве, а в результате культурного кризиса советского общества и под влиянием интенсивной идеологической обработки.

Представляя советский тип трудовых отношений как подрывающий мотивацию трудящихся, нам уже десять лет демонстрируют ту альтернативу, которой соблазняли. Надо же подвести итог. То, что мы видим сегодня на сложно организованном производстве, именно в сфере мотивации есть чудовишный регресс по сравнению с советским обществом даже 70—80-х годов. Например, во многих больницах идет деградация всей трудовой системы, утрата персоналом чувства ответственности, что приводит к большому излишку смертей. В промышленности наблюдается то же самое, только выражается в материальных потерях. Технологическая дисциплина и качество труда ухудшились чудовишно. В массе рабочих квалификация упала. Мы не стали делать «Мерседесов», но «ВАЗ-2105» сегодня сделан гораздо хуже, чем в 1983 г. (я испытал это на собственной шкуре). При том что люди реально ощущают угрозы — дальше некуда.

Каковы же тенденции? В совокупности они именно неблагоприятны. Во многих отраслях промышленности начался вал системных отказов. Предприятия убеждаются, порой с удивлением, что не могут выполнить работы, которые десять лет назад были для них тривиальными. Иногда завод получает выгодный зарубежный заказ — и не может выполнить. Чаще всего из-за утраты кадрового потенциала — и разработчиков, и инженеров, и рабочих. Тому есть свидетельства и документальные, и беседы с директорами. И это — именно «неумолимые» тенденции, причем никаких усилий их переломить не делается. Есть усилия лишь по созданию анклавов модернизированного производства. Но совокупность этих анклавов такова, что страна на них выжить не может.

Конечно, состояние всей системы трудовой мотивации и стимулирования труда в промышленном производстве в СССР было еще неустойчивым. Происходила быстрая урбанизация, ломался привычный образ жизни, шкала культурных норм и

общественного контроля. Люди, недавно начавшие осваивать городской образ жизни, находились в состоянии стресса — изменялись их потребности и в то же время было велико наследие нашей бедности и неустроенности. В городе они переживаются иначе, чем в родной деревенской избе.

Дефекты нашей «бедности и отсталости» переташили в сегодня не от низкой морали Чубайса. Они нам были «даны», и никакой частной собственностью их не устранишь. Часть из них объективна, часть инерционна. Мы же здесь говорим о том факте, что, переташив в сегодня эти дефекты, Чубайс сумел угробить все те механизмы, которые позволяли нам и при этих дефектах жить вполне прилично и при этом в хорошем темпе преодолевать дефекты и улучшать жизнь. За десять лет мы могли убедиться, что это факт и что он тоже не зависит от морали Чубайса. Тот же процесс шел при Примакове, идет при Касьянове и будет идти дальше на всей траектории антисоветского проекта. И намного лучше быть не может — хоть замени Наздратенко на Черепкова. Потому что, как показал самый скрупулезный анализ потока ресурсов, «капитализм вовсе не мог бы существовать без служливой помощи чужого труда». А этой служливой помощи мы не имеем и иметь не будем. У нас была возможность улучшать, по мере сил, «КамАЗ» с бетонным насосом. Этот путь нам закрыли. А вот заменить «КамАЗ» на «Мерседес» с хорошим насосом, оказывается, можно, только заморозив отопление в Приморье. Пока что в Приморье, но, в принципе, далее почти везде. При этом забывают важный факт: отопление выключают при том, что производство в Приморье уже парализовано на две трети. А через три-четыре года все прогнозируют коллапс «Газпрома». Был шанс укрепить его базу из нефтедолларов 2000 г., но не дали ничего.

Сегодня с массы людей срывают цивилизационную надстройку, выросшую за советский период, — идет быстрая архаизация сознания и общественных укладов. Люди спиваются, эксплуатируют женщин и детей. Это признаки превращения России в большую трушобу, северную фавелу. У людей фавелы другой язык, другая мораль и другая рациональность. Вернуть их в общество — особая большая проблема, которой мы не знаем. Конечно, не Чубайс этот процесс начал, но советская школа и советский завод держали его под контролем. Болезнь можно было лечить, а можно резко усилить и воспользоваться состоянием больного. Сейчас, думаю, ясно, что даже при улучшении дел в «обществе» фавела в него автоматически не вернется. Будет нужна большая и творческая работа по реабилитации. И наверняка с элементами жестокости, в которой потом будущие горбачевы обвинят будущих сталиных.

Выводы: чего добились антисоветские идеологи.

1. Советское жизнеустройство сложилось под воздействием конкретных природных и исторических обстоятельств. Исходя из этих обстоятельств поколения, создавшие советский строй, определили главный критерий выбора — *сокращение страданий*. На этом пути советский строй добился признанных всем миром успехов, в СССР были устранены главные источники массовых страданий и страхов — бедность, безработица, бездомность, голод, преступное, политическое и межнациональное насилие, а также массовая гибель в войне с более сильным противником. Ради этого были понесены большие жертвы, но уже с 60-х годов возникло стабильное и нарастающее благополучие.

Альтернативным критерием выбора жизнеустройства было *увеличение наслаждений*. Советское жизнеустройство создавали поколения, перенесшие тяжелые испытания: ускоренную индустриализацию, войну и восстановление. Их опытом и определялся выбор. В ходе перестройки ее идеологи убедили политически активную часть общества изменить главный критерий выбора жизнеустройства — пойти по пути увеличения наслаждений и пренебречь опасностью массовых страданий. Речь идет о фундаментальном изменении, которое не сводится к смене политического, государственного и социального устройства (хотя неизбежно выражается и в них).

Прямо указанный выбор антисоветскими идеологами никогда не формулировался, а попытки сформулировать его в понятной для людей форме пресекались руководством КПСС, которое и определяло доступ к трибуне. Однако связанные с этим выбором утверждения были весьма прозрачными. Так, требование произвести массивный переток средств из тяжелой промышленности в легкую приобрело характер не хозяйственного решения, а принципиального политического выбора. Ведущий идеолог перестройки А. Н. Яковлев заявил: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления. Решение этой проблемы может быть только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень».

Оговорку, будто «экономика давно уже вышла на необходимый уровень», никто при этом не проверял и не обсуждал, она была сразу же отброшена — речь шла только о *тектоническом сдвиге*. Сразу же, еще через механизм планирования, было проведено резкое сокращение инвестиций в тяжелую промышленность и энергетику (Энергетическая программа, выводившая СССР на уровень надежного обеспечения энергией, была пре-

крашена). Еще более красноречива была идеологическая кампания, направленная на свертывание оборонной промышленности, созданной в СССР именно исходя из принципа сокращения страданий.

Это изменение критерия жизнеустройства противоречило исторической памяти народов СССР и тем непреодолимым ограничениям, которые накладывали географическая и геополитическая реальность, доступность ресурсов и уровень развития страны. Согласиться на такое изменение значило отвергнуть голос здравого смысла.

2. Как пример успешного продвижения по пути увеличения наслаждений идеологи перестройки дали советским людям Запад, представленный светлым мифом. Активная часть населения приняла этот пример за образец, оценив собственное жизнеустройство как недостойное (*«так жить нельзя!»*). Действуя на чувства и воображение людей, идеологи растравили старые раны и обиды, воззвали к мщению и сведению счетов — поставили мирную уже страну на грань гражданской войны (а кое-где подтолкнули перейти эту грань).

Воздействие на массовое сознание было столь эффективным, что образ Запада к концу 80-х годов стал на короткое время поистине вождельным, что было немислимо еще за пять лет до этого. Такая массовая зависть к идеализированному образу «чужого дома» с отрицанием своего дома — признак разрыва со здравым смыслом. При ее внедрении в политическую практику она неизбежно должна была повести к национальной катастрофе.

3. Для перехода к жизнеустройству, направленному на увеличение наслаждений, требовалось глубокое изменение в культуре. Поскольку стремление к наслаждениям, связанным с потреблением, не имеет предела, то с новым критерием жизнеустройства оказывались несовместимы два главных устоя нашей культуры — *нестяжательство* и *солидарность*. Ведь ресурсы всегда ограничены, и за них приходится конкурировать. Следовательно, «сильные» в обществе потребления должны со спокойной совестью топтать ближних, иначе придется делиться. Поэтому с самого начала перестройки была развернута идеологическая кампания по изменению антропологической модели, по внедрению в массовое сознание нового представления о человеке и его правах. Нового не только для СССР, но и для дореволюционной России, культура которой отвергла социал-дарвинизм.

Начиная с 1987 г. в СССР была начата и быстро нарастала кампания по внедрению в массовое сознание жесткого и зачастую вульгарного социал-дарвинизма и даже мальтузианства. Разрушение «культурного ядра» путем внедрения мальтузиан-

ских представлений о человеке привело к расщеплению сознания людей. Новая антропологическая модель, воспринятая на уровне идеологии, вошла в противоречие с глубинными уравнительными идеалами, которые не удалось искоренить (см. рис. 21).

4. Посредством дестабилизации сознания и увлечения людей большим политическим спектаклем удалось осуществить «толпообразование» населения СССР — временное превращение личностей и организованных коллективов в огромную, национального масштаба толпу или множество толп. В этом состоянии люди утратили присущее личности ответственное отношение к изменениям жизнеустройства, сопряженным со значительной неопределенностью и риском. Без дебатов, без сомнений, без прогноза выгод и потерь большинство населения согласилось

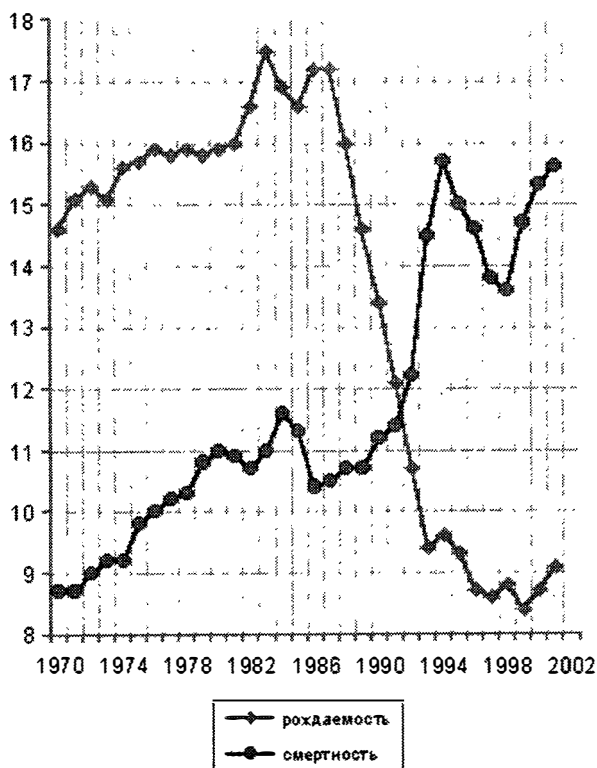

Рис. 21. Рождаемость и смертность в РСФСР и РФ (на 1 тыс. населения)

на революцию, когда в ней не было никакой социальной необходимости, — на революцию в благополучном обществе. Это несовместимо со здравым смыслом.

Обычные люди, не вовлеченные в толпу, обладают здоровым консерватизмом, вытекающим из исторического опыта и способности предвидеть нежелательные последствия изменений. Эти свойства гнездятся в подсознании и действуют автоматически, на уровне интуиции. Этот подсознательный контроль был в СССР устранен из общественного сознания в ходе перестройки.

5. За время перестройки в сознание советских людей вошло много прекрасных, но расплывчатых образов — *демократия, гражданское общество, правовое государство* и т.д. Никто из политиков, которые клялись в своей приверженности этим добрым идолам, не излагали сути понятия. Принять язык противника — значит незаметно для себя стать его пленником. Даже если ты понимаешь слова иначе, чем собеседник, ты в его руках, так как не владеешь стоящим за словом смыслом, часто многозначным и даже тайным. Это — заведомый проигрыш в любом споре.

Положение советского человека оказалось еще тяжелее — перейдя на язык неопределимых понятий, он утратил возможность общения и диалога со «своими» и даже с самим собой. Логика оказалась разорванной, и даже сравнительно простую проблему человек стал не в состоянии сформулировать и додумать до конца. Мышление огромных масс людей и представляющих их интересы политиков стало некогерентным, люди не могут связать концы с концами и выработать объединяющий их проект — ни проект сопротивления, ни проект выхода из кризиса. Они не могут даже ясно выразить, чего они хотят.

Приняв вместо ясно усвоенных житейских понятий понятия-идолы, идеологические фантомы, смысл которых не был определен, добрая сотня народов СССР оказалась в руках политических проходимцев. Поддерживая или отвергая предлагаемые им проекты, предопределяющие их собственную судьбу и судьбу их детей и внуков, миллионы людей следовали за блуждающими огнями фантазий.

6. Идеологическая машина перестройки произвела большую работу по разрушению коллективной исторической памяти советского общества. Были очернены, осмеяны, перемешаны символы-вехи национальной истории. Затем был создан хаос в системе мер, оценок и даже временной последовательности событий, образующих историческую картину. Была подорвана способность общества вырабатывать коллективную память даже самых недавних событий — по прошествии всего нескольких ме-

сяцев они вытеснялись, стирались из памяти. Общество в целом и каждый человек в отдельности потеряли возможность анализировать прошлое и использовать его уроки для того, чтобы определять свою позицию в конфликтах настоящего.

Глава 5

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ: ДАЛЕКОВАТО ОТ МОСКВЫ

Хорошо строить дом. Каждое усилие как будто приобретает смысл. Разум не то чтобы отключается, а переходит в другое измерение. Да и люди вокруг становятся иными — или просто ты их видишь иначе.

Дом я начал строить давно, еще при советских ценах. Благодаря реформе я пребуду в состоянии строительства, видимо, весь отпущенный мне на земле срок. Разочарования оседлой жизни в готовом доме мне, похоже, переживать не придется — не успею достроить.

Каждый год непохож на предыдущий. Время приобрело какой-то неизвестный философам вид. Оно и не следует солнечным циклам, как у крестьян, и не устремлено вперед, в никуда, как у горожан. Экономический базис, говорят, предопределяет надстройку. Видно, еще больше он влияет на постройку — время меряешь ценами. «В те времена, когда обрезная доска была по 50 тысяч за кубометр...» Впрочем, и сами деньги, образ которых стал таким зыбким, мозг давно уже автоматически стал пересчитывать в доски. Наш деревянный рубль — как мне понятны эти слова! Получая где-то гонорар, я не пытаюсь представить себе его ценность в численной мере, но в мыслях хорошо вижу, сколько на него можно купить досок. Прямо ощущаю их вес, запах, занозы в руках.

Строиться втянул меня мой начальник, человек большого оптимизма. Дело было на излете перестройки, уже начали распродавать тайком земли деревень, но еще не пустили на распыл поля и луга. Бензин еще был дешев, так что купили мы участки в далекой деревеньке, около речки. Приехали мы в пустую долинку, а теперь там добрая сотня домов.

Возник странный мир — никто достроиться не может, даже очень богатенькие. Всех захватило это чувство неустойчивости, и людей вроде бы даже пугает сама мысль, что придется остановиться. Что придется вступить в определенную жизнь и уже

нести ответственность — за дом и за жизнь. А пока что мы все как будто в походе, идем каким-то обозом. Людей вокруг мелькает много, но они еще вокруг тебя не застыли, как в дачных поселках. И любопытные же видишь вещи.

Когда закачалась наша жизнь, все вокруг стало выглядеть по-новому. И солнце ярче, и трава зеленее, и звуки чище. Сегодня прямо кожей ощущаешь свою смертность, и каждый день — как подарок. Вглядываешься в людей и удивляешься, как же раньше мало видел. Все-таки большой смысл есть в тех встрясках, которые судьба насылает на страну. Хотя, скорее, встряски вроде нынешней — следствие, а наша прежняя тупость — причина. Вернее, не наша, а моя и мне подобных.

Я не владею словом писателя, лучше мне не пытаться лепить образы, через которые просвечивала бы какая-то художественная правда. Долгая служба в науке научила даже свои собственные чувства использовать как инструмент, глядеть на себя со стороны и «отбирать» впечатления, которые могут быть полезны для познания.

Здесь я и привожу кое-какие свои впечатления о людях, которых вижу вокруг. Впечатления несильные, потому что слишком яркие использовать как материал для познания опасно. Прибор надежен, когда стрелка посередине шкалы.

Так вот, наша тихая в прошлом деревня. Понаехали многие на иномарках, заложили дома огромные, с фантазиями. Звучали слова «коттедж», «под ключ», но смысл их был туманный. Сейчас, залезая на чердак, я гляжу на все эти «коттеджи» и каждый раз поражаюсь. Все сильнее проступает их настоящая сущность. Это же просто огромные избы! И весь этот поселок «коттеджей», сбоку которого должна была бы потеряться усохшая деревня, стал просто ее продолжением. Он послушно следует за деревней, повторяя все ее черты.

* * *

Те робкие предприниматели, которые еще по зову Горбачева начали зарабатывать деньги, хоть что-то создавая, особого интереса не представляют. Злодейство их — какого-то невысокого полета, и веселья большого в них нет. Из моего института было нас сначала четверо застройщиков, и на нас сделал свой первый бизнес добрый малый Дима. Наверное, он стал и одним из первых предпринимателей в масштабе района. Торжественно покинул он свою скромную службу техника в коммунальном хозяйстве, чтобы «целиком заняться нашим строительством». Мы вчетвером взяли его на зарплату плюс развозы на такси

(«очень много хлопот»). Считалось, что нам очень повезло, тем более что Дима гордо сказал магические слова «под ключ».

Но ведь даже багдадский вор совсем иначе понимал свои желания, чем джинн, который их выполнял. Когда цены подскочили так много раз, что я бросил всякие попытки уследить за сметой и забыл исходные расчеты, возник сруб (вернее, конструкция из бруса). Тогда-то и открылся истинный смысл этих слов — «под ключ». Это означало, что в срубе выпилили, слегка наискось, проем, чудом забили в него дверь, уже где-то честно послужившую нескольким поколениям советских людей, на дверь повесили замок, а мне вручили ключ.

Я был счастлив. Тот, кто залезал в сруб своего дома, знает это чувство. Еще по инерции казалось, что денег на дальнейшее строительство можно заработать. Я помчался читать лекции доверчивым испанским студентам, научившись и песеты пересчитывать в доски.

На дворе уже всюду орудовала демократия, ходили страшные слухи о том, как мафиози ставят своим должникам на живот утюг, включают какой-то «счетчик». На проспекте Калинина просил подаяние толстяк в расстегнутой рубашке, и на его огромном животе вздулся след от утюга. Подавали ему неплохо, но таким толстяком еще надо родиться.

Меня он заинтересовал потому, что мой подрядчик Дима заявил, что я его неправильно понял, и те деньги, что я ему принес, — это только за материалы, а за работу надо еще столько же. А рабочим, как известно, в демократической России надо платить вовремя. Денег у меня уже не было, и я живо представил себе, как мне на живот шлепается утюг.

Вернее, деньги-то у меня были, но в Испании. Там платят с задержкой, так что деньги за прошлый курс как раз должны были подойти, и их было тютелька в тютельку. Так что я собрался с духом, встретился с Димой в полутьме моего сруба и признался: отдать смогу только через месяц, как съезжу с новыми лекциями в Испанию. Он помрачнел, потом подобрел и сказал:

— Из уважения к вам заплачу своими деньгами. Но это вам обойдется в тысячу долларов сверху.

Тут помрачнел я, но напугать Диму мне было нечем. Все же я выторговал себе скидку за то, что сам буду обивать стены досками. Так что следующее лето я был занят приятной, полезной работой. К сожалению, насчет договоренности о скидке Дима начисто забыл. И по глазам видно было, что никак не вспомнит.

Кстати, то лето я работал, как говорится, плечом к плечу с плотниками, которым Дима должен был заплатить день в день

прошлой осенью — своими кровными из-за моей задержки. Он и через полгода им еще не заплатил — ни своими, ни моими.

Плотники эти были хорошие люди, старательные, всему пытались научиться. Мой дом был, похоже, их первым опытом. Главный у них был до этого заведомом культуры в РК КПСС. Он был художник, имел образование, очень любил вырубать топором деревянные фигуры. Потому и попал в райком — украсил такими фигурами райкомовскую баню, и областное начальство было очаровано. Второй, самый веселый, был до этого таксистом. Но в связи с демократией такси как общественный институт в России существовать перестало — трудящимся не по карману, Диме такси не нужно, он уже ездил на белой «Волге». Подался таксист в плотники и не унывал. Третий вернулся с Севера, был рыбаком. Море и водка сделали его философом, он все время о чем-то думал и говорил с глубоким и неясным смыслом. Стоило ему спуститься в подвал, как оттуда доносился его печальный вздох:

— Да, мы — дети подземелья. Дети подземелья...

Мы толкались вместе в этом срубе, они делали полы и врезали окна, я обивал стены досками, и меня удивляло, что все мы, с таким разным опытом, говорим на одном языке. У нас был один и тот же набор метафор, символов, недомолвок. У кого шире, у кого уже — но барьеров не было. Наша прежняя школа и прежняя жизнь вырастили нас одним народом. Я и раньше это вроде бы знал, когда бывал и на целине, и в колхозе, и на заводе. Но не думал об этом, пока порядком не пожил на Западе.

В общем, сделали эти новые пролетарии свою работу на совесть, как умели. Правда, в одной стене брус почему-то со временем вогнулся внутрь и получилась пугающая впадина. Вот уже пятый год, как я пытаюсь понять, каким образом эта стена держится вопреки всем школьным законам физики — ведь проекция ее центра тяжести явно не попадает в площадь опоры. Теперь, впрочем, ничего не видно, я все обшил досками. А потом мы с приятелями создали успокоительную теорию «слабых взаимодействий». Множество маленьких гвоздиков держат стену, как ниточки держали Гулливера. Никуда не денется.

И еще раз пришлось пережить сильные эмоции из-за неопытности моих строителей. Подъезжаем мы с женой осенью к дому и глазам не верим. Смотрю и не понимаю: крыши нет. Жена ахнула:

— Украли!

Нелепая мысль, а ничего другого на ум не пришло. Это был год всеобщей веры во всемогущество мафии — почему же не

предположить, что унесла она наш драгоценный алюминий. Однако все оказалось более прозаично. Прибывали таксист да рыбак этот мягкий алюминий, а никаких шайбочек под гвозди не подкладывали. Дунул ветер и снял полкрыши на глазах у изумленных соседей. Хорошо, что унес листы в поле, никому из соседей голову не отрубило.

Но все это было после. А пока что я был счастлив тому, как мужики сделали свое дело. И пол под ногами, и окна есть, и крыша. Так что устроил я новоселье, поблагодарил их, и все мы были довольны. Как наш вечер кончился, я помню смутно. Куда-то мы плыли, как по волнам, в высокой траве, на их «уазике», через болота, пересекая по-партизански какие-то шоссе. В какой-то деревне под утро ели у бабки борщ. Но очнулся я в своем новом доме, с ощущением счастья.

Кстати, работая все лето и осваивая соотношение кубометров и рублей, я не мог отделаться от тревожного ощущения, что всех этих кубометров завез Дима мало. Очень мало. Вдвое меньше, чем выходило по его округленной устной смете. Считал я, считал, поделился сомнениями с плотниками. Да, так и выходило. Какая неприятность. Тем более что за работу платить столько же, сколько за материал. Что делать, подкараулил я Диму и, стараясь смягчить оскорбительный для него смысл, протянул листок с крупно написанными цифрами.

— Дима, во всем доме и около него имеется вот сколько бруса, досок, стекла и прочего.

— Ну и что?

— Как что! Это же вдвое меньше того, что я заплатил.

Дима доверительно взял меня за пуговицу, вздохнул и признался:

— Сергей Георгиевич! Не хотелось вам говорить. Ведь не только все ваши деньги ушли, я еще и своих уйму добавил. Дай, думаю, получше дом поставлю хорошему человеку. Вы уж только жене моей не проговоритесь. Она мечтала в отпуск куда-нибудь поехать в Турцию или в Испанию, да уж не придется.

Стыдно мне стало моей жадности. А тут еще Дима меня совсем доконал:

— Но я попрошу вам еще досок подвезти, мне приятель с базы должен. Я вас очень уважаю.

Больше я Диму не видел. Но его слово про доски оказалось крепким. Как-то ночью подъехал к дому огромный трейлер-холодильник, запахнулись его дверцы, и какие-то люди, ни слова не говоря, под холодным дождем начали выкидывать к моим ногам доски. Высохнуть они до лета так и не смогли и покрылись красивой чернотой. Я из них сделал потолок.

Когда на моем участке возникла деревянная конструкция под крышей, я время от времени стал приставать к моему подрядчику:

— Дима, надо, наверное, оформить дом?

— Как это?

— Ну, бумагу какую-то мне получить, что это дом мой.

— Зачем бумагу?

— Как же — собственность... Священная...

— Ну и владейте. А бумагу-то зачем?

— Откуда же видно, что дом мой? Придет какой-нибудь тип и скажет: «Это моя дача».

— Да вы что, Сергей Георгиевич? Кому такое придет в голову? Все же тут знают, что это ваш дом.

— Так-то оно так, но я думаю, какие-то документы бывают.

— Не знаю, не знаю, зачем вам это. Я, конечно, могу сходить в управление, там у меня все знакомые. Но ведь, Сергей Георгиевич, если дом поставят на учет, вам придется платить налоги. Зачем вам это? Живите лучше, как люди.

Этот аргумент меня отрезвил. Спросил я кое-кого из «людей». Они к затее отнеслись неодобрительно и привели массу разумных доводов.

— Какие документы, ты что? Для этого ты целую комиссию должен привезти, угостить. Есть же какие-то приличия. Куда ты ее привезешь? Ты же сам по доске в дом залезаешь. Не дури.

И стал я жить, как люди. Только в одном пошел наперекор народу — в оплате электричества.

Свет мне провели удивительно быстро, прямо в сруб. Взял с меня Дима деньги («на столбы и проводку»), и — готово. Только книжечку на оплату он мне никак не отдавал, все забывал дома. Когда Дима исчез, я забеспокоился — долг растет, пени. Стал ездить в управление, там копались в каких-то книгах, отсылали в другие кабинеты, успокаивали. Так прошло два года.

На третий год большая совесть заставила меня бросить все дела и идти до последнего — отстоять мое гражданское право заплатить за свет (тем более что это были какие-то копейки). Я сказал, что потерял книжку, и потребовал выписать новую. Против этой обычной просьбы доводов в управлении не нашлось, и они быстро выяснили, что никакой книжки на меня никогда выписано не было.

— Так вы самовольно подключились к линии! С вас штраф два миллиона рублей!

На это я ответил, что разумную сумму я бы еще заплатил, а за два миллиона буду вопить как бешеный. Это сочли резонным

и указали мне путь к тому, чтобы узаконить мое энергопотребление, — в районное отделение «Мосэнерго».

Поехал я туда. Это акционерное общество, похоже, процветало. Бывший барак, в котором размещалась контора, был покрашен и обнесен решеткой. Я подъехал на стоянку рядом со скромной иномаркой, из которой вылезал какой-то иностранный военный в картузе, как у де Голля. Судя по галунам, генерал. Ничего себе, думаю. Может, на водохранилище какую-нибудь совместную с НАТО летнюю военную школу открыли? Сейчас ничему удивляться не приходится.

Закрыв машину, иду к проходной. На ней новенький плакат: «Предъявите пропуск в развернутом виде». Но советского человека этим не напугаешь. Открываю дверь в проходную — мать честная! На вахте стоит французский генерал! Рука на никелированном турникете. Как адмирал на мостике.

— Вы куда?

Подчиняясь какому-то внутреннему голосу, я выпалил:

— Я насчет электричества.

— Проходите.

Слава богу, угадал я пароль в «Мосэнерго». Вхожу в бывший советский барак — снова удар. Стены обложены мрамором. Как его прилепили к корявым кирпичам? Да, повышение платы за электричество пошло энергетике впрок. В коридоре сидит перед компьютером добродушная девица, разбирает на столе какие-то семена. Указала мне кабинет. Там уже попроще, прогресс еще не докатился. Обычные милые женщины нормально пьют чай. Начинаю, как меня учили:

— Строю дом в деревне. Хочу провести свет.

— Пожалуйста. Вот образец заявки. Заплатите за столбы и проводку — и на здоровье.

— А у меня столб есть прямо перед домом.

— Да? Покажите на плане, где ваш дом. Здесь? Да здесь же нет никаких столбов, мы этот край деревни еще не электрифицировали. Мы к вам пошлем техника, он проверит.

Я перепугался. Может, я выдал какой-то секрет? Помчался советоваться. Не шутка — домов двадцать уже три года пользуются всеми благами РАО ЕЭС, а мне говорят, что столбов нет. Спрашиваю у соседей — никто ничего не знает. Наконец один, из местных, мне говорит:

— Тебя спросят, кто ставил столбы. А ты скажи: Клямкин.

— А кто это Клямкин?

— Неважно. Больше ничего не говори. Да они и не спросят больше ничего.

Так и получилось. Иду к себе — на участке стоит машина. Техник. Посмотрел на столбы, на провода. Зашел в дом. Там

счетчик, пломба, все в порядке. Не сказал ни слова, сел в машину и уехал.

Приезжаю я снова в управление, меня отсылают к начальнику. Тот спрашивает:

— Кто ставил столбы?

— Клямкин.

Больше ни о чем не говорили, заполнил я заявку, оплатил столбы и проводку, живу с чистой совестью плательщика.

А другой улице не повезло. Там столбы признали незаконными, заставили собрать деньги и вкопали рядышком новые. Только перевесили провода — какая-то новая комиссия. Оказывается, и эти столбы — незаконные. Снова прибыла техника, и вкопали рядом по третьему столбу. А говорят еще, что в России падает производство столбов.

* * *

Мой ближайший сосед, который наезжал только в картофельную страду, поставил на меже вагончик — где-то раздобыл по случаю. Дверью ко мне на участок. Однажды в вагончике завелись люди — бригада строителей, которая этот вагончик арендовала, оплатив натурой, взявшись недорого поставить домик хозяину. Поскольку эти строители выпрыгивали из вагончика на мою землю и прямо перед моей дверью, они на все лето плотно вошли в мою жизнь. Причем вошли без надрыва, незаметно, но необратимо.

Все они съехались издалека, собрались по зову своего атамана Саши — из-под Винницы, из Мордовии и Таджикистана. Не тащить же с собой инструменты, и они быстро освоили мой арсенал. Уже через неделю стали обычными такие сцены. Поедаю я бесшумно свой обед обедневшего аристократа, вдруг дверь распахивается:

— Дядя Сережа, дайте маленький рубанок.

— Гена, я не знаю, куда он девался, давно его не вижу.

— Не беспокойтесь, я знаю, он наверху.

Лезет наверх и уходит с рубанком. Молодая память, позавидуешь. Помнит, куда положил.

Выйдешь на участок — навстречу Саша с огромным кочаном капусты и свеклой. Готовится варить борщ.

— Дядя Сережа, замечательная у вас капуста. Как вы хорошо огород устроили, я прямо люблюсь.

Разве не приятно иметь под боком таких людей? Никто ведь мой огород никогда не хвалил.

Саша этот был таджик, но давно кочевал по Центральной России, всю жизнь был строителем. Теперь осел в Мордовии.

Уходя с очередного места, оставлял очередной жене квартиру или дом. Он рассказывал мне о своих сложных семейных отношениях, но уловить нить я не мог — объем моей памяти был мал. Особо мучила его проблема — бить или не бить детей новой жены, если они делают что-то неподобающее. Ведь не бить — это значит как бы не признавать за своего.

Саша был настоящий предприниматель периода первоначального накопления. Правда, каждый год он терял накопленное — или оставлял накопленное покидаемой жене, или нарывался на какое-нибудь несчастье. То машину на дороге отнимут, то дом сожгут. Но это — особенности его личности, а как социальный тип он все делал правильно. Не по Гайдари. Источником его наживы была огромная энергия, знание своего дела и зверская эксплуатация нанятых им рабочих. Брал он с заказчиков очень дешево, делал хорошо и был вне конкуренции.

В бригаде его было три парня, как на подбор: сильные, веселые и красивые. Ростислав и Коля-художник с Украины; Гена, только что демобилизованный из Воздушно-десантных войск, из Мордовии. И еще был приехавший из пекла, из Таджикистана, Христа ради, зять Саши. Он называл свое таджикское имя, но никто запомнить его не мог и звали его тоже Коля.

Сам Саша вел все дела с заказчиками и поставщиками, руководил работой и варил еду. Видимо, мыслил он в форме диалога и нуждался в доверительном слушателе. Поэтому настойчиво посвящал меня в свои финансовые дела и планы. Строго предупреждая, что его рабочие ничего знать не должны, — получают свою фиксированную оплату, остальное их не касается. Они меня и не спрашивали.

По моим понятиям, получали они долю ничтожную, акулы дикого капитализма XVIII века локти бы кусали, узнав о том, какую Саша вышибал прибавочную стоимость. Но совершенно необъяснимым образом это ни Гену, ни Ростика с художником нисколько не заботило. Они с рассвета до темноты работали, возвращаясь в вагончик, еле волоча ноги. Изредка веселились, от души и добродушно.

Когда я наблюдал за ними, в моем уме рушились все привычные представления о конфликте труда и капитала. Они все прекрасно понимали, все были люди развитые и довольно образованные (художник даже с высшим образованием) — и никакой классовой ненависти. Иногда казалось, что Сашу они воспринимают как увечного ребенка, которого родителям приходится терпеть.

Один только раз при мне возник «социальный» конфликт со скрытой угрозой, но ни в какие марксистские формулы он не вписывался. Редко-редко Саша позволял ребятам глоток водки

или пива. Из приличия звали и меня, из приличия я шел. В эти-то моменты и натягивались струны (возможно, умный Саша специально меня затягивал, как охлаждающий стержень в реактор). В тот раз, разлив борщ, Саша не утерпел и похвастался:

— Вот как я вас кормлю. Посмотрите, дядя Сережа, какой борщ. И окорочка, и сало. Пройдите по другим бригадам, где вы такое увидите?

По мне, так безобидная похвальба, но чего-то я не понимал. Ростик положил ложку и каким-то необычным голосом сказал:

— Ты уже второй раз говоришь, что хорошо нас кормишь. Это — последний раз.

И Саша как будто испугался. Почему? Мой друг, испанский историк, сказал мне потом, что у батраков-поденщиков в Андалусии бывали раньше стычки с хозяином, даже кровавые, — но не из-за оплаты или условий труда, а именно когда хозяин начинал хвастать тем, что кормит своих батраков лучше, чем другие хозяева. Значит, и в наших людях возрождаются классовые инстинкты — но батрака, а не пролетария? Проскочили мы целый этап в нашем откате к «светлому прошлому» — или вообще откат пошел не по тому пути?

Со своей бригадой Саша был нарочито суров. Требовал соблюдать технику безопасности, угрожал:

— Соцстраха у нас нет. Проткнешь ногу гвоздем или прорежешь руку пилой — бери билет и уезжай. Бюллетень тебе никто не оплатит.

Сам он поздней осенью поскользнулся на высокой крыше и упал с высоты десять метров. Сверху на него рухнул Ростик и сломал ему тазобедренный сустав. Следом прилетел лист железа, который был у Ростика в руках, и рассек Саше плечо. Так что он до весны пролежал в гипсе. Но это я узнал лишь на будущий год, когда он заехал повидаться.

В своем деле Саша был настоящим мастером и от всей души старался научить других всему, что знал сам. Успехами своих рабочих гордился больше, чем своей ловкостью предпринимателя. Он признавал, что они уже могли работать сами, но им противно было вести дела с клиентами и считать деньги. Тут нужна была иная хватка.

Стали они делать дом красивой и сложной архитектуры новому застройщику — снабженцу того завода, что содержал футбольную команду. Прибыли дорогие материалы, начали дело споро. Вдруг — остановка. Оказался клиент на мели, поставки прекратились. Саша помрачнел — борщ ребята едят как обычно, зарплата им тоже идет независимо от работы. Ребята, наоборот, повеселели. Утром на речку, потом растянутся у меня

на солнечном месте. Смех, философские беседы, Коля-художник даже просил меня купить ему в Москве краски, хотел писать пейзаж. Тут уж антагонизм интересов труда и капитала выявился наглядно.

— Две недели прошло, Саша мне говорит:

— Все, Григорьич. Иду объявлять, что включаю счетчик.

Смысл этого выражения я понимал туманно, но выразил со-
мнение:

— Разве уже пора?

— Да, две недели. Больше не могу, я уже почти разорился.

Помылся, приделался и пошел. Я думал, ерунда какая-то, обычный скандал. Но нет, видно, клиент нарушил какие-то незыблемые законы. На переговоры собрались все уважаемые люди нашей деревни — упрашивать Сашу «выключить счетчик». Само собой, наш банкир Петр — рассудительный арбитр. Поговаривали, что собирался приехать сам Иоффе, директор завода, хозяин дома, в который ни разу не наведася. Но, возможно, тшеславный Саша насчет Иоффе преувеличил. В общем, счетчик выключили на неделю.

Отсрочка неожиданным образом ударила по мне, хотя я и не жалею. Саша уговорил меня сделать террасу. Я бы и не стал, собирался сам соорудить крыльцо из остатков материала, но он соблазнил, замыслил красивую, необычную конструкцию, да и просил дешево. Понимал, что нельзя людям бездельничать. Работали весело. Я не верил, что получится, что улягутся в одну плоскость такие сложные стропила, — ведь все проектировал Саша на палочках. Вышло прекрасно, у всех поднялось настроение.

Только под конец, когда они крыли крышу, вышла у них стычка с Алексеичем, стариком-жестянщиком. Шел он мимо и, слышу, начал ругаться, все больше распаяясь. Саша молчал, потом стал огрызаться. Я выхожу, он уже весь красный как рак. Оказывается, неправильно кроют. Успокоить Алексеича было невозможно. Вот уже третий год, а он, проходя мимо, каждый раз начинает ругаться и жаловаться:

— Я говорю таджику: «Ты неправильно режешь». Он промолчал, думаю, понял. Я и пошел дальше. А он коварно разрезал все железо.

— Да что уж теперь. Дело сделано.

— Нет, не сделано. Я жду, когда сгниет твоя крыша, — все равно меня позовешь перекрывать.

— Доживем ли мы с вами?

— Доживем, доживем. Она быстро сгниет.

На ту неделю, что строили террасу, я превратился в клиента, и мой статус резко изменился. Я упал куда-то вбок. Еще вчера

эти люди были на моем участке гости, а меня звали уважительно «дядя Сережа» (Коля-таджик даже почтительно называл меня просто «дядя»). Теперь обращение было полупрезрительным — «Григорьич», на «ты». Когда кончилась их работа, вернуться к «дяде Сереже» было как-то уже неловко, и я вдруг стал «Сергей Георгиевич». Значит, прекрасно знали они мое отчество.

Иногда по вечерам они пели песни — русские и украинские. Коля-таджик не улавливал ни слов, ни мелодии, но его так переполняли чувства, что он начинал не то что подпевать, а подвывать, все более и более страстно. Странное это создавало ощущение. У меня в это время гостил знакомый философ из Германии. Он мечтал познакомиться с Россией, учил русский язык — я и привез его в деревню. Он подружился с этой бригадой, надел телогрейку, сидел с ними у костра, выслушивал их откровения, наблюдал за их отношениями и уехал, полностью перестав что-либо понимать. Он только твердил под конец:

— Это — свободные люди. У вас выросли свободные люди.

Я с ним был согласен, хотя и не уверен, что понимал его. Он был философ-экзистенциалист, разве разберешь, что они понимают под свободой.

Когда немец уезжал, Саша решил устроить ему прощальный ужин на речке. Видимо, и ребятам требовалась разрядка. Всего накупил для шашлыка по-таджикски, водки — обильно и не самой дешевой. Пришли земляки из Мордовии, еще одна бригада, с хорошим гитаристом. Коля-таджик танцевал. Красивая река, осенний лес, красивые люди, резкие силуэты на фоне темнеющего неба. Немца все это потрясло. Он все время пытался мне объяснить:

— Ты посмотри, как они стоят, какие позы.

Мы и вправду этого не замечаем, разве мы думаем об осанке. А ведь на Западе так люди не стоят, там другая красота. Там осанка выражает предупредительность — и отгороженность, независимость. А уж если человек встал в гордую позу, то в ней вызов, а то и скрытая агрессия. А тогда я взглянул на наших мужиков глазами немца и сам удивился: стоят гордо и в то же время не вызывающе, открыто, доверчиво.

Зажигая костер для шашлыка, Саша мимоходом бросил:

— Да будет огонь, как сказал Прометей.

Немец опять дернул меня за рукав:

— Поверь, Сергей, в Германии не найдется ни одного рабочего-строителя, который вдруг сказал бы такую фразу.

При этом он явно не имел в виду турок, говорил о немцах.

Сложнее всего было утрясти понятие свободы, наблюдая за Колей-таджиком.

Приехал он откуда-то из-под Курган-Тюбе, из самого пекла, с выбитым глазом и поврежденным лицом. Трясся от холода, и я дал ему шинель и мою старую телогрейку. После него она навсегда пропахла запахом горя и бедности. А ведь он в своем городке принадлежал к элите, был фельдшером «Скорой помощи». Теперь он превратился в какое-то двойное существо. Однажды он собрался в город — кажется, звонить домой. Надел костюм, в котором приехал, галстук. Вышел из вагончика другой человек, его было не узнать — интеллигентный, элегантный, уверенный в себе.

В Коле жила глубокая, животная тоска по советскому строю. Я встречал ее и в других таджиках из «горячих» мест. Стоило ему выпить, он встревал в любой разговор и без всякой с ним связи сообщал:

— А у нас старики говорят, что через семь лет Советский Союз восстановится.

О проблеме свободы в связи с Колей я вспомнил потому, что в нем явно созрело неосознанное желание стать рабом. В простом, буквальном смысле слова — при том, что духовно он был человеком именно свободным и даже несгибаемым. Мы по инерции еще этого не понимаем, верим в исторический прогресс, хотя рабство в конце XX века становится общемировой реальностью. У нас наготове отговорка — то Бразилия, Филиппины, а мы же просвещенная страна, поголовно с высшим образованием. На деле-то оказывается, что никаких препятствий к тому, чтобы принять рабство, ни высшее образование, ни просвещение не создают. Но о философии грядущего рабства надо говорить отдельно. Я скажу конкретно о Коле-таджике.

Его сознание сузилось на одной мысли — прокормить пятерых детей, которых он оставил дома. На «Скорой помощи» он получал зарплату 16 нынешних рублей — на пять буханок хлеба в месяц. Вот и пришлось ему найти шурина и попроситься к нему в бригаду. Но это было не фундаментальное решение вопроса. Видно было, что инстинктивно он готов к тому, чтобы продать себя именно в рабство. Если бы нашелся человек, который сказал ему: «Будешь моей собственностью, а я обязуюсь кормить тебя и твою семью», — он бы, думаю, согласился. Да, пожалуй, и русских таких уже немало. К радости нашей демократической интеллигенции. Она велела нам выдавливать раба по капле — а вливала лоханками.

Делать Коля ничего не умел, да и был очень шуплым. Никто

в бригаде его не попрекал, кроме Саши (платил-то он). Но дело было не в попреках или прочих мелочах, это была проблема бытия. В Коле проснулась роль раба — он страстно желал услужить всем. Услужить бескорыстно, бесплатно, исходя из сути своего положения, а не по принципу «ты мне — я тебе». Это далеко выходило за рамки и благодарности, и дружеского расположения.

Такое поведение для нас вещь необычная и, я бы сказал, труднопереносимая. Идешь, тащишь на плече лестницу. Тут же откуда-то вылетает Коля, кланяется и начинает у тебя эту лестницу с плеча срывать — он отнесет. Распиливаешь на станке доску — подбегает с умоляющим глазом, позвольте помочь. Сразу доску перекосит, пилу заклинит, ремень у станка рвется. Сядешь наточить ножовку — он тут как тут. Прощай, ножовка, ее будет трудно исправить. Отказать ему было нельзя, видно было, что в нем что-то происходит, он не в себе.

Когда стало подмораживать, Коля совсем загрустил. С чем он уедет домой? Как-то разрешил вечером Саша выпить, завели в вагончике песни, а Коля пришел ко мне.

— Как жить, дядя? — Слезы ручьем из пустой глазницы.

— О чем же вы думали, когда русских гнали и советскую власть свергали?

— Да разве это мы? Это же все из Москвы шло.

— Теперь терпеть надо, быстро не выправить. Видите — собака воет, а терпит.

Это брошенная кем-то собака, чуя холода, пыталась с воем пролезть через шель ко мне на террасу. Надеялась, что если окажется за дверью террасы, то и в дом рано или поздно я ее пушу.

— То собака. А мы все-таки люди, а не собаки.

— А это, Коля, еще не факт.

Сорвались у меня с языка эти злые слова. Но ведь мы сами уничтожили благополучие и справедливость нашей жизни. Конечно, жалко наших людей, по мере сил надо поделиться телогрейкой и капустой. Но обманывать не хочется, даже совсем уж невинную собаку. От всей души желаю, однако, чтобы отлились слезы из выбитого глаза этого таджика тем, кто обманывал его и ему подобных.

Но я отклонился. Вопрос-то о рабстве и свободе. В одной пьесе про Эзопа финал — это гимн свободе. Обвиненный в краже Эзоп, накануне получивший вольную, может спасти свою жизнь, объявив себя рабом. Но он не желает. Он кричит: «Где тут ваша пропасть для свободных людей!» Посмотрев на Колю, я подумал, что Эзоп так расшумелся потому, что в нем еще бу-

шевала душа раба. И эта гражданская свобода была для него высшей ценностью.

Коля-таджик всю жизнь прожил свободным человеком — это в нем и увидел мой немец, привыкший к гражданскому обществу Запада, к свободе Эзопа. И как свободный в душе человек, Коля ощущает на себе груз ответственности, какой не имеет раб. Он отвечает и за детей, которых родил, не ведая о грядущей демократии. Отвечает за своих стариков, за свой поселок, за Советский Союз, который должен возродиться через семь лет. И чтобы поддержать всю эту жизнь, он готов пойти в рабство. Рабство — терпимое неудобство, небольшое по сравнению с его ответственностью. Это — попытка именно свободного человека, доведенного до крайности и не видящего выхода. Наверное, плохая попытка, но нам, не прошедшим через Курган-Тюбе, еще трудно о ней судить. Мы еще плачем обоими глазами.

* * *

В моем ряду участков, в ближнем окружении, поселились Сергей и Викторы — через одного. Ближайший Виктор редко появлялся — только картошку сажал, приезжал разок с семьей — колорадских жуков вылавливать, а в сентябре выкапывать — сокрушаясь каждый раз ничтожному урожаю. Все лето через заросли бурьяна, скрывавшего побеги картофеля, у меня был прямой контакт взглядом и голосом с Сергеем Викторовичем, известным как Серега.

Могу себе представить, как нелегко было жить в русской общине. Стоит выйти на двор и встретиться взглядом с соседом — и ты втягиваешься в его проблемы, начинаешь переживать его беды. А он втягивается в твои, что тоже не всегда желательно. Но такова наша жизнь, «других соседей у меня нет». Отклонить взгляд — это уже недружественный акт. А поставить высокий забор — почти объявление войны. Заборы созревают постепенно.

Серега в разговоре не излагал связного текста, за нитью его мысли следить было нелегко, сведения он давал внешне противоречивые, как-то по-особому диалектические. Так что образ его все пять лет, что я его знаю, непрерывно дополняется. Жена его была швеей, потом стала предпринимательницей (он предупредил, что она не любит, когда ее называют портнихой). Наладила она пошив спортивной одежды. Поначалу дела шли хорошо, из этого построили они большой дом. Но когда я утвердился как сосед, уже начался упадок, а потом и кризис (из-за него она

и погибла, но об этом я говорить не буду). Она была талантливая, полная сил и жизни русская женщина.

Сергеа безвылазно сидел в деревне и был мрачен. Он работал в фирме жены — на своей машине развозил продукцию заказчикам. А как начались трудности, она его уволила.

— Представляешь, первого уволила. Говорит, надо со своих начинать. Ну ладно, уволила. А на завтра говорит: поезжай, развези заказы. Да на своей машине. Уволила, так нечего.

Социальный конфликт перерос в семейный.

Раньше Серега был футболистом, один завод содержал их команду, а он на заводе работал (из его туманных высказываний можно понять, что работал для виду). Теперь его мучал радикулит, но он все еще обладал необычной силой — хотя зачем футболисту сила? Может, это было умение собраться с силами.

Его всегда тянуло к людям, и его голос слышался из разных концов деревни. Этот голос обладал способностью пронизывать пространство, ничем не заглушаясь. Ничего из деревни не слышно, а его голос звучит как будто рядом. И интонация его такая, что, кажется, там назревает драка. Всегда полон страсти.

Сергеа всех знал и меня вводил в курс дела — там «композитор» живет (директор-распорядитель эстрадного театра), там «профессор». Махнул на дом моего начальника, который к тому времени был в Вене, занимал очень высокий пост в ООН:

— Там Димка живет. Сейчас его нет, за кордон завербовался.

Это было сказано с большим сочувствием. Мы, мол, тут с тобой на солнышке греемся, а Димка небось где-то вагонетку толкает. Завербовался.

Показал на большой дом по соседству:

— Бизнесом занимается. Этой весной обоср...ся.

— В каком смысле?

— В буквальном смысле.

— Как так? Взрослый человек?

— Да так. Все, говорит, кончаю строиться, нет денег.

В Сергее выразилась в преувеличенном виде вся противоречивость нынешнего русского человека. Он тяжело переживал, что «всю страну разворовали», поломали нормальную жизнь:

— На нашем заводе в приемной директора теперь ОМОН сидит — это как? Директор в цех выходит, а с ним телохранители — а?

Похоже, не приемлет Серега эти рыночные реформы. Но вот президентские выборы 1996 г. Как-то перед вторым туром копаюсь я понуро в огороде. Решил Серега, что я переживаю, захотел ободрить, кричит:

— Не робей, Григорыч! Не допустят, чтобы коммунисты власть

взяли. — И потом добавил, как о несуразной вещи: — А знаешь, деревенские-то все за Зюганова голосовали. Тут приходит ко мне Петрович, бульдозерист. Ты его знаешь, он часто ко мне ходит. Я, говорит, за Зюганова голосую и тебе советую. А я ему говорю: «Ты что, давно не плакал? Сейчас у меня заплачешь».

А после второго тура сообщил мне:

— Слышал, Петрович-то запил. Из-за Зюганова. Он ведь лечился, два года в рот не брал, а теперь запил. Сейчас все деревенские напились.

Через неделю, смотрю, снова бредет к нему Петрович, а голос Сереги снова стал звучать из разных углов деревни. Наверное, до следующих выборов.

* * *

На окраине города при молокозаводе свой магазин. Покупатели делятся на две очень разные категории. Пенсионеры и вообще те, кому каждый рубль дорог, приходят сюда издалека, с бидончиком и маленькой баночкой — потому что цены процентов на двадцать ниже, чем в обычных магазинах. А очень богатые приезжают издалека, с большими емкостями — потому что все очень свежее и замечательного качества. По пути, бывает, заезжаю и я — по обоим причинам.

Заехал я как раз на другой день после выборов Ельцина в 1996 г. В очереди одни пенсионеры, и обстановка очень напряженная. Администрация района ввела свой налог на продажи. Конечно, незаконно — не имеет она на это права. Но о праве никто у нас не думает, все были оскорблены тем, что цены повысили уже в понедельник — назавтра же после выборов. Слишком уж нагло, хоть бы недельку подождали.

Да и тяжело уже стало даваться всякое повышение цен. Тем более что в этот магазин люди приходят за два-три километра, и все до копейки рассчитано. Одна старуха даже заплакала — взвесили ей маленькую баночку сметаны, а заплатить не может. И продавщица на взводе, что-то ей неприятное сказала, обратно из чужой баночки не может она сметану отлить.

В очереди стояла целая семья «новых русских». Муж и жена в шелковых тренировочных костюмах, с ними мальчик лет четырех. И вся накопившаяся горечь расстроенных людей полилась на эту парочку. К ним никто, конечно, не обращался, но между собой говорили о них. Они, эти молодые и холеные люди с большими бидонами для сметаны, стали воплощением той силы, что посадила нам на шею Ельцина с Березовским, всю

шайку воров и бесстыжую администрацию, которая отбирает последние гроши.

Парочка стояла молча, у мужчины покраснела шея. А мальчик, который вначале весело скакал и щебетал, почувал неладное. Он понял, что люди в очереди настроены враждебно к его маме и папе и говорят про них что-то нехорошее. Он стал снизу вверх заглядывать, как затравленный зверек, в глаза старухам в очереди — то одной, то другой. Вид у него стал несчастный.

Это продолжалось совсем недолго. Люди в очереди как-то заметили, что происходит с мальчиком, и сразу их разговор переменялся. Все одновременно сменили тон, сделали усилие и спрятали свои чувства. Кто-то приветливо обратился к матери мальчика с каким-то вопросом, она охотно ответила. Мальчик понял, что он ошибся, что ему показалось. Все эти люди прекрасно относятся к его маме! И он снова весело запрыгал, стал шалить, успокоился. Заполнив сметаной и творогом свои емкости, семья отправилась к выходу. Перед самой дверью женщина повернулась и слегка, чуть заметно, поклонилась очереди. Мужчина вышел надутый, как индюк.

* * *

Застройщики, с которыми я общаюсь, добыли денег на дом в начале реформ. Они не то чтобы «новые русские», но около того. Другой тип — всякое начальство и бухгалтеры, но они держатся особняком. Номенклатура. У кандидатов в «новые русские» работа, видно, нервная. Отсюда потребление водки намного выше среднего по стране. Это создает для меня некоторые проблемы. Часто то с одного, то с другого участка зывают в темноте к моему соседу:

— Серега, свежи до городка.

— Не могу, я еще не вышел из состояния.

У меня при этом ноет сердце — придут. Жалко времени, а иногда и денег. Проклятая рыночная экономика! Магазины открыты 24 часа в сутки. Так и есть, под окном слышится необычно мягкий голос Сереги:

— Сережа! Сережа! Съездим в город, Виктору очень надо.

— Да я уже лег, Сергей. Чего Виктор сам не едет?

— Сам знаешь чего. А очень надо, Сережа. Ключ надо отдать, он ключ увез, а к нему мать приезжает, в дом не попадет. Поехали, а? Ты один трезвый в деревне.

Аргумент неотразимый. Едем. Для виду заворачиваем в какой-то двор «ключ отдать» и сразу — в магазин.

Если у людей нет денег, они проявляют чудеса дипломатич-

ности. Слышу — Сергей принес моей жене целый тазик клубники.

— Рита, возьмите клубники, у меня пропадает.

— Да что ты, Сергей, приедет Галя, варенье сварит.

— Нельзя ждать, ее лягушки съедят.

— Да разве лягушки едят клубнику?

— Что ты! Всю дорогу ее сосут. На, возьми, пусть Григорьич поест.

И только через день, никак не раньше, просит Серега взаймы двадцать рублей. Вернее, просит съездить и привезти бутылку.

Молодые более прямолинейны. Услышал Серегин зять (тоже, конечно, Сергей), что я позавидовал тем, у кого есть бензопила. Мне надо было выпилить наверху дверь, а ножовкой не очень-то. И через пару дней является ко мне с бензопилой, в сильном «состоянии».

— Сергей Георгиевич, где пилить?

— Не надо, Сергей, я передумал.

— Да что вы, это же один момент.

Дернул шнур, пила взревела, он начал размахивать ею у меня перед носом и требовать, чтобы я определил место двери. Здоровый, до пояса голый, волосы до плеч, на шее золотой крест болтается. Я бы сразу отдал ему его двадцать пять рублей, но нет, нельзя, их он попросил потом как бы невзначай, вне всякой связи с пилой. А пока я должен был натерпеться страху. Дав полный газ, он влез на стул, потерял равновесие и рухнул прямо в проем лестницы. Я его поймал, и это был один из самых мужественных поступков в моей жизни — пила ходила ходуном, и ее путь в воздухе был совершенно непредсказуем. Ну, думаю, сейчас чиркнет себе по бедренной артерии, и одним молодым демократом будет в России меньше.

Однако дверь он выпилил. Вообще он был добрый и бесшабашный парень, в душе артист. Как-то в воскресенье отключился свет. Видно, сломался трансформатор в будке на том конце деревни. Все притихли, сидят по домам, надеются выжить по одиночке. Идет ко мне этот зять:

— Подъедем к трансформатору?

— Не могу, машину начал красить, нельзя прерваться. Да брось, Сергей. Разве ты разбираешься в этом деле? Кто-нибудь починит.

Но он вошел в роль гражданина и тяжело вздохнул:

— Эх, Серега! Никому здесь ни до чего нет дела, кроме нас с тобой. Если не мы, никто и пальцем не пошевелит.

Помню, раньше это называлось «активная жизненная пози-

ция». И пошел, нашел себе все-таки напарника. Тот потом рассказывает:

— Ну, дела! Как Серега открыл будку и сунул голову, у него все волосы туда втянуло. Ну, зрелище!

Однако трансформатор он починил.

Но все же грустно смотреть, как пьет на своих недостроенных дачах эта наша новая элита. Как-то быстро она выдохлась. При этом все понимают, что дело неладно, пытаются оправдаться. Самый уважаемый здесь сосед — Петр. Он банкир, спонсор, спортивный меценат и прочее. У него теория: люди его круга испытывают стресс, и он вынужден раз в неделю приехать в свой нелепый дом и «отдохнуть». Если кто-то говорит об их выпивках, они очень обижаются. Серега мне пожаловался:

— Виктор Николаич-то, слышал? Внуки к нему приехали, он им говорит — с этим не водитесь, он алкоголик. Это он обо мне!

Заботливость Виктора Николаевича умиляет. Он чинно во-дил мимо моего участка прогуливать своего дога, больше я его и не знал. Как-то осенью смотрю — лежит он недалеко от моего дома в бурьяне без сознания, а рядом дог. Ну, думаю, с сердцем плохо. Подхожу — дог ощерил такие зубы, что мне осталось только отступить тихо-тихо, не делая резких движений. Никого уже на дачах нет, осень. Нашел одного соседа. Может, говорю, следовало бы пристрелить собаку? Человека спасти надо. А он смеется:

— Все образуется. Вы просто человек здесь еще новый, людей не знаете.

Пошел я к дому, смотрю — никого в бурьяне нет. А на закате Виктор Николаевич, как всегда чинно, повел своего дога гу-лять.

* * *

Дом мой из бруса, надо обивать его снаружи досками. Встал вопрос, проложить ли под доски толь, чтобы не продувало. В деревне работало несколько бригад строителей — и русские, и украинцы, и белорусы, и армяне. Обошел я их, посоветовался. Общее мнение было такое: рубероид подкладывать не надо, он влагу не пропускает и отсыреет. А пергамин — можно и даже нужно. Так я и сделал.

Участков за шесть от меня жил солидный человек, ходил не торопясь, с белой собакой бультерьером, штука редкая. В деревне он считался профессором. Как раз я прибил очередную полосу пергамина, идет профессор с собакой, на обычную свою

прогулку. Вдруг остановился напротив моего дома и строго говорит:

— Что это вы делаете?

— Обшиваю дом.

— Это я и сам вижу. Зачем подкладываете пергамин? Оторвите немедленно!

— Почему?

— Как вы не понимаете? Влага в холодное время будет конденсироваться.

— Да я спросил у рабочих, они сказали, что можно.

— У рабочих? Да вы что! Им же плевать на наши дома. Это же пролетарии. Пролетарий может только весь мир разрушить до основанья. А затем? А затем образуется плесень, ваш дом будет гнить.

Профессор разозлился не на шутку. Собака тоже злобно уставилась на меня своими свинными глазками. Я принял виноватый и подавленный вид. Помогло, оба смягчились, профессор даже изложил свою мысль доходчиво:

— Ведь это законы физики. Если вы наденете плащ из пластика, ведь вы вспотеете, не так ли?

— Да, вспотею.

— Ну вот видите. Так же и дом. Оторвите немедленно ваш пергамин.

Я засуетился, скрылся в доме — возможно, за кусачками. Когда выглянул, никого уже не было, и я быстро стал орудовать молотком, закрыл досками черную полосу. Впредь буду осматривательнее — зачем демонстративно вылезать со своим пергамином, когда нервный человек выходит на прогулку, да еще с бультерьером. Забора-то нет. Но назавтра, хотя я занимался чем-то безобидным в углу участка, профессор не остался на дороге, а вместе со своей свиноподобной собакой полез ко мне прямо через заросли полыни.

— Меня все время мучает вопрос, как же вам оторвать из-под досок те полосы, что вы уже прибили. Теперь это целая проблема. Ума не приложу. Просто не знаю. Может быть, если оторвать верхнюю доску, то каким-то крючком? Что-то вроде багра. Надо еще подумать. Не хочется много досок отрывать.

Я что-то промямлил насчет того, что не такая уж это ценность, дом, чтобы так из-за него переживать. Пусть потеет, лет на пятьдесят хватит. А может, и на будущий год сгорит. Вижу, профессор заподозрил скрытый вызов, и на его высоком лбу вздулась жила. У собаки тут же на загривке поднялась шерсть. Надо же, какое взаимопонимание. Я срочно пообещал, что то-

же буду думать, как выйти из положения, в которое я попал из-за доверия к пролетариату.

Как я ни берегся, профессор снова застал меня, когда я предавался пороку — прибывал последнюю полосу пергамента. Почему-то он пошел к речке в неурочное время. Посмотрел, прошел мимо. Больше со мной не здоровается.

* * *

Стал я копать колодец — не нанимать же людей по таким диким ценам. Вроде бы никаких секретов технология не содержит. Пригласил своего аспиранта помочь — куда ему деваться? Тем более он испанец, приехал изучать Россию, вот пусть и изучает. Наладили ворот, я копаю, он поднимает. Народ подходить глазеть, нет большего удовольствия, чем поглазеть на чужую работу, особенно тяжелую. Дать совет, указать на ошибки.

Углубился я уже далеко вниз, вода под ногами, грязь. Сапоги у меня кирзовые, им уже тридцать лет, швы разошлись. Заливает холодная вода. Кричу снизу соседу, он от моего колодца почти не отходил:

— Сергей, у тебя есть резиновые сапоги?

— Есть, тридцать девятый размер.

Надо же, думаю. Нога как у женщины, а еще футболист.

— Не годится, мне сорок четвертый.

Копаю дальше, настроение неважное. Подходит какой-то старик из деревни, мне неизвестный. Шел мимо, видит — народ глазеет. Присоединился, свесился вниз, переговаривается с Серегой. Конечно, считает, что копаю я неправильно. Слышу, Серега вдруг спрашивает старика:

— Погоди-ка, Алексеич! Ты в резиновых сапогах. Какой у тебя размер?

— Сорок четвертый.

— Как раз! Снимай сапоги, кинь ему вниз. Видишь, он в кирзовых, а там уже вода сочится.

Старик засопел, потом с преувеличенным сожалением говорит:

— Не подойдут ему мои сапоги. Тут на левом, видишь ли, дырка. Ее под грязью не видно, но дырка есть. Все равно будет заливать.

Серега хмыкнул, но отковыривать грязь не стал. Старик исчез. Когда я после работы вылез, мой испанец все еще не мог прийти в себя от изумления:

— Зачем этот старик сказал, что есть дыра в сапоге? Разве он обязан дать вам сапоги?

Я бы и не придал этому случаю значения, а тут задумался. Ведь правда, чего бы старику врать и стыдиться. Взял бы да сказал прямо: «С какой стати я буду снимать сапоги и отдавать их этому типу, которого я знать не знаю?» Но такое ему и в голову не пришло, а если бы он так сказал, то всех бы удивил. И так он ушел со слегка подмоченной репутацией.

Когда я потом читал в Испании лекции о русской культуре и излагал представление о собственности, я рассказал об этом старике и его сапогах. По лицам я понял, что мне не поверили, и больше использовать этот пример не стал.

* * *

В деревне коров нет, поехал я за молоком на шоссе, в село. Выставляют там перед домом на табуретке трехлитровую банку с листком бумаги — значит, есть молоко. Около ближайшей банки, уже с молоком, сидит парень. Я подошел.

— Почему молоко?

— Двадцать рублей.

Я полез за деньгами. Он вдруг говорит:

— Возьмите за восемнадцать.

Я сунул деньги обратно в карман и спрашиваю:

— Что, старое? Кипятить нельзя?

— Нет, только что подоили.

— Так почему же сбавляешь?

— Мать сказала, если брать не будут, проси восемнадцать. Что-то сегодня плохо берут.

— Так ведь я же и за двадцать брал.

— Ну, как хотите. Я и за восемнадцать отдам.

А еще говорят, что наш народ не созрел для рыночных реформ.

* * *

У меня работали два человека с Волги, приводили в порядок верх дома — зашивали там все досками, делали карниз. Поставили леса и бегали по ним, как по дорожке. Все делали с такой скоростью, что я с ужасом понял, что работой их на две недели никак не обеспечу. А они собрались у меня жить две недели. Если у них была задержка из-за нехватки материала, меня охватывало чувство вины. По мне, жить с лентяями как-то легче, хоть и скуднее. Не совсем с лентяями, а так, в меру.

Это я к тому, что, как оказалось, у меня не хватает листа же-

леза, чтобы покрыть карниз. Бросился я на рынки и базы — нет железа. Дефицит. Наверное, Эстония все закупила. Что делать? Я к соседям — нет ни у кого. Потом Серега, видно, сжалился и кричит:

— Есть один лист! Случайно на чердаке нашел! — И выносит мне лист железа.

Через пару недель подходит и говорит:

— Ты насчет железа не узнавал? Это ведь не мое железо, а Петра. Он у меня хранить оставлял, а теперь просит вернуть. Водостоки, что ли, хочет делать.

— Сергей, завтра специально проеду по магазинам, пока не встречал.

Проехал — нет железа. Ну, думаю, появится. Водостоки пойдут. Проходит еще неделя, снова машет мне Сергей. Я остановил машину.

— Не нашел? Петр такой жлоб оказался, пристал со своим железом — подай ему его лист немедленно. Ты же знаешь Петра.

— Нет, Петра я не знаю, даже не знаю, кто такой. Но железа нет нигде. Слушай, может, он деньгами возьмет? Или я ему лист алюминия куплю, он дороже.

— Да пошел он знаешь куда! Забудь об этом.

Но я не забыл и через неделю вдруг в Москве случайно наткнулся на железо, купил лист. Приезжаю уже в сумерки на участок, кричу Сергея. Он уже увидел у меня на багажнике железо, идет довольный, зятя с собой ведет.

— Вот хорошо, сразу Петру отнесу, пусть подавится... — Сняли лист и скрылись с ним за кустами в темноте.

Назавтра вышел я рано на двор, смотрю: Серега у себя за домом тихонько режет железо. Видно, что-то срочное надо было сделать. И хоть приплел он какого-то Петра, видно, мучила его совесть. Это надо же — вынул долг отдать!

* * *

У меня всегда была мечта — сделать в доме отопление. Котел, батареи. Чтобы спокойно работать дождливой осенью. К тому же появилось в октябре 1993 г. смутное чувство, что полезно иметь теплый дом, куда можно было бы скрыться из вымороженной Москвы. Глупость, конечно. Скорее Москва всю Россию заморозит и разденет. В общем, втемяшилось в голову — сделать отопление. Как известно, ненужные вещи человеку гораздо нужнее, чем нужные. Поэтому я и не пытался звонить к собственному разуму.

Наконец на пятый год дом созрел для такого предприятия, а

я заработал для него денег. Я чертил схемы, в уме расставлял по местам сгоны и бочата. Купил котел, и каким-то образом, которого я до сих пор не могу объяснить, мы с продавцом засунули его в мои старые «Жигули». Он никак не должен был влезть туда, а мы никак не должны были суметь его поднять. Уже из этого было видно, что суждено мне было довести дело до конца.

Котел хороший, для твердого топлива. Зашел один строитель посмотреть:

— Хороший котел, у меня такой дома, в Мордовии. Вот сюда надо ТЭН врезать, топить электричеством.

— Так ведь дорого выйдет.

— Почему дорого? Надо прямо на провода клеммы ставить на зажимах. У вас нетрудно, провода прямо к окну подходят. У меня дома так же. Я только немного дровами подтапливаю, а так все на электричестве.

— А зачем же дровами?

— Что вы, как можно! Обязательно надо, чтобы из трубы дым шел. А не то люди подумают, что я ворую электричество. Как можно!

Общественное мнение на страже морали.

Делать отопление — нужен был мастер. Сосед свел меня с таким. Звали его Коля, работал он на каком-то предприятии сантехником. Я объяснил ему задачу.

— Сделать можно, почему же нельзя. Только я никогда не делал, а ведь надо схему составлять. Ладно, я поищу мастера, и мы с ним сделаем.

Это мне никак не годилось — расплатиться с двумя было невозможно. Я стал соблазнять Колю.

— Зачем вам еще кто-то? Беритесь сами, а я буду подручным. Две трети цены вам, одна треть мне. А схема у меня уже есть, и не одна.

Коля не устоял, переборол свою скромность, и мы сговорились. Стал Коля ко мне по вечерам приезжать, смотреть на котел, на стены, что-то шептать, загибать пальцы. Так неделя за неделей. Чувствую, боится Коля начинать — и сразу стал он мне симпатичен, потому что я сам такой же.

Наконец начали. Схемы мои негодились, Коля все упростил до предела, и, думаю, это был гениальный шаг. Правда, с математикой он оплошал, и у меня после окончания работы осталось такое количество сгонов, муфт и контрагаек, что я после полного прекращения выдачи в России зарплат надеюсь протянуть какое-то время, распродавая эти ценные изделия (или меняя их на пшено, если деньги вообще отменят).

Работал Коля хорошо — медленно и неуклонно. Прежде чем

что-то сделать, подолгу смотрел на то место, куда собирался вцепиться своим ключом. Затягивал гайки и муфты как-то грустно, как будто не хотел сделать им больно. Я слышал рассказы о том, как делали отопление в других домах, и рассказы эти кончались почти рыданием: когда заливали воду, из-под гаек начинало течь. У Коли только в одном месте просочилось несколько капель, он подтянул контрагайку миллиметра на полтора — и все. Хорошо было у него учиться. Он, видимо, мастером себя не считал и свои суждения высказывал как будто сомневаясь. Почему-то от этого они западали в душу.

Часто Коля не приезжал в назначенное время, его посылали на авральные работы. Трижды копал могилы. То тесть у кого-то умер, то двое рабочих сгорели — переливали импортную краску для разметки шоссе, кто-то закурил, краска взорвалась.

— Как же? — спрашиваю. — Наказали кого-нибудь? Ведь надо было объяснить людям. Наверное, к такой взрывчатой краске не привыкли.

— Да нет, замяли дело. Ребята даже оформлены не были, так, подрабатывали. Сейчас не то что в застойные времена. Тогда очень трудно было списать человека. Даже корову было трудно списать, если погибнет. Сразу приезжает следователь — как да почему?

— У вас какое предприятие-то, частное уже?

— Нет, что вы! У нас товарищество. Жаль только, что с ограниченной ответственностью. У нас, говорят, ответственность ограниченная, поэтому мы вам, ребята, зарплату платить не будем.

— Как же не платить? Зачем же вы работаете?

— Нам сказали, что каждому купят новые «Жигули» пятой модели. А если кто хочет доплатить, может брать и «шестерку».

— Когда же купят?

— Сказали, как только дела пойдут на лад.

Ну, думаю, Коля, тебе только в рыночной экономике и жить. Товарищество свое он любил, там с рабочими уважительно разговаривали. Только раз пожаловался, что очень устал, — три года в отпуске не был.

— В этот раз прихожу к бригадиру: «Егорыч, мне бы в отпуск». А он: «Да зачем тебе?» — «Ну как же, отдохнуть-то надо». — «Да зачем тебе?» — «К матери поеду, крышу ей починить обещал, да и картошку уже пора копать». — «Ну ладно, Коля, вот заказ срочный выполним, разметку кончим — и поезжай денька на три». И все равно не пустил. Да еще ночью посылает на шоссе машины караулить. Страшное дело. Подъезжа-

ют и требуют солярку. Кричать? Не докричишься. Берут и сливают. Я уж прошу, чтобы не всю.

— А вы что, шоссе строите?

— Не мы строим, а немцы. От них и главный инженер. Хороший старик, веселый. Пиво любит. Сидит весь день в машине и пьет. «Я, — говорит, — в этом деле мало понимаю, а русские инженеры очень хорошие. Я им не мешаю». На дом себе уже здесь скопил, нам фотографию показывал. Выйду, говорит, на пенсию, буду за городом жить.

— Так что, из всей фирмы один этот старик?

— Нет, еще два техника приезжали, машину для разметки налаживали, краску привезли. То ли немцы, то ли эстонцы. Едят очень много. Вы не поверите, легче собаку прокормить, чем такого человека.

— Ну и товарищество. Вы работаете, а деньги немцы гребут.

— Зато шоссе отремонтировали. А то вот у нас в деревне, где мать у меня, не доезжая Вереи, тоже было товарищество, дорогу взялись строить. Директор у них был ошетинец.

— Кто это ошетинец?

— Национальность такая, с Кавказа. Нет, что я говорю, не ошетинец, а этот... Где недавно война была?

— В Чечне.

— Да, чеченец. Собирайте, говорит, деньги с каждого двора. Мы вам асфальт до деревни дотянем. Деньги собрали, он взял и исчез. Где искать, никто не знает. Вот так бывает, это не застойные времена.

Коля явно полагал, что понятие «застойные времена» означает что-то вроде «золотого века», и часто их поминал. Похоже, он и не подозревал, что эти слова ввели почти как ругательство.

Как-то утром в воскресенье Коля приехал немного вялый. Начал было работать, потом бросил и обратился ко мне.

— Извините, как ваше имя-отчество?

Я ответил, слегка струхнув. К чему бы эта торжественность? Коля действительно встал по стойке смирно.

— Сергей Георгиевич, разрешите опохмелиться. Вчера могилу копал, потом на поминках был, голова болит.

— Ради бога, Коля, но у меня нет ничего.

У меня это вышло виновато, я боялся, что Коля не поверит.

— У меня есть, я привез.

И мы прекрасно провели часок или два. Я достал банку огурцов, у Коли была на закуску шоколадка.

— Не надо, Коля, отвезите детям.

Коля обиделся:

— Неужели вы думаете, что я детям шоколадки не привезу? Я для них ее и покупал. И еще куплю.

Разливая, Коля посчитал нужным объясниться.

— Раньше, в застойные времена, я совсем не пил. Вообще в рот не брал. А как алкогольную кампанию Горбачев начал — помните? — и я в ЛТП попал, так и стал злоупотреблять.

— Как в ЛТП? Почему?

— Я тогда еще в деревне жил. Как кампания началась, с нашей деревни надо было двоих в ЛТП направить. Участковый стал ходить, уговаривать. А вы же знаете, что за народ, у каждого какая-нибудь отговорка. Один сарай достраивает, у другого язва. Участковый ко мне. Ты, говорит, парень молодой, здоровый, поезжай на пару месяцев, и заработаешь неплохо. ЛТП в Дорохове, они там на стекольном заводе подрабатывали, по двадцать пять рублей за ночь. А я тогда мечтал мотоцикл купить. Да и как откажешься. Я и поехал. А ведь в ЛТП, знаете, пить приходится. Люди пьют, неудобно.

Так вот и попал Коля из застойных времен в демократию. И «Жигулей» не дождался. На другой год спросил я у соседа про Колю. Говорит, уволили его. Товариществу такие не нужны. Да и дела у этого товарищества так и не пошли на лад.

* * *

У всякого мало-мальски честного человека, который строит дом, есть навязчивая идея — где-то найти дешевые пиломатериалы. Между соседями ходят легенды: говорят, в Тучкове есть база, очень дешево, надо только найти там какую-то Елену Петровну, она скажет, когда подъехать. Нет, надо ехать в пионерлагерь «Юный моряк», там наладили тайное производство досок и вагонки. И мотаешься все лето по этим тайным точкам, надеешься, а осенью покупаешь на рынке уже дороже, чем в июне.

Но мне и вправду привалила удача. На одном патриотическом собрании случайно разговорился я с каким-то полковником, и он дал мне телефон:

— Попробуйте. Это городок на Волге, военное производство. Но завод у них стоит, и они наладили переработку леса. Люди хорошие.

Позвонил я, люди и вправду хорошие, только попросили уплатить вперед. Встретились мы в скверике с Юрой, отдал я завернутые в газету мои миллионы, стал ждать. Наконец звонят: встречайте. Чудом миновав ночью кордоны ГАИ, перекупши-

ков и рэкетиров, «КамАЗ» привез мне дешевые доски. Правда, не те, что я просил. Юра объяснил просто:

— Сломался у нас станок, только такие были. Ведь лучше, чем ничего. Да это прекрасные доски — смотрите, какие толстые.

Я расстраиваться не стал, мы же не при тоталитаризме живем, когда план — закон. Да и доски впрямь были замечательные, я таких толстых никогда не видел.

Разгрузили, попили чаю, собрались они ехать. Юра говорит:

— Сергей Георгиевич, пропадаем. Возьмите двух человек на пару недель, вам в доме много чего надо делать.

Это был неожиданный и сильный удар. Я ответил слабо:

— Юра, денег нет. Сам понемногу тяну, приятели приезжают. Не смогу я заплатить.

— Заплатите сколько сможете. Вы не представляете, в каком мы положении, завод стоит, нам дают по сто тысяч, а у всех семьи. Вам карнизы надо делать, полы стелить — вы с этими досками сами не управитесь.

Куда было деваться?

— Ладно, пусть приезжают. Наскребу миллион, пусть на него и сделают, не больше, дешевого мне не надо. Потом пусть живут, может, найдут еще какую работу.

Так приехали ко мне Василий Михайлович, мастер цеха, и его напарник помоложе, Коля. Со своими топорами, в заводских робах и кроссовках. Из-под городка Кулебаки Нижегородской области. А я стал поваром. Правда, мои кулинарные потуги пропали зря, потому что ели они очень мало и как-то нехотя. Мы, говорят, привыкли к картошке и молоку, остальное невкусно. После обеда Василий Михайлович обошел дом, осмотрел.

— Ну, Сергей Георгиевич. Дом хороший, по метражу вы попадаете под раскулачивание.

— Как так? Когда же?

— Когда, вся эта ... с демократией закончится.

— Вы оптимист. Но если так, то постарайтесь. Может, под детский сад пойдет.

— Стараться нам не надо, мы и так нормально сделаем. Хорошо не сделаем, это я заранее предупреждаю, а нормально делаем.

Это меня успокоило — зачем мне хорошо? Я же не на продажу дом строю, главное — чтобы крышу ветер не уносил.

— За работу возьмем по миллиону, меньше нельзя.

Я понял, что спорить с Василием Михайловичем неуместно, и даже не заикнулся. Выкручусь.

Эти люди были рабочими особого типа. Может быть, таких

нет нигде, кроме России. Василий Михайлович и Коля работали на авиакосмическом заводе, делали какие-то компоненты из титана и спецсплавов, точная работа. А жили в деревне, вели там свое хозяйство. Странное получилось сочетание.

Распорядок жизни и разговор у них был вроде бы крестьянский. Вставали они с рассветом — и сразу за работу. Работали непрерывно до темноты, за столом не засиживались. Оба были людьми необычно сильными, хотя и худыми.

В то же время у них была необычная для крестьян склонность к точности и хорошему измерению. Мыслили они в миллиметрах, все время у них под рукой были измерительные инструменты. При этом глазомером обладали таким, что никогда бы я не поверил, если бы не видел своими глазами. Работу, которую я бы делал целый час из-за трудности измерения и выпиливания, Коля делал топором за десять минут — и выходило как будто заводского изготовления. Очень большое внимание уделяли заточке инструментов.

Необычным был и способ изъясняться — удивительно точный и понятный, с использованием того, что дало нам образование, — понятий физики и геометрии. У меня была коса, но не было кольца, чтобы ее насадить. Не успел я оглянуться, смотрю — коса насажена. Как? Они взяли большой гвоздь в 20 см, толщиной чуть не в палец, и привязали им косу к древку. Буквально — обернули и завязали узлом.

— Как это вы сделали, как это возможно?

Смеются.

Почему я вспомнил косу? Они немного покосили участок — приятно размяться, трава хорошая. Подошел и я, попросил научить. Василий Михайлович за пять минут изложил главные принципы: ось вращения, все углы и траектории, сдвиг вперед при каждом взмахе, допустимые отклонения, смысл каждого изгиба косы. Все настолько понятно и разумно, что я никого, кроме двух-трех лучших профессоров МГУ и нашего сержанта, помкомвзвода, в один бы ряд с Василием Михайловичем не поставил. Тут была видна огромная школа заводского мастера и строгое мышление. Месяц спустя я наблюдал, как учил косить одного юношу мой сосед-банкир. Человек умный и энергичный, сам из деревни, косит прекрасно. Объясняет — вроде все правильно, но все не то. Выделить главное невозможно, понять смысл того или иного правила — тем более. Какая-то каша в голове.

Много вроде бы мелких замечаний слышал я от этих людей, пока мы были вместе, и как-то спокойнее от них стало. А то ведь совсем на душе было муторно — 1995 год. Не читают они

никаких газет, не смотрят телевизор. Но рассуждают в целом на уровне получше газеты «Правда». Кстати, о своем личном плачевном состоянии ни разу не заикнулись. Что делать, пока не знают, но за всем внимательно наблюдают. И не пожелал бы я Гайдару и Чубайсу попасть к ним в руки, «когда закончится вся эта ... с демократией». А в том, что она закончится, они уверены холодно и спокойно.

Сделали они работу и заторопились домой, на сенокос. Постирали одежду, собрались. Оставался один день, и я предложил поехать куда-нибудь, отдохнуть. Они говорят:

— Свозите нас на Бородинское поле. Всю жизнь слышим, а побывать не довелось.

* * *

По деревне ходят лошади. Когда приезжает автолавка, они подходят сзади и суют головы через плечи покупателей, норовят откусить от буханки. Женщины пугаются, кричат. Лошади отскакивают, у них виноватые морды. А недавно они выглядели очень элегантно, на них выезжали верхом хозяева, в пиджаках, картузах. Рядом бежали роскошные борзые.

Заправлял конюшней и псарней молодой человек. Кончил он Тимирязевскую академию, потом стажировался на фермера, где-то в Голландии — Ельцин послал его, почти как Петр I. Должен был просвещенный фермер накормить Россию. Но оказалось, некогда. Похоже, что в нашей колхозно-буржуазной деревне он стал единственным дворянином. Более того, ему московское дворянство даже присвоило титул баронета. Как раз за лошадей.

Приехав из Голландии, он не стал, как питомцы Петра, применять полученные там навыки, а завел лошадей и собак и организовал для нового высшего общества псовую охоту. Видимо, клиентами были не только дворяне, но и купцы и кое-кто еще — с золотыми цепями на шее. Возродил парень русскую культуру: собаки лают, кто-то трубит в рог. Клиент влезает на лошадь, холуй подносит ему рюмку водки. Красота. И вот поскакали по давно не паханному полю (какие-то «арендаторы» его держат, ждут приватизации). Охота идет на лис. И надо же, из кустов и впрямь выскакивает лиса и мчится через поле, собаки за ней. Охота удалась, клиенты счастливы. Матерого зверя затравили. Баронета за это получить — не слишком расщедрился предводитель дворянства.

Может быть, дослужился бы наш просвещенный фермер и до барона, но дело его пошло на убыль. На звероферме под Рузой, где он брал рыжих лис, дела пошли совсем плохо и лисы кончи-

лись. Да как-то внезапно. С последним клиентом чуть не сорвалась охота, а ведь клиент крутой. Да и не может дворянин слово нарушить. Так что взял баронет песца, и как тот ни визжал и ни просил пошадить его седины, но выкрасили его в рыжий цвет. На этом и пресеклась у нас дворянская струя. Устроился баронет в Москве директором ночного клуба. Что ж, надо и эту сферу облагораживать.

Борзые сначала переловили всех кошек на деревне. А недавно забрела ко мне одна на участок. Смотрю, роется в золе от костра. Оказывается, туда кости выбросили, и она обгорелые кости грызет. Пошел я в дом, намочил хлеба в молоке, поставил в миске. Борзая не идет, ей стыдно. Очень гордая собака. Потом все же подошла, поела. Трудно борзым собакам живется в этот переходный период.

* * *

Пишу сейчас этот очерк, и проходят в памяти по кругу все эти люди. Всех их я назвал своими именами, так они срослись с ними в моей памяти — никак не удавалось придумать другое.

За окном холодная уже ночь, подморозило. Все разъехались, вокруг в лунном свете нагромождение огромных темных силуэтов — недостроенные дома. За ними не видно огоньков деревни. Почти никто не смог вдохнуть в эти дома жизнь, нет детей, иссякли силы. Люди устали и сникли. Перестал приезжать покалеченный Саша — нет больше заказов. Приутих овдовевший Серега, совсем пропал его зять. Даже банкир редко и вяло топтит свою баню. Всех взяла за горло рыночная реформа. Эти люди остались русскими, а хотели встроиться в чужую жизнь. Они даже не поняли, куда их зовут, и не могли знать, что всех их, как племя, ждет на этом пути глубокая яма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга — лишь начало разговора. По мере того как я собирал ее из множества образов нашего советского прошлого, открывались все новые и новые стороны того строя жизни. Закончить рукопись — это как бы заморозить живой рост знания, остановить мгновение. Поставив точку, я уже был в чем-то не согласен с написанным, что-то я уже знал лучше и полнее.

Прочитав предисловие к первой части, некоторые товарищи упрекали меня в том, что я поставил задачу лучше понять советский строй, изучая его *с любовью*. Это, мол, предопределяет необъективность, а значит, и недостоверность. Это неверная мысль. Достоверность определяется не отношением к предмету, а целью исследования. И убийца, ненавидящий свою жертву, и врач, желающий спасти любимого человека, нуждаются в достоверном знании и при должном умении могут его получить.

Строя нашу жизнь по советскому проекту, мы сделали много ошибок — плохо был изучен грунт, под какими-то устоями фундамента оказался плевун, где-то мы не поняли смутный чертеж. Что-то мы сделали неумело, а кто-то и специально подпилывал стропила, отвлекая байками наше внимание. Дом рухнул, хотя основа еще цела и будет использована в восстановлении. Значит, надо достоверно изучить и грунт, и фундамент, и все несущие конструкции. И форточки сделать поудобнее, а то ведь и такие нервные люди среди нас есть и будут, что из-за неудобной форточки готовы дом поджечь.

Поэтому нам нужно достоверное знание, а если и прорвется теплое слово о родном доме, то не так уж это мешает делу. Если забрели мы в болото, имея неверную или непонятную нам карту местности, надо просто получше в этой местности разобраться и составить новую, более достоверную карту. Любовь и к людям, попавшим в болото, и к местности этому не помеха.

Советский социализм, видимо, убит, причем злодейски. Последняя возможность мирно восстановить его основные черты утрачена. Четыре срока антисоветской команды у власти создали слишком много «необратимостей». Выросли новые поколения, не связанные тайными обетами с теми, кто строил и отста-

ивал СССР, молодежь не несет в себе очарования Победы или полета Юрия Гагарина. Жизнь идет вперед, и надо строить, а не реставрировать.

Может быть, в идейном плане выгоднее «наплевать и забыть»? Перевернуть страницу истории и не спорить об ушедших возможностях? Нет, нельзя. Прежде всего, если честно не выплатить духовные долги убитому, его тень схватит нас за горло. Нельзя позволить, чтобы всякая продажная сволочь безответно плевала на могилы наших отцов. Да, сейчас их время и мы не можем помешать глумлению — но мы обязаны объясниться между собой.

В документах левых движений дается такая схема гибели советского строя: в 60—70-е годы плановая система показала свою неспособность ответить на вызов времени, оказалась менее эффективной, чем рыночная, и СССР проиграл состязание с развитыми капиталистическими странами. Разразился кризис, приведший к краху советского социализма. Предательство верхушки и т.д. — отягчающие болезнь обстоятельства. Но теперь, взяв все лучшее из советского проекта, мы пойдем к обновленному социализму, где будем жить богаче, чем в СССР.

То есть в этом вопросе многие авторитетные деятели оппозиции приняли как очевидный факт выводы, сделанные Горбачевым, Яковлевым и более мелкими «демократами». Отсюда — все последующие неувязки, туманности и даже невозможность критиковать противника по сути: он же демонтировал то, что и так потерпело крах. Сейчас, когда схлынул перестроечный и реформаторский угар и мы реально видим, что означает демонтаж советского строя, можно более разумно вернуться к вопросу.

Я думаю, что надо честно сказать людям: так зажиточно жить, как в послесталинское советское время, большинство наших граждан не будут очень долго и, возможно, никогда. Советский строй в целом был уникальной, чудесным образом достигнутой точкой во всем пространстве социально-экономических вариантов жизнеустройства. Сейчас даже трудно объяснить, как нас занесло в эту точку, — настолько маловероятно в нее было пробиться.

Сегодня, видя, насколько слаб, податлив и греховен человек, как легко его соблазнить бусами и побрякушками, мы должны преклониться перед русским народом первой половины XX века. Он самоотверженно, на своих костях построил доброе, спокойное, экономное и щедрое общество. Хозяйство в нем было, в меру своего развития, необычайно, необъяснимо эффективным. Множество сил объединилось, чтобы нас с этой точки столкнуть, и это удалось. Сойдя, мы сразу оказались в глубокой трясине, и нас засасывает все глубже и глубже — по всем показателям, и материальным и духовным. И даже нет гарантии, что

мы вообще выберемся на какую-либо твердую кочку. Ничего же иного, подобного по эффективности советскому укладу, нам не светит. Возможно, для нас другой такой точки и нет.

Это — мое утверждение, к которому я пришел от критического отношения, общего для нашей интеллигенции, в результате интенсивного изучения, в течение пятнадцати лет, множества фактических данных и их философского, экономического и даже богословского толкования — как в России, так и на Западе. Как ни странно, примерно тех же взглядов, что и я, придерживаются люди, которые ничего не читают — ни «Правды», ни «Московского комсомольца». Особенно люди из сел и малых городов России. Эти взгляды у них выработала обыденная трудовая, тяжелая жизнь.

Ко многим левым идеологам я обращался с вопросом: по каким критериям вы обнаружили кризис, а тем более крах советского социализма? Мне отвечали даже с возмущением: да ты что, слепой, сам не видишь? Я честно признавал, что не вижу и прошу объяснить внятно, нормальным языком. Мне говорили: но ведь крах налицо, Запад нас победил. Да, но ведь это разные вещи. Разве убийца всегда прав?

Бывает, что красавцу-парню, здоровяку какой-то хилый сифилитик воткнет под лопатку нож и парень падает замертво. Можно ли сказать: его организм потерпел крах, видимо, был в маразме? Сказать-то можно, но это будет глупость. Из этого еще не следует, что наш строй был здоровяком, но следует, что факт убийства о здоровье убитого ничего не говорит.

Казалось бы, вопрос об эффективности советской экономики сейчас абсолютно ясен после того, как мы повидали в России экономику Гайдара — Черномырдина — Касьянова. Поначалу еще можно было подозревать их в каких-то злодейских замыслах, но сегодня-то видно, что лучше они в принципе сделать на могут. Дальше у них будет только хуже. Ликвидация плановой системы в СССР, кем бы она ни была проведена, привела бы именно к этому результату — немного хуже, немного лучше в мелочах. Разрушение советской системы быстро и необратимо убивает науку, технологию и образование. РФ утрачивает облик цивилизованной страны, а значит, понятие экономической эффективности вообще теряет смысл. Огромные массы людей уже просто заняты поиском пропитания — образно говоря, заняты собирательством съедобных кореньев.

Самый главный, обобщающий и абсолютный результат того, что произошло с Россией в результате убийства советского строя, — это вымирание народа. Это видно из динамики рождений и смертей (рис. 21).

Если же думать о будущем, то из всего, что сделали с Россией, я бы выделил две взаимосвязанные вещи. Они коснулись

всех, действие их носит «молекулярный» характер, они порождают множество связанных в цепь порочных кругов, так что любой шаг сопряжен с огромной неопределенностью и ведет к увеличению страданий. В результате воля людей парализована. Эти две вещи — глубокое разрушение «универсума символов» и создание у людей системы потребностей, несовместимых с жизнью страны и народа.

Мы не стали западным обществом рациональных индивидов, без сонма наших священных символов и сокровенных смыслов мы хиреем. Мы и не сможем в большинстве своем переползти в западное общество, разеваем рот, как рыба на песке, — дышать нечем. Традиционное общество с разрушенным миром символов и властью, утратившей авторитет, — общество тяжело больное. Об этом говорилось в книге, и в заключении я подчеркну тяжесть второго удара.

Последние десять лет мы были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы *потребностей*. Как писал Маркс: «Потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки». С помощью экономических рычагов, средствами культуры и идеологического воздействия массу людей побудили отказаться от двух главных устоев советского жизнеустройства — *нестяжательства и непритязательности*. Этот отказ частичен, он не глубок и не осознан — но под его прикрытием идет разрушение всего здания нашей культуры.

Создание сильнейшего стресса (почти поголовное обеднение) в совокупности с мощной атакой СМИ привело к тому, что массовое сознание населения России расщеплено. Говорят даже об «искусственной шизофренизации» населения. Люди не могут сосредоточиться на простом вопросе — *чего они хотят?* Их запросы включают в себя взаимоисключающие вещи. В условиях обеднения усилились уравнилельные архетипы, и люди хотели бы иметь солидарное общество — но так, чтобы самим лично прорваться в узкий слой победителей в конкурентной борьбе. И при этом, если удастся, не быть хищниками, а уважать себя как добрых патриотов.

Это — не какая-то особенная болезнь России, хотя нигде она не создавалась с помощью такой мощной технологии. Начиная с середины XX века потребности стали интенсивно «экспортироваться» Западом в незападные страны. Разные страны по-разному и в разной степени закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. Сильнейшим барьером, защищавшим местную («реалистичную») систему потребностей, были сословные и

кастовые рамки культуры. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг, — он до этого ходил в лаптях и играл на самодельной балалайке. Так же в середине XX века было защищено население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты — у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности «окопного быта».

При ослаблении этих защит ниже определенного порога происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в эпицентрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие общества, утратившие свой культурный железный занавес, можно «сравнить с *идолопоклонником*, чахнувшим от болезней христианства».

Этот процесс протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше защиты и мы стали в общем «сытым» обществом. Культурные и психологические защиты были обрушены обвально в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении средств для их удовлетворения. Это породило массовое шизофреническое сознание и быстрый регресс хозяйства — с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шаек.

Когда идеологи и «технологи» планировали и проводили эту акцию, они преследовали, конечно, конкретные политические цели — в соответствии с заказом. Но удар по здоровью страны нанесен несопоставимый с конъюнктурной задачей — создан порочный круг угасания народа. Система потребностей даже при условии ее более или менее продолжительной изоляции обладает инерцией и воспроизводится, причем, возможно, во все более уродливой форме. Поэтому даже если бы удалось каким-то образом вновь поставить эффективные барьеры против «экспорта образов», какой-то новый железный занавес, внутреннее противоречие не было бы решено. Ни само по себе экономическое «закрытие» России, ни появление анклавов общинного строя в ходе нынешней ее архаизации не подрывают воспроизводства «потребностей идолопоклонника». Таким образом, перед нами возникла реальная опасность «зацахнуть» едва ли не в подавляющем большинстве.

В середине 90-х годов теплилась надежда на то, что биологи-

ческие инстинкты (самосохранения и продолжения рода) поставят достаточно надежный заслон, чтобы преодолеть воздействие нагнетаемых с помощью идеологических СМИ потребностей. Время показало, что эти надежды тщетны, — инстинкты без соединения с культурными защитами слишком слабы, чтобы справиться с современной технологией превращения людей в толпу.

Мы затягиваемся в новую «экзистенциальную» ловушку — как и перед революцией начала XX века. Вспомним, как она складывалась в тот период. До начала XX века почти 90% населения России жили с уравнильным крестьянским мироощущением («архаический аграрный коммунизм»), укрепленным православием (или уравнильным же исламом). Благодаря этому нашей культуре было чуждо *мальтузианство*, так что всякому рождавшемуся было гарантировано *право на жизнь*. Даже при том низком уровне производительных сил, который был обусловлен исторически и географически, ресурсов хватало для жизни растущему населению. И было можно выделять для сравнительно небольшой элиты достаточно средств для развития культуры и науки — создавать потенциал модернизации. Это не вызывало социальной злобы вследствие сильных сословных рамок, так что крестьяне не претендовали на то, чтобы «жить как баре».

В начале XX века, под воздействием импортированного зрелого капитализма, это устройство стало разваливаться, но тот кризис был разрешен через революцию. Она сделала уклад жизни более уравнильным, но в то же время производительным. Жизнь улучшалась, но поддерживался баланс между ресурсами и потребностями — благодаря сохранению инерции «коммунизма» и наличию психологических и идеологических защит против неадекватных потребностей. На этом этапе так же, как раньше, в культуре не было мальтузианства и стремления к конкуренции, так что население росло и осваивало территорию.

После 60-х годов произошла быстрая урбанизация, и большинство населения обрело тип жизни «среднего класса». В массовом сознании стал происходить сдвиг от советского коммунизма («архаического крестьянского») к западной социал-демократии, а потом и либерализму. В культуре интеллигенции возник компонент социал-дарвинизма и соблазн выиграть в конкуренции — идея борьбы за существование и подавления «слабых». Ведь жить «как на Западе» можно было, только создав внутри страны свой «третий мир». Из интеллигенции социал-дарвинизм стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь (например, в виде права на труд и на жилье) стало ставиться под сомнение — сначала неявно, а потом все более громко. Поло-

жение изменилось кардинально в конце 80-х годов, когда это отрицание стало основой официальной идеологии.

Одновременное снятие норм официального коммунизма и исыскание коммунизма архаического (при угасании влияния православия) изменило общество так, что сегодня, под ударами реформы, оно впало в демографический кризис, обусловленный не только и не столько социальными причинами, сколько мировоззренческими. Еще немного — и новое население России ни по количеству, ни по качеству (типу сознания и мотивации) уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Молодежь не желает, да и по состоянию здоровья не может ни строить новую Братскую ГЭС, ни служить в армии. Такое население начнет стягиваться к «центрам комфорта», так что весь облик страны будет быстро меняться.

Таким образом, опыт последних десяти лет заставляет нас сформулировать тяжелую гипотезу: русские могли быть большим народом и населять Евразию с одновременным поддержанием высокого уровня культуры и высоким темпом развития только в двух вариантах: при комбинации православия с аграрным коммунизмом и феодально-общинным строем — или при комбинации официального коммунизма с большевизмом и советским строем. При капитализме, хоть либеральном, хоть криминальном, они стянутся в небольшой народ Восточной Европы с утратой статуса державы и высокой культуры.

Выработать новый проект солидарного общества с полноценным универсумом символов — трудная задача, но без этого нас ждет угасание. Для решения этой задачи нам и надо восстановить в памяти и понять проект и реальность советского строя.

ЛИТЕРАТУРА, ПОЛЕЗНАЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ О СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

- В. И. Ленин.** Развитие капитализма в России. Соч. 5-е изд. Т. 3.
- К. Маркс.** Капитал. Т. 1. Соч. 2-е изд. Т. 25.
- К. Маркс.** Экономические рукописи 1857—1859 годов. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II.
- Т. Гоббс.** Избр. произв. М., 1965, т. 1.
- М. Вебер.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Ф. Бродель.** Структуры повседневности. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV — XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
- В. В. Крылов.** Теория формаций. М.: Восточная литература, 1997.
- Н. Макашева.** Этические принципы экономической теории. М.: ИНИОН, 1993.
- И. Пригожин, И. Стенгерс.** Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Д. А. Тарасюк.** Поземельная собственность пореформенной России. М.: Наука, 1981.
- В. Т. Рязанов.** Экономическое развитие России. XIX — XX вв. СПб.: Наука, 1998.
- А. П. Паршев.** Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост, 2000.
- А. Н. Энгельгардт.** Из деревни. 12 писем. 1872—1887. СПб.: Наука, 1999.
- Л. В. Милов.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
- Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. (Сост. **Т. Шанин**). М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Т. Шанин.** Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997.
- А. В. Чаянов.** Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
- Экономическое развитие России. Выпуск второй: Эпоха финансового капитала. (Сост. **Н. Ваняг** и **С. Томсинский**). М.: Государственное издательство, 1928.
- В. С. Дякин.** Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л.: Наука, 1978.
- С. В. Тютюкин.** Июльский политический кризис 1906 г. в России. М.: Наука, 1991.
- И. В. Островский.** П. А. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992.

- Б. И. Николаевский.** История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991.
- В. Кожин.** Россия: век XX. 1901—1939. М.: Алгоритм — Крымский мост, 1999.
- Н. А. Бердяев.** Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- М. М. Пришвин.** Дневники. М.: Московский рабочий, 1995—1999.
- Н. Н. Суханов.** Записки о революции. М., 1991—1992.
- В. И. Миллер.** Осторожно: история! М., 1997.
- О. Н. Знаменский.** Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1988.
- История государства и права России. Учебник. М.: Былина, 1998.
- Т. П. Коржихина.** Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1995.
- Э. Карр.** История Советской России. М.: Прогресс, 1990.
- Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917—1920 гг. М.: Политиздат. 1954.
- В. В. Шульгин.** Опыт Ленина. — Наш современник, 1997, № 11.
- В. Аллилуев.** Хроника одной семьи. М.: Молодая гвардия, 1995.
- В. Кожин.** Россия: век XX. 1939—1964. М.: Алгоритм, 2001.

ПОЛЕЗНЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИЗДАНИЯ (ВЕРОЯТНО, НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ЕСТЬ И НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

- Fogel R., Engerman S.** Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. N.Y., 1974.
- Lorenz K.** La acciön de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza, 1988.
- Amin S.** El eurocentrismo: Critica de una ideologna. Mexico: Siglo XXI Eds., 1989.
- Levi-Strauss C.** Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico: Siglo XXI Eds., 1990.
- Sahlins M.** Uso y abuso de la biologia. Madrid: Siglo XXI Eds., 1990.
- Fromm E.** Anatomia de la destructividad humana. Siglo XXI Eds. Madrid, 1987.

РАБОТЫ АВТОРА, В КОТОРЫХ НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНЫ ПОДРОБНЕЕ, ЧЕМ В ДАННОЙ КНИГЕ

- С. Кара-Мурза.** Евроцентризм как скрытая идеология перестройки. М.: СИМС, 1996.
- С. Кара-Мурза.** Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

- С. Кара-Мурза.** Научная картина мира, экономика и экология. М., 1996.
- С. Кара-Мурза.** Интеллигенция на пепелище России. М.: Былина, 1997.
- С. Кара-Мурза.** Опять вопросы вождям. Киев: Ориане, 1998.
- С. Кара-Мурза.** Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.: Алгоритм, 2001.
- С. Кара-Мурза.** Истмат: проблема Восток — Запад. М.: Алгоритм, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (до перестройки 1985—1991 гг.)

- Глава 1.* ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД 5
- Глава 2.* РЕФОРМЫ Н. С. ХРУЩЕВА 31
- Глава 3.* СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ: ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКИЙ
СТРОЙ 99
- Глава 4.* ПЕРИОД СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ («ЭПОХА
ЗАСТОЯ») 130
- Глава 5.* СОВЕТСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ШКОЛА: ЧТО ЛОМАЮТ
· В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА? 137
- Глава 6.* ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: СОВЕТСКИЙ
ЧЕЛОВЕК НА КУБЕ 163

Часть II. СОЗРЕВАНИЕ КРИЗИСА СОВЕТСКОГО СТРОЯ

- Глава 1.* УРБАНИЗАЦИЯ И ГОЛОД НА ОБРАЗЫ:
ОБЕЗДОЛЕННЫЕ В СССР 210
- Глава 2.* ДИССИДЕНТЫ — СОВЕТСКАЯ «ЗАКВАСКА»
АНТИСОВЕТСКОГО ПРОЕКТА 234
- Глава 3.* «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» И ИДЕЙНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ
СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 250
- Глава 4.* УРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП И СОВЕТСКАЯ
УРАВНИЛОВКА 269
- Глава 5.* СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД
ПЕРЕСТРОЙКИ (1985—1991 гг.) 298
- Глава 6.* РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
ХОЗЯЙСТВА 308

<i>Глава 7. ЗАПАДНЫЕ ЛЕВЫЕ И КРАХ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА</i>	324
<i>Глава 8. ОТ КАМПАНИИ ПРОТИВ «ПОВОРОТА РЕК» — К РАСЧЛЕНЕНИЮ СССР</i>	339
<i>Глава 9. ПОДРЫВ ЛЕГИТИМНОСТИ СОВЕТСКОГО СТРОЯ: АНТИКОЛХОЗНАЯ КАМПАНИЯ</i>	367
Часть III. АНТИСОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ	
<i>Глава 1. СОЗРЕВАНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО СОЗНАНИЯ</i>	443
<i>Глава 2. РОДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИСОВЕТСКОГО МЫШЛЕНИЯ</i>	489
<i>Глава 3. ГЛАВНЫЕ ОБЪЕКТЫ АТАКИ В АНТИСОВЕТСКОМ ПРОЕКТЕ</i>	573
<i>Глава 4. ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ</i>	650
<i>Глава 5. ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ: ДАЛЕКОВАТО ОТ МОСКВЫ</i>	724
<i>Заключение</i>	756
ЛИТЕРАТУРА, ПОЛЕЗНАЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ О СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	763
ПОЛЕЗНЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИЗДАНИЯ	764
РАБОТЫ АВТОРА, В КОТОРЫХ НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНЫ ПОДРОБНЕЕ, ЧЕМ В ДАННОЙ КНИГЕ	764

Кара-Мурза Сергей Георгиевич
СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ОТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ответственный редактор *А. Корина*
Редактор *П. Ульянов*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректоры *М. Колесникова, Н. Митрофанова*

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «ЭКСМО»
обращаться в рекламное агентство «ЭКСМО». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg1@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)
ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладожской». Тел.: 267-03-01(02)
Москва, ул. Ладожская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

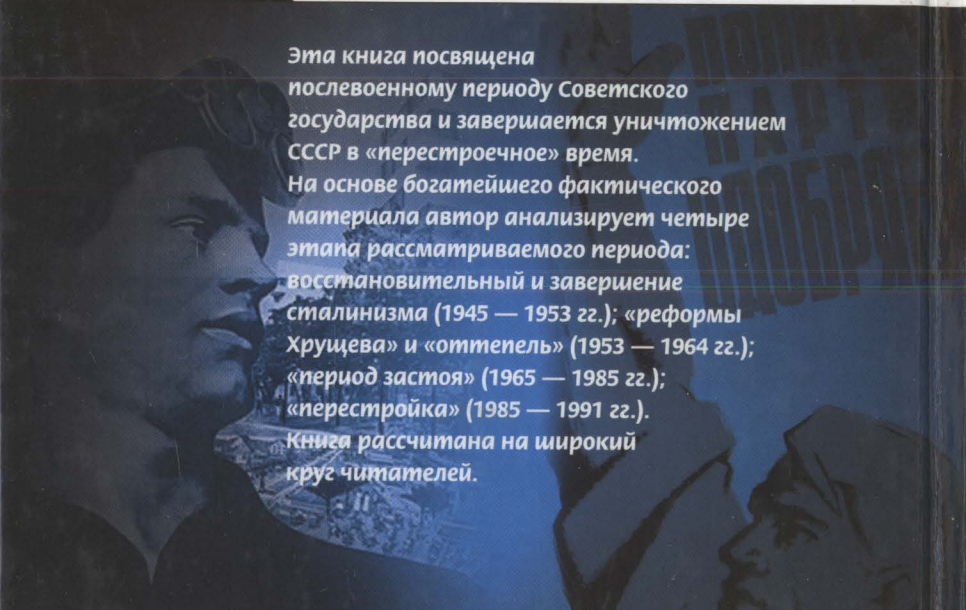
Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.04.2002.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. газ. Усл. печ. л. 40,3. Уч.-изд. л. 52,7.
Тираж 6000 экз. Заказ 3335.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Эта книга посвящена
послевоенному периоду Советского
государства и завершается уничтожением
СССР в «перестроечное» время.

На основе богатейшего фактического
материала автор анализирует четыре
этапа рассматриваемого периода:
восстановительный и завершение
сталинизма (1945 — 1953 гг.); «реформы
Хрущева» и «оттепель» (1953 — 1964 гг.);
«период застоя» (1965 — 1985 гг.);
«перестройка» (1985 — 1991 гг.).
Книга рассчитана на широкий
круг читателей.

ISBN 5-04-009983-5

9 785040 099832 >